

Никита Сергеевич Хрущев.

Воспоминания (книга 1)

Книга 1

Часть I

**Москва, Информационно-издательская компания
"Московские Новости", 1999**

OCR: Проект "Общий Текст" ("TextShare"),

ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ВЛАСТЬ.

(ВОСПОМИНАНИЯ)

В 4 книгах

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

Часть I. Начало пути

Немного о себе

XIV партконференция

Несколько слов о НЭПе

XV съезд партии

Переезд в Харьков

Переезд в Киев

В Промакадемии

Личное знакомство со Сталиным

Московские будни

Убийство Кирова

Некоторые последствия убийства Кирова

Снова на Украине

Украина -- Москва (перекрестки 30-х годов)

Вторая мировая война приближается

Начало второй мировой войны

Дела предвоенные

ПРОЛОГ

Ко мне давно обращаются мои товарищи и спрашивают (и не только

спрашивают, но и рекомендуют) собираюсь ли я писать свои воспоминания,

потому что я и вообще мое поколение жили в очень интересное время:

революция. Гражданская война и все, что связано с переходом от капитализма к

социализму, развитием и укреплением социализма. Это целая эпоха. Мне выпало

на долю принимать активное участие в политической борьбе с первых дней моего

вступления в партию. Я все время занимал какие-то выборные должности. Войны,

Гражданская и Отечественная, внутренние события широко освещены в печати. Но

есть и "белые пятна", которые многим непонятны. Да и мне они были долгое

время непонятными. После смерти Сталина, когда мы получили возможность

приобщиться к тем архивным материалам, которые нам были неизвестны, многое

предстало в ином свете. Раньше было только слепое доверие, которое мы питали

к Сталину, и поэтому все, что делалось под его руководством, освещалось как

необходимое и единственно правильное. Когда же мы сами начали несколько

критически мыслить, то стали проверять факты, насколько это возможно, по

архивным данным.

Многие люди, которые со мной встречаются, спрашивают, пишу ли я свои

воспоминания о периоде, в котором я живу. Все мне доказывают, да я и сам

понимаю, что это очень ответственный и важный период истории, и поэтому люди

хотели бы знать о нем от человека, непосредственно жившего в это время и

занимавшего высокое положение, которое выпало на мою долю. Я хотел бы, чтобы

будущее поколение получило возможность самому оценивать явления, которые

протекали в период, в который я жил. Этот период очень ответственен и велик

величием дел, которые совершались партией по перестройке промышленности,

сельского хозяйства, культуры и управления государством. Одновременно с этим

много было сделано такого, что мешало нашему развитию, и если бы это не было

допущено, то достижения были бы еще более грандиозными.

Я понимаю заботу моих товарищей, настоятельно рекомендовавших мне

взяться за перо. Пройдет время, и буквально каждое слово людей, живших в

наше время, станет "на вес золота". Тем более тех людей, кому

выпала доля

близко стоять у руля, который направлял весь огромный корабль на перестройку

общественно-политической жизни нашей страны и тем самым оказывал огромное

влияние на мировое развитие. Однако я должен буду работать, не пользуясь

фактически архивным материалом. Это слишком сложно, да и в моем положении

сейчас, вероятно, невозможно.

Я хочу быть очень правдивым и буду ссылаться на факты так, чтобы

будущее поколение (а я пишу для него) могло их проверить. Я буду указывать

источники, к которым надо прибегнуть, чтобы более детально узнать, проверить

и понять факты. По вопросам, которые я считаю особенно интересными для

будущего поколения, факты были записаны протокольно. С ними можно будет

детально ознакомиться. Сейчас эти архивные материалы недоступны, но они

станут достоянием всех. Да и сейчас я считаю, что большинство материалов не

являются закрытыми.

Я хотел бы высказать свое мнение по ряду вопросов, зная по опыту, как

будущее наше поколение будет охотиться за каждым словом об этом важнейшем и

ответственнейшем периоде, в котором мы жили, творили и создали мощное

государство. Это делалось нашими усилиями, усилиями народа, партии и

руководителей того времени, которые были организаторами масс. Мне повезло: я

тоже был в их числе, в разное время и на разных этапах, от самого маленького

звена нашей партии -- первичной партийной организации и вплоть до высшего

руководящего органа -- ЦК партии, его Политбюро и Президиума, постов

Председателя Совета Министров и первого секретаря Центрального Комитета. Мне

приходилось присутствовать при решении многих вопросов, быть участником

претворения в жизнь принятых решений, участником событий этого

ответственного периода. Считаю поэтому своим долгом высказать свое мнение.

Заранее знаю, что нет такого мнения, которое бы всех удовлетворяло, да

я и не преследую этой цели. Но хотел бы, чтобы среди тех мнений, которые

будут в той или иной форме записаны и останутся как наследство для будущих

поколений, и мое мнение было известно. Такие мнения были по отдельным

вопросам и общими, и разными. Это естественно. Ничего противоречивого тут

нет. Да, собственно, так и в дальнейшем будет. Истина рождается в спорах.

Даже в одной партии, стоящей на одной, принципиальной марксистско-ленинской

позиции, у людей могут быть разные понимания, разные оттенки при решении

того или другого вопроса. Живя во время, которое требует гибкого подхода к

решению тех или иных вопросов, я знаю, что возникнут разные точки зрения и,

возможно, даже противоположные, но это меня не смущает.

Я полагаюсь на тех людей, которые будут как бы судьями. Судить же будет

народ, который станет знакомиться с этими материалами и делать свои выводы.

Не думаю, что то, что я скажу, -- обязательно истина. Нет, истину будет

находить каждый, сопоставляя разные точки зрения по тому или другому вопросу

в то или другое время. Только этого я и хочу. Глуп тот, кто хотел бы все

подстричь под одну гребенку, а все, что не подходит под нее, все это

объявить ересью, глупостью, а может быть, даже преступлением. Пусть судит

сама история, пусть судит народ.

Поэтому заранее прошу извинить за то неправильное, что читатель может

найти в моих записях. Это моя точка зрения, я так сейчас

смотрю, так

понимаю, так и пишу. Не хочу приспособливаться и поэтому не хочу умалчивать,

не хочу замазывать, не хочу приглаживать, не хочу лакировать нашу

действительность. Она не требует этой лакировки, потому что она сама по себе

грандиозна. Ведь мне посчастливилось жить в такое переломное время, когда

старый, сложившийся уклад жизни на буржуазно-помещичьей основе мы сломали,

сбросили его и строим новую жизнь на основе новых и теории, и практики.

Теория без практики -- это мертвая теория. Нам пришлось на основе самой

прогрессивной, марксистско-ленинской теории прокладывать путь практике. Это

очень сложно, поэтому тот период не исключает ошибок и промахов, вольных или

невольных. Как говорится, да простят нас потомки, учитывая, что это был

первый опыт. Поэтому он единственный, а уж второй -- какое-то его

повторение. Пусть и судят нас с учетом условий, в которых мы жили и творили.

Мы поработали и только потом начали заниматься воспоминаниями, чтобы не

упустить того хорошего, что в нашей истории создано нами, партией, рабочим

классом и трудовым крестьянством, и не повторить тех ошибок и, я бы сказал,

преступлений, которые были совершены якобы во имя партии и якобы для партии.

Сейчас ясно, что это было злоупотребление властью. Причина происхождения

этого злоупотребления освещалась в докладах на XX съезде партии и повторно в

какой-то степени на XXII съезде партии. Я считаю, что все, что было по этому

поводу сказано, было правильным. Я и сейчас стою на этих же позициях и

именно с них буду рассказывать об ответственном времени кануна Великой

Отечественной войны и военного периода и потом последовательно стану

излагать ход событий, насколько у меня хватит сил, так, как я его видел,

понимал и оцениваю сейчас.

С чего же начать? Думаю, что надо начинать с фигуры Сталина. Почему?

Потом, дальше (если мне удастся довести дело до конца) это будет ясно. А

если тут же дать в какой-то степени объяснение, то можно сказать, что до

смерти Сталина мы считали, что все, что делалось при его жизни, было

безупречно правильным и единственно возможным для того, чтобы выжила

революция, чтобы она укрепилась и развивалась. Правда, в последний период

жизни Сталина, до XIX съезда партии и особенно сразу же после него, у нас,

людей из его близкого окружения (имею в виду себя, Булганина, Маленкова и в

какой-то мере Берию), зародились уже какие-то сомнения. Проверить их мы

тогда не имели возможности. Только после смерти Сталина, и то не сразу, у

нас хватило партийного и гражданского мужества открыть занавес и заглянуть

за кулисы истории. Тогда я и узнал некоторые факты, которые хочу осветить.

*** Часть 1. НАЧАЛО ПУТИ ***

НЕМНОГО О СЕБЕ

В детстве я сначала жил в деревне и полюбил крестьянский быт. Но в

основном детские годы я провел на рудниках с отцом, который работал на

угольных копах. Особенно в моей памяти сохранилась его работа на шахте

Успенской, в четырех верстах южнее Юзовки¹. Сам я трудился в юности на

машиностроительном заводе, потом на руднике, потом служил в Красной Армии.

В нашей деревне Калиновка, Курской губернии, хозяйства были небольшими,

скорее маленькими. У крестьян не было техники, только соха и плужок. Правда,

соха встречалась уже редко. Одноконный плужок был рассчитан на слабую

крестьянскую лошадь. Плуг, позволяющий пахать глубоко, крестьянская лошадь

не потянула бы. Как правило, крестьянин пахал землю плужком в упряжке одной

лошадью, в одну лошадиную силу. Минеральных удобрений совсем не было, даже

понятия о них не имели.

На моей родине главным образом производились пшеница на продажу и овес

для соседнего конного завода. Там был прекрасный конный завод. Хозяйство

велось на очень высоком уровне, хотя тракторов у помещиков в то время не

было. Пахали глубоко, навоза вносили много. Видимо, у них имелся

селекционный семенной материал, хороший, отборный, поэтому урожай получали

по тому времени для крестьянина совершенно невыносимый:
30 - 35 центнеров

пшеницы с десятины.

В 1908 году отец и мать нанялись в богатое имение помещика Васильченко.

Я уже был подростком, мне исполнилось четырнадцать лет, и я там работал на

пахоте погонщиком волов. Труд для моего возраста был тяжелым, надо было

поднимать ярмо, запрягая волов в плуг. Это входило в обязанность погонщика,

а не плугаря.

Затем началась работа на шахте и заводах, забастовки, революция,

Гражданская война. Обо всем этом я не буду рассказывать, может быть, лишь

упомяну кое-где по ходу повествования. В начале 1922 года я из Красной Армии

вернулся в Донбасс и по партийной мобилизации выезжал в село, на проведение

посевной кампании. Я ездил в марьинские села, раньше там жили богато, а в

голод после 1921 года люди умирали, были даже случаи людоедства. Вся наша

работа заключалась в том, что мы собирали крестьян и призывали их сеять

хорошо и вовремя, а еще лучше -- провести сверххранний сев. То, что мы

говорили, сами очень плохо понимали. Речь моя была довольно

примитивной, как

и речи других товарищей. Я ведь никогда по-настоящему не занимался сельским

хозяйством, и все мои познания основывались на том, что я видел в детстве у

своего дедушки в Курской губернии.

В том же 1922 году я пошел учиться на рабфак, проучился три года.

Секретарем уездного комитета партии у нас был Завенягин². Когда я кончал

рабфак, то секретарем окружкома (тогда от уездов перешли к округам) стал уже

Моисеенко³.

После окончания рабфака в 1925 году мне не дали возможности поступить в

высшее учебное заведение. Я хотел учиться, получить специальность. Имея

склонность к инженерным вопросам, я мечтал поступить на факультет

машиностроения. Как слесарь я любил свою техническую профессию, любил

машины, но в Юзовке мне сказали:

-- Нет! Надо идти на партийную работу, потому что это сейчас главное.

Так я стал секретарем партийного комитета в Петрово-Марьинском уезде,

смешанном по профилю. Это выражалось в том, что собственно Марьинский уезд

был сельскохозяйственным, а угольные копи назывались

Петровскими рудниками

**(бывшие Карповские), в честь Григория Ивановича
Петровского⁴, который, еще**

**будучи депутатом IV Государственной думы, как-то приезжал
туда. Я не могу**

**сказать, выступал ли он, но к выступлению готовился. Меня
пригласили на это**

**собрание рабочих, которое созывалось нелегально. Потом
его отменили.**

**Подробностей я не знаю, поскольку не входил в число
организаторов. Мне**

**просто сказали, что полиция пронюхала о месте собрания, и
Григорий Иванович**

**сообщил, что раз так, то оно не состоится. Я уже шел к месту
сбора, а там**

**специально выставленные люди предупреждали, что собрания
не будет. Приехал**

**же туда Петровский потому, что был избран в Думу от
Екатеринославской**

губернии, в состав которой входили эти рудники.

**Когда я принял дела первого секретаря укома партии, мне
пришлось**

**заниматься всем, включая сельское хозяйство. Уком
располагался в поселке на**

**шахте Трудовская No 5. Она и сейчас действует. Тогда это
была маленькая**

**шахта с поселком, расположенным в степи, рядом с большим и
богатым селом**

Марьянка. Неподалеку находилось село Григорьевка, а еще

ближе к рудникам --

**большое село Кременная. Назвался груздем -- полезай в кузов!
Раз избрали**

**секретарем укома, я должен был давать универсальные
руководящие указания.**

**Так я стал человеком, облеченным ответственностью и за
состояние сельского**

**хозяйства в уезде, и за добычу угля рудниками, и за
деятельность**

**Красногоровского завода керамических изделий. В Донбассе
это был тогда**

**единственный завод, вырабатывавший огнеупорный кирпич
для облицовки доменных**

**и мартеновских печей. Мои функции заключались не в
обеспечении производства**

**сельскохозяйственных продуктов, а в выколачивании этих
продуктов из**

крестьянских дворов.

**В 1926 году на партийной окружной конференции меня
избрали заведующим**

**орготделом Окружного партийного комитета.
Организационная структура была**

**такой: заведующий орготделом являлся заместителем
первого секретаря.**

**Единственным секретарем в окружке был тогда Моисеенко.
Позже мы с ним**

**разошлись, не сработались. Он трагически кончил свою
жизнь, будучи**

расстрелян в результате произвола 30-х годов. Я убежден, что он

был честным

человеком. В окружке мы тоже занимались сельским хозяйством. Оно тогда

поднималось как на дрожжах. Стимулятором послужила ленинская политика нэпа,

ставшая двигателем частной инициативы. В результате сельское хозяйство

быстро восстановилось до дореволюционного уровня, а кое в чем его превзошло.

Продуктов в 1925 г. у нас было сколько угодно и по дешевке. После 1922 г. с

его голодом и людоедством теперь настало изобилие продуктов. Сельское

хозяйство поднималось прямо на глазах. Это было просто чудо. В селе Марьинка

в начале весенней кампании 1922 года я проводил собрания и видел, в каком

состоянии находились тогда крестьяне. Они буквально шатались от ветра, не

приходили, а приползали на собрания. Когда же я приехал туда секретарем

укома, их было трудно узнать. Просто чудо, как поднялись люди.

Зажиточным людям дали возможность применять наемную силу. Кулаки этим

воспользовались, они получили в аренду сельскохозяйственные предприятия,

мельницы.

Одним словом, была предоставлена довольно широкая инициатива

экономического порядка, и сельское хозяйство очень

быстро восстановилось, оно полностью обеспечивало все потребности

рынка. Главная наша задача теперь заключалась в соревновании с частником.

Надо было обеспечить Марьинский кооператив продуктами и добиться того, чтобы

он лучше обслуживал население, больше продавал.

1 ЮЗОВКА -- название, которое носил этот город до 1924 года. В

1924-1961 гг. назывался Сталине, потом --Донецк. Упомянутые ниже в тексте

уезды охватывали в основном западную часть Донбасса. В составе этих районных

организаций РКП(б) преобладали горняки и шахтеры, хотя имелось также немало

металлистов. Шахты Петрово-Марьинского уезда находились преимущественно в

бассейне реки Волчья.

2 ЗАВЕНЯГИН А.П. (1901-1956) -- член КПСС с 1917 г., директор

Магнитогорского металлургического комбината, с 1933 г. первый заместитель

наркома тяжелой промышленности, с 1938 г. начальник строительства и директор

Норильского горно-металлургического комбината, в 1941-1950 гг. заместитель

наркома (министра) внутренних дел, с 1953 г. заместитель министра и с 1955

**г. министр среднего машиностроения, одновременно
заместитель Председателя**

Совета Министров СССР.

**3 МОИСЕЕНКО К.В. -- член РСДРП с 1917 года. Один из
ответственных**

партработников на Украине.

**4 ПЕТРОВСКИЙ Г.И. (1878-1958) -- ремесленник, участник
революционного**

**движения с 1897 г., член РСДРП с 1898 г., депутат IV
Государственной думы. С**

**1917 г. нарком внутренних дел Советской России, в 1919 г.
председатель**

**Всеукраинского ревкома, в 1919-1938 гг. председатель
Всеукраинского ЦИК, с**

**1922 г. один из председателей ЦИК СССР, член ЦК партии в
1921-1939 гг. и**

**кандидат в члены Политбюро ЦК партии в 1926-1939 годах. В
1937-1946 гг.**

**депутат Верховного Совета СССР, с 1940 г. зам. директора
Музея революции**

СССР. Позднее пенсионер.

XIV ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ

**В апреле 1925 г. открылась XIV партийная конференция.
Меня избрали на**

нее от Юзовской парторганизации. Во главе ее стоял Моисеенко

("Костян", как

мы его называли), о котором я уже упоминал. Это был студент, не окончивший

медицинского института, прекрасный оратор и хороший организатор. Его отличал

сильный мелкобуржуазный налет, а его связи и окружение были чуть ли не

нэпманскими. Поэтому мы его выставили потом из секретарей. Это скандальное

дело дошло до ЦК КП(б)Украины, и к нам приезжала комиссия. Она разбирала

наши споры, признала наши доводы основательными, и он был освобожден от

должности секретаря.

А тогда, когда шла конференция, Моисеенко буквально завоевал умы

коммунистов Юзовского округа. По подготовке он был на голову выше других

членов нашего актива. Не помню, сколько тогда от нашей Юзовской организации

было избрано делегатов. Человек восемь, что ли, с решающим голосом и

человека четыре с совещательным, в том числе я. Делегаты тогда избирались

демократично. Я возглавлял Петрово-Марьинскую районную партийную

организацию, а по количеству членов партии она занимала шестое или седьмое

место. На первом месте стоял Юзовский район, потом

Макеевский, затем,

кажется, шли Буденновский, шахты Рутченково и т. д., наконец

Петрово-Марьинский. Поэтому меня избрали с совещательным голосом.

Это для меня было большой радостью. Главное -- возможность побывать в

Москве, посмотреть столицу, побывать на всесоюзной конференции, послушать и

увидеть вождей. Украинской организации на конференции было отведено

центральное место в зале. (Сейчас там заседает Верховный Совет СССР. А тогда

это, кажется, был Владимирский зал, он не был еще перестроен, имел колонны и

был неудобен для таких больших заседаний. Другого подходящего зала в Кремле

не было, и именно в этом помещении проходили партийные съезды и

конференции.) Слева от нас сидела Московская делегация, а

справа--Ленинградская. Мы занимали центр зала, а в этом центре у Юзовской

делегации были первые места. Вообще пролетарской Донбасской организации

принадлежало боевое положение в партийной организации Украины. Секретарем ЦК

КП(б)Украины являлся тогда Каганович¹, председателем Совнаркома -- Чубарь²,

Григорий Иванович Петровский был председателем ВУЦИК, Скрыпник³ -- членом

Политбюро; Шлихтер⁴ тоже занимал видное положение в партийной организации

Украины.

На меня работа конференции произвела исключительно сильное впечатление.

Я увидел руководителей государства и партии. Они были тут же, близко. А жили

мы тогда в Каретном ряду, в Доме Советов (так, что ли, он назывался). Жили

довольно просто, нары там были, и мы, как говорится, впокат на них спали. Я

помню, что тогда Постышев⁵, кажется, секретарь Харьковской парторганизации,

приехал с женой и тоже так, в ряду, спал вместе с нами, и там же, рядом,

спала его жена. Это вызывало шутки в отношении Постышева. Мы тогда были все

молоды. Постышев пользовался уважением в партийной организации, и моим в том

числе.

Я рано вставал и пешком шел в Кремль, чтобы прийти раньше других

делегатов и занять выгодное место. Каждая делегация имела отведенные ей

места, а уж внутри делегации каждый делегат занимал то место, которое было

свободно. Вот мы и хотели сохранить за собой первые места

перед трибуной.

Поэтому надо было вставать пораньше и бежать туда без завтрака. Однажды я

вышел и сел на трамвай, не зная маршрутных номеров, а трамвай, оказывается,

не туда шел, куда мне нужно, и он меня завез неизвестно куда. Тогда я

отказался от услуг транспорта и стал ходить пешком. Приходилось рано

вставать и бежать, но зато я заметил путь, как добраться безошибочно в

Кремль с тем, чтобы занять в зале место поближе.

Потом начали делегации фотографироваться. Уже тут, на конференции,

выделялся Сталин. Он был признан первой персоной не только нами, рядовыми

руководителями партийных организаций. Руководитель нашей областной партийной

организации Моисеенко обратился с просьбой к Сталину от Юзовской делегации

сфотографироваться с нами. Нам сказали, что Сталин согласился и что он потом

передаст, когда у него будет такая возможность. Мы ждали. Наконец в одном из

перерывов нам сказали, чтобы мы собрались в Екатерининском зале, там будем

фотографироваться всей делегацией. Мы все, конечно, собрались. Пришел

Сталин. Стали рассаживаться, расселись. Сталин сел, как мы

его и просили,

посередине.

Почему я об этом фотографировании вспоминаю? Фотограф возился у своего

аппарата. Это был Петровб, крупный специалист своего дела, много лет

работавший в Кремле. Его знали все партийные работники, которые бывали на

съездах и на конференциях. Петров как фотограф начал указывать, как кому

нужно голову повернуть, куда кому смотреть. Вдруг -- реплика Сталина:

"Товарищ Петров командовать любит, а у нас командовать нельзя, нельзя

командовать!". Этот инцидент на меня и на моих друзей произвел (мы потом

обменивались мнениями) хорошее впечатление. Нам казалось, что Сталин

действительно является демократичным человеком, что его такое замечание было

не случайным и что эта шутка органично присуща натуре Сталина. Потом, во

время работы конференции, выступление Сталина, его реплики тоже говорили в

его пользу. Я все больше и больше проникался глубоким уважением к этой

личности.

1 КАГАНОВИЧ Л.М. (1893-1991) -- рабочий-кожевник, член РСДРП с 1911 до

1962 года. До 1917 г. участник подпольной ее деятельности как член партийных

комитетов Екатеринослава, Киева, Мелитополя, Юзовки, председатель

нелегального профсоюза кожевников. В 1918-1921 гг. на партийной и советской

работе в Москве, Нижнем Новгороде, Воронеже, Ташкенте. С 1924 г. секретарь

ЦК РКП(б), в 1925-1928 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б)Украины, затем

вновь работал в ЦК ВКП(б). В 1930 г. избран первым секретарем МК и МГК

ВКП(б) и членом Политбюро ЦК партии, в 1933 г. заведовал сельхозотделом ЦК

партии, в 1934 г. -- транспортным, в 1935-1937 гг. нарком путей сообщения,

затем нарком тяжелой промышленности, в 1938 г. заместитель Председателя

Совнаркома СССР, в 1939-1949 гг. нарком нефтяной и топливной промышленности.

С 1942 г. член Государственного комитета обороны. После Великой

Отечественной войны занимал ряд руководящих партийных и государственных

должностей на Украине, в Совете Министров СССР и союзных министерствах. Член

ЦК партии в 1924-1957 годах. В 1957 г. входил в так называемую Антипартийную

группу внутри ЦК КПСС. В дальнейшем -- пенсионер.

2 ЧУБАРЬ В.Я. (1891-1939) -- крестьянин, член РСДРП с 1907 г. С 1911 г.

рабочий, участник трех российских революций, в 1918-1922 гг. сотрудник

ведущих хозяйственных ведомств, с 1923 г. Председатель Совнаркома УССР и

заместитель Председателя Совнаркома СССР. С 1934 г. заместитель председателя

Совета Труда и Оборона СССР, с 1937 г. народный комиссар финансов СССР, с

1938 г. 1-й заместитель Председателя Совнаркома СССР, член ЦК партии с 1922

г., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 года. Необоснованно репрессирован,

реабилитирован посмертно.

3 СКРЫШНИК Н.А. (1872-1933) -- служащий, участник революционного

движения с 1897 г., член РСДРП с 1898 г., в 1917-1933 гг. занимал ряд

руководящих государственных постов на Украине, перед кончиной заместитель

Председателя Совнаркома УССР, член ЦК ВКП(б) с 1927 года. Окончил жизнь

самоубийством.

4 ШЛИХТЕР А.Г. (1868-1940) -- рабочий, участник революционного движения

с 1891 г., член РСДРП с 1898 г., участник трех российских революций, с 1917

г. занимал ответственные государственные должности, с 1921 г.

-- высокие

**дипломатические должности, в 1927-1929 гг. нарком
земледелия УССР, в**

**1931-1938 гг. -- вице-президент Академии наук УССР,
кандидат в члены**

Политбюро ЦК КП(б)У в 1926-1937 гг.

**5 ПОСТЫШЕВ П.П. (1887-1939)-- рабочий, член РСДРП с
1904 г., участник**

**трех российских революций, в 1917-1922 гг. занимал ряд
военных, партийных и**

**государственных должностей на Дальнем Востоке, а с 1923 г. --
на Украине,**

**секретарь ЦК и член Политбюро ЦК КП(б)У в 1926-1930 гг.,
секретарь ЦК ВКП(б)**

**в 1930-1933 гг., затем 2-й секретарь ЦК КП(б)У, с 1937 г.
секретарь**

**Куйбышевского обкома ВКП(б), в 1934-1938 гг. кандидат в
члены Политбюро ЦК**

**ВКП(б), член ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован,
реабилитирован**

посмертно.

**6 ПЕТРОВ Г.Г. (ум. 1962)--один из наиболее популярных
правительственных**

фотографов той поры.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЭПе

Скажу несколько слов о нэпе. Я помню то время, когда после разрухи и

голода вдруг ожили города, появились продукты, начали падать цены. Это было,

конечно, отступление. Но оно помогло нам оправиться от последствий

Гражданской войны, набраться сил. В этом проявилась мудрость В.И. Ленина,

когда он в 1921 г. пошел на такой опасный, но неизбежный, необходимый,

смелый, решительный и прозорливый шаг--переход к новой экономической

политике. Новая экономическая политика -- это, так сказать, общая

формулировка, а по существу открывалась возможность для оживления частной

собственности и оживления кулака, я уж не говорю о середняке. Поднялся

торговый элемент и даже крепко стал на ноги.

В 1925 г. я столкнулся с нэпманами. Тогда были арендаторы, которые

держали мельницы. Произошел такой анекдотичный случай: арендатором мельницы

оказался человек, который отличился во времена Гражданской войны, был

награжден орденом Красного Знамени...

На тему о нэпе, я помню, бывали частые споры среди партийных

руководящих кадров и в волости, и в уезде. В уезд нас часто

вызывали и

обязательно, как говорили тогда (да и сейчас говорят), для накачки за то,

что мало мы продаем хлеба через кооперацию, мало продаем мяса и других

продуктов питания. Я как секретарь райкома почти каждый день ходил на базар

и присматривался. Тогда лозунги были "Учиться торговать!" и "Кто кого?". Мы

через кооперацию должны были победить торговцев и торговлю взять в свои,

государственные руки, но не путем административных мер, а путем лучшей

кооперативной торговли. Мы стремились дешевле продавать, лучше обслуживать,

иметь более качественный товар. Вот рычаги, которыми мы должны были

овладеть.

Бывало, иду по базару, смотрю -- наши кооперативные лотки торгуют, и

частник рядом сидит. Мне всегда было больно смотреть, потому что больше

толпилось людей у частных магазинов, а ведь это были рабочие и служащие,

других на руднике не было. Почему так получалось? Мясо у нас было не хуже.

Частник брал за счет лучшей расфасовки, более внимательного отношения. К

тому же хозяйка хочет выбрать, хочет немножко поковыряться,

посмотреть то и

другое, пощупать руками, вот торговец ее и обхаживал. Кроме того, частник

уже имел своих постоянных покупателей, которым он давал в кредит, а это

имело большое значение. Кооперативы этого не делали.

Бывало, я, обойдя базар, сейчас же направлял свои стопы в кооператив, в

главный магазин, и там встречался со своим другом Ваней Косвинским. Он был

председателем рабочего кооператива. Очень хороший товарищ, коммунист,

отличился во время гражданской войны, воевал в тылу у белых, командовал

бронепоездом. Бронепоезд был примитивный, рабочие сами сделали его в своих

мастерских. Вот, помню, как только дверь открываю, он сразу: "Ну, что, идешь

опять ругать?". "Да, иду ругать". -- "Я сам уже ходил, сам смотрел. Что я

могу сделать? Мы все делаем, что, казалось бы, нужно, а все-таки больше

привлекают покупателя частные торговцы".

Осенью буквально был уже завал товаров и сельскохозяйственных продуктов

-- овощей, арбузов, дынь и птицы. Дело в том, что Петрово-Марьинский район

по тому времени был крайним юго-западным районом промышленной Юзовки. Это

был уже, как говорится, край света угольных шахт. Дальше шахт тогда не было

(теперь они и дальше шагнули, к Днепропетровску). Поэтому там жили

крестьяне. Села были богатые, степные, хорошо обеспеченные землей. Там

имелись села и с греческим населением, очень крупные. Греки были

скотоводами. Они любили и помногу держали овец. Поэтому у них были баранина

и брынза, крестьяне привозили на продажу гусей, уток и индеек. И все это

задешево. Стандарт на цены у нас тогда сохранялся довоенный. До войны фунт

мяса стоил в Юзовке и в окрестностях 15 копеек. 15 копеек стоило мясо и в

1925 г., и в 1926 году. До 1928 г. имелся избыток мяса.

Тут я несколько отклонился от темы, но это отклонение имеет к ней

отношение. В Петрово-Марьинском районе тогда существовали две коммуны.

Особенно хорошо работала коммуна в Максимилиановке, большом красивом селе.

Там была и партийная организация, как тогда называли-- ячейка. Председателем

правления коммуны являлся Колос¹, человек огромного роста, просто великан,

своей комплекцией как бы соответствовавший фамилии. Он давно уже умер, да и

тогда это был человек в летах. Очень порядочный, хороший коммунист, по

профессии портной. Заместителем у него был замечательный крестьянин Емельян

Гомля или, как его тогда называли украинцы, Емелька Гомля. Этот умный

человек обладал исключительным чувством юмора. Бывало, когда он выступал и

критиковал бюрократические налеты советских учреждений, так люди, как

говорится, животы от смеха надрывали. Он часто бывал на партконференциях, на

окружных съездах. Помню, однажды

выступал он и критиковал руководителей округа за то, что они редко

бывают на селе: "Что же вы? Вот мы просим, просим, чтобы к нам приезжали из

округа, но им, видно, плохо село видно, потому что здесь много дыма

(металлургический завод и шахты), и за этим дымом они нас не видят". И

другие тому подобные примеры он приводил.

Их коммуна хорошо жила. А это было не так часто в то время среди

коммунаров. Большинство коммун имело потребительский характер, и жили они за

счет подачек от государства, сами себя не прокармливали. А эта коммуна как

раз жила на собственные средства. Там подобралась хорошие

люди и хорошие

организаторы. Они хорошо обрабатывали землю, честно работали. Трактора у них

не было, да и я сам тогда о тракторе только слышал, что он есть на свете, а,

как говорится, в глаза его не видел. Работали тогда главным образом на волах

и лошадях. Обстановка политическая тогда была хорошая. Рабочие понимали

лозунги партии, усвоили их, а ведь это болезненно было -- новую

экономическую политику проводить, и они правильно ее понимали.

Сталина же широкая публика, выражаясь языком обывателя, узнала тогда,

когда развернулась жестокая борьба внутри партии, борьба с троцкистской

оппозицией в 1923-1924 годах.* Тогда Сталин и всплыл как организатор, как

Генеральный секретарь Центрального Комитета. Впрочем, тогда особая роль

Сталина слабо воспринималась в широких партийных кругах, я уж и не говорю о

беспартийных. В борьбе того времени особенно выделялся Зиновьев2,

председатель Исполкома Коминтерна. Коминтерн тогда приобрел большой

авторитет: это была международная коммунистическая организация, которая

держала курс на мировую революцию. Зиновьев возглавил ее, следовательно, он

и являлся как бы главным в этом движении. Бухарин³ в то время тоже был очень

популярен и очень уважаем. По-моему, уже к тому времени была написана его

книга, которая называлась "Азбука коммунизма". Молодые коммунисты учились

коммунистическому миропониманию прежде всего по этой "Азбуке коммунизма".

Отсюда выросла и популярность Бухарина.

Лично я Бухарина видел и слышал, еще когда служил в Красной Армии в

1919 году. Тогда наша часть стояла в Курске, и я не знаю, по какой причине,

но в это же время Бухарин с большой группой коммунистов приехал в Курск. Он

выступал на партийном активе губернии. Я тоже был приглашен как секретарь

партийной ячейки своей воинской части. Там-то я видел и слышал Бухарина.

Бухарин очень всем нравился своим характером, своим демократизмом, а в то

время это имело большое значение (хотя это и сейчас имеет значение). Да, он

очень нравился всем, а меня он буквально очаровал. Потом я встретился и с

товарищами, которые входили в его группу. Это были простые коммунисты из

Москвы, моего же уровня и политического развития. Они тоже говорили о

демократичности Бухарина, и это особенно подкупало тогда. Они говорили, что

он с ними вместе живет в общежитии, в столовой питается с ними из одного

котелка, и прочее. Это имело, конечно, большое значение.

*** Здесь и далее автор пользуется терминологией, принятой тогда и**

продолжавшей существовать в пору, когда он записывал свои воспоминания.

Вспоминается еще такой случай. У меня был приятель Лев Абрамович

Римский. С ним я много лет работал в Донбассе и потом встречался в Москве.

Он был приятелем Тевосяна⁴: они вместе учились в Горной академии, оба

окончили ее и сохраняли дружеские отношения. Он работал в отделе кадров в

Наркомате черной металлургии, а начинал свою деятельность комсомольцем в

Одессе. Потом работал в Киевском губкоме и в Сталине (Юзовка была

переименована и названа именем Сталина).

Мне пришлось с Римским работать, когда после Петрово-Марьинского

района, кажется в 1926 г., я был избран заворгом окружного партийного

комитета. Заворг в те времена, собственно, являлся вторым секретарем

окружного комитета. Секретарем был Моисеенко, тогда имелся лишь один

секретарь. Потом шел заведующий орготделом, который считался заместителем

секретаря окружного комитета. Потом шел заведующий агитпропом. В мое время

заведовал агитпропом Сергеев⁵. Я не помню его настоящую фамилию, он был

еврей. Это был замечательный коммунист, преданный делу партии, и хороший

работник. К сожалению, он, как и многие тысячи ему подобных, погиб во время

террора, который ввел в партии Сталин. Римский же был начальником окружной

партийной школы. Я не помню, в каком году, в 1926-м, а может быть, в 1927-м,

слушатели партийной школы⁶ поехали в Москву во время зимнего перерыва в

занятиях набраться ума-разума, посмотреть столицу, познакомиться с ее

достопримечательностями. Это -- естественное желание всех людей Советского

Союза, да и не только Советского Союза, побывать в Москве.

Римский, как он потом рассказывал, решил позвонить Сталину и попросить,

чтобы тот принял их делегацию. Думаю, что, наверное, не весь состав

партийной школы туда ездил, а какая-то группа, но большая, видимо, человек

60. Впрочем, это не столь важно для данного вопроса. Римский рассказывал: "Я

позвонил по телефону, меня соединили со Сталиным (это на меня произвело

впечатление --доступность Сталина), и я попросил, чтобы он принял меня

вместе со слушателями партийной школы. Сталин согласился и сказал, что

Римскому передадут (он записал адрес), когда он сможет это сделать. Вот

позвонили, и они поехали в Кремль (тогда, до 1937 г.. Кремль еще был

доступен людям), они прошли туда через Никольские ворота. Я сейчас не помню,

какими вопросами интересовался Сталин. А привожу этот эпизод потому, что

мне запомнилось характерное высказывание Сталина, которое мне импонировало и

на меня произвело сильное впечатление".

Далее Римский рассказывал, как он обратился к Сталину: "Товарищ Сталин,

мы вот с бывшей Юзовки. Сейчас Юзовка переименована и носит Ваше имя.

Поэтому мы хотели, чтобы Вы письмо написали юзовским, Сталинским рабочим.

Это произвело бы хорошее впечатление на население Сталинского округа".

Сталин ему так ответил: "Я не помещик, а рабочие завода не мои крепостные. Я

им писать не буду и не люблю, когда это делают другие". Лев Абрамович

Римский был сугубо партийный человек, исключительной чистоты и честности.

Коммунистическая щепетильность до мелочей пронизывала его сознание, все его

поведение, деятельность и всю его жизнь. Вот почему он был приятно поражен

случившимся. Приехав домой, он рассказал все в окружном комитете партии, и

это стало достоянием всей округи. Такая фраза Сталина произвела очень

сильное впечатление. Этот случай говорил о демократичности, доступности и

правильном понимании Сталиным своего места.

Помню еще и такой эпизод, относящийся тоже к тем временам. Тогда

разгорелась острая борьба с троцкистами, а потом с зиновьевцами. Я все время

находился на партийной работе, заведовал орготделом в окружном комитете,

участвовал в работе XIV партийной конференции и XIV партийного съезда, XV

партийной конференции и XV партийного съезда. По годам я не сделал сейчас

выборок, да это и не столь существенно: я ведь говорю не об этом, а о

личности Сталина. Тогда практиковались заседания Политбюро с ведением

стенограммы. Все стенографировалось, и эти стенограммы рассылались партийным

организациям. До района, по-моему, они тоже доходили, там привлекался

партактив, и их зачитывали. И вот, помню, читали мы одну стенограмму. Читали

усердно, хотели разобраться в сути споров и определить свое отношение к

ним.

Кажется, Сталин спорил не то с Троцким⁷, не то с Зиновьевым. А я

запомнил его выражение, которое мне понравилось: что-то Сталин доказывал, те

с ним не соглашались и не уступали, дискуссия была очень острой, и Сталин,

когда они с ним не согласились, выразился так: "Ну, что же вы? Я все сделаю,

чтобы сохранить единство партии, чтобы обеспечить ее монолитность. Это

необходимо для победы. Но раз вы так себя ведете. Бог с вами". На это его

выражение я и обратил внимание. Конечно, я религиозным человеком ни тогда,

ни даже в раннем своем возрасте уже не был и, конечно, это выражение не

характеризовало Сталина как религиозного человека, хотя он и учился в

духовной семинарии. Оно значило: что же я с вами сделать могу, зла я не

желаю. Бог с вами, одумаетесь и сами поймете ошибочность своей позиции.

Такая терпимость мне понравилась, в моем понимании это говорило в пользу

Сталина.

Позднее, когда я узнал Сталина, то вспомнил об этом и понял, что это --

его ловкость, его иезуитство. Он играл на чувствах людей, желая показать

свою терпимость, свою волю к единству партии и если не уважение, так хотя бы

терпимость к мнениям других членов коллектива, в котором он работал. Это был

обман, это был расчет, он хотел забросить удочку, грубо говоря, и на крючок

ловить людей, которые искренне хотели правильно его понимать. И я в том

числе тоже явился жертвой сталинской уловки.

1 КОЛОС Г.А. -- член РСДРП с 1917 года. Активный участник крестьянского

движения на Украине.

2 ЗИНОВЬЕВ Г.Е. (Радомысльский) (1883 -- 1936) -- член Коммунистической

партии с 1901 г., активный участник революционного движения, с декабря 1917

г. председатель Петроградского совета, в 1919 -- 1926 гг.
председатель

Исполкома Коминтерна, член ЦК партии в 1907 -- 1927 гг., член
Политбюро ЦК в

1921 --1926 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР. Необоснованно
репрессирован.

3 БУХАРИН Н.И. (1888 -- 1938) -- сын учителя, член РСДРП
с 1906 г.,

один из сподвижников В.И.Ленина, с 1917 г. (и до 1934 г.) член
ЦК партии, в

1918 -- 1929 гг. редактор газеты "Правда", один из лидеров
Октябрьского

вооруженного восстания в Москве, с 1919 г. кандидат в члены
Политбюро и в

1924 -- 1929 гг. член Политбюро ЦК партии, член ЦК партии в
1917 -- 1934 гг.

с 1926 г. один из лидеров Коммунистического
Интернационала, с 1929 г.

академик, далее неоднократно преследовался по партийной и
государственной

линии, с 1929 г. член президиума ВСНХ, с 1932 г. член
коллегии

Наркомтяжпрома, с 1934 г. ответственный редактор газеты
"Известия", с 1935

г. член ЦИК СССР

и Конституционной комиссии СССР. Автор
многочисленных трудов по

экономике, социологии, политике, литературоведению, теории
науки и пр.

Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

4 ТЕВОСЯН И.О. (1902 -- 1958) -- сын портного, член РКП(б) с 1918 г.,

участник Гражданской войны в Советской России и Азербайджане, инженер, в

дальнейшем занимал ответственные инженерные и административные должности, с

1936 г. первый заместитель наркома оборонной промышленности, в 1939 -- 1940

гг. нарком судостроения, в 1940 -- 1953 гг. нарком (министр) черной

металлургии СССР, с 1949 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР,

с 1956 г. посол в Японии, член ЦК ВКП(б) с 1939 года.

5 СЕРГЕЕВ К.М., -- член РСДРП с 1917 г., в дальнейшем занимал ряд

партийных должностей.

6 Партийные школы составляли одно из звеньев системы партийного

просвещения, предназначенной для повышения образовательного уровня,

теоретической подготовки, служебной квалификации членов ВКП(б) в рамках

обязательной политической учебы. В 1920-е годы эта система включала в себя

серию ступенек от начальных школ политграмоты до коммунистических

университетов. Окружная партшкола была средним звеном данной системы.

**7 ТРОЦКИЙ Л.Д. (Бронштейн) (1879 -- 1940) --
участник**

**социал-демократического движения с 1897 г., с 1903 г.
примыкал к**

**меньшевикам, в 1905 г. председатель Петербургского совета, в
1917 -- 1927**

**гг. член Коммунистической партии, в 1917 г. председатель
Петроградского**

**совета и один из лидеров Октябрьского вооруженного
восстания, затем нарком**

**иностранных дел РСФСР, в 1918 -- 1925 гг. нарком по военным
и морским делам**

**и председатель Реввоенсовета Республики, с 1920 г. нарком
путей сообщения,**

**член ЦК партии в 1917--1927 гг., член Политбюро ЦК в
октябре 1917 и**

**1919--1926гг., член Президиума ВСНХ в 1925 -- 1926 гг., член
ВЦИК и ЦИК**

**СССР. Один из организаторов оппозиции. В 1929 г. выслан за
границу, в 1932**

**г. лишен советского гражданства. В 1938 г. создал IV
Интернационал. Убит**

агентом НКВД в Мексике.

XV СЪЕЗД ПАРТИИ

**На XV партсъезде развернулась очень острая борьба с
зиновьевцами.**

Ленинградская делегация выступила с письмом в президиум съезда и потребовала

на основе Устава ВКП(б), чтобы от этой делегации выступил содокладчик. Они

выдвинули Зиновьева и хотели, чтобы он сделал содоклад к докладу Сталина. Я

сейчас точно не могу вспомнить, но, по-моему, на XIV съезде партии доклад

делал еще Зиновьев, а Сталин выступал с содокладом по оргвопросу. А на XV

съезде Сталин уже делал доклад. Это было

для нас, делегатов съезда, вполне понятным, выявились разные точки

зрения, разная политика, в ЦК партии наметились большинство и меньшинство.

Поэтому должен делать доклад не Зиновьев, как было раньше, после смерти

Ленина, а Сталин. Помню, когда мы приехали на съезд, уже, как говорится,

воробьи обо всем чирикали, и довольно громко был слышен в народе глас, даже

и для обывателей, что в партии наметился глубокий раскол.

Мы и во время XV съезда тоже разместились в Каретном ряду, в Третьем

Доме Советов. Нам сказали, что к нам приедет Яковлев¹ и проинформирует нас

по вопросам, которые наметились в партии и которые будут подняты и обнажены

на съезде. Пришел Яков Аркадьевич Яковлев. Он тогда

работал в РКИ. Серго

тогда, по-моему, был председателем РКИ, а он -- одним из его заместителей.

Это было собрание, на которое мы никого не допускали, кроме членов

украинской делегации. Возглавлял тогда украинскую делегацию Каганович, в ее

руководство входили Петровский, Чубарь, Шлихтер и Скрышник, основные члены

Политбюро ЦК КП(б)У. Яковлев рассказал, по каким вопросам имеются

разногласия с зиновьевцами и что проблема стоит очень остро. Таким образом,

нас уже как бы подготовили. В этом смысле то было фракционное собрание, но

оно велось с согласия Сталина и, я думаю, по его поручению. Мне неизвестно,

кто знал об этом из других членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Когда открылся съезд и только что создали его руководящие органы,

зиновьевцы сейчас же выставили своего содокладчика по докладу от

Центрального Комитета. Так было принято. Потом Сталин сделал доклад.

Зиновьев выступил с содокладом. Мы опять занимали места в центре, справа от

нас находилась Ленинградская делегация, а слева -- Московская. С Московской

делегацией мы по всем вопросам контактировали и

ополчились против

ленинградской оппозиции, как тогда ее называли. Вот тогда мне и пришлось

встретиться не как с другом, а как с врагом с моим хорошим товарищем,

которого я очень уважал.

Когда я пришел из армии в 1922 г., редактором газеты "Диктатура труда"²

в Юзовке был Абрамсон. Я не помню его имени. Тогда он работал в Ленинграде

секретарем одного из райкомов партии. Очень хороший коммунист. И вот теперь

он -- зиновьевец, как и все ленинградцы. Из известных в партии людей к

зиновьевцам примыкал, в частности, Бадаев³. Он работал тогда в Ленинграде, и

зиновьевцы выставляли его как щит. Для увеличения веса своей делегации

зиновьевцы привлекли и Николаеву⁴. Она тоже была хорошим, активным членом

партии, очень

страстно выступала, будучи хорошим оратором. Дискуссия эта продолжалась

затем по группам и индивидуально, при личных схватках во время перерывов

между заседаниями съезда, в Георгиевском зале и в коридорах. Одним словом,

езде, где встречались двое, уже шла дискуссия, если эти люди принадлежали к

разным лагерям.

Сталин, Бухарин и Рыков⁵ выступали за линию ЦК, то есть за линию

Сталина. Это грубовато, но так говорили -- вот линия ЦК, а там -- линия

оппозиции. Не помню, от какой организации приехала одна делегация, которая

передала в президиум съезда стальную метлуб. Председательствовал Рыков.

Рыков взял эту метлу и сказал: "Я передаю эту метлу товарищу Сталину, пусть

он выметает ею наших врагов". Это было воспринято тогда дружными

аплодисментами, смехом, да и сам Рыков при этом улыбался. Уже позднее, когда

Рыков сам стал жертвой этой метлы, я вспомнил эти слова и как они были тогда

сказаны. Тогда, видимо, Рыков доверял Сталину и считал, что эта метла не

будет направлена во вред партии, а будет направлена только против

антипартийных отщепенцев, оппозиции, которая сворачивала с генеральной

линии.

А тогда у нас не было сомнений, что Сталин и те, кто был вокруг него и

поддерживал Сталина, правы. Я и сейчас считаю, что тогда наша идейная борьба

была в основе правильной. При другом характере Сталина

эти разногласия,

которые были доведены до такого накала, может быть, не стали бы столь

трагическими и роковыми. Но это я сейчас так говорю, а тогда этих вопросов

не возникало; тогда, как говорится, рассуждали по-дровосецки: лес рубят,

щепки летят. Велась, я бы сказал, беспощадная борьба с оппозицией.

Если оглянуться на путь, пройденный нашей партией и народом, и в свете

этого пройденного пути оценить тогдашнюю роль Сталина, то она на фоне тех

событий и соотношения сил в партии окажется в основе положительной. Я имею в

виду такие оппозиции, как троцкистская, зиновьевская, право-левацкий блок

Сырцова -- Ломинадзе⁷. Если же оценивать персонально роль Сталина, то он

резко выделялся: его роль и его деятельность по сплочению партии, по

мобилизации ее сил на преодоление трудностей, восстановление промышленности,

сельского хозяйства, на индустриализацию и строительство Красной Армии были

решающими. Поэтому не случайно Сталин занял ведущее место в партии, и партия

его поддержала. Надо принять во внимание и то, что в первые годы революции

его фамилия была недостаточно популярна среди широких масс и даже в самой

партии. Более популярными были Зиновьев, Каменев и особенно Бухарин. Ленин

правильно сказал: "Бухарчик-- это любимец партии". По "Азбуке коммунизма",

написанной Бухариным, наши кадры учились марксизму-ленинизму. Популярность

его в широких массах была очень большой. Но как организатору предпочтение

все-таки отдавалось Сталину, а Бухарин занимал видное положение в партии как

пропагандист, как агитатор. Он был редактором "Правды", и это действительно

был редактор, который требовался для "Правды". Он явился организатором

пропаганды марксистского учения. Хотя, как Ленин сказал, и сам он допускал

ошибки.

1 ЯКОВЛЕВ Я.А. (1896-1938)--сын учителя, член РСДРП с 1913 г., участник

борьбы за Советскую власть на Украине, с 1921 г. на ответственной партийной

работе в Москве, с 1926 г. заместитель наркома рабоче-крестьянской

инспекции, в 1929-1934 гг. нарком земледелия СССР и председатель

"Колхозцентра", далее работал в аппарате ЦК ВКП(б), член ЦК партии с 1930

года. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

2 Эта газета выходила в свет с 1918 г. В 1922 г. она являлась органом

Юзовского уездного комитета РКП(б) и уездного исполкома.

3 БАДАЕВ А.Е. (1883-1951) -- крестьянин, член РСДРП с 1904 г., работал

слесарем в Петербурге, депутат IV Государственной думы, с 1913 г.

официальный издатель газеты "Правда", с 1917 года занимал ответственные

должности в продовольственно-снабженческих и кооперативных учреждениях, с

1930 г. председатель Центросоюза и с 1931 г. Московского союза

потребительских обществ, заместитель председателя Моссовета, член ЦИК СССР,

с 1935 г. зам.наркома пищевой промышленности СССР, в 1937-1938 гг, нарком

пищевой промышленности РСФСР, в 1938-1943 гг. председатель Президиума

Верховного Совета РСФСР, затем член коллегии Наркомата (Министерства)

пищевой промышленности СССР, член ЦК ВКП(б) с 1925 года.

4 НИКОЛАЕВА К.И. (1893-1944)-- рабочая, член РСДРП с 1909 г., с 1917 г

одна из руководящих деятельниц советского женского движения, в 1924-1926 гг.

заведующая отделом работниц в ЦК ВКП(б), затем на ответственной партийной

работе на Кавказе, в Москве, Сибири и Иванове, с 1936 г.
секретарь ВЦСПС; с

1924 г кандидат в члены и член ЦК ВКП(б), с 1937 г. член
Президиума

Верховного Совета СССР.

**5 РЫКОВ А.И. (1881-1938) -- член Коммунистической
партии с 1898 г.,**

**активный участник революционного движения, нарком
внутренних дел РСФСР с**

**ноября 1917 г., председатель ВСНХ в 1918-1921 и 1923-
1924 гг.,**

**зам.председателя Совнаркома и СТО с 1921 г., председатель
Совнаркома СССР в**

**1924-1930 гг. и председатель СТО в 1926-1930 гг., нарком почт и
телеграфов**

**(нарком связи) СССР в 1931-1936 гг. Многие годы был
членом ЦК партии.**

**Политбюро и Оргбюро ЦК, ВЦИК и ЦИК СССР.
Репрессирован, реабилитирован**

посмертно.

6 Это была делегация от 6 тысяч металлистов Сталинграда.

**7 СЫРЦОВ С.И. (1893-1937) -- служащий, член РСДРП с 1913
г., участник**

**Гражданской войны в Советской России, видный партийный
деятель в Донбассе, с**

**1921 г. работник аппарата ЦК РКП(б) и с 1924 г. редактор
журнала**

**"Коммунистическая революция", с 1926 г. секретарь
Сибирского крайкома**

ВКП(б), с 1929 г. председатель Совнаркома РСФСР, после 1931 г. -- на

различных руководящих административных и партийных постах, кандидат в члены

Политбюро в 1929-1930 годах. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

ЛОМИНАДЗЕ В.В. (1897-1935)--сын учителя, член РСДРП с 1917 г., до 1924

г. находился на ответственных партийных постах, в 1925-1929 гг. видный

работник Коммунистического Интернационала, затем занимал различные партийные

должности, перед репрессированием был секретарем Магнитогорского горкома

ВКП(б), член ЦК партии с 1930 года.

ПЕРЕЕЗД В ХАРЬКОВ

В 1928 г. меня перевели на работу в Харьков. Там тогда размещались

правительство Украины и Центральный Комитет КП(б)У. Я был утвержден

заместителем заведующего орготделом ЦК партии, а заведовал отделом Николай

Несторович Демченко 1, которого я очень уважал. Он заслуживал этого. Он тоже

погиб безвременно, и погиб от руки Сталина, хотя и был очень предан

генеральной линии партии. Центральному Комитету и лично Сталину.

Почему я был переведен в Харьков? После освобождения по нашему

требованию Моисеенко от поста секретаря к нам приехал секретарем окружного

комитета Строганов². Сам он был из Нижегородской организации, членом партии

числился с 1905 года. Неплохой человек, но довольно-таки ограниченный. Он не

соответствовал тем требованиям, которые предъявлялись к Сталинской

организации, крупной, боевой, промышленной и разносторонней. Тут и угольная

промышленность, и металлургия, и химия, и строительная индустрия, и сельское

хозяйство. Одним словом, Сталине -- крупнейший центр, прежде всего

промышленный, но в немалой степени и сельскохозяйственный. А этот человек

оказался мелким. Мы очень любезно его приняли и, так сказать, ощупывали со

всех сторон и обнюхивали как старого большевика. Уже позднее о нем

злословили, что хотя он и старый большевик, но и старая калоша, хотя был он

не так уж стар. Любил он выпивать, и довольно-таки изрядно. Потом он стал

заниматься интриганством. Одним словом, не прижился, и сложилась такая

обстановка, что актив стал его игнорировать и тем самым поставил меня

в довольно тяжелое положение: я лишь его заместитель, а по всем

важнейшим вопросам идут ко мне и не идут к нему.

Мне это было понятно, но для него это было тяжело, принижало его роль.

Ко мне шли, потому что я вырос в этом районе, отец мой работал на шахте

Успенской, в четырех верстах южнее Юзовки. Я и детство провел там, и юность,

там учился слесарному ремеслу на заводе БоссеЗ. У меня был очень широкий

круг друзей, с которыми я провел детство и юность, работая в шахтах. По тому

времени я неплохо разбирался в вопросах производства -- угольной

промышленности, химической, металлургической и строительном деле. Тогда это

было главным. По тем временам руководитель, который не разбирался в добыче

угля или в металлургии, химии и строительстве, считался, грубо говоря,

дураком. Как раз в такое положение попал Строганов, хотя человек он был

неглупый. Он тоже позднее погиб, бедняга, и я очень тогда его жалел, да и

сейчас жалею: он не заслуживал ни ареста, ни расстрела, а был расстрелян.

Меня вызвал в ЦК КП(б)Украины Каганович, первый секретарь ЦК, и

предложил переехать на работу в Харьков, в орготдел ЦК. Он мотивировал это

тем, что в аппарате ЦК очень мало рабочих. Он был прав, там было много

разношерстной публики в смысле рабочего стажа, а тогда придавалось очень

большое значение социальному происхождению работников, занимавших партийные

и советские посты. "Надо нам аппарат орабочить", -- сказал он. Я говорю:

"Считаю, что это правильно, но я хотел бы, чтобы это орабочивание было не за

мой счет. Я очень не хотел бы уезжать из Сталине, там я сросся со всей

обстановкой, с людьми. Поэтому мне очень трудно будет, я не знаю новой

обстановки и не смогу, видимо, ужиться в орготделе Центрального Комитета".

Но я знал обстановку. Я же заведовал орготделом в окружкоме и поэтому

бывал в орготделе ЦК КП(б)У на совещаниях; инструктора приезжали к нам для

обследования и прочих дел. Я многих из них знал и был согласен с

Кагановичем, что некоторые люди там не заслуживали доверия, а многие и

уважения, даже если и не было оснований не доверять им. Поэтому я считал,

что меня там встретят плохо. В ЦК КП(б)У ревниво относились к Сталине, да и

парторганизация Сталине тоже знала свое место в партии и поэтому, может

быть, давала некоторый повод к этому: мы, дескать, пролетарии, мы шахтеры,

металлурги, химики, соль Земли, соль партии.

И я попросил тогда, что если мне нужно будет уехать из Сталино (чтобы

дать возможность Строганову развернуться и не мешать ему сделаться

центральной фигурой, чтобы люди его признавали, шли к нему как к первому

руководителю окружной партийной организации), то просил бы послать меня в

Луганск. Я сейчас не помню фамилию секретаря Луганского окружкома, но он мне

нравился. У меня были с ним очень хорошие отношения, поэтому я с радостью

хотел туда поехать, поэтому и просил послать меня в Луганск. А там я хотел

бы опять пойти работать секретарем районного партийного комитета. Видимо,

там такая работа нашлась бы. Каганович говорит мне: "Если Вы так ставите

вопрос, то у нас в ЦК нет никакой необходимости, чтобы Вы уходили из Юзовки.

Поэтому оставайтесь на месте". Я попрощался, ушел, стал думать и пришел к

выводу, что если Центральный Комитет делает мне такое предложение --

работать заместителем заведующего орготделом ЦК КП(б)У, то это ведь высокий

пост и, видимо, есть веские соображения, которые побудили к тому Кагановича.

Каганович ко мне очень хорошо относился. Мы с ним познакомились

буквально в первые дни Февральской революции. Он тоже работал в Юзовке и

выступал на первом же митинге, который проводили тогда в Юзовке, а я на нем

присутствовал. Я участвовал в митинге как представитель рабочих депутатов

Рутченковских копей на первом совещании в Бахмуте (это был уездный наш

город). Потом вторично, через неделю--две, мы собрались в Юзовке, там же был

Каганович. Он прибыл от Юзовской организации и довольно активно вел себя на

этих совещаниях. Тогда он носил фамилию Кошеровича. Я не знал, что он

Каганович, я его знал как Кошеровича. Кагановичу я не только доверял и

уважал его, но, как говорится, и стоял горой за него.

Тогда Каганович еще не был признанным партийным руководителем (я уж и

не говорю о партийном вожде). В ЦК КП(б)У у него были очень сложные

отношения с коллективом. Против него вели борьбу "старики"
-- Петровский,

Чубарь и другие, не признавала его Екатеринославская
группа, где было

сильным влияние Григория Ивановича Петровского.
Опорой Кагановича,

собственно, был Донбасс, главным образом Сталине, Луганск
и Артемовск

(бывший Бахмут). В Бахмуте Кагановичу доверие
оказывалось больше через

Радченко, чем непосредственно. Там был секретарем
Никитенко, а он являлся

близким человеком Радченко, Радченко же был председателем
Совета профсоюзов

Украины. Сам рабочий, очень авторитетный человек, член
партии, кажется, с

1912 г., он тоже безвременно погиб. Хотя сам Радченко был
интриганистым

руководителем, но человеком честным, и сомнений в

его преданности делу партии не могло быть. А его
интриганство

проявлялось в отношении к определенным лицам, но не к
партии, не к ее

генеральной линии.

Итак, после разговора с Кагановичем я, все взвесив, уже сам
не хотел

оставаться в Сталине, потому что видел, что у меня могут
сложиться плохие

отношения со Строгановым, а я не хотел какой-то борьбы с ним.

Его только что

прислали, он не знал пока производства, но мог узнать, это не мотив для

неуважения. Я считал, что лучше мне уйти и пусть он укореняется. Тогда я

сказал Кагановичу, что согласен пойти в орготдел ЦК КП(б)У, но с условием,

чтобы послали меня работать при первой возможности в какой-либо округ, а в

какой, мне было безразлично, хотя желательно, чтобы в промышленный. Я

считал, что сельского хозяйства я все же не знаю, никогда в

сельскохозяйственных районах не работал, а все время был связан с

промышленностью и чувствовал себя здесь в своей тарелке.

Начал работать на новом месте. В Харькове мне не понравилось, как я и

ожидал. Канцелярская работа: через бумаги живого дела не видишь. Это

специфическая работа, а я человек земли, конкретного дела, угля, металла,

химии и в какой-то степени сельского хозяйства. В Сталине сельское хозяйство

не было главным, главным у нас был уголь. Уголь -- это хлеб промышленности,

и ему мы уделяли большое внимание. У меня сложились хорошие отношения с

руководством угольной промышленности. Тогда ею руководил

Рухимовичб. Я его

очень уважал. Он тоже безвременно погиб, был расстрелян. У меня были хорошие

отношения и с руководителем Югостали⁷ (это, собственно говоря. Министерство

черной металлургии Юга), которая находилась в Харькове. Возглавлял ее,

кажется, Иванов⁸. Я меньше его знал, чем Рухимовича, потому что Рухимович ни

одного совещания угольщиков и хозяйственников не проводил без меня: он

всегда приглашал меня, и я присутствовал от окружного комитета партии. И

вдруг у меня все это оборвалось, и я стал заниматься бумагами, а это пища не

для меня, меня сразу отвернуло от нее. Я раз или два ходил по этому вопросу

к Кагановичу и стал напоминать ему, что он мне обещал помочь уйти.

1 ДЕМЧЕНКО Н.Н. (1896 -- 1937) -- из мещан, член РСДРП с 1916 г.,

занимал ряд партийных и государственных постов в УССР. В 1929 -- 1932 гг.

нарком земледелия Украины, с 1932 г. -- секретарь Киевского, потом

Харьковского обкомов КП(б)У, в 1936 г. первый заместитель наркома земледелия

СССР,

в 1937 г. нарком зерновых и животноводческих совхозов

СССР, член

Политбюро ЦК КП(б)У с 1931 года. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

2 СТРОГАНОВ В.А. (1888 -- 1938) -- крестьянин, член РСДРП с 1905 года.

С 1917 г. на ответственной советской и партийной работе, секретарь

Сталинского, потом Харьковского окружкомов КП(б)У в 1927 -- 1930 гг., до

1932 г. второй секретарь ЦК КП(б)У, секретарь Днепропетровского обкома

КП(б)У, член Политбюро ЦК КП(б)У в 1930 -- 1933 годах. Репрессирован,

реабилитирован посмертно.

3 Металлозавод с начальным французским капиталом.

4 Под псевдонимом Борис КОШЕРОВИЧ он работал на обувной фабрике

"Новороссийского общества", участвуя в деятельности местной большевистской

организации.

5 РАДЧЕНКО А.Ф. (1887 -- 1938) -- крестьянин, член РСДРП с 1912 г.

После 1917 г. находился на советской и профсоюзной работе. В 1924-- 1925 гг.

секретарь Сталинского губкома КП(б)У, в 1925 -- 1928 гг. председатель

Всеукраинского совета профсоюзов и член Политбюро ЦК КП(б)У, с 1929 г.

занимал различные партийные должности. Репрессирован,

реабилитирован

посмертно.

6 РУХИМОВИЧ М.Л. (1889-1938)-- рабочий, член РСДРП с 1913 года,

активный участник Гражданской войны и борьбы за Советскую власть на Украине.

В 1921 --1922гг. председатель Юзовского губисполкома, в 1923--1925 гг.

управляющий трестом "Донуголь", затем председатель ВСНХ УССР и заместитель

председателя ВСНХ СССР. В 1930 -- 1934 гг. нарком путей сообщения РСФСР,

управляющий трестом "Кузбассуголь". Перед репрессированием был наркомом

оборонной промышленности СССР. Реабилитирован посмертно.

7 Комбинат "ЮГОСТАЛЬ" был создан в 1921 г. как ведущая

государственно-хозяйственная организация металлургических заводов и угольных

шахт Юга страны.

8 ИВАНОВ С.Н. -- член РКП(б) с 1920 г., инженерно-хозяйственный и

партийный работник.

ПЕРЕЕЗД В КИЕВ

Однажды Каганович мне позвонил и говорит: "Вы просили меня перевести

Вас в какой-либо округ на партийную работу. Если Вы не возражаете, то я бы

Вам предложил Киев. Состоялось решение, в Киев идет секретарем окружного

комитета товарищ Демченко, а Демченко просит, чтобы Вас отпустили с ним

заведовать орготделом Киевского окружкома. Если Вы согласны, то можете

буквально сейчас же (это было воскресенье) брать билет и выезжать в Киев.

Там все известно, Демченко знает, и он с удовольствием Вас встретит".

Я, не раздумывая, дал согласие. Киевская организация тогда у нас не

считалась пролетарской, боевой. Шла такая слава, что в Киеве сильна

украинская националистическая тенденция. Так оно действительно и было.

Пролетариат там был слабый, а интеллигенция группировалась вокруг украинской

Академии наук. Возглавлял эту интеллигенцию тогда Грушевский 1. Там была

сильна и троцкистская организация. Считалось, что там сложно работать,

особенно русским: к ним не особенно хорошее было отношение. Поэтому я

полагал, что, так как националисты считали меня безнадежным русаком, мне

будет там трудно.

Тем не менее я сейчас же приобрел билет и вечером выехал в Киев. Утром

уже был там. Первый раз в жизни попал я в Киев, в этот большой город. До

этого я, собственно говоря, видел, не считая Москвы, Харьков, Екатеринослав

и Мариуполь. Я не называю здесь Бахмут, а Юзовка еще не считалась даже

городом. Киев на меня произвел сильное впечатление. Как только я приехал, то

с чемоданом в руке пошел прямо на берег Днепра. Меня тянуло взглянуть на

Днепр, потому что я много слышал и кое-что читал о нем. Мне хотелось увидеть

эту мощную реку.

Начал я свою партийную и трудовую деятельность в Киеве вместе с

Демченко. Председателем облисполкома был Войцеховский. Он тоже безвременно

погиб, его расстреляли. Это был человек с некоторым налетом украинского

национализма. Раньше он состоял в подпольной социал-демократической

украинской организации, но был честный и уважаемый человек. Мягкий по

характеру, лощеный интеллигент, но приятный человек и старательный работник.

В Киеве он был "на своем месте". Демченко учился на

медицинском факультете,

но не окончил его. Член партии с 1916 г., он к рабочим не особенно тяготел,

а больше тянулся к интеллигенции и занимался вопросами Академии наук. Потом

ему от ЦК КП(б)У было поручено заниматься Западной (или, как украинцы

говорили, Захидной) КПУ, то есть Львовщиной, Тернополем* и прочим. Это была

большая политическая работа, и я считал, что он хорошо ее делал.

Вот таким образом я попал в Киев. На меня была взвалена текущая местная

внутренняя работа -- рабочие и село. Нужно признаться, что сейчас мне очень

приятно вспоминать о том времени. Мне работалось там хорошо и легко.

Киевляне ко мне относились с большим доверием и, я бы сказал, с уважением.

Имелись и трудности, было много безработных, чего в Донбассе мы не встре-

* С 1944 г. Тернополь

чали. Шел 1928 год, а в Киеве с Красным знаменем ходили по улицам,

демонстрируя, безработные. Мы их потом собрали в старом помещении Киевской

городской думы², там был зал человек на 400 -- 500, и там они митинговали.

Имелись там еще и меньшевики, и эсеры, и украинских националистов оставалось

много, сильное было и троцкистское влияние. Троцкисты использовали

трудности, которые имелись в Киеве.

Эти безработные тоже были довольно характерными, потому что безработицы

тогда на Украине вообще-то не было, даже имелся недостаток в рабочих, а вот

там было много безработных, даже коммунистов. Годами ходили они без работы.

Когда я предложил: "Пожалуйста, я вам могу сейчас же работу найти", -- они

вроде бы обрадовались. Спрашивают: "Куда?". Я говорю: "В Донбасс". -- "Нет,

мы, -- говорят, -- еще походим". И вот целый год ходят они и еще готовы,

видимо, год-два ходить. Но в Донбасс ехать не хотят: это провинция. Там

шахтеры, а они не приспособлены к такому труду. Меня это возмущало, потому

что я детство там провел и для меня Донбасс, Юзовка -- родная стихия, я

скучал по шахтерам, сжился с ними...

Проработал я в Киеве весь 1928 год. В 1929 г. мне уже стукнуло 35 лет.

Это был последний год, когда я мог еще думать о поступлении в высшее учебное

заведение, а я окончил только рабфак, и меня все время

тянуло получить

высшее образование. Поэтому я стал добиваться посылки меня на учебу.

1 ГРУШЕВСКИЙ М.С. (1866--1934)--крупный украинский историк и

литературовед, участник украинского национального движения, в 1917--1918 гг.

председатель Центральной рады, академик АН УССР с 1924 г. и АН СССР с 1929

г., автор многочисленных научных трудов.

2 Позже там помещался Киевский городской Дом учителя.

В ПРОМАКАДЕМИИ

Тут я встретил сопротивление. К тому времени Каганович уже уехал в

Москву, работать в ЦК, а вместо него был прислан Косиор¹. В Киеве считали,

что я -- близкий к Кагановичу человек (а это так действительно и было) и

поэтому уйду еще и потому,

что не хочу с Косиором иметь дело, не хочу с ним работать и

поддерживать его. Это было не так. Я Косиора мало знал, но с уважением

относился к нему. Косиор по характеру довольно мягкий, приятный человек и

разумный. Я бы сказал, что в смысле отношений с людьми он стоял выше, чем

Каганович, но как организатор он, конечно, уступал ему.
Каганович -- более

четкий и более деятельный человек: это действительно буря.
Он может даже

наломать дров, но решит задачу, которая ставится
Центральным Комитетом. Он

был более пробивной человек, чем Косиор.

Я посчитал необходимым поехать в Харьков и объясниться
с Косиором. Я

сказал ему: "Мне уже 35 лет. Я хочу учиться. Поймите меня. Я
прошу ЦК КП(б)У

понять и поддержать меня и прошу, чтобы ЦК рекомендовал
меня в Промышленную

академию. Я хочу быть металлургом". Косиор с пониманием
отнесся к моей

просьбе и согласился. Когда встал вопрос о том, что я ухожу,
Демченко очень

огорчился и долго уговаривал меня остаться, хотя и с
пониманием относился к

тому, что человек хочет учиться. Вот тогда-то я увидел и
почувствовал

истинное отношение людей к себе.

Когда я поставил вопрос об уходе на учебу и попросил
отпустить меня, то

даже решение не сразу было принято. После заседания Бюро
некоторые товарищи

зашли ко мне и говорят: "Ты действительно хочешь учиться

или у тебя, может

быть, с Демченко не выходит? Ты скажи нам открыто".
Говорили с намеком, что

поддержат меня, если у меня с Демченко не выходит дело и
плохо складываются

отношения. Я отвечал: "Нет, прошу правильно понять меня. У
меня с Демченко

наилучшие отношения. С таким человеком, как Демченко, я
готов бы работать и

дальше, но хочу учиться". -- "Ну тогда другое дело, мы тебя
поддержим". И на

следующем заседании было принято нужное решение.

Я уехал в Москву. Там тоже встретил трудности, потому
что у меня не

было достаточного руководящего хозяйственного стажа. В
Промышленной академии

товарищи говорили, что я не подойду им, и рекомендовали
идти на курсы

марксизма-ленинизма при ЦК партии. "А здесь, -- говорят, --
создано учебное

заведение для управляющих, для директоров". Пришлось мне
побеспокоить Лазаря

Моисеевича Кагановича (он был секретарем ЦК) и попросить,
чтобы ЦК поддержал

меня. Я добился своего: меня поддержал Каганович, и таким
образом я стал

слушателем Промышленной академии.

Поселился я тогда в общежитии на Покровке, в доме No 40.
Он и сейчас

там стоит. Не знаю только, что в этом здании находится. По тому времени это

было хорошее общежитие; коридорная система, отдельные комнаты. Одним словом,

идеальные условия. Учебное здание Промышленной академии помещалось на

Ново-Басманной, это тоже недалеко. Я не пользовался трамваем, ходил пешком

через Земляной вал и прямо через переулок, где был, кажется. Дом старых

большевиков, потом сворачивал на Ново-Басманную налево. Дорога занимала

всего несколько минут: такой ежедневный небольшой моцион.

Начал я учиться. В академии люди были очень разные и по партийности, и

по общей подготовке. Многие окончили сельскую школу и знали только четыре

действия арифметики, а с другой стороны, там были люди, которые имели

среднее образование. А я пришел, окончив рабфак: это считалось -- имею

среднее образование. Наша группа была подобрана довольно-таки сильной. Но у

нас имелись один-два таких товарища, которые отставали по математике, и они

нас тянули назад. Народ взрослый, упорный, поэтому не преподаватель

требовал, чтобы человек учился, а человек сам требовал от преподавателя,

чтобы тот его учил. Но на все требуется время. Бывало, не его вызывали к

доске, а он сам идет к ней, мучает преподавателя, потому что ему непонятны

те или другие математические формулы. Мы же сидим и возмущаемся, что и нас

держат, потому что для нас это уже пройденный этап.

Так было и в 1929 году. А когда я пришел в академию осенью 1930 г., то

столкнулся с таким явлением. В академию попало очень много людей, которые,

собственно, не особенно-то хотели учиться, но в силу сложившихся

политических условий вынуждены были оставить хозяйственную, партийную или

профсоюзную деятельность. Вот они и расплзались по учебным заведениям.

Промышленная академия стала буквально уютным уголком, где могли отсиживаться

такие люди, потому что стипендия приличная, столовая неплохая и общежитие

хорошее: у каждого -- комната, а некоторые маститые хозяйственники имели

возможность получить две комнаты и устроиться там с семьей.

Шефствовал тогда над Промышленной академией Куйбышев², председатель

Госплана. Ну что могло быть выше? Уважаемый и влиятельный человек, который

действительно поддерживал Промышленную академию. То

был как раз период

острой борьбы с "правыми". "Правые" развернули свою деятельность: Рыков,

Бухарин, Угланов³. Они повели борьбу, и очень сильную. Руководство партийной

ячейкой академии было в руках "правых". Секретарем ячейки был Хахарев⁴,

довольно влиятельный человек, с дореволюционным партстажем, кажется, с 1906

или 1907 года. Сам

он из Нижнего Новгорода, известный человек, прошел подполье. Вокруг

него группировалась эта, так сказать, старая гвардия. Но она была

пораженной: ведь она выступала против генеральной линии партии. Она

группировалась вокруг Бухарина и поддерживала его, поддерживала Угланова,

поддерживала Рыкова против Сталина и против Центрального Комитета партии.

Мы пришли с Юга. У нас было довольно большое землячество (донбассовцы,

днепропетровцы, луганчане, артемовчане, харьковчане). Мы стояли на позициях

Центрального Комитета. Завязалась борьба, и я тоже довольно активно втянулся

в эту борьбу. Главным образом меня тогда поддерживал Табаков. Он тоже

позднее безвинно погиб, его расстреляли. По национальности

он был еврей,

очень хороший коммунист. Я его узнал, когда он был директором треста, а

потом -- объединения по производству керамики для металлургии. В Донбассе

находился Красногоровский завод огнеупоров для облицовки доменных и

мартеновских печей, и Табаков занимался этим делом. У меня с ним установился

хороший контакт, он опирался на Юзовскую организацию, и тут-то в академии мы

сошлись с ним. У нас существовало единое партийное мнение, и другие товарищи

нас поддерживали, например, Аллилуев с Дальнего Востока. Он и сейчас,

кажется, жив, пенсионер. (Этот Аллилуев ничего общего с Аллилуевым, тестем

Сталина, не имеет, просто однофамилец.) Были у нас и другие товарищи, и

довольно-таки большая группа, но все же мы оставались в меньшинстве. Может

показаться, что я отвлекаюсь. Казалось бы, какое это имеет отношение к теме?

Я ведь хотел говорить о Сталине, о его роли. Но это как раз имеет прямое

отношение к теме.

В Промышленной академии развернулась борьба за генеральную линию

Центрального Комитета против "правых" и зиновьевцев, а

потом право-левацкого

блока Сырцова --Ломинадзе. В этой борьбе моя роль резко выделялась в том

коллективе, и все это было на виду у Центрального Комитета. Поэтому всплыла

и моя фамилия как активного члена партии, который возглавляет группу

коммунистов и ведет борьбу с углановцами, рыковцами, зиновьевцами и

троцкистами в Промышленной академии. Политическая борьба шла очень острая.

Ведь там большинство составляли члены партии с дореволюционным стажем, и

нужно сказать, что эта группа была очень солидной: в ней имелись влиятельные

люди. Например, помню нашего донбасского товарища Макарова⁵. Он был в Юзовке

директором Юзовского завода, сам же он -- нижегородец, член партии с 1905

г., очень

умный и уважаемый человек. Он официально не объявлял, что он заодно с

"правыми", но поддерживал "правых" и против "правых" нигде даже не заикался.

Видимо, он договорился с "правыми", что будет вести себя несколько скрытно,

не выявлять себя сторонником оппозиции. Считалось, что он вроде бы стоит на

позиции генеральной линии партии, а на самом деле он своей

деятельностью

способствовал усилению группы Угланова, Бухарина, Рыкова.

Остроту борьбы можно показать на таком примере.
Выборы президиума

общего собрания нашей партийной организации заняли
однажды целое заседание,

и оно открылось только на следующий день. Помню, как мои
товарищи выставляли

мою кандидатуру в президиум, но я раза два или три
проваливался и не был

избран. Когда шли выборы в президиум, то все кандидаты
должны были выйти на

трибуну и рассказать свою биографию. Кандидат с
послереволюционным стажем

члена партии уже был как бы обречен. Вот такая имела место
борьба. А уж в

бюро ячейки выбирали вообще особо. Меня несколько раз
выдвигали, и моя

кандидатура никак не проходила. В конце концов меня
выбрали в Ревизионную

комиссию, правда, потом опять провалили. Вообще тогда часто
переизбирали

бюро ячейки, потому что развернулась острая борьба, так что
люди менялись.

"Правда" часто выступала против "правых", и, как правило,
после каждого

ее выступления созывалось общее партсобрание, а оно уже
переизбирало бюро.

Но "правые" так приладились, что, когда Хахареву уже нельзя

было оставаться

секретарем партийной организации Промышленной академии, выдвинули Левочкина.

Левочкин, из Брянска, был менее заметной фигурой, но по существу тоже

"правый". Поэтому линия Бюро в поддержку "правых" продолжалась и после

перевыборов. Еще раз состоялось выступление "Правды". Опять прошло очень

бурное собрание, долго выбирали президиум, в конце концов меня избрали в

него, и я стал председателем собрания партийной организации Промышленной

академии, фактически же общего собрания Промакадемии в целом, поскольку там

все были членами ВКП(б). Заседание проходило бурно. Толчком к нему стали

события, о которых я расскажу для характеристики обстановки, которая

сложилась в то время.

Это было в 1930 году. Партия готовилась к своему XVI съезду. На местах

шли отчетные собрания. Опять разгорелась широкая и глубокая дискуссия. Тогда

"правые", чтобы устранить меня от участия в дискуссии перед выборами

делегатов на районную

партийную конференцию, придумали такой ход. Мы, шефствуя над колхозом

имени Сталина в Самарской области, собирали отчисления на покупку этим

колхозом сельскохозяйственного инвентаря. И вот бюро партийной ячейки решило

послать делегатов вручить колхозникам инвентарь. Конечно, "вручение

инвентаря" было условным, потому что мы не возили с собой машины, а просто

знали их цену и сказали, что вот для покупки такого-то инвентаря (сеялки,

комбайны и пр.) собрали такую-то сумму денег и вручаем ее партийной

организации колхоза имени Сталина. Выбрали для поездки делегацию. Она

состояла из двух человек: включили меня и Сашу Здобноваб. Здобнов -- тоже

слушатель Промышленной академии, с Урала, хороший товарищ. Он тоже, видимо,

погиб потом в "мясорубке" 1937 года.

В дороге я читал брошюру о том, что такое комбайн. Приехали мы, провели

собрание и прожили там несколько дней. Тогда-то и узнал я о действительном

положении на селе. Раньше я себе его практически не представлял, потому что

жили мы в Промышленной академии изолированно и чем дышала деревня не знали.

Приехали мы туда и встретили буквально голод. Люди от недоедания

передвигались, как осенние мухи. Помню общее собрание колхозников, мы

выступали все время с переводчиком, потому что колхоз оказался по составу

населения чувашским, и они все в один голос просили нас, чтобы мы им дали

хлеба, а машины произвели на них мало впечатления: люди буквально голодали,

я такое впервые увидел. Нас поместили к какой-то вдовушке. Она настолько

была бедна, что у нее и хлеба не было. Что мы с собой в дорогу взяли, только

этим и жили, да еще делились с этой вдовушкой.

Закончили мы свои дела, вернулись в Москву, а в это время уже шли

районные партийные конференции в столице. Наша партийная организация тоже

избрала человек 10 или больше -- не помню сколько. Состав слушателей

Промышленной академии был велик, норма же представительства была тогда

небольшой, потому что Московская партийная организация по сравнению с

теперешним составом тоже была сравнительно невелика. От Промышленной

академии на районную конференцию были избраны Сталин, Рыков и Бухарин. Не

помню, был ли избран Угланов. Кажется, нет, потому что его кандидатура была

более одиозной. Бухарин же и Рыков были избраны как члены Политбюро. Мы

считали, что "правыми" был сделан обдуманый и ловкий ход, с тем чтобы

провести на конференцию Рыкова и Бухарина именно от нашей организации: они

выступили с предложением, не объявляя, конечно, что выступают от "правых",

избрать от нашей партийной организации на районную конференцию вождей партии

и назвали такие кандидатуры: Сталин, Рыков, Бухарин. В то время Бухарин и

Рыков еще находились на таком уровне, что их кандидатуры прямо не отводили,

ведь они являлись членами Политбюро. Поэтому выступать, поддерживая Сталина

и отводя Рыкова и Бухарина, было нельзя, да это, видимо, и не встретило бы

тогда поддержки в Политбюро. Были избраны также некоторые слушатели

академии, которые поддерживали "правых".

Мне об этом рассказал Табаков, наиболее близкий мой товарищ, и мы с ним

откровенно обменивались мнениями по всем политическим вопросам. Он был

довольно развитым и подготовленным в политическом отношении человеком.

Поздно вечером раздался звонок. Меня вызывают к телефону. Это было

редкостью, потому что в Москве я ни с кем никакого знакомства не имел.

Подошел я к телефону: "Говорит Мехлис7, редактор "Правды". Вы можете ко мне

приехать в редакцию?". Я сказал, что могу. "Тогда сейчас подготовьтесь, я

пришлю свою машину. Срочно приезжайте, у меня есть к вам дело". Отвечаю:

"Хорошо".

Через несколько минут автомашина была уже около общежития Промышленной

академии. Я сел в нее и поехал в "Правду". Это было первое мое знакомство с

Мехлисом. Он зачитал мне письмецо из Промышленной академии, где

рассказывалось о политической махинации, которая была подстроена для

избрания делегации "правых" от партийной организации академии. Все знали,

что в Москве в Промышленной академии учатся в абсолютном большинстве старые

большевики, бывшие директора заводов, фабрик, объединений. Они проходили там

подготовку и переподготовку по повышению своих технических знаний. Мех-лис

зачитал текст и спрашивает: "Вы согласны с содержанием этой

корреспонденции?". Говорю: "Меня тогда там не было". -- "Знаю, что вас не

было, но заметка верна?". "Полностью согласен, она отражает

действительность". -- "А вы можете ее подписать?". "Как же я могу подписать?"

Не я же писал и автора не знаю". "Нет, нет, -- говорит, -- Ваша фамилия не

будет фигурировать и даже автора не будет. Я верю Вам, я слышал о Вас и

Вашей позиции. Если Вы подпишете, то, значит, в заметке действительно

правдиво отражается обстановка, которая сложилась в партийной организации

Промышленной академии". Я сказал: "Хорошо", и подписал. Он сейчас же на

своей машине отвез меня в общежитие Промышленной академии.

А назавтра вышла "Правда" с этой корреспонденцией. Это был гром среди

ясного неба. Забурлила Промышленная академия, были сорваны занятия, все

партгруппорги требовали собрания. Секретарь партийной организации Левочкин

вынужден был созвать его.

Партийная ячейка раскололась. Хозяйственники в академии были

аполитичные люди, а некоторые -- просто сомнительные лица. Кое-кого из них я

знал: наши были, донецкие. Приходили они ко мне и говорили: "Что ты склоку

заводишь? Что тебе нужно?". Я отвечал: "Слушай, ты же ничего не понимаешь,

это же "правые", куда они тебя тянут?". А они ни черта не понимали, кто

такие "правые" и кто такие "левые".

Это собрание было самым бурным. На нем-то меня и избрали в президиум, и

я стал председателем собрания. Тут и активизировалась группа, которая стояла

на позициях Центрального Комитета и вела борьбу с "правыми", то есть с

руководством нашей организации, так как оно в основном было "правым". Не

помню, сколько времени шло заседание. Закончилось оно тем, что были отозваны

все делегаты, кроме Сталина, -- и Рыков, и Бухарин, и представители нашей

партийной организации, после чего избрали новых делегатов, в том числе меня,

на районную партийную конференцию.

Меня избрали (не помню, каким большинством) в бюро и секретарем

партийной организации. Тогда мы развернули активную деятельность по борьбе с

правыми. Шум пошел по Москве, что идет в Промакадемии борьба.

Да, была борьба, острейшая борьба, но мы навели порядок. Партийная

ячейка твердо стала на позиции Центрального Комитета, а

это означало

поддержку Сталина, секретаря ЦК и вождя страны.

Через эту мою деятельность в Промакадемии меня, видимо, и узнал Сталин.

Сталину, конечно, импонировало, что наша партийная организация поддерживает

его. Мы тогда так прямо не говорили, а выступали в защиту Генеральной линии

партии. Я и сейчас считаю, что поддержка линии, выразителем которой в то

время являлся Сталин, была правильной.

Как я уже упоминал, Сталин обо мне узнал, именно когда я учился в

Промышленной академии. Тогда как раз прошел разгром московских и горьковских

правых, и они все пошли в Промышленную академию. Поэтому это был как бы

инкубатор правых, рассадник микробов правого толка, правого направления. Там

они занимали довольно прочные позиции. Вот, например,

Пахаров, старый нижегородец, член партии с 1903 года, кажется. Очень

порядочный человек. Я его знал как директора, потому что он был директором

Юзовского завода, когда я возвратился из Красной Армии. Потом Коршунов.

Между прочим, Коршунов был хорошим другом Молотова, и встречался с ним в

выходные дни.

Итак, провалилась затея "правого" бюро, отправив меня представителем от

партийной организации академии в колхоз, устранить возможность избрания меня

на районную партконференцию и лишить возможности там выступить. Наоборот,

эта группа потерпела катастрофу, все ее представители были отозваны, а на

Бауманскую районную конференцию избраны сторонники генеральной линии

Центрального Комитета ВКП(б). Это случилось настолько поспешно, что мандаты

на районную конференцию, которые мы получили и распределили между вновь

избранными делегатами, были выписаны еще на прежних делегатов. Я тоже пошел

на конференцию с мандатом, принадлежащим кому-то другому. Стали проверять

документы и говорят, что ведь это же мандат на такого-то человека. Отвечаю:

"Да, выписан на него, а я вот такой-то". Прошло, потому что партийная

организация Бауманского района все уже знала. А инцидент с мандатом, с

которым я пришел на конференцию, кончился шуткой,

В Бауманском райкоме тоже не все занимали достаточно четкую позицию.

Секретарем его являлся Ширин9. Я затрудняюсь сейчас сказать, был ли он

"правым" или просто пассивным человеком, недостаточно политически зрелым и

недостаточно политически активным. Когда он приходил к нам в академию, то он

там никаким уважением не пользовался, и ему даже говорить не давали. Цихон

10 пришел, авторитетный человек, нарком труда, а до того бывший секретарь

Бауманского райкома (позднее он тоже погиб, расстреляли его), и ему не дали

выступить. Он говорил: "Послушайте, я имел дело со строителями, и даже там

больше порядка придерживались, чем у вас, а ведь вы -- слушатели академии".

Одним словом, Бауманская организация не была боевой, но и не считалась

оппозиционной, поддерживающей "правых". Мы договорились среди делегатов, что

я должен буду выступить там и изложить нашу позицию, чтобы никто не считал,

что мы выбрали "правых". Добавлю, что когда я выступил, то конференция

встретила меня довольно прохладно. Я уже был избран тогда секретарем

партийной организации академии. Поэтому именно мне пришлось выступать, чтобы

районная партийная конференция знала, что парторганизация Промышленной

академии твердо стоит на позициях генеральной линии партии и что

избрание "правых" -- уловка бывшего партийного руководства академии, которое

сочувствовало "правым", а теперь лишено доверия и переизбрано.

Во время моего выступления раздавались неодобрительные голоса, мол,

знаем мы, дескать. Промышленную академию. Слава о ней шла плохая в смысле ее

партийной линии. Поэтому мне пришлось доказывать, что те делегаты, которые

подали реплику, имеют, конечно, основания не доверять, но что делегация,

которая сейчас присутствует на районной партийной конференции, отражает

другую точку зрения, нежели делегаты, которые были избраны раньше, и что мы

твердо стоим на партийных позициях (за генеральную линию партии, как тогда

обычно заявляли). Партийная конференция нам поверила.

После этого моя фамилия стала еще более известна в Московской партийной

организации и в Центральном Комитете. Это, собственно говоря, и предрешило

мою дальнейшую судьбу как партийного работника. Как я позже узнал, она была

предрешена также и тем, что в Промышленной академии со мной вместе училась

Надя Аллилуева, жена Сталина. Я не знал до моего избрания секретарем, что

она училась с нами. Но она всю эту борьбу наглядно видела и, вероятно,

приходя домой, информировала Сталина. Рассказывала, конечно, и о других. Вот

Воробьев¹¹, бравый такой парень из комсомольцев, так он Сталина только что

"Николаем Палкиным" не называл, а вообще-то ругал по-всякому. В нашем

понимании это тогда было преступлением. Мы считали, что это -- покушение на

партию. И лишь потом, через десятки лет, поняли, что такая характеристика

была правильной и что такое прозвище очень подошло бы Сталину.

В целом Бауманская конференция проходила очень бурно. На первых ее

заседаниях я не присутствовал, тогда я еще не имел мандата, но потом мне

рассказывали. Выступала Надежда Константиновна Крупская¹², и ее выступление

партконференция приняла плохо. Ее речи тогда шли не в такт генеральной линии

партии, и многие говорили тогда, особенно в кулуарах, что осуждают ее

выступление. Тогда, конечно, и я тоже стоял на такой позиции. И у меня, и у

других было двойственное чувство: с одной стороны, уважение к Надежде

Константиновне как соратнику и ближайшему к Ленину человеку; с другой

стороны, она выступала, не поддерживая Сталина. Потом-то я уже по-другому

стал оценивать это, главным образом после смерти Сталина, когда я стал иначе

рассматривать и деятельность Сталина, оценивать его как

вождя и как личность. Видимо, Надежда Константиновна была по-своему в

те времена, безусловно, права. Но партийная конференция ее не понимала, не

принимала и осуждала ее выступление.

Так началась моя деятельность партийного работника. Вскоре я был избран

в Бауманский районный партийный комитет. Это произошло в январе 1931 г., а

конференция проходила, по-моему, в июле 1930 года. В то время я познакомился

с Булганиным¹³. Он был в Бауманском районе директором Электростроительного завода. В

Москве проводилась партийная конференция, и я входил в комиссию, которая

проверяла парторганизацию Электростроительного завода. Тогда к проверкам привлекали людей,

которые имели большой партстаж (у меня он -- с 1918 года), поэтому на всю

Москву не хватало таких людей. Не особенно-то охотно шли мы на это, нас

отрывали от занятий. Сам Булганин не проходил проверку, он находился за

границей, и лишь после того, как он приехал, мы с ним

беседовали. Он

произвел на меня тогда очень хорошее впечатление, а потом получил за свою

работу высокую награду -- орден Ленина.

Вернусь к Аллилуевой: она была парторгом академической группы. Как-то

приходит она ко мне и говорит: "Я хотела бы с вами согласовать нашу линию,

сейчас партийная группа обсуждает такой-то вопрос, как нам правильно

записать политическую характеристику момента?". Обсуждение было связано с

борьбой с "правыми". Я ответил ей, а сам потом, когда она ушла, думаю: "Она,

придя домой, расскажет Сталину, и что он скажет?". Но на следующий день она

ничего не сказала, а я ее не спрашивал. Видимо, моя оценка оказалась

правильной. Когда я стал встречаться со Сталиным, то сначала ничего не

понимал, почему он упоминал какие-то факты из моей деятельности в

Промышленной академии. Я молчал и не отвечал: не знал, радоваться мне или

ежиться из-за этого. А сам думал: "Откуда он знает?". Потом, смотрю, вроде

он улыбается. Тогда я сообразил: видимо. Надежда Сергеевна подробно

информировала его о жизни нашей партийной организации и о

моей роли как ее

секретаря, представив меня в хорошем свете.

Вероятно, Сталин и сказал после этого Кагановичу:
"Возьмите Хрущева на

работу в МК". Перспектива работы с Кагановичем мне
импонировала, потому что

я к нему относился с большим доверием и уважением. Лишь
потом я узнал его

характер, и его грубость сразу вызвала у меня антипатию. Так я
был приобщен

к Московской общегородской партийной организации, это
была большая честь.

Ведь Московская организация -- столичная. Но

никогда я не забуду, как мне было здесь нелегко. Как-то
Каганович

спросил меня: "Как вы себя чувствуете?". Говорю: "Очень
плохо". Он удивился:

"Почему?". Отвечаю: "Я не знаю городского хозяйства, а все
эти вопросы надо

здесь решать". "Какие у вас с Булганиным отношения?"
(Булганин тогда стал

председателем Моссовета). "Формально отношения очень даже
хорошие, но я

думаю, что он меня не признает как настоящего
руководителя городским

хозяйством, а для города это первое дело". Он говорит: "Вы
переоцениваете

его и недооцениваете себя. А он к вам ходит?". "Ходить-то
он ходит,

согласовывает. Но мне кажется, что он лучше знает дело и если и приходит ко

мне, то просто как к секретарю МК. А вообще у нас очень хорошие отношения, и

я с уважением к нему отношусь".

Позднее, когда мы поработали вместе, я увидел, что Булганин -- очень

поверхностный, легковесный человек. Он не влезал глубоко в хозяйство, а в

вопросах политики мог считаться даже аполитичным, никогда не жил бурной

политической жизнью. Я не знал его биографии, хотя мне было известно, что он

работал в железнодорожной ЧК по борьбе с мешочниками, а потом его выдвинули

директором завода. Директором он был, видимо, по тем временам неплохим. Он

ведь имел среднее образование, что тогда было редким явлением. Директорами,

как правило, становились рабочие. Каганович его называл бухгалтером. Верно,

по стилю работы он был бухгалтер.

В то время я считал, что просто придан в поддержку Булганину. Сталин,

бывало, нас всегда вместе вызывал или приглашал на семейные обеды и всегда

шутил: "Приходите обедать, отцы города". Каганович с нами не ходил. Он хоть

и оставался секретарем МК, но, видимо, Сталин уже в этой

роли его не

признавал, а считал секретарем ЦК. А мы, "отцы города", представляли Москву.

По существу, так оно и было, потому что Каганович просто физически не имел

возможности заниматься делами столицы, по уши был загружен делами ЦК. Он

работал очень добросовестно: как говорится, ни дня, ни ночи не видел.

1 КОСИОР С.В. (1889-1939) -- рабочий, член РСДРП с 1907 г. После 1917

г. видный парработник, один из организаторов КП(б)У, секретарь ее ЦК с 1920

г.. Сибирского бюро ЦК РКП(б) с 1922 г., далее генеральный секретарь ЦК

КП(б)У до 1938 г., перед репрессированном -- заместитель Председателя

Совнаркома СССР и председатель Комиссии советского контроля, член Политбюро

ЦК ВКП(б) с 1930 г., член ЦК партии с 1924 года. Репрессирован,

реабилитирован посмертно.

2 КУЙБЫШЕВ В.В. (1888-1935)--сын офицера, член РСДРП с 1904 г.,

участник трех российских революций, после 1917 г. видный военно-политический

работник, с 1921 г член Президиума ВСНХ, с 1922 г. секретарь ЦК РКП(б), с

1923 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции и заместитель

Председателя

Совнаркома СССР и СТО, с 1926 г. председатель ВСНХ, с 1930 г. председатель

**Госплана СССР и заместитель, а с 1934 г. -- 1-й заместитель
Председателя**

**Совнаркома СССР, в 1934-1935 гг. председатель Комиссии
советского контроля,**

**член ЦК партии в 1922 г. и с 1927 г., в 1923-1926 гг. председатель
ЦКК РКИ,**

с 1927 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

**3 УГЛАНОВ Н.А. (1886-1937) -- член Коммунистической
партии с 1907 г.,**

**активный участник революционного движения и Гражданской
войны, секретарь**

**Петроградского губкома в 1921-1922 гг. и Нижегородского
губкома партии в**

**1922-1924 гг., секретарь ЦК партии в 1924-1929 гг. и
Московского областного**

**и городского комитетов партии в 1924-1928 гг., нарком труда
СССР в 1928-1930**

**гг., член ЦК партии в 1923-1930 гг. и кандидат в члены
Политбюро ЦК в**

**1926-1929 гг, член Оргбюро ЦК в 1924-1929 гг., ВЦИК и
ЦИК СССР.**

Репрессирован, реабилитирован посмертно.

**4 ХАХАРЕВ К.Г. -- член РСДРП с 1905 г., после 1917 г.
активный деятель**

**Коммунистической партии, занимал ряд ответственных
должностей.**

5 МАКАРОВ И.Г.--член РСДРП с 1905 г., директор Юзовского (Сталинского)

завода в 1922-1924 и затем в 1932-1936 годах.

6 ЗДОБНОВ А.З. -- член РКП(б) с 1918 г., затем находился на различных

партийных постах.

7 МЕХЛИС Л.З. (1889-1953) -- служащий, член РКП(б) с 1918 г., занимал

ответственные партийные и советские посты, включая работу в секретариате

И.В. Сталина, с 1930 г. заведовал Отделом печати ЦК ВКП(б) и одновременно

руководил газетой "Правда", в 1937-1941 гг. (с перерывом) начальник Главного

политического управления РККА, в 1941-1942 гг. заместитель наркома обороны

СССР, с 1940 г. заместитель председателя Совнаркома СССР, в 1942-1945 гг

член ряда Военных советов на фронтах Великой Отечественной войны, в

1940-1950 гг. нарком (министр) Государственного контроля СССР; с 1938 г.

член Оргбюро ЦК ВКП(б) и с 1937 г. -- Президиума Верховного Совета СССР,

член ЦК ВКП(б) с 1939 года.

8 МОЛОТОВ В.М. (Скрябин) (1890-1986) -- член КПСС с 1906 г., участник

революционного движения, с 1919 г. председатель Нижегородского губисполкома,

секретарь Донецкого губкома РКП(б), в 1921-1930 гг секретарь ЦК партии, в

1930-1941 гг. председатель Совнаркома СССР, в 1942-1957 гг. первый зам.

председателя СНК (Совмина) СССР, в 1941-1945 гг. зам. председателя

Государственного комитета обороны, в 1939-1949 и 1953-1956 гг. нарком

иностраных дел СССР, с 1957 г. посол в Монголии, в 1960-1962 гг. постоянный

представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии, в разные

годы -- член ЦК, Оргбюро ЦК и Политбюро ЦК, ВЦИК и ЦИК СССР, депутат

Верховного Совета СССР в 1937-1958 гг. В июне 1957 г. снят с партийных

постов за фракционную деятельность.

9 ШИРИН А.П.--член РКП(б) с 1919 г., занимал ряд партийных должностей.

10 ЦИХОН А.М. (1887-1939)--член КПСС с 1906 г., участник революционного

движения, государственный и партийный деятель, в 1928-1930 гг. председатель

ЦК союза строителей, в 1930-1933 гг. нарком труда СССР, член Центральной

ревизионной комиссии в 1925-1927 гг. и ЦК партии в 1930-1934 гг., член ВЦИК

и ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

11 ВОРОБЬЕВ В.Н -- член РСДРП с 1917 г., участник и организатор

комсомольского и общемолодежного движения.

12 КРУПСКАЯ Н.К. (1869-1939) -- дочь чиновника, член РСДРП с 1898 г.,

супруга и ближайший соратник В.И. Ленина, активный деятель Коммунистической

партии, организатор женского движения, ответственный работник

политпросвещения и органов народного образования, почетный член АН СССР с

1931 г., автор многочисленных трудов по истории ВКП(б), политработе,

педагогике.

13 БУЛГАНИН Н.А. (1895-1975)--служащий, член РСДРП с 1917 г., с 1918 г.

сотрудник ВЧК, с 1922 г. работник Высшего совета народного хозяйства СССР, с

1927 г. директор Московского электростроительного завода, с 1931 г. председатель

Моссовета, с 1937 г. Председатель Совнаркома РСФСР, с 1938 г. заместитель

Председателя Совнаркома СССР, в 1941-1943 гг. член ряда Военных советов в

Действующей армии, с 1944 г. заместитель наркома обороны СССР и член

Государственного комитета обороны, с 1947 г. министр вооруженных сил СССР и

заместитель, с 1953 г. 1-й заместитель Председателя Совета

Министров СССР, с

1955 г. до 1958 г. Председатель Совета Министров СССР. В 1947-1958 гг. носил

звание Маршала Советского Союза. В 1957 г. примкнул к так называемый.

Антипартийной группе в ЦК КПСС и в 1958 г. был разжалован в

генерал-полковники, работал до 1960 г. председателем Ставропольского

краевого Совнархоза, потом пенсионер. В 1948-1958 гг. член Политбюро

(Президиума) ЦК партии; член ЦК партии в 1939-1959 годах.

ЛИЧНОЕ ЗНАКОМСТВО СО СТАЛИНЫМ

Посещение домашних обедов у Сталина было особенно приятным, пока была

жива Надежда Сергеевна. Она была принципиальным, партийным человеком и в то

же время чуткой и хлебосольной хозяйкой. Я очень сожалел, когда она умерла.

Накануне ее кончины проходили октябрьские торжества... Шла демонстрация, и я

стоял возле Мавзолея Ленина в группе актива. Аллилуева была рядом со мной,

мы разговаривали. Было прохладно, и Сталин стоял на Мавзолее в шинели (он,

как всегда в ту пору, ходил в шинели). Крючки у него были расстегнуты и полы

распахнулись. Дул ветер, Аллилуева глянула и говорит: "Вот мой не взял шарф,

простудится и опять будет болеть". Все это было очень по-домашнему и никак

не вязалось с вросшими в наше сознание представлениями о Сталине, о вожде.

Потом кончилась демонстрация, все разошлись. А на следующий день

Каганович собирает секретарей московских райкомов партии и говорит, что

скоропостижно скончалась Надежда Сергеевна. Я тогда подумал: "Как же так? Я

же с ней вчера разговаривал. Цветущая, красивая такая женщина была".

Искренне пожалел: "Ну, что же, всякое бывает, умирают люди...". Через день

или два Каганович опять собирает тот же состав и говорит: "Я передаю

поручение Сталина. Сталин велел сказать, что Аллилуева не умерла, а

застрелилась". Вот и все. Причин, конечно, нам не излагали. Застрелилась, и

все тут. Ее похоронили. Сталин ходил провожать ее на кладбище. По его лицу

было видно, что он очень переживал, оплакивал ее.

Уже после смерти Сталина я узнал причину смерти Надежды Сергеевны. На

это есть документы. А мы спросили Власика¹, начальника охраны Сталина:

"Какие причины побудили Надежду Сергеевну к самоубийству?". Вот что он

рассказал: "После парада, как всегда, все пошли обедать к Ворошилову². (В

Кремле у него большая квартира была. Я тоже там обедал несколько раз.

Приходил туда узкий круг лиц: командующий парадом, в тот раз, по-моему,

Корк³, принимавший парад нарком Ворошилов и некоторые члены Политбюро, самые

близкие к Сталину. Шли туда прямо с Красной площади. Тогда демонстрации

надолго затягивались.) Там они пообедали, выпили, как полагается и что

полагается в таких случаях. Надежды Сергеевны там не было. Все разъехались,

уехал и Сталин. Уехал, но домой не приехал. Было уже поздно. Надежда

Сергеевна стала проявлять беспокойство -- где же Сталин? Начала его искать

по телефону. Прежде всего она позвонила на дачу.

Они жили тогда в Зубалове, но не там, где жил последнее время Микоян⁴,

а через овраг. На звонок ответил дежурный. Надежда Сергеевна спросила: "Где

товарищ Сталин?". -- "Товарищ Сталин здесь". -- "Кто с ним?". Тот назвал: "С

ним жена Гусева". Утром, когда Сталин приехал, жена уже была мертва. Гусев

-- это военный, и он тоже присутствовал на обеде у Ворошилова. Когда Сталин

уезжал, он взял жену Гусева с собой. Я Гусеву никогда не видел, но Микоян

говорил, что она очень красивая женщина. Когда Власик рассказывал эту

историю, он так прокомментировал: "Черт его знает. Дурак неопытный этот

дежурный: она спросила, а он так прямо и сказал ей".

Тогда еще ходили глухие сплетни, что Сталин сам убил ее. Были такие

слухи, и я лично их слышал. Видимо, и Сталин об этом знал. Раз слухи ходили,

то, конечно, чекисты записывали

и докладывали. Потом люди говорили, что Сталин пришел в спальню, где он

и обнаружил мертвую Надежду Сергеевну; не один пришел, а с Ворошиловым. Так

ли это было, трудно сказать. Почему это вдруг в спальню нужно ходить с

Ворошиловым? А если человек хочет взять свидетеля, то, значит, он знал, что

ее уже нет? Одним словом, эта сторона дела до сих пор темна.

Вообще-то я мало знал о семейной жизни Сталина. Судить об этом я могу

только по обедам, где мы бывали, и по отдельным репликам. Случалось, Сталин,

когда он был под хмельком, вспоминал иной раз: "Вот я, бывало, запрუსь в

своей спальне, а она стучит и кричит: "Невозможный ты человек. Жить с тобой

невозможно". Он рассказывал также, что, когда маленькая Светланка сердилась,

то повторяла слова матери: "Ты невозможный человек. -- И добавляла: -- Я на

тебя жаловаться буду". -- "Кому же ты жаловаться будешь?". -- "Повару".

Повар был у нее самым большим авторитетом.

После смерти Надежды Сергеевны я некоторое время встречал у Сталина

молодую красивую женщину, типичную кавказку. Она старалась нам не

встречаться на пути. Только глаза сверкнут, и сразу она пропадает. Потом мне

сказали, что эта женщина -- воспитательница Светланки. Но это продолжалось

недолго, и она исчезла. По некоторым замечаниям Берии⁵ я понял, что это была

его протеже. Ну, Берия, тот умел подбирать "воспитательниц".

Аллилуеву же я жалел еще и чисто по-человечески. Славным она была

человеком. Когда она училась в Промакадемии на текстильном факультете,

овладевая специальностью химика по искусственному волокну, то была избрана

партгруппоргом и приходила согласовывать со мной всякие

формулировки. Я при

этом всегда как бы оглядывался: вот придет она домой и расскажет Сталину о

моих словах... У Винниченкоб есть рассказ "Пиня". Этот Пиня был выбран

старостой в тюремной камере, поэтому он за всех принимал решения. Избрали

меня в Промакадемии секретарем парткома, и почувствовал я себя Пиней. Но ни

разу не пожалел, что сказал Надежде Сергеевне то или что-то другое. Да и

скромница она была в жизни. В академию приезжала только на трамвае, уходила

вместе со всеми и никогда не вылезала как "жена большого человека". Есть

старая истина: судьба нередко лишает нас лучших.

Я уже рассказывал, что Сталин часто вспоминал факты моей работы в

академии, а я смотрел и недоумевал: откуда он знает?

Потом понял, откуда он знает некоторые эпизоды из моей жизни. Видимо,

Надежда Сергеевна информировала его о жизни партийной организации

Промышленной академии в то время, когда я там учился, а потом и возглавлял

партийную организацию. По-видимому, она представляла меня в хорошем свете

как политического деятеля. Поэтому Сталин и узнал меня через нее. А сначала

я приписывал свое выдвижение на партийную работу в Москве Кагановичу, потому

что Каганович меня очень хорошо знал по Украине, где мы с ним были знакомы

буквально с первых же дней Февральской революции. Потом уж я сделал вывод,

что, видимо, мое выдвижение было предпринято не Кагановичем, а скорее всего

исходило от Сталина. Это, конечно, импонировало Кагановичу. Наверное,

Надежда Сергеевна меня, грубо говоря, расхваливала Сталину.

Сталин нравился мне и в быту. Иной раз при встрече в домашней

обстановке я слышал, как он шутил. Шутки у него были для меня довольно

необычными. Я обоготворял его личность и шуток поэтому от него не ждал, так

что любая шутка мне казалась необычной: шутит "человек не от мира сего".

Мне нравилась семья Сталина. У Сталина я встречал старика Аллилуева и

его жену, тоже пожилую женщину. Приглашался туда и Реденс со своей женой,

старшей сестрой Надежды Сергеевны Анной Сергеевной, и ее брат. Он мне тоже

очень нравился -- молодой и красивый человек в командирском звании, не то

артиллерист, не то из танковых войск... Это были такие непринужденные

семейные обеды, с шутками и прочим. Сталин на этих обедах был очень

человечным, и мне это импонировало. Я еще больше проникался уважением к

Сталину и как к политическому деятелю, равного которому не было в его

окружении, и как к простому человеку. Но я тогда ошибался. Теперь я вижу,

что не все понимал. Сталин действительно велик, я и сейчас это подтверждаю,

и в своем окружении он был выше всех на много голов. Но он был еще и артист,

и иезуит. Он способен был на игру, чтобы показать себя в определенном

качестве.

Хочу описать еще одну встречу со Сталиным, которая произвела на меня

сильное впечатление. Это произошло, когда я учился в Промакадемии. Первый

выпуск ее слушателей состоялся в 1930 году. Тогда директором у нас был

Каминский⁸, старый большевик, хороший товарищ. Я к нему относился с

уважением. Мы его попросили, чтобы он обратился к Сталину с просьбой принять

представителей партийной организации Промышленной академии в связи с первым

выпуском слушателей. Мы хотели услышать напутственное слово от товарища

Сталина. У нас был запланирован вечер в Колонном зале Дома союзов,

посвященный выпуску слушателей, и мы просили, чтобы Сталин выступил на этом

торжественном заседании. Нам сообщили, чтобы мы выделили своих

представителей, и Сталин примет человек шесть или семь. В их числе был и я

как секретарь партийной организации. Остальные участники этой встречи уже

окончили Промышленную академию, а я попал именно как представитель партийной

организации.

Пришли к Сталину. Он сейчас же принял нас, и началась беседа. Сталин

развивал такую тему: надо учиться, надо овладевать знаниями, но не

разбрасываться, а знать свое конкретное дело глубоко и в деталях. Нужно,

чтобы из вас получились подготовленные руководители, не вообще какие-то

специалисты по общему руководству делом, а с глубоким знанием именно своего

дела. Тут он привел такой пример: если взять нашего специалиста, русского

инженера, то это специалист очень образованный и всесторонне развитый. Он

может поддерживать разговор на любую тему и в обществе дам, и в своем кругу,

он сведущ в вопросах литературы, искусства и других. Но когда потребуются

его конкретные знания, например, машина остановилась, то он сейчас же пошлет

других людей, которые бы ее исправили. А вот немецкий инженер будет в

обществе более скучен. Но если ему сказать, что остановилась машина, он

снимет пиджак, засучит рукава, возьмет ключ, сам разберет, исправит и пустит

машину. Вот такие люди нужны нам: не с общими широкими знаниями, это тоже

очень хорошо, но, главное, чтобы они знали свою специальность и знали ее

глубоко, умели учить людей.

Нам это понравилось. Я такую точку зрения слышал и раньше, еще когда

учился на рабфаке. Тогда проводилась в жизнь такая идея, что нам, конечно,

нужны и институты, но главным образом нужно побольше техникумов, чтобы иметь

у нас не столько просто образованных людей, знающих ту или другую отрасль,

сколько специалистов, окончивших техникумы, если проще говорить --

ремесленников, которые знали бы дело уже, но зато глубже, чем инженер той же

специальности. У нас тогда и споров не было, мы всецело придерживались такой

точки зрения. Поэтому слова Сталина, при личном знакомстве с ним, произвели

тогда на меня хорошее впечатление: вот человек, который знает суть и

правильно направляет наши умы, нашу энергию на решение коренной задачи

индустриализации страны, подъема промышленности и создания на этой основе

неприступности границ нашей Родины со стороны капиталистического мира. На

этой же базе основывался и подъем благосостояния народа.

Закончили беседу. Сталин сказал: "Я не смогу быть у вас, а придет к вам

Михаил Иванович Калинин⁹. Он вас поприветствует". Когда завершилась беседа

со Сталиным, мы увидели, что уже началось заседание в Колонном зале и нам

надо туда бежать. Пришли мы из Кремля в Колонный зал, когда доклад уже

кончился. С докладом, по-моему, выступал Каминский. Потом говорили слушатели

и, наконец, выступил Михаил Иванович. Мы все уважали его и внимательно

слушали. Но он говорил как раз обратное тому, о чем только что сказал

Сталин. Правда, он тоже утверждал, что надо учиться, овладевать знаниями и

быть квалифицированными руководителями нашей промышленности: "Вы кадровые

командиры и должны знать не только свою специальность, но должны читать

литературу, должны быть всесторонне развитыми. Надо быть не только знатоками

своей специальности, своих машин и приборов, вы должны быть знатоками нашей

литературы, искусства, истории и прочего". Те, кто был у Сталина,

переглядывались. Ведь мы только что пришли от него, а Калинин по этому

вопросу говорил как раз противоположное услышанному от Сталина. Я был на

стороне Сталина, считая, что он конкретнее ставит задачи, ибо прежде всего

мы должны быть специалистами, мастерами своего дела и не разбрасываться,

иначе мы не будем иметь настоящей цены. Тот, кто глубже знает свой предмет,

более полезен для своей Родины и для дела.

Когда началась моя партийная деятельность в Москве, то в январе 1931 г.

состоялась районная партийная конференция. Тогда районные партконференции

проводились или через шесть месяцев, или через год. На этой-то конференции я

был избран в январе секретарем Бауманского районного партийного комитета, а

Коротченко¹⁰ -- председателем районного Совета. Завергом в райкоме стал

товарищ Трейвас¹¹, очень хороший товарищ. Агитмассовым отделом заведовал,

по-моему, товарищ Розов, тоже очень хороший, деятельный человек. Потом еще

Шуров¹². У него так кончилась карьера: не помню, либо его арестовали, либо

он покончил жизнь самоубийством в Сибири в 1937 году.

Трейвас в 20-е годы был широко известен как комсомольский деятель. Это

был дружок Саши Безыменского¹³. Они вместе являлись активными деятелями

Московской комсомольской организации. Трейвас -- очень дельный, хороший и

умный человек. Но меня еще тогда Каганович предупредил, что, мол, у него

имеется

политический изъян: он в свое время, когда шла острая борьба с

троцкистами, подписал так называемую декларацию 93-х комсомольцев в

поддержку Троцкого. Безыменский ее тоже подписал.

"Поэтому, -- сказал

Каганович, -- требуется настороженность, хотя сейчас Трейвас полностью стоит

на партийных позициях, не вызывает никаких сомнений и рекомендуется от

Центрального Комитета заворгом".

Сейчас, когда прошло столько лет, я должен сказать, что Трейвас работал

очень хорошо, преданно, активно. Это был умный человек, и я им был очень

доволен. Но с ним я проработал только полгода, а потом меня избрали

секретарем Краснопресненского райкома партии. Это считалось повышением на

партийной лестнице, потому что Красная Пресня занимала более высокие

политические позиции, чем Бауманский район, ввиду ее славного исторического

прошлого--Декабрьского восстания 1905 года. Краснопресненская

парторганизация была ведущей партийной районной организацией в Москве.

Трейвас же остался в Бауманском районе. А секретарем Бауманского райкома

избрали, по-моему, Марголина¹⁴.

Трейвас кончил свою жизнь трагично. Он был избран секретарем Калужского

горкома партии и хорошо там работал. Гремел, если так можно сказать, этот

Калужский горком. Но когда началась "мясорубка" 1937 года, то и он не

избежал ее. Я опять встретился с Трейвасом, когда он уже сидел в тюрьме.

Сталин тогда выдвинул идею, что секретари обкомов партии должны ходить в

тюрьмы и проверять правильность действий чекистских органов. Поэтому я тоже

ходил. Помню, Реденс был тогда начальником управления
ОГПУ Московской

области. Это тоже интересная фигура. Реденс, бедняга, тоже
кончил жизнь

трагически. Он был арестован и расстрелян; несмотря на то,
что был женат на

сестре Надежды Сергеевны Аллилуевой, то есть являлся
свояком Сталина. Я

много раз встречал Реденса на квартире у Сталина, на
семейных обедах, на

которые я тоже приглашался как секретарь Московской
партийной организации,

да и Булганин как председатель Моссовета.

Вот с этим-то Реденсом ходили мы и проверяли тюрьмы. Это
была ужасная

картина. Помню, зашел я в женское отделение одной тюрьмы.
Жарища, дело было

летом, камера переполнена... Реденс предупредил меня, что
там можно

встретиться с такой-то и такой-то, там попадаются знакомые.
Действительно,

сидела там одна очень активная и умная женщина -- Бетти
Глан15. Она и

сейчас, кажется, еще жива и здорова. Была она вторым по
счету директором

Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в
Москве. Но она была не

только директором, а фактически одним из его создателей. Я
тогда не бывал на

дипломатических приемах, а она как выходец из буржуазной семьи знала этикет

высшего общества, и Литвинов¹⁶ ее всегда туда приглашал, так что она как бы

представляла наше государство на этих приемах. Теперь я встретил ее в

тюрьме. Она была полуголая, как и другие, потому что стояла жарища. Говорит:

"Товарищ Хрущев, ну какой же я враг народа? Я честный человек, я преданный

партии человек". Вышли мы оттуда, зашли в мужское отделение. Тут я встретил

Трейваса. Трейвас тоже говорит мне: "Товарищ Хрущев, разве я такой сякой?".

Я тут же обратился к Реденсу, а он отвечает: "Товарищ Хрущев, они все так.

Они все отрицают. Они просто врут".

Тогда я понял, что наше положение секретарей обкомов очень тяжелое:

фактические материалы следствия находятся в руках чекистов, которые и

формируют мнение: они допрашивают, пишут протоколы дознания, а мы являемся,

собственно говоря, как бы "жертвами" этих чекистских органов и сами начинаем

смотреть их глазами. Таким образом, это получался не контроль, а фикция,

ширма, которая прикрывала их деятельность. Позднее я подумал: а почему

Сталин так сделал? Теперь ясно, что Сталин это сделал сознательно, он

продумал это дело, чтобы, когда понадобится, мог бы сказать: "Там же

партийная организация. Они ведь следят, они обязаны следить". А что такое

"следить"? Как именно следить? Чекистские органы не подчинены нашей

партийной организации. Следовательно, кто за кем следит? Фактически не

партийная организация следила за чекистскими органами, а чекистские органы

следили за партийной организацией, за всеми партийными руководителями.

В то время мне приходилось очень часто встречаться со Сталиным и

слушать его: на заседаниях, на совещаниях, на конференциях, слушать и видеть

его деятельность при встречах с ним у него на квартире и в обстановке работы

руководящего коллектива -- Политбюро Центрального Комитета. На этом фоне

Сталин резко выделялся, особенно четкостью своих формулировок. Меня это

очень подкупало. Я всей душой был предан ЦК партии во главе со Сталиным и

самому Сталину в первую очередь.

Раз присутствовал я на совещании узкого круга хозяйственников. Это было

тогда, когда Сталин сформулировал свои знаменитые "шесть условий" успешного

функционирования экономики¹⁷. Я тогда работал секретарем Бауманского райкома

партии. Мне позвонили, чтобы я явился на Политбюро, выступит Сталин.

Я сейчас же приехал в ЦК, там было уже полно людей. Зал, в котором мы

заседали, небольшой, вмещавший максимум человек 300, был битком набит.

Слушая Сталина, я старался не пропустить ни одного слова и, насколько мог,

записал его выступление. Потом оно было опубликовано. Повторяю, краткость

выражений и четкость формулирования задач, которые были поставлены,

подкупали меня, и я все больше и больше проникался уважением к Сталину,

признавая за ним особые качества руководителя.

Я встречал и наблюдал Сталина также при непринужденных беседах.

Это случалось иной раз в театре. Когда Сталин шел в театр, он порой поручал

позвонить мне, и я приезжал туда или один, или вместе с Булганиным. Обычно

он приглашал нас, когда у него возникали какие-то вопросы, и он хотел,

находясь в театре, там же обменяться мнениями по вопросам, которые чаще

всего касались города Москвы. Мы же всегда с большим вниманием слушали его и

старались сделать именно так, как он нам советовал. А в ту пору советовал он

чаще в хорошей, товарищеской форме пожеланий.

Однажды (по-моему, перед XVII партийным съездом) мне позвонили и

сказали, чтобы я сам позвонил по такому-то номеру телефона. Я знал, что это

номер телефона на квартире Сталина. Звоню. Он мне говорит: "Товарищ Хрущев,

до меня дошли слухи, что у вас в Москве неблагополучно дело обстоит с

туалетами. Даже "по-маленькому" люди бегают и не знают, где бы найти такое

место, чтобы освободиться. Создается нехорошее, неловкое положение. Вы

подумайте с Булганиным о том, чтобы создать в городе подходящие условия".

Казалось бы, такая мелочь. Но это меня еще больше подкупило: вот, даже о

таких вопросах Сталин заботится и советует нам. Мы, конечно, развили бешеную

деятельность с Булганиным и другими ответственными лицами, поручили

обследовать все дома и дворы, хотя это касалось в основном дворов, поставили

на ноги милицию. Потом Сталин уточнил задачу: надо создать культурные

платные туалеты. И это тоже было сделано. Были построены отдельные туалеты.

И все это придумал тоже Сталин.

Помню, как тогда не то на совещание, не то на конференцию съехались

товарищи из провинции. Эйхе¹⁸ (он тогда, кажется, в Новосибирске был

секретарем парторганизации) с такой латышской простотою спрашивал меня:

"Товарищ Хрущев, правильно ли люди говорят, что вы занимаетесь уборными в

городе Москве и что это -- по поручению товарища Сталина?".
"Да, верно, --

отвечаю, -- я занимаюсь туалетами и считаю, что в этом

проявляется забота о людях, потому что туалеты в таком большом городе

-- это заведения, без которых люди не могут обходиться даже в таких городах,

как Москва". Вот такой эпизод, казалось бы, мелочевый, свидетельствует, что

Сталин и мелочам уделяет внимание. Вождь мирового рабочего класса, как тогда

говорили, вождь партии, а ведь не упускает из виду такую жизненно

необходимую мелочь для человека, как городские туалеты. И это нас подкупало.

Еще отдельные эпизоды, которые связаны с деятельностью Сталина и

характеризуют его. Помню, однажды на заседании Политбюро

встал несколько

**необычный вопрос об одном лице, командированном
Внешторгом в какую-то**

**латиноамериканскую страну. Подошла очередь данного
вопроса. Вызвали этого**

**человека. Пришел он, очень растерянный с виду, лет тридцати
пяти. Начинается**

**обсуждение. К нему обращается Сталин: "Расскажите нам все,
как было, ничего**

**не утаивая". Тот рассказывает, что приехал в эту страну
делать какие-то**

**заказы. Сейчас я точно уже не помню, от какой организации и
куда он ездил.**

**Но не это главное. Тут интересно, как реагировал Сталин.
А человек**

**продолжает: "Я зашел в ресторан поесть. Сел за стол, заказал
обед. Ко мне**

**подсел какой-то молодой человек и спрашивает: "Вы из
России?". -- "Да, из**

**России". -- "А как вы относитесь к музыке?". -- "Люблю
послушать, если**

**хорошо играют на скрипке". -- "А что вы приехали закупать?".
-- "Я приехал**

**закупать оборудование". -- "А вы в России служили в
армии?". -- "Да,**

**служил". -- "В каких частях?". -- "В кавалерии, я кавалерист,
люблю лошадей**

**и сейчас, хотя уже не служу". -- "А как вы стреляете? Вы же
были военным".**

-- "Неплохо стреляю". А назавтра мне перевели, что было обо мне написано в

газетах. Я просто за голову взялся. Оказывается, это был журналист,

представитель какой-то газеты, но он не представился мне, а я по своей

неопытности стал с ним разговаривать и отвечать на его вопросы. Он написал,

что приехал такой-то, что будет размещать заказы на такую-то сумму (все это

был вымысел), что любит ездить верхом, настоящий джигит, хороший стрелок и

спортсмен, стреляет вот так-то и попадает туда-то на таком-то расстоянии, к

тому же скрипач, и т. д. Одним словом, столько было написано чепухи, что я

ужаснулся, но сделать уже ничего не мог. Через некоторое время посольство

предложило мне, чтобы я возвратился на Родину. Вот я приехал и докладываю

вам, как это было. Очень прошу учесть, что было сделано без какого-либо

злого умысла".

Пока он рассказывал, все хихикали и подшучивали над ним,

особенно лица, приглашенные со стороны. Но члены ЦК и Ревизионной

комиссии, которые всегда присутствовали на заседаниях, вели себя сдержанно,

ожидая, что же теперь будет. Когда я посмотрел на этого

человека, мне его

стало жалко: он оказался жертвой собственной простоты, наивности, а как

скажется на нем разбор дела на заседании Политбюро?

Человек этот говорил

очень чистосердечно, но смущался. Сталин же приободрял его: "Рассказывайте,

рассказывайте", причем спокойным, дружелюбным тоном. Вдруг Сталин говорит:

"Ну, что же, доверился человек и стал жертвой этих разбойников пера,

пиратов... А больше ничего не было?". "Ничего". -- "Давайте считать, что

вопрос исчерпан. Смотрите, в дальнейшем будьте поосторожнее". Мне очень

понравился такой исход обсуждения.

После этого объявили перерыв. Тогда Политбюро заседало долго, и час, и

два, и больше, делали перерыв, после чего все уходили в другой зал, где

стояли столы со стульями и подавался чай с бутербродами. Тогда было голодное

время даже для таких людей, как я, занимавших довольно высокое положение,

жили мы более чем скромно, даже не всегда можно было вдоволь поесть у себя

дома. Поэтому, приходя в Кремль, наедались там досыта бутербродами с

колбасой и ветчиной, пили сладкий чай и пользовались всеми

благами как люди,

не избалованные яствами изысканной кухни. Так вот, когда был объявлен

перерыв и все пошли в "обжорку", как мы между собой в шутку ее называли, он,

бедняга, продолжал сидеть, настолько, видимо, потрясенный неожиданным для

него исходом дела, что, пока ему кто-то не сказал об окончании заседания, он

не двигался с места.

Мне очень понравились такая человечность и простота Сталина, понимание

им души человека. Казалось ведь, что человек уже обречен, раз поставлен на

обсуждение этот вопрос. Думаю, что, наверное, пришло какое-то донесение

Сталину, после чего Сталин сам поставил этот вопрос на Политбюро, чтобы

показать, каков он и как решает такие дела.

Еще один эпизод. Это произошло, наверное, в 1932 или 1933 году. Тогда

возникло в обществе движение, как мы тогда их называли, отличников. Лыжники,

рабочие Московского электростанции, который занимал тогда передовое место в

столице, решили совершить лыжный поход из Москвы в Сибирь или на Дальний

Восток. Они благополучно его завершили, возвратились и были представлены к

наградам. Их наградили какими-то значками или даже орденами. И, конечно,

было вокруг этого много шума. Потом туркмены решили на конях прискакать из

Ашхабада в Москву

и тоже совершили свой переход. Их тоже встретили с почетом, одарили

подарками и опять же наградили. Потом и в других городах и областях

развернулось "движение отличников".

Вдруг Сталин сказал, что надо это прекратить, иначе конца не будет:

если мы начнем поощрять, а мы уже начали, так все станут ходить, скакать,

чем-то "отличаться" и отрываться от производства. "Мы, -- сказал он, --

превратимся в бродяг, будем публично поощрять такое бродяжничество и даже

награждать за него. Нужно прекратить!". И тут же положил конец "движению

отличников". Мне это тоже очень понравилось: во-первых, ненужная была

шумиха; во-вторых, действительно неверное направление дела поощрения к

бродяжничеству, каким-то бесконечным походам и переходам. Сталин же

по-хозяйски подошел к вопросу: нужно нацеливать усилия людей в другом

направлении, к тому, что поднимает производство,

способствует сплочению

народа, удовлетворению его потребностей и т. п. Хорошо разок совершить

спортивный поход на лыжах, но это в принципе никакого особого значения не

имеет, потому что по-настоящему спорт надо развивать все же на другой

основе.

Зато неприятно поразил меня такой случай. Кажется, шел 1932 год. В

Москве была голодуха, и я как второй секретарь горкома партии затрачивал

много усилий на изыскание возможностей прокормить рабочий класс. Занялись мы

кроликами. Сталин сам выдвинул эту идею, и я увлекся этим делом: с большим

рвением проводил в жизнь указание Сталина развивать кролиководство. Каждая

фабрика и каждый завод там, где только возможно и даже, к сожалению, где

невозможно, разводили кроликов. Потом занялись шампиньонами: строили

погреба, закладывали траншеи. Некоторые заводы хорошо поддерживали

продуктами свои столовые, но всякое массовое движение, даже хорошее, часто

ведет к извращениям. Поэтому случалось много неприятных казусов. Не всегда

такие хозяйства окупались, были и убыточные, и не все

директора поддерживали

их. Гуляло в обиходе прозвание этих грибниц гробницами.

При распределении карточек с талонами на продукты и товары было много

жульничества. Ведь всегда так: раз карточки, значит, недостаток, а

недостаток толкает людей, особенно неустойчивых, на обход законов. При таких

условиях воры просто плодятся. Каганович сказал мне: "Вы приготовьтесь к

докладу на Политбюро насчет борьбы в Москве за упорядочение карточной

системы. Надо лишить карточек тех людей, которые добыли их незаконно,

воровским способом". Карточки были разные -- для работающих и для

неработающих. Для работающих--тоже разные, и это тоже один из рычагов,

который двигал людей на всяческие ухищрения и даже злоупотребления. Мы

провели тогда большую работу со всеми организациями, включая профсоюзы,

милицию и чекистов. Сотни тысяч карточек просто сэкономили или отобрали,

лишив их тех людей, которые были недостойны. Ведь тогда шла острая борьба за

хлеб, за продукты питания, за выполнение первой пятилетки. Надо было

обеспечить в первую очередь питанием тех, кто сам

способствовал успеху

пятилетки.

Настал день, когда нас должны были слушать по этому вопросу на

Политбюро. Каганович сказал, что докладывать буду я. Это меня очень

обеспокоило и даже напугало: выступать на таком авторитетном заседании, где

Сталин будет оценивать мой доклад. Председательствовал тогда на заседаниях

Молотов, Сталин никогда в то время не председательствовал. Только после

войны Сталин уже чаще, чем раньше, сам вел заседания. В 40-е годы на

заседаниях Политбюро обычно царила сдержанность. Но в 30-е годы обсуждение

некоторых вопросов проходило довольно бурно, особенно если кто-нибудь

позволял себе выразить свои эмоции. Тогда это еще допускалось. Раз,

например, вспылал Серго Орджоникидзе, вообще очень горячий человек, налетел

на наркома внешней торговли Розенгольца¹⁹ и чуть не ударил его...

Итак, сделал я доклад, рассказывая, каких больших мы добились успехов.

А Сталин подал реплику: "Не хвастайте, не хвастайте, товарищ Хрущев. Много,

очень много осталось воров, а вы думаете, что всех выловили".

На меня это

сильно подействовало: действительно, я посчитал, что мы буквально всех воров

разоблачили, а вот Сталин, хоть и не выходил за пределы Кремля, а видит, что

жуликов еще очень много. По существу, так и было. Но то, как именно подал он

реплику, понравилось мне очень: в таком родительском тоне. Это тоже

поднимало Сталина в моих глазах.

А теперь перейду к упомянутому мною неприятному эпизоду. Через какое-то

время я узнал, что такой же доклад будут делать ленинградцы. Меня

заинтересовало, какую же работу провели они? У нас было соцсоревнование с

ленинградцами по всем вопросам, и гласное, и негласное. Настал день, когда

этот вопрос был поставлен в повестку дня на Политбюро. Пришел я на заседание

и сижу себе на своем месте (места были не нумерованные, но за постоянными

посетителями заседаний они как-то закрепились). Доклад делал секретарь

городского партийного

комитета. Первым секретарем был Сергей Миронович Киров, но не он делал

доклад, а другой секретарь, с латышской фамилией. Я его мало знал. Но ведь

он секретарь Ленинградского горкома; уже поэтому я относился к нему с

должным уважением. Доклад он, с моей точки зрения, сделал хороший:

ленинградцы тоже много поработали, обеспечили экономию и сократили много

карточек к выдаче.

Был объявлен перерыв, народ повалил в "обжорку", а я как-то задержался.

Сталин, видимо, ожидал, пока пройдут те, кто занимал задние места. И тут я

стал невольным свидетелем, как Сталин перебрасывался фразами об этом

секретаре с Кировым. Он спросил его, что это за человек. Сергей Миронович

что-то ответил ему, вероятно, положительно. Сталин же бросил реплику,

унижавшую к оскорблявшую этого секретаря. Для меня это было просто страшным

моральным ударом. Я даже в мыслях не допускал, что Сталин, вождь партии,

вождь рабочего класса, может так неуважительно относиться к члену партии.

Помню, наступали мы и заняли у белых город Малоархангельск; пришел ко

мне местный учитель, человек небольшого ума, и спросил, какой пост ему

дадут, если он вступит в партию. Меня это возмутило, но я сдержался и

сказал: "Самый ответственный пост". -- "А какой?". "Дадут винтовку в руки и

пошлют бить белогвардейцев. Это сейчас самый ответственный пост. Решается

вопрос, быть или не быть Советской власти. Что может быть более

ответственным?". "Ну если так, то я не пойду в партию". Говорю: "Самое

лучшее. Вы не ходите!".

Я отвлекся. А вот Сталин, вождь, у которого, казалось, я должен брать

уроки доброго отношения к людям и понимания их, пускает такую реплику. Вот

уже столько лет прошло, а его слова все еще сидят осколком у меня в памяти.

Они оставили отрицательное мнение о Сталине. В его словах прозвучало

пренебрежение к людям. Латыш, о котором шла речь, был простой человек,

видимо, из рабочих. Тогда латышей вообще среди нашего актива было очень

много. Вот встречался я, например, с одним латышом, он командовал 72-м

полком 9-й стрелковой дивизии. И на партийных постах, и в хозяйстве, и в

Красной Армии было много латышей, и я всегда относился к ним с большим

уважением. Да и вообще не было тогда у нас деления людей по национальностям.

**Деление было по преданности делу: за революцию или против?
Это было главным.**

**Потом уже стало нас разъедать мелкобуржуазное отношение к
людям: а какой**

**нации? А раньше имело значение только социальное
положение: из рабочих он,**

из крестьян или из

**интеллигенции? Интеллигенция была тогда, как говорится,
на подозрении.**

**Ведь в первые годы революции сравнительно мало людей
интеллигентного труда**

состояло в рядах Коммунистической партии.

**1 ВЛАСИК Н.С. (1896-1967) -- в Главном управлении
госбезопасности НКВД**

**(МВД) СССР возглавлял отдел охраны правительства до
1952 г.,**

генерал-лейтенант, отвечал за личную охрану Сталина.

**2 ВОРОШИЛОВ К.Е. (1881-1969) -- рабочий, член РСДРП с
1903 г., участник**

**трех российских революций и борьбы за Советскую власть в
годы Гражданской**

**войны, с 1921 г. командовал войсками Северо-Кавказского,
затем Московского**

**военных округов, с 1925 г. нарком по военным и морским делам
(нарком обороны**

**с 1934 г.) СССР, с 1940 г. заместитель Председателя
Совнаркома СССР, во**

**время Великой Отечественной войны занимал ряд руководящих
должностей, с 1946**

**г. заместитель Председателя Совета Министров СССР, с 1953
г. Председатель**

**Президиума Верховного Совета СССР, с 1935 г. Маршал
Советского Союза, с 1926**

**г. по 1960 г. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, с 1960 г.
член Президиума**

Верховного Совета СССР.

**3 КОРК А.И. (1887-1937) -- крестьянин, служил офицером в
царской армии,**

**член ВКП(б) с 1927 г., на командных должностях в Красной
Армии с 1918 г.,**

**руководил войсками ряда военных округов, перед
репрессированием был**

**начальником Военной академии им М.В.Фрунзе.
Реабилитирован посмертно.**

**4 МИКОЯН А.И. (1895-1978) -- из рабочих, член РСДРП с 1915
года, в годы**

**Гражданской войны участник борьбы за Советскую власть в
Закавказье, с 1920**

**г. занимал ответственные партийные посты, в 1926-1949 гг.
нарком (министр)**

**внешней и внутренней торговли, снабжения, пищевой
промышленности, торговли,**

**с 1937 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР, во
время Великой**

**Отечественной войны член Государственного комитета
обороны, с 1946 г.**

**заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1955 г.
-- первый его**

заместитель, в 1964-1965 гг. Председатель (с 1965 г. член) Президиума

Верховного Совета СССР, с 1974 г. на пенсии; член ЦК партии в 1923-1975

годах, член Политбюро (Президиума) ЦК партии в 1935-1966 годах.

5 БЕРИЯ Л.П. (1899-1953) -- из крестьян, член РСДРП с 1917 г., в

1918-1920 гг. техник и служащий таможи, с 1921 г. до 1931 г. работал в

органах ЧК и ГПУ Закавказья, с 1931 г. 2-й секретарь Закавказского крайкома

ВКП(б) и 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии, с 1932 г. 1-й секретарь Закрайкома

ВКП(б), с 1938 г. 1-й заместитель наркома и затем нарком (министр по 1953 г.

с перерывом) внутренних дел СССР, с 1941 г. заместитель Председателя

Совнаркома СССР и Генеральный комиссар государственной безопасности, член и

заместитель Председателя Государственного комитета обороны, с 1945 г. Маршал

Советского Союза, с 1953 г. 1-й заместитель Предсовмина СССР и министр

внутренних дел СССР; член ЦК ВКП(б) с 1934 г., кандидата члены (с 1939 г.) и

член (с 1946 г.) Политбюро ЦК ВКП(б), с 1952 г. член Президиума ЦК КПСС.

Расстрелян в декабре 1953 г.

6 ВИННИЧЕНКО В.К. (1880-1951)--писатель, идеолог украинского

национального движения, в 1918-1919 гг. председатель украинской Директории,

в 1920 г. заместитель председателя Совнаркома УССР, впоследствии эмигрант.

7 РЕДЕНС С.Ф. (1892-1940)--член РСДРП с 1914 г., видный сотрудник ОГПУ

и НКВД, с 1935 г. комиссар государственной безопасности 1 ранга. Был

репрессирован.

8 КАМИНСКИЙ Г.Н. (1895-1938) -- из рабочих, член РСДРП с 1913 г., в

1917-1921 гг. занимал ответственные партийные и советские посты, в 1922-1929

гг. на руководящей работе в профсоюзах, кооперации и "Колхозцентре", с 1930

г. секретарь Московского горкома ВКП(б), с 1932 г. председатель Московского

областного исполкома, с 1934 г. нарком здравоохранения РСФСР, с 1936г.

нарком здравоохранения СССР; кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925-1927 и с 1934

г., член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

9 КАЛИНИН М.И. (1875-1946) -- крестьянин, затем рабочий, член РСДРП с

1898 г., активный участник пролетарского движения и трех российских

революций, в 1917 г. городской голова Петрограда, в 1918 г. комиссар

городского хозяйства Петрограда, с 1919 г. Председатель ВЦИК, с 1922 г.

Председатель ЦИК СССР, с 1938 г. Председатель Президиума Верховного Совета

СССР; член ЦК партии с 1919 г., с 1926 г. член Политбюро ЦК партии.

10 КОРОТЧЕНКО Д.С. (1894-1969) -- крестьянин, потом солдат, член РКП(б)

с 1918 г., находился с 1918 г. на различных партийных постах на Украине, в

1931-1934 гг. председатель Бауманского райисполкома в Москве, затем

секретарь Бауманского и Первомайского райкомов партии в Москве, с 1936 г.

секретарь Московского обкома ВКП(б), в 1937-1938 гг. первый секретарь

Западного, затем Днепропетровского обкомов партии и председатель Совнаркома

УССР, в 1939-1947 гг. секретарь ЦК КП(б)У, в 1947-1954 гг. председатель

Совета Министров УССР, далее председатель Президиума Верховного Совета УССР,

член ЦК ВКП(б) с 1939 г., член Президиума (в 1952-1953 гг.) и затем кандидат

в члены Президиума ЦК КПСС.

11 ТРЕЙВАС Б.Е. -- член РКП(б) с 1918 г., партийно-политический

работник.

12 ШУРОВ В.Я.--член РСДРП с 1917 г., партийно-политический работник.

13 БЕЗЫМЕНСКИЙ А.И. (1898-1973) --член РСДРП с 1916 г., поэт, активный

участник коммунистического молодежного движения, автор сборников

стихотворений, поэм и пьес.

14 МАРГОЛИН Н.В. -- член РСДРП с 1914 г., после 1917 г. видный

партийный работник, последний пост перед репрессированием -- секретарь

Днепропетровского окружкома ВКП(б). Реабилитирован посмертно.

15 ГЛАН Б.Н. (1905 г. рожд.) -- из служащих, член РКП(б) с 1924 г., в

20-е годы сотрудник Коминтерна и Коминтерна молодежи, в 1929-1937 гг.

директор Центрального парка культуры и отдыха в Москве, после реабилитации в

1955 г. работник Союза композиторов СССР, Всероссийского театрального

общества и Союза театральных деятелей РСФСР.

16 ЛИТВИНОВ М.М. (1876-1951) -- из служащих, член РСДРП с 1898 г.,

участник первой и третьей российских революций, активный деятель

большевистского движения, с 1918 г. на различных дипломатических постах, с

1921 г. заместитель наркома иностранных дел, в 1930-1939 гг. нарком (в

1941-1946 гг.

зам. наркома) иностранных дел СССР, в 1941-1943 гг. посол СССР в США, с

1946 г. на пенсии; член ЦК ВКП(б) с 1934 г., член ЦИК СССР.

17 В речи И.В.Сталина "Новая обстановка -- новые задачи хозяйственного

строительства" от 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников, состоявшемся

при ЦК ВКП(б).

18 ЭЙХЕ Р.И. (1890-1940) -- из крестьян, потом рабочий, член РСДРП с

1905 г., член Социал-демократии Латышского края и участник борьбы за

советскую власть в Прибалтике, в 1919 г. нарком продовольствия Советской

Латвии, до 1924 г работал в Наркомпроде РСФСР, в 1925-1937 гг. председатель

Сибирского краевого исполкома и 1-й секретарь Сибирского и

Западно-Сибирского крайкомов ВКП(б), с 1937 г нарком земледелия СССР; член

ЦК ВКП(б) с 1930 г., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 г., член

ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

19 РОЗЕНГОЛЬЦАЛ. (1889-1938) -- из купцов, член РСДРП с 1905 г., один

из лидеров Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в

Москве, в 1918-1927

гг. занимал ряд ответственных военных и государственных постов, с 1928 г.

заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции, в 1930-1937 гг. нарком

внешней торговли СССР, перед репрессированием был начальником Управления

государственных резервов при Совнаркоме СССР; кандидат в члены ЦК ВКП(б) с

1934 года. Реабилитирован посмертно.

МОСКОВСКИЕ БУДНИ

В 1930 г. летом проходил XVI партийный съезд. На этот съезд я не был

избран делегатом, ибо учился в Промышленной академии. Промышленная академия

занимала нетвердую политическую позицию, и при выборах на съезд моя

кандидатура не была выдвинута: во-первых, я был новый человек, неизвестный

Московской парторганизации; во-вторых, я в Промышленной академии представлял

новое руководство, которое стояло на позициях генеральной линии партии.

Бауманский райком партии возглавлял тогда Ширин, а он был политически

недостаточно зрелым и, видимо, имелась у него еще какие-то свои соображения.

Одним словом, я не был избран, но в ЦК ВКП(б) дали мне постоянный гостевой

билет на съезд. Поэтому я присутствовал на отчетном докладе Сталина и на

выступлениях, хотя и не на всех, так как было очень много людей, которые

обращались ко мне с просьбой дать им гостевой билет, и я не мог отказать.

Хотя и запрещалось передавать гостевой билет другим товарищам, но, каюсь, мы

это делали. Правда, некоторых поймали и даже наказали, однако мне

сошло. Товарищей, которые ходили с моим гостевым билетом, пропускали

туда, и мы были довольны, что не только я, а и другие побывали на съезде по

гостевому билету, который был выписан Центральным Комитетом персонально для

меня.

Кончились летние каникулы, и осенью мы опять приступили к учебе. Она

протекала бурно. Мы много сделали для перестройки учебного процесса. В

Промышленной академии училось немало бездельников, которые пришли туда не

учиться, а отсидеться в период острой политической борьбы. Это был как бы

политический отстойник. "Правые" свили там себе гнездо, окопались там... У

нас было два выходных--воскресенье, как обычно, для всех, и еще один день

для проработки пройденного. Я жил в общежитии и наглядно видел эту

"проработку". Все уходило куда-нибудь с утра, а приходили -- не знаю когда,

просто бездельничали. И мы тогда поставили вопрос о том, что надо учиться:

ведь мы прибыли сюда не для того, чтобы просто проводить время в Москве, а

чтобы получить знания и вернуться в промышленность теоретически и

практически подкованными и с большей пользой работать для партии, для блага

народа в деле строительства социализма. И вот провели мы и это мероприятие,

и многие отбросили то, что мешало лучшему использованию учебного времени.

Наша партийная организация вскоре приобрела большой авторитет в

Московском партийном комитете и в ЦК. Тогда возникало очень много

политических ситуаций в ходе борьбы с оппозицией, когда нам надо было

реагировать, и реагировать немедленно. Промышленная академия занимала тут

как бы ведущее положение. Мы собирались по группам, проводили общие

собрания, и наши резолюции о текущем моменте сейчас же публиковались в

"Правде". Таким образом, они становились общим достоянием.

Одним из острейших был вопрос о коллективизации сельскою хозяйства. Мы

считали, что известное выступление Сталина с письмом "Головокружение от

успехов"¹ -- это шедевр. Мы понимали его как смелость руководителя партии,

который не боится признать ошибки. Правда, он не взял эти ошибки на себя

лично, а взвалил их на партийный актив. Хотя местный актив с азартом, грубо

говоря, со звериным азартом проводил коллективизацию, но он все же находился

под бичом "Правды". Если взять "Правду" за тот период, то она пестрела изо

дня в день цифрами (у кого в районе какой процент крестьян уже объединен в

колхозы), подхлестывавшими местные партийные организации. В 1929-- 1930гг.

у меня не было никакого прямого соприкосновения ни с деревней, ни даже

с партактивом, который проводил эту кампанию. Я питался данными лишь со

страниц "Правды" и радовался. Я стоял за колхозы всей душой и телом, поэтому

меня радовали публикуемые цифры.

А когда разразился гром -- письмо "Головокружение от

успехов", я был

несколько смущен: как же так, все было хорошо, а потом вдруг такое письмо?

Но стало ясно, что это было необходимо, потому что угроза назревала или даже

уже назрела. Уже вспыхивали отдельные восстания крестьян и назревали еще

более крупные. Обстановка коллективизации хорошо отражена Шолоховым² в

"Поднятой целине". Правда, в "Поднятой целине" дело нашло отражение именно

так, как оно толковалось Сталиным. Иначе и быть не могло, Шолохов иначе не

мог написать. Теперь же, когда выявились злоупотребления Сталиным властью,

то при анализе пройденного нами пути требуется более аналитический, более

глубокий подход. Надо, все проанализировав, сделать правильный вывод из

ошибок, прежде всего из ошибок, допущенных Сталиным, когда он лбом ударился

о стену и не смог прошибить ее, из-за чего вынужден был отступить. Но,

отступая, свалил свою вину на других, и это очень дорого обошлось тем людям.

Помню, как Московская организация тоже обвинялась в том, что она

допустила перегибы. Тогда Московскую парторганизацию возглавлял товарищ

Бауман3. Я мало знал его, но он считался крупным руководителем. Потом, когда

его освободили, на пост руководителя Московской организации был выдвинут

Молотов. Однако Молотов мало проработал на этом посту, а на это место был

выдвинут Каганович.

Тогда к нам уже стали проникать сведения, что на селе не благополучно,

что с колхозами не все обстоит гладко. Разгорелась острая борьба с

"правыми". Потом Рыков и Бухарин сконтактировали свою оппозиционную

деятельность с Зиновьевцами и даже с троцкистами. Одним словом, разгорелась

очень сильная борьба. Вот тогда-то, насколько сейчас помню, Угланова,

который был противником такой коллективизации, и сменил Бауман, затем

Баумана сменил Молотов, а Молотова сменил Каганович. Таким образом, шло "по

возрастающей" выдвижение людей в Московской организации, которая сама

выдвигалась на передний план и должна была послужить примером для других,

поскольку одновременно шло и нарастание коллективизации.

Когда я уже работал секретарем Московского городского комитета партии

(это было в 1932 г.), вдруг Каганович однажды говорит мне, что

он собирается

в командировку в Краснодар. Он не вполне откровенно сказал, какие причины

вызвали эту поездку. Не знаю, сколько он отсутствовал, наверное, с неделю

или с две, однако когда приехал, то как руководитель Московской

парторганизации проинформировал нас о положении дел. Оказывается, он выезжал

в Краснодар потому, что там началась забастовка (как тогда говорили

--саботаж). Кубанские казаки не хотели обрабатывать землю в колхозах, и в

результате этой поездки были выселены в Сибирь целые станицы.

Мы смотрели тогда на все эти события глазами Сталина и обвиняли

кулаков, "правых", троцкистов, Зиновьевцев и всех, кого нужно было обвинить

и с кем велась тогда борьба в партии. Просто не допускалось мысли, что могут

быть допущены ошибки Центральным Комитетом, в первую голову Сталиным. Он

формулировал в то время политические задачи совершенно бесконтрольно. К тому

времени, по-моему, уже были фактически отстранены от руководства Рыков,

Бухарин, Зиновьев и Каменев⁴, а Троцкого уже и в нашей стране не было, он

был выслан за границу. Таким образом, предвидеть эти ошибки или как-то

допустить их наличие зависело от ЦК, от Политбюро, а в Политбюро руководящую

и решающую роль играл Сталин. Значит, если искать виновных, то главная вина

лежала на нем.

Но тогда мы этого не видели, мы смотрели на все глазами Сталина:

коллективизация идет, Сталин вовремя повернул руль, все увидел и опубликовал

письмо "Головокружение от успехов". Мне неизвестно даже сейчас, какие

реальные были у нас успехи. Тогда же, собственно, мы об этом и не

задумывались: раз Сталин сказал, значит, так и есть, мы просто не понимали,

не замечали фактов. А "успехи" были такие, что в стране возник голод.

У меня имелись приятели среди военных. Одним из них был Векличев⁵,

начальник Политуправления Московского военного округа, очень хороший

товарищ. Он был ближайшим, преданнейшим другом Якира. Он когда-то работал на

Украине и сам происходил из шахтеров. Ходил он тогда с тремя или четырьмя

ромбами в петлицах. Он-то и рассказал мне, что на Украине дело обстоит

плохо: крестьяне не работают, не хотят пахать, повсюду забастовки, саботаж.

Вдруг я узнаю, что мобилизованные красноармейцы посылаются на прополку

сахарной свеклы на Украину. В те времена Украина была главным поставщиком

сахара, наверное, процентов 70 сахара, если не больше, давала она стране.

Когда я работал на Украине, то несколько соприкасался с сельским

хозяйством и получил представление об уходе за сахарной свеклой. Поэтому

меня такое известие страшно поразило: если, думаю, красноармейцы будут

полоть и убирать сахарную свеклу, то сахара ожидать нельзя. Эта культура

довольно трудоемкая, деликатная, и ее нужно обрабатывать со знанием дела,

своевременно ухаживая за ней. Конечно, от людей, не заинтересованных в

результатах труда, сложно что-либо требовать. К тому же красноармейцы в

большинстве своем были из разных районов страны, а не только из

свеклосеющих, и они плохо знали конкретное дело. И, конечно, это сказалось

на результатах: сахара не было.

Позже просачивались в Москву сведения, что на Украине царит голод. Я же

просто не представлял себе, как может быть в 1932 г. голодно на Украине.

Когда я уезжал в 1929 г., Украина находилась в приличном состоянии по

обеспеченности продуктами питания. А в 1926 г. мы вообще жили по стандарту

довоенного времени, то есть 1913 г., а тогда продуктов питания на Украине

имелось много, и все продукты были дешевые: фунт мяса стоил 14 коп., у

овощей была буквально копеечная цена. В 1926 г. мы достигли довоенного

уровня, и после упадка хозяйства в результате войны и разрухи мы гордились

этим успехом. И вдруг -- голод!

Уже значительно позже я узнал о действительном положении дел. Когда я

приехал на Украину в 1938 г., то мне рассказывали, какие раньше были тяжелые

времена, но никто не говорил, в чем же заключались эти тяжелые

обстоятельства. Оказывается, вот что было, как рассказал мне потом товарищ

Микоян. Он говорил: "Приехал однажды товарищ Демченко в Москву, зашел ко

мне: "Анастас Иванович, знает ли Сталин, знает ли Политбюро, какое сложилось

сейчас положение на Украине?" (Демченко был тогда секретарем Киевского

обкома партии, причем области были очень большими).
Пришли в Киев вагоны, а

когда раскрыли их, то оказалось, что вагоны загружены
человеческими трупами.

Поезд шел из Харькова в Киев через Полтаву, и вот на
промежутке от Полтавы

до Киева кто-то погрузил трупы, они прибыли в Киев.
"Положение очень

тяжелое, -- говорил Демченко, -- а Сталин об этом, наверное,
не знает. Я

хотел бы, чтобы вы, узнав об этом, довели до сведения товарища
Сталина".

Вот тоже характерная черта того периода, когда даже такой
человек, как

Демченко, член Политбюро ЦК КП(б)Украины, видный
работник и член ЦК, не мог

сам прийти, проинформировать и высказать свое мнение по
существу. Уже

складывалось ненормальное положение: один человек подавлял
коллектив, другие

перед ним трепетали. Демченко хорошо все понимал, но он
все-таки решил

рассказать Микояну, зная, что Микоян был в то время очень
близким человеком

к Сталину. Да и вообще тогда в партии, в партактиве нередко
говорили, что

существует "кавказская группа" в руководстве. К
кавказской группе

относились, в частности, Сталин, Орджоникидзе, Енукидзе и
Микоян.

**Сколько же тогда погибло людей? Сейчас я не могу сказать.
Сведения об**

**этом просочились в буржуазную печать, и в ней вплоть до
последнего времени**

**моей деятельности иной раз проскальзывали статьи насчет
коллективизации и**

**цене этой коллективизации в жизнях советских людей. Но это
сейчас я так**

**говорю, а тогда я ничего этого, во-первых, не знал, а во-вторых,
если бы и**

**знал о чем-то, то нашлись бы свои объяснения: саботаж,
контрреволюция,**

**кулацкие проделки, с которыми надо бороться, и т. п. Это ведь
нельзя было**

**отрицать, потому что Октябрьская революция породила острую
классовую борьбу,**

**которая потрясла весь общественный строй и экономический
уклад страны, ее**

**политические основы аж до пупа Земли. Все было... Только
теперь видно, что**

**нельзя было все объяснять лишь этим: нужно было еще и
разумно руководить**

страной.

**Я регулярно встречался со Сталиным, когда уже работал
в Москве**

**секретарем горкома партии и отвечал за вопросы
реконструкции города. Первый**

**план реконструкции Москвы разрабатывался при мне, когда
я работал вторым**

секретарем горкома ВКП(б), а Булганин был председателем Моссовета. По-моему,

главным архитектором города был тогда Чернышев⁸, очень умный человек. Он

автор здания Института В. И. Ленина. Этот архитектор производил на меня

впечатление человека очень скромного и застенчивого. Произошел однажды

неприятный эпизод. Пришли мы на площадь у Моссовета и стали осматривать

здания, которые окружают Моссовет. Каганович взглянул на здание Института

Маркса -- Энгельса -- Ленина (новое название, позднее -- Центральный

партийный архив) и говорит: "Черт его знает, и кто это построил такое

уродливое здание?". Дом имел форму куба и окрашен был в серый цвет, под

бетон. Действительно, здание выглядело мрачноватым. Архитекторы несколько

смугились, и очень-очень смугился Чернышев. Он ответил: "Лазарь Моисеевич,

это я проектировал". Тот улыбнулся, извинился и начал несколько смягчать

свое оскорбительное замечание в адрес архитектора.

Мы докладывали тогда о ходе реконструкции Москвы в Политбюро. Доклад

сделал, кажется, Каганович, хотя, может быть, и Чернышев как главный

архитектор города. Мне понравились указания Сталина по соответствующим

вопросам. Я сейчас уже не помню, что конкретно он говорил, слова не были

настолько яркими, чтобы сохраниться в моей памяти, но общее впечатление

осталось хорошее. Это произошло, кажется, в 1934 году. В то время уже

началось строительство метрополитена. Когда решался вопрос об этом, мы очень

слабо представляли себе, что это за строительство, были довольно наивны и

смотрели на это как на нечто чуть ли не сверхъестественное. Сейчас гораздо

проще смотрят на полеты в космос, чем мы тогда -- на строительство в Москве

метрополитена. Но ведь тогда было другое время, и с этим надо считаться.

Лучшим строителем считался Павел Павлович Ротерт⁹, немец российского

происхождения. Он считался крупнейшим среди строителей. В принципе тогда

самое крупное гражданское строительство было осуществлено в Харькове, где

возвели Дом промышленности на площади Дзержинского. По тем временам это

действительно было грандиозное сооружение. После войны Дом промышленности

был реконструирован и расширен. Раньше он не был таким огромным, как сейчас,

но по тем временам являлся крупнейшим зданием в стране.
Строил его как раз

Ротерт, потому и предложили назначить его начальником
строительства метро.

Вначале я к этому строительству не имел отношения. Это
было как бы

специальное строительство, хотя и в самом городе. Но спустя
какое-то время

Каганович вдруг говорит мне: "Со строительством метро дело
обстоит плохо, и

Вам придется как бывшему шахтеру заниматься детальным
наблюдением за ним. На

первых порах, чтобы ознакомиться с ходом строительства,
предлагаю Вам

бросить свою работу в горкоме партии, сходите на какие-то
метрошахты, а

Булганин пойдет на другие. Побудьте там несколько дней и
ночей, посмотрите

на все, изучайте с тем, чтобы можно было руководить по
существу и знать само

дело".

Каганович в ту пору являлся первым секретарем горкома
ВКП(б) и первым

секретарем Московского обкома партии, а одновременно --
секретарем ЦК партии.

Главные его силы поглощала работа в ЦК, где он был
фактически вторым

секретарем ЦК, замещая Сталина. Поэтому на мои плечи
постепенно

перекладывались и большая работа по Москве и большая ответственность. Это

требовало огромного напряжения сил, если учесть, что соответствующих знаний

и опыта у меня не было. Приходилось брать усердием и старанием, затрачивая

массу усилий. Московская парторганизация была сложным организмом. Я считал,

и не без оснований, что мне придется трудно, и прямо сказал об этом

Кагановичу. Тем не менее я стал вторым секретарем Московского горкома

ВКП(б), а через год-- вторым секретарем обкома (после Рындина¹⁰). Наконец в

1935 г. я был избран первым секретарем, превратившись в профессионального

московского парработника. То была большая честь, влекшая за собой и большую

ответственность.

Вернусь к метрополитену. Предложение Кагановича мы приняли с восторгом.

Я тогда относился к Кагановичу с большим уважением, а он действительно был

человеком, преданным партии и практическому делу. В работе, которую он

проводил, он, как говорится, наломал немало дров, но не жалел при этом ни

сил, ни здоровья. Трудился преданно и упорно. Пошел я в метрошахты.

Спустился, осмотрел все и стал более конкретно представлять себе, что такое

метрополитен. Раньше это слово ничего для меня конкретно не означало. Когда

же глянул, то увидел, что это простые штольни, такие же, с какими я

встречался, работая в угольных шахтах. Правда, здесь картина была более

впечатляющей. В угольных шахтах все делалось вручную, зато по сравнению с

метро было больше порядка, и, видимо, работали там более квалифицированные

люди.

Булганин простудился в метрошахтах и заболел ишиасом, после чего долго

лежал в постели. Потом его послали лечиться в Мацесту. Одним словом, он

вышел из строя на долгое время, не помню, на какое, может быть, на месяц,

может быть, даже более того. Таким образом, руководство строительством

метрополитена как бы закрепилось за мною, и я стал отвечать за него. Я

регулярно докладывал Кагановичу о ходе работ и принимал во всем самое

деятельное участие. Прежде всего предложил Кагановичу: чтобы построить

метрополитен, нужны настоящие кадры.

Там кадры были очень слабенькие. Конечно, люди и

работали, и учились, и

это похвально. Но только люди эти не знали горного дела. А тут надо было

вести горные работы в условиях подземной Москвы, в условиях московских

грунтов, часто плавунных, очень насыщенных водой. Кроме того, на поверхности

города имелись сооружения, которые легко могли быть разрушены в результате

обвалов и т. п. Все это требовало особой ответственности. Поэтому я

предложил пригласить горных инженеров. Тут -- горные работы, поэтому горный

инженер будет вести работу значительно лучше тех, кто возглавлял здесь

шахты. Начали мы искать инженеров. Как говорится, не было бы счастья, да

несчастье помогло. Произошла заминка с добычей угля в Донбассе. Там

оказалось дело плохо в том смысле, что росли потребности, которые опережали

наши возможности. Подготовительные работы и закладка новых шахт отставали от

потребностей в угле. Послали в Донбасс Молотова. Он приехал туда, но не

разобрался в сути дела, потому что совершенно не знал горной специфики.

Возглавлял тогда работы в Донбассе Егор Трофимович Абакумов, старый

шахтер, широко известный как человек, хорошо знающий шахтное дело. Он был

моим другом. Я с ним познакомился, когда вместе работали в 1912 -- 1914

годах на одной шахте, а в 1917 г., опять вместе, встречали революцию и стали

общественными деятелями на нашей шахте. Потом, после Гражданской войны, с

ним вместе мы восстанавливали шахты. Я вернулся из Красной Армии, а он был

управляющим рудниками. Меня партийная организация назначила заместителем к

нему (тогда парторганизация назначала руководителей). Я просто восхищался

его знанием дела. Человек же он был простой, истинно рабочий. То было

отличное сочетание: он прекрасно знал горное дело и оказался толковым

администратором.

На Политбюро, когда слушали доклад Молотова, то, видимо (я в деталях не

знаю эту историю), он предложил снять Абакумова. Таким вот ветром повеяло.

Вдруг у меня -- звонок. Это звонит мне Каганович: "Вы знаете Абакумова?" --

"Да, я хорошо знаю Абакумова". -- "Я из Политбюро. Абакумов, видимо, будет

снят со своего поста, и сейчас решается вопрос, где его использовать. Как Вы

смотрите на то, если взять Абакумова заместителем начальника строительства

метрополитена к Ротерту? Каково Ваше мнение?". Говорю: "Если Абакумов будет

снят со своего поста и нам отдадут его на должность заместителя, то лучшего

заместителя и искать не нужно. Он будет и замечательным начальником". "Нет,

-- отвечает, -- тут должность Ротерта".

За Ротертом шла слава крупного инженера, а Абакумов не был ни

инженером, ни строителем, а просто выходцем из рабочих, хотя экстерном

окончил штейгерское училище. Штейгер-практик: были такие люди в

капиталистическое время, знающие свое дело, хотя и не прошедшие классической

штейгерской школы... Так был к нам назначен Абакумов. Когда он приехал, мне

стало полегче, потому что мы с ним были друзья и вообще друг друга знали,

друг другу верили. Сейчас же стали мы приглашать горных инженеров.

Пригласили нашего хорошего знакомого и уважаемого товарища, инженера копей

Вишневецких11 Александра Ивановича Шолохова, очень солидного специалиста.

Таким способом подобрали кадры, после чего работы в метрополитене двинулись

у нас

увереннее.

Еще до приезда Абакумова Каганович предложил мне:
"Как Вы смотрите,

если мы вас утвердим начальником строительства метрополитена?". Говорю: "Я

бы не хотел". -- "Но ведь вы показали свои знания, свое умение. Собственно

говоря, сейчас мы уже рассматриваем Вас именно как руководителя

строительством метрополитена. Поэтому для вас нового тут было бы мало".

"Если состоится такое решение, -- отвечаю, -- то я буду делать все, что в

моих силах, но тогда попросил бы освободить меня от должности секретаря

горкома партии, потому что совмещать должность секретаря горкома и

начальника строительства метрополитена нельзя". "Нет, -- говорит Каганович,

-- это невозможно".

Позднее я узнал, что это было предложение Сталина. Каганович мне об

этом не сказал, Сталин же указал Кагановичу назначить меня по

совместительству, а когда я заявил, что по совместительству работать нельзя,

то все было оставлено так, как прежде. Собственно говоря, я 80 % своего

времени отдавал тогда метрополитену. И на работу в горком, и с работы ходил

через шахты метро. Какой у нас реально был рабочий день, сказать просто

трудно. Я вообще не знаю, сколько мы спали. Просто тратили минимум времени

на сон, а все остальные часы отдавали работе, делу.

Строительство продолжалось. Помню такой случай. Пришел ко мне молодой

инженер. Он мне очень понравился. До этого я его не знал, он работал раньше

в проектноом отделе. Молодой, красивый парень, нарождавшийся специалист

нашего, советского времени; Маковский¹², по-моему, была его фамилия. Говорит

он мне:

--Товарищ Хрущев, мы строим метрополитен немецким способом, то есть

открытым, траншеями. Для города это очень неудобно. Есть и другие методы

строительства, например, закрытый способ, с применением щитов, английский.

Там надо глубже копать, это будет немного дороже, но если принимать во

внимание возможность войны, то метро сможет служить и убежищем. К тому же в

этом случае строительство можно будет вести, уже не придерживаясь

транспортных магистралей, и проводить под домами. И для

транспорта этот

метод тоже был бы лучше. Прошу Вас подумать, и если мне будет дано

поручение, то я мог бы сделать доклад по этому поводу. Кроме того, сейчас

решается вопрос о способе эвакуации пассажиров. Павел Павлович Ротерт

готовит заказы на лифты. Это тоже немецкий способ. А почему бы не сделать

эскалаторы?

Я, признаться, впервые услышал тогда это слово и не знал, с чем его едят. Спросил, что это значит? Он объяснил мне, насколько я мог

его понять. Мне это не показалось какой-то замысловатой сверхсложностью.

Говорю ему: "Хорошо, я доложу товарищу Кагановичу, мы обменяемся мнениями, и

тогда я Вам отвечу". Он попросил меня ничего не говорить, однако, Ротерту,

потому что тот весьма строг и ревнив: "Я и так пошел к Вам без его ведома,

не сообщив ему. Я знаю, что ему докладывать бесполезно, он осудит меня, не

выслушав, потому что он очень самоуверенный человек". Доложил я Кагановичу.

Каганович отвечает: "Вы заслушайте его более подробно насчет эскалаторов, а

уж тогда станем или не станем заказывать лифты".

Ротерт доказывал нам, что эти лифты мы в своей стране

построить не

**сможем, а можно их заказать только в Англии или в
Германии. Но для этого**

**нужно иметь золото. Золото же тогда у нас было на вес золота.
Его было мало,**

**и поэтому расходовалось оно очень скупо, и я считаю, что это
было весьма**

**разумно. Добиться, чтобы нам дали золото на строительство
метрополитена,**

**долгое время оставалось нашей мечтой, которую мы считали
просто несбыточной:**

**во-первых, нам не дадут, во-вторых, и сами мы знали, что
золота-то нет. Его**

**расходовали на более важные нужды, чем метрополитен. Но
мы все-таки**

готовились поставить данный вопрос.

**Когда Маковский доложил мне более подробно, я сказал, что
теперь должен**

**послушать Ротерта. Пригласил Павла Павловича, пригласил и
других людей и**

**сказал, что вот товарищ Маковский выдвигает такие-то
предложения. Надо было**

**видеть эту картину: Маковский -- молодой человек, изящный,
хрупкий, красавец**

**рекламной внешности, а Ротерт -- уже старый человек,
огромного роста. Он как**

**глянул на него из-под своих нависших бровей, так, знаете, будто
крокодил на**

кролика. Тот смутился, однако не растерялся: молодой был, но

зубастый. Он

начал высказывать Павлу Павловичу с очень большим уважением и корректно свою

точку зрения: говорил, что она более прогрессивная; что мы используем

устаревший метод; начал ссылаться на Англию: тоннели глубокого заложения уже

проложены в Лондоне, и станция Пиккадилли сделана с помощью эскалаторов. Это

лучшая станция в аристократическом районе Лондона. Поэтому и нам бы сейчас

не худо взять такое же направление работы. Ротерт с презрением посмотрел на

него, назвал мальчишкой, заявил, что он говорит необдуманно, безответственно

и пр. Но тот уже посеял свои семена. Я стоял на стороне Маковского, но когда

мы начали готовить доклад в ЦК, то о строительстве с глубоким залеганием

станций и об эскалаторах пока не говорили, так как считали, что рано ставить

вопрос о золоте, а без него тут не обойтись.

Встал также вопрос, что при работе новым способом могут быть несколько

растянуты сроки в сравнении с утвержденными сроками окончания строительства

метрополитена. К тому же надо было предусмотреть некоторое удорожание

строительства. Все это требовалось решать в правительстве и

в Политбюро.

Поставили прежде вопрос в Политбюро. Но сначала Каганович собрал заседание в

МК партии с докладом Ротерта. Ротерт был довольно упрямый человек. Для

инженера это похвально. Он имел свою точку зрения и отстаивал ее до конца.

Так он и не согласился с нами.

Каганович был очень смущен: надо идти в Политбюро, к Сталину, а Ротерт

против. Сталин может нас не поддержать. Но иного выхода не было, потому что

Сталин был уже подготовлен: ему говорили о разногласиях, да и заседание было

назначено. Пошли. Ротерт доложил свое, потом начали выступать мы. Выступал

ли я, сейчас не помню. Но спор разгорелся. Ротерт сказал: "Дорого". Тут

Сталин ответил ему резко: "Товарищ Ротерт, вопрос о том, что -- дорого, а

что -- дешево, решает правительство. Я ставлю вопрос о технике. Можно ли

технически сделать то, что предлагает этот молодой инженер Маковский?". --

"Технически это можно сделать, но будет дорого". -- "За это отвечает

правительство. Мы принимаем глубокое заложение". Так и постановили. Мне это

очень понравилось. Сталин решал смело: да, будет дороже, но

сразу решался и

вопрос обороны. Ведь это были бомбоубежища на случай будущей войны.

Действительно, метрополитен сыграл свою роль не только как транспортное

сооружение: во время войны его станции служили убежищами. Одно время даже

узел связи и некоторые другие помещения Ставки Верховного Главнокомандования

размещались на станции метро "Кировска"*. Так было дано новое направление в

строительстве метрополитена.

Время реконструкции народного хозяйства до 1935 г. было периодом

большого подъема в партии и в стране. Шла индустриализация, велось

строительство заводов в Москве и других городах: Шарикоподшипникового,

Нефтегазового, Электrozавода, Дукс (авиазавод номер 1), потом развернулась

реконструкция Москвы. Строительство, конечно, было по сегодняшним масштабам

мизерным, но тогда мы располагали другими возможностями-

* Сейчас -- "Чистые Пруды".

ми, и поэтому все было труднее. Строили метрополитен. Начали сооружать

канал Москва -- Волга. Стали перестраивать мосты через Москву-реку. По тому

времени такие работы считались грандиозными.

Именно на мою долю как второго секретаря горкома партии, а фактически

первого, поскольку Каганович был очень загружен по линии ЦК, приходилось все

это строительство. Даже отказавшись от должности начальника метростроя, я

ничего не выиграл и не проиграл, потому что фактически руководил им, и не

"вообще", а очень конкретно отвечал за него. План реконструкции города

Москвы слушался на Пленуме ЦК партии. Я не помню, выступал ли там Сталин по

этому вопросу, однако основные направления плана были доложены ему еще до

Пленума, на заседании Политбюро. Сталин высказал свою точку зрения, и она

была полностью отражена затем в Генеральном плане реконструкции Москвы.

Вновь скажу, что участие Сталина в решении конкретных вопросов нравилось

мне, человеку молодому, который только еще приобщался к городским вопросам,

тем более Москвы. Москва того времени уже была крупным городом, но с

довольно отсталым городским хозяйством: улицы неблагоустроены; не было

должной канализации, водопровода и водостоков; мостовая, как правило,

бульжная, да и булыга лежала не везде; транспорт в основном был конным.

Сейчас страшно даже вспомнить, но было именно так.

Пленум ЦК положил начало реконструкции города на новых основах. Это был

шаг вперед, и большой шаг. Здесь опять мы увидели внимание и заботу товарища

Сталина о Москве и москвичах. Да, так тогда говорили, особенно Лазарь

Моисеевич Каганович любил подхалимские эпитеты такого рода, они тотчас

подхватывались всеми, и получался гулкий отзвук, прокатывавшийся эхом по

всей Москве. Это восхваление с течением времени нарастало.

Вспоминаю, как проходил XVII съезд ВКП(б), на котором я был избран

членом Центрального Комитета партии. Скажу о технике голосования при выборах

членов ЦК. Она произвела на меня сильное впечатление своей демократичностью.

Были выдвинуты кандидаты, затем занесены в список, бюллетени розданы

делегатам съезда. Правда, возможности для выбора было предоставлено

делегатам мало: кандидатов занесли в список столько, сколько и необходимо

было избрать в состав ЦК его членами и кандидатами, далее -- членами

Ревизионной комиссии, и ни на одного человека больше или

меньше. Каждому

делегату предоставлялась возможность выразить свое отношение к тому или

другому кандидату, то есть оставить его в списке или вычеркнуть. После

получения бюллетеней для голосования делегаты сейчас же разбредались,

присаживались и штудировали списки: решали, кого оставить, а кого

вычеркнуть. Некоторые товарищи (судя по личному наблюдению) довольно усердно

занимались этим делом. Сталин же демонстративно на глазах у всех, получив

списки, подошел к урне и опустил туда не глядя. Для меня этот поступок

выглядел как-то по-особому. Только потом я понял, что ни одной кандидатуры

без благословения Сталина не было в списки занесено, поэтому еще раз читать

их ему не было никакой необходимости.

Один из эпизодов произвел на меня удручающее впечатление. Перед

голосованием Каганович инструктировал нас, молодых, как относиться к спискам

кандидатов, причем делал это доверительно, чтобы никто не узнал. Он

порекомендовал вычеркнуть из списков тех или иных лиц, в частности

Ворошилова и Молотова, а мотивировал тем, что не должно

получиться, что

Сталин получит меньше голосов, чем Ворошилов, Молотов или другие члены

Политбюро. Говорил, что это делается из политических соображений, и мы

отнеслись к такому призыву с пониманием. И все-таки это произвело на меня

плохое впечатление. Как же так? Член Политбюро, секретарь ЦК и Московского

комитета партии, большой авторитет для нас, и вдруг рекомендует заниматься

столь недостойной для члена партии деятельностью.

При голосовании и подсчете голосов техника дела тогда была такой:

объявлялось число голосующих и количество голосов, поданных за каждого

кандидата. Помню, что Сталин не получил всех голосов: шесть человек, как

объявили, проголосовали против. Почему я хорошо это запомнил? Потому что

когда произнесли "Хрущев", то у меня тоже не хватило шести голосов. Я

почувствовал себя на седьмом небе: против меня проголосовали только шесть

делегатов, против Сталина --тоже шесть, а кто же такой я в сравнении со

Сталиным? Я считал тогда, что подсчет голосов реально соответствует

действительности. Многие другие товарищи получили по

несколько десятков или

даже, по-моему, по сотне голосов против. Получивший абсолютное большинство

голосов считался избранным.

В тот период я довольно часто имел возможность непосредственно общаться

со Сталиным, слушать его и получать от него прямые указания по тем или

другим вопросам. Я был тогда буквально очарован Сталиным, его

предупредительностью, его вниманием, его осведомленностью, его заботой, его

обаятельностью и честно восхищался им.

В ту пору все мы были очень увлечены работой, трудились с большим

чувством, с наслаждением, лишая себя буквально всего. Мы не знали отдыха.

Очень часто на выходные дни, когда еще они были (потом они исчезли),

назначались либо конференции, либо совещания, либо массовки. Партийные и

профсоюзные работники всегда находились с массами: на заводах, на фабриках,

работали с воодушевлением, жили же довольно скромно, даже более чем скромно.

Я, например, материально был обеспечен лучше, когда работал рабочим до

социалистической революции, чем тогда, когда являлся секретарем Московских

городского и областного комитетов партии.

Главное для нас состояло в том, чтобы наверстать упущенное, создать

тяжелую индустрию и оснастить Красную Армию современным вооружением,

находясь в капиталистическом окружении, превратить СССР в неприступную

крепость. Мы помнили слова Ленина, что через 10 лет существования Советской

власти страна станет неприступной, жили одной этой мыслью и ради нее. То

время, о котором я вспоминаю, было временем революционных романтиков.

Сейчас, к сожалению, не то. В ту пору никто и мысли не допускал, чтобы иметь

личную дачу: мы же коммунисты! Ходили мы в скромной одежде, и я не знаю,

имел ли кто-нибудь из нас две пары ботинок. А костюма, в современном его

понимании, не имели: гимнастерка, брюки, пояс, кепка, косоворотка -- вот,

собственно, и вся наша одежда.

Сталин служил и в этом хорошим примером. Он носил летом белые брюки и

белую косоворотку с расстегнутым воротником. Сапоги у него были простые.

Каганович ходил в военной гимнастерке, Молотов -- во френче. Внешне члены

Политбюро вели себя скромно и, как это виделось, все свои силы

отдавали делу

партии, страны, народа. Некогда даже было читать художественную литературу.

Помню, как-то Молотов спросил меня: "Товарищ Хрущев, Вам удастся читать?". Я

ответил: "Товарищ Молотов, очень мало". -- "У меня тоже так получается. Все

засасывают неотложные дела, а ведь читать надо. Понимаю, что надо, но

возможности нет". И я тоже понимал его.

С каким трудом я вырвался, придя из Красной Армии в 1922 г., учиться на

рабочем факультете! Не дав мне закончить рабфак, меня послали на партработу.

Только позже я вымолил у ЦК КП(б)У разрешение учиться в Промышленной

академии. Но и там я и работал, и учился одновременно, был активным

политическим деятелем разных ступенек и рангов, активно стоял на позициях

ЦК, боровшегося за генеральную линию партии.

Партруководители находились

тогда как бы вне обычных человеческих отношений -- не могли жить для себя.

Если кто-то увлекался литературой, то его даже упрекали: вместо того, чтобы

работать, читаешь. А уж если он учился, чтобы получить среднее или, боже

упаси, высшее образование, значит, это бездельник, который

просто не хочет

работать над укреплением Советского государства. Вот такая тогда была

обстановка.

Помню, как-то Сталин сказал: "Как же это случилось так, что троцкисты и

"правые" получили привилегию? Центральный Комитет им не доверяет, сместил их

с партийных постов, и они устремились в высшие учебные заведения. Теперь

многие из них уже закончили вузы и идут дальше, в науку. А люди, которые

твердо стояли на позициях генеральной линии партии и занимались практической

работой, не имели возможности получить высшее образование, повысить свой

уровень знаний и свою квалификацию...". Он даже назвал тогда некоторых лиц в

качестве примера. Но никто не считал, что приносит себя в жертву. Нет!

Работали с удовольствием, с большим энтузиазмом, потому что считали его

главным. Основное сейчас -- укрепить наше государство. Пройдет какой-то

период времени, необходимый для того, чтобы создать тяжелую промышленность,

перевооружить наше сельское хозяйство, коллективизировать его, создать

могучую армию и тем самым сделать советские границы

неприступными для

врагов.

В те годы в Москве и Московской области, как и в других областях,

развернулось колоссальное строительство заводов, шла реконструкция самой

Москвы, осуществлялось строительство метрополитена и мостов. Начали сразу

возводить несколько мостов -- Крымский, Каменный, Москворецкий и другие. Все

это делалось капитально и буквально преобразило город. Одним словом, из

Москвы ситцевой создавали Москву индустриальную. А политически вопрос

связывался с тем, что ситцевая Москва порождает "правые" настроения, которые

отражали Угланов, Уханов¹³ и другие московские лидеры. Угланов возглавлял

ранее московских большевиков, но принадлежал к "правым".

В 1935 г. москвичи отпраздновали окончание первой очереди строительства

метрополитена. Многие получили правительственные награды. Я был удостоен

сразу ордена Ленина. Это был мой первый орден. Булганин получил орден

Красной Звезды, поскольку он уже награждался орденом Ленина за успешное

руководство работой Электростанции, директором которой он являлся. Помнится,

Булганин имел орден Ленина под десятым номером. Это в ту пору очень

подчеркивалось. У меня был орден Ленина с номером где-то около 110. Мы пышно

отпраздновали завершение строительства первой очереди метрополитена, который

был назван именем Кагановича. Тогда было модно среди членов Политбюро (да и

не только Политбюро) давать свои имена заводам, фабрикам, колхозам, районам,

областям и т. д. Настоящее соревнование между ними! Эта нехорошая тенденция

родилась при Сталине.

В 1935 г. Кагановича выдвинули на пост наркома путей сообщения и

освободили от обязанностей секретаря Московского комитета партии. Меня после

этого выдвинули на посты первого секретаря Московского обкома и горкома

партии, а на ближайшем же Пленуме ЦК я был избран кандидатом в члены

Политбюро. Конечно, мне было приятно это и лестно, но еще больше появилось

страха перед огромной ответственностью. До того времени я постоянно возил с

собой и хранил свой личный инструмент. Как у всякого слесаря, это были

кронциркуль, литромер, метр, керн, чертилка, всякие угольнички. Я еще не

порвал мысленно связь со своей былой профессией, считал, что партийная

работа -- выборная и что в любое время могу быть неизбранным, а тогда

вернусь к основной своей деятельности -- слесаря. Но постепенно я

превращался в профессионального общественного и партийного работника.

Как секретарь Московского комитета партии я должен был наблюдать и за

деятельностью Московского управления НКВД. Наблюдение заключалось в том, что

я читал донесения о происшествиях в городе и области: страшные порою были

сводки о жизни большого населенного пункта. В Москве политическое положение

было прочным, партийная организация была сплоченной, хотя появлялись иной

раз листовки меньшевистского содержания, случались на предприятиях "волынки"

или даже забастовки. Это объяснялось очень тяжелым материальным положением

рабочих. Мы много строили. Строительных рабочих вербовали в деревнях и

селили в бараках. В бараках люди жили в невыносимых условиях: грязь, клопы,

тараканы, всякая иная нечисть, а главное, плохое питание и плохое

обеспечение производственной одеждой. Да и вообще нужную одежду трудно было

тогда приобрести. Все это, естественно, вызывало недовольство.

Недовольство порождали и пересмотры коллективных договоров, связанные с

изменением норм выработки и расценок. Здесь

сталкивались личные интересы с интересами государства. Хотя они в целом

и сливаются воедино в сознании масс, но, когда происходит столкновение

конкретного человека с государством, естественно, возникает противоречие. К

примеру, существовала где-то какая-то норма; а потом, после Нового года,

вдруг она становится на 10-- 15 % выше при тех же или даже меньших

расценках. Это проходило легче там, где были умный директор и толковая

партийная организация, которые изыскивали технические возможности, чтобы

поднять выработку, и которые разъясняли рабочим создавшееся положение.

Другие же чаще всего ничего не делали и просто прикрывались авторитетом

партии и интересами государства, и это вызывало "волынки" в цехах, а иной

раз и завода в целом.

В таких случаях мы приходили из горкома и по честному, в открытую

разъясняли, где рабочие правы, а где -- нет, поправляли и наказывали тех,

кто допустил злоупотребления, или же объясняли рабочим ситуацию. Они, как

правило, хорошо понимали, что мы стоим на более низком уровне по выработке

на одного рабочего, чем развитые капиталистические страны. Поэтому нужно в

какой-то степени подтягивать пояса, чтобы успешно соревноваться с

противником и догонять его. Тогда мы еще редко употребляли слово

"перегнать": пугались его потому, что слишком большим был разрыв. Это так

давило, что мы боялись произносить это слово.

В сводках по городу приводилось довольно много нелестных отзывов о

партии и оскорбительных выражений в адрес ее вождей. Агенты доносили и о

конкретных людях, которые были им известны, с их фамилиями, адресами и

прочим. Но против них не принималось тогда еще никаких мер, кроме

воспитательных. Мы знали, что там-то и там-то настроение плохое,

следовательно, надо усилить общественную и особенно партийную работу,

воздействовать на людей через профсоюзы, через комсомол, через лекторов и

пропагандистов. Использовали все средства, кроме административных (я имею в

виду аресты и суды). Если же это тогда и было, то лишь в виде исключения, в

случае конкретных действий антисоветского характера. Все изменилось после

убийства Кирова.

Начальником московского управления НКВД был товарищ Реденс, близкий к

Сталину человек. Как я уже говорил, Реденс -- член партии (кажется, с 1914

г.), по национальности поляк, рабочий-электрик, трудился в Днепродзержинске

(бывшее Каменское). По-моему, он был хорошим товарищем. Однажды при встрече

со

мной он сказал, что получил задание "почистить" Москву. Действительно,

Москва была засорена: много было неработающих и паразитических элементов,

всяких спекулянтов. Их и надо было "вычистить", для этого составлялись

списки людей, предназначенных к высылке из Москвы. То был первый этап

репрессий, последовавших за убийством Кирова и направленных пока что против

уголовных элементов. Куда их высылали, я не знаю: тогда придерживались

такого правила -- говорить человеку только то, что его касается. Тут дело

государственное, поэтому чем меньше об этом люди знают, тем

лучше. Потом уже

появились жертвы политического террора.

После того как я стал секретарем парткома Промышленной академии, меня

избрали секретарем Бауманского райкома партии, потом Краснопресненского

райкома, а затем Московского горкома. На этой должности я проработал до 1935

г., потом я был избран первым секретарем горкома и обкома ВКП(б). Я уже был

тогда членом ЦК, а когда меня избрали и первым секретарем Московского

комитета, то тут же избрали кандидатом в члены Политбюро. Наконец, когда

меня послали в 1938 г. на Украину, то на ближайшем же Пленуме ЦК избрали

членом Политбюро. Таким образом, все важнейшие события 1934-- 1938 гг.

происходили у меня на глазах. Поэтому я имею право обобщать.

К 1938 г. прежняя демократия в ЦК была уже сильно подорвана. Например,

я, кандидат в члены Политбюро, не получал материалов наших заседаний. После

страшного 1937 г. я не знал, собственно говоря, кому вообще рассылались эти

материалы. Я получал только те материалы, которые Сталин направлял по своему

личному указанию. Эти материалы касались чаще всего "врагов народа": их

показания -- целая кипа "признаний", уже якобы проверенных и доказанных.

Материалы рассылались для того, чтобы члены Политбюро видели, как опутали

нас враги, окружили со всех сторон. Я тоже читал эти материалы, и у меня

тогда не возникало сомнений в правдивости документов: ведь их рассылал сам

Сталин! У меня и мысли не могло появиться, будто это -- ложные показания.

Для чего так делать? Кому это нужно? Было полное доверие к документам. Тем

более что я ведь видел Сталина и другим.

В начале 30-х годов Сталин был очень прост и доступен. Когда я работал

секретарем горкома и секретарем обкома ВКП(б), то, если у меня возникал

какой-нибудь вопрос, я звонил прямо Сталину. Он почти никогда не отказывал

мне, сейчас же принимал или же назначал время приема. Мои вопросы к нему

чаще всего

касались политической и практической части резолюций наших

партсобраний, потому что Московский комитет всегда служил для других

организаций примером. Именно так сам Сталин нам говорил, и я понимал, что

принятая нами резолюция будет повторена потом почти

всеми партийными

организациями, пусть в разных вариантах, но суть та же.

**Бытовая сторона жизни Сталина мне тоже нравилась.
Бывало, когда я**

**работал уже на Украине, приедешь к нему (чаще всего на
ближнюю дачу в**

**Волынском, туда близко было -- минут 15 езды из города), а он
обедает. Если**

**летом, то всегда обедал на открытом воздухе, на веранде.
Сидел он обычно**

**один. Подавали суп -- русскую похлебку, стоял графинчик с
водкой и графин с**

**водой, рюмочка была по размерам умеренная... Входишь,
поздороваясь, он**

**говорит: "Хотите кушать? Садитесь". А "садитесь" -- это
значит бери тарелку**

**(тут же стоял супник), наливай себе, сколько хочешь, и ешь.
Хочешь выпить --**

**бери графин, налей рюмочку, выпей. Если хочешь вторую, то
решай сам, как**

говорится, душа меру знает. Не хочешь, можешь и не пить.

**Уже потом мы вспоминали, каким было доброе старое
время... Но наступило**

**и такое время, когда ты не только не хочешь пить, а тебя
просто воротит,**

**тебя же накачивают, наливают тебе нарочно. Да, и это умел
делать Сталин.**

**Правда, он не раз мне говорил: "Вот, помните, когда Берии не
было в Москве,**

у нас не случалось таких питейных дел, не было пьянства". А я видел, что

Берия в этом вопросе являлся подстрекателем в угоду Сталину. Сталину это

нравилось, и Берия это чувствовал. Когда никто не хотел пить, а он видел,

что у Сталина есть такая потребность, то он тут же организовывал выпивку,

выдумывал всякие предлоги и выступал зачинщиком. Об этом я говорю потому,

что к концу жизни Сталина такое времяпрепровождение было убийственным и для

работы, и просто физически. Люди буквально спаивались, и чем больше спивался

человек, тем больше получал удовольствия Сталин. Могут сказать, что Хрущев

перебирает грязное белье. А куда деваться? Без грязного белья не бывает и

чистого. Чистое приобретает чистоту и белизну на фоне грязного. К тому же

бытовая обстановка тесно переплеталась там с работой. По-видимому, это почти

неизбежное явление, когда страной фактически управляет один человек и в

результате личные обстоятельства трудно отделимы от государственных.

Припоминаю также еще несколько конкретных случаев довоенной жизни,

когда я сталкивался со Сталиным по тем или иным конкретным хозяйственным

вопросам. Я уже говорил, что во всех

вопросах реконструкции города Москвы, которые мы поднимали и где сами

проявляли инициативу, мы находили у Сталина поддержку. Он вообще толкал нас

в спину, призывал не бояться решать острые проблемы, идти на ломку, даже

если возникало сопротивление среди членов общества, включая специалистов.

Архитекторы иной раз сопротивлялись сносу таких строений, которые

представляли архитектурно-историческую ценность. Видимо, эти архитекторы

были по-своему правы. Но ведь город рос, он требовал раздвинуть границы его

улиц, появлялся новый транспорт, извозчик исчез, трамвай изживал себя в

центре города, заработал метрополитен, появились троллейбусы и новые

автобусные линии. Тут не было московской специфики: через такие проблемы

проходят все города земного шара.

На мою долю выпала честь помогать прокладке первых троллейбусных линий

в Советском Союзе, а именно -- в Москве. Я очень много потратил сил для

того, чтобы внедрить их. Существовала масса противников этого способа

передвижения. Когда троллейбусная линия была уже готова и

надо было ее

испытать, раздался вдруг телефонный звонок от Кагановича: "Не делать

этого!". Я говорю: "Так ведь уже испытали". -- "Ну, и как?". -- "Все

хорошо". Оказывается, Сталин усомнился, как бы вагон троллейбуса не

перевернулся при испытаниях. Почему-то многие считали, что троллейбус

обязательно должен перевернуться, например, на улице Горького -- на спуске у

здания Центрального телеграфа. И Сталин, боясь, что неудача может быть

использована заграничной пропагандой, запретил испытания, но опоздал. Они

прошли удачно, и троллейбус вошел в нашу жизнь. Тут же ему доложили, что все

кончилось хорошо и что этот вид транспорта даже облагораживает город: он

бесшумен, работает на электричестве и не загрязняет воздуха. Получился

прогрессивный вид транспорта. Сталин одобрил это, и в 1934 г. первая

троллейбусная линия начала работать.

Не знаю, как стоит вопрос сейчас, а в то время говорили, что троллейбус

не городской вид транспорта, а загородный. Я с этим не соглашался, и Сталин

здесь тоже меня поддерживал. Мне это опять-таки

импонировало: я восхищался

Сталиным в связи с тем, что он вникает и в большое, и в малое и поддерживает

все прогрессивное. Правда, позднее, когда мы купили двухэтажный (трехосный)

троллейбус, Сталин все-таки запретил его использовать: он опять боялся, что

тот перевернется. Сколько мы его ни убеждали в обратном, не помогало.

Однажды, проезжая по Москве, он увидел такой двухэтажный троллейбус на

пробной

линии, возмутился нашим непослушанием и приказал: "Снять!". Сняли. Так

нам и не удалось пустить их в эксплуатацию.

Большим противником троллейбуса был мой приятель, теперь уже давно

покойный, Иван Алексеевич Лихачев¹⁴. Это был человек, влюбленный в двигатель

внутреннего сгорания. Поэтому он везде "совал" авто, а в данном случае

говорил: "Автобус пройдет по любому переулку. Никакой твой троллейбус не

может с ним сравниться. Это - пустая затея". Я долго и много с ним спорил.

Причем все, что ему нужно было делать, когда готовили первые экземпляры

троллейбуса, он аккуратно выполнял. Но выполнял как директор завода, а сам

приговаривал: "Все равно я против, потому что троллейбусы -- не

прогрессивное дело". Полагаю, что и сейчас, когда прошло столько времени,

его можно считать неправым: троллейбус -- более прогрессивный вид городского

транспорта. Во Франции проложены экспериментальные линии электрических

поездов на монорельсе. Это ведь тоже своеобразный троллейбус. За ним

будущее, потому что его можно поднять повыше. Следовательно, улицы

разгрузятся для наземного транспорта. Кроме того, необходим скоростной

транспорт. Безусловно, техника создаст возможность избавиться от шума, и это

будет бесшумный транспорт. Думаю, что основа для создания такого вида

транспорта была заложена именно троллейбусом.

Скажу также несколько слов об обстановке на заседаниях Политбюро. Я

получил возможность бывать на этих заседаниях, когда стал членом

Центрального Комитета, после XVII партийного съезда, состоявшегося в 1934

году. Тогда в партии еще сохранялись хорошие традиции, заложенные Лениным.

Члены ЦК имели возможность, если того желали, свободно приходить на

заседания Политбюро и сидеть там, то есть слушать, но не вмешиваясь в

обсуждение вопросов. Это делалось для того, чтобы члены ЦК были в курсе

жизни страны и деятельности Политбюро. Я лично этим правом часто

пользовался, но не всегда, потому что не располагал временем.

Заседания проводились в определенный час и определенный день. Бывали

закрытые заседания, на которых присутствовали только члены Политбюро. Но

решения, которые принимались на закрытых заседаниях, записывались в особой

папке, и каждый член ЦК мог прийти в секретный отдел, попросить такую папку

и ознакомиться с секретными решениями Политбюро. Правда, секретные решения

изымались из протоколов, рассылаемых по партийным организациям. Этот факт

доступности любых решений любому члену ЦК очень интересен. Фиксирую внимание

на

нем. Это осталось еще от Ленина. Председательствовал на заседаниях в

30-е годы не генеральный секретарь ЦК, а председатель Совета Народных

Комиссаров. Им в мое время был Молотов.

Заседания Политбюро проводились тоже не как сейчас, когда за два часа

штампуются 70 -- 80 вопросов. Тогда вызывались люди, ставилось несколько

вопросов, были докладчики, шли прения, выслушивали "за" и "против", потом

принимали решения и делали перерыв. В перерыве -- чаепитие. О москвичах

недаром говорят, что они не могут заседать без чая. Рядом с залом была

особая комната, куда заходили попить чаю. Перерыв длился примерно полчаса.

Потом начиналось рассмотрение нового вопроса. В общем заседание длилось часа

три -- четыре.

Помню, обсуждение некоторых вопросов проходило очень бурно. Однажды

Серго вспылел (а по характеру своему был человек очень вспыльчивый) и

налетел на Розенгольда -- наркома внешней торговли, чуть не ударил его...

Только после убийства Кирова¹⁵ и особенно после мрачного 1937 г. все

постепенно изменилось, прежние порядки были ликвидированы. Когда я стал

членом Политбюро после XVIII партийного съезда в 1939 г., то уже не помню

случая, чтобы проводились регулярные заседания.

1 "Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения" -- письмо

И.В. Сталина в газету "Правда", опубликованное в ней 2 марта

1930 года. На

его основе 15 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление "О борьбе с

искривлениями партийной линии в колхозном движении".

2 ШОЛОХОВ М.А. (1905-1984) -- писатель и общественный деятель, академик

АН СССР с 1939 г., дважды Герой социалистического труда, автор "Донских

рассказов" (1926), романов "Тихий Дон" (1928-1940) и "Поднятая целина"

(1932-1960), неоконченного произведения "Они сражались за Родину" и мн.др.

3 БАУМАН К.Я. (1892-1937) -- крестьянин, член РСДРП с 1907 г., активный

участник Октябрьской революции 1917 г., с 1920 г. секретарь Курского губкома

РКП(б), с 1923 г. работник аппарата ЦК партии, с 1928 г. член Оргбюро ЦК

ВКП(б) и второй секретарь Московского горкома партии, с 1929 г. секретарь ЦК

и первый секретарь Московского горкома ВКП(б), с 1931 г. первый секретарь

Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), с 1934 г. заведующий отделом науки,

научно-технических открытий и изобретений ЦК ВКП(б), кандидат в члены

Политбюро ЦК ВКП(б) в 1929-1930 гг.; с 1925 г. член ЦК ВКП(б), член ЦИК

СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

**4 КАМЕНЕВ Л.Б. (Розенфельд) (1883-1936) -- член
Коммунистической партии**

**с 1901 г., активный участник революционного движения,
председатель ВЦИК в**

**ноябре 1917 г., председатель Моссовета в 1918-1926 гг.,
заместитель**

**председателя Совнаркома СССР в 1923-1926 гг., председатель
СТО в 1924-**

**1926 гг., директор Института Ленина в 1923-1926 гг.; член ЦК
партии в**

1917-

**1927 гг., и Политбюро ЦК в 1919-1926 гг., ВЦИК и ЦИК
СССР.**

Репрессирован, реабилитирован посмертно.

**5 ВЕКЛИЧЕВ Г.И. (1898-1938) -- рабочий, член РКП(б) с
1918 г.,**

**репрессированный и посмертно реабилитированный видный
военно-политический**

**работник, армейский комиссар 2-го ранга, член Военного
совета при народном**

**комиссаре обороны СССР с 1934 года. Перед массовыми
репрессиями в этот совет**

**входили 85 человек. Из них 76 были репрессированы, в том
числе 68**

расстреляны.

**6 ОРДЖОНИКИДЗЕ Г.К. (1886-1937) -- из дворян, член
РСДРП с 1903 г.,**

**участник трех российских революций и Иранской революции
(в 1909-1911 гг.),**

после 1917 г. занимал ряд ответственных партийно-политических и

военно-государственных постов, в 1922-1926 гг. 1-й секретарь Закавказского и

Северо-Кавказского крайкомов партии, в 1926-1930 гг. председатель ЦКК

ВКП(б), нарком РКИ и заместитель Председателя Совнаркома СССР и СТО, с 1930

г. председатель ВСНХ, с 1932 г. нарком тяжелой промышленности СССР; в 1920-м

и с 1921 г. член ЦК партии (с перерывом), с 1930 г. член Политбюро ЦК

ВКП(б).

7 ЕНУКИДЗЕ А.С. (1877-1937) -- из крестьян, член РСДРП с 1898 г.,

активный участник рабочего движения и Октябрьской революции 1917 г., затем

находился на ответственных должностях во ВЦИК, в 1922 -- 1935 гг. секретарь

Президиума ЦИК СССР, в 1924-1930 гг. член ЦКК, с 1934 г. член ЦК ВКП(б).

Репрессирован, реабилитирован посмертно.

8 ЧЕРНЫШЕВ С.Е. (1881-1963)--архитектор, после 1917 г преподавал до

1930 г. во ВХУТЕМАС'е, до 1950 г. в Московском архитектурном институте,

главный архитектор города Москвы в 1934-1941 гг., председатель управления по

делам архитектуры Мосгорисполкома в 1944-1948 гг., 1-й

секретарь Союза

архитекторов СССР в 1950-1955 годах. Участвовал в создании Генерального

плана реконструкции Москвы после 1931 года.

9 РОТЕРТ П.П. -- начальник строительства Московского метрополитена,

автор многих инженерных конструкций и строительно-технических разработок.

10 РЫНДИН К.В. (1893-1938)--сын портного, рабочий, член РСДРП с 1915

г., после 1917 г. занимал ответственные советские, партийные и военные

должности, в 1924-1926 гг. секретарь Нижнетагильского, затем Пермского

окружкомов ВКП(б), в 1927 г. --Уральского обкома ВКП(б), с 1928 г. работал в

аппарате ЦК ВКП(б), в 1929-1932 гг. председатель Московской контрольной

комиссии ВКП(б), заведующий Московской областной РКИ, 2-й секретарь МК и МГК

ВКП(б), с 1934 г. секретарь Челябинского обкома ВКП(б), член ЦК ВКП(б) с

1930 года. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

11 Разработки каменного угля в 18 км от бывшей станции Каменской, где

возникли копи при Вишневецком буераке у р.Донец.

12 МАКОВСКИЙ В.Л. -- инженер Метростроя, в дальнейшем один из видных

специалистов по строительству метро, автор ряда тематических

работ.

13 УХАНОВ К.В. (1891-1937)--рабочий, член РСДРП с 1917 г., занимал

различные советско-административные должности в Москве, с 1921 г. директор

завода "Динамо", с 1922 г. руководил электрическим трестом, с 1926 г.

председатель Мосгорисполкома и с 1929 г. Мособлисполкома, с 1932 г.

заместитель наркома снабжения СССР, с 1934 г. нарком местной и затем легкой

промышленности РСФСР, член ЦК партии с 1923 г., член Президиумов ВЦИК и ЦИК

СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

14 ЛИХАЧЕВ И.А. (1896-1956) -- из крестьян, рабочий и матрос, член

РСДРП с 1917 г., затем участник Гражданской войны и профсоюзный работник, в

1926-1939 и 1940-1950 гг. директор Московского автомобильного завода, в

1939-1940 гг. нарком машиностроения СССР, с 1950 г. директор Московского

машиностроительного завода, с 1953 г. министр автомобильного транспорта и

шоссе́йных дорог СССР; член ЦК ВКП(б) с 1939 года.

15 КИРОВ С.М. (1886 -- I.XII.1934) -- из мещан, член РСДРП с 1904 г.,

участник революционного движения, после 1917 г. занимал ответственные

**военно-партийные посты, с 1921 г. секретарь ЦК КП
Азербайджана, с 1926 г.**

**первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б) и Северо-
Западного бюро ЦК**

**партии, с 1930 г. член Политбюро и с 1934 г. секретарь и член
Оргбюро ЦК**

ВКП(б).

УБИЙСТВО КИРОВА

**В 1934 г. собрался XVII съезд партии -- съезд победителей,
как его**

**тогда называли. Никакой оппозиции уже не было ни в
партии, ни на самом**

**съезде. Это был первый съезд после смерти Ленина, где не было
оппозиции. Да,**

**при жизни Ленина всегда была оппозиция! В 30-е годы
развернулись пятилетки,**

**дела пошли хорошо, все увлеклись хозяйственной
деятельностью. Тогда это было**

**главное дело. И это правильно: ведь она конкретно служит
идеологии. Если**

**идеология не подкреплена материально, то она не укрепитя, не
прорастет в**

сознании людей. Итак, все шло хорошо.

**Мне трудно сейчас припомнить все подробности. Как-то
вечером в начале**

декабря раздался телефонный звонок. Звонил Каганович: "Я говорю из

Политбюро, прошу вас, срочно приезжайте сюда". Приезжаю в Кремль, захожу в

зал. Каганович встретил меня. У него был какой-то страшный и настораживающий

вид, очень взволнованный, в глазах стояли слезы. Слышу: "Произошло

несчастье. В Ленинграде убили Кирова. Потом расскажу. Сейчас Политбюро

обсуждает этот вопрос. Туда намечается делегация: поедут Сталин, видимо,

Ворошилов, Молотов, лица от московской парторганизации и еще от московских

рабочих, человек 60. Делегацию Москвы нужно возглавить вам. Вы будете стоять

там в траурном почетном карауле и потом сопровождать тело из Ленинграда в

Москву".

Я тут же отправился в Московский комитет. Мы составили свою делегацию и

поздним вечером того же дня выехали в Ленинград. Сталина, Ворошилова и

Молотова, которые тоже туда поехали, я не видел, ни когда садились в поезд,

ни когда мы прибыли, потому что они ехали отдельно, в специальных вагонах.

Ленинград (хотя, может быть, это мои личные переживания и я переносу их на

всех других) находился в глубоком трауре. Мы видели убитых горем секретарей

городского и областного партийных комитетов, многих других людей. Встретился

я там и со старыми знакомыми. Особенно в хороших отношениях я был с

Чудовым¹, вторым секретарем Ленинградского областного комитета партии,

красавцем, симпатичным, уважаемым всеми товарищем. Все мы просто разводили

руками и толком не знали, что произошло. Знали только, что убил Кирова некто

Николаев². Нам сказали, что Николаев не то был исключен из партии, не то

имел взыскание за участие в троцкистской оппозиции, так что поэтому это --

дело рук троцкистов. По-видимому, они организовали убийство, и в нас это

вызывало искреннее возмущение и негодование.

Не помню сейчас, сколько дней мы пробыли в Ленинграде. Когда

ленинградцы прощались с телом Сергея Мироновича Кирова, мы тоже стояли в

карауле, по-моему, даже по несколько раз. Потом состоялись перевоз тела в

Москву и похороны. Как переживали смерть Кирова Сталин и некоторые другие

члены Политбюро, не могу сказать. Каганович же, которого я видел, был

потрясен и, на мой взгляд, даже напуган. Сталина я видел только, когда он

стоял в карауле в Ленинграде. Но он умел владеть собой, и лицо его было

совершенно непроницаемо. Да я даже думать тогда не мог, что он может быть

занят иными мыслями, кроме переживаний по поводу смерти Кирова.

Я с Кировым не был близко знаком. Как-то мы вместе с ним выступали на

чьих-то похоронах на Красной площади в Москве. Кого мы тогда хоронили, не

помню. Каганович мне тогда сказал: "Надо, чтобы вы выступили, но имейте в

виду, что там будет выступать Киров. Киров очень хороший оратор, поэтому вы

подумайте хорошенько, иначе впечатление о вас может быть неблагоприятным". Я

ответил, что ничего не смогу большего, чем смогу, а с Кировым мне не

соревноваться, поэтому, может быть, лучше, чтобы кто-нибудь другой выступил?

"Нет, велели, чтобы вы выступили". И я выступил. Каганович сейчас же, как я

только закончил, подошел ко мне: "Замечательно, блестяще выступили. Это

отмечено Сталиным. Он сказал: "С Кировым рядом выступать тяжело, а Хрущев

выступил хорошо".

**Если уж говорить о себе, то я считался неплохим оратором.
Выступал**

**всегда без текста, а чаще всего даже без конспекта. Когда я
готовился к**

**докладам, то составлял цифровые конспекты, потому что
держат циффы в голове**

**тяжело, а так доклады у меня получались лучше. Я начал
читать доклады,**

**только когда стал уже большим начальником: все очень
ответственно, сказанное**

**поправить трудно. Поэтому я вынужден был поступать именно
так. К тому же**

**видел, что все так делают, все читают... Когда, например, я
готовился к**

**докладу на XIX съезде партии, Маленков³ сказал мне: "Вот
такой-то и такой-то**

**тебе приготовят доклад. Ты не обижайся. Знаешь, что я тебе
скажу? Вот сам**

**Сталин, выступая в 1941 г. на октябрьских торжествах во
время войны, в**

**докладе даже запятых не переставил. Ему дали этот доклад, и я
не знаю, читал**

**ли он его до того, но абсолютно без всяких изменений зачитал
текст. Так что**

**ты не смущайся, это у вождей бывает". Итак, приехали мы в
Ленинград. Нас**

**разместили в лучшей гостинице. Наша делегация
насчитывала человек 60:**

**рабочие, служащие. Постояли мы в почетном карауле у гроба, а
потом сидели в**

гостинице и разговаривали. Делать-то нам было больше нечего.
Все оплакивали

Кирова.

Потом завертелась казенная машина. Как она вертелась, я не знаю, меня

она не касалась. Этим вопросом занимался сам Сталин. Я был вне той машины,

мое дело было лишь в том, чтобы, когда понесут гроб к вокзалу, мы

пристроились к общей процессии, а по прибытии в Москву все вместе шли с

вокзала. Потом в газетах было напечатано: "Московская организация оказала

почести тов. Кирову". Жену его я видел на похоронах в первый и последний

раз, сейчас я ее и не узнаю.

В быту Киров был очень неразговорчивый человек, но на людях--трибун.

Сам я не имел с ним непосредственных контактов и потом расспрашивал Микояна

о Кирове. Микоян хорошо его знал. Он рассказывал мне; "Ну как тебе ответить?"

На заседаниях он ни разу ни по какому вопросу не выступал. Молчит и все. Не

знаю я даже, что это означает".

Я же слышал, что Киров мог "заговорить" даже голодных людей. Так он

поступал в Астрахани в 1919 г.: есть было нечего, так он людям речи

произносил, и люди слушали, забывая о голоде⁴. Он, конечно, был умным

человеком и знал, что нужно сказать. Да, он был истинный трибун! Я слушал

его на съезде партии. Он говорил без написанного текста и с отработанной

жестикуляцией. Отличный оратор.

После XX съезда КПСС была создана комиссия для детальной проверки дел

невинно осужденных лиц. Председателем комиссии

был утвержден Шверник⁵. Я предложил включить в состав комиссии

Шатуновскую⁶, которая сама отсидела ни за что 16 лет и которая была в моих

глазах неподкупным, вернейшим членом партии. Привлекли туда и еще одного

товарища, который отсидел почти 20 лет. Получилась ответственная комиссия,

которая должна была разобраться в делах и дать свое заключение: как могло

случиться, что вот такое количество честных людей погибло во времена Сталина

в качестве "врагов народа"?

Естественно, в первую очередь начали проверять, кто же такой Николаев,

как он совершил убийство Кирова и что его к этому побудило. Когда приступили

к изучению дела, то оказалось, что Николаев незадолго до убийства Кирова был

задержан чекистскими органами около здания Смольного, то есть учреждения, в

котором работал Киров. Николаев вызвал какие-то подозрения у охраны, был

задержан и обыскан. У него обнаружили револьвер. Несмотря на эту улику (а в

те времена очень строго относились к этому) и на то, что он был задержан в

районе, который особо охранялся, потому что там ходили и ездили член

Политбюро и все руководство Ленинградского обкома и горкома партии,

Николаев, как докладывала нам комиссия, был освобожден. А спустя какое-то

время Николаев убивает Кирова. Все эти обстоятельства настораживали комиссию

и нас.

Ведь Николаев стрелял в Кирова не на площади. Нет! Он проник в

Смольный, вошел в подъезд, которым пользовался только Киров, и убил его на

лестничной клетке, когда тот поднимался по лестнице. Это сразу породило

подозрения, что Николаев был подослан для совершения этого террористического

акта какими-то людьми. До этого своим поведением Николаев показался

подозрительным, и его задержали, однако он был отпущен по указанию сверху.

Более того, Николаев получил затем доступ в Смольный, находился на

лестничной клетке обкома партии, где работал Киров, там встретил и убил его.

Без помощи лиц, обладавших властью, сделать это вообще было невозможно,

потому что все подходы к Смольному охранялись, а особенно охранялся подъезд,

которым пользовался Киров. Организовать это могли лишь те, которым был

доступен вход в данный подъезд.

Мы все были потрясены. Стали разбираться дальше. Может быть, кое-кто из

присутствующих и знал ранее все обстоятельства дела, но теперь молчал.

Конечно, кое-что знали, несомненно, Молотов и Ворошилов, которые ездили в

Ленинград со Сталиным. Комиссия доложила, что она получила сведения о

допросе Николаева лично Сталиным. Об этом рассказал кто-то из

старых большевиков, но, естественно, никаких документальных данных на

этот счет быть не могло. Якобы дело обстояло так: когда к Сталину привели

Николаева, тот бросился на колени и стал говорить, что он сделал это "по

поручению", от имени партии. Следует отметить, что до разговора со Сталиным

Николаев отказывался отвечать на вопросы следователей и требовал, чтобы его

передали представителям центрального аппарата ОГПУ. Он утверждал, что ни в

чем не виноват, а почему он так поступил, в Москве знают. Было ли дано ему

"поручение" или не было, мне трудно судить. Если да, то он выполнил

поручение. Но чье оно могло быть?

Конечно, не лично Сталин поручал дело Николаеву. Для этого Николаев был

слишком мал. Но у меня нет сомнений, что по поручению Сталина кто-то его

подготовил. Это убийство было организовано сверху. Я считаю, что оно было

подготовлено руководителем ОГПУ Ягодой8, который, в свою очередь, мог

действовать только по секретному поручению Сталина, данному, как говорится,

с глазу на глаз. Если принять именно такую схему рассуждений, то Николаев,

наверное, надеялся на какое-то снисхождение. Но по-настоящему рассчитывать

на это было слишком наивно. Не такой уж большой человек этот Николаев: он

выполнил поручение и думал, что ему будет дарована жизнь. Просто глупец. Как

раз после исполнения такого поручения для сохранения тайны требовалось

уничтожить исполнителя. И Николаев был уничтожен.

Когда заседала комиссия, еще был жив Ворошилов, а Молотов живет и

сейчас*. Но мы не были настолько наивны, чтобы спрашивать их об этом. И тот,

и другой с возмущением отвергли бы соответствующий вопрос, потому что

сознаться -- означает признать соучастие в заговоре и убийстве Кирова. Они

не настолько были глупы.

Комиссия установила далее, что во время пребывания Сталина, Молотова и

Ворошилова в Ленинграде при расследовании дела об убийстве Кирова Сталин

потребовал привести к нему комиссара ОГПУ, который в тот день охранял

Кирова. В те же дни было объявлено партактиву, что когда комиссара везли в

автомобиле на допрос, то в результате неисправности рулевого управления

машина (а везли его на грузовой машине) ударилась об угол дома, и он погиб.

Мы поручили комиссии попросить людей, которые везли этого комиссара, чтобы

они рассказали,

*** Когда произносились эти слова. Молотов был еще жив.**

при каких обстоятельствах произошла авария и как при этом погиб

комиссар, начальник охраны Кирова. Стали искать этих людей. Их было трое,

мне называли их фамилии. Двое сидели в кузове грузовой машины вместе с

комиссаром, охраняя его, а третий находился в кабине с шофером. Всех троих

не оказалось в живых: они были расстреляны. Это вызвало у нас еще больше

подозрений, что все было организовано свыше и что авария автомашины

оказалась не случайной.

И я предложил: "А вы поищите, не остался ли в живых шофер?". Никаких

надежд я не питал, потому что видел, как было организовано дело, и считал,

что шофера как свидетеля, видимо, тоже уничтожили. Но, на счастье, шофер

остался жив. Его допросили. Он подтвердил, что был шофером на той машине, и

рассказал: "Ехали мы. Рядом со мной сидел чекист и все время понукал меня,

чтобы я ехал быстрее, дабы скорее доставить арестованного. На такой-то улице

при повороте он вдруг схватил руль и направил машину на угол дома. Но я был

крепкий человек, молодой, перехватил руль. Машина вывернулась и только

помяла крыло. Никакой аварии не произошло. Однако я слышал, как при нашем

столкновении раздался наверху какой-то сильный стук. А потом объявили, что

"при аварии" этот комиссар погиб". Таким образом, показания шофера еще

больше раскрывали подробности заговора с целью убийства Кирова.

Конечно, самого Кирова нет, и тут порвались связующие нити, которые

могли как-то выявиться и обнаружить, что перед нами именно заговор. Все

свидетели были убиты. Правда, шофер остался. Я поражался этому. Убийцы были

квалифицированными людьми, а всего не предусмотрели. Почти всегда

преступление оставляет за собой след, в результате чего и раскрывается. Так

случилось и с шофером: все как будто предусмотрели, троих чекистов

уничтожили, комиссара убили (комиссар, конечно, мог многое сказать: видимо,

он имел какие-то указания, потому что отстал от Кирова, когда они вошли в

подъезд и Киров стал подниматься по лестнице), а о шофере забыли.

Потом мы стали искать Медведя⁹, начальника областного ОГПУ Ленинграда.

Он был, как говорят, ближайшим другом Кирова. Они вместе ходили на охоту и

дружили семьями. Может быть. Медведь что-то скажет? Обнаружили, что Медведь

сначала был сослан на Север, а потом расстрелян. Это тоже прерывало след.

Он, близкий к Кирову человек, мог иметь свое суждение об убийстве. Комиссия

докладывала также, что нашелся какой-то человек, который утверждал, что есть

женщина, врач больницы, в которой

лежал Медведь и что-то ей рассказывал, чтобы она в будущем передала его

рассказ в ЦК партии. "А я, -- сказал он, -- не доживу, буду уничтожен".

Однако мы не сумели найти лица, с которым беседовал Медведь, мы нашли лишь

ниточку, да и она оборвалась. Все это установил Шверник через комиссию.

Теперь я подхожу к главному: почему же "выбор" пал на Кирова? Зачем

Сталину была нужна смерть Кирова? Киров был человек, близкий к Сталину. Он

был послан в Ленинград после разгрома Зиновьевской оппозиции и провел там

большую работу, а Ленинградская организация состояла прежде в своем

большинстве из сторонников Зиновьева. Киров повернул ее, и она стала опорой

Центрального Комитета, проводником решений ЦК. Все это сам Сталин ставил в

заслугу Кирову. Кроме того, Киров -- это большой массовик. Я не стану тут

касаться всех тех его качеств, которые высоко ценились в партии. Напомню

лишь, что он был прекрасным оратором и, как мог, боролся за идеи партии, за

идеи Ленина, был очень популярен в партии и в народе. Поэтому удар по Кирову

больно отозвался и в партии, и в народе. Кирова принесли в жертву, чтобы,

воспользовавшись его смертью, встряхнуть страну и расправиться с людьми,

неугодными Сталину, со старыми большевиками, обвинив их в том, что они

подняли руку на Кирова. О Николаеве в те дни говорили, что он когда-то был

троцкистом. Возможно, это правда, но никакими документами не подтвержденная

ни при жизни Сталина, ни после его смерти, хотя комиссия Шверника имела

доступ ко всем материалам: она не обнаружила связи Николаева с троцкистами.

Спрашивается: зачем же была нужна Сталину расправа со старыми

большевиками? Комиссия при расследовании обстоятельств убийства Кирова

просмотрела горы материалов и беседовала со многими людьми. При этом

выявились новые факты. В то время в партии занимал видное место секретарь

Северо-Кавказского краевого партийного комитета Шеболдаев10. Шеболдаева я

знал, хотя близко с ним знаком не был. В 1917 г. он находился в царской

армии на Турецком фронте и вел среди солдат очень активную агитационную

работу. Как стало теперь известно, этот-то Шеболдаев, старый большевик с

дореволюционным стажем, во время работы XVII съезда партии пришел к товарищу

Кирову и сказал ему: "Мироныч (так называли Кирова близкие люди), старики

поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его,

то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой

пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относился бы

к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы выдвинуть тебя на пост

Генерального секретаря Центрального Комитета партии".

Содержание этого разговора дошло до комиссии Шверника, о чем она и

доложила Президиуму ЦК. Что ответил на это Киров, я не знаю. Но стало

известно, что Киров пошел к Сталину и рассказал об этом разговоре с

Шеболдаевым. Сталин якобы ответил Кирову: "Спасибо, я тебе этого не

забуду!". Вот заявление, характерное для Сталина: в этом "спасибо" нельзя

понять, благодарит ли он Кирова за сообщение или же угрожает ему. Этот

эпизод приоткрывает занавес над причиной, почему была организована затем

мясорубка.

Комиссия проявила интерес и к тому, как проходило голосование на XVII

партийном съезде. Стали искать членов счетной комиссии. Некоторые из них

остались в живых. Мы нашли товарища Андреасяна¹¹ и некоторых других.

Андреасяна я хорошо знал, он работал секретарем райкома партии в Октябрьском

районе Москвы в то время, когда я был секретарем на Красной Пресне.

Андреасян был близок к Микояну: они в былые времена вместе учились в

духовной семинарии. Андреасян тоже "отбыл срок", просидев не то 15, не то 16

лет. Эти члены счетной комиссии XVII партийного съезда доложили о том, что

количество голосов, поданных тогда против Сталина, было не шесть, как это

сообщили на съезде, а не то 260, не то 160. И та, и другая цифра очень

внушительна, особенно принимая во внимание положение Сталина в партии, его

самолюбие и его характер. На съезде же было объявлено, что против

кандидатуры Сталина проголосовали шесть человек.

Кто дал счетной комиссии директиву фальсифицировать результаты выборов?

Я абсолютно убежден, что без Сталина никто бы на это не пошел. Если связать

результаты голосования и беседу Шеболдаева с Кировым, о которой узнал

Сталин, и учесть известное предупреждение Ленина, что Сталин способен

злоупотреблять властью, то все становится на свои места. Получают логическое

объяснение и убийство Кирова Николаевым, и убийство комиссара, который

охранял Кирова, и убийство трех чекистов, которые везли комиссара. Сразу

становится ясным, почему это произошло. Сталин -- умный человек, и он

понимал, что если на XVII партсъезде против него проголосовали 260 или 160

человек, то это означает, что в партии зреет недовольство. Кто мог

голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя

было даже предположить, что Хрущев или подобные ему молодые люди, которые

выдвинулись при Сталине, боготворили Сталина и смотрели ему в рот, могут

проголосовать против него. Этого никак не могло быть.

А вот старые партийцы, которые общались с Лениным,

работали под его

руководством, хорошо знали Ленина и чье завещание всегда оставалось в их

памяти, конечно, не могли мириться с тем, что Сталин после смерти Ленина

набрал к XVII съезду партии такую силу и перестал считаться с ними, стал

вовсю проявлять те черты своего характера, на которые указывал Владимир

Ильич. Вот они-то, видимо, и решили поговорить с Кировым и проголосовать

против Сталина. Сталин понял, что старые кадры, которые находятся в

руководстве, недовольны им и хотели бы его заменить, если это удастся. Эти

люди могли повлиять на делегатов очередного партсъезда и добиться изменений

в руководстве. И вот Киров был убит, а затем началась массовая резня.

Были казнены многие военные. Насчет военных я не могу сказать, что

здесь обязательно имелась прямая связь с беседой Шеболдаева и Кирова.

Возможно, военные стали жертвой провокации Гитлера, который подбросил

чехословацкому президенту Бенешу "документ" об их "связи" с фашистами. Бенеш

переслал этот "документ" Сталину. Первой жертвой стал Тухачевский¹².

Тухачевский -- очень талантливый полководец. В 27 лет он во время

Гражданской войны уже командовал войсками Западного фронта. Он вообще

подавал большие надежды, и, с одной стороны, это радовало, а с другой --

настораживало: не захочет ли Тухачевский воспользоваться примером Наполеона,

чтобы стать диктатором?

Тухачевский пользовался тогда большим доверием Сталина. Фактически

строительством Красной Армии занимался Тухачевский, а не нарком Ворошилов,

потому что первый был лучше подготовлен и более организован. Ворошилов

занимался представительством на парадах, на всяких маневрах и главным

образом саморекламой. Поэтому Ворошилов тоже был заинтересован в устранении

Тухачевского.

Если поднять сейчас фамилии тех, кто был тогда арестован, то прежде

всего это коснулось старых большевиков, людей Ленинской школы, которые

занимали ведущее положение в партии и были расставлены на решающих участках.

Сталин правильно определил, кто голосовал против него. И вот полетели головы

старых большевиков. Они объявлялись врагами народа, и все

наши граждане, и

партийные и беспартийные, одобряли это. Сейчас* в Китае Мао Цзэдун делает то

же самое, только называет этих людей не "врагами народа", а противниками

культурной революции.

Я еще раз перечитал воспоминания Крупской о Ленине. Когда

*** То есть в конце 1960-х годов.**

я читал, перед моими глазами как бы проходили все те люди, которые

приезжали к Ленину за границу, жили у него, получали его директивы. Это были

самые близкие к Ленину люди. А где они сейчас? Их нет. Как они закончили

свою политическую карьеру? Они оказались в списках "врагов народа". Крупская

пишет о Варейкисе¹³, о Пятницком¹⁴ (это человек, который занимался связями

Ленина с Россией), называет Петерса¹⁵. Я Петерса знал очень хорошо, потому

что, когда работал секретарем Московского партийного комитета, он возглавлял

контрольную партийную комиссию Московской области.

Пишет Надежда Константиновна и об одном болгарине. Недавно в

"Известиях" о нем была опубликована заметка. Там не сказано, как он погиб;

теперь поступают просто: жил, и нет его, на небо вознесся. Я сейчас не помню

его фамилии. Этот человек, когда Ленину нужно было получить нерусские

документы, доставал болгарские паспорта Ильичу и Надежде Константиновне.

Потом уже, после революции, Ленин пригласил его в Россию, и он тут работал.

К концу своей жизни он был, кажется, директором треста хлебозаводов. Этот

человек тоже погиб. Почему? Потому что начиналась чистка близких к Ленину

людей не только в Центральном Комитете и среди делегатов XVII съезда:

убирались и те, кто мог быть с ними связан или мог сочувствовать им.

Сколько же людей, с кем общался Ленин, оказались "врагами народа"!

Косиор, член Центрального Комитета, член Политбюро. Рудзутак¹⁶, кандидат в

члены Политбюро, старый большевик, влиятельный человек, к которому Ленин

относился с большим уважением. Межлаук¹⁷, крупнейший экономист и

организатор. Он возглавлял Госплан. Я считаю, что из председателей Госплана

он был лучшим после Куйбышева. Чубарь Влас Яковлевич, тоже очень уважаемый

человек, старый большевик, близкий к Ленину. Петровский. Он умер своей

смертью, но был отстранен от прежних должностей и послан на третью степенную

работу. Петровский после революции не считался активным организатором в

партии. Он, так сказать, выполнял роль партийной иконы. Поэтому Петровский

не был опасен для Сталина, и оказалось достаточно упрятать его в Музей

революции. Постышев Павел Петрович -- активный человек. Эйхе -- секретарь

Новосибирского крайкома, а потом нарком земледелия. Когда его арестовали,

Сталин сказал: "Вот, считали Эйхе коммунистом, а когда стали его

допрашивать, то он говорит: "Что вы пристали ко мне, я не коммунист и

никогда коммунистом не был". Это сочинялось Сталиным для того, чтобы через

нас распространить свою версию... Варейкис.

О нем тоже говорили, что он "провокатор". Одним словом, всех людей,

которых арестовывали, порочили и объявляли, что это были не коммунисты, а

провокаторы.

Вот, собственно говоря, истоки той мясорубки, которую затеял Сталин,

тем самым подтвердив беспокойство Владимира Ильича насчет того, что если

Сталин останется на своем посту, то он будет способен

злоупотреблять

**властью. Партия не послушалась Ленина и поплатилась за это.
Но уничтожались**

**не только партийные кадры: косили всех. Если кто-нибудь
"под настроение"**

**что-то ляпнул, то и этого было достаточно, чтобы попасть в
соответствующие**

списки и потом быть высланным или уничтоженным.

**Хочу высказать еще одну мысль. Некоторые люди в
беседах со мной**

**говорили: "Товарищ Хрущев, а как вы считаете: следовало ли
рассказывать о**

**Сталинском терроре, о том, что не было оснований для того,
чтобы казнить**

**этих людей, что это были честные люди? Может быть, можно
понять и простить**

**Сталина, принять случившееся как историческую
необходимость?". Я**

**категорически против этого. Я поднял эти вопросы на XX
съезде партии, я по**

**поручению руководства партии делал доклад по этим же
вопросам на XXII**

**съезде, на различных митингах и собраниях, разоблачал и
клеймил Сталина за**

**то, что он учинил расправу над строителями партии и
руководителями нашего**

**Советского государства. И я горжусь этим, считая, что тем
самым я сделал**

что-то полезное для партии и для своей страны.

Зло, которое было причинено Сталиным, нанесло большой вред нашей

стране, а всякое зло должно быть заклеено. Нельзя уповать на то, что, мол,

все уже в прошлом. Нет! История может в какой-то степени и повторяться. От

разоблачения злоупотреблений наше государство не ослабло, влияние нашей

партии не уменьшилось. Ее мощь, наоборот, возросла, потому что мы очистились

от преступлений, которые совершил Сталин, и показали: чтобы утвердить

Советскую власть и утвердить идеи марксизма-ленинизма, не требовалось такого

кровопролития. Другое дело, когда совершилась революция и когда стоял вопрос

о завоевании власти рабочим классом. Тогда жертвы были почти неизбежны. В

Гражданскую войну четыре года сражались русский против русского, брат против

брата, сын против отца. И это тогда было оправдано: шла историческая ломка,

ломался и свергался капиталистический строй, утверждались новые законы,

новая идеология, к власти приходили рабочий класс и трудовое крестьянство.

То были оправданные жертвы: их требовала революционная целесообразность.

Но во времена Сталина в этом уже не было никакой необходимости.

**Гражданская война давно закончилась, вредительство -- тоже.
Выросли новые**

кадры, промышленность была на подъеме. Правда, сельское хозяйство еще не

набрало силы, но не по причине вредительства, а из-за нашей отсталости: были

мы слабы в вопросах сельского хозяйства. Я очень обеспокоен, что сейчас

притупилась борьба с культом и проскальзывают статьи, в которых стараются

замолчать его, забыть об этих фактах. Из истории ничего выбросить нельзя!

Можно лишь выбросить людей, которые настаивают на продолжении разоблачений

злоупотреблений Сталина, но самый факт не сможет исчезнуть. Нельзя замолчать

XX и XXII съезды партии.

Я встречаюсь со многими людьми, и многие выражают мне благодарность,

присылают письма и открытки, где благодарят за то, что я поднял эти вопросы.

Они пишут: "Вот у меня тот-то погиб, а я сама сидела, или я сам сидел, а

теперь вернулся, восстановил свое доброе имя, раньше я был братом "врага

народа" (или была женой "врага народа"), а теперь я получил права

гражданства". Ну что может быть приятнее, чем такое признание? Я все это

охотно принимаю, потому что да, именно я был инициатором этого процесса,

именно я провел большую работу по разоблачению Сталина. Но я был тут не

одинок: это сделал Центральный Комитет, это сделал XX съезд партии. Нельзя

говорить: "Хрущев захотел, Хрущев сделал". Можно ведь захотеть, но не найти

поддержки, и тогда ничего не выйдет. Эти вопросы созрели, и их нужно было

поднять. Если бы я их не поднял, их подняли бы другие люди, и это стало бы

причиной поражения партийного руководства, которое не прислушалось к велению

времени.

Яркий пример тому -- Чехословакия 1968 года. Я много раз советовал

президенту Новотному¹⁸ (он честный коммунист и преданный пролетарий):

"Поднимите занавес, разоблачите злоупотребления, если они у вас были". А они

были, я знаю, что они были. Я сам был свидетелем того, как Сталин давал

определенные поручения чекистам, которые были посланы в Чехословакию

"советниками". Эти методы уже были отработаны в 1937 г., и они применялись

во всех социалистических странах. Везде были наши "советники"... Новотный

сердился и говорил: "Товарищ Хрущев, у нас ничего подобного не было". Я ему

отвечал: "Если это не сделаете вы, то это сделают другие, и вы окажетесь в

очень незавидном положении". Новотный не послушался меня, и все знают, к

чему это привело и его самого, и всю Чехословакию.

Если бы мы не разоблачили Сталина, то у нас, возможно, произошли бы

более острые события, чем в Чехословакии. Мы бы не миновали этого. Надо было

сказать народу и партии правду. Что же, тогда действительно были враги?

Враги были и есть сейчас. Это вполне понятно. Не может историческая ломка

при переходе от капитализма к социализму пройти без борьбы, без крови. И с

той, и с другой стороны предпринимаются острые шаги вплоть до террора и

прочего. Но удар был направлен Сталиным не против врагов, с которыми тогда в

СССР уже было покончено и от которых сохранялись только какие-то остатки,

скупо проявлявшие себя в тех или других учреждениях, и борьба с которыми не

требовала массового террора. Уничтожались члены партии, и в первую голову

верхушка партии, люди, которые закладывали основы пролетарской, ленинской

партии. Против них был направлен удар, и прежде всего именно они сложили

головы. Эти злодеяния никак нельзя оправдать. Не было в том никакой

исторической необходимости: все эти люди являлись социалистическими

организаторами масс рабочих и крестьян.

Почему же тогда Сталин их уничтожил? Он их уничтожил потому, что

созревали условия для замены Сталина. В жизни пролетарской партии,

построенной на основах демократического централизма, используются уставные

методы работы. Значит, всегда может быть поставлен вопрос на съезде партии

или на Пленуме Центрального Комитета о замене одного лица другим. Если не

признавать за членами партии права менять руководство, то я вообще не знаю,

во что превратится партия. Такая партия не сможет привлечь к себе массы,

потому что это будет уже не диктатура класса, а диктатура личности.

Фактически так и было при Сталине: партия уже не могла высказывать свою

волю. Центральный Комитет реально не работал, годами не созывались Пленумы

ЦК и съезды партии. На периферии партия еще продолжала жить прежней жизнью,

**но руководство уже не являлось избранным партией.
Центральным Комитетом.**

Сталин что хотел, то и делал: хотел -- казнил, хотел -- миловал.

**Мне запомнился еще один эпизод, который подтверждает
характеристику**

**Сталина, данную Лениным в его завещании. Много раз мы
вместе со Сталиным**

**смотрели различные кинофильмы. Однажды был просмотрен
фильм из жизни**

**колониальной Англии. Я запомнил его содержание: надо было
перевезти какие-то**

**ценности из Индии в Англию. Но путь, которым шли
корабли из Индии,**

**контролировался пиратами. Тогда обратились к одному
известному пирату,**

**который сидел в Англии в тюрьме, и предложили ему взяться за
это рискованное**

**дело, а взамен что-то было ему обещано. Он согласился,
однако поставил**

**условие, что он подберет команду по своему усмотрению из тех,
кто сидит с**

**ним в тюрьме. Английское правительство согласилось, он
подобрал команду, ему**

**дали корабль, он прибыл в Индию, погрузил ценности,
отправился в обратный**

**путь и по дороге в Англию стал уничтожать своих
единомышленников. Метод был**

**такой: намечал жертву и ставил его фотографию к себе на стол.
Так постепенно**

он уничтожил какое-то количество этих бандитов...

Закончился просмотр

картины, и Сталин, как обычно, предложил поехать к нему на "ближнюю" дачу

поест. Маленков и Берия сели в одну машину со Сталиным, а мы с Булганиным в

моей машине поехали следом за ними. Приехали на "ближнюю", сейчас же пошли

мыть руки и, как всегда, перебрасывались словами. Берия: "Слушай, ты знаешь,

что сказал Сталин, когда мы ехали: а этот капитан -- неглупый парень, он

соображал, что делал". И стал подбивать меня, чтобы я поднял эту тему за

столом и сказал, что это сущий мерзавец. Я поколебался и согласился, а за

столом сказал: "Товарищ Сталин, какой же мерзавец этот капитан, ближайших

своих друзей погубил". Сталин взглянул на меня и ничего не ответил. Я тоже

прекратил опасный разговор.

Тут видна параллель: Сталин, как тот пират, составил себе списки

(фотографии ему были не нужны) и командовал своим подручным, чья наступила

очередь. Куда до него тому бандиту! Тот "младенец" уничтожил десяток или

полтора десятка человек, а Сталин-то уничтожил сотни тысяч. Я не могу

сказать точно, сколько. Но, когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10

млн. человек. Там, конечно, были и уголовники, и наши военнослужащие --

бывшие военнопленные. Огромное число людей, которое даже и не снилось тому

английскому пирату.

Сталин называл себя марксистом-ленинцем, а допускал зверства против

своих единомышленников, против своих друзей пот партии, дореволюционному

подполью и по славной, великой борьбе за переустройство общества на

социалистических началах. Когда Сталин разоблачал "врагов", я считал, что он

прозорлив, он видит врагов. А я? Вокруг меня столько было врагов, столько

арестовано людей, с которыми я ежедневно общался и не замечал, что они

враги... Поэтому у меня еще больше вызывают теперь гнев все эти

злоупотребления Сталина. Ведь то были честнейшие, преданные люди. Сколько

погибло и моих друзей, и людей, которых я очень уважал: таких, например, как

Бубнов¹⁹, Антонов-Овсеенко²⁰. Антонову-Овсеенко было поручено Лениным

арестовать Временное правительство в Зимнем дворце. Старый большевик Бубнов

был наркомом просвещения. Это был замечательный человек, доступный и

простой, мне он очень нравился. И вдруг он оказался "врагом народа". Меня

угнетало, что я относился к нему с уважением и не замечал, что это был враг.

Так неужели я и сейчас ошибаюсь, как ошибался тогда, когда казнил себя за

то, что плохо вижу врагов, а Сталин их видит и чувствует на расстоянии? Нет!

Нельзя поднимать убийцу. Мертвому, конечно, все равно, но правда нужна

будущему поколению, которое тоже может попасть в такое же положение, в каком

оказались мы. Если мы будем прощать ("победителей не судят!"), то может

появиться большой соблазн для лиц, подобных Сталину, учинить расправу над

народом, прикрываясь высокими идеями.

Нашей страной пройден большой путь, многое сделано. И долгое время все

заслуги приписывались одному лицу, -- Сталину. Сам же Сталин много раз

осуждал такую точку зрения: это -- эсеровский лозунг, где на первый план

выдвигаются герои, а масса -- якобы лишь толпа. Народ -- вот вечный герой.

Кто был вождем, когда русский народ сражался против Наполеоновского

нашествия? Неужели Александр!? Нет и нет! Может быть, Кутузов? Тоже нет!

Кутузов был главнокомандующим. Но если бы народ не поднялся против

французского нашествия, никакой Кутузов и никто другой не смог бы спасти

Россию. Это народ встал грудью, положил тысячи жизней, но отстоял свою

Родину. То же и при нашествии фашистов, которые пошли против Советского

Союза. Поднялся народ. И несмотря на то, что Сталин уничтожил лучшие кадры,

обезглавил Красную Армию, уничтожил верхушку партийного и хозяйственного

руководства, несмотря на все трудности, которые СССР переживал, несмотря на

то, что были допущены большие упущения в подготовке армии к войне, народ, а

не Сталин, разгромил врага.

Да, лучшие командные кадры были уничтожены, другие же просто не

выросли, не было на это времени. Другие командиры были выдвинуты на высокие

посты, не обладая опытом и умением управлять большими соединениями. Кроме

того, армия не была обеспечена вооружением: буквально с первых дней войны не

хватало винтовок, не было пулеметов. Это же немыслимое дело! Мы совершенно

**справедливо критикуем сейчас Николая II за то, что в 1915 г.
армия осталась**

**без винтовок. А ведь мы начали войну без должного количества
винтовок. Мне**

**сказал тогда Маленков, когда я, находясь на Украине, просил
винтовки: "Куйте**

**штыки, куйте пики". Мы просили противотанковые
гранаты и**

**противотанковые ружья. Он ответил: "Делайте горючую
смесь и обливайте**

**вражеские танки". А потом наши бойцы нередко не вражеские
танки обливали**

**бензином, а землю поливали своей кровью, устилали ее своими
трупами. Кто в**

этом виноват? Чьи тут упущения?

**Побеждал, дескать, Сталин. А поражения чьи, народа?
Действительно, есть**

**старая поговорка: солдаты сдают города, а генералы их берут.
Нет и нет! Это**

**Сталин допустил много ошибок перед войной: ослабил армию,
руководство нашей**

**промышленностью, и это вынудило Красную Армию отступать с
большими потерями,**

**оставить противнику огромную территорию. Фашисты
захватили житницу**

**Советского Союза с плотным населением. Но, несмотря на все
это, народ**

**поднялся, воспрянул духом, перешел в наступление и разбил
агрессора. Новые**

кадры наших полководцев выковались в процессе боев при отступлении. Но если

бы были сохранены кадры, которые прошли школу Гражданской войны, кадры,

которые закладывали новую индустрию, кадры, которые выковались в процессе

построения хозяйства на социалистических началах (это же неприступная

сила!), и если бы должным способом были использованы людские и материальные

возможности страны, то, конечно, врагу нечего было и думать достичь стен

Москвы, занять Северный Кавказ, дойти до Сталинграда. Сейчас кое-кто опять

начинает кричать: "Ура Сталину!". Все это уже было, и слишком большой кровью

заплачено нами за эти "Ура!".

Если сейчас не осудить те злоупотребления, если не проанализировать

наши ошибки, то возникнет опасность, что история может повториться. Народ

должен знать все и о своих победах, и о своих поражениях. Он должен знать

своих героев и должен знать причины поражений. А причины -- это сталинский

деспотизм, злоупотребление властью, тот Сталин, который нетерпимо относился

к людям, к руководителям партии, к своим же товарищам, с которыми когда-то

вместе работал под руководством Ленина. А когда эти люди стали претендовать

на коллективное руководство и высказывать свое мнение, он их сперва сделал

политическими врагами, а потом просто начал казнить.

Я считаю, что XX и XXII съезды партии приняли абсолютно правильные

решения, и как бы кто-то ни хотел приуменьшить или загладить их, ничего из

этого не выйдет. Никто не сможет протащить идею, что Сталин ни в чем не

повинен, а если повинен, то это не преступление, а ошибки, совершенные в

процессе перехода от одной формы общественного уклада к другой. Нет и нет!

Ни один настоящий коммунист не станет на сторону убийцы своего народа.

Поступить так--это значит подбадривать тех, кто мог бы это повторить, что

вообще-то не исключено. Это станет возможным, если не проявить бдительности.

1 ЧУДОВ М.С. (1893-1937) -- из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1913 г.,

занимал с 1918 г. ряд ответственных советских и партийных постов, в

1928-1936 гг. 2-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), член ЦК ВКП(б), с

1925 г., член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

**2 НИКОЛАЕВ Л.В. (1904-1934) -- член РКП(б) с 1924 г.,
инструктор**

**Ленинградского обкома партии и Ленинградского института
истории ВКП(б), в**

**апреле 1934 г. уволен оттуда, оставался безработным, в
декабре был**

расстрелян.

**3 Осенью 1952 г., когда состоялся XIX съезд партии,
Г.М.Маленков был**

секретарем ее ЦК.

**4 Речь идет о событиях 1919 г., когда Киров был
председателем**

**Временного военно-революционного комитета Астраханского
края, где в то время**

**существовала острая военно-политическая обстановка, а 11-я
Отдельная армия,**

**членом Реввоенсовета и начальником политотдела которой
был Киров, неудачно**

**действовала против войск А.И.Деникина на астраханском
направлении.**

**5 ШВЕРНИК Н.М. (1888-1970) -- рабочий, член РСДРП с 1905
г., участник**

**трех российских революций, после 1917 г. был комиссаром и
чрезвычайным**

**уполномоченным на фронтах Гражданской войны, потом на
профсоюзной работе, с**

**1923 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, с 1925
г. секретарь**

Ленинградского обкома ВКП(б), с 1926 г. секретарь ЦК

ВКП(б), с 1927 г.

секретарь Уральского обкома ВКП(б), с 1929 г. председатель ЦК профсоюза

металлистов, в 1930-1944 гг. первый секретарь (в 1953-1956 гг. председатель)

ВЦСПС, с 1944 г. первый заместитель Председателя и в 1946-1953 гг.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР, в 1956-1962 гг. председатель

Парткомиссии при ЦК КПСС; член ЦК партии с 1925 года, кандидат в члены

Политбюро ЦК ВКП(б) в 1939-1952 гг., член Президиума ЦК КПСС в 1957-1966

годах.

6 ШАТУНОВСКАЯ О.Г. (1901-1991)--член РСДРП с 1916 г., в 20-е годы вела

активную комсомольскую и партийную деятельность, в 30-е годы работала до

ареста в аппарате Московского комитета ВКП(б) и была секретарем

объединенного парткома.

7 СНЕГОВ А.В. (1891-1938) -- член РСДРП с 1917 г., позднее известный

партработник и активный партийный публицист, с 1931 г. член бюро

Закавказского крайкома ВКП(б), затем на партийной и советской работе в

Сибири и на Украине, в Куйбышеве и Мурманске. Репрессирован, реабилитирован

посмертно.

8 ЯГОДА Г.Г.--член РСДРП с 1907 г., после 1917 г. работал военным

инспектором и в коллегии Наркомвнешторга, с 1920 г. -- в ВЧК, с 1924 г.

заместитель председателя ОГПУ, в 1934-1936 гг. нарком внутренних дел и в

1934-1937 гг. нарком связи СССР, с 1935 г. генеральный комиссар

государственной безопасности 1 ранга, член ЦК ВКП(б) с 1934 года. Расстрелян

после открытого судебного процесса.

9 МЕДВЕДЬ Ф.Д.--член РСДРП с 1907 г., после 1917 г. занимал ряд

должностей в ВЧК -- ОГПУ, один из организаторов трудовых лагерей на

строительстве Беломорско-Балтийского канала, возглавлял Ленинградское

областное управление ОГПУ.

10 ШЕБОЛДАЕВ Б.П. (1895-1937) -- сын врача, член РСДРП с 1914 г., после

1917 г на военной работе, с 1920 г. на партийной работе, с 1923 г. зав.

отделом ЦК КП(б) Туркменистана, секретарь Царицынского губкома РКП(б),

сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), в 1928-1937 гг. секретарь Нижневолжского,

Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краевых комитетов и Курского обкома

ВКП(б), член ЦК ВКП(б) с 1930 года. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

11 АНДРЕАСЯН Н.В.

12 ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. (1893-1937) -- из дворян, член РКП(б) с 1918 г., до

1917 г. царский офицер, с 1918 г. в Красной Армии, до 1921 г. командовал

1-й, 8-й, 5-й и 7-й армиями и войсками Восточного, Кавказского и Западного

фронтов, далее начальник Военной академии, ком. войсками Западного ВО, пом.

начальника и начальник Штаба РККА, ком. войсками Ленинградского ВО,

заместитель председателя Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА, зам.

и 1-й зам. Наркома обороны СССР, начальник управления боевой подготовки

РККА, Маршал Советского Союза с 1935 года. Перед репрессированием командовал

войсками Приволжского военного округа. Реабилитирован посмертно.

13 ВАРЕЙКИС И.М. (1894-1939)--рабочий, член РСДРП с 1913 г., после 1917

г. на ответственных советских и партийных должностях, с 1923 г. секретарь

Киевского губкома КП(б)У и Среднеазиатского ЦК ВКП(б), зав. отделом печати

ЦК партии, первый секретарь Саратовского губкома. Центральночерноземного и

Воронежского обкомов. Сталинградского и Дальневосточного крайкомов ВКП(б), с

1930 г. член ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР.

Репрессирован, реабилитирован

посмертно.

14 ПЯТНИЦКИЙ И.А. (1882-1938) -- сын столяра, член РСДРП с 1888 г.,

один из активнейших партработников-ленинцев, входил в руководство

вооруженным восстанием 1917 г. в Москве, затем на профсоюзной и советской

работе, в 1920 г. секретарь Московского комитета РКП(б), с 1921 г. занимал

высокие посты в Коминтерне, с 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б), член ЦКК в

1924-1927 гг., член ЦК ВКП(б) с 1927 года. Репрессирован, реабилитирован

посмертно.

15 ПЕТЕРС Я.Х. (1886-1938) -- из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1904

г. и член Британской социалистической партии с 1909 г., после 1917 г.

занимал ответственные посты в ВЧК (Петроград, Москва, Киев, Тула,

Туркестан), с 1923 г. член коллегии ОГПУ, член ЦКК в 1923-1934 гг., затем

член КПК при ЦК ВКП(б). Контрольную партийную комиссию Московской области он

возглавлял в 1930-1934 годах. Репрессирован, реабилитирован

посмертно.

16 РУДЗУТАК Я.Э. (1887-1938)-- из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1905

г., участник трех российских революций, с 1917 г. председатель Московского

совнархоза, Центротекстиля, ЦК профсоюза транспортных рабочих, Туркестанской

комиссии ВЦИК и Туркестанского бюро РКП(б), Средзбюро ЦК РКП(б), с 1923 г.

секретарь ЦК партии, с 1924 г. нарком путей сообщения СССР, в 1926-1937 гг.

заместитель Председателя Совнаркома и СТО СССР, с 1931 г. нарком

рабоче-крестьянской инспекции СССР, с 1920 г. член ЦК

партии, член Политбюро в 1926-1932 гг. и кандидат в члены Политбюро ЦК

ВКП(б) в 1923-1926 и с 1934 г., член ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован

посмертно.

17 МЕЖЛАУК В.И. (1893-1938) -- сын учителя, участник революционного

движения с 1907 г., член РСДРП с 1917 г., затем на различных советских,

партийных и военных постах, с 1924 г. заместитель председателя ВСНХ СССР, с

1931 г. 1-й заместитель председателя Госплана СССР, с 1934 г. заместитель

Председателя Совнаркома СССР и председатель Госплана, член ЦК ВКП(б) с 1934

г., член ЦИК СССР. Перед репрессированием был наркомом тяжелой

промышленности СССР. Реабилитирован посмертно. Хрущев был хорошо знаком с

его братом И.И.Межлауком (1891-1938), который в начале 20-х годов возглавлял

"Югосталь", а впоследствии тоже был безвинно репрессирован.

18 НОВОТНЫЙ А. (1904-1975) -- член КП Чехословакии с 1921 г., член ее

ЦК с 1946 г., первый секретарь ЦК КП Чехословакии в 1953-1968 гг., президент

Чехословакии в 1957-1968 годах.

19 БУБНОВ А.С. (1884-1938)--сын чиновника, член РСДРП с 1903 г.,

участник трех российских революций, один из руководителей Октябрьского

вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде, затем на ответственных

советских, партийных и военных постах на Дону, Украине, в Москве, на

Северном Кавказе, в 1922-1923 гг. заведовал Агитпропом ЦК РКП(б), в

1924-1929 гг. начальник Политуправления РККА, в 1925 г. секретарь ЦК РКП(б),

в 1929-1937 гг. нарком просвещения РСФСР; член ЦК партии в 1917 и с 1924 г.,

член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

20 АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В.А. (1883-1939) -- сын офицера,

член РСДРП с 1903

г., активнейший участник Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в

Петрограде, затем член 1-го советского правительства, руководитель боевых

операций на Украине и против "антоновщины", с 1922 г. начальник

Политуправления Реввоенсовета СССР, в 1924-1934 гг. на дипломатической

работе, с 1934 г. прокурор РСФСР, с 1936 г. генеральный консул СССР в

республиканской Испании. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УБИЙСТВА КИРОВА

После гибели Кирова Сталин взвалил Ленинградскую парторганизацию на

Жданова1. Жданов на XVII съезде ВКП(б) был избран секретарем ЦК, а до этого

работал в г. Горьком2. С ним я был лучше знаком, чем с Кировым. Помню нашу

первую встречу. Мы соревновались раньше с Нижегородским краем. И теперь наша

делегация на съезде пригласила в гости Горьковскую делегацию. Не помню, где

мы собрались. Жданов был веселым человеком. Тогда он у нас выпил и еще до

этого выпил. Одним словом,

вышел на подмостки и растянул двухрядную гармонь. Он неплохо играл на

гармони и на рояле. Мне это нравилось. Каганович же о нем отзывался

презрительно: "Гармонист". Но я не видел в этом ничего предосудительного. Я

сам когда-то в молодости пытался учиться такой игре, и у меня была гармонь.

Однако я никогда не играл хорошо, а он играл хорошо. Уже после, когда Жданов

стал вращаться в среде Политбюро, было видно, что Сталин к нему относится

очень внимательно. Тут брюзжание Кагановича в адрес Жданова усилилось; он

часто ехидно говорил: "Здесь и не требуется большого умения работать, надо

иметь хорошо подвешенный язык, уметь хорошо рассказывать анекдоты, петь

частушки, и можно жить на свете".

Признаться, когда я пригляделся к Жданову поближе, в рабочей

обстановке, стал соглашаться с Кагановичем. Действительно, когда мы бывали у

Сталина (в это время Сталин уже стал пить и спаивать других, Жданов же

страдал такой слабостью), то, бывало, он бренчит на рояле и поет, а Сталин

ему подпевает. Эти песенки можно было петь только у

Сталина, потому что

нигде в другом месте повторить их было нельзя. Их могли лишь крючники в

кабаках петь, а больше никто. Свидетелем подобного времяпрепровождения я

бывал неоднократно.

Потом вдруг все перевернулось. Сталин резко отвернулся от Жданова и

теперь не терпел его. В последние дни жизни Жданова мне просто жалко было

его. Он был по-своему человек обаятельный, и я питал к нему определенное

уважение. Уже перед смертью, когда он уезжал в отпуск, он позвонил мне:

"Жалею, что мы с вами не встретились. Я так хотел вам рассказать кое-что,

вот приеду и расскажу". Незадолго до его смерти я зашел к нему, и он много

говорил, в частности о РСФСР: "Знаете, Российская Федерация (тут я ему

вполне сочувствовал) --такая несчастная, в таком она положении! Вот на

Украине вы имели ЦК, собирали совещания, заседания, пленумы. А здесь, в

России, ничего этого нет. Люди в разброде, никто их не собирает, никто не

обобщает их опыт. Надо создать Российское бюро ЦК ВКП(б)". Я отвечал: "Оно

ведь было когда-то, Андрей Андреевич АндреевЗ (А.А., как мы

все его звали)

был его председателем". Я поддерживал его тут всей душой.
Потом Жданов

поднял этот вопрос и перед Сталиным.

А когда Жданов умер, это дело завертелось. Видимо,
Жданов дал ему

толчок. Но кончилось все расстрелом ленинградцев как
"националистов". Однако

никакого там национализма не было, была же действительная
партийная работа,

ставился вопрос

о судьбе Российской Федерации, об улучшении деятельности
РСФСР. И в

результате погибли люди, абсолютно невиновные.

Жданов был умным человеком. У него было некоторое
ехидство с хитринкой.

Он мог тонко подметить твой промах, подпустить иронию. С
другой стороны,

чисто внешне, на всех пленумах он сидел с карандашом и
записывал. Люди могли

подумать: как внимательно слушает Жданов все на пленуме,
записывает все,

чтобы ничего не пропустить. А записывал он чьи-то
неудачные обороты речи,

потом приходил к Сталину и повторял их. Например, много
смеха у всех вызвало

выступление Юсупова⁴. Кроме того, Жданов действительно
был музыкальным

человеком. Оказывается, он когда-то учился музыке у

Александрова5, отца

нынешнего руководителя военного ансамбляб. Тот у них в среднем учебном

заведении преподавал музыку. Жданов учился в Мариуполе и там окончил среднее

учебное заведение.

Много толков вызывает имя Жданова в связи с послевоенными

постановлениями ЦК ВКП(б) по поводу журналов "Звезда" и "Ленинград" и оперы

Мурадели "Великая дружба". Относительно них я думаю, что Жданов был просто

назначенный докладчик: что ему ведено было сказать, то он и сказал. Как он

сам думал, трудно выяснить. Может быть, именно так, как он выступал, но я

сомневаюсь в этом. Скорее всего, нет. В то время Жданов был в абсолютной

опале. Отношение к нему изменилось во время войны. А почему он все-таки

попал у Сталина в немилость?

"Наверху" сложилось такое впечатление (насколько оно было обоснованно,

мне сейчас трудно судить), что он вроде бездельника, не рвется к делу. В

какой-то степени это все отмечали. На любое заседание в ЦК партии он мог

прийти спустя два или три часа, а мог и совсем не прийти. Одним словом, он

был не такой, как, например, Каганович. Тот всегда найдет себе дело, ему

всегда некогда. А этот спокоен: если ему поручат вопрос, он сделает, а не

поручат, так и не надо. Такое впечатление сложилось и у Сталина, и у других,

кто знал Жданова. Лично мне трудно высказаться по этому вопросу. Я особенно

близко с ним никогда не работал, поэтому мне трудно говорить. А так в

остальном он был очень обаятельный человек.

Когда меня на Украину послали, а его раньше -- в Ленинград, то с 1935

г. мы порой встречались, иной раз и мнениями обменивались. Однажды он меня

спрашивает: "Вам удастся ездить по заводам и как часто?". Говорю: "Не так уж

часто, но выезжаю". "Да, -- продолжает, -- я вот тоже выезжаю. Расскажу вам,

как это

иногда бывает. Как-то поехал я на один завод. Мне все там показывают,

рассказывают. Посмотрел я то, что мог, распрощался со всеми, кто меня

сопровождал, и поехал на другой завод. Приехал. Там мне тоже все показывают

и рассказывают. Я попрощался, а это--те же самые люди, которые мне на первом

заводе рассказывали и показывали. Потом, для "проверки", на

третий завод

поехал. И там все повторилось". Я говорю: "У меня это тоже бывало. Это

"выбрасывают" охрану, и она нас окружает, а мы ее не знаем и жмем руки, как

заводским". Жданов рассказывал это с такой, знаете, улыбкой, в своем,

Ждановском стиле.

Бывало и другое. Как-то, уже после войны (меня в тот раз не было),

когда все обедали у Сталина, то дообедались до такой степени, что Жданов уже

не мог идти. Захотел он, как это раньше случалось, заночевать у Сталина. Не

тут-то было. Сталин ему говорит: "У вас есть своя квартира". И буквально

выпроводил его. Об этом мне рассказал Маленков. Но Маленков рассказывал в

другом свете, считая, что Сталин прав. А мне было жалко человека. Ведь спойл

его Сталин. Ну пусть бы поспал человек. А он его выпроводил. В общем-то

Жданов не завоевал положения очень крупного государственного деятеля. Так

полагали все люди, которые его близко знали.

Через некоторое время после смерти Кирова нас потрясло очередное новое

событие: раскрытие заговора, суд и казнь Тухачевского с группой военных⁷.

Маршал Егоров8 (его самого потом судили) был тогда в составе суда. Думаю,

что из состава суда сейчас остался в живых только маршал Буденный9. Арест

Тухачевского я очень переживал. Но лучше всех из осужденных я знал Якира10.

В Гражданскую войну мы не встречались, однако я часто имел с ним дело

позднее, когда он стал помощником командующего войсками Украины и Крыма. А

когда я работал в 1928 г. в Киеве, там состоялись большие военные маневры.

Это были грандиозные маневры: действия войск, затем приемы, беседы, доклады.

Всем руководил Ворошилов. Был там и Якир.

О Ворошилове тогда военные были очень невысокого мнения. Они его

формально принимали, но все считали себя выше него. Так оно, видимо, и было.

Вот и в 1928 г. там была только парадность. Ворошилов, когда он уже потом

узнал, что я в то время в Киеве работал заворгом, то рассказывал, как его

там цветами забросали. Это, конечно, имеет большое значение для

обороноспособности страны, но все же не главное.

Перед своим арестом Якир был у меня на даче. Я жил в Огарево, под

Москвой, в бывшей усадьбе московского генерал-губернатора,

царского дяди

великого князя Сергея. Там жили тогда секретари горкома партии и

председатель облисполкома. Мы скромно занимали там (Каганович все меня

выгонял в основное здание) свитский дом, где жила прежде княжеская прислуга

и размещалась церковь. Я занимал часть второго этажа, а внизу жил Булганин.

Во второй половине наверху жил секретарь горкома Кульков¹¹, а внизу --

председатель облисполкома Филатов¹². В доме для дворни отдыхали секретари

райкомов, там было что-то типа однодневного дома отдыха. Там жил среди

других и Семен Захарович Коротный¹³. Коротный работал секретарем одного из

московских райкомов. Он был у меня заворгом, когда я был секретарем на

Красной Пресне, потом он стал секретарем райкома на Красной Пресне, затем

секретарем Ленинского райкома партии.

Коротный -- еврей, дельный человек, хороший организатор и хороший

оратор. Он был женат на сестре Якира. Сестра тоже хороший, партийный

человек. Она прошла с Якиром весь путь в Гражданскую войну, была там

политработником. Якир приехал в Огареве к сестре, и мы с ним

долго ходили по

парку, беседовали. Он был приятный человек... Потом его арестовали. Я

волновался. Во-первых, мне было его жалко. Во-вторых, тут могли и меня

потянуть: мол, всего за несколько часов до ареста Якир был у Хрущева,

заходил к нему ночью, и они ходили и все о чем-то говорили.

С Тухачевским я не был близко знаком, но относился к нему всегда с

уважением. Как-то незадолго до ареста (я не знаю, почему) он позвонил мне и

говорит: "Товарищ Хрущев, разрешите мне прислать к вам скульптора?". Я

спрашиваю: "Зачем?". А он очень увлекался ваянием и вообще любил искусство.

"Да ведь все равно какой-нибудь скульптор с вас будет делать портрет и

черт-те что сделает, а я пришлю вам хорошего". -- "Я вас очень прошу,

товарищ Тухачевский, чтобы вы мне больше об этом не говорили". На этом дело

и кончилось. Потом, когда сообщили о судебном процессе, я думал: "Черт его

знает, почему он мне это предложил? Не вербовал ли он меня?". И ругал себя:

"Как хорошо я к нему относился! Какое же я г., ничего не видел, а вот Сталин

увидел".

После этого стала разматываться вся эта штука. Сначала потянули

военных, а когда начали таскать секретарей и членов ЦК, тогда просто жутко

стало: что же такое получается, как же это так проросли все эти чужие корни?

Они опутали весь организм партии, всю страну. Это что-то такое ракообразное,

страшное.

А вот Сталин знал этих людей, он арестовывал и наркомов... Арестовали,

в частности, Антипова¹⁴, наркомпочтеля; старый революционер, петербуржец,

известный человек. С этим арестом у меня связаны особые воспоминания. Сталин

тут пошутил надо мной, а шутка такая была, что поседеть можно. Мне позвонили

от Сталина и сказали, чтобы я немедленно ехал в Кремль, там гуляет Сам, и он

вызывает вас. Приехал я в Кремль и вижу: гуляет Сталин с Молотовым. Тогда в

Кремле только что парк сделали, дорожки проложили. Подошел к Сталину. Он

смотрит на меня и говорит: "На вас дает показания Антипов".

Я тогда еще не знал, что Антипов уже арестован, и сказал, что ни

Антипов, ни кто-либо другой не могут на меня дать никаких показаний, потому

что нечего давать. Сталин тут же перешел к другому вопросу,

по которому он

меня и вызывал... Таким образом, это была психологическая провокация.

Видимо, Сталин придавал ей определенное значение. Для чего же он так

спрашивал? Вероятно, следил, как поведет себя человек, и этим способом

определял, является тот преступником или нет. Знаете, даже честный человек

может быть сбит с толку, как-то дрогнуть, когда отвечает вождю партии, и тем

самым создать впечатление у того, кто добивается, будто он тоже замешан. Это

-- нечестная, неправильная и недопустимая форма узнавания правды, ну просто

нетерпимая. Тем более среди членов Коммунистической партии.

Такая тогда сложилась обстановка. Людей буквально хватили и тащили

резать. Люди тонули бесследно, как в океане. Когда начались аресты

руководителей партии, профсоюзов, военных товарищей, директоров заводов и

фабрик, у меня лично были арестованы два моих помощника. Один из них,

Рабинович¹⁵, занимался общими вопросами, а другой, Финкель¹⁶, строительными

делами. Оба -- исключительно честные и порядочные люди. Я никак не мог

допустить даже мысли, что эти двое, Рабинович и Финкель,

которых я отлично

знал, могут быть действительно "врагами народа". Но на всех, кого

арестовывали, давались "фактические материалы", и я не имел возможности их

опровергнуть, а только сам себя тогда ругал за то, что дал себя одурачить:

близкие мне люди оказались врагами народа!

Потом начались аресты секретарей московских райкомов, городского и

областного комитетов партии. Был арестован, как я уже упомянул, Корытный,

которого я знал еще по Киеву. Потом он учился в Москве и, окончив курсы

марксизма-ленинизма, работал со мной, а после того, как побывал секретарем

райкома на

Красной Пресне и Ленинского, был избран одним из секретарей городского

партийного комитета. Это был человек, проверенный Гражданской войной, но и

его арестовали. Как его взяли? Он заболел, и его положили в больницу. Я

поехал туда навестить его, побыл там, повидал его, а на следующий день

узнал, что он арестован. Его арестовали прямо в больнице, и его жену тоже,

сестру Якира. В этом случае у меня нашлось еще какое-то объяснение. Хотя я и

считал Корытного честнейшим, безупречным человеком, но раз Якир оказался

изменником, предателем и агентом фашистов, а тот был его ближайшим другом,

то Якир мог оказать на него свое влияние. Значит, возможно, я ошибался и зря

доверял этому человеку.

Еще один из секретарей горкома. Кульков, московский пролетарий, член

партии с 1916 г., не блиставший особыми качествами, но вполне честный и

надежный человек, тоже оказался арестованным. Одним словом, почти все люди,

которые работали рядом со мной, были арестованы. Надеюсь, понятно, каким

было мое самочувствие. Со мной тогда работал еще Марголин, член партии с

1912 или с 1914 года. Они вместе с Кагановичем были когда-то в революционном

подполье. Я его знал тоже по Киеву. Когда я работал заворгом окружного

комитета, Марголин являлся одним из секретарей райкомов, после этого работал

секретарем Мелитопольского окружкома, потом учился со мной в Промышленной

академии. Он остался секретарем Бауманского райкома партии, когда я перешел

оттуда на Красную Пресню. Когда же я стал первым секретарем Московского

горкома, его избрали вторым, а затем, после арестов в Днепропетровске, его

выдвинули туда секретарем окружного комитета партии. Там его и арестовали.

Марголин тоже был человеком проверенным и хорошо известным, особенно

Кагановичу. Он считался его другом, и они неоднократно встречались на

квартире у Кагановича. Я просто не мог допустить мысли, что Марголин -- враг

народа.

Развернувшиеся аресты безупречных людей, известных и пользующихся общим

доверием, создавали в партии очень тяжелую обстановку. Сейчас мне трудно

вспомнить всех, кого тогда арестовали. Для этого нужно просмотреть архивы,

изучить материалы. Наверное, историки займутся этим делом и приведут все в

порядок. Считаю, что, видимо, целых три поколения партийных руководителей

были арестованы; то есть то, которое было ранее в руководстве, второе,

выдвинутое, и третье, тоже выдвинутое. Это огромное количество людей!

Среди других был арестован мой хороший приятель Симочкин.

Я с ним учился еще на рабфаке в Донецке. Сам он енакиевский шахтер

Рыковской шахты17, участник Гражданской войны, комиссар полка, был награжден

орденом Красного Знамени, после рабфака учился на курсах марксизма-ленинизма

и работал секретарем райкома партии в Москве. Раз Сталин звонит мне и

говорит:"Мы Симочкина у вас возьмем (Сталин его знал) и выдвинем на

областную работу". И он был выдвинут в Иваново-Вознесенск, но очень скоро,

не больше месяца проработав там, был арестован и расстрелян18. Это меня

потрясло: "Как же так, Симочкин -- враг народа? Зачем ему нужно было

становиться врагом народа, когда он сам -- часть этого народа?". А спустя

какое-то время Сталин сказал мне, что Симочкин погиб зря, невинно, и тут же

обругал Жукова, начальника областного управления НКВД, сказав, что это тот

сделал и что этого Жукова, в свою очередь, арестовали, осудили и

расстреляли. Как это могло произойти? Симочкин занимал такое положение,

пользовался доверием, а какой-то малоизвестный Жуков сумел создать на него

ложное дело и арестовать его. Где же надзор, прокуратура и прочее? Это

свидетельствует о том, какие порядки существовали в партии (если их можно

назвать порядками): отсутствие всяких норм защиты личности члена партии.

Возвращусь к Якиру. Он работал на Украине, я встречался с ним в 20-е

годы на партийных республиканских конференциях и съездах. В 1928--1929 гг.,

когда я работал в Киеве, наши военные уделяли Киеву большое внимание: Киев

фактически являлся пограничным городом. Польские руководители не могли

примириться с тем, что Киев не входит в состав Польского государства (не

говоря уже о других городах Украины, лежавших западнее). Якир не раз

знакомился с партработой в Киеве, проводил окружные военные маневры, ездил

по гарнизонам. Я был в то время заместителем секретаря Киевского окружного

комитета партии, а помощником командующего войсками Украинского военного

округа был замечательный человек -- Иван Наумович Дубовой¹⁹. Он выделялся

рыжей красивой бородой. Отец его -- старый большевик с подпольным стажем,

рабочий Донбасса. Иван Наумович прошел Гражданскую войну, был у Щорса

заместителем командующего дивизией, а когда Щорса убили, командование,

по-моему, принял Дубовой. Это был проверенный и уважаемый нами человек.

Сотрудником Политуправления в округе был Векличев. Сам из бывших рабочих, он

стал военным профессионалом, комиссаром в Украинском военном округе. Таким

образом, я всегда имел возможность общаться с военными. И вдруг Якир --

предатель,

Якир -- враг народа! Раньше Сталин очень уважал Якира. У Якира

хранилась записка, где Сталин хвалил личные качества Якира, а ведь Сталин

был весьма скуп на письменные похвалы.

Я относился с большим уважением и к Тухачевскому, но близок с ним не

был. Иногда в служебном порядке мы с ним встречались или перезванивались. Он

приглашал меня посмотреть военную технику. Именно с ним я впервые в жизни

увидел ковшовый ленточный экскаватор. Я считал, что Тухачевский является

душой Красной Армии. Если кто и занимался Вооруженными Силами со знанием

дела, так это Тухачевский и Гамарник²⁰, который был тогда первым

заместителем наркома и ведал хозяйственными делами и военным строительством.

Рассказывали, что выбор места строительства для г. Комсомольска принадлежал

Гамарнику. Он, приехав с Дальнего Востока как секретарь

Дальневосточного

крайкома партии, доложил Сталину, что надо создавать там базу на случай

войны с Японией. Япония тогда вела себя нагло в отношении Советского Союза,

провоцировала нас на драку. Председателем крайисполкома на Дальнем Востоке

был Гуценко (тоже погиб от руки Сталина). К нему пришел на прием японский

консул и в беседе заявил: "Что же вы -- и сами просто сидите, ничего не

делаете на Дальнем Востоке и нам не даете? Пора вам и честь знать". Вот

такую, знаете ли, грубость сказал. Так что Сталин с большим вниманием

отнесся к предложению Гамарника, и вскоре начали строить Комсомольск, а

также большие промышленные предприятия с тем, чтобы укрепить Дальний Восток

и отбить охоту у японцев зариться на наши дальневосточные земли.

И вдруг Якир и вся эта группа -- враги народа? Тогда еще не было

сомнения насчет того, что они могут оказаться жертвами клеветы. Суд был

составлен из авторитетных людей, председателем суда был маршал Егоров. Потом

и Егоров пал жертвой этого же произвола. Но тогда у нас ничто не вызывало

сомнений. Единственным человеком из тех, кого я знал, высказавший сомнение в

виновности Якира, был академик архитектуры Щусев²¹. Как мне потом доложили,

он, выступив на собрании архитекторов, сказал, что хорошо знал Якира и с

большим уважением относился к нему. Щусев был замечательным человеком. Мы же

в то время к нему относились настороженно, считали, что это человек

прошлого, что он строил только церкви, был принят царем Николаем II. Он был

острым на язык, говорил всегда, что думал, а ведь не всегда это импонировало

людям того времени и их настроениям. Вот и в данном случае он сказал, что он

сам

из Кишинева и знал дядю Якира, врача и очень уважаемого господина.

Поэтому не может допустить, чтобы оказался злодеем или каким-то преступником

его племянник. И он не подал своего голоса в осуждение Якира.

Все это было доложено Сталину, но Сталин сдержался, и ничего не было

предпринято против Щусева. Я не говорю, конечно, что Щусев был прорицателем

и видел, что обвинение несостоятельно. Это простое совпадение, но для Щусева

-- приятное совпадение. Я потом сблизился с Алексеем

Викторовичем Щусевым,

когда вновь работал на Украине. Он неоднократно приезжал в Киев, и я

беседовал с ним. Помню, как-то весной, когда еще было холодно, чтобы

купаться, бродил он по Киеву, а потом я беседовал с ним: "Ну

как,--говорю,--Алексей Викторович, дела?". "Да, вот, ходил, смотрел Киев.

Прекрасный город, прекрасный". "А куда же вы ходили?". "Я поехал на Труханов

остров, взял лодочку, разделся там на песочке и грелся. Потом пошел откусать

пирожков на базаре".

Тогда я, конечно, негодовал и клеймил всех этих изменников. Сейчас

самое выгодное было бы сказать: "В глубине души я им сочувствовал". Нет,

наоборот, я и душой им не сочувствовал, а был в глубине души раздражен и

негодовал на них, потому что Сталин (тогда мы были убеждены в этом) не может

ошибаться! Не помню сейчас точно, как продолжались дальнейшие аресты. Они

сопровождались казнями. Это нигде не объяснялось и не объявлялось, и поэтому

мы многого даже не знали. Нас информировали, что такие-то люди сосланы или

осуждены на такие-то сроки заключения.

Однако Московская партийная организация, областная и городская,

продолжала свою деятельность, усиленно работала над сплочением людей для

выполнения решений по строительству в Москве и Московской области. Когда

аресты велись уже в широком плане, нас информировали иной раз об аресте

каких-то крупных людей, что вот такой-то оказался врагом народа. А мы

информировали районные партийные организации, первичные парторганизации,

комсомол и общественные организации. Все эти данные мы принимали с искренним

возмущением, осуждали арестованных. Ведь если те были арестованы, значит,

они были разоблачены в своей провокаторской и подрывной деятельности? Были

пущены в ход все эпитеты, осуждающие и клеймящие позором таких лиц.

У нас в Москве был секретарем обкома комсомола (не помню сейчас его

фамилию) очень нравившийся мне парень, молодой,

задорный, с энтузиазмом. Человек был, что называется, на своем месте и

по образованию, и по подготовке, да и характер был хороший. И вдруг однажды

утром, когда я пришел на работу, мне сказали, что этот секретарь обкома

комсомола поехал на охоту и там застрелился. Я очень сожалел о событии и

сейчас же позвонил Сталину, сообщил, что вот такое у нас случилось

несчастье, такой хороший парень, секретарь обкома комсомола, застрелился. Он

спокойно мне ответил: "А, застрелился. Это нам понятно. Он застрелился

потому, что мы арестовали Косарева²² (первый секретарь ЦК ВЛКСМ), да и

другие его дружки арестованы".

Я был поражен. Во-первых, Косарев был для меня человеком, который не

вызывал никаких сомнений. Парень из рабочей семьи, сам рабочий, и

вдруг--враг народа? Как же это может быть, как мог он стать врагом народа? И

опять не возникало недоверия. Если это сделал ЦК партии, сделал Сталин,

следовательно, это уже неопровержимо, это действительно так. Но все это,

конечно, ложилось камнем на душу. Ведь мы считали, что корни вражеской

разведки глубоко внедрились в наши ряды, проникли в партийную, комсомольскую

среду и поразили даже руководящую верхушку.

События развивались очень бурно. Арестовали Рудзутака. Рудзутак был

кандидатом в члены Политбюро, уважаемым человеком и

очень симпатичным. Он

часто выступал на заводах по просьбе Московского комитета партии. Когда его

приглашали на городские, районные или заводские собрания, он всегда охотно

шел. Кроме того, о Рудзутаке шла хорошая партийная слава: во время дискуссии

о профсоюзах в 1921 г. было выдвинуто много различных платформ, дискуссия

сотрясала партию, Рудзутак тоже выступил со своей платформой, и Ленин

предложил взять эту платформу за основу. На базе этой платформы смогли

объединиться основные силы партии, отвергнуть другие платформы и таким

образом найти решение, которое было принято потом всей партией. Это тоже

считалось немаловажным фактором в пользу Рудзутака. Потом Рудзутак был

наркомом путей сообщения. С ростом хозяйства и перевозок железные дороги

стали плохо справляться с задачами, которые предъявлялись к транспорту.

Поэтому туда был послан на усиление Андреев. Но работа транспорта не

улучшилась, послали Кагановича. С приходом Кагановича считалось, что

транспорт начал работать лучше. Видимо, так оно и было, потому что Каганович

считался крупным организатором, сильным человеком, не щадящим чужих и своих

сил.

Не помню года и тем более месяца, но вот однажды позвонил мне Сталин и говорит: "Приезжайте в Кремль. Прибыли украинцы, поедете с

ними по Москве, покажете город". Я тотчас приехал. У Сталина были Косиор,

Постышев, Любченко²³. Любченко был тогда Председателем Совета Народных

Комиссаров Украины. Он сменил на этом посту Чубаря, а Чубарь перешел в

Москву заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, то есть

заместителем Молотова. "Вот они, -- говорит Сталин, -- хотят посмотреть

Москву. Поедте". Вышли мы, сели в машину Сталина. Поместились все в одной.

Ехали и разговаривали. Это были такие, как мне казалось, самые хорошие

партийные отношения между членами Политбюро (Постышев тогда еще не был

кандидатом в члены Политбюро). Мы ехали по улицам, конечно, нигде не выходя

из машины, весь осмотр велся из автомобиля.

Постышев поднял тогда вопрос: "Товарищ Сталин, вот была бы хорошая

традиция и народу понравилась, а детям особенно принесла бы радость--

рождественская елка. Мы это сейчас осуждаем. А не вернуть ли детям елку?".

Сталин поддержал его: "Возьмите на себя инициативу, выступите в печати с

предложением вернуть детям елку, а мы поддержим". Так это и произошло.

Постышев выступил в "Правде", другие газеты подхватили идею. Этот эпизод, в

частности, показывает, какие хорошие были отношения между Сталиным,

Косиором, Постышевым и Любченко. Потом Постышев был переведен на работу в

Москву и стал секретарем Центрального Комитета партии. Однажды я участвовал

в работе одной из комиссий, где председателем был Постышев. Мы обсуждали

выпуск ширпотреба. Кто-то из хозяйственников ссылался при этом на трудности

технические, материальные и производственные. Постышев слушал, слушал (а он

был человек резкий, порывистый), а потом как стукнет кулаком по столу да и

говорит: "Душа из тебя вон! Что мне твои рассуждения? Давай план, и все". На

меня это произвело несколько нехорошее впечатление, потому что докладчик был

уважаемым человеком. Ну, с этим мирились, потому что все знали, что Постышев

был добрым человеком, хотя действительно иной раз допускал повышение тона,

нежелательную и, я бы сказал, недопустимую грубость. У меня с Постышевым

были хорошие отношения.

Вообще же в то время я был слабо информирован о положении дел по стране

в целом. Подробности до меня не доходили, хотя я был уже кандидатом в члены

Политбюро. Тяжелое положение сложилось на Украине. Туда послали Кагановича,

он пробыл несколько дней, и в результате этой поездки Постышева вернули

на Украину. Каганович говорил, что Косиор -- очень хороший политический

деятель, но как организатор слаб, поэтому допущены распущенность и

ослабление руководства, надо дисциплинировать, подтянуть, а для этого лучше

послать туда секретарем ЦК КП(б)У Постышева в подкрепление Косиору.

Аресты тем временем продолжались. Я узнал, что арестован Варейкис.

Варейкиса я знал по съездам партии как работника черноземной полосы. Он был

тогда секретарем крайкома. И вот Варейкис, оказывается, был агентом царского

охранного отделения! Через какое-то время опять пошли крупные аресты. И

опять случилась заминка в руководстве Украины: после Пленума ЦК КП(б)Украины

застрелился Любченко. Потом мне рассказывали, что пленум проходил очень

бурно, Любченко критиковали. Любченко -- крупный украинский работник, но у

него были большие политические грехи. Он, собственно, когда-то был

петлюровцем²⁴. Я сам видел фотоснимок, где он снят с будущим академиком

Грушевским, Винниченко и самим Петлюрой²⁵. Это там все знали. Поэтому на

всех украинских партсъездах Донбасская делегация всегда выступала с отводом

кандидатуры Любченко при выборах в Центральный Комитет КП(б)У. Но я считал,

что Любченко -- очень способный человек, который отошел от петлюровцев и

твердо стал на большевистскую почву. Не знаю конкретно, какие обвинения

выдвигались против него после стольких лет успешной его работы. На Пленуме

был объявлен перерыв. Он поехал домой и не вернулся на пленум. Решили

проверить, почему Любченко не возвратился на заседание Пленума, и обнаружили

такую картину: в постели лежали его убитая жена и сам он. Предположили, что

по договоренности с женой он застрелил ее и себя. Это был большой удар.

Объясняли дело так: бывший петлюровец; видимо, к нему подобрала ключи

иностранная разведка, и он работал на нее. Но много не распространялись об

этом, потому что и без того было слишком много врагов.

Каганович опять поехал в Киев и привез оттуда информацию не в пользу

Косиора и Постышева. Он рассказывал, что когда собрал партактив в Киевском

оперном театре, то буквально взывал: "Ну, выходите же, докладывайте, кто что

знает о врагах народа?". Организовал вроде такого народного суда. Выходили

люди и всякие вещи говорили. Сейчас просто стыдно и позорно слушать, но ведь

это было! Я хочу сказать об этих фактах, чтобы можно было сделать на будущее

правильные выводы и не допустить повторения таких явлений. Кагановичу

сообщили, что есть у них такая женщина, Николаенко, активный работник,

трудится она на культурном фронте, борется с врагами народа, но не находит

поддержки. Каганович (рад стараться) сейчас же послал за Николаенко.

Николаенко пришла и начала разоблачать врагов народа. Страшная, говорят,

была картина. Каганович рассказал, видимо, Сталину об этом собрании, и в

одном из своих выступлений Сталин заметил, что бывают вот небольшие люди,

которые оказывают зато большую помощь нашей партии. Такой небольшой человек,

как Николаенко, оказала партии на Украине большую помощь в разоблачении

врагов.

Николаенко сразу же подняли на пьедестал борца за революцию, борца с

врагами народа. Хочу рассказать подробнее об этой фигуре. Когда я уезжал из

Москвы на Украину, Сталин предупредил меня, что там есть такая женщина --

Николаенко и чтобы я обратил внимание: она, мол, может помочь мне в борьбе

против врагов народа. Я сказал, что фамилию эту помню из его выступления. А

как только приехал на Украину, она сама пришла ко мне. Я ее принял,

выслушал. Молодая, здоровая женщина, окончила какой-то институт, была

директором вроде бы музея, сейчас точно не помню. Она имела дело с

украинским народным искусством и поэтому общалась с интеллигенцией. И начала

она говорить мне о врагах народа. Ну это был просто какой-то бред

сумасшедшей: она всех украинцев считала националистами, все в ее глазах были

петлюровцами, врагами народа, и всех их надо арестовывать. Я насторожился.

Думаю, что же это такое? Начал я ее осторожно поправлять (а здесь

требовалась осторожность, потому что с такими людьми, сказал бы я,

небезопасно беседовать: они сейчас же оборачивают все обвинения против того,

кто с ними не соглашается). Расстались мы с ней. "Я, -- говорит, -- буду к

вам заходить". Отвечаю: "Пожалуйста, заходите, охотно вас послушаю".

Потом она опять пришла ко мне и приходила затем много раз. Я уже видел,

что это больной человек и что верить ей совершенно нельзя. Начала она

обсуждать со мной и свои личные дела: к ней, дескать, плохо относятся в

партактиве. Раньше (она была незамужней) с ней охотно поддерживали

знакомство командиры Красной Армии, теперь они избегают ее, просто

перебегают через улицу на другой тротуар, если заметят, что она идет им

навстречу. Говорит: "Вот травят меня за то, что я веду борьбу с врагами

народа". Я ей сказал, что она должна более трезво оценивать отношение к ней:

"Люди избегают вас, потому что те, кто с вами знаком, как правило,

арестовываются. Поэтому-то они вас боятся и избегают".

Как приехал я в Москву, Сталин сейчас же спросил меня о Николаенко, и я

высказал ему свое впечатление, что такому человеку нельзя доверять, что это

больной человек, совершенно незаслуженно обвиняет людей в украинском

национализме. Сталин вскипел и очень рассердился, напал на меня: "Вот,

недоверие у вас к такому человеку, это неправильно". Все повторял свое: "10%

правды -- это уже правда, это уже требует от нас решительных действий, и мы

поплатимся, если не будем так действовать". Одним словом, толкал меня к

тому, чтобы я отнесся к Николаенко с доверием. Я рассказал ему также, как

обижается она на отношение к ней командиров. Сталин начал шутить: "Что ж,

надо подыскать ей мужа". Я говорю: "Такой невесте подыскать мужа -- это

очень опасно, потому что муж уже будет подготовлен к тому, что ему через

какое-то время надо садиться в тюрьму, поскольку она его, безусловно,

оговорит".

Вернулся я в Киев. Опять приходит ко мне Николаенко и докладывает,

убежденно так докладывает, что возглавляет националистическую

контрреволюционную организацию на Украине Коротченко, что он националист и

прочее. "Знаете, -- отвечаю, -- товарищ Николаенко, я много лет знаю

Коротченко, и Сталин его знает. Коротченко по национальности украинец, но

по-украински он и говорить-то по-настоящему не умеет. Язык у него -- суржик

(так называют в народе мешанину украинского, русского и белорусского

языков). Поэтому никак, никак не могу я с вами согласиться". Она тут стала

очень нервничать и уже на меня косится. Вижу, что она уже и ко мне относится

с недоверием: дескать, покрываю националистов. Заплакала она. Говорю:

"Успокойтесь. Вы лучше продумайте дело. Нельзя так о людях говорить,

которых вы не знаете. Ведь Коротченко вы, конечно, не знаете, а уж данных у

вас вообще нет никаких. Это просто ваше умозаключение, и оно совершенно ни

на чем не основано, неправильно". Ушла она. Но я знал, что она напишет

Сталину. Через какое-то время звонит из Москвы помощник Сталина Поскребышев

насчет того, что Николаенко прислала письмо Сталину, где она разоблачает

Коротченко и кого-то еще. Отвечаю, что ожидал этого: "Ждите теперь, что она

напишет, будто и я украинский националист".

И действительно, спустя какое-то время она вновь пришла ко мне, опять я

не стал соглашаться с ней, и тут она написала заявление, в котором обвиняла

меня, что я покрываю врагов народа и украинских националистов. Звонит

Поскребышев: "Ну, есть уже следующее заявление, и пишет она о вас". Я ему:

"Так и должно было быть. Я этого ожидал". После этого письма Сталин стал с

большим доверием относиться ко мне касательно Николаенко. Я убедил его, что

она не заслуживает доверия, что Каганович ошибся, а она просто сумасшедшая,

ненормальный человек. В конце концов завершилось тем, что Николаенко стала

проситься на работу с Украины в Москву. Она договорилась в Москве с

начальником Комитета по культуре (как помню, у него была украинская

фамилия)26 и уехала. Мы вздохнули с облегчением, и я сказал Сталину, что вот

наконец-то она уехала. Он пошутил: "Ну, что, выжили?". Говорю: "Выжили". А

через какое-то время ее послали, кажется, в Ташкент. Оттуда она стала

осаждать меня телеграммами и письмами, чтобы вернули ее на Украину. Но тут я

сказал: "Нет! Забирать ее на Украину мы не будем, пускай лучше там

устраивается". Я сказал об этом Сталину, и Сталин согласился и даже шутил по

этому поводу. Он, видимо, тоже разобрался в ней...

Такой же случай произошел в Москве, когда на пленуме ЦК ВЛКСМ выступила

с разоблачением Косарева и его друзей Мишакова²⁷. Косарев был арестован, а

Мишакова стала одним из секретарей ЦК ВЛКСМ и была поднята на щит как борец,

с которого надо брать пример. Сейчас многим уже известно, что это были

ненормальные люди. Мишакова, безусловно, человек с психическим дефектом,

хотя и честный, а Николаенко просто оказалась сумасшедшей. Это я узнал, уже

будучи на пенсии. Между прочим, она прислала мне новогоднее письмо. Из его

содержания любому человеку видно, что автор -- сумасшедший.

И еще об одном характерном эпизоде хотел бы рассказать. Однажды был я у

Сталина в Кремле, в его кабинете. Там находились и другие лица, сейчас не

помню уже, кто именно. Раздался звонок. Сталин подошел к телефону,

поговорил, но так как расстояние было довольно порядочное, то его ответы

слышны были плохо. Он вообще, как правило, тихо говорил. А

когда закончил

разговор, то повернулся и тоже в спокойном таком тоне говорит: "Звонил

Чубарь. Плачет, уверяет, что он не виноват, что он честный человек". И

сказал он это с таким сочувствием в голосе... Мне Чубарь нравился. Это был

простой и честный человек, старый большевик, сам вышел из рабочих. Я знал

его еще по Донбассу. Он был председателем Центрального правления

каменноугольной промышленности, в котором сменил Пятакова²⁸. Когда он

приехал в Москву, я поддерживал с ним хорошие отношения. Теперь я

обрадовался, что Сталин разговаривал с ним сочувственно и, следовательно, не

верит компрометирующим материалам, которые, видимо, имеются и о которых я

совершенно ничего не знал; таким образом, Чубарь не находится в опасности

быть арестованным. Но я ошибся: теперь-то я могу сказать, что совершенно не

знал тогда Сталина как человека. На следующий день я узнал, что Чубарь

арестован, а потом уже, как говорится, о нем ни слуху ни духу. Чубарь как в

воду канул.

После смерти Сталина я поинтересовался этим вопросом и

обратился к

чекистам с просьбой найти того, кто допрашивал Чубаря, кто вел следствие.

Меня интересовало, в чем же именно его обвиняли.

Генеральный прокурор СССР

Руденко²⁹ сказал мне, что Чубарь ни в чем не виноват и никаких материалов,

которые могли бы служить против него обвинением, не имеется. Тогда нашли

следователя, который вел дело Чубаря. Я предложил членам Президиума ЦК КПСС:

"Давайте послушаем его на Президиуме, посмотрим, что он за человек? Какими

методами он заставил Чубаря сознаться в своих преступлениях? Что послужило

основанием для расправы с ним?". И вот на наше заседание пришел человек, еще

не старый. Он очень растерялся, когда мы стали задавать ему вопросы. Я

спросил его: "Вы вели дело Чубаря?". -- "Да, я". "Как вы вели следствие и в

чем Чубарь обвинялся? И как он сознался в своих преступлениях?". Тот

говорит: "Я не знаю. Меня вызвали и сказали: будешь вести следствие по

Чубарю. И дали такую директиву: бить его, пока не сознается. Вот я и бил

его, он и сознался". Вот так просто! Когда я услышал, то и возмутился, и

огорчился. Я не знал даже, как реагировать. Тогда решили мы провести

следствие уже по этому следователю и осудить его за такое следствие. Осудили

его, а потом я пришел к выводу, что хотя, может быть, юридически все это

правильно, но если рассуждать согласно фактическим обстоятельствам и

обстановке, которая была в СССР в те времена, то этот следователь оказался

слепым орудием. Ему сказали, что вот враги народа, и он верил партии, верил

Сталину. Враги народа не сознаются в преступлениях, поэтому надо выбивать из

них признания. Вот он и выбивал, но уже не честным следствием, а палкой.

Такие формы следствия применялись в тот период ко всем и к каждому.

Сталин порой применял иезуитские, провокационные методы в беседах. Я

уже рассказал о случае с Антиповым и со мной. Тогда Сталин отвернулся,

опустил голову и перевел разговор на Москву, на дела, по которым он меня

реально вызвал. Не помню сейчас, какие это были вопросы. Немного мы походили

по Кремлю, там тогда разбивали новый сквер. Сталин сказал, что у него ко мне

больше нет вопросов, и я уехал. Но я был обеспокоен, какие имелись основания

у Сталина? Почему он так сделал? Для чего вообще он это делал? Думаю, что

его интересовало, когда он задавал мне вопросы, смотря мне в глаза, как буду

я вести себя. Случайно, видимо, я вел себя так, что мои глаза не дали ему

повода сделать заключение, будто я связан с Антиповым. Если бы у него

сложилось впечатление, что я как-то "выдал" себя, то вот вам через какое-то

время и новый враг народа. Этот способ выявления "врагов" Сталин применял не

раз. Ко мне Сталин относился лучше, чем ко многим другим, с большим

доверием, и в результате я не был подвергнут тому, что обрушилось на

честнейших и вернейших членов нашей ленинской партии.

Как раз в тяжелом 1937 году должны были состояться перевыборы в

партийных организациях -- первичных, районных, городских и областных.

Начались собрания. Проходили они очень бурно. Партия была деморализована. Я

говорю здесь о партруководстве уровнем ниже ЦК, говорю в том смысле, что

руководители не чувствовали себя руководителями. Тогда было дано свыше

устное указание, что при выборах обязательно все кандидатуры людей,

выдвигаемых в руководящие партийные органы, надо проверить: не связаны ли

они с арестованными врагами народа? То есть чекисты должны их апробировать.

Проверяли всех работников, насколько те заслуживают доверия. А руководящие

органы, которые выбирались, зависели уже не от тех, кто их выбирал, а от

чекистских органов: какую оттуда дадут характеристику. Кандидатуры были,

собственно говоря, с точки зрения внутривнутрипартийной демократии подставные,

потому что воля партийных организаций была тем самым ограничена.

Органы безопасности, которые должны быть под контролем партии, стали,

наоборот, над партией, над выборными организациями и творили, что хотели.

Помню такой печальный эпизод. Шла Московская городская партийная

конференция. Я выступал с отчетным докладом. Конференция проходила на

высоком уровне активности. Но положение было тяжелое. Все верили, что мы

находимся на таком этапе своего развития, когда враги, не сумев сломить нас

в прямом бою, направили свои усилия на разложение нашей партии изнутри:

вербовка членов партии, засылка агентуры и пр. Сейчас нам видна

несостоятельность тех аргументов: ведь были поражены репрессиями наиболее

старые парткадры, которые прошли через революционное подполье, первые годы

социалистической революции. Гражданскую войну, люди, отобранные самой

историей борьбы рабочего класса России. Поэтому было странно, почему именно

эти люди подверглись прежде всего соблазну и допустили, чтобы их завербовали

иностранные разведки. Но это я сейчас так говорю, а тогда я так не думал.

Я смотрел тогда глазами Центрального Комитета, то есть Сталина, и

пересказывал те аргументы, которые слышал от Сталина.

Партийные конференции в Москве проходили бурно. На выборы одного лишь

президиума тратили на районных конференциях по несколько заседаний, а то и

целую неделю. Поэтому я был обеспокоен, как бы нам лучше провести

городскую партконференцию, и решил спросить совета у Сталина. К тому времени

у нас уже имелась инструкция по проведению выборов на партийных

конференциях. В ней предлагался довольно демократический способ выбора

кандидатов: их обсуждение, закрытое голосование, отводы. Но эта инструкция

не выполнялась. Между тем на городской конференции шло обсуждение моего

доклада. Выступил комиссар Военной академии им. Фрунзе (не помню его

фамилии). Мне запомнилась зато его черная борода. Он прошел через

Гражданскую войну, имел высокое воинское звание. Выступил он прекрасно, и

мы, когда составляли предварительный список кандидатов в городской партком,

выдвинули его от академии. Перед самым голосованием вдруг раздался звонок.

Просят, чтобы я позвонил Ежову³⁰, а Ежов был тогда секретарем Центрального

Комитета партии и, кажется, наркомом внутренних дел. У меня были с Ежовым

хорошие отношения.

Я позвонил ему. Он говорит: "Сделай все, чтобы не отводить этого

комиссара прямо, а "проводить" его, потому что мы его арестуем. Он связан с

врагами. Это хорошо замаскировавшийся враг", и прочее, и прочее. Отвечаю:

"Что же я могу сделать? Утверждены списки для голосования, осталось только

раздать бюллетени и проголосовать. Это уже от меня не зависит". Ежов: "Надо

сделать так, чтобы его не выбрали". "Ну, хорошо, -- отвечаю, -- подумаю и

сделаю". Только закончился этот разговор, звонит Маленков³¹. Он был тогда

заместителем Ежова, а фактически заведующим отделом кадров ЦК ВКП(б).

Маленков говорит: "Надо все сделать так, чтобы провалить Ярославского³²,

только аккуратно". Отвечаю: "Как же это можно? Ярославский -- старый

большевик, уважаемый всей партией человек". Он работал тогда в Партийной

коллегии. Его называли "советским попом", то есть человеком, который

поддерживал и охранял морально-политические устои членов партии. Ярославский

занимался разбором различных персональных дел коммунистов, выносимых в ЦК. И

вот я должен сделать предлагаемое! Маленков: "Ты должен сделать! У нас есть

данные против Емельяна, но надо, чтобы он не знал об этом". Говорю: "Мы уже

обсудили кандидатуру Ярославского, и против не было подано ни одного

голоса". -- "Тем не менее сделай".

Тогда я собрал секретарей партийных комитетов и рассказал им, что

имеются указания относительно комиссара и Ярославского и надо все сделать,

но осторожно, чтобы их вычеркнули бы при голосовании. Раздали мы списки,

началось голосование. Счетная комиссия подсчитала голоса и доложила

конференции результаты. Комиссар не получил большинства и не был избран. Он

был этим поражен, да и другие были поражены не меньше него. Но так как мы

говорили себе, что это ЦК отводит его, то сами на себя и пеняли: как же это

мы не разоблачили такого замаскировавшегося врага и как он обвел нас вокруг

пальца? Мы его сначала так горячо встретили, а он оказался недостойным

человеком. С Ярославским -- другое дело. Тут не было информации, что он враг

народа. Сообщили только, что он человек, которого не поддерживает

Центральный Комитет, который колеблется и недостаточно активно вел борьбу

против оппозиции, сочувствовал Троцкому... Дошли мы до Ярославского,

подсчитали голоса и видим, что он все-таки прошел в состав партийного

городского комитета большинством в один или два голоса. Ну, я доложил, что

партийная организация не проявила должного понимания вопроса, а я, выходит,

не справился с поручением, данным мне Центральным Комитетом, то есть

Сталиным, потому что ни Маленков, ни Ежов в отношении Ярославского не могли

сами давать директивы, если бы не было указания Сталина.

Этот эпизод вызвал возмущение у Землячки³³, человека особого характера.

Тогда говорили, что это -- мужчина в юбке. Она была резкой, настойчивой,

прямой и неумолимой в борьбе против любых антипартийных проявлений. Землячка

обратилась с письмом в ЦК партии. Об этом мне сказали Маленков и Ежов. Она

писала, что хотела бы указать на ненормальное положение, которое сложилось

на городской партийной конференции в Москве: по делегациям велась

недопустимая работа против Ем. Ярославского, его порочили как члена партии и

призывали не избирать в состав городского партийного комитета, хотя при

обсуждении кандидатур для выборов никто ему отвода не давал. Мне же давать

объяснения было некому, потому что письмо в ЦК попало именно к тем, кто сам

давал мне директиву провалить Ярославского. Но меня упрекали, что я не

справился с поручением ЦК. Потом я говорил с Землячкой и объяснил ей, что

это было указание ЦК, да и есть ведь право у каждого члена партии, у каждого

делегата, который не выступал на пленарном заседании конференции, высказать

потом свое мнение среди делегатов. Она была достаточно опытным человеком,

сама много лет провела на руководящей партийной работе, в свое время была

секретарем Московского партийного комитета и знала всю закулисную кухню

подготовки партийных конференций и их проведения.

Однако это, конечно, непартийные методы действий. Использовались

возможности лиц, находившихся в руководящих органах, для борьбы с людьми,

которые были попросту неудобны. Если бы за Ярославским имелась какая-то

вина, то можно было бы выступить на конференции открыто. В свое время его

критиковали в печати за недостаточно четкую позицию при борьбе с троцкистами

и Зиновьевцами. Но Ярославский пользовался в партии уважением, доверием, а

такие закулисные махинации преследовали цель провести в руководство "своих

людей", которые смотрели бы в рот, восхищались гениальностью руководства, не

имели бы своего мнения, а обладали бы только хорошей глоткой для

поддакивания.

Московская городская партийная конференция стала как бы примером. Ко

мне начали обращаться с вопросом, как это мы сумели в такой

сложный момент

за 4-5 дней провести конференцию? Вот мы за это время смогли только

президиум выбрать, а вы вообще все закончили... Нам это удалось лишь потому,

что я советовался со Сталиным, как поступать в тех или других случаях, и это

позволило уложиться в срок, ибо мы знали, что он одобряет в данный момент, а

что -- нет.

Хотелось бы остановиться еще на некоторых личных чертах Сталина. С

одной стороны, восточное вероломство. Поговорив любезно с человеком и

посочувствовав ему, он мог через несколько минут отдать приказ о его аресте.

Так он поступил, например, с членом ЦК партии и ЦИК СССР Яковлевым. С другой

-- Сталин часто был действительно очень внимательным и чутким человеком, чем

подкупал многих людей. Могу рассказать о таком случае. Это, видимо,

произошло в 1937 году. Шла Московская областная партийная конференция. Она

проходила очень бурно. То был страшный период, страшный потому, что мы

считали, что окружены врагами, эти враги проникли не только в нашу страну,

но главным образом в ряды нашей партии, заняли видное

положение в хозяйстве

и армии, захватили большинство командных постов. И это очень беспокоило

людей, преданных делу строительства социализма, идеям партии.

Когда началась областная конференция, подошел ко мне Брандт. В то время

он заведовал отделом сельского хозяйства в обкоме ВКП(б), а раньше работал

секретарем ряда партийных комитетов и считался очень хорошим партийным

работником,

знавшим сельское хозяйство, особенно производство льна. Я уже получил

раньше немало писем, главным образом от военных, о том, что в Московском

обкоме ВКП(б) занимает ответственный пост сын врага народа и белогвардейца

полковника Брандта, который в 1918 г. поднял антисоветское восстание в

Калуге. Мы проверяли эти обвинения и выяснили их несостоятельность. Но вот

наступило тяжелое время для любых людей, которые якобы имели какое-нибудь

"пятно" на репутации. Во время областной партконференции подходит ко мне

этот Брандт и говорит (а был он таким коренастым, спокойным человеком)

довольно спокойно: "Товарищ Хрущев, надоело мне давать

всякие объяснения и

оправдываться. Я думаю кончить жизнь самоубийством".

Отвечаю: "В чем дело?"

Почему вы так мрачно настроены и почему хотите кончить жизнь

самоубийством?".

"Да я вам же, кажется, говорил и хочу повторить, что меня зовут Брандт.

Мой отец действительно был полковником и жил в Калуге. Но люди, которые

считают меня сыном белогвардейца Брандта, имеют в виду другого Брандта,

который тоже жил в Калуге, но не моего отца. Они не знают, что хотя я и сын

полковника Брандта, но только умершего еще до революции. Поэтому мой отец

никак не мог принимать участие в восстании, которое было поднято полковником

Брандтом, приехавшим с фронта и поселившимся в Калуге. А было дело так: мой

отец, Брандт, полковник царской армии в отставке, имел в Калуге свой домик,

и жил он, собственно говоря, тем, что искусно умел вышивать и продавал эти

вышивки, пополняя этим пенсию. Мать же моя была кухаркой у Брандта и родила

ему троих сыновей. Брандт оформил брак с моей матерью, усыновил нас, и мы

официально стали его сыновьями. Потом Брандт умер, а мы

остались сиротами,

жили буквально как нищие. Я нанимался пасти скот, братья тоже, кто где и как

мог добывали средства на жизнь. Сейчас мои братья командиры Красной Армии, а

я вот партийный работник. Сколько раз я об этом говорил и докладывал на

каждой партийной конференции. Все время я должен бить себя кулаком в грудь и

клясться, что я честный человек. Мне это надоело". Говорю ему: "Вы

успокойтесь. Если вы честный человек, мы вас возьмем под защиту".

Но я знал, что моих слов будет здесь недостаточно и что областная

партийная конференция может оказаться для него роковой. Достаточно кому-либо

выступить на ней и сказать об этом. А тот подтвердит, что отец его

действительно полковник Брандт из Калуги, а уж тот ли это Брандт или не тот,

не имело тогда значения.

И я думаю, что он, конечно, не дожил бы до времени, когда смогли бы

разобраться в этом деле, его забрали бы чекисты, и судьба его была бы

предрешена. Я решил рассказать об этом Сталину. Тогда это было доступно для

меня. Позвонил я Сталину, попросил, чтобы он меня принял, и

рассказал ему,

что вот, товарищ Сталин, хотел бы вам поведать такую историю и попросить у

вас поддержки. Рассказал, что есть у нас такой Брандт и вот так-то сложилась

его судьба. Был и другой Брандт, который поднял восстание против Советов в

1918 г., а люди, которые сражались против того Брандта, принимают нашего

Брандта за сына того Брандта и требуют расправы с сыном этого Брандта. Но

это другой Брандт, который ничего общего не имеет с тем Брандтом. Сталин

выслушал меня, посмотрел внимательно и спросил: "А вы уверены, что он

честный человек?". Говорю: "Товарищ Сталин, абсолютно уверен, что это --

проверенный человек, он много лет работает в Московской области" (Калуга

входила тогда в состав Московской области). "Если вы уверены, что это

честный человек, защищайте его, не давайте в обиду". Мне, конечно, было

приятно это слышать, я очень обрадовался. А он еще добавил: "Скажите Брандту

об этом". В результате при выборах Московского областного комитета партии к

Брандту никто не придирался, и он беспрепятственно был избран членом МК.

В этом -- весь Сталин. Не поверил в какой-то момент, и нет человека!

Удалось его убедить -- будет поддерживать. Перед областной партийной

конференцией я также беседовал со Сталиным и просил его, чтобы он дал

указание, как ее организовать и провести, учитывая сложившиеся условия

острой борьбы и широких арестов. Об арестах мы, конечно, не говорили, но это

само собой разумелось. Я сказал: "Московская областная конференция будет

эталонем для конференций в других областях. Ко мне звонят много людей, даже

из Центральных Комитетов союзных республик, и спрашивают, как мы думаем

проводить конференцию? От нашей конференции будет зависеть очень многое".

Рассказал ему о сложившихся в городе условиях, о том, как по инструкции

должна проводиться конференция и какие бывают при этом извращения. Особенно

меня беспокоили крикуны, которые привлекали к себе внимание. Тогда мы

подозревали, что это, возможно, люди, связанные с врагами и отводящие удар

от себя. Сталин, выслушав меня, сказал: "Вы проводите конференцию смело. Мы

вас поддержим. Строго придерживайтесь устава партии и инструкции

Центрального Комитета, разосланной партийным комитетам".

Конференцию мы провели в очень короткий срок, то есть так, как обычно

проводили раньше, до массовых арестов. Когда приступали к выборам, у меня

возник некий вопрос. В 1923 г., когда я учился на рабочем факультете, то

допускал колебания троцкистского характера. Я ожидал, что это дело может

быть поднято на конференции или после конференции, и мне будет очень трудно

давать объяснения. Поэтому я решил рассказать обо всем Сталину. Но прежде

решил посоветоваться с Кагановичем. Мы с Кагановичем давно знали друг друга,

он ко мне хорошо относился, покровительствовал мне. Каганович сразу

напустился на меня: "Что вы? Зачем это вы? Что вы? Я знаю, что это было

детское недопонимание". А случилось то перед съездом партии, то ли XIII, то

ли XII. Я был избран тогда в окружной партийный комитет. Говорю Кагановичу:

"Все-таки это было, и лучше сказать сейчас, чем кто-нибудь потом поднимет

этот вопрос, и уже я буду выглядеть как человек, скрывший компрометирующие

его факты. А я не хочу этого. Я всегда был честным человеком и перед партией

тоже хочу быть честным". "Ну, я вам не советую", -- говорит Каганович. "Нет,

я все-таки посоветуюсь с товарищем Сталиным".

Позвонил Сталину. Он сказал: "Приезжайте". Когда я вошел к нему в

кабинет, он был вдвоем с Молотовым. Я все рассказал Сталину, как было. Он

только спросил: "Когда это было?". Я повторил, что это было перед XIII

съездом партии. Меня увлек тогда Харечко³⁴, довольно известный троцкист. Еще

до революции я слышал, что есть такой Харечко из крестьян села Михайловки,

студент. Это село я знал. Там много этих Харечко. Знал, что он революционер,

но не знал, что социал-демократ. В течениях социал-демократической партии я

тогда совершенно не разбирался, хотя знал, что это был человек, который до

революции боролся за народ, боролся за рабочих и за крестьян. Когда он

приехал в Юзовку, то я, естественно, симпатизировал Харечко и поддерживал

его. Сталин выслушал меня. "Харечко? А, я его знаю. О, это был интересный

человек". -- "Так вот, я хочу вас спросить, как мне быть на областной

партийной конференции? Рассказать все, как я вам рассказываю, или

ограничиться тем, что я уже рассказал вам об этом?". Сталин:
"Пожалуй, не

следует говорить. Вы рассказали нам, и достаточно". Молотов
возразил: "Нет,

пусть лучше расскажет". Тут Сталин согласился: "Да, лучше
расскажите, потому

что если вы не расскажете, то кто-нибудь может привязаться, и
потом завалят

вас вопросами, а нас -- заявлениями".

Я ушел. Вернувшись на конференцию, застал такую сцену:
обсуждали

кандидатуры, выставленные в областной партийный
комитет, конкретно же

обсуждали Маленкова. Маленков стоя давал объяснения. Мне
сказали, что он уже

час или больше стоит, и каждый его ответ рождает новый
вопрос о его

партийности и о его деятельности во время Гражданской
войны. Рассказывал он

нечетко и не очень связно. Складывалась ситуация, при
которой Маленкова

могли провалить. Как только Маленков закончил и сошел с
трибуны, я выступил

в его поддержку, сказав, что он нам хорошо известен и что его
прошлое не

вызывает никаких сомнений. Он честный человек и отдает
все, что имеет,

партии, народу, революции... Маленков остался в списках.

Дошла очередь до моей фамилии. Алфавит ставил меня в

конце всех

списков. Я рассказал конференции так, как советовал Сталин. Но на Сталина я

не ссылался. Когда кончил, вопросов не было: дружно как-то крикнули --

оставить в списке для голосования. Я был избран тогда абсолютным

большинством голосов. Все это располагало меня к Сталину. Было приятно, что

Сталин внимательно отнесся ко мне, не упрекнул ни в чем, задал только один

или два вопроса и даже заикнулся сперва, чтобы я не говорил этого на

конференции. Считаю правильным, что он порекомендовал все рассказать. Да я,

собственно, за этим и пришел. Хотел, чтобы Сталин знал, что Хрущев пошел на

конференцию и рассказал об этих моментах в своей биографии. Я считал

нетактичным не предупредить Генерального секретаря ЦК, имея к тому

возможность. Все это еще больше укрепляло мое доверие к Сталину, рождало

уверенность, что те, кого арестовывали, действительно враги народа, хотя

действовали так ловко, что мы не смогли заметить это из-за своей

неопытности, политической слепоты и доверчивости. Сталин часто повторял нам,

что мы слишком доверчивы. Он же как бы поднимался на еще более высокий

пьедестал: все видит, все знает, людские поступки судит справедливо, честных

людей защищает и поддерживает, а людей, недостойных доверия, врагов

наказывает.

В связи с этим эпизодом меня удивило поведение Кагановича много лет

спустя. Во время выступления против меня на Президиуме ЦК в июне 1957 г.

одним из основных аргументов у Кагановича было то, что я -- бывший троцкист.

Я ему тогда сказал: "Как же тебе не стыдно? Ты тогда меня убеждал, чтобы я

не говорил Сталину о своих ошибках, что они не заслуживают этого, что ты

меня знаешь, и прочее". И я обратился к Молотову, а он (при всех его

недостатках) -- человек очень честный. "Помните, товарищ

Молотов, я говорил об этом Сталину при Вас, как отреагировал и что мне

посоветовал Сталин, да и Вы тоже?". Он подтвердил мой рассказ. Тут, как в

зеркале, отразилась подхалимская душа Кагановича. То он меня удерживал, а

тут мою ошибку вытащил, как главный аргумент против меня. Последовавший за

заседанием Президиума Пленум ЦК правильно разобрался в

деле и отверг

клеветнический выпад против меня.

Еще один эпизод. В ту пору главное острие борьбы было направлено против

троцкистов, Зиновьевцев и правых. В этой связи интересна судьба Андрея

Андреевича Андреева. Он довольно активный троцкист и вместе с тем

пользовался доверием и покровительством Сталина. Андрей Андреевич занимал

высокие посты наркома земледелия, наркома путей сообщения, секретаря ЦК

партии. Это тоже был как бы плюс Сталину. Выступая против активных

троцкистов, таких, как Андреев, он сам тем не менее брал его под защиту.

Андрей Андреевич сделал очень много плохого во время репрессий 1937 года.

Возможно, из-за своего прошлого он боялся, чтобы его не заподозрили в мягком

отношении к бывшим троцкистам. Куда он ни ездил, везде погибало много людей,

и в Белоруссии, и в Сибири. Об этом свидетельствует множество документов и

такой, например, факт: старый большевик Кедров35, сидя в тюрьме, написал

Андрею Андреевичу пространное письмо, где доказывал, что совершенно

невиновен. Его письмо осталось без последствий. Он дважды

судился ("тройкой"

и "пятеркой"), но даже кровавая "пятерка" не смогла найти достаточных улик

для его осуждения, и он был в конце концов казнен Берией в начале Великой

Отечественной войны без приговора. Это все стало потом известно из

следственных материалов по делу Берии.

Возвращаюсь к 1937 г., к областной партийной конференции. Ее мы

закончили в нормальные сроки, наверное, за пять дней, а может быть, даже

меньше. Перед принятием резолюции я просмотрел ее проект. Резолюция была

ужасная, столько было там накручено о врагах народа. Она требовала

продолжать оттачивать нож и вести расправу (как теперь уже ясно, с мнимыми

врагами народа). Не понравилась мне эта резолюция, но я был в большом

затруднении: как же быть? Я был первым секретарем, а на первого секретаря

ложились главная ответственность за все, да и сейчас она тоже не ослабла.

Хотя, по-моему, это является с точки зрения внутрипартийной демократии нашей

слабостью, потому что руководитель тем самым подчиняет себе коллектив. Но

это уже другой вопрос.

Решил опять посоветоваться со Сталиным. Позвонил ему и сказал: "Товарищ

Сталин, наша областная партийная конференция заканчивает свою работу, проект

резолуции составлен, но я хотел бы вам доложить и попросить совета. Ведь

резолуция Московской областной партийной конференции будет взята образцом

для других партийных организаций". "Приезжайте, -- говорит, --сейчас". Я

приехал в Кремль, Молотов тоже был там. Показал я Сталину резолюцию, он ее

прочел, взял красный карандаш и начал вычеркивать: "Это надо выбросить, и

это, и это выбросить, и это. А это вот можно так принять". Политическая,

оценочная часть резолюции стала неузнаваемой. Все "недобитые враги народа"

были Сталиным вычеркнуты. Остались там положения о бдительности, но они по

тому времени считались довольно умеренными. Если бы я такую резолюцию сам

предложил на конференции, не спросив Сталина, то мне бы не поздоровилось:

она не шла в тон нашей партийной печати, как бы смягчала, принижала остроту

борьбы, к которой призывала "Правда".

Мы приняли эту резолюцию и опубликовали ее. После этого меня буквально

засыпали звонками. Помню, Постышев звонил из Киева: "Как это вы сумели

провести конференцию в такие сроки и принять такую резолюцию?". Я ему,

конечно, рассказал, что она в проекте была не такой, но что я показал ее

Сталину, и Сталин своей рукой вычеркнул положения, обострявшие борьбу с

врагами народа. Тогда Постышев говорит: "Мы тоже тогда будем так действовать

и возьмем вашу резолюцию за образец". Описанные выше события опять

выставляли Сталина с лучшей стороны: он не хотел ненужного обострения, не

хотел лишней крови. Да мы тогда и не знали, что арестованные уничтожаются, а

считали, что они просто посажены в тюрьму и отбывают свой срок наказания.

Все это вызывало еще большее уважение к Сталину и, я бы сказал, преклонение

перед его гениальностью и прозорливостью.

Наша Московская партийная организация была сплоченной и являлась

настоящей твердыней и опорой Центрального Комитета в борьбе против врагов

народа и за реализацию решений партии о построении социализма в городе и

деревне. Но гадости продолжались, люди исчезали. Я узнал, что арестован

Межлаук, которого я очень уважал. Межлаук пользовался заслуженным доверием и

уважением Сталина. Помню такой случай. У нас проводилось какое-то совещание,

а на это совещание приехал из Англии видный физик Капица³⁶. Сталин решил его

задержать и не дать вернуться в Англию. Это было поручение Межлауку. Я

случайно был у Сталина, когда он объяснял, как убедить Капицу остаться:

уговорить его, а в крайнем случае просто отобрать заграничный паспорт.

Межлаук говорил с Капицей и докладывал Сталину. Потом я узнал, что

договорились о том, что Капица остается у нас (конечно, помимо своей воли),

но с тем, что создаются условия для его работы. Хотели построить ему

специальный институт, где он мог бы с большей пользой использовать свои

знания на благо нашей страны. При этом Сталин довольно плохо характеризовал

Капицу, говорил, что он не патриот и т.п. Построили для него такой

институт--желтое здание в конце Калужской улицы, неподалеку от Воробьевых

(Ленинских) гор.

Возвращаюсь к Межлауку, который прежде работал у Куйбышева в Госплане.

Его я знал, так как соприкасался с Госпланом, когда работал в Московском

комитете партии. Городское хозяйство Москвы планировалось не через область и

не через Российскую Федерацию, а непосредственно Госпланом. Поэтому мне

приходилось иметь дело с Межлауком. Кроме того, он часто делал доклады на

московских городских и районных активах. И вдруг Межлаук -- тоже враг

народа! Стали исчезать и другие работники Госплана, потом Наркомтяжпрома.

Петля затягивалась. В нее стали попадать работники, протеже самого

Орджоникидзе.

Орджоникидзе, как у нас называли его -- Серго, пользовался очень

большой популярностью и заслуженным уважением. Это был человек рыцарского

склада характера. Помню, проводилось совещание строителей в зале Оргбюро ЦК

партии. Председательствовал на этом совещании Орджоникидзе, присутствовал

Сталин. Собрался узкий круг людей. Вообще же там помещалось 200 или 300

человек, не больше. От Москвы был приглашен я и выступил там с довольно

острой критикой хода строительства в Москве. Этим строительством тогда

занимались Серго и Гинзбург³⁷. Гинзбург--хороший строитель, и Серго его

заслуженно поддерживал. Но в каждом большом деле есть много недостатков,

другой раз даже больших недостатков, и я выступал, защищая интересы

городского строительства и критикуя Гинзбурга и Наркомтяжпром. Серго (он

глуховат был на ухо) вытянулся ко мне, слушает, умиленно улыбаясь, и подает

реплики: "Откуда ты знаешь строительство, откуда, слушай, откуда?". С таким

он хорошим чувством это произносил... Мое выступление было опубликовано

потом в газете Наркомтяжпрома, не помню, как она называлась. Редактировал

эту газету очень хороший человек и хороший коммунист, кажется, Васильковский

или Васильков. Погиб, бедняга, как и многие другие.

Помню, Серго не однажды звонил по ряду вопросов мне в Московский

комитет. Однажды звонит: "Товарищ Хрущев (он говорил с сильным грузинским

акцентом), ну что вы там не даете покоя Ломинадзе, все критикуете его?". Я

отвечаю: "Товарищ Серго, ведь вы знаете, что Ломинадзе -- это активнейший

оппозиционер и, собственно, даже организатор оппозиции. Сейчас от него

требуют четких выступлений, а он выступает расплывчато и сам дает повод для

критики. Что я могу сделать? Ведь это факт". -- "Товарищ Хрущев, послушай,

ты что-нибудь сделай, чтобы его меньше терзали". Говорю, что это очень

трудно мне сделать, а потом я и сам считаю, что его правильно критикуют.

Ломинадзе был близкий к Серго человек, и Серго относился к нему с

большим уважением и большой чуткостью. Уже позднее узнал я про такой случай

лично от Сталина. После того как умер Орджоникидзе, Сталин рассказывал, что

вот, мол, Серго--что это за человек был! Я (Сталин) лично узнал от него, что

к нему пришел Ломинадзе и высказывал свое несогласие с проводимой партией

линией, но взял с Серго честное слово, что все, что он скажет, не будет

передано Сталину и, следовательно, не будет обращено против Ломинадзе. Серго

дал такое слово. Сталин возмущался: как это так, как можно давать такое

слово? Вот какой этот Серго беспринципный! В конце концов при каких-то

обстоятельствах Серго сам рассказал Сталину, что он дал слово Ломинадзе и

поэтому говорит сейчас Сталину при условии, что Сталин не сделает

каких-нибудь организационных выводов на основе сказанного Ломинадзе. Но

Сталин никаких честных слов не признавал, и в конце концов Ломинадзе был

послан в Челябинск, где его довели до такого состояния, что он застрелился.

До этого он был в Москве секретарем парткома на заводе авиационных

двигателей.

Однажды в выходной день я был на даче. Мне звонят и говорят, чтобы я

позвонил в ЦК. Там мне сказали: "Товарищ Хрущев, умер Серго. Политбюро

создает комиссию по похоронам, вас включают в эту комиссию. Прошу к

такому-то часу приехать к председателю комиссии, будем обсуждать вопросы,

связанные с похоронами Серго". Утром Серго похоронили. Прошло много времени.

Я всегда отзывался о Серго с большой теплотой. Однажды (это уже, по-моему,

было после войны) я приехал с Украины. Мы были у Сталина, вели какие-то

разговоры, иной раз довольно беспредметные, "убивали время". Я сказал:

"Серго -- вот был человек! Умер безвременно, еще молодым, жалко такой

потери". Тут Берия подал какую-то недружественную реплику в адрес Серго, и

больше никто ничего не сказал. Я почувствовал, что я что-то сказал не то,

что следовало в этой компании. Кончился обед, мы вышли. Тогда Маленков

говорит мне: "Слушай, ты что так неосторожно сказал о Серго?". -- "А что ж

тут неосторожного? Серго -- уважаемый политический деятель". -- "Да ведь он

застрелился. Ты знаешь об этом?". Говорю: "Нет. Я его хоронил, и тогда нам

сказали, что Серго (у него, кажется, болели почки) скоропостижно умер в

выходной день". "Нет, он застрелился. Ты заметил, какая была неловкость

после того, как ты назвал его имя?". Я сказал, что это я заметил и был

удивлен.

Но что Берия подал враждебную реплику, не было неожиданностью, потому

что я знал, что Берия плохо относился к Серго, а Серго не уважал Берию.

Серго был теснее связан с грузинской общественностью и, следовательно, знал

о Берии больше, чем Сталин. Если сопоставить Серго и Сталина: оба --

грузины, старые большевики, но совершенно разные люди, Серго внимательный, с

большой душевной теплотой, хотя и очень вспыльчивый. Как-то на заседании

Политбюро он вспылел, не знаю, по какому поводу, против наркома внешней

торговли Розенгольца, замахнулся на него и не знаю, как сдержался. Мне

известен случай, когда раньше, в Грузии, он ударил кого-то еще при Ленине.

Дело разбирал партийный комитет. Вот как уживаются иной раз в одном лице

противоположные качества. Но главное, за что уважали его, -- это

человечность, доступность и справедливость.

О смерти Орджоникидзе мне подробно рассказал Анастас Иванович Микоян,

но значительно позже, после смерти Сталина. Он говорил, что перед его

смертью (тот покончил с собой не в воскресенье, а в субботу или раньше) они

очень долго ходили с Серго по Кремлю. Серго сказал, что дальше не может так

жить, Сталин ему не верит, кадры, которые он подбирал, почти все уничтожены,

бороться же со Сталиным он не может и жить так тоже больше не может.

А правду я узнал совершенно случайно, причем во время войны. Я приехал

с фронта. У Сталина на обеде, который тянулся целую ночь, видимо, я попал в

ненормальное состояние. Вспомнил я вдруг о Серго, начал говорить о нем

добрые слова: лишились мы такого человека, умного, хорошего, рано он умер, а

мог бы еще и пожить, и поработать. Смотрю, сразу за столом такая реакция,

как будто я сказал что-то неприличное. Правда, никто мне ничего не сказал, и

такое, знаете ли, повисло молчание. Я это увидел, а потом, когда мы с

Маленковым вышли, я говорю ему: "В чем дело?" -- "А что, ты разве ничего не

знаешь?" -- "Да о чем ты?"

-- "Ведь Серго-то не умер, а застрелился, Сталин его осуждает, а ты

по-доброму сказал о нем, поэтому и возникла пауза, которую ты заметил". --

"В первый раз слышу! Вот так-так...".

Что касается его недруга Берии, то я познакомился с ним, видимо, в 1932

году. В то время я работал вторым секретарем Московского городского комитета

партии. Горком размещался на Большой Дмитровке. К нам приехал Берия как

секретарь Закавказского бюро ВКП(б). Как Берия стал там руководителем, не

знаю, ничего не могу об этом сказать. Я же встретился с Берией по вопросу

кадров. Не знаю, почему Берия обратился ко мне. Ведь первым секретарем

Московского горкома и обкома был Каганович. Но обратился

он именно ко мне.

Может быть, его просто послал Каганович? Пришел он ко мне с Багировым³⁸.

Багиров -- это бакинский партийный деятель. Он учился тогда на курсах

марксизма-ленинизма, которые размещались на Красной Пресне. Я познакомился с

Багировым, когда был секретарем Краснопресненского райкома партии. Я знал,

что вот это Багиров, но истории его деятельности в Закавказье не знал.

А у нас речь шла о секретаре Фрунзенского райкома партии армянине

товарище Рубене³⁹. На какую роль брали тогда Рубена, я сейчас уже не помню.

Рубена я знал мало. Я познакомился с ним, когда стал секретарем Бауманского

райкома, а он был секретарем Фрунзенского. Я сталкивался с ним на совещаниях

секретарей райкомов партии, а тогда секретарей в Москве было, наверное, не

больше, чем девять человек. Рубен как человек резко выделялся среди нас и

очень нравился мне. И когда Каганович вызвал меня и сказал, что моя

кандидатура будет выдвигаться на пост второго секретаря городского

партийного комитета, то я смутился и отвечал, что не следовало бы это

делать, потому что я не москвич и знаю, как тяжело мне будет в Москве.

Москва избалована авторитетами больших людей с большим дореволюционным

стажем. Кроме того, более достойным явился бы Рубен. И если бы меня

спросили, я бы порекомендовал Рубена. Но Каганович заметил, что он лучшего

обо мне мнения, чем я сам, и решено именно меня выдвинуть. Он добавил, что

Рубен неплохой работник, но надо иметь в виду, что Рубен был офицером в

царской армии. Этого я, конечно, не знал.

Когда я первый раз встретился с Берией, разговор у нас был формальным,

не я ведь решал вопрос о Рубене, вопрос решал ЦК. Позже я узнал, что

кандидатуру Рубена выдвигал Серго. Через некоторое время я Рубена снова

встретил. Видимо, ему нравилась военная форма. Он приехал в Москву в

гимнастерке с тремя или четырьмя ромбами⁴⁰ в петлицах. Его ввели тогда

членом Военного совета в приграничную армию, и он получил воинское звание.

Другие партийцы тоже были членами Военных советов, и я потом был членом

Военного совета. Но мы военную форму не носили, а Рубен носил. Мы надевали

военную форму без знаков отличия, и то только если выезжали на военные

учения. В 1937 г. Рубен был арестован и уничтожен.

После первой встречи с Берией я сблизился с ним. Мне Берия понравился:

простой и остроумный человек. Поэтому на пленумах Центрального Комитета мы

чаще всего сидели рядом, обмениваясь мнениями, а другой раз и зубоскалили в

адрес ораторов. Берия так мне понравился, что в 1934 г., впервые отдыхая во

время отпуска в Сочи, я поехал к нему в Грузию. Приехал в Батум на пароходе

(железной дороги тогда там не было), из Батума в Тифлис -- поездом.

Воскресенье провел у Берии на даче. Там у него было все грузинское

руководство. На горе стояли дачи Совнаркома и ЦК партии. Оттуда,

возвращаясь, я проехал по Военно-Грузинской дороге и сел на поезд на станции

Беслан. Как видно отсюда, начало моего знакомства с этим коварным человеком

носило мирный характер. В то время я смотрел на вещи идеалистически: если

человек с партийным билетом и настоящий коммунист, то это мой брат и даже

больше, чем брат. Я считал, что нас всех связывают невидимые нити идейной

борьбы, идей строительства коммунизма, нечто возвышенное и святое. Каждый

участник нашего движения был для меня, если говорить языком верующих, вроде

апостола, который во имя идеи готов пойти на любые жертвы. Ведь тогда,

действительно, чтобы быть настоящим коммунистом, больше приходилось

приносить жертв, чем получать благ. Это не то, что сейчас среди коммунистов,

когда есть идейные люди и много неидейных, чиновников, подхалимов и

карьеристов. Сейчас членство в партии, партийный билет -- это надежда на

лучшее приспособление к нашему обществу. Ловким людям удается получить

больше других, не имея к тому данных ни по качеству, ни по количеству

вложенного ими труда. Это факт и большой бич в наше время. А в то время

всего этого было меньше, хотя уже начиналось.

1 ЖДАНОВ А.А. (1896-1948)--сын служащего, член РСДРП с 1915 г., после

1917 г. политработник, с 1922 г. председатель Тверского губисполкома, с 1924

г. секретарь Нижегородского губкома и Горьковского крайкома ВКП(б), в

1934-1944 гг. секретарь ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома и горкома

партии, с 1944 г. генерал-полковник, секретарь ЦК ВКП(б);
член ЦК

партии с 1930 г., с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), член
ВЦИК и ЦИК СССР.

2 В 1932 г. Нижний Новгород был переименован в г. Горький.

3 АНДРЕЕВ А.А. (1895-1971)--рабочий, член РСДРП с 1914г.,
после 1917 г.

на партийных и профсоюзных постах, с 1920 г. секретарь
ВЦСПС, с 1922 г.

председатель ЦК Союза железнодорожников, в 1924-1925 гг.
секретарь ЦК

ВКП(б), с 1927 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома
ВКП(б), с 1939 г.

председатель ЦКК ВКП(б), нарком рабоче-крестьянской
инспекции и заместитель

Председателя Совнаркома СССР, с 1931 г. нарком путей
сообщения СССР, в

1935-1946 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1939-1952 гг. председатель
КПК при ЦК

ВКП(б), в 1943-1946 гг. нарком земледелия СССР. С 1946 г.
заместитель

Председателя Совета Министров СССР, с 1953 г. член
Президиума Верховного

Совета СССР, с 1962 г. -- сотрудник аппарата Президиума
Верховного Совета

СССР; член ЦК партии в 1920, 1922-1959 гг., член Политбюро
ЦК ВКП(б) в

1932-1952 годах.

4 Речь идет о члене ВКП(б) с 1926 г. У.Юсупове, первом

секретаре ЦК

Компартии Узбекистана в 1937-1950 годах, отчет которого заслушивали на

очередном Пленуме ЦК ВКП(б).

5 АЛЕКСАНДРОВ А.В. (1883-1946) -- композитор, генерал-майор, народный

артист СССР с 1937 г., организатор в 1928 г. Ансамбля песни и пляски Красной

Армии.

6 АЛЕКСАНДРОВ Б.А. (род. 1905) -- композитор, генерал-майор, народный

артист СССР с 1958 г., руководитель этого ансамбля с 1946 г.

7 Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский вместе с другими лицами из

высшего командного состава Красной Армии был осужден и казнен в июне 1937

года.

8 ЕГОРОВ А.И. (1883-1939)-- из мещан, член партии левых эсеров с 1917

г. и РКП(б) с 1918 г., царский офицер, с 1918 г. служил в Красной Армии,

командовал в Гражданскую войну 9-й и 10-й армиями, войсками Южного и

Юго-Западного фронтов, с 1921 г. -- войсками Киевского и Петроградского

военных округов. Кавказской армией, войсками Украины и Крыма, в 1925-1926

гг. военный атташе в Китае, с 1928 г. ком. войсками Белорусского ВО, с 1931

г. начальник Штаба РККА, с 1935 г. начальник Генерального штаба, с 1937 г.

1-й заместитель наркома обороны СССР, Маршал Советского Союза с 1935 года.

Репрессирован, реабилитирован посмертно.

9 БУДЕННЫЙ С.М. (1883-1973) -- из казаков, член РКП(б) с 1919 г., в

Гражданскую войну командовал кавалерийской частью, корпусом и 1-й Конной

армией, затем войсками военных округов, в 1924-1937 гг. инспектор кавалерии

РККА, в 1939-1941 гг. заместитель и 1-й заместитель наркома обороны СССР, в

1941-1945 гг. главнокомандующий войсками Юго-Западного и Северо-Кавказского

направлений. Резервного и Северо-Кавказского фронтов, представитель Ставки

ВГК, член ЦК ВКП(б) в 1939-1952 гг., член ВЦИК, ЦИК и Президиума Верховного

Совета СССР до 1973 г.. Маршал Советского Союза с 1935 года.

10 ЯКИР И.Э. (1896-1937)--рабочий, член РСДРП с 1917 г., участник обеих

революций 1917 г., в Гражданскую войну занимал военно-политические посты и

командовал группами войск и дивизиями, с 1921 г. командовал войсками

Крымского и Киевского военрайонов. Киевского военного округа, начальник

Главупра военно-учебных заведений РККА, ком. войсками

Украинского и

**Киевского ВО (до 1937 г.), в 1937 г. --Ленинградского ВО,
слушатель**

**Высшей военной академии Генштаба Германии, с 1930 г. член
Реввоенсовета,**

**затем Военного совета Наркомата обороны СССР, с 1934 г. член
ЦК ВКП(б), член**

**ЦИК СССР, командарм 1-го ранга с 1935 года. Репрессирован,
реабилитирован**

посмертно.

**11 КУЛЬКОВ М.М. (1891-1938)--рабочий, член РСДРП с 1915
г., после 1917**

**г. занимал ответственные советские и партийные посты, в 1935
г. заведовал**

**отделом парткадров в МГК ВКП(б), затем 2-й секретарь
Московского комитета**

партии. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

**12 ФИЛАТОВ Н.А. -- член РСДРП с 1912 г., известный
работник ряда**

органов советского аппарата.

**13 КОРЫТНЫЙ С.З. -- член РКП(б) с 1919 г., позднее был
преимущественно**

партийным работником.

**14 АНТИПОВ Н.К. (1894-1938) -- рабочий, член РСДРП с 1912
г., участник**

**обеих революций 1917 г., затем заместитель председателя
ВСНХ, председатель**

**Петроградской ЧК, секретарь Казанского губкома РКП(б), с
1920 г. член**

Президиума ВЦСПС, с 1923 г. секретарь Московского комитета РКП(б), в 1925 г.

секретарь Уральского обкома партии, с 1926 г. секретарь Ленинградского

губкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), с 1928 г. нарком почт и

телеграфов СССР, с 1931 г. заместитель наркома РКИ СССР, с 1935 г

председатель Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР, зам.

Председателя Совнаркома и СТО СССР, с 1924 г. член ЦК партии, член ВЦИК и

ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

15 РАБИНОВИЧ Д.М.

16 ФИНКЕЛЬ И.Д.

17 ЕНАКИЕВО называлось тогда Рыково.

18 В 1938 г. работники Ивановского областного управления НКВД,

арестовав 3-го секретаря обкома партии Шульцева, вынудили его дать показания

о наличии в области некоего "запасного правотроцкистского блока" с участием

в нем секретарей обкома ВКП(б) Симочкина и Короткова, председателя

облесполкома Аралова, прокурора области Карасика, председателя областного

суда Волкова, еще около 30 человек; параллельно было арестовано свыше 40 лиц

командно-политического состава стрелкового корпуса РККА,

дислоцировавшегося

в этой области. Почти все они были репрессированы.

19 ДУБОВОЙ И.Н. (1896-1938) -- из крестьян, член РСДРП с 1917 г., в

Гражданскую войну занимал командные, штабные и политические должности,

начальник дивизий, с 1924 г. командовал стрелковым корпусом, с 1929 г.

помощник, а с 1934 г. заместитель командующего войсками Украинского военного

округа, с 1935 г. ком. войсками Харьковского военного округа, член Военного

совета при Наркомате обороны СССР, командарм 2-го ранга с 1935 года.

Репрессирован, реабилитирован посмертно. Что касается Щорса, то Дубовой

оставил о нем книгу "Мои воспоминания о Щорсе" (Киев, 1935).

20 ГАМАРНИК Я.Б. (1894-1937)-- из служащих, член РСДРП с 1916 г.,

участник обеих революций 1917 г., в Гражданскую войну активно боролся за

Советскую власть на Украине, занимал военно-политические посты, с 1920 г.

председатель Одесского и Киевского губкомов РКП(б), Киевского губревкома и

губисполкома, с 1923 г. председатель Приморского губисполкома.

Дальневосточного ревкома и крайисполкома, секретарь Далькрайкома ВКП(б),

член Реввоенсовета Сибирского военного округа, с 1928 г. 1-й секретарь

ЦК КП(б) Белоруссии и член РВС Белорусского ВО, с 1929 г. начальник

Политуправления РККА, член Реввоенсовета СССР, ответственный редактор газеты

"Красная Звезда", с 1930 г. заместитель председателя РВС СССР и зам. наркома

по военным и морским делам, 1-й зам. наркома обороны и член Военного совета

при наркоме обороны СССР. Перед самоубийством был членом Военсовета

Среднеазиатского военного округа, член ЦК ВКП(б) с 1927 г., член Оргбюро ЦК

ВКП(б) с 1929 г., армейский комиссар 1-го ранга с 1935 г. Покончил жизнь

самоубийством.

21 ЩУСЕВ А.В. (1873-1949) -- архитектор, участник плана реконструкции

Москвы 1918-1925 гг. и Генерального плана реконструкции Москвы, директор

Третьяковской галереи в 1926-1929 гг., московского Музея архитектуры в

1946-1949 гг., заслуженный архитектор СССР с 1930 г., академик с 1943 г.,

автор многих сооружений, градостроительных работ и научных трудов.

22 КОСАРЕВ А.В. (1903-1939) -- из рабочих, участник Гражданской войны,

член РКП(б) с 1919 г., с 1921 г занимал ответственные посты в органах РКСМ,

в 1926 г. секретарь Московского комитета ВЛКСМ, с 1927 г. секретарь и в

1929-1939 гг. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1934 г. член ЦК ВКП(б),

Оргбюро ЦК партии и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

23 ЛЮБЧЕНКО А.П. (1897-1937) -- из крестьян, фельдшер, член Украинской

партии эсеров с 1913г., партии боротьбистов с 1918г. и РКП(б) с 1920 г.,

участник борьбы за Советскую власть на Украине, с 1921 г. занимал

ответственные посты в советских и кооперативных органах, с 1927 г. секретарь

ЦК КП(б)У, с 1934 г. Председатель Совнаркома УССР, член ЦИК СССР.

Репрессирован, реабилитирован посмертно. Его имя (Афанасий) часто пишут

по-украински (Панас).

24 Весной 1917 г. Любченко был избран членом украинской Центральной

рады, однако осенью 1917 г. за участие в выступлении против правительства

Винниченко был арестован и приговорен к расстрелу. Его спасло вступление в

Киев 26 января 1918 г. частей Красной Армии.

25 ПЕТЛЮРА С.В. (1879-1926) -- сын извозчика, участник

украинского

**национального движения, публицист, с 1915 г. возглавлял
Главную контрольную**

**комиссию Всероссийского земского союза по Западному
фронту, в 1917 г.**

**председатель Всеукра и некого войскового комитета и министр
Центральной Рады**

**по военным делам, в 1918 г. возглавлял Всеукраинский союз
земств, стал**

**главным атаманом войск Украинской народной республики, в
1919 г председатель**

**Директории, в 1920 г. заключил Варшавское соглашение с
Польшей о совместной**

**борьбе против Советской власти, затем эмигрировал.
Фотография, о которой**

**упоминает Хрущев, относится ко времени, когда ее персонажи
фотографировались**

на групповом снимке как члены Рады

**26 Речь идет о председателе Комитета по делам искусств при
Совнарком**

(Совмине) СССР в 1939-1948 гг. М.Б.Храпченко.

27 МИШАКОВА О.П.

**28 ПЯТАКОВ Г.Л. (1890-1937) -- из мещан, член РСДРП с
1910 г., в 1917**

**г. руководил борьбой за Советскую власть в Киеве, в 1918 г.
председатель**

**Временного рабоче-крестьянского правительства Украины,
затем был членом**

Реввоенсоветов ряда армий, с 1920 г. заместитель

председателя Госплана

РСФСР, заместитель председателя ВСНХ, торгпред во Франции, председатель

правления Госбанка СССР. С 1932 г. заместитель (с 1934 г. 1-й зам.) наркома

тяжелой промышленности СССР, член ЦК партии с 1923 г., с 1927 г.

преследовался по партийной линии как троцкист, исключен из партии в 1936 г.

Репрессирован, реабилитирован посмертно.

29 РУДЕНКО Р.А. (1907-1981) -- из крестьян, член ВКП(б) с 1936 г., с

1929 г. работал в органах прокуратуры, в 1944-1953 гг. прокурор УССР (в

1945-1946 гг. главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе главных

нацистских военных преступников), с 1953 г. генеральный прокурор СССР, член

ЦК КПСС с 1961 г., действительный государственный советник юстиции.

30 ЕЖОВ Н.И. (1895-1940) -- рабочий, член РСДРП с 1917 г., в годы

гражданской войны военный комиссар, с 1922 г. секретарь Семипалатинского

губкома и Казахского крайкома партии, с 1927 г. в аппарате ЦК ВКП(б), в

1929-1930 гг. заместитель наркома земледелия СССР. В 1930-1934 гг.

заведующий Распределительным отделом и отделом кадров ЦК

ВКП(б) и с 1934 г.

заведующий Промышленным отделом, с 1936 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель

КПК при ЦК партии, заместитель председателя Комитета резервов СТО СССР, в

1936-1938 гг. нарком внутренних дел СССР. С 1938 г. нарком водного

транспорта, с 1935 г. член Исполкома Коминтерна, с 1934 г. член ЦК ВКП(б), с

1937 г. генеральный комиссар государственной безопасности 1 ранга. Арестован

в 1939 г., затем расстрелян за преступную деятельность.

31 МАЛЕНКОВ Г.М. (1902-1988) -- из служащих, член РКП(б) с 1920 г., с

1925 г. работник аппарата ЦК ВКП(б), с 1930 г. в Московском комитете партии,

в 1934-1939 гг. заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б),

с 1939 г. секретарь ЦК партии (до 1953г.) и начальник управления кадров ЦК,

в 1941-1945 гг. член Государственного комитета обороны, с 1946 г. член

Политбюро ЦК ВКП(б), в 1946-1953 гг. зам. Председателя Совета Министров

СССР. В 1953-1955 гг. Председатель Совета Министров СССР, в 1955-1957 гг.

министр электростанций СССР, член ЦК партии в 1939-1957 гг., за участие в

так называемой Антипартийной группе внутри ЦК КПСС

освобожден в 1957 г. от

прежних постов и переведен директором Усть-Каменогорской ГЭС, затем

Экибастузской ТЭЦ, в 1961 г. исключен из рядов КПСС.

32 ЯРОСЛАВСКИЙ Е.М. (1878-1943)--сын ссыльнопоселенца, член РСДРП с

1898 г., участник трех российских революций, один из руководителей

Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Москве, затем на ответственных

партийных постах, входил в редколлегии и был ответственным редактором многих

общественно-политических изданий, с 1931 г. возглавлял Всесоюзное общество

старых большевиков, с 1939 г. академик, лектор и публицист, автор работ по

истории Коммунистической партии и пр., в разные годы секретарь ЦК партии,

член ее ЦК и ЦКК, ЦИК СССР.

33 ЗЕМЛЯЧКА Р.С. (1876-1947) -- из мещан, участница революционного

движения с 1896 г., член РСДРП с 1898 г., активный деятель большевистской

партии, один из организаторов Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в

Москве, затем на военно-политической работе, в 1920 г. секретарь Крымского

обкома ВКП(б), в 1924 г. член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), в 1926-1933 гг.

член коллегии Наркомата РКИ и коллегии Наркомата путей сообщения, с 1934 г.

член Комиссии советского контроля, заместитель ее председателя и

председатель, в 1939-1943 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР,

затем зам. председателя КПК при ЦК ВКП(б), член ЦК партии с 1939 года.

34 ХАРЕЧКО Т.И. -- член РСДРП с 1914 года.

35 КЕДРОВ М.С. (1878-1941)--сын чиновника, член РСДРП с 1901 г.,

активный участник большевистского движения и трех российских революций,

после 1917 г. на ответственных военных и партийных должностях, в 20-е годы

трудился в СТО, ВСНХ, Наркомздраве СССР, прокуратуре. Красном Спортинтерне,

с 1932 г. член Президиума Госплана РСФСР, с 1934 г. директор

Военно-санитарного института, автор публикаций по истории Коммунистической

партии и Гражданской войны. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

36 КАПИЦА П.Л. (1894-1984)-- физик, в 1935-1946 и с 1955 г. директор

Института физических проблем АН СССР, академик с 1939 г., лауреат

Нобелевской премии 1978 года.

37 ГИНЗБУРГ С.З. (род. 1897) -- из мещан, член РСДРП с

1917 г., в

20-30-е годы работал в советских и хозяйственных органах, нарком по

строительству СССР в 1939-1946 гг., затем министр по строительству военных и

военно-морских предприятий, министр промышленности стройматериалов, с 1950

г. заместитель министров в ряде ведомств.

38 БАГИРОВ М.Дж.А. (1896-1956)--член РСДРП с 1917 г., с 1920 г,

заместитель председателя ревкома Карабахской области, председатель

Азербайджанской ЧК и ГПУ, нарком внутренних дел, заместитель председателя и

председатель Совнаркома Азербайджанской ССР, в 1933-1953 гг. 1-й секретарь

ЦК и Бакинского комитета КП(б) Азербайджана, в 1953 г. председатель Совмина

Азерб. ССР, член ЦК партии с 1939 г., кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в

1952-1953 гг., расстрелян за преступную деятельность.

39 РУБЕН Р.Г. -- член РСДРП с 1917 г., затем занимал различные

советские, военно-политические и партийные посты.

40 РОМБЫ -- нарукавные знаки различия высшего комсостава РККА,

введенные в 1919 году. С 1924 г. их изготовляли из красной меди и крепили на

петлицах гимнастерки. Три или четыре ромба

соответствовали званиям

командарма или ком. войсками фронта.

СНОВА НА УКРАИНЕ

1938 год. Вызывает меня Сталин и говорит: "Мы хотим послать Вас на

Украину, чтобы Вы возглавили там партийную организацию. Косиор перейдет в

Москву к Молотову первым заместителем Председателя Совета Народных

Комиссаров и председателем Комиссии советского контроля". Тут Сталин выразил

явное недовольство Косиором. Я уже знал со слов Кагановича, что Косиором

были недовольны. Каганович по поручению Сталина ездил и "помогал" Косиору и

Постышеву "навести порядок". А наведение порядка заключалось в арестах

людей. Тогда же распространили слух, что Косиор не справляется со своим

делом.

Я стал отказываться, так как знал Украину и считал, что не справлюсь:

слишком велика шапка, не по мне она. Я просил не посылать меня, потому что

не подготовлен к тому, чтобы занять такой пост. Сталин

начал меня

подбадривать. Тогда я ответил: "Кроме того, существует и национальный

вопрос. Я человек русский; хотя и понимаю украинский язык, но не так, как

нужно руководителю. Говорить на украинском я совсем не могу, а это тоже

имеет большой минус. Украинцы, особенно интеллигенция, могут принять меня

очень холодно, и я бы не хотел ставить себя в такое положение". Сталин:

"Нет, что Вы! Косиор -- вообще поляк. Почему поляк для украинцев лучше, чем

русский?". Я ответил: "Косиор -- поляк, но он знает украинский язык и может

выступать на украинском языке, а я не могу. Кроме того, у Косиора больше

опыта". Однако Сталин уже принял решение и твердо сказал, что я должен

работать на Украине. "Хорошо, -- ответил я, -- постараюсь все сделать, чтобы

оправдать доверие".

Было назначено время моего отъезда. Я попросил Маленкова подобрать мне

нескольких украинцев из московской партийной организации (там их было много)

или из аппарата Центрального Комитета партии. Это было необходимо, потому

что мне сказали, что на Украине сейчас нет ни одного

председателя

облисполкома и даже председателя Совета Народных Комиссаров (есть его первый

заместитель), нет заведующих отделами обкомов и горкомов партии, а в ЦК

КП(б)У -- ни одного заведующего отделом. Стали подбирать второго секретаря.

Вторым секретарем Маленков назвал товарища Бурмистенко¹. Бурмистенко являлся

заместителем Маленкова, который руководил тогда кадрами ЦК ВКП(б).

Бурмистенко я знал мало. Познакомился. Он произвел на меня очень хорошее

впечатление, и мы сошлись с ним характерами.

Я дал Бурмистенко поручение подобрать людей, которых можно было бы

взять с собой, человек 15 -- 20. Он подобрал, кажется, человек 10 из отделов

ЦК и из Московской парторганизации. Из последней взяли Сердюка² и еще

кое-кого. Сердюк работал тогда первым или вторым секретарем Советского

райкома столицы. Сам он коренной украинец, отлично говорил на украинском

языке.

Приехали на Украину, к Косиору. Он проинформировал нас о сложившейся

обстановке и познакомил с кадрами, которые сохранились. Провели

республиканский партийный пленум. Косиор представил пленуму ЦК КП(б)У меня и

Бурмистенко. Нас кооптировали в состав пленума, избрали в состав членов

Политбюро и секретарями ЦК. Косиора освободили. Григорий Иванович Петровский

очень переживал все события на Украине, но

вел себя по-стариковски пассивно, хотя был тогда еще не таким уж

старым.

Начали мы знакомиться с делом. По Украине будто Мамай прошел. Не было,

как я уже говорил, ни секретарей обкомов партии в республике, ни

председателей облисполкомов. Вскоре не стало и секретаря Киевского горкома.

Секретарем Киевского обкома КП(б)У был ЕвтушенкоЗ. Сталин к нему относился

хорошо. Евтушенко я знал слабо, только по встречам в Кремле, но считал, что

Евтушенко вполне на своем месте. Он нравился мне. Вдруг из Москвы звонок:

"Евтушенко арестовали". Я и сейчас не могу сказать, какие, собственно, были

причины для его ареста. Тогда объяснения были стандартными -- враг народа;

через некоторое время человек уже сознавался, а еще через какое-то время

собственноручно давал показания, которые рассылались,

кому следует, и

создавалось впечатление обоснованности ареста.

Сталин вызвал меня в Москву и предложил, чтобы я принял на себя посты,

помимо секретаря ЦК КП(б)У, еще и секретарей областного и городского

комитетов партии. Это просто немыслимо. Но Сталин сказал: "Подберите себе

людей в помощь". Я согласился, хотя, собственно, моего согласия и не

требовалось. Имелось предложение ЦК, и я должен был выполнить его. Вторым

секретарем горкома партии избрали Сердюка, а секретарем областного

партийного комитета -- Шевченко⁴. Шевченко был крестьянским парнем, он

удовлетворял требованиям, которые тогда предъявлялись такому секретарю. Мы

начали работать. Наркомом внутренних дел Украины был Успенский⁵. Успенского

я узнал, работая секретарем Московского комитета партии. Он являлся

уполномоченным Наркомата внутренних дел по Московской области, и я часто с

ним общался. Он докладывал мне о положении дел и производил на меня тогда

хорошее впечатление. Потом он был назначен комендантом Кремля, откуда его и

послали наркомом внутренних дел Украины. Я полагал, что он

будет правильно

информировать меня и помогать мне.

Успенский развил кипучую деятельность. Как выяснилось после смерти

Сталина, он буквально завалил ЦК докладными записками о "врагах народа".

Аресты продолжались. Помню, Успенский поставил вопрос об аресте Рыльского.

Я возразил: "Что вы? Рыльский - видный поэт. Его обвиняют в национализме, а

какой он националист? Он просто украинец и отражает национальные украинские

настроения. Нельзя каждого украинца, который говорит на украинском языке,

считать националистом. Вы же на Украине!". Но Успенский проявлял

настойчивость. Я убеждал его:

"Поймите, Рыльский написал стихотворение о Сталине, которое стало

словами песни. Эту песню поет вся Украина. А Вы хотите его арестовать? Этого

никто не поймет".

Лично Рыльского я тогда не знал. Знал его как украинского поэта (нельзя

его было не знать), да и только. Это был человек с характером, который

защищал национальные интересы Украины, язык украинского народа, активно

выступал, смело высказывался по различным вопросам. Это

и дало повод

обвинить его в национализме и возвести в ранг "врага народа".

Спустя какое-то время приходят ко мне
Паторжинский и

Литвиненко-Вольгемут⁷. Паторжинского я знал, да и у
Сталина он был на

хорошем счету как певец и как человек. Они рассказали, что в
тюрьме сидит

композитор, который написал музыку на стихи Рыльского о
Сталине. Вся Украина

поет эту песню, а он сидит в тюрьме как националист. Я
приказал Успенскому

доложить мне, на каком основании арестован композитор. Он
принес документы.

Посмотрел я их и увидел, что оснований содержать его в
тюрьме нет. Я ему

сказал, что он поторопился с арестом. Считаю, что его нужно
освободить. Не

помню, освободили его по моему указанию или же я докладывал
Сталину. Одним

словом, его освободили из тюрьмы, и он продолжал свою
деятельность.

Впоследствии он был председателем Союза композиторов
Украины⁸. К каждому дню

1 Мая и к Октябрьским торжествам получал я потом от его
жены и дочери

поздравления. Я понимал это как благодарность за
освобождение его из тюрьмы

и от петли, потому что кончилось бы именно этим. Вот какая

была тогда

обстановка.

Людей тогда на Украине просто "тянули" во "враги".
Заместителем

Председателя Совета Народных Комиссаров на Украине был прекрасный человек

Тягнибеда⁹. Я знал его, еще когда он работал штейгером в Донбассе и учился

на курсах инженеров при горном техникуме в Юзовке. Потом, когда я работал

секретарем Петрово-Марьинского райкома партии, он какое-то время трудился

одновременно со мной управляющим Карповскими рудниками (теперь Петровские

шахты) в Вознесенске-Донецком. Одним словом, это был прямой, хороший

человек, который даже воевал в рядах Красной Армии. Это большая редкость,

что техник-штейгер был заодно с большевиками и участвовал в Гражданской

войне на стороне красных. Вдруг потребовали его ареста и представили

"обоснование".

Когда арестовали первого зама. Совет Народных Комиссаров Украины стал

"чистым": не было председателя Совнаркома, не было и заместителей. Я

поставил вопрос перед Сталиным, что надо найти человека на пост председателя

Совнаркома. Еще раньше Сталин сам сказал мне, что в Днепропетровске тоже нет

секретаря обкома партии. Днепропетровская область тогда была огромной.

Занимала она чуть ли не треть Украины. В нее входили современные

Днепропетровская, Запорожская и даже часть Николаевской области. Сталин,

видимо, беспокоился о состоянии дел в Днепропетровске, боялся, чтобы не

пошатнулась металлургия. Раньше секретарем обкома партии был там Хатаевич¹⁰,

но он был арестован еще до моего приезда. Сталин предложил: "Может быть,

туда послать Коротченко?". Коротченко был тогда секретарем Смоленского

обкома партии. Я, конечно, сразу согласился: "Давайте Коротченко!".

Мы сформировали там обком и горком партии. Я разъезжал по заводам,

беседовал с активом, знакомился с людьми, изучал обстановку. Поехал в

Запорожье, в Днепродзержинск. В Днепродзержинске познакомился с группой

партийных работников и инженеров, в том числе с Брежневым. Мы стали

выдвигать последних на партийную работу, формировать партруководство. Тогда

же был выдвинут Корниец¹¹. Он был секретарем сельского райкома на

**Днепропетровщине. Помимо Брежнева из Днепродзержинска¹²
выдвинули еще одного**

человека, секретаря обкома партии по пропаганде.

**В Донбассе секретарем обкома партии, был Прамнэк¹³,
латыш по**

**национальности. До Донбасса он работал, кажется, в
Горьковской области и**

**считался хорошим секретарем. Вдруг мне позвонил Сталин и
сообщил, что нужно**

**выехать в Сталине, потому что арестовали Прамнэка. Я его
уже не застал.**

**Выдвинули туда Щербакова 14, который в то время был
секретарем Московского**

**комитета партии... Еще об обстановке той поры: попросился ко
мне на прием**

**неизвестный человек. Секретарь доложил, что он только что
освобожден из**

**тюрьмы, сам учитель из Винницкой области, и хочет сделать
важное сообщение.**

**Я его принял. Такой молодой, здоровый, красивый
парень. Он**

**представился, рассказал, что был арестован, сидел в тюрьме,
только вышел из**

**нее, пришел прямо ко мне и хочет сообщить, что его били и
истязали, вымогая**

**показания, что Коротченко -- агент румынского королевского
двора и является**

**здесь главой центра шпионов, который ведет работу против
Советской власти в**

пользу Румынии. Поблагодарил я его за сообщение и сказал, что это клевета,

вражеская работа. Разберемся с этим делом, идите спокойно. Об этом посещении

я сообщил запиской Сталину, он возмутился. А когда меня вызвали в Москву по

какому-то вопросу, то и об этом тоже состоялся обмен мнениями. Сразу же был

послан следователь по особо важным делам (по-моему, товарищ Шейнин 15,

теперь уже покойный) разобраться в сути события. Оказалось, что замешаны в

этом деле были три или пять человек. Они-то и состряпали такое обвинение

против Коротченко. Кончилось тем, что их арестовали и расстреляли.

Сталин -- жестокий человек, он уничтожал кадры, а с другой стороны --

смотрите, какую проявил заботу! Заботу, правда, проявлял он тоже

драконовскими методами, но все-таки это была забота о сохранении кадров. Не

пощадил он тех чекистов. Это тоже способствовало росту моего расположения к

Сталину. Его жестокость и несправедливость, которую мы сейчас видим, тогда

нам не была видна. Наоборот, его поступки расценивались как решительность и

непреклонность в борьбе за Советское государство, за укрепление его против

врагов, кто бы ими ни оказался и в каких бы формах эта вражеская

деятельность ни проявлялась. Впоследствии Сталин очень часто возвращался к

случаю с Коротченко. В непринужденной обстановке, когда за столом уже было

проведено несколько часов, он опять и опять вспоминал: "Ну, как там

самуяр?". Он называл его не Коротченко, а самуяром. На XVIII съезде партии

выступали делегаты и порой заканчивали свои речи угрозами против Японии:

вот, мол, такие-сякие самураи, мы их! Коротченко был неряшлив в словах. Он

забывал фамилии даже ближайших людей, многое путал. Самураи для него слово

нескладное, и поэтому он свое выступление закончил так: "Мы этим самуярам

зададим перцу!". Так и остался "самуяром". Сталин его иначе и не называл,

вплоть до смерти.

Обращается Сталин ко мне: "Ну, как там самуяр?". Я ответил: "Вот,

связался самуяр с румынским королем". Сталин пошутил: "Или с королевой?

Сколько лет этой королеве?". Отвечаю: "Король там несовершеннолетний, а есть

мать-королева. Он, должно быть, связан с королевой-матерью". Это вызвало

хохот и новые шутки. Конечно, то был смех сквозь слезы, если припомнить

существовавшую тогда обстановку. Ведь те, кто обвинял Коротченко, если

разобраться, были очень простые люди, но они были морально настроены на

поиск врагов народа. Вот они и промышляли, желая отличиться, искали, за кого

взяться. Почему упоминался контакт с Румынией? Район, в котором зародилась

провокация, находился в Винницкой области и граничил с Бессарабией. Наши

чекисты работали против румынской агентуры. У нихто и родилась идея

привязать человека к такой агентуре и сделать главой агентов -- кого же?

Председателя Совета Народных Комиссаров Украины Коротченко. Полагаю, что

только то обстоятельство, что Сталин лично знал Коротченко и знал, что тот

не способен на предательство, спасло его. Если бы этого не было, то

результат для Коротченко был бы плачевным.

На Украине была уничтожена тогда вся верхушка руководящих работников в

несколько этажей. Несколько раз сменялись кадры и вновь подвергались арестам

и уничтожению. Украинская интеллигенция, особенно писатели, композиторы,

артисты и врачи, тоже были под наблюдением, подвергались арестам и расправе.

Даже такой замечательный поэт и государственный деятель, как Микола

Платонович Бажан¹⁶, который потом стал членом партии, честный и очень

приятный человек, преданный Советскому государству и Коммунистической

партии, подвергался нападкам, и требовалось особо аргументировать, чтобы не

допустить его ареста. А Петро Панч?¹⁷ (тоже крупный украинский писатель). Не

знаю, как он сохранился. За ним следили и больше всего доносили писатели,

вместе с которыми он работал. К сожалению, довольно часто он выпивал. Эти

лица провоцировали его на какие-то разговоры, а потом все это передавалось,

стряпалось дело, и вот уже документы готовы к аресту.

Некоторые лица были просто шарлатанами, которые избрали для себя

профессией разоблачение врагов народа. Они терроризировали всех,

бесцеремонно заявляя в глаза: "Вот этот -- враг народа". Прикипало к

человеку это обвинение, привлекало внимание, органы НКВД начинали

разбираться. Следствие, конечно, велось тайно, к человеку приставляли

агентуру, а потом доказывали, что это -- действительно враг народа. Помню,

был такой нахал (я забыл сейчас его фамилию), начальник "Киевпаливо"

(Киевский комитет по топливу), который ходил повсюду и обвинял буквально

всех по очереди; так перед ним все буквально дрожали. На заседании бюро

горкома партии он бросил обвинение Сердюку, второму секретарю горкома. На

следующем заседании я вынужден был сам председательствовать и разбирать это

обвинение. Никаких данных к обвинениям, которые он выдвигал против честных

людей, не существовало. Но он утверждал, что и тут сидят враги народа. А

тогда не требовалось каких-то фактов, каких-то доказательств. Было

достаточно лишь нахальства и наглости.

Мне рассказали еще об одном характерном случае. Был на Украине такой

деятель, врач Медведь. После войны он работал

в Министерстве иностранных дел, входил в состав украинской делегации,

которую возглавлял Дмитро Захарович Мануильский 18 в Организации

Объединенных Наций. Он хорошо представлял там Украину, досаждал нашим

врагам. О нем говорили: "Ревет, ревет украинский Медведь".

Он действительно

и голос имел "медвежий", и характер пробивной. Рассказывают, что (а был он

раньше, кажется, заместителем начальника областного отдела здравоохранения

то ли в Киеве, то ли в Харькове) на партийном собрании какая-то женщина

выступает и говорит, указывая пальцем на Медведя: "Я этого человека не знаю,

но по глазам его вижу, что он враг народа". Можете себе представить? Но

Медведь (как говорится, на то он и Медведь) не растерялся и сейчас же

парировал: "Я эту женщину, которая сейчас выступила против меня, в первый

раз вижу и не знаю ее, но по глазам вижу, что она проститутка". Только

употребил он слово более выразительное. Потом это стало анекдотом на всю

Украину, передавали из уст в уста. Это и спасло Медведя. Если бы Медведь

стал доказывать, что он не верблюд, не враг народа, а честный человек, то

навлек бы на себя подозрение. Нашлось бы подтверждение заявлению этой

сумасшедшей, сознававшей, однако, что она не несет никакой ответственности

за сказанное, а наоборот, будет поощрена. Такая была тогда ужасная

обстановка.

Возвращаюсь к моему приезду на Украину. Уехал Косиор. Проводили его

довольно сухо. Не так, конечно, надо было провожать с Украины Косиора,

проработавшего столько лет в ее партийной организации и столько сделавшего

для создания партийной организации Украины. Каганович рассказывал мне еще до

моего отъезда на Украину, что его приобщал к партийной работе как раз

Косиор, читая лекции по политэкономии на Владимирской горке в Киеве: "Мы

ходили, гуляли, наслаждались прекрасным видом на левый берег Днепра, и я

слушал его. Фактически это были учебные курсы. Косиор читал во время этих

прогулок лекции по политэкономии".

Григорий Иванович Петровский морально чувствовал себя в то время на

Украине очень плохо. Я много слышался о Петровском еще до революции. Ведь

Петровский был избран в Государственную думу от Екатеринославской губернии.

За него голосовали рабочие Донбасса и Екатеринослава. Однажды до революции я

был приглашен на собрание -- воскресную сходку в степной балке; там должен

был выступать Петровский. Я пошел, но сходка не

состоялась. Полиция

**пронюхала о ней, и сочли, что не следует собираться. В Донбассе
очень многое**

было связано

**с именем Петровского. Рудники, на которых я был
секретарем райкома**

**партии в 1925 -- 1926 годах, назывались Петровскими. Они и
сейчас так**

**называются. Как раз в районе этих шахт тогда намечалась в
степи сходка...**

**Приближалось 60-летие Григория Ивановича. Но о нем
сложилось мнение, что он**

**не твердо стоит на позициях генеральной линии партии,
поэтому к нему было**

**отношение настороженное, да и у меня была такая
настороженность. Шла она от**

**Сталина. Я сказал Сталину, что приближается 60-летие
Григория Ивановича и**

**надо бы его отметить, поэтому хочу спросить, как это сделать?
Он посмотрел**

**на меня: "60 лет? Хорошо. Устройте в его честь обед у себя.
Пригласите его с**

**женой и членов его семьи, а больше никого". Так я и сделал. К
тому времени у**

**Григория Ивановича сложилось в семье очень тяжелое
положение: его сына**

**арестовали. Я знал его сына¹⁹. Он командовал московской
Пролетарской**

дивизией. Когда я работал в Москве, то выезжал на праздник

этой дивизии в

летние лагеря. Леонид Петровский считался тогда хорошим командиром. Зять

Григория Ивановича (сын Коцюбинского)²⁰ был арестован и расстрелян. Дочь

Петровского (жена Коцюбинского) жила у Григория Ивановича. Можно себе

представить, какая обстановка сложилась в его семье, какое было самочувствие

у Григория Ивановича и какое отношение к нему: сын сидит в тюрьме, зять

расстрелян.

Мною был устроен обед на даче. Пригласили Григория Ивановича.

Расселись: моя семья, его семья; посидели, выпили по рюмочке за его

здоровье. Григорий Иванович, конечно, выглядел очень кислым, да и я не был

веселым. Все прошло довольно формально, натянуто, Григорий Иванович очень

быстро распрощался и ушел. Дачи наши находились рядом, в пяти минутах ходьбы

одна от другой.

Позднее Сталин сообщил, что Григория Ивановича отзывают в Москву.

Проводы были не такими, какие нужны были бы согласно положению. Формальные

состоялись проводы. Мне потом рассказывали чекисты, что он всю дорогу очень

волновался, особенно подъезжая к Москве, -- видимо, ожидал ареста. А это

могло случиться. Сталин все мог тогда сделать!

Выдвинули мы теперь других людей. Но эти, выдвинутые нами люди были уже

без дореволюционного прошлого, как бы без рода и племени, если говорить о

революционной деятельности. Просто товарищи из партактива, почти что

рядовые. Впрочем, тогда всех так выдвигали.

Еще скажу о Киевской парторганизации. Вторым секретарем

Киевского обкома партии был тогда Костенко²¹. При мне он был очень

мало, его вскоре арестовали. Я удивлялся: простой человек, из

крестьян-колхозников, зачем ему лезть в дружбу с врагами Советского Союза?

Никак не мог я этого понять и решил с ним побеседовать. Поехал в НКВД.

Привели его из камеры. Я его спрашивал, а он все подтверждал: "Вот такой-то

и такой-то сотрудничали со мной в этом деле". Я ему: "А еще кто был с

вами?". "Больше никого не было". Ну и хорошо, я уже обрадовался, что где-то

виден конец. Что он действительно враг народа, у меня не было уже сомнений,

потому что он лично и в довольно спокойном состоянии подтвердил это. Нарком

внутренних дел сказал, что он будет осужден к расстрелу.

В то время были случаи, когда перед расстрелом люди вдруг начинали

давать показания на других лиц, и таким образом создавалась непрерывная цепь

врагов. Я сказал: "Если Костенко станет еще на кого-то показывать, то прошу

тогда его не расстреливать, а сохранить для того, чтобы разобраться в этом

деле". Прошло какое-то время, и Успенский мне доложил, что Костенко

расстрелян, но перед смертью упомянул Черепина²², уже работавшего на месте

второго секретаря Киевского областного комитета партии. Хороший такой

человек, умница, прекрасно знал свое дело, да и сельское хозяйство, умел

подойти к крестьянам. Впрочем, ему и приспособливаться не надо было, потому

что он сам был из крестьян. "Почему же, -- спрашиваю, -- Вы так сделали? Я

же просил вас сохранить его, чтобы можно было обстоятельно с ним

побеседовать. Сомневаюсь, что Черепин может состоять в каком-то заговоре. А

теперь я не смогу ничего узнать, потому что того, кто показывал на него, нет

в живых. Как же можно проверить?". Позвонил я Маленкову: "Товарищ Маленков,

дают показания на Черепина, а я не верю, этого не может быть".
"Ну, что же,
не веришь, так пусть и работает".

Тогда это была большая поддержка со стороны ЦК в лице
Маленкова: он

"сидел на кадрах". Прошло день-два, и он звонит мне:
"Знаешь, а все-таки,

может быть, лучше всего передвинуть этого Черепина куда-
нибудь? Кто его

знает? Все может быть... Возможно, он действительно был
завербован?". Ну что

же делать? Пришлось его передвинуть. Я выдвинул его
заместителем наркома

сельского хозяйства по животноводству, и он работал
хорошо, честно,

преданно. Прошло еще какое-то время. Понадобился нам
секретарь нового обкома

партии. Я предложил сделать на Украине больше областей, но
чтобы по объему

они стали меньше -- для лучшего охвата дел при руководстве.
Выделили Сумскую

область. Я позвонил Маленкову: "Все-таки сомневаюсь, что
мы правильно

поступили с Черепиным, он честный человек. Предлагаю
Черепина выдвинуть

секретарем обкома партии Сумской области". Маленков
согласился, и тот

работал там до самой войны. Когда началась война, от нас
потребовались кадры

для выдвижения членами военных советов соединений. Я назвал Черепина членом

одного Военного совета для соединения, действовавшего в районе Одессы.

Война началась для Красной Армии плохо. Я узнал, что Черепин погиб при

отступлении. Командующий был убит или застрелился, а Черепин пропал без

вести. Считаю, что он тоже был убит. Генерал, командующий, был в военной

форме, и немцы знали, что он командующий. Для поднятия духа своей армии они

хоронили тогда с почестями своих врагов -- наших генералов. Тот генерал тоже

был похоронен с почестями, Черепин же исчез бесследно. Он закончил свою

жизнь как преданный, верный сын Коммунистической партии, верный сын своего

народа, своей Родины. А сколько таких людей было? Тысячи и тысячи!

Да, именно тысячи невинных людей были в те годы арестованы: и члены

партии, и кандидаты в члены партии, и комсомольцы. Собственно говоря, вся

руководящая верхушка страны. Думаю, что она была арестована и погибла в

составе трех поколений руководителей, если не больше! Партийные органы были

совершенно сведены на нет. Руководство было парализовано, никого нельзя было

выдвинуть без апробации со стороны НКВД. Если НКВД давал положительную

оценку тому или другому человеку, который намечался к выдвижению, только тот

и выдвигался. Но и апробация со стороны НКВД никаких гарантий не давала.

Имели место случаи, когда назначали человека, и буквально через несколько

дней его уже не оказывалось на свободе, он арестовывался. Здесь тоже

находились свои объяснения: появились дополнительные допросы такого-то врага

народа, тот дал более обширные показания и показал на этого человека,

который хорошо замаскировался и не был своевременно разоблачен, был выдвинут

в руководство. Потом оказывалось, что он состоит в заговоре и тоже является

врагом народа.

Конечно, это стандартное объяснение, но оно имело свою логику, потому

что действительно какой-то арестованный давал показания. А на дававшего

показания тоже кто-то раньше дал показания. И таким образом создавалась

замкнутая цепь порочной практики руководства, которое становилось тем самым

на путь как бы самоистребления. Так оно и было. Сегодня представитель

какой-то партийной организации выступает и разоблачает арестованных

ранее, а завтра и его самого уже нет, что тоже находило объяснение, дескать,

он ретиво разоблачал, потому что сам был замешан и чтобы скрыть правду. Вот

вам и объяснение!

Наиболее наглядным примером может послужить Фурер²³. Фурер работал на

Украине в 1920 году. Тогда я его еще не знал, потому что он человек

столичный, городской, работал не то в Киеве, не то в Одессе, не то в

Харькове, сейчас даже не знаю точно. Но это была громкая фамилия. А

прогремела эта фамилия, когда я работал уже в Москве в 1930-х годах. Он был

очень хорошим организатором, хорошим пропагандистом и хорошим рекламщиком,

умел подать материал, сделать хорошую рекламу. Так, он "обставил" и

подготовил выдвижение Никиты Изотова²⁴. Я бы сказал, что и Изотова, и

Стаханова²⁵ "родил" Фурер. Он организовал и собственноручно "обставил" выход

ударника Изотова из шахты, встречу его общественностью с цветами,

организовал печать и кино. Одним словом, сделал большую рекламу, и Изотов

действительно стал героем. Отсюда, собственно, и пошла пропаганда таких

достижений. Следом появились и другие последователи Изотова.

Как-то, помню, Каганович спросил меня: "Вы знаете Фурера?". -- "Знаю по

газетам, а в жизни его не встречал". -- "А я его знаю, он очень способный

человек. Вот бы заполучить его к нам, в Москву". -- "Мне неизвестно, как его

заполучить, но если можно, то пожалуйста. Это был бы полезный человек для

работы в Московской партийной организации". Каганович был тогда секретарем

ЦК партии, так что для него желаемого добиться было нетрудно. Не знаю,

почему он со мной тогда советовался. Видимо, хотел подготовить, чтобы я

правильно понял намеченное назначение. И Фурер перешел работать в Москву. Он

заведовал агитмассовым отделом, хорошо развернулся, а я был доволен. Его

авторитет в городской партийной организации и в ЦК был высок. Вспоминаю,

позвонил мне Молотов и спросил: "Как вы смотрите, если мы у вас возьмем

Фурера? Мы хотим его назначить руководителем радиовещания". Отвечаю:

"Конечно, Фурер будет, видимо, для такой работы хорош, только я очень просил

бы его не забирать, потому что и у нас он работает на интересном, живом

деле. Для Московской парторганизации это была бы исключительная потеря".

Молотов прекратил разговор, но я подумал, что он со мной не согласился.

Ведь фактически я подкрепил его мнение, что если появляется хороший работник

с периферии, то его надо выдвигать выше, на освобождающееся место. Так люди

и должны продвигаться... Готовились мы к какому-то совещанию. Фурер попросил

дать ему два или три дня для подготовки. Он хотел уехать за город, в дом

отдыха "Осинки" в районе Химкинского водохранилища. Поработал он там; все

было, как надо. Сталина и Молотова в то время в Москве не было, они отдыхали

в Сочи.

В Москве находились Каганович и Серго Орджоникидзе. Я точно знаю это,

потому что когда заходил к Кагановичу, то часто встречал у него Серго. Они

нередко совещались по различным вопросам, готовили доклады Сталину. Во время

процесса не то над Зиновьевым, не то над Рыковым, не то еще над какой-то

группой я зашел к Кагановичу. У него был Серго, и я решил переждать в

приемной вместе с Демьяном Бедным²⁶. Каганович узнал, что я пришел, сразу же

сам вышел и предложил зайти в кабинет. Захожу. Демьяна Бедного тоже вызвали

при мне. Ему было поручено выступить против этой антипартийной группы с

басней или стихотворением, высмеивающим и осуждающим ее. Задание было дано

раньше. Он приносил один вариант, затем второй, но все они оказались

неприемлемыми. И тот вариант, с которым он пришел при мне, тоже не был

приемлем, по мнению Кагановича и Серго. Его стали деликатно критиковать.

Демьян, огромный, тучный человек, начал объяснять, почему басня не

получается: "Не могу, ну, не могу. Старался я, сколько силился, но не могу,

у меня вроде как половое бессилие, когда я начинаю о них думать. Нет у меня

творческого подъема".

Я был поражен такой откровенностью. Демьян Бедный ушел. Я не помню

сейчас, как реагировали Каганович и Серго, но, кажется, плохо на такое

откровенное признание, что он чувствует бессилие и сравнил это бессилие с

половым. Это значит, что у него существовало какое-то сочувствие к тем, кто

находился на скамье подсудимых. Естественно, я тогда был не на стороне

Демьяна Бедного, потому что верил в безгрешность ЦК партии и Сталина.

Возвращусь к Фуреру. Вдруг мне сообщают, что он застрелился. Я был

удивлен. Как такой жизнерадостный, активный человек, молодой, здоровый,

задорный, и вдруг окончил жизнь самоубийством? Сразу же забрали из дома

отдыха его тело и документы, которые он должен был подготовить. Нашли очень

пространное письмо, адресованное Сталину и другим членам Политбюро. Его

самоубийству предшествовал арест Лившица²⁷. Лившиц был заместителем наркома

путей сообщения. Это был очень активный человек, чекист во время Гражданской

войны. Я его по той поре не знал, но, говорят, он слыл очень активным

работником. Когда-то он поддерживал Троцкого, но в годы, когда он

являлся заместителем наркома, стоял, как считалось, на партийных позициях.

Вопрос о троцкизме сошел со сцены и не являлся предметом диспута, это вообще

был пройденный этап в жизни Лившица, осужденный и сброшенный со счетов. Но

этот факт висел над Лившицем, а они были с Фурером большие друзья. Потом еще

кого-то арестовали, тоже из группы, близкой к Фуреру и Лившицу.

Письмо Фурера было посвящено, главным образом, реабилитации Лившица.

Видимо, этот документ сохранился в архиве. Автор очень расхваливал Лившица,

что это честный человек, твердо стоит на партийных позициях, он не троцкист.

Одним словом, в вежливой форме, не оскорбительной (потому что Сталину пишет)

он хотел подействовать на Сталина, чтобы тот изменил свою точку зрения и

прекратил массовые аресты. Фурер считал, что арестовывают честных людей.

Автор заканчивал тем, что решается на самоубийство, так как не может

примириться с арестами и казнями невинных людей. О Сталине он говорил там

тепло. Вообще в письме он давал всем членам Политбюро довольно-таки лестную

характеристику. Я привез это письмо Кагановичу. Каганович зачитал его при

мне вслух. Он плакал, просто рыдал, читая. Прочел и долго не мог

успокоиться. Как это так, Фурер застрелился? Видимо, он действительно очень

уважал Фурера. Тут же Каганович сказал мне: "Вы напишите маленькое письмо

Сталину и разошлите его всем членам Политбюро". Я так и сделал. Несмотря на

то, что при самоубийствах партийные организации
отстранялись от похорон,

Фурера хоронили именно мы, партийная организация, то
есть Московский

комитет.

Прошло какое-то время, приближалась осень. Сталин
возвратился из

отпуска в Москву. Меня вызвали к нему. Я пришел,
совершенно ни о чем не

подозревая. Сталин сказал: "Фурер застрелился, этот негодный
человек". Я был

поражен и огорошен, потому что считал, что Каганович в
какой-то степени

отражал оценку Сталина. Каганович буквально ревел навзрыд
при чтении письма,

и вдруг --такой оборот. "Он взял на себя смелость давать
характеристики

членам Политбюро, написал всякие лестные слова в адрес
членов Политбюро. Это

ведь он маскировался. Он троцкист и единомышленник
Лившица. Я вас вызвал,

чтобы сказать об этом. Он нечестный человек, и жалеть о нем
не следует". Я

очень переживал потом, что оказался глупцом, поверил ему и
считал, что это

искреннее письмо, что человек исповедался перед смертью. Он
не сказал ничего

плохого о партии, о ее руководстве,

а написал только, что Лившиц и другие, кого он знал, --

честные люди.

Он своей смертью хотел приковать внимание партии к фактам гибели честных и

преданных людей. Для меня это было большим ударом. Каганович же позднее не

возвращался при разговорах к Фуреру. Фурер был стерт из памяти. Каганович,

видимо, просто боялся, что я мог как-то проговориться Сталину, как он

плакал. Собственно говоря, он-то мне и подсказал разослать тот документ

членам Политбюро и Сталину.

Теперь скажу несколько слов об открытых процессах над Рыковым,

Бухариным, Ягодой, Зиновьевым, Каменевым²⁸. Они сохранились в моей памяти

крайне нетвердо. Я на этих заседаниях бывал всего раз или два. Один из

процессов проходил в небольшом зале Дома союзов. Обвинителем был прокурор

Вышинский²⁹. Не знаю, кто конкретно были защитниками, но они имелись. Там

находились и представители братских партий и даже, кажется, представители

прессы буржуазных стран, но не утверждаю. Да это для моих воспоминаний и не

столь важно, потому что все это было описано и в нашей печати, и в

зарубежной. Я слушал допросы обвиняемых, был поражен и

возмущен, что такие

крупные люди, вожди, члены Политбюро, большевики с дореволюционным стажем,

оказались связаны с иностранными разведками и позволяли себе действовать во

вред нашему государству. Я хочу рассказать, как сам я воспринимал признания

обвиняемых в то время. Когда Ягоду обвиняли в том, что он предпринимал шаги,

чтобы Максима Горького поскорее привести к смерти, доводы были такие:

Горький любил сидеть у костра, приезжал к Ягоде, и тот приезжал к Горькому,

поскольку они дружили. Ягода разводил большие костры с целью простудить

Горького, тем самым вызвать заболевание и укоротить его жизнь. Это было

немного непонятно для меня. Я тоже люблю костры и вообще не знаю таких, кто

их не любит. Здоровый человек просто сам регулирует костер. Горького ведь

нельзя привязать к костру и поджаривать. Говорилось, что добились смерти

Максима Пешкова, сына Горького, а потом и Горький умер, а Ягода играл здесь

какую-то роль.

Мне по существу дела трудно было что-либо сказать. Я лишь жалел о

смерти Горького и воспринимал приводимый довод несколько

критически. Ягода

**же соглашался, что он преследовал такую цель, разжигая
сильные костры.**

**Помню, как прокурор задал Ягоде вопрос: "В каких отношениях
были Вы с женою**

**сына Горького?". Ягода спокойно ответил: "Я попросил бы
таких вопросов не**

задавать и не хотел бы трепать имя этой женщины".

**Прокурор не настаивал на ответе, после чего с этим
вопросом было**

покончено.

**Ясно, чем завершились все эти процессы, -- страшными
приговорами. Все**

**эти люди были казнены, были уничтожены как враги народа.
Так они и остались**

**дольше врагами народа. Остались потому, что уже после XX
съезда партии мы**

**реабилитировали почти всех невинных, но тех, кто проходил
по открытым**

**процессам, мы не реабилитировали, но не потому, что
существовали**

**доказательства вины. Тут имелись соображения другого
характера. Мы**

**спрашивали тогда прокурора: "Были ли реальные
доказательства их вины для**

**суда?". Никаких доказательств нет! А судя по тем
материалам, которые**

**фигурировали в деле этих людей, собственно говоря, они не
заслуживали не**

только обвинения, но даже ареста. Прокурор Руденко так и докладывал членам

Президиума ЦК партии в 50-е годы.

Почему же их тогда не реабилитировали? Лишь потому, что после XX съезда

партии, когда мы реабилитировали многих несправедливо арестованных, на это

бурно реагировали люди и внутри нашей страны, и за границей. Руководители

братских компартий были обеспокоены, потому что это событие потрясло их

партии. Особенно бурно проходили эти процессы в Итальянской и Французской

компартиях. На тех судебных процессах, по-моему, присутствовали Морис Торез,

Пальмиро Тольятти³⁰ и другие руководители компартий. Они сами слышали, сами

видели, сами, как говорится, "щупали" и были абсолютно уверены в

основательности обвинений. Обвиняемые признали себя виновными. Дело было

доказано, и они возвратились к себе домой убежденными, хотя тогда на Западе,

да и в Советском Союзе эти процессы очень бурно обсуждались. Наши враги

использовали их в агитации против компартий, против нашей идеологии, против

нашей советской системы. Компартии защищались, доказывали нашу правоту,

основательность этих процессов, писали, что все обосновано, все доказано

фактами и признаниями самих подсудимых.

К нам обратились Тольятти (Итальянская компартия) и Торез (Французская

компартия) с заявлением, что если будут реабилитированы и обвиняемые на тех

процессах, которые проводились открыто, то создадутся невероятные условия

для братских компартий, особенно для тех, представители которых

присутствовали в зале заседаний. Как очевидцы они потом докладывали своим

партиям и доказывали, что процессы были проведены на основе твердых

доказательств и юридически обоснованы. Мы договорились, что сейчас не будем

их реабилитировать, но подготовим все

необходимое для этого. Пусть даст заключение прокурор, и мы вынесем

закрытое решение, что эти люди тоже являлись жертвами произвола. Мы не

опубликовали свое решение по тем соображениям, которые я уже излагал, взяли,

как говорится, грех на душу в интересах нашей партии, нашей идеологии,

нашего общего рабочего дела. Ведь тех не вернешь к жизни! Мы не хотели

фактом признания несостоятельности этих процессов

вооружить своих врагов

против братских компартий, против таких их руководителей, как Морис Торез,

Пальмиро Тольятти, и других, которые душой и телом преданы рабочему делу,

настоящие марксисты-ленинцы.

Троцким и вопросом о его гибели мы не занимались. Мы не поднимали

занавеса и даже не хотели этого. Мы вели с Троцким идеологическую борьбу,

осудили его, были и остались противниками его идеологии, его концепции. Он

нанес немалый вред революционному движению, а тем более и погиб не на

территории СССР, погиб без суда и следствия.

В 1940 г. наш агент подследил и убил его, кажется, в Мексике. За это

агента наградили орденом. Поэтому мы данной стороны дела не касались.

Я говорю здесь только о зиновьевцах, бухаринцах, рыковцах, о Ломинадзе

и других. Ломинадзе кончил жизнь самоубийством. Огромное количество людей с

дореволюционным партстажем тогда погибло, почти все партийное руководство.

Мне могут сказать: "Что ты, мол, говоришь, что взяли грех на душу и не

опубликовали того факта, что открытые процессы тоже были несостоятельными,

потому что в материалах не было доказательств? А как вообще обстояло дело с

ними?". Считаю, что борьба с ними была правильной, потому что имелись

идеологические расхождения, существовали разные точки зрения насчет практики

строительства социализма, расхождения с Зиновьевцами и с правыми. Полагаю,

что мы, то есть ЦК партии и Сталин, который был нашим вождем, вели борьбу

правильно и что проводилась она партийными методами, путем дискуссий, путем

обсуждения вопроса, голосованием в партийных организациях. Тут мы

пользовались именно партийными, ленинскими методами. Может быть, и с той, и

с другой стороны были допущены какие-то неточности и перегибы, это я

допускаю. Но в основном борьба велась правильно и на демократической основе.

А вот судить их не было нужды, да и не за что. Тут был прямой произвол,

злоупотребление властью. Все это подтверждало предположение Ленина, что

Сталин способен злоупотребить властью и поэтому нельзя держать его на посту

генерального секретаря. Это доказало правоту Ленина, верность предвидения

Ленина.

С другой стороны, если бы мы опубликовали правдивые материалы об

открытых процессах, то это уже оказалось бы, пожалуй, абстрактной истиной:

конечно, раз это случилось, то надо сказать правду безотносительно к тому,

какой след оставит сказанное и какой вред будет нанесен коммунистическому

движению. Ведь сделанного уже не воротить. Если же говорить, кому это было

бы выгодно, то только нашим врагам, врагам социализма, врагам рабочего

класса. А мы этого не хотели, потому и не поступили так. Основные же вопросы

мы не побоялись поставить на XX съезде партии, опубликовали главное решение

и сказали своему народу, своей партии и братским компартиям все, что нужно

было сказать, чтобы восстановить честь и реабилитировать невинно загубленных

по вине Сталина.

Да, мы не хотели, не думая о последствиях, сделать это в такой форме,

когда материалы могли бы быть обращены против революционного движения,

против нашей советской системы, против нашей партии, против рабочего

движения. Считаю, что мы правильно рассуждали. Мы полагали, что пройдет

какое-то время, когда все жившие отойдут, как говорится, в мир иной, и вот

тогда такие документы могут быть опубликованы и должны быть реабилитированы

все эти люди, потому что это были честные люди, преданные и очень ценные для

СССР, но просто имевшие какие-то другие взгляды. О многих из них Ленин

отзывался очень лестно, хотя порой и критиковал их. Чтобы доказать правоту

расправы над ними, кое-кем делается сейчас акцент на критике, которая была

со стороны Ленина в адрес того или другого деятеля, и совершенно

замалчиваются их добрые дела и лестные отзывы Ленина о них. Если взять,

например, Бухарина -- это был действительно любимец партии. Мое поколение

воспитывалось на "Азбуке коммунизма"³¹, написанной Бухариным по поручению

Центрального Комитета партии. Это был почти официальный документ, по

которому рабочие в кружках обучались реальной азбуке коммунизма. Книга так и

называлась. Я уж не говорю, что в течение скольких-то лет Бухарин являлся

редактором "Правды". Это был действительно редактор, это был идеолог. Его

выступления: и устные доклады, и лекции, и выступления в печати против

троцкистов и других врагов партии внесли очень большую лепту в нашу

внутрипартийную победу. А потом из него вдруг стали делать какого-то шпиона,

доказывать, что он продавал территорию СССР. Сейчас это выглядит

просто сказкой для малолетних, а в принципе -- несостоятельная клевета.

Из этого-то я и исходил, когда мы договаривались в Президиуме ЦК партии

о способе разбора упомянутых дел. Я, конечно, жалею, что мне не удалось

завершить до конца разбор этих дел и сбор всех необходимых материалов. Мне

докладывали о них, но в годы моего участия в руководстве страной мне не

удалось завершить это. Ну, что ж, то, чего не сделал один, сделают потом

другие. А если не другие, то третьи, потому что правое дело никогда не

пропадает. Я считаю, что свой долг члена партии честно выполнил и в этом

вопросе, насколько мог, сделал все, чтобы реабилитировать тех, кто невинно

сложили головы, а на деле были безупречными членами партии и сами сделали

для страны очень многое и во времена подпольной деятельности, и во время

Гражданской войны, в самое тяжелое время после победы Великого Октября, и

при строительстве социализма, восстановлении народного хозяйства,

строительстве нашего пролетарского государства.

Хочу продолжить теперь рассказ о других фактах, чтобы показать механику

подхода и мышление Сталина эпохи неудержимого реакционного разгула, культа

его личности. Я хотел бы (это тоже очень доказательный случай) напомнить

здесь о товарище Задонченко³² (сейчас он больной человек). Я знал его по

Бауманскому району столицы. Когда я в 1931 г. был избран секретарем этого

районного партийного комитета, он заведовал, по-моему, отделом культуры в

райсовете. Вроде бы существовала тогда такая организация, сейчас нетвердо

помню. Одним словом, я его знал, причем знал с хорошей стороны. Когда мы

разукрупнили районы, то сделали их больше по численности, чем прежде, и он

стал секретарем одного из райкомов партии в Москве, потом работал

председателем Совета Народных Комиссаров Российской Федерации, и работал там

опять же хорошо. Туда он был выдвинут, когда меня уже не было в Москве.

Когда было решено взять Коротченко из Днепропетровска и выдвинуть его

председателем Совета Народных Комиссаров Украины, встал вопрос, кого же

послать в Днепропетровск? Сталин считал, что туда нужен верный человек и

крупный работник, потому что Днепропетровску всегда принадлежало высокое

политическое и экономическое положение в стране. Кроме того, секретарем

обкома партии там долгое время был Хатаевич, хороший организатор и умный

человек. Мы тогда предложили: "Хорош был бы туда председатель Совнаркома

Российской Федерации товарищ Задонченко". Сталин знал Задонченко и

согласился: "А что? Он станет неплохим секретарем обкома, давайте его

возьмем". Послали его в Днепропетровск. Я считал, что он на своем месте,

думал, что он доволен таким выдвижением по линии партийной работы. Но я

ошибся: он переживал это событие, видимо, уже привык к более спокойной

жизни. Не знаю, чем конкретно он занимался в Совнаркоме РСФСР. Наверное,

легче перечислить, чем не занимался. Фактически всеми делами РСФСР занимался

Совнарком СССР, а Задонченко лишь повторял его решения, тут его права

незаслуженно обкорнали. Но это уже другой вопрос.

Тем не менее Задюнченко работало в Днепронетровске хорошо, справлялся с

делом. Он умный человек, хороший организатор, непоседа, не кабинетный по

складу человек. Однажды произошел непредвиденный случай. В Одессе проходила

партийная конференция ЦК КП(б)У. В Одессу поехал Коротченко. Закончилась

конференция, возвращается он и рассказывает, что к нему во время перерыва

подшел какой-то товарищ, делегат конференции, и спрашивает: "Как поживает

мой дядя?". Я его спрашиваю: "Какой дядя?" "Задюнченко", -- говорит.

Посмотрел я на него, вроде бы внешне похож на еврея. Задюнченко же

украинец. Какое же может быть кровное родство? "Задюнченко -- это мой дядя,

передайте ему привет". Фамилия того человека была Зайончик, кажется.

Коротченко, вернувшись в Киев, рассказал мне об этом случае. В то время

происходило бурное разыскивание всяческих родословных, чтобы не быть

обманутыми, чтобы не затесались в наши ряды какие-то враги. Я и сказал:

"Лучше всего спросить самого Задюнченко" -- и попросил о том Бурмистенко³³

(он старый знакомый Задюнченко). Поговорите ним и скажет, что мы просим его

откровенно обо всем рассказать. Это будет самое лучшее для него.

Бурмистенко его вызвал и провел с ним беседу.
Бурмистенко был очень

хороший товарищ, умел проявить деликатность в таких случаях. Затем пришел ко

мне и говорит: "Настаивает, что он именно Задионченко".
Тогда мы посчитали

своим долгом выяснить, чтобы не оказаться в дураках. Мы
вовсе не считали,

что это какая-то клевета. Ведь Зайончик гордился своим дядей и
передавал ему

привет. Не имелось подозрений, что тут какой-то подвох для
Задионченко,

который, дескать, скрывает свою национальность и тот факт,
что когда-то он

взял другую фамилию, чтобы спрятаться за ней. К этому
вопросу подключили

Наркомат внутренних дел. Впрочем, думаю, что тот раньше нас
сам подключился,

потому что тогда партийные работники больше зависели от

органов НКВД, чем они от нас. Собственно говоря, не мы
ими руководили,

а они навязывали нам свою волю, хотя внешне соблюдалась
вся субординация.

Фактически своими материалами, документами и действиями
они направляли нас

туда и так, как хотели. Мы же, согласно сложившейся практике,
обязаны были

во всем доверять их документам, которые представлялись в партийные органы.

У НКВД это дело не потребовало больших усилий. Вскоре мы уже знали, что

Задюонченко родился в местечке Ржищев Киевской губернии, около Канева. Отец

его -- кустарь-жестянщик, мать работала табачницей в Кременчуге,

зарабатывала немного и была женщиной нестрогого поведения. Отец умер, потом

мать заболела туберкулезом и тоже умерла. Задюонченко (тогда еще Задюончик)

остался сиротой, его приютил какой-то ремесленник. Он воспитывался улицей,

кормился у добрых людей. Так он рос. Тут грянули революция. Гражданская

война. Дальше уже сам Задюонченко рассказывал, что мимо проходил какой-то

кавалерийский отряд, и он увязался вслед. Красноармейцы одели его, обули,

накормили и дали ему фамилию уже не Задюончик, а Задюонченко. Так ли это

было, не знаю, не в этом суть. Одним словом, мы обо всем этом узнали.

Я несколько забежал вперед и расскажу про то, что мы узнали от самого

Задюонченко. Вызвал я его и говорю: "Товарищ Задюонченко! Товарищ

Бурмистенко с вами беседовал, вы все отрицали, а теперь мы все узнали. Зачем

вы сами себе вредите? Знаем, что вы родились в городе Ржищеве (он стал уже

городом), знаем про вашего отца и вашу мать, кто они и как кончили. Главное

же, нет никакой нужды скрывать, что вы Зайончик, что ваш отец --

ремесленник, а мать -- рабочая". Он заплакал, начал просто рыдать: "Да, я не

имел мужества рассказать сразу. Все это правда. А теперь не знаю, что со

мной будет. Я раскаиваюсь, что скрыл это, но никакого злого умысла не имел.

Скрыл же потому, что уже много лет живу как Задионченко и привык к этой

фамилии, оторвался от фамилии Зайончик. Теперь я Задионченко, и даже моя

жена не знает, что я еврей. Это удар для моей семьи, и я не знаю, как сейчас

быть и что произойдет".

Я его успокоил: "Давно бы сказали, и ничего бы не случилось, а сейчас,

конечно, дело сложнее потому, что подключился НКВД, и мы получили оттуда

документы. Ступайте, возвращайтесь в Днепропетровск, работайте, никому

ничего не говорите об этом, даже своей жене, ведите себя, как прежде, а я

доложу в ЦК партии". Он был опытным человеком, кажется, уже тогда являлся

членом ЦК партии и понимал ситуацию. Я сразу же позвонил Маленкову:

этот вопрос кадровый и прежде всего касался Маленкова. Рассказал ему.

Маленков очень хорошо знал Задионченко и с уважением относился к нему. "Это,

-- говорит, -- надо будет рассказать Сталину. Когда появишься в Москве, сам

это и сделай". Отвечаю: "Ладно".

Приехал в Москву. Маленков ничего не рассказал Сталину, но не удержался

и сообщил Ежову (а может быть, Ежов узнал через Успенского, наркома

внутренних дел Украины?). Одним словом, когда я приехал, Маленков меня

предупредил: "Имей в виду, что Задионченко по-твоему--еврей, а Ежов говорит,

что Задионченко -- поляк". Тогда как раз было время "охоты" на поляков, в

каждом человеке польской национальности усматривали агента Пилсудского или

провокатора. Отвечаю: "Ну как же можно так говорить? Я точно знаю, что он

еврей. Мы знаем даже синагогу, где совершался еврейский обряд при рождении

мальчика". Я побывал у Сталина, рассказал ему. Он воспринял все довольно

спокойно. Меня это ободрило. "Дурак, -- сказал он по-отечески, -- надо было

самому сообщить, ничего бы не случилось. Вы не сомневаетесь в его

честности?" Отвечаю: "Конечно, не сомневаюсь, это абсолютно честный человек,

преданный партии. Теперь из него "делают" поляка".
"Пошлите их к черту, --

говорит, -- по рукам им надо дать, защищайте его". Отвечаю:
"Буду защищать с

Вашей поддержкой"... Из-за такой невинной смены фамилии
чуть не произошла

беда с преданным партийцем. Не знаю, зачем он менял
фамилию? Может быть,

красноармейцы подшучивали над ним, как над еврейским
мальчиком, а он хотел

избавиться от этих неприятных шуток?

Иной раз действительно допускались неприятные шутки в
отношении евреев

как среди русских, так и среди украинцев. Среди украинцев
чаще случалось, но

не потому, что украинцы -- большие антисемиты, а потому,
что рядом с

украинцами жило евреев больше. Евреи чаще других
занимались мелкой торговлей

или ремеслом. Они чаще соприкасались с украинским
трудовым людом,

встречались на почве взаимного расчета, работали же рядом
редко. В моей

деревне еврея видели только тогда, когда тот ездил за пухом и
перьями,

выменивая их на конфеты, колечки, какие-то блестящие серьги. Одним словом,

Задонченко сменил фамилию без всякой задней мысли, а тут уже сделали из

него поляка. Ведь как с еврея с него ничего не возьмешь: известно, кто его

отец и кто мать. Из него надо было "сделать" не еврея, а поляка; поляк - это

иностранный агент, засланный Пилсудским. И уже протянулись руки за душой

Задонченко. Я так пространно об этом рассказываю, чтобы люди поняли то

время, в котором мы жили, и поняли наше положение, живших в то время, ту

обстановку, которая сложилась. И вот в такой обстановке мы жили и трудились.

Мы не только боролись с "врагами народа", но боролись и за выполнение

планов, а планы выполнялись все (за исключением одного года из всех

двоенных пятилеток). То был самый тяжелый, самый черный год для нашей

партии, наших кадров, и именно в этот год план не был выполнен: 1937 год.

Посылая меня на Украину, Сталин предупредил: "Знаю вашу слабость к

городскому хозяйству и промышленности. Хотел бы предупредить вас, особенно

не увлекайтесь Донбассом, поскольку вы сами из Донбасса, а больше внимания

обратите на сельское хозяйство, потому что для Советского Союза сельское

хозяйство Украины имеет очень большое значение. Село у нас организовано

плохо, а в промышленности кадры организованы лучше, и там, видимо, для вас

не возникнет особых затруднений". Такой линии я и придерживался, хотя мне

это было нелегко, потому что я чувствовал тягу к промышленности, а особенно

к углю, машиностроению и металлургии. Но раз Сталин сказал про сельское

хозяйство, то я стал больше заниматься сельским хозяйством, деревней, ездить

по Украине, искать передовых людей, слушать их и учиться у них.

Мы выдвинули новые кадры, заполнили обкомы, облисполкомы и

республиканские органы. В колхозах эти вопросы решались легче, хотя и

колхозные кадры сильно поредели.

Прибыли мы с Бурмистенко на Украину в январе или феврале; пора

готовиться к весеннему севу. На юге иной раз случаются такие ранние весны,

когда полевые работы начинаются в феврале, а уж в марте -- обязательно.

Стали мы готовиться к посевной кампании и вдруг столкнулись с таким

явлением: в западных областях (Каменец-Подольский, Винница, Проскуров,

Шепетовка), граничащих с Польшей, налицо массовая гибель лошадей. Я

послушал, что говорят в Наркомате земледелия, выехал на место, послушал

тамошних жителей, долго разбирался, но ничего толком нельзя было понять.

Лошади заболели, быстро хирели и дохли. По какой причине, нельзя было

определить. Определить невозможно было потому, что когда комиссии с

привлечением ученых, которые могли что-то сделать, разворачивали работу, их

сразу арестовывали и уничтожали как вредителей, как виновников гибели

лошадей.

Вспоминаю про такой случай в Винницкой области. Приехал

я в какой-то колхоз, где погибло очень много лошадей, и стал спрашивать

конюха, который, как мне сказали, сам видел, как "враги" травили лошадей. Он

мне и говорит: "Я видел, как вот этот сыпал какое-то зелье, какие-то яды.

Поймали его. Кем же он оказался? Ветеринарным врачом". Объясняли все это

так. Эти области граничат с Польшей, и немцы через Польшу, да и сами поляки

делают все, чтобы подорвать наше колхозное хозяйство и

лишить нас рабочего

скота.

Действительно, немцы вовсю готовились к войне. В какой-то степени было

логично лишить нас лошадей -- ударить по экономике, по сельскому хозяйству и

по военным возможностям, потому что лошадь в те времена -- то же, что сейчас

танки и авиация. Это был подвижной род войск. Мы еще жили событиями

Гражданской войны и лошадям отводили большую роль в будущей войне. Тут и

кавалерия, тут и обоз, без которого армия воевать не может. Поэтому

объяснение гибели лошадей актом вредительства со стороны внешних врагов,

которые сомкнулись с внутренним врагом, находило понимание в людях. Но я не

мог до конца согласиться с таким объяснением. Почему же коровы и овцы не

дохнут, адохнут только лошади? Мне хотелось послушать ученых, ветеринарных

врачей, зоотехников, но их ряды, особенно тех, кто занимался лошадьми,

сильно поредели.

Спросил я наркома внутренних дел Успенского: "Есть ли у вас

заклученные, которые обвиняются в травле лошадей?" -- "Да, есть" -- "Кто они

такие?" Он назвал фамилии профессора Харьковского ветеринарного института и

директора Харьковского зоотехнического института. Второй -- украинец, первый

-- еврей. Я предупредил: "Я к вам приеду. Вы их вызовете к себе в кабинет.

Не хочу в тюрьму к ним ехать, побеседую с ними у вас". "Они, -- отвечают, --

сознались, могут вам про все рассказать". А перед этим я наркому сказал:

"Если профессор травил лошадей, то пусть он нам скажет, каким ядом травил, и

напишет химическую формулу яда". Я хотел потом на этой формуле составить яд

и поставить контрольный опыт. Профессор дал такую формулу, и я приказал

приготовить снадобье. Приготовили, положили лошадям в корм, они съели, но не

пали и даже не заболели. Вот тогда-то у меня и зародилось желание лично

поговорить с тем профессором.

Условились, и я приехал. Вызвали арестованных (по одному, конечно),

первым -- профессора, человека лет 50-ти, седого. Спрашиваю: "Что вы можете

сказать по этому поводу?" Он: "Я уже дал два показания и могу только

подтвердить, что действительно мы

немецкие агенты, имели задание травить лошадей и делали

это". "Как же

так? Вы говорите, что травили лошадей, я попросил, и вы дали химическую

формулу яда. Мы составили яд по этой формуле и дали животным, но они не

погибли и даже не заболели". "Да, -- говорит, -- это возможно, потому что к

яду, который мы сами составляли, мы еще получали готовую добавку. Из каких

компонентов она состояла и какова формула добавки, мы не знаем. Мы получали

ее прямо из Германии". И человек это сам говорил! Знает, что я секретарь ЦК

КП(б)У, видит, что я интересуюсь и даже как бы подсказываю, что его

признания, с моей точки зрения, несостоятельны, потому что животные не

погибают, а он не только не воспользовался этим, но все сделал для того,

чтобы подтвердить показания и доказать правоту своих мучителей-чекистов,

которые вынудили его дать ложные показания.

Я был просто поражен: сколько же развелось врагов! Но немыслимое дело:

немцы --такие антисемиты, и вдруг еврей работает на антисемитов. Все это

объяснялось классовой борьбой. Я закончил допрос. Следующим пригласили

директора. Он тоже подтверждал, хотя и не так твердо, но

подтверждал. Я

понимал, что сознаваться в таких вещах -- не шутка, и объяснял это тем, что

они стараются найти возможность как-то облегчить свою судьбу раскаянием,

чистосердечным признанием... Уехал я в Центральный Комитет, но меня не

оставляла мысль, что что-то здесь все-таки неладно. Решил обратиться к

Богомольцу³³.

Я с большим уважением относился к президенту АН УССР, покойному ныне,

Богомольцу. Очень интересная личность и крупный ученый. Как-то он мне

рассказывал любопытный случай. Заполняя анкету, отвечал на вопросы: "Где

родился?". Написал: "В Лукьяновской тюрьме". Потом рассказывал: "Моя мать и

отец -- народники, как раз были тогда арестованы и сидели в Лукьяновской

тюрьме. Мать была беременной, я там и родился". Человек он был умный и очень

хороший; беспартийный, но это только формальность, а вообще человек он был

советский, прогрессивных взглядов. Вот его я и попросил: "Товарищ Богомолец,

вы знаете, что гибнут лошади? Надо что-то предпринимать. Считаю, что нужно

создать комиссию из ученых, чтобы они взялись за это дело и

определили, в

**чем причина. Не может же быть, чтобы наука была
бессильна и не могла**

**определить причину гибели лошадей. Это же немыслимо в наш
век. Я хочу, чтобы**

**вы возглавили эту комиссию, потому что здесь во главе такой
комиссии должен**

**стоять доверенный человек, которому верили бы и на Украине,
и в Москве. Вы**

**как раз такой человек. Вам надо взять специалистов --
зоологов и**

**ветеринаров, которые могли бы работать на местах, выезжая
в области, в**

колхозы, а вы должны председательствовать".

**Я знал, что несколько комиссий уже было создано, но эти
комиссии**

**арестовывались, и люди гибли. Теперь все боялись входить в
комиссии, потому**

**что это предрешало судьбу людей. Богомолец согласился, но без
энтузиазма. Я**

**сказал ему: "Так как арестовывали комиссии, то люди боятся
их, но если вы,**

**президент Академии наук, будете председателем, специалисты
пойдут охотнее. Я**

**обещаю вам, что на все пленарные заседания буду приходить
и сам слушать**

**доклады ученых. Нарком внутренних дел Успенский тоже будет
приходить, чтобы**

отрезать возможность обвинить в чем-либо членов этой

комиссии". Он

согласился. Я предложил: "Давайте составим две комиссии, которые будут

работать параллельно. Если одной не удастся разобраться, то другая найдет".

Я преследовал цель выяснить, действительно ли действуют вредители?

Поэтому если вредители и попадут в одну комиссию, то в другой окажутся

честные люди. Кроме того, две комиссии, два вывода, два мнения. Нам,

руководителям, легче будет разобраться в сложном специальном вопросе. Во

главе одной комиссии поставили, кажется, профессора Добротько. Кто возглавил

вторую, сейчас не помню. Объединял всю работу Богомолец. Согласовывали

состав комиссии с Наркоматом земледелия СССР. Тогда, по моему, наркомом был

Бенедиктов³⁴. Его я хорошо знал. Когда я работал в Москве, Бенедиктов

являлся директором Московского овощного треста, а до того был директором

Серпуховского совхоза, находился на высоком счету как организатор и как

специалист-агроном. Я был одним из тех, кто способствовал его выдвижению на

пост наркома земледелия. Наркомат предложил создать еще и третью комиссию,

из московских ученых. Я ответил: "Пожалуйста, будем рады".
Третью комиссию

возглавил профессор Вертинский.

Все комиссии выехали в западные области Украины и
развернули работу.

Прошло некоторое время, и Добротько обратился к
Богомольцу с просьбой

вызвать их в Киев для доклада. Эта комиссия быстро
закончила свою

деятельность, потому что Добротько нащупал правильный
путь и определил

причину гибели лошадей. Он доложил, что вопрос сейчас
совершенно ясен:

лошадей никто не травит, а гибнут они в результате
бесхозяйственности. В

колхозах несвоевременно убирают солому из-под комбайнов,
она остается на

полях, попадает под осенние дожди, мокнет. Потом ее убирают
сырой, в соломе

от сырости развивается грибок, известный науке (насколько
помню, называется

он "стахиботрис"). Обычно в природе он рассеян и попадает в
желудок животных

в малой концентрации, так что они даже не болеют. При
благоприятных же

условиях -- сырость, тепло -- он размножается в больших
количествах и

начинает выделять смертельный яд. Лошадь, съев прелую
солому, получает

большое количество грибка и гибнет. На жвачных животных -- коров и волов

грибок не действует. Закончил Добротько так: "Когда я пришел к такому

выводу, то заразил себя этим грибком. У меня началась болезнь, похожая на

лошадиную. Для меня вопрос теперь совершенно ясен".

Профессор Вертинский не подтверждал этого и считал, что изучение не

закончено, что надо продолжить работу. Вертинский -- московский профессор,

Добротько -- украинец. Это имело некоторое значение. Чтобы не сталкивать их,

я предложил продолжить работу: "Разъезжайтесь опять, и когда сочтете, что

вопрос уже окончательно выяснен, скажете. Мы вас тогда опять вызовем и

послушаем". Разъехались. Прошло немного времени, и Вертинский сообщил, что

он согласен с выводами профессора Добротько, что можно на этом закончить

работу на местах и собраться на пленарное заседание. Собрались в Киеве,

доложили. Вертинский полностью согласился с выводами Добротько. Добротько

торжествовал. Он расшифровал причины гибели лошадей. Способ борьбы оказался

очень простым -- надо вовремя убирать солому, чтобы она не самосогревалась в

**сыром виде и исчезло главное условие для разрастания грибка.
Мы проверили,**

**все подтвердилось. Затем составили строгую инструкцию, как
убирать солому,**

**хранить ее и как скармливать скоту. Гибель животных
прекратилась.**

**Сталину было известно, что на Украине идет травля лошадей,
и республика**

**может остаться без рабочего скота. Поэтому, когда я приехал в
Москву и**

**доложил о результатах работы комиссий, он был очень
доволен. Я предложил**

**наградить людей. Профессора Добротько наградили орденом
Трудового Красного**

**Знамени. Он заслуживал и ордена Ленина, но в те времена орден
Ленина давали**

**очень скупо. Другим дали орден "Знак Почета" и медали. Я
предложил и**

**Вертинского (хотя он играл только роль катализатора: сам-
то ничего не**

**сделал, а лишь подтвердил выводы Добротько) тоже наградить
орденом "Знак**

**Почета". Ведь тогда еще имело значение, кто разобрался:
Москва или Киев,**

**украинцы или русские. И я считал, что москвичей обижать не
надо.**

**Это была не только хозяйственная победа -- сохранение
животных, но и**

**политическая, моральная победа. Сколько председателей
колхозов,**

**животноводов, агрономов, зоотехников, ученых сложили
головы как**

**"польско-немецкие агенты", сколько их погибло! Я
вспоминал потом о**

**харьковском профессоре, о директоре института, которые
тоже были**

**расстреляны, и думал: "Как же так? Как же это могло быть?
Люди, теперь всем**

**ясно, не виноваты, а сознались?" Видимо, я тогда нашел
этому какое-то**

**объяснение, не помню, какое. Я не мог тогда и предположить,
что это был**

**враждебный акт со стороны органов НКВД, я и мысли такой
не допускал.**

**Небрежность? Да, небрежность могла быть. Органы эти
считались безупречными,**

**назывались революционным мечом, направленным против
врагов.**

**Правда, когда Успенский был арестован, кое-что
приоткрылось, но все это**

**мы опять увязывали лишь с отдельными персонами и их
злоупотреблением**

**властью. Дело Успенского началось так. Однажды мне звонит по
телефону Сталин**

**и говорит, что имеются данные, согласно которым надо
арестовать Успенского.**

**Слышно было плохо, мне послышалось не Успенского, а
Усенко35. Усенко был**

**первым секретарем ЦК ЛКСМУ, на него имелись показания, и
над ним уже висел**

дамоклов меч ареста. "Вы можете, --спросил Сталин, -- арестовать его?"

Отвечаю: "Можем". -- "Но это вы сами должны сделать", -- и повторяет мне

фамилию. Тут я понял, что надо арестовать не Усенко, а наркома Успенского.

Вскоре Сталин звонит опять: "Мы вот посоветовались и решили, чтобы вы

Успенского не арестовывали. Мы вызовем его в Москву и арестуем здесь. Не

вмешивайтесь в эти дела".

Началась подготовка к посевной. Я еще раньше наметил поездку в

Днепропетровск. Поехал я к Задонченко, а перед отъездом сказал одному лишь

Коротченко, что Успенский оказался врагом народа и его хотят арестовать. "Я

уезжаю, а ты остаешься здесь, в Киеве. Время от времени находи какой-нибудь

вопрос, но сугубо деловой, чтобы тебя не заподозрили, и позванивай

Успенскому". Утром приехал в Днепропетровск, пошел в обком партии, и вдруг

-- звонок из Москвы, у телефона Берия. Берия в то время уже был заместителем

наркома Ежова. "Ну, ты, вот, в Днепропетровске, -- с упреком сказал он, -- а

Успенский сбежал". "Как сбежал?". "Сделай все, чтобы не ушел за границу!".

"Хорошо. Все, что можно сделать, сейчас сделаем. Закроем границу, предупрежу

погранвойска, чтобы они усилили охрану сухопутной и морской границ". В ту

ночь у нас стоял густой туман. Я сказал: "Ночь у нас была с густым туманом,

поэтому машиной сейчас доехать из Киева до границы совершенно невозможно. Он

туда не мог проехать". "Тебе, видимо, надо вернуться в Киев", -- посоветовал

Берия. Я возвратился в Киев, поднял всех на ноги. Водолазы сетями и крючьями

облазили весь Днепр и речной берег, потому что Успенский оставил записку с

намекami, что кончает жизнь самоубийством, бросается в Днепр. Нашли

утонувшую свинью, а Успенского не оказалось. У него остались жена и

сын-подросток, но они ничего не смогли нам сказать. Видимо, сами не знали,

куда подевался муж и отец. Мы продолжали искать бывшего наркома. Не помню,

сколько прошло времени -- месяц, два или три, и мне сказали, что поймали

Успенского в Воронеже. Оказывается, он прямо из Киева отправился поездом на

Урал, а с Урала приехал в Воронеж. Там он попытался где-то устроиться (или

даже устроился), но был арестован.

Когда после бегства Успенского я приехал в Москву, Сталин так объяснял

мне, почему сбежал нарком: "Я с вами говорил по телефону, а он подслушал.

Хотя мы говорили по ВЧ и нам даже объясняют, что подслушать ВЧ нельзя,

видимо, чекисты все же могут подслушивать, и он подслушал. Поэтому он и

сбежал". Это одна версия. Вторая такова. Ее тоже выдвигали Сталин и Берия.

Ежов по телефону вызвал Успенского в Москву и, видимо, намекнул ему, что тот

будет арестован. Тогда уже самого Ежова подозревали, что и он враг народа.

Невероятные вещи: враг народа -- Ежов! "Ежовые рукавицы"! "Ежевика", как

называл его Сталин. Из Ежова сделали народного героя, острый меч

революции...

И вдруг Ежов -- тоже враг народа? Но в то время он еще работал.

Тут же начались аресты чекистов. На Украине арестовали почти всех

чекистов, которые работали с Ежовым. Вот тогда мне кое-что и стало понятно в

деле с лошадьми. По этому вопросу какой-то следователь по особо важным делам

приезжал тогда из Москвы в Киев, вел следствие. Я видел этого человека,

когда я беседовал с профессорами: здоровый молодой человек лет 35-ти,

сильный, большого роста. Он присутствовал, когда я вел эту беседу. Я сидел в

конце стола сбоку. Успенский, как хозяин, уселся прямо в створе стола,

профессор -- напротив меня, а следователь -- позади меня. Я потом сделал

вывод, что, когда я беседовал, тот, наверное, кулаком жестикулировал

профессору и "подбадривал" его подтвердить свои показания. Так он и сделал.

Потом этого следователя тоже арестовали и расстреляли. Таким-то

образом, истязаниями и вымогательствами, вынудили честного человека

сознаться в преступлениях, которых не было. Я уже говорил, что и самого

преступления-то не было, потому что это был не акт со стороны наших врагов.

Враги, конечно, делали все, что возможно, против нас, но тут как раз

оказались ни при

чем. Это был результат нашей расхлябанности в колхозах, простого

невежества. Вот такая была обстановка. Сколько же тогда людей погибло!

Успенский заваливал меня бумагами, и что ни бумага, то там враги, враги,

враги. Он посылал мне копии, а оригиналы докладов писал сразу Ежову в

Москву. Ежов докладывал Сталину, а я осуществлял вроде бы партийный

контроль. Какой же тут контроль, когда партийные органы сами попали под

контроль тех, кого они должны контролировать? Было растоптано святое звание

коммуниста, его роль, его общественное положение. Над партией встала ЧК.

1 БУРМИСТЕНКО М.А. (1902-1941) -- из крестьян, член РКП(б) с 1919 г., в

20-е годы находился на комсомольской, военной и журналистской работе, с 1932

г. второй секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б), с 1936 г. в аппарате ЦК

ВКП(б), с 1938 г. второй секретарь ЦК КП(б)У, с 1939 г. член ЦК ВКП(б), с

1941 г. один из организаторов партизанского движения на Украине и член

Военного совета Юго-Западного фронта. Погиб на фронте.

2 СЕРДЮК З.Т. (1903-1982) -- в 1939-1941, 1943-1947 гг. второй

секретарь, в 1947-1949 гг. первый секретарь Киевского обкома КП(б)Украины, в

1941-1943 гг. на политработе в Красной Армии, в 1949-1951 гг. секретарь ЦК

КП(б)У, в 1952-1953 гг. первый секретарь Львовского обкома КП(б)У, в 1954--

1961 г. первый секретарь ЦК КП Молдавии, затем первый заместитель КПК при

ЦК КПСС.

3 ЕВТУШЕНКО Д.М.

4 ШЕВЧЕНКО И.И.

5 УСПЕНСКИЙ А.И. работал наркомом внутренних дел СССР в 1938-1939

годах.

6 РЫЛЬСКИЙ М.Ф. (1895-1964) -- поэт, переводчик и публицист, по

профессии учитель, член ВКП(б) с 1943 г., академик АН СССР с 1943 г. и АН

СССР с 1958 г., председатель Союза писателей СССР в 1943-1946 гг., директор

Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН СССР в 1944-1964 гг.,

активный общественный деятель.

7 ПАТОРЖИНСКИЙ И.С. (1896-1960) -- певец и педагог, член ВКП(б) с 1946

г., солировал с 1925 г. в Харькове и с 1935 г. в Киеве, с 1946 г. профессор

Киевской консерватории, народный артист СССР с 1944 года.

ЛИТВИНЕНКО-ВОЛЬГЕМУТ М.И. (1892-1966) -- певица и педагог, член ВКП(б)

с 1944., солировала с 1914 г. в Петрограде, Виннице, Харькове и с 1935 г. в

Киеве, с 1944 г.--профессор Киевской консерватории, народная артистка СССР с

1936 года.

8 Речь идет о ДАНЬКЕВИЧЕ К.Ф. (1905-1984) -- композиторе, пианисте,

дирижере и педагоге, члене ВКП(б) с 1946 г., профессоре Одесской

консерватории с 1948 г.. Киевской консерватории с 1953 г., народном артисте

СССР с 1954 года. Он возглавлял Союз композиторов Украины, о чем упоминает

Хрущев; в 1941-1944 и 1956-1967 годах.

9 ТЯГНИБЕДА Я.Ф. (1895-1942)--член РКП(б) с 1920 г., работал

заместителем председателя Совнаркома УССР с октября 1937 г., а в 1938 г. был

репрессирован.

10 ХАТАЕВИЧ М.М. (1893-1937) -- сын торговца, член РСДРП с 1913 г.,

участник обеих российских революций 1917 г., затем на партийной работе в

Белоруссии, Самаре и на Западном фронте, с 1921 г. -- секретарь Гомельского

и Одесского губкомов. Татарского обкома и Средне-Волжского крайкома партии,

секретарь ЦК КП(б)У, с 1933 г. первый секретарь Днепропетровского обкома, с

1937 г. второй секретарь ЦК КП(б)У, с 1930 г. член ЦК ВКП(б), член ВУЦИК и

ЦИК СССР, в 1932-1937 гг. член Политбюро ЦК КП(б)У. Репрессирован,

реабилитирован посмертно.

11 КОРНИЕЦ Л.Р. (1901-1969) -- из крестьян, член ВКП(б) с 1926 г., на

партийной и государственной работе с 1931 г., с 1938г. 2-й секретарь

Днепропетровского обкома КП(б)У, затем председатель Президиума Верховного

Совета УССР, в 1939-1944 гг. председатель и до 1953 г. первый заместитель

председателя Совнаркома (Совмина) УССР, затем министр заготовок, министр

хлебопродуктов и председатель им соответствующих Государственных комитетов

СССР, член ЦК ВКП(б) в 1939-1952 годах.

12 БРЕЖНЕВ Л.И. (в дальнейшем Генеральный секретарь ЦК КПСС и

Председатель Президиума Верховного Совета СССР) был до мая 1938 г.

заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета.

13 ПРАМНЭК Э.К. (Прамниекс, 1899-1938)--рабочий, член РСДРП с 1917 г.,

участник Гражданской войны, с 1924 г. на партработе в Нижнем Новгороде и

Вятке, с 1930 г. 2-й секретарь и с 1934 г. первый секретарь Горьковского

крайкома и обкома ВКП(б), с 1937 г. секретарь Донецкого обкома КП(б)У, член

ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован

посмертно.

14 ЩЕРБАКОВ А.С. (1901-1945) -- рабочий, член РКП(б) с 1918 г., на

комсомольской, затем партийной работе с 1918 г., с 1932 г. в аппарате ЦК

ВКП(б), с 1934 г. 1-й секретарь Союза писателей СССР, с 1936 г. секретарь

Ленинградского, Иркутского и Донецкого обкомов партии, в 1938-1945 гг. 1-й

секретарь МК и МГК ВКП(б), с 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б), с 1942 г.

начальник Главного политуправления РККА, начальник Совинформбюро,

зам.наркома обороны СССР, член ЦК ВКП(б) с 1939 года.

15 ШЕЙНИС Л.Р. (1906-1967)--член ВКП(б) с 1929 г., работник уголовного

розыска, затем сотрудник НКВД, писатель и драматург.

16 БАЖАН Н.П. (1903-1983) -- поэт, переводчик и общественный деятель,

сын военнослужащего, член ВКП(б) с 1940 г., во время Великой Отечественной

войны редактор газеты "За Радянську Укра...ну", с 1958 г. главный редактор

Украинской советской энциклопедии, секретарь Союза писателей СССР с 1967 г.,

академик АН УССР с 1951 г., в 1943-1948 гг. заместитель председателя

Совнаркома (Совмина) УССР.

17 ПАНЧ П.И. (Панченко, 1891-1978) -- сын чиновника,

писатель, член

ВКП(б) с 1940 г., в 1941-1945 гг. ответственный редактор радиостанции

"Советская Украина".

18 МАНУИЛЬСКИЙ Д.З. (1883-1959) -- из крестьян, член РСДРП с 1903 г.,

активный участник социал-демократического движения, с 1917 г. на

ответственных советских должностях, с 1918 г. наркомзем УССР, с 1922 г. в

Коминтерне, в 1928-1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна, с 1944 г.

заместитель председателя Совнаркома и нарком иностранных дел УССР, глава ее

делегаций на всех первых сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, член ЦК ВКП(б) в

1923-1952 гг., член ЦИК СССР, с 1953 г. на пенсии.

19 ПЕТРОВСКИЙ Л.Г. (1902-1941) -- генерал-лейтенант с 1941 г., член

РСДРП с 1916 г., участник Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в

Петрограде, красногвардеец, с 1918 г. в Красной Армии. Он погиб в начале

Великой Отечественной войны на Западном фронте. Репрессирован был (о чем

упоминает Хрущев) в 1938-1940 годах.

20 Сын КОЦЮБИНСКОГО М.М. (1864-1913), -- писателя и

революционно-демократического общественного деятеля,

Коцюбинский Ю.М.

(1896-1937) -- член РСДРП с 1913 г., входил в состав 1-го правительства

Советской Украины, в 1918 г. главнокомандующий ее войсками, затем на

государственной, дипломатической и хозяйственной работе, с 1934 г.

председатель Госплана и заместитель председателя Совнаркома УССР.

Репрессирован, реабилитирован посмертно.

21 КОСТЕНКОМ.В. был вторым секретарем Киевского обкома КП(б)У с декабря

1937 по июнь 1938 года.

22 ЧЕРЕПИН Т.К.

23 ФУРЕР В.Я.

24 ИЗОТОВ Н.А. (1902-1951) -- член ВКП(б) с 1936 г., забойщик

горловской шахты No 1 "Кочегарка", выступил в 1932 г. инициатором

"изотовского движения" -- массового обучения молодых рабочих ударному труду

кадровыми рабочими. Став затем участником "Стахановского движения",

продолжал ставить рекорды по добыче угля с сентября 1935 года. С 1937 г. на

руководящих постах в угольной промышленности, член ЦИК СССР.

25 СТАХАНОВ А.Г. (1906-1977) -- член ВКП(б) с 1936 г., забойщик

кадиевской шахты "Центральная-Ирмино", установил 1 августа 1935 г. рекорд

добычи угля, положивший начало "Стахановскому движению". С 1941 г. на

административной и инженерной работе в угольной промышленности.

26 БЕДНЫЙ Д. (Придворов Е.А., 1883-1945) -- поэт, баснописец и

песенник, член РСДРП с 1912 г., активно служивший пером большевистской

агитации.

27 ЛИВШИЦ Я.А. --член партии эсеров с 1913 г., РСДРП с 1917 г., с 1919

г. в органах ЧК и ГПУ. С 1924 г. на хозяйственной работе, был заместителем

управляющего харьковским трестом "Донуголь", начальником Южной,

Северо-Кавказской и Московско-Курской железных дорог, с 1935 г. заместитель

наркома путей сообщения СССР. Был арестован в 1936 г. и расстрелян в 1937

году. Реабилитирован посмертно.

28 А.И. Рыков и Н.И.Бухарин были приговорены к расстрелу 13 марта 1938

г, Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев -- 24 августа 1936 года. Г.Г.Ягода был

расстрелян 15 марта 1938 года.

29 ВЫШИНСКИЙ А.Я. (1883-1954) -- из дворян, член РСДРП (меньшевиков) с

1903 г., член РКП (большевиков) с 1920 г., юрист, после 1917 г. на

общественной, административной, преподавательской и судебной работе, в

1925-1928 гг. ректор 1-го Московского университета, затем член коллегии

Наркомпроса РСФСР, с 1931 г. в органах юстиции, с 1935 г. прокурор СССР, в

1939-1944 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР, в 1940-1949 гг.

заместитель министра и в 1949-1953 гг. министр иностранных дел, далее

постоянный представитель СССР в ООН; член ЦК ВКП(б) с 1939 г., автор работ

по юстиции.

30 ТОРЕЗ М. (1900-1964) -- член Французской компартии с 1920 г., член

ее ЦК с 1924 г. и член Политбюро с 1925 г., генеральный секретарь ФКП

в 1930-1964 гг., член Исполкома Коминтерна в 1928-1943 гг. и его

Президиума в 1935-1943 гг.

ТОЛЪЯТТИ П. (1893-1964) -- член Итальянской компартии с ее основания в

1921 г., член ее ЦК с 1922 г. и ее руководства с 1923 г., ее генеральный

секретарь в 1926-1964 гг., член Исполкома Коминтерна с 1924 г., его

Президиума с 1928 г., его Секретариата -- с 1935 г.

31 "Азбука коммунизма" -- популярная работа социологического характера

(М., 1920), широко использовалась в системе политического просвещения.

Соавторы -- Н.И.Бухарин и Е.А. Преображенский.

32 ЗАДИОНЧЕНКО С.Б. -- член РКП(б) с 1919 г., потом на партийной,

советской и хозяйственной работе. Член ЦК ВКП(б) с 1941 г.

33 БОГОМОЛЕЦ А.А. (1881-1946)-- патолофизиолог, с 1911 г. профессор

Саратовского университета, с 1925 г. профессор 2-го Московского

университета, в 1928-1931 гг. директор Института гематологии и переливания

крови, в 1930-1946 гг. президент АН УССР, академик АН УССР (с 1929 г.), БССР

(с 1939 г.) и СССР (с 1942 г.), заслуженный деятель науки РСФСР с 1935 г.,

член ЦИК УССР и СССР, автор крупных трудов по эндокринологии, физиологии и

геронтологии.

34 БЕНЕДИКТОВ И.А. (1902-1983) -- сын служащего, член ВКП(б) с 1930 г.,

аграрник, с 1931 г. директор треста овощеводческих совхозов Московской

области, с 1937 г. нарком совхозов РСФСР, 1-й заместитель наркома земледелия

СССР (1938, 1943-1946 гг.), нарком земледелия СССР (1938-1943, 1946-1947

гг.), министр сельского хозяйства СССР в 1947-1955 гг., далее министр

совхозов СССР, заместитель председателя Госэкономкомиссии СССР, министр

сельского хозяйства РСФСР, заместитель председателя Госплана РСФСР, посол в

Индии (1953, 1959-1967 гг.) и Югославии (1967-1970 гг.), член ЦК партии в

1939-1941, 1952-1971 годах.

35 УСЕНКО С.И.

УКРАИНА -- МОСКВА (ПЕРЕКРЕСТКИ 30-х ГОДОВ)

Теперь хочу рассказать о том, как Берия был выдвинут в Наркомат

внутренних дел СССР первым заместителем Ежова. Берия работал в то время

секретарем ЦК Компартии Грузии. Когда я работал в Москве, то у меня

сложились с Берией хорошие, дружеские отношения. Это был умный человек,

очень сообразительный. Он быстро на все реагировал, и этим мне нравился. На

пленумах ЦК партии мы сидели всегда рядом и перекидывались репликами по ходу

обсуждения вопросов или о тех или других ораторах, как это всегда бывает

между близкими товарищами. Я уже упоминал об этом раньше.

В 1934 году я отдыхал в Сочи. По истечении срока отдыха Берия пригласил

меня возвратиться в Москву через Тифлис¹. Тогда Тбилиси еще называли

Тифлисом. Я поехал пароходом в Батуми, а из Батуми -- железной дорогой в

Тифлис и пробыл там целый день. Потом купил билет в Тифлисе на Москву.

Поезда тогда ходили из Грузии в Россию только через Баку. Я сказал

проводнику, что займу свое купе на Северном Кавказе, в Беслане (так,

кажется, называлась станция). Поехал Военно-грузинской дорогой и в Беслане

встретил поезд.

В Тифлисе я познакомился с грузинскими товарищами. Грузия произвела на

меня хорошее впечатление. Я вспомнил былое, когда в 1921 году, во время

Гражданской войны был в Грузии вместе с воинскими частями. Наша часть стояла

тогда на станции Аджамети под Кутаисом, а в Кутаисе находился штаб. Иной раз

по долгу службы я ездил туда верхом, чаще всего от Аджамети до Кутаиса вброд

через Риони. У меня сохранились хорошие впечатления от той поры, и мне было

приятно вновь взглянуть на Грузию, вспомнить былое, 1921 год.

Сталин называл

меня в шутку "оккупантом", когда я рассказывал ему о своих впечатлениях

насчет того, как грузины, особенно грузинская интеллигенция, плохо

относились к Красной Армии. Мне приходилось иной раз выезжать в политотдел

11-й армии, штаб которой стоял в Тифлисе. Бывало, сидишь в вагоне вместе с

грузинами моего же возраста, еще молодыми, обратишься к ним на русском, а

они мне не отвечают, делают вид, что не понимают русского, хотя я видел, что

это бывшие офицеры царской армии и хорошо владеют русским. Простой

грузинский народ вел себя иначе. Крестьяне встречали нас всегда очень

гостеприимно, обязательно угощали. Если случались какие-либо семейные

торжества, устраивались обеды, по-грузински пышно. наших красноармейцев,

которые попадались им в такие часы, буквально затаскивали в дом, напаивали и

потом провожали в воинскую часть. Никогда не было ни одного случая насилия

над красноармейцами, хотя возможности имелись: вокруг заросли кукурузы,

кустарники, лес.

Когда я рассказывал об этом Сталину, он как бы

возражал: "Что вы

обижаетесь на грузин? Поймите же, вы оккупант, вы свергли грузинское

меньшевистское правительство". "Это, -- отвечаю, -- верно, я понимаю и не

обижаюсь, а просто говорю, какая была тогда обстановка".

Теперь, во второй раз, познакомился я с Берией и другими руководителями

Грузии. Кадры мне понравились, вообще люди очень понравились. Единственно то

лишнее, рассказывал я Сталину, что чересчур гостеприимны. Очень трудно

устоять, чтобы

тебя не споили, нехорошо это. "Да, это они умеют, -- отвечал Сталин, --

это они умеют, я их знаю". В те годы сам Сталин выпивал еще весьма умеренно,

и мне его умеренность нравилась.

Однажды, когда я был в Москве, приехав из Киева, Берию вызвали из

Тбилиси. Все собрались у Сталина, Ежов тоже был там. Сталин предложил: "Надо

бы подкрепить НКВД, помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя". Он и

раньше ставил этот вопрос, при мне спрашивал Ежова: "Кого вы хотите в

замы?". Тот отвечал: "Если нужно, то дайте мне Маленкова". Сталин умел

сделать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ, хотя у

него уже давно

каждый вопрос был обдуман. Просто он ожидал ответа Ежова.
"Да, -- говорит,

-- конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков

сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос, кого назначить

туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да

еще в Центральном Комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает

кадры". Одним словом, отказал ему. А через какое-то время опять поставил

прежний вопрос: "Кого в замы?". На этот раз Ежов никого не назвал. Сталин и

говорит: "А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берию?". Ежов

резко встрепенулся, но сдержался и отвечает: "Это -- хорошая кандидатура.

Конечно, товарищ Берия может работать, и не только заместителем. Он может

быть и наркомом".

Следует заметить, что тогда Берия и Ежов находились в дружеских

отношениях. Как-то в воскресенье Ежов пригласил меня и Маленкова к себе на

дачу, там был и Берия. Это случалось не раз. Когда Берия приезжал в Москву,

то всегда гостил у Ежова... Сталин ответил: "Нет, в наркомы он

не годится, а

заместителем у вас он будет хорошим". И тут же продиктовал Молотову проект

постановления. Молотов всегда сам писал проекты под диктовку Сталина. Как

правило, такие заседания затем кончались обедами у Сталина. Я подошел к

Берии, по-дружески пожал ему руку и поздравил его. Он незлобно, но

демонстративно, хотя и тихо, послал меня к черту: "Ты что поздравляешь меня?"

Сам же не хочешь идти на работу в Москву". Это он намекнул на то, что

Молотов просил, чтобы меня утвердили заместителем Председателя Совнаркома

СССР. Сталин согласился с этим и уже сказал мне об этом. Но я очень не хотел

такого назначения и начал просить Сталина не делать этого. Сталин вроде бы

прислушался к моим словам. А я уговаривал: "Товарищ Сталин, дело идет к

войне. Сейчас меня более или менее узнали на Украине, да и я узнал эту

республику, узнал ее кадры. Придет новый человек, ему будет сложнее. Мне

полезнее находиться сейчас на Украине, чем идти к товарищу Молотову, хотя

товарищ Молотов много раз меня уговаривал идти к нему".

Молотов хорошо относился ко мне, высоко оценивая мою

деятельность и в

Москве, и на Украине. Он часто звонил в Киев и советовался по тому или

другому вопросу. Например, когда назначали наркомом земледелия Бенедиктова,

позвонил ко мне и спросил: "Как вы смотрите на это, вы же знаете

Бенедиктова?". Отвечаю: "Знаю. Наркомом будет хорошим. Высокое, конечно,

выдвижение сразу из директоров треста в наркомы, но это будет все же хороший

нарком, знающий, умеющий работать и организовать дело". Или вот с

Малышевым². Он был тогда главным инженером Коломенского паровозного завода.

Я съездил в Коломну и после возвращения в Москву многое рассказал Сталину о

Малышеве, поскольку он произвел на меня очень хорошее впечатление. Потом

позвонил мне Молотов и поинтересовался: "Как вы посмотрите, если мы выдвинем

Малышева наркомом машиностроения?". Отвечаю: "Очень хороший инженер. Считаю,

что он будет также очень хороший нарком". Так случилось и по другим

вопросам, связанным с людьми, которых я знал. Это свидетельствует о доверии

и хорошем отношении Молотова ко мне. Я так это и расценивал. Да и Молотов

тогда мне нравился, но идти в Совнарком СССР я не хотел.

Сталин согласился с моим аргументом насчет близости войны и сказал:

"Ладно, пусть Хрущев остается на Украине". Когда я стал поздравлять Берию,

именно это он мне и припомнил: "Как ты сам отбивался? Не хотел? А меня

сейчас поздравляешь? Я тоже не хочу идти в Москву, мне в Грузии лучше".

"Постановление уже есть и вопрос решен, -- ответил я. -- Ты теперь москвич,

прощайся со своей Грузией".

Так был назначен Берия. Сталин при этом что-то надумал. Просто так он

ничего не делал. Он, видимо, Ежову уже не доверял или же не то чтобы не

доверял, а просто считал, что Ежов сделал свое дело и ему пора на покой,

теперь нужно использовать другого. Тогда я думал, что Сталин хочет иметь в

НКВД грузина. Он доверял Берии, а через Берию хотел проверить все дела

Ежова. После назначения Берии в Наркомат внутренних дел я встречался с ним,

приезжая в Москву. У меня опять сложились с ним хорошие отношения. Он мне

рассказывал, что арестовывают много людей, и сетовал: где же будет край? На

чем-то ведь надо остановиться, что-то предпринять,

арестовывают невинных. Я

соглашался с ним. У меня не имелось таких данных, но Берия -- заместитель

наркома внутренних дел, и я доверял ему и уважал его: вот

честный коммунист, он видит, что допускались неправильные аресты,

возмущается этим. Он и со Сталиным об этом говорил. Я знаю точно, хотя меня

он убеждал, что у них об этом разговоров не возникало. Потом-то я понял, что

это был хитрый ход: он рассказывал об этом Сталину, чтобы подставить ножку

Ежову и самому занять место наркома.

Ежовым Сталин был уже недоволен. Тот сыграл свою роль, и Сталин хотел

поменять на ходу лошадей, но продолжать ехать тем же курсом и осуществлять

те же дела. Для этого ему нужны были другие люди. Раньше Ежов, заменяя

Ягоду, уничтожил многие кадры, в том числе и чекистские, которые работали с

Ягодой. Теперь Сталину (как я понял это после его смерти) понадобилось

покончить с кадрами, которые выдвинулись при Ежове. Берия и предназначался

для этого. А мы тогда считали: все дело в том, что он кавказец, грузин,

ближе к Сталину не только как член партии, но и как человек одной с ним

нации. Но у Сталина, как я потом сделал вывод уже после его смерти, имелись

иные цели. А Ежов к тому времени буквально потерял человеческий облик,

попросту спился. Он так пил, что и на себя не был похож. С ним я

познакомился в 1929 году, во время обучения в Промышленной академии, и часто

встречался с ним по делам академии. Она находилась в ведении ЦК партии, а в

ЦК кадрами занимался как раз Ежов. Академия -- кузница кадров, как тогда

говорили, поэтому меня часто вызывали в ЦК к Ежову, и я всегда находил у

него понимание. Он был простой человек, питерский рабочий, а тогда это имело

большое значение, -- рабочий, да еще питерский. Но под конец своей

деятельности, в конце своей жизни, это был уже совершенно другой Ежов. Я

думаю, так повлияло на него то, что он знал, что происходит. Он понимал, что

Сталин им пользуется как дубинкой для уничтожения кадров, прежде всего

старых большевистских кадров, и заливал свою совесть водкой.

Позднее мне рассказывали следующее. На последнем этапе его жизни и

деятельности у него заболела жена. Она легла в Кремлевскую больницу, но уже

было решено, что, как только она выздоровеет, ее арестуют. Сталин широко

применял такой способ ареста. Через жен ответственных работников он старался

раскрыть "заговоры", раскрыть "предательство" их мужей -- ответственных

работников. Жены ведь должны знать их секреты и сумеют помочь государству,

разоблачить врагов народа. Так были арестованы жены Михаила Ивановича

Калинина, Кулика³, Буденного, позже и жена Молотова Жемчужина ⁴. Я даже не

знаю, сколько их было, таких; наверное, огромное количество невинных женщин,

которые пострадали за невиновность своих мужей. Все они были расстреляны или

сосланы.

Жена Ежова стала выздоравливать и вскоре должна была выписаться, но

вдруг умерла. Потом говорили, что она отравилась. Видимо, так это и было.

Сталин и Берия рассказывали, что перед тем, как она отравилась, в больницу

заходил Ежов, принес ей букет цветов. Это был условный знак-- сигнал, что

она будет арестована. Вероятно, Ежов догадывался и хотел устранить следы

возможного разоблачения его деятельности. До чего дошло! Нарком -- враг

народа! Мы считали: раз она отравилась, то спрятала концы в воду и отрезала

возможность разоблачить своего друга. Впрочем, независимо от того,

отравилась она или нет, Сталин уже давно решил, еще когда выдвигал Берию

заместителем Ежова, что Ежов -- конченный человек. Ежов ему стал не нужен.

Продолжение деятельности Ежова было не на пользу Сталину, и он хотел с ним

рассчитаться.

Ежова арестовали. Я случайно в то время находился в Москве. Сталин

пригласил меня на ужин в Кремль, на свою квартиру. Я пошел. По-моему, там

был Молотов и еще кто-то. Как только мы вошли и сели за стол, Сталин сказал,

что решено арестовать Ежова, этого опасного человека, и это должны сделать

как раз сейчас. Он явно нервничал, что случилось со Сталиным редко, но тут

он проявлял несдержанность, как бы выдавал себя. Прошло какое-то время,

позвонил телефон, Сталин подошел к телефону, поговорил и сказал, что звонил

Берия: все в порядке, Ежова арестовали, сейчас начнут допрос. Тогда же я

узнал, что арестовали не только Ежова, но и его заместителей. Одним из них

был Фриновский⁵. Фриновского я знал мало. Говорят, что это был человек,

известный по Гражданской войне, из военных, здоровенный такой силач со

шрамом на лице, физически могучий. Рассказывали так: "Когда навалились на

Фриновского, то Кобулов⁶, огромный толстый человек, схватил его сзади и

повалил, после чего его связали". Об этом рассказывали как о каком-то

подвиге Кобулова. И все это тогда принималось нами как должное.

Считалось, что у нас есть внутренние враги, а начало их разоблачению

было положено при аресте видных военных в 1937 году. Они сознались.

Говорили, что командующий войсками Московского военного округа⁷, когда его

вывели на расстрел и спросили, кому же он служил, -- заявил, что служил

немецкой армии и германскому государству, демонстративно сделал такое

заявление перед смертью. Правда, казненный по тому же делу Якир в последние

секунды жизни выкрикнул: "Да здравствует Сталин!", после чего был

расстрелян. Когда об этом передали Сталину, он

его обругал: "Вот какой подлец, какой иуда. Умирая, все-таки отводит в

сторону наше следствие, демонстрируя, что предан Сталину, предан нашему государству".

Началась деятельность Берии. Мясорубка работала так же, хотя отводящих

от сути разговоров стало больше, именно со стороны Берии. При нас он Сталину

ничего не говорил об осуждении репрессий, а по закоулкам часто рассуждал об

этом. Он плохо говорил по-русски. Обычно так: "Очень, слышай, очень много

уничтожили кадров, что это будет, что это будет? Люди же боятся работать".

Это он говорил правильно. Сталин совершенно изолировал себя от народа и ни с

кем не общался, кроме своего окружения. А Берия знал настроения людей,

агентура у него была очень большая, такая, что даже трудно сказать, сколько

было агентов. Наконец и Сталин сказал, что были допущены перегибы.

Однажды, не помню, по какой причине, Сталин заговорил со мной на эту

тему. Видимо, потому что, и на меня имелись показания. Когда я приехал на

Украину, там не было наркома торговли. Я с большим уважением относился к

Лукашову⁸. Лукашов работал начальником Управления торговли в Москве. Когда

Бадаев⁹ заправлял кооперацией, Лукашов руководил отделом овощей. Очень

деятельный и хорошо знающий свое дело человек. Торговля была тогда плохо

поставлена, продуктов не хватало, требовалась большая изворотливость. Я

спросил Сталина: "Товарищ Сталин, могу ли я пригласить из Москвы на пост

наркома торговли УССР Лукашова?". Он лично его не знал, но слышал о нем от

меня. "Хорошо, -- говорит, -- пригласите". Спросил же я потому, что когда

переходил на Украину, то поставил перед собой задачу: никого из москвичей не

брать, кроме тех, которых мне отобрал ЦК партии.

Поработал у нас Лукашов недолго и был арестован. Меня это очень

смutilo, потому что я просил его кандидатуру у Сталина. Раньше познакомился

с ним в Москве и очень уважал его. И вдруг --Лукашов враг народа! Это для

меня был моральный удар. Как же так? Я видел этого человека, доверял ему,

уважал... Ну, что делать? Не помню, сколько времени Лукашов сидел, а потом

мне вдруг сообщили, что Лукашова освободили. Приехал он в Киев, я его

принял, поговорил с ним. "Да, -- рассказывает, -- освободили, не виновен я,

честный человек. Прошу верить мне так же, как верили и до моего ареста. Хочу

рассказать вам, что когда меня арестовали, то били нещадно и пытали. Ставили

скамейки, на которых, расставив ноги, я должен был стоять, до предела

раздвинув их. При малейшем шевелении меня избивали так, что я терял сознание

с падал. И бессонницей томили, и другие методы пыток

применяли. А знаете, чего от меня требовали? Чтобы я показал на вас,

будто вы заговорщик, а я по вашему заданию ездил за границу для установления

связи".

Действительно, был такой случай, когда я работал еще в Москве. У нас не

хватало лука и других овощных культур, в стране не было семян, особенно

лука. Не помню, кто тогда сказал, что эти семена можно купить в Польше и в

других странах Запада, но нужна валюта. Я попросил Сталина дать валюту и

разрешить послать Лукашова. Лукашов закупил семена, привез, и мы их посылали

в те республики и тем хозяйствам, которые выращивали овощи для Москвы по

договорам. Тут сработал такой же метод, как арест жен: арестовывали близких

к ответственным людям сотрудников, вот и решили арестовать

Лукашова, чтобы

он сказал что-то обо мне. Лукашов оказался крепким человеком, отчего тогда и

остался живым. Конечно, ему просто повезло. Он и сейчас жив, но уже инвалид

на пенсии. Инвалидом же его сделали в тюрьме.

Я рассказал Сталину о случившемся с Лукашовым. Сталин же мне: "Да,

бывают такие извращения. И на меня тоже собирают материалы".

Двух моих помощников в Москве тоже арестовали. Это я рассматривал как

проверку меня лично. Один из них, Рабинович, -- молодой хороший скромный

человек. Другой -- Финкель, тоже очень хороший человек, исключительной

честности и скромности. Он занимался главным образом вопросами

строительства, а сам по образованию был экономистом. Мне его порекомендовал

Васильковский¹⁰, редактор газеты "За индустриализацию". Это была газета

Серго Орджоникидзе, наркома тяжелой промышленности. Сталин потом меня

спрашивал: "Что, арестовали ваших помощников?". Отвечаю: "Да, хорошие были,

честные ребята". "Да? А вот они дают показания, сознались, что они враги

народа. Они и на вас показывают, что фамилию вы носите не

свою. Вы вообще не

Хрущев, а такой-то. Это все чекисты стали делать, туда тоже затесались враги

народа и подбрасывают нам материал, вроде бы кто-то дал им показания. И на

меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей

революционной биографии". Поясню, о чем шла речь. Тогда, хоть и глухо, но

бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской

охранкой и что его побеги из тюрем (а он предпринял несколько побегов) были

подстроены сверху, потому что невозможно было сделать столько удачных

побегов. Сталин не уточнил, на что намекали, когда разговаривал со мной, но

я полагаю, что эти слухи до него как-то доходили. Он мне о них не сказал, а

просто заявил, что чекисты сами подбрасывают фальшивые материалы.

В Центре считали так: пришел Берия и расчистит обстановку.

Действительно, пошли новые аресты чекистов. Многих я знал как честных,

хороших и уважаемых людей. Был арестован Реденс, близкий к Сталину человек,

поскольку оба были женаты на родных сестрах. Муж старшей, Анны, -- Реденс, а

младшая. Надежда, -- жена Сталина. Реденс часто бывал у Сталина, и я не раз

видел его за общим семейным столом Сталина, к которому тоже приглашался не

раз. И вдруг он смещен с поста уполномоченного НКВД по Московской области и

послан в Среднюю Азию, в Ташкент. Потом его арестовали и казнили. Арестовали

и других. Яков Агранов, замечательный человек, твердый чекист. Раньше он

работал в Секретариате у Ленина¹¹. Честный, спокойный, умный человек. Мне он

очень нравился. Потом он был особоуполномоченным по следствию, занимался

делом Промпартии. Это, действительно, был следователь! Он и голоса не

повышал при разговорах, а не то чтобы применять пытки. Арестовали и его и

тоже казнили.

Берия завершил начатую еще Ежовым чистку (в смысле уничтожения)

чекистских кадров еврейской национальности. Хорошие были работники. Сталин

начал, видимо, терять доверие к НКВД и решил брать туда на работу людей

прямо с производства, от станка. Это были люди неопытные, иной раз

политически совершенно неразвитые. Им достаточно было какое-то указание

сделать и сказать: "Главное, арестовывать и требовать признания", и все: они

сразу же делали. Как я уже рассказывал о допросе Чубаря, следователь

объяснял: "Мне сказали -- бить его, пока не сознается, что он "враг народа",

вот я его и бил, он сознался". В НКВД пошли уже такие кадры. Потом стали

брать туда на работу людей с партийных должностей. Машина была уже запущена,

и среди партийных работников не имелось фактически человека, на которого не

было бы показаний.

Помню, например, такой случай. Звонит мне Вышинский: "Товарищ Хрущев,

нам нужны кадры, и я хочу выдвинуть своим заместителем Руденко, прокурора

Луганской области". Руденко был на Украине на хорошем счету, и я слышал о

нем. Поэтому я попросил не забирать его в Москву. Мы сами имели виды на его

выдвижение на Украине. А потом сообщаю: "Вам, наверное, известно, что на

Руденко есть довольно большой материал? На него показывали те враги народа,

которые были арестованы и казнены. Вы знаете об этом?". Отвечает: "Знаю, но

думаю, что это клевета". "Я тоже думаю, что это клевета. Но выдвижение в

Москву? Смотрите сами, как это будет расценено?"

Наверное, Вышинский струсил, и Руденко остался на Украине.

Мы его выдвинули в прокуроры УССР с той оговоркой, что на него имеются

показания и надо, мол, следить за ним. Потом он стал Генеральным прокурором

Советского Союза и доныне работает в этой должности. Вот как были замазаны и

оклеветаны многие честные люди. Я бы сказал тут, что люди, которые

клеветали, тоже были в свое время честными, но их искалечили и физически и

морально, заставив служить такому грязному делу и клеветать на собственных

друзей.

Одним словом, работа по истреблению кадров продолжалась. И продолжалась

она почти до самой смерти Сталина, только в разное время в разных масштабах.

Украинское руководство, как партийное, так и советское, было уничтожено

полностью: работники ЦК КП(б)У, секретари, заведующие отделами. Председатель

Совнаркома УССР Любченко застрелился. Когда Косиора отозвали в Москву, то

вдруг через какое-то время радиостанция, которая раньше носила имя Косиора,

перестала называться прежним именем и стала именоваться

просто Киевской

станцией. Это был сигнал, что Косиора уже нет. Я и сам узнал только по этому

сигналу, что Косиор арестован. А ведь он был заместителем Председателя

Совета Народных Комиссаров, то есть заместителем Молотова. Постышев был

отозван с Украины и послан в Куйбышев. Там его арестовали и потом тоже

уничтожили. Хатаевич, секретарь Днепропетровского обкома партии, работник

высокого уровня, тоже был арестован. А ведь Сталин к нему относился с

уважением. Помню, на одном из партийных пленумов он его назвал Чингисханом

-- за тот способ, каким Хатаевич, работая в Куйбышеве, запасся сахаром. В

Куйбышеве не было сахара. Шел эшелон с сахаром в Сибирь и на Дальний Восток.

Хатаевич велел отцепить для Куйбышева нужное количество вагонов и таким

образом решил вопрос. Это было действительно нарушением государственной

дисциплины. Сталин выступил: "У нас есть такие Чингисханы, которые не

считаются с общими интересами государства, а делают то, что в интересах его

провинции, вот Хатаевич такой". В Днепропетровске Хатаевич пользовался

огромным авторитетом. Это был хороший трибун и хороший организатор. Затем --

Прамнэк, из Донбасса, крупный работник. До него, по-моему, в Донбассе был

Саркисян 12, тоже крупный работник, очень деятельный человек, много

сделавший хорошего для Донбасса. Чернявский13, секретарь Одесского, а потом

Винницкого обкомов партии, тоже был уничтожен. Любченко до того, как кончить

жизнь самоубийством, написал записку Чернявскому с просьбой, если что

случится, не забыть его сына. У него был сын 15 лет. Когда арестовали

Чернявского, то нашли записку и схватили этого мальчишку. Вот до чего

доходило дело.

В Москве и Московской области уничтожили всех секретарей райкомов

партии. Я сейчас перечислить не смогу их конкретно, но практически всех

уничтожили. Я был особенно потрясен, когда арестовали Коган14. Коган в

партии с 1907 г., человек исключительной честности и благородства. Она

занималась вопросами культуры. В дореволюционном подполье, в Киеве,

Каганович брал уроки по политэкономии у Косиора и Когана. Какое-то время

Коган была женой Куйбышева.

Сообщили, что она призналась во вредительстве. Но когда после смерти

Сталина подняли ее дело, то узнали, что она ни в чем не созналась, а бросала

контробвинения и называла фашистами тех, кто ее арестовал. Она была тоже

казнена. Сойфер15, секретарь Ленинского райкома партии г. Москвы, старый уже

человек, член партии или с 1905, или с 1903 года. Когда арестовали секретаря

Тульского обкома партии Седельникова16, у нас взяли Сойфера работать в Тулу.

Послали мы туда Сойфера. И вдруг узнаю, что и Сойфер арестован. А ведь

Сойфер--это в буквальном смысле слова партийная совесть, кристальной

честности человек. И вдруг -- враг народа? Арестовали Николая Алексеевича

Филатова 17, председателя Московского облисполкома, потом он был

уполномоченным Контрольной комиссии по Ростову. И он был арестован и тоже

уничтожен.

Кульков -- старый московский деятель с подпольным стажем, выдвинутый

секретарем горкома партии. Тоже арестован. Я сейчас уже и не смогу

припомнить всех. Так поступали со многими москвичами.

Сперва их выдвигали

вместо арестованных "врагов народа" как опоры, на укрепление партийных

организаций, а потом, когда они туда приходили, вдруг мы узнавали, что и они

арестованы. Так погиб Симочкин. Его выдвинули из Москвы в

Иваново-Вознесенскую область, а там арестовали. А Марголин, ближайший друг

Кагановича? Я его знал по Киеву, потом мы с ним учились в Промышленной

академии. Он был выдвинут вторым секретарем Московского комитета партии в то

время, когда я был первым секретарем. Затем его взяли в Днепропетровск на

укрепление местной парторганизации после ареста Хатаевича и там уничтожили.

Набралась бы огромная книга, если лишь перечислить всех партийных

работников, казненных в те годы.

Я почти не касаюсь здесь военных работников, потому что их я знал хуже.

Из них я хорошо знал только Якира и командующего войсками Московского

военного округа Белова. Военные тогда от

нас, партийных работников, стояли далековато, мы с ними, даже с

командующим войсками МВО, общались редко. Лишь когда возникали какие-то

вопросы у военных, они обращались ко мне. У меня же к ним никогда вопросов

не возникало. Правда, я знал Векличева, тоже военного. Он был ближайшим

другом Якира, а когда появлялся в Москве, то заходил ко мне, так как мы с

ним были знакомы по Киеву. Он работал в Политуправлении Киевского военного

округа в месяцы, когда я работал заведомо Киевского окружного комитета

партии. Векличев был из донбасских шахтеров, прошел Гражданскую войну и

носил на петлице ромбы. По-моему, у него было три ромба. Тоже был арестован

и уничтожен.

Потом появился документ, по-моему, письмо ЦК ВКП(б) парторганизациям

СССР. В том письме описывалась борьба с врагами народа, излагались факты

извращения этой борьбы; говорилось, что враги народа залезли в чекистские

органы и много уничтожили преданных кадров. Теперь все запуталось, и трудно

было разобраться, что к чему. Главное же для меня заключалось в том, что

именно Сталин все это запутал. В некоторых случаях, например, в деле высших

военных кадров, он действительно верил, что эти военные -- враги народа,

завербованные гитлеровской Германией, которые готовились Гитлером к

предательству, когда гитлеровская армия нападет на Советский Союз.

Превозносилось и ставилось в заслугу Сталину, что он сумел разоблачить это.

Потом уж узнали, что это очень просто было придумано. Такой метод известен в

истории: подбрасывают документы своим врагам, указывая среди них на лиц,

которые якобы связаны с чужой разведкой, чтобы руками врагов расправиться с

наиболее талантливым руководством армии или других служб. Подобным

провокационным методом вообще широко пользуются разведки. Наша разведка тоже

пользовалась этим методом против врагов. Такой метод весьма действен. Я уже

говорил, каким образом разведка Гитлера подбросила документы Сталину

(по-моему, через Бенеша, президента Чехословацкой Республики). Этого

оказалось достаточно, и невинные люди были казнены).

И вот состоялся Пленум ЦК партии. На нем обсуждались провокационные

методы работы НКВД и была принята соответствующая резолюция: прекратить!

Закончился пленум, на местах резолюцию изучили, а методы остались те же:

пресловутые "тройки". Без суда и следствия людей арестовывали, допрашивали и

судили одни и те же лица. Прокурор был низведен до уровня самого последнего

ничтожества. Он не имел никакого влияния и не мог следить за законностью

судопроизводства, ареста и прочего.

Обстановка осталась такой, которая позволяла Берии то, что до него

делал Ежов.

Сам Берия после этого пленума часто говорил, что с его приходом

необоснованные репрессии были приостановлены: "Я, один на один разговаривал

с товарищем Сталиным и сказал: где же можно будет остановиться? Столько-то

партийных, военных и хозяйственных работников уничтожено". Но и после этого

Берия продолжал прежнее, только не в таких масштабах, как раньше. Да и не

имелось уже никакой нужды, потому что к тому времени Сталин насытился своим

произволом и сам, видимо, несколько испугался последствий. Он теперь хотел

сдержать репрессии и предпринимал к тому некоторые меры. Но и он не мог

остановиться, потому что боялся врагов, им же самим выдуманных. Вот я говорю

-- выдуманных, но могут найтись умники и сказать: "Что же,

врагов не было?"

Нет, враги были. С ними мы воевали, врагов уничтожали. Но это надо делать

дозволенными, государственными методами, методами суда и честного следствия,

а не просто ворваться в дом, схватить за шиворот человека и тянуть его в

тюрьму, а там бить, выбить из него показания и, основываясь на таких

показаниях, не подтвержденных ничем другим, судить его. Вот это и есть

произвол. Я решительно против этого.

Помню первые дни революции. Правда, жил я в таком месте, где у нас не

было особых проявлений контрреволюции, если не считать выступлений вождя

донского казачества атамана Каледина¹⁹. Там очень просто было разбираться,

где враг, а где друг. Вредительство же, может быть, и существовало, но не

было заметно. Да и без него все равно в промышленности был полный развал.

Потом -- Гражданская война. Она тоже разграничила людей и упростила борьбу.

Кто с кем, где белые, а где красные, сразу видно. Сама жизнь провела

классовое разграничение. Имелись враги и в тылу, и с ними боролись. То была

борьба, необходимая для защиты революционных

завоеваний, защиты

революционного пролетарского государства.

И вдруг в период, когда и с Промпартией покончили, и коллективизацию

провели, и когда исчезла даже оппозиция внутри партии и наметилось полное и

монолитное единство партийных рядов и трудового народа в СССР, вот тогда-то

и началась буквально резня. Это уже не классовый подход. Во имя класса, во

имя победы и закрепления победы пролетариата рубили головы, и кому? Тем же

рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции.

С приходом Берии на пост наркома внутренних дел и устранением Ежова

первый свалил массовые аресты и казни на голову Ежова. Но что раньше было

сделано в Грузии? Когда я приехал в Грузию после смерти Сталина, то тех

работников Грузинской ССР, с которыми я познакомился в 1934 году в Тбилиси,

никого, по-моему, уже не было в живых. После ареста Берии в 1953 году

какой-то грузин прислал из ссылки письмо в ЦК партии на мое имя. Он

описывал, что сделал Берия по уничтожению кадров в Грузинской ССР и как он

через трупы своих друзей пробивался к власти. Берия -- это опасный враг,

который втерся в абсолютное доверие к Сталину. Не знаю, чем он очаровал

Сталина.

Мне трудно объяснить все действия Сталина, его побуждения. Порою он

высказывал трезвые суждения об арестах и несколько раз осуждал их в

разговорах со мной с глазу на глаз. Но ничего не менял. И чего он добился

этими арестами? Уничтожил преданные ему лично кадры, а на их место пришли

проходимцы, карьеристы типа Берии. Разве они надежнее? Чего он добился

уничтожением Серго Орджоникидзе, который был его ближайшим другом? Несмотря

на это, он уничтожил кадры Наркомата тяжелой промышленности, который

возглавлялся Орджоникидзе, те кадры, которым Серго верил. Казнил родного

брата Серго, затем стал подозревать самого Серго и довел его до

самоубийства.

Наиболее, на мой взгляд, близкий человек к Сталину был тихий и

спокойный грузинский интеллигент Алеша Сванидзе²⁰, брат жены Сталина,

грузинки, которая давным-давно умерла. Я ее, конечно, не знал. Алеша часто

бывал у Сталина, я его не раз там видел. Было заметно, что

Сталину очень

приятно вести беседы с Алешей. Чаще всего они говорили о Грузии, ее истории,

ее культуре. Не помню, какое образование имел Сванидзе, но человек он был

культурный, начитанный, был другом детей Сталина. Дядя Алеша, как его звали,

часто ночевал у Сталина. И вдруг Алеша становится врагом народа, значит, и

врагом Сталина. Ведь Сталин и народ -- нераздельны. Когда я узнал об аресте

Сванидзе, то просто ахнул. Как же так? Человек не вызывал никакого сомнения,

и он мог тоже оказаться врагом народа? Но Сванидзе все же стал им в глазах

Сталина и был арестован. Следствие кончилось тем, что его осудили на

расстрел. Сталин все-таки колебался. Ему было трудно признать, что Алеша

Сванидзе дружил с ним столько лет -- и вдруг враг Сталина, враг партии, враг

народа? Сталин потом часто возвращался к этой теме: как же так, Алеша -- и

вдруг шпион? (Его представили, кажется, английским шпионом). Как

заблагорассудится Берии, такая и создавалась версия. У Сталина появились

обоснованные сомнения. Он спрашивал Берию: "В представленных мне материалах

пишут, да и Алеша сам признался, что был шпионом и должен был меня отравить.

Так он же мог сделать это совершенно спокойно. Много раз ему это было

доступно, он у меня не раз ночевал. Так почему же он не сделал этого? Может

быть, он все же не шпион?". Берия давал такое объяснение: "Товарищ Сталин,

шпионы бывают разные, с разными заданиями. Бывают такие шпионы, которые

много лет не проявляют себя, втираются в доверие и живут около людей,

которых нужно будет уничтожить в определенное время. Алеша Сванидзе -- как

раз такой агент, который должен не проявлять себя, а, наоборот, держаться

тихо. Когда он получит сигнал, тогда и осуществит задуманное".

Конечно, в принципе такие агенты имеются, потому что тактика разведки

многообразна. Разведка пользуется всеми доступными методами, чтобы навредить

своему противнику. Но к Сванидзе этот шаблон явно не подходил; Сталин в

конце концов согласился на казнь Алеши. И все-таки у него, видимо,

оставались какие-то сомнения. Он говорил Берии: "Вы скажите от моего имени,

что если он покается и все расскажет, то ему будет сохранена жизнь". Через

какое-то время Берия докладывает, что Сванидзе
расстрелян; ему перед

расстрелом передали то, что сказал Сталин, он выслушал и
ответил: "А мне не

в чем каяться. В чем же я могу покаяться, если я честный
человек, ничего не

сделал против партии, против народа, против Сталина? Я
просто не вижу, в чем

я должен каяться". Его расстреляли. Сталин потом говорил:
"Вот, какой Алеша,

смотри! Такой интеллигентный, мягкотелый, а какую твердость
проявил. Даже не

захотел воспользоваться возможностью остаться в живых с
условием покаяться.

Не покался. Вот какой человек".

В чем Сталин был искренен, не знаю. Сванидзе же был
умным человеком и

ясно понимал, что если он покается, то его все равно ждет
смерть, но

несколько позже, и он просто не захотел пятнать свое доброе имя
коммуниста.

Очень близким человеком к Сталину, к которому он
питал большое

уважение, был партийный вождь абхазского народа
Лакоба²¹. Ему Сталин

полностью доверял. Лакобу, когда он приезжал в Москву,
всегда видели у

Сталина, или на квартире, или на даче. Когда Сталин уезжал
в Сочи, то

Лакоба, собственно, жил не в Сухуми, а в Гаграх или в Сочи, около Сталина.

Лакоба был хороший бильярдист. Он приезжал со своим кием, располагался у

Сталина, как у себя дома, и со всеми играл без проигрыша. Это был человек

болезненный, глухой. Я не столь близко стоял к Лакобе, но мы с ним тоже

поддерживали хорошие отношения. Я даже помню, что, когда раз отдыхал, не то

в Гаграх, не то в Сочи, он пригласил меня, и я ездил к нему на дачу, а он в

свою очередь приезжал ко

мне с женой и сыном. Потом он умер. Умер, ну и умер. Все люди могут

умереть, без исключения. Но вот что интересно: потом я узнал, что когда

Лакоба умер и о том доложили Сталину, то он хоть и пожалел, но не особенно.

Его никакая смерть не огорчала, даже самых близких людей.

Спустя какое-то время вдруг Берия создает дело уже на мертвого Лакобу:

якобы тот был заговорщиком. Я сейчас не помню, какие конкретно факты

приводились в доказательство того, что он заговорщик, что хотя он и умер, но

жалеть его нечего. И что же сделал Берия? Он приказал выкопать труп Лакобы,

сжечь его и по ветру развеять пепел: врагу народа нет места

даже в земле

Абхазии! Когда я получше узнал Берию после войны, то подумал, что Берия

выкопал труп Лакобы, не только руководствуясь личной ненавистью к нему. Он

прятал концы в воду, видимо, опасаясь, что у Сталина может возникнуть идея

приказать выкопать труп и сделать анализ, чтобы узнать, отчего же все-таки

умер Лакоба? Может быть, он отравлен? Думаю, что Берия боялся этого, хотя и

Берия, и Ежов очень хорошо с такими делами справлялись. У них имелись врачи,

которые по их заданию подменяли человеческие органы и подставляли либо

отравленные, либо же, если нужно -- неотравленные, чтобы доказать желаемое:

относительно того, кого они действительно отравили, представить дело так,

что тот умер естественной смертью. Тут у них и возможности, и опыт были

богачейшие. И вот еще какую низость и преступление совершил Берия: мальчик,

сын Лакобы, тоже был расстрелян по повелению Берии. Что побуждало Берию

убрать Лакобу? Лакоба стал очень близким к Сталину, ближе, чем Берия, и мог

информировать о делах в Грузии помимо Берии, мог рассказать о деятельности

Берии в Грузии. А этого Берия не хотел допустить. Он хотел, чтобы

единственным каналом информации о положении в Грузии был он сам. Так Лакоба

пал жертвой. Это мое личное умозаключение. Я могу только строить

предположение на основе интуиции, каких-нибудь вещественных доказательств не

имею.

Или история с Жемчужиной. Жемчужина -- жена Молотова, но известна она

была не как жена Молотова, а как видный сам по себе человек. Она и сейчас

жива, но находится на пенсии*. Когда она была молода и трудоспособна, то

работала как активный член партии, руководила парфюмерной промышленностью

(ТЭЖЭ, кажется, назывался этот трест). Потом она стала наркомом рыбной

*** В ту пору, когда это записывалось.**

промышленности. Волевая женщина. Я с ней много раз сталкивался, когда

работал секретарем Московских городского и областного партийных комитетов.

Она на меня производила впечатление хорошего работника и хорошего товарища.

И что было приятно -- никогда не давала чувствовать, что она не просто член

партии, а еще и жена Молотова. Она завоевала видное положение в Московской

парторганизации собственной деятельностью, партийной и государственной.

Сталин относился к ней с большим уважением. Я сталкивался с этим, когда мы

встречались. Несколько раз Сталин, Молотов, Жемчужина и я были вместе в

Большом театре, в правительственной ложе. Для Жемчужиной делалось

исключение: жены других членов Политбюро редко бывали в правительственной

ложе, рядом со Сталиным. Правда, иногда оказывалась там жена Ворошилова

Екатерина Давыдовна, но реже Жемчужиной. На грудь Жемчужиной сыпались

ордена, но все по справедливости и не вызывали каких-либо разговоров.

Вдруг, я и сейчас не могу ничем объяснить это, на Жемчужину был

направлен гнев Сталина. Не помню, в чем ее обвинили. Помню только, как на

пленуме ЦК партии (я тогда уже работал на Украине) был поставлен вопрос о

Жемчужиной. С конкретными обвинениями в ее адрес выступил Шкирятов²² --

председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Шкирятов -- старый

большевик, но Сталин обратил его в свою дубинку. Он слепо, именно слепо,

делал все так, как говорил Сталин, и как тот следователь, который вел

следствие по делу Чубаря, вытягивал своими иезуитскими методами признания в

несуществующих преступлениях. Иногда Сталин нуждался в том, чтобы Комиссия

партийного контроля разобрала дело и уж потом исключила из партии

обвиняемого, подтвердив, так сказать, подозрения. После этого его сейчас же

хватали в приемной Шкирятова и волокли, куда следует. А там была уже

предрешена расправа. И сколько таких было! Погибли тысячи людей!

Жемчужина выступила на пленуме в свою защиту. Я восхищался ею

внутренне, хотя и верил тогда, что Сталин прав, и был на стороне Сталина. Но

она мужественно защищала свое партийное достоинство и показала очень сильный

характер... Голосовали за вывод ее из состава Центральной ревизионной

комиссии ВКП(б), не то из состава кандидатов в члены ЦК. И все, конечно,

голосовали единогласно за предложение, которое было сделано докладчиком.

Воздержался один Молотов. Позднее я часто слышал упреки Молотову и прямо в

лицо, и за глаза: осуждали его как члена Политбюро и члена ЦК, который не

поднялся выше семейных отношений, до высоты настоящего члена партии, не смог

осудить ошибки близкого ему человека.

Этим дело не кончилось. Посыпались всяческие "материалы". Сталин

применял низменные приемы, стремясь ущемить мужское самолюбие Молотова.

Чекисты сочинили связь Жемчужиной с каким-то евреем-директором, близким

Молотову человеком. Тот бывал на квартире Молотова. Вытащили на свет

постельные отношения, и Сталин разослал этот материал членам Политбюро. Он

хотел опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова.

Молотов же проявил твердость, не поддался на провокацию и сказал: "Я просто

не верю этому, это клевета". Насчет "сочинений", писавшихся органами НКВД,

он лучше всех, видимо, был информирован, поэтому вполне был уверен, что тут

документы сфабрикованы. Говорю здесь об этом для того, чтобы показать, что

даже такие приемы были использованы. Одним словом, все средства были хороши

для достижения цели, в данном случае для устранения Жемчужиной. Уже после

войны ее репрессировали, о чем я расскажу позже. Но это уже другой вопрос, и

о нем я несколько лучше информирован.

Чтобы яснее был обрисован портрет Сталина, хотел бы еще рассказать о

Николае Алексеевиче Филатове, московском пролетарии, портном, члене партии с

1912 или с 1914 года. Мы познакомились с ним, когда я работал в Москве

секретарем Бауманского райкома ВКП(б), а он был секретарем, по-моему,

Ленинского райкома. Когда я стал секретарем городского партийного комитета,

Филатов был выдвинут на пост секретаря Московского областного парткома. Я

хорошо знал его. Это был высокий, красивый мужчина, носивший маленькую

французскую бородку. Мы сталкивались не только по работе, но и жили на даче,

в одном доме в Огареве: я на верхнем этаже. Кульков (секретарь городского

партийного комитета) там же на лестничной площадке, Булганин -- внизу, а

напротив Булганина -- Филатов. Мы встречались и за завтраком, и за обедом, и

вместе отдыхали.

Сталин хорошо относился к Филатову, Филатов имел слабость, как мы тогда

считали, всегда ходить с фотоаппаратом. Во время демонстраций на Красной

площади он обязательно появлялся с фотоаппаратом и

фотографировал

демонстрацию, членов Политбюро, членов правительства и, конечно, Сталина.

Сталин, бывало, шутил: "Вон Филатов пришел, сейчас начнет фотографировать".

Филатов улыбался и сейчас же, действительно, начинал фотографировать. Все к

этому привыкли. Потом его послали в Ростов уполномоченным Комиссии

партийного контроля по Северо-Кавказскому краю. Это был очень большой пост

по тем временам, но вдруг Филатов был арестован и канул в вечность... Итак,

это все люди, которых Сталин знал лично и относился к ним, казалось бы,

хорошо, доверял им -- и вдруг они уничтожены! Какие к тому имелись причины?

Разве Филатов стал врагом народа? По каким побуждениям? Этот московский

пролетарий прошел до революции школу подпольной борьбы, потом прошел школу

Гражданской войны, школу строительства нового, социалистического

государства, из самых низов был выдвинут партией на довольно высокий пост.

Можно ли говорить о каких-то его личных слабостях, о тщеславии? Наверяд ли.

Какие же побуждения к измене могли возникнуть у него? Не было таких

побуждений. Так отчего же погиб Филатов, как сотни и тысячи других людей?

Причина одна и та же. Свое мнение об этом сообщу ниже.

Хочу еще записать, как создавались такие дела. Наверное, тогда шел

1939-й или конец 1938 года. Поехал я в Донбасс. Меня тянуло в родные края,

где я провел детство и юность. Захотелось встретиться со своими друзьями, с

теми, с кем я работал на заводе Боссе, на рудниках: Успенской, Подшелковке,

Горшковском, Пастуховке, 11-й шахте, 31-й шахте, Вознесенке. Там прошло мое

детство. 6-летним привез меня отец в Донбасс из деревни. И детство, и юность

свои провел я в Донбассе. Спустился я в шахту, вспомнил былое, прошелся по

выработкам, побывал в забое, поговорил с забойщиками, послушал их беседы,

потом вышел из шахты, и чекисты со мной, конечно. Один из них (забыл его

фамилию), работавший в Сталинской области, производил впечатление

интересного, умного, интеллигентного человека, по происхождению, видимо, из

служащих. Он и докладывал мне по всем вопросам.

Со мною был там и Щербаков, одно время выдвинутый в Донбасс, а потом

его перевели в Москву, после ареста секретаря Московского

областного и

городского партийного комитета Угарова²³, который шел в Москву вместо меня,

когда меня выдвинули на Украину. Раньше Угаров, сам он ленинградец, был

секретарем городского комитета партии в Ленинграде, где работал еще с

Кировым, а потом со Ждановым. На меня Угаров производил очень хорошее

впечатление. Когда я работал в Москве, мы с ним и перезванивались, и

соревновались. Соревнование было чисто дружеское. Он просто нравился мне,

этот Угаров. Все было хорошо, избрали Угарова в столицу, вдруг звонит мне

Сталин: срочно приезжайте, у нас неблагополучно с Москвой. Приехал. Он

сказал мне, что Угаров оказался врагом народа, хозяйство в Москве запущено,

Москва остается (а уже шла осень) без картофеля, без овощей. Когда я был

руководителем Москвы, то этот вопрос мы решили успешно и Москву достаточно

обеспечили и картофелем, и капустой, и другими овощами. Правда, не в широком

ассортименте, но по тогдашнему уровню нашей жизни элементарными продуктами,

то есть тем, к чему привыкли трудящиеся, мы обеспечивали.

Председателем Моссовета был тогда, по-моему, Сидоров²⁴.

При мне, когда

я являлся руководителем Московской организации, он работал директором одного

Московского молочно-животноводческого треста. Сидоров был неплохим

человеком, но это -- попутное замечание, нужное мне просто для ассоциативной

памяти. Сталин сказал мне: "Бросайте все на Украине, ничего там не случится,

у нас Москва в отчаянном положении. Вы будете назначены уполномоченным ЦК

партии по Москве и не уедете до тех пор, пока не создадите нужные запасы

картофеля и овощей на зиму для столицы". Странный, пожалуй, был разговор. Но

странности я адресую уже к Молотову, который спросил меня: "Когда вы уехали

из Москвы, то поддерживали с нею связи?" Отвечаю: "Нет, никаких". --"А

почему?". "У нас такой порядок: если ушел из данной парторганизации, то

всякие связи с нею прекращаются, чтоб не мешать новому руководству. Связь

должна поддерживаться не с отдельными лицами, а с ЦК". -- "Угаров оказался

врагом народа. Если бы вы были связаны с Москвой, то, может быть, мы скорее

узнали бы и разоблачили его". "Мне, -- отвечаю, -- из Киева труднее

разоблачать московских, вам ближе. Если уж говорить о том, кто должен

отвечать персонально из членов Политбюро, то официально записано, что за

Москву отвечает Жданов. Он секретарь Ленинградского обкома, он секретарь ЦК.

К тому же он является секретарем горкома партии Ленинграда, так что за

Москвой было кому наблюдать. Считаю, что претензии ко мне неосновательны".

Вот тоже интересный подход, понадобилось найти виновника, который допустил,

что Угаров стал врагом народа, хотя он никаким врагом народа не был, да и не

мог быть.

После звонка Сталина пошел я на свое прежнее место в Московском обкоме

партии и начал делать все, чтобы обеспечить выполнение задания. Опыт у меня

был большой: я уже познал Украину, а Украина являлась крупным поставщиком

овощей. Кроме того, я знал московские кадры. Быстро нажал на нужные рычаги и

сделал все, что можно было сделать в то время года. Мы обеспечили поставки

овощей, в Москве я просидел тогда примерно полмесяца. Провели мы и пленум

обкома партии. Сталин сказал: "Вы проведете пленум и освободите Угарова от

его должности" (тот не был еще арестован). Задал я вопрос: "Кого же

избрать?" Сталин долго думал, ходил, рассуждал вслух, прикидывая:

"Щербакова".

Раньше Щербаков секретарствовал в Сибири, в каком-то обкоме²⁵. Когда я

прибыл на Украину, его послали в Донбасс, на усиление.

"Придется, -- говорит

Сталин, -- забрать у вас Щербакова". "Если нужен, берите. Только на него

тоже есть показания. Враги народа показали на него: показания такие, которые

вроде бы заслуживают доверия. Как же с ним быть?".

Сталин опять ходил,

ходил, думал, а потом говорит: "Давайте так. Проведем все-таки Щербакова, но

к Щербакову надо послать вторым секретарем московского человека, которого бы

мы хорошо знали, и ему надо сказать, что имеются материалы о том, что

Щербаков связан с врагами народа, и предупредить, чтобы он следил за ним.

Если что покажется подозрительным, пусть скажет об этом в ЦК". А кого

вторым? Спросили Маленкова. Тот ответил: "Попова".

Тогда Попов²⁶ работал у Маленкова в отделе кадров. Кажется, его

заместителем. Я познакомился с Поповым, поговорил с ним

доверительно: вот,

мол, идете вы в Московский обком. ЦК вам доверяет, но и вы, с другой

стороны, должны быть глазами ЦК, наблюдающими за Щербаковым. Щербаков

работал в Москве и раньше: был первым секретарем Союза писателей СССР во

времена Максима Горького. Что-то у него с Горьким тогда, насколько я помню,

не вышло. Горький был против Щербакова, потому что тот вмешивался в

конкретные дела писателей, и его послали секретарствовать в Ленинград, затем

в Сибирь и Донецк. Пленум прошел хорошо. Избрали Щербакова. А в Донбассе,

по-моему, выдвинули мы местного человека, который работал при Щербакове

вторым секретарем обкома партии.

Возвращаюсь к Донбассу. Познакомился я с деятельностью шахт и заводов,

с кадрами, проехал по старым своим местам, вспомнил былые времена, когда я

был там рабочим и потом уже партийным работником. Решил съездить в Горловку.

Мне сказали, что в Горловке неблагополучно с секретарем райкома партии.

Сказал я тогда начальнику местного НКВД: поеду туда и сам посмотрю,

побеседую с человеком. Приехал. Секретарь райкома мне

незнаком. "Материалы"

на него есть. Мне их показали, и начальник НКВД не сомневался, что и тут

недобитый враг, остаток разгромленной заговорщической организации. Его

арестовали, когда я приехал в Горловку. "Оперативность" уже была очень

большой. Через несколько часов появился протокол первого допроса, и тот

человек уже сознался: показывает то-то и то-то; тот, кто его завербовал, вот

он; и кто был с ним вместе, и пр. Тогда функционировали три секретаря

райкома: первый, второй и третий. Первый показывает, что второй и третий

тоже завербованы вместе с ним. "Ну, как же это так?" -- спрашиваю начальника

НКВД. "Да вот, знаете, так-то и так-то"; этаким христосиком прикидывается,

но ставит вопрос об аресте и второго секретаря. Арестовали и его. Через

какое-то время читают мне протокол допроса. Я обратил внимание на то, что

формулировки признаний первого секретаря и второго в их преступлениях

сходятся почти слово в слово, да и записал их один и тот же следователь.

Говорю: "Как может быть столь дословное совпадение? Ведь следователь

допрашивал их отдельно?". "Знаете, ведь дело одно, да и следователь один,

писал шаблонно". Это оказалось для меня каким-то штрихом, который посеял

сомнения. Впрочем, тут уже вопрос оформления дела, составления протокола, а

по существу я поверил, что человек сознался. Они оба показали на третьего

секретаря Гаевого²⁷. Посмотрел я его биографию: местный рабочий, все его тут

знают. Говорю: "Давайте соберем райком". Созвали заседание райкома партии. В

состав райкома входили люди довольно почтенного возраста. Я сказал:

"Товарищи, первый и второй секретари (начальник НКВД может доложить более

подробно) оказались связанными с врагами народа". Главным "врагом народа"

тогда в Донбассе числился бывший секретарь обкома Прамнэк. Им-то и была

якобы создана враждебная нашему государству организация. Его к тому времени

уже арестовали. И тогда эти члены райкома, старики, стали выступать так:

"Товарищ Хрущев, тех (первого и второго секретарей райкома) мы не знаем, они

люди приезжие, были присланы к нам, но Гаевой вырос в нашем поселке. Мы его

знали еще тогда, когда он без штанов бегал; и родителей его знаем. Это наш

человек, и мы за него ручаемся". Говорю: "Хорошо. Раз вы ручаетесь, то

начальник НКВД, находящийся здесь, еще раз проверит, и Гаевого никто не

тронет, но под ваше поручительство". Гаевой остался на свободе. Спустя

какое-то время он был выдвинут вторым секретарем Сталинского обкома партии,

а потом, кажется, даже первым. Может быть, я сейчас недостаточно

последовательно все излагаю, и случай с Гаевым произошел еще до Щербакова,

потому что, по-моему, именно Щербаков выдвигал Гаевого в секретари обкома.

Но дело не в нем, а в его коллегах. Такими методами создавались "враги

народа". И вышестоящие партийные организации, и руководители такого даже,

как я, довольно высокого положения (я в то время уже был членом Политбюро)

оказывались в полной власти документов, представленных работниками НКВД,

которые определяли судьбу и того или иного члена партии, и беспартийного.

Тогда же в Донбассе я столкнулся с тем, что некоторые преподаватели

Горного института имени Артема (рабфак которого я окончил в 1925 г.), люди,

которых я очень уважал, тоже стали "врагами народа". Одни из них, горный

инженер Герчиков, по национальности еврей, очень хороший математик и был

сильный, между прочим, гипнотизер. Потом он работал в угольной

промышленности горным инженером. Вдруг он тоже попал в группу вредителей, но

не в тот период, когда была кампания по раскрытию вредителей, а уже в

период, когда разоблачали "врагов народа". Наркомом тяжелой промышленности

был Каганович. Он приехал в Донбасс, произнес там громкую речь, перечислил

несколько десятков разоблаченных врагов народа и назвал их фамилии, в том

числе и Герчикова. Мне было больно, что Герчиков, которого я хорошо знал и с

уважением к нему относился, тоже оказался врагом народа. Приехав в Донбасс в

конце 1938 г., случайно встретил Герчикова. Однако это был уже не прежний

Герчиков, а его тень. Я спросил: "Как поживаете?" Он выглядел мрачным,

замкнутым. Буркнул, что плохо, что был арестован. Потом уже другие люди

рассказали, что его страшно избивали, он лишился здоровья и в скором времени

умер.

Вообще по приезде в Донбасс выяснилось, что там не осталось

руководителей угольной промышленности, были только заместители. Пришлось

выдвигать новых. Каганович выдвинул хороших и честных людей, но мало

подготовленных, без подходящего образования. Выдвинули и Никиту Изотова,

очень хорошего рабочего, достойно прославившегося и поднятого на высоту как

передовика. Но в руководители угольной промышленности он, конечно, не

годился. И Дюканов²⁸ был выдвинут, но тоже совершенно не годился. Мне

жаловались на Дюканова: "Товарищ Хрущев, вы поймите нас. Вызывает он

инженеров. Те ему докладывают. И если что-то не ладится и что-то не

выполнено, так у него один аргумент: "Ты смотри, а то я тебе ж... нашлепаю".

И каждый из нас, инженеров, дважды в сутки носит к нему это место, чтобы он

его нашлепал. Я Сталину сказал тогда, что так поступать нельзя. У нас есть

сейчас свои инженеры, они вполне могут руководить. Сталин согласился со

мной. Выдвинули в Сталинский угольный трест Засядько.²⁹ После войны он стал

заместителем председателя Совета Министров СССР, сейчас уже умер. Человек

имел большой недостаток: он пил и пил, бедняга. Но был очень хорошим

администратором и организатором, прекрасно знал горное дело. В ту пору,

по-моему, в Донбассе были и действовали объединения (тресты) в угольной

промышленности и металлургии, во главе которых как раз и были поставлены

новые инженеры. Я не буду их перечислять, да и не помню сейчас фамилий всех

людей, которые возглавили тресты или же погибли в то время.

Постепенно положение в сельском хозяйстве и в промышленности начало

выравниваться. Промышленность начала выполнять планы, и угольная, и

металлургия, и машиностроение. Сельское хозяйство тоже стало набирать силу.

Отстаивались новые кадры, несколько ослабли репрессии. Они уже не

распространялись вширь, а как бы подбирали остатки тех лиц, которые

упоминались в следственных протоколах при арестах и казнях "врагов народа".

Насчет сельского хозяйства. Случалось, звонит нарком финансов Зверев30.

"Мало продаете белого хлеба, особенно булочек и бубликов". Дело в том, что

эти продукты продавались по повышенным ценам как товары Наркомфина; выручка

от их продажи поступала в средства накопления, шедшие на индустриализацию.

Помню также, что по сахарной свекле тогда выправилось положение. И по зерну

тоже: пшеницы заготовливали свыше 400 миллионов пудов. По тому времени это

были для Украины большие цифры. После Великой Отечественной войны, когда я

опять работал на Украине, сдавали и по 700 миллионов пудов хлеба. Но это уже

в другое время. А в 30-е годы Украина, действительно, являлась житницей

Советского Союза в смысле зерна, а о сахаре и говорить даже незачем. Кроме

того, выращивали много овощей, табака, подсолнуха.

Вспоминаю также, когда я только-только приехал на Украину и приступил к

своим обязанностям секретаря ЦК КП(б)У, мне как-то позвонил украинский

академик Патон³¹. Я слышал раньше о нем, но никогда с ним не встречался.

Меня информировали, что это очень интересный человек, крупнейший

машиностроитель, увлекшийся проблемой сварной конструкции мостов. Он

попросился ко мне на прием, и я его принял. В кабинет вошел плотный человек,

уже в годах, весь седой, коренастый, со львиным лицом, колючими глазами.

Поздоровавшись, тут же вытащил из кармана кусок металла и положил на стол:

"Вот, посмотрите, товарищ Хрущев, что может делать наш институт. Это

полосовое железо (кажется, 10-миллиметровой толщины), и я его таким

свариваю". Посмотрел я сварку. Так как сам я металлист, то со сваркой мне

приходилось встречаться. Здесь был просто идеальный шов, внешне гладкий, как

литой. Он говорит: "Это сварка под флюсом". Слово "флюс" я тогда услышал в

первый раз. Были у Патона и другие изобретения. Он рассказал,

какие возможности таит в себе сварка под флюсом, какую дает выгоду, как

облегчает труд, повышает его производительность и качество сварных работ

вообще, особенно их надежность. Он был поглощен идеей сварки всех железных

конструкций из черного металла -- мостов, стропил для перекрытия зданий и

пр., и доказывал, что их выгоднее сваривать, а не клепать; нарисовал передо

мною такую картину, что вскоре он изготовит автоматы, которыми мы будем

сваривать корабли. Глаза у него буквально горели, и в словах была такая

уверенность, что он заставлял и других поверить в его идею. Он умел хорошо

показать свои достижения и таким людям, которые не являются специалистами,

умел убедить их в правильности своих доводов.

Я был буквально очарован встречей и беседой с Патоном, его

прогрессивными, революционными техническими идеями. Сейчас могу сказать, что

Евгений Оскарович -- отец промышленной сварки в СССР. Его сын -- ныне

Президент АН УССР, вполне достоин своего отца. Уже после смерти

Патона-старшего я много раз встречался с Борисом Евгеньевичем, заезжал в

институт, который он возглавлял, много раз слушал его, он показывал мне

новые образцы достижений в области сварки: Ряд этих работ вышел далеко за

пределы института, они широко внедрены в производство. Еще при нашей первой

встрече Патон-старший сказал: "Я хочу жаловаться. Директор Днепропетровского

завода металлических конструкций был в Киеве. Я его просил зайти ко мне в

институт посмотреть на наши работы. Я хотел продемонстрировать нашу сварку

металлоконструкций, чтобы внедрить ее на его заводе, прежде всего

автоматическую сварку под флюсом. Он не нашел времени зайти ко мне и уехал в

Днепропетровск. Вот как наши, советские люди относятся к новому. Внедрение

автоматической сварки дало бы большую экономию металла, ускорило бы

строительство и повысило производительность труда".

Отвечаю: "Хорошо, что Вы

мне сказали. Этот директор завода завтра же будет у Вас". Тут же при нем

позвонил секретарю Днепропетровского обкома партии Задионченко. Он был очень

оперативным человеком, быстро понял суть дела и ответил: "Сейчас же ему

позвоню, завтра он будет у Патона". Назавтра директор опять прилетел в Киев.

Мне позвонил довольный Патон и сказал, что этот человек уже был у него, он

все ему показал, и они нашли общий язык.

На меня беседа с Патоном произвела сильнейшее впечатление. Я тут же

продиктовал записку Сталину, в которой сообщил обо всем, что мне рассказал

академик и что я сам увидел, когда ездил к нему в институт, знакомясь с его

работами. В записке

я очень хвалил Патона, восторгался его работами и писал о большом

будущем такого метода работ, как сварка, подчеркивал, что надо форсировать

работы Патона, чтобы поскорее внедрить их в практику наших заводов.

Прошло небольшое время, мне позвонил Сталин и

предложил приехать в

Москву. Я сейчас же сел в поезд. Тогда члены Политбюро и ЦК партии не

летали, на это имелся запрет. Запрет появился интересным образом. Как-то

Микоян, как мне рассказывали, поехал в Белоруссию, а там летчики предложили

ему полетать на самолете. Он согласился, полетал, и об этом потом было

написано в газетах. Сталин прочел, что Микоян летал на самолете и летчик при

этом выполнял фигуры высшего пилотажа, и предложил объявить Микояну выговор

за ненужный риск. Была сделана запись в протоколе, запрещающая членам ЦК

ВКП(б) и секретарям республиканских ЦК летать, это считалось слишком

опасным. Летать мы стали во время войны.

Я очень любил самолеты и часто летал, когда занимал такое положение,

которое Сталина не беспокоило. Летал, когда работал в Киеве в 1928 -- 1929

годах. Там служил летчик Дейч. Я приехал в Ржищев, и он меня "угостил"

впервые в жизни полетом на самолете. На меня это произвело сильное

впечатление. Потом я часто летал на "юнкерсах". На "юнкерсе" у нас летал

тогда начальник Военно-Воздушных Сил Красной Армии

Баранов32. Впоследствии

он погиб при катастрофе. Это был замечательный человек, ближайший друг

Якира. Во время маневров, когда он прилетел в Киев, разрешил мне полетать на

его самолете. Таким образом, по тем временам я уже был "воздушным волком". А

когда я работал в Москве секретарем МК партии, то полетал даже на

экспериментальном самолете "Сталь-2". На нем я летал вместе с наркомом

Гражданского воздушного флота. Летал я и на дирижабле и тоже с наркомом

гражданского флота. Но, хотя я уже много летал, теперь это было запрещено,

поэтому я из Киева в Москву ездил только поездом.

Когда я приехал в Москву и встретился со Сталиным, то вновь стал

рассказывать о Патоне. Он меня перебил: "Я вас как раз по этому вопросу и

вызвал. Я прочел вашу записку, и мне она очень понравилась. Я полностью

согласен с вами в оценке этих работ и хотел бы еще побеседовать с вами, а

потом поставить этот вопрос в ЦК и записать решение, обязывающее внедрять

сварку. А что за человек Патон? Какая у него воля? Хватит у него сил, если

мы его сделаем уполномоченным Совета Народных

Комиссаров и дадим ему

неограниченный мандат по внедрению его

**метода сварки в производство? Сможет он заставить
бюрократов внедрить**

**сварку?" Отвечаю: "Насколько я знаю Патона, если ему дадут
такой мандат, то**

**бюрократам не будет никакого спасения. Он заставит их
вертеться. Воля у него**

**пробивная". Тут Сталин сказал мне, чтобы я не возвращался в
Киев, пока не**

**будет вызван Патон и принято решение, дающее ему
полномочия организовать**

**внедрение в производство нового метода сварки. Когда приехал
Патон, Сталин**

**задал ему несколько вопросов и познакомился с ним. Он
произвел и на Сталина**

**тоже очень хорошее впечатление, да иначе и быть не могло:
Патон был**

**внутренне собранным человеком, организованным, ясно и
кратко формулировавшим**

**свои мысли, с волевым лицом и колючими, пронизывающими
глазами. Он заставлял**

**считаться с собой и умел влиять на людей, с которыми
встречался. Сталину это**

**понравилось. Патону выдали упомянутый мандат, и я сейчас же
отбыл в Киев.**

**Еще когда я подробно расспрашивал Патона о возможностях
сварки, у меня**

родилась мысль использовать его метод для сварки танковых

корпусов на

потоке. Я спросил его: "Сможете ли вы варить танковую сталь?" Он задумался:

"Надо изучить. Я не могу сейчас вам ответить. А какова толщина этой брони?"

-- "Видимо, до 100 миллиметров". "Сложно, но попробуем. Думаю, удастся".

Теперь я вновь встретился с Патоном, чтобы лучше узнать, какие детали, какие

металлы и какой толщины он может сваривать своим способом. Я надеялся, что

его метод мог быть полезен для сварки танковых корпусов. Ведь война

придвигалась вплотную.

Когда я опять поставил этот вопрос, Патон заметил, что нужно знать

состав стали. Я предложил ему съездить на Харьковский танковый завод.

Сначала это был завод, кажется, Гартмана, а потом он назывался ХПЗ

(Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна), но там уже

производилась новая продукция -- изготавливались танки и дизель-моторы. Я

сказал: "Попрошу заводских директоров и парторга (директором там был

Максарев33, парторгом -- Епишев34, который сейчас служит начальником

Главного политуправления Советской Армии и Военно-

Морского Флота), они вас

познакомят с производством и конструкторами, вы сами изучите производство и

после этого выскажете мне свое мнение". Патон поехал в Харьков, познакомился

с производством танков, затем сообщил, что ему понадобится какое-то время

для размышлений, но уверен, что можно будет организовать автоматическую

сварку танковых корпусов под флюсом. Говорю ему: "Это была бы большая победа

для всей страны и для армии. Большое сделали бы дело".

Патон стал разрабатывать вместе с конструкторами танка и инженерами

этого завода приспособления (как их называют в промышленности: кондукторы),

которыми зажимались детали танка и в которых они сваривались. Забегу

несколько вперед, чтобы закончить свой рассказ о Патоне и его участии в

производстве танков, о его огромном участии в победах, которые были одержаны

Красной Армией, потому что танки действительно начали сваривать, как блины

печь, в результате помощи, оказанной Патоном. Когда вспыхнула война и

события стали развиваться неблагоприятно для нас, а Красная Армия под

ударами врага отступала, в частности к Харьков, мы

вынуждены были

**эвакуировать харьковскую промышленность на восток.
Производство танков**

**попало из Харькова на Урал. Конструкторское бюро тоже
выехало туда. Туда же**

**отправился и Патон. Там быстро было налажено производство
танков на новом**

**месте. Патон внес большой вклад и в организацию производства
боевых машин на**

**потоке. Это был очень интересный человек, в ту пору уже
немолодой и, как**

**говорили тогда, старорежимный по духу, продукт воспитания в
царское время.**

**В 1943 году я прилетел в Москву по вызову Сталина.
Сталин частенько**

**вызывал меня с фронта для каких-либо бесед. В то же время
оказался в Москве**

**и Патон. Он попросился ко мне на прием. Я его принял,
выслушал, и он вручил**

**мне письмо в адрес ЦК партии. Он писал, что его отец
служил при царе**

**консулом в Италии, кажется, в Генуе. "Когда совершилась
революция, -- писал**

**он, -- я уже сформировался как человек и, естественно, отнесся
к революции**

**несерьезно. Я считал, что это не полезное для нашей страны
явление, и**

**поэтому был против Октябрьской революции. Но я со своей
стороны не**

**предпринимал никаких контрмер и не участвовал ни в каких
антисоветских**

**организациях. Если так можно выразиться, я ожидал, что
эта власть не**

**продержится долго, она развалится, потому что она
бесперспективна и**

**бесплодна. Шло время. Я видел, как время испытывало
власть и что власть**

**держалась. Потом власть стала крепнуть, показала свои
организационные**

**способности, показала направленность действий, которая мне
импонировала. Мне**

**нравилось то, что делала советская власть. С каждым годом
притягательное**

**действие советской власти все больше и больше охватывало
меня. Я начал лучше**

**работать и стал как бы сливаться с той сущностью, которая
создавалась**

**советской властью. Но я все-таки не забывал, как я относился к
ней в первые**

**дни революции, и поэтому считал, что не имею права на
какое-то**

**покровительство со стороны советской власти или на какое-то
особое доверие**

**ко мне. Я продолжал честно трудиться на том участке, где
работал. Тут**

**началась война, и я был привлечен к строительству танков.
Считаю, что я внес**

**большой вклад в оборону нашей страны, организовал
поточное производство**

танковых корпусов, внедрил автоматическую сварку под флюсом по своему

способу. Сейчас я уже давно за советскую власть. Теперь я чувствую, что имею

моральное право обратиться к партии с просьбой, чтобы она приняла меня в

свои ряды. Поэтому я пишу это письмо и прилагаю к этому письму в Центральный

Комитет заявление о приеме в партию. Прошу поддержать меня, я хотел бы

теперь быть партийным человеком".

Мне это письмо не только понравилось, оно тронуло меня, потому что

Патон был человеком, скупым на слова. Я чувствовал его глубокую искренность

в признании советской власти как власти народа, признании Коммунистической

партии как организатора побед над врагом. Мне очень понравилось такое

желание Патона -- политически оформить свое участие в этой великой борьбе

против фашистской Германии, став членом нашей партии. Я взял его документы и

сказал, что убежден в том, что он будет принят в ряды ВКП(б). "Доложу

товарищу Сталину, и Вы узнаете решение Центрального Комитета". Не помню,

через сколько времени я встретился со Сталиным, но все рассказал ему и

передал эти документы. Сталин тоже был взволнован, а он редко выдавал свое

волнение, и сказал: "Ну, вот и решился Патон, он заслуживает всяческого

уважения". И сейчас же предложил сформулировать такое решение: "Принять

товарища Патона в партию без кандидатского стажа".

В то время, когда принимали Патона в партию, существовал порядок,

согласно которому лица, вышедшие из буржуазной или интеллигентской среды,

должны были обязательно при вступлении в ряды партии иметь испытательный

кандидатский срок, который длился два года. Но к Патону это, в порядке

исключения, не было применено. Ввиду особых его заслуг перед Родиной и

партией в члены партии он был принят сразу. Мне это было очень приятно.

Во-первых, я радовался за Патона и за страну, за то дело, которое сделал

Патон для нашей страны и армии. Во-вторых, мне было приятно, что на мою долю

выпало познакомиться с ним, понять его роль и привлечь к такому большому

делу, как производство танков. После войны Патон вернулся к деятельности в

Академии наук Украины, стал ее вице-президентом и продолжал свое дело так же

плодотворно, как делал это во время войны и до войны.

Когда нас всех поразило несчастье, несчастье и для Украины, и для

науки, -- скончался Президент АН УССР Богомолец, которого все очень уважали,

-- встал вопрос о том, кто будет теперь президентом? Мне передавали, что

ученые Украины взволновались. Это вызывалось тем, что многие из них

полагали, что ЦК КП(б)У будет рекомендовать как раз Патона. Зная, с каким

уважением я относился к Патону, думали, что эта кандидатура будет без

сомнения названа. Тут следует сказать, что в АН УССР к Патону относились

по-разному. Считаю, что абсолютное большинство ученых относилось к нему с

большим уважением именно как к ученому. Но все очень боялись его характера и

поэтому страшились того, что он станет президентом Академии. Все знали его

волю, нетерпимость к пустословию, конкретность в делах. У него была просто

пробивная воля. До моего слуха дошли рассуждения, что если президентом будет

Патон, потому что его поддерживает Хрущев, то он поразгоняет и то, и другое,

и третье, превратит Академию наук в экспериментальные мастерские. То есть

обвиняли его в излишнем практицизме. Да, это был именно такой человек,

который хорошо умел ставить научные знания на службу дела. Он не терпел

отвлеченных разговоров и бесплодного словоблудия под маркой учености.

Действительно, для таких людей он мог быть грозой.

Мы все же учли такое отношение к нему, и поэтому у нас не возникла идея

рекомендовать его президентом. Надо было бы "нажимать", что при голосовании

встречено было бы плохо. Да и Патон сам к тому не стремился. Он был поглощен

своим делом и институтом, которым руководил. Сейчас этот институт известен

не только в нашей стране, он занял в мировой науке по сварке металлов

довольно высокое положение.

Я вспомнил еще один эпизод, который дает наилучшее представление о

Патоне. Когда я работал на Украине, ко мне пришел заведующий отделом

пропаганды Коммунистической партии Украины с жалобой на Патона. Он сказал,

что Патон выражает неуважение к Центральному Комитету, и он возмущен его

поведением. Зная мое отношение к Патону, он решил мне это сказать. Я спросил

его: "Что же Патон конкретно сделал? Что вызывает ваше

недовольство?"

-- Я собрал совещание ученых, пригласил и Патона. Патон посидел

какое-то время, а потом встал и ушел.

Я говорю: "Если Патон ушел, то надо еще посмотреть, в чем дело. По

какому вопросу Вы проводили совещание?"

-- По вопросам идеологической работы.

-- А зачем Вы пригласили на это совещание академика Патона? Он не имеет

никакого отношения к этому вопросу. Он сидел там просто как украшение. Вам

нужен был академик, вот Вы и пригласили его вместе с другими. Зачем?

В этих действиях виден сам Патон, его характер. Когда он увидел, что к

вопросу, который обсуждается, он не имеет никакого отношения и что там сидит

много народа и теряет время попусту, он взял да и ушел. А что ему оставалось

делать? Он должен был бы выругать тех, кто его вызвал, но он этого не

сделал, а просто ушел. Совершенно правильно поступил. Надо сделать верный

вывод и, созывая совещания, вызывать только тех людей, которые

непосредственно имеют отношение к обсуждаемому вопросу. Тогда люди будут

заинтересованы, будут активно принимать участие в

обсуждении, не возмущаться

теми, кто организует подобные совещания. Патон так выразил свой протест

против того, что его вызвали на совещание, которое его не интересует. Он

взял и ушел, проголосовав, как говорится, ногами, а Вы должны сделать вывод

своими мозгами и в будущем не позволять подобного не только в отношении

Патона. Нужно беречь каждого человека, тем более ученых, специалистов. Их

надо вызывать в крайнем случае и вызывать тогда, когда они нужны на

совещании, когда обсуждается или его вопрос, или вопрос, к которому он имеет

отношение.

После смерти Патона институтом руководит, причем успешно, его сын

Борис, который сейчас является Президентом АН УССР.

Когда Патон умер, заканчивалось строительство в Киеве нового моста

через Днепр. Это был самый большой мост в Киеве. Он цельносварной. Патон

добивался этого, и я его поддержал, чтобы была принята цельносварная

конструкция. Он был техническим руководителем по сварке моста. Я в то время

приехал по какому-то делу на Украину. Украинцы носились с идеей присвоить

этому мосту мое имя. Меня это удивило, особенно потому, что к тому времени у

нас уже было принято решение запретить присваивать предприятиям,

учреждениям, колхозам и пр. имена руководителей партии и правительства,

находящихся в здравии. И даже ряд почетных имен, которые были присвоены

раньше, мы специальным решением сняли. Как я в шутку говорил тогда, лишили

всех прав и состояния этих людей, которые "нахапали" себе фабрики, заводы и

города. Нездоровое даже было такое соревнование, чье имя будет присвоено

большому количеству предприятий или колхозов. Это дикая вещь! При Ленине

этого, по-моему, еще не было. Потом иногда присваивалось имя здравствующего

Буденного (как героя Гражданской войны). Присваивались также имена умерших в

память их добрых дел, которые они совершили для партии, ради народа.

Я спросил украинцев: "Зачем вы хотите присвоить мое имя мосту? Это

прямое нарушение решения ЦК. Я против, тем более что сам был инициатором

вынесения такого решения. Неужели вы не понимаете, в какое положение меня

ставите? Прошу вас

никуда не вылезать с предложениями такого характера. И зачем долго

искать, кто более достоин, чтобы его имя было присвоено этому сооружению?

Вот академик Патон. Прошу, внесите именно такое предложение, и правительство

утвердит его". Так мосту было присвоено имя Патона. И сейчас этот мост, как

говорится, живет и здравствует, а люди, проезжая по нему, вспоминают добрым

словом его создателя академика Патона.

1 Тбилиси именовался Тифлисом до 1936 года.

2 МАЛЫШЕВ В.А. (1902-1957) -- сын учителя, рабочий, член ВКП(б) с 1926

г., с 1934 г. на инженерно-конструкторской работе, с 1939 г. нарком тяжелого

машиностроения, в 1940-1944 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР, в

1941-1956 гг. нарком танковой промышленности, министр транспортного

машиностроения, министр судостроения, министр транспортного и тяжелого

машиностроения, министр среднего машиностроения, в 1947-1956 гг. заместитель

Председателя Совета Министров СССР, член ЦК партии с 1939 г., в 1952-1953

гг. член Президиума ЦК КПСС.

3 КУЛИК Г.И. (1890-1950) -- участник Гражданской войны в составе 1-й

Конной армии, далее занимал ряд высоких должностей, член ЦК ВКП(б) в

1939-1942 гг., с 1939г. начальник Главного артиллерийского управления.

Маршал Советского Союза и Герой Советского Союза с 1940 г., в марте 1942 г.

был понижен в звании до генерал-майора, командовал рядом армий. Был

расстрелян по необоснованному обвинению в измене.

4 ЖЕМЧУЖИНА П.С. (Карпович) (1897-1970) -- в 1936-1937 гг. начальник

Главного управления парфюмерной, косметической, синтетической и мыловаренной

промышленности Наркомпищепрома СССР, потом зам. наркома пищепрома и нарком

рыбной промышленности, с 1939 г. начальник Главного управления текстильной

промышленности. В 1949 г. осуждена к ссылке, в 1953 г. реабилитирована.

5 ФРИНОВСКИЙ М.П. (1898-1940)--чекисте 1919 г., с 1930 г. председатель

ГПУ Азербайджана, с 1933 г. начальник Главного управления погранохраны ОГПУ,

с 1936 г. зам. наркома внутренних дел СССР и с 1937 г. первый его

заместитель, с 1938 г. нарком Военно-Морского Флота СССР, в 1939 г.

арестован, потом расстрелян.

6 КОБУЛОВ Б.З. (1904-1953)--чекисте 1922 г., с 1938 г. зам.

наркома

внутренних дел СССР, с 1943 г. -- зам. наркома госбезопасности СССР, в 1953

г. первый зам. министра внутренних дел СССР. Расстрелян по одному делу с

Берией Л.П.

7 Войсками МВО тогда командовал командарм 1-го ранга (с 1935 г.) БЕЛОВ

И.П. (1893-1938 гг.), член Военного совета при народном комиссаре обороны

СССР, один из героев Гражданской войны и видный строитель РККА.

Репрессирован, реабилитирован посмертно.

8 ЛУКАШОВ П.В.

9 БАДАЕВ А.Е. (1883-1951)--член РСДРП с 1904 г., участник

революционного движения, депутат IV Государственной думы. С 1921 г. работал

в потребкооперации, в 1937-1938 гг. нарком пищевой промышленности РСФСР, в

1938-1943 гг. председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

10 ВАСИЛЬКОВСКИЙ Г.

11 АГРАНОВ Я.С. (1893-1938) являлся тогда секретарем Малого Совнаркома

-- постоянной комиссии Совнаркома для предварительного рассмотрения

правительственных вопросов. При Ленине В.И. этот орган функционировал с 23

января (5 февраля) 1918 года. С 1919 г. Агранов --сотрудник ВЧК-- ГПУ --

НКВД, с 1934 г. первый заместитель наркома внутренних дел. Последняя

должность -- начальник Саратовского управления НКВД.

12 САРКИСЯН С.А. (1898-1937)--член РСДРП с 1917 г., затем на партийной

и хозяйственной работе, в 1933-1937 гг. -- 1-й секретарь Донецкого обкома

КП(б)У, с 1933 г. член Политбюро ЦК КП(б)У. Репрессирован, реабилитирован

посмертно.

13 ЧЕРНЯВСКИЙ В.И. (1893-1939) -- член РСДРП с 1911 г., участник

Гражданской войны на Украине, партработник в Киеве, Полтаве, Виннице,

Днепропетровске, Одессе, с 1930 г. секретарь ЦК КП(б)У, до 1937 г. кандидат

в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

14 КОГАН Е.С. (1886-1937) -- из мещан, член РСДРП с 1907 г., в 1918 г.

секретарь Самарского губкома РКП(б), далее на ответственной партийной и

преподавательской работе, в 1930-1936 гг. секретарь Московского комитета

ВКП(б), член Центральной ревизионной комиссии с 1934 года. Репрессирована.

Реабилитирована посмертно.

15 СОЙФЕР Я.Г. --член РСДРП с 1907 г., после 1917 г. занимал различные административные и партийные посты.

16 СЕДЕЛЬНИКОВ А.И. (1894-1937)--член РКП(б) с 1918 г., секретарь

Тульского обкома ВКП(б) и с 1930 г. член Бюро МК ВКП(б), перед

репрессированном работал управляющим трестом в Куйбышевской области.

Реабилитирован посмертно.

17 ФИЛАТОВ Н.А. (1891-1941)--член РСДРП с 1912 г. до 1938 г., после

1917 г. на партийно-административной работе, в 1930-1934 гг. секретарь

райкома ВКП(б) в Москве, с 1934 по 1937 г. председатель Мособлисполкома.

18 БЕНЕШ Э. (1884-1948) -- в 1918-1935 гг. министр иностранных дел

Чехословакии, далее до 1938 г. и с 1946 г. ее президент.

19 КАЛЕДИН А.М. (1861-1918) -- генерал от кавалерии с 1916 г., атаман

Донского казачьего войска и лидер восстания на Дону после Октябрьской

революции. Окончил жизнь самоубийством.

20 СВАНИДЗЕ А.С. (1886-1941) -- член РСДРП с 1903 г., занимал ряд

государственных постов в наркоматах просвещения, иностранных дел, финансов

СССР. Автор работ по истории Дальнего Востока.

Репрессирован, реабилитирован

посмертно.

21 ЛАКОБА Н.А. (1893-1936) -- из крестьян, член РСДРП с 1912 г., после

1917 г. боролся за советскую власть в Закавказье, в 1921 г. председатель

ревкома Абхазии, с 1922 г. председатель Совнаркома Абхазии, с 1930 г.

председатель ЦИК Абхазии, член ЦИК СССР.

22 ШКИРЯТОВ М.Ф. (1883-1954) -- рабочий, член РСДРП с 1906 г., после

1917 г. на советской и профсоюзной работе, с 1921 г. в аппарате ЦК партии и

Наркомате РКИ, с 1934 г. член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), в

1939-1952 гг. зам. ее председателя и с 1952 г. ее председатель, член ЦК

ВКП(б) с 1934 года. В 1952-1953 гг. член Президиума ЦК КПСС.

23 УГАРОВ А.И. (1900-1939) -- член РКП(б) с 1918 г., затем на советской

и партийной работе, в 1934-1938 гг. второй секретарь Ленинградского горкома

ВКП(б), в 1938 г. первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Репрессирован,

реабилитирован посмертно.

24 СИДОРОВ И.И.

25 В Иркутском обкоме ВКП(б).

26 ПОПОВ Г.М. (1906-1968) -- из служащих, член ВКП(б) с

1926 г., в

1928-1938 гг. сотрудник Московского центрального института труда, затем в

аппарате ЦК ВКП(б), в 1938-1948 гг. 2-й секретарь Московского горкома

ВКП(б), в 1944-1950 гг. председатель исполкома Моссовета, в 1945-1949 гг.

1-й секретарь МК и МГК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), с 1951 г министр

городского строительства, сельскохозяйственного машиностроения СССР,

директор ряда заводов (в 1953-1954 гг., посол в Польше) до 1965 г., далее

пенсионер.

27 ГАЕВОЙ А.И. (1907-1962) -- член ВКП(б) с 1930 г., с 1939 г.

председатель Сталинского облисполкома УССР. В 1940-1951 гг. первый секретарь

Ворошиловградского обкома КП(б)У, в 1952-1957 гг. первый секретарь

Запорожского обкома КПУ, в 1957-1961 гг. первый секретарь Днепропетровского

обкома КПУ, затем секретарь ЦК КП Украины.

28 ДЮКАНОВ М.Д.

29 ЗАСЯДЬКО А.Ф. (1910-1963) -- рабочий, член ВКП(б) с 1931 г., в

1943-1947 гг. заместитель наркома угольной промышленности СССР, зам. наркома

строительства топливных предприятий, далее министр

угольной промышленности

западных районов СССР, зам. председателя Госплана СССР, с 1956 г. зам.

Председателя Совета Министров СССР, с 1960 г. председатель Государственного

научно-экономического совета Совмина СССР, член ЦК КПСС в 1952-1956 гг. и с

1961 года.

30 ЗВЕРЕВ А.Г. (1900-1969) -- из крестьян, член РКП(б) с 1919 г., затем

на военной, административной и финансовой работе, в 1938-1960 (в 1948 г

заместитель министра) нарком и министр финансов СССР; член ЦК партии в

1939-1961 годах. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1952-1953 годах.

31 ПАТОН Е.О. (1870-1953) --ученый, специалист по сварке, член ВКП(б) с

1944 г., с 1905 г. профессор Киевского политехнического института, в

1921-1931 гг. начальник Киевской мостоиспытательной станции, с 1934 г.

директор научно-исследовательского института электросварки, акад. АН УССР с

1929 г., вице-президент АН УССР в 1945-1952 гг., автор многочисленных трудов

по теории и практике сварочных работ и мостостроения.

32 БАРАНОВ П.И. (1892-1933)--член РСДРП с 1912 г., после 1917 г. в

**Советских Вооруженных Силах, активный участник
Гражданской войны, с 1923 г**

**зам. начальника и с 1924 г. начальник ВВС РККА, в 1925-
1931 гг. член**

**Реввоенсовета СССР, с 1932 г. зам. наркома тяжелой
промышленности и**

**начальник Главупра авиапромышленности, член ВЦИК и ЦИК
СССР.**

33 МАКСАРЕВ Ю.Е.--член РКП(б) с 1921 г.

**34 ЕПИШЕВ А.А. (1908-1985) -- рабочий, в 20-е годы на
комсомольской и**

**партийной работе, член ВКП(б) с 1929 г., с 1930 г. -- в
Советских**

**Вооруженных Силах, специалист по механизации и моторизации
армии, с 1938 г.,**

**будучи в военных кадрах, одновременно парторг ЦК ВКП(б)
на харьковском**

**заводе им. Коминтерна и секретарь Коминтерновского райкома
партии, с 1940 г**

**1-й секретарь Харьковских обкома и горкома КП(б)У, с 1941
г. комиссар**

**Харьковского корпуса народного ополчения, ответственный
организатор ЦК**

**ВКП(б), уполномоченный на Сталинградском фронте,
заместитель министра**

**среднего машиностроения, член Военного совета 40-й и 38-й
армий, с 1946**

**г. секретарь ЦК КП(б)У, в 1950-1955 гг. 1-й секретарь
Одесского обкома**

партии (в 1951-1953 гг. зам. министра госбезопасности СССР), с 1955 г. посол

в Румынии, с 1961 г. посол в Югославии, с 1962 г. начальник Главного

политического управления СА и ВМФ СССР, член ЦК КПСС с 1964 года.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Когда в 1938 году я возглавил Компартию Украины, Сталин предложил

ввести меня в члены Военного совета Киевского Особого военного округа (КОВО)

с тем, чтобы я мог приобщаться и к военным делам: "большая война" СССР с

врагами неизбежна, партработникам надо все знать самим. Тем более, добавлю,

что столько было в РККА "вредителей", столько было изъято лиц командного

состава. Большинство их не вернулось после ареста, были казнены либо

направлены в лагеря. Командующим войсками КОВО был Тимошенко¹. О нем мне

рассказывал Сталин, он его знал лично еще по 1-й Конной армии и хорошо

характеризовал его. Когда я был введен в Военный совет, то всегда аккуратно

ходил на его заседания и слушал все выступления. Там

разбирали конкретные

вопросы. Главным образом тогда занимал всех вопрос о создании укрепленных

районов по нашей западной границе: строили бетонные доты, вооруженные

артиллерией и пулеметами; еще раньше был создан укрепленный район

непосредственно под Киевом, по Ирпеню. Его начали строить в 1928 -- 1929

гг., когда я заведовал орготделом Киевского окружкома партии. Иной раз я

выезжал на военные учения, знакомился с войсками. Знакомство было, правда,

довольно ограниченное, потому что я никогда не занимался непосредственно

военными вопросами, так как по горло был загружен партийной работой,

проблемами развития народного хозяйства: угольной промышленности,

металлургии, сельского хозяйства. Но строительство укрепленного района меня

интересовало. Я вообще к строительству проявлял слабость и неплохо

разбирался в строительном деле. Поэтому здесь мое участие было полезным, я

выезжал на стройки и следил, как идет дело.

Тимошенко информировал меня о заседаниях Главного военного совета (ГВС)

РККА2. Он часто выезжал туда. Это человеке хитринкой. Я

чувствовал по нему,

что он недоволен работой ГВС, но бессилён исправить ее.
Однажды выехал он в

Москву (я тоже там оказался) и очень просил меня, чтобы я
пошел с ним на

заседание ГВС. Я никогда раньше там не был и никакого
отношения к нему не

имел. Говорю: "Зачем же я пойду? Неудобно. Да и как на это
посмотрит нарком

Ворошилов?" Он отвечает: "Обсуждать будут именно наши
вопросы. Вы -- член

Военного совета Киевского Особого военного округа, надо,
чтобы Вы были в

курсе дела, как решаются эти вопросы. Поэтому все будет
понято правильно".

Мне очень не хотелось идти, но он так настаивал, что я понял: у
него имеются

какие-то соображения на этот счет, и я решил уступить ему и
пойти на это

заседание. Пришли мы с ним, заняли места: он -- свое
обычное, а я

примостился на свободном стуле. Собрался ГВС: Ворошилов --
председатель,

члены ГВС Щаденко, Кулик, Мех-лис, и не помню уже, кто еще
входил тогда в

его состав³. Ворошилов занял председательское место, объявил
повестку дня.

Я сейчас совершенно не помню, какие обсуждались
конкретные вопросы, но

помню общую обстановку, в которой проходило их обсуждение. Тимошенко,

видимо, и пригласил меня затем, чтобы я увидел, какая там обстановка и как

решаются все вопросы. Вот Ворошилов начал. Подал голос Кулик, выступал

сумбурно, нельзя разобрать, о чем по существу говорил, потому что горячился,

плохо формулировал свои мысли, орал. Сразу поднялся ералаш, атмосфера

накалилась. После него еще более сумбурно выступал Щаденко. Он тоже начал

жестикулировать и кричать. Ворошилов его останавливает, а он кричит на

Ворошилова, резко возражает. Кончил он, выступает Мехлис. Мехлиса я знал

хорошо, это был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший. Он с

еще большей горячностью доказывает свою правоту. Все заговорили сразу, кто в

лес, кто по дрова. Ворошилов то примиряет их, то сам кричит. На меня все это

произвело впечатление несерьезной организации несерьезных людей, которые не

могут дельно решать вопросы обороны страны (хотя авторитет Ворошилова тогда

стоял на очень большой высоте). Кончили обсуждение, было принято какое-то

решение, все ушли.

Тимошенко, повторяю, человек хитрый, поглядывает на меня и как бы одними

глазами спрашивает: видел, мол, какова обстановка, в которой решаются

вопросы обороны СССР? Мне было трудно, конечно, сделать сразу какое-либо

обобщение или какие-то выводы, потому что я единственный раз побывал на

таком заседании. Сказать, что данный орган не в силах решать эти вопросы,

было бы слишком смело. Ведь люди, которые входили в ГВС, --

уважаемые: сам Ворошилов, Кулик -- человек, который храбро воевал еще

солдатом и считался знающим артиллеристом, Щаденко... Насчет Щаденко -- тут

своя история. Он коммунист с дореволюционным стажем, по профессии из

портных. В свое время отличился на Дону, в борьбе против атамана Каледина. Я

фамилию Щаденко знал еще в ту пору по публикациям, поэтому он в моих глазах

обладал неким ореолом. Человек с таким прошлым! А его несуразное поведение

на ГВС я объяснял просто сложностью обсуждавшихся вопросов.

Мехлиса я знал больше, знал еще по "Правде" и, сразу нужно сказать,

относился к нему с уважением. Я познакомился с ним, когда учился в

Промышленной академии, во время борьбы с "правыми".

Мехлис как редактор

"Правды" очень помог нам в этой борьбе. После этого я с Мехлисом поддерживал

связь, и когда мы встречались, то обменивались мнениями и с вниманием

относились друг к другу. Вспоминаю, однако, и случай, который характеризует

сумасшедший характер Мехлиса. Приехав с Украины, я шел в тот раз к Маленкову

в его кабинет, в коридоре встретил Мехлиса. Мехлис был тогда наркомом

госконтроля СССР. Он говорит, как всегда, горячо: "Вора поймал!" Спрашиваю:

"Поймал, да одного? Наверное, в Советском Союзе еще не один вор остался". --

"Да ты, знаешь ли, что воруют?". "Ну, что?" -- "Авиационные моторы". -- "Тут

я тебе не поверю, воруют, верно, что угодно, но авиационный мотор? Кто его

купит? Зачем его красть? Съесть его нельзя, продать нельзя, какой смысл в

краже?"

Зашел я к Маленкову, и Мехлис ввалился туда же, опять продолжалось

обсуждение. Маленков, оказывается, уже рассматривал этот вопрос. А я потом

разобрался, в чем дело. Все объяснялось просто. Заводы тогда имели суточные

планы с суточными отчетами. Например, завод должен был

сделать в день 100

моторов, а сделал 101. Но показывал 100, а если сделал 99, то тоже показывал

100. Таким образом, плюс на минус, и получалась в совокупности месячная

плановая выработка. Мехлис же подсчитал все "плюсовые" моторы, которые не

были показаны, и решил, что они уворованы. Этот вопрос разбирал затем

Сталин, обсуждение проходило очень бурно, и меня удивило тогда, что Сталин

долго не понимал столь простой механики. Нависла угроза над директорами

заводов, но в конце концов постигли, что не было воровства. Запутал дело,

конечно, Мехлис, взбудораживший Политбюро.

А вот другой случай. Мехлис во время военных событий на озере Хасан⁴ в

1938 г. был начальником Главпура РККА. Поехал

он на Дальний Восток. Потом вернулся и рассказывал, какие же там

вредители, сколько врагов народа! И столько-то он арестовал... Есть там

один подлец, да и фамилия у него Подлас⁵. Он его тоже арестовал. Я потом еще

расскажу об этом Подласе, какой это был замечательный человек и как он

прекрасно действовал во время Великой Отечественной войны, несмотря на то,

что еще не был по-настоящему реабилитирован.

Хочу заодно сказать об эпизоде, который относится, кажется, к 1939

году. Как-то я, приехав в Москву, рассказал Сталину о том, что услышал от

своего шофера: Александр Георгиевич Журавлев ездил со мной много лет, хорошо

знал и очень любил шоферское дело. Я относился к нему с большим уважением и

доверием. Он рассказал, что шины, которые мы сейчас получаем для автомашин,

очень быстро выходят из строя, причем не изнашиваются, а портятся: протектор

остается хорошим, свежим, но шины лопаются по бокам. Сообщил я Сталину, что

мы много теряем на этом производственном дефекте. Замечу здесь, что Сталин

очень не любил, когда мы критиковали что-либо собственного производства, с

неудовольствием всегда выслушивал это и с явным раздражением поручал

ликвидировать дефект. Я в принципе понимаю такое чувство, хорошее чувство.

Сталин не хотел как бы зубоскалить по поводу наших недостатков, ведь они

были недостатками в нашей, советской системе. Поэтому он реагировал на такие

критические замечания болезненно и с какой-то злобой поручал ликвидировать

недостатки, а виновных -- строго наказать. И когда я рассказал ему о шинах,

он вскипел: "И Вы критикуете? Все без конца критикуют. А кто делать будет?"

Вот мы и поручим Вам разобраться в этом. Внесите предложения, которые

исключили бы брак и обеспечили выход доброкачественных шин с заводов".

Отвечаю: "Товарищ Сталин, я с удовольствием взялся бы за это дело, но ведь я

совершенно незнаком с данным видом производства, никогда не имел никакого

отношения к такому производству. Я разбираюсь, более или менее, в угольной

промышленности, в металлургии, в строительстве, но выпуск шин мне совершенно

незнаком". -- "Вот и познакомитесь. Беритесь сейчас же!"

Было написано правительственное постановление, создана специальная

комиссия, меня утвердили ее председателем. Сталин подчеркнул: "Вы не

вернетесь на Украину, пока не разработаете толковых предложений". Я, честно

говоря, немного побаивался: не знал, сколько это займет времени и смогу ли

вообще разобраться в этом вопросе. Однако собрал членов комиссии, вызвал

специалистов с Ярославского завода, из Ленинграда, москвичей,

пригласил из отраслевых институтов. Одним словом, собрал

практически

всех, кто понимал суть дела. Работники аппарата ЦК партии помогли мне

вызвать кого нужно, я ведь сам не знал, кто понадобится. Затем я провел

совещание в ЦК, всех выслушал. Развернулся сильный спор. Я потом рассказывал

Сталину, по каким линиям шел спор. Сейчас уже не помню, кто занимал какую

позицию. Но на меня произвело очень хорошее впечатление выступление

директора Ярославского завода. При первой же встрече со Сталиным я

рассказал, что работа началась, что я выслушал мнение таких-то людей и

высказал свои соображения. Он отвечает: "Советую, поезжайте сами в Ярославль

и там на месте разберитесь. Ярославский резиновый комбинат--самый крупный

наш завод в этой области производства". Я уехал в Ярославль и взял с собой

специалистов из Москвы.

В Ярославле был тогда секретарем обкома партии Патоличев⁶, позднее --

секретарь других областных и республиканских комитетов партии, министр

внешней торговли СССР. Председателем облисполкома был там Гогосов⁷, молодой

еще человек, как и Патоличев, но не химик, а инженер-

металлург. Оба они

произвели на меня очень хорошее впечатление. Когда я приехал в Ярославль, то

прежде всего сообщил местным товарищам, по какому поводу прибыл, и попросил,

чтобы они оказали мне помощь. Сначала я хотел просто посмотреть, как именно

изготавливаются шинные покрышки, и поехал на комбинат, а там сказал

директору: "Сейчас вы не рассказывайте мне о своем производстве, это будет

пустая трата времени. Вы поводите меня по потоку, я хотел бы начать с нуля".

Прошел по всему потоку. Возле тех операций, которые меня особенно

заинтересовали, подолгу стоял и хорошенько присматривался к труду рабочих.

Непосредственно наблюдать за химическим процессом вулканизации резины,

который осуществляется при определенном режиме, нельзя. Тут я полагался на

специалистов, которые мне докладывали о происходящем. Особенно увлекли меня

приемы рабочих, укладывавших корд. Они делали это артистически, очень

быстро, почти не глядя. Руки у них действовали, как у музыкантов. Я

повосхищался ими, а потом стал расспрашивать о технологии дела. Мне

рассказали, какую роль играет корд, сколько его слоев кладется и как. Когда

мне это рассказали, я понял, что здесь-то и должно быть слабое место в ходе

производства шин. Ведь я видел, как быстро все делают рабочие. А разве при

такой скорости могут они тщательно уложить корд? Корд должен лежать ровно,

все нити слоя должны быть натянуты равномерно, чтобы

они несли нагрузку, как будто это одна единая нить. Тогда нужно только

умножить прочность одной нити на количество нитей, чтобы установить

сопротивление слоя на разрыв. Если же слой ложится неравномерно, то каждая

нить работает сама по себе, и рвутся они последовательно. Так пойдет процесс

разрушения. Возникли у меня и другие вопросы, но главное оказалось здесь. Я

"зацепился" за основной недостаток в производстве шинных покрышек.

Обменялся я мнениями с руководством завода, высказал свои соображения,

потом походил по всему предприятию. Все там было, как на каждом заводе:

Доска Почета, на ней висят фотографии лучших рабочих, как их тогда

называли--ударников. Попросил я директора предприятия Митрохина: "Дайте

документацию технологии производства шин. Надо посмотреть, какая технология

рекомендуется наукой. Мы ведь этот завод купили в Америке; Америка, видимо,

и рекомендовала нам технологический процесс. Сделайте мне выборку основных

документов и доложите, какие вносились изменения в технологию". Далее члены

комиссии разбились на группы. Я поручил и Гогосову произвести определенную

работу. Патоличев тоже активно включился в дело. Мы изучили процесс

производства шин по основным узлам. Вскоре мне доложили о найденных

отступлениях от технологического процесса, рекомендованного фирмой, у

которой был куплен завод: один или два слоя корда были сняты, так как на

заводе посчитали, что и того их количества, которое оставалось, достаточно,

чтобы обеспечить прочность шин. Я почувствовал, что, видимо, именно тут

зарыта собака. Мне доложили также, что у бортовой проволоки уменьшено

сечение и сняты одно или несколько колец этой проволоки для удешевления

себестоимости покрышки. Конечная экономия выражалась в большой сумме.

Спрашиваю: "Когда это было сделано?" "Приезжал Каганович (он руководил тогда

Наркомтяжем), изучал здесь производство и внес эти предложения". Стало ясно,

в чем заключалась причина ухудшения качества покрышек.

Побывал в Ярославле и Серго. Но он просто ознакомился с заводом,

подбодрил людей, конкретные же замечания по "улучшению" производства были

сделаны Кагановичем. "Хорошо, -- говорю,--дайте мне официальную выписку,

чтобы можно было доложить Сталину и в ЦК. Вы, наверное, следите за

аналогичным производством в Америке? Какая там производительность труда

рабочих?" Выяснилось, что мы далеко шагнули вперед и "переплюнули" их. "Мне

нужно знать не вообще, а конкретно. Вот укладчики корда. Какая там у них

производительность труда?". "А мы, -- отвечают, -- как раз их и имеем в

виду, поскольку это ручной труд". Кому нужно такое "повышение"? Затем был

поднят вопрос о качестве смеси натурального каучука с искусственным.

Искусственный каучук был тогда невысокого качества, и его сдабривали

натуральным. Подняли и вопрос о качестве сажи, которая играет важную роль в

производстве такого рода изделий. Комиссия подготовила проект постановления,

и я возвратился в Москву, где доложил обо всем Сталину, сосредоточив

внимание на том, что шины у нас имеют плохое качество, потому что мы сами,

желая получить экономию, нарушили технологию, которая рекомендовалась

фирмой: мы "поправили" американских технологов, но зато у них одна шина

работает за десять наших. Вот такая "экономия"! Потом сказал Сталину, что

считаю недостатком слишком большой рост производительности труда и норм

выработки, тоже отражающийся на качестве. Нельзя удешевлять производство и

повышать производительность труда за счет качества. Конечно, из этого идут

накопления средств, но в Ярославле явно переборщили. Необходимы также более

квалифицированные рабочие для укладки корда, и им нужно уменьшить выработку,

снизить нормы. Все эти люди названы на Доске Почета -- и ударники они, и

Стахановцы, а фактически портят материалы и снижают успешность работы

шоферов, потому что в пути у них разрушаются шины и они просто не могут

нормально трудиться. Из-за этого мы плохо используем автомобильный парк.

Сталин внимательно меня выслушал. Он был страшно раздражен, и я понимал

его. Каждого человека, который заботится о своем государстве, тем более

человека, который занимает ведущее положение, должны были покоробить такие

вести. Эта черта Сталина нравилась мне. Я потому и привел рассказ о данном

эпизоде, чтобы показать государственный подход Сталина к делу. Он был,

конечно, большим человеком, организатором, вождем. Но был он и большим

деспотом и поэтому боролся с варварством, встречавшимся в нашей жизни,

деспотическими методами. Сталин сказал: "Я согласен с Вами, давайте ваши

предложения, мы их утвердим". Мною были внесены предложения снизить нормы

выработки, поднять рабочим расценки и назван ряд других мероприятий, которые

наметили специалисты завода, научно-исследовательских институтов и

Наркомата. Все результаты труда лучших умов в этом направлении были заложены

в проекте решения. Сталин добавил: "Надо запретить соревнование и снять

Доску Почета на этом заводе". Я же в принципе считал, что этого не

следует делать: соревнование -- здоровое явление. Оно имело место

всегда и в капиталистических странах, но носит там название конкуренции.

Рост производительности труда, понуждаемый конкуренцией, есть основа основ

развития промышленности и накопления ценностей.

Мне очень понравилась позиция Сталина в этом вопросе, и было приятно,

что с помощью специалистов, которых я привлек, удалось действительно

нащупать (а мы двигались наощупь) слабое место в производстве шин,

ликвидировать его, выровнять производство и обеспечить выпуск более

качественных изделий. Уже тогда мы чувствовали, что приближаемся к войне,

скоро грянет ее гром, а транспорт, который и в мирное время играет одну из

решающих ролей, во время войны обеспечит подвижность армии. Было приятно

также, что, как только были ликвидированы недостатки и восстановлена

исходная технология, начался выпуск шин хорошего качества, они сразу же

увеличили километраж пробега в несколько раз. Далее мы предложили, помимо

стендовых испытаний, которые проводятся для проверки шин на то, как они

стираются, отбор какого-то их количества для испытаний на местности в ходе

пробега автомашины, когда строго учитывается, сколько прослужила резина без

ремонта. При положительных результатах завод получал премию для поощрения

коллектива и на культурно-бытовые мероприятия. Перед войною или в начале

войны директор Ярославского комбината стал наркомом химической

промышленности СССР. Мне было приятно, что Сталин вспомнил о нем, мои отзывы

о нем и поставил его на такой ответственный пост. Он потом долгое время

работал наркомом.

Повторю, что Сталин -- типичный деспот, много сделавший вредного,

особенно в отношении кадров. В смысле заботы об успехах государства он бывал

беспощаден, часто не в меру. Беспощадность использовалась им и при

ликвидации недостатков, поскольку он ревниво, по-хозяйски относился к

интересам государства, боролся с бюрократией. Это была ценная черта его

характера, но о положительных сторонах его личности написано очень много, а

я через конкретные события показываю и другие его стороны как человека. Они

не исчезли даже тогда, когда к концу 30-х годов несколько ослабили репрессии,

меньше стали хватать людей. Уменьшились массовые аресты, общественность

начала несколько успокаиваться. Большинство считало, что мы уже разгромили

всех внутренних врагов и достигли такой цели. Значит, думали, репрессии были

необходимы, бдительность помогла пресечь контрреволюционные усилия по

свержению Советской власти. В партийных, хозяйственных и научных

организациях, в промышленности и сельском хозяйстве стали более устойчивыми

кадры. Это способствовало выполнению планов третьей пятилетки.

Но настроение портилось тем, что "большая война" неумолимо надвигалась.

Это чувствовали все граждане, но особенно руководители страны. Мы из этого

не делали никакого секрета. Немецкие фашисты, Гитлер не переставали

заявлять, что их цель -- разгром Советского Союза, уничтожение коммунистов,

истребление советского народа, порабощение славян. Помню, как-то нам была

роздана в переводе книга Гитлера "Моя борьба". Я тоже получил ее. Не помню,

сколько страниц прочел, но осилить целиком не смог морально, хотя сейчас

жалею о том. Я не мог тогда ее читать, потому что меня буквально

выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно,

не хватило терпения, и я ее бросил, не дочитавши. Однако было вполне ясно,

что Гитлер не отступит от своего и обязательно развяжет войну против СССР.

Что же делалось в нашей стране по повышению боеспособности Красной

Армии, улучшению вооружения, оснащению войск техникой? Конкретно я почти

ничего не знал, и мне неизвестно, что знали другие члены Политбюро, ибо все

это брал на себя лично Сталин. В Сталина мы верили, считали, что он в таких

вопросах разбирается, к тому же заслушивает военных, специалистов,

инженеров, ученых, организаторов Красной Армии. Напомню здесь о Ворошилове,

с которым Сталин имел тогда дружеские отношения, ежедневно с ним общался.

Все вопросы обороны страны они напрямую обговаривали между собой. Кто еще

мог знать конкретные вещи? Может быть. Молотов. В то время он тоже был очень

близок к Сталину. Другие члены Политбюро и секретари ЦК партии, тем более

члены ЦК партии, полагаю, мало что знали насчет конкретных сфер оборонного

производства, если не говорить об отдельных лицах, напрямую отвечавших за

это. Каждый желающий может проследить по книгам и газетам, как наша печать

того времени освещала события: "Гром победы, раздавайся!"
Везде и всюду

говорили о том, что если завтра грянет война, если завтра -- в поход, то мы

сегодня уже готовы к походу. Основное -- бить противника на его территории,

не отдавая ни пяди советской земли. Демонстрировались соответствующие

кинофильмы. О том же гласили статьи в военных журналах. А та техника,

которая демонстрировалась на парадах 1 Мая и в ноябрьские дни, тоже

производила впечатление.

Мне лично очень нравился танк конструктора Кристи⁹, по тем временам

очень маневренный, быстроходный и производивший хорошее впечатление, когда

танкисты проносились на большой скорости перед Мавзолеем на Красной площади

в Москве во время парадов. Другие танки и броневики тоже производили

неплохое впечатление. Но когда началась война, эти танки не оказались

достаточно пригодными, потому что броня у них была тонкая и легко

пробивалась снарядами противника. Самолеты наши были в общем-то хорошие, и

истребители, и бомбардировщики, но их было мало. Как оказалось, надо было бы

иметь их значительно больше, хотя по своим тактическим и техническим

условиям, как я считаю, наша военная авиационная техника соответствовала

общему уровню развития науки и техники того времени в СССР. Может быть, у

нас в течение какого-то времени самолеты были лучше, а в Германии хуже, или

же наоборот, но во всяком случае большого нашего отставания, полагаю, не

было.

Артиллерия наша была просто хороша. Она во время всей войны, да и в

начале войны, не уступала вражеской. Артиллеристы хорошо владели своей

техникой. Винтовки наши были тоже хорошими. Автоматическое оружие у нас было

создано своевременно, но, видимо, не совсем правильно было оценено. Поэтому

автоматические пистолеты-пулеметы так и не пошли в массовое производство и

на внедрение в армии. Только после Финляндской войны, когда мы увидели, что

финны почти поголовно вооружены этим скорострельным оружием, у нас приняли

меры по организации производства автоматов. Это было сделано и потому, что

для того не требовалось больших материальных затрат и технических усилий.

Как проходила оценка автоматов, кем и как принималось решение о принятии их

на вооружение, мне неизвестно, потому что всем этим занимался лично Сталин.

В ту пору я увлекался повышением проходимости нашего автотранспорта и в

связи с этим предложил сделать автомобили на полугусеничном ходу. Доложил

Сталину. Сталин поддержал мою идею, было организовано производство таких

автомобилей на Автозаводе имени Лихачева (тогда -- Автозавод имени Сталина).

Выпустили большую серию автомашин на полугусеничном ходу. Но они показали

себя не совсем хорошо. Поэтому в мой адрес пошла критика. Сталин ничего не

говорил, некоторые же другие лица, противники автомобилей повышенной

проходимости, которые сами носились с другими идеями, критиковали меня. Я

очень переживал, что толкнул всех на дело, полезность которого не

подтвердилась. Потом началась война. Стали мы брать трофеи. Я был в

этой связи поражен и удивлен тем, что увидел под Ростовом. Было мне и

приятно, и досадно. Оказалось, что у врага применяется автотранспорт на

полугусеничном ходу. Враг учел повышенную влажность почвы на западной

территории СССР и применил полугусеничные машины. Мы же этого не учли, так

как хотели воевать только на вражеской земле, и поплатились за это.

В 1938 г. нам был навязан военный конфликт с японцами на озере Хасан.

Как протекали там бои, я сейчас точно не могу рассказать, а по газетным

сообщениям разобраться в деталях было трудно. Видимо, они развивались не

совсем в том направлении, как нам хотелось. Поэтому мы вынуждены были вскоре

послать туда подкрепление. Я узнал об этом от Мехлиса как начальника

Главного политуправления Красной Армии. Он поехал на Дальний Восток как

доверенное лицо Сталина. Мехлис, действительно, был очень доверенным

человеком Сталина. Он когда-то был его помощником, а потом Сталин послал его

вместо Бухарина редактором газеты "Правда". У меня были очень хорошие

отношения с Мехлисом, я об этом уже говорил раньше. Познакомился я с ним в

1929-1930 гг., когда учился в Промышленной академии, а он был редактором

"Правды", и нас свела дружба на почве общих усилий в борьбе против "правых"

уклонистов. Мехлис оказывал мне большую помощь как секретарю партийной

организации Промакадемии, где существовало прежде абсолютное засилье

"правых". И вот, когда вернулся Мехлис, я с ним встретился. Правда, у меня

не было с ним дружеских контактов, не встречались мы и по службе. А тут

произошла случайная встреча. Мехлис рассказал мне о событиях на Дальнем

Востоке. Как чрезвычайно экспансивный и несколько желчный человек, он когда

говорил о людях то либо хвалил их, либо мешал с грязью. (Помню, как он

рассказывал мне о людях, которых приказал арестовать. Тогда я оценивал его

поступки положительно, считая, что он обезвредил кадры, повисил

боеспособность Красной Армии.)

Японцы же не достигли своей цели у Хасана. Это озеро нависает над

Владивостоком. То была попытка выбить нас оттуда и овладеть этим городом.

Попытка не увенчалась успехом, конфликт был ликвидирован. Не знаю, были ли

предприняты какие-нибудь дипломатические шаги или же все так и решилось

силой оружия.

Не помню, сколько прошло времени после конфликта у Хасана, как

разразилось японское вторжение в Монгольскую Народную

Республику10. В ней

находились наши войска. Самое главное заключалось в том, чтобы защитить

район реки Халхин-Гол, то есть байкальское направление. Но японцы имели и

более широкие планы. Они, видимо, хотели разгромить монгольские военные

части, оккупировать Монголию, пробиться к Байкалу и отрезать от нас Дальний

Восток. Там разгорелись бои с большим количеством всех родов войск. Японцы

бросили в сражение много пехоты, артиллерии, танков, авиации, и на первых

порах нам приходилось трудно. Потом были подтянуты дополнительно наши

войска; усилено командование. Командовать группой войск был послан туда

Жуков11. Операция была проведена им хорошо, он заметно отличился. Потом он

вовсю показал свои способности во время "большой войны", которую развязал

Гитлер. А тогда были разгромлены японские войска, и тем дело закончилось. Не

знаю, какие были предприняты в данной связи дипломатические шаги, этот

вопрос не докладывался на Политбюро, им занимались Сталин и Молотов.

Чтобы понять, почему, надо было знать Сталина. Сталин считал, что ЦК

**партии и Политбюро -- это все, так сказать, мебель,
необходимая для**

**обстановки дома, главное в котором -- хозяин дома. Хозяином
он считал,**

**конечно, себя и делал все, что считал нужным, ни с кем не
советовался, если**

**это не входило в его планы, и ни перед кем не отчитывался.
Разгром японцев**

**на Халхин-Голе еще больше развил вредные бактерии
самоуспокоенности: вот,**

**мол, какова наша армия, она непобедима, мы на практике
показали эту**

**непобедимость: разгромили самураев у Хасана и на Халхин-
Голе. Появились в**

**народе соответствующие частушки, стали рассказывать на эту
тему анекдоты и**

**полуанекдоты, порой такие, которые и не в каждом обществе
можно было**

**рассказать, "соленые", солдатского пошиба. Все это
соответствовало тому**

**умонастроению, которое складывалось после нашей победы
над японскими**

войсками.

**Между тем история делала свое дело. Враждебные силы
предпринимали все**

**для того, чтобы подготовиться к мощному удару по СССР.
Связи Гитлера с**

**Муссолини укреплялись все больше. Еще раньше, как
известно, был заключен**

Антикоминтерновский пакт. Сначала появилась "ось Берлин -- Рим".

Воинственность самураев импонировала Гитлеру и Муссолини, и в скором времени

ось Берлин -- Рим была продолжена на восток и стала называться осью Берлин

-- Рим -- Токио. Угроза Советскому Союзу становилась все реальнее.

Гитлеровская Германия и фашистская Италия базировали свою идеологию захватов

на отсутствии у них "жизненного пространства". Поэтому Муссолини начал войну

против Абиссинии (Эфиопии), добился успеха и разбил абиссинцев, несмотря на

стойкость, которую проявил этот народ. Армия Абиссинии была слабой,

абиссинцы сражались в основном примитивным оружием, а Муссолини сосредоточил

войска, вооруженные современной техникой, послал туда авиацию. Это было

фактически истребление людей, но цель была им достигнута: Италия захватила

Абиссинию, и все западные страны признали это завоевание.

В целом ситуация складывалась для нас невыгодная. СССР, против которого

были направлены все реакционные силы Запада и Востока, фактически находился

во вражеском окружении. Вероятно, предстояло драться одному против крупных

сил Германии, Италии и Японии. Советский народ еще не забыл и поражения,

которое японцы нанесли царским войскам в 1905 г. в Маньчжурии. Не помню

точно года свершения того знаменательного факта, когда министр иностранных

дел Японии поехал в Берлин, чтобы договориться с Гитлером насчет координации

агрессии против нас. На обратном пути, когда этот министр Мацуока¹² проезжал

через Москву, он совершенно неожиданно захотел встретиться с советским

руководством. Произошел невероятный факт: Сталин поехал на вокзал и

встретился с представителем Японии, возвращавшимся из Берлина. Вскоре был

заключен с Японией пакт о нейтралитете. У нас возникли сразу и чувство

удовлетворенности, и чувство предрешенности, неизбежности войны с Японией,

поскольку считалось, что Япония рассматривает договор с Советским Союзом как

успокаивающий акт, лишь усыпляющий нашу бдительность.

Но от Сталина я таких рассуждений не слышал. Он же со своей стороны

рассчитывал, что именно нужно сделать, чтобы обезопасить наши границы со

стороны Японии. Полагаю, что он никакого доверия к этому договору с Японией

не питал. Все это делалось и той, и другой стороной, исходя из конкретных

условий, которые сложились к тому времени: война неизбежна, а пока надо все

сделать, чтобы как-нибудь выиграть время в свою пользу. Время было главным,

потому что ликвидировать надвигающуюся опасность войны мы были уже не в

силах. Нужно было только изыскать возможности получше подготовиться к войне

и, если удастся, найти себе союзника либо нейтрализовать силы каких-то

противников, чтобы ослабить вражеский фронт. Правда, на Украине я напрямую

не чувствовал, чтобы это как-то непосредственно отражалось на ее границе с

Польшей и Румынией. В политическом отношении Румыния вела себя очень

враждебно и довольно глупо. Часто возникали случаи, когда ее пограничники

без всяких причин открывали вдруг огонь, если видели наших пограничников на

советской территории. Имелись при этом случаи ранений и даже смертельных

исходов. Но крупных пограничных инцидентов все же не происходило. Все это можно

было объяснить буквально физиологической ненавистью к нам, боязнью

Советского Союза и Советской власти, страхом перед Коммунистической партией,

ее идеологией, ее силой, влиянием на массы, поскольку Румыния являлась

слабым звеном в капиталистическом мире.

После того как Австрия была поглощена Германией, нависла фашистская

угроза над Чехословакией. Судетские немцы в Чехословакии вели себя нагло.

Правительство Чехословакии оказалось бессильным или недальновидным, не

предпринимало решительных мер по подавлению их антигосударственного

сепаратистского движения, нацеленного на отторжение Судетской области от

Чехословакии. В конце концов дело завершилось тем, что Гитлер стал прямо

угрожать Чехословакии. Отсюда возникла Мюнхенская встреча четырех держав.

Закончилась она тем, что Англия и Франция уступили Гитлеру, развязав ему

руки для прямых действий против Чехословакии. А еще раньше Гитлер решил в

свою пользу спор о территориях, которые после Первой мировой войны

находились под контролем Франции. Французы и там уступили, так что Гитлер

без всяких военных действий двинул свои войска в Рейнскую область и

восстановил суверенитет Германии над этими территориями. У нас имелся

договор с Чехословакией: мы должны были оказать ей помощь, если договор

вступит в силу при условии выполнения договорных обязательств, которые

имелись у Чехословакии с Францией. Поэтому, когда нависла угроза над

Чехословакией, мы продемонстрировали свои военные намерения. Хорошо знаю

это, потому что как член Военного совета Киевского Особого военного округа

знал о приказе привести войска КОВО в боевую готовность и сосредоточить

ударную группировку в районе Каменец-Подольского на польской границе.

Польское правительство проявляло по отношению к нам самую оголтелую

враждебность и ни на какие переговоры о пресечении общей опасности со

стороны Германии не шло. Для СССР фашистская опасность могла, главным

образом, проявиться именно через польскую территорию. Тогда правительство

Польши возглавлял Складковский¹³, а министром иностранных дел был Бек¹⁴. Они

и слушать не хотели о совместной обороне против Германии, а своей

враждебностью к СССР они, может быть, хотели как-то откупиться от Германии.

Если бы они могли хоть немного мыслить реально, то увидели бы, что

Гитлеровская Германия претендовала не только на Польшу, но на огромное

"жизненное пространство". Гитлер собирался как минимум захватить еще и

Украину. Немцы прямо говорили об этом. Значит, обстановка сама делала нас с

Польшей союзниками. Однако, несмотря на реальную угрозу с запада, польские

государственные деятели не понимали необходимости объединить наши усилия

против Гитлера и тем самым, может быть, удержать Гитлера от нападения и на

Польшу, и на Советский Союз.

С учетом складывавшейся ситуации в Киев сообщили (от Сталина я лично

этого не слышал, а было передано через военных), что может возникнуть

необходимость того, что нашим войскам придется силой пробиваться через

польскую территорию в Чехословакию, чтобы оказать ей помощь. Это было очень

сложно, если принимать во внимание географическое положение участка, на

котором были сосредоточены наши войска. Группа этих войск была сравнительно

не столь большой. Двинулись бы мы таким путем в Чехословакию; поляки,

естественно, ударили бы по нам с фланга. Не такое это легкое дело -- сразу

пробиться за Карпаты в данных условиях. Тут, наверное, Гитлер пришел бы "на

помощь" Польше. Одним словом, складывалась сложная ситуация.

Однако Франция вдруг разрешила проблему кардинально: она отказалась от

выполнения договора с Чехословакией, тем самым положив ее в пасть Гитлеру.

Гитлер получил возможность решить дело по-своему: он сначала захватил

Судетскую область, пражское правительство ушло в отставку, а президент

согласился на "протекторат" со стороны Германии. Далее захватить

Чехословакию было уже легче: были оккупированы Чехия и Моравия, образована

марионеточная "самостоятельная" Словакия. У словаков в правительство попали

тогда фашисты, которые поддерживали Гитлера, фактически -- предатели

словацкого народа и союзники фашистской Германии. Позднее они приняли

участие в войне против СССР на стороне Гитлера.

Когда военные представители Англии и Франции прибыли в СССР, чтобы

повести переговоры для сложения военных усилий на случай войны, которую

может развязать Германия, то наши с ними переговоры оказались

беспредметными. Еще тогда, весной и летом 1939 г., я, приезжая из Киева, за

столом у Сталина слышал обмен мнениями по этим делам. Высказывалось мнение,

что англичане и французы не хотят фактически объединять наши усилия и

нарочно затягивают бесплодные разговоры, чтобы подтолкнуть Гитлера к

действиям в направлении Советского Союза и удовлетворить запросы фашистов

именно за счет восточных земель. Как-то уже в августе, в субботу, приехал я

из Киева к Сталину на дачу. Он сказал мне, что сейчас придут все члены

Политбюро и он сообщит им: завтра прилетает к нам немецкий министр

иностранных дел Риббентроп¹⁵. Смотрит на меня и улыбается, выжидает, какое

эта новость произведет на меня впечатление? Я тоже на него смотрю, считая,

что он шутит: чтобы к нам да прилетел Риббентроп? Что он, бежать из Германии

собирается, что ли? Сталин говорит: "Гитлер прислал о том телеграмму, ее

передал немецкий посол Шуленбург¹⁶. В телеграмме стоит: "Прошу Вас, господин

Сталин, принять моего министра Риббентропа, который везет конкретные

предложения". Сталин добавил: "Вот завтра мы его и встретим".

Завтра -- это 23 августа (число я запомнил). Я собирался в тот день

поехать на охоту в Завидовское охотничье хозяйство¹⁷, созданное в Московском

военном округе. Над этим хозяйством шефствовал Ворошилов, и охотились там

военные. Я никогда прежде там не бывал и впервые туда собрался. Мы с

Булганиным и Маленковым сговорились, что втроем поедem туда на охоту. Да и

Сталину я сказал, что собираюсь завтра поехать на охоту. Он отвечает:

"Хорошо, поезжайте. Я с Молотовым приму Риббентропа и послушаю, а потом вы

приезжайте с охоты, я расскажу, каковы цели Гитлера и каков результат

разговора". Так мы и сделали, втроем в ночь уехали на охоту. Когда приехали

в Завидово, то там уже находился Ворошилов. Следовательно, он у Сталина при

встрече с Риббентропом тоже не был. С Ворошиловым оказались и другие

военные, вообще много людей. Поохотились мы, погода была чудесной, тепло,

сухо, охота прошла очень удачно. Прошу не понимать меня как некоего

типичного охотника-хвастуна. Но мне действительно тогда удалось убить на

одну утку больше, чем Ворошилову. Почему об этом говорю? Да потому, что

езде у нас гремело: "Ворошиловские стрелки". Ворошилов, дескать, стреляет

из винтовки и из охотничьего ружья лучше всех. И на самом деле, стрелок он

был хороший, но только кампания эта в печати носила очень уж подхалимский

характер.

Приехал я с охоты и сейчас же направился к Сталину. Повез ему уток, как

говорится, для общего котла. У Сталина должны были собраться все члены

Политбюро, которые находились в Москве. Я похвалился своими охотничьими

успехами. Сталин был в хорошем настроении, шутил. К охоте он относился

по-всякому: иной раз и сам порывался поехать, а иной раз (видимо, в

зависимости от настроения, в котором пребывал) резко высказывался против

охоты: не сточки зрения людей, стоящих на позициях защиты всего живого, а с

точки зрения осуждения пустой траты времени. Да, он сам не ездил на охоту,

но сплошь и рядом

тратил время впустую больше, чем кто-либо другой из ответственных

руководителей страны. Имею в виду трату времени понапрасну за столом, с

вином, при бесконечных обедах и ужинах. Порою он нелестно

отзывался даже о

Ленине в связи с охотой. Всем было известно, что Ленин любил охоту и ездил

на нее. Правда, некоторые писали, что Ленин, мол, ездил поохотиться, чтобы

встретиться с народом в неофициальной обстановке и поговорить по душам.

Конечно, имело место, наверное, и это. Но думаю, что тут не это было

главным. Ленину не были чужды человеческие увлечения, и он любил охоту. У

него была просто охотничья страсть. Поэтому он ходил на охоту, даже будучи в

ссылке, да и в Москве, когда стал Председателем Совета Народных Комиссаров.

Он выезжал на охоту отдохнуть. Встретиться же с людьми неофициально мог, не

беря в руки ружья и не выезжая за город.

Когда я был секретарем Московского комитета партии, то выезжал на охоту

в Раменский район. Не помню сейчас, в какой деревне мне рекомендовали

побывать чекисты. Меня встретил егерь, старик высокого роста. Меня заранее

предупредили, что он охотился в местных лесах и болотах вместе с Лениным. Мы

с ним ночевали на сеновале, и он рассказывал там, как Ленин приезжал на

охоту и как они охотились. А утром пошли и мы, но полил

дождь, и я

**понапрасну проходил целый день, ни разу даже не выстрелив.
Дичи не было**

**видно, мне же было жалко не того, что я никого не подстрелил:
я жалел этого**

**егеря. Он, бедняга, переживал и всячески извинялся, хотя
никакой его вины**

**тут не было. Ну это, так сказать, некоторые отступления по
охотничьему**

поводу.

**А у Сталина мы собрались 23 августа к вечеру. Пока
готовили к столу**

**наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже
улетел в Берлин.**

**Он приехал с проектом договора о ненападении, и мы такой
договор подписали.**

**Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол,
завтра англичане и**

**французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще
были в Москве.**

**Сталин правильно оценивал значение этого договора с
Германией. Он понимал,**

**что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но
полагал, что это мы,**

**СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин
рассказал, что**

**согласно договору к нам фактически отходят Эстония,
Латвия, Литва,**

Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем

решать с этими

государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем

как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши

Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим

протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами,

отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя

чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: "Тут идет

игра, кто кого перехитрит и обманет".

Самого договора с Германией я не видел. Думаю, кроме Молотова, Сталина

и некоторых причастных к нему чиновников Наркомата иностранных дел его у нас

никто не видел. Нами в Политбюро происшедшие события рассматривались так:

начнется война, в которую Запад втравливал Гитлера против нас один на один.

В связи с заключенным договором получалось, что войну начал Гитлер, что было

нам выгодно с точки зрения и военной, и политической, и моральной. Такими

действиями он вызывал на войну против себя Францию и Англию, выступив против

их союзника Польши. Мы же остаемся нейтральными. Считаю,

что это положение

было тогда для нас наилучшим, раз Англия и Франция хотели направить против

нас Германию для столкновения один на один, чтобы им самим потирать руки от

удовольствия и откупиться от Гитлера за счет нашей крови, нашей территории и

наших богатств. Польша же, проводившая вовсе неразумную политику, и слышать

не хотела об объединении наших усилий против Германии, хотя бы и в

собственных интересах, и у нас просто не было другого выхода.

Если рассматривать войну как некую политическую игру и появлялась

возможность в такой игре не подставлять своего лба под вражеские пули, то

этот договор с Германией имел оправдание. Я и сейчас так считаю. И все же

было очень тяжело. Нам, коммунистам, антифашистам, людям, стоявшим на

совершенно противоположных политических позициях, -- и вдруг объединить свои

усилия с фашистской Германией? Так чувствовали и все наши рядовые

граждане... Да и самим нам, руководителям, было трудно понять и переварить

это событие, найти оправдание случившемуся для того, чтобы, опираясь на

него, разъяснить дело другим людям. Чрезвычайно трудно

было, даже при всем

понимании ситуации, доказывать другим, что договор выгоден для нас, что мы

вынуждены были так поступить, причем с пользой для себя.

1 ТИМОШЕНКО С.К. (1895-1970) -- из крестьян, солдат, член РКП(б) с 1919

г., участник Гражданской войны (командир кавбригады, начальник кавдивизий),

далее на различных командных должностях, с 1933 г. заместитель командующего

войсками Белорусского, затем Киевского военных округов,

в 1937 г. ком. войсками Северо-Кавказского и Харьковского ВО, с 1938 г.

Киевского Особого ВО, с 1939 г. войсками Украинского фронта, освободившего

Западную Украину, и Северо-Западного фронта в Финляндской кампании, с 1940

г. нарком обороны СССР, в 1941-1945 гг. представитель и член СВГК,

главнокомандующий направлениями, войсками ряда фронтов, с 1945 г. ком.

войсками Барановичского, Южно-Уральского и Белорусского ВО, с 1960 г.

генеральный инспектор ГГИ МО СССР, с 1961 г. председатель Советского

комитета ветеранов войны, в 1939-1952 гг. член ЦК ВКП(б), Маршал Советского

Союза с 1940 года. В описываемое время был командармом 1-го ранга.

2 До 1934 г. Реввоенсовет СССР, затем Военный совет при народном

комиссаре обороны СССР, с 1936 г. Главный военный совет РККА.

3 Тогда К.Е.Ворошилов являлся наркомом обороны СССР, Е.А.Щаденко и

Г.И.Кулик -- его заместителями, Л.З.Мехлис -- начальником ГлавПУ РККА.

4 Речь идет о военном конфликте в июле--августе 1938 г., когда японское

правительство потребовало отвести советских пограничников с высот Безымянная

и Заозерная западнее озера Хасан в Приморском крае РСФСР, а затем развязало

военный конфликт. Агрессору дали отпор войска Краснознаменного

Дальневосточного фронта.

5 ПОДЛАС К.П. (1893-1942) -- член РКП(б) с 1918 г., кадровый

военнослужащий, участник Гражданской войны, командовал подразделениями,

частями, соединениями, был заместителем командующего войсками Киевского

Особого ВО, в 1941 г. генерал-лейтенант, погиб в боях на харьковском

направлении.

6 ПАТОЛИЧЕВ Н.С. (1908-1990) -- из крестьян, член ВКП(б) с 1928 г.,

затем на ответственной партработе, в 1939-1946 гг. 1-й

секретарь

**Ярославского, Челябинского обкомов и горкомов ВКП(б),
затем секретарь ЦК**

**ВКП(б) и ЦК КП(б)У, 1-й секретарь Ростовского обкома и
горкома партии, в**

**1950-1956 гг. 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии, в 1958-1985
гг. министр**

**внешней торговли СССР, член ЦК партии в 1941-1986 гг.,
кандидата члены**

Президиума ЦК КПСС в 1952-1953 годах. С 1985 г. на пенсии.

7 ГОГОСОВ В.А.

**8 МИТРОХИН Т.Б. -- член ВКП(б) с 1925 г., химик, в 1941-
1948 гг. нарком**

(министр) химической промышленности СССР.

**9 Модификация танка американского конструктора
Кристи в СССР**

именовалась БТ.

**10 Военный конфликта мае-- сентябре 1939 г. на реке
Халхин-Гол в**

**Монголии, восточное оз. Буир-Нур, где японские войска с
территории**

**оккупированной ими Маньчжурии безуспешно пытались
захватить часть территории**

**МНР и получили отпор от монгольских и союзных им советских
войск.**

**11 Комкор Г.К.ЖУКОВ командовал советско-монгольской
группировкой войск**

**с июня 1939 г., а общую координацию боевых действий
осуществлял командарм**

2-го ранга Г.М.ШТЕРН.

12 ., МАЦУОКА--министр иностранных дел Японии в 1940-1941 годах.

13 СКЛАДКОВСКИЙ-СЛАВОЙ Ф. Был польским премьер-министром с мая 1936

года по сентябрь 1939 года.

14 БЕК Ю. Являлся министром иностранных дел Польши в 1932-1939 годах.

15 РИББЕНТРОП И. (1893-1946) -- министр иностранных дел Германии

в 1938-1945 гг. Казнен по приговору Международного военного трибунала в

Нюрнберге.

16 Ф.В. граф фон ШУЛЕНБУРГ (1875-1944) -- посол Германии в СССР в

1934-1941 гг. Казнен нацистами как участник антигитлеровского заговора.

17 Оно было образовано хозяйственными органами Московского военного

округа в июле 1929 года.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Когда 1 сентября немцы выступили против Польши, наши войска были

сосредоточены на границе. Я тогда тоже находился в войсках как член Военного

совета Украинского фронта¹, как раз с теми частями, которые должны были

действовать в направлении на Тернополь. Там же был и командующий войсками

фронта Тимошенко, прежде возглавлявший Киевский Особый военный округ. Когда

немцы подступили к той территории, которая по августовскому договору

переходила от Польши к СССР, наши войска были двинуты 17 сентября на

польскую территорию. Польша к тому времени уже почти прекратила

сопротивление немцам. Изолированное сопротивление оказывали им защитники

Варшавы и в некоторых других местах, но организованный отпор польской армии

был сломлен. Польша оказалась совершенно не подготовленной к этой войне.

Сколько было продемонстрировано форса, сколько проявлено гордости, сколько

выказано пренебрежения к нашему предложению об объединении антифашистских

усилий, -- и какой провал потерпела польская военная машина!

Когда мы перешли границу, то нам фактически не оказывалось

сопротивления. Очень скоро наши войска дошли до Тернополя. Мы с Тимошенко

проехали по городу и оттуда возвращались уже другой дорогой, что было все же

довольно неразумно, потому что оставались еще польские вооруженные отряды,

которые могли задержать нас. Так мы с ним проехали через несколько местечек,

населенных украинцами, и городские поселки с довольно большой польской

прослойкой, причем там, где еще не было советских войск, так что всякое

могло случиться. Как только вернулись к своим войскам, нам сказали, что

Сталин требует нас к телефону. Мы доложили ему, как протекает операция.

Не помню сейчас, сколько дней потребовалось нам для реального окончания

кампании, кажется, два или три². Если уже в первый день мы подошли к

Тернополю, то ко Львову подступили, наверное, на второй или третий день.

Немцы тоже подошли к нему, но мы их несколько опередили, хотя ни они, ни мы

во Львов еще пока не вступили. Тут возник вопрос, как бы не столкнуться

нашим войскам с немецкими. Мы решили войти с ними в прямой контакт. Для

этого от советских войск был направлен Яковлев³, который тогда командовал

артиллерией Киевского Особого военного округа. Он немного знал немецкий язык

и лично вступил в переговоры с командованием войск, подошедших с запада ко

Львову. Нашими частями там командовал Голиков⁴. К нему я и приехал. Его штаб

**расположился недалеко от Львова, в поле под скирдами.
Переговоры с немцами**

закончились довольно быстро: они хотели войти первыми во Львов, чтобы успеть

пограбить его городские ресурсы. Но так как наши войска уже стояли рядом, то

они не захотели в тот момент демонстрировать враждебность, показали, что

придерживаются договора, и заявили: "Пожалуйста".

Наша войска вступила во Львов, потом в Дрогобыч, Борислав, откуда немцы

отошли назад, и мы вышли на границу, определенную августовским договором.

Некоторые территории, намеченные как наши, были уже заняты немцами, но

Гитлер играл с большим размахом и не хотел "по мелочам" создавать с нами

конфликты. Напротив, он хотел тогда расположить нас к себе и показать, что

он "человек слова". Поэтому немецкие войска были частично отведены, и наши

войска вышли на линию границы, обусловленной договором, подписанным

Риббентропом и Молотовым. Так закончился первый этап этих событий.

Наблюдался большой подъем и в наших войсках, и в советском народе в связи с

воссоединением западных земель. Украина давно стремилась воссоединить в

едином государстве весь украинский народ. Это были земли, исторически

действительно украинские и украинцами заселенные, хотя и за исключением

городов. Так, Львов был населен поляками, составлявшими там большинство.

Иногда это принимало характер искусственного заселения. Например, во Львове

украинцев не принимали на работу даже по мощению улиц. Проводилась явная

дискриминация для того, чтобы было больше польского населения в городах и

оно служило бы опорой власти вдоль границы, установленной в результате

нападения войск Пилсудского на Советскую Россию в 1920 году. Тогда в состав

Польши вошли земли, которые до Первой мировой войны входили в состав

Российской империи. Советская страна была слаба и не смогла в ту пору

отстоять даже прежних границ царской России с Австро-Венгрией. Поляки,

заимев эти и другие территории, населенные украинцами и белорусами,

расположили по границе польское население, назвав этих лиц осадниками. Были

среди них и крестьяне, тоже опора варшавской власти на границе с СССР.

**Воссоединение народов Украины и Белоруссии и
вхождение затем**

**восточноприбалтийских государств в состав Советского Союза
-- эти события**

**советский народ воспринял правильно, и они вылились во
всенародное**

**торжество. Мы тогда безоговорочно прославляли
прозорливость Сталина, его**

**государственную мудрость, его заботу о государстве, умение
решать вопросы**

**укрепления СССР и создания еще большей неприступности
наших, советских**

**границ. Шутка ли сказать, мы вышли к Балтийскому морю,
перенесли на запад те**

**границы, которые проходили близ Киева. Ну, а то, что мы
заключили с немцами**

**пакт о ненападении, то, думаю, абсолютное большинство
членов партии**

**воспринимало это как тактический шаг. Это было правильное
понимание, хотя мы**

**об этом не могли говорить и не говорили открыто. Даже на
партийных собраниях**

**не говорили. Многие люди не могли допустить, что у нас, у
коммунистов, чьи**

**идеи противоположны фашистским, могут быть какие-то
договоренности, хотя бы**

**о возможности мирного сосуществования, с Гитлером. С
немцами вообще -- да,**

но с Гитлером подобное невозможно.

Сталин же считал, что с подписанием договора война минует нас на

какое-то время. Он полагал, что начнется война между Германией, с одной

стороны, Францией и Англией -- с другой. Возможно, Америка тоже будет

втянута в войну. Мы же будем иметь возможность сохранить нейтралитет и,

следовательно, сохранить свои силы. А потом будет видно. Говоря "будет

видно", я имею в виду, что Сталин вовсе не предполагал, что мы останемся

нейтральными до истечения этой войны: на каком-то этапе все равно включимся

в нее. Вот мое понимание событий того времени при взгляде на них из

настоящего, вернее -- уже из будущего.

Если уж говорить здесь о национальных интересах украинцев, то они еще

не были полностью удовлетворены названным договором. Известен и другой

договор, который был подписан после Первой мировой войны бывшими союзниками

царской России. Он определял западные границы России как члена Антанты и их

союзника и называвшиеся линией Керзонаб. Линия Керзона относительно линии,

обозначенной по договору Риббентропа -- Молотова, проходила западнее.

Поэтому украинцы считали, что

они кое-что недополучили из тех своих земель, которые были признаны за

Украиной даже со стороны бывших союзников России в результате разгрома в

первой мировой войне германского блока. А пока что временно завершился

первый этап военно-политической напряженности, которую мы переживали, и для

нас наступила некоторая разрядка. Мы считали, что данный этап закончился в

пользу СССР, хотя мы и не получили всего, что нам исторически полагалось.

"Лишнее" же было у нас, кажется, только где-то у Белостока, где издавна жило

польское население.

После разгрома гитлеровской Германии во Второй мировой войне граница

была там исправлена, и этот район мы передали Польше. Впрочем, к ней отошли

и отдельные земли с чисто белорусским и украинским населением. Видимо,

Сталин для того, чтобы "задобрить" польское самолюбие, уступил их: тут, я бы

сказал, имел место акт большой политической игры на новой основе, чтобы

ослабить неприятный осадок, который остался у польского народа в результате

договора, подписанного нами с Риббентропом. Ведь мы вроде

бы отдали Польшу

на растерзание гитлеровской Германии и сами приняли в этом участие. Правда,

Польша приобретала одновременно на западе более жирный, грубо выражаясь,

кусок: огромные и богатые территории, значительно перекрывавшие те, которые

вернулись к Украине и Белоруссии; это западные районы по границе вдоль рек

Одер и Нейсе, а кроме того, еще город Штеттин, который расположен на левом

берегу устья Одера. Он тоже отошел к Польше в результате нажима на наших

союзников со стороны СССР при переговорах на Потсдамской конференции.

А в 1939 г. мы были уверены, что польский народ -- рабочие, крестьяне и

интеллигенция правильно поймут необходимость советско-германского договора.

Не наша была вина, что мы подписали такой договор: то вина неразумного

тогдашнего польского правительства, ослепленного антисоветской ненавистью и

враждебного также к рабочим и крестьянам собственного государства. Оно

боялось войти в контакт с Советским Союзом, чтобы не поощрить свободолюбивые

идеи и не укрепить Коммунистическую партию Польши, которой оно боялось

больше всего. Ведь если бы мы объединили тогда свои усилия с Польшей и

столкнулись с войной против Германии, то судьба польского правительства

зависела бы от польского народа. Я тоже считаю, что договор 1939 г.,

подписанный Молотовым и Риббентропом, был для нас неизбежен в сложившейся

ситуации. И не потому, что он был выгоден для Советского Союза: то был

шахматный ход. Его так и

надо рассматривать, потому что если бы мы этого не сделали, то все

равно началась бы война против нас, но, может быть, в обстановке, менее

благоприятной для нас. Атак война уже начиналась, мы же пока стояли в

стороне, нам была предоставлена передышка. Полагаю, что это было правильным

шагом, хотя и очень болезненным.

Особенно больно было то, что оказалось совершенно невозможно

вразумительно разъяснить людям выгоду этого договора. Ведь что это лишь

шахматный ход, нельзя было сказать открыто, потому что надо было играть с

Германией. Игра же требовала не раскрывать своих карт перед Гитлером.

Приходилось разъяснять дело так, как тогда у нас

разъясняли: газетным

**языком. И это было противно, потому что никто
разъяснениям не верил.**

**Некоторые люди проявляли прямое непонимание: они
действительно считали, что**

**Гитлер искренне пошел на договор с нами, а нам нельзя было
объяснить через**

**органы печати, что не надо верить ему. Одним словом,
сложилась очень тяжелая**

**обстановка для нашей пропаганды. А Гитлер тоже шел на
тактический шаг,**

**подписывая с нами договор, с тем чтобы выиграть время и
поодиночке**

**расправиться с противниками. Сперва он хотел расчистить себе
путь на восток,**

**уничтожив Польшу, и таким образом войти в соприкосновение с
нашими войсками,**

**с советской границей. Он считал, видимо, что когда он
молниеносно**

**расправится с Польшей, то Англия и Франция не посмеют
объявить войну**

**Германии, хотя у них был договор с Польшей, в котором
говорилось, что если**

Германия нападет на Польшу, то они придут ей на помощь.

**И действительно, Англия и Франция объявили войну
Германии. Именно это**

**послужило началом Второй мировой войны, но в ней мы еще не
участвовали, а**

только продвинули свои войска западнее и заняли новую

границу, то есть, как

тогда мы объясняли людям, взяли под свою руку, под свою защиту братские

народы Западной Украины и Западной Белоруссии.

Итак, началась Вторая мировая война, но "большой" она еще не стала.

Последовал период "странной войны". Французы и англичане объявили Германии

войну, сконцентрировали свои войска, подтягивали резервы. Англия

перебрасывала войска с островов на континент, демонстрировалось проведение

плановых военных операций. Французы же, видимо, были очень уверены в

неприкосновенности своей укрепленной "линии Мажино". Они строили ее много

лет, и она действительно имела большое значение для организации обороны

страны. Но одна оборонительная линия не обеспечивает безопасности, это лишь

материальное средство. Оборонять страну должны люди, которые занимают эту

линию. Гитлер тоже построил свою линию, которую назвал "линией Зигфрида".

Таким образом, их войска стояли друг перед другом. Гитлер пока не

предпринимал активных шагов против Англии и Франции, а они не предпринимали

активных военных операций против Германии. Германия

бросила войска на

восток, против Польши, и ей нужно было время для их перегруппировки.

Потом Муссолини открыл военные действия против Греции и завяз в них.

Далее Гитлер напал на Югославию и расправился с ней, потому что Германия

была сильнее; почти без выстрелов оккупировал Данию и Норвегию, практически

без сопротивления захватил Голландию, вторгся в Бельгию, в 1940 г. захватил

большую часть Франции. Так он обеспечил себе на довольно большом

пространстве морскую линию, защиту от английского флота и на севере подошел

вплотную к нашему Мурманску. Естественно, что Советское правительство тем

временем реализовывало меры, вытекавшие из договора, подписанного Молотовым

и Риббентропом. Мы начали осенью 1939 г. переговоры с Эстонией, Латвией и

Литвой и предъявили им свои условия. В сложившейся тогда ситуации эти страны

правильно поняли, что им не устоять против Советского Союза, и приняли наши

предложения, заключив с нами договоры о взаимопомощи. Потом произошла смена

их правительств. Само собой разумеется! Некоторые их руководители, например

президент Литвы Сметона⁷, бежали в Германию. Это уже было не столь важно.

Одним словом, там были созданы правительства, дружески настроенные к

Советскому Союзу. Коммунистические партии этих стран получили возможность

легально действовать. Прогрессивные силы шире развернули работу среди масс

рабочих, крестьян и интеллигенции за твердую дружбу с СССР. Кончилось это

тем, что через какое-то время в этих странах была установлена Советская

власть.

А в Западной Белоруссии и Западной Украине сразу приступили к

организации советских органов в районах, которые в 1939г. вошли в состав

СССР. Сначала новая власть была еще юридически не оформлена, потому что

только что пришли наши войска. Поэтому мы создавали временные революционные

местные органы. Народ западных областей Украины встречал нас очень хорошо.

Правда, польское население чувствовало себя угнетенным, но украинское

население чувствовало себя освобожденным. На собраниях, которые мы

устраивали, украинцами произносились весьма революционные речи, хотя,

конечно, не всеми, потому что

в этих областях была сильна националистическая прослойка. Она возникла

еще в рамках Австро-Венгрии и теперь вела борьбу против коммунистов, против

советского влияния, особенно во Львове, где имелась многочисленная

украинская интеллигенция. Во Львове действовал даже как бы своеобразный

филиал украинской Академии наук. Возглавлял его, кажется, академик

Студинский⁸. В эту же группу лиц входил сын писателя Ивана Франко Петр, на

мой взгляд, он был самым неудачным произведением украинского классика, очень

неразумным человеком. Он держался в отношении нас довольно неустойчиво: то

вроде бы поддерживал нас, то склонялся к нашим противникам.

Во Львове и других западноукраинских городах была также большая

еврейская прослойка, как среди рабочих, так и среди интеллигенции. Не помню,

чтобы от этой части населения исходило что-либо отрицательное,

антисоветское. Среди еврейских рабочих и интеллигенции было много

коммунистов. Организация коммунистов называлась КПЗУ (Коммунистическая

партия Западной Украины). В нее входили и украинцы, и

евреи. А когда мы

собрались на митинг во Львовском оперном театре, то пригласили туда и

украинцев, и евреев, и поляков, в основном рабочих, хотя пришла и

интеллигенция. Выступали там среди других и евреи, и нам странно было

услышать, как они сами говорили: "Мы, жидаы, от имени жидов заявляем..." и

прочее. Дело заключалось в том, что по-польски евреев так называют в

обыденной речи, не имея в виду ничего дурного. Мы же, советские люди,

воспринимали это как оскорбление еврейского народа. И потом, в кулуарах

собрания я спрашивал: "Отчего вы так говорите о евреях? Вы произносите --

"жидаы", это же оскорбительно!". Мне отвечали: "А у нас считается

оскорбительным, когда нас называют евреями". Для нас слышать такое было

очень странным, мы не привыкли к этому. Но если обратиться к украинской

литературе, то в ней слово "жид" тоже звучит не ругательным, а вроде

определения национальности. Украинская песенка: "Продам тэбэ, жидовn рудому"

означает "Продам тебя, еврею рыжему". Этот эпизод запечатлелся в моей

памяти, потому что противоречил нашей практике, нашей привычке.

Вообще же там нас встречали многие хорошие ребята, только я забыл их

фамилии. Это были люди, которые прошли польские тюрьмы, это были коммунисты,

проверенные самой жизнью. Однако их партия была по нашему же решению

распущена, и Коммунистическая партия Польши, и КПЗУ. Отчего? Они, согласно

нашему пониманию, требовали проверки, хотя их члены были коммунистами и

завоевали это звание в классовой борьбе. Многие

из них имели за плечами польские тюрьмы, какая еще нужна проверка? Но

тогда у нас были другие понятия. Мы смотрели на них, как на неразоблаченных

агентов: их, дескать, не только надо проверять, но и проверять под особой

лупой. И очень многие из них, получив тогда освобождение от нашей Красной

Армии, попали потом в наши, советские тюрьмы. К сожалению, дело было именно

так. Безусловно, среди них имелись и провокаторы. Наверное, были и шпионы.

Но нельзя же рассматривать каждого человека, который с открытой душой

приходит к нам, как подосланного, как агента, который приспособливается и

втирается в доверие. Это порочный круг мыслей. Если все основывать на этом,

то к чему это приведет? Об этом раньше я уже вел речь.

А как реагировало на наш приход польское население? Оно реагировало

очень болезненно, и это мне понятно. Во-первых, поляки считали (а это факт),

что они лишились государственной самостоятельности. Они говорили: "Какой это

по счету раздел Польши? И опять же, кто делит? Раньше делили Германия,

Австрия и Россия, а теперь?" Так оценивались события людьми, которые были

против нашей акции: "Опять Россия разделила Польшу, раздавила ее

независимость, лишила самостоятельности, разделила между собой и

Германией!". Помню, из Дрогобыча поехал я в Борислав посмотреть нефтяной

завод (там находились два нефтеперерабатывающих завода), на добычу нефти и

газа, заодно и послушать людей. Приехал на химический завод. Он был довольно

основательно потрепан. Это сделали немцы, уходя оттуда перед нашим

прибытием, и не без умения. Они разрушили главные аппараты для переработки

нефти. Когда я приехал, там было просто как бы пепелище, по которому ходили

люди. Я заговорил с ними. Ими оказались поляки среднего
возраста, морально

очень угнетенные. Я был в полувоенной форме, то есть без
знаков отличия, но

в шинели и военной гимнастерке, поэтому они меня
рассматривали именно как

военного.

Стал я их расспрашивать, подчеркнуто проявляя
вежливость. Один из них

надломленным голосом сказал: "Ну, как же мы теперь
оказались в таком

положении? Вот ведь нас...", и замолчал. А потом, все
намекami, выражал не

то чтобы прямое недовольство, а как бы грусть, сожаление о
том, что

произошло. Это мне было понятно. Там же находился один
молодой человек,

который заговорил на украинском языке. Он вступил в спор и
очень резко стал

возражать поляку. Тут я понял, что это был украинец, и
спросил его, кто он.

Он ответил: "Инженер, единственный на этом предприятии
инженер-украинец. Вы

не знаете, как трудно было нам в Польском государстве
получить образование и

как трудно, получивши образование, получить затем работу".
Поляк посмотрел

жалобными, просящими глазами на этого украинца и стал
апеллировать к его

совести: "Что Вы здесь говорите?". Он, видимо, испугался, что тот говорит

представителю Советской власти и военному так нелестно о людях, с которыми

работал на этом предприятии. Может быть, испугался за свою судьбу. Я начал

доказывать поляку обратное. Сейчас уже не помню своей аргументации, но,

видимо, говорил, что украинец прав, потому что поляки действительно

проводили неразумную внутреннюю политику относительно украинцев. Мне это

тоже было понятно, потому что рядом лежала Советская Украина, сильная часть

Советского Союза, и Польское государство боялось ее воздействия. А польское

правительство рассматривало украинцев как неразоблаченных агентов Советской

Украины и соответственно реагировало.

Собирали мы для собеседований и польскую интеллигенцию. Ее тоже

оказалось немало на территории, занятой нашими войсками. Я узнал, что есть

там писательница Ванда Львовна Василевская, чей голос хорошо слышен среди

польской интеллигенции. Потом я с ней познакомился и очень сдружился. Она

очень милая, умница и порядочный человек. Сначала была ППС-овкой, то есть

членом Польской социалистической партии, потом стала коммунисткой. Эта

ППС-овка писала книги, которые вовсе не находили одобрения у польского

ППС-овского правительства, ибо она больше всего писала об украинской и

белорусской бедноте, проводила в тех районах много времени, изучала быт,

жизнь народа и отражала их в своих произведениях, направленных против власть

имущих. Это и определило ее положение в польском обществе. По-моему, она

находилась даже одно время под арестом. Почему я задерживаюсь здесь на Ванде

Василевской? У меня остались хорошие воспоминания об этой женщине, большой

общественнице, преданнейшем гражданине, человеке неумолимой честности и

прямоты. За это я ее весьма уважал. Я лично слышал, как она говорила Сталину

в лицо очень неприятные вещи. Несмотря на это, он ее слушал, приглашал, и не

раз, на официальные беседы и на неофициальные, товарищеские обеды и ужины.

Такой был у Василевской характер! А тогда мне сказали, что Василевская

находится в одном из районов, занятых нашими войсками. Она убежала из

захваченной немцами Варшавы и пришла к нам пешком, и мы ждали ее, я же был

**насторожен и заинтригован, интересуясь, что же это за
Василевская? Хотя и**

**кроме Василевской там было много других польских писателей,
но настроенных**

иначе.

**Их позиция не была такой, которая одобрялась нами. Они
несли в себе**

**пережитки польского национализма и определенных взглядов
на украинцев, а**

**нашу вынужденную акцию понимали неправильно, заявляли,
что мы договорились с**

**немцами за счет поляков. Хотя официально мы никогда не
отказывались навсегда**

**от своих территорий, которые временно вошли в состав
Польши. Ведь это**

**польское правительство нарушило линию Керзона в ущерб
интересам Советской**

**страны. Польше было неразумно цепляться за эти земли,
пытаться удерживать их**

**и всегда при этом ожидать какой-либо акции, которая
восстановила бы**

**справедливость и определила более верные границы.
Этнография и история были**

**не в пользу тех границ, которые были установлены между
Польшей и Советским**

**Союзом. Этого многие польские интеллигенты не понимали
и занимали**

неправильную позицию. Но за исключением Василевской.

Ванда Львовна* пришла во Львов в коротком полушубке и

простых сапогах.

Внешность у нее была простая, хотя сама она из знатного польского рода. Она

была дочерью того Василевского⁹, который при Пилсудском был министром, а

кроме того, его ближайшим другом. Василевский -- это как бы доверенный

человек Пилсудского. Мне неудобно тогда было спрашивать об этом Василевскую,

но ходили слухи, что Ванда Львовна -- крестная дочь Пилсудского. Насколько

это соответствует истине, не знаю, она же вовсе не стыдилась ни прошлого, ни

своего отца. Помню также и такой случай, уже после разгрома гитлеровской

Германии. Подросла дочь Ванды Львовны Эва, получила образование и работала в

Москве в какой-то библиотеке. Разбирая архивы, пришла как-то к матери и

говорит: "Я нашла книги моего дедушки и все их отправила в подвал.

Содержание их явно антисоветское". Я встречался с Эвой еще при жизни ее

мамы, когда Эва была лишь подростком. Сейчас не знаю ее судьбы.

Василевская сразу заняла четкую просоветскую позицию, с пониманием

отнеслась к вступлению наших войск на территорию, определенную договором

Советского Союза с Германией, и стала разъяснять польским товарищам нашу

позицию, чем оказала огромную помощь и ВКП(б), и мне лично как секретарю ЦК

КП(б)У. Вскоре я практически переселился во Львов, организовывая там всю

повседневную работу. Нашлись затем и другие поляки, которые активно с нами

сотрудничали, но все же равных Ванде Василевской не оказалось.

*** Н.С.Хрущев обычно называл людей, даже близких, по имени и отчеству;**

более далеких -- по фамилии, и всегда при личной встрече -- на "Вы" (Ред.).

Что касается договора с Германией, то он был у нас опубликован не

полностью. Была опубликована лишь та часть, в которой говорилось, что мы

договорились о ненападении. Но, помимо этого, имелись пункты, которые

касались польской территории и наших новых западных границ. Польша

утрачивала независимость, что не было оговорено в тексте, однако вытекало из

его духа: она превращалась в немецкий протекторат. Следовательно, наша

граница получалась уже не с Польшей, а с Германией. Я лично всего текста

договора не видел, но знаю об этом из информации от Сталина после подписания

договора. Из договора вытекало также наше отношение к Литве, Латвии,

Эстонии, Финляндии и Бессарабии. Судьба их территорий тоже была оговорена,

причем эта часть тоже не была опубликована. Говорю об этом потому, что

людям, которым следует ознакомиться с этими материалами, надо бы заглянуть в

дипломатические документы, в текст договора. Я же считаю своим долгом

высказаться, чтобы было вполне ясно, как я понимал этот договор и что им

предусматривалось.

В те дни встречались и анекдотичные, смешные случаи. Хочу рассказать и

о них. Мы долго находились под впечатлением работы, которая была проведена

по разоблачению "врагов народа" и их уничтожению. Поэтому, когда мы заняли

западные территории и сформировали там временные революционные комитеты, то

самым ответственным местом у нас оказался Львов, столица Западной Украины.

Там жило много украинских интеллигентов, раньше имевших австрийское

подданство, затем польское. По своим настроениям они были проукраинцами. В

Польше их обвиняли в том, что они просоветские лица, хотя это надо было

понимать с оговоркой: все же они предпочитали не Советскую Украину, а просто

Украину. А если их спросить о столице, то они сказали бы, что лучше всего

украинскую столицу иметь во Львове. Председателем Львовского городского

ревкома был утвержден первый секретарь Винницкого обкома КП(б)У Мищенко¹⁰.

Как-то поздней осенью я зашел к нему в кабинет посмотреть, как он работает.

Там толпился народ, надо было срочно решать вопросы городского хозяйства: о

трамваях, о мощении улиц, которые были разрушены, о водоснабжении и

электричестве. Люди, которые работали раньше на соответствующих постах,

главным образом поляки, хотели определить свое положение при новой власти и

пришли за этим в революционный комитет, чтобы засвидетельствовать, что они

занимают вот такие-то и такие-то посты и хотят получить указания. Это было

естественно.

Что же я увидел? Сидел председатель ревкома одетым в полушубок, поверх

которого натянул шинель. Не знаю, как он сумел сделать это, потому что сам

был огромного роста, крупный человек. На его ногах валенки, из шинели

торчали два револьвера. Одним словом, только пушки у него не доставало за

плечами, потому что слишком тяжела. Люди сидели и смотрели на него.

Закончился прием. Остались мы одни, и я сказал ему: "Вы производите плохое

впечатление не только насчет себя, но и о советских органах власти, о всех

наших людях, о нашей трусости. Что вы сделаете вашими пистолетами, если

кто-нибудь из террористов придет и захочет вас убить? Он застрелит вас

вашими же пистолетами. Зачем вы их демонстрируете? Почему у вас торчат

рукоятки? Спрячьте их в карманы и оденьтесь поприличнее". Мищенко был смущен

и выражал явное непонимание моих претензий. Ведь он проявлял свою

"революционность", свою "непреклонность"!

Пришлось нам спустя какое-то время пересмотреть назначения. Люди,

которые работали здесь временно, возвратились на прежние посты. Мищенко тоже

вернулся в Винницу. Во Львове были выдвинуты новые люди, но это было сложным

делом, потому что польский аппарат власти не то что саботировал (я такого не

припоминаю), но был деморализован, морально парализован. Конечно, наш приход

его не воодушевлял и энтузиазма в работе не прибавлял. Спустя много лет

после войны, когда я беседовал с Гомулкой, он рассказал, что был в рабочей

обороне в те дни, когда мы вошли в Польшу, а потом мы его мобилизовали, и он

еще какое-то время трудился в Киеве, на строительстве подземных

железнодорожных переходов.

Сталин перед войной предложил проделать железнодорожные тоннели под

Днепром: один -- севернее Киева, другой -- южнее. Работали там московские

метростроевцы. Но мы не успели сделать переходы до войны, а после войны в

них отпала надобность, и работы были прекращены. Остатки же тоннеля сейчас

служат памятником прошлому.

Наша деятельность по советизации Западной Украины продолжалась довольно

успешно, сопротивления мы тогда не встречали. Не помню активных, тем более

вооруженных выступлений против нас. Позднее стал проявлять активность Степан

Бандера¹¹. Когда мы заняли Львов, он сидел в местной

тюрьме, будучи

осужденным в связи с убийством польского министра внутренних дел. Не помню

сейчас, какой была роль Бандеры в этом: сам ли он стрелял в министра или был

одним из тех, кто организовывал это убийство. Мы проявили тогда

безрассудство, освобождая заключенных без проверки. Не знаю, правда, имелась

ли у нас возможность произвести такую проверку. Все заключенные были

освобождены, в том числе получил свободу и Бандера. Тогда его действия нам

импонировали: он выступил против министра внутренних дел в реакционном

Польском государстве. Не нам было оплакивать гибель этого министра. Но так

как эти акции были произведены группами, которые не были друзьями Советского

Союза, а были его противниками, националистами, ненавидевшими советский

строй, то надо было бы это учесть. Позднее мы столкнулись с Бандерой, и он

нам причинил очень много бед. Мы потеряли тысячи людей уже после войны,

когда развернулась острая вооруженная борьба украинских националистов против

Советской власти. Бандера оказался прямым агентом Германии. Когда Германия

готовилась к войне и после начала войны, эти агенты германского

империализма, националисты-бандеровцы активно помогали гитлеровцам.

Правда, когда Бандера увидел, что немцы и не думают выполнять данные

ему обещания об образовании независимой Украины, он повернул свои отряды

против них, но при этом не перестал ненавидеть Советский Союз. Под конец

войны он сражался и против нас, и против немцев, а после войны возобновил

борьбу с Советской властью. Кто же такой Бандера? Не все это у нас знают.

Степан Бандера был из духовного рода, отец его являлся священником в

Станиславской области, не то в самом городе Станиславе. Учился Бандера во

Львовском политехническом институте, имел образование. Сначала он стал

вождем украинских националистов в западных областях Украины, а позже --

общепризнанным вождем всего украинского национализма.

Когда после вступления Германии в войну против Польши наши войска вышли

на разграничительную границу, наступил большой подъем настроения в

украинском народе, да и у всего советского народа, с одной стороны, а с

другой стороны -- всех угнетало предчувствие, что, видимо, скоро разразится

война, и она не минует Советский Союз. А если Советский Союз будет вовлечен

в войну, то эти новые районы Западной Украины (как украинцы говорили

"захидной"), вошедшие в состав УССР, в первую голову попадут в сферу огня.

Западные украинцы по-разному переживали наступающую угрозу. Украинские

националисты, озлобленные враги Советского государства, ждали войну и

готовились к ней. Они радовались, потому что им заморочил голову Геббельс

тем, что в результате войны немцев против СССР Украина получит

государственную независимость. Они были ослеплены национализмом и не могли

оценить величие передового советского строя. Эти люди ждали войны и все

делали для того, чтобы ее приблизить. Они готовились к тому, чтобы облегчить

немцам оккупацию Украины, считая, что Гитлер своими войсками очистит Украину

от "москалей" и преподнесет им торжественно, на блюде незалежну Украину.

Потом украинские националисты увидели, чем все кончилось; их надежды

рухнули, а Гитлер стал их самих сажать в тюрьмы и вести против них

беспощадную борьбу. Некоторые из них даже вынуждены были уйти в подполье и

перейти к террористическим актам против немцев. Правда, эти террористические

акты они совершали очень редко. Они накапливали силы, считая, что если

Советский Союз начнет наступать против Германии, то им надо иметь свои

войска, которые бы на завершающем этапе очистки территории от немцев

позволили им захватить власть и создать Украину, "незалежну" от "москалей",

от Москвы. Вот такая ситуация сложилась в то время, когда мы боролись за

укрепление Советской власти в Западной Украине и готовились к неизбежной

войне.

Хочу рассказать о некоторых трагических случаях, которые пришлось

наблюдать мне либо слышать о них; мне докладывали работники Наркомата

внутренних дел. Наркомом внутренних дел Украины был в это время Серов¹². Он

незадолго до того окончил военную академию. В порядке укрепления органов

госбезопасности тогда было много мобилизовано командиров на эту работу. В

числе мобилизованных и он попал к нам наркомвнуделом Украины. Опыта такой

работы у него еще не имелось. Это было плохо, но это же было и хорошо,

потому что уже накопился вредный для страны и для партии опыт, приобретенный

провокациями и при арестах невинных людей, их допросах с ухищренными

истязаниями для вынуждения признаний, буквально с расправами. Допрашивающие

сами уже были превращены в машину и поступали так, руководствуясь мыслью:

если я этого не сделаю, то это же мне сделают вскоре другие; лучше я сам

сделаю, чем это сделают надо мной. Страшно представить в наше время, что

коммунисты вынуждены были руководствоваться в своих поступках не сознанием,

не совестью, а каким-то животным, зоологическим страхом за собственную

судьбу и, чтобы сохранить себе жизнь, губили жизни честных, ни в чем не

повинных людей...

Серов согласно служебным обязанностям установил тогда

контакты с гестапо. Представитель гестапо официально прибыл по взаимной

договоренности во Львов со своей агентурой. Не знаю точно, какая у него

имелась сеть агентов, но она была большой. Предлогом послужил "обмен людьми"

между нами и Германией: лица, которые покинули

территорию, занятую

**германскими войсками, и желавшие вернуться по месту
своего жительства до**

**захвата немцами Польши, получали такую возможность. И
наоборот: лица,**

**которые остались на территории, занятой немецкими
войсками, но хотевшие**

**перейти на территорию, занятую советскими войсками, тоже
могли возвратиться**

**к себе. Во время этой работы по обмену ко мне пришел Серов и
рассказал: "У**

**пункта регистрации желающих вернуться на польскую
территорию стоят огромные**

**очереди. Когда я подошел туда, мне стало больно: ведь
главным образом**

**очередь состояла из еврейского населения. Что с ним будет? И
настолько люди**

**преданы всяким там бытовым мелочам -- квартире, вещам.
Они давали взятки**

**гестаповцам, чтобы те помогли им поскорее выехать отсюда и
вернуться к своим**

**очагам". А гестаповцы охотно это делали, брали взятки,
обогащались и**

**препровождали их прямо в лагеря. Мы же ничего не могли
поделать, потому что**

**наш голос для этих несчастных людей ничего не значил: они
хотели попасть**

**домой. Может быть, у кого-то оставались там еще и
родственники. Одним**

словом, они хотели вернуться туда, где родились и где жили, хотя и знали,

как немцы у себя, в Германии, расправились с евреями. И все же польские

евреи, которые волей судьбы оказались на территории, занятой Советским

Союзом, всеми правдами и неправдами стремились вернуться на землю, где уже

господствовал фашизм и где им была уготована печальная участь. С другой

стороны, много людей, особенно евреев, бежало от фашистов и к нам. Они ведь

следили, как фашисты относятся к еврейскому населению, как они громили

евреев у себя в стране, устанавливали для них особые "знаки отличия", чинили

унижения и издевательства над еврейским народом. Должен сказать здесь и о

Серове. Он в свое время был наказан и освобожден от министерской должности,

так как проявил неосторожность. Но он при всех своих ошибках -- честный и

неподкупный человек. Я относился к нему с уважением и доверием.

А вот еще один случай, причины которого я не понял и был им очень

огорчен. Во Львове оказалась Бандровска¹³ (не ручаюсь за точность фамилии),

известная польская оперная певица. Мне доложили, что она находится на нашей

территории. Я попросил людей, занимавшихся вопросами культуры, провести с

ней переговоры и, если она захочет, предоставить ей возможность петь во

Львовской опере; если же нет, то предоставить возможность петь в киевской,

харьковской или одесской опере. Одним словом, дать ей любую возможность. Я

думал, что это ее соблазнит и что она останется у нас. Мне не хотелось,

чтобы такая известная певица вернулась на польскую территорию, занятую

фашистами. Ведь она там будет петь, и это станет как бы шагом, направленным

и против польского народа, и против советского народа. Но она не захотела

остаться и вернулась к себе. Когда вели с ней переговоры, Бандровска

проявила хитрость: она вела переговоры с нами и как будто изъявляла желание

принять наше предложение, а в то же время вела тайные переговоры с немцами.

Они тайком переправили ее на территорию, уже занятую ими. Пришел ко мне

Серов и говорит: "Бандровской нет. Она в Кракове и уже выступала в театре

перед офицерами немецкой армии".

Польская интеллигенция, оказавшаяся на территории, занятой Красной

**Армией, по-разному воспринимала приход наших войск в
Западную Украину и**

**Западную Белоруссию. Многие интеллигенты, что понятно,
были, как говорится,**

**буквально огорошены. Они находились в состоянии какого-то
шока. Их страна**

**подверглась нападению гитлеровского государства, и вот
Польша разгромлена,**

**Варшава сильно разрушена, другие города -- тоже. Что
будет дальше?**

**Воспитанные на буржуазных традициях, буржуазном
понимании хода событий, эти**

**люди как бы теряли свою самобытность, свое лицо. Они не
могли понять, что**

**польская культура и польская нация продолжают развиваться
на территории,**

**отошедшей к Советскому Союзу. Да, это была небольшая
территория, заселенная**

**поляками, в сравнении с территорией и населением,
захваченными гитлеровской**

**Германией. Естественно, поляки воспринимали и переживали
все это очень**

**глубоко и трагично. Некоторые из них выбирали из двух зол
меньшее. Они были**

**против Советской власти, но, сравнивая ее с тем, что принес
полякам Гитлер,**

**предпочитали Гитлеру Советы. Имелись и такие, которые,
оказавшись на**

**территории, занятой Красной Армией, потом, даже вне всякого
"обмена людьми",**

бежали на территорию, занятую немецкими войсками. Кое-кто из них хотел таким

способом уклониться от контактов с гестаповцами.

Во Львове в то время гестаповцев было очень много. Они попали туда по

договоренности с нами, с целью содействия обмену населением. Но возникали

также случаи, как с Бандровской, когда гестаповцы не согласовывали с нами

списки отъезжающих и,

пользуясь тем, что граница фактически была открытой и никаких

трудностей для перехода не существовало, выписывали каким-то лицам фальшивые

документы.

Продолжалась работа по установлению Советской власти и нормализации

положения в западных районах Украины. Главным образом она была направлена на

создание местных органов власти. В областные комитеты и в районные было

привлечено много местных активистов. Не было недостатка в кадрах, которые

становились на позиции советской действительности. Несмотря на сильные

украинско-националистические позиции, имелось немало сочувствовавших нам

коммунистов, несмотря на роспуск КПЗУ и выраженное нами недоверие к ней.

Вообще-то КПЗУ была разгромлена еще во время "чисток" 1936-1937 годов.

Руководство коммунистическими организациями Западной Украины практически

было возложено на КП(б)У. Когда я еще в 1928-1929 гг. работал в Киеве на

посту заведующего организационным отделом окружного комитета, секретарем

Киевского окружкома был Демченко. Именно он по решению ЦК КП(б)У отвечал за

связь с КПЗУ и за руководство ее деятельностью. Демченко встречал людей

"оттуда", они приезжали нелегально, получали от него указания и отбывали.

Так велась организационная работа.

Демченко занимался также вопросами культуры. В Киеве находилась

Украинская АН, видный историк Грушевский руководил в ней секцией истории

Украины. Наблюдение за АН УССР тоже было возложено на Демченко, и он уделял

ей много внимания. Через академию он был связан и с учеными, которые

находились во Львове, на польской территории. Помню из их числа две фамилии:

Студинский и Колесса¹⁴. Это были авторитетные среди интеллигенции люди,

причем Колесса больше как ученый, а Студинский -- как общественный деятель и

хороший оратор. Он, выступая в польской печати, зарекомендовал себя как

антипольская фигура, настроенная просоветски и проукраински. Однако, когда

мы с ним в 1939 г. встретились, выяснилось, что он был в политических

вопросах без прочных убеждений. Итак, КПЗУ была разгромлена, а ее кадры, до

которых дотянулась наша рука, были уничтожены как "провокаторы, изменники,

предатели и агенты Пилсудского", уже умершего.

Коммунистическая партия Польши тоже была разгромлена и распущена

Коминтерном. Ее руководство было уничтожено, так как жило в Москве и

работало как раз в Коминтерне. Все, кто жил здесь, были арестованы и

погибли, и Ленский¹⁵, и другие. Осталась лишь молодежь. Берут¹⁶ же уцелел,

потому что был еще

мало известен у нас и вообще не находился на территории СССР, а был в

Польше. Совсем молодым был еще Гомулка¹⁷. И вот их партия была разгромлена,

исчезло ее центральное руководство, практически же никакого руководства одно

время не было. Гомулка до ареста его польскими властями работал, как он мне

потом рассказывал, в Дрогобыче; где работал Берут, не знаю.

Когда мы заняли

Дрогобыч, то будущий председатель Госсовета ПНР Завадский 18, очень хороший

человек, сидел в местной тюрьме. Он и раньше неоднократно сидел по разным

польским тюрьмам и рассказывал мне, что хорошо знает их режимы. Шутил, что

"лучшей" тюрьмой была дрогобычская.

Я уже упоминал, что мы в те месяцы занимались созданием выборных

органов власти народов, населявших восточные области бывшей Польши. Теперь

они должны были определить свое юридическое положение: с кем они будут?

Хотят ли войти в состав Советского государства? Прошли выборы народных

представителей. Я все это время находился во Львове и организовывал эту

работу. Когда проходило заседание народных делегатов, я сидел в ложе и

наблюдал. Сейчас уже не помню состав президиума собрания, но это были люди

из западных областей Украины, хорошо нам известные, с определенными

политическими позициями. Они открыто заявляли об этом в своих выступлениях,

и устно, и в печати. То были не какие-то подставные лица, если говорить

грубо -- не какие-то "наши агенты", нет! То были убежденные

коммунисты.

Когда они выступали, я не услышал ни одного оратора, который выражал бы хотя

бы сомнение в том, что у них должна быть установлена Советская власть. Они с

радостью, с пафосом заявляли, что их заветная мечта -- быть принятыми в

состав Советской Украины.

Эти собрания прошли на большом политическом подъеме. Не помню, сколько

дней они длились. Но было приятно смотреть на происходящее, радоваться тому,

что оно подтверждало нашу точку зрения: народ -- рабочие, крестьяне,

трудовая интеллигенция с пониманием относятся к нашей идеологии, принимают

ее и на ее основе хотят строить свое будущее. Вот сила ленинских идей! Они

жили в людях, несмотря на то, что польские власти делали все, чтобы

изолировать их от СССР и извратить Ленинизм, пугали людей Советской властью.

Как раз в те годы развернулись репрессии, что тоже использовалось против нас

с соответствующим толкованием. Если мы писали и говорили, что все это

делается только для укрепления Советского государства, для расчистки путей к

строительству социализма, то враги СССР давали, конечно,

свои объяснения,

вредные для нас. Такие точки зрения широко гуляли в Польше, в других

буржуазных государствах. Однако, несмотря на столь усиленную обработку умов,

когда пришла Красная Армия, народ принял нас, как близких людей.

Собрание народных представителей районов, освобожденных Красной Армией,

проходило во Львове очень торжественно. Люди, выступая, со слезами радости

говорили о том, что они наконец-то дождались времени, когда возникнет единая

Украина; что они воссоединились с братьями-украинцами. То были торжественные

для нас дни, тем более что не только удовлетворились национальные запросы

украинцев, но и укреплялась западная граница СССР. Она отодвинулась дальше.

Исправлялась историческая несправедливость в отношении украинского народа,

который никогда прежде не был в составе единой Украины. Теперь его чаяния

сбылись. Правда, юридически это еще не было оформлено, потому что пока что

состоялись лишь собрания во Львове. Пока что наблюдалось выражение чувств

людей, которые освободились от гнета, и еще не было официально оформлено

принятие их земель в СССР. Кроме того, еще оставались украинцы, которые жили

за Карпатами, в Венгерском государстве. Дело в том, что после ликвидации

Гитлером Чехословакии Закарпатская Украина вошла в состав Венгрии. Это

учитывали наши украинцы и говорили: "Закарпатские украинцы пока не входят в

нашу Украинскую Советскую державу, но настанет час, и они тоже будут вместе

с нами". После Великой Отечественной войны так оно и произошло. После

разгрома Гитлера Закарпатская Украина тоже вошла в состав УССР, так что

Советская Украина объединила всех украинцев, живущих на своих исторических

землях.

После львовского собрания народных представителей мы перенесли

обсуждение этого вопроса в Киев. Заседание во Львове называлось собранием

уполномоченных (что-то вроде Учредительного собрания). Оно обратилось с

просьбой принять Западную Украину в состав УССР. В Киеве был созван

республиканский Верховный Совет, а затем завершила дело сессия Верховного

Совета СССР. Туда прибыли представители западных областей и выступали с той

же просьбой. Этот акт совершался в торжественной обстановке.
А я гордился

тем, что от начала до конца находился в западных областях
Украины и

организовывал все дело. Как протекали аналогичные события
в Белоруссии,

подробно не знаю, ибо пользовался только газетной
информацией. Белорусы тоже

торжествовали победу, тоже были рады историческому акту
воссоединения

белорусского населения в одном государстве. По-видимому, у
них были те же

радости и те же трудности, что и у нас. Я так думаю. А кто
пожелает, может

найти материалы о них в печати.

Теперь -- о Литве, Латвии и Эстонии. Об этих наших
мероприятиях я знаю

только из бесед, которые имел со мной Сталин, когда я приезжал
в Москву. Мы,

конечно, были очень рады, что литовцы, латыши и эстонцы
будут опять входить

в состав Советского государства. Тут и расширение
территории, и рост

населения, и общее усиление СССР. Мы получили довольно
длинную береговую

границу на Балтике. Раньше у нас имелся только узкий вход в
Финский залив, а

теперь -- настоящая морская граница. Кроме того,
рассуждали мы тогда,

территория Латвии, Эстонии и Литвы, если разразится "большая война", стала

бы плацдармом для иностранных войск, и Англии с Францией, и Германии. Так

что эта акция улучшила наше положение в смысле организации обороны

Советского Союза, что имело большое значение, потому что объединенные силы

империалистического лагеря значительно превосходили в то время наши силы.

Конечно, между народами Литвы, Латвии и Эстонии, с одной стороны, и

населением Западной Белоруссии и Западной Украины -- с другой, нельзя

ставить знак равенства. Ведь в Прибалтике жили не части народов СССР, а

отдельные народы. Но они обрели теперь возможность жить так, как жили в СССР

все рабочие, крестьяне и интеллигенция. Для народных масс Прибалтики это был

большой успех.

Их правители уступили свое место другим людям. Президент Литвы Сметона

удрал в Германию. Правда, бежали не все, а кое-кому из прежнего руководства

были даже предоставлены видные посты. Сопротивления нам не было оказано, а

остальное было проведено по-другому, нежели в Западной Украине и Западной

Белоруссии, советизация в Прибалтике проходила иначе. Там появились свои,

теперь уже прогрессивные правительства. И не все их члены были коммунистами.

Лацис¹⁹, возглавивший правительство Латвии после Кирхенштейна²⁰, был

коммунистом и к тому же известным писателем. А Кирхенштейн сначала не был.

Не помню сейчас, кто из эстонцев и литовцев на первых порах возглавлял их

правительства. Но и там были предприняты шаги такого же характера.

Постепенно всюду там вводились советские порядки; Эстония, Латвия и Литва

тоже вошли в состав Советского Союза, что было оформлено демократическими

методами и при соблюдении всех юридических формальностей, которые требуются

в таких случаях.

Осенью 1939 г. встала также проблема Финляндии. Мы вошли с Хельсинки в

контакт, чтобы договориться. Был выдвинут нами вопрос о том, что на случай

войны нужно обезопасить Ленинград, который находился на расстоянии пушечного

выстрела от финляндской границы. С территории Финляндии можно было сразу

вести обстрел Ленинграда. Финляндское правительство проводило тогда

враждебную политику в отношении СССР и демонстративно заигрывало с

гитлеровской Германией. Главнокомандующим армией Финляндии был Маннергейм²¹,

бывший царский генерал. Он очень недружелюбно относился к Советскому Союзу.

Финляндия действительно представляла для нас угрозу, но не сама по себе: ее

территория могла быть использована вражескими силами более могучих

государств против нас. Поэтому стремление Советского правительства

обезопасить себя на северо-западе имело большое значение.

Начались переговоры с финляндской делегацией в Москве. Их подробностей

я не знаю, так как я в то время находился во Львове. Позднее Сталин

рассказывал мне о них, но детали не сохранились в моей памяти. Общее

заключалось в том, что финны не приняли наших условий, после чего и

сложилось решение добиться того же путем войны. А о подробностях я говорить

не могу. Когда я в те дни приезжал из Киева, то редко располагал своим

временем. Чаще всего мне звонил Сталин и вызывал к себе. Иногда я заставлял

Сталина одного. Тогда было легче обмениваться мнениями, а мне -- излагать

свои взгляды и высказывать те нужды, о которых я всегда говорил, приезжая с

Украины. Но чаще, когда я оказывался у Сталина, там бывали Молотов,

Ворошилов, Каганович. Реже Жданов, находившийся обычно в Ленинграде. Бывали

также Берия и Микоян. Вот круг людей, который я встречал у Сталина чаще

других.

Однажды, когда я поздней осенью 1939 г. приехал в Москву, Сталин

пригласил меня к себе на квартиру: "Приезжайте, покушаем. Будут Молотов и

Куусинен". Куусинен²² работал тогда в Коминтерне. Приехал я в Кремль, на

квартиру к Сталину. Начался разговор, и по его ходу я почувствовал, что это

-- продолжение предыдущего разговора, мне неизвестного. Собственно говоря,

речь шла о реализации принятого решения -- о предъявлении Финляндии

ультиматума. Договорились с Куусиненом, что он возглавит правительство

только еще создающейся Карело-Финской ССР²³. Карелия до этого была

автономной республикой, входившей в состав Российской Федерации. Новая

союзная республика должна была, по замыслу Сталина, объединить Карелию и

"освобожденные" районы Финляндии в единой государственной структуре.

У Сталина сложилось такое мнение, что после того, как Финляндии будут

предъявлены ультимативные требования территориального характера и в случае,

если она их отвергнет, придется начать военные действия. Я, естественно,

Сталину не возражал. Более того, я, как и он, считал, что это в принципе

правильно. А насчет войны с Финляндией думал: достаточно громко сказать им,

если же не услышат, то разок выстрелить из пушки, и финны поднимут руки

вверх, согласятся с требованиями. Сталин заметил: "Сегодня начнется это

дело".

В Ленинград заранее послали Кулика²⁴ для организации артиллерийского

обстрела финляндской территории. Мы сидели у Сталина довольно долго, ожидали

часа истечения ультиматума. Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не

будет войны, что финны в последнюю минуту примут наши предложения, и тем

самым мы достигнем своей цели без войны, обезопасим страну с Севера.

Финляндская территория и ее естественные ресурсы нас не интересовали, ибо

**мало что дополняли к нашим необъятным просторам.
Финляндия богата лесом, но**

**не может же она равняться с нами. Не это нас привлекало. На
первом плане**

**стояли вопросы безопасности: повторяю, Ленинград
находился под прямой**

**угрозой. Потом позвонили, что мы все-таки произвели роковой
выстрел. Финны**

**ответили артиллерийским огнем. Началась война. Говорю это
потому, что**

**существует и другая трактовка событий: дескать, финны
выстрелили первыми, а**

**мы вынуждены были ответить. Но ведь это всегда, когда
начинают войну,**

**говорят о другом, что выстрелил первым он. В былые
времена, как**

**свидетельствует история, войны начинались иначе. Сейчас
подобное увидишь**

**разве что в опере: как театральным жестом один бросает
перчатку, а другой ее**

**поднимает, и начинается дуэль. В наше время войны, к
сожалению, начинают**

**по-иному. Возникает вопрос: имели ли мы юридическое и
моральное право на**

**свои действия? Юридически, конечно, не имели права. С
моральной же точки**

**зрения желание обезопасить себя и договориться с соседом
оправдывало нас в**

собственных глазах.

И вот началась война. Я уехал через несколько дней на Украину. Мы были

уверены, что если финны приняли наш вызов и развязалась война, причем в ней

участвуют несоизмеримые величины, то вопрос будет решен быстро и с

небольшими потерями для нас. Так мы думали и так хотели, однако история

показала затем совсем другое.

Война оказалась довольно упорной. Финны проявили большую воинственность

и большие военные способности. У них была хорошо организована оборона, и

наши попытки пробиться через Карельский перешеек, самый короткий путь к ним,

ни к чему не привели. Перешеек сначала оказался нам не по зубам. Там

обнаружились неожиданно для нас хорошие железобетонные укрепления, удачно

расположенная артиллерия, и мы наткнулись на неприступную крепость. В

результате там полегло наших войск значительно больше, чем предполагалось по

плану решения этого вопроса военными методами. Боевые действия затянулись до

глубокой зимы. Тогда было решено обойти укрепления Карельского перешейка и

ударить севернее Ладожского озера, где, видимо, у финнов таких укреплений не

было. То есть, мы хотели зайти с тыла. Когда же попытались сделать это, то

там выявились еще более сложные условия, связанные с особенностями природной

местности и климата. Финны -- люди Севера, хорошие спортсмены, прекрасно

держатся на лыжах. Наши войска столкнулись с подвижными подразделениями

лыжников, вооруженных автоматическим оружием высокой скорострельности.

Возник вопрос о том, чтобы и наши войска срочно поставить на лыжи. Но

сделать это было не так легко. У нас воевали обычные, нетренированные

красноармейцы. Вспомнили мы и о физкультурниках, но их имелось немного, хотя

собрали их из Москвы, с Украины и из Ленинграда. Провожали мы их довольно

торжественно, ибо была уверенность, что наши физкультурники "приедут и

победят". А они почти все там погибли. Не знаю точно, сколько их

возвратилось стой войны.

Сталин негодовал. Военные объясняли ему, что они не знали об

укреплениях на Карельском перешейке -- "линии Маннергейма", и стали обвинять

во всем нашу разведку. Все это слилось в главное обвинение Ворошилову. Ведь

он был наркомом обороны. За военные неудачи обвинять, собственно, больше и

некого было. Не Сталина же. Ворошилов, значит, виноват, не предусмотрел, не

разработал и т.п. Начальником Генерального штаба был тогда Шапошников²⁵. Его

люди занимались разработкой плана операции против Финляндии и занимали

высокое положение в войсках. На Шапошникова же смотрели как на видного

специалиста, хотя сам он решающего голоса не имел. Скорее у него был

совещательный голос. Решал тогда от имени РККА военные вопросы Ворошилов.

То были страшные месяцы и по нашим потерям, и в смысле перспективы.

Возьмем наш Военно-Морской Флот, который действовал на Балтике против

финляндского. Казалось бы, соотношение должно быть отнюдь не в пользу

финнов. Но наш флот действовал плохо. Вот один из случаев. При мне

докладывали Сталину, что плыл по морю шведский корабль. Наши приняли его за

финский, подводная лодка попыталась потопить его, но не сумела. А немецкие

моряки это наблюдали и, чтобы уколоть нас, предложили помощь.

Сталин сказал нам: "Посол Германии Шуленбург передал предложение от

Гитлера: если мы встречаем затруднения в борьбе против финнов на Балтийском

море, то немцы готовы оказать содействие...". Сталин, разумеется, отказался,

но буквально пришел в замешательство в результате этого случая, образно

выражаясь, посерел. Можете себе представить! Будущий враг так нас оценивает.

Открыто предлагает: "Давайте попросту отбросим всякие правовые соображения.

Раз началась война, то надо использовать все с тем, чтобы в кратчайший срок

решить задачу, поставленную перед военными силами". Гитлер демонстрировал

нам наше же бессилие. Хотел, чтобы мы сами признали это, приняв его помощь.

В советском руководстве нарастала тревога. Пока не такая уж сильная, но

нарастала. Как бы не померк ореол непобедимости Красной Армии. Как у нас

тогда пели? "Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу

готов". Заронились семена сомнения. Если мы с финнами не сможем справиться,

а вероятный противник у нас более сильный, то как же с ним тогда будем

справляться? Нашими войсками на Карельском перешейке командовал Мерецков²⁶,

севернее командовали другие²⁷. Приходит ко мне Тимошенко и говорит: "Меня

вызывают в Москву, наверное, поеду на Финляндский фронт". Уехал он и

действительно возглавил все войска Северо-Западного фронта для прорыва

"линии Маннергейма". Вновь решили главный удар не наносить с севера, в

обход, а бить в лоб, разбить укрепления на Карельском перешейке и тем самым

решить исход войны. Хорошо помню, как Сталин с горечью, грустью и иронией

рассказывал мне, как протекала война с Финляндией севернее этого перешейка:

"Там глубокие снега, идут по ним наши войска, в частях много украинцев,

воинственно настроенных: "А де тут хвинны?". Вдруг сзади раздаются очереди

из автоматического оружия. Наши люди падают. Это финны избрали такую тактику

борьбы в лесах, забирались на сосны, прикрывались ветками, надевали белые

балахоны и становились совершенно незаметными. Наши подходят, а их

расстреливают в упор с деревьев. Таких стрелков прозвали там "кукушками". И

опять "твои" спрашивают: "Де же, де те зегзицы?". Пришлось вести с

"кукушками" специальную борьбу, тренировать против них наших стрелков. Но на

все это требовалось время, и учеба стоила нам большой крови.

Началась перезадуманная операция. Пересмотрели и тактику лобового

удара, сосредоточили (почему же это сразу не сделали?) нужное количество

артиллерии, самолетов, всего, что необходимо, и организовали новый удар.

Разбили финские доты, перед мощной артиллерией они не устояли. Авиация тоже

сыграла положительную роль. Сталин говорил об этом так: "Вот налетала на них

наша авиация. Задание ей было: преградить финнам подвоз к фронту боеприпасов

и снаряжения, то есть вывести из строя железную дорогу, разбомбить мосты и

расстрелять паровозы с самолетов. Тактически это, конечно, правильно.

Столько мостов там разбили, столько паровозов вывели из строя, что, казалось

бы, финнам одни лыжи остались. Но нет, подвоз средств у них продолжается".

Наконец запросили финны перемирия. Начались переговоры. Договорились о

прекращении войны, а потом подписали мирный договор. Отодвинулись финны от

Ленинграда и еще уступили нам базу на полуострове Ханко, в Финском заливе.

Тут мы стали анализировать причины того, почему мы оказались плохо

подготовлены к войне и отчего она стоила нам таких больших жертв. Не знаю

точно, сколько тысяч бойцов полегло там, но думаю, что очень много. Мне об

этой войне подробно рассказывал Тимошенко. Выявилось, что говорили неправду

о нашей разведке, будто она плохая и потому не сообщила нужных данных, так

что мы не знали обстановку. Все это оказалось ложью. Наша разведка оказалась

на должной высоте. Все доты, которые были построены финнами, вся "линия

Маннергейма" -- все это было хорошо известно и нанесено на карты. Видимо,

просто допустили беспечность. Я даже не представляю себе, как это могло

случиться. Ведь данные разведки -- святая святых при разработке любой

операции. Прежде всего изучается местность, на которой будут развернуты

военные действия. А тут не просто местность, а укрепленный район. Сколько

лет финны строили там эти железобетонные гранитные укрепления. Там и

естественные условия для обороны хороши: леса, холмы, много озер и болот,

мало дорог. Местность труднодоступна для транспорта, и там легко воздвигнуть

оборонительный пояс. Тем более что буквально на месте и лес, и гранит для

строительства полевых оборонительных сооружений. Финны хорошо это

использовали. Вот почему победа стоила нам крови многих тысяч людей.

Я бы сказал здесь, что Финляндская война на деле обошлась нам, может

быть, даже в миллионы жизней. Почему я так думаю? Потому что если бы мы

финнов не тронули и договорились как-то без войны, то о нас имелось бы за

рубежом иное представление. Ведь если Советский Союз еле-еле справился с

Финляндией, с которой Германия расправилась бы очень быстро, то что

останется от СССР, если на него двинутся немецкие войска, вышколенные,

отлично организованные, имеющие хороших командиров, сильную боевую технику и

большие массы военнослужащих? Гитлер рассчитывал, что расправится с СССР в

два счета. Так родился курс на молниеносную войну и план "Барбаросса",

основанные на самоуверенности. Питала эту самоуверенность в немалой степени

злополучная, неудачно проведенная нами финляндская кампания. А вот если бы

мы провели эту кампанию по-другому, как нужно, то дальнейшее развитие

исторических событий могло пойти по-иному. Конечно, СССР как бы обманул

Гитлера своими поступками в этой кампании, так что немецкая самоуверенность

дорого обошлась Германии. Но мы же не притворялись нарочно зимой 1939-1940

г., так как не знали заранее, чем все кончится и как потом развернутся

события. А миллионы людей в войне с Германией потеряли.

Наши предположения до 1941 г., что правительство Финляндии в случае

"большой войны" предоставит свою территорию нашим врагам, оправдались. Еще

до Великой Отечественной войны мы знали, что Гитлер концентрирует свои

войска в Финляндии у наших границ. Можно, конечно, сказать, что финны пошли

на это, потому что были озлоблены и хотели вернуть потерянное ими путем

войны вместе с Германией против Советского Союза. Такое понимание дела тоже

не будет лишено здравого смысла. Напоминаю о том, как мы с (покойным теперь

уже) Куусиненом узнали на квартире у Сталина, что первые выстрелы уже

совершены именно с нашей стороны. Куда от этого денешься?

Что касается Финляндии, то я впоследствии не раз бывал в ней,

встречался с финнами. У меня были самые хорошие отношения с президентом

Кекконеном и его предшественником Паасикиви²⁸. Это был "хороший буржуа",

который искренне хотел мира с нами. Он, собственно говоря, и

подписал мир,

поскольку был инициатором дела и как бы посланцем от финляндского

правительства к нам во время Второй мировой войны. В результате переговоров,

которые он вел с нами, было достигнуто необходимое соглашение, и Финляндия

вышла из войны против СССР. Это была важная победа, только она стоила много

пролитой крови. Возникает опять

вопрос: можно ли было обойтись без советско-финляндской войны? Не

берусь делать окончательный вывод. Если же говорить о Сталине, который решал

эти вопросы, то он начинал в 1939 г. войну не для того, чтобы захватить

Финляндию. Мы же ее не захватили, и когда фактически разгромили финляндскую

армию в 1944 году, Сталин проявил здесь государственную мудрость. Территория

Финляндии с ее населением не могла решить коренных задач нашей внешней

политики: маленький народ, чья страна не богата естественными ресурсами; а

подписание договора о перемирии с Финляндией, которая затем сама объявила

войну Германии, -- хороший пример для других сателлитов гитлеровской

Германии. Выгода для нас от этого была большей, чем от

оккупации. К тому же

такой наш шаг оставил хороший след в видах на будущее.

Помню такой случай. Как-то приехал я с Украины в Москву, был у Сталина.

Молотов рассказывал, как он пригласил Шуленбурга, посла Германии в СССР.

Шуленбург являлся сторонником укрепления мирных отношений Германии с

Советским Союзом и был решительным противником войны с СССР. Недаром 23

августа 1939 г. при заключении советско-германского пакта о ненападении

Шуленбург, с которым Молотов решал попутные вопросы, буквально сиял от

радости и говорил: "Сам Бог нам помог, сам Бог!". Тогда мы отнеслись к его

словам как к дипломатической игре. Но потом история показала, что это у него

было искреннее настроение: он понимал желательность улучшить отношения

Германии и СССР, положить их на мирную основу. Он докладывал позднее о том

же Гитлеру, но на его слова не обратили внимания. А во время заговора против

Гитлера летом 1944 г. в него был вовлечен и Шуленбург. Заговор провалился, в

числе казненных оказался и Шуленбург.

Вернусь к рассказу Молотова. Проходя коридорами Наркоминдела, Шуленбург

увидел, что на радио у нас сидят стенографистки и записывают нужные

передачи. Он в удивлении спросил: "Как? У вас стенографистки ведут запись?".

И тут же осекся. Молотов доложил о том Сталину. Наши решили, что, видимо, у

немцев имеются технические средства записи. Записывают не стенографистки, а

аппараты. Только после войны мы узнали, что существуют магнитофоны. Раньше

мы об этом ничего не знали. Немцы же имели еще до войны магнитофоны. Поэтому

радиоразведку они вели более организованно. Передача секретных

радиотелеграмм осуществляется на больших скоростях, и почти никакая

стенографистка записать их не успеет. Тем более когда они кодированы.

Магнитофон же может записать, а потом работать медленнее: можно все

прослушать, чтобы подобрать ключ к коду. Мы это делать еще не умели,

так как у нас не было соответствующих технических средств. По таким деталям

фашисты тоже судили о нашем военно-техническом уровне, нашей военной

оснащенности, чувствовали нашу слабость, и это укрепляло их желание поскорее

развязать войну. Но они эту слабость преувеличивали.

Итак, после зимы 1939-1940 г. в стране было сравнительно мало людей,

которые по-настоящему знали, как протекали и к чему политически привели

военные действия против Финляндии, каких жертв потребовала эта победа,

совершенно несоизмеримых с точки зрения наших возможностей, каково реальное

соотношение сил. Сталин же в беседах критиковал военные ведомства. Наркомат

обороны, а особенно Ворошилова. Он порою все сосредоточивал на личности

Ворошилова. Я, как и другие, был тут согласен со Сталиным, потому что

действительно в первую голову отвечал за это Ворошилов. Он много лет занимал

пост наркома обороны. В стране появились "Ворошиловские стрелки" и тому

подобное. Ворошиловская хвальба усыпляла народ. Но виноваты были и другие.

Помню, как один раз Сталин во время нашего пребывания на его ближней даче в

пылу гнева остро критиковал Ворошилова. Он очень разнервничался, встал,

набросился на Ворошилова. Тот тоже вскипел, покраснел, поднялся и в ответ на

критику Сталина бросил ему обвинение: "Ты виноват в этом. Ты истребил

военные кадры". Сталин ему соответственно ответил. Тогда Ворошилов схватил

тарелку, на которой лежал отварной поросенок, и ударил ею об стол. На моих

глазах это был единственный такой случай. Сталин в первую голову чувствовал

в нашей победе над финнами в 1940 г. элементы поражения. Очень опасного

поражения, которое укрепляет наших врагов в уверенности, что Советский Союз

-- колосс на глиняных ногах. Международные политические последствия могли

оказаться самыми неблагоприятными.

Кончилась критика тем, что Ворошилов был освобожден от обязанностей

наркома обороны, а вместо него был назначен Тимошенко. Вскоре он стал

Маршалом Советского Союза. Не помню сейчас, какой новый пост был дан

Ворошилову, но долгое время он находился как бы на положении мальчика для

битья.

Но одной констатации дела и гнева, оправданного, я бы сказал, гнева, в

связи с ходом войны 1939-1940 гг. было недостаточно. Следовало сделать

должные выводы. Выводы же должны были заключаться не только в освобождении

Ворошилова от должности и назначении другого лица на пост наркома. Нужно

было иметь в виду, что "большая война" неизбежна.

Требовалось срочно

наверстать

упущенное, найти в нашей экономике те бреши, в результате которых мы

несли потери, выше поднять боеспособность Красной Армии и, самое главное,

заиметь новые кадры.

Мне довелось познакомиться с Кирпоносом²⁹, когда он командовал войсками

КОВО. Очень хороший командир и честный человек. И погиб он, как истинный

гражданин Советского Союза. В Финляндскую кампанию он командовал дивизией,

отличился в боях, получил потом генеральское звание и стал Героем Советского

Союза. КОВО стоял примерно на том же по значению месте, как и Белорусский

Особый военный округ (БОВО). Если БОВО грудью заслонял Москву от вражеского

нападения с запада, то КОВО тоже находился на направлении главного удара.

Там имелись благоприятные рельефные и почвенные условия для развития

наступления механизированными войсками с запада на Киевском направлении:

хорошие дороги, почти нет болот. За границей писали, что это танкодром, что

там можно, развернув танковые соединения, показать, на что они способны.

Оценка оказалась правильной. В Великую Отечественную войну так и произошло.

Назначив сюда Кирпоноса, считали, что он подходит по моральным качествам.

Это было верно. Но у него не было опыта руководства таким огромным

количеством войск. Видимо, других, более подходящих командиров, после

кровавой мясорубки 1937-1938 гг. просто не осталось. Отсутствие же опыта

потом сказалось на организации боев в ходе столкновений с гитлеровскими

войсками. Кирпонос был далеко не Якир!

После Финляндской кампании требовалось сейчас же посмотреть еще раз,

как мы обеспечены вооружением и боевой техникой, тут же приступить к

перестройке промышленности, переводя ее на военный лад, чтобы полностью быть

готовыми к войне. Хотя мы и не знали, какое время нам дано для передышки и

когда на нас нападёт враг, считаю, что реально делалось очень мало нового по

сравнению с мирным временем. Это было страшное упущение, и потом мы за это

поплатились, когда в первые месяцы войны у нас катастрофически не хватало

вооружения и боевой техники. Сталин, как я полагаю, ожидал, что развернутся

затяжные сражения английских и французских войск против немецких. Они

истощат Гитлера. Таким образом окажутся сорванными его планы сначала разбить

Запад, а потом Восток, то есть рухнет стратегия, заложенная им в идею

подписания договора 1939 г. с СССР о ненападении.

В тот период и Сталин, и Гитлер выполняли (а иногда делали вид, что

выполняют) обязательства, взятые по августовскому договору и согласно

сентябрьскому договору о дружбе и границе. Молотов часто докладывал: "Вот

Шуленбург сказал... Шуленбург передал...". Согласно договору о дружбе мы

должны были поставлять Германии зерно, нефть и мн. др. Все это мы

пунктуально выполняли, гнали железнодорожные эшелоны в Германию. Со своей

стороны, Гитлер должен был нам предоставить крейсер. Он был уже на плаву.

Его доставили в Ленинград, и там было организовано окончание корабельных

работ. Гитлер прислал своих специалистов, которые помогали в постройке этого

крейсера30. Я узнал об этом так. Крупный немецкий военно-морской начальник

приехал в Ленинград для консультации. Ему отвели соответствующее помещение,

создали необходимые условия, а потом возник скандал. Скандал устроили немцы,

причина же была такой. Наша разведка обставила квартиру этого специалиста

подслушивающими и фотографирующими аппаратами; кроме того, он оказался

любителем женского пола, и разведка подбросила ему девицу. В одну из ночей

его сфотографировали вместе с нею, чтобы уличить в непристойном поведении.

Но наша техника, видимо, была плохая, и он услышал шум -- щелчки работавшего

аппарата. Стал искать, в чем дело, и нашел. На стене висела большая картина,

в ней искусно было вырезано окно и вставлен фотоаппарат. Он заявил протест.

Немцы оказались безразличны к его встречам с девицей, а наши-то чекисты

думали, что фотографии дадут возможность завербовать его. Сталин тогда

критиковал Берия за неудачу. Так я и узнал про это событие. Чем закончилось

дело, не знаю. Крейсер же так и стоял у нас до конца войны недостроенным.

Гитлер, посылая нам недостроенный корабль, вероятно, полагал, что успеет

разбить нас, а потом вернет крейсер Германии.

Мы имели соглашение с Чехословакией, с фирмой Шкоды, которая должна

была поставить нам зенитные пушки. Наши 85-мм зенитки, с которыми мы потом

воевали, изготавливались во многом по образцам, купленным у Шкоды. Кроме того,

мы получали у Шкоды и другие орудия. Но фирма не успела выполнить заказ до

того, как Чехословакию захватил Гитлер. А теперь он дал указание, и Шкода

выполнил прежний заказ, поставив нам какое-то количество крупнокалиберных

орудий. Что касается зениток, то мы их использовали и как зенитные орудия, и

как противотанковые. Итак, Гитлер делал все, чтобы создать видимость, будто

Германия выполняет обязательства, взятые по договору с СССР.

Как же выглядели в тот период наши взаимоотношения с Германией с

позиций Украины? Мы имели границу непосредственного

соприкосновения с Германией. После ликвидации Польского государства

Гитлер сначала держал у советской границы войска, укомплектованные солдатами

возрастов не первого призыва. Это были воинские части не первого эшелона. Но

мы видели также, что фашисты усиленно работают по укреплению границы. Если

провозглашена дружба, то зачем такие усиленные работы? Это выглядело

подозрительно. Конечно, командование КОВО докладывало

Сталину. Сталин тоже

понимал неснятую угрозу СССР, но вроде бы не обращал внимания на доклады и

давал в ответ свое объяснение, которое нас в Киеве вовсе не укрепляло в

смысле надежды избежать войны с Германией. Одновременно стали наглеть

украинские националисты, начавшие конкретно действовать. К нам попали

неопровержимые документы, уличавшие их в том, что они переметнулись к

Берлину, получали оттуда деньги и инструкции: тоже одно из веских

доказательств того, что Гитлер готовится напасть на нас и использует

националистов как свою агентуру. Он хотел, рванувшись на Украину, иметь

националистический "украинский прожектор", который освещал бы обстановку в

разведывательных целях и стал немцам первоначальной опорой. Как раз эти

функции и взяла на себя националистическая свора Западной Украины.

Стали мы перешивать железнодорожную колею Западной Украины с узкой на

широкую, то есть с европейской на советскую. А немцы, бывавшие у нас в

Прикарпатье, под каким-то предлогом, попросили (через контакты своих органов

безопасности с нашими органами) не делать этого. Серов сообщил мне об этом.

Тогда я сказал Сталину: "Они считают, что прежняя железная дорога вскоре им

пригодится. Это же по размерам их колея, и они просят не перешивать ее".

Сталин выругался и приказал: "Перешить!" Правда, во время войны переделать

линию заново вовсе недолго. Строители идут вслед за войсками, и если рельсы

на месте, шпалы на месте и не разрушено железнодорожное полотно, то им

остается только раздвинуть рельсы, вынув старые костыли, и забить новые.

1 В сентябре -- ноябре 1939 года действовали для освобождения районов

Западной Белоруссии и Западной Украины Белорусский и Украинский фронты.

2 Эта военная кампания была осуществлена Красной Армией за 9 дней.

3 ЯКОВЛЕВ Н.Д. (1898-1972) был тогда начальником артиллерии Киевского

Особого ВО в звании генерал-майора.

4 Генерал-лейтенант Голиков Ф.И.

5 ПИЛСУДСКИЙ Ю. (1867-1935) -- видный деятель Польской социалистической

партии с начала XX в., в 1919-1922 гг. начальник Польского государства,

польский премьер в 1926-1928 и 1930 гг.

6 КЕРЗОН Дж.Н. (1859-1925)--британский маркиз, министр иностранных дел

в 1919-1924 гг. Его "линия" была рекомендована Верховным советом Антанты в

качестве восточной границы Польши.

7 СМЕТОНА А. (1874-1944) -- президент Литвы в 1919-1920 гг. и вновь в

1926-1940 гг.

8 СТУДИНСКИЙ К.И. (1868-1941) --литературовед, акад. АН УССР в 1929 г.,

преподаватель (затем профессор) Львовского университета с 1900 года.

9 ВАСИЛЕВСКИЙ Л. был министром иностранных дел Польши в 1918-1919

годах.

10 МИЩЕНКО Г.К.

11 БАНДЕРА С.А. (род. в 1908 г., убит советским агентом в Мюнхене в

1959 г.) участвовал с 1920-х годов в подпольной Украинской войсковой

организации, созданной в Польше Е. Коновальцем, с 1929 г. член Организации

украинских националистов, с 1933 г. председатель ОУН на западноукраинских

землях, участвовал в террористических покушениях на польских государственных

деятелей, сидел в польской тюрьме, был освобожден в 1939 г. во время

германо-польской войны, после 1941 г. руководил

антисоветской деятельностью

Украинской повстанческой армии на временно оккупированной фашистами

территории Украины, зимой 1945 г. перебрался в Германию и руководил оттуда

той же деятельностью, находясь до конца жизни в ФРГ и выступая под

псевдонимом Стефан Поппель.

12 СЕРОВ И.А. (1905-1990) -- член партии с 1926 г., окончил в 1935-1938

гг. Военную академию РККА им. М.В.Фрунзе, с 1939 г. работал в НКВД, со 2

сентября 1939 г. -- нарком внутренних дел УССР, с 1941 г. первый заместитель

наркома госбезопасности СССР, потом зам. наркома внутренних дел СССР, в

1945-1947 гг. зам. главноначальствующего Советской военной администрации в

Восточной Германии, до 1954 г. первый зам. министра внутренних дел СССР, до

1958 г. председатель Комитета госбезопасности, до 1963 г. начальник Главного

разведывательного управления Министерства обороны СССР, затем служил до 1965

г. в Туркестанском и Приволжском военных округах, далее пенсионер.

13 БАНДРОВСКА-ТУРСКА Э. (1899-1979)--польская певица, выступавшая в

1918-1960 гг. на сцене оперы и в концертах, профессор

Краковской и

Варшавской консерваторий.

14 КОЛЕССА Ф.М. (1871-1947)--украинский композитор, литературовед и

этнограф, профессор Львовского университета с 1939 г., академик АН УССР с

1929 года.

15 ЛЕНСКИЙ --псевдоним Лещиньского Ю. (1889-1937), генерального

секретаря ЦК Компартии Польши с 1929 г., члена Президиума Исполкома

Коминтерна с 1929 года.

16 БЕРУТ Б. (1892-1956)--член Компартии Польши с 1918 г., председатель

в 1948-1954 гг. и первый секретарь с 1954 г. ЦК Польской объединенной

рабочей партии, в 1944-1949 гг. председатель Крайовой рады народной.

17 ГОМУЛКА В. (1905-1982)--член Компартии Польши с 1926 г., генеральный

секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943-1948 гг., первый секретарь ЦК

ПОРП в 1956-1970 гг.

18 ЗАВАДСКИЙ А. (1889-1964) --член Компартии Польши с 1923 г., в

1944-1945 гг. заместитель главнокомандующего Войском Польским, с 1944 г.

член

Политбюро ЦК ПРП, с 1948 г. секретарь ЦК ПОРП, в 1949-1952 гг. зам.

председателя Совета Министров Польши, с 1952 г. председатель

Государственного совета ПНР.

19 ЛАЦИС В.Т. (1904-1966) -- писатель, государственный и политический

деятель, член ВКП(б) с 1928 г., народный писатель ЛатССР с 1947 г., в

1940-1959 гг. председатель Совнаркома (Совмина) ЛатССР.

20 КИРХЕНШТЕЙН А.М. (1872-1963)--ученый-витаминолог, государственный

деятель, член ВКП(б) с 1941 г., премьер-министр и президент Латвии в 1940

г., затем до 1952 г. председатель Президиума Верховного Совета ЛатССР, с

1946 г. директор Института микробиологии АН ЛатССР.

21 МАННЕРГЕЙМ К.Г.Э. (1867-1951) -- барон, генерал-лейтенант армии

России в 1917 г., маршал Финляндии с 1933 г., создатель в 1927-1939 гг.

сильной системы военных укреплений на Карельском перешейке ("линия

Маннергейма") у границы с СССР, главнокомандующий армией Финляндии в

1939-1944 гг., в 1944-1946 гг. президент Финляндии, затем в отставке.

22 КУУСИНЕН О.В. (1881-1964) --член РСДРП с 1904 г., в 1911-1917 гг.

председатель Исполкома социал-демократической партии Финляндии, один из

руководителей Финляндской революции 1918 г., в 1921-1939 гг. член Президиума

ИККИ и его секретарь, в 1940-1956 гг. председатель Президиума Верховного

Совета Карело-Финской ССР, с 1957 г. секретарь ЦК КПСС, член ЦК ВКП(б) с

1941 г., член Президиума ЦК КПСС в 1952-1953 гг. и с 1957 г., акад. АН СССР

с 1958 г., автор трудов по истории международного коммунистического

движения.

23 Образована 31 марта 1940 года.

24 КУЛИК Г.И., являясь заместителем наркома обороны СССР, был тогда

одновременно начальником Главного артиллерийского управления РККА.

25 ШАПОШНИКОВ Б.М. (1882-1945) -- царский полковник, член ВКП(б) с 1930

г., в Красной Армии с 1918 г., в 20-е годы командовал войсками ряда военных

округов, с 1928 г. начальник Штаба РККА, с 1932 г. начальник Военной

академии им. М.В.Фрунзе, в 1937-1943 гг. (с перерывом) начальник

Генерального штаба и до 1943 г. заместитель наркома обороны СССР. Затем

начальник Военной академии Генштаба, автор военно-

теоретических трудов,

Маршал Советского Союза с 1940 года.

26 МЕРЕЦКОВ К.А. (1897-1968) -- из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1917

г., красногвардеец, в Красной Армии с 1918 г., участник Гражданской войны,

занимал ответственные штабные, политические и командные должности, участник

национально-революционной войны в Испании с 1936 г., в описываемое время

командовал на Карельском перешейке 7-й армией, которая прорывала "линию

Маннергейма", затем ком. войсками Ленинградского ВО, начальник Генштаба,

заместитель наркома обороны СССР, в 1941-1945 гг. командовал армиями, а

также войсками Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов, до

1955 г. командующий войсками ряда военных округов, затем помощник министра

обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям; член ЦРК в 1956-1961 гг.,

с 1964 г. Генеральный инспектор ГГИ МО СССР, Маршал Советского Союза с 1944

года.

27 Севернее действовали: на Карельском перешейке 13-я армия

(командующий В.Д. Грендаль), на Ладожско-Онежском перешейке 15-я армия (М.П.

Ковалев, затем В.Н. Курдюмов), еще севернее 8-я армия (Г.М. Штерн), 9-я

армия (М.П. Духанов, затем В.И. Чуйков) и 14-я армия у Мурманска (В.А.

Фролов).

28 КЕККОНЕН У.К. (1900-1986) был президентом Финляндии в 1956-1981 гг.,

а Ю.К.Паасикиви (1870-1956) был президентом с 1946 года.

29 КИРПОНОС М.П. (1892-1941)--член РКП(б) с 1918 г., занимал различные

командные должности, перед Финляндской кампанией был начальником Казанского

военного училища, во время Финляндской кампании командовал 70-й дивизией,

атаковавшей Выборг, потом -- войсками Ленинградского и Киевского Особого ВО,

в 1941 г. -- Юго-Западного фронта, погиб в сражении.

30 Это был немецкий крейсер "Лютцов", в СССР получивший название

"Петропавловск", а с 1944 г. -- "Таллин". Во время Великой Отечественной

войны функционировал как многоорудийная плавучая батарея.

ДЕЛА ПРЕДВОЕННЫЕ

В 1940 г. нами была проведена операция по освобождению Бессарабии от

румынских войск. Это тоже вытекало из августовского договора 1939 г.,

который был подписан с немцами. Но, кроме того, тут мы хотели вернуться к

исторической правде, которая была нарушена румынским королевским

правительством после Октябрьской революции. Румыны были союзниками России

против Германии в первой мировой войне. Однако когда после Октябрьской

революции они почувствовали нашу слабость, то двинули свои войска,

оккупировали Бессарабию и удерживали ее до 1940 года.

Я, будучи членом Военного совета Киевского Особого военного округа,

принимал активное участие в организации освобождения Бессарабии. В это время

командовал войсками КОВО Жуков. Тимошенко к тому времени стал наркомом

обороны СССР. Был детально разработан план продвижения наших войск и занятия

исходных позиций, намечены переправы, созданы ударные группы. Одним словом,

все, что нужно сделать для того, чтобы успешно провести эту операцию, было

планом предусмотрено. Вопрос заключался только в том, окажут ли

сопротивление румынские войска. На границе они держали себя очень плохо. Они

часто совершенно без всякого повода стреляли по пограничникам, которые несли

охрану нашей границы, по колхозникам. Эта граница не считалась у нас

спокойной. Румыны проявляли враждебность к нам, хотя мы ничего не позволяли

себе в отношении румынской границы и румынских пограничников. Поэтому мы не

знали, как румынские войска будут вести себя.

Предъявили мы ультиматум, и наши войска стали готовиться к

переправе через Днепр. Румыны не оказали сопротивления и стали

отходить. Я не помню сейчас, какие дипломатические переговоры велись, как

они протекали и чем завершились, но мы стали переправляться на правый берег

Днестра, а румынские войска стали отходить от границы. Мы переправлялись

совершенно беспрепятственно. В это время мы с маршалом Тимошенко были на

Тираспольском направлении. Как только переправились на правый берег Днестра,

сразу же соприкоснулись с населением. Оно нас встречало радушно, даже очень

радушно. В тот же день Тимошенко предложил полететь на самолете в глубь

Бессарабии за линию румынских войск и сесть на лугу около деревни Фурманка

**1. Он хотел, конечно, повидать своих близких, брата, сестру.
Почти у всякого**

**человека набирается много родственников, особенно если
родственник занимает**

**такое высокое положение, как тогда Тимошенко -- нарком
обороны великой**

**страны. Он уверял, что мы спокойно сядем на самолете: там
хороший луг**

**недалеко от его деревни, а потом мы дойдем или сбегутся люди и
довезут нас.**

**Это было немножко рискованно, потому что румыны
передвигались в этом районе**

**к Пруту и за Дунай, а мы должны садиться на территорию,
которая еще не**

освобождена от румынских войск.

**Полетели мы, сделали круг. С воздуха Тимошенко узнал
свою Фурманку и**

**показал мне в окно: вот озеро, какая там охота! Начались
тут всякие**

**воспоминания о его детстве и юности. Он не был в Фурманке с
начала Первой**

**мировой войны, как его призвали в армию. Его, естественно,
тянуло в родные**

**места, где он провел свое детство. Сели мы на лугу, сейчас же со
всех сторон**

**сбежались люди; кто пеший, кто верхом на лошади или в
запряжке. Сейчас же**

**самоорганизовался митинг. Помню, выступал какой-то
бородатый крестьянин. Мне**

говорили, что он старообрядец. Одно не подтверждало, что он старообрядец: уж

очень он отборно ругался в адрес румынских офицеров. Я давно не слышал такой

отборной, неповторимой русской ругани. Он это делал публично на большом

митинге, а ругал он их даже за то, что румынские офицеры красят губы, и

сравнивал их с непутевыми женщинами (но он применил другое выражение).

На этом митинге оказался и священник. Потом он подошел к нам и

расцеловался с Тимошенко. Позже я узнал, что этот человек стал священником

во времена оккупации Бессарабии Румынией и что он выходец из семьи,

состоящей в родственных связях с Тимошенко. Дали нам, кажется, лошадей, и

поехали мы к Фурманке. Фурманка нас встретила очень хорошо. Говорю -- нас,

потому что я тоже там был, но это была торжественная встреча их

земляка Тимошенко. Сейчас же нас пригласил к себе брат Тимошенко, потом

приехала его сестра.

Началось угощение. Стали приходить знакомые. Дело уже близится к ночи.

Вижу, воспоминаниям, беседам и вину нет конца. Каждый, кто приходил,

обязательно приносил огромный сулей (так называют там большие бутылки вина).

Тогда я сказал: "Вы тут родственники и знакомые, ведите беседу, а мне

разрешите удалиться". Я ушел в большой сарай и спал там. Утром встал я рано,

но уже рассвело. "Как,--спрашиваю,--маршал? Спит или встал?". "Маршал еще и

не ложился". Я зашел в дом, а они еще продолжали сидеть за столом и вели

беседу. Кончилось тем, что к нам прибежал посыльный от Жукова с донесением,

что Москва очень беспокоится и ищет Тимошенко.

Из этой Фурманки мы вылетели тем же самолетом и полетели в Черновицы.

Там, около Кишинева или в Черновицах, был организован штаб и имелся телефон

ВЧ, по которому можно было поговорить со Сталиным. Прилетели мы туда и

поговорили с Москвой, доложили, что все хорошо и наши войска вышли на новую

границу, то есть на Прут и Дунай. Так мы заняли территорию, которая после

Октябрьской революции была отторгнута румынами, воспользовавшись военной

слабостью молодой Советской республики. Наши войска вышли на ту границу,

которая была до Первой мировой войны, но с некоторым исправлением в районе

Черновиц и Тернополя: эти территории до Первой мировой войны входили в

состав Австро-Венгерской монархии. Здесь исправления были сделаны в нашу

пользу, и это исторически оправданно, потому что эти земли населяли

украинцы. Следовательно, украинцы, проживавшие на этой территории,

воссоединились со всем украинским народом и вошли в единое Советское

государство. Я считаю, что и юридические, и моральные права, безусловно,

были на стороне Советского правительства, на стороне ВКП(б), на стороне

действий, которые осуществлял тогда от имени партии, от имени нашего

государства Сталин.

Спустя какое-то время после разгрома войск Англии и Франции в 1940 г.,

захвата немцами Парижа и капитуляции Франции у нас упорно носились слухи, а

западная печать открыто писала, что немцы направляют свои войска в Румынию.

Поэтому занятие нами Бессарабии еще больше толкнуло Антонеску² в объятия

Гитлера. Антонеску правил страной от имени короля, он определял там

политику. Это был человек профашистских взглядов. Следовательно, надо было

учитывать, что этот участок границы тоже должен быть под строгим наблюдением

и надо что-то делать, чтобы укреплять там наши новые рубежи. Однако на

советско-румынской границе по линии Прут -- Дунай мало что делалось. Можно

даже сказать, что ничего не делалось. Мы только ввели свои войска и

расположили их в соответствующих местах. Каких-то работ по созданию

укреплений на границе не производилось. И когда началась война, граница там

оказалась очень слабой.

Итак, уже закончился период "странной войны" Франции и Англии против

Германии, когда война была объявлена, войска сосредоточены, но активных

военных действий не велось. Эта "странная война" вселяла некоторую тревогу в

руководство Советского Союза. Мы опасались, не закончится ли она сговором

между Англией и Францией, с одной стороны, и гитлеровской Германией -- с

другой, в результате чего гитлеровскую военную машину направят на восток, то

есть против СССР? Это было вполне реально, хотя некоторые у нас этого и в

мыслях не допускали. Никакого особого противоречия не было в таком сговоре,

потому что и та и другая стороны стояли на капиталистических основах; и та и

другая стороны ненавидели марксистско-ленинское учение и наше государство,

которое было единственным островом социализма в капиталистическом окружении.

Наконец на Западе начались активные военные действия. Это была весна

1940 года. Точного числа я уже не помню, но каждый грамотный человек может

отыскать его в справочниках. Немцы перешли в наступление, и перешли в таком

месте, где их меньше всего ожидали. Главные силы Франции были сосредоточены

на линии Мажино. Я не изучал специальную литературу и не могу сказать,

насколько эта линия была неприступной. Но печать твердила об этом и во время

ее строительства, и после. Поэтому в ответ на постройку линии Мажино Гитлер

построил линию Зигфрида. Таким образом, и с той и с другой стороны вроде бы

были неприступные валы, как их называли. Это успокаивало, обнадеживало

французов и ослабляло их волю к должной организации войск, мешало им

предусмотрительно относиться к другим возможностям, которые могут

использовать немцы против Франции и Англии.

Немцы ударили через Голландию и Бельгию. Сопротивление этими странами

было оказано слабое, и немцы вышли на территорию Франции. Там они без

больших затруднений разгромили французско-английские войска и двинулись в

глубь страны. В районе Дюнкерка они устроили большой разгром войск

противника, и англичане сразу же приступили к эвакуации своих войск на

Британские острова, они успели вывезти много своих войск. Все говорило о

том, что Великобритания отказалась от борьбы против немцев на территории

Франции. Тогда в печати очень много писали о применении немцами нового

метода ведения войны: выброска воздушного десанта в тылу противника. Десант

наводил буквально панический страх на французов и обращал их в бегство.

Немцам был открыт путь на Париж.

В это время я случайно (не помню, у меня ли имелись какие-то вопросы

или Сталин меня вызвал) был в Москве. Я видел, что Сталин очень озабочен

развитием военных событий на Западе. Но он не распространялся по этому

поводу и не высказывал своей точки зрения. В ходе обмена мнениями он говорил

только, что французы и англичане оказались очень слабыми, не сопротивляются

немцам, и те наступают, реализуя свои замыслы... Было получено известие по

радио, что немцы вступили в Париж, французская армия капитулировала. Вот тут

Сталин нарушил свою замкнутость и очень нервно выругался в адрес

правительств Англии и Франции за то, что они допустили разгром своих войск.

Сталин тогда очень горячился, очень нервничал. Я его редко видел таким.

Он вообще на заседаниях редко сидел на своем стуле, а всегда ходил. Тут он

буквально бегал по комнате и ругался, как извозчик. Он ругал французов,

ругал англичан, как они могли допустить, чтобы их Гитлер разгромил. В это

время у него был как раз я и еще присутствовал, наверное. Молотов. Он всегда

бывал у Сталина. Редко, когда я был у него, не было там Молотова или Берии.

Жданов бывал тоже часто, но реже. Почему Сталин так реагировал на падение

Парижа? Теперь немцы выполнили свои цели на Западе, вынудили Францию

капитулировать, создали там прогерманское правительство во главе с Петэном3.

Для них это был конец войны во Франции. У немцев оставалась одна цель --

принудить капитулировать Англию и организовать вторжение на Британские

острова. Победа немцев во Франции -- это уже был сигнал, что угроза войны

против Советского Союза возросла. На Западе силы, враждебные немцам,

разбиты; следовательно, у них остается главная задача -- сокрушить Советский

Союз, который привлекал немцев с давних времен и богатствами, и своей

территорией. Но главным было столкновение идей. Ведь Гитлер взял на себя

священное обязательство быть освободителем Европы и мира от марксизма.

Поэтому главный враг, враг No 1 -- это марксистско-ленинские идеи, а главный

носитель этих идей и претворитель их в жизнь -- народы Советского Союза.

Война против нас была неизбежна. Она уже была объявлена в книге Гитлера

"Майн кампф". Этот момент приближался, и Сталин тревожился.

Он тревожился еще и потому, что уже понимал, что наша армия не так

сильна, как об этом писали в газетах и говорили на митингах.

Свою слабость Красная Армия показала в войне с финнами, где были

большие потери и с трудом решались поставленные задачи. В результате

Финляндской войны произошла смена в руководстве Наркомата обороны:

Ворошилова заменил Тимошенко.

Легкий, без особых усилий со стороны немцев разгром англофранцузских

войск еще больше пугал Сталина. Правда, во Франции нашлись люди, которые не

признали капитуляции, бежали из страны и организовали свое движение.

Возглавил его де Голль⁴. Мы были уверены, что Французская компартия тоже все

сделает для того, чтобы организовать борьбу против оккупантов. Но для этого

требуется время, а немцы, конечно, используют все возможности, чтобы

поскорее достичь своей конечной цели на Западе -- разгрома Англии то ли

путем вторжения, то ли путем дипломатических переговоров. Все это

развязывало немцам руки на Западе, обеспечивало их тыл и давало возможность

двинуть свои войска против Советского Союза.

С приходом маршала Тимошенко работа в Наркомате обороны, по моим

наблюдениям, зашевелилась. Это были довольно слабые, разрозненные

наблюдения. Я только что слышал другой раз, как докладывает Тимошенко

Сталину или Сталин звонит Тимошенко по военным

вопросам. В то время все

искали возможности создания лучшего стрелкового оружия. После Финляндской

войны встал вопрос о создании автоматического скорострельного оружия для

вооружения пехоты. В это же время началось внедрение в войска новой,

облегченной и скорострельной винтовки с большим количеством патронов в

обойме. По этим вопросам много спорили. Часть военных резко высказывалась

против внедрения в войска автоматического оружия, аргументируя свою точку

зрения тем, что уменьшится кучность стрельбы и, следовательно, эффективность

огня. Понадобилась Финляндская война, в которой финны успешно применяли

немецкие автоматы, чтобы решить этот спор.

Всеми этими вопросами Сталин занимался сам, и больше никто к этому не

был допущен. Так же и с танками. Помню, мне Сталин сказал в 1940 г.: "Вы

обратите внимание, в Харькове на бывшем паровозостроительном заводе

создается дизель большой мощности. Это очень интересный, впервые создаваемый

в Советском Союзе дизель. Я имею в виду, что, может быть, его возможно будет

использовать на тяжелых бомбардировщиках". Сталин

считал, что если дизель

поставить на самолет, то будет меньше расход горючего, увеличится дальность

полета. Это тоже характерно: он сказал мне, что на этом заводе делается

дизель, который необходим для военных целей, а я, секретарь Центрального

Комитета КП(б)У, этого не знал. И неудивительно: надо было знать

порядок, который тогда сложился. К военным заводам у нас допуска совсем не

было. Туда партийных работников не пускали. Хотя там, на заводе, была

партийная организация, я и не знал о разработке дизеля, мне не докладывали.

Что там производили паровозы, мне было известно; а что там делали дизель, я

не знал. На заводе был отгорожен цех, он охранялся, проход туда был с

особыми пропусками, и никто не имел права совать нос в эти дела. Знали лишь

Сталин и те, кто имел прямое отношение к организации этого производства.

И только когда мне позвонил Сталин, я поехал на этот завод и

познакомился с конструктором дизеля тов. Чупахиным⁵. Дизель был очень

интересный. Я не мог сделать заключение, может ли он быть пригодным для

установки на бомбардировщике. Но для танка (а Чупахин его строил для танка)

это был хороший дизель. Парторгом ЦК на этом заводе тогда был Епишев. Он

только что, по-моему, закончил Военную академию и был назначен парторгом ЦК,

то есть не выбирался партийной организацией, а был утвержден Центральным

Комитетом ВКП(б) и не был подотчетен местным партийным организациям.

Я установил связь с заводом и стал наблюдать за ходом работ. Не помню,

в каком месяце, но это было летом, мне позвонили, что такогото числа под

Харьковом, на Северском Донце будет испытываться танк Т-34. Это был новый,

многообещающий танк. Я сейчас же выехал в Харьков: хотел посмотреть, как

работает дизель и что это за танк. Прибыл я в Харьков и в тот же день выехал

на полигон на поле, восточное Харькова. Место для испытания танка было очень

хорошо выбрано: там сыпучие пески и там же сильно заболоченные места около

озера. Я наблюдал, стоя на возвышенности, как буквально бегают танк,

преодолевая препятствия и в песках, и в болотах.

Помню, еще произошел тогда такой инцидент. Я его много раз вспоминал,

когда позднее встречался с этими товарищами. Рядом со мной на испытаниях

стояли люди, которых я не знал лично. Один из них, красивый мужчина лет 38,

может быть 40, в синем, ладно сшитом, чистеньком комбинезоне, спрашивает

меня: "Товарищ Хрущев, как вы оцениваете танк? Хороший танк?" Я говорю:

"Видимо, танк очень хороший, действительно, грозой будет для наших врагов.

Но танк-то танком, танк -- это вроде телеги, а сердце танка -- двигатель.

Раз двигатель хорош, поэтому он и бегаёт". Он, человек умный и с юмором,

глянул на меня и говорит: "Вы, видимо, товарищ Хрущев, ошиблись. Вы

считаете, что я конструктор дизельного двигателя, то есть Чупахин, а я не

Чупахин, я Кучеренкоб, один из группы инженеров, которые создают этот танк.

Танк -- это вам не телега!", и улыбнулся. Я извинился и говорю: "Вы

правильно определили, я действительно принял вас за Чупахина. У меня такое

вот мнение, не знаю, насколько оно правильно, но я все-таки оцениваю по

двигателю силу и маневренность танка". Он как инженер-конструктор стал мне

объяснять достоинства конструкции этого танка. Потом я на практике убедился,

что он был прав. Эти танки действительно оказались очень грозным оружием

Красной Армии; но, к сожалению, к началу войны их было еще очень мало.

После разговора со Сталиным я часто приезжал на этот завод и довольно

подробно знакомился с производством, с организацией завода. Тогда Сталин

поставил задачу расширения завода, запуска дизеля в серию и организации

широкого производства танков Т-34.

Война неумолимо надвигалась. Хотя при встречах Сталин беседовал по

этому вопросу очень редко, даже избегал этой темы, замыкался, но было

заметно, что он очень волнуется и его это очень беспокоит. Это было заметно

и по тому, что он к тому времени стал пить, и довольно много пить, причем не

только сам, но и стал спаивать других. Обязательно, если он вызывает, у него

бывает очень много народа. Он собирал как можно больший круг людей. Я думал,

что он так волнуется потому, что начинает, оставаясь один, плохо себя

чувствовать, поэтому ему нужна большая компания с тем, чтобы в этой компании

как-то отвлечься от мыслей, которые его беспокоят. А мысли эти: неизбежность

войны, а главное (о чем он, видимо, думал), что в этой войне мы потерпим

поражение. Войны-то в былые времена он не боялся. Наоборот, считал, что

война принесет нам победу и, следовательно, расширение территории, где будут

установлены новые, социалистические порядки, будет развеяться победоносное

революционное марксистско-ленинское знамя. Но в тот период он так уже не

думал, а, наоборот, видимо, беспокоился о том, что если начнется война, то

мы можем потерять то, что завоевали под руководством Ленина.

После капитуляции французов немцы обнаглели. Наглость эта проявлялась в

бесцеремонности перелетов разведчиками их воздушных сил границы Советского

Союза. Они углублялись до Чернигова, а однажды мы засекли, как они летали

над Шосткой. Видимо, разведывали пути бомбежки Шосткинского порохового

завода. Бывали случаи, когда немцы совершали вынужденную посадку. Помню, в

районе Тернополя сел самолет, и крестьяне буквально захватили в плен

немецких летчиков. Кончилось это тем, что этих летчиков отпустили, исправили

самолет, и все это прошло тихо, даже, по-моему, протеста не было. Это еще

больше вызывало уверенность фашистов в их безнаказанности.

На границе мы видели, что немцами уже стягиваются войска, что они

готовятся и что война неизбежна. Естественно, мы беспокоились не меньше

Сталина. Помню, мы с командующим войсками КОВО обратились с письмом к

Сталину. Я как секретарь ЦК КП(б)У предложил написать Сталину, рассказать,

что делается у нас на границе со стороны немцев. Чтобы мы не были застигнуты

врасплох, нам надо произвести кое-какие работы по укреплению границы. Там

велись работы по созданию долговременных железобетонных укреплений с

артиллерийскими и пулеметными установками. Это дело двигалось очень

медленно, и было видно, что мы не успеем закончить эти работы. Поэтому я

предложил командующему написать такое письмо. Он согласился.

Мы обратились к Сталину с просьбой разрешить нам временно мобилизовать

150 тыс. или больше колхозников, вывести их на границу, сделать

противотанковые рвы и другие земляные работы по укреплению границы. Мы

считали, что это нужно сделать. Мы понимали, что немцы будут видеть все, да

немецкая агентура в западных областях Украины была довольно широкой. Поэтому

скрытно ничего сделать было нельзя. Но и немцы открыто вели работы по

укреплению своей границы. Поэтому нам нужно было чем-то ответить. Но Сталин

запретил это делать, сказав, что это может послужить причиной провокаций.

Очень нервно он нам ответил. Немцы продолжали свои работы, а мы ничего не

делали. Следовательно, наша граница осталась совершенно открытой для

противника, чем он потом и воспользовался.

Чем я объясняю такое поведение Сталина? Думаю, что он тоже все видел и

понимал. Когда был подписан договор с Риббентропом, Сталин сказал: "Ну, кто

кого обманет? Мы обманем Гитлера!". Он все брал на себя. Это была его

инициатива, он решил, что обманет Гитлера. А когда мы уже получили урок в

войне с финнами, и не в нашу пользу, когда немцы легко разгромили войска

французов и англичан и довольно успешно вели воздушные операции против

англичан, бомбили города и промышленность Англии, тут он уже по-другому

рассматривал возможный исход войны и боялся ее. В результате этой боязни он

и не хотел ничего делать, что могло бы беспокоить Гитлера.
Поэтому он

нажимал, чтобы аккуратно вывозили в Германию все, что по договору было

положено: нефть, хлеб и я не знаю, какие еще товары.

Возможно, он думал, что Гитлер оценит, как аккуратно выполняем мы свои

обязательства, вытекающие из этого договора. Может быть, он думал, что

Гитлер откажется от войны против нас? Но это нелепость. Она была

продиктована неуверенностью, а может быть, даже и трусостью. Трусость

вытекала, как я уже говорил, из того, что мы показали свою слабость в войне

с финнами, а немцы показали свою силу в войне с англичанами и французами.

Эти события и породили вот такое состояние Сталина, когда он как-то потерял

уверенность, потерял оперативность в руководстве страной.

К 1940 г, у нас накопилось много спорных вопросов с Гитлером. После

длительных переговоров договорились о том, что Молотов должен съездить в

Берлин. Он выехал туда поездом⁷. Я приехал в Москву уже после его поездки.

Это было, кажется, в октябре или ноябре 1940 года. Я услышал тогда в

руководстве разговор, который мне не понравился. Видимо, у

Сталина возникла

потребность спросить о чем-то Молотова. Из вопросов Сталина и ответов

Молотова можно было сделать вывод, что поездка Молотова еще больше укрепила

понимание неизбежности войны. Видимо, война должна была разразиться в

ближайшем будущем. На лице Сталина и в его поведении чувствовалось волнение,

я бы сказал, даже страх. Молотов, сам по характеру человек молчаливый,

характеризовал Гитлера как человека малоразговорчивого и абсолютно

непьющего. В Берлине во время официального обеда подавали в узком кругу

вино. Но Гитлер не брал даже бокала, ему ставили чай, и он поддерживал чаем

компанию пьющих. Я не знаю конкретно тем деловых разговоров, которые велись

в Берлине, по каким вопросам и какие у нас были с немцами расхождения. Это

было очень трудно понять.

У нас сложилась такая практика: если тебе не говорят, то не спрашивай.

Считалось, что эти вопросы знать не обязательно. Это, конечно, неправильный

подход. Это верно в отношении чиновников. Но в отношении членов

правительства и членов Политбюро -- руководящего органа

партии и страны --

это нарушение всех правил, которые должны быть в партии, если она является

действительно демократической. А наша партия, ленинская, имела именно такой

характер. Но ограничение и отбор информации, которая давалась членам

Политбюро, определялись Сталиным. Если говорить об уставном праве, то такого

уставного права не существовало и существовать не может. Это уже результат

сложившегося произвола, который приобрел какую-то "законность" при Сталине.

Молотов говорил, что во время поездки были приняты очень строгие меры

по безопасности продвижения поезда от границы до Берлина: буквально в зоне

видимости стояли солдаты. Он рассказывал, что во время деловых разговоров

вдруг пришли и сказали, что англичане делают налет и сейчас самолеты

появятся над Берлином. Предложили пойти в убежище. Пошли в убежище, и

Молотов понял, что уже сложилась частая практика пользоваться убежищем. Это

говорило о том, что англичане довольно основательно беспокоили Берлин и

Гитлеру со своей компанией приходилось прибегать к использованию убежища.

Спустя несколько месяцев после поездки Молотова в Берлин произошёл

такой инцидент: Гесс улетел в Англию, выбросился там с парашютом и

приземлился. Гесс -- бывший летчик, поэтому он легко мог воспользоваться

этим способом. Немцы пустили "утку", что он бежал. Но было видно, что здесь

что-то кроется, не вяжутся концы с концами в версии о бегстве Гесса.

Возникало сомнение, что это было бегство. Когда Молотов во время войны был в

Лондоне, то ему предложили встретиться с Гессом, но Молотов отказался. А я

тогда спросил Сталина: "Не является ли бегство Гесса выполнением особой

миссии по поручению Гитлера? Он взял все на себя с тем, чтобы ничем его не

связывать, а на самом деле является посыльным Гитлера. Он не бежал, а

фактически полетел туда по поручению Гитлера с тем, чтобы договориться с

Лондоном о прекращении войны и развязать Гитлеру руки для похода на Восток".

Сталин выслушал меня и сказал: "Да, это так и было. Вы правильно понимаете

этот вопрос". Он не стал развивать дальше эту тему, а только согласился со

мною. Сталин очень сильно переживал начало войны. В первые ее дни, как

известно, был совершенно парализован в своих действиях и мыслях и даже

заявил об отказе от руководства страной и партией.

После поездки Молотова в Берлин не было никакого сомнения в том, что

будет война. Но полагали, что эта война может быть оттянута во времени.

Гитлер готовится, война будет развязана в ближайшее время, а в какое, мы,

конечно, не знали. Думаю, что и Сталин не знал. Это невозможно знать, потому

что каждая страна скрывает от своего противника начало войны, даже если она

приняла решение начать войну.

Однажды я приехал в Москву зимой в конце 1940 или в начале 1941 года.

Как только приехал, сейчас же раздался звонок. Передали, что Сталин просит

заехать к нему на "ближнюю" дачу, а сам он нездоров. Я приехал к нему.

Сталин лежал одетый, на кушетке, и читал. Мы обменялись приветствиями.

Сталин сказал, что чувствует себя плохо. Тут же стал рассказывать мне о

военных делах. Это был единственный раз, когда он заговорил со мной об этом.

Видимо, он нуждался в собеседнике. Его очень тяготило, что он один. Так я

думаю. Обычно у него не появлялось внутренней потребности

обмениваться с

кем-либо мнениями по вопросам военного характера. Он был далек от этого,

потому что, видимо, очень высоко ценил свои способности и низко оценивал их

у других.

Он говорил тогда, что проходит совещание военных, а он лишен

возможности принять участие. На этом совещании было принято решение в пользу

какого-то оружия. Это возмутило Сталина, и он тут же начал звонить по

телефону, кажется, Тимошенко, который был наркомом обороны. Он стал ему

что-то выговаривать, придавая особое значение артиллерии и критикуя принятое

решение. Видимо, совещание было широким, в нем участвовали все командующие

войсками военных округов. Я говорю это к тому, что в то время уже

принимались меры, чтобы подготовиться к нашествию гитлеровских полчищ на

Советский Союз.

Внешние проявления глубоких переживаний, волнения Сталина мною

воспринимались по-человечески, потому что, действительно, такая прорва

нависала над нашей страной. Гитлеру удалось покорить европейские страны,

непосредственно подойти к границам Советского Союза и расположить свои

войска в соприкосновении с нашими войсками. Их разделяла только граница,

созданная после краха Польского государства. Угроза была, я бы сказал, самой

реальной за всю историю существования СССР. Смертельная угроза нависла над

Советским Союзом. Крупные страны: Германия, Италия и Япония -- объединились

против него. Ну, а другие? Америка слишком от нас далека. Было неизвестно,

какую она займет позицию при нападении немцев на Советский Союз. Англия

находилась в состоянии войны с Германией и сохраняла еще независимость,

которая тоже висела на волоске. Английская сухопутная армия была слабой.

Выдержит ли Англия, сможет ли она отразить попытки Гитлеровской Германии

высадить на Британских островах десант, это было еще неизвестно.

Поэтому вполне понятно волнение Сталина. Он чувствовал, что надвигается

угроза. Справится ли наша страна? Справится ли наша армия? Опыт Финляндской

войны показал ее слабость. Это еще больше давало повода для волнений. Не

случайно же, что в результате лишь такого состояния армии мы понесли тогда

**огромные потери! В ответ было заменено военное руководство:
смещен Ворошилов**

**с поста наркома обороны и назначен новый нарком,
Тимошенко. Все это надо**

**представить себе, потому что отношения между Сталиным и
Ворошиловым были**

**мало сказать дружескими: я всегда видел их вместе, они были
неразлучны. Если**

**Сталин пошел на это, то можно себе представить, как был он
поражен слабостью**

нашей армии в войне с финнами!

**Помню, однажды Сталин в беседе сказал, что Гитлер по
закрытым каналам**

**обратился к нему с просьбой оказать услугу: немецкие войска
оккупировали**

**Францию, и он хотел, чтобы Сталин как авторитет в
коммунистическом мире**

**оказал ему помощь, то есть повлиял на Французскую
компартию, чтобы она не**

**встала во главе движения сопротивления немецкой оккупации.
Сталин возмущался**

**этой наглостью. Тут даже не было вопроса о том, какой дать
ответ. Гитлер шел**

**не только на гнусность, но и на пакость. Как мог он допустить,
что Сталин**

**пойдет на сделку такого характера? Низкую сделку. Оказать
содействие фашизму**

через Французскую коммунистическую партию?!

Еще такой инцидент. Когда немцы вели бои за Данциг, то

эта операция

проводилась, как спектакль. У немцев там была заранее установлена

киносъемочная аппаратура. Эти бои и с моря и с суши были засняты. Этот

кинофильм они старались пошире продвинуть во все страны мира. Видимо, Гитлер

преследовал цель показать мощь и неотразимость фашистских войск с тем, чтобы

заставить дрожать своих будущих противников и парализовать их волю. Гитлер

обратился к Сталину с предложением взять эту картину и пустить ее через нашу

киносеть. Одним словом, показать нашему зрителю, как немцы расправляются с

Данцигом, с Польшей, со всей Европой. Вот такая диверсия была задумана

Гитлером против нашего народа.

Сталин поставил свои условия. Он сказал: "Если вы возьмете нашу картину

(в ней были показаны очень хорошо организованные маневры, которые

производили сильное впечатление), то мы возьмем ваш фильм". Гитлер, конечно,

не мог согласиться с таким обменом. Тем самым Сталин парировал диверсию со

стороны Гитлера, которую тот предпринял, предлагая демонстрировать картину о

разгроме польских войск. И все же эта картина была прислана

немцами, и мы ее

просматривали со Сталиным. Она действительно производила удручающее

впечатление, особенно на тех людей, которые ожидали, что это оружие может

быть повернуто против них. А мы были именно такой стороной. У нас в то время

шел спектакль "Ключи от Берлина"¹⁰. Это тоже рассматривалось как

психологическая подготовка страны и войск к войне. В истории уже были

случаи, когда русские войска брали Берлин и получали ключи от его ворот.

Это, конечно, раздражало немцев. Это была психологическая закалка наших

людей против фашистов. Они трубили, что все на Земле будет им подвластно и

что они могут разбить любую армию. А здесь было показано, что русские войска

бивали немцев, вступали в Берлин в результате их разгрома.

Картина неизбежности войны вырисовалась значительно раньше, чем

началась война, и даже значительно раньше, чем был подписан договор между

Советским Союзом и гитлеровской Германией. Было известно от самого Гитлера:

если фашисты придут к власти, то будет война против Советского Союза. Он

написал книгу "Майн кампф", в которой излагал свои

агрессивные планы и свое

человеконенавистническое мировоззрение. Он прежде всего ставил задачу

разгрома Советского Союза, уничтожения коммунизма. Оплот коммунизма -- это

Советский Союз. И когда Гитлер пришел к власти, то он сейчас же начал

готовить к этому свою армию. Это не было секретом. Шумные военные парады в

немецких городах, угрожающие речи против нас... Но, видимо, Сталин находился

тогда под впечатлением, что в нашей стране все в порядке и армия с ее

вооружением у нас на должном уровне, как и ее командный состав, и настроение

народа. И действительно, настроение народа свидетельствовало о его

монолитности и сплоченности вокруг партии.

Фашисты, как и все буржуазные идеологи, рассчитывали, что поскольку

Советский Союз многонационален, то поэтому при первом же столкновении он

развалится, как колосс на глиняных ногах: возникнет национальная рознь, не

будет монолитности и сплоченности народа, а следовательно, и Вооруженных

Сил. Но это оказались бредни тех, кто хотел, чтобы случилось так. Мудрая

ленинская национальная политика после Октябрьской

революции за годы

Советской власти все перевернула. Конечно, были шероховатости. Потребуется

еще десятилетия, чтобы все это изжить. Но основное было уже сделано. Разные

народы страны, рабочие, крестьяне, интеллигенция чувствовали, что только в

единении сила. Не в розни наша сила, не в розни народов, а в их единстве и

монолитности. Война убедительно подтвердила это и разбила иллюзии, которые

питали наши враги.

Военные парады и маневры, которые проводились, играли большую

положительную роль. Но они играли и отрицательную роль в том смысле, что

расхолаживали волю и успокаивающе действовали на всех, скрывая недостатки,

которые имелись в Красной Армии. Видимо, Сталин эту сторону недооценил. Он

неправильно оценивал боеспособность нашей армии, находясь под впечатлением

кинокартин, в которых показывали парады и военные маневры. Сталин давно

почти ничего живого не видел. Он не выезжал никуда из Москвы. Из Кремля

выезжал только на дачу и в Сочи, а больше никуда. Соответствующую информацию

получал только через Ворошилова. Тот, конечно, докладывал,

как он сам

понимал, а он тоже переоценивал Красную Армию. Считал, что она находится на

высоком уровне и может легко отразить гитлеровское нашествие. Поэтому перед

войной многое так и не было сделано.

Разве можно было тогда думать, что дело обстоит иначе? Вот я беру себя.

Я был членом Политбюро, вращался в кругу Сталина, правительства. Разве мог я

думать, что у нас буквально в первые дни войны не будет даже достаточного

количества винтовок и пулеметов? Это элементарно. Даже у царя, который

готовился к войне с Германией, оказались большие запасы винтовок: у него

только в 1915 г или 1916 г. не хватало винтовок, а у нас винтовок и

пулеметов не хватило на второй день войны. А ведь наши возможности в смысле

экономики были несоизмеримо выше, чем у царского правительства.

Я был поражен. Как же так, никто не знал? Я не знаю, знали об этом

Сталин до войны. Наверное, тоже не знал. Но Ворошилов не мог не знать. Что

же тогда наркомы еще знали, если не это, то есть состояние вооруженности и

накопление на случай войны резервов, боеприпасов,

артиллерийского и

пехотного вооружения? А оказалось, что не знает. Это преступление! Люди,

которые за это были ответственны, с них как с гуся вода. Улыбаются перед

фотоаппаратами и перед киноаппаратами... Если бы Сталин это знал! Надо было

поднять на ноги нашу партию с тем, чтобы сейчас же мобилизовать

промышленность на работу для войны, выделить для этого заводы, которые

занимались бы производством артиллерии, винтовок, автоматического оружия,

зенитных пулеметов, противотанковых орудий и боеприпасов. Не говорю уже о

танках и самолетах.

Но говорю не потому, что недооцениваю их как главный вид вооружения

Красной Армии, а потому, что эти виды вооружения более наглядны и находились

в сфере внимания Сталина. Поэтому наша авиация была подготовлена лучше. Наши

танки были не хуже, а Т-34 превосходил все танки мира. Но этого вида оружия

количественно было недостаточно. Надо было сделать больше таких танков. Не

хочу сейчас говорить о танке Т-34, потому что тут, может быть, мы и

запоздали с его конструированием, отстало созревание

технической мысли. Но

**думаю, что после того, как этот танк был создан, прошел
испытания и на**

**испытаниях показал свои прекрасные качества, что-то можно
было сделать. Его**

**испытания проходили в Харькове, кажется, летом 1940 года. У
нас еще был**

**целый год. Если бы мы сразу, по-военному, взялись за внедрение
этого танка в**

**производство, создали несколько заводов и организовали
широкую их**

**кооперацию, мы бы очень многое сделали. А что наш народ,
наша техника и наши**

инженеры способны на это, показала война.

**В условиях войны, более тяжелых, чем предвоенные, мы
быстро**

**организовали производство Т-34 совершенно на чистом месте, в
том смысле, что**

**завод, который это делал, никогда прежде не занимался
производством танков.**

**А стал выпускать танки Т-34, и довольно большое количество.
Следовательно,**

**технические и материальные возможности, людские,
научно-технические,**

**конструкторские силы у нас были. Если бы мы правильно
оценили обстановку и**

**поставили задачу, мы не имели бы того провала, с которым
встретились по**

артиллерийскому, танковому и авиационному вооружению в

первые дни войны.

Потом, во время войны, пришлось наверстывать. Были сделаны героические

усилия, и они оправдались. Наша армия победила в войне против гитлеровских

полчищ, получив такое вооружение.

За слабую подготовку Красной Армии по вооружению я обвиняю прежде всего

Ворошилова. Он был наркомом обороны, и, следовательно, это входило в его

обязанности. Он должен был ставить эти вопросы. Не знаю случая, чтобы Сталин

отказывал, когда возникали вопросы вооружения. Мы ассигновывали на

вооружение большие средства. Следовательно, эти вопросы были недооценены

теми лицами, которые непосредственно отвечали за это дело. Слабость была еще

и в следующем. Я не знаю, что больше подорвало нашу армию, -- недостаток

вооружений или слабость кадров. Безусловно, и то и другое. Что в большей

степени, сейчас трудно сказать, потому что и умному командиру без танков,

без артиллерии, без пулеметов трудно управлять войсками и добиваться, чтобы

они выполняли задачи, которые ставятся перед ними. Но если армия, даже с

самым лучшим вооружением, не имеет достаточно

квалифицированных,

образованных и подготовленных кадров, эффект от применения этого вооружения

очень снижается.

А слабость в кадрах всем известна, и причины ее известны. Кадры были

перебиты как "враги народа". Теперь этим "врагам народа", которых тогда

"прорабатывали" по всей стране, ставят памятники. Если бы эти люди

находились во главе армии, когда Гитлер готовился напасть на нас и еще

значительно раньше, чем он напал, то их ум, их энергия были бы использованы

для подготовки армии, обучения ее и накопления средств ведения войны.

Особенно успешно занимался этим Тухачевский. Я убежден, что если бы он не

был казнен, а продолжал бы свою деятельность как заместитель наркома

обороны, то такого положения в начале войны с вооружением не было бы. Он

любил, понимал и ценил военные новинки.

Если взвешивать на аптекарских весах, чья вина здесь больше --

Ворошилова или Сталина, я бы сказал: здесь равная вина и Ворошилова, и

Сталина. Может быть, с перевесом в большую сторону вина Сталина. Хотя

Ворошилов очень отстаивал людей и спорил со Сталиным, но другой раз и сам

поддавал жару настроениям Сталина по истреблению кадров. Считаю, что и тот и

другой виноваты. А в отдельности каждый из них виноват не меньше, чем

другой.

Что можно сказать о других членах Политбюро и правительства? Ближе

всего к Сталину, в смысле принимаемых по тому или другому вопросу решений,

стоял Молотов. Но это не его область. Молотова, собственно, здесь винить

трудно. Его можно обвинять в том, что он не сдерживал, а подталкивал Сталина

на истребление кадров. Здесь вина Молотова, может быть, больше, чем

Ворошилова. На вопросы вооружения и подготовки Красной Армии он влияния

почти не оказывал.

Повторяю, если бы мы правильно оценили ситуацию и поставили нашу

промышленность на службу армии, защиту Родины, для чего мы эту

промышленность и создавали, многое было бы по-другому. Каждый рабочий,

инженер, служащий и крестьянин буквально не щадили своих сил, отрывали

последнее у своей семьи и отдавали в фонды обороны.

Организовывали

пожертвования на производство танков и самолетов.

Общественностью поднимался

вопрос о том, чтобы выпустить облигации займа. Это была демонстрация идей,

непонятных буржуазным историкам и идеологам. Советские люди, отдавая свои

сбережения, думали о стране, о ее обороне, о будущем и во имя будущего не

жалели буквально ничего, даже своей жизни.

Поэтому если бы этот вопрос, вопрос обороны, вопрос перестройки

промышленности на военный лад был поставлен и в результате этого надо было

бы несколько подтянуть пояса, то никто бы и упрека не сделал. Люди тогда

понимали значение угрозы фашистской Германии Советскому Союзу, правильно

чувствовали и оценивали. Но, к сожалению, это не было правильно оценено

руководством и не были сделаны выводы. Думаю даже, что это произошло в

результате незнания истинного положения дел с вооружением и состоянием

армии, с ее кадрами. Потому что и по кадрам можно было бы очень многое

сделать, если бы своевременно было обращено внимание.

Если бы все это было правильно оценено и был сделан правильный вывод о

том, как перестроиться и подготовиться к войне, создать запасы, резервы,

правильно эти резервы географически распределить, а не исходить из ложных

лозунгов, которые, не знаю кем, даны были в бытность Ворошилова наркомом

обороны -- "ни пяди своей земли не отдадим", "воевать только на территории

противника"... Отсюда и расположение баз снабжения непосредственно у

границы. А надо было бы их отодвинуть на большую

глубину с тем, что если во время войны наши войска вынуждены будут

отойти, эти базы не попадут сразу же в руки противника.

Да что говорить о базах, когда сумасбродный Мехлис, пользовавшийся

безграничным доверием Сталина, став начальником Главного политуправления

РККА, подбросил Сталину идею о том, что нужно разрушить старые

оборонительные рубежи: Киевский укрепленный район и другие. Надо, потому что

военные ориентируются здесь защищать страну и мало делают и думают о том,

как разбить противника на новых границах. Эти железобетонные доты были

разрушены, артиллерия и пулеметы извлечены из них. Это же нужно дойти до

такого! Потом, когда немцы пришли под Киев, нам приходилось

искать буквально

все, что можно было всадить в эти самые доты, чтобы организовать его

оборону.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. То, о чем я сейчас говорю, не

требует доказательств. И говорю я для будущих поколений как свидетель,

который находился в гуще народа и стоял рядом со Сталиным и другими

руководителями партии и народа. Надо себе представить, как мы могли

использовать промышленность и что могли сделать за короткий срок! Но, к

сожалению, этого мы не сделали, и пришлось нам отступить к Сталинграду и

Махачкале, отдать почти весь Северный Кавказ... Ужасное бедствие постигло

наши народы. А этого можно было бы избежать. Я не знаю, кто знал тогда из

членов правительства и Политбюро, кроме Сталина, о состоянии вооружения

РККА, его качестве и количестве. Знал ли Сталин все? Думаю, что, наверное, и

сам Сталин хорошо этого не знал.

Помню такой эпизод. Когда я бывал в Москве, Сталин всегда меня вызывал.

А вызывал он меня чуть ли не каждый день. Иногда я бывал один, но чаще

вместе с другими членами Политбюро. Помню, что кто-то из военных, наверное

Тимошенко, сказал Сталину, что у нас не хватает зенитных пулеметов. Сталин

посмотрел на нас и сказал, что надо организовать их производство. Это

естественно: если чего-то не хватает, то надо наладить производство,

выделить для этого заводы или хотя бы новые цеха. Вдруг у Сталина возникла

мысль: надо построить новый завод крупнокалиберных пулеметов в Киеве. Он

сказал мне: "Беретесь вы построить этот завод?" Говорю: "Будет решение,

будем строить". "Так стройте завод!". Тут же было принято решение,

определили место строительства на левом берегу Днепра, напротив Киева в

районе Дарницы. Там пески, и на них стали строить завод. Это было в 1940-м,

а может быть, в начале 1941 года. Что-то там сделали, какое-то количество

бетона заложили в фундаменты. К тому времени, когда немцы захватили Киев,

там еще ничего не было построено.

Упустили время. Не знаю, как решались другие подобные вопросы, но самое

главное, что царила бездеятельность и, я бы сказал, какой-то моральный

упадок. Потому что я Сталина знавал не таким. Зачем нам было сейчас, когда

идет война на Западе и вот-вот начнется война против нас, когда нам нужны

пулеметы, без которых нельзя вести войну в современных условиях при действии

мощной авиации противника, строить новый завод? У нас столько заводов. Нужно

было взять какой-то завод (или заводы) и организовать на них производство

пулеметов, как это и было сделано, когда началась война. Мы бы быстро

освоили их производство. А тут был сделан вид, что что-то делается,

успокаивались совесть и нервы: начали строить завод. Год надо его строить, а

потом еще осваивать производство. Да за год еще и не построишь хороший

завод. Зачем это делать, когда имелись неотложные требования вооруженных

сил? Надо было перестроить существующие заводы. А этого сделано не было, и

это очень существенно сказалось в первые дни войны. Мы оказались

действительно без пулеметов, без зенитного прикрытия и даже без винтовок.

В первую голову это упущение Наркомата обороны. Как же мы готовились к

войне, если не подготовили производство, не создали нужного резерва и

необходимого вооружения? У нас не хватало легкого оружия, нами давно

освоенного, -- такого, как пулеметы и винтовки. Не говорю уже, что не было

противотанковых ружей и прочего.

Я объясняю это провалом воли Сталина, его деморализацией победами,

которые Гитлер одержал на Западе, и нашей неудачей в войне с финнами. Он

стоял уже перед Гитлером, как кролик перед удавом, был парализован в своих

действиях. Это сказалось и на производстве вооружения и на том, что мы не

подготовили границу к обороне. Мы боялись, что наши работы будут замечены со

стороны немцев и это может вызвать войну. Так же нельзя мыслить! Война была

уже неизбежна. Когда мы подписывали договор с Гитлером, то вопрос стоял

только об очередности, мы выигрывали время. Война начиналась не на Востоке,

а на Западе. Но мы знали, что война неизбежно придет к нам. Думаю, что,

когда Сталин подписывал договор, он это понимал, а потом вдруг утратил

способность правильно оценивать события. Думаю, что он был деморализован,

был парализован в своих действиях, и вот результат: мы не использовали всех

тех возможностей, которые имели.

А мы имели тогда мощную промышленность на Украине, в Москве,

Ленинграде, других частях Советского Союза, имею в виду Европейскую часть

Союза, где была самая крупная промышленность. Потом Белоруссия и Украина

были оккупированы. Ростов оккупирован, промышленность Сталинграда разрушена.

Все можно было использовать для создания нужного большого резерва

вооружений с тем, чтобы встретить врага во всеоружии. Я не помню, какую

долю в общем производстве занимала Украина, но основная металлургия страны

была сосредоточена там. Мне рассказывали люди, которые оставались на

оккупированной территории, что когда немцы пришли в Донбас, заняли

Мариуполь, то они вызвали своих инженеров, осматривали заводы и все

повторяли: "Рур, Рур!". Они сравнивали Донбасс с Руром, а всем известно, что

Рур -- крупнейшая промышленная база немецкого государства.

Повторяю, что в моральном отношении Сталин был просто парализован

неизбежностью войны. Он, видимо, считал, что война приведет к неизбежному

поражению СССР. Потом я скажу, как Сталин вел себя в

первый день войны и что

он сказал тогда. Об этом мне потом рассказывали Берия, Маленков, Микоян и

другие товарищи, которые в это время были вместе со Сталиным.

Хочу сказать несколько слов о своей беседе со Сталиным о танковых

войсках. Это, по-моему, было в 1940 г., когда я приехал в Харьков посмотреть

на испытания танка Т-34 и познакомиться с конструктором Чупахиным,

создателем двигателя, и с одним из создателей танка, Кучеренко. Не помню

фамилию главного конструктора*. Но хорошо знал Кучеренко. Это не тот

Кучеренко, который был президентом Академии строительства и архитектуры¹¹, а

его брат, тоже талантливый человек, один из соавторов конструкции танка

Т-34. Этот танк испытывал сам начальник Автобронетанкового управления РККА

Павлов¹², прославленный человек, герой войны в Испании. Там он выделился как

боевой танкист, бесстрашный человек, успешно владевший танком. В результате

Сталин назначил его командовать автобронетанковыми войсками.

Я любовался, как он на этом танке буквально летал по болотам и пескам в

районе Северского Донца, восточнее Харькова. Затем он вышел из танка,

подошел к нам (мы стояли на горочке, наблюдали). Я с ним беседовал. И он

беседовал с конструкторами, хвалил этот танк. А на меня он произвел

удручающее впечатление, показался мне малоразвитым человеком. Я просто

удивился, как человек с таким кругозором и с такой слабой подготовкой может

отвечать за состояние автобронетанковых войск РККА, сумеет ли он охватить и

охватывает ли все, может ли поставить задачи, которые необходимы, чтобы

сделать этот вид вооружения действи-

*** Главный конструктор Т-34 Кошкин М. И. Он принимал участие в испытании**

танка, представлял его в Кремле И.В. Сталину. Во время перехода на танках от

Харькова до Москвы простудился и в конце 1940 года умер от воспаления

легких.

тельно основой мощи Красной Армии? Это подвижные бронетанковые войска.

Мы знали, что Гитлер делает упор на танковые войска. Нам надо было срочно

создавать противотанковую артиллерию, авиацию и бронетанковые войска, чтобы

они у нас занимали высокое положение и чтобы можно было парировать удар

врага теми же средствами, которыми он хочет поразить Советский Союз.

Меня все это очень беспокоило. Вскоре после испытаний я приехал в

Москву и, естественно, рассказывал Сталину, как испытывался танк: о его

достоинствах, как конструкторы докладывали мне о его ходовых качествах, как

он ходил по пескам и болотам. Это я сам видел. Но стойкость брони -- это уже

вопрос испытаний, которые были проведены. Танк-- замечательный! Это был

лучший танк. Действительно, в войне он отлично показал себя и вынудил наших

врагов признать этот танк лучшим в мире. И все-таки я решил высказать

Сталину свои сомнения относительно способностей командующего

автобронетанковыми войсками Павлова. Я должен был высказать их с большой

осторожностью, потому что мои встречи с Павловым были кратковременны и не

давали мне права настойчиво доказывать Сталину, что он не годится для своей

должности. Я хотел только высказать свои сомнения, хотел ими насторожить

Сталина, чтобы он лучше присмотрелся к Павлову и принял соответствующие

меры.

Иначе я не мог поступить, потому что я мало знал этого человека. И

нельзя же мне было сразу утверждать, что он непригоден и т. п. Поэтому я

сказал: "Товарищ Сталин, знаете ли вы хорошо Павлова?".
"Да, хорошо знаю".

-- "На меня он произвел отрицательное впечатление". И тут я рассказал, что

мне он кажется довольно ограниченным человеком, который хорошо владеет

танком, но хватит ли у него ума, чтобы создать автобронетанковые войска,

правильно их вооружить и использовать? Сталин очень нервно реагировал на мое

замечание: "Вы его не знаете". -- "Я и раньше вам сказал, что я его мало

знаю". -- "А я его знаю. Знаете, как он показал себя в Испании, как он

воевал там? Это знающий человек. Он знает, что такое танк, он сам воевал на

танке". Говорю: "Я просто хотел сказать вам, что у меня сложилось впечатление

не в его пользу. Хотел бы высказать вам тогда и другое мое сомнение. За все

артиллерийское вооружение отвечает маршал Кулик (его я наблюдал больше и

видел, что он очень неорганизованный человек, но очень самоуверенный и

волевой). Не знаю, справляется ли он со своими задачами.
Война надвигается,

он отвечает и за артиллерию, и за стрелковое вооружение. На нем лежит очень

большая ответственность, и, зная его характер, я сомневаюсь, что он может

все обеспечить". Сталин тут реагировал

еще более бурно: "Вот вы говорите о Кулике, а вы Кулика не знаете. А я

его знаю по Царицыну, по Гражданской войне. Он командовал там артиллерией.

Это человек, знающий артиллерию". Говорю: "Товарищ Сталин, я не сомневаюсь,

что он знает артиллерию как артиллерист и что он хорошо там командовал. Но

сколько у него там было пушек? Две, три. А тут ведь целая страна. В новых

условиях требуются другие качества человеку, который должен обеспечить

вооружением нашу Красную Армию". Он махнул тут на меня рукой. Был раздражен,

что я сую нос не в свои дела. Я это предвидел, когда ставил этот вопрос,

потому что знал, как нетерпимо Сталин относится, если делается замечание по

каким-нибудь вопросам вооружения и строительства Красной Армии, потому что

он считал, что это его детище и что он один компетентен принимать решения. И

он принимал их.

К сожалению, мои сомнения подтвердила жизнь. Павлов, командовавший

автобронетанковыми войсками, был освобожден от своей должности, но не

потому, что непригоден, а потому, что ему дали более ответственный военный

пост: его назначили командующим войсками Западного Особого военного

округа13, то есть на главном, центральном направлении на Москву со стороны

запада. Это был самый сильный участок нашей обороны, с большим количеством

войск. На втором месте тогда был Киевский Особый военный округ, а на третьем

-- Одесский. Это понятно, потому что из Минска -- прямой путь на Москву, а

Киев -- это юг, житница Советского Союза, Украина с мощной металлургической

промышленностью, машиностроением и большими людскими ресурсами. Так что

Украина занимала очень важное стратегическое и экономическое положение. Враг

ее правильно оценивал, нацеливаясь на нее.

Когда командующим в войска Белоруссии был назначен Павлов, я даже не

знал о такой перестановке, что тоже характерно, хотя был членом Политбюро.

Но ни у кого Сталин не спрашивал совета и ни перед кем не

отчитывался. Он

отчитывался только перед своей совестью. А чем это кончилось, всем известно.

Павлов в первые дни войны потерял управление войсками. Он совершенно не

подготовил свои войска к гитлеровскому вторжению и потерял сразу технические

средства: авиация была уничтожена на аэродромах, это мы знали. Как немцы

разгромили войска Западного Особого военного округа, видно и из немецких

документов, которые сейчас опубликованы в книге "Совершенно секретно!". Я

познакомился с нею. Не все прочел, но ознакомился с книгой. Там об этом

много пишется. Сталин осудил Павлова и его начальника штаба14. Эти люди были

расстреляны в первые дни войны. Но

фронт развалился, и немцы двинулись без всякого сопротивления в глубь

нашей страны, пока мы не подтянули войска, которые находились в тылу. Такие

люди, как Павлов, появились у руля Вооруженных Сил, потому что были

уничтожены кадры, которые были закалены и воспитаны в Гражданской войне, а

потом получили образование и накопили опыт. Они были уничтожены, начиная с

Тухачевского сверху и до командиров рот внизу.

А Кулик? Кулик тоже (правда, уже после войны) был арестован, хотя уже

во время войны он показал себя совершенно никчемным военным деятелем, и

Сталин разжаловал его из маршалов в генерал-майоры 15. Я столкнулся с

Куликом в 1943 г., когда он пришел к нам на Воронежский фронт во главе

гвардейской армии. Членом Военного совета у него был Шепилов¹⁶. Мы с

Ватутиным поставили эту армию на направлении Полтавы. Кулик сам был из

какого-то села под Полтавой¹⁷ и просил дать ему это направление. Это

совпадало и с военной целесообразностью. Мы с Ватутиным бывали в этой армии.

Помню, раз мы с ним приехали и слушали доклад Кулика. Это просто не передать

словами! Это материал для фельетонистов, как он докладывал и как он

командовал. Совершенно непригодный командир! И мы вынуждены были поставить

вопрос перед Сталиным, что нужно Кулика освободить от должности и назначить

нового командующего, иначе он загубит армию. Сталин сопротивлялся, и Кулик

действительно растрепал эту армию, понес большие потери и не решил задач,

которые стояли перед ним. Тогда Сталин вынужден был согласиться с нами,

освободил Кулика, отозвал и прислал вместо него нового командующего.

Новый командующий (это я попутно говорю), как только приехал и

направился в армию, не доехав до штаба, подорвался на mine¹⁸. Сталин устроил

мне тогда большой скандал, главным образом за то, что мы не бережем

командующих армиями. У нас как раз перед этим подорвался еще один

командующий армией, я забыл его фамилию. Очень хороший командующий был, уже

в годах, по национальности белорус. Он тоже ехал в машине, наехал на мину и

подорвался. Я Сталину потом доказывал: "Это же война идет, мы наступаем,

освобождаем территорию от врага. Земля находилась под оккупацией, поэтому

там имеется довольно основательная "начинка", и нет никакой гарантии, когда

едешь или идешь, что не подорвешься на mine. Вы предлагаете беречь

командующих. А как беречь? Командующий должен ездить в войска и командовать

ими. А для этого надо передвигаться. Совершенно случайно машина наехала на

мину и подорвалась".

Вот так, буквально за одну неделю, погибли два командующих.

Кулик после этого уже, по-моему, не возвращался к прямому командованию,

находился в распоряжении Главного управления кадров и замещал начальника

Главного управления формирования и укомплектования войск. Помню, как еще до

того, в 1941 г., ему было поручено заниматься укреплением Ростова-на-Дону.

Он долго там сидел, долго работал. Ростов, видимо, неплохо был укреплен,

потому что там были инженеры, саперы, проводили эту работу. Но Ростов пал, и

эти работы не сыграли никакой роли, но это уже не вина Кулика и тех саперов,

которые проводили эти работы. Я позже объясню, почему почти без выстрела пал

Ростов, когда немцы обошли его с севера.

После смерти Сталина и после XX съезда партии, когда выявились

злоупотребления властью со стороны Сталина и началась реабилитация невинно

казненных и посаженных в тюрьмы, военные подняли вопрос о реабилитации

Павлова и других генералов, которые были осуждены и казнены за развал фронта

в первые дни войны. Это предложение было принято, и они были

реабилитированы. Я тоже был за это, хотя и с оговоркой: если рассматривать

вопрос с точки зрения юридической и фактической, на чем основывался суд,

когда выносил приговор, то основания к осуждению были налицо. Почему же я,

занимая такой пост, на котором мог оказывать влияние в ту или другую сторону

при решении важных вопросов, согласился на их реабилитацию? Я согласился

потому, что в основе-то виноват был не Павлов, а Сталин. Павлов был

совершенно не подготовлен, и я увидел его неподготовленность, когда

познакомился с ним. Я сказал об этом Сталину, а он вместо того, чтобы

сделать соответствующий вывод и подобрать более подготовленного человека на

этот пост, передвинул его с повышением. Считаю, что пост командующего

войсками ЗОВО был более ответственным, чем пост командующего

автобронетанковыми войсками РККА. А к вопросу истребления Сталиным кадров я

еще вернусь.

В конце 1940 и в начале 1941 г. мы чувствовали, что движемся к войне.

Сталин в моем присутствии ни разу не поднимал вопроса о том, что война

неизбежна, но видно было по его настроению, по его поведению, что он

чувствует это и очень встревожен. Какие были внешние признаки? В чем они

выражались? В былые времена, когда я приезжал в Москву из Киева, он сейчас

же вызывал меня на квартиру или на дачу. Чаще на дачу, он там больше жил. В

те времена с ним всегда приятно было встречаться, послушать, что нового он

расскажет, доложить ему. Он всегда рассказывал что-либо подбадривающее или

разъяснял то или другое

положение. Одним словом, выполнял свои функции руководителя и вождя,

беседовать с которым каждому из нас (я, во всяком случае, говорю о себе)

было приятно. Я всегда стремился к этому.

Когда начала надвигаться война, Сталин стал совершенно другим. Раньше

за обедом водка и вина ставились на стол и давались участвующим в обеде:

можешь себе налить, можешь не наливать. Никакого понукания и принуждения не

было. Помню, приехал я однажды с Украины, и сейчас же Сталин пригласил меня

к себе. Это было летом 1938 или 1939 года. Он обедал один на открытой

веранде своего домика. "Садитесь". Я сел за стол. "Хотите кушать?". Обед у

него был простой: картофельный суп, стоял графинчик с

водкой, рюмки. "Хотите

выпить?". -- "Нет". Я отказался, а он ничего не сказал.
Очень мне это

понравилось. Помимо приближения войны на жизнь нашего
коллектива очень

большое влияние оказало появление в Москве Берии. Когда он
явился в Москву,

то жизнь Сталина и коллектива, который сложился вокруг
него, приобрела

совершенно другой характер. Когда я один на один беседовал со
Сталиным, он

мне иногда высказывал даже свое недовольство: "Когда у нас
не было Берии в

Москве, у нас как-то по-другому проходили встречи, по-
другому проходили

обеда и ужины. А сейчас он обязательно вносит какую-то
страсть,

соревнование, кто больше выпьет. Создается атмосфера, когда
люди выпивают

лишнее и нарушается тот порядок, который был у нас".

Я полностью был согласен со Сталиным, но должен сказать,
что уже тогда

относился с недоверием к таким его заявлениям, я видел, что
Сталин иной раз,

грубо говоря, провоцирует разговор на ту или другую тему с
тем, чтобы

выявить настроение того, с кем он беседует. Я видел, что
Сталин и Берия

очень дружны между собой. Насколько эта дружба была

искренна, мне тогда было

неизвестно. Но, во всяком случае, я видел, что не случайно Берия был

назначен заместителем наркома внутренних дел, а в скором времени, когда Ежов

был смещен, арестован и казнен, Берия стал властелином этого наркомата. Он

приобрел решающее влияние в нашем коллективе. Я видел, что окружающие

Сталина люди, занимавшие более высокие посты и в партии, и в государстве,

вынуждены были считаться с Берией и несколько заискивать, лебезить,

подхалимничать перед ним, особенно Каганович.

Я не замечал такого нехорошего, подлого подлизывания только со стороны

Молотова. Он производил на меня в те времена впечатление человека

независимого, самостоятельно рассуждающего, имел свои суждения по тому или

другому вопросу, высказывался и говорил Сталину, что думает. Было видно, что

Сталину

это не нравится, но Молотов все-таки настаивал на своем. Это, я бы

сказал, было исключением. Мы понимали причины независимого положения

Молотова. Он был старейшим приятелем Сталина. Сталин знал Молотова, и

Молотов знал Сталина еще по подпольной работе. Молотов много лет играл свою

роль в возвеличивании и возвышении Сталина. В борьбе Сталина с оппозицией

Молотов был его опорой. Поэтому оппозиционеры называли его дубинкой Сталина.

Он выпускался Сталиным тогда, когда нужно было наносить удары по тому или

другому члену Политбюро, который становился в оппозицию к Сталину.

Об этом я еще скажу позже, когда буду говорить о Сталине более позднего

периода, когда передо мной раскрылись возможности глубже понять Сталина.

Особенно после его смерти и даже не после смерти: после смерти я по-другому

смотрел и оплакивал смерть Сталина. А вот перед XX съездом, когда уже был

арестован Берия, состоялся суд над ним и мы получили возможность, вскрыв

прошлое, проанализировать, чем вызывались аресты и казни. Тогда в нас

зародились сомнения, действительно ли правильно объяснялись партии и народу

аресты борьбой с врагами народа? Об этом более подробно я тоже скажу позже.

Возвращаюсь к тому, что Сталин перед войной стал как бы мрачнее. На его лице

было больше задумчивости, он больше сам стал пить и спаивать других.

Буквально спаивать! Мы между собой перебрасывались словами, как бы поскорее

кончить этот обед или ужин. А другой раз еще до ужина, до обеда говорили:

"Ну, как сегодня -- будет вызов или не будет?". Мы хотели, чтобы вызова не

было, потому что нам нужно было работать, а Сталин лишал нас этой

возможности. Обеды у него продолжались иногда до рассвета, а иной раз они

просто парализовали работу правительства и партийных руководителей, потому

что, уйдя оттуда, просидев ночь "под парами", накачанный вином человек уже

не мог работать. Водки и коньяка пили мало. Кто желал, мог пить в

неограниченном количестве. Однако сам Сталин выпивал рюмку коньяка или водки

в начале обеда, а потом вино. Но если пить одно вино пять-шесть часов, хотя

и маленькими бокалами, так черт его знает, что получится! Даже если воду так

пить, то и от нее опьянеешь, а не только от вина. Всех буквально воротило,

до рвоты доходило, но Сталин был в этом вопросе неумолим.

Берия тут вертелся с шутками-прибаутками. Эти шутки-прибаутки

сдабривали вечер и питание у Сталина. Берия и сам напивался, но я чувствовал,

**что он делает это не для удовольствия, что он не хочет
напиваться и иной раз**

выражался довольно резко и грубо,

**что приходится напиваться. Он делал так из угодничества к
Сталину и**

**других принуждал: "Надо скорее выпить. Когда напьемся,
скорее разойдемся.**

**Все равно так он не отпустит". Я понимал, что такая атмосфера
создалась в**

**результате какого-то вроде бы упаднического настроения.
Сталин видел**

**надвигающуюся неумолимую лавину, от которой нельзя уйти,
и уже была**

**подорвана его вера в возможность справиться с этой лавиной.
А лавиной этой**

была неотвратимая война с Германией.

**Гитлер пожинал плоды побед своего оружия. Вся западная
печать трубила о**

**его победах. Я читал тассовские сводки, в которых печатались
высказывания из**

**буржуазных газет. Там злобно говорилось о том, что на
просторах Украины**

**танки Гитлера смогут развернуться во всю свою мощь; что
ландшафт Украины как**

**танкодром, и поэтому немецкие танки могут врезаться в тело
Советского Союза,**

**как врезается нож в сливочное масло. Я запомнил это
выражение из какой-то**

английской газеты. Сталин, конечно, все это читал. Бывало,

приедешь в

**Москву, и очень долго Сталин задерживает тебя у себя.
Рвешься назад,**

**спрашиваешь: "Можно уехать?" Отвечает: "Ну, что вы
спешите? Побудьте здесь.**

**Дайте возможность вашим товарищам поработать без вас.
Пусть они окрепнут,**

**пусть набираются сил". Вроде аргументы, действительно
заслуживающие**

**внимания: надо дать другим товарищам, которые работают без
тебя, привыкнуть**

**к самостоятельности, к самостоятельному решению вопросов и
т. п. Все это**

**хорошо. Но я видел, что не в этом дело. Сидишь ведь другой
раз у него и**

**ничего не делаешь, а просто присутствуешь на всех этих обедах,
которые стали**

**противными, подрывали здоровье, лишали человека ясности
ума и вызывали**

болезненное состояние головы и всего организма.

**Сталин, думаю, страдал тогда болезнью одиночества, боялся
пустоты, не**

**мог оставаться один, и ему обязательно нужно было быть на
людях. Его голову,**

**видимо, все время сверлил вопрос о неизбежности войны, и он
не мог побороть**

**страх перед нею. Он тогда сам начинал пить и спаивать других
с тем, чтобы,**

как говорится, залить сознание вином и таким образом

облегчить свое душевное
состояние.

Это мое впечатление. Но я думаю, что оно правильное,
потому что раньше

я подобного за ним не замечал. Я бывал на обедах у Сталина,
когда работал

еще секретарем Московского городского комитета партии. Это
были семейные

обеда, именно семейные, на которые приглашались я и
Булганин. Сталин всегда

говорил в шутку: "Ну, отцы города, занимайте свои места".
Это был

действительно обед. Было там и вино и все прочее, но в
довольно умеренном

количестве. И если человек говорил, что не может пить, то
особенного

принуждения и не было. А в предвоенный период если кто-либо
говорил, что не

может или не хочет пить, то это считалось совершенно
недопустимым. И потом

завели такой порядок, что если кто-нибудь не поддержит
объявленный тост, то

ему полагается в виде "штрафа" еще дополнительно бокал, а
может быть, и

несколько бокалов. Были и всякие другие выдумки. Во всем
этом очень большую

роль играл Берия, и все сводилось к тому, чтобы как можно
больше выпить и

всех накачать. И это делалось потому, что этого хотел именно

Сталин.

**Меня могут спросить: "Что же, Сталин был пьяница?".
Можно ответить, что**

**и был, и не был. То есть был в том смысле, что в последние
годы не**

**обходилось без того, чтобы пить, пить, пить. С другой стороны,
иногда он не**

**накачивал себя так, как своих гостей, наливал себе в небольшой
бокал и даже**

**разбавлял его водой. Но, Боже упаси, чтобы кто-либо другой
сделал подобное:**

**сейчас же следовал "штраф" за уклонение, за "обман
общества". Это была**

**шутка. Но пить-то надо было всерьез за эту шутку. А потом
человека, который**

**пил "в шутку", заставляли выпить всерьез, и он
расплачивался своим**

**здоровьем. Я объясняю все это только душевным состоянием
Сталина. Как в**

**русских песнях пели: "Утопить горе в вине". Здесь, видимо,
было то же самое.**

**После войны у меня заболели почки, и врачи категорически
запретили мне**

**пить спиртное. Я Сталину сказал об этом, и он какое-то время
даже брал меня,**

**бывало, под защиту. Но это длилось очень непродолжительное
время. И тут**

**Берия сыграл свою роль, сказав, что у него тоже почки больные,
но он пьет, и**

ничего. И тут я лишился защитной брони (пить нельзя, больные почки): все

равно, пей, пока ходишь, пока живешь! Но и в эти годы нельзя было отказать

Сталину в том, что когда, бывало, приезжаешь к нему с вопросом, он

внимательно выслушивал и вмешивался, если нужна была поддержка с его

стороны.

Работая до войны на Украине, я неоднократно проявлял инициативу в

вопросах улучшения руководства сельским хозяйством и изменения налоговой

политики в сторону смягчения административно-податной системы. За основу я

всегда брал интересы увеличения производства, поэтому предлагал ввести за

его рост дополнительную оплату, принять новую систему поставок мяса и

молока. Раньше брали определенное количество молока с хозяйства. Хозяйство,

которое имело 10 коров, получало скидку, а хозяйство, которое их не имело,

совсем молока не поставляло. Не знаю, как назвать такую систему, но она

существовала. Я внес

предложение принять погектарный метод поставок молока за плату. Она

была ниже себестоимости молока, и таким образом колхозы

платили дань в

пользу государства, потому что не получали полной оплаты за продукты,

которые сдавали. Но была именно такая система поставок. Те колхозы, которые

не имели скота, получали льготу, но у них была земля, они ею пользовались,

но уже неравноценно получали за поставки по сравнению с колхозами, у которых

имелись все отрасли сельского хозяйства, в том числе животноводство и

птицеводство.

Когда я в первый раз внес такое предложение, а потом собрался в Киев,

Сталин вызвал меня и говорит: "Вот вы докладывали свои предложения, я хотел

бы, чтобы дело было ускорено. Вы не уезжайте, а кончайте дело здесь, нам

надо скорее принять решение". Это было еще в 1939 году. Когда я ему

представил предложения, он их подписал и сказал: "Жаль, что вы не сделали

этого три года назад". Он видел, что надвигается угроза Гитлеровского

вторжения и у нас нет уже времени, чтобы использовать это прогрессивное

законодательство.

Как-то разработал я предложения по вопросам поставок шерсти и кожи и

прислал их Сталину. Он вызвал меня и говорит: "Вы, кажется, что-то новое

предложили?". "Да, -- говорю, -- предложил вот то-то". "Ну, и что же?".

Отвечаю: "Разослали по всем областям и краям запросы, чтобы учесть их

мнения". Я считал, что это в порядке вещей. Этими вопросами занимался в

Совнаркоме Микоян, и это его было предложение -- разослать. Я не видел тут

никакого противоречия. Действительно, перед тем, как принять такое решение,

надо запросить мнение людей, которые работают на местах, знают местные

условия и которым придется выполнять постановление.

Сталин же воспринял это по-другому. Он был нездоров, вскочил с постели,

начал ругаться, вызвал Микояна и накричал на него. Назавтра этот проект был

утвержден. А мне он сказал: "Вот разослал он ваше предложение, а о своих

проектах, которые он проводит, ни у кого мнения не спрашивает. Эти проекты,

которые вы сейчас внесли, прогрессивные. Но они же идут в отмену тех

решений, которые были разработаны и приняты по предложению Микояна". Я не

думаю, что у Микояна были какие-то задние мысли. Я с большим уважением

отношусь к Анастасу Ивановичу. У всех у нас есть свои недостатки, ни один

человек не лишен слабостей. Имел их и Анастас Иванович. Но это честный,

хороший, умный, способный, много сделавший полезного для нашей партии, для

нашего государства человек. Микоян, видимо, не руководствовался желанием

затормозить или опрокинуть мое предложение, а действительно хотел проверить

его. Возможно, что он чувствовал, что мои предложения идут на смену закону,

который разрабатывался под его руководством.

Сталин всегда поддерживал то, что было полезно для государства и

партии. Работая на больших постах, я имел возможность вносить, с моей точки

зрения, много нового и прогрессивного. В этих вопросах чаще всего встречал

поддержку Сталина, хотя другой раз этой поддержки и не получал. Но чаще это

случалось уже после войны, обычно это получалось в результате влияния Берии

и Маленкова. Я убежден, что с их стороны такое негативное отношение

возникало из зависти.

Во время войны Маленков поднялся. Его значение возросло. Он вошел в

состав Политбюро¹⁹. В своей основе это совершенно

бесплодный человек,

типичный канцелярист-писака. Он мог хорошо написать проект решения сам или

же имел таких людей, которые быстро работали и составляли хорошие резолюции.

Но его бумаги отражали то, что уже имелось на практике, и не делали ни шагу

дальше. С дорожки, проторенной сегодняшней действительностью, он не

сворачивал. Считаю, что такие люди не только бесплодны, но и опасны. Они

закостенели сами и умертвляют все живое, если оно выходит за пределы,

которые уже обозначились. Позже я вернусь к некоторым конкретным мыслям по

этому вопросу.

Я немного вышел за рамки задачи, которую поставил перед собой: оставить

свои воспоминания о пути, пройденном мною вместе с партией, со Сталиным и

под его руководством, отметить все положительное в Сталине (хочу быть

совершенно объективным) и беспощадно заклеить и осудить то, что считаю

вредным для партии. И сейчас еще давит нас эта вредная практика, которую

внедрил Сталин. Она вредна не только потому, что было истреблено много

лучших людей в партии, она еще вредна и потому, что отложила

какой-то пласт

**в сознании людей, в их умах, особенно у ограниченных людей.
Она создала**

**какие-то шоры, что вот, мол, другого пути не было, что только
так можно было**

**победить при построении социализма, создании индустрии, в
первооружении**

армии и создании условий для разгрома гитлеровской Германии.

**Это довольно примитивное понимание. Я бы сказал,
рабское: обязательно**

**должен кто-то стоять с хлыстом и бить этим хлыстом направо и
налево. Только**

**тогда рабов можно заставить делать что-то, а иначе они
взбунтуются. Это**

**просто поразительная, рабская психология! Если встать на
такую позицию, на**

которой стоят

**некоторые ограниченные люди, то окажется, что репрессии,
которые были**

**применены Сталиным, были исторически неизбежны; что
победы, которые одержал**

**народ, оправдывают эту кару. Как же тогда верить в народ?
Выходит, не народ**

**является творцом истории, а какая-то личность? Только она
может достичь**

**поставленной цели. Это неверие в народ, неверие в рабочий
класс, неверие в**

**партию. Не знаю, как назвать такое понимание. Ему
противостоит вся наша**

советская практика, история нашего народа.

Октябрьская революция была совершена не из-под хлыста Ленина, а по

призыву его разума. Народ пошел за Лениным, потому что поверил ему. Поверил,

потому что Ленин понял чаяния народа. Поэтому неграмотные люди -- крестьяне,

рабочие -- слушали Ленина и в его рассуждениях и призывах чувствовали

отражение своих чаяний. Поэтому они шли за Лениным до конца. Контрреволюция

организовывала восстания, контрреволюция организовала Гражданскую войну, во

главе контрреволюции стояли генералы, офицеры, капиталисты. Все

капиталистические страны оказывали поддержку этой контрреволюции, посылали

войска в поддержку контрреволюции, и все-таки народ под руководством Ленина

победил. В чем же была причина? Я уже об этом говорил. Ленин понял чаяния

народа, выражал его мысли, и поэтому массы шли за ним, и никто не смог

увлечь их на другой путь.

1 Потом Фурмановка Килийского р-на Одесской области.

2 АНТОНЕСКУ И. (1882-1946) был с 1938 г. министром обороны, с сентября

1940 г. премьер-министром Румынии, маршал Румынии с 1941 г., организатор

войны против СССР, казнен как военный преступник.

3 ПЕТЭН А.Ф. (1856-1951), маршал Франции с 1918 г., главнокомандующий

французской армией с 1917 г., был с 16 июня 1940 г. по апрель 1942 г.

премьер-министром Франции и одновременно с июля 1940 г. по август 1944 г.

президентом в Виши, где находилось прогитлеровское коллаборационистское

правительство, с 1945 г. находился в заключении как изменник родины.

4 Ш. де ГОЛЛЬ (1890-1970) -- военный служащий. С 5 июня 1940 г

заместитель министра национальной обороны, а с 18 июня, находясь в Англии,

стал там основателем движения "Свободная Франция" (с 1942 г. "Сражающаяся

Франция"), с 1941 г. руководил Французским национальным комитетом (с 1943 г.

Французским комитетом национального освобождения), в 1944-1946 гг. глава

Временного правительства, основатель партии "Объединение французского

народа", в 1958 г. премьер-министр, в 1959-1969 гг. президент Франции.

5 ЧУПАХИН Т.П.

6 КУЧЕРЕНКО Н.А. (1907-1976) -- член ВКП(б) с 1942 г.,

инженер-полковник с 1945 г.; один из конструкторов советских

танков Т-24,

БТ-2, БТ-5, БТ-7, БТ-7М, Т-34, Т-44 и других образцов бронетанковой техники.

7 Эта поездка в Берлин состоялась с 9 по 14 ноября 1940 года.

8 ГЕСС Р. (1894-1987)--личный секретарь А.Гитлера с 1925г. и его

заместитель по партии с 1933 г После войны был приговорен к пожизненному

тюремному заключению как один из главных нацистских военных преступников.

9 Совещание руководящих кадров РККА в декабре 1940 года.

10 Пьеса К.Финна и М.Гуса.

11 То есть не В.А.Кучеренко (1909-1963) -- заместитель Председателя

Совета Министров СССР с 1955 года. Президентом Академии строительства и

архитектуры, о чем упоминает Хрущев, он был с 1961 года.

12 ПАВЛОВ Д.Г. (1897-1941 (--видный военачальник, член РКП(б) с 1919

г., участник национально-революционной войны в Испании с 1936 г., генерал

армии в 1941 году. Он командовал войсками Западного Особого ВО перед Великой

Отечественной войной, а в начале войны был расстрелян за неудачи войск

руководимого им Западного фронта.

13 В июле 1940 г. Белорусский Особый военный округ получил наименование

Западного ОВО.

14 Начальником штаба Западного фронта был генерал-майор В.Е.

Климовских.

15 Маршал Советского Союза Кулик Г.И. (1890-1950), разжалованный в

марте 1942 г. в генерал-майоры, с апреля по сентябрь 1943 г командовал 4-й

гвардейской армией. Потом находился в распоряжении Главного управления

кадров РККА, работал заместителем начальника Главупра формирования и

укомплектования войск и занимал должности в различных военных округах.

16 ШЕПИЛОВ Д.Т. (род. 1905) -- член ВКП(б) с 1926 г.. с 1935 г. на

партийной и научной работе, с 1945 г. генерал-майор, с 1946 г. преподавал, в

1952-1956 гг. главный редактор газеты "Правда", в 1955-1957 гг. секретарь ЦК

КПСС, в 1956-1957 гг. министр иностранных дел СССР, за участие в

антипартийной группе внутри ЦК КПСС в 1957 г. переведен на низовую работу,

член ЦК КПСС в 1952-1961 годах. В описываемое время был полковником.

17 Он родился на хуторе Дудниково Полтавской области.

18 Это был генерал-лейтенант А.И.Зыгин, ранее командовавший в ходе

войны 58-й, 39-й, 20-й и 4-й гвардейской армиями.

**19 С февраля 1941 г. Г.М.Маленков был кандидатом в члены
Политбюро ЦК**

ВКП(б).

Н.С. ХРУЩЕВ

ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ВЛАСТЬ.

(ВОСПОМИНАНИЯ)

В 4 книгах

<http://textshare.da.ru> <http://textshare.tsx.org>

Книга 1

Часть II

**Москва, Информационно-издательская компания
"Московские Новости", 1999**

**В круглых скобках () примечаний автора, расположенных в
конце главы.**

СОДЕРЖАНИЕМ

ЧАСТЬ II. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Тяжелое лето 1941 года

Люди и события летом - осенью 1941 года

1942 год: от зимы к лету

У руин Сталинграда

Сталинградский поворот

Дороги на Ростов

Перед Курской битвой и в ее начале

К Днепру!

Киев снова наш!

Освобождаем Украину

Вперед, к Победе!

Послевоенные размышления

Дальний Восток после Великой Отечественной войны

О военных мемуарах Список сокращений

ЧАСТЬ II

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ТЯЖЕЛОЕ ЛЕТО 1941 ГОДА

Итак, мы приблизились вплотную к войне. То есть не мы шли к ней, а она на

нас надвигалась. Мы говорили об этом и делали все для того, чтобы враг нас

не застал врасплох; чтобы наша армия была на надлежащем высоком уровне по

организации, вооружению и боеспособности; чтобы наша промышленность имела

соответствующий уровень развития, который обеспечивал бы удовлетворение всех

нужд армии по ее вооружению и боевой технике, если будет начата война, если

на нас нападут враги. И вот война неумолимо надвинулась на нас. Что делалось

в армии, конкретно сказать сейчас не могу, потому что не знаю. Не знаю, кто

из членов Политбюро знал конкретную обстановку, знал о состоянии нашей

армии, ее вооружения и военной промышленности. Думаю, что этого, видимо,

никто не знал, кроме Сталина. Или знал очень ограниченный круг людей, да и

то не все вопросы, а те, которые касались их ведомства или ведомства,

подшефного тому либо другому члену Политбюро. Перемещение кадров, которое

имело большое значение для подготовки к войне, тоже осуществлялось Сталиным.

На кадрах "сидел" Щаденко (1), человек, известный своим характером.

Злобный у него был характер в отношении к людям. Потом на кадрах "сидел"

Голиков (2), оттуда он перешел в разведку. Сейчас точно не могу припомнить,

но он тоже был приближен к Сталину и занимался этими вопросами. Очень

сильное влияние на Сталина имел Мехлис, но главным образом в вопросах

политработы. Он был начальником Главного политуправления РККА, однако часто

выходил за рамки своих функций, потому что своим пробивным характером очень

нравился Сталину. Он много давал советов Сталину, и Сталин считался с ним.

Видимо, это было не на пользу армии.

Незадолго до Великой Отечественной войны Тимошенко покинул Киевский

Особый военный округ и стал наркомом обороны. Меня беспокоило, чтобы с

уходом Тимошенко не ослабла военная работа. Я очень высоко оценивал

деятельность Тимошенко как командующего войсками КОВО. Он человек волевой и

пользовался авторитетом среди военных, имел твердый характер, который

необходим каждому руководителю, особенно военному. Авторитет у него был

большой: герой Гражданской войны, командир одной из дивизий (3) Первой

Конной армии, - и прочная слава, и заслуженная.

После Тимошенко в КОВО пришел Жуков (4). Я был доволен, даже очень

доволен Жуковым. Он радовал меня своей распорядительностью и своим умением

решать вопросы. Это меня успокаивало: хороший командующий, как мне казалось.

Война подтвердила, что он действительно хороший командующий. Я так и считаю,

несмотря на резкие расхождения с ним в последующий период, когда он стал

министром обороны СССР, к каковому его назначению я приложил все усилия и

старания. Но он неправильно понял свою роль, и мы вынуждены были освободить

его с поста министра и осудили его замыслы, которые он, безусловно, имел и

которые мы пресекли. Однако как военного руководителя во время войны я его

очень высоко оценивал и сейчас ни в коей степени не отказываюсь от этих

оценок. Я говорил об этом Сталину и во время войны, и после войны, когда

Сталин уже изменил свое отношение к Жукову и Жуков был в опале.

Итак, у нас на Украине в 1940 г. командовал войсками Киевского Особого

военного округа Жуков. В начале 1941 г. Жукова переместили, назначив

начальником Генерального штаба, а нам прислали Кирпоноса.

Генерала Кирпоноса я совершенно не знал до его назначения к нам. Когда он

прибыл и принял дела, я с ним, конечно, познакомился, потому что был членом

Военного совета КОВО. Но я ничего не мог тогда сказать о нем, ни хорошего,

ни плохого.

До Жукова и до Мерецкова начальником Генерального штаба был Борис

Михайлович Шапошников. Это - безусловный авторитет для военных,

высокообразованный военный человек, который очень ценился на своем посту. В

то время в Генеральном штабе работали также Соколовский и Василевский (5),

два способных специалиста. Но тогда среди военных шла молва, что это -

бывшие офицеры старой армии, и к ним относились с некоторым недоверием. В то

время я лично еще не знал ни Соколовского, ни Василевского и поэтому своего

мнения о них не имел, но прислушивался к доброму о них голосу

старых бойцов

Красной Армии, участников Гражданской войны и относился к ним с доверием.

Когда же сам узнал их во время войны, то никакого политического недоверия к

этим людям у меня, конечно, уже не было, да и никогда не возникало. Я

относился к ним очень хорошо - и к Василевскому, и к Соколовскому.

С Василевским у меня произошел, однако, случай в 1942 г., который не

может изгладиться из моей памяти. Это было в связи с операцией, которую мы

проводили в начале 1942 г. под Харьковом, у Барвенково (б). Я дальше

отдельно буду говорить об этой операции и там, безусловно, не смогу обойти

своего разговора с Василевским. Он произвел на меня тогда очень тяжелое

впечатление. Я считал, что катастрофы, которая разыгралась под Барвенково,

можно было бы избежать, если бы Василевский занял позицию, какую ему

надлежало занять. Он мог занять другую позицию. Но не занял ее и тем самым,

считаю, приложил руку к гибели тысяч бойцов Красной Армии в Харьковской

операции.

Не знаю, как развернул свою новую работу в Наркомате

Тимошенко, но думаю,

что она была организована лучше, чем до него. Я не говорю о том, насколько

глубоко Ворошилов знал военную работу и военное дело. Но шла слава о нем как

о человеке, который больше позировал перед фотообъективами, киноаппаратами и

в мастерской художника Герасимова (7), чем занимался вопросами войны. Зато

он много занимался оперным театром и работниками театрального искусства,

особенно оперного, завоевал славу знатока оперы и давал безапелляционные

характеристики той или другой певице. Об этом говорила даже его жена. Как-то

в моем присутствии зашла речь о какой-то артистке. Она так вот, не поднимая

глаз, и говорит: "Климент Ефремович не особенно высокого мнения об этой

певице". Это считалось уже исчерпывающим заключением. Какие к тому имелись у

него данные и почему появились такие претензии, трудно объяснить. Правда,

Климент Ефремович любил петь и до последних своих дней, когда я с ним еще

встречался, всегда пел, хотя уже плохо слышал. Пел он хорошо. Он рассказывал

мне, что прошел школу певчего: как и Сталин, в свое время пел в церковном

хоре.

Перед самой Великой Отечественной войной, за 3 - 4 дня до ее начала, я

находился в Москве и задержался там, буквально томился, но ничего не мог

поделать. Сталин все время предлагал мне: "Да останьтесь еще, что вы

рветесь? Побудьте здесь". Но я не видел смысла в пребывании в Москве: ничего

нового я от Сталина уже не слышал. А потом опять обеды и ужины питейные...

Они просто были мне уже противны. Однако я ничего не мог поделать.

Конечно, я не знал, что начнется война 22 июня, но в воздухе уже

чувствовался треск разрядов предвоенного напряжения. Я понимал, что вот-вот

начнется война. Я не знал, что докладывала разведка, потому что Сталин

никогда не говорил о результатах ее работы. Вообще никаких заседаний на этот

счет, никаких обсуждений готовности страны к войне не было. Это тоже было

большим недостатком и, я бы сказал, большим злоупотреблением со стороны

Сталина: он брал все на свои плечи и все решал сам. А решал он, как показало

начало войны, плохо.

Я видел, что делать мне в Москве нечего, а Сталин меня не

отпускает

потому, что боится одиночества, хочет, чтобы вокруг него было как можно

больше людей.

Наконец, в пятницу 20 июня я обратился к нему: "Товарищ Сталин, мне надо

ехать. Война вот-вот начнется и может застать меня в Москве или в пути". Я

обращаю внимание "в пути", а ехать-то из Москвы в Киев одну ночь. Он

говорит: "Да, да, верно. Езжайте".

Я сейчас же воспользовался согласием Сталина и выехал в Киев. Я выехал в

пятницу и в субботу уже был в Киеве. Это говорит о том, что Сталин понимал,

что война вот-вот начнется. Поэтому он согласился, чтобы я уехал и был бы на

месте, в Киеве в момент начала войны. Какие же могут быть рассуждения о

внезапном нападении? Для кого и во имя чего сейчас создана и укрепляется эта

версия? Это нужно только, чтобы оправдать себя. Эти авторы сами несут

ответственность.

Обстановка у нас была очень нервная, предвоенная. Стояло жаркое лето;

парило, как парит перед грозой. Приехал я в Киев утром, как всегда. Сразу же

пошел в ЦК КП (б) У, проинформировал работников о

положении дел и вечером

ушел домой. Вдруг мне в 10 или 11 часов вечера позвонили из штаба КОВО,

чтобы я приехал в ЦК, так как есть документ, полученный из Москвы. В

сопроводительной к нему сказано, чтобы с этим документом был ознакомлен

секретарь ЦК КП (б) У Хрущев. Приехал я опять в ЦК. Туда же пришел не помню

точно кто: или начальник штаба КОВО Пуркаев (8), или его заместитель. Мне

кажется, что Пуркаев был в то время в Киеве, потому что командующий войсками

несколькими днями раньше выехал на командный пункт под Тернополем. Там

начали строить командный пункт, и, хотя он был не закончен, пришлось

выехать, потому что чувствовалось, что война вот-вот разразится. Там же

находились оперативный отдел штаба, начальник оперотдела Баграмян (9) и

командующий войсками Кирпонос.

Пуркаев (или его заместитель) прочитал документ. В нем говорилось о том,

что надо ожидать начала войны буквально днями, а может быть, и часами.

Сейчас точно не помню содержания этого документа, помню только одно -

тревожность его содержания и предупреждение. Тогда

считалось: все, что нужно

сделать, чтобы подготовить войска, уже сделано. Вплоть до того, что

командующий выехал с оперативным отделом на командный пункт. Следовательно,

мы к войне готовы. Потом позвонили с командного пункта из Тернополя и

сообщили, что на нашем направлении перебежал немецкий солдат. Он заявил, что

он был коммунистом, да и сейчас считает себя коммунистом; что он антифашист;

что он против военной авантюры, которая затевается Гитлером, и предупредил,

что завтра в три часа утра начнется наступление немецких войск. Это

совпадало со сведениями, которые только что были сообщены нам из Москвы в

упомянутом документе. Я не помню только, назывался ли в нем день и час.

Видимо, назывался. Одним словом, это была для нас уже не новость, а более

реальное, конкретное ее подтверждение.

Солдат перебежал с переднего края. Его допрашивали, и все называвшиеся им

признаки, на которых он основывался, когда говорил, что завтра в три часа

начнется наступление, описывались логично и заслуживали доверия. Во-первых,

почему именно завтра? Солдат сказал, что они получили

трехдневный сухой

паек. А почему именно в три часа? Потому что немцы всегда избирали в таких

случаях ранний час. Не помню, говорил ли он, что было сказано солдатам

именно о трех часах утра или они узнали это по "солдатскому радио", которое

всегда очень точно определяло начало наступления. Что нам оставалось делать?

Командующий был в Тернополе, штаб тоже находился там. Войска были на

месте, готовые встретить врага. Из этого мы и исходили. Я не возвращался

домой и остался в ЦК ожидать упомянутого часа.

И действительно, с рассветом около трех часов утра мы получили сообщение,

что немецкие войска открыли артиллерийский огонь и предпринимают

наступательные действия с тем, чтобы форсировать пограничную водную преграду

(10), и сломить наше сопротивление. Наши войска вступили в бой и дают им

отпор. Не помню, в какое время, но было уже светло, когда вдруг из штаба

КОВО сообщили, что немецкие самолеты приближаются к Киеву. В скором времени

они были уже над Киевом и сбросили бомбы на городской аэродром. Бомбы попали

в ангар, начался пожар. В этом ангаре оставались только

несколько самолетов

У-2. Потом во время войны они использовались как связные, а тогда - как

сельскохозяйственные. Боевой авиации на аэродроме не имелось, она вся была

подтянута к границе, рассредоточена и замаскирована.

Немцы не достигли первым налетом намеченной цели, не смогли вывести из

строя наши аэродромы и самолеты, уничтожить их. Наши самолеты и танки

целиком нигде не были уничтожены с первого удара. В КОВО (хотя, может быть,

от меня что-нибудь и скрывали; но так докладывали мне тогда, а я верил и

сейчас верю, что это была правдивая информация) немцы нигде не смогли

использовать полностью внезапность для нанесения удара по авиации, танкам,

артиллерии, складам, другой военной технике. Позже нам сообщили, что

немецкая авиация бомбила Одессу, Севастополь, еще какие-то южные города.

Когда мы получили сведения, что немцы открыли огонь, из Москвы было дано

указание не отвечать огнем. Это было странное указание, а объяснялось оно

так: возможно, там какая-то диверсия местного командования немецких войск

или какая-то провокация, а не выполнение директивы Гитлера.

Это говорит о

том, что Сталин настолько боялся войны, что сдерживал наши войска, чтобы они

не отвечали врагу огнем. Он не верил, что Гитлер начнет войну, хотя сам не

раз говорил, что Гитлер, конечно, использует ситуацию, которая у него

сложилась на Западе, и может напасть на нас. Это свидетельствует и о том,

что Сталин не хотел войны и поэтому уверял себя, что Гитлер сдержит свое

слово и не нападет на Советский Союз. Когда мы сообщили Сталину, что враг

уже бомбил Киев, Севастополь и Одессу, что не может быть и речи о локальной

провокации немецких военных на каком-то участке, а что это действительно

начало войны, то только тогда было сказано: "Да, это война, и военным надо

принять соответствующие меры". Да ведь так или иначе, но раз в них стреляют,

они вынуждены отвечать.

Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же

лично Сталина пока что не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом

уже, днем в то воскресенье выступил Молотов. Он объявил, что началась война,

что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом

выступлении сейчас вряд

**ли нужно, потому что все это уже описано и все могут
ознакомиться с**

**событиями по газетам того времени. То, что выступил Молотов,
а не Сталин, -**

**почему так получилось? Это тоже заставляло людей
задумываться. Сейчас-то я**

**знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно
парализован в своих**

**действиях и не собрался с мыслями. Потом уже, после войны, я
узнал, что,**

**когда началась война, Сталин был в Кремле. Это говорили
мне Берия и**

Маленков.

**Берия рассказал следующее: когда началась война, у
Сталина собрались**

**члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная
группа, которая чаще**

**всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно
подавлен и сделал**

**такое заявление: "Началась война, она развивается
катастрофически. Ленин**

**оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его
про.....**

**Буквально так и выразился. "Я, - говорит, - отказываюсь от
руководства", - и**

**ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу. "Мы, -
рассказывал Берия,**

- остались. Что же делать дальше? После того как Сталин так

себя показал,

прошло какое-то время, посовещались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым

(хотя был ли там Ворошилов, не знаю, потому что в то время он находился в

опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии). Посовещались и

решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его

имя и способности для организации обороны страны. Когда мы приехали к нему

на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень

испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то,

что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации

отпора немецкому нашествию? Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная

страна, что мы имеем возможность Организоваться, мобилизовать промышленность

и людей, призвать их к борьбе, одним словом, сделать все, чтобы поднять

народ против Гитлера. Сталин тут вроде бы немного пришел в себя.

Распределили мы, кто за что возьмется по организации обороны, военной

промышленности и прочего".

Я не сомневаюсь, что вышесказанное - правда. Конечно, у

меня не было

**возможности спросить Сталина, было ли это именно так. Но у
меня не имелось**

**никаких поводов и не верить этому, потому что я видел Сталина
как раз перед**

**началом войны. А тут, собственно говоря, лишь продолжение.
Он находился в**

состоянии шока.

**На участке КОВО в первые дни войны сложилось тяжелое,
но отнюдь не**

катастрофическое положение.

**Не помню сейчас, на какой, первый или второй, день войны
позвонил мне**

**Сталин. Он сказал: "К вам прилетит Жуков, и вам следует
вместе с Жуковым**

**выехать к войскам, в штаб". Я ответил: "Хорошо, жду Жукова".
Жуков прилетел**

**в тот же или на следующий день. Я, конечно, очень обрадовался.
Я знал Жукова**

**и с большим доверием относился к его военному таланту. Я
познакомился с ним,**

**когда он был командующим войсками КОВО, и мне
импонировало, что он приедет.**

**Когда он прилетел в Киев, мы с ним решали, как нам лучше
добраться в штаб?**

**Лететь ли на самолете? Железной дорогой - очень медленно,
к тому же**

**противник бомбит и разрушает ее. Этот путь вообще отпадал.
Или же ехать**

автомашинами? И тот, и другой вид транспорта был небезопасен. Самолетами мы

подлетали буквально к сфере фронтового огня и активного действия авиации

противника. Тогда очень много говорили, что вокруг действуют парашютные

десанты противника, что он высыпает их, как горох; и перерезает все

коммуникации. Была опасность, что мы можем стать жертвой какого-нибудь

военного десанта.

А путь был далеким. Из Киева нужно было добираться до Тернополя несколько

часов. В это время года пшеница и рожь стоят высокие, противнику на полях

легко можно укрыться, поэтому диверсанты и террористы могли, сколько им

удобно, использовать заросли. Тем более что нам нужно было от старой границы

ехать до Тернополя к районам, которые отошли к нам в 1939 г., после разгрома

Польши. Местное население было сильно засорено украинскими националистами,

которые сотрудничали с немцами. Мы это уже тогда знали. Но иного выбора не

было, поэтому решили ехать автомашиной. Поехали. Много было тревоги, когда

мы, проезжая, останавливались и расспрашивали, чтобы получить информацию о

положении дел. В конце концов к вечеру приехали на командный пункт. Он

находился северо-западнее Тернополя, но близко от него, в какой-то

деревушке. Посмотрел я, что же это за командный пункт? Была выкопана

огромная яма и насыпана по ее краям вынутая земля. Больше почти ничего не

было сделано. Работники штаба и канцелярия размещались в крестьянских хатах.

Командующий войсками КОВО ютился в маленькой крестьянской халупе. Там же

стояли средства связи, туда приходили люди и докладывали.

Положение тогда на нашем участке фронта было следующим: пока что никакой

катастрофы! Если взять направление на Перемышль и южнее, то положение было

даже хорошим. Южнее Перемышля противник ничего не предпринимал. Там у нас

тянулась граница с венграми, а те пока себя никак не проявляли. На самый

Перемышль противник предпринимал довольно упорные атаки, но наши войска (там

располагалась 99-я дивизия) дали отпор, выбили противника из тех районов,

которые были им заняты в результате начальной атаки, и заняли прочное

положение в городе. Об этой дивизии много потом писали, и заслуженно. Она

первой из дивизий в войну за свои боевые действия получила орден Красного

Знамени, буквально в первые же дни войны. Не могу умолчать о том, что этой

дивизией командовал до самой войны Власов (11), тот, кто потом стал

предателем, изменником Родины. Он оказался очень способным командиром. В

боевых соревнованиях соединений Красной Армии его дивизия занимала первое

место, а уже перед самой войной Власов получил корпус, командовал корпусом,

а дивизию сдал своему начальнику штаба (12). Под его командованием она и

проявила свой героизм и вошла в историю войны как самая боевая дивизия.

Развернулись упорные бои вдоль шоссе в направлении на Броды. Как теперь

известно из документации гитлеровского командования, это было направление

главного удара немецких армий группы "Юг". На этом направлении она

пробивалась к Киеву. Никак нельзя сказать, что гитлеровцы при первом же

соприкосновении разбили там наши войска и обратили их в бегство. Вовсе нет!

Наши войска упорно сражались и отбивали многочисленные атаки. Мне очень

понравилось, что, когда мы туда приехали, Жуков сразу же принял "на себя"

информацию из войск и доклады руководства, стал давать указания. Было

приятно смотреть, как умело и со знанием дела все это он осуществлял. Наше

положение мы расценивали тогда даже как хорошее, считали, что можем дать

должный отпор немцам.

Не помню, сколько пробыл Жуков у нас: день, два или три. Потом был

получен звонок из Москвы. Жуков сказал мне, что его вызывает Сталин:

"Приказал все оставить и срочно прибыть в Москву".
Правильные он нам давал

тогда советы. Должен сказать, что в те дни у него вид был бодрый, уверенный.

Еще он сказал мне тогда, что командующий войсками у нас слабоват. "Но что

делать? Лучших нет. Надо его поддерживать". Я ему тоже откровенно сказал:

"Очень жалею, что ты уезжаешь (мы с ним были на "ты").
Сейчас я не знаю, как

у нас пойдет дело при таком положении и с таким командованием. Но другого

выхода нет". Распрощались, и он уехал.

Вскоре у нас развернулись очень тяжелые события, опять же в районе Броды.

Там наступали гитлеровские танковые войска. На этом направлении мы выдвинули

помимо тех войск, которые там стояли еще перед войною,

механизированный

корпус, которым командовал Рябышев (13). Не помню его номера. Хороший

корпус, он имел уже и новые танки КВ, несколько штук, и имел также несколько

штук танков Т-34. И еще один мехкорпус (14), забыл фамилию командира этого

корпуса. В тех боях он был контужен, и я не знаю, какое потом участие он

принимал в войне. Это был тоже хорошо себя показавший командир корпуса. Вот

эти два мехкорпуса мы выдвинули туда, считая, что их достаточно для того,

чтобы сломить наступление противника и преградить путь его дальнейшему

продвижению. Мы не знали об истинной концентрации войск противника, не

знали, что тут у него было главное направление удара на юге, хотя он

наступал здесь несколько меньшими силами, чем в центре фронта на Москву. Это

естественно. В Белорусском Особом военном округе и наших войск было больше,

чем в Киевском. Правильно было определено, что главное направление, главная

опасность - по дороге через Минск на Москву, хотя Сталин думал иначе.

Но и в направлении Киева все-таки немцы сосредоточили много войск.

Основное, что инициатива была у них. На этом направлении мы получили

резервную армию. Командовал ею Конев (15). Я его лично не знал, но перед

войной однажды встретился с ним в Москве. Конев служил ранее где-то в

Сибири. У него сложились плохие отношения с тамошним секретарем обкома

партии. Отношения настолько обострились, что Сталин вызвал к себе

руководство обкома и Конева и сам разобрался в этом конфликте, возникшем по

каким-то бытовым вопросам. Тогда-то я и увидел Конева первый раз в жизни.

Прибыл Конев в КОВО, его армия разгрузилась, мы были очень обрадованы,

что получили резерв. Эту армию мы сейчас же нацелили в направлении на Броды.

Но, как только его армия вошла в соприкосновение с противником, последовал

звонок от Сталина: "Немедленно погрузить армию Конева и содействовать

скорейшей отправке этих эшелонов в распоряжение Москвы". Тут я стал

упрашивать оставить армию Конева нам - у нас было тяжелое положение - и

сказал: "Если армия Конева останется, то у нас есть уверенность, что мы

стабилизируем положение на направлении Броды и тем самым заставим противника

перейти к обороне. А может быть, нам удастся его и разбить".
Да, мы думали

тогда вскоре разбить немцев. Это было не просто желание, мы
верили в это,

хотя соотношение сил на нашем участке было бы и при наличии
армии Конева,

видимо, все-таки в пользу противника. Сталин выслушал
меня и ответил:

"Хорошо, оставляем резервную армию, но оставляем именно
для нанесения

удара". А спустя некоторое время - опять звонок от Сталина:
"Немедленно

погрузите армию Конева". Она уже вела боевую операцию, но
дан приказ, и она

убыла.

Мы, таким образом, остались с тем, что имели у себя к началу
войны. А

перевес уже наметился в пользу противника, возникла
тяжкая угроза в

направлении на Броды и Ровно. А это значит, в направлении
Киева. Наш левый

фланг оставался таким образом в тылу врага. Стало видно, что
немцы рвутся

клином на юг, на Киев, оставляя нашу Карпатскую группировку
за собой и не

ведя против нее боев. Там стояла 6-я армия, а Карпаты
занимала, кажется,

12-я армия. Нависала угроза (уже виден был замысел)
окружения врагом этих

войск. Но я сейчас по этому вопросу специально высказываться не буду, а хочу

осветить неприятный для нас эпизод, который произошел с членом Военного

совета КОВО.

Когда у нас сложились тяжелые условия в районе Броды, мы с командующим

войсками приняли меры для перегруппировки войск и уточнения направления

нашего удара против войск противника, который наступал на Броды. Чтобы этот

приказ был вовремя получен командиром мехкорпуса Рябышевым и командиром

другого корпуса, фамилию которого я забыл, мы решили послать члена Военного

совета КОВО, чтобы он сам вручил приказы, в которых было изложено

направление удара. Этот член Военного совета выехал в корпуса (16). Я знал

этого человека мало. Он прибыл к нам из Ленинграда перед самой войной и

производил хорошее впечатление, да и внешность у него была такая, знаете ли:

молодой еще человек, очень подтянутый, элегантный, одевался со вкусом и

приковывал к себе внимание. Ну, и характер у него тоже имелся. Мне говорили

военные, что он человек с претензиями. Рассказывали, что он низко оценивал

командующего войсками КОВО и считал, что сам он выше него и мог бы с большей

пользой, чем тот, выполнять функции командующего. Конечно, вряд ли он

кому-нибудь про это говорил. Это было умозаключение людей, работавших в

штабе. Ну, мало ли что бывает и какие у него появляются желания. Это было

его личное мнение. А пока он занимался своим делом. Я присматривался к нему:

он был неглупый человек, поэтому ничего плохого я против него не имел да и

не мог иметь.

Перед отъездом в мехкорпуса он зашел вечером ко мне. Так как у нас очень

плохо обстояло дело с помещением, то наши с командующим войсками рабочие и

бытовые места были в одной комнате вместе с местами дежурных офицеров. Мы

спали на ходу или сидя. Никакого дневного распорядка времени у нас еще не

выработалось, мы еще не втянулись в военную обстановку. И когда член

Военного совета зашел ко мне, то попросил меня выйти из комнаты, так как

иначе нельзя было вести доверительный разговор. Я вышел. Он говорит мне.

"Считаю, что вам надо немедленно написать товарищу Сталину, что следует

заменить командующего войсками Киевского округа.
Кирпонос совершенно

непригоден для выполнения функций командующего". Я был поражен и удивлен.

Только началась война, а член Военного совета, военнослужащий профессионал,

ставит вопрос о замене командующего. Отвечаю: "Не вижу оснований для замены,

тем более что война только началась". - "Он слаб". Говорю: "Слабость и сила

проверяются у людей на деле. Поэтому полагаю, что надо проверить, слаб ли

он".

Командующего я тоже знал не лучше, чем члена Военного совета. Знал по

фамилии и в лицо, но о деловых качествах не имел представления. Прибыл новый

человек и занял такой большой пост. Но я не хотел сразу же при первых

выстрелах заниматься чехардой, сменой командного состава. Говорю далее: "Это

произведет очень плохое впечатление, да я и не вижу оснований, я против".

Потом спросил: "Кого же вы считаете тогда лучшим? Кого можно было бы

назначить вместо Кирпоноса?" Он отвечает: "Начальника штаба генерала

Пуркаева". Я был очень хорошего мнения о Пуркаеве, однако говорю: "Я

Пуркаева уважаю и высоко ценю, но не вижу, что изменится, если мы Кирпоноса

заменяем на Пуркаева. К умению принимать решения относительно ведения войны

чего-либо не добавится, потому что Пуркаев - начальник штаба и тоже

принимает участие в разработке тех решений, которые принимаются (напомню,

что начальник штаба входил в состав Военного совета КОВО). Знания и опыт

генерала Пуркаева мы уже полностью используем и будем использовать далее. Я

против".

Член Военного совета уехал в войска, а вернулся рано утром и опять пришел

ко мне. Вид у него был страшно возбужденный, что-то его невероятно

взволновало. Он пришел в момент, когда в комнате никого не было, все вышли,

и сказал мне, что решил застрелиться. Говорю: "Ну, что вы? К чему вы

говорите такие глупости?". "Я виноват в том, что дал неправильное указание

командирам механизированных корпусов. Я не хочу жить". Продолжаю:

"Позвольте, как же это? Вы приказы вручили?" - "Да, вручил". - "Так ведь в

приказах сказано, как им действовать и использовать мехкорпуса. А вы здесь

при чем?" - "Нет, я дал им потом устные указания, которые противоречат этим

приказам". Говорю: "Вы не имели права делать это. Но если вы и дали такие

указания, то все равно командиры корпусов не имели права руководствоваться

ими, а должны выполнять указания, которые изложены в приказах и подписаны

командующим войсками фронта и всеми членами Военного совета. Другие указания

не являются действительными для командиров корпусов" - "Нет, я там...".

Одним словом, вижу, что он затевает со мной спор, ничем не

аргументированный, а сам - в каком-то шоковом состоянии. Я думал, что если

этого человека не уговаривать, а поступить с ним более строго, то это

выведет его из состояния шока, он обретет внутренние силы и вернется к

нормальному состоянию. Поэтому говорю: "Что вы глупости говорите? Если

решили стреляться, так что же медлите?" Я хотел как раз удержать его

некоторой резкостью слов, чтобы он почувствовал, что поступает преступно в

отношении себя. А он вдруг вытаскивает пистолет (мы с ним вдвоем стояли друг

перед другом), подносит его к своему виску, стреляет и падает. Я выбежал.

Охрана ходила по тропинке около дома. Позвал я охрану, приказал срочно взять

машину и отправить его в госпиталь. Он еще подавал признаки жизни. Его

погрузили в машину и отправили в госпиталь, но там он вскоре умер (17).

Потом мне рассказывали его адъютант и люди, вместе с которыми он ездил в

корпуса: когда вернулся с линии фронта, то был очень взволнован, не отдыхал,

часто бегал в туалет. Полагаю, что он делал это не в результате жизненной

потребности, а, видимо, хотел там покончить жизнь самоубийством. Бог его

знает. Не могу сейчас определить его умонастроение. Ясно, что он нервничал.

Потом пришел ко мне и застрелился. Однако перед этим разговаривал с людьми,

которые непосредственно с ним соприкасались, и они слышали его слова. Он

считал, что все погибло, мы отступаем, все идет, как случилось во Франции.

"Мы погибли!" - вот его подлинные слова. Полагаю, что это и завело его в

тупик, и единственный выход, который он увидел, покончить жизнь

самоубийством. Так он и поступил.

Потом я написал шифровку Сталину, описал наш разговор. Существует

документ, который я сейчас воспроизвожу по памяти. Думаю, что говорю точно,

за исключением, возможно, порядка изложения. Самую же суть описываю, как это

и было тогда в жизни. Вот, даже член Военного совета, который занимал столь

высокое положение, дрогнул. Не физически струсил, нет, он морально дрогнул,

потерял уверенность в возможности отразить гитлеровское нашествие. К

сожалению, это был тогда не единственный случай. Происходили такие случаи и

с другими командирами. Вот какая была обстановка. А мы ведь еще и десяти

дней не находились в состоянии войны.

Возвращаюсь к ситуации, о которой говорил перед описанием случая с членом

Военного совета. Итак, мы увидели, что против 6-й армии Музыченко и 12-й

армии Понеделина почти никаких активных действий со стороны противника не

ведется (18). Было явное игнорирование нашего левого фланга со стороны

немцев. Но они надеялись после вклинения танковыми войсками повернуть

направо, окружить наши войска и уничтожить эти две армии. Поэтому мы с

командующим решили вывести 6-ю армию, штаб которой находился во Львове, а

сама она располагалась на границе, севернее Перемышля. Ее войска стали

отходить. Не помню, на сколько километров они отошли, но противник их даже

не преследовал. И вдруг мы получаем резкое указание из Москвы - нахлобучку

за то, что отвели войска. Поступил приказ - вернуть войска, чтобы они заняли

линию границы, как занимали ее раньше. Мы ответили: "Зачем же ее защищать?"

Ведь не ведется военных действий против этих двух армий. Противник

сосредоточил главные силы на направлении Броды, уже виден его замысел. Он

может окружить наши войска, и они потом не смогут выйти из-под флангового

удара". Но нам приказали вернуть армии, и мы это сделали. Мне было очень

обидно и горько так поступать. У меня сложилось впечатление, что эти две

армии могут погибнуть. Они будут драться в окружении, но уже не будут

использованы с тем эффектом, как если бы мы расположили их на направлении

главного удара врага. Однако ничего не поделаешь, приказ есть приказ, и мы

его выполнили.

Я полагал тогда (сейчас не помню, не сам ли Жуков звонил из Москвы по

этому вопросу?), что Жуков тут неправ. Я носил при себе свою мысль все годы,

и когда Жукова освобождали от должности в 1957 г., а я выступал с критикой

его деятельности, то вернулся к этому моменту первых дней войны, к

запрещению отвести армии из района Перемышля и Львова. В результате 6-я

армия погибла потом в окружении, как погибла и 12-я армия. Я сказал: "Вот

такой способный военачальник, как Жуков, а тоже совершил ошибку". Он

ответил: "Это не моя инициатива, это было указание Сталина". Сейчас я не

могу вступить с ним в спор, было ли это указание Сталина. Возможно, конечно,

что так и было, но на основе доклада Жукова, потому что Жуков только что

прибыл в Москву с нашего фронта и, думаю, был в этом вопросе главным

советчиком. Если бы он сказал, что приказ Военного совета КОВО верен, то

Сталин, во избежание окружения этих армий, может быть, и не дал бы своего

указания возвратить армии назад. А сейчас я не знаю конкретного инициатора

того приказа и, следовательно, реального виновника гибели этих двух армий,

попавших затем в окружение.

Можете ли вы представить себе то тяжелое для нас время, когда Гитлер

двинул против нас полнокровные высокомеханизированные соединения, а мы

лишились такой солидной силы, как две армии, 6-я и 12-я? Они потом

отступали, немцы на них наседали и в конце концов в районе Умани окружили

их. Обе они со штабами и командующими попали в плен. Если бы 6-ю армию мы

могли раньше использовать, то могли бы взять часть ее дивизий, чтобы

организовать удар во фланг врагу в районе Броды. Неизвестно, что произошло

бы. Если бы даже мы не задержали его полностью и не разбили эту группировку,

то во всяком случае мы бы значительно ее обескровили и задержали на какое-то

время. Сложилась бы совершенно другая обстановка на нашем направлении. Но мы

были лишены такой возможности. Почему тут я это говорю? Мало к нам было

доверия. Частым оказывалось вмешательство сверху, и не всегда оно было

разумным. Вмешательство, которое стоило многих жизней и большой крови. Тут -

первый случай, но дальше я приведу еще много таких случаев, которые тоже

стоили тысяч и тысяч жертв, совершенно ненужных, которых можно было бы

избежать, если бы больше было доверия к командующим фронтами и их Военным советам.

Через несколько дней (19), опять не по своей инициативе, а по указанию из

Москвы, мы снялись со своего командного пункта. Нам приказали перенести штаб

в Проскуров, то есть мы отходили на большую глубину. Мы были удивлены, так

как на нашем направлении обстановка была еще не такая плохая, которая

вынуждала бы принимать такие меры: отойти и расположить штаб в большой

глубине за, нашими войсками. Но это было указание из Москвы. Не помню,

ссылались ли на имя, но все считали, что раз звонят из Москвы, значит -

указание Сталина. Снялись мы с места и стали перемещаться. Это была ужасная

картина.

Сотни машин двигались от линии фронта в тыл с семьями офицеров. Имелось

много семей офицеров во Львове, Дрогобыче, Перемышле. Вместе с ними

двигались беженцы. Но крестьян среди них не было. Западноукраинские

крестьяне не уходили от немцев. Видимо, тут сказался результат агитации

украинских националистов, которые ожидали немцев с другими

чувствами, чем

мы. Крестьяне были обмануты обещанием того, что Гитлер несет освобождение

Украине. Так морочили голову крестьянам Западной Украины националисты,

бандеровцы.

Как только мы прибыли в Проскуров и развернули штаб, тут же позвонил

Сталин. Я разговаривал с ним. Сталин говорит: "Вы сейчас же переезжайте в

Киев и в Киеве немедленно организовывайте его оборону". Мы так и сделали,

хотя не знали, что делается у нас на правом фланге фронта в целом. Каково

положение на Западном фронте, нам было неизвестно. Прибыли мы в Киев, а

противник двигался за нами буквально следом, только по другому шоссе: мы -

по Тернопольскому, а он, разбив наши силы на направлении Броды - Ровно -

Коростень, продвигался севернее на большой скорости. И под Киевом сложилось

буквально безнадежное положение.

Когда отошли мы к Киеву, то немцы сожрали остатки наших войск. Мы

потеряли артиллерию и танки, у нас не было пулеметов. Основные наши силы -

два механизированных корпуса - были разбиты, главным образом с воздуха.

Немцы летали безнаказанно, и у нас не было ничего, чем можно было бы

защищаться. Войска 6-й и 12-й армий, когда противник вплотную взялся за них,

стали отступать неорганизованно. Он все время держал их в полукольце, и они

не имели маневренности. А это - самое главное для войск. Но эти армии,

конечно, не распались. Они защищались и даже нанесли удар противнику в

направлении на Броды. Они отступали южнее Киева, в район южнее Умани. Там их

окружили. Сошлись два штаба: Понеделина и командующего 6-й армией.

Командующий 12-й армией был ранен. Когда подъехали немцы, Понеделин вышел из

помещения и сказал, что он сдается в плен. В то время мы еще не знали

фашистов и зачастую пытались вести войну "по всем правилам".

Это была, конечно, глупость, что фронт лишили инициативы в использовании

войск по своему усмотрению. Вмешательство Генерального штаба получилось

таким же, как у бравого солдата Швейка: все было хорошо, пока не вмешался

генеральный штаб. Вот так и погибли наши войска. Постепенно стали выходить

из окружения генералы. Пришел Попель (20). Пришел небезызвестный Власов, с

кнутом, без войск. Попель вернулся недели через две или через три. Он прошел

лесами Полесья, там немцев еще не было, они шли большими дорогами. Попель

даже вывез раненого полковника и вывел из окружения небольшое количество

войск.

Сейчас не могу сказать, какой тогда был день войны. Войск у нас

фактически не имелось, фронт был прорван. Противник вырвался вперед

подвижными войсками, а наши войска остались далеко в его тылу и там вели

бои. Противник подошел вплотную к Киеву, вышел на Ирпень. Река Ирпень -

небольшая, но заболоченная. Перед этой рекой еще в 1928 - 1930 гг. был

сооружен Киевский укрепленный район. Там имелись железобетонные доты с

артиллерией, но я уже говорил, что они были разрушены по предложению

Мехлиса. Сталин приказал разоружить их с тем, чтобы наше командование не

оглядывалось назад, а устремило свои взоры на укрепление новой границы,

которую мы получили в результате разгрома немцами Польского государства. А

теперь, когда нам так был бы нужен этот укрепленный район, он разоружен.

Железобетонные сооружения сохранились, но оружия в них не было: ни

артиллерии, ни пулеметов и не было войск. Поэтому мы начали собирать

буквально все, что только могли: винтовки, пушки и прочее с тем, чтобы

как-то построить оборону.

Назначили командовать этим участком генерала Парусинова (21). Сейчас я о

нем ничего не знаю. Он уже тогда был в летах. У меня сложилось о нем хорошее

впечатление. Но он занимался в тот момент тылами. Я не помню, как называлась

тогда его должность. По-моему, начальник тыла фронта, но неуверен. Ноу нас

другого человека не было, и мы назначили его. Он как-то распределял то, что

мы имели и что собирали, и строил оборону города. А немцы расположились на

западном берегу реки Ирпень. Никаких попыток перейти Ирпень они не

предпринимали. Мост там был такой паршивенький, деревянный. Мы его взорвали,

конечно. Думаю, что немцы прорвались все же небольшими передовыми танковыми

частями, но пехоты у них не имелось, и форсировать эту преграду (я бы

сказал, не реку, а болото) они не стали. Отложили на более позднее время.

Обстановка у нас была тяжелейшая. Шутка ли сказать, противник подошел к

Киеву, вышел на Ирпень! В городе началась паника. Это естественно. Помню,

как ночью (я сидел на лавочке) ко мне подошел командующий воздушными силами

КОВО генерал Астахов (22). Очень порядочный, добросовестный человек, внешне

степенный и тучный. Он своей внешностью как бы олицетворял само спокойствие.

Говорит: "Лишились мы в этих боях почти всей авиации. А сейчас противник не

дает нам и носа показать". И разрыдался. Мимо проходили военные, и я его

начал успокаивать, а потом прикрикнул на него: "Успокойтесь, товарищ

Астахов! Посмотрите, ходят люди, увидят, что генерал в таком состоянии. Нам

воевать надо и, следовательно, надо владеть собой". На него это как-то

подействовало, но он долго еще не мог прийти в себя. Астахов вел себя так

вовсе не из-за трусости. Нет, это был кадровый военный и очень знающий свое

дело человек. Но прежде он был уверен, как и все другие, что мы неприступны,

что наша граница "на замке", как в песнях пели, и что воевать мы будем на

чужой территории. И вдруг мы оказались через несколько дней с начала войны

под Киевом (23). Оказались в таком положении, что Киев и держать нечем, нет

сил: ни вооружения, ни солдат.

Все, что могли, мы направили на организацию обороны Киева. Не сдать Киев!

Дать отпор врагу! Строили оборону с запада по течению Днепра левее Киева, то

есть на левом фланге, выше города. А к югу от Киева было довольно большое

пространство, которое занимали наши войска. Прежде всего, в этом направлении

отступали 6-я и 12-я армии. Они уже попали в окружение, но вели бои и

наносили противнику довольно большой урон. Мы стали организовывать дело так,

чтобы с востока разорвать кольцо и помочь этим армиям выйти из окружения.

Уже в ходе отступления штабы этих двух армий объединились.

Для защиты Киева мы решили создать новую армию и назвали ее 37-й (24).

Стали искать командующего. Нам с Кирпоносом предложили ряд генералов,

которые уже потеряли свои войска и находились в нашем распоряжении. Среди

них очень хорошее впечатление производил Власов. И мы с командующим решили

назначить именно Власова. Отдел кадров КОВО тоже его рекомендовал и дал

преимущественную перед другими характеристику. Я лично не

знал ни Власова,

ни других "свободных" генералов, даже не помню сейчас их фамилий. Если

обратиться к свидетелю, то у меня есть свидетель, который сейчас жив, здоров

и желаю, чтобы он жил еще тысячу лет, - Иван Христофорович Баграмян. Он был

тогда в звании полковника начальником оперативного отдела штаба

Юго-Западного фронта. Очень порядочный человек, хороший военный и хороший

оперативный работник, сыгравший большую роль в организации отпора

гитлеровскому нашествию на тех участках, где ему поручали заниматься этим

делом.

И все-таки я решил спросить Москву. Мы находились тогда под впечатлением

того, что везде сидят враги народа, а особенно в Красной Армии. И я решил

спросить Москву, какие имеются документы о Власове, как характеризуется он,

можно ли доверять ему и назначить на пост командующего армией, которая

должна защищать Киев. Войск-то нет, их еще надо собрать, и все это должен

делать новый командарм. Позвонил Маленкову, больше звонить было некому. Но

так как Маленков занимался в ЦК кадрами, то это был вопрос и

к нему тоже.

Правда, он сам ничего о Власове не знал, но люди, которые в Генеральном

штабе занимались кадрами, должны были сказать ему свое мнение. Я спросил

его: "Какую характеристику можно получить на Власова?". Маленков ответил:

"Ты просто не представляешь, что здесь делается. Нет никого и ничего. Ни от

кого и ничего нельзя узнать. Поэтому бери на себя полную ответственность и

делай, как сам считаешь нужным".

При таком положении дел, хотя у нас никаких данных на Власова не имелось,

мы знали, что военные рекомендовали именно его. Поэтому мы с Кирпоносом

решили назначить его командовать 37-й армией. Он начал принимать бойцов из

отступающих частей или выходящих из окружения. Потом пополнение получили

кое-какое. Вскоре прибыл целый пехотный корпус (25) под командованием

генерала Кулешова. Этот корпус пришел с Северного Кавказа. Хороший корпус,

но неподготовленный. Морально он не был подготовлен, не обстрелян, что

естественно, ведь война только началась. Мы вывели его в Киевский

укрепленный район и поставили на самый угрожаемый

участок - защиту

Голосеевского леса, непосредственных подступов к Киеву с юга (26). Мы

ожидали удара не с севера. Там трудные природные условия, мы прикрывались

Ирпенем.

Потом тут была 5-я армия в довольно хорошем состоянии. Ею командовал

генерал Потапов.

Его соседом по фронту был командарм-6 Музыченко. На Музыченко лежала

перед войной тень: не является ли он предателем в рядах Красной Армии? В

результате чего так думали? Перед войной он выехал в войска, то ли проводить

учения, то ли просто проинспектировать свои части на границе. Штаб 6-й армии

стоял во Львове. Дома осталась у него одна жена. И еще у него была

домработница. Какой-то молодой человек ухаживал за ней, и тут ничего такого

противоестественного не было. Видимо, так же относились к этому Музыченко и

его жена. Но, как оказалось, это ухаживание было не простым увлечением.

Здесь преследовались политические, разведывательные цели. Этот "ухажер"

выбрал момент, когда Музыченко выехал в войска (а к тому времени он уже

завоевал себе право приходить в дом и приучил домашних положительно

относиться к его появлению), и появился ночью. Жена Музыченко спала. Вдруг

открывается дверь, заходит он в спальню и требует ключи от сейфа. Она

испугалась. Потом она так вспоминала: "Я спала. Раздетая была. Он подошел,

бесцеремонно сел на постель и в довольно вежливом тоне, как бы играючи,

начал вести разговор. Никаких поползновений на мою честь он не проявлял и

разговаривал любезно, но требовал ключи. Я сказала ему, что ключей у меня

нет.

Командующий никогда ключей не оставляет, тем более у меня, он берет их

всегда с собой или же сдает. Куда, мне неизвестно. Я же никакого отношения к

ключам не имею и никак не могу выполнить ваше требование. Он долго и

настойчиво требовал ключи, хотя пересыпал разговор шутками и игривой

беседой, чтобы не запугать, а может быть, расположить к себе с тем, чтобы я

отдала ключи. Кончилось тем, что он ушел".

Подробно это описано, видимо, в архивах органов госбезопасности: жена

Музыченко давала показания. Сбежала и девушка-

домработница. Тогда стало

ясно, что домработница была подслана украинскими националистами. Она-то и

привела этого агента немецкой разведки, который хотел завладеть ключами, но

не получил их. Когда Сталин узнал об этом случае, то спрашивал меня насчет

Музыченко. Я ответил, что у нас нет абсолютно никаких данных для недоверия к

генералу. Я опрашивал многих военных, и все дают ему очень положительную

характеристику и как военному, и как человеку, и как члену партии. Здесь,

видимо, налицо просто наглость чужой разведки. Жена его тоже не может быть

агентом. Никаких данных к этому нет. Люди, знающие ее, тоже говорят, что она

женщина порядочная. Это просто имела место доверчивость. Вопрос о Музыченко

стоял на острие ножа: оставить его или освободить от командования армией?

Долго обдумывали и все-таки решили оставить его на месте. Музыченко

продолжал командовать 6-й армией. Ему было оказано полное доверие, и хотя

этот инцидент, безусловно, оставил свой след, но на службе, я думаю, это не

отразилось. Я, например, к нему относился после этого по-прежнему с

доверием.

Теперь его армия сражалась южнее Киева. Главная опасность для Киева была

как раз с юга, со стороны Белой Церкви. Развернулось и тут строительство

обороны. Через какое-то время немцы подтянули свои войска и приступили

непосредственно к операции по захвату Киева. Помню, что, когда сложилась

тяжелая обстановка в направлении Белой Церкви, мы с Кирпоносом решили

выехать в войска, оценить обстановку и принять меры к тому, чтобы наши

войска не бежали. В это время командный пункт фронта находился в Броварах,

то есть на восточном берегу Днепра, километрах в 25 от Киева в направлении

Чернигова. Железобетонный командный пункт, который был фундаментально сделан

в мирное время для штаба КОВО в Святошино, занимал теперь штаб 37-й армии. Я

сейчас не помню имени начальника штаба армии (27), но он на меня тоже

произвел хорошее впечатление.

Приехали мы в штаб армии вместе с Кирпоносом и встретились сперва с

начальником штаба. Почему-то отсутствовал командующий армией Власов. Потом и

он приехал. Власов доложил обстановку, говорил довольно

спокойно, и мне это

понравилось. Тон у него был, вселявший уверенность, и говорил он со знанием

дела. Мы предложили сейчас же поехать в Голосеевский лес, где был расположен

прибывший к нам стрелковый корпус из трех дивизий. Мы и раньше выезжали в

корпус Кулешова. При первой встрече с войсками противника солдаты этого

корпуса показали себя очень плохо. Началась паника, корпус отступил.

Возникла опасность, что люди разбегутся. Тогда мы выехали туда, чтобы

восстановить порядок. Был поставлен на ноги военный трибунал. Развернуты

заградительные отряды. Приняты все меры, которые принимались в таких случаях

для восстановления порядка и дисциплины. Строгие меры! Имели место суды на

поле боя. Тут же приводились в исполнение суровые приговоры, которые

необходимы только в такой тяжелой обстановке. Мы увидели, что Кулешов плохо

управляет войсками. Может быть, тогда мы погорячились, потому что у него не

было опыта, как и у его солдат. Он был тоже необстрелянный человек. Но, так

или иначе, мы его освободили и назначили нового командира корпуса. Сейчас не

помню его фамилию, по национальности он был еврей.

Когда мы приехали туда во второй раз, то командовал корпусом уже этот,

новый командир. Приехали мы с Власовым. Обстановка была такой: немцы вели

артиллерийско-минометный огонь и бомбили этот район с воздуха. Когда мы

подошли к командиру, он сидел на каком-то полевом стуле, а стол перед ним

был накрыт кумачом. Стоял телефон. Тут же была открыта щель-убежище. С ним

были какие-то люди. Он стал докладывать нам обстановку. В это время немцы

обстреливали нас из минометов и строчили их пулеметы, но их самих не было

видно, только шел гул по лесу. Бомбили и с самолетов. Потом усилился

орудийный огонь. Власов держался довольно спокойно (я поглядывал на него). У

него была вырезана трость из орешника. Он этой тростью похлопывал себя по

голенищу. Потом он предложил, во избежание неприятностей, залезть в щель.

Нас мог поразить какой-нибудь осколок. Мы послушались его совета, залезли в

щель. Там заслушали ком-кора. Командир корпуса произвел на меня очень

хорошее впечатление своим спокойствием, уверенностью и знанием обстановки.

Мы уехали, пожелав ему успеха.

Буденный приехал к нам в ходе упорных боев за Киев. Я спросил: "Что

делается на других фронтах? Я ничего не знаю, никакой информации мы не

получаем. Вы, Семен Михайлович, из Москвы. Ведь вы знаете?". "Да, - говорит,

- знаю и расскажу вам". И он, один на один, рассказал мне, что Западный

фронт буквально рухнул под первыми же выстрелами и расчленился. Там не

сумели организовать должного отпора противнику. Противник воспользовался

нашим ротозейством и уничтожил авиацию фронта на аэродромах, а также нанес

сильный урон нашим наземным войскам уже 22 июня, при первом же ударе. Фронт

развалился. Сталин послал туда Кулика, чтобы помочь комплектованию. Но от

маршала Кулика нет пока никаких сведений. Что с ним, неизвестно. Я выразил

сожаление: "Жалко, погиб Кулик". Буденный же сказал: "А вы не жалеете его".

И это было сказано таким тоном, который давал понять, что Кулика считают в

Москве изменником; что он, видимо, передался противнику. Я знал Кулика,

считал его честным человеком и поэтому сказал, что мне его жалко. "Ну, вы не

жалейте его, не жалейте", - повторил Буденный. Я понял, что, видимо, он имел

какой-то разговор об этом со Сталиным.

Зачем Буденный приехал, трудно сказать. Пробыл у нас недолго. А вечером

спросил: "Где мы будем отдыхать? Давайте вместе ляжем спать". Я согласился.

"А где? У вас? Где вы отдыхаете?" Говорю: "Вот тут я и отдыхаю". Вышли из

дома. Снаружи была разбита палатка, и в ней набросано сено. "Вот здесь, в

палатке я и сплю" - "Да вы что?" Я объяснил ему: здесь, где наш штаб, -

болото, нельзя рыть щели, появится вода. Поэтому я спасаюсь при авиабомбежке

в палатке. Буденный: "Ну, ладно. Раз вы здесь, то я тоже с вами". И мы

легли, поспали несколько часов, отдохнули. Рано утром нас разбудила немецкая

авиация. Самолеты на бреющем полете летали над поселком и бомбили его. Наши

зенитки вели огонь. Никакого попадания в самолеты в поле зрения не было

видно. А наши самолеты не появлялись. Я рассердился и возмутился этим.

Обращаюсь к Астахову: "Ну, что же это такое? Почему они безнаказанно летают

и бомбят, а мы не можем ничего сделать?". Немцы уже отбомбились и улетели.

Астахов докладывает: "Столько-то самолетов было сбито". Я спросил: "А где

сбитые? Я не видел, чтобы они падали". - "А они упали за Днепром". - "Ну,

если они упали за Днепром, то можно докладывать, что сбито их даже больше".

Думаю, что Астаховым был взят грех на душу. Может быть, и сбили что-то, но

меня очень обескуражило его заявление, и я сказал: "Бойцы видят, как

безнаказанно летают немцы, а мы не наносим противнику урона".

Буденный вскоре уехал от нас. В войска он не ездил, вернулся в Москву. С

какими заданиями приезжал (а иначе и быть не могло - это же не экскурсия),

мне было неизвестно, он мне этого не сказал. Просто поговорили с ним, он

заслушал обстановку, заслушал командующего войсками и начальника оперотдела

штаба Баграмяна. Его беседа с Баграмяном произвела на меня тяжелое

впечатление. Я ее хорошо запомнил и до сих пор не могу забыть. Дело было

после обеда. Буденный слушал Баграмяна, который докладывал об обстановке.

Баграмян - очень четкий человек, доложил все, как есть, о всех войсках,

которые у нас тогда были: их расположение, обстановку. Тут Буденный насел на

Баграмяна. Отчего, не знаю конкретно. Я особенно не придавал тогда значения

этой беседе. На военном языке это означает: разбираться в обстановке.

Начальник оперативного отдела штаба докладывал обстановку Маршалу Советского

Союза, присланному из Москвы.

Помню только, что закончился разбор обстановки такими словами: "Что же у

вас такое? Вы не знаете своих войск". "Как не знаю, я же вам доложил,

товарищ маршал", - отвечает Баграмян. "Вот я слушаю вас, смотрю на вас и

считаю - расстрелять вас надо. Расстрелять за такое дело", - таким

писклявым голосом говорит Семен Михайлович. Баграмян: "Зачем же, Семен

Михайлович, меня расстреливать? Если я не гожусь начальником оперативного

отдела, вы дайте мне дивизию. Я полковник, могу командовать дивизией. А

какая польза оттого, что меня расстреляют?". Буденный же в грубой форме

уговаривал Баграмяна, чтобы тот согласился на расстрел. Ну, конечно,

Баграмян никак не мог согласиться. Я был даже удивлен, почему Семен

Михайлович так упорно добивался "согласия" Баграмяна. Конечно, надо

учитывать, что такой "любезный" разговор происходил между Маршалом

Советского Союза и полковником после очень обильного обеда с коньяком. И

все-таки, несмотря на это обстоятельство, форма разговора была недопустимой.

Он велся представителем Ставки Верховного Главнокомандования и, конечно,

никак не отвечал задачам, которые тогда стояли, и не мог помочь делу и нашим

войскам. Это тоже свидетельствует о том, какое было состояние у людей. Семен

Михайлович совершенно вышел тогда за рамки дозволенного. Но мы просто

посмотрели тогда на этот разговор несерьезно. Хотя он и касался жизни

человека, однако обошелся без последствий. Семен Михайлович уехал, а мы

остались в прежнем тяжелом положении, которое после его приезда не

улучшилось и не ухудшилось.

(1) В описываемое время генерал-лейтенант Е.А.ЩАДЕНКО возглавлял

Управление по командному и начальствующему составу РККА.

(2) Генерал-лейтенант Ф.И. ГОЛИКОВ ведал кадрами РККА в промежутке между

осенью 1939 г., когда он командовал 6-й армией, и июлем 1940 г., когда он,

будучи заместителем начальника Генерального штаба,

возглавил Главное

разведывательное управление.

(3) Двух дивизий: с октября 1919 г. - 6-й кавалерийской и с августа 1920

г. - 4-й кавалерийской.

(4) Генерал армии Г.К.ЖУКОВ командовал войсками КОВО с июня 1940 года.

Начальником Генштаба он стал в январе 1941 г., сменив на этом посту генерала

армии К.А.МЕРЕЦКОВА, который в августе 1940 г. сменил на том же посту

Маршала Советского Союза Б.М.ШАПОШНИКОВА.

(5) Генерал-лейтенант В.Д. СОКОЛОВСКИЙ стал заместителем начальника

Генштаба в феврале 1941 года. Генерал-майор А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ работал зам.

начальника Оперативного управления Генштаба с мая 1940 г.

(6) Барвенково-Лозовская наступательная операция в январе 1942 г.

(7) Речь идет об авторе картины "И.В.Сталин и К.Е.Ворошилов в Кремле"

А.М.ГЕРАСИМОВА, за которую он получил в 1941 г. Сталинскую премию.

(8) Генерал-лейтенант ПУРКАЕВ М.А.

(9) И.Х.БАГРАМЯН, полковник.

(10) Река Западный Буг.

(11) Генерал-майор ВЛАСОВ А.А.

(12) Генерал-майор ДЕМЕНТЬЕВ Н.И.

(13) Генерал-лейтенант РЯБЫШЕВ Д.И., командовал 8-м механизированным

корпусом.

(14) 22-й механизированный корпус (командовал генерал-майор

С.М.КОНДРУСЕВ, затем генерал-майор В.С. ТАМРУЧИ). Но там же действовал еще

15-й мехкорпус (командовал генерал-майор И.И.КАРПЕЗО, затем полковник Г.И.

ЕРМОЛАЕВ).

(13) 19-я армия генерал-лейтенанта И.С. КОНЕВА.

(16) Вероятно, в 4-й и 8-й мехкорпуса. Но еще оставались 9-й мехкорпус

(командовал генерал-майор К.К.РОКОССОВСКИЙ) и 19-й мехкорпус (командовал

генерал-майор Н.В. ФЕКЛЕНКО).

(17) Корпусной комиссар ВАШУГИН Н.Н.

(18) Генерал-майор ПОНЕДЕЛИН П.Г. (12-я армия) и генерал-лейтенант

МУЗЫЧЕНКО И.Н. (6-я армия).

(19) Три с половиной дня.

(20) Бригадный комиссар ПОПЕЛЬ Н.К.

(21) Генерал-лейтенант ПАРУСИНОВ Ф.А.

(22) Генерал-лейтенант авиации АСТАХОВ Ф.А.

(23) К 7 июля 1941 г. (т.е. на 16-й день войны).

(24) Окончательно сформирована к 8 августа 1941 года.

(25) 64-й стрелковый корпус (командовал генерал-майор А.Д. КУЛЕШОВ).

(26) У леса южнее дер. Голосеево, при шоссе на Васильков.

(27) Генерал-майор МАРТЪЯНОВ А.А.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ ЛЕТОМ - ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

Сегодня - 23 февраля 1968 года. Это великий день, славный юбилей нашей

Советской Армии, всех наших Вооруженных Сил, которые были созданы под

руководством Ленина и одержали победы в первые же годы революции над

белогвардейцами, нашими классовыми врагами. Позднее выдержали фашистское

нашествие, удар против Советской страны и народа. Все выдержали с честью,

разбили всех наших врагов и высоко держат Красное Знамя, наше знамя,

обогренное кровью рабочего класса в борьбе с врагами. Большой путь прошли

Советские Вооруженные Силы, и я горжусь этим. Горжусь тем, что мне тоже

довелось быть в составе наших славных Вооруженных Сил - Красной Армии.

Я находился в Красной Армии в самые тяжелые времена для нашей молодой

Советской республики, с января 1919 года. Мне в ее рядах довелось пройти

тяжелые испытания и длинный путь, пришлось служить в составе 9-й стрелковой

дивизии, которая сначала отступала с боями за Орел, под Мценск; потом с этой

же дивизией проделал путь наступления. Мы промаршировали, буквально гоня

противника. Рождество 1920 г. мы встречали уже в Таганроге. Говорю - в

Таганроге, потому что наша стрелковая дивизия в это время была придана 1-й

Конной армии, которой командовал, как всем известно, Буденный. 1-я Конная

наступала на Ростов, мы же пошли на Таганрог. Это очень длинный путь из-под

Орла. Но белые так быстро отступали, что нам надо было буквально поспевать

за ними.

В 1920 г. мне довелось в составе той же дивизии проделать иной маршрут: 1

марта мы наступали на селение Кошкино (оно имело двойное название:

Кошкино-Крым). У меня отложилось в памяти, что именно Кошкино-Крым. В начале

апреля мы дошли до Черного моря, заняли Анапу и торжествовали победу, с

**полным разгромом белогвардейцев. Мы их там сбросили в
Черное море. Зимой**

**была создана кавалерийская группа для преследования белых.
Мы мобилизовали**

**лошадей у кубанских казаков и посадили на коней наших
бойцов, потом**

**участвовали в освобождении Новороссийска. Но не вся дивизия
была там: часть**

**ее заняла Анапу и остановилась. Спустя пять дней отдыха,
проведенных в**

**Анапе, двинулись на Таманский полуостров и заняли его в том
же апреле, а 1**

**Мая праздновали уже в Тамани. Ну, это - лирическое
отступление в моих**

**воспоминаниях. Действительно, воспоминания есть
воспоминания, даже если, к**

**сожалению, они излагаются непоследовательно. Впрочем, это не
имеет особого**

значения.

**Возвращаюсь к тому, как из-под Киева уехал от нас Буденный.
В июле 1941**

**г. меня вызвали в Москву. Мне было интересно приехать
именно тогда в Москву,**

**проинформироваться и узнать истинное положение вещей, В
каком состоянии**

**находится наша страна? Какие соображения имеет Сталин
относительно**

**задержания наступления противника, а потом нашего перехода в
наступление? Мы**

не могли даже занять твердую оборону, находились в стадии отступления, в

стадии поражений на фронте. В это время Сталин нигде "не вылезал" со своей

фамилией как Верховный Главнокомандующий, каковым он вскоре был назначен

(1). Распоряжения отдавались Ставкой. Нигде не говорилось - Командующий (или

Главнокомандующий) Сталин. Это тоже свидетельствует об определенном

настроении Сталина, который не хотел, видимо, связывать свое имя с

поражениями наших войск.

Итак, меня вызвали в Москву, но не сказали, по каким вопросам. Думаю, что

Сталин вызвал меня, чтобы узнать, как я оцениваю положение дел на нашем

участке фронта. Я занимался тогда только территорией Киевского Особого

военного округа (2), то есть северной частью Украины. Южная часть Украины -

это Южный фронт. Он был создан на основе Одесского военного округа. На те

войска я никакого влияния не имел.

Когда я приехал в Москву, мне сказали, что Сталин находится на командном

пункте. Москву тогда бомбили очень часто, и штаб был перенесен к Кировским

воротам, в помещение Наркомата легкой промышленности

СССР. Это помещение

**было занято под штаб, а для Сталина и руководства партии
был организован**

**командный пункт Ставки там же, на станции метро
"Кировская". Когда я**

**встретился со Сталиным, он произвел на меня удручающее
впечатление: человек**

**сидел как бы опустошенный и ничего не мог сказать. Он даже не
смог сказать**

**мне несколько подбадривающих слов, а я в этом нуждался,
потому что приехал в**

**Москву, прибыл к Сталину, в центр, к руководству страной и
армией. И вот я**

**увидел вождя совершенно морально разбитым. Он сидел на
кушетке. Я подошел,**

**поздоровался. Он был совершенно неузнаваем. Таким выглядел
апатичным, вялым.**

**Лицо его ничего не выражало. На лице было написано, что он во
власти стихии**

**и не знает, что же предпринять. А глаза у него были, я бы
сказал, жалкие**

какие-то, просящие.

**Сталин спросил: "Как у нас дела?". Я ему откровенно
обрисовал обстановку,**

**которая у нас сложилась. Как народ переживает случившееся,
какие у нас**

**недостатки. Не хватает оружия, нет даже винтовок, а немцы
бьют нас.**

Собственно говоря, мне и не требовалось ему рассказывать,

потому что он сам

знал по докладам, которые делал Генеральный штаб: армия бежала, немцы

превосходили нас и на земле, и в воздухе, у нас не хватало вооружения, а к

этому времени уже не хватало и живой силы. Все рассказал, в каком мы

находимся положении.

Помню, тогда на меня очень сильное и неприятное впечатление произвело

поведение Сталина. Я стою, а он смотрит на меня и говорит: "Ну, где же

русская смекалка? Вот говорили о русской смекалке. А где же она сейчас в

этой войне?". Не помню, что ответил, да и ответил ли я ему. Что можно

ответить на такой вопрос в такой ситуации? Ведь когда началась война, к нам

пришли рабочие "Ленинской кузницы" и других заводов, просили дать им оружие.

Они хотели выступить на фронт, в поддержку Красной Армии. Мы им ничего не

могли дать. Позвонил я в Москву. Единственный человек, с кем я смог тогда

поговорить, был Маленков. Звоню ему: "Скажи нам, где получить винтовки?"

Рабочие требуют винтовок и хотят идти в ряды Красной Армии, сражаться против

немецких войск". Он отвечает: "Ничего я не могу тебе сказать."

Здесь такой

хаос, что ничего нельзя разобрать. Я только одно могу тебе сказать, что

винтовки, которые были в Москве у Осоавиахима (а это винтовки с

просверленными патронниками, испорченные), мы приказали переделать в боевые,

велели заделать отверстия, и все эти винтовки отправили в Ленинград. Вы

ничего не сможете получить".

Вот и оказалось: винтовок нет, пулеметов нет, авиации совсем не осталось.

Мы оказались и без артиллерии. Маленков говорит: "Дается указание самим

ковать оружие, делать пики, делать ножи. Станками бороться бутылками,

бензиновыми бутылками, бросать их и жечь танки". И такая обстановка

создалась буквально через несколько недель! Мы оказались без оружия. Если

это тогда сказать народу, то не знаю, как отреагировал бы он на это. Но

народ не узнал, конечно, от нас о такой ситуации, хотя по фактическому

положению вещей догадывался. Красная Армия осталась без должного пулеметного

и артиллерийского прикрытия, даже без винтовок. Под Киевом мы на время

немцев задержали. Уверенности, что выдержим, однако, не

было, потому что у

нас не было оружия, да не было еще и войск. Мы собрали, как говорится, с

бору по сосенке, наскребли людей, винтовок и организовали очень слабую

оборону. Но и немцы, когда они подошли к Киеву, тоже были слабы, и это нас

выручило. Немцы как бы предоставили нам время, мы использовали его и с

каждым днем наращивали оборону города. Немцы уже не могли взять Киев с ходу,

хотя и предпринимали довольно энергичные попытки к его захвату. Я сказал

Сталину, что Киев еще наш и мы твердо держимся, построив прочную оборону.

Это были первые серьезные достижения в создании обороны. Против наших войск

неоднократно предпринимались атаки, и мы их с успехом отбили. И я ему

сказал: "Сейчас у нас есть уверенность, что наступление на Киев в лоб вряд

ли будет иметь успех". Вот я говорю сейчас: "Вряд ли". Думаю, что для людей,

которые имеют хоть какое-то понятие об обстановке в то время, это "вряд ли

будет иметь успех" - слишком оптимистическое заявление.

В Красной Армии тогда, к сожалению, больше рассказывали, как мы бежали, а

не как давали отпор. Хотя в процессе бегства наши войска

останавливались и

наносили довольно чувствительные удары по врагу. Это я теперь ясно вижу,

когда прочел книгу "Совершенно секретно! Только для командования!". В ней

для меня особенно интересны были подлинные документы из стана врага. С

комментариями в книге я не во всем согласен: они недостаточно глубоки и

недостаточно объективны. Дальше, видимо, я выскажу свое мнение, в чем

конкретно я считаю их недостаточно глубокими и недостаточно объективными. Но

вражеские документы доставили мне, я бы сказал, наслаждение. Запоздалое по

времени, но наслаждение.

Я читал эту книгу (издательство "Наука". 1967) и видел, как этот

бесноватый Гитлер корчился, как извивался он под ударами наших доблестных

советских войск и на тех направлениях, где я был членом Военного совета (ни

в какой степени я не приписываю этот факт своим личным качествам. Упоминаю

об этом, чтобы меня никто не подозревал или тем более не обвинял в

нескромности). Сейчас, объективно делая выводы на основе заключений врага,

вижу, что наибольшее сопротивление оказывали и

наибольший урон наносили

немецким войскам именно мы, на Юге. В первые дни войны я был в КОВО, затем в

Военном совете Юго-Западного фронта, затем Южного фронта, потом

Сталинградского и Юго-Восточного, затем опять Южного, далее Воронежского,

потом 1-го Украинского фронта. Мне было приятно читать.

Сейчас мы перешагнули 20 с лишним лет после разгрома гитлеровских войск.

Документы, которые были совершенно секретны, стали доступны всем, кто желает

познакомиться с тем, как организовывалась и как протекала эта великая борьба

народов против фашистской чумы, против гитлеровских сумасбродных идей

господства нацизма над всем миром и прочих бредней, которые Гитлер

высказывал и в которые верил. Нужно прямо сказать, что Гитлер увлек немецкий

народ. Изображать, что его никто не поддерживал, глупо. Если бы Гитлер не

имел опоры в немецком народе, то не смог бы добиться того, чего достиг. Он

обманул немцев, это верно. Но все-таки даже рабочие поддерживали его. Я это

знаю по допросам пленных. Да и внутренней широкой антигитлеровской борьбы

рабочих и крестьян в Германии не чувствовалось. Если бы

это было, то,

видимо, такой стойкости, которую показали немецкие войска во Второй мировой

войне, не проявилось бы. Если бы немецкая армия, которая состояла из рабочих

и крестьян, если бы эти люди выступали против нацизма и против Гитлера, то

они не проявили бы такой стойкости. Поэтому-то нам и приходилось каждую пядь

земли брать с боем и проливать очень много крови.

Все наши военные знают, что когда мы готовились к наступлению, то место

для удара выбирали наиболее выгодное в стратегическом отношении, которое

отвечало бы нашим стратегическим замыслам: не с немецкими солдатами, а

румынскими или итальянскими. Эти войска были малоустойчивы к нашим ударам.

При первом же ударе оборона, которую занимали эти войска, разваливалась.

Иное положение складывалось на тех участках, где в обороне находились

мадьяры. Мадьяры оказывали очень упорное сопротивление. Видимо, я несколько

отвлекся, так как то, что я говорю, скорее всего, должно относиться к

заключительной части моих воспоминаний. Поэтому возвращаюсь к беседе со

Сталиным. Сталин меня спрашивал, и я рассказал ему о

положении на нашем

участке фронта. Его голос и выражение лица были не сталинскими. Я привык

видеть его уверенность, твердое такое выражение лица и глаз. А здесь был

выпотрошенный Сталин. Только внешность Сталина, а содержание какое-то

другое.

Я уже говорил, что меня неотвязно преследует его упрек в отношении

русского народа. Он сказал: "Ну вот, говорили: русская смекалка! Где же это

сейчас русская смекалка? Где она? Почему не проявляется?". Не помню, что

ответил ему. Наверное, ничего. Потому что ответить я ничего не мог. Русскую

смекалку из кармана не вытащишь. Я был внутренне возмущен. Когда уехал из

Москвы, меня просто распирало. Как же так? Он возлагает сейчас

ответственность на всю русскую нацию. Русские, дескать, не проявляют

смекалки... Так как же ты можешь так думать о людях, русских ли, украинцах,

белорусах, узбеках или других народах нашей великой Родины? Обвинять их в

том, что они не проявили смекалки в то время, когда первая смекалка -

вооружение, вооружение и еще раз вооружение! Вот что прежде

всего, а потом

уже проявление смекалки в том, как правильно и более эффективно использовать

это вооружение.

Наши войска твоей волею, именно твоей, Сталин, были поставлены в такие

условия, когда они не имели даже достаточного количества винтовок. Я уже не

говорю о противотанковой артиллерии; не говорю, что мы сначала и понятия не

имели о противотанковых ружьях. Не было у нас и автоматического оружия.

Потом появились автоматы ППШ. Эти автоматы были изобретены нашими

конструкторами-оружейниками вскоре после Финляндской войны, но не

изготавливались. В Финляндии мы на практике познакомились с этим оружием.

Финнами оно широко применялось против наших войск, и мы несли очень большой

урон. Несмотря на это, такого оружия у нас не было в начале Великой

Отечественной войны. В то время рассуждали так, что это оружие неприцельное

и очень расточительное по количеству употребляемых боеприпасов. Этот вопрос

- святая святых Сталина, он был тут судья. Поэтому в Красной Армии оставили

винтовку.

Но жизнь показала обратное. Мы вынуждены были вернуться к этому оружию.

Быстро и в достаточном количестве стали делать автоматы и снабжать ими нашу

армию. А если бы это сделали раньше? Если бы это правильно было оценено? Кто

в этом виноват? Сталин виноват. Сталин и Сталин! Могут сказать: не Сталин же

занимался вопросами вооружения. Именно Сталин! Я уже раньше говорил, что

старался несколько раз приоткрыть глаза Сталину на маршала Кулика, чтобы он

более трезво оценил его. А он все-таки он не стал меня слушать. Наоборот,

упрекнул меня, что я не знаю этого человека, а он его знает. Такая

самоуверенность в оценке людей и, следовательно, в знании дела вот к чему

теперь привела. Стоила стольких жизней, такой крови советским людям... Вот

какой промах был допущен по вине Сталина.

Сегодня утром мне звонили многие товарищи и поздравляли с днем 50-летия

Советских Вооруженных Сил. Звонил мне и мой товарищ, давний друг Сердюк. Я

его знаю много лет как партийного работника. Он вместе со мною уехал из

Москвы на Украину, стал потом вторым секретарем Киевского городского

партийного комитета и я был избран первым. Мы жили и работали с ним вместе.

Когда началась война, я порекомендовал его членом Военного совета 6-й армии.

Он был утвержден в должности, а потом оставался членом Военного совета армии

до полного разгрома немцев под Сталинградом. Там он был членом Военного

совета 64-й армии, которой командовал Шумилов - замечательный генерал и

замечательный человек (3). Он сейчас находится на пенсии.

Я уже говорил, что 6-я и 12-я армии отступили после того, как немцы зашли

глубоко во фланг этим армиям, а потом они их окружили и разгромили где-то в

районе Умани. Эти две армии попали в плен. И их штабы попали в плен вместе с

командующими Музыченко и Понеделиным. Вот тогда снова возник в моей памяти

довоенный инцидент с Музыченко, но уже, как говорится, последствий никаких

не было. Допускали только, что мы, видимо, прозевали, и он, может быть,

действительно был нечестным человеком, хотя его поведение и управление

войсками оставались до конца безупречными. 12-я и 6-я армии, борясь в

окружении, наносили, как теперь известно по немецким документам, довольно

**большой урон немецким войскам и дрались до последнего.
Музыченко был взят в**

**плен раненым; кажется, он лишился ноги. Музыченко попал в
такой переплет,**

**который вроде бы давал все основания верить, что он нечестный
человек, что**

**он немецкий агент. Это было умозаклучение, которое не
подтвердилось. Хотя**

косвенные показатели вроде бы имелись.

**Эти генералы, попав в плен, числились у нас как предатели.
Тогда все,**

**попавшие в плен, считались по приказу Сталина предателями,
а семьи их**

**подлежали высылке в Сибирь. Это было применено, конечно,
и против семей**

**Музыченко и Понеделина. Потом эти люди вернулись домой. Я
даже помню, что**

**Музыченко возвратился на какую-то работу в ряды Советской
Армии, Понеделин -**

**тоже. Потапов тоже попал в плен и тоже вернулся. Он потом
занимал какую-то**

**командную должность в Советской Армии. Вот в такие
сложные переплеты**

попадали порой наши командиры (4).

**Хотел бы рассказать еще о таком случае. Думаю, что
организовал эту**

**подлость Сергиенко (5). Сергиенко был наркомом внутренних
дел УССР. Такой**

длиннющий и хитрый человек. Оборотистый человек. Потом

оказалось, что это

был очень нечестного склада, коварный человек. В Киеве сложилась тяжелая

обстановка, и мы вынуждены были перенести штаб Юго-Западного фронта в

Бровары. Мы сделали это вместе с командующим войсками. И вдруг я получаю

телеграмму от Сталина, в которой он несправедливо обвинял нас в трусости и

угрожал, что "будут приняты меры". Обвинял в том, что мы намереваемся сдать

врагу Киев. Сталин верил своим чекистам, считал, что они безупречные люди. В

телеграмме, конечно, ссылки на них не было. Но я убежден, что никто не мог

сделать это, кроме Сергиенко. Это была подлость!

А когда Киев был немцами обойден, он остался в их тылу и выбрался из

окружения, переодевшись в крестьянскую одежду. После этого случая я его не

уважал и ему не доверял. Рассматривал его как подлого человека, способного

на клевету. Чтобы выставить себя героем, он мог других людей обвинить в

самых смертных грехах. Но теперь история знает, что мы не только не

намеревались сдавать Киев, а нанесли немецким войскам очень большой урон и

отбили у них охоту атаковать город в лоб. Киев пал не в

результате того, что

он был оставлен нашими войсками, которые его защищали, а в результате

обходных маневров, предпринятых немцами с севера и с юга, из районов Гомеля

и Кременчуга. Это я просто попутно припомнил неприятный эпизод, который

глубоко переживал.

Однажды, в конце июля или в начале августа 1941 г., мне позвонил из

Москвы в Киев Сталин и сказал, что создан штаб Юго-Западного направления.

Командующим войсками Юго-Западного направления назначили Буденного (6).

Буденный будет сидеть под Полтавой со своим небольшим оперативным штабом по

управлению и координации действий двух фронтов: Юго-Западного, войсками

которого командовал Кирпонос, а я был там членом Военного совета, и Южного

фронта, войсками которого командовал в то время, кажется, Тюленев (7). Там

имела место быстрая смена командующих. Сначала командовал Тюленев, потом -

Рябышев, затем - Черевиченко, потом, в конце концов, был назначен

Малиновский (8).

Он был наиболее стабильным командующим и довольно долго находился в

должности командующего войсками Южного фронта. Ему, как говорится, достались

и шишки, и пышки. Шишки - оттого, что в 1942 г. он вторично сдал врагу

Ростов. Его войска были разгромлены, как и войска Юго-Западного фронта.

Малиновский попал в опалу и был снят с командования. Потом, спустя полгода,

опять вернулся в должность и вновь командовал войсками Южного фронта. Далее

он командовал, кажется, войсками Юго-Западного, 3-го Украинского и 2-го

Украинского фронтов и в этой должности закончил войну на западе, дошел до

Вены и Праги и торжествовал вместе с другими полный разгром гитлеровских

войск...

Итак, Сталин сказал мне: "Буденный в Полтаве один, и мы считаем, что Вам

надо было бы к нему поехать. Мы утвердим Вас членом Военного совета Главного

командования Юго-Западного направления, и Вы с Буденным будете командовать

двумя фронтами: Юго-Западным и Южным". Отвечаю: "Если мне нужно поехать на

Юго-Западное направление, в штаб к Буденному, то вместо меня можно назначить

товарища Бурмистенко - второго секретаря ЦК Коммунистической партии Украины

(9). Очень хороший товарищ, умный человек, и он вполне справится с

обязанностями. Он знает людей и они его знают. Отношение к нему очень

хорошее. Командующим же оставить Кирпоноса". "Хорошо, - говорит. - Вы тогда

вызывайте Бурмистенко и скажите, что он утверждается членом Военного совета

Юго-Западного фронта. А Вы немедленно снимайтесь и выезжайте к Буденному.

Будете там командовать вместе с Буденным".

Я вызвал Бурмистенко. Штаб находился в Броварах, в 27 километрах от Киева

на восток за Днепром. Бурмистенко же был в ЦК партии в Киеве. Он тогда по

решению ЦК занимался закладкой боеприпасов, продовольствия и подбирал

подпольных партийных руководителей. Одним словом, закладывал технические и

материальные средства будущего подполья в лесах, там, где считалось более

надежным. Были созданы школы, в которых обучались подрывники - люди, которые

умели бы минировать железные дороги, шоссейные дороги и здания. Приехал

Бурмистенко. Я ему сказал: "Звонил Сталин. Вы будете членом Военного совета

фронта. Сталин сказал, чтобы Вы сейчас же вступали в эту должность, приказ

будет отдан позже. Мне он приказал немедленно выехать в Полтаву, к

Буденному. Я буду там членом Военного совета Главного командования

Юго-Западного направления". И в тот же день, раз Сталин сказал, что дело

срочное, я передал командующему, что Сталин дал указание назначить вместо

меня членом Военного совета Бурмистенко, и теперь Кирпоносу нужно будет все

вопросы решать с ним.

Кирпонос был очень покладистым человеком, поэтому с ним было легко

работать. Он проявлял себя не так, как, к сожалению, некоторые генералы,

которые очень болезненно относились к замечаниям членов Военных советов,

если те стремились участвовать в решении вопросов не формально, а по

существу. Официально командующие без них ничего не могли поделать, потому

что имелся приказ, что член Военного совета отвечает наравне с командующим

за принятые решения. Без подписи члена Военного совета любой приказ

командующего был недействителен и не подлежал к исполнению нижестоящими

войсками, которым был отдан этот приказ. Это уже такая форма дела, от

которой никуда не уйдешь, если же член Военного совета проявлял инициативу и

хотел участвовать в решении вопроса, а не только скреплять его своей

подписью, то некоторые командующие встречали это в штыки.

Особенно болезненно относился к этому Конев. Один из его членов Военного

совета (10) жаловался: "Невозможно работать, третирует". Толковый член

Военного совета, военный по профессии, так что он знал свое дело, хороший

человек. Сейчас мне неизвестно, жив ли он. К сожалению, и многие другие

генералы (я сейчас не называю их) были "тяжелы". Нелегко был и Жуков. Однако

я считаю, что вместе с Жуковым можно было действовать более свободно. Это

был очень властный человек, но когда мне приходилось с Жуковым (а так часто

случалось) рассматривать те или другие вопросы, то мне нравились его

взгляды, его решения и его товарищеское отношение. Я уважал его, и уважение

это сохранилось доныне, несмотря на то, что мы разошлись с ним в конкретных

вопросах. Я сожалею, что он это допустил.

Сдав дела Бурмистенко, я сейчас же отправился в Полтаву. Прибыл в Полтаву

и нашел штаб направления. Он располагался западнее Полтавы

(километрах в 15

или 20 в каком-то совхозе или загородном хозяйстве). Удобное было место.

Можно было выезжать в войска, минуя Полтаву, за исключением Харькова. Но

Харьков у нас тогда был в тылу, и не Харьков нас интересовал. Интересовали

нас тогда Киев, Днепропетровск и другие города на юго-западе.

Когда я подъехал к штабу Буденного, меня удивил стоявший у крыльца танк.

Заметив мое недоумение, Буденный пояснил: "Сейчас не то, что в Гражданскую.

У немцев техника, самолеты, вот я от них в танке и укрываюсь, езжу на нем

вместо автомашины".

Я приступил к обязанностям члена Военного совета Юго-Западного

направления. Что же это был за штаб, что за организация - штаб направления?

Чем она конкретно занималась, я и сейчас сказать не могу. Командование

направления никакими вопросами обеспечения, боеприпасами, материальным

снабжением, боевым обеспечением не занималось. Этими вопросами занимались

сами штабы фронтов, у них имелась непосредственная связь со Ставкой, и они

решали все со Ставкой, минуя нас. Командование направления взаимодействовало

с фронтами только в вопросах оперативного характера. Нам докладывали

обстановку, перед нами отчитывались командующие, но отчитывались как бы на

равных: мы могли давать им советы, те или другие. Командующие принимали от

нас эти советы, указания и, если они им нравились, то выполняли. А если не

нравились, то по своим каналам (а таких каналов у них было сколько угодно)

апеллировали в Генеральный штаб.

С Буденным у меня сложились очень хорошие отношения. Характер у него, с

одной стороны, положительный, а с другой - очень задиристый. Однажды мы с

ним возвращались поздно вечером из Днепропетровска. Обстановка была тяжелая:

наши войска оставляли Днепропетровск (11). Часовой, охранявший подъезды к

нашему штабу, задержал нас. Буденный начал с ним говорить и оскорблять его.

Солдат стал отвечать ему согласно уставу. Тут Буденный начал ему более

настойчиво "разъяснять", и разъяснение это кончилось тем, что он ударил

солдата по лицу. Я был просто поражен. Как так? Маршал Советского Союза

ударил человека, совершенно невиновного, действовавшего согласно уставу,

ударил в нарушение всех уставных норм. Мы там ехали, и он нас задержал, это

была его обязанность, он ведь для этого и поставлен. Чистый произвол! Я

объясняю этот случай вспыльчивостью маршала. Потому что в принципе Буденный

не таков, но он сохранил, видимо, прежнюю привычку как старший унтер-офицер,

которым он был в царской армии. Вот и проявилась такая несдержанность. Мы

потом разговаривали с Семеном Михайловичем по этому поводу, и я чувствовал,

что он сам переживал случившееся. К сожалению, Буденный не однажды позволял

себе такие выходки.

Начальником штаба был у нас генерал Покровский (12). По-моему,

генерал-майор. Потом (не знаю, правда, в какой должности он служил после

войны) он сидел над материалами по истории этой войны. Считаю, что эта его

деятельность была полезной, потому что он профессиональный военный и знает

свое дело. Очень кропотливый, на редкость пунктуальный человек. Я бы сказал,

до тошноты въедливый человек. Сначала я рассматривал это как его большую

работоспособность, а потом увидел, что это идет в тех условиях во вред делу.

С ним ничего нельзя было поделать, потому что он, пройдя школу штабной

работы, в интересах штабной работы и организации проверки исполнения

приказов просто парализовал штабы фронтов и армий. Он не давал возможности

работать начальникам штабов и даже командующим войсками, держал их у

телефонов и требовал, чтобы они непрерывно докладывали о состоянии войск,

положении на том или другом участке фронта, положении в том или другом

соединении. Это совершенно невыносимо, но люди ничего не могли поделать.

В подтверждение сошлюсь на такой случай. На Днепропетровском направлении

сложилась очень тяжелая обстановка. Немцы вплотную подошли к Днепропетровску

и обстреливали город. Днепропетровск защищала армия (или группа войск),

которой командовал генерал Чибисов (13). Это был солидный, толстый, уже в

летах человек, бывший офицер царской армии. Он прошел школу гражданской

войны в Красной Армии. Сталин знал его лично, знал еще по Царицыну, и

доверял ему. Я сказал Семену Михайловичу, что поеду в Днепропетровск

послушать Чибисова и секретаря обкома партии. Там был тогда секретарем

обкома Задюченко. Я уважал его, он заслуживал этого:
дельный и энергичный
человек.

Поехал я. Приехал уже поздновато: смеркалось или даже
было уже темно.

Меня провели в расположение штаба, и я поднялся по лестнице.
Штаб находился

на втором или третьем этаже. Когда я зашел, командующий был
на ногах, ходил

по комнате. Тут же, у стола, стоял буквально на коленях и
держал телефонную

трубку, прижимая ее плечом, начальник штаба. Он что-то
записывал в блокнот и

давал ответы по телефону. Я спросил Чибисова о положении дел.
"Положение? Да

вы сами видите, какое". В это время раздавались взрывы
немецких снарядов.

Немецкая артиллерия обстреливала район расположения штаба.
Не знаю, случайно

ли, но артиллерийский огонь был особенно интенсивным.
Может быть, немцы

знали, что тут находится штаб? В плен к ним попадали и такие
наши офицеры,

которые знали место расположения штаба. Может быть, у кого-
то не хватило

выдержки, и он проговорился? А Чибисов мне сдержанно
отвечал, но я

чувствовал, что он раздражен. Он говорил, что организует
оборону, но это

было лишь заявление общего характера.

Я много раз уже слышал от разных командиров: как приедешь к ним, говорят,

что организуем оборону, а потом, как уехал, смотришь, а командир следом за

тобой убыл, да и бросил оборонять этот участок. К сожалению, так бывало. Я

далек от того, чтобы обвинять этих людей в умышленно неправильных докладах.

Нет, просто складывалась такая обстановка, что командир не мог сказать, что

сдаст обороняемый пункт. Это было исключено, потому что он мог поплатиться

за это. А выразить какую-то надежду или, может быть, даже уверенность в том,

что немцы тут не пройдут, а уже потом сказать, что под натиском

превосходящих сил противника наши войска оставили данный район, -

стандартная формулировка, и я к ней в ту пору привык. Спрашиваю Чибисова:

"Как обстановка?". А обстановка была такая, что немцы вплотную подошли к

Днепропетровску. "Вот, - отвечает, - видите картину?". Я не понял: "Какую?".

"А вот сидит полковник, начальник штаба. Он уже сидит так час или больше и

отвечает вашему начальнику штаба генералу Покровскому про обстановку у нас

на фронте. Он совершенно парализован, потому что не работает. Если он

перестанет разговаривать по телефону, то его через 10 - 15 минут опять

вызовут и будут держать час или два. Он даже не сидит, а стоит на коленях,

потому что у него места, на которых сидит человек, заболели". Да так зло

говорит это!

К сожалению, все это отвечало действительности. Но нужно сказать, что в

то время опыт в военном деле у меня был очень небогатый. Поэтому я не знал,

насколько Чибисов прав. Казалось, что он прав, но, с другой стороны, я

относился к Покровскому с уважением, он ведь тоже руководствовался хорошими,

честными побуждениями, хотел знать истинное положение дел в войсках. Позже,

когда много месяцев находясь в войсках, я уже привык к военной жизни, то

понял, что, хотя бы и из хороших побуждений, Покровский объективно наносил

вред. Действительно, из-за таких непрерывных вопросов парализуется вся

работа.

Взаимоотношения военных людей вообще весьма своеобразны и часто непонятны

штатскому человеку. В этой связи мне запал в душу один

более поздний

разговор с Малиновским. Мы уже, кажется, освободили Ростов, наш штаб фронта

стоял на хуторе Советском. Я этот хутор знал еще по 1941 году. После

освобождения Ростова проводилась операция с целью выбить противника из

Таганрога. Штаб армии находился тоже в хуторе Советском. Я хотел поехать в

Ростов и узнать, что же делается в городе, как идет восстановление

хозяйства, налаживается жизнь, организуется партийная работа. Секретарем

обкома партии тогда был Двинский (14). Хотел я и послушать Двинского, что он

скажет о настроениях ростовчан? Поехал я, провел совещание партийных

работников Ростова, проверил, как восстанавливается жизнь, как функционируют

партийные комитеты и органы Советов. Оттуда вернулся уже ночью. У меня

возник какой-то вопрос к командующему войсками фронта Малиновскому, я решил

поговорить с ним по телефону. Звоню: "Родион Яковлевич, у меня к вам вопрос.

Вы сейчас на ногах или в постели?". Он замялся: "Я, знаете ли, в постели

сейчас. Если что нужно срочно, могу сейчас же одеться и прийти". Говорю:

"Нет, что вы, отдыхайте, раз легли. У меня не срочный вопрос, завтра

обменяемся мнениями".

Какой был вопрос, теперь уже не помню. Видимо, текущего порядка. Может

быть, возникли какие-то просьбы со стороны Двинского - помочь городу

чем-нибудь из трофейного имущества. Были тогда такие нужды у местных

партийных и советских органов. Ответ Малиновского мне понравился. Некоторые

другие военные, с которыми приходилось совместно работать и быть у них

членом Военного совета, всегда изображали, что они не спят, что всегда на

ногах и все время обдумывают военные проблемы, как им разгромить противника.

Бывало, иной раз зайдешь неожиданно к командующему, он сидит, а глаза у него

заспанные. Он спал, адъютанты же, увидев меня, тотчас его разбудили. Вот он

и "в бодром состоянии", а на самом деле спал. Мне это очень не нравилось, но

сказать об этом и обидеть человека, занимавшего высокий пост, я не мог.

Поэтому мне был известен такой недостаток у командующих. Нет же вообще людей

не спящих, потому что человек имеет органическую потребность в отдыхе. Если

он не будет спать, это просто больной человек. А если он лишился сна по

болезни, то лишился и трудоспособности, тем более такой трудоспособности,

которая требуется от командующего по руководству войсками, ведению операций,

боев с врагом.

Малиновский был не таким человеком, и это мне очень нравилось. Он мог

даже прямо сказать, вроде как бы наговаривая на себя, что он "не так"

относится к делу, как надо, поскольку позволяет себе спать во время войны.

Мы с ним много раз беседовали по всяким вопросам, и однажды он в беседе со

мной высказался по поводу отдачи приказов. Его слова мне тем более

интересны, что это говорил именно Малиновский, командующий войсками фронта,

очень опытный военный человек, который всю жизнь проходил в мундире и много

раз бывал в боях: и в Первую мировую войну, и в Испанскую

народно-революционную, и во Вторую мировую. Он сказал: "Товарищ Хрущев,

порядок дела такой. Когда мы принимаем решения и отдаем приказы по фронту,

то надо заранее рассчитать время. Чтобы эти приказы были переданы в армии,

требуется столько-то времени; чтобы приказы, полученные армиями, передали бы

в корпуса, - столько-то времени; чтобы корпусные командиры передали эти

приказы в дивизии - столько-то времени и т.д. В целом довольно длительное

время. Если мы сейчас же, как только издали приказ, начнем проверять его

выполнение, то вместо того, чтобы содействовать скорейшему доведению этого

приказа войскам, будем отрывать людей от дела, и они, докладывая нам, не

скажут, что приказ не выполняется, а скажут что-нибудь другое. Так иной раз

мы заставляем людей выдумывать и парализуем их работу. Поэтому, если отдал

приказ, надо дать расчетное время, чтобы приказ был доведен до боевых

единиц. Тогда офицеры начнут, каждый по своей линии, проверять правильное

разъяснение приказа и соблюдать уставной порядок, которому обучают каждого

офицера".

Вот почему я теперь полагаю, что Чибисов был прав, когда выражал

недовольство тем, что Покровский сидел на непрерывном контроле выполнения

приказов, отданных командованием, и тем самым лишал людей возможности

ведения работы по организации войск на основе полученных приказов.

В ту пору события в районе Днепропетровска развивались очень бурно, но не

в нашу пользу. Мне несколько раз приходилось выезжать к Днепру, знакомиться

с тем, как организована оборона по предотвращению его форсирования врагом.

Когда я поехал и посмотрел, то понял, что эта оборона очень неустойчива. То

была не сплошная оборона по берегу, а просто курсировали вооруженные речные

катера Днепровской военной флотилии. Отдельные подразделения были размещены

в определенных местах, наблюдали за берегом и в случае попытки форсирования

должны были дать отпор. Такая оборона не внушала надежд. Если противник

сосредоточит усилия на определенном направлении, то без особого труда сможет

форсировать Днепр.

В те дни немцы не предпринимали каких-либо особых попыток ворваться в

Киев. Мы успокоились и считали, что противник потерял охоту ворваться в Киев

в лоб. Зато очень активные действия развивались севернее Киева, в сторону

Гомеля. Недавно я слушал передачу, связанную с подготовкой празднования

50-летия Советских Вооруженных Сил. Выступал по радио маршал Еременко. Он

рассказывал, как вел бои на Гомельском направлении. Отсюда я сделал вывод,

что там тогда командовал войсками Еременко. Какой же это был фронт?

Западный? Или к тому времени уже был создан Брянский фронт? Мне это

неизвестно. Знаю только, что Гомель для нас, то есть для Юго-Западного

фронта, послужил тем каналом, через который к нам прорвался противник и

создал угрозу окружения наших войск под Киевом.

На участке фронта у Днепропетровска завязались упорные бои. Враг

форсировал Днепр. Нами был наведен понтонный мост, по которому отходили наши

войска, но саперы, видимо, недостаточно хорошо затем разрушили его, и враг

им воспользовался. Трудно было толком разобраться, как это случилось, потому

что командование докладывало, что мост взорван, а быстрота, с которой враг

оказался на левом берегу реки, свидетельствовала, что мост цел. Беженцы с

левого берега сообщали, что мост взорван, но сохранил способность держаться

на воде. Использовать его под тяжелые грузы было нельзя, а пехота могла

пройти. Видимо, враг этим и воспользовался: перебросил пехоту, а потом

восстановил мост и перебросил технику. Вновь завязались очень тяжелые бои.

Мы с Буденным выехали к Малиновскому. Вместо погибшей в окружении прежней

6-й армии была создана новая, и ей был присвоен тот же номер. Командующим

этой-то армией и был назначен Малиновский. Прежде Малиновский мне был

неизвестен. Раньше он командовал корпусом (15). Штаб армии располагался,

по-моему, в школе города Новомосковска. Приехали мы. Была очень тяжелая

обстановка, противник все время держал дорогу под бомбежкой, чтобы нам

нельзя было подбрасывать подкрепления. Но у нас нечего было и подбрасывать.

Вошли мы с Буденным в школу и увидели такую картину: кругом все гудит,

гремит; докладывает обстановку командующий 6-й армией Малиновский, и в это

же время принесли на носилках командующего войсками Южного фронта Тюленева.

Рана у него была несерьезная, но ходить он не мог, так как был ранен в ногу

(повреждена мякоть). Тюленев для вдохновения бойцов сам пошел в их рядах,

повел их в атаку на противника и при разрыве мины был ранен. С ним же пришел

секретарь обкома партии Задюченко.

После ранения Тюленева командующим войсками Южного фронта был назначен

казак, который до того командовал танковым корпусом, по фамилии Рябышев.

Было сделано все, что в наших силах, чтобы отбросить противника и не

позволить ему создать опорный плацдарм на левом берегу Днепра. Но наши

усилия не увенчались успехом. Реальных сил, реальных возможностей у нас не

имелось. В это же время мы обнаружили, что противник, концентрируя войска,

пытается форсировать Днепр севернее Днепропетровска, в районе Кременчуга.

Опять было предпринято все, что в наших силах: направили туда авиацию,

бомбили на подходах к реке танковые войска и пехоту противника, чтобы не

позволить ему форсировать Днепр. Но противник все-таки форсировал реку и

создал плацдарм, помимо района Днепропетровска, еще и в районе Кременчуга и

занял левобережную часть этого города.

Когда мы стали разгадывать, какие же дальнейшие намерения имеет

противник, то вырисовалась достаточно ясная картина. Его замысел нам

представлялся таким: ударом с юга, с плацдарма у Кременчуга,

и ударом с

севера, где противник вышел почти что к Курску, прорваться по нашим тылам

(войск там у нас не было) и замкнуть окружение наших войск, расположенных по

Днепру у Черкасс и за Днепром в Киеве. Мы обсудили сложившуюся обстановку.

Дополнительных сил в нашем распоряжении не было. Даже разгадав вражеский

замысел, мы не могли парализовать его осуществление. У нас созрело такое

решение: взять некоторое количество войск, артиллерии и прикрыться на фланге

в направлении от Киева к Кременчугу, с тем чтобы здесь, в украинских степях,

было чем преградить немцам путь на север и не дать им возможность сомкнуть

кольцо. Что мы могли взять? Было видно, что войска, которые имелись в Киеве,

пока не используются. Там создалась тихая обстановка, и противник никаких

усилий против Киева не предпринимал.

Мы с Буденным подготовили соответствующий приказ и послали текст в

Москву, чтобы получить согласие. Сами же осуществить такую перегруппировку

не имели права. Москва отреагировала очень быстро, но своеобразно. Никакого

ответа нам не дали, а вместо того вдруг прилетел маршал

Тимошенко с

предписанием Буденному сдать главное командование Юго-Западным направлением.

В обязанности главнокомандующего войсками Юго-Западного направления вступил

Тимошенко. Мы с Буденным распрощались. Буденный сказал мне: "Вот каков

результат нашей инициативы", - и уехал. Переменили главнокомандующего, но

обстановка не изменилась, так как новый главнокомандующий приехал с голыми

руками.

Следует отдать должное Тимошенко. Он отлично понимал обстановку, все

видел и представлял, что для наших войск здесь разразится катастрофа. Но

каких-либо средств, чтобы парализовать это, не было. Несколько раз выезжали

мы с Тимошенко в войска, как ездили раньше с Буденным. Выезжали, например,

как помню, западнее Полтавы. Там у нас была механизированная группа,

командовал ею генерал Фекленко. Когда Фекленко увидел нас, буквально глаза

вытаращил от какого-то не то изумления, не то страха. Мы попросили, чтобы он

доложил обстановку. Он кратко доложил и тут же попросил: "Поскорее уезжайте

отсюда!". Обстановка была такая тяжелая, что он не был

уверен в нашей

**безопасности. Действительно, там, кроме остатков войск
Фекленко, ничего не**

**было. Над ними совершенно безнаказанно летал похожий на
У-2 итальянский**

**самолет-разведчик. Враг пользовался безнаказанностью, и даже
в дневное время**

спокойно летал такой тихоход.

**В конце августа (16) или в начале сентября соединения
противника ударами**

**с юга и с севера соединились восточнее Киева. Наша
группировка оказалась в**

**окружении (17). В том числе в окружении оказался штаб Юго-
Западного фронта**

**во главе с командующим войсками фронта Кирпоносом и
первым членом Военного**

**совета Бурмистенко. Кроме Бурмистенко, были еще два члена
Военного совета.**

**Один из них - молодой комиссар Рыков, очень хороший
товарищ и очень**

**деятельный человек. Он все время мотался по войскам и делал
все, что было в**

**его силах, для улучшения обстановки. Начальник
оперативного отдела штаба**

**фронта полковник Баграмян в это время находился в районе
Кременчуга и**

**избежал окружения. Мы вызвали его в штаб Юго-Западного
направления,**

разобрались в обстановке, предложили ему немедленно

вылететь в расположение

штаба Юго-Западного фронта к Кирпоносу и дали устные указания (так как он

мог попасть в руки противника). Никаких письменных документов при нем не

было. Указания были: пробиваться из окружения!

Баграмян правильно понял наш приказ и понимал также, что ему нужно

возвратиться в штаб. Он сказал: "Штаб находится там, и я как начальник

оперативного отдела должен быть вместе со штабом". Но в это время

командующий войсками Юго-Западного фронта Кирпонос получил из Генерального

штаба приказ вернуться в Киев и там организовать оборону. Иными словами, ему

приказали не пробиваться из окружения, а, наоборот, идти в тыл противнику.

Штаб фронта располагался в это время километрах в 150, если не больше, к

востоку от Киева. Это был очень длинный путь для штаба с его хозяйством при

отсутствии горючего и боеприпасов и невозможности получить их по воздуху.

Такие обстоятельства игнорировались наверху. Кирпонос отдал приказ, и штаб

двинулся на запад (18).

Не знаю, какое расстояние они успели пройти, как получили из Москвы новый

приказ - пробиваться на восток. Баграмян уже после выхода из окружения

докладывал нам, что в штабе было принято решение повернуть назад. Но штаб

был всем этим дезорганизован. Решили, что группы штабных работников должны

пробиваться на восток разными путями севернее Полтавы. Была организована

группа, которая будет идти впереди работников штаба и ломать сопротивление

противника. У противника войск там было мало, он не рассчитывал столкнуться

в своем тылу с нашими воинами, поэтому у командующего имелась надежда

пробиться. Началось движение. Однако вырваться из окружения всему штабу не

удалось, а Баграмян с группой бойцов вышел.

Возник разрыв. Штаб фронта отстал от своей передовой группы, которой

командовал Баграмян. А мы тогда уже потеряли связь со штабом фронта. Ранее

того Бурмистенко послал своего помощника на самолете У-2 к нам с секретными

партийными документами, в которых упоминалось о том, где заложены тайники с

вооружением, обмундированием, питанием и боеприпасами для партизанского

движения. Так прилетел от него Шуйский (19). Потом он стал моим помощником и

оставался им до конца моей партийной, политической и государственной

деятельности. Очень честный, исполнительный и добропорядочный человек.

Шуйский рассказал, что вылетел перед рассветом, под пулеметным огнем, вместе

с летчиком, полковником Рязановым (тот потом командовал авиакорпусом). Немцы

уже сжимали кольцо вокруг штаба со всех сторон. Вот и все скудные сведения.

Затем стали выходить оттуда, поодиночке и группами, из окружения

генералы, офицеры и бойцы. Каждый выносил свои личные впечатления и давал

потом свою информацию об обстановке, в которой непосредственно сам

находился. Спустя какое-то время мы получили сведения, что Кирпонос погиб.

Какой-то работник особого отдела штаба фронта докладывал мне, что видел труп

Кирпоноса и даже принес его личные вещи: расческу, зеркальце. Я не

сомневался в его правдивости. Он рассказал, что есть возможность еще раз

проникнуть в те места. И я попросил его, если есть такая возможность,

вернуться и снять с френча Кирпоноса Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Он всегда носил ее. И этот человек пошел! Там были болота, труднопроходимые

для техники. А человек их преодолел, вернулся и принес Золотую Звезду. Когда

он передавал ее мне, я спросил: "Как же так? Там, наверное, действуют

мародеры?". Он ответил, что френч командующего был залит кровью, клапан

нагрудного кармана отвернулся и прикрыл Звезду так, что ее не было видно.

"Я, - говорит, - как Вы мне сказали, отодрал от френча Звезду".

Совершенно бесследно исчез Бурмистенко, секретарь ЦК КП(б) Украины и член

Военного совета Юго-Западного фронта. Мы предприняли очень много усилий,

чтобы найти его следы. От людей из охраны Бурмистенко стало известно только

одно: они ночевали последнюю ночь в копнах сена. Вечером они заметили, как

Бурмистенко уничтожал все документы, которые у него были, - рвал их и

закапывал. Зарылись в копны на ночь и расположились спать. Утром, когда они

подошли к той копне, в которой ночевал Бурмистенко, его там не было. Потом

они нашли закопанные им документы, включая удостоверение личности. Секретные

же документы он отправил со своим помощником Шуйским, и мы их получили. Я

сделал такой вывод: Бурмистенко уничтожал документы, удостоверявшие его

личность. Он считал, что если попадет в руки немцев, то будет установлено,

кто он и какое занимает положение. Все такие следы он уничтожил. Мы думали,

что он все-таки выйдет из окружения. Много ведь генералов вышло, но

Бурмистенко не появился. Думаю, что он или сам застрелился, чтобы не попасть

в руки врага, или был убит при попытке выйти из окружения. Никаких

документов, удостоверявших его личность, при нем не было. Поэтому он и погиб

бесследно. Долго мы ждали его, но наши ожидания, к сожалению, оказались

напрасными.

Многие вышли тогда из окружения. Вышел из окружения генерал Костенко (20)

с группой войск. Вышел в одиночку начальник связи фронта (21). Пришел

Попель. Попель вернулся недели через две или через три. Он прошел лесами

Полесья, там немцев еще не было, они шли большими дорогами. Попель даже

вывез раненого полковника и вывел из окружения небольшое количество войск.

Вышел генерал Москаленко (прежде он командовал, по-моему, противотанковой

бригадой) (22). Мы со штабом располагались севернее центра Харькова, в

Померках (23). Это когда-то было дачное место, любимое харьковчанами. Там

произошел неприятный эпизод с генералом Москаленко. Он был очень злобно

настроен в отношении своих же украинцев, ругал их, что все они предатели,

что всех их надо выслать в Сибирь. Мне, конечно, неприятно было слушать, как

он говорит несуразные вещи о народе, о целой нации в результате пережитого

им потрясения. Народ не может быть предателем. Отдельные его личности - да,

но никак не весь народ! И я спросил его: "А как же тогда поступить с вами?"

Вы, по-моему, тоже украинец? Ваша фамилия - Москаленко?". "Да, я украинец,

из Гришино". - "Я-то знаю Гришине, это в Донбассе (24). Я совсем не такой".

"А какой же вы? Вы же Москаленко, тоже украинец. Вы неправильно думаете и

неправильно говорите".

Тогда я первый раз в жизни увидел разъяренного Тимошенко. Они, видно,

хорошо знали друг друга. Тимошенко обрушился на Москаленко и довольно грубо

обошелся с ним (с моей точки зрения): "Что же ты ругаешь украинцев? Что они,

предатели? Что они, против Красной Армии? Что они, плохо с тобой

поступили?". А Москаленко, ругая их, приводил такой довод: он спрятался в

коровнике, пришла крестьянка-колхозница, заметила его и выгнала из сарая, не

дала укрыться. Тимошенко реагировал очень остро: "Да, она правильно сделала.

Ведь если бы ты залез в коровник в генеральских штанах и в генеральском

мундире. А ты туда каким-то оборванцем залез. Она разве думала, что в ее

коровнике прячется генерал Красной Армии? Она думала, что залез какой-то

воришка. А если бы ты был в генеральской форме, она бы поступила с тобой

по-другому". Мне это понравилось. И я сказал Москаленко: "Сейчас в окружении

находится генерал Костенко с группой войск. Я убежден, что он выйдет из

окружения. Послушаем, что он расскажет об отношении украинских колхозников к

тем нашим войскам, которые остались в окружении в таком бедственном

положении".

Часто приходилось тогда слышать, что украинцы проявляют недружелюбие к

отступавшей Красной Армии. Я разъяснял: "Вы поймите: почему это

крестьяне-украинцы должны приветствовать наше отступление? Они огорчены.

Сколько труда затрачено. Ничего не жалели для укрепления армии, для

укрепления нашей страны. И вдруг разразилась такая катастрофа. Армия

отступает, бросает население, бросает территорию. Естественно, они проявляют

недовольство по отношению к тем, кто оставляет их в беде. Это не

предательство, а большое огорчение".

Прошло несколько дней. Я заболел и лежал в том домике в Харькове, где

располагались члены украинского правительства, когда столицей Украины был

Харьков. Этот дом (25) занимал в то время и первый секретарь ЦК КП(б)

Украины Косиор. Очень хороший особняк, со всеми службами и гаражом,

окруженный железобетонным забором. Там-то мне и сообщили, что Костенко вышел

из окружения. Я попросил передать Костенко, чтобы он немедленно приехал ко

мне и доложил о событиях. Я знал Костенко и с большим уважением относился к

нему. Он приехал, и я его спросил: "Ну, как дела?". Он говорил всегда с

юмором. "Да, ничего, - отвечает, - люди плакали, когда мы отступали".

Спрашиваю его дальше: "А как люди, охотно ли вам помогали, когда нужно было

кормить вашу конную группу?" "Да что вы! Только скажи, так резали кур, и

телят, и свиней, и овес давали для лошадей. Все отдавали. Люди, как люди.

Сильно плакали, жалели, что так вот сложилось, что Красная Армия вынуждена

отступать".

Мне очень приятно было слышать, как он развенчивал заявления некоторых

людей, у которых под влиянием личных переживаний сложилось неправильное

представление об украинцах. Это тоже были честные люди, я ни капли не

сомневаюсь в преданности товарища Москаленко и других лиц. Я только

сравниваю, как в тот момент реагировал украинец Москаленко и как реагировал

украинец Костенко. И тот, и другой основывались на фактах. Только один

основывался на том, что украинская крестьянка выгнала его из коровника, а

другой - на том, как он выходил из окружения с группой войск в форме

советского воина. Украинцы все делали для того, чтобы способствовать выходу

из окружения группы, которую вел генерал Костенко!

Когда мы стояли под Полтавой (еще до окончательного окружения Киевской

группировки), у нас был подготовлен командный пункт в районе

Ахтырки, между

**Харьковом и Сумами. Поэтому когда мы потом вынуждены
были оставить Полтаву,**

**то перебазировали свой штаб в Ахтырку. Ахтырка
находилась в таком**

**географическом пункте, что бойцы, офицеры и генералы,
выходившие из**

**окружения от течения Сулы на Псел и Ворсклу, попадали потом
как раз в район**

**Ахтырки. Позднее создали командный пункт в Померках. Часть
людей, которая**

**выходила из окружения на Харьков, попадала теперь в
Померки. Сюда пришел**

Москаленко, сюда же пришел и Костенко.

**Не знаю сейчас, сколько дней прошло после того, когда
закончилась эта**

**катастрофа и наши войска были пленены или перебиты. Мне
доложили, что член**

**Военного совета Рыков (26) был ранен и попал в госпиталь,
который остался на**

**территории, занятой противником. Но туда можно проникнуть,
потому что там**

**работают советские врачи и медсестры. Я хотел выручить
Рыкова, но понимал,**

**что, если кто-нибудь проговорится насчет него, он будет врагом
уничтожен. И**

**я послал людей выкрасть Рыкова и переправить его на
территорию, занятую**

советскими войсками. Они ушли, однако скоро вернулись,

сказав, что Рыков

скончался в госпитале и был похоронен.

Сейчас я хотел бы вернуться к главной мысли - к итогам борьбы на Киевском

направлении. Мы с Буденным предложили тогда произвести перегруппировку:

взять артиллерию с Киевского направления и использовать для предупреждения

главной опасности на левом фланге, на Кременчугском направлении. Северное

направление, откуда противник двинулся на окружение наших войск, лежало на

территории вне нашего влияния, влияния Юго-Западного направления. Там

командовал войсками генерал Еременко (27). Противник прорвался от Гомеля на

юго-восток. А мы не получили разрешения на перегруппировку. Приехал

Тимошенко удерживать те позиции, на которых были расположены наши войска. Не

прошло и недели (28), как противник отрезал их. Наши предположения, как

показала история, были правильными.

Я не могу сейчас сказать, что если бы мы провели эту перегруппировку, то

катастрофы не случилось бы. Нет, наверное, она тоже произошла бы. Но, во

всяком случае, может быть, не столь сильная, потому что мы кое-что вытасили

бы из киевской артиллерии и усилили свой левый фланг в направлении

Кременчуга. Там завязались бы тяжелые для противника бои и, может быть, у

него не хватило бы войск для завершения операции. Даже когда он уже окружил

наши войска, их группы довольно свободно проникали через линию фронта туда и

сюда. Это свидетельствует о том, что линия наступления противника была очень

жиденькой.

В результате ложного понимания лозунга "Ни шагу назад!" войска часто

оставались на невыгодных рубежах и в конце концов погибали, не принеся

ощутимой пользы. Если вернуться ко Львовской операции, то ведь и тогда 6-ю и

12-ю армии мы хотели отвести с тем, чтобы использовать в нужных нам

направлениях. Нам запретили. В результате эти войска потом были окружены и

попали в плен.

Мы отступили к Киеву, штаб наш располагался в Броварах. Вдруг приезжает к

нам генерал Тупиков (я его до этого не знал) и привозит предписание вступить

ему в должность начальника штаба КОВО, а Пуркаеву сдать дела и прибыть в

распоряжение Генерального штаба. Так и было сделано.

Познакомился я с

генералом Тупиковым. К нам он попал из Турции, в которой оказался после

начала Великой Отечественной войны как наш военный атташе в Берлине (29).

Когда Гитлер напал на СССР, все советские дипломаты были переправлены в

закрытых вагонах из Германии в Турцию. Тупиков произвел на меня хорошее

впечатление. Хотя я был очень хорошего мнения и о Пуркаеве. Новый начштаба

был помоложе (30) и позадористей. Не знаю, кто из них более достойный.

Сейчас я об этом не хочу говорить, потому что я и того, и другого высоко

ценил и уважал.

Приступил Тупиков к работе. Мне нравились его четкость и оперативность. С

ним произошел такой случай. Мне рассказал об этом Баграмян, который был его

заместителем, начальником оперативного отдела. Когда однажды налетели

немецкие бомбардировщики на расположение нашего штаба (а это повторялось

каждый день), Баграмян, очень уставший, прилег на кушетке и закрыл глаза, но

не уснул. Спать было невозможно, потому что земля дрожала и гудела. Тупиков

же в это время расхаживал по комнате и напевал себе под нос:

"Паду ли я,

стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?". Доставал бутылку из-под стола с

чем-то, наливал себе бокальчик, выпивал и опять продолжал расхаживать,

видимо, обдумывая какие-то вопросы. Так потом происходило не раз. Не трус

был Тупиков. Увы, когда штаб фронта попал в окружение. Тупиков не

возвратился. По-моему, даже и трупа его не нашли. Для нас он остался без

вести пропавшим. А вот вам еще один пример такого же характера - о Киевской

группировке. Штаб 37-й армии, которая обороняла Киев, тоже попал в окружение

со многими генералами, офицерами и бойцами. Часть их осталась в плену, часть

вышла.

Командующим 37-й армии был Власов, который стал потом предателем Родины и

которого заслуженно повесили после разгрома Гитлера. Он вышел тогда из

окружения (не знаю, спустя какое время). Мы с Тимошенко, конечно, рады были

встретить его. Он пришел в крестьянском одеянии и доложил, что вышел с

палочкой под видом крестьянина. И мы готовили ему тогда новый пост. Он

приобрел славу хорошего генерала, умеющего командовать

войсками, строить

оборону и наносить удары по противнику. Но нам не дали его использовать. Как

только узнали, что Власов вышел, немедленно позвонил лично Сталин и приказал

отправить его в Москву. Мы не знали, что тогда готовилось контрнаступление

на немцев под Москвой (31). Потом уже мы узнали, что в этой операции Власов

командовал одной из армий. Сталин его очень хвалил. Этот генерал был

награжден и считался одним из самых боевых генералов, которые показали свое

умение на фронте в наступлении против немецких войск под Москвой.

Но вернусь к вражескому прорыву на Киевском направлении, к окружению этой

группировки и гибели 37-й армии (32). Потом погибла и 5-я армия (33),

которой командовал генерал Потапов. Он попал в плен. Там погибли и другие

войска, включая штаб фронта со всеми тылами. Тылы были отрезаны противником,

так как он довольно глубоко охватил окруженную группу, восточное Киева

километров на 200. Можете себе представить, какую боевую технику мы там

потеряли! Все это было неразумно, безграмотно с военной точки зрения. Мне

трудно подобрать нужное слово. Существовало неправильное, ложное понимание

"Ни шагу назад!". Вот вам и ни шагу назад. Мы не спасли эти войска, не

отвели их и в результате просто лишились. Лишились боевой техники и

образовали огромную дыру в линии фронта, которую не смогли заткнуть. У нас

не стало ни живой силы, ни техники - боевой, хозяйственной, транспортной. А

ведь этого можно было не допустить.

Напрашивается некоторая аналогия с фашистами. Посмотрите документы,

которые опубликованы в книге "Совершенно секретно! Только для

командования!". Методы обороны сильно перекликаются. Когда немцы под конец

войны попали в такое же положение, то допускали такие же глупости. Как наша

нераспорядительность содействовала нашему врагу, так и Гитлер потом как бы

содействовал нам, облегчая наши усилия по разгрому его войск. Работники

штаба Юго-Западного направления напрягали в ту пору все усилия для обороны

Харькова. Люди трудились героически и делали все, лишь бы не допустить

дальнейшего продвижения противника на восток. Харьковский завод № 75, где до

войны изготовлялись танки Т-34, теперь ремонтировал их. Дело было поставлено

хорошо, и танки быстро восстанавливались. Имелись запасные части, работали

квалифицированные специалисты.

Но те танки, которые мы ремонтировали у себя, нам приказывали отправлять

в Москву. Это нас, конечно, обижало и даже раздражало: нам тут нечем держать

немцев, а у нас танки забирают. Взяли у нас тогда довольно большое

количество танков... Стали мы приспособливать к войне тракторы: надевали на

них броню и вооружали пулеметом, чтобы использовать в таком виде против

врага. Несмотря на непригодность трактора к боевым операциям, это было все

же лучше, чем ничего: все-таки металлическая броня. Мы хотели использовать

все, что было под рукой, и использовали, как могли. Потом нам сообщили из

Москвы, что применяется так называемая "катюша" - реактивный миномет. Сталин

даже упрекнул нас: "Есть такое оружие, и надо больше его применять". Я

попросил: "Дайте нам чертежи, мы в Харькове быстро организуем производство".

Дали нам чертежи, и мы сейчас же организовали производство на заводе им.

Шевченко на Лопани (34).

Я хорошо знал этот завод. До революции он принадлежал Берлизову, в 1912

г. я короткое время работал там слесарем. Его рабочие и инженеры срочно

освоили производство "катюш". Мы выезжали в поле и стреляли из них,

опробовали конструкцию. Мин к ним мы не делали. Где их изготавливали, я не

знаю. Нам же прислали очень ограниченное количество мин.

Мы не знали тогдашнего замысла противника - с форсированием Днепра и

разгромом нашей группировки под Киевом и Днепропетровском сосредоточить силы

для удара на Москву. Поэтому-то у него силы на Харьковском направлении,

видимо, и были небольшие. Для отпора врагу на Московском направлении Ставка

брала все и отовсюду, что можно было взять, даже у нас из-под Харькова,

который сам нуждался в каждой боевой единице. Имелось у нас резервное

кавалерийское соединение. Командовал им Белов (35). Его тоже взяли.

Соединение было нетронутым, и мы возлагали на него большие надежды. Оно

прибыло и наше распоряжение, но еще не вступило в соприкосновение с

противником, как мы получили приказ немедленно направить

его в распоряжение

командования, которое занимало оборону под Москвой. Это соединение потом

хорошо действовало под Тулой.

Противник продолжал продвигаться в направлении Харькова, но не так

быстро, как в первые дни войны. Хотя и небольшими силами, однако мы давали

отпор. На Харьковском направлении командовал 38-й армией генерал Цыганов

(36), тучный человек с причудами. Я рассказывал о нем Сталину, и Сталин иной

раз за обедом возвращался к одному случаю, происшедшему с этим генералом.

Когда противник угрожал Харькову, Цыганов вышел на дорогу, по которой

отступали наши войска, поставил стол, на нем - самовар и стал пить чай. К

нему подбежали и говорят, что фашисты подходят к этому месту. А он - ни шагу

назад. Потом он говорил, что таким способом старался внушить уверенность

своим бойцам. Следовательно, никакой особой опасности нет. Довольно

своеобразный, я бы сказал, метод убеждения в неприступности обороны.

Несмотря на это, противник продвигался на восток.

Помню те месяцы: дождь, слякоть - условия, тяжелые для использования

противником его техники. У нас к тому времени боевой техники было мало. Мы

ремонтировали танки, а их у нас забирали. Вот мы и пользовались тракторами.

Потом нам дали легкие танки Т-50. Это очень даже легкие танки: броня не

свыше 20 мм толщины, а может быть, даже меньше. Одним словом, немцы без

особых затруднений уничтожали эти танки своей артиллерией. Мы получили

приказ подготовить Харьков к эвакуации и сосредоточили все усилия на том,

чтобы вывезти станочное оборудование тракторного завода. И нам удалось это,

хотя не берусь сказать, что вывезли абсолютно все оборудование. Вряд ли

такое вообще когда-нибудь удавалось, но мы действительно очистили все

пролеты Харьковского тракторного и вывезли его станки на восток. Там наша

промышленность использовала эти станки для того, чтобы организовать

производство боевой техники.

Потом мы получили приказ уже с конкретными сроками оставления Харькова,

Купянска и отступления к Дону. Не помню сейчас, на какой рубеж, но мы

действовали согласно плану Генерального штаба. Когда мы оставили Харьков,

все эшелоны скопились в Купянске. Мыс Тимошенко тоже расположились в

вагонах. Не знаю, почему противник не воспользовался и не разбомбил там все.

Если бы налетели бомбардировщики, то не знаю, что бы там осталось. Может

быть, немцы уже были истощены или, самое главное, поставили задачу захвата

Москвы и повернули все силы, которые были в их распоряжении, туда. Гитлер

считал, что с захватом Москвы он закончит войну и добьется капитуляции СССР.

Когда наши войска оставили Харьков и отошли к Северскому Донцу восточное

Харькова, мы далее не чувствовали давления противника. Он, заняв Харьков,

тоже вышел передовыми отрядами к Донцу и стал занимать оборону, не пытаясь

продвигаться вперед. Мы подумали: зачем же нам отступить дальше, как было

указано в директиве, если противник нас не преследует? Тогда мы обратились в

Москву с предложением организовать оборону по Донцу и не отступать дальше.

Ну, конечно, мы получили подтверждение своим предложениям. Мы же перенесли

свой штаб в Валуйки, вылезли из вагонов и расположились в крестьянских

хатах. Осень 1941 г. на Украине была очень дождливой. Грязища была

невероятной, просто непролазной. Сложились особенно трудные условия для

наступающей стороны (когда армия отступает, бездорожье в какой-то степени

затрудняет продвижение противника и, я бы сказал, облегчает оборону). Потом

рано выпал снег и ударили довольно сильные морозы. Мы стали готовить по

Донцу оборону. Чувствовали, что противник устраивается тут на зиму и, в свою

очередь, строит зимнюю оборону. Об этом нам доносила наша войсковая разведка

и перебежчики - наши люди, которые проживали на занятой противником

территории. После гибели Туликова нам прислали начальником штаба молодого,

очень интересного, ученого и умного генерала Бодина (37). Я полюбил этого

человека за его ум, за ясное понимание им обстановки. Он был интересен и как

человек, и как военнослужащий. Мне нравилось и то, что они сдружились с

Баграмяном. Я питал к Баграмяну с самой нашей первой встречи большую

симпатию. А теперь оба они работали дружно. Трезвые были люди. Трезвые и по

части питейных дел, и умом, разумным пониманием военной обстановки. Помню,

как однажды пришли ко мне Бодин с Баграмяном изложить свою точку зрения

относительно потери нами Ростова. В то время Юго-Западный фронт действовал

под командованием маршала Тимошенко. Он же был и командующим войсками всего

Юго-Западного направления, и ему было подчинено поэтому командование Южного

фронта. Я тоже являлся членом Военного совета Юго-Западного направления и

одновременно Юго-Западного фронта.

Это я говорю для того, чтобы было понятно, почему Бодин и Баграмян

докладывали мне по вопросу о Ростове. Ростов всегда лежал в полосе Южного

фронта, созданного еще в начале войны. Начали они доказывать с цифрами в

руках, что противник занял Ростов в результате очень неграмотного,

никчемного командования войсками Южного фронта. Южный фронт располагал

такими силами, которыми он мог не допустить захвата Ростова и отбить натиск

противника. Ростов заняла тогда танковая армия под командованием немецкого

генерала Клейста (38). Он занимал высокое положение среди немецких генералов

по умению вождения танковых войск. Такая о нем шла слава. Бодин и Баграмян

говорили: "Мы считаем, что, несмотря на то, что у нас сейчас очень слабые

силы, можно собрать их в ударный кулак, сконцентрировать его в направлении

Ростова и ударить по Клейсту. Можно освободить Ростов. Мы совершенно

убеждены в осуществимости этого, но при одном условии: чтобы операцию эту

проводил бы не командующий Южным фронтом, а маршал Тимошенко. Мы маршалу

своих соображений не докладывали. Хотели сначала изложить свои соображения

вам, с тем чтобы вы поставили этот вопрос на Военном совете". Не помню,

почему они не пошли сразу к Тимошенко. Может быть, в это время Тимошенко

выпивал? Он довольно изрядно выпивал (Бог его знает, чем это объяснить).

Насколько я смог разобраться в их доводах и понять их - убедился, что они

рассуждают реально и такая возможность у нас, видимо, есть. Надо было эту

возможность использовать, тем более в столь тяжелое время. Пока еще не было

случая, чтобы мы, сдав противнику какой-то крупный город, потом отбили его.

Это имело бы не только военное, но и большое политическое значение как для

наших войск, так и для гражданского населения. Важно было показать, что

Красная Армия тоже может наносить удары. Тут представлялся хороший случай,

на котором можно было конкретно продемонстрировать эту возможность и выбить

противника из Ростова. И я заговорил об этом с Тимошенко. Тимошенко хорошо

принял предложение и ответил: "Да, давайте поставим вопрос, послушаем Бодина

и Баграмяна. Пусть они нам доложат". Они, докладывая, предложили, откуда и

какие соединения взять и куда направить главным образом, оттуда же. с

Южного фронта, чтобы сконцентрировать удар по Ростову, оголив при этом

некоторые участки, на которых, как мы считали, противник будет продолжать

занимать оборону. Доложили в Москву. Москва санкционировала эту операцию.

Подготовительная работа была проведена. Подтянули и перебросили туда все,

что могли: и боеприпасы, и артиллерию, и танки, какие у нас тогда были.

Пришел день, на который мы назначили наступление. Мы улетели с Тимошенко на

юг и расположились в каком-то населенном пункте под Ростовом. Началась

операция. Но задачу, которую мы поставили, сразу решить не смогли. Противник

оказал упорное сопротивление, а у нас не имелось достаточно сил, чтобы

вынудить его оставить Ростов. Мы вынуждены были прекратить наступление, с

тем чтобы не истреблять свои войска. Однако не отказались от операции, а

прервали ее на какое-то время, чтобы подтянуть новые войска, взяв их с

отдельных участков Южного фронта. Все-таки мы верили, что сможем освободить

Ростов. Прошло еще какое-то время, и операция продолжилась. Мне очень

нравилась распорядительность Тимошенко. Он, как говорится, блеснул при

проведении этой операции толковым использованием войск и умением заставить

людей выполнять приказы. Ростов мы взяли! (39). Противник вынужден был

откатиться к Таганрогу, то есть на довольно приличное расстояние. Тут же я

выехал в Ростов. Мне хотелось посмотреть на разрушения в городе и тот ущерб,

который нанес ему враг. Наше население переживало случившееся. Трудно было

даже выразить словами его радость по поводу освобождения их любимого города

от немецких войск. На улицах валялось много трупов солдат, а также людей,

расстрелянных немцами. Враг бросил и некоторую боевую технику. Тогда-то я и

увидел немецкие пулеметы и легкую артиллерию на полугусеничном ходу, о чем

рассказывал ранее. Но особенного мы ничего не захватили, чем нам можно было

бы воспользоваться. Все, что немцы бросили, было не на ходу, а выведено из

строя было, видимо, еще во время боев.

Итак, противник был отброшен к Таганрогу. Но, как говорится, аппетит

приходит во время еды: мы решили с ходу взять Таганрог. Однако у нас не

хватило сил. Потом мы предприняли там еще несколько атак, но безуспешных, и

приостановили наступление. Зато захват Ростова произвел очень сильное

впечатление на всю страну. Передовая газеты "Правда", поздравляя нас,

выставляла напоказ наши успехи. На этом примере морально мобилизовывались

как военные, так и гражданские силы СССР, демонстрировалась возможность бить

врага.

Когда я прилетел в Москву, то увидел, что Сталин тоже был очень доволен.

Он хвалил Тимошенко и меня. В "Правде" были упомянуты наши фамилии. Одним

словом, все это произвело большое впечатление, и потом, я считаю,

заслуженно. Я не говорю тут о собственной персоне. Но факт освобождения

Ростова показал, что Красная Армия имеет возможность не только оказывать

сопротивление, а и наступать. Конкретная демонстрация этой

ВОЗМОЖНОСТИ -

освобождение Ростова. В данной операции хотел бы отметить также особую роль

генерала Бодина, который погиб потом под бомбежкой на Кавказе, и ставшего

впоследствии Маршалом Советского Союза Баграмяна. Это они были инициаторами

и душой операции, показали в ней свое умение анализировать ситуацию и

правильно нацеливать войска на разгром врага. Хочу отдать должное и маршалу

Тимошенко, который блестяще провел всю операцию.

(1) И.В.СТАЛИН был назначен Верховным Главнокомандующим 8 августа 1941

года.

(2) До 10 сентября 1941 г. КОВО функционировал, находясь в оперативном

подчинении у Юго-Западного фронта, и обеспечивая его ресурсами.

(3) Генерал-майор (затем генерал-лейтенант) ШУМИЛОВ М.С. командовал 64-й

армией с августа 1942 г. вплоть до ее преобразования в 7-ю гвардейскую в

апреле 1943 г., а затем командовал последней по май 1945 г. (с 1943 г. -

генерал-полковник).

(4) МУЗЫЧЕНКО И.Н., вернувшись из плена, служил в Советской Армии по 1947

г.; ПОТАПОВ М.И. - по 1965 г. (в 1961 г. стал генерал-

полковником).

(5) СЕРГИЕНКО В.Т. - нарком внутренних дел УССР с июня 1941 по 1943 год.

(6) БУДЕННЫЙ С.М. возглавлял войска этого направления в июле - сентябре

1941 года.

(7) Войсками Южного фронта генерал армии ТЮЛЕНЕВ И.В. командовал до

августа 1941 года.

(8) Генерал-лейтенант РЯБЫШЕВ Д.И. - с августа до октября 1941 г., затем

до декабря 1941 г. - генерал-полковник ЧЕРЕВИЧЕНКО Я.Т., далее до августа

1952 г. - генерал-лейтенант МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. (вторично генерал-полковник

Малиновский командовал войсками Южного фронта в феврале - марте 1953 г.).

(9) БУРМИСТЕНКО М.А. занимал этот пост в августе - сентябре 1941 года.

(10) Корпусной комиссар ЛЕОНОВ Д.С., член РКП(б) с 1918 г., окончивший

Военно-политическую академию им. В.И.Ленина.

(11) Днепропетровск был оставлен 25 августа 1941 года.

(12) Генерал-майор ПОКРОВСКИЙ А.П.

(13) Это была Резервная армия (командовал генерал-лейтенант ЧИБИСОВ

Н.Е.).

(14) Член РКП(б) с 1920 г. ДВИНСКИЙ Б.А. был секретарем

Ростовского

обкома ВКП(б) в 1938 - 1944 годах.

(15) 48-м корпусом.

(16) 25 августа 1941 года.

(17) Это происходило с 1 по 8 сентября 1941 года.

(18) Линия фронта тянулась тогда от Глухова к Ворожбе.

(19) ШУЙСКИЙ Г.Т.

**(20) Командующий 26-й армией генерал-лейтенант
КОСТЕНКО Ф.Я.**

(21) То есть генерал-майор ДОБЫЧИН Д.М.

**(22) Командир 15-го корпуса генерал-майор
МОСКАЛЕНКО К.С. ранее**

**командовал 1-й моторизованной противотанковой
артиллерийской бригадой.**

(23) Сейчас входит в состав Харькова.

**(24) Село Гришине. Ранее входило в Новочеркасскую
губернию.**

(25) Одноэтажный дом в центре города.

(26) Дивизионный комиссар РЫКОВ Е.П.

**(27) Это был Брянский фронт. Генерал-лейтенант ЕРЕМЕНКО
А.И. командовал**

его войсками в августе - октябре 1941 года.

(28) Речь идет о неделе с 13 по 20 сентября 1941 года.

**(29) Военным атташе в Германии генерал-майор ТУПИКОВ
В.И. служил с 1940**

г., а на Юго-Западный фронт попал в июле 1941 года.

(30) Действительно, ТУПИКОВ родился в 1901 г., а ПУРКАЕВ - в 1894 году.

(31) Под Москвой ВЛАСОВ А.А. командовал с ноября 1941 г. по март 1942 г.

20-й армией.

(32) 37-я армия оставила Киев 19 сентября, а в конце сентября была

расформирована.

(33) 5-я армия была расформирована 20 сентября.

(34) Река в Харькове.

(35) БЕЛОВ П.А. генерал-майор, командовал 2-м кавкорпусом.

(36) 38-й армией генерал-майор ЦЫГАНОВ В.В. командовал в сентябре -

декабре 1941 года.

(37) Начальником штаба Юго-Западного направления и Юго-Западного фронта

генерал-майор БОДИН П.И. был в октябре-декабре 1941 года.

(38) Командующий 1-й танковой армией КЛЕЙСТ Э.

(39) Это произошло 29 ноября 1941 года.

1942 ГОД: ОТ ЗИМЫ К ЛЕТУ

Хочу вспомнить о никому практически не известном эпизоде войны. Мне

рассказывали Маленков и Берия об одном сугубо секретном шаге, который был

предприят Сталиным. Он относится к осени 1941 г., когда немцами уже была

занята территория Украины и Белоруссии. Сталин искал контакта с Гитлером,

чтобы на основе уступки немцам Украины, Белоруссии и районов РСФСР,

оккупированных гитлеровцами, договориться о прекращении военных действий. У

Берии имелась связь с одним банкиром в Болгарии, который являлся агентом

гитлеровской Германии. По личному указанию Сталина был послан наш человек в

Болгарию. Ему было поручено найти контакты с немцами, начать переговоры и

заявить им, что уступки со стороны Советского Союза - такие-то. Но ответа от

Гитлера не было получено. Видимо, Гитлер настолько был тогда убежден в своей

победе, что считал: дни существования Советского Союза сочтены и ему незачем

вступать в контакт и переговоры, когда его войска и так уже вон где. Он

планировал дальнейшее развитие наступательных действий, захват Москвы,

сокрушение всей России и уничтожение ее государства.

Конечно, можно объяснять так, что Сталин просто хотел выиграть время за

счет каких-то уступок. Но не знаю, какое при прекращении военных действий

потребовалось бы нам время и какие усилия, чтобы потом наверстать упущенное.

Потерять Украину, Белоруссию и западные районы Российской Федерации по

договоренности - очень существенная утрата с точки зрения возможности

собраться потом с силами, порвать договоренность и вернуть утерянное.

Впоследствии я никогда более не слышал об этом эпизоде ни от кого. А тогда

это было сказано мне на ухо шепотом Берией и Маленковым. Я сейчас даже не

помню, было ли это сказано еще при жизни Сталина или после его смерти.

Однако точно помню, что такой разговор состоялся. Конечно, данный разговор

проходил, когда мы были втроем. Не знаю, было ли известно об этом Молотову

как наркому иностранных дел. Может быть, даже и он не знал, потому что

контакт устанавливался не через Наркомат иностранных дел, а через нашу

разведку, то есть через Берию.

Постепенно зима вступала в свои права. Когда мы наступали на Ростов,

земля была уже замерзшей, скованной. Было холодно, хотя по южным условиям

еще пока не наступила стойкая зима. Температура там колеблется довольно

часто, случаются большие оттепели и зимой. Но в 1941 г. зима была очень

ранняя, морозная и снежная. Мы получили распоряжение перенести штаб фронта в

Воронеж. Расположились в Воронеже. Потом получили приказ, что к нашему

фронту прирезали и территорию севернее, так наш фронт расширился: мы

получили район Ельца. А потом, после ликвидации Брянского фронта, получили

новый приказ: что наш фронт доходит правым флангом чуть ли не до Каширы.

После успешной операции по освобождению Ростова у нас зародилась мысль

провести еще одну операцию: освободить Ливны (это уже севернее). Противник

занял Ливны, но силы там у него были небольшие и не существовало сплошной

линии фронта, немецкие группировки были расположены очагами. Если

сосредоточить свои силы в кулак, то можно устроить немцам неприятность,

выбить их из Ливен и расстроить оборону, приготовленную ими для зимовки.

Начали мы готовиться. Тоже стянули, что могли, как говорится, с бору по

сосенке, все, что было возможно, потому что каких-то подкреплений получить

ниоткуда не сумели. За счет внутренних ресурсов сколотили оперативную группу

войск и подготовились проводить операцию. Командовать группой поручили

генералу (1) Федору Яковлевичу Костенко. Он потом погиб при Харьковской

операции. Очень хороший был человек и хороший генерал. Этот генерал

получился из солдата Первой мировой войны, родом он из крестьян, украинец по

национальности, но происходил из Мартыновки (2) на притоке Дона. Когда мы

наступали из Сталинграда на Ростов и освобождали эту станицу, то его уже не

было в живых.

Начали проводить Елецкую операцию (3). Она была успешной, мы сразу

захватили много пленных. Когда наши войска подступили к Ливнам, немцы

оставались восточнее них. Боясь окружения, они дали команду на отвод войск.

Отходившие навалились на нас с востока. Перевес был на стороне немцев, и

Костенко стал просить помощи. А мы говорили ему еще до начала операции, что

резервов у нас нет никаких, и поэтому рассчитывали на внезапность удара и на

панику у противника. Подбодрили мы Костенко и сказали, чтобы он отбивался

теми силами, которые у него имеются. В целом операция прошла успешно и

противник был разбит. Но так, как мы хотели, все же не вышло: мы хотели

полностью уничтожить противника, а он частью сил прорвался на запад. Потом

часто шутили у Сталина, что Костенко выступил в этой операции, как персонаж

известного анекдота. Я слышал такой анекдот - охотник говорит: "Я сейчас

пойду и поймаю медведя", пошел; прошло какое-то время, а охотника все нет;

потом он кричит, что медведя поймал. Ему говорят, чтобы привел его. А

охотник отвечает, что Медведь не идет. "Так ты сам иди". - "Да он не

пускает". Костенко тоже поймал медведя, но полностью разбить его не смог.

И все же это была уже вторая победа на нашем Юго-Западном направлении.

Конечно, мелкая победа. Но на фоне прежнего отступления Красной Армии и

такая маленькая победа была для нас дорога, и мы радовались ей. Я думаю,

меня правильно поймут. Может быть, этот эпизод в истории Великой

Отечественной войны и не будет особо отмечен. Однако я о нем рассказываю,

потому что, знаете ли, плоды первых побед - это самое вкусное блюдо. Первый

пирожок - он самый вкусный и значительно вкуснее последнего, когда человек

уже привыкнет к его вкусу, а может быть, даже насытится. Вот почему мы

глубоко переживали происходившее и поздравляли Костенко с победой.

Такой была в конце 1941 г. вторая наша победа после Ростова. Конечно,

освобождение Ростова - более значительное событие. Кто не знает в Советском

Союзе или даже за границей этот знаменитый город на Дону! Елец не Ростов. Но

обстановка, которая сложилась той зимой, победа восточное Ливен и

освобождение Ельца стали для нас большим праздником. В той операции много

немцев было убито, а часть их взята в плен. Я приехал тогда к Костенко. Меня

интересовали немецкие пленные: что за люди? Их состав по социальному

положению? Их моральная устойчивость? Хотелось также посмотреть на пленных,

которые испытали удары наших войск и наш русский мороз.

Эти гитлеровские солдаты производили жалкое впечатление, в том числе их

одежда и обувь. Все у них было холодное, шинели - довольно легкие, головные

уборы тоже. Поэтому они были укутаны, кто во что. Я встретил среди пленных

одного внешне особенно безобразного человека. Его фотографию потом

опубликовали в "Огоньке". Его физиономия выделялась своей безобразностью.

Опубликовали мы фото потому, что немцы размножали и распространяли

фотографии некоторых красноармейцев. Пугали европейцев. Мол, вот эти хотят

владеть миром, хотят господствовать. И часто показывали наших людей с

неприглядной внешностью. Тут наши журналисты, считаю, тоже хорошо

использовали фотографию этого немца.

Стал я спрашивать, кто из пленных откуда и чем занимался до войны? Один

немец, лет так 35, может быть, чуть больше, огромного роста, а по физиономии

простой человек, говорит: "Я литейщик". Я ему: "Ну, как же вам не стыдно? Вы

литейщик, рабочий и пошли против Советского Союза, против Страны Советов,

против рабочего класса. Где же у вас пролетарская солидарность?". Он

довольно нервно, но откровенно и не сдерживаясь, с раздражением отвечает:

"Черт его знает! Не разберешь, кто что высказывает и за кого воевать... Вот

вы заявляете, что тут - Страна Советов, страна рабочего класса и трудового

крестьянства. И у нас тоже говорят вроде этого. А мы воюем и кровь

проливаем". Сказал это с таким надрывом...

Решили мы с командующим войсками фронта маршалом Тимошенко выехать под

Ливны и на месте познакомиться с руководством этого города и с военными, их

освободившими. Мы уже чувствовали по донесениям разведки, что противник, в

свою очередь, замышляет операцию против Ливен. Мы тоже готовили ударную

группировку в районе Ливен, но наша подготовка запаздывала. Мы считали, что

противник может нас упредить и на день-два раньше ворваться в Ливны. Поэтому

мы поехали туда поговорить с партийными и советскими руководителями и

предупредить их, чтобы они при отступлении ничего не разрушали, буквально

ничего: ни мостов, ни дорог, ни коммуникационных сооружений, ибо мы

полагали, что вернемся в Ливны не больше чем через день-два, у нас была

полная уверенность в своих силах.

Приехали мы туда, провели такую беседу и уехали. И действительно,

противник через день захватил Ливны. Мы, как и обещали руководителям города,

снова ударили, и немцы опять выскочили из Ливен, как пробки.

Мы с Тимошенко

опять туда приехали, вторично встретились с местными работниками.

Действительно, они не произвели никаких разрушений. Да и немцы больших

разрушений при своем отходе не учинили. Не знаю, почему. Некогда им было,

видимо. А может быть, тоже были уверены, что вскоре вернутся в Ливны? Все

это совпало по времени с подготовкой и проведением нашего контрнаступления

на Московском направлении. Мы не были тогда информированы, что такое

контрнаступление состоится. Оно держалось в тайне.

Когда мы подключили в полосу нашего фронта Елец и линию обороны севернее

Ельца до Тулы, то мы уже зимою получили в состав Юго-Западного направления

заново сформированную 10-ю армию. Командовал этой армией генерал Попов,

молодой, энергичный и способный человек (4). Я с ним и позже встречался и

относился к нему с большим уважением. Это интересный, культурный человек.

Единственный его недостаток, о котором я сожалел, но ничем не смог ему

помочь, - большая склонность к выпивке. Больше, чем можно было бы себе

позволить на войне. К сожалению, это было несчастьем не

только его; оно

поражало и других. А в общем-то я с уважением относился к нему тогда, да и

сейчас вспоминаю с уважением этого генерала и его хорошую работу.

С приходом 10-й армии (сначала ею командовал Голиков (5)) мы получили

известие, что там готовится наступление, и нам сообщили в этой связи о

направлении действий нашего правого фланга, где как раз и стояла 10-я армия.

Там же находился кавалерийский корпус Белова и другие соединения. 10-я армия

должна была наступать на Мценск. Удар 10-й армии и корпуса Белова (6) совпал

по времени с наступлением немцев на Тулу. Но Тулу противнику взять не

удалось. В некоторых мемуарах их авторы объясняют это тем, что туляки сами

сорганизовались и отстояли свой город. Это не совсем верно. Да, туляки

героически защищали свой город. Но главным образом сказалось то, что,

во-первых, то было последнее усилие уже ослабевшего под Москвой противника;

во-вторых, тулякам помог удар нашего фронта. Вскоре противнику стало уже не

до Тулы, лишь бы унести свои животы. Враг покатился на запад. Мы

преследовали немцев до Мценска, однако Мценск захватить не сумели.

Затем у нас 10-ю армию забрали вместе с упомянутым участком Юго-Западного

направления, и мы уже не имели возможности знать в деталях, как развивались

бои на этом направлении при отступлении немцев от Москвы. Это было

знаменитое наступление Красной Армии и крупнейшее поражение немецких войск.

Они были отброшены на большую глубину, потеряли много техники и живой силы.

Но подробностей битвы под Москвой мы уже не знали. 10-я армия вошла в состав

войск соседнего. Западного фронта.

На этой операции 1941 г. были на нашем направлении закончены. Противник

перешел к обороне, а мы не имели сил для того, чтобы продолжать наступление,

ограничились пока достигнутым и строили оборону, надеясь на то, что нам

будут подброшены резервы, с тем чтобы мы могли опять перейти в наступление.

Вскоре после законченного удачно контрнаступления под Москвой, которому

Юго-Западный фронт помогал своим правым флангом, я был вызван в Москву для

беседы со Сталиным. Здесь я увидел уже "другого" Сталина. Не того, которого

встречал в начале войны, когда прилетал в Москву раза два или три. Сейчас он

выпрямился и ходил, как солдат, хотя и в это время, по-моему, еще все

распоряжения и приказы издавались Ставкой без упоминания фамилии Сталина, а

просто от имени Верховного Главкома: распоряжения Главкома, указания

Главкома и т. п., Сталин как бы отсутствовал. Это было, конечно, не

случайно, потому что Сталин ничего случайно не делал. Он все делал

продуманно, соизмерял все свои шаги, и хорошие, и плохие.

Я решил тогда съездить за город и узнать, до какой линии дошли немцы у

Москвы. Мне порекомендовали проехать в направлении Солнечногорска.

Солнечногорск был ранее взят противником, а лежит он километрах в 50 от

Москвы. Поехал туда. Недалеко от Москвы увидел следы боев. Когда же приехал

в Солнечногорск, там красноармейцы вскрывали могилы убитых немецких солдат.

Это было делать не трудно, потому что трупы зарывались в мерзлую землю,

неглубоко, и земля не успела уплотниться, а кое-где в спешке немцы хоронили

погибших в снегу. Смотреть было, конечно, неприятно, но и удовольствие тоже

доставляло. У видевшего страдания нашего народа трупы врагов вызывали

чувство какого-то удовлетворения. Вот, мол, вы хотели нас похоронить, а сами

отыскивали себе могилу под Москвой. Если уж человек втянут в войну, то он

выполняет свой долг воина, состоящий в наказании противника и уничтожении

его, особенно когда враг вторгается на твою территорию, идет разрушить твой

дом, убить тебя и твоих близких. О сугубо человеческих качествах вроде

жалости трудно рассуждать и трудно рассчитывать, чтобы они проявились в

таких условиях. Думаю, что подобное настроение человека естественно. Я видел

на лицах красноармейцев удовлетворение: вот первый результат наших побед,

результат усилий народа и Красной Армии - разгром и уничтожение больших сил

противника.

Вернулся я к себе на фронт. В это время штаб фронта располагался в

Воронеже. Противник иной раз наведывался туда разведывательными самолетами,

летая высоко над городом, проводил рекогносцировку. Особенных бомбежек не

помню. Правда, другой раз он бросал бомбы, но это не производило

впечатления. Видимо, противник не хотел бесцельно тратить боеприпасы. Он

перешел зимой к обороне и производил пока разведку, а активных действий с

воздуха не предпринимал. Мы в ту пору тоже строили оборону, укрепляли,

пополняли и вооружали войска. Впрочем, мы задумали провести некоторые мелкие

операции, например, в районе города Тим. Тогда Тим был в руках противника, и

мы пытались его вернуть. Было предпринято несколько таких попыток, но они не

принесли результатов, и мы были вынуждены прекратить эти бои.

Вскоре у нас зародилась идея провести наступательную операцию в районе

Барвенково (7). Наш штаб и разведка работали над тем, чтобы узнать силы

противника, их расположение и взвесить наши возможности, определить, какие

нужны силы для операции. Одним словом, начали разработку операции. Когда она

была разработана, понадобилось доложить Москве - Сталину и Генеральному

штабу, чтобы получить "благословение", а главное - нужное количество войск и

средств. Нас с командующим вызвали в Москву, Сталин нас выслушал. Сделали

доклад Тимошенко и начальник штаба фронта Бодин. Мы получили

"благословение", но, к сожалению, обеспечение, которое мы просили для

наступления, получили далеко не полностью. Операция была утверждена к

проведению, однако неполным составом войск по сравнению с тем, который

требовался по расчетам нашего штаба. Наметили операцию на январь 1942 года.

Для ее проведения мы перенесли оперативный штаб поближе к линии фронта,

чтобы иметь лучшую связь с войсками. Расположились в большом селе

Сватово-Лучко. Я знал это село, потому что в 1919 г. Красная Армия отбивала

это село у белых, и я тогда побывал в нем. Богатое село, хорошее, крепкое.

Для проведения операции нам дали, как помнится, три кавалерийских

корпуса. Одним корпусом (8) командовал генерал Бычковский, человек уже в

летах и с опытом. Он воевал в кавалерии еще в Гражданскую войну. Другим

корпусом (9) командовал Гречко, позже он стал министром обороны СССР. Это

был самый молодой из корпусных командиров в то время. Третий командир

корпуса (10) тоже был человек в летах. Я его фамилию сейчас забыл, хотя

раньше хорошо его знал. Перед операцией мы выслушали их. Говорили о задачах,

поставленных Тимошенко перед каждым кавкорпусом.
Закончилось это, как

полагалось тогда, обедом. Тогда на меня произвел лучшее
впечатление генерал

Гречко. Он только что принял корпус, а до этого командовал
отдельной 34-й

кавалерийской дивизией, и я знал его в этом качестве,
поэтому охотно

согласился на назначение его командиром корпуса. Других
командиров я еще не

узнал. Но неблагоприятное впечатление произвел на меня
Бычковский. Он,

видимо, воин был действительно боевой, но мне показался
недостаточно

современным, довольно-таки примитивным и отсталым
человеком. Это проявлялось

и в боях, и в повседневном поведении, и во взаимоотношениях с
партийными и

советскими органами. Там, где располагался его корпус, на
него постоянно

обижались. Он даже позволил себе, например, поместить
лошадей в школе.

Наверное, своих, командирских лошадей, потому что не мог же
он весь корпус

разместить в школе. Был подан плохой пример. На него очень
жаловались тогда

местные организации, на территории которых он допустил
такую глупость.

Началась операция. Был взломан передний край противника,
двинулась вперед

наша кавалерия. Я сейчас точно не помню, какой состав группировки был тогда

создан. Имелись ли у нас танки? Видимо, были, но твердо я сейчас не помню

(11). Главной пробивной и подвижной силой оказалась кавалерия. И мы,

достаточно быстро продвинувшись вперед, заняли Лозовую, затем пошли дальше

на северо-запад и юго-запад, на довольно большую глубину. К сожалению, свои

фланги противник удержал. На левом фланге нашей наступавшей группировки

немцы удержались в районе Славянска. Свой левый фланг, у Балаклеи, они тоже

удержали. Таким образом, получилась вдававшаяся в позиции противника дуга с

небольшим разводом концов при значительной ее глубине на запад. Мы тогда

радовались, что получили такие возможности, и надеялись эту дугу, как

говорится, разогнуть, чтобы расширить плацдарм. У нас появилась заманчивая

идея к весне 1942 г. освободить Харьков. Но операция была приостановлена,

потому что мы уже выдохлись и не могли дальше наступать. Мы захватили также

большие трофеи, однако несерьезного значения. Много было медицинского

инструмента. Потом мы захватили офицерские склады с деликатесами, винами,

коньяком, всяческими консервами. Из вооружения и боевой техники, кажется,

ничего особенно дельного не приобрели.

Тогда мы много шутили над кавалеристами Гречко, которые захватили эти

склады и добрались до шампанского. Случилось ли так на самом деле или же

кто-то выдумал, не берусь судить. Но тогда нам всем очень нравилась эта

шутка. Потом я ее рассказал Сталину, и он любил повторять ее. Дело

заключалось в следующем. Когда красноармейцы захватили винный склад и стали

пробовать, они не знали, что это - шампанское. Да и вообще многие не знали,

что такое шампанское. В том корпусе служило много украинцев. Они пьют и

разговаривают между собой: "Да шо цэ такэ? Шосту бутылку пью, шыпыть, а не

бэрэ". Этот анекдот о настроении наших бойцов, о хорошем их духе.

Перешли мы к обороне, прекратив наступательную операцию. Штабные

работники - Бодин, Баграмян и другие - стали подсчитывать итоги и примерять

наши возможности для дальнейшего наступления, с тем чтобы освободить

Харьков. Был намечен такой план: главный удар нанести противнику весной на

дуге, которую мы создали южнее Харькова, а вспомогательный удар меньшими

силами - севернее Харькова, и таким образом, взяв Харьков в клещи,

освободить его. Когда планировали, мы были уверены, что эта операция у нас

получится, что мы решим задачу и откроем весенне-летние военные действия

таким эффективным результатом, как освобождение крупнейшего промышленного и

политического центра Украины. Мы понимали, что проведению такой операции

грозит опасность, так как противник имеет, с одной стороны, довольно

глубокие на нашем фронте вклинения, достаточно беспокоящие, потому что они

могут быть использованы для ударов во фланг нашим наступающим войскам. С

другой стороны, имелась вражеская группировка, которая находилась у

Славянска. Немцы очень упорно держались за эти пункты. Нами там

предпринимались неоднократные усилия освободить центр узла обороны - село

Маяки или же прощупать противника, но все попытки, оканчивались

безрезультатно: мы теряли войска, но не могли продвинуться и ликвидировать

немецкие укрепления. Там какая-то речонка впадала в Северский Донец (12), на

южном ее берегу имелся выступ, где сосредоточились силы противника. Мы

опасались этого их участка.

Помню операцию, которую проводил Малиновский по захвату села Маяки. Там

стояла 9-я армия, как раз на стыке Южного и Юго-Западного фронтов.

Командовал этой армией Харитонов. Он потом во время войны, как мне говорили,

умер (13). Неплохой был генерал и неплохой человек. Когда подготовили

наступление, я сказал Тимошенко, что поеду к Малиновскому разобраться в

обстановке и останусь на месте проведения операции. Поехал. Передвигаться

тогда было очень трудно: лежали глубокие снега, дороги были плохо расчищены.

Поэтому часть пути я преодолел на автомашине, а потом пересел на сани.

Встретились мы с Малиновским в условленном месте и отправились вдвоем, тоже

на санях, в село Богородичное, где стоял штаб 9-й армии Южного фронта, очень

близко к переднему краю. Там же находилась артиллерия полковника Ратова -

тяжелые орудия. Я с ним был знаком с первых дней войны, и мне было приятно

встретиться с Ратовым. Он очень нравился мне своими хозяйственными

наклонностями. Не потерял ни одной пушки, строго следил за снарядами

гильзами. Это были медные гильзы, и их берегли. Даже снаряды получали в

обмен на сданные гильзы.

Когда мы приехали к командующему армией, он доложил, что наступление

должно начаться через несколько часов, сказал, что к наступлению он не

готов, но есть приказ наступать. Тогда Малиновский тут же взялся за карандаш

и циркуль, промерил расстояние подвоза боеприпасов (снарядов не хватало),

рассчитал, что снаряды не придут к началу наступления, и сказал, что

наступление надо отложить. Я согласился. Наступление отложили, пока не

подвезут боеприпасы.

Операция началась на следующий день. И опять не имела успеха. Противник

оказал упорное сопротивление, мы зря теряли людей и прекратили проведение

операции на этом участке, хотя вместе с Тимошенко и Малиновским были прежде

уверены, что эта операция удастся. Казалось, чего проще - взять населенный

пункт? Но мы его не взяли. Видимо, плохо была изучена оборона противника и

недостаточным оказалось усиление наступавших войск

артиллерией. Вообще-то

нет таких крепостей, которые нельзя было бы взять, если соответственно

подготовиться и иметь средства для того, чтобы предварительно подавить

противника. Видимо, наш расчет был плох. В результате мы потеряли людей, но

не решили основной задачи, которая была поставлена.

После того предпринимался еще ряд наступлений на том же участке, и тоже

без успеха. Явная неопытность наших командующих сказалась и в том, что хотя

мы не смогли взять этот вражеский плацдарм, было все же решено начать

наступление на Харьков, пренебрегая возможностью флангового удара

противника. Мы считали, что, когда ударим на запад и окружим Харьков, данный

участок просто потеряет свое значение и падет сам собою в результате

продвижения наших войск на главном направлении. Как потом показала жизнь,

это оказалось роковой недооценкой значения вражеского плацдарма.

Противник, удерживая фланги, имел свои планы по окружению группировки

наших войск, которая была введена в дугу, образованную в ходе зимнего

наступления. Образовалось короткое расстояние между его

флангами, откуда

можно было начать окружение наших войск. Но тогда мы недооценили опасность и

спокойно начали готовиться к весенне-летней операции.

Основные силы на этом

направлении у нас составляли 6-я армия под командованием Городнянского и

57-я армия, куда мы назначили новым командующим Подласа (14). Это был очень

интересный человек и с интересной судьбой. Его жизнь сложилась трагично... Я

уже упоминал, что во время Хасанских событий он находился на Дальнем Востоке

и действовал там против японцев. Ему не повезло: приехал туда Мехлис, и

Мехлису он не понравился: тот посчитал его предателем и изменником. Его

сняли с должности и посадили в тюрьму. Выпустили его, когда началась война.

К нам он явился, когда мы еще были в Киеве. Он пока не был переаттестован и

носил старую форму с ромбами на петлицах. Сначала, когда он представился и

назвал свою фамилию, я спросил, кто он по национальности? Дело в том, что

фамилией недостаточно была выражена его национальность. "Я украинец из

Брянской области", - отвечает. Мы его использовали сначала для поручений.

Это очень организованный человек: куда его ни посылали, он всегда толково

разбирался в деле и произвел очень хорошее впечатление. В результате его

назначили теперь командующим 57-й армией. Армия эта была укомплектована

неплохо, потому что к моменту ее формирования мы получили для нее

дополнительно дивизию и несколько маршевых рот и батальонов.

Кроме 6-й и 57-й армий мы создали там довольно сильную армейскую группу.

Командовать назначили генерала уже в годах, старого вояку Гражданской войны.

Фамилию его я не помню сейчас. Он погиб. Остался в окружении и погиб (15). С

ним был подросток, его сын. Он тоже погиб. Кроме того, мы получили тогда

танковые бригады и противотанковые бригады. Все, что потому времени могли

нам дать, дали, хотя и далеко не все, что мы просили. Мы согласились

проводить операцию и с этими средствами. Да и никогда ведь Верховное

Главкомандование не удовлетворяло фронты полностью силами и средствами для

проведения той или иной операции. Всегда одна сторона просит как можно

больше, а другая сторона дает меньше.

Начало своей операции мы планировали на апрель. К тому времени земля

подсохла, и можно было использовать дороги. Мы много раз выезжали в войска

вместе с Тимошенко, заслушивали на месте командующих 6-й и 57-й армиями. На

данную операцию мы возлагали большие надежды, так как были подбодрены

удачным наступлением в конце гола на Ростовском направлении, операциями в

районе Ливен, Ельца и, главное, победой под Москвой. Мы не сомневались, что

и эта операция пройдет у нас удачно.

Когда был назначен день начала наступления, мы с Тимошенко обсуждали, где

будем находиться сами. Я предложил расположиться у Городнянского, в штабе

6-й армии. Это был пункт, наиболее глубоко вклинившийся в немецкую оборону в

результате зимнего наступления. Тимошенко предложил другое: "Нет, я считаю,

что не следует туда идти. У нас две группировки: южная - главная, сильная, а

другая - севернее Харькова. При охвате клещами Харькова оттуда затруднено

будет иметь связь с северной группировкой". Поэтому он сказал: "Давай мы

все-таки останемся в Сватово, на старом командном пункте. Отсюда нам будет

проще связаться с той и с другой группировкой. А на участок 6-й армии пошлем

влиятельного представителя командования, например, члена Военного совета

Гурова". Был такой очень хороший военный товарищ. В Сталинграде он потом

стал членом Военного совета у генерала Чуйкова. Заняв с Чуйковым Сталине, он

умер. Ему там поставлен памятник (16).

Операция началась весьма удачно. Мы быстро взломали передний край

противника, и наши войска двинулись вперед. Но нас озадачило, что против

ожиданий мы слишком легко преодолели этот передний край. Мы вскоре

убедились, что против нас почти нет вражеских сил. Следовательно, мы сами

лезли в какую-то расставленную нам ловушку. Начали мы обсуждать, какая

сложилась ситуация? Противник имел, видимо, какие-то свои планы, поэтому его

войск и не оказалось перед нашим лобовым ударом. Дело в том, что противник

тоже готовился к весенне-летней кампании. Мы предположили, что противник

сосредоточил свою группировку на нашем левом фланге, на участке, который

входил в состав Южного фронта в районе Славянска, и ждали, что отсюда он

ударит нам во фланг. Это было очень опасное направление.

Стало ясно, что не случайно немцы, несмотря на большие потери, твердо

защищались зимой и не уступили в этом районе ни одного населенного пункта.

Видимо, уже тогда они имели свой план ликвидации ударом во фланг выступа,

который мы образовали в ходе зимней кампании. Главный контрудар нависал с

юга. Мы решили приостановить наше наступление, потому что оно отвечало

планам врага: чем глубже мы будем вклиниваться, продвигаясь на запад, тем

больше растянем линию фронта и разжижим свои войска, ослабим и обнажим свой

левый фланг и создадим условия для более легкого прорыва немцев, для

окружения и уничтожения наших войск.

Итак, мы остановили наступление, отдали приказ перебросить на юг танковые

и противотанковые бригады, артиллерию. Одним словом, стали перекантовывать

свои войска на открытый врагу левый фланг. Мы считали, что это единственная

возможность отразить его, единственно правильное решение при сложившихся

обстоятельствах. Севернее же Харькова пока ничего нового не предпринимали и

продолжали там операцию. Но она успеха не имела.

Да, мы раскрыли замысел противника, но, к сожалению, поздно. Пришлось

принимать меры, чтобы застраховать себя от флангового удара, - приостановить

наступление и перегруппировать противотанковые части, танки и артиллерию на

левый фланг. Это было для нас необходимо, так что среди нас и споров не

возникало на этот счет. Не помню, кому принадлежала инициатива в организации

всей операции. Потом Сталин обвинял меня, говорил, что инициатива была

проявлена мной. Не отрицаю. Возможно, это я проявил инициативу. Я Сталину

отвечал: "А командующий? Мы же вместе с командующим принимали решение". -

"Ну, командующий вам поддался". - "Командующий поддался? Вы же знаете

Тимошенко. Тимошенко - очень трудный по характеру человек, и чтобы он вдруг

согласился с другим, если придерживается иного мнения? У нас, как говорится,

решение было принято тихо и гладко". Да, командующий был того же мнения, что

и я. Штабные работники и начальник оперативного отдела штаба Баграмян тоже

были такого же мнения. Баграмян и разрабатывал в деталях операцию. Она

рассматривалась потом в Генеральном штабе и там тоже была одобрена. Так что

это был плод размышлений не только руководства Юго-Западным направлением:

решение было апробировано и специалистами Генерального штаба. Здесь

сложились единая линия мероприятий, единое понимание дела и единая вера в

успех.

И вот мы прекратили проведение операции и стали предпринимать шаги к

построению обороны. То есть от наступления перешли к обороне. Отдали

необходимые распоряжения, и я пошел к себе. Это было, наверное, часа в три

утра. Стало светать. Пришел я к себе, но еще не разделся, как вдруг

открывается дверь, заходит ко мне Баграмян, очень взволнованный, и говорит:

"Я к вам, товарищ Хрущев". Он был так взволнован, что даже заплакал. "Вы

знаете? Наш приказ о переходе к обороне отменен Москвой. Я уже дал указание

об отмене нашего приказа". - "А кто отменил?" "Не знаю, кто, потому что с

Москвой разговаривал по телефону маршал. После окончания разговора он отдал

мне распоряжение отменить наш приказ, а сам пошел спать. Больше маршал

ничего не сказал. Я совершенно убежден, что отмена нашего приказа и

распоряжение о продолжении операции приведут в ближайшие дни к катастрофе, к

гибели наших войск на Барвенковском выступе. Я очень прошу вас лично

поговорить со Сталиным. Единственная возможность спастись, если вам удастся

убедить товарища Сталина утвердить наш приказ и отменить указание об отмене

нашего приказа и о продолжении операции. Если вам не удастся это сделать,

наши войска погибнут".

В таком состоянии я Баграмяна еще никогда не видел. Он человек разумный,

вдумчивый. Он нравился мне. Я, как говорится, просто был влюблен в этого

молодого генерала за его трезвый ум, его партийность и знание своего дела.

Он человек, я бы сказал, неподкупный в смысле признания чужих авторитетов:

если не согласен, то обязательно выскажет это. Я замечал это несколько раз,

когда мы обсуждали ту или другую операцию. Если вышестоящие люди, занимавшие

главное положение в штабе фронта, начинали доказывать то, с чем он не был

согласен, то он очень упорно отстаивал свое мнение. Мне нравилось такое его

качество. Из других военачальников, с кем я встречался в течение войны,

подобное качество наиболее резко проявилось также в генерале Бодине. Я его

тоже очень любил. Это был способный и трезвого ума генерал. Его характер

отличали партийность, настойчивость, умение возражать даже вышестоящим

лицам, если он считал, что они рассуждают неправильно, неверно определяют

задание войскам, так что оно может нанести им ущерб. Я об этом говорил много

раз Сталину и давал этим двум товарищам отличную характеристику.

Выслушал я Баграмяна. Меня его сообщение буквально огорошило. Я полностью

был согласен с ним. Мы же, приняв решение, исходили как раз из тех

соображений, которые мне сейчас повторял Баграмян. Но я знал Сталина и

представлял себе, какие трудности ждут меня в разговоре с ним. Повернуть его

понимание событий надо так, чтобы Сталин поверил нам. А он уже нам не

поверил, раз отменил наш приказ. Не поверил, следовательно, теперь следует

доказать, что он не прав, заставить его усомниться и отменить свой приказ,

который он отдал в отмену нашего приказа. Я знал самолюбие Сталина, его, я

бы сказал, зверский характер в таких вопросах. Тем более при разговорах по

телефону.

Мне не раз приходилось вступать в спор со Сталиным по тому или другому

вопросу в делах гражданских и иногда удавалось переубедить его. Хотя Сталин

метал при этом гром и молнии, я настойчиво продолжал доказывать, что надо

поступить так-то, а не эдак. Сталин иной раз не принимал сразу же моей точки

зрения, но проходили часы, порою и дни, он возвращался к той же теме и

соглашался. Мне нравилось в Сталине, что он в конце концов способен изменить

свое решение, если убеждался в правоте собеседника, который настойчиво

доказывал ему свою точку зрения, если его доказательства имели под собой

почву. Тогда он соглашался. Со мной бывало и до войны, и после войны, когда

по отдельным вопросам мне удавалось добиваться согласия Сталина. Но данный

случай был просто бесперспективным, роковым, и я не питал никаких надежд на

удачу. Кроме того, не мог и отказаться от самых настойчивых попыток не

допустить катастрофы, ибо понимал, что выполнение приказа Сталина станет

катастрофой для наших войск.

Не помню, сколько минут я обдумывал дело. Тут же со мною

рядом все время

**находился Баграмян. Я решил позвонить сначала в
Генеральный штаб. Была уже**

**поздняя ночь, совсем рассвело. Звоню. Мне ответил
Василевский. Я стал**

**просить его: "Александр Михайлович, отменили наш приказ
и предложили**

**выполнять задачу, которая утверждена в этой операции". "Да, я,
- говорит, -**

**знаю. Товарищ Сталин отдал распоряжение. В курсе дела".
"Александр**

**Михайлович, вы знаете по штабным картам и расположение
наших войск, и**

**концентрацию войск другой стороны, более конкретно
представляете себе, какая**

**сложилась сейчас у нас обстановка. Конкретнее, чем ее
представляет товарищ**

Сталин".

**А я видел, как Сталин иной раз, когда мы приезжали к нему в
Ставку, брал**

**политическую карту мира. Даже однажды с глобусом вошел и
показывал, где**

**проходит линия фронта. Это убийственно! Это же просто
невозможно так делать.**

**Он порою не представлял себе всего, что происходило. Он
только видел в таких**

**случаях, где и в каком направлении мы бьем врага. На какую
глубину мы**

продвинулись, каков наш замысел - это все, конечно, он хорошо

знал. Но в

результате выполнения принятого замысла этой операции в осложнения, которые

возникали, он мог и не вникнуть, не проанализировать конкретные события, не

взвесить, почему мы отменили первоначальный приказ. Как показала жизнь, он в

данном случае этого как раз не сделал.

Я продолжал разговор: "Возьмите карту, Александр Михайлович, поезжайте к

Сталину". Тот отвечает: "Товарищ Сталин сейчас на ближней даче". "Вы

поезжайте туда, он вас всегда примет, война же идет. Вы с картой поезжайте -

с такой картой, где видно расположение войск, а не с такой картой, на

которой пальцем можно закрыть целый фронт. Сталин увидит конфигурацию

расположения войск, концентрацию сил противника и поймет, что мы поступили

совершенно разумно, отдав приказ о приостановлении наступления и

перегруппировке наших главных сил, особенно бронетанковых, на левый фланг.

Сталин согласится". - "Нет, товарищ Хрущев, нет, товарищ Сталин уже отдал

распоряжение. Товарищ Сталин!" Люди, которые с Василевским встречались,

знают, как он говорил - таким ровным, монотонно гудящим

голосом.

Мы перестали разговаривать с Василевским, я положил трубку и опять стал

думать, что же делать? Брать вновь телефонную трубку и звонить Сталину? Она

меня обжигала, эта трубка. Обжигала не потому, что я боялся Сталина. Нет, я

боялся того, что это может оказаться для наших войск роковым звонком. Если я

ему позвоню, а Сталин мне откажет, то не останется никакого другого выхода,

как продолжать операцию. А я был уже абсолютно убежден, что тут начало

конца, начало катастрофы наших войск на этом участке фронта. Поэтому я,

знаете ли, прикладывался к этой трубке, как кот к горячей каше, и

рефлекторно отдергивал руку. У меня были очень хорошие отношения с

Василевским. Я к нему относился с уважением. Да и характер у него такой

мягкий. Не знаю вообще, были ли у него враги, кто они и какие. Наверное,

были у него враги, но по другим мотивам. К нему очень плохо относились

некоторые военные. Это я знаю, но сейчас не стану говорить об этом.

Решил я позвонить Василевскому еще раз. Позвонил и опять стал просить:

"Александр Михайлович, вы же отлично понимаете, в каком положении находятся

наши войска. Вы же знаете, чем может это кончиться. Вы представляете себе

все. Поэтому единственное, что нужно сейчас сделать, это разрешить нам

перегруппировку войск, претворить в жизнь наш последний приказ, который

отменен Ставкой. Иначе войска погибнут. Я вас прошу, Александр Михайлович,

поезжайте к товарищу Сталину, возьмите подробную карту". Одним словом, я

начинал повторять те же доводы, других у меня не было, настойчиво повторять

просьбу поехать и доложить Сталину, убедить его в том, что наш приказ - это

единственно правильное решение, которое при сложившихся условиях можно было

принять. Но все доводы, которые я приводил при телефонном разговоре, моя

настойчивость, апелляция к его сознанию, долгу и ответственности - ничто не

возымело действия. Он тем же ровным голосом (я и сейчас хорошо представляю

себе тон голоса) ответил: "Никита Сергеевич, товарищ Сталин дал

распоряжение. Товарищ Сталин вот то-то и то-то". Не мог же я по телефону

доказывать Василевскому, что в данном случае для меня Сталин не является

авторитетом. Это уже само собой вытекало из того, что я говорил, раз

апеллирую к Василевскому и прошу взять соответствующую карту, пойти и

доложить Сталину.

Очень опасный был для меня момент. В то время Сталин уже начинал

рассматривать себя таким, знаете ли, военным стратегом. После того, как он

очнулся от первых неудач, когда он в первые дни войны отошел от руководства

и сказал: "Государство, которое создано Лениным, мы про.....", - он начал

теперь ощущать себя героем. Хотя я знал, какой он герой и по первым дням

войны, и по предвоенному периоду, я его наблюдал в месяцы, когда надвигалась

война со стороны Германии.

А у меня что же? У меня не было никаких других возможностей изменить

дело, кроме тех доводов, которые я высказывал, повторяя их вновь и вновь

Василевскому и рассчитывая на его долг военного. Он был в тот период уже

заместителем начальника Генерального штаба. Правда, в те дни это не имело

особого значения. Было время, когда никакого начальника Генерального штаба

вообще не имелось, а сидел на соответствующих делах Боков

(17), который не

пользовался никаким авторитетом у командующих фронтами. Он отдавал

распоряжения, принимал доклады, как-то их комментировал, как-то докладывал в

Ставку. Это был тяжелый для Генштаба период. Помню, как Сталин спросил меня,

что говорят о Бокове? Это было уже тогда, когда мы проводили Сталинградскую

операцию и когда Бокова из Генштаба убрали. Я ответил: "Советские войска

одержали крупную победу над врагом". "Какую?" - "Убрали Бокова из

Генерального штаба и посадили туда человека, с которым можно разговаривать и

который понимает оперативные вопросы. Это уже большая победа для Красной

Армии". Такая шутка Сталину не понравилась...

Василевский наотрез отказался что-либо предпринимать в ответ на мои

просьбы. Своего мнения он не высказывал, а ссылался на приказ Сталина. Я,

признаться, сейчас несколько переоцениваю свое мнение о том инциденте. Тогда

я объяснял это некоторой податливостью и безвольностью Василевского. Он был

в данном отношении не очень характерным военным. Это добрый человек, даже

очень добрый и очень положительный. Я считал его честнейшим

человеком. С ним

легко разговаривать. Я много раз и до этого случая встречался с ним. Одним

словом, это уважаемый человек. Но в сугубо военных вопросах я, конечно,

всегда значительно выше ставил Жукова. А сейчас у меня возникло сомнение:

была ли это вообще инициатива Сталина в деле отмены нашего приказа? Теперь я

больше склоняюсь к тому, что это была инициатива самого Василевского.

Возможно, Василевский (у меня не было тогда никаких возможностей проверить

это, тем более нет их сейчас) получил наш приказ первым, потому что мы

послали его в Генеральный штаб, и сам не был с ним согласен, не разобрался:

ведь шло успешное наступление наших войск, а нам приносили большую радость

редкие наши победы, было очень приятно открыть победами 1942 год. Каждому

было приятно. Возможно, Василевский получил наш приказ, взвесил его и,

наверное, возмутился, сейчас же доложил Сталину и соответственно

прокомментировал. Сталин согласился с Василевским и отдал контрприказ или же

сам позвонил Тимошенко.

Я и сейчас не знаю, о чем тогда разговаривал по телефону

Тимошенко и с

кем он разговаривал. То ли с Василевским, то ли со Сталиным. Из слов

Баграмяна следовало, что со Сталиным. Мне неудобно было спросить Тимошенко.

Мы сошлись с ним наутро, смотрели друг на друга и буквально сопели. Оба были

недовольны. Недовольны не друг другом, а обстоятельствами, которые сложились

у нас. Возвращаюсь к тому разговору. Все больше прихожу к выводу, что это

решение было навязано Сталину Василевским. Потому-то Василевский упорно не

слушался меня, не посчитался с положением дел, с моими доводами. Он же не

мог поехать к Сталину, поскольку сам давал совет по этому вопросу и на

основе этого совета было принято решение. Мне такое заключение пришло в

голову лишь в последнее время, когда я, уже сейчас, обдумываю события того

лично для меня самого тяжелого времени, поворотного для положения дел в 1942

году.

Если бы в штабе сидел в то время не Василевский, а Жуков, я и Жукову

сказал бы это, и, если бы он не согласился, то Жуков тоже впал бы в ошибку,

как Василевский. Но разница заключалась в том, что Жуков

категорично стал бы

мне возражать: не ссылаться на Сталина, а сам стал доказывать, что я не

прав, что эта операция принесет успех и надо ее только решительно проводить

в жизнь. Однако если бы Жуков поверил мне, разобрался в деле и увидел, что я

прав, проявляя настойчивость в определении судьбы нашего фронта, то он, я

уверен, не остановился бы, сейчас же сел бы в машину, поехал к Сталину и

начал энергично и настойчиво докладывать насчет необходимости отмены своего

указания и утверждения принятого нами приказа. Так спустя много лет оцениваю

я сей вопрос. О нем я помню постоянно. Это - веха в моей жизни, и тяжелая

веха. Как только заходит речь о войне или когда я сам начинаю мысленно

пробегать страницы военного времени, особенно до Курской дуги (потому что

тогда был самый ответственный, самый напряженный момент для нашей Родины),

то Харьковская операция 1942 г. всегда у меня стоит перед глазами, я тотчас

начинаю думать: а что, если бы наш приказ был утвержден? Как развивались бы

события?

Когда Василевский наотрез отказался ехать к Сталину, я

вынужден был ему

сам позвонить. Я знал, что Сталин находится на ближней даче, хорошо знал ее

расположение. Знал, что и где стоит и даже кто и где сидит. Знал, где стоит

столик с телефонами, сколько шагов надо пройти Сталину, чтобы подойти к

телефону. Сколько раз я наблюдал, как он делает это, когда раздавался

звонок. Ответил на мой звонок Маленков. Мы поздоровались. Говорю: "Прошу

товарища Сталина". Слышу, как он передает, что звонит Хрущев и просит к

телефону. Мне не было слышно, что ответил Сталин, но Маленков, выслушав его,

сообщил мне: "Товарищ Сталин говорит, чтобы ты сказал мне, а я передам ему".

Вот первый признак, что катастрофа надвигается неумолимо. Повторяю: "Товарищ

Маленков, я прошу товарища Сталина. Я хочу доложить товарищу Сталину об

обстановке, которая сейчас складывается у нас". Маленков опять передает

Сталину и сейчас же возвращает мне ответ: "Товарищ Сталин говорит, чтобы ты

сказал мне, а я передам ему".

Чем был занят Сталин? Сидел, пил и ел. Ему нужно было затратить полминуты

или минуту, чтобы подняться из-за обеденного стола и подойти к

столику, где

стоял телефон. Но он не захотел меня выслушать. Почему?
Видимо, ему доложил

Генеральный штаб, что командованием фронта решение
принято неправильное:

операция проходит успешно, наши войска, не встречая
сопротивления, движутся

на запад и, следовательно, надо продолжать наступление, а
приказ о

перегруппировке вызван излишней осторожностью
командующего фронтом и члена

Военного совета, и на них надо нажать.

Во время моего разговора через Маленкова со Сталиным
там находилась

обычная компания: Микоян, Молотов, Берия, Маленков и я не
знаю, кто еще.

Когда я просил, чтобы Сталин взял трубку, он проворчал:
"Хрущев сует свой

нос в военные вопросы. Он же не военный человек, а наши
военные разобрались

во всем, и решение менять не будем". Об этом мне рассказал
Анастас Иванович

Микоян, который там присутствовал. Спрашивается, кто же
эти знающие дело

военные советники, которые дали такой совет Сталину?
Видимо, прежде всего

Василевский и Штеменко (18).

Что же, мне еще и в третий раз просить? Это не метод
достижения

положительного решения. Раз Сталин уже два раза ответил мне, то на третий

раз вообще перестанет со мной разговаривать, и моя настойчивость будет

приносить только вред. Тогда говорю Маленкову, что уже не прошу передать

товарищу Сталину просьбу утвердить наш приказ, а объясняю обстановку,

которая сейчас осложнилась на фронте и что дальнейшее наше продвижение на

запад отвечает замыслам противника: наши войска, продвигаясь на запад,

сокращают себе путь в немецкий плен. Говорю: "Мы растягиваем фронт,

ослабляем его и создаем условия для нанесения нам удара с левого фланга.

Этот удар неизбежен, а нам нечем парировать". Маленков передал все Сталину.

Тут же возвращает ответ: "Товарищ Сталин сказал, что надо наступать, а не

останавливать наступление". Опять говорю: "Мы выполняем этот приказ. Сейчас

наступать легче всего. Перед нами нет противника. Это-то нас и тревожит. Мы

видим, что наше наступление совпадает с желанием противника. Прошу утвердить

наш приказ. Мы, принимая свое решение, все взвесили". Маленков: "Да, решение

было принято, но товарищ Сталин говорит, что это ты навязал его

командующему". - "Нет, мы единогласно приняли решение. У нас не было даже

спора, поэтому не было и голосования. Мы изучили обстановку и увидели, какое

сложилось тяжелое положение. Поэтому и приняли такое решение". "Нет, это

было твое предложение".

Не знаю, действительно ли сказал Тимошенко в разговоре со Сталиным, что

это я навязал решение прекратить наступление. Я, признаться, сомневаюсь,

чтобы Тимошенко так сказал. Он человек волевой и самолюбивый. Командующий

принял решение, с которым он же не согласен? Этого не могло быть. Но все же

могло ли быть, чтобы Тимошенко сказал так в разговоре со Сталиным? Мне

трудно с этим согласиться. Маленков мне так говорил, а значит, так сказал

ему Сталин. Думаю, что Сталин просто хотел меня несколько уколоть и осадить

мою настойчивость. Продолжаю: "Вы знаете характер командующего Тимошенко.

Если он не согласен, то навязать ему решение невозможно, да я никогда такой

цели и не преследовал". Маленков опять повторяет: "Надо наступать".

Разговор окончился. При этом присутствовал Баграмян. Он стоял рядом со

мной, из глаз его катились слезы. Если же я тогда не плакал, то лишь потому,

что менее конкретно представлял трагедию, которая надвинулась на нас. А он

как военный человек отлично представлял обстановку. Его нервы не выдержали,

вот он и расплакался. Он переживал за наши войска, за нашу неудачу. И эта

катастрофа разразилась буквально через несколько дней, как мы и

предполагали.

Ничего мы не смогли тогда поделать, несмотря на все усилия, которые я

предпринял. Не знаю, как защищал свой приказ Тимошенко перед Сталиным. Я его

и спрашивать не стал, потому что видел, что он тоже переживает. Он

представлял себе надвигающуюся катастрофу, и я не хотел возвращаться к

неприятному разговору. Назавтра встретились мы с Тимошенко и обменялись

мнениями, но уже не возвращались к его разговору с Москвой. И я ему тоже не

говорил о своем разговоре с Василевским. Не сказал об этом потому, что ко

мне приходил Баграмян. Приход Баграмяна ко мне, а не к маршалу, как я

ожидал, может наложить отпечаток на отношение Тимошенко к Баграмяну. Я не

хотел сталкивать людей. Наоборот, я покровительствовал Баграмяну. Это очень

спокойный, трезвый и вдумчивый человек...

Позавтракали мы с Тимошенко и решили поехать в район переправы через

Донец. Это была единственная переправа, через которую шло питание наших

наступавших войск. Переправа находилась на близком расстоянии от авиационных

баз противника. Противнику никаких трудов не составляло все время висеть над

ней бомбардировщиками и истребителями. Немцы страшно бомбили этот пункт, и

мы решили поехать туда, потому что считали, что от удержания нами этой

переправы, от нашей способности сохранить ее и не дать возможности прервать

поток снабжения боеприпасами и горючим наступавших частей в решающей степени

зависит устойчивость и сопротивляемость наших войск.

Приехали мы. Там имелись какие-то укрытия полевого характера. Эшелон за

эшелонем подлетали бомбардировщики врага и "разгружались" над этой

переправой, но переправа не была разрушена и продолжала работать. Потом мы

получили сведения, что неподалеку от этой переправы появился на своем

участке командующий войсками Южного фронта. Тимошенко

предложил: "Давай

поедем туда, обсудим дальнейшие действия и согласуем их с командованием

Южного фронта. Эта армия входит в состав Южного фронта, а противник как раз

будет прорывать оборону и окружать наши войска ударом с юга, то есть через

позиции 9-й армии". Мы вышли из укрытия, пробрались туда, где стояли наши

машины, и поехали на встречу с Малиновским. В деревушке на Донце

встретились. Зашли в домик, стали разбираться в обстановке. Обстановка была

очень напряженной, тяжелой. Я видел, что Малиновский и Тимошенко оба

смотрели на эту операцию, как на обреченную. Но ее надо было проводить,

потому что был дан приказ сверху и ничего нельзя было сделать. Когда мы

обсуждали ситуацию, вдруг кто-то ворвался из охраны и крикнул:

"Бомбардировщики летят прямо на нас". Мы хотели выйти, но тут крикнули, что

бомбы уже сброшены.

Малиновский дал команду: "Ложись!". Все легли. На меня навалился

командующий бронетанковыми войсками. Не помню сейчас его фамилию. Кажется,

Штевнев (19). Хороший генерал. Он потом погиб, бедняга.

Взорвались бомбы

около самого домика. Домик не пострадал. Следовательно, не пострадали и мы.

Кончилась бомбежка, мы вышли, закончили обмен мнениями. Не помню конкретно,

что наметили. Трудно было полностью определить наши действия при сложившихся

обстоятельствах. Оттуда мы не то вернулись к переправе, не то поехали в

Сватово на свой оперативный командный пункт.

На второй или третий день противник предпринял энергичное

контрнаступление на нашем левом фланге, взломал оборону, которая у нас там

имелась, и замкнул кольцо окружения наших войск внутри дуги. Случилось то,

что мы считали неизбежным при проявлении неразумного упорства в продолжении

наступления и выполнении задачи, которая была поставлена нами при начале

операции. События развивались очень быстро. Боеприпасы и горючее мы уже не

могли туда доставлять, и наша боевая техника стала неподвижной. Вот как раз

те условия, которые необходимы противнику, чтобы разгромить войска. Потом,

выехав поближе к Донцу, мы встречали там людей, которые прорывались из

окружения. Плотного прикрытия у противника не было, и

наши прорывались

поодиночке и группами. Вышел из окружения Гуров, который был при штабе 6-й

армии на главном направлении наступления. Он прорвался в танке сквозь

кольцо, которое уже замкнул противник.

Как люди выходили из окружения, хорошо рассказано и генералами, и

писателями. Я, видимо, лучше описать это не смогу, чем это уже сделано в

военной литературе. Гуров доложил, что он вынужден был сесть в танк и

прорываться. Другого выхода не было. Если бы он этого не сделал, то тоже

остался бы в тылу у немцев. Тогда раздавались отдельные голоса, которые

осуждали его. Их обладатели смотрели на меня: может быть, судить Гурова

Военным трибуналом за то, что он на танке вырвался из окружения? Но я

относился к Гурову с уважением, высоко ценил его честность и военную

сообразность. Я ответил этим людям: "Нет, хватит уже того, сколько там

погибло генералов. Хотите добавить еще и того, кто вырвался оттуда? Это дом

сумасшедших. Одних немцы уничтожили, а тех, кто вырвался, мы будем

уничтожать? Возникнет плохой прецедент для наших войск:

все равно, где

гибнуть, то ли под пулями немцев, то ли тебя уничтожат свои".

Все было кончено! Городнянский, командующий 6-й армией, из окружения не

вышел. Его штаб весь погиб. Командующий 57-й армией Подлас погиб. И штаб его

тоже погиб. Командующий опергруппой погиб, и его сын-подросток с ним вместе.

Погибло много генералов, офицеров и красноармейцев. Вышли оттуда очень

немногие, потому что расстояние между концами дуги было небольшим, и

противник плотно его перекрыл. Окруженные войска находились на большой

глубине. Технику они не могли использовать: не было горючего, не было

боеприпасов. А уйти пешком - далеко. Они были частично уничтожены, основная

же масса взята в плен.

Не помню, на какой день после катастрофы раздался звонок из Москвы.

Вызывают в Москву, но не командующего, а меня. Можете себе представить? У

меня было очень подавленное настроение, когда я летел в Москву. Вряд ли

нужно даже говорить, что я чувствовал. Мы потеряли много тысяч солдат,

утратили надежду, которой жили: надежду, что откроем страницу общих

наступательных действий против оккупантов в 1942 году. А закончилось

катастрофой. Инициатива наступления была наша с Тимошенко. Это тоже

накладывало на меня ответственность. То, что мы хотели изменить ход боевых

действий и предотвратить катастрофу, было слабо доказательно. Особенно перед

теми, от кого зависело приостановление операции. Ведь согласиться с

правильностью наших доводов - значит, согласиться с неправильностью своих

решений. Не для Сталина такое благородство. Это был человек вероломный.

Он на все пойдет, но никогда не признает, что допустил ошибку. Поэтому я

ясно представлял себе трагичность своего положения. Но у меня не было

другого выхода. Я сел в самолет и полетел, а сам морально был подготовлен ко

всему, вплоть до ареста.

Но как тогда быть с командующим? Значит, арестовать и командующего? Но

командующий, видимо, вел разговор другого характера, не проявил

сопротивляемости и согласился со Сталиным. Я же очень настаивал на своем, и

довольно упорно. Кроме того, не знаю, в чьем присутствии Сталин разговаривал

с Тимошенко. Когда разговаривал я, то там, за столом, передатчиком слов

Сталина и моих слов Сталину был Маленков. Я уверен, что там находились

Берия, Микоян, Молотов. Возможно, был и Ворошилов, но тут уверенности не

имелось. В это время Ворошилов уже был в большой опале у Сталина. Данное

обстоятельство - и в мою пользу, и не в мою пользу: такие свидетели -

неприятные свидетели. Обернулось же так, что оказались неприятными для

Сталина. Да, я оказался прав, когда настойчиво добивался через Маленкова

отмены приказа Сталина. Сталин меня не послушал. Но какое это имеет значение

при том положении, которое возникло? Все, что сказал Сталин, гениально. Все,

против чего выступал Сталин, никчемно, а люди, которые на этом настаивали, -

нечестные, а может быть, и враги народа.

Тогда очень широко гуляла по стране надуманная Сталиным теория

дальнейшего обострения классовой борьбы в СССР. Она запутала умы честных

людей и в партии, и вне партии. Сталин извратил все понятия. Действительно

имелись враги народа - настоящие, озлобленные враги Советской власти. Но в

ходе репрессий полетели головы честнейших людей,
преданных революции и

рабочему классу, доказавших это и в Гражданской войне, и при
строительстве

социализма. Они-то и сложили головы как "враги народа".
Одной головой

больше, одной меньше. Какое это имело значение для Сталина?
А как быть с

совестью? Совесть у Сталина? Его совесть? Да он бы сам
первый посмеялся: это

- буржуазный пережиток, буржуазное понятие. Все
оправдывается, что говорит

Сталин. То, что он говорит, - все лишь в интересах революции,
в интересах

рабочего класса.

Поэтому я ехал, летел и шел к Сталину, как говорится,
отдаваясь на волю

судьбы: что станет со мною, не знал. Встретились. Когда я вошел
в кабинет,

Сталин двинулся ко мне; точнее, не двинулся, а сделал шаг
в моем

направлении. Поздоровался. Сталин - это актер. Он умел
владеть собой,

никогда не выдавал: не то он кипит, не то относится с
пониманием. Он умел

носить маску непроницаемости. Поздоровались, и он говорит
мне: "Немцы

объявили, что они столько-то тысяч наших солдат взяли в
плен. Врут?".

Отвечаю: "Нет, товарищ Сталин, не врут. Эта цифра, если она объявлена

немцами, довольно точная. У нас там было примерно такое количество войск,

даже чуть больше. Надо полагать, что частично они были перебиты, а другая их

часть, названная немцами, действительно, попала в плен". Сталин ничего мне

не ответил. Я видел, как он кипит, и не знал, куда прорвется этот котел. Но

он сдержался: ничего мне не говорил больше, не упрекал ни меня, ни

командующего. Помалкивал. Перешли в разговоре на другие дела: что мы

предпринимаем? Какая есть возможность построить оборону по Донцу, с тем

чтобы противник не перешел Донец на этом направлении? Как задержать его

продвижение при наших очень ограниченных возможностях? Потом пошли обедать.

Не помню, сколько дней пробыл я в Москве. Чем дольше, тем более

томительно тянулось время, которое должно было чем-то кончиться для меня

лично. Но чем оно кончится, я был в неведении. Думал, что Сталин не пройдет

мимо такой катастрофы после нашей победы под Ростовом и громкой победы под

Москвой, не простит и захочет найти козла отпущения, продемонстрировав свою

**неумолимость, принципиальность и твердость: не
останавливаться, не**

**колебаться насчет судьбы личности, как бы она ни была
известна или даже**

**близка ему, если это касается интересов страны. Тут имелась
возможность**

**продемонстрировать это. Вот, мол, катастрофа разразилась по
вине такого-то**

**или таких-то. А правительство и Сталин ни перед чем не
останавливаются и**

**строго наказывают виновных людей. Я даже догадывался,
исходя из прежнего**

**опыта, как Сталин может формулировать. Он был большой
мастер на такие**

**формулировки. Да и в общем-то он человек был очень
одаренный, умный. Вопрос**

**заключается в том, как ум надо оценивать в разных случаях.
Одно дело, когда**

**ум направлен на соблюдение интересов революции, ее развития
и укрепления;**

**другое, - когда против революции под прикрытием горячих
лозунгов защиты ее**

**интересов. А в результате гибли люди, до глубины души
преданные делу Ленина,**

делу марксизма-ленинизма.

**В один из этих мучительных дней сидели мы за столом,
обедали. У Сталина в**

**то время обедов без того, чтобы не напились люди, хотят они
этого или не**

хотят, уже не бывало. Он, видимо, хотел залить совесть свою, одурманить

себя, что ли. Не уходил из-за стола трезвым и тем более не отпускал трезвыми

близких людей и тех из генералов и командующих войсками, которые приезжали

едок-ладами, если готовилась какая-нибудь операция. За обедом завел он

разговор о Харьковской операции довольно монотонным, спокойным тоном. Но я

знал эти кошачьи сталинские лапы. Смотрит он на меня и говорит: "Вот, в

Первую мировую войну, когда одна наша армия попала в окружение в Восточной

Пруссии, командующий соседней армией, удравший в тыл, был отдан под суд. Его

судили и повесили". Я говорю: "Товарищ Сталин, помню этот случай. По

газетам, конечно. Русские войска там раньше попали в плен к немцам. Власти

вынуждены были осудить Мясоедова, и его повесили. Он был предателем,

немецким агентом. Правильно сделал царь, что его повесил как предателя

России. Но только он был жандармским полковником, а не командармом". Сталин

ничего больше не сказал и дальше свои мысли не развивал. Но и этого было для

меня достаточно. Можете себе представить, как я себя чувствовал после такой

аналогии? Первая мировая война. Восточная Пруссия, крах русских войск и

затем казнь Мясоедова. И вот вам теперь 1942 г., операция с разгромом наших

войск. Член Военного совета, член Политбюро ЦК партии находится здесь и

Сталин ему напоминает, что в истории уже был "такой же случай" (20).

Я, признаться, прикидывал тогда так: это Сталин морально меня

подготавливает, чтобы я с пониманием отнесся, что в интересах Родины, в

интересах Советского государства и для успокоения общественного мнения надо

показать, что все виновные в поражениях строго наказываются. Тому уже был

пример в первые дни войны, когда немцы прорвались на Западном фронте,

уничтожили нашу авиационную технику и вообще смяли весь фронт. Фронт пал.

Если бы не пал, может быть, по-другому и протекала бы война. Тогда Сталин

арестовал, судил и казнил командующего войсками фронта генерала Павлова, его

начальника штаба и других лиц. Был уже такой прецедент. А тут и я, как

говорится, ожидал своей судьбы. Единственным затруднением для Сталина, как я

считал, был мой телефонный звонок к нему при свидетелях. Разговор велся

через Маленкова. Присутствовали, вероятно, и другие. Как бы ни близки были

эти люди к Сталину, он понимал, что просто так не обойдется. Возникнут

разные мнения, которые могут просочиться, сейчас же или потом, и это

обернется против Сталина.

Пробыл я в Москве некоторое время, и Сталин сказал, что я могу уезжать

опять на фронт. Я обрадовался, но не совсем, потому что знал случаи, когда

Сталин ободрял людей, они выходили из его кабинета, но тут же отправлялись

не туда, куда следовало, а туда, куда Сталин указывал тем, кто этим делом

занимался и хватал их. Я вышел. Ничего. Переночевал. Наутро улетел и

вернулся на фронт.

Там положение было очень тяжелым. Когда мы проводили зимой

Барвенково-Лозовскую операцию, обязанности распределялись так: командующим

войсками Юго-Западного направления был Тимошенко, командующим войсками

Юго-Западного фронта - Костенко, начальником штаба у него был Бодин, а

начальником штаба Юго-Западного направления с весны стал Баграмян. Я уже

говорил о Костенко. Это очень хороший и приятный

человек, боевой и

исполнительный генерал. Но, чтобы справиться с ответственными обязанностями

командующего войсками фронта, ему не хватало военной культуры. Мы тогда

считали, что если при командующем Костенко будет начальником штаба Бодин и

если Костенко станет внимательно относиться к своему начальнику штаба, то

промахов ожидать не придется. Я особенно надеялся на Бодина в смысле его

способности понимать обстановку. При любых ситуациях он всегда сможет прийти

на помощь своему командующему. А членом Военного совета утвердили Кириченко

(21).

Не помню, по какому случаю Бодин прилетел к нам в Сватово, где находился

штаб Юго-Западного направления. Но он тогда рассказал мне об обстановке в

штабе фронта и пожаловался: "Я хотел бы, чтобы вы знали. Когда мы переехали

из Воронежа и стали штабом Юго-Западного фронта, то стали злоупотреблять

питейными делами: и Костенко, чего я за ним раньше не замечал, и особенно

Кириченко. Сложилась для меня лично довольно тяжелая обстановка. Если я как

начальник штаба что-либо предлагал, то встречал при

обсуждении вопросов

сопротивление. Я не чувствую поддержки со стороны Кириченко. Ужасно трудно

стало работать, я не гарантирую, что будут приняты разумные решения". Эти

его соображения меня очень беспокоили. Я в честности Костенко не

сомневался, но больше ценил Бодина, считая, что он лучше разбирается в

военных вопросах. Я полагал, что Костенко без Бодина не сумеет справиться с

управлением фронтом. Когда производили назначения, я думал, что Кириченко

будет поддерживать Бодина. А тут Бодин сказал мне, что все обстоит наоборот.

Костенко с Кириченко вместе пьют и все вместе решают без Бодина. Мы обсудили

это с Тимошенко и решили, чтобы он по совместительству стал командующим

войсками Юго-Западного фронта. Так было нами доложено Сталину и им

утверждено. Потом я сказал Кириченко: "Как вам не стыдно? Почему вы стали

прислушиваться в чисто военных вопросах больше к Костенко, чем к Бодину?

Бодин - и более образованный человек в военных вопросах, и более

располагающий к себе и своими знаниями, и умением, и тактом. Почему вы

**повернулись к нему спиной и не стали его поддерживать?
Начали злоупотреблять
винными делами?"**.

**А когда я приехал к ним, то застал такую картину:
выходит ко мне**

**Кириченко в светло-серой шинели (а как раз в то время ввели
генеральские**

**шинели такого светло-серого тона). В царские времена генералы
носили шинели**

**такого цвета. Полиция, офицеры, приставы, надзиратели тоже
ходили в шинелях**

**такого цвета. Я - к нему: "Как вам не стыдно? Какой вы
генерал? Нарядились,**

**как павлин. Зачем вам это нужно? Разве вас это украшает или
поднимает в**

**глазах военных? Все равно военные знают, что вы не военный
человек. Вы здесь**

**- представитель партии, член Военного совета. Недостаточно
вам этого? Чем**

**партия вас наделила, тем и дорожите. Проводите нашу
политическую линию на**

**пользу армии и на пользу партии". После этого я уже никогда не
видел его в**

**такой шинели. Вот тоже характерная черта. Ведь мишура для
человека стала тут**

главное, чем политическая суть дела.

**Возвращаюсь к периоду, когда мы разделились на
командование Юго-Западного**

фронта и Юго-Западного направления. Мы потерпели жестокое

поражение. Люди

выходили из окружения. Тимошенко, пользуясь опытом Гражданской войны,

приказал: "Ну, и что? Разбежались войска? Поставьте кухни. К кухням солдаты

придут: им деваться больше некуда". Действительно, к кухням приходили

солдаты. Сколько-то в совокупности набралось. Еще кое-какие соединения мы

получили из резерва Верховного Главнокомандования: танковые корпуса и

стрелковые части. Стали возводить оборону. Более или менее построили. Когда

противник попытался переправиться через Донец, мы отразили все его атаки.

Видимо, у него к тому времени возникли уже другие планы. Потом это стало

ясно, хотя атаки на данном направлении он проводил жестокие. Затем они

прекратились, и вскоре вырисовался замысел противника. Он готовил главный

удар не тут, а севернее Харькова в направлении Воронежа. Немцы стали

подбрасывать туда пехоту и авиацию. Не помню, в мае или в июне немецкий

самолет приземлился на нашем аэродроме. Он потерял ориентировку. Самолет

перевозил штабные оперативные документы - карты и прочее. По этим документам

выходило, что противник имеет намерения (и существует уже разработанный и

оформленный документ) наступать на Воронеж. Через какое-то время один за

другим приземлились на наших аэродромах еще два немецких истребителя.

Конечно, мы взяли летчиков в плен, допрашивали их и выяснили, что они тоже

потеряли ориентировку. "Мы, - говорят, - летели на такой-то аэродром и сели

сюда. Думали, что это наш аэродром, а оказалось, что сели в вашем

расположении". Мы, конечно, докладывали в Москву, что идет подготовка

наступления противника, он стягивает войска, авиацию: вот

летчики-истребители попали к нам в плен, приземлились на нашем аэродроме,

сообщили то-то и то-то. Надо делать соответствующие выводы.

Помню в этой связи звонок Сталина. Разговаривал он со мной в такой манере

- иронически и с издевкой: "Ну, что там вам немцы подбрасывают? А вы

принимаете всерьез намерения противника? Они вам карту подбросили. Самолет

сел; истребители, вы докладываете, тоже садятся. Это делается для того,

чтобы ввести вас в заблуждение, дезориентировать". Одним словом, сказал, что

мы не понимаем, что это противник делает сознательно. А ведь в том самолете

помимо карт был еще и генерал! Тоже нарочно подбросили? Сталин не понял

намерений немцев. Он поверил в другую версию, которую они создавали,

распуская слухи (говорю это теперь на основе документов, которые

опубликованы в книге "Совершенно секретно!.."), что готовят удар в

направлении Москвы, то есть еще раз в том направлении, где потерпели

поражение зимой 1941 - 1942 года. Это им было нужно для дезориентации нашего

Верховного Главнокомандования, и им это удалось. И вместо того, чтобы

правильно разобраться в деле и создать мощную группировку войск восточное

Харькова, чтобы быть готовыми к отражению врага, мало что было сделано.

Наоборот, Сталин-то и клюнул на провокацию, которую задумал Гитлер, а

никаким данным, которые сообщали ему мы, не верил. Одернул нас, что мы,

дескать, слишком доверчивы, наивны. Он считал, что удар будет нанесен в

другом месте, и соответственно, мало что было предпринято, с тем чтобы

усилить наше направление.

Какими силами располагал враг, я сейчас не скажу. Но теперь это все

известно. Если бы был правильно разгадан замысел Гитлера, если бы правильно

оценили наше предложение и усилили наше направление, то мне кажется, что

тогда сдержать там немцев было возможно, ход войны был бы другим:

наступление немцев, по всей вероятности, ограничилось бы Донцом. Они бы

дальше на Восток не продвинулись. Что ужасно? То, что мы потеряли тысячи

людей, что мы опять отдали часть нашей территории, что мы продлили войну,

может быть на год, а может быть, и на два.

Итак, приближался срок, назначенный врагом. Мы с Тимошенко сами приняли

меры, какие могли, на нашем направлении. Выехали на командный пункт. Там

стояла наша 21-я армия. Командовал ею Гордов (22). Противник точно в

упомянутый им срок начал проводить операцию. Как всегда, развернулась

артиллерийская подготовка. Мы с командармом-21 и Тимошенко находились на

командном пункте: на чистой поляне было вырыто какое-то квадратное

углубление. Вот и все оборудование КП. Это похоже на Гордова. Он пренебрегал

опасностью и демонстрировал свою храбрость, да и действительно был храбрым

человеком. Сидели мы в этой яме у телефонов, а через нас летели, завывая,

снаряды. Завязались бои. Но соотношение сил оказалось неравным. Мы и не

рассчитывали на свой успех, если противник реально избрал это направление

для нанесения главного удара. У нас не имелось подкреплений, которые могли

бы дополнительно преградить путь противнику, хотевшему отсюда развивать свой

успех на Воронеж.

Наши войска были смяты, хотя и не сразу. Полная дезорганизация нашего

фронта наступила в середине или, может быть, уже к концу июня. Помню лишь,

что когда наши войска отступали, то уже стояли высокие рожь и пшеница.

Пехота и танки - все это бежало на восток по посевам. К нам в штаб прилетел

тогда Василевский. Усиленный нажим противника ощущался на направлении 38-й

армии, которой командовал Москаленко (23). Поговорив с Василевским, мы

условились: давайте сядем на автомашину и проедем к Москаленко. Там теперь

главное направление боев. Когда мы приехали в расположение войск Москаленко,

то застали ужасную картину. Самолеты противника безнаказанно летали на

бреющем полете и расстреливали все, что видели: отходящие автомашины, танки,

пехоту. Мы застали какое-то неорганизованное бегство. Василевский говорит:

"Давайте проедем в "хозяйство" командующего". Стали мы его искать. Знали,

где он находился раньше, и направились сначала туда. Когда подъехали, то там

уже снимались с места кухня и военторг.

Мы поняли по обстановке, что здесь-то и был штаб. Навстречу попался

здоровый такой парень, лицо у него - кровь с молоком. Солдаты о таких

говорили: "По физиономии видно, что из военторга". Не выходя из машины,

Василевский подозвал его. У Василевского (я уже упоминал) был мягкий

характер и деликатное обращение с людьми. Он говорит: "Послушайте,

послушайте, товарищ! Это не Москаленко ли хозяйство?". Тот отвечает: "Да,

Москаленко". "А где сам Москаленко?". Солдат сказал, что в таком-то селе,

неподалеку отсюда, не дальше чем в 10 километрах. Мы направились было туда.

Вдруг этот солдат закричал: "Стой! Стой!". Остановились. Этот краснорожий

нахал, глядя на Василевского, говорит ему: "Товарищ генерал, вы вчера у меня

отобедали и не заплатили за обед". Василевский перевел взор на меня, потом

на него: "Послушайте, батенька, что вы говорите? Как это могло случиться? Я

же здесь не был, только что приехал". И обращается ко мне, вроде бы за

подтверждением: "Вы же знаете, что я только что приехал?" Тот нахал тут же

отвернулся и ушел. Это, видно, тренированный был рвач: позволил себе

обратиться к незнакомому генералу с заявлением, что тот ему не заплатил за

обед. А Василевский стал оправдываться. Другой бы генерал иначе реагировал.

Недаром я с уважением относился к Василевскому, хотя никак не мог забыть

разгром наших войск южнее Харькова, и мой разговор с ним перед этим по

телефону, его реакцию на мою просьбу. Видимо, до конца жизни не забуду, не

смогу примириться, найти разумное объяснение поведению Василевского.

Поехали мы в указанном направлении, прибыли в то село, и еще не

развернулся штаб, как встретили Москаленко. Москаленко - человек очень

нервный, даже более чем нервный. Он встретил нас словами: "Вот, опять вы ко

мне приехали в такую минуту, когда я не могу голову поднять. Противник не

дает покоя". Так же он меня встречал и в других случаях, когда я у него

бывал. Потом он рассказал нам о расположении своих войск, хотя точно и не

мог знать это, потому что противник как раз в то время подавлял его бегущие

войска. Так началась новая катастрофа, уже восточное Харькова, в направлении

Воронежа, а потом и Сталинграда. Здесь мы уже отступали, как говорится, без

задержки. Как только закреплялись, враг опять сбивал нас с занятых позиций,

и мы вновь отходили. Тут у нас и не было сплошной линии фронта. Сражались

отдельные очаги сопротивления, а противник отгонял нас все дальше к Дону. И

оказались мы на воронежской земле. Не помню названия села, где расположился

наш штаб. Но помню, что у нас тогда не было сил, чтобы держаться на месте.

Разведка доложила, что на северо-запад от нас сконцентрированы танки

врага. Видимо, этой ночью он войдет с танками в село, где расположен наш

штаб. Знал ли противник, что здесь расположен штаб фронта, или нет, не могу

сказать. Мы предупредили всех работников штаба, чтобы, когда стемнеет, они

переправились через Дон. Село от Дона было не более чем в 20-ти километрах.

Мы рекомендовали никому на ночь не задерживаться в этом селе, потому что

люди могут попасть в плен к немцам. А мы с Тимошенко выжидали, пока

смеркалось: хотели использовать сумерки, чтобы проехать в полутемноте, но до

наступления ночи, потому что ночью ехать без фар невозможно, а, завидев

фары, противник расстреливал все машины. Приехали на переправу. Вражеские

самолеты бомбили ее. Не думаю, будто враг знал, что именно сейчас

переправляется командующий войсками и член Военного совета фронта. Нет,

любая переправа интересует противника. Там всегда концентрируются

транспортные средства, люди, и там их легче уничтожить.

Переправились мы на каком-то катере, не то лодке на левый берег Дона,

отъехали неподалеку и расположились в каком-то селе просто отдохнуть. Войск

у нас не было. Остались разрозненные части. Боеспособными единицами мы не

располагали. Такая вот была "веселая картина". Назавтра получили указание из

Москвы перенести штаб фронта в Калач-на-Дону, что западнее Сталинграда.

**Начальником штаба направления стал Бодин, Тимошенко
опять командовал**

**Юго-Западным направлением и Юго-Западным фронтом, а
Костенко к тому времени**

**погиб в Харьковской операции вместе со штабом 6-й армии.
Когда мы получили**

**указание из Москвы переместиться в Калач, я уехал туда с
Бодиным и**

**Баграмяном. Тимошенко же сказал, что останется с членом
Военного совета**

**Гуровым здесь, чтобы организовать те войска, которые сумеют
переправиться**

**через Дон. Мы уехали. Это было, на мой взгляд, очень
странное решение**

**командующего. Мне оно было непонятно. Позднее я даже не
спросил Тимошенко,**

**чем же оно было вызвано, и только сам сделал вывод, что,
видимо, Тимошенко**

**морально подавлен, хочет как-то оправдаться перед самим
собой.**

**Несколько дней не имели мы с ним связи. Он не имел связи и
со штабом. Мы**

**его просто не могли найти. Когда Сталин обращался к нам, то
мы не могли**

**ответить, где находится командующий. Получалось, что вроде
бы мы его где-то**

**бросили. Можете себе представить? Это в сталинские-то
времена, когда любому**

**мерещилось на каждом шагу - измена, предательство! В
тяжелейший период для**

нашей армии и уже дважды подряд на направлении, где командует Тимошенко и

где я являюсь членом Военного совета, подвергаются такому жестокому разгрому

наши войска. А командующего вообще нет. Значит, он сбежал? Нет вместе с ним

и члена Военного совета дивизионного комиссара Гурова. Ей-богу, появилась у

меня тогда такая мысль. Хотел ее отогнать, но она как бы сама нанизывалась

на факты. При Сталине он свое понимание вещей буквально вбивал в сознание

каждому, с кем соприкасался. Естественно, зародились нехорошие мысли и в

отношении Тимошенко.

Получаем новый приказ - переместить штаб в Сталинград. Там находилась

какая-то группа лиц, которая должна была проинформировать нас, что входит в

наше распоряжение и в состав нашего нового. Сталинградского фронта. Мы с

Бодиним поехали на автомобиле и в дороге встретили Тимошенко! Позднее Гуров

рассказывал мне, что они отсиделись в стоге сена. Разостлали под собой бурки

и командовали теми, кто был вокруг. Никакой связи не имели, никого близко не

знали. "У Тимошенко, - говорил Гуров, - было такое настроение: что же поеду

**я сейчас и буду сидеть в штабе? Что я смогу сказать Сталину?
Войск нет,**

**управлять нечем. Мне будут указывать, как отражать натиск
противника, а**

**отражать-то нечем. Одним словом, все сразу: и уязвленное
солдатское**

**самолюбие, и огорчение. Он, конечно, переживал не меньше, чем
я. Его (теперь**

**уже не меня) обвиняли в этом поражении, а виноваты были
Генеральный штаб и**

**лично Сталин. Между собою мы не обменивались мнениями по
данному вопросу. Я**

**был, конечно, настороже, потому что Тимошенко в разговоре
со Сталиным**

**согласился, как сказал мне Сталин при телефонном разговоре
через Маленкова,**

**что это я нажал на Тимошенко в ходе Харьковской операции.
А мне уже**

**достаточно было, что я назойливо добивался утверждения
решения нашего штаба**

**и тем самым вызвал в мае недовольство и раздражение со
стороны Сталина.**

**Уехали мы в Сталинград вдвоем с Бодиним. Тимошенко же
опять не поехал,**

**хотя имелось прямое указание Сталина прибыть туда, и даже
было указано**

**время. Ехали мы с Бодиним вдвоем на автомашине.
Настроение, конечно, хуже**

**некуда. Переносим свой штаб в Сталинград и знаем, что на всем
пространстве**

между Доном и Сталинградом у нас почти нет войск. Есть какие-то

дезорганизованные их остатки, не представляющие боевой силы, на которую

можно положиться, чтобы задержать противника. Помню даже такую мелочь.

Перебрались через реку Хопер. Бодин говорит: "Давайте искупаемся". Роскошь

для того времени. Не до того было. Но мы под влиянием южного солнца решились

и искупались. Прибыли в Сталинград. Я впервые попал в этот степной город. На

меня он произвел впечатление большой деревни, за исключением той его части,

где расположен тракторный завод. Там виднелись современные постройки

кирпичной кладки, четырех- и пятиэтажные. Там же заводы "Баррикады" и

"Красный Октябрь", мельница, другие сооружения. Преобладали деревянные

строения. Я был поражен, что в степи, где вообще нет леса, за исключением

Дубовой роши на левом берегу напротив Сталинграда, в нем сплошь деревянные

постройки. Потом понял, что Волга посылала сюда на своей груди плоты,

поэтому лес был тут дешевый.

Нас встретил генерал Толбухин (24). Он был назначен начальником

**укрепрайона Сталинграда и занимался строительством
укреплений: рытьем**

**траншей и противотанковых рвов. Мало еще было сделано.
Видимо, не так давно**

**началось строительство. Боевых единиц у Толбухина имелось
тоже очень мало.**

**Нам доложил представитель Генерального штаба (не помню, кто
это был), что**

**здесь находятся армии 62-я и 57-я неполного состава. 57-й
армией потом**

**командовал Толбухин, 64-й - Чуйков, 62-й - Колпакчи (25).
Стояли там и**

**соединения, в частности, механизированная бригада (26).
Командовал ею**

**полковник Бурмаков, а членом Военного совета был хорошо
известный мне**

**человек: когда я был секретарем Бауманского райкома партии
Москвы в 1931 г.,**

**он являлся секретарем парткома мясо-молочного комбината
имени Микояна. Очень**

**задорный такой был паренек, еврей, энергичный и хороший
секретарь партийной**

**организации, инициативный человек. Прекрасно вел себя и,
будучи комиссаром**

**этой мехбригады, имел звание полкового комиссара.
Находились там также**

другие воинские части, но мелкие.

**Вскоре после того, как мы с Бодиним прибыли в Сталинград,
меня вызвали в**

Москву. Приехал я в столицу, ожидал опять всяческих неприятностей. Неудачи

на фронте не могли сулить мне каких-то приятностей в Москве. Но Сталин

никаких упреков на этот раз мне не делал. Я даже подумал, что, может быть,

он как-то осознал свою неправоту в том, что не послушал меня, когда я

добивался утверждения нашего приказа перейти к обороне на Барвенковском

направлении? Сталин это, конечно, сказать не мог. Если он даже так думал, у

него язык не повернется признать, что он был не прав, а кто-то прав. Я

ничего такого не слышал от него никогда, не мог ожидать и не ожидал этого и

теперь. Но то, что он встретил меня довольно спокойно, хотя создавшееся

положение было очень тяжелым, позволило мне тогда так думать. Сталин

расспрашивал меня о событиях, но я мало что мог сказать, потому что пока не

знал ни города, ни обстановки. Рассказывал больше он, какие там находятся

армии и как нужно организовать оборону города. Вдруг он ко мне обернулся и

сказал: "Кого назначить туда командующим?". А насчет Тимошенко молчит.

Тимошенко командовал тем Юго-Западным фронтом, который теперь превращался

в Сталинградский. Поэтому, естественно, возникал прежде всего вопрос о его

кандидатуре. Я тоже не стал говорить о Тимошенко. А только спросил: "А вы

как считаете?". Он мне: "Можно назначить командующим войсками фронта

Еременко, но он лежит в госпитале и не может сейчас приступить к

командованию". Я о Еременко тогда только слышал, но лично его не знал и с

ним никогда не встречался. Поэтому ничего не мог толком сказать о Еременко.

Однако раз Сталин хорошего о нем мнения, то у меня не имелось оснований

возражать. Для меня фамилия Еременко была свежей. Я знал только, что он

дрался с немцами в районе Гомеля и на подступах к Курску. Как раз с этого

направления враг ударил на юг и замкнул в окружении нашу группировку в

районе Киева. Сталин опять начал нажимать, чтобы я назвал командующего

войсками Сталинградского фронта. Называть мне Тимошенко? Для Сталина это

была бы тогда не находка. Сталин сам знал Тимошенко, и лучше, чем я. Еще по

Первой Конной армии Буденного. Тимошенко вообще был на виду, особенно после

репрессирования командного состава Красной Армии в 30-е годы. На фоне

оставшихся командиров Тимошенко выглядел довольно заметно.

Когда еще я уезжал из Москвы в Киев первым секретарем ЦК КП(б)У,

командующим войсками округа в то время был Тимошенко, и Сталин дал мне о нем

благоприятный отзыв и хорошую характеристику. Правда, характеристика

заклучалась главным образом в том, что это честный человек, на которого

можно положиться. Конечно, Сталин глубокого доверия никогда и никому не

оказывал. Всегда у него было заложено внутренне какое-то подозрение к любому

человеку. Он мне как-то сказал в пылу откровения: "Пропавший я человек,

никому не верю. Я сам себе не верю". Это он сказал мне в 1952 г., в Сухуми,

в присутствии Микояна. Вот характерная черта Сталина. Не знаю, что тогда на

него нашло, если он набрался вдруг духу и откровенно сам дал себе

характеристику. А в 1942 г. я сказал ему: "Товарищ Сталин, я могу назвать

кандидатов только из числа тех людей, которые командовали войсками на нашем

направлении. Других я не знаю. Поэтому командующего на Сталинградский фронт

должны назвать вы. Вы больше людей знаете, у вас шире горизонт" - "Да что

вы? Что вы? Я уже сказал вам про Еременко. Очень хорошим был бы там

командующим Власов, но Власова я сейчас не могу дать, он с войсками в

окружении. Если бы можно было его оттуда отозвать, я бы утвердил Власова. Но

Власова нет. Называйте вы сами, кого хотите!" (27). Крепился я, крепился, но

был поставлен в такие условия, что не мог выйти из помещения, пока не назову

командующего войсками Сталинградского фронта. Говорю: "Из людей нашего

фронта я назвал бы Гордова, даже при всех его недостатках (недостаток его

заклучался в грубости. Он дрался с людьми). Сам, - продолжаю, - очень

щупленький человечек, но бьет своих офицеров. Однако военное дело он

понимает. Поэтому я бы назвал его".

В то время он командовал 21-й армией и был в нашем распоряжении. Я уже

знал его поближе по участку фронта, который он занимал на Донце. Членом

Военного совета у него был Сердюк.

Я от Сердюка имел характеристику на Гордова - и хорошую, и плохую.

Хорошую - в смысле знания дела, его энергии и храбрости; плохую - насчет его

грубости вплоть до избиения людей. Это, правда, в то время

считалось в

какой-то степени положительной чертой командира. Сам Сталин, когда ему

докладывал о чем-либо какой-нибудь командир, часто приговаривал: "А вы ему

морду набили? Морду ему набить, морду!". Одним словом, набить морду

подчиненному тогда считалось геройством. И били! Потом уже я узнал, что

однажды Еременко ударил даже члена Военного совета. Я ему потом говорил:

"Андрей Иванович, ну как же вы позволили себе ударить? Вы ведь генерал,

командующий. И вы ударили члена Военного совета?!". "Знаете ли, - отвечает,

- такая обстановка была". "Какая бы ни была обстановка, есть и другие

средства объясняться с членом Военного совета, нежели вести кулачные бои".

Он опять объяснил, что сложилась тяжелая обстановка. Надо было срочно

прислать снаряды, он приехал по этому вопросу, а член Военного совета сидит

и играет в шахматы. Я говорю ему: "Ну, не знаю. Если он играл в шахматы в

такое трудное время, это, конечно, нехорошо, но ударить его - не украшение

для командующего, да и вообще для человека". Потом этот член Военного совета

стал секретарем Астраханского обкома партии, уже после смерти Сталина.

Порядочный был человек, заслуживающий уважения (28).

Давал в морду и Буденный. Я уже рассказывал, как он ударил солдата. Бил

подчиненных и Георгий Захаров (29). Потом он стал заместителем командующего

войсками Сталинградского фронта. Я его ценил и уважал как человека,

понимающего военное дело. Он преданный Советскому государству и

Коммунистической партии воин, но очень не сдержан на руку. На Сталинградском

фронте я, правда, уже никогда не видел, чтобы Еременко позволил себе

рукоприкладство. Я только знал о таких фактах его жизни в прошлом.

А пока что, одним словом, я назвал Сталину Гордова. Сталин говорит:

"Хорошо, утвердим Гордова". Тут же, как обычно, сидел Молотов. Сталин и

говорит ему: "Бери блокнот, карандаш и пиши приказ о назначении Гордова".

Вскоре Гордов приступил к исполнению обязанностей командующего войсками

фронта (30).

Начали мы возводить оборону. Спустя какое-то время Бодина отозвали в

Москву и назначили заместителем Василевского. Он получил

таким образом

большое повышение. На это назначение повлияли и мои характеристики, которые

я давал на него неоднократно Сталину. Я просто очарован был Бодиним. И

сейчас не отказываюсь от всего того, что говорил хорошего в адрес этого

человека. Он погиб уже давно, в 1942 году (31). Это был замечательный

генерал. Сейчас не помню, кто же был на первых порах начальником штаба

фронта в Сталинграде. Баграмян уже был отозван в Москву. Я даже несколько

волновался: не отозван ли он по соображениям, угрожающим его персоне? Он

уехал, и после этого я на фронте уже никогда с Баграмяном не встречался.

Только слышал о нем и радовался, что он по заслугам оценен и занимает

высокие посты. Он крепко отличился во время войны.

Противник стал подтягивать войска к Сталинграду, и наши армии вошли с ним

в соприкосновение. Было это в июле, жарища стояла жуткая. Поехали мы с

Гордовым в 62-ю армию, к Колпакчи. Докладывает он нам о положении дел, как

вдруг слышим стрельбу. Эти артиллерийские выстрелы были для нас

неожиданностью. Мы выскочили из дома, смотрим: наши танки

отходят как раз в

**нашем направлении и ведут огонь, и по ним тоже стреляют.
Одним словом,**

**непонятная какая-то картина. Что же творится на фронте?
Командующий армией**

**Колпакчи нам ничего тревожного не докладывал, и вдруг
неожиданно противник**

**подошел к расположению штаба армии? Вышли мы с Гордовым.
Там лежала копна**

**сена. Небольшая, но все-таки возвышенность. Забрались на
нее и стали**

смотреть в бинокли, что случилось? Ничего нельзя было понять.

**Оказалось, что противник прорвался и начал теснить нас.
Немцы форсировали**

**Чир, южнее заняли Цимлянскую и стали непосредственно
угрожать нам. Произошло**

**что-то невероятное на Южном фронте. Сведений оттуда мы не
получали и поэтому**

**не знали, что там делается, к югу от нас. Потом уже узнали, что
катастрофа**

**разразилась в значительно большем масштабе, чем можно было
предположить. Не**

**только наш Юго-Западный фронт был разгромлен, но и Южный
фронт был врагом**

**смят. Довольно солидной обороной вокруг Ростова мы
даже и не**

**воспользовались. Противник обошел Ростов, дезорганизовал
оборону, и я не**

знаю, сколько наших взял в плен, сколько перебил, а другие

бежали от него

через Дон.

Я бывал там раньше, когда строили укрепленный район под Ростовом. Строил

его непосредственно Кулик (32), имевший полномочия от Сталина. В Ростове у

него был свой штаб, и он довольно упорно вел нужные работы. Было сделано

много: отрыты противотанковые рвы, возведены земляные укрепления,

расставлена артиллерия. Все это строилось километрах в 20 - 30-ти от

Ростова, и имелась надежда, что противник никак не сможет с ходу взять

Ростов. Море и Дон прикрывали фланги, а с севера были построены укрепления.

Командование этими укреплениями было подчинено Южному фронту. Как противник

вышел на Дон восточное Ростова, мы не могли понять. Что же случилось с

Ростовом? Позже мы узнали, что наши войска бежали, и противник занял Ростов

без боя: немцы сначала вышли восточное Ростова к Дону и стали форсировать

его. В результате Ростов просто был оставлен (33). Малиновского сняли с

должности. Над ним нависла угроза немилости Сталина.

После разгрома наших войск под Ростовом противник быстро занял

Цимлянскую. Падение Цимлянской - это непосредственная угроза Нижней Волге.

От Цимлянской до Волги рукой подать. Цимлянская, Калач-на-Дону и Волга -

километров 150. Я сейчас стал уже забывать расстояния, хотя тогда измерял их

довольно часто на своей автомашине. Из-за плохой распорядительности

командующего 62-й армией Колпакчи мы с Гордовым освободили его от должности

и в следующем месяце назначили Лопатина (34). Завязались бои с немцами уже

на подступах к Дону, у Калача. А в Цимлянской они вообще уже были на Дону.

Однажды мы с Гордовым решили поехать в 64-ю армию и познакомиться с ее

командующим Чуйковым. Я Чуйкова прежде не знал, а только слышал, что это

боевой генерал, который был нашим военным советником у Чан Кайши. Он только

что приехал из Китая и сразу принял резервную 64-ю армию. Армия эта стояла

южнее. Поехали мы к ней по степи. Тревожных донесений с этого фланга тогда

не имели. Но когда приехали туда, увидели ужасную картину. Там тянутся

калмыцкие полупустынные степи. Много земель, непригодных для обработки. По

ним, как белые лебеди на буром фоне, рассыпанным строем тянулись от Дона на

восток бойцы 64-й армии. Они были прижаты противником к Дону и вплавь,

сбросив обмундирование, в нижнем белье переплывали, кто мог, реку и

отступали на восток. Приехали мы в расположение штаба. В небольшом

кустарнике стояли машины и все остальное, что нужно для штаба. Никаких

строений не было. Дорожки были хорошо распланированы, убраны и почищены. Там

познакомились мы с новым командующим армией.

Чуйков был элегантно одет. Необычно, не так, как другие наши генералы

одевались во время войны. Ходил со стеклом в руке. Производил впечатление

человека с претензией. Создалось не особенно-то приятное впечатление. Гордов

набросился на него со всей своей грубостью и руганью. И действительно: ведь

армия потеряла управление. Учитывая тяжелую обстановку того времени и то,

что Чуйков только что прибыл из Китая и внешне выглядел довольно вычурно, он

производил невыгодное впечатление. Мы вынуждены были поставить вопрос о его

замене. Освободили Чуйкова, передвинули его в опергруппу, а назначили взамен

на 64-ю армию Шумилова. Шумилов прежде замещал командующего 21-й армией.

Чуйкова мы взяли в резерв фронта. Шумилов, когда принимал армию, попросил,

чтобы перевели вместе с ним и члена Военного совета Сердюка. Он говорил, что

они привыкли друг к другу и уважают друг друга. Мы уступили и перевели

Сердюка членом Военного совета в 64-ю армию. Так Шумилов с Сердюком и

продолжали управлять этой армией, вплоть до разгрома войск Паулюса под

Сталинградом. Потом, после разгрома Паулюса, я встретился с Шумиловым и

Сердюком уже тогда, когда они пришли к нам на Курскую дугу и заняли участок

по Донцу. Их армия называлась уже 7-й Гвардейской: 64-я в результате

успешных боев под Сталинградом была названа Гвардейской. Она пришла в полном

составе и заняла участок фронта севернее Белгорода.

А пока что мы с Гордовым поручили Чуйкову собирать отставших бойцов,

организовать из них отряды и действовать против врага. Чуйков занялся этим

делом. Он быстро организовал отряд, не помню, какого состава, отличился,

хорошо наносил удары по врагу, который рвался к Волге. Это было уже перед

осенью. Между тем получилось так, что командующий 62-й армией (35) обманул

командующего войсками Сталинградского фронта, которым стал в то время уже

Еременко (36). Возник вопрос, кого же назначить командующим 62-й армией,

которая отходила прямо к Сталинграду и должна была защищать его? К этому

времени у меня сложилось уже очень хорошее впечатление о Чуйкове. Мы

позвонили Сталину. Он спросил: "Кого же вы рекомендуете назначить на 62-ю

армию, которая будет непосредственно в городе?". Говорю: "Василия Ивановича

Чуйкова". Его почему-то всегда называли по имени и отчеству, что было в

рядах армии редко. Не знаю, почему так повелось. Сталин спрашивает: "А не

пропьет он армию?". Отвечаю: "Товарищ Сталин, я никогда не слышал, что он

пьяница и может как-то пропить армию. Не знаю, откуда у вас такие сведения о

Чуйкове. Чуйков себя очень хорошо показал как командующий отрядом, который

он сам организовал. Думаю, что он и впредь будет хорошим организатором и

хорошим командующим 62-й армией". Сталин: "Хорошо, назначайте. Утвердим

его".

Это произошло уже при Еременко. Тогда противник прижал нас. Не помню

точно, когда к нам прибыл с фронтовым штабом Еременко. Сначала ему был

отведен особый участок и выделены для него войска. Он находился в составе

Сталинградского фронта с какими-то особыми полномочиями. Это было мне и

тогда непонятно, и сейчас я никак не могу разобраться, что это значило.

Пришел он, представился. Я с ним тогда и познакомился, но не понимал его

полномочий. Но раз доложил, то и ладно. На войне приветствуется всё и все,

кто может стрелять. Так он начал действовать там.

Кончалось жаркое лето 1942 года. Жаркое во всех отношениях.

(1) Генерал-лейтенант.

(2) Большая Мартыновка на реке Сал.

(3) Елецкая операция - наступательная операция войск правого крыла

Юго-Западного фронта 6-16 декабря 1941 года.

(4) Заново 10-ю армию сформировали в ноябре 1941 г., в составе

Юго-Западного фронта она была включена в феврале 1942 г., командовал ею

генерал-майор ПОПОВ В.С. Что касается его "молодости", то он был однолеткой

Хрущева, родившегося в 1894 году.

(5) Генерал-лейтенант ГОЛИКОВ Ф.И. командовал ею с ноября 1941 г. до

февраля 1942 года.

(6) 1-й гвардейский кавалерийский корпус (командовал генерал-майор БЕЛОВ

П.А.).

(7) Барвенково-Лозовская наступательная операция 18-31 января 1942 года.

(8) 6-й кавалерийский корпус (командовал генерал-майор БЫЧКОВСКИЙ А.Ф.).

(9) Генерал-майор ГРЕЧКО А.А. командовал в январе-апреле 1942 г. 5-м

кавалерийским корпусом.

(10) 1-й кавалерийский корпус (командовал генерал-майор ПАРХОМЕНКО Ф.А.).

(11) Там действовали несколько (количество менялось) танковых бригад.

(12) Перед впадением в Северский Донец там сливаются реки Сухой Торец и

Казенный Торец.

(13) Командовавший 9-й армией генерал-майор ХАРИТОНОВ Ф.М. умер 28 мая

1943 года.

(14) Генерал-лейтенант ГОРОДНЯНСКИЙ А.М., генерал-лейтенант ПОД-ЛАС К.П.

(15) Генерал-майор БОБКИН Л.В.

(16) Член РКП(б) с 1921 г. генерал-лейтенант ГУРОВ К.А. являлся членом

Военного совета Юго-Западного фронта с января 1942 г., а умер 25 сентября

1943 года. А в 62-й армии (командующий ЧУЙКОВ В.И.) он был членом Военного

совета с июля 1942 года.

(17) Дивизионный комиссар БОКОВ Ф.Е., являвшийся военным комиссаром

Генерального штаба с августа 1941 года.

(18) ШТЕМЕНКО С.М, был тогда заместителем начальника направления в

Оперативном управлении Генштаба.

(19) Генерал-лейтенант ШТЕВНЕВ А.Д.

(20) Хрущев поправляет тут Сталина, который случайно, либо намеренно,

связал воедино разные события. В окружение попала в августе-сентябре 1914г.

2-я армия (командовал генерал от кавалерии САМСОНОВ А.В.). 1-я армия

(командовал генерал от кавалерии фон Ренненкампф П.К.) не помогла ей. Затем

Ренненкампф во время Лодзинской операции (октябрь-ноябрь 1914 г.) не закрыл

отход попавшей в мешок немецкой ударной группе войск (ею командовал генерал

Шеффер Р.), после чего был отстранен от командования и уволен в отставку.

Арестован же и судим он был советскими органами власти и расстрелян (а не

повешен) в 1919 г. в Таганроге. Хрущев как раз в те годы участвовал в

освобождении Таганрога от белых, поэтому мог помнить

описание всех перипетий

событий 1914 г. по сообщавшим тогда о деле Ренненкампа местным газетам. Что

касается жандармского офицера МЯСОЕДОВА С.Н., изобличенного как пособника

германских шпионов в 1915 г., то он был близок к жене русского военного

министра СУХОМЛИНОВА В.А., завербованной германо-австрийской разведкой.

Именно Мясоедов и другие "стрелочники" по делу о министре были осуждены.

СУХОМЛИНОВ же, арестованный лишь в 1916 г., был судим в сентябре 1917 г., а

в 1918 г. немецкая агентура помогла ему бежать в Германию.

(21) КИРИЧЕНКО А.И.

(22) Генерал-майор ГОРДОВ В.Н.

(23) Генерал-майор артиллерии МОСКАЛЕНКО К.С. командовал этой армией в

марте-июле 1942 г.

(24) Заместитель командующего войсками Сталинградского военного округа

генерал-майор ТОЛБУХИН Ф.И., которому было поручено отвечать за укрепленный

район.

(25) 64-й армией в июле-августе 1942 г. командовал генерал-лейтенант

ЧУЙКОВ В.И.; 62-й армией в те же месяцы - генерал-майор КОЛПАКЧИ В.Я.

(26) 38-я мехбригада.

(27) ЕРЕМЕНКО А.И., упомянутый Сталиным, находился тогда в резерве Ставки

ВГК. ВЛАСОВ А.А., в ту пору командовал на Волховском фронте 2-й ударной

армией, которую не сумел вывести из окружения при осуществлении Любанской

операции, задуманной для прорыва к блокированному Ленинграду, после чего он

совершил летом 1942 г. измену.

(28) МАМОНОВ Ф.А. 1-м секретарем Астраханского обкома КПСС он был в

1950-1954 годах.

(29) Генерал-лейтенант ЗАХАРОВ Г.Ф. Хрущев называет его по имени, чтобы

не спутали с ЗАХАРОВЫМ М.В., в то время начальником штаба Калининского

фронта.

(30) Генерал-лейтенант ГОРДОВ В.Н. командовал войсками Сталинградского

фронта в июле-августе 1942 года.

(31) БОДИН П.И. погиб в бою у г. Орджоникидзе (Владикавказ) 2 ноября 1942

года.

(32) КУЛИК Г.И. числился в те недели "в распоряжении наркома обороны

СССР", то есть Сталина.

(33) Это, второе оставление Ростова нашими войсками

произошло 24 июля

1942 года.

(34) Генерал-майор ЛОПАТИН А.И. командовал 62-й армией в августе-октябре

1942 года.

(35) То есть ЛОПАТИН А.И.

(36) Генерал-полковник ЕРЕМЕНКО А.И. командовал войсками Сталинградского

фронта в августе-декабре 1942 года.

У РУИН СТАЛИНГРАДА

Противник сосредоточил свои усилия в направлении Калача-Сталинградского

(1). На наших реках, текущих к югу, правый берег господствует над левым.

Если противник подойдет к Дону и займет его правый, высокий берег, то сможет

создать благоприятные условия для форсирования реки: он сумеет подавлять

оборону на большую глубину артиллерийским и пулеметным огнем и под его

прикрытием форсировать Дон или здесь, у Калача, или в другом месте. Мы

делали все, что только было в наших силах, чтобы не

допустить этого.

Сталинградский тракторный завод оказывал нам очень большую помощь ремонтом

поврежденных в бою танков. Мы, опираясь на эту помощь, собрали все подбитые

и изношенные боевые машины, которые у нас были, стащили их на тракторный

завод и мобилизовали рабочих на ремонт.

Я говорю: мобилизовали. Можно понимать так, будто мы приложили какие-то

усилия, чтобы как-то заставить рабочих и инженеров приступить к ремонту.

Ничего этого не было. Рабочие, инженеры, служащие, все жители Сталинграда

отдавали фронту все, что могли. И как только мы сказали, что обращаемся с

такой просьбой, сейчас же рабочие и инженеры, взявшись за дело, начали

ремонтировать танки. Таких танков набралось немало. Из них мы потом создали

материальную часть для танковой армии и назвали ее 1-й танковой армией. Не

знаю сейчас точно, сколько имелось в ней танков и какой системы. Т-34

числились единицами. Основную часть машин составляли устаревшей конструкции

танки, которые и по вооружению, и по броне не находились на уровне

требований, стоявших перед танковыми войсками. Слабы были

эти танки. Но,

все-таки, это танк! Все-таки, это броня, а не человеческая кожа.
Поэтому мы

возлагали большие надежды на эту танковую армию.

Помню нашу радость, когда мы закончили ремонт и организовали армию.

Командующим этой армией назначили генерала Москаленко (2).
Он стал первым из

командующих танковыми армиями в СССР. Мы вывели его армию в направлении

Калача. Перейдя Дон, она вышла на его правый берег, с тем чтобы преградить

путь противнику, который рвался к Калачу. Должен сейчас признать, что мы

тогда несколько переоценили надежды, которые возлагали на эту танковую

армию. Когда она переправилась через Дон, мы вздохнули несколько

посвободнее, поскольку считали, что она не позволит противнику подойти с

ходу к Дону.

Мы с командующим войсками фронта Гордовым перенесли фронтовой командный

пункт под самый Калач, в какой-то хутор на левом берегу Дона. Заняли там

домик буквально у самого берега реки, второй с краю в западной части хутора.

Заняли его потому, что все время летали немецкие бомбардировщики и бомбили

наши позиции. Там стояла батарея, которая прикрывала
переправу и привлекала

внимание бомбардировщиков. Они всегда разворачивались в
воздухе над этим

хутором, как раз над нашим домиком. А мы надеялись на то,
что противник

никогда не подумает, что именно в этом месте находятся
командующий войсками

и член Военного совета фронта. Здесь же был расположен пункт
связи. Все это

было замаскировано, а жили мы в домике.

Был и такой случай. Приехал к нам на фронт Василевский
(3), начальник

Генерального штаба. Поговорили, он познакомился с
обстановкой. Пришло время

ночного отдыха. Мы с ним расположились на сене. Постлали
его, а сверху

положили жерди: прикрылись, одним словом, и от росы, и от
солнца. Долго не

могли уснуть. Только задремали, как я услышал шум.
Проснулся и Василевский.

Оказалось, приехал Москаленко. Приехал очень нервный и
возбужденный. Говорю:

"В чем дело?". Москаленко вообще человек легко возбудимый.
Это я знал. Но

тут он был особенно не в себе, ругал танкистов: "Такие они
сякие, не хотят

воевать. Я револьвером угрожаю, заставляю их продвигаться
вперед". Я ему:

"Вы успокойтесь прежде всего". А он опять начал волноваться, не может никак

себя сдержатъ. "Да в чем же дело?". Отвечает: "Вот столько-то потеряли мы

танков и так-то вот ведут себя танкисты". Очень неодобрительно он о них

отзывался. Да, несдержанный был человек по характеру. Но я ценил его за

беспредельную преданность Родине и безграничную храбрость. И тогда я

предложил Василевскому: "Давайте поедem и посмотрим танковую армию".

Ночь была лунная. Знаете, как бывает на юге? Хоть газеты читай при луне.

Сели мы на машину и поехали. Ехать нужно было обязательно через Калач, ибо

там была переправа. Мы быстро поднялись в гору, так как я считал, что

танковая армия находится западнее Калача, оказалось же, что она отошла к

берегу Дона. Ехали мы при луне без фар. Было тихо, никакой перестрелки. Как

бы мирная, спокойная украинская ночь, воспетая великим Гоголем. Вышли мы из

машины, смотрим. Москаленко подвел нас поближе: "Вот, - говорит, - мы

танками раздавили пушку". Действительно, пушка противника выведена из строя,

тут же лежит перебитый обслуживающий персонал - артиллеристы. Одним словом,

танки уже поработали. Всюду разбросаны немецкие мины - противотанковые и

противопехотные. То есть мы увидели, что противник подтянул сюда даже

саперов. Одним словом, подготовился к форсированию Дона.

Но наша танковая армия быстро была выведена из строя. Что могли, мы

оттаскивали в промоины у берега Дона. Промоины, как правило, зарастают

кустарником. Поэтому создавались благоприятные условия для маскировки,

укрытия подбитых танков. Решили мы танки тут же и ремонтировать. Не тащить

же их в Сталинград. Лучше ремонтировать на месте. Тем более что завод был

близко. Рабочие приехали сюда сразу с инструментами, расположились в

прибрежных расщелинах и начали ремонт. Члену Военного совета Кириченко мы

поручили, чтобы он все время оставался с рабочими и помогал им организовать

ремонт.

Противник быстро нащупал нас. С воздуха было видно все-таки, и маскировка

оказалась недостаточной. Это ведь не лес был, а кустарник. Враг принялся

бомбить и очень досаждал нам упорной бомбежкой. Мы несли потери и в людях, и

в танках. Враг, конечно, считал, что там находились не только

ремонтируемые,

а и замаскированные целые боевые машины. Кое-что все-таки сумели

отремонтировать, но танковая армия уже для сил фронта не имела

первоначального значения. Возможностей у нее теперь не было, она потеряла

большую часть своего состава. Кроме того, танки были старые, с изношенным

ресурсом. Одним словом, остались мы практически без танков.

Враг же вплотную подошел к Дону. Хотя на правом берегу мы еще имели

войска, но противник уже стрелял по нашему аэродрому на левом берегу.

Невдалеке от нас мы расположили аэродром для самолетов связи. Там

базировались У-2. Врагу это было видно с высокого берега, и он стрелял как

раз через наш домик. Мы уже привыкли к артогню и к непрерывной бомбежке с

воздуха батарейного прикрытия переправы. Батарея стояла там мелкого калибра,

по-моему, 37-мм пушки. Но однажды мы чуть не пострадали. Когда противник

сделал очередной налет, нас предупредили, что два самолета летят прямо на

наш домик. С земли всегда кажется, что именно на тебя летит самолет и как

раз в тебя стреляет пушка.

Зная это, мы с командующим спокойно продолжали свою беседу на крыльце

дома. Там у нас был столик. Вдруг нам крикнул Божко из охраны, что самолеты

сбросили на нас бомбы, мы соскочили с крылечка и легли, раздался взрыв.

Божко сообщил, что разбита наша машина, ранен шофер Журавлев. Я подошел к

автомобилям. Шоферы в ту пору как раз завтракали, было еще утро.

Замаскированные машины стояли в вишневом саду. Видимо, противник заметил их

и сбросил бомбы. Нам повезло, что домик остался невредим. Пострадал

Журавлев: его сильно посекло. Когда противник сбросил бомбы, шоферы и охрана

прижались к земле, взрыв конусовидным веером раскидал осколки и зацепил

Журавлева. Машину тоже очень сильно побило. А больше никто не пострадал.

Живучесть же соседней батареи была удивительной. Сколько раз на нее налетали

немцы, все перемешалось с пылью после бомбежки, а батарея живет и ведет

огонь! Ее бойцы очень упорно несли свою тяжелую ратную службу.

Я уже говорил раньше о том, что к нам прибыл Еременко, и ему выделили

какой-то участок в составе фронта. Но так продолжалось недолго. Позвонил

Сталин и сказал, что решили назначить новым командующим войсками

Сталинградского фронта именно Еременко, а Гордова - его заместителем. Таким

образом, Еременко вступил в командование (4), а Гордов сдал командование и

приступил к исполнению новых обязанностей. Положение под Сталинградом в это

время ухудшалось. Противник имел превосходство в силах и настойчиво

стремился, форсировав Дон, прорваться к Волге. Нами же делалось все, чтобы

использовать такую сильную преграду, какой являлся Дон. Но при явном

превосходстве в артиллерии и особенно в авиации форсировать Дон не

представляло для противника особенно большой трудности. Завязались бои

непосредственно на подступах к Сталинграду и южнее города. Упорные бои

длились днем и ночью.

Должен сказать, что новый командующий нравился мне своей

распорядительностью и, я бы сказал, военной четкостью в управлении войсками.

Я поддерживал Еременко. Хотя я неплохо относился к Гордову, но считал, что

Еременко, безусловно, как военный руководитель и как командир стоял выше

Гордова. Мы с Еременко использовали далее Гордова для направления на особо

опасные участки, с теми чтобы он там помогал командирам оказывать противнику

более упорное сопротивление. И Гордов делал все, что мог. Я не чувствовал

особого его недовольства. Или же он просто умел подавлять в себе такое

чувство после того, как был смещен с поста командующего.

Но в скором времени Гордов вышел из строя, был ранен. Когда мне доложили

обстоятельства его ранения, меня они обеспокоили. Я был удивлен, как Гордов

оказался в такой ситуации, которая кончилась его ранением и вывозом его с

места поражения случайными связистами, оказавшимися там в то время. Если бы

их не оказалось, то он попал бы в плен. Я не хотел допустить мысли, что

здесь имели место какие-то преднамеренные действия со стороны Гордова. Но, с

другой стороны, обстановка, при которой он оказался там, была для меня

необъяснимой. Не мог же не понимать сам Гордов, какой опасности он себя

подвергал.

А произошло, как мне потом доложили, следующее. На том направлении, куда

мы с Еременко его послали, шли очень тяжелые бои. Когда он

был ранен, на

этом участке наших войск почти не было. Отходили один или два танка, и

танкисты его предупредили, что наших войск там уже нет. Он не обратил на это

внимания и продолжал оставаться со своим адъютантом на возвышенности. Потом

налетел самолет противника и сбросил бомбу. Этой бомбой Гордова ранило и

контузило, он стал беспомощным. Безусловно, противник схватил бы его. Но

отходила также повозка наших связистов, которые сматывали телефонный провод,

и наткнулась на генерала. Его погрузили на повозку и вывезли с переднего

края. Сейчас же Гордова поместили в госпиталь, а госпиталь быстро направил

его в Куйбышев, где находилась его семья. Там он и лечился, а потом вернулся

на фронт, но на Сталинградский уже не попал (5). Я с ним вновь встретился

уже, по-моему, в 1944 г., когда он командовал, кажется, 3-й Гвардейской

армией и вышел с ней на границу с Польшей. Он хорошо повоевал и успешно

закончил войну. Погиб же он уже после окончания войны, в 1951 г., в

результате сталинского произвола: был арестован и казнен.

Такой вот неприятный произошел в 1942 г. случай с

Гордовым. У меня

**осталась о нем память, как о генерале двойственного характера.
Я очень ценил**

**его за оперативность, неутомимость, пренебрежение опасностью.
Буквально на**

**границ безрассудства он рисковал своей жизнью там, где этого не
требовалось**

**от командующего, - вертелся под бомбами или под снарядами.
Несколько раз я**

**наблюдал, как он, сняв фуражку, расхаживает себе под пулями.
Однажды, помню,**

**поехали мы с ним к Шумилову. Вели бои части его 64-й
армии и**

**механизированный корпус Танасчишина (6). Очень храбрым
человеком был этот**

**Танасчишин. И я видел, как Гордов вел себя равным образом в
такой же тяжелой**

**обстановке, и сожалею о незаслуженном конце этого человека,
который всю свою**

**жизнь, все свои знания отдал Родине, отдал Красной Армии. Он
все отдал для**

**Победы, а когда борьба с врагом завершилась нашей полной
победой - был**

арестован и казнен по распоряжению Сталина!

**Чтобы далее не возвращаться к этому вопросу, скажу, что
стало мне**

**известно о причине его казни. Я узнал об этом из разговора
Сталина с Берией.**

Гордое и бывший Маршал Советского Союза Кулик (в то время

он был генералом,

его в войну разжаловали и сняли с него звание маршала)
приехали в Москву.

Они служили где-то за пределами Москвы. Они
расположились, кажется, в

гостинице "Москва". Подвыпили (и тот, и другой не прочь были
изрядно выпить).

Особенно здорово пил Кулик. Гордов тоже пил, но мне казалось,
что он был

менее привязан к выпивке). Так как они были в опале у
Сталина, а война уже

кончилась, то они были, видимо, очень недовольны и
возбуждены. Напились и

повели разговор о том, как война проходила и как она
кончилась. Видимо,

анализировали, почему вначале наша армия отступала.
Протягивали при этом

Сталина.

Я запомнил из разговора между Сталиным и Берией такие
слова Кулика: "Рыба

начинает вонять с головы". Ясно, что голова - это Сталин.
Сталин, конечно,

не мог терпеть людей, которые так выражались. А стало это
известно по очень

простой причине: за ними наблюдали и их везде преследовали
подслушиванием.

Когда они приехали в Москву, то их поселили в номерах,
которые были

оборудованы техникой подслушивания. Поэтому весь их

разговор тут же стал

известен, и о нем доложили Сталину, что и погубило этих людей. Я считаю, что

это было бесчестно со стороны Сталина. Сталин, наверное, сам себя готов был

подслушивать, не говоря уж о тех, кому он начинал не доверять (7).

Они были честными, преданными Советской власти людьми. Я оценивал их

по-разному: очень плохо расценивал командирские достоинства Кулика и с

уважением относился к Гордову. Считал, что он обладал хорошими качествами

командира. Это он доказал на деле и в Сталинграде, и после Сталинграда,

когда командовал армиями. Каждый человек имеет недостатки. Кулик, при всех

его командирских недостатках, был честным человеком. Он всю свою жизнь отдал

Красной Армии, служил ей так, как позволяли его силы, его умственные

способности. Перед войной Сталин его переоценивал как артиллериста и поручил

ему вопросы артиллерийского обеспечения всей Красной Армии. Это было

неправильно. Кулик не был способен на это. Сам Сталин несет ответственность

за то, что доверил этому человеку пост, который был ему не по плечу. Но уже

после войны казнить его? Это было и жестоко, и несправедливо. Здесь

проявилось злоупотребление властью. Раз Сталин у власти, может все сделать,

это и делал: и казнил, и миловал.

Возвращаюсь к тому, о чем говорил... Сталинград. Август 1942 года.

Противник продолжает атаки против наших войск. Они оказывают упорное

сопротивление. Нашего бегства либо отступления, граничащего с бегством,

которые характеризовали положение в 1941 г., не было уже и в помине. Наши

войска, если и отходили, то лишь в результате давления более крупных

войсковых соединений противника, в результате сильного артиллерийского огня,

вражеского превосходства в самолетах и другой боевой технике. Мы были еще

очень слабы и по качеству вооруженных сил, и по наличию вооружения. Не

хватало нам и полевой артиллерии, пулеметов, зенитных средств. Условия

поединка были далеко не равными. Несмотря на это, наши войска героически

вели сражения и отходили только тогда, когда создавалось безвыходное

положение. Это было уже не бегство, а отход с рубежа на рубеж.

Противник (не помню числа, трудно все удержать в памяти, с

тех пор прошло

**много лет) подверг жесточайшему налету Сталинград (8).
Самолеты, волна за**

**волной, бомбили город. Он был весь в огне. Мы с
командующим решили**

**переправить штаб и все, что не требовалось держать в городе, на
левый берег**

**Волги, сами же с командующим и оперативной частью
штаба остались в**

**Сталинграде. Штаб размещался у реки Царицы. Там
образовался глубокий овраг в**

**результате многолетней работы дождевых и талых вод.
Получилась большая**

**промоина. Эта-то промоина с высоким краем была
использована под размещение**

**командного пункта. Я не знаю, когда конкретно он был
сооружен. Когда мы туда**

**пришли, пункт был уже готов. Думаю, что этот командный
пункт готовился для**

**какого-то другого штаба, не фронтового, а более высокого. Уж
слишком там**

**было все сделано на манер сталинских вкусов: фанерой
облицованы стены (все**

**дачи Сталина облицовывались Дубовой фанерой, и там было
сделано так же),**

**устроен длинный коридор, а от коридора в глубь горы
проведены штольни. Все**

**выполнено было очень хорошо. Был оборудован даже туалет.
Военные в полевых**

условиях не могли и думать об этом. Но я никогда не слышал разговоров ни до

того, ни тем более позднее, для каких целей и для кого готовился этот

командный пункт. Напротив входа в подземелье располагалась старая ватная

фабрика, метрах в 100 - 150 от него. Вход защищали от взрывной волны

преграды. Чтобы не выбило дверей, были устроены надолбы, довольно толстые и

крепкие.

Когда началась бомбежка, весь город оказался в огне. Гражданские лица и

городской совет обороны (организация под председательством первого секретаря

обкома партии Чуянова (9)) делали все, что могли. Но что они могли реально

сделать? Столько было огня! Не могло хватить никаких городских средств

тушения пожаров. Противник бомбил почти безнаказанно. Зенитные средства вели

по нему огонь, но это его не останавливало, ибо зенитный огонь был

малоэффективным.

Враг подошел к городу уже близко, прорвал нашу оборону и вышел танками к

Волге с северной стороны, в районе поселка Рынок. Создалось очень опасное

положение. У нас не было ни подвижных войск, ни резервов,

чтобы не дать

врагу войти в город с севера. В этом случае он сразу захватывал заводы,

прежде всего тракторный. Потеря его была бы очень ощутимой. Потом враг

ворвался бы в старую часть города с хорошими каменными постройками. Да и сам

тракторный завод с его цехами занимал крупную территорию. Это была,

собственно говоря, крепость. Выбивать оттуда врага было бы очень трудно. Тут

армии оказали большую помощь рабочие Сталинградского тракторного. На нем

ремонтировались танки и имелись рабочие, которые на месте испытывали эти

танки. Были там и военные, которые принимали танки после ремонта. Пришлось

использовать и эти силы. Рабочие, которые занимались испытанием танков, и

военные контролеры преградили врагу путь прорыва в город и организовали

оборону на первых порах. Потом мы стащили туда части с других участков

фронта и построили оборону, которая была повернута к северу.

Выйдя на Волгу, немцы достигли той цели, что прервали навигацию по Волге.

Хотя к тому времени и навигации-то, собственно говоря, уже не было. Но

все-таки еще можно было пользоваться водным путем. Когда

мы только еще

приехали в Сталинград, там располагался территориальный штаб. Этим районом

командовал генерал Герасименко (10). Я хорошо знал Герасименко по Киеву. Он

там был до войны заместителем командующего войсками КОВО. Я считал, что это

хороший генерал, который сделает все, что только можно сделать. А когда мы

прибыли в Сталинград, упомянутая штабная организация была превращена в

армейское командование, и Герасименко предложили принять 28-ю армию в

Астрахани. Он решил перебазироваться из Сталинграда в Астрахань на корабле

по Волге и добрался с большим трудом, потому что не один раз подвергался

бомбежке. Но все-таки добрался, кажется, даже без потерь, и расположился в

Астрахани.

Противник очень упорно вел наступление с северной стороны. Он, видимо,

считал, что оттуда скорее прорвется и замкнет окружение войск, находившихся

непосредственно в Сталинграде. Особенно серьезные бои завязались в районе

Рынок. Помню, к этому времени прилетел к нам генерал Крылов (11), позднее -

Главнокомандующий ракетными войсками стратегического

назначения. Он прибыл к

нам из-под Севастополя. Незадолго до того мы сдали Севастополь. Штабисты

Приморской армии улетели оттуда в Турцию, турки их отпустили, и они смогли

прибыть в наше распоряжение. Мы назначили тогда Крылова в группу войск для

организации обороны в районе Рынок, где сложилась очень тяжелая обстановка.

В это же время к нам прилетел писатель Константин Симонов. Пришел он ко

мне и спросил, куда бы поехать ему на линию фронта, на передний край? Я

сказал, что сейчас самый опасный участок, где противник настойчиво рвется в

город, лежит в районе поселка Рынок; наша группировка там небольшая, и мы

туда послали генерала Крылова, который должен организовать оборону, чтобы не

дать противнику на этом направлении достигнуть цели. Симонов говорит:

"Хорошо, я туда и поеду". И уехал.

Крылов организовал хорошую оборону, и этот участок противник не смог

занять, хотя ему удалось ценой больших потерь вклиниться кое-где в нашу

оборону. А севернее он прорвался к Волге. Мы оказались в полуокружении, с

северным участком не имели связи по железной дороге, нашим

тылом была Волга,

**а у нас не было серьезных переправочных средств. Эти средства
были отведены**

**оттуда раньше или потоплены. Мы располагали только
мелкими плавучими**

**средствами, через Волгу переправлялись на лодках и катерах.
Когда сложилось**

**столь тяжелое положение, мы организовали переправу на левый
берег Волги и в**

**районе Рынок. Но после того как противник прорвался к берегу
в этом районе,**

**мы напрягли все силы, что было нелегко, и разрушили
собственную переправу.**

**Не то враг мог бы ее использовать и выскочить на левый берег
реки.**

**Потеря переправы тяжело сказалась на нас. Фактически
была нарушена**

**возможность получать боепитание и пополнение для
расположенных в городе**

**войск. Наплавной мост был разрушен. В те дни к нам приехал и
Мальшев (12). Я**

**хорошо знал Мальшева и уважал его. С какой целью он был
прислан и что он**

**должен был делать, мне не было понятно тогда и непонятно
сейчас. Мы**

**встречались, разговаривали. Но конкретно могли он нам
помочь? Ничем,**

конечно.

Однажды произошел такой эпизод. Хочу рассказать о нем,

так как он

характерен для поведения Сталина, особенно в ту пору.
Звонит мне вдруг

Сталин и довольно нервно, в грубой форме задает вопрос:
"Что это вы

приступили там к эвакуации города?". И начал резко
высказывать свое

неодобрение. Отвечаю: "Товарищ Сталин, кто вам докладывал?
Никакой эвакуации

города нет и ничего такого не делается. Не знаю, откуда вы
получили такие

сведения, но эти сведения совершенно неверны". Он
положил трубку. Я

задумался, кто мог сказать ему такую пакость и подбросить ее
лично мне?

Решил позвонить уже уехавшему от нас Малышеву, хотя и не
думал, что Малышев

может пойти на такую низость. Да и разговора у меня с ним
на эту тему

никакого не было. Ни он не поднимал такого вопроса, ни я.
Говорю: "Вот,

товарищ Малышев, звонил мне товарищ Сталин". И
рассказываю, зачем он мне

позвонил. "Да, - отвечает Малышев, - мне он тоже только что
звонил и

буквально в таких же выражениях высказал свое негодование.
Сам не знаю, кто

мог сочинить такую ложь". Тут я подумал: "Черт его знает,
Чуянова. Не он ли?

Вряд ли Чуянов пошел на такую низость". Позвонил Чуянову. Спрашиваю:

"Товарищ Чуянов, вы не знаете, ставил кто-либо вопрос об эвакуации города?

Сталин звонил по этому вопросу". Чуянов: "Он и мне звонил тоже и очень

возмущенно выражал свое негодование". Когда я опросил этих людей, то больше

уже ни к кому не обращался. Понял, что это была проверочная выдумка Сталина,

видимо, для профилактики. Никто об эвакуации не думал и никто ничего не

делал для нее, хотя и нужно было бы подумать, нужно бы! Но я уже знал, что

проявить такую инициативу - значит нарваться на очень неприятные

последствия. Инициативу проявил сам Сталин, но поздно.

Снова Сталин позвонил уже тогда, когда была утрачена всякая возможность

эвакуации оборудования заводов Сталинграда: "Нам нужно пустить завод на

востоке, нельзя ли станочное оборудование тракторного, оружейного и других

заводов эвакуировать?". Отвечаю: "Товарищ Сталин, сейчас уже совершенно

невозможно эвакуировать что-либо. У нас нет никаких наплавных средств. Мы с

трудом питаем армию, переправляем только нетяжелые грузы". "Ну, тогда что

сможете". Я говорю: "Попытаемся". Начали мы было кое-что демонтировать из

станочного оборудования, подтащили к Волге, в район переправы, но, кажется,

так ничего и не вывезли. Потом это оборудование лежало там. Его забрали уже

после разгрома группировки Паулюса.

Вот такой имел место эпизод. Да ведь поступить иначе было не в наших

интересах. Если бы действительно мы смогли вывезти из Сталинграда станочное

оборудование, как сделали это в Харькове, то эти станки ох как пригодились

бы! Много станков эвакуировали мы из Запорожья, буквально под носом у

противника. Мы поручили провести эту операцию Корнийцу. Он был в те дни либо

членом Военного совета Южного фронта, либо, кажется, представителем

правительства Украины (13). Корниец сыграл большую роль в эвакуации

оборудования, и это оборудование сейчас же пошло на восток, что очень

положительно сказалось на создании оборонной промышленности на новом месте.

В Сталинграде же это не было сделано в результате неправильного понимания

дела Сталиным. Он связывал, сковывал нашу инициативу, хотел все

**регламентировать из Москвы, а такая регламентация
выходила нам буквально**

**боком, потому что она парализовывала инициативу и не
предоставляла**

**возможности маневра даже в вопросах передвижения войск. Я
уже не говорю об**

**эвакуации оборудования. Тут был приоритет Центра, мы не
могли ничего делать**

без указаний свыше.

**Прилетел в Сталинград Маленков. Не знаю, зачем он тогда
прилетел и чем**

**мог нам посодействовать. Но прилетел ведь из Москвы, а
Москва, как**

**говорится, видит выше и дальше. Вот и находился он у нас,
проводил дни и**

**ночи без всякой пользы для себя и без пользы для нас. Потом,
когда противник**

**вплотную подошел к Сталинграду и стал просачиваться в
город, усилилась**

**бомбежка и начались пожары, прилетели Василевский,
командующий**

**Военно-Воздушными Силами Новиков, начальник артиллерии
Воронов (14). Воронов**

**и раньше прилетал к нам и бывал по нескольку дней, а потом
улетал. Я был не**

**очень высокого мнения о людях, которые приезжали из Ставки.
Конкретно они**

**ничем нам помочь не могли за исключением только тех случаев,
когда Воронов**

или Новиков, или еще кто-либо, приезжавший по поручению Ставки, привозил

что-нибудь реальное. Реальное - это боекомплекты, авиация, пехотные или

артиллерийские части и т. п. Если же они приезжали сами по себе, так

сказать, своими собственными персонами, которые мы себе и без того наглядно

представляли, потому что все эти люди были хорошо нам известны, то это нас

не радовало. Просто они отнимали у нас время, не принося никакой пользы

делу.

Вот и собрались тогда Василевский, Маленков, Воронов, Новиков, другие

представители Ставки. Одним словом, очень много народу. Так как город горел

и находился все время под бомбежкой, то городское руководство тоже

перебралось в наш командный пункт. Возникла там теснота. Как говорится, не

повернуться.

А обстановка все ухудшалась. Как раз в то время (а это всегда бывало в

самый критический момент) я чувствовал обостренное внимание к себе со

стороны Сталина. Я не раз видел, как при острых поворотах событий шушукуются

между собой Василевский с Маленковым. Они, видимо,

выгораживали собственные

персоны. Видимо, готовили сообщение, чтобы при неудаче свалить вину на

кого-то другого. На кого же? Конечно, на командующего войсками и члена

Военного совета фронта в первую голову. Правда, со стороны Василевского я не

чувствовал неправильного понимания нашего положения. Когда они шушукались, я

считал, что проявлял инициативу Маленков. Сам-то он в военных вопросах

ничего не понимал, но в вопросах интриганства обладал шансами на успех. Ведь

ему надо было вернуться в Москву и что-то доложить Сталину: зачем он поехал

и что он сделал. А вернется, не решив задания, и противник прорвется в

Сталинград, надо будет как-то это объяснить. А как? Конечно, те лица,

которые командуют войсками, они-то и виновны. Я, может быть, утрирую,

рассуждая за него, но примерно в таком духе докладывалось в Центр о ходе

событий у нас.

Потом Василевский и Маленков сказали мне, что получили указание из Москвы

и улетают. Переправились через Волгу на левый берег и поехали на аэродром

Гумрак. Затем все уехали. После такой толчеи, которая была

на командном

пункте, у нас наступила, я бы сказал, жуткая тишина, какая бывает порой в

лесу. Никого не осталось! Остались только мы с Еременко, а с нами -

небольшой оперативный штаб. Штаб фронта расположился на левом берегу, с тем

чтобы получать сводки, иметь связь с армиями, обеспечивать их боеприпасами и

другими видами снабжения войск. Все это было расположено на левом берегу.

Следовательно, там были и все люди. Противник продолжал теснить наши войска

и по-прежнему старался ворваться в город. Наши войска упорно держали

оборону. Был как-то такой момент, когда я подумал, что Сталин примирился с

тем, что немцы займут город. Поэтому он и приказал вывезти оттуда всех, кто

не был там нужен и не приносил пользы. Остались только мы с командующим. Мы

понимали, что наше место - тут.

Уже в конце лета (было еще тепло) приехал к нам генерал Голиков. Сталин

позвонил, заранее предупредил, что приедет Голиков. Голиков был на хорошем

счете у Сталина, и он на него возлагал какие-то особые надежды. Считал, что

сможет помочь организовать бои в самом городе. Голиков был

назначен первым

заместителем командующего войсками Сталинградского фронта (15). Функции его

заключались в том, что мы с командующим посылали его туда, где ощущались

необходимость в глазе и подбадривании войск присутствием командования

фронта. Я был знаком с Голиковым. Познакомился еще в 1939 г., когда Красная

Армия подступила к Львову и готовилась вести бой по его захвату. Но

оказалось, что, когда мы подошли к Львову, противника - польской армии - там

уже не было. Немцы тоже вплотную подошли к Львову. Следовательно, могли

столкнуться наши войска с немецкими. Мы повели переговоры с немцами. Вот

тогда-то я и познакомился с Голиковым. Помнится, под скирдой сена у него

расположился наблюдательный пункт. Туда я и подъехал к нему, и там мы

ожидали результата переговоров с немцами. Они закончились благоприятно, и

наши войска свободно вошли во Львов. Я встречался также с Голиковым, когда

он был начальником Главного управления кадров Красной Армии. Возглавлял он и

Главное разведывательное управление Красной Армии. Но тогда имели место наши

встречи у Сталина, поэтому они не давали возможности лично поближе

познакомиться и узнать Голикова и как человека, и как коммуниста. Знал я,

конечно, что он состоял в партии почти с первых дней Гражданской войны.

Плохого я ничего о нем не слышал.

Бои между тем продолжались. Враг наседал. Тут уже наши воины отстаивали,

как говорится, каждую пядь земли. Противник оплачивал свое дальнейшее

продвижение большой кровью. У нас напрямую действовали лозунги: "Ни шагу

назад!", "За Волгой территории для нас нет", "Стоять насмерть, но Сталинград

не сдать!". Мы получали систематически небольшое пополнение в виде маршевых

частей. Получали и вооружение. Когда нас замкнули в полукольцо, на артзаводе

осталось много стволов полевой артиллерии. Ее невозможно было отправить по

назначению. Тогда мы с командующим решили вывести эти орудия на огневые

позиции. У нас не было тяги для орудий, но мы решили их просто вытянуть на

передний край, поставить там и стрелять, пока возможно. А если придется

отходить, то обязательно их взорвать. И мы их неплохо использовали,

организовали много артиллерийских расчетов, а боеприпасы у нас имелись. Эти

орудия сыграли полезную роль. Другого же выхода у нас не было: ни отправить

по назначению, ни оставить на заводе, куда мог ворваться противник и

захватить их как трофеи.

Как раз в это время к нам прибыла дивизия под командованием Родимцева,

очень хорошая по составу и сплоченная (16). Но она была крайне плохо

вооружена: артиллерии и даже пулеметов у нее не имелось. В составе этой

дивизии воевал наряду с другими сын Долорес Ибаррури. Дивизия, вступив в

бой, понесла тяжелые потери. Она могла бы сыграть большую роль, если бы была

лучше вооружена. Мне доложили, что погиб Рубен Ибаррури. О нем у меня

сохранились в памяти такие эпизоды. Он был ранен еще в первые дни войны. Мой

сын Леня тоже был ранен. Они лежали вместе в одной палате в Куйбышевском

госпитале. Второй эпизод - здесь, когда сообщили, что он убит. Потом меня

известили, что погиб и сын Анастаса Ивановича Микояна, летчик. Он был подбит

в одном из воздушных боев. Да, это мне было знакомо. Шла война. Как и на

любой войне, гибли люди, очень многие люди, особенно в том отчаянном

положении, в каком оказалась наша Красная Армия, не подготовленная как

следует к войне и при недостаточном количестве вооружения.

Помню такую тяжелую картину. Мы с Гордовым выехали в район боев возле

одной балки у селения Нариман, юго-западнее Сталинграда (17). Туда же

отправились командарм Шумилов (18) и его член Военного совета Сердюк (19).

Там-то я и наблюдал картину, которая для меня была весьма неприятна.

Налетели на позиции врага наши бомбардировщики ПЕ-2. Они были похожи на

немецкие МЕ-110. Наши самолеты подлетели к линии фронта, как вдруг появились

"мессершмитты" и буквально на наших глазах стали поджигать одного за другим

"петляковых". Их пилоты выбрасывались с парашютами. Больно было наблюдать,

как, когда они спускались, советская пехота вела огонь по нашим летчикам:

пехотинцы считали, что это вражеские бомбардировщики и что спускаются на

парашютах немцы. До сих пор помню, как один летчик, уже находясь близко от

земли, кричал: "Я свой, свой!". И вдруг протарахтела автоматная очередь - и

ему конец... Что касается самолетов ПЕ-2, то наши летчики, как мне

докладывали, были о них невысокого мнения. Эти самолеты обладали хорошими

летными качествами, но у них так были расположены баки с горючим, что,

буквально куда ни попадет пуля, возникал пожар.

Итак, повторяюсь, все представители Ставки покинули нас, и мы с Еременко

остались одни. Единственное, что у нас сохранилось, как шутили мы с Андреем

Ивановичем, - шикарный туалет. Правда, в туалетную, которая была до того в

образцовом состоянии, после того, как уехали представители, стало невозможно

зайти.

Не помню, когда это случилось (а ведь полезно было бы записать тогда и

время), позвонил мне Сталин (я даже удивился, как спокойно, что было

редкостью для той поры, он говорил): "Как там? Сможете еще продержаться дня

три?". Это произошло вскоре после отлета Василевского, Маленкова и других

представителей Ставки. Отвечаю: "Товарищ Сталин, не знаю, почему вы берете

такой срок для нас. Мы считаем, что продержимся не только три дня, но

значительно больше. Точно не могу сказать, потому что на

войне нельзя

ручаться, но мы теперь, во всяком случае, ощущаем, что наши войска уже

получили боевое крещение, которое дает уверенность, что они и дальше будут

упорно защищать свои позиции". "Вот и хорошо! - продолжает. - Вы

продержитесь три дня. Мы сейчас организуем удар с северной стороны, чтобы

освободить вас, а левое крыло противника, которое с севера вышло к Волге,

либо отсечь, либо отбросить от Волги. Когда начнутся бои севернее вас, вы

организуите теми силами, какие у вас есть, удар из Сталинграда, с тем чтобы

немцы не могли перебросить подкрепления против тех войск, которые будут

наносить удар с севера". Отвечаю: "Хорошо, мы все это сделаем".

Ударили с северной стороны. Но наши усилия не завершились разгромом той

группировки немцев, и вообще никакого отбрасывания их от Волги не

получилось. То есть основная задача, которая ставилась перед войсками, не

была выполнена. Мне неизвестно, какими силами располагало тогда наше

северное направление, но желанного результата не было. После этого на

северный участок были подброшены Ставкой новые войска, с тем чтобы противник

не мог развить свой успех вверх по Волге. Эти войска в принципе входили в

состав Сталинградского фронта: туда были подтянуты армии под командованием

Москаленко и Малиновского (20). Опять готовился удар с целью отсечь северное

крыло немецкой группировки, которое вышло на Волгу, и восстановить

предшествующее положение. Когда там был сосредоточен такой, довольно

солидный кулак, мы с Еременко поехали на командный пункт руководить

операцией. Для проведения этой операции приехали из Ставки Жуков, Новиков,

Маленков, командующий авиацией дальнего действия Голованов (21), начальник

артиллерии Красной Армии Воронов и другие лица. Мы надеялись на успех.

В назначенный час началась артиллерийская подготовка, и мы предприняли

наступление. К сожалению, и это наступление было неудачным, несмотря на

очень хорошие сконцентрированные там войска. Говорили, что эти войска взяли

с Дальнего Востока. Это были свежие, молодые, хорошо обученные люди. Но наше

наступление захлебнулось, противник даже не попятился. Чем можно это

объяснить? Все мы знаем, не раз повторяем, и правильно повторяем, что нет

таких крепостей, которые нельзя было бы взять. Но если иметь соответствующие

средства! Правда, полевые укрепления, которые возвели немцы, не были такими

уж могучими крепостями. Видимо, не все было нами учтено и недостаточно было

подтянуто войск, главным образом артиллерии.

Не сказал бы, что артиллерия недооценивалась нами. Нет, артиллерию еще до

войны мы называли "богом войны" (22). Не знаю, кто первым высказал эту мысль

и откуда она к нам пришла. Кажется, дошла из старых. Наполеоновских времен.

Наполеон ведь особенно ценил артиллерию. Во всяком случае, и Сталиным, и

нашими военными ее значение оценивалось по достоинству. Если же ее

недостаточно сосредоточили, значит, артиллерии просто не было в нужном

количестве. Поэтому-то наступление, которое не поддержали хорошими

артиллерийскими усилиями, не имело успеха.

К чему я это говорю? Я очень высоко ценил, да и сейчас ценю (повторяю не

единожды) Георгия Константиновича Жукова. Уважаю его за трезвость ума,

смелость, простоту и напористость. Считаю, что он обладает

высокими

командирскими качествами. Ценил его и как боевого товарища. Тогда у меня с

ним были наилучшие отношения. И вот все же, несмотря, казалось бы, на все

благоприятные условия, наличие там Жукова и представителей всех родов войск,

других сильных командиров, мы не решили задачи. Дело заключается в том, что

одних личных качеств недостаточно. Нужны, и война это показала, средства

истребления вражеской боевой техники, средства уничтожения живой силы

противника, средства разрушения его укреплений. А это - артиллерия, это

танки, это пулеметы, это зенитные орудия и зенитные пулеметы для прикрытия с

воздуха наших войск, чтобы противник не мог безнаказанно дезорганизовывать

ведущих наступление. Всего этого мы еще не имели.

Жуков рассказал мне тогда (мы по-товарищески делились впечатлениями; он

поехал на какой-то участок фронта, возвратился оттуда и делился увиденным):

"Ты знаешь, ехал я к линии фронта, а раненые шли оттуда. Двигалась в тыл

группа раненых, и я выругался: "А, леворучники!" (тогда гуляло такое слово:

подставляли левую руку под пули, чтобы получить ранение и

уйти в тыл. К

сожалению, довольно широко гуляло это, порой незаслуженное, оскорбительное

выражение в адрес наших бойцов). Один из них глянул на меня да говорит:

"Товарищ генерал, леворучники идут потому, что они еще могут ходить, а вот

те, которые получили пули в голову, они все там лежат. Я-то видел, сколько

их там лежит". И так глянул на меня выразительно. А ведь правду он сказал.

Не могу забыть, как он на меня посмотрел пронзительно. Сильное произвел этот

боец впечатление на Жукова.

Захлебнулось наступление, а в скором времени забрали у нас этот участок

фронта. И это было правильно, потому что мы находились в Сталинграде, а сей

участок лежал к северу за Сталинградом, и с ним была очень плохая связь.

Кроме того, перед теми войсками ставилась обособленная задача - не дать

возможности противнику развивать успех вверх по Волге. Создали там новый

фронт. Донской. Командующим назначили Рокоссовского (23). Непосредственная

связь у нас с ним прервалась, и мы имели с ним контакт лишь как с соседом.

Членом Военного совета Донского фронта стал Кириченко,

который до того был

членом Военного совета Сталинградского, а потом Южного фронтов. Не помню,

кто был у них первым членом Военного совета, а Кириченко являлся вторым.

Второй занимался вопросами тыла и обеспечения войск, оперативные же вопросы

решал первый член Военного совета.

В это время я опять был вызван в Москву. То, что я услышал там, было

сочинено безусловно Маленковым. Мол, командующий и командный состав войск

Юго-Западного и Южного фронтов, которые отходили от Дона на Сталинград и тут

заняли оборону, с 1941 г. привыкли только к отступлению. Поэтому, мол, они

организуют оборону недостаточно стойко, поддаются панике и отступают. Надо

заменить весь этот командный состав. Стали заменять. Заменяли многих. Но это

была совершенно ни на чем не основанная, просто обывательская точка зрения.

Она была пущена в ход Маленковым для того, чтобы оправдать его поездку в

Сталинград, чтобы снять с себя ответственность и взвалить ее на других. Он

изобрел столь никчемную теорию, а потом она гуляла повсюду.

Среди военных возникли и другие нехорошие настроения. Вот мы отступаем.

Почему отступаем? Потому, что солдат не чувствует, за что он должен воевать,

за что же должен умирать. Возьмем Первую мировую войну. Тогда у солдата была

земля, было свое хозяйство. Он воевал за всю Россию, но воевал и за свой

дом. А сейчас - все общее, все колхозное. Нет конкретного стимула. Это уже,

на мой взгляд, была теория антисоветская, антисоциалистическая. Она

взваливала ответственность за наши неудачи на советский строй, на

социалистические начала, которые были заложены в СССР. Конечно, это

подмоченная теория, теория людей, которые начали страдать упадничеством и

выдумывать неправильные объяснения нашим поражениям. Потом жизнь опровергла

эти утверждения. Если кое-кому, кто сейчас носит довольно высокие воинские

звания, напомнить, что им были присущи в свое время такие рассуждения, то

они, наверное, возмутятся и скажут, что это клевета. К сожалению, такое

было! Было, и ничего тут не сделаешь. Но мы это пережили. А конец подобным

"объяснениям" был положен разгромом войск Паулюса под Сталинградом.

Пока же продолжались упорные бои, противник шаг за шагом теснил наши

войска, которые с запада отходили глубже в город. Враг стал вползать за

городскую черту. Наша оборона уже строилась непосредственно в городе,

используя его строения - и дома и иные сооружения. В командном пункте,

который располагался на р. Царице, теперь стало небезопасно. Мы искали

возможность перейти несколько глубже в тыл. Но в городе ничего подходящего

не нашли, кроме места, которое находилось на самом берегу Волги (там теперь

устроена набережная, и не осталось никаких следов нашего командного пункта).

В береговом откосе были вырыты две траншеи. Это убежище строили для себя

сталинградские чекисты, но не успели закончить, а только сделали углубления.

Под землей эти два тоннеля должны были соединиться и образовать подкову. Но

этого сделано не было, просто пробили две дыры, раскрепили их деревом. Как

ямы были брошены в процессе их строительства, такими мы их и заняли. Одну

дыру тоннеля взяли мы с Еременко, во второй расположили небольшой

обслуживающий штабной персонал.

Там были очень плохие условия для работы. Стоял элементарный столик, за

ним сидели мы с командующим, а рядом с нами находился с
рацией связной,

молодой парнишка в летней грязной гимнастерке. Сидел он
и монотонно

повторял: "Я ландыш, я ландыш. Перехожу на прием". Так, не
останавливаясь ни

на минуту, повторял он все время эти слова, чтобы непрерывно
поддерживать

связь на случай, если потребуется отдать какое-то
распоряжение. С нами тогда

же был заместитель командующего авиацией дальнего действия
генерал Скрипко

(24). Он получал задания, какие бомбить районы, и сейчас же
передавал

задания в авиачасти, которые и посылали к нам свои
бомбардировщики.

Раскладывались сигнальные костры, указывавшие, в каком
месте наносить удары.

Это очень помогало нашей пехоте.

Мы широко использовали там 85-мм зенитные пушки. Они
хороши были и как

зенитные, и как противотанковые орудия. Часть артиллерии
находилась у нас на

левом берегу, укрытая в лесу. Так как немцы подступили уже
близко, она

оказывала существенную помощь нашей пехоте, которая вела
бои непосредственно

в Сталинграде. У нас имелись кое-какие фронтовые средства в
Волжской военной

**флотилии. Ею на нашем участке командовал контрадмирал
Рогачев (25). Потом мы**

**нашли два дальнобойных орудия, которые были изготовлены
артиллерийским**

**заводом, но не вывезены в результате подхода немцев к Волге.
Мы решили дать**

**задание Рогачеву, чтобы он нашел обслуживающий персонал к
этим двум пушкам и**

**подвез снаряды из Камышина, с тем чтобы можно было вести
огонь по противнику**

**прямо с местонахождения пушек - на территории завода.
Пушки были**

**неподвижными и стреляли прямо с завода, пока не были
выведены из строя**

авиацией противника.

**Помню и такой эпизод. Потом мы часто шутили по этому
поводу. Днем Скрипко**

**приходил отдыхать. У нас стояла там железная кровать. Он
располагался на**

**этой кровати и спал, потому что он "ночной человек",
связанный с дальней**

**бомбардировочной авиацией: ночью работал, а днем
отсыпался. Как-то мы с**

**Еременко вызвали Рогачева и поставили задачу, куда открыть
огонь из тех двух**

**пушек. Он привел к нам командиров этих орудий. Когда все
указания были даны,**

**контрадмирал, не знаю зачем, скомандовал матросам: "Кру-
гом!". Там в тоннеле**

лежала доска, они стояли на ней и "дали шаг". Загудел тоннель.
Тут Скрипко

вскочил, сразу надел планшет на шею, смотрит на нас, что же
мы сидим

спокойно? Я его успокоил: не разрыв бомбы, дескать, а так
звучат в тоннеле

матросские сапоги. Скрипко молча снял планшет, повалился
на кровать и

мгновенно заснул. Он был крайне утомлен.

Дальнейшее наше с командующим пребывание в
Сталинграде мы считали

нецелесообразным. Мы были отрезаны от "большой" связи, а
связь с левым

берегом Волги была очень слабой, настоящего кабеля у нас не
имелось. Лежал

там какой-то легкий, который мы проложили подручными
средствами через Волгу.

Он обеспечивал крайне неустойчивую связь. А самим уехать на
левый берег нам

было просто невозможно, потому что для участия в работе штаба
требовалось бы

всякий раз преодолевать Волгу. Да и приезд к нам с докладами
командующих и

посыльных был бы сопряжен с такими же трудностями.
Поэтому мы решили

перенести весь свой командный пункт на левый берег. И
когда составляли

очередное боевое донесение, то приписали, что просим
разрешить перенести

командный пункт на левый берег. Там у нас был оборудован настоящий командный

пункт и имелся пункт связи со всеми армиями фронта. Послали донесение.

Прошел день, ни слуху ни духу. Мы повторили, и уж не знаю, сколько раз еще

повторяли, но ответа все не поступало: ни запрета, ни разрешения.

Вот типичная тактика Сталина. Он был, наверное, против, но прямо о том не

говорил. А ведь мы сами без его разрешения не могли оставить прежний

командный пункт и перейти на левый берег. Потом Сталин позвонил по иному

вопросу. Я в разговоре с ним сказал: "Товарищ Сталин, мы уже не раз просили

вас разрешить нам перейти на левый берег. Генштаб ответа не дает. Я прошу

разрешить нам это, потому что интересы командования требуют, чтобы мы

перешли туда". Он отвечает: "Нет, это невозможно: если войска узнают, что

командующий со штабом уехали из Сталинграда, то Сталинград падет" - "Нет,

товарищ Сталин, я смотрю на это не так, потому что сражаются ведь войска, а

не штаб фронта. Тут же рядом с нами находится штаб 62-й армии, которой

командует Чуйков. 62-я армия обороняет Сталинград. Мы назначили члена

Военного совета фронта Гурова членом Военного совета этой армии, с тем чтобы

усилить руководство ею. Мы абсолютно уверены, что Чуйков и Гуров вполне

справятся со своей задачей и все сделают для того, чтобы не допустить

противника занять Сталинград". Сталин: "Ну, хорошо. Если вы так уверены, что

фронт будет держаться и оборона не будет нарушена, то разрешаю вам перейти

на левый берег. Только оставьте в Сталинграде представителя штаба фронта,

который докладывал бы вам, чтобы вы знали о положении дел через своего

человека, а не только через командующего армией Чуйкова". Отвечаю: "Хорошо.

Мы оставим первого заместителя командующего войсками фронта генерала

Голикова".

Сталин хорошо знал Голикова и согласился. Стали мы готовиться к переезду.

Подготовились за сутки и на рассвете переправились на лодках на левый берег.

С нами было очень мало людей. Начальник штаба фронта уже давно находился на

левом берегу. Начальником штаба тогда был Захаров (26). Он приехал к нам

вместе с Еременко. Еременко относился к нему с уважением. Я его тоже уважал.

Он заслуживал уважения за исключением одного своего порока: дрался, бил

подчиненных ему офицеров. Этот порок поощрялся и со стороны Сталина, и со

стороны Еременко, который знал настроения Сталина. Сталин, беседуя с

Еременко, часто говорил, что надо "бить по морде". Когда такие указания

выполняли недалекие люди, то это одно дело; но Захаров был образованный

человек, имел хорошее военное образование (27) и толково разбирался в

военных вопросах. Если поговорить с ним, то он производил впечатление

дельного человека, верно рассуждающего. Однако имелся за ним такой вот

порок.

Воздушной армией (28) командовал на фронте у нас Хрюкин. Молодой, высокий

такой, очень приятный человек. Герой Советского Союза. Я считал, что он

находится на своем месте, уважал его и поддерживал. Звание Героя он получил

за участие в освободительной войне Китая против Японии. Он сражался в небе

Китая на стороне Чан Кайши (мы тогда поддерживали Чан Кайши). Человек он был

опытный, прежде служил летчиком-истребителем. Но воздушные силы у него в

армии были ограниченные, самолетов имелось малое количество. Однако он

самоотверженно дрался с врагом. Заместителем у него был тоже очень хороший

летчик, Нанейшвили, грузин (29). Сам прежде тоже истребитель, но уже в

летах, полный человек, летать он, конечно, был уже не способен. Как

организатор он был очень хорош, к тому же порядочный и добросовестный

человек и толковый генерал.

Мы с Еременко, вызвав Голикова, сказали ему, что получили разрешение

перенести командный пункт фронта на левый берег Волги и хотим, чтобы вы

остались здесь, на прежнем командном пункте, сохранили связь с командующим

62-й армией и докладывали нам отсюда о положении дел. Сказали также, что он

тут останется ненадолго. Мы полагали, что длительное пребывание его на

правом берегу ничем не будет оправдано. Кроме того, это могло быть плохо

расценено Чуйковым как командармом-62: он мог подумать, что оставлен

человек, который был бы ему пилой от штаба фронта. Командующие не любят

таких. Они производят впечатление надоедливых соглядатаев. Чаще же всего о

них говорят, что они попросту мешают работать. Тем более я уже увидел, что

характер у Чуйкова крутой, и можно было ожидать всяческих эксцессов.

Наше предложение вывело Голикова из себя. Он страшно изменился в лице,

однако сдержался и вышел из помещения, а потом улучил момент, когда я

остался один, и обратился ко мне, буквально умоляя не оставлять его здесь. Я

никогда еще никого не видел в таком состоянии за всю войну, ни одного

человека - ни военного, ни гражданского. Он просил не оставлять его тут,

мотивируя просьбу тем, что все погибло, все обречено: "Не бросайте меня, не

оставляйте, не губите, разрешите мне тоже выехать", - умолял он, просто в

недопустимом тоне. Я ему: "Послушайте, что вы говорите? Поймите, товарищ

Голиков, здесь стоит целая армия, которая ведет упорные бои. Вы видите, как

стойко она держится. Как же вы смеете говорить, что все обречено, что все

погибло? Это не вытекает из обстановки, которую мы сейчас имеем на фронте.

Вы видите твердость, с которой ведут бои наши войска. Это ведь не то прежнее

положение, когда мы за день оставляли врагу добрый десяток километров

территории. Здесь этого нет, да и не предвидится. Что же вы?".
А он опять

повторял одно и то же. Тогда я сказал: "Как вы себя держите?"
Но на него

ничто не действовало. Тогда я добавил, что есть решение
Ставки, товарищ

Голиков, которое должно выполнить. "Делайте, что
приказано!" На этом

разговор окончился. Разговор произвел на меня ужасное
впечатление. А потом

Голиков то же самое повторил при Еременко.

Одним словом, мы его оставили, а с ним - офицеров связи,
сами же

переехали на левый берег реки. Не помню, сколько дней
прошло, как получили

мы записку от офицера, который находился при Голикове и
сообщал, что Голиков

совершенно потерял голову и не владеет собой, ведет себя, как
человек,

утративший рассудок, лезет на стенку, поэтому его пребывание
в армии не

только не приносит пользы, а даже вредно: он заражает таким
своим состоянием

других. Этот офицер просил нас принять соответствующие
меры. Получив такое

сообщение, мы приказали Голикову, чтобы он покинул прежний
командный пункт и

переправился к нам. После этого у нас с Еременко отношение к
Голикову резко

изменилось: его состояние и такое его поведение наложили на это свой

отпечаток. Вскоре произошел еще один случай, не благоприятный для Голикова.

Сложились тяжелые условия с переправой в войска боеприпасов и пополнения.

Связь со Сталинградом через Волгу была очень трудной. Переправа

обстреливалась вражеской артиллерией и подвергалась авиабомбежке на всех

участках. Нами принимались особые меры, чтобы обеспечить нормальный подвоз

боеприпасов, продовольствия и пополнения. Однажды мы приказали Голикову,

чтобы он поехал туда и сам обеспечил переправу. Да, условия были тяжелые,

это я понимал. Однако он, поехав, не выполнил задания, вообще ничего не

сделал, потом приехал и доложил, что противник очень сильно бомбил или

обстреливал переправу, так что ничего не получилось. Раньше мы посылали туда

с тем же заданием офицеров, и те хотя и с трудом, но что-то делали. И мы

вынесли Голикову выговор за невыполнение указания о перевозке боеприпасов.

Голиков, видимо, пожаловался на нас Сталину, но тогда ни я с ним, ни он со

мною не вели бесед на эту тему и не объяснялись.

Однажды случилось еще и так. Мы с Еременко выехали на берег Волги, к

речной флотилии. Прибыли в район Рынок и наблюдали, как используется

артиллерия флотилии. Она там особой роли не играла из-за своей

малочисленности. Но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. Мы считали, что

это одна из наших опор - артиллерия речной флотилии. Когда возвращались

обратно, смотрим - едет Голиков навстречу. Мы остановились, и он вышел из

машины. "Куда едете?". "Еду на аэродром, улетаю в Москву. Хорошо, что

встретились, я хочу с вами попрощаться". "Как это вы вдруг уезжаете?". "А

вот, я получил предписание товарища Сталина прибыть в Москву". "Да ведь мы

случайно с вами встретились. А то бы вы уехали, а мы и не знали бы, где

искать вас, где вы находитесь". "Я получил приказ и уезжаю!". И уехал.

Конечно, мы посудачили потом отнюдь не в пользу Голикова. Ведь если бы он

был на месте командующего войсками, то тоже остро реагировал бы на человека,

который так поступил. Ну, что ж теперь, уехал, так уехал, и нечего больше

разговаривать. Мы ведь беседовали с ним только о форме поведения, а по

существованию ничего не имели против его отъезда.

Спустя какое-то время нам прислали нового заместителя командующего,

генерала Попова Маркиана Михайловича (30). Раньше Попов командовал армией;

какой номер этой армии, сейчас не помню. О Попове у меня остались наилучшие

воспоминания. Я с ним вместе много работал, когда было принято решение

подготовить наши войска для окружения группировки Паулюса. Сосредоточение

войск, поездки в эти войска - все это мы делали вместе с Поповым. Еременко

никак не мог оправиться от давнего ранения, у него постоянно болела нога,

ездить и ходить ему было трудно, поэтому он на дальние расстояния не

выезжал. А когда выезжал, то я видел, что это для него затруднительно, и не

хотел побуждать его ездить туда, где можно было обойтись без его поездки. А

Попов - здоровый, еще молодой человек. Ему, как говорится, и карты в руки.

Человеком он был знающим военное дело.

Позвонили из Москвы, чтобы я приехал. Прибыл в Москву, встретился со

Сталиным. Сталин начал меня упрекать, что я допускаю неправильное отношение

к генералам, что не защищаю их и т. п. Говорю: "О чем и о ком

идет речь? О

каком именно генерале? Что Вы имеете в виду? Я, собственно, таких случаев не

знаю". - "Вот, например. Голиков. Мы вам послали Голикова, а к Голикову

вдруг такое отношение". Главным образом Сталин напирал при этом на Еременко:

такой он сякой, и прочее. Я был поражен. Прежде Сталин буквально боготворил

Еременко, носился с ним, выставлял его как самого хорошего боевого генерала,

сам мне об этом говорил, когда мы искали, кого назначить командующим

войсками Сталинградского фронта. И вдруг - такое! Правда, прошло уже немало

времени после того разговора, противник вполз в Сталинград, бои велись в

самом городе. Но это были упорные бои: мы несли потери, и противник тоже нес

потери, Сталинград не взял и не возьмет, если нам, конечно, будут оказывать

помощь.

Отвечаю: "Товарищ Сталин, я не знаю, что вам рассказывал Голиков, я же

должен вам сказать, что если Голиков говорил, что к нему сложилось такое

отношение, тогда и я обязан рассказать о причинах нашего плохого отношения к

Голикову". И я рассказал о событиях в связи с оставлением

фронтового

командного пункта в Сталинграде: как мы с ним беседовали, как Голиков держал

себя, как выражал абсолютную неуверенность в нашей победе, выказывал даже

обреченность и буквально со слезами умолял не оставлять его там. Сталин

посмотрел на меня с удивлением. Я понял, что он не допускал такой мысли, не

знал этого. Я продолжал: "Поэтому наказание, которое мы наложили на

Голикова, было обосновано. Я, собственно, и не понимаю, почему вы так

обрушились на Еременко и на меня. Я защищаю, кого следует; но не могу

защищать тех, кто заслуживает осуждения". - "Ну, вот, а мы решили снять

Еременко". - "Если, товарищ Сталин, Вы решили отменить наше решение, вы,

конечно, сделаете это, но это будет неправильно". - "Почему?". "О Еременко

существуют разные мнения. Как почти у каждого человека, у него много

противников, которые не уважают его. Я же, будучи членом Военного совета,

прошел с ним через ответственный момент и считаю, что он как командующий

войсками (не буду говорить о других качествах, потому что на войне главное -

военные качества) вполне отвечает своему назначению и положению. Он

оперативен, со знанием дела руководит войсками. Вы посмотрите, как

организована оборона Сталинграда, и осуществляется она сейчас тоже хорошо.

Это ведь заслуга командующего". Привел я и другие доводы.

Сталин сначала заседал, но потом стал сдавать, отступать и в конце концов

прекратил нападать на меня. Пора мне уезжать, и он сказал: "Можете лететь".

Когда мы прощались, он пожал мне руку: "Хорошо, что мы вас вызвали. Если бы

мы вас не вызвали, то сняли бы Еременко. Я уже решил снять его. Ваши доводы,

ваши возражения убедили меня. Надо его оставить". Отвечаю: "Очень правильно

делаете, товарищ Сталин, очень правильно". Я сейчас не стану рассказывать,

как я противопоставлял военные качества Еременко тем другим, которые как

плохие называл Сталин. "Ладно, оставим его". И я улетел. Таким образом,

оказалось, что все это было навеяно рассказами Голикова. Я был просто

удивлен. Я высоко ценил партийные качества Голикова, и у меня не было

оснований сомневаться в них. Но, когда он допустил такую вещь, доложил о

своей деятельности очень субъективно, я изменил свое мнение и о его

партийных качествах. Если бы он рассказал Сталину хотя бы десятую часть

того, что говорил мне и Еременко, когда мы его оставляли на правом берегу,

то Сталин и разговаривать с ним не стал бы. А Голиков, вместо того чтобы

правильно оценить свою слабость, все свалил на командующего войсками и на

меня. Думаю, что Сталин спросил его: "Ну, ладно, Еременко, а как Хрущев?" -

"А Хрущев тоже не защищал меня. Он с Еременко заодно". Если он так ответил,

то это было верно, в этом вопросе мы были заодно с Еременко. Тут каждый

честный человек мог занять только такую позицию.

Я вернулся на Сталинградский фронт. У нас продолжалась подготовка к

окружению группировки немцев. Как возникла мысль об окружении там

противника? Не говорю, что она возникла только у нас, то есть у меня и

Еременко, нет, она, возможно, возникала и у других. Но в целом этот вопрос

назрел. Чем это было вызвано? А вот чем. Бои на Сталинградском фронте

затянулись. Противник сосредоточил усилия на довольно узком направлении. Это

говорило о его слабости: на широком фронте он наступательных операций вести

не мог и бросал живую силу в город, как в мясорубку. Самые тяжелые бои

велись в самом городе. А там обороняющимся было легче, чем тем войскам,

которые наступали. От наших войск мы получали донесения, что у противника на

флангах его группировки - очень жиденькая оборона. Мы посылали туда

разведку. Наша разведка переправлялась через Дон и довольно глубоко

забиралась в тыл к немцам. Не всегда она докладывала правильно. Мы ловили их

на слове, когда разведчики просто ввали и не были в тех пунктах, о которых

докладывали. Но это являлось исключением. Как правило, разведка работала

добросовестно и докладывала правильно. Она сообщала, что за Доном войск

противника нет. На левом фланге фронта у нас стояла 51-я армия. Там тоже

была слабая оборона у противника. Главным образом, там находились румыны -

очень неустойчивое войско. Командующий 51-й армией докладывал, что там у

врага слабые силы, и он мог бы разделаться с ними.

Мы решили проверить боем, насколько устойчиво это направление у

противника, и приказали командующему 51-й армией провести такое испытание, а

кроме того, специально вызвали командира одной из дивизий, перед которым

поставили задачу - на каком направлении нанести удар и какими силами. Строго

приказали ему, если удар окажется успешным, чтобы он не продвигался вглубь

больше, чем на такую-то глубину. Если появятся пленные, то вести себя с

пленными корректно, чтобы не оставить "следов", которые мог бы использовать

затем противник. Командир дивизии, хороший такой человек лет 45, коренастый

и полный, основательно поседевший, но бодрый и крепкий, отвечает: "Хорошо, я

все выполняю". Он быстро организовал удар и легко смял противника, углубился

в его оборону более даже намеченного, "перевыполнил" план, хотя мы его

предупреждали, чтобы он этого не делал. Он захватил много пленных и

расстрелял их. Потом противник это использовал в целях агитации против нас.

Когда мы это узнали, то раскритиковали его. А он отвечает: "А куда я их

дену?". Это, конечно, были неправильные действия.

Противник позднее взял

представителей солдат из разных своих дивизий, приводил их на это место и

показывал: вот, мол, русские, не берут в плен, а расстреливают пленных.

Немцы утрировали этот случай, усиливали его значение, пугая свои войска,

чтобы те не сдавались в плен.

В целом наши войска прочно держали линию обороны, она была уже

подоборудована. Это вновь нас подбодрило. Мы видели, что имеем возможность

нанести удар на флангах противника и изменить положение дел под

Сталинградом. Тогда мы с Еременко написали Сталину докладную, где высказали

свое мнение. Это мнение сводилось примерно к следующему: по нашим данным,

включая данные той разведки, которую мы забрасывали в тыл противника, и

разведки боем, которой мы прощупывали устойчивость обороны противника, - у

немцев за Доном пусто; сил, на которые они могли бы опереться, там нет. Мы

не знаем, чем располагает Ставка, но если найти войска, которые можно было

бы сосредоточить восточное Дона и ударить отсюда к Калачу, а нам с юга

ударить по южному крылу противника, то можно было бы окружить врага, который

ворвался в город и ведет бои в самом Сталинграде. Чем располагала Ставка и

были ли у нее такие возможности к тому времени, мы просто не знали. Знали

только, что нам очень тяжело и что нам дают подкреплений очень мало. А если

нам дают мало, значит, давать нечего. Так мы думали. И у нас даже возникла

мысль - не запрашиваем ли мы лишку, потому что не знаем реального положения,

которое сейчас сложилось в стране?

Спустя какое-то время к нам приехал Жуков. Он рассказал, что в Ставке

имеется замысел, аналогичный тому, который мы с Еременко изложили в своей

докладной, и предупредил нас, что об этой операции не должен никто знать и

что он прилетел специально предупредить нас об этом. В данном случае

подозрительность Сталина была полезна: чем меньше знает людей о готовящейся

операции, тем лучше для самой операции. Жуков показал по карте, на каком

участке должен будет нанести удар Сталинградский фронт. Это было как раз

направление действий 51-й армии. Мы тоже считали, что нам ударить надо

оттуда, где мы уже провели успешную разведку боем. Там лежит озеро Цаца.

Южнее него вдоль линии обороны, которую занимала 51-я армия, есть

возвышенность. Ее занимали румыны, у восточного же подножия располагалась

наша оборона. Это нас не смущало: возвышенность была небольшой, там

протянулись прикалмыцкие степи, равнина.

Кто бывал в тех местах, знает, что там простым глазом можно видеть вдаль

на 20 километров, все просматривается насквозь. И я спрашиваю Жукова: "А что

нам дадут для выполнения задачи?". Жуков: "Вы получите механизированный

корпус в составе 100 с лишним танков, пехоты на автомашинах и артиллерии по

штату, что положено. Потом получите кавалерийский корпус, он сейчас на

подходе, им командует генерал Шапкин (31). Еще есть боеприпасы. И что-то

дадут из пехотных частей, но очень мало". Все это он рассказывал нам с

Еременко. Потом мы с ним поехали в район намечаемого наступления,

ознакомиться с условиями рельефа. Там все проглядывается, все видно, и нигде

ни дерева, ни кустика. Я говорю: "Если будут войска, которые вы нам даете,

плюс то, что мы имеем у себя, то у меня складывается полная уверенность, что

мы прорвем оборону, сомнем противника и выполним свою задачу".

Мы должны были сначала занять хутор Советский, неподалеку от

Калача-на-Дону. Советский я хорошо знал, мы еще не так давно сами были в

Советском. С севера Ватутин (32) должен был спуститься со своими войсками по

Дону и занять Калач. Мы же ударом на Советский облегчали выполнение задачи

Юго-Западного фронта. Вот такой сложился план. Успех операции не вызывал

сомнений. Мы были уверены, что немцы в Сталинграде будут окружены. С Жуковым

у меня были, повторяю в который раз, очень хорошие отношения, и я ему

сказал: "Товарищ Жуков, мы-то сделаем свое дело и окружим немцев. Надо

полагать, что войска противника, когда окажутся в окружении, захотят

вырваться. Куда им идти? Они не пойдут прорываться из окружения на север,

они пойдут на юг. Чем мы их будем держать? У нас удержать их нечем. Они нас

раздавят, вырвутся и уйдут". Жуков улыбнулся, посмотрев на меня, и

отреагировал русской словесностью довольно крепкого концентрата и резкого

содержания, добавив: "Пусть уходят, нам-то нужно, лишь бы они ушли, нам бы

только Сталинград и Волгу высвободить". Я ему: "Это верно, это наша первая

задача, но если бы нам дали больше средств, то можно было бы и перемолоть

силу, которая навалится на нас и будет прорываться". -
"Больше, - отвечает,

- дать мы вам ничего не сможем", "Ну, хорошо". Жуков уехал.

Об операции знало очень ограниченное число людей,
буквально считанное

количество. Мы продолжали готовиться и ожидали
механизированный корпус

генерала Вольского (33). Корпус был на подходе. Я
познакомился с Вольским.

На меня он произвел очень хорошее впечатление: знающий
человек. Мне хорошо

отрекомендовали его и другие лица. О нем говорили, что это
большой сторонник

использования танковых войск и разбирается в методах
применения танков в

современной войне; что на него можно положиться; что он
покажет себя здесь с

должной стороны. Вот подошел корпус. Мы назначили ему
место переправы у

большого села с высоким берегом, там были приготовлены
съезд и паромная

переправа. Переправившись, корпус мог оттуда двигаться
к месту

сосредоточения у Сарпинских озер.

Потом к нам прибыл Тимофей Тимофеевич Шапкин,
старый русский воин,

человек уже в годах, среднего роста, с окладистой бородой. У

него сыновья

уже были не то генералы, не то полковники. Сам он служил в царской армии,

воевал в Первую мировую войну. Еременко говорил мне, что он имел четыре

Георгиевских креста. Одним словом, боевой человек. Когда он нам

представлялся, на его груди Георгиев не было, но три или четыре ордена

Красного Знамени украшали его грудь. Я встретил его с большим уважением и

почтением, умиленно смотрел на него и слушал рассказы старого воина. С ним

пришел и его заместитель, молодой, красивый и очень подготовленный человек,

туркмен по национальности. Это был уже современный человек, он был душой

кавказского корпуса, но не успел повоевать, был убит. Когда начались главные бои, он

был уже мертв: при подготовке операции разъезжал по своим частям, и на одном

переезде его с воздуха расстрелял в автомашине "мессершмитт". Я очень жалел

этого генерала. Однако не он был первым, не он и последним. Многих поубивал

противник таким образом.

Как же готовилась эта операция? Прилетел к нам Василевский. К тому

времени прибыл уже и Вольский, прибыл Шапкин с

кавалерийским корпусом.

Накапливались боеприпасы, артиллерия. Одним словом, то, что должны были

получить, мы уже в основном получили. Мы с Василевским и Поповым поехали

втроем к Вольскому. То была наша главная сила. Поехали мы проинформироваться

и посмотреть, как обстоят у него дела. Наступила осень. На юге, под

Сталинградом, осень, оказывается, бывает очень холодной и дождливой, с

пронизывающим ветром. Части Вольского уже переправились через Волгу и

разместились в указанном селе. Противник бомбил их, но не сильно. Видимо, не

заметил, когда Вольский переправлялся со своими танками. Иначе враг мог бы

нанести при переправе довольно существенный урон. Волга там широкая, берега

крутые, не так-то легко перебраться на правый, высокий берег. Доклад

Вольского произвел на нас приятное впечатление. Мы поговорили с танкистами.

Было видно, что люди готовы к делу и рвутся в бой.

На обратном пути мы, замерзнув, заехали погреться к Попову. Попов имел

свой командный пункт недалеко от места высадки, справа от мехкорпуса. Как

раз тогда у него был день рождения. Мы с Василевским ехали в

принципе к

Толбухину, в 57-ю армию (34). В штаб фронта я не поехал потому, что это было

далеко. Штаб фронта тогда находился на левом берегу Волги, в районе Ахтубы,

в местечке Райский Сад. Я редко бывал в то время в штабе фронта, больше у

Толбухина, как раз неподалеку от переправы. Войска, которые

сосредоточивались для удара, тоже находились в этом районе. Поэтому удобнее

всего было расположиться у Толбухина. Но Попов стал уговаривать нас: "Ну,

хоть на полчаса заезжайте, у меня день рождения, я очень хотел бы, чтобы вы

зашли сегодня, потом поедете". Ну, мы и заехали.

Известное дело, раз день рождения, да еще в обстановке предстоящего

наступления! Мы поздравили его и довольно много выпили. Я видел, что Маркиан

Михайлович доволен своим днем рождения. К сожалению, он увлекался выпивкой

больше, чем позволяли его здоровье и интересы дела. Если бы у него не было

этого недостатка, то он с большей пользой смог бы приложить свои способности

на благо Вооруженных Сил. Я считал его очень одаренным человеком. Чудесным,

интересным человеком. Но он выпивал. Он сам знал этот свой

недостаток, да и

все это знали. Мы действительно недолго задержались у Попова, сели в машину,

завернулись в бурки (хорошее средство защиты от сталинградских ветров) и

поехали к Толбухину. Приехали поздно, обогрелись. У Толбухина была вырыта в

речном берегу хорошая баня.

Развернулась подготовка к наступлению. С каждым днем у нас вырастала

уверенность в успехе. Мы ждали дня наступления, как торжества. Абсолютно

были убеждены, что это наступление принесет нам радость, хотя еще не вполне

конкретно представляли себе глубину радости. А это стало потом радостью для

всего прогрессивного человечества, которое прилагало свои усилия для победы

над Гитлером. Я был удивлен ранними заморозками. Рано, очень рано начали

появляться льды на Волге. Было холодно, особенно ночью и по утрам. Днем же

пригревало солнце и становилось тепло. Наступление должно было начаться 19

ноября, но потом для нашего фронта начало было перенесено на 20 ноября. Так

потом и случилось. Вечером 7 ноября мы с Василевским приехали к Толбухину и

узнали, что утром 7 ноября состоялось торжественное заседание

в Москве и что

на нем выступил Сталин с докладом. Это нас приободрило. Мы радовались, что

жизнь в столице нормализуется, что столица чувствует себя уверенно и что

доклад был сделан именно Сталиным.

Подготовка к наступлению шла полным ходом. Торопились, сосредоточивали

войска, лучше овладевали техникой, особенно в танковых войсках. Обучали

солдат практическим действиям, однако не в поле, а на картах, потому что в

поле выводить танки было невозможно. Вывести их - значит привлечь внимание

авиации противника и понести потери, а главное - преждевременно насторожить

противника. Главным условием успеха была внезапность нашего удара. Каждый

род войск, каждая воинская часть готовили себя, чтобы задача, которая была

поставлена, была бы решена как можно быстрее, эффективнее и с меньшими

потерями. Мы неоднократно выезжали в части вместе с Поповым. Ездили и с

Еременко, несмотря на трудности, которые он с больной ногой встречал при

поездках. Мы отправились с ним даже в самое отдаленное место, 51-ю армию.

Командовал ею генерал Труфанов (35). Я потом встречался с

ним уже после

войны, когда мы с Микояном и Булганиным летали на Сахалин. Труфанов

командовал там войсками.

Приехав, мы опять же занимались разбором предстоящей операции. Труфанов

докладывал план того, как он будет действовать. Мы проверяли, какие части

прибыли и в каком состоянии. Одним словом, разбирали все вопросы, которые

связаны с успешным решением задач, поставленных перед фронтом. Труфанов

должен был нанести удар в юго-западном направлении и прорвать румынскую

линию обороны. Основные наши силы в 51-й армии - механизированный корпус

Вольского, пехотные дивизии Труфанова и кавалерийский корпус. Этого

недостаточно, чтобы удержать противника в кольце после окружения, если тот

навалится на нас для прорыва на юг. Но вполне достаточно, чтобы, прорвав

оборону, решить основную задачу: выйти механизированным корпусом на

Советский и там соединиться с войсками Ватутина - войсками Юго-Западного

фронта, которые должны были спуститься на юг по правому берегу Дона.

Все было четко рассчитано. Сейчас уже не помню, сколько

отводилось нам

времени на артиллерийскую подготовку. Может быть, два часа, может быть, и

меньше. Не помню также, сколько мы имели боекомплектов снарядов для этого,

но мы считали, что выделенного достаточно для решения задачи. Отвлекающий

удар был организован на участке 57-й армии Толбухина. Здесь наших сил

имелось очень мало. Задача заключалась в том, чтобы сковать, а если удастся,

то и ввести противника в заблуждение. Главное, чтобы он не перебросил с

этого участка войска на направление нашего главного удара. Решили, что я и

генерал Попов выезжаем в 51-ю армию, на участок главного удара, а Еременко

выедет к Толбухину: его армия была ближе других по отношению к штабу фронта.

Правда, она наносила вспомогательный удар. Начальник штаба Захаров выедет в

28-ю армию, в Астрахань (36). Там тоже намечалось провести демонстрацию

наступления, с тем чтобы сковать противника.

Мы много тогда думали и беседовали с Василевским об этой операции. Он был

приятным собеседником. С ним можно было говорить по всем вопросам. Вдруг за

день до начала операции позвонил Сталин. Мы должны были

ночью 19 ноября

выехать в пункты, каждый в свой, откуда будет начато наступление каждой из

групп войск. Сталин спросил меня: "Куда поедет начальник штаба Захаров?".

"Мы решили, что он поедет в Астрахань. Это спокойный участок, но нужно

все-таки поехать к Герасименко, с тем чтобы на месте все проверить и начать

успешно действовать. Я с Поповым выезжаю на участок главного удара, в 51-ю

армию, к генералу Труфанову. Еременко выезжает к Толбухину, на участок

вспомогательного удара". Сталин не сделал никаких замечаний и только сказал:

"Вы предупредите генерала Захарова, чтобы он там не дрался". Мне было

довольно странно услышать от Сталина такое замечание. Он так сказал впервые,

а больше я от него этого не слышал. Видимо, у него тогда наметился какой-то

поворот. Он ведь всегда говорил, что надо "бить морду". "Что вы его слушали?

Морду бы ему набить!". Этот мордобой прививался командному составу.

Пользовались этой рекомендацией Сталина и Еременко, как я уже рассказывал, и

Захаров, и другие лица. Многие пользовались. И вдруг Сталин говорит: "Вы ему

скажите, чтобы он там не дрался".

И я рассказал Василевскому, что, вот, Сталин так сказал. Мы посмеялись

над этим, потому что Василевский тоже хорошо знал позицию Сталина в этом

вопросе. Сталин не любил, чтобы такое его указание рекламировали, хотя и

толкал всех, с кем соприкасался, на это. Потом мы стали думать, как же

сказать про это Захарову? Как преподнести ему эту пилюлю? Я предложил:

"Товарищ Василевский, давайте порекомендуем, чтобы это сказал Еременко. Не

вы и не я, а пусть Еременко. Еременко сам толкал его на такие действия и сам

этим пользовался, поэтому пусть он сам и скажет". Захаров был большим

любимцем у Еременко. Нужно заметить, что как военный служащий Захаров

заслуживал уважения. Я к нему тоже хорошо относился, за исключением этого

недостатка, который знал за ним и который возмущал меня. И я сообщил Андрею

Ивановичу: "Сталин позвонил и спросил, куда мы разъезжаемся. Он, наверное, и

с Вами разговаривал?". "Да, он со мной тоже разговаривал". - "Не знаю,

говорил ли он вам, мне же сказал еще и о том, чтобы предупредить генерала

Захарова, чтобы Захаров не позволял себе драться, когда поедет в 28-ю армию,

а если позволит это себе, то будет наказан. Лучше всего, Андрей Иванович,

именно вам сказать это Захарову и предупредить его".

Еременко принял от меня такой совет очень настороженно. Говорил ли с ним

Сталин и говорил ли об этом, не знаю. Может быть, и не говорил. Может быть,

он только мне сказал это. Какие соображения были у Сталина, не знаю. Вечером

мы сошлись в землянке Еременко: он, Захаров, Василевский и я. Вносились

последние уточнения в план. Докладывал Захаров. Все вопросы обсудили, надо

было разъезжаться. Ехать всем, особенно Захарову, было далеко. Я смотрю на

Еременко. Осталось только одно: чтобы Еременко сообщил условленное Захарову.

А он не говорит, у него язык не поворачивается. Я ему: "Ну, Андрей Иванович,

надо разъезжаться". - "Да, надо разъезжаться". Я: "Так мы поехали. По-моему,

все ясно?". "Да, все". Одним словом, тянет он. Я стал уже беспокоиться. "Ну,

Андрей Иванович, нам надо разъезжаться и следует сказать товарищу Захарову,

как же?". "Да, да". И Еременко вдруг принял официальную позу и повернулся к

Захарову. А они были большими приятелями. "Смотрите, товарищ генерал, вот вы

поедете в 28-ю армию, так не позволяйте себе бить там людям морды. Иначе

дело для вас плохо обернется". Тут Захаров немного приподнял голову, но

глаза опустил: "Да что же я, уговаривать буду, что надо наступать?". Опять

Еременко: "Товарищ генерал!". Тогда и я реплику подал, и Василевский

поддержал, что, мол, товарищ Захаров, нужно вести себя сдержанно, иначе это

может обернуться для вас неприятностью. Он пробурчал в ответ что-то

невнятное. Трудно ему было такое замечание пережить. Я понимал, что это

унижает человеческое достоинство и достоинство генерала, но вызвано это

замечание было действиями, которые он себе позволял. А ведь такие действия и

унижают больше всего достоинство человека и достоинство воина.

(1) То есть Калач-на-Дону (в отличие от Калача в Воронежской области).

(2) 1-й танковой армией генерал-майор артиллерии МОСКАЛЕНКО К.С.

командовал в июле-августе 1942 года. Эту армию сформировали на базе 38-й

армии, но спустя три недели вновь расформировали, чтобы на базе ее полевого

**управления создать управление Юго-Восточного фронта.
Вторично 1-я ТА**

**возникла в январе 1943 г. как 1-я Гвардейская танковая армия,
однако уже в**

**ином составе. МОСКАЛЕНКО же возглавил в августе 1942 г.
1-ю Гвардейскую**

армию.

**(3) Генерал-полковник ВАСИЛЕВСКИЙ А.М. Он стоял во
главе Генштаба с июня**

1942 года.

(4) Эта смена командования произошла в августе 1942 года.

**(5) Он с октября 1942 г. командовал 33-й армией на Западном
фронте.**

**(6) 13-й механизированный корпус (командовал генерал-
майор ТАНАСЧИШИН**

Т.И.)

**(7) После Великой Отечественной войны генерал-полковник
ГОРДОВ В.Н.**

**командовал войсками Приволжского военного округа, потом
был перемещен на**

**другую должность, с понижением. Генерал-майор КУЛИК Г.И.
служил в ПриВО его**

**заместителем, в июне 1946 г. уволен в отставку. В 1950 г. они
оба были**

**репрессированы. В 1957 г. КУЛИК посмертно был восстановлен
в звании Маршала**

Советского Союза.

(8) Речь идет об авиационном налете 23 августа 1942 года.

(9) Первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) ЧУЯНОВ А.С.

(10) Генерал-лейтенант ГЕРАСИМЕНКО В.Ф. до сентября 1942 г. командовал

войсками Сталинградского военного округа.

(11) В Севастополе генерал-майор КРЫЛОВ Н.И. был начальником штаба

Приморской армии, а под Сталинградом в сентябре 1942 г. был назначен

начальником штаба 62-й армии.

(12) Нарком танковой промышленности МАЛЫШЕВ В.А.

(13) Представителем, поскольку ранее являлся председателем Совнаркома

УССР.

(14) Генерал-лейтенант (вскоре генерал-полковник) авиации НОВИКОВ А.А.

стал в апреле 1942 г. заместителем наркома обороны СССР и командующим ВВС.

Генерал-полковник артиллерии ВОРОНОВ Н.Н. был с июля 1941 г. заместителем

наркома обороны СССР и начальником артиллерии Красной Армии.

(15) Эту должность он занимал в августе-октябре 1942 года.

(16) 13-я Гвардейская стрелковая дивизия (командовал генерал-майор

РОДИМЦЕВ А.И.).

(17) Поселок на реке Червленая, юго-западнее Сталинграда.

(18) Генерал-лейтенант ШУМИЛОВ М.С. командовал тогда 64-

й армией.

(19) Генерал-майор СЕРДЮК З.Т.

(20) То есть 1-я гвардейская и 66-я армии.

(21) Генерал-майор авиации ГОЛОВАНОВ А.Е.

(22) В начале XVII в. автор "Трактата об артиллерии"
Диего Уффано,

понимавший "артиллерию" как "arte de tirar" (то есть
"искусство стрелять"),

ввел в обиход выражение "артиллерия - богиня стрельбы".
В XVIII в.

выдающийся мастер артиллерийского вооружения Ж.-Б.
Вакетт де Грибоваль

переименовал данное выражение на "артиллерия - богиня полей
сражения". В ходе

Наполеоновских войн оно стало ходячим. Выражение
"артиллерия - бог войны"

есть его модификация. В советской печати впервые появилось
как будто бы со

времен Финляндской кампании 1939-1940 года.

(23) Генерал-лейтенант (вскоре генерал-полковник)
РОКОССОВСКИЙ К.К.

командовал войсками этого фронта с сентября 1942-го по
февраль 1943 года.

(24) Генерал-майор (затем генерал-лейтенант) авиации
СКРИПКО Н.С. был

заместителем командующего АДД с марта 1942 года.

(25) Контр-адмирал РОГАЧЕВ Д.Д. командовал Волжской
военной флотилией с

февраля 1942 по май 1943 года.

(26) Генерал-лейтенант ЗАХАРОВ Г.Ф. был начальником штаба фронта в

августе-октябре 1942 года.

(27) Он еще до Великой Отечественной войны окончил "Выстрел" (Высшие

стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА им.

Коминтерна), Военную академию им. М.В.ФРУНЗЕ и Военную академию Генштаба.

(28) 8-я воздушная армия (командовал ею генерал-майор, затем

генерал-лейтенант и генерал-полковник авиации ХРЮКИН Т.Т. с июля 1942 по

июль 1944г.).

(29) Герой Советского Союза, генерал-майор авиации НАНЕЙШВИЛИ В.В.

(30) Генерал-лейтенант ПОПОВ М.М. ранее командовал войсками

Ленинградского ВО, Северного фронта. Ленинградского фронта, 61-й и 40-й

армиями. В должность заместителя командующего войсками Сталинградского

фронта вступил в октябре 1942 года.

(31) Генерал-лейтенант ШАПКИН Т.Т. командовал 4-м кавалерийским корпусом.

(32) То есть командующий войсками Воронежского, затем Юго-Западного

фронтов генерал-лейтенант (потом генерал-полковник и генерал

армии) **ВАТУТИН**

Н.Ф.

(33) 4-й механизированный корпус (командовал генерал-майор, затем

генерал-лейтенант танковых войск ВОЛЬСКИЙ В.Т.).

(34) Генерал-майор Толбухин Ф.И. в те дни командовал именно 57-й армией.

(35) Генерал-майор ТРУФАНОВ Н.И командовал ею в июле 1942 г., затем вновь

с октября 1942 по февраль 1943 года. А на Дальнем Востоке он служил в

1950-1957 годах.

(36) Там генерал-лейтенант ГЕРАСИМЕНКО В.Ф. командовал 28-й армией с

сентября 1942 до ноября 1943 г.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ПОВОРОТ

Перед началом нашего контрнаступления настроение у нас резко поднялось.

Мы распрощались, пожелали друг другу успеха и разъехались. Я сел в машину с

Поповым, Василевский поехал к Толбухину. Добрались мы к рассвету. Дороги

были хорошие, ровные. Степь. Путь был нам знаком, и мы

мчались на большой

скорости. Приехали к Труфанову (1). Все было готово, строго расписано, люди

находились на местах, каждая часть получила свою задачу. Следовало только

выждать время, которое намечено для начала операции, и потом начинать. Мы

решили ограничиться артиллерийской подготовкой. Авиацию использовать не

могли, потому что утром стояли густые туманы и летать было невозможно. Мы

боялись, что авиация разбомбит наши же войска.

Для нас было, конечно, большим уроном, что не смогли нанести авиационный

удар по переднему краю противника. Это еще больше дезорганизовало бы его,

создало панику в румынских войсках (2) и облегчило задачу прорыва их линии

обороны. Но не возникло такой возможности. Однако мы считали, что и

артиллерией сможем способствовать прорыву линии обороны, потом тотчас введем

в прорыв танковые войска, а за танками, когда они развернутся, пустим

кавалерию - бросим кавалерийский корпус по тылам противника, чтобы

дезорганизовать его тылы.

Наступило 20 ноября. Мы с командующим армией сидели на его командном

пункте. Все было подготовлено. Артиллерия, как говорится, на взводе; пехота,

механизированный корпус и кавалерийский корпус заняли позиции. Вот дан

сигнал ракетой, и артиллерия открыла огонь. У меня создалось впечатление,

что земля загудела. Мы вели очень интенсивный огонь. Но не помню сейчас,

сколько у нас стояло орудий на один километр линии фронта. Позже, когда вели

бои под Киевом, мы поставили на главном направлении более 300 стволов на

километр. Потом и это количество было превзойдено. Тут и наполовину не было.

Но по тому времени считалось, что много, что это большая артиллерийская

мощь. И действительно, противник был дезорганизован. Кончили артподготовку и

приказали пехоте занять окопы противника. Пехота, сейчас же начав

продвигаться, особого сопротивления со стороны румынских войск не встретила.

Румыны занимали там довольно выгодные позиции. Во-первых, они своевременно

окопались. Во-вторых, находились на возвышенности. Небольшая, но все-таки

возвышенность, так что они лучше нас просматривали местность перед передним

краем, нашим же войскам нужно было преодолеть подъем, чтобы занять их

позиции. Выгода по рельефу была на стороне противника, и он имел возможность

выбора, когда возводил оборону.

Наши войска ворвались в окопы и повели рукопашный бой. Противник отходил.

Мы приказали Вольскому (3) вводить механизированный корпус в прорыв. Ждем, а

танков все нет да нет. Мы стали уже волноваться. Как же? Мы ведь теряем

время. Враг может сорганизоваться и построить новую оборону на каком-то

удалении в тылу, оставив передний край. Мы предполагали, что у него имеются

там заранее оборудованные позиции. А танков нет. Что такое? Уже рассвело.

Солнце взошло. Его самого не видно, потому что стоял туман, но все

предвещало, что туман скоро рассеется. А механизированный корпус никак не

может войти в прорыв! Мы с Поповым (4) решили: сядем на машину и поедem к

Вольскому. Мы знали, где он находился. Проедем по его бригадам и буквально,

как говорится, будем подталкивать их в спину или в другое место, чтобы

ускорить выступление.

Когда мы с Поповым приехали в расположение танковых войск, то их

организация произвела на меня неприятное впечатление, такой

там был базар.

Все хорошо видно, в поле ни кустика, и танки, и автомашины, и люди в

открытую. Нам повезло, что стояла нелетная погода и самолеты врага не

поднялись в воздух. Если бы авиация противника летала, то я не знаю, что бы

она нам наделала в танковом корпусе, а уж о кавалерии и говорить нечего.

Конечно, противник не сорвал бы наше наступление и задача все равно была бы

решена, но урон он нанес бы нам немалый. Там была просто Сорочинская

ярмарка, базар какой-то. Ведь коня и обоз не зароешь в землю, все в чистом

поле. Картина была, я бы сказал, ужасная. Вольский все еще возился с

командирами бригад, ставя им задачу. Мы начали его торопить - пора кончать,

задачи следовало поставить раньше.

Разъехались мы по частям, стали выталкивать в наступление

механизированный корпус. Я тогда считал, что это недосмотр Вольского, что он

не подготовил своих командиров бригад. Позже я понял, что там, видимо, дело

заключалось в другом, комбриги были проинструктированы, и каждый командир

получил свою задачу вовремя.

Такое потом наблюдалось не только у Вольского, а и у других командиров

танковых войск. Они нарочно медлили, выжидая, когда пехота расчистит путь,

чтобы им не подставлять танки под огонь и не терять их при прорыве. Ждали,

чтобы был развернут прорыв и легче было бы войти в него танковым войскам. К

сожалению, такие рассуждения я потом слышал часто, да и не только слышал, а

и сталкивался с ними у многих танкистов. Не буду называть фамилии. Сейчас

эти люди занимают довольно высокое положение. Они прекрасно воевали и хорошо

закончили войну. Но за многими мною замечался этот грех. Наконец, Вольский

сдвинулся. А мы все ездили по полю, по его базару. Солнце стало пробиваться

сквозь серость, туман рассеивался и поднимался. Смотрю, летают два самолета

над передним краем противника и бомбят его. Я говорю: "Смотри, товарищ

Попов, что же это такое? Чьи это самолеты? Вроде как наши. Да ведь там

сейчас нет противника, он выбит, как же так? Может быть, это противник

бомбит наши войска?" Мне было непонятно, Попову тоже. Конечно, в общем и

целом мы радовались. Хорошее было настроение, что наша берет! Мы передний

край прорвали, пошла в дело пехота. Но нас беспокоили эти два самолета.

Потом, смотрим, эти самолеты поворачивают в нашем направлении и летят на

бреющем полете над этим базаром, над танками и лошадьми. А все открыто, как

на ладони. Вот самолеты заметили наш виллис и летят прямо на него. Вроде бы

Ваши самолеты? Попов: "Давайте-ка выскочим, разбежимся и заляжем. А то черт

его знает, что получится". Выскочили из виллиса, он в одну сторону, а я в

другую. Самолеты прострочили по нам из пулеметов. Попов потом говорил, что

очередь близко легла от него. Около меня тоже, но не в непосредственной

близости, потому что я не слышал чмоканья пуль о землю. Улетели самолеты. Я

говорю: "Все-таки наши. Почему же они нас обстреляли? Как они могли спутать?"

Этот район обозначен на всех картах, какими могли пользоваться наши летчики,

район сосредоточения танковых войск и кавалерии для броска в прорыв".

Вытолкнули мы корпус вперед и вернулись на командный пункт к Труфанову.

Там он нас уже порадовал первыми пленными. Сперва захватили десятка два,

потом их стало больше. Среди пленных, помню, был один с фамилией Чайковский,

русский, как он сказал мне, из Кишинева. Еще один пленный -
очень интересный

румын. Я его допрашивал. Из него ничего не надо было
выжимать. Он сам

понимал, насколько ложно положение румынских войск,
понимал, что война идет

не в интересах Румынии, а в интересах Германии, что
Антонеску принес свою

страну в жертву немцам. Мне его не приходилось
пропагандировать. Он сказал,

что он сын священника и что его настроения - не только лично
его, такие же

настроения присущи многим командирам, с которыми ему
приходилось общаться. Я

ему: "Вы, может быть, согласитесь написать тогда листовку или
письма к этим

командирам, чтобы они отказались от сопротивления советским
войскам, сдались

бы в плен и помогли тем самым и Румынии в борьбе против
общего врага, против

Гитлера?". "Да, охотно соглашусь. Дайте мне бумагу, и я это
сделаю".

Чайковский же по части листовок меня не интересовал. Он
ведь был русский,

так что фамилия Чайковский не произведет на румын
впечатления, если он даже

станет призывать их сдаваться в плен. А вот коренной румын,
офицер румынской

армии, кажется, ротой командовал, сын священника. Все это на
румын, особенно

на верующих людей, могло произвести впечатление. А Чайковскому я говорю:

"Как же вы позорите такую громкую фамилию?". "Да я, - отвечает, - понимаю, я

знаю принадлежность фамилии, которую ношу. Но и вы поймите: не только я, а и

другие русские были мобилизованы. Мы воевать не хотели. Свидетельство этому

- мы у вас в плену в первые же часы боев. Это само гласит о том, что я не

хотел воевать и при первой возможности сделал все, чтобы сдаться в плен.

Другие действуют так же".

Потом пленные поступили в распоряжение разведки, а мы пошли в войска.

Надо было не только продвигаться вперед, но и сделать все, чтобы ускорить

продвижение. Нас прежде всего интересовали подвижные войска Вольского, и мы

снова поехали туда. Теперь рассказывать по дням, в хронологическом порядке,

что происходило (думаю, каждый понимает мое положение), невозможно. Я помню

сейчас только общую картину или отдельные яркие события.

Вольский двинул танки. Сопротивление противником оказывалось слабое.

Можно сказать, что вообще не было организованного сопротивления. На

участке, где действовали наши главные силы, Вольский взял

много пленных,

много у врага было и убитых, очень много. Мы предупреждали Вольского, чтобы

ни в коем случае не допускалось какого-либо насилия по отношению к пленным.

Во-первых, это аморально. Во-вторых, опасно, потому что враг использует это

против нас в своей агитации: советским войскам нельзя сдаваться в плен, они

расстреливают пленных! Однако, когда мы стали продвигаться, я увидел много

больших групп расстрелянных. Рядом стоят наши люди. И я сказал Вольскому:

"Странное дело. Я наблюдал такую картину, что лежат расстрелянные". - "Нет,

- говорит, - все убитые в бою".

Я не исключаю того, что, может быть, кое-где имело место нарушение нашей

директивы под влиянием ненависти и озлобленности. Причины того были очень

большие, и у каждого нашего бойца. Мы, отступая, видели, что оставляем

врагу. К тому же располагали сведениями, как свирепствует враг на

территории, которую занял. На Советской Украине, на территории РСФСР,

Белоруссии и на Северном Кавказе - всюду, где появлялся враг, он беспощадно

уничтожал всех "ненужных" и не признавал никаких

моральных факторов. Гитлер

**издевался над этими факторами, победителю все было
дозволено! Надо**

уничтожить русских, деморализовать их, запугать.

**Это наши солдаты знали. И если где-то были допущены
злоупотребления и**

**нарушения приказа, то, как говорится, пусть будет прощено
этим людям. Тут не**

**проявилось какое-то органическое свойство наших людей. Это
был результат**

**навязанной нам войны, которая обострила человеческие
чувства. Все это,**

**конечно, понятно людям, которые воевали и хотят с точным
пониманием**

отнестись к акциям, которые иной раз применялись в те дни.

**Приходят мне на память и какие-то забавные случаи. Как и
во всякой**

**трагедии, так и в ходе войны тоже происходили комические
явления. Помню, раз**

**после проведенного наступления мы ехали поздно ночью.
Степь. Дорог нет.**

**Ездить было опасно, потому что всегда можно было наткнуться
на шальную мину,**

**закопанную в неожиданном месте. Вот едем мы и не уверены,
что в правильном**

**направлении. Нет никаких ориентиров, ни кустиков, ни
населенного пункта.**

**Голая степь. Ориентироваться надо по звездам. Но по звездам
воевать даже в**

степи невозможно. Видим, мерцает какой-то огонек. Сейчас же взяли

направление на этот огонек на своих виллисах. Выскакивает из машины Попов.

Он был человек с жизнерадостным характером и хохочет во все легкие: "Товарищ

Хрущев, идите сюда, взгляните, живых чертей увидите".

Я вышел из виллиса, подошел. Сидят наши солдаты, развели небольшой

костер. Большой костер там не разведешь, нет дров. Они все, что могло

гореть, собрали в степи. Достали где-то воду и кипятят чай, склонившись над

костром.

Закоптились - просто страх. У них только, как у негров, сверкают зубы и

глаза.

Действительно, черти, да еще ночью! А молодые парни улыбаются, видят, к

ним приехали генералы. Я тогда не имел еще воинского звания, но был в

военной форме. Они-то сразу увидели, что приехала какая-то военная "шишка".

Мы расспросили их. Что-то у них сломалось в машине, не то горючее кончилось.

"Вот, ждем, когда нам помогут". Это были артиллеристы противотанковых орудий

- одной или двух пушек. Мы с ними слегка пошутили. Нам же они что-либо

толковое сказать не могли, сами не знали событий, ответили лишь, из какой

они воинской части.

На следующий день мы опять разъезжали по фронту и натолкнулись на другую

забавную картину. Я о ней много раз рассказывал Сталину. Трясется арба.

Сидят человек пять-шесть румынских солдат, один погоняет лошадей. Едут на

восток. Попов спрашивает: "Куда едете? Кто такие?". Один румынский солдат

сует нам записку в руки, Попов взял и читает: "При сем следует столько-то

румынских солдат, лошадей и арба. Едут на восток, к Волге, для сдачи в

плен". И подпись: лейтенант такой-то. Мы посмеялись. Румыны смотрят, что мы

настроены не злобно, и тоже приободрились. Попов вернул им записку и сказал:

"Езжайте в том же направлении, в каком едете". Они, конечно, ничего не

поняли. Тогда он махнул рукой в направлении Волги, и они поехали в плен, а

мы поехали к линии фронта.

Приехали мы в Плодовитое. Это село. Там всюду такие интересные,

жизнеутверждающие названия населенных пунктов. Видимо, когда шло заселение

этих степных, полупустынных земель, люди, которые

приезжали, давали новым

местам красивые названия. Подходит к нам лейтенант и обращается ко мне:

"Хочу спросить, что мне делать с пленными?" - "А сколько у вас пленнх?". -

"Человек триста". "А где они?". - "А вот здесь недалеко". Мы с Поповым пошли

туда. Видим, стоит огромная толпа пленнх. Мы стали их расспрашивать через

переводчика. В это же время подъезжает на коне еще один лейтенант:

"Разрешите обратиться? Что мне делать и куда направить пленнх?" - "Сколько

их у вас?" - "Тысячи три, наверное". Где же эти пленные?" - "Вон там, за

церковью".

Подъехали. Там растянулась огромная их шеренга, придерживаясь какого-то

расчетного порядка. Лейтенант докладывает, что здесь находится полк полного

состава румынской артиллерии большого калибра. Он сдался в плен во главе с

командиром полка. Я подумал: черт его знает, целый артиллерийский полк

оказался в нашем тылу, он может наделать нам неприятностей. Говорю:

"Скомандуйте, чтобы все офицеры вышли вперед. Надо офицеров отделить от

солдат и отдельно увести их в глубь страны, на приемный пункт.

В поле лежит

**очень много оружия, от стрелкового до пушек. Они могут
наделать нам**

**неприятностей, имея готовые артиллерийские расчеты". В тылу
ведь у нас там**

**ничего не было. Вышли вперед их офицеры. Командира полка
лейтенант пригласил**

подойти к нам.

**Подошел человек солидного возраста и доложил спокойно: "Я
командир полка.**

**Даже чехлы не приказал снять с орудий, не вел огня и решил
сдаться в плен с**

**полком в полном составе и при полном вооружении. Вот я вам и
сдаю все: и**

**офицеров, и солдат, и артиллерию". Я говорю ему: "Господин
полковник, а вы**

**не согласились бы обратиться с воззванием к румынским
солдатам и офицерам,**

**чтобы они прекратили сопротивление и сдавались в плен?
Если вы сами так**

**сделали, то понимаете правильно, что война против нас
навязана вам Гитлером.**

**Вы не хотите ее вести и для себя ее уже закончили. Так помогите
и тем, кто**

**еще находится по ту сторону линии фронта, пусть они
последуют вашему**

**примеру". Он отвечает: "Охотно! Дайте возможность, я напишу
письмо". Потом**

я, расспрашивая его, сказал ему об офицере, с которым

беседовал раньше и

который написал подобную же листовку. Он, оказывается, знал этого офицера. В

своей листовке тот офицер, как я узнал потом, адресовался как раз к этому

полковнику. Действительно, когда я читал листовку того офицера, сына попа, с

которым беседовал раньше, он обращался именно к этому полковнику: "Не воюйте

вы против своей совести! Я знаю ваше настроение. Надо кончать войну!". Когда

я вернулся в штаб, мне ту листовку дали, чтобы я приказал ее напечатать. Но

потребности в ней уже не было: часть, к которой она адресовалась, сдалась и

оказалась у нас в плену. Мы указали, чтобы румынских офицеров увели

отдельно, а солдат отдельно.

Операция же продолжалась успешно. Наши войска продвигались вперед, и мы

буквально наслаждались плодами первых больших побед. Трудно передать

словами, какая тогда была радость и как мы ликовали. Впервые за войну на

нашем направлении мы успешно прорвали вражеский фронт и развиваем

наступление, разгромив все, что стояло перед нами, и почти не встречая

сопротивления. Правда, мы понимали, что перед нами

находятся не немцы, а

румыны. Они были нестойки, потому что знали, что эта война не отвечает

интересам Румынии. Но все-таки это был враг. Имелись, как говорится, румыны

- и румыны. Уже совершенно другие. Мы-то ведь знали, как они наступали, как

издевались над мирными жителями, убивали наших людей. Они пришли вместе с

гитлеровскими войсками и тоже допускали зверства по отношению к советским

воинам. Поэтому надо правильно понимать наше ликование, радость наших солдат

и офицеров, которые просто сияли.

Не помню, на какой день наступления, третий или четвертый, мы завершили

боевые действия и решили задачу, которая стояла перед нами. Наши танковые

войска дошли до Советского, вышли к Дону, а войска Ватутина спустились по

Дону к Калачу. Там у нас должна была состояться встреча, и мы с Поповым

приехали туда. Я говорю тут неточно. Другие генералы, которые участвовали в

этой операции, в своих воспоминаниях точнее, потому что они, когда писали,

пользовались материалами Генерального штаба, официальными документами, по

которым можно восстановить все во времени, как конкретно

развивались

события. У меня нет такой возможности. Итак, мы с Поповым приехали к

командиру танкового корпуса войск Юго-Западного фронта. Командовал им

знакомый мне генерал Кравченко (5). Я потом не раз встречался с ним и во

время, и после войны. Сейчас он умер. А ведь был здоровый такой, крепкий

мужчина. Казалось, ему и износа нет, а он умер. Действовал же он тогда

хорошо.

Когда мы зашли в помещение, которое он занимал, он сказал, что плохо себя

чувствует, болен. Грипп, что ли, у него был, но он переносил болезнь на

ногах. Мы поздравили друг друга и вместе порадовались, что наши фронты

сомкнулись. Вот и первая встреча! Кравченко предложил: "За радость нашей

встречи давайте разопьем бутылку шампанского. У меня есть трофейное,

французское". - "Ну, давайте". Открыли шампанское, выпили по бокалу и больше

ничего не пили, не потому, что не хотели, а потому, что отсутствовали иные

"средства", кроме этой единственной бутылки шампанского, чтобы отпраздновать

соединение войск Сталинградского и Юго-Западного

фронтов. Кравченко

обратился ко мне: "Товарищ Хрущев, примите от меня подарок на память о

встрече, немецкий кортик. Правда, он со свастикой, но свастика эта теперь

**побита. Этот сувенир будет напоминать о нашей встрече".
Говорю: "Хорошо, я**

возьму. У меня есть маленький сын Сережа, я ему перешлю. Это будет

вещественное доказательство того, что Ваши войска бьют немцев, и к тому же

хороший подарок".

Мы недолго побыли у Кравченко, проинформировали друг друга о положении

дел. Положение было хорошим. Мы не чувствовали какой-нибудь вражеской

угрозы, разгромили каждый своего противника и не знали, что враг еще

подтянет и с чем мы встретимся. Но это уже потом. А в данном случае мы

блестяще выполнили свою задачу. Кравченко сказал, что он, как говорится,

промаршировал по правому берегу Дона и не встретил большого сопротивления.

Тылы у противника - довольно жидкие и войсками не обеспечены. Мы радовались

успеху. Когда задумывалась операция, мы в своем письме к Сталину излагали

план осторожно, предполагали, что есть лишь возможность

провести такую

операцию, но нам неизвестны ни наши резервы, если Ставка ими располагает, ни

то, что у противника пустота на этом направлении. Если в основу операции

положили и не наши рекомендации, то во всяком случае они не противоречили

осуществленному замыслу и тем предложениям, которые, возможно, были сделаны

другими командующими. Главное заключалось не в том, кто первый сказал "а", а

в том, что решена задача, поставленная перед нами. Враг разгромлен и

окружены немецкие войска в Сталинграде. Теперь надо удержать их там и тоже

разгромить.

Потом мы встретились с трудностями. Об этих трудностях я говорил Жукову,

когда он приезжал к нам и докладывал соображения Ставки по плану операции. Я

ему тогда сказал, что свою задачу мы решить можем, потому что чувствуется,

что тут у противника слабое место. А вот удержать окруженные войска, если вы

не усилите нас, мы своими силами не сможем: враг нас раздавит и выскочит из

Сталинграда. Я уже рассказал, как Жуков мне ответил: пусть враг катится

туда-то, мол, из Сталинграда, уже это будет большая победа -

отбросить

немцев от Волги. Я соглашался с Жуковым, но хотелось большего. Впрочем,

думаю, что здесь у нас разногласий не могло быть: у Жукова было то же

желание. Но теперь встала задача удержать и разгромить врага. И в тот вечер

мы с Поповым решили вернуться не в штаб 51-й армии, а в штаб Толбухина. Он

находился поближе к Советскому. К тому же у 51-й армии задача была решена,

войска противника разгромлены, многие взяты в плен и впереди не маячило

непосредственной опасности. А в Сталинграде находились главные силы

противника. Теперь основным направлением становилось толбухинское, то есть

не 51-й, а 57-й армии, самой слабенькой из всех на Сталинградском фронте,

самой малочисленной. Поэтому мы и решили поехать к Толбухину и там

проинформироваться обстоятельнее. Уже в пути узнали, что Толбухин перенес

командный пункт в балку возле Наримана, ближе к Дону. Поехали туда.

Стояла осенняя южная ночь. Хоть глаз коли, никаких ориентиров. Мы стали

искать эту балку, помотались какое-то время. Я высказал Попову сомнение:

"Маркиан Михайлович, по-моему, мы балку сейчас не найдем, бездорожье, мы там

не были, ориентиров не знаем, попасть туда очень трудно". А он бодро

отвечает: "Ну, что вы, товарищ Хрущев, для генерала главное иметь карту,

компас и спидометр, чтобы отсчитывать путь, пройденный машинами. Найдем!".

Стали мы искать. Позднее этот случай превратился в анекдот. Я много раз

потом вспоминал его, когда встречался с Поповым. Он тоже улыбался... Только

двинулись в путь, как наткнулись на два обнаженных трупа немецких солдат.

Ночью они хорошо видны. Отъехали подальше, лежит труп серой лошади. Это еще

не ориентир. А вот и немецкие указатели. Читаем надписи. У Попова были два

адъютанта, и один из них знал немецкий язык. А что толку? Куда бы мы ни

поехали, всякий раз возвращались к тем же трупам. Просто заколдованное место

какое-то! Без конца встречаем трупы двух голых солдат и серой лошади. Что за

наваждение? Как по Гоголю! Нечистая сила водит нас вокруг этого места.

Наконец, слышим, разговор. Кто-то едет. Мы тоже подали голос.

Приблизилась машина. Вышел из нее человек и говорит: "Я полковник,

командую такой-то танковой частью". Он узнал меня и спросил: "Куда же вы

едете?". "Мы едем в балку Наримана". - "Товарищ Хрущев, не найдете вы балку

Наримана. Степь ведь. Да и зачем вам ездить? Вон передний край, видно, как

взвиваются немецкие ракеты (немцы очень сильно освещали свой передний край).

Тут можно напороться и на мины. Я предлагаю вам, поедем вместе. Я еду в

расположение 57-й армии, знаю дорогу и вас проведу. Я еду в лазарет, ранен в

руку, сначала крепился, а сейчас чувствую, что рана начинает беспокоить.

Боюсь, как бы не было загноения. Хочу, чтобы там квалифицированно сделали

перевязку и все, что нужно, с раной". Я согласился, но Попов говорит: "Нет,

мы все-таки поищем сами". Распрощались, поехали. Опять слышим говор.

Подъезжает автомобиль, мы остановились, вышли из своей машины.

Оказалось, что это ехал представитель Ставки, генерал, который занимался

связью. Он говорит: "Я еду в штаб Толбухина на Волгу. Мне тоже нужно в балку

Наримана, но я туда сейчас не поеду, потому что не найду ее, и вы тоже не

найдете. Поехали вместе?". Мы опять отказались. Надеялись, что найдем эту

балку. Опять мы стали искать и все время кружили возле этих трупов. Кажется,

что уже далеко отъехали в каком-то направлении, а потом вдруг выясняется,

что где-то "закруглились" и вновь попали на то же место: два трупа лежат и

серая лошадь.

Я дрожал от холода в бурке, Попов тоже. Чаша нашего терпения

переполнилась. Подъехали мы в какому-то перекрестку, увидели несколько

указателей на немецком языке. Офицер подбежал к ним, начал переводить с

немецкого языка, куда эти указатели показывают. Попов замерз, как говорится,

зуб на зуб не попадал. Кричит адъютанту: "Тащи его сюда". Тот сорвал

указатель и притащил. Я говорю: "Ну, прочитай-то, что написано, он тебе

прочитал. А какое указатель показывает направление, неизвестно. Он же его

сорвал со столба". "Да, - согласился Попов, - видимо, мы балку Наримана этой

ночью не найдем. Давай, поедem в штаб на Волгу".

А где расположен штаб, мы хорошо знали. Солдаты говорят, что к фронту

лошадь еле плетется, а от фронта - бежит. У нас-то было не совсем такое

положение. Мы искали тоже штаб, но полевой. А более солидно

оборудованный

штаб армии был у Толбухина на Волге. Теперь мы предвкушали, как замерзшие по

приезде воспользуемся баней. Толбухин любил баню, и бани у него были

хорошие. Когда приехали на Волгу, мне генерал Попов говорит: "Ну, товарищ

Хрущев, я думаю, что вы никогда не забудете, как мы с Вами блуждали,

запомните на всю жизнь эти трупы немецких солдат, труп серой лошади и наши

приключения, поиск направления с использованием карты, спидометра и часов".

"Да, - говорю я, - такое запомнится надолго". Так закончилось наше

приключение, когда мы на радостях возвращались от генерала Кравченко.

Разгром противника, соединение наших фронтов, завершение окружения

Сталинградской группировки немцев: было чему радоваться. Эту радость мы

выстрадали всем ходом войны, жутким отступлением, былыми поражениями,

другими огорчениями. Донской фронт, которым командовал Рокоссовский, тоже

выполнил свою задачу. Я ничего тут о нем не говорю потому, что конкретно не

помню, какая в целом задача стояла перед ним. Таким образом, с севера теперь

обеспечивал позиции против немецких войск Донской фронт.
Сталинградский

фронт должен был направить основные свои силы на юг,
чтобы укрепить там

оборону на случай вражеского прорыва.

Мы уже поняли, что раз окруженные войска не пытаются
вырваться из кольца,

значит есть указание из Берлина не оставлять Сталинграда, а
ждать, когда

придет помощь и будет восстановлено прежнее положение.
По действиям

противника мы понимали, что им принято именно такое
решение. Следовательно,

нужно ожидать его удара с юга и с запада. Но с запада то, что
могло сюда

прийти, находилось за Доном. Задача удержать эти силы
ложилась на плечи

Юго-Западного фронта под командованием Ватутина. Нашей
обязанностью было

прикрыться с юга, чтобы войска, брошенные отсюда на
помощь Паулюсу, не

смогли прорваться. Донской же фронт Рокоссовского при нашем
участии держал

кольцо окружения.

На участке в направлении Котельниковского действовали
51-я армия,

кавалерийский корпус Шапкина, механизированный корпус
Вольского и другие

соединения. Я несколько раз выезжал в эту группу войск,

потому что там

сложилась тяжелая обстановка. Мы знали по данным разведки, что немецкий

генерал-фельдмаршал Манштейн командует группой войск, которая движется на

освобождение окруженной нами группировки (6). Он начал теснить нас. Его

войска находились уже примерно в 50 км от переднего края войск Паулюса. Штаб

армии Толбухина, где я находился больше всего (при штабе фронта я бывал

тогда мало), расположился в Верхне-Царицынском, как раз посередине между

войсками Манштейна, дошедшими до р.Мышковой, и войсками Паулюса. В первые дни

после окружения Паулюса у Толбухина было настолько мало сил, что возник

совершенно обнаженный участок фронта в шесть или семь километров. Там вообще

ничего не было. Но в результате директивы, которая была дана Гитлером и

обрекала окруженные войска на бездействие, на ожидание помощи, противник

упустил возможность прорыва. Если Паулюс, как он того хотел, ударил бы на

юг, то он, безусловно, имел возможность прорваться. Удержать Паулюса мы бы

не смогли. Однако, как говорится, не было счастья, да глупость Гитлера

помогла. Он обрек на бездействие группировку Паулюса, сильную и вооружением,

и численностью войск. Она сидела и ждала, а в это время нами принимались

меры по уплотнению кольца.

Вскоре после завершения окружения было решено попытаться прорвать линию

обороны окруженных и разгромить их. Сил у нас не доставало, а желание было

большое. Поэтому мы попытались это осуществить дивизиями Толбухина, придав

ему какое-то усиление. В районе р.Червленая, на довольно пересеченной

местности, мы и хотели прорвать оборону Паулюса. Мы с Поповым выехали на

командный пункт к Толбухину. Расположен он был очень удобно: оттуда

буквально все было видно, как на ладони. Возвышенность, внизу балка и опять

подъем. Мы перед противником - как на ладони, и противник - тоже как на

ладони. Я даже видел, как какой-то немецкий солдат шел по полю и вдруг

исчез, видимо, в каком-то убежище. На этом направлении мы поставили танки.

Не помню сейчас, кто командовал этими танками. Танасчишин, командир 13-го

мехкорпуса, к тому времени был выведен на отдых и пополнение, мехкорпус

Вольского находился на юге, у Котельниковского.

Мы использовали все наши возможности, но бой успеха для нас не имел. И к

концу дня мы увидели, что не сможем назавтра продолжать такой интенсивный

бой и сломить сопротивление противника. Он имел тут и танки, и сильную

артиллерию. Самолеты, правда, с его стороны не действовали. С нашей стороны

действовали истребители, но в небольшом количестве. Какую-то реальную помощь

наземным войскам они оказать не могли. С наступлением темноты мы прекратили

атаки, тем более что понесли потери, особенно в танках. У нас было очень

мало танков. Если соотнести потери с количеством танков, которые мы имели,

то потери были ощутимые. И все же мы не теряли надежды прорвать оборону

врага и ворваться в расположение войск Паулюса. Мы считали, что каждый новый

день истощает силы противника, ослабляет его физически, ведь питание в

окружении было недостаточным, хотя конкретных таких сведений у нас не

имелось. Мы просто рассчитывали так, и, как теперь видно из опубликованных

материалов о Паулюсе, так и было в действительности. Нами была предпринята

вторая попытка прорыва. Она тоже не привела к успеху.

Помню такой эпизод. Мы находились на командном пункте - в углублении,

прикрытом одним накатом и замаскированным земляною насыпью. Там сидел

командующий армией Толбухин и мы с Поповым как представители фронта. Вдруг

мы увидели самолет, который снижался в нашем направлении. Мы уже

приготовились к тому, что он упадет прямо на командный пункт и разрушит все,

что тут было. Чей же самолет? Трудно было разобраться. В конце концов,

самолет приземлился (сейчас даже как-то не верится) метрах в 10, а может и

меньше, от командного пункта. Это объяснялось не мастерством летчика, а было

просто случаем. Бывают такие невероятные случаи и, на войне, и на охоте.

Вышел я из укрытия. Самолет оказался советским. Летчик сидел в кабине, но

находился в состоянии шока. Его стали вытаскивать, и тут он пришел в себя.

Его отправили в госпиталь, а самолет здесь и остался.

Я вернулся в землянку. А когда спустя некоторое время вышел, самолет был

уже ограблен. Это "наши" поработали. Сняли все, что имело ценность для

солдата: часы, стекла и пр. Потом изготавливали всяческие

поделки и

финтифлюшки. Солдаты всему находили применение. Я удивлялся тогда и

возмущался. Самолет еще можно было восстановить! Я был очень удручен таким

отношением к военному имуществу, но никто другой особого внимания на это не

обратил.

С наступлением сумерек мы наблюдали, как немецкие транспортные самолеты

летели с грузами для войск Паулюса. Они летели волнами, как на параде.

Работала наша зенитная артиллерия, но с очень низким коэффициентом

попадания. В первый день на нашем участке было сбито только два вражеских

самолета, на второй день тоже сбили очень мало.

Когда мы допрашивали пленных, меня интересовало, что туда возят, какие

грузы? Питание ли для солдат? Вооружение? Горючее? Боеприпасы? Как

выяснилось, подвозили всего понемногу. Потом, когда наши войска продвинулись

дальше в глубь кольца, самолеты не могли садиться и сбрасывали свои грузы на

парашютах. Но это было уже значительно позже. Таким образом, первые наши

усилия по ликвидации окруженной группировки не принесли успеха.

Генерал Шумилов, командующий 64-й армией (7), на своем направлении имел

задачу наступать с юга. Там все было разрушено. Вот нам доносит Шумилов, что

его войска заняли такой-то пункт. Мы его поздравили. Потом подумали,

обменялись мнениями с Еременко и позвонили Шумилову: "Вы все-таки проверьте,

не ошибка ли это донесение?". "Нет!" - заверял он. Шумилова надо было знать.

Это очень честный и добросовестный человек. И все же, когда назавтра, на

утро он проверил, оказалось, что его ввели в заблуждение. Он объяснил нам,

что противник уже после присылки донесения контратаковал и восстановил свои

позиции. Я потом не раз шутил над ним по этому поводу: дескать, этим

оправдывались те, которые обманули, они-то эту версию и выдумали, что

противник контратаковал, - это типичное объяснение, когда донесут

неправильно о захвате того или другого пункта, а потом говорят, что враг

контратаковал и отбил его у нас. Но никакой контратаки не было. Просто люди

донесли заранее, думая, что скоро займут село, а сделать этого не удалось.

Стечением времени противник стал наращивать нажим из Котельниковского в

направлении Сталинграда. Наши войска вновь вели упорные бои, и мы несли

большие потери. Я несколько раз выезжал туда. Мы послали на этот участок за

старшего, который на месте объединял усилия людей Захарова. Это направление

стало нас серьезно беспокоить, потому что мы все пятились и пятились к

Сталинграду. Возникла реальная угроза, что Манштейн прорвется. К этому

времени мы получили сообщение, что нам передается 2-я Гвардейская армия под

командованием Малиновского (8). Я знал Малиновского и высоко ценил его. Мы с

Еременко очень обрадовались этому известию и стали ждать, когда придет

Гвардейская армия. Вскоре она поступила в наше распоряжение, и мы сейчас же

направили ее против войск Манштейна.

Это была спасительная сила - свежая, крепкая, обученная и хорошо

вооруженная молодежь. Во 2-й Гвардейской армии имелось три стрелковых

корпуса, в составе каждого корпуса - три дивизии и танковый полк, по 22 или

24 танка в полку, по тому времени - большая сила. Одним словом, полная

армия. Заместителем ее командующего был Герой Советского Союза генерал

Крейзер (9). Молодой военный, он произвел на меня очень хорошее впечатление.

Начальником штаба армии был Бирюзов (10). Тоже молодой и тоже хороший

генерал. Одним словом, и командование, и войска были отборными.

Эта армия вступила в декабре в соприкосновение с вражескими войсками на

р. Мышкове. Разгорелись напряженные бои, и враг был остановлен. Мы стали его

опять теснить. В то время вновь прилетел к вам Василевский. Мы с ним

выезжали на передний край и видели, с каким упорством шло сражение. У нас

были большие потери. Иногда мы с ним "примерялись" (как определяют военные)

- вставали в определенной точке и смотрели, сколько окажется убитых в поле

зрения. Увы, насчитали очень много трупов наших солдат, преимущественно

молодежи. Я достал у одного убитого комсомольский билет, простреленный

насквозь: ему пуля попала в грудь.

Вскоре мы получили в подкрепление дополнительно танковый корпус, которым

командовал Ротмистров (11). Хороший корпус, укомплектованный "с иголки"

людьми, отменно знающими танководение. Это уже было значительное усиление

фронта.

Я тогда больше всего находился у Толбухина, в Верхне-Царицынском.

Малиновский расположил свой штаб тоже в Верхне-Царицынском. Таким образом,

там было два армейских штаба: Толбухина, который держал с юга линию

окружения войск Паулюса, и Малиновского, который действовал юго-западнее,

сдерживая войска Манштейна. Несколько раз я выезжал в кавкорпус к Шапкину.

Однажды, приехав к нему, застал очень тяжелую картину: возле населенного

пункта, где располагался Шапкин со своим штабом, лежало много наших погибших

кавалеристов и побитых лошадей. Проезжал я через какой-то мостик, рядом

лежит убитый офицер, и мародеры уже сняли с трупа сапоги. Я рассказал об

этом Шапкину, он навел справки: "Да, - говорит, - это командир эскадрона". -

"Как же так? - спрашиваю, - вы не убираете убитых? Грабят своих! Мертвых,

правда, но все-таки смотреть и жалко, и неприятно". Вот как бывало на

войне... Шапкин в те дни всячески сдерживал натиск противника. А когда

подошла армия Малиновского, мы, отбив врага, перешли в наступление.

**Перед подходом сил Малиновского случился такой эпизод.
Прибыл к нам**

**представитель Ставки по использованию кавалерии О.И.
Городовиков (12). Куда**

**же его направить? Он был тогда генеральным инспектором
кавалерии, и мы,**

**конечно, направили его в кавкорпус, единственный на этом
участке. Ока**

**Иванович уехал туда. Я был у Толбухина, затем у Попова. К
тому времени была**

**сформирована новая армия, командовать ею стал Попов. Эта
ударная армия (13)**

**была нацелена по правому берегу Дона на Тормосин. Приезжает
вдруг к Попову**

**Ока Иванович, очень взволнованный, возмущенный. Он
говорил недостаточно**

**чисто по-русски. Высказывается: "Какой сашка? Этот сашка -
шашлык резать, а**

**не рубить! Сашка плохой, не сашка, нет". Действительно,
вооружение, включая**

**шашки, было в кавалерии не первоклассным. Ока Иванович
рассказывал мне:**

**"Сижу в окопу, смотрю, где противник, вижу - вот противник. Я
тогда говорю:**

**Попов, ты что, хочешь меня тут в плен сдать?". Манштейн
наступал (дело было**

**еще до подхода 2-й Гвардейской армии Малиновского), и,
видимо, это произвело**

**на бравого кавалериста сильное впечатление. Потом
спрашивает меня: "Товарищ**

Хрущев, когда вы поедете в штаб фронта? Где штаб фронта?". Я сказал ему, что

штаб фронта находится там, куда вы попали, когда прибыли из Москвы, то есть

в поселке Рай-Городок на самом берегу Волги. Не знаю, почему он так

назывался.

По сути, это была большая деревня, все ее постройки - сплошь деревянные.

"Вы, - продолжает генерал-полковник, - собираетесь туда ехать?". -

"Собираюсь". - "Давайте вместе поедем". - "Давайте. Только вы когда хотите

ехать?" - "Я хочу сейчас ехать". - "Не советую сейчас, ночью ехать очень

плохо, фары зажигать нельзя, по фарам стреляют немецкие самолеты, а ехать

без фар - можно разбиться еще скорее, чем если попадешь под пулемет

противника. Лучше поедем завтра на рассвете, когда еще не светло и дневные

самолеты еще не летают, а ночным уже опасно, потому что ночные

бомбардировщики-тихоходы летают на низкой высоте, их легко сбить из пулемета

и даже можно сбить из винтовки. Поэтому выберем вот такое время". - "Хорошо,

созвонимся". Но когда я утром позвонил, дежурный ответил мне, что Ока

Иванович уже уехал. "Когда он уехал?" - "С вечера". Он, видимо, настолько

был взволнован и потрясен, что не дождался утра. С тех пор я Оку Ивановича

больше не встречал. Когда-то он командовал 2-й конной армией, был героем

Гражданской войны. Но в эту войну появились и другие средства ведения боевых

действий, и другие условия. Он, конечно, чувствовал, что какой-либо

конкретной помощи оказать не сможет, его приезд ничего не давал фронту, он

же мог продемонстрировать только свои добрые намерения, честность и

преданность Советскому государству. Хороший воин, но уже выдохся. И по своим

знаниям военного дела, и по физическому состоянию он уже не мог играть

должной роли.

Я уже отмечал, что больше времени проводил в Верхне-Царицынском, нежели в

штабе фронта: у меня там была постоянная квартира. И вот я в очередной раз

приехал туда, получил очередную информацию об обстановке, и мы разошлись

отдыхать. Вдруг ко мне вваливается Малиновский, прямо в бекеше, не

раздеваясь, очень взволнованный. Гляжу, у него слезы ручьем льются. "Что

такое? Что случилось, Родион Яковлевич?". "Произошло несчастье, Ларин

застрелился" (14). Ларин был членом Военного совета 2-й Гвардейской армии,

боевой человек. Они были большие приятели с Малиновским, служили вместе еще

перед войной. Когда Малиновский командовал корпусом, Ларин был у него

комиссаром. Малиновский всегда выпрашивал, чтобы Ларин у него оставался либо

начальником политотдела, либо комиссаром. Он как политработник заслуживал

уважения. До того, как все это случилось, был ранен. Я заходил к нему на

квартиру. Он лежал, но рана была несерьезная, в мякоть ноги, кость не была

повреждена, пуля лишь задела голень. Ларин разговаривал, был в полном

сознании. Наблюдала за ним женщина, армейский врач. Потом мне рассказали,

что перед тем, как застрелиться, он довольно весело болтал с нею.

Малиновский был крайне взволнован событием и оплакивал Ларина. Я не знал,

как его успокоить. Что же вызвало такую акцию? Почему Ларин застрелился?

Потом его адъютант сообщил, при каких обстоятельствах это произошло.

Обстоятельства были довольно неясными. Ларин выехал на передний край и

наблюдал за ходом боя под прикрытием какого-то стога сена.
Он расхаживал,

как бы маячил перед противником, явно искал смерти.
Вовсе не было

необходимости так вести себя. Он просто вызывал огонь на
себя. Конечно,

вскоре его ранило. Хотя рана оказалась несерьезной, он вдруг
застрелился. В

чем же дело? Бывало, стрелялись в начале войны, когда мы
отступали. А тут мы

наступаем, окружили войска Паулюса, ведем сражение с
Манштейном, можно

сказать, на переломном рубеже. Давно уже перестали бежать,
начался новый

этап наших военных операций против врага. 2-я Гвардейская,
сильная и крепкая

армия, успешно отражает удар Манштейна. И вдруг он
стреляется? Ларин оставил

записку, тоже очень странную. Я сейчас не смогу точно
воспроизвести ее

содержание, но смысл был таким, что он кончает жизнь
самоубийством; потом

шли слова: "Да здравствует Ленин!" И подпись. Эту записку
мы сейчас же

отправили в Москву. Начальником Главного политуправления
РККА был тогда

Щербаков (15). Нехорошо говорить плохо о мертвых, но что
поделаешь? Щербаков

- работник, много лет находившийся на уровне секретаря
обкома партии. Я

позднее столкнулся с его неприятным характером. А когда он получил эту

записку, то стал "обыгрывать" ее. Не знаю даже, какую цель он тут

преследовал. Ларин ведь уже застрелился. Не то он досаждал Малиновскому и

ярил злобой Сталина, не то "копал" против меня как члена Военного совета

фронта, на котором произошел такой случай. Меня сейчас же вызвали в Москву.

Состоялся очередной многочасовой обед у Сталина со всеми, так сказать,

"приложениями": и питейные дела, и тут же разбор событий, которые произошли

за истекшие сутки.

Сталин спрашивает меня: "А кто такой, собственно говоря, Малиновский?".

Отвечаю: "Не раз докладывал Вам о Малиновском. Это - известный генерал,

который командовал корпусом в начале войны, потом армией, потом Южным

фронтом. У него были там неудачи. Вы же знаете". Сталин, конечно, знал, что

тот фронт был обойден противником и развалился. Враг легко захватил Ростов,

за что Малиновский был освобожден от должности и переведен в тыл. Позднее он

командовал 66-й армией, был заместителем командующего войсками Воронежского

фронта, потом сформировал 2-ю Гвардейскую армию. Мне припомнили, где служил

Ларин, как Малиновский просил к себе Ларина и как добился, чтобы ему

уступили.

Нужно сказать, что Щербаков был большим мастером обыгрывания таких вещей

с целью не охладить как-то Сталина, а наоборот, подбросить ему материалчик,

который его взвинчивал бы и бесил. Щербаков понимал, что гнев против

Малиновского будет направлен, прямо или косвенно, и против меня. "Все это, -

говорит Щербаков, - не случайно. Почему он не написал "Да здравствует

Сталин!", а написал "Да здравствует Ленин!?" Я отвечаю: "Не могу сказать. Он

застрелился, видимо, под влиянием какого-то психически ненормального

состояния. Если бы он был в нормальном состоянии, то не застрелился бы.

Повода ведь стреляться у него не было". Все, казалось бы, ясно. Но нет.

Щербаков опять жевал свое, растравлял рану, подсыпал соли. Мне пришлось

тогда пережить много неприятностей.

Конечно, самым выгодным для меня было бы просто сказать, что Ларин

растакрой-сякой-разэдакий, да и Малиновский такой же. Но я не

был согласен с

этим и не мог так говорить Сталину. А Сталин вновь: "Кто же такой

Малиновский?". Отвечаю: "Малиновского я знаю. И знаю только с хорошей

стороны. Не могу сказать, что знаю его много лет, но знаю его с начала

войны. Все это время он вел себя хорошо, устойчиво и как человек, и как

генерал". Над Малиновским явно нависла угроза. Тут сплелись и падение

Ростова, и самоубийство Ларина - все увязывалось в один узел. Сталин: "Когда

вернетесь к себе на фронт, надо будет за Малиновским последить. Вам надо все

время быть при штабе 2-й Гвардейской армии. Следите за всеми его действиями,

приказами и распоряжениями". Одним словом, я лично отвечаю за Малиновского и

его армию, должен быть глазом, наблюдающим за Малиновским от партии и

Ставки. Говорю: "Товарищ Сталин, хорошо, как только приеду, буду неотлучно с

Малиновским".

Я улетел в Верхне-Царицынский. И тогда я как бы забыл дорогу в штаб

фронта, передвигался вместе со 2-й Гвардейской армией, располагаясь всегда

рядом с Малиновским. Малиновский умный человек. Он

понимал, что это является

**результатом недоверия к нему со стороны Сталина. В моем же
лице он видел**

**контролера над своими действиями. Когда мы перемещали
штаб, то мне и**

**квартира отводилась рядом с Малиновским. Получалось, что
я уже являлся**

**скорее членом Военного совета 2-й Гвардейской армии, чем
всего фронта.**

**Собственно говоря, в ней и заключалась наша главная сила
на фронтовом**

**направлении, так что не возникало противоречий по существу.
А Малиновский**

**все распоряжения и приказы, которые готовил, до того, как
подписать,**

**обязательно согласовывал со мной. Я их не подписывал,
потому что это не**

**входило в мои обязанности, но все его приказы и
распоряжения знал, и**

Малиновский все мне докладывал.

**Дела у нас продвигались хорошо. Я был доволен и положением
дел на фронте,**

**и Малиновским - его способностями, его распорядительностью
и его тактом.**

**Одним словом, в моих глазах он выделялся на фоне других
командующих, и я с**

уважением к нему относился. Работать с ним было хорошо.

**К нам тогда прилетел товарищ Ульбрихт (16) и с ним
вместе два**

немца-коммуниста. Они приехали для того, чтобы вести антифашистскую

пропаганду с переднего края через рупоры-усилители; призывали, чтобы немцы

сдавались в плен. Это была главным образом вечерняя и ночная работа.

Ульбрихт ползал по переднему краю с рупорами и обращался к солдатам и

офицерам войск Паулюса. Мы всегда обедали вместе с Ульбрихтом, и я шутил:

"Ну, что ж, товарищ Ульбрихт, сегодня вы на обед не заработали, никто не

сдался в плен". Он спокойно продолжал свое дело. Однажды мне доложили, что к

нам перебежал солдат из состава окруженцев. Я сказал: "Ну-ка, приведите его,

спрошу, что за человек, узнаю его настроение и как он оценивает моральное

состояние своих товарищей". Привели. Говорю: "Кто вы такой по

национальности?". - "Поляк". - "Как же вы попали в немецкую армию?". - "Я из

той части Польши, которая вошла в состав Германского государства, меня

призвали". - "У нас, наверное, будет формироваться новая Польская армия.

Надо ведь Польшу освободить. Как вы к этому относитесь?" - "Да, надо

освободить". - "А вы в Польскую армию запишетесь? Пойдете туда?" - "Нет, не

пойду". - "А как же освободить Польшу?" - "Польшу русские освободят". И

довольно нагло отвечает. Мне это не понравилось. Я потом и говорю Ульбрихту:

"Вот ваш солдат, не немец, поляк, сбежал от немцев, но он и не за нас, он

даже освободить свою Польшу не собирается".

Затем были взяты в плен несколько чистокровных немцев, как раз перед

Рождеством. Я сказал, чтобы их доставили в расположение штаба Малиновского,

и мы начали их допрашивать. Но это был уже не допрос, а скорее

пропагандистская беседа. Мы ее вели вместе с Вальтером Ульбрихтом. Сначала я

приказал, чтобы их отвели в баню, помыли, переодели, избавили от насекомых,

дали им по 100 граммов водки (ведь Рождество!), покормили. Далее мы начали

беседовать с ними. Один из этих пленных особенно отличался, с моей точки

зрения, хорошим настроением. В нашем понимании, конечно. Он был против

нацистов, против Гитлера, против войны. Ульбрихт ему: "Мы хотим обратно вас

забросить. Вы согласны отправиться?". Тот отвечает: "Согласен. Даже прошу,

перебросьте нас. Мы вернемся и все расскажем своим товарищам". Однако тут же

**в этой группе получился раскол. Один из пленных заметил:
"Зачем же нас**

**перебрасывать назад? Если перебросите нас сейчас, то нас
расстреляют. Никто**

**не поверит ни в то, что мы убежали от вас, ни в какую-то
другую версию,**

**которую вы придумаете". Довольно-таки серьезная перепалка
возникла у пленных**

**между собой. "Наш" немец говорит: "Ты трус! А я пойду.
Пусть меня**

расстреляют, но и это сыграет свою роль".

**Мы с Ульбрихтом уже согласились было перебросить эту
группу к противнику.**

**Вдруг об этом узнал Толбухин и пришел ко мне: "Товарищ
Хрущев, я узнал, что**

**придумали вы с Ульбрихтом. Не делайте этого, прошу.
Пленные теперь знают**

**расположение нашего штаба, выдадут своим, и нас разбомбят.
Хотя бы не**

**перебрасывайте до тех пор, пока я не переведу штаб в другое
место. Я не хочу**

**подвергать людей опасности". Я говорю: "Как же так? Мы
привезли их с**

**завязанными глазами и увезем с завязанными, они и не знают,
где находятся".**

**- "Нет, я рисковать не могу". Вижу, если он расскажет Сталину,
Сталин меня**

**не поддержит. Я не говорил Ульбрихту о настроении
Толбухина, а просто**

сказал: "Товарищ Ульбрихт, видимо, придется отложить нам эту акцию, потому

что есть риск, что пленные могут выдать расположение нашего штаба". - "Ну,

раз нельзя, значит, нельзя!" И продолжал свою деятельность. Насколько же

были серьезными опасения Толбухина? Я и сейчас с ним не согласен. Слишком уж

большая осторожность. Думаю, что никакой опасности для штаба не было, даже

если бы мы перебросили этих людей туда, в "котел".

Бои продолжались. Мы начали теснить противника в направлении

Котельниковского. Ситуация сложилась такая, что штабу Сталинградского фронта

управлять войсками, которые непосредственно удерживали в кольце окруженную

группировку Паулюса, и войсками, которые наступали на Маныч и Ростов, было

трудно. И нам предложили разделить фронт. Предложение исходило из Ставки. Не

знаю, была ли это инициатива Сталина или же кого-либо из Генерального штаба.

Но там понимали сложность, которая создалась теперь у нас на фронте. Было

предложено те армии, которые стояли лицом к Паулюсу, отдать Донскому фронту,

а войска, которые направлены на юг и смотрят на запад, - Южному фронту. Нам

было жаль расставаться с такими, приобретшими поистине историческое

значение, соединениями, как 62-я армия, которая своей грудью защитила

Сталинград; как 64-я армия, которой командовал Шумилов; 57-я и другие

соединения. 62-я и 64-я армии стояли полукольцом и отражали прежде немецкие

войска, которые рвались в Сталинград. 57-я армия дралась сначала в самом

Сталинграде, потом все они сдвинулись по линии фронта. Мы сжились и

сроднились с этими людьми. Но, когда Сталин позвонил, я сказал ему: "Мы это

сделаем. Считаю, что это правильно, в интересах дела. Так будет лучше".

Еременко Сталин тоже позвонил. Не знаю, как он с ним разговаривал и как тот

ему отвечал.

Я застал Еременко чуть ли не в слезах. Мне стало жалко его. "Ну, Андрей

Иванович, ну, что вы? Это ведь в интересах дела. Вы же видите, что наши

армии сейчас повернулись на юг. Наша задача - наступать, с тем чтобы бить во

фланг войск противника, которые находятся на Северном Кавказе, подпирать их

к Ростову. А у Сталинграда - оборона, все здесь обречено, тут противника

надо только обложить покрепче, и он сам с голоду подохнет, у него нет ни

снарядов, ни питания, ни обмундирования". - "Товарищ Хрущев, вы не

понимаете, вы гражданский человек и, видимо, не чувствуете, сколько мы,

военные, выстрадали. Мы были чуть ли не обречены. Вы помните, как Сталин

звонил и просил нас продержаться три дня? Помните, у нас целая свадьба была

этих, наехавших из Ставки, а потом их как метлой смело. Считали, что немцы

захватят Сталинград, а мы были оставлены там козлами отпущения. И вот теперь

такое! Вы-то не знаете, а я знаю, предвижу, что вся сталинградская слава

уйдет Донскому фронту!". Я его успокаивал: "Самая главная слава - это победа

нашего народа. Имеет гораздо большее значение личное моральное

удовлетворение того или другого воина и командующего войсками, вот главное!"

Но я ничем не смог его убедить. Он действительно много выстрадал, много

вложил сил, энергии, военного таланта, умения и напористости в нашу Победу.

Я не знаю, сколько в русском языке есть слов, пользуясь которыми можно было

оценить значение тех усилий, которые приложил Еременко как командующий

войсками Сталинградского фронта. Хочу, чтобы меня верно поняли, что я ни в

какой степени не стремлюсь принизить достоинство Рокоссовского. Это

чрезвычайно талантливый военачальник и замечательный товарищ. Я мало имел с

ним дела, но каждая моя встреча, каждое соприкосновение с ним всегда

оставляли наилучшее впечатление о Рокоссовском. Однако в историческом плане

я считаю, что главное там произошло не у него: Сталинград прогремел на весь

мир, а не Донской фронт. Ну что же делать, так было суждено...

В принципе функции Донского фронта были другими. Если бы противник

овладел Сталинградом, то он, конечно, повернул бы свой удар на север.

Значит, Ставка правильно сделала, что поставила там еще один фронт и

назначила командующим достойнейшего генерала Рокоссовского. А сейчас

положение изменилось. Уже не немцы определяют направление главного удара, а

мы. Это мы направляем свои войска на юг, с тем чтобы вытолкнуть и разгромить

немецкие войска, которые находятся на Северном Кавказе. Это, конечно,

единственно правильное решение. Честь воздадут тем, кто разгромит Паулюса.

Но командующему, вынесшему ранее все тяготы обороны, хотелось самому

закончить данную операцию, самому пожать лавры победы. И вот фактически не

стало Сталинградского фронта. Остались Южный фронт Еременко, наступающий на

Северный Кавказ и западнее, и Донской фронт, добивающий Паулюса. Это не

могло утешить Еременко, не могло! В таких коллизиях закончилась для нас

эпопея боев под Сталинградом. Начался другой этап войны. Этап нашего

освободительного наступления на запад.

(1) Генерал-майор ТРУФАНОВ Н.И. командовал тогда 51-й армией (до февраля 1943 года).

(2) Там находилась 4-я румынская армия.

(3) Командир 4-го механизированного корпуса генерал-майор ВОЛЬСКИЙ В.Т.

(4) Генерал-лейтенант ПОПОВ М.М. с октября 1942 г. был заместителем

командующего войсками Сталинградского фронта.

(5) Командир 4-го танкового корпуса генерал-майор КРАВЧЕНКО А.Г.

(6) Генерал-фельдмаршал МАНШТЕЙН фон ЛЕВИНСКИ Э., командовавший группой

армий "Дон" (оперативная группа "Холлидт", 3-я румынская армия, армейская

группа "Гот", 6-я армия, имевшие в своем составе 44

дивизии), пытался

деблокировать Сталинградское кольцо окружения с ноября 1942 по февраль 1943

года. Действовавшая на правом фланге его войск армейская группа "Гот"

включала 4-ю танковую армию и 4-ю румынскую армию, противостоявшие войскам

Сталинградского фронта.

(7) Генерал-лейтенант ШУМИЛОВ М.С. командовал 64-й армией с августа 1942

г. вплоть до апреля 1943 г. (когда она стала 7-й Гвардейской армией) и

далее, до конца войны.

(8) Генерал-лейтенант МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. командовал 2-й Гвардейской армией

в ноябре 1942-го - феврале 1943 года.

(9) Генерал-майор КРЕЙЗЕР Я.Г. был моложе Хрущева на 11 лет. Он

командовал 2-й Гвардейской армией до Малиновского (в октябре-ноябре 1942 г.)

и после него (в феврале-июле 1943 г.).

(10) Генерал-майор БИРЮЗОВ С.С. стал начальником штаба 2-й Гвардейской

армии в декабре 1942 года.

(11) Генерал-майор танковых войск РОТМИСТРОВ П.А. командовал тогда (с

апреля 1942 г.) 7-м танковым корпусом.

(12) Генеральный инспектор кавалерии РККА генерал-

полковник ГОРОДОВИКОВ

О.И., с 1943 г. - заместитель командующего кавалерией Красной Армии.

(13) 5-я ударная армия.

(14) Дивизионный комиссар ЛАРИН И.И.

(15) Член партии с 1918 г., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б),

генерал-лейтенант, заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного

политического управления Красной Армии с июня 1942 г. ЩЕРБАКОВ А.С.

(16) Член Коммунистической партии Германии с 1918 г., член Политбюро ЦК

КПГ с 1935 г., кандидат в члены Исполкома Коминтерна УЛЬБРИХТ В, являлся в

ту пору одним из руководителей национального комитета "Свободная Германия".

ДОРОГА НА РОСТОВ

Начали мы теснить противника на юго-запад. Потом Южный фронт перешел

своим правым крылом через Дон и стал продвигаться по его западному берегу. Я

сейчас не могу вспомнить, конечно (да это и не нужно, и я не ставлю перед

собой такой задачи), в какое время и в каком месте мы перешли Дон. Кажется,

это было где-то в районе Цимлянской. Там мы отбросили войска Манштейна на

правый берег реки. Это значило, что немцы уже отказались от стремления

выручить Паулюса. Паулюс был обречен. Войска Манштейна требовались теперь

для того, чтобы преградить путь продвижению войск Южного, Воронежского и

Юго-Западного фронтов (1) (или тогда был еще только Воронежский фронт, а

Юго-Западного не было?) на запад. На западе у немцев какое-то время,

собственно говоря, была на этом участке пустота, войск у них там не имелось.

Когда я летел по вызову в Москву, то заехал по дороге к сталинградским

своим товарищам - Шумилову и Сердюку. Они рассказывали о таком эпизоде. Нам

очень хотелось знать, о чем беседуют пленные немецкие генералы с Паулюсом.

Для этого мы вместо солдат приставили к ним для обслуживания наших офицеров,

знающих немецкий язык и переодетых солдатами. Впрочем, ничего особенного не

услышали. Но однажды кто-то из генералов задал Паулюсу вопрос: "Господин

фельдмаршал, как Вы считаете, когда немецкие войска смогут остановить

советские войска, которые продвигаются на запад после краха наших войск в

Сталинграде?". Тот подумал и ответил: "Сейчас эту дыру, которая образовалась

в результате гибели наших войск, закрыть нечем. Может быть, удастся это

сделать где-то возле Днепра, на очень большой оперативной глубине. Собрать

новые войска в Германии и доставить их на фронт, с тем чтобы задержать

русских, трудно. Потребуются время и большие усилия, чтобы собрать нужное

количество войск". Это было правильно. Наши войска продвинулись тогда

довольно далеко в глубь оккупированной территории, чуть ли не до

Днепропетровска. Мы освободили Харьков, Павлоград, подошли к Новомосковску.

Так что Паулюс более или менее верно определил, насколько глубоким окажется

прорыв после разгрома немцев и их союзников под Сталинградом.

При продвижении на юг мы встретили более упорное сопротивление, чем с

запада. Это вполне понятно, потому что наше продвижение на юг, на

Котельниковский и Маныч по левому берегу Дона, угрожало всей группировке

немецких войск на Северном Кавказе. Хотя противник и перевел отсюда силы

Манштейна на другой участок, но, видимо, снимал свои войска с Северного

Кавказа и бросал их против Южного фронта. Шли довольно упорные бои, мы несли

большие потери. Конечно, и сами наносили противнику еще большие потери.

Какие особенности наблюдались при проведении тех боев? Прежней активности

немецкой авиации, которая была в первые дни войны и даже на второй год

войны, мы уже не чувствовали. Противник чаще вел авиационную разведку и,

конечно, бомбил нас, но уже не с такой интенсивностью. Нам удавалось сбивать

его разведчиков, и я допрашивал пленных летчиков: интересовался, каково

положение у немцев с горючим. Немцы переживали тогда большие трудности с

горючим, но пленные старались бодро отвечать на этот вопрос и заявляли, что

не встречают никаких затруднений, получают горючее в нужном количестве и

нужного качества, и авиационное, и танковое, и автомобильное. Но теперь по

документам, опубликованным самими немцами, известно, что к тому времени они

уже переживали чувствительные затруднения с горючим, хотя горючее у них,

конечно, имелось.

Вызвали меня в Москву. Я прилетел туда в феврале или, может быть, в конце

января 1943 года. Сталин встретил меня хорошо. Настроение у него было уже

другое. Он выпрямился, распрямил свою спину. Это был не тот человек,

которого я видел в начале войны. Меня он встретил словами: "Ну, мы все-таки

приняли решение освободить Еременко от командования войсками Южного фронта".

Отвечаю: "Ну, что ж, раз приняли решение, значит, приняли. Ничего не

поделаешь. Но я считаю, что этого не следовало бы делать". - "Нет, он сам

просил". И прочел мне телеграмму, в которой Еременко обращался к Сталину с

просьбой освободить его от командования войсками этого фронта и предоставить

ему возможность полечиться. Сталин продолжал: "Он сам просит, и мы

удовлетворили его просьбу". Я: "Мне понятна его просьба. Он сильно нуждается

в отдыхе и лечении. У него, действительно, болит нога, он хромотает и не так

подвижен, как хотел бы, как это нужно было бы командующему. А он человек

подвижный. Но здесь кроется и его обида: он не может ее перенести, так как

считает, что обида нанесена ему лично, поскольку его лишили возможности

торжествовать победу при разгроме вражеских войск в Сталинграде. Это наш,

Сталинградский фронт выстоял, а слава перейдет к другому командующему, то

есть Рокоссовскому". - "Рокоссовский уже принял командование Донским

фронтом, Еременко же мы освободили", - сказал Сталин с каким-то даже

озлоблением.

Почему он так обозлился и проявлял такую нетерпимость, я не знаю. Мне

трудно было определить это, а ждать от Сталина искренности было невозможно.

Сталин вновь ко мне: "Кого назначим новым командующим?". "Я не знаю, кого Вы

считаете необходимым назначить командующим". - "Нет, вы должны назвать". -

"Мне трудно назвать командующего. Командующий войсками фронта - это такая

величина, которая относится к компетенции Ставки". "Нет, вы скажите", -

опять нажимает он, и упорно нажимает.

Из всех командующих армиями, которые имелись у нас на фронте, самым

подготовленным, который мог справиться с этим делом, был Малиновский. Но

Малиновского я не решался назвать. На Малиновского вешали тогда всех собак:

Малиновский сдал Ростов, у Малиновского член Военного

совета, его друг и

приятель Ларин, написал записку сомнительного
политического содержания,

закончив ее словами: "Да здравствует Ленин!", и застрелился. Я
уже говорил,

как обыгрывал эту записку Щербаков. А Щербаков - тут как
тут. Он вьюном

вертелся перед Сталиным, угодливо подбрасывал и
"растолковывал" ему все

вопросы. По существу, ярил Сталина. Это меня очень
возмущало.

Людей, которые будут позднее знакомиться с моими
записками, я просил бы

учесть этот факт. Может быть, это моя слабость. Но это
обстоятельство

вызвало у меня чувство негодования. Возможно, я слишком
чувствительно

переживал линию Щербакова, но она была несправедлива.
Хотя она была

направлена против Малиновского, но больше была по моему
авторитету. Я ведь

хорошо характеризовал Малиновского Сталину, и вдруг,
оказывается,

Малиновский чуть ли не враг. Ну, что же делать? Люди,
окружавшие Сталина,

меньше заботились о государстве, чем о себе. Да и Сталин
сформулировал свою

роль как роль создателя Красной Армии. А какой он создатель?
Он такой же ее

создатель, как я - химик. Но Сталин тогда, как говорится, и казнил, и

миловал. Он все мог сделать. Порою даже окружение Сталина негодовало,

фыркало и плевалось, но ничего нельзя было поделаться. Так было!

В конце концов Сталин вынудил меня назвать кандидата в командующие из

числа руководителей Южного фронта. И я говорю: "Конечно, Малиновский. Вы его

знаете, и я его знаю". - "Малиновский? Вы называете Малиновского?" - "Да, я

называю Малиновского". "Хорошо! Утверждаю Малиновского!". И к Молотову:

"Пишите!". Молотов сейчас же взялся за блокнот и карандаш, а Сталин

продиктовал приказ о назначении командующим войсками Южного фронта

Малиновского (2).

Потом зашла речь обо мне. Когда мы находились в Сталинграде. а противник

наседал на нас и выжимал из Сталинграда, Сталин в те месяцы чувствовал, что

Сталинград может быть нами потерян. И отношение его ко мне резко колебалось

в зависимости от положения дел на нашем фронте, да и вообще на фронте в

целом. Тогда же противник предпринял активные действия и на Северном

Кавказе. Если рассмотреть соотношение сил врага и наших сил под Сталинградом

и на Северном Кавказе, то не могло быть даже сравнения: на Северном Кавказе

наше преобладание было значительным. Помню, Бодин (3) говорил тогда:

"Удивительно, почему так плохо ведут себя наши войска на Северном Кавказе?"

Ведь соотношение сил такое-то. Разведка свидетельствует, что у противника

имеются такие-то силы, а у нас такие-то. И все-таки враг продвигается

вперед".

Мнение Бодина я ценил очень высоко. Это был талантливый и грамотный

военачальник, я уже упоминал об этом. Но на Кавказе был Берия. Сталин

абсолютно доверял Берии, и Берия тоже мог влиять на Сталина. Так что там все

было объяснимо, поскольку конкретного соотношения сил на том или другом

участке фронта в целом Сталин никогда, по-моему, в деталях не знал. Он жил

тем, что доложит ему Генеральный штаб. Это, конечно, правильно. Но как

Главком он должен был бы и сам вникать в вопросы соотношения сил, изучать их

и взвешивать. Это доступно человеку, даже не имеющему военного образования.

Взвесить соотношение сил - это вопрос арифметики. Он доступен каждому

разумному человеку, а Сталин был очень разумный человек.

Сталин мне тогда сказал: "Мы считаем необходимым освободить вас от

обязанностей члена Военного совета Южного фронта и назначить членом Военного

совета Воронежского фронта. Воронежский фронт продвигается по территории

Украины, и вам надо быть там. Вам бы надо и заняться вопросами

восстановления Украины". Я удивился, но сказал: "Это Ваше дело, товарищ

Сталин. Если нужно, пойду туда, куда пошлют". Это меня поразило еще и

потому, что, когда мы находились под Сталинградом и я как-то тоже приехал в

Москву, Сталин сказал мне: "Вам не следует больше заниматься вопросами

Украины". А занимались мы тогда партизанами. Начальником штаба партизанского

движения на Украине был генерал Строкач (4). Он рассматривал все оперативные

вопросы и докладывал мне. Вместе мы принимали необходимые решения и давали

указания партизанам.

Сталин тогда сказал: "Этими вопросами теперь будет заниматься Корниец, а

вы русский человек, не украинец". Говорю: "Да, я русский, не

украинец". В

душе же я просто возмущался. Он ведь знал, что я русский, когда посылал меня

раньше на Украину. Я просил его не посылать меня, учитывая, что я русский.

Тогда он сказал мне: "Украиной руководил Косиор, поляк, а чем русский хуже

поляка?". Я отвечал: "Косиор - поляк, но поляк только по происхождению. Он

вырос, воспитывался и работал в подполье на Украине. Это был украинский

поляк, украинец польской национальности". От себя добавлю, что он прекрасно

знал украинскую культуру и был признанным руководителем Компартии Украины.

Теперь же Сталин начал рассказывать, на мой взгляд, в оскорбительном

тоне, как он вызвал Корнийца (5) и давал ему такое задание: "Вот начали

освобождать Украину. Выясните потребности и составьте список того, что вам

будет нужно для Украины". Корниец выдвинул свои просьбы, попросил какую-то

мизерную чепуху. А Сталин издевался теперь над ним: "Человек совершенно не

представляет, с какими нуждами встретится, когда приступит к руководству

делом. Поэтому вы и будете членом Военного совета на этом направлении,

**возьмете потом на себя организацию правительства и
руководство теми районами**

**Украины, которые освобождает Красная Армия. А пока что, раз
мы освободили от**

**должности Еременко и назначаем по вашему предложению
Малиновского, вам**

**придется вернуться к Малиновскому. Там вы должны ни на шаг
не отходить от**

**него, следить за ним и проверять его действия". Так он говорил
мне, и когда**

**застрелился Ларин. Требовал, чтобы я все время был при
Малиновском.**

**Для усиления нашего фронта и пополнения его войск к нам
был прислан**

**генерал Ротмистров, который командовал танковым корпусом.
Он поддерживал**

**тогда своими танками наступление на Котельниковский.
Котельниковский был**

**освобожден. С Василевским (Василевский тоже прилетел к нам)
мы и ездили**

**тогда к Ротмистрову, познакомились с положением дел. Наше
положение было уже**

**очень устойчивым, а настроение приподнятым, бодрым:
Манштейн сломлен, мы**

**уверенно продвигаемся вперед. Войска Южного фронта
продвинулись в те дни до**

станции Мартыновской.

**Хотел бы сейчас сказать несколько хороших слов о
Ротмистрове, Главном**

**маршале бронетанковых войск. Потом он стал начальником
Военной академии**

**бронетанковых войск (6). Начну тоже с зимы 1943 года. Когда
мы начали**

**контрнаступление, у нас "больным зубом" являлась станица
Верхне-Чирская. Или**

**Нижне-Чирская, сейчас точно не помню. Там был Чирский мост
(7), я проезжал**

**по нему и разговаривал с нашими мостовиками, которые
работали над его**

**восстановлением. Это была поистине героическая работа,
потому что противник**

**часто "наведывался" и бросал бомбы, чтобы не только
затруднить**

**восстановление, но и дополнительно разрушить мост. В такой
ситуации нашим**

**инженерам и рабочим-красноармейцам из
восстановительного мостового**

**управления приходилось очень упорно работать. Нам
требовалось взять эту**

**станцию, чтобы обеспечить продвижение по западному берегу
Дона. Довольно**

**длительное время предпринимались попытки выбить оттуда
немцев, но они**

**кончались провалом. Тогда мы решили сконцентрировать здесь
одну из армий и**

**еще танковый корпус. Корпус прибыл в наше распоряжение,
как с иголочки и**

полнокровный.

Мы с Василевским назначили оперативное совещание на берегу Дона, в

каком-то хуторке. Туда же приехал Ротмистров со своими людьми и командующим

той армией (8), которая должна была наступать на утро. Командарм доложил,

что он готов к наступлению и уверен, что займет станицу. Я его не знал, и у

меня закралось сомнение, правильно ли он оценивает положение. Мне

показалось, что он слишком легко подходит к решению своей задачи. Потом

начали считать, где находятся войска, которые должны будут участвовать в

атаке. Рассчитали, что эти войска в лучшем случае сумеют прийти рано утром,

к рассвету, и их надо будет посылать в бой с ходу, люди будут уставшими.

Явно все это будет дорого стоить, атака может захлебнуться, дело не будет

сделано.

Взял слово Ротмистров: "Товарищи, предлагаю поверить мне и не

организовывать наступление завтра утром. Войска будут уставшими,

измотанными, не смогут наступать. Мы лишь погубим их. Дайте мне отсрочку на

день или два, и я даю слово, что своим танковым корпусом захвачу эту

станцию". Далее он нарисовал яркую картину: в нужный день начнем на

рассвете, еще до восхода солнца, когда лишь забрезжит свет, при котором

можно было бы видеть, чтобы куда-нибудь не всадить танки. Танки расставим с

трех направлений. А с рассветом танки сразу откроют огонь и двинутся на

станцию. "Я, - говорил он, - убежден, что противник струсит и выскочит

оттуда. Врагов там немного. Они окопались, возвели укрепления, но силы у них

небольшие".

Мы с Василевским согласились с Ротмистровым и решили, что не будем

назавтра атаковать противника. Пусть командующий армией подводит свои войска

и приводит их в порядок. А Ротмистров танковым корпусом уже здесь, проведет

пока соответствующую работу с танкистами, а главное - среди командиров

танковых бригад, которые будут участвовать в операции. Назначили день и час

операции. Ротмистрову сказали, что мы с Василевским приедем как раз к

моменту атаки станции танковым корпусом.

Так и сделали. Стояло морозное утро. Приехали мы к Ротмистрову на его

командный пункт. С рассветом он дал команду, танки

двинулись на станицу. По

**тому времени нам казалось, что было очень много огня.
Конечно, если сравнить**

**со временем, когда наши силы нарастали быстрее и росло
количество**

**вооружения, то у Нижне-Чирской было чепуховое количество
огня. Но и**

**противник был слабый. И успех был достигнут, как и
предполагал Ротмистров.**

**Вскоре появились самолеты противника. Погода была для
бомбежки исключительно**

**благоприятная. Зато самолетов было немного. Они полетали,
побросали бомбы, и**

**все, а наши танки ворвались в станицу, и противник, бросив ее,
отступил. Все**

**мы поздравляли Ротмистрова, так как сберегли свою пехоту
в результате**

**разумного, смелого и продуманного применения танков. Я и
раньше с уважением**

**относился к умению вождения танковых войск Ротмистровым, а
после этого мое**

**уважение возросло еще больше. Позднее я встречался с ним в
1943 г., уже на**

**Курской дуге, куда Ротмистров тоже прибыл с танковой армией.
Об этом я буду**

говорить в другом месте моих воспоминаний.

**Наступление войск Южного фронта успешно продолжалось.
Противник отходил,**

хотя и с боями, и мы шаг за шагом продвигались все ближе и

ближе к р. Маныч

и к станице Багаевской. Эта большая станица лежит неподалеку от

Новочеркаска. Новочеркасск находится на правом берегу Дона, а станица - на

левом. Заняли мы и Багаевскую, заняли и Манычскую - тоже большую станицу.

Оттуда мы планировали сделать танковый рывок. Думали, если повезет,

прорваться на Батайск и на Ростов. Для этой операции использовался главным

образом Ротмистров с его танковым корпусом и Богданов (9), который тогда

командовал уже танковой армией. Мы делали все, что было в наших силах, чтобы

эта операция оказалась удачной. Но она не удалась. Противник упредил нас и

повел наступление на Манычскую. Как раз в тяжелую минуту туда приехали мы с

Малиновским, чтобы поскорее выпроводить танковый корпус Ротмистрова в атаку.

А в эти часы уже шли бои в самой станице. К нашему приезду противник

контратаковал и занял половину станицы, поэтому наше наступление и не

состоялось.

Когда мы вышли на р. Маныч, то решили перенести штаб фронта в хутор

Веселый на Маныче. Это поближе к войскам. Удобнее было

держат связь и

совершать выезды в войска. Там произошел случай, в какой-то степени

характерный для обстановки и взаимоотношений того времени. Дисциплина

требует соблюдения большой точности, но иной раз точность подменяется

хорошим вымыслом, и не по злему умыслу, а в "профессиональном порядке". Наши

войска заняли Сальск. Я сказал Малиновскому, что хотел бы проехать в Сальск

по свежим следам. Его только что освободили, и мне хотелось поговорить с

населением, узнать, как жили люди под врагом и что им сейчас нужно. Хотелось

встретиться с командующим 28-й армией Герасименко (10). Он-то и командовал

армией, которая освобождала Сальск, наступая через Элисту от Астрахани. По

дороге туда я проехал через станицу Пролетарскую.

Мне говорили, что Буденный родом из какого-то хутора этой станицы.

Городовиков тоже из хутора этой станицы (11). Мне говорили, что из той же

станцы вышел и белый генерал Корнилов (12), но это неверно. Буденный

когда-то рассказал мне такую историю. Станичная учительница, ведя урок,

говорила: "Дети, наша станица занимает особое положение.

Вот ведь какие

**большие люди-калмыки, которые занимают высокое
положение в государстве,**

**вышли отсюда. Например, вот такой-то генерал, он нашей
станции. Ока Иванович**

**Городовиков тоже из наших. Это наши земляки". В школе
висели их портреты. Я**

**не знаю, насколько это правда. Но такое "смещение гордости"
и за Оку**

**Ивановича, и за белого генерала характерно. Герой
Гражданской войны,**

**гордость Красной Армии - и генерал, который был опорой
самодержавия,**

**участвовал в восстании против Советской власти, все тут
смешалось: и один**

знатный, и другой знатный.

**Итак, насчет точности и вымысла. Приехал я в Сальск,
небольшой степной**

**городок. Там имелось железнодорожное депо, так что это был
пролетарский**

**центр сальских степей. Одновременно со мной туда приехал
Герасименко со**

**своим штабом. Он говорит: "Пойдемте в штаб. Правда, мы
еще его не**

**развернули. Сам там еще не был". Вошли мы в помещение,
подготовленное для**

**штаба. Уже вечерело. Я расспросил Герасименко про Сальск:
"Как освобождали**

его, с тяжелыми боями?". "Да, мы вели тяжелые бои и в

Сальск ворвались

буквально на плечах врага". "Хорошо, вы разворачивайте свой штаб, а я не

буду вас задерживать, хочу побыстрее вернуться в штаб фронта, а ехать мне

еще далеко. Вон там толпа стоит на площади, пойду, поговорю еще с людьми,

послушаю их, чтобы иметь представление о настроениях". Пошел. Они обращаются

ко мне: "Товарищ Хрущев, как же так? Мы три дня сидели, ждали-ждали, вот

наши придут. А наших нет и нет. Немцы ушли, оставили город, а наши не

пришли". Я оглянулся, стоит сзади Герасименко. Посмотрел я на него и ничего

не сказал. Он мне тоже ничего не сказал. Мы друг друга сразу поняли. Ведь он

мне только что говорил, что ворвался в город на плечах врага, как всегда

делают боевые войска, а здесь рабочие рассказывают, что за трое суток они

все глаза проглядели, ожидая, когда наши придут.

Бывает и такое на войне! Где же истина? Думаю, что рабочие говорили

правду, а Герасименко приукрасил свои успехи.

Продвижение наших войск к Ростову и Новочеркаску продолжалось успешно.

Заняли Новочеркасск (13).Мы с Малиновским решили, выехав туда,

проинформироваться на месте, в войсках. Сейчас уже не помню фамилии

командующего, который стоял на этом направлении, не помню и номера его

армии. Но помню, что это был хороший командующий, производивший хорошее

впечатление и, по-моему, справлявшийся со своим делом. Из Новочеркаска мы

поехали в Шахты (14). Это тоже был участок нашего фронта. Так мы наступали

на Ростов - сразу с юга и с востока и одновременно обходя его с севера. Но

до Ростова пока было еще далеко. А приказ мы получили атаковать Ростов с

юга. Это была очень тяжелая задача.

Я знал это еще по Гражданской войне. Тогда наша стрелковая дивизия была

при 1-й конной армии и вела бои в Задонье, в направлении станции Кушевская,

откуда дорога ведет на Азов. Там равнинная пойма Дона, а Ростов расположен

на возвышенности. Поэтому оборонять его легко: все подступы открыты,

простреливаются пулеметным огнем и артиллерией. И теперь опять нашей пехоте

надо было пройти большое расстояние под огнем противника. Это нам не

улыбалось, но приказ есть приказ. Правда, мы думали, что, возможно,

вырисуеться другое решение, которое даст возможность занять Ростов с меньшими

затратами и жертвами.

Повторюсь: на войне случаются всякие курьезы. В состав нашего фронта

тогда передали танковые и кавалерийские соединения. Кажется, один танковый

корпус и два кавалерийских. Этими соединениями командовал генерал Кириченко

(15), совершенно незнакомый мне человек. Мы с Малиновским решили поехать к

Кириченко, познакомиться с ним поближе. Малиновский сказал: "Я его знаю, но

хочу, чтобы и вы познакомились с ним лично. А оттуда мы вернемся в Батайск и

там заночуем у Герасименко". Сейчас не помню названия станицы, где

располагался штаб Кириченко: это была южная часть Ростовской области.

Наступил вечер или даже ночь. Было холодно. Мы "ворвались" в помещение штаба

и застали врасплох адъютанта и вестовых командующего. Приехало большое

начальство, а они не имели возможности заранее доложить командующему. Мы

спросили, где он. Нам ответили, что отдыхает, и указали его комнату.

Малиновский шагнул прямо туда, я за ним. Мы даже не раздевались, так как

условились, что быстро уйдем. Одеты мы были в бекешы, позимнему. Вошли.

Кириченко уже зажигал свечу, услышав шум. При нас оделся и стал докладывать

обстановку, состояние своих частей и все прочее, что полагается доложить

командующему войсками фронта.

Свет от свечи был довольно слабый. Я даже удивился, что у него нет ничего

лучшего и что он докладывает нам при свече. Потом глянул в сторону постели,

с которой он только что встал, и заметил: что это одеяло дышит? Думаю: что

такое? Еще раз посмотрел, и у меня исчезли сомнения, что этим одеялом накрыт

еще один человек. Заслушали мы его, распрощались и ушли, сели в машину (мы

ехали вдвоем в одной машине). Спрашиваю Малиновского: "Вы давно знаете

генерала?". "Да, знаю его давно". "Вы не заметили или мне показалось, потому

что комната была плохо освещена, что вроде еще какой-то человек дышал под

одеялом?". "Конечно, заметил". Ну, мы позубоскалили на сей счет, пошутили и

уехали. Как говорится, бывают такие эпизоды и у командующего группой войск.

Но потом при встрече с ним мы не фиксировали внимания на этом случае.

Кириченко в сражении действовал неплохо. Правда, состав войск у него был

неполный, потому что он раньше вел бои с немецкой группой армий "А" на

Кавказе. В то время враг уже отходил оттуда, поэтому Генеральный штаб

передал войска Кириченко в наше подчинение, и мы теперь использовали их на

своём направлении. К этому времени противник отступал с Северного Кавказа на

Новороссийск и Тамань. От Кириченко мы уехали к Герасименко, а потом - в

Азов. Азов мы уже взяли (16), и там стоял штаб 44-й армии. Командовал ею

генерал Хоменко (17). Я Хоменко знал и был о нём хорошего мнения. Он перед

войной, по-моему, командовал пограничными войсками в районе

Каменец-Подольского, производил хорошее впечатление и как военный, и как

член партии. Он просил нас задержаться у него, потому что было уже поздно,

но мы отказались и вернулись к Герасименко.

К Герасименко мы вообще зачастили своими поездками, потому что там

готовилась операция по захвату Ростова. Но мы все откладывали и откладывали

ее: считали, что условия не подготовлены. Бывало, приедешь к Герасименко:

"Ну, як, Васыль Пилиппович? Як Ростов?". Я всегда звал его по-украински,

хотя он и по-русски хорошо говорил. Это был милый человек, которого я хорошо

знал еще по довоенному времени, когда он служил заместителем командующего

войсками Киевского Особого военного округа. "Та шо Ростов? Ростов клятый ще

стоять", - отвечает.

Как-то мы с Малиновским в шутку договорились привезти Герасименко бутылку

коньяку, но поставить условие, что этот коньяк он сможет выпить только

тогда, когда займет Ростов. Пусть коньяк маячит перед его носом. Так цыган

привязывал перед мордой лошади клок сена, чтобы она бежала бодрее. Вот мы и

применили "цыганский способ", решили как бы подвязать коньяк, чтобы его

запах подталкивал командующего армией ускорить взятие Ростова.

Я уже говорил, что в то время противник был недостаточно активен в

воздухе днем, но очень активен ночью. Его маленькие самолеты типа наших У-2

буквально утюжили все дороги, стреляли по фарам автомашин и наносили нам

довольно-таки чувствительный урон и в людях, и в технике. А самое главное,

мешали ночным передвижениям войск. И когда однажды мы собрались уезжать от

Герасименко к себе в штаб, на хутор Веселый, он напомнил нам, чтобы мы не

ехали ночью: без фар ехать нельзя, а с фарами немцы могут расстрелять

машину. Но мы все время так ездили и сказали ему, что нам не в первый раз.

Выехали и действительно попали в переплет. Мы с Малиновским, видимо,

задремали. Вдруг - пулеметная очередь. Я открыл глаза, а перед машиной

рассыпался сноп разноцветного огня, след трассирующих пуль. Потом взорвалась

бомба. Бомба взорвалась впереди нас, значительно дальше машины, а вот

пулеметная очередь легла почти точно, с малым упреждением. Мы с Малиновским

потом не раз шутили, вспоминая об этом случае.

В том же месте шел обоз: крестьяне везли на подводах снаряды. Когда

обстреляли нашу машину, мы вылезли. Смотрим, подводы тоже стоят. Один

возчик, который вез снаряды, испугался обстрела и залез под повозку. Что

значит - инстинкт! Надо ведь чем-то прикрыться, он и прикрылся повозкой со

снарядами. Ничего себе прикрытия! Вот безотчетность инстинкта у человека.

Готовились к наступлению. Правда, наступать на Ростов с юга нам не

потребовалось, так как началось успешное наступление наших войск севернее

Ростова, и мы продвинулись западнее этого города. Немцы были вынуждены

выскочить из него без особого принуждения их с юга. Таким образом, противник

ушел оттуда, а Герасименко со своими частями почти без боя вступил в Ростов

и освободил его (18). Конечно, честь и хвала 28-й армии и ее командующему за

взятие Ростова. Но если рассматривать вопрос по существу, то кто же взял

город? Получается, что Герасименко, потому что его войска первыми вошли в

Ростов, хотя они- ничего особенного не успели сделать для того. Генерал же,

который наступал на севере и вынудил немцев оставить город, остался не

отмеченным, в тени (19). Вот как бывает!

Приехали мы с Малиновским в Ростов. Нас встретил Герасименко и тут же

вытащил бутылку коньяку. Мы пошутили, что коньяк, может быть, нужно пить не

с вами, а с тем генералом, который командовал войсками севернее Ростова?

Герасименко это тоже понимал, но он был находчив и тотчас отшутился... Для

нас это была огромная победа! Мы заняли Ростов во второй раз. Первый раз, в

1941 г., мы занимали его вместе с Тимошенко, а теперь - с Малиновским.

Малиновскому это было особенно приятно. Ведь это он оставлял Ростов в 1942

г., когда немцы прорвали тут фронт, разгромили наши войска и двинулись через

Ростов на Сталинград и на Северный Кавказ. Правда, прорвались они не через

самый Ростов, а форсировали Дон восточнее города. Теперь же мы провели

военный парад: наши войска прошли строем. Это произвело сильное впечатление

не только на ростовчан, но и на граждан всего Советского Союза. То была

реальная демонстрация нашего нового успеха: после освобождения Сталинграда

от врагов они вынуждены были оставить и Ростов. Этот факт имел, на мой

взгляд, важное международное значение.

Хотя я к тому времени уже не был членом Военного совета Сталинградского

фронта, меня очень тянуло вновь взглянуть на Сталинград, посмотреть, что же

с ним теперь, как он выглядит. Поэтому я решил слетать туда. Там как раз был

назначен митинг. Взял я самолет и прилетел к Шумилову, у него же и

остановился. Потом выступал на митинге, ездил, ходил, осматривал места,

которые запомнились с того времени, когда мы прибыли для организации защиты

Сталинграда. Передо мной расстилалась картина и радостная, и грустная,

потому что буквально весь город лежал в развалинах. Одни руины. Не знаю,

сохранились ли там целыми какие-то дома. Проехал я к Сталинградскому

тракторному заводу, к артиллерийскому заводу, на набережную. Везде валялась

разбитая техника, главным образом немецкая. Когда немцы тут наступали, они

много теряли и самолетов, и танков. Немало лежало и неубранных трупов, но

очень мало было видно живых людей. Горожане ходили голодные и истощенные,

как тени.

В одном месте я задержался, рассматривая место боев. Откуда-то появился

мальчишка лет 12 - 13. Видит он, военные стоят, и вмешался в их разговор

своей репликой: "А я тоже одного фрица кокнул". "Кого же? Как?". "Да так.

Когда уже паника у немцев была, я поднял винтовку. Тут винтовок много

валялось. Стрелять я умел: прицелился и кокнул". "Ну, выстрелил, а попал ты

или нет, ты же не знаешь?". "Нет, попал. Он свалился. Я потом проверил. Я

его кокнул". "А как же ты тут жил?" (А он стоял весь черный, грязный и

оборванный.) "Да вот так и жил. Дохлятиной питался.

Потом на кожевенном заводе много кожи осталось, всякого сырья. Я брал

кожу, резал, варил, ел ее и пил бульон. Так и выжил".

Вообще городская картина была ужасной. Шумилов, Сердюк и другие генералы

сообщили мне много интересного. Тогда же я услышал анекдот, который потом

рассказал Сталину, только ему он не понравился. Если же рассказать этот

анекдот военным людям, то они сразу догадаются, что анекдот был сочинен в

войсках, которые входили в состав Сталинградского фронта. "Пошли охотники на

охоту. Охотились, охотились, повезло им, и поймали они живого зайца, очень

живучего. Его привязали к дереву. Сидит заяц. Охотники решили не тратить на

него патронов, а стали бить его палками. Били, били и устали. А тот все жив.

Отдохнули, разозлились: как же так, даже привязанного зайца не можем убить?

Взяли палки и опять стали лупить его. Били, били, опять не убили. Бросили.

Думают: зачем истощать себя и бить без передышки? Он же

привязан и никуда не

**денется, время работает на нас... Прошло какое-то время.
Собрались охотники**

**с силами и опять стали бить зайца. Били-били и наконец убили
его".**

**Когда я рассказывал Сталину про то, что увидел в
Сталинграде, то**

**рассказал и этот анекдот. Он глянул на меня остро:
"Значит, заяц -**

**окруженный Паулюс? Его били несколько раз, а он оказался
живучим. И только**

**когда мы стянули туда силы, артиллерию, танки, а наши войска
продвинулись на**

**запад на 250 - 300 км, то в конце концов убили зайца? Явно
этот анекдот**

**сложен про Сталинград". Но ведь все мы люди, наделены
людскими слабостями.**

**Вот мне и импонировал этот анекдот. Я заразился
переживаниями Еременко.**

**Шумилов, командующий 64-й армией, который рассказал
анекдот, был большим**

**приятелем Еременко. Да ведь прав был Еременко: это он со
своими войсками**

**выдержал основной натиск немцев и привязал "зайца". А
потом другие его**

**только добивали. Правда, это никак не умаляет заслуг
Донского фронта,**

который очень хорошо выполнил свою задачу.

В Сталинграде я видел и такую жуткую картину. Конечно,

на войне все

**жутко, но тем не менее... Наши люди занимались в городе
сбором трупов**

**немецких солдат. Мы боялись наступления теплой весны и
жаркого лета. Если**

**трупы где-то завалиются и начнется их разложение, может
вспыхнуть эпидемия.**

**Поэтому мы как можно скорее старались собрать трупы и сжечь
их. Земля была**

**мерзлая, зарывать было трудно, да и опасно. Слишком много
было трупов,**

**просто тысячи. Складывали трупы в штабеля слоями: клали
попеременно слой**

**трупов и два слоя железнодорожных шпал и поджигали. Горели
огромные кучи.**

**Потом мне дали фотографии: я посмотрел на них и больше к
ним не возвращался.**

**Они производили очень тягостное впечатление. Говорят,
Наполеон или кто-то**

**другой сказал, что труп врага приятно пахнет. Не знаю, для кого
как, а для**

**меня и запах был неприятен, и смотреть на эту картину тоже
было неприятно!**

**Хотел бы рассказать также и комический случай, который
тоже характеризует**

**то время и людей того времени. Это было хорошее время,
героическое,**

**трагическое и по-своему торжественное. Мы переживали
трагедию при**

отступлении, потом и торжествовали при нашем наступлении и возмездии врагу

за его наглое вторжение в пределы СССР. Летел я как-то из-под Ростова по

вызову Сталина в Москву. Самолеты тогда вынуждены были часто заправляться в

пути, поэтому приземлился в Сталинграде. Остановился в 64-й армии. Какие-то

там были армейские торжества. Кажется, получали ордена. Штабом армии был дан

обед для командного состава в довольно большом зале. Я принял участие в

торжестве и сидел за одним столиком с командующим. Столики были маленькие,

на несколько персон. Рядом с нами сидели генерал, полковник и еще два

человека. Завязался между ними разговор. Так как выпивали, тон нарастал,

и разговор превратился в спор между генералом и полковником. Полковник был

начальником штаба соединения, которым командовал генерал. Генерала же я знал

еще до Сталинграда, встречался с ним под Харьковом, где он командовал

дивизией и был на хорошем счету. Дивизия его стала гвардейской. Я его

фамилию сейчас не называю, хотя и помню ее. Дело в том, что я к нему

относился хорошо, считал, что он находится на своем месте и справляется со

своим делом. Когда у них разгорелся спор, то полковник, видимо, имел более

сильные аргументы, а генералу противопоставить было нечего, и он решил

использовать свое положение. Когда полковник окончательно досадил генералу,

последний генеральским тоном вдруг гаркнул по-украински: "Товарыш полковник,

нэ забувайся!". Внушительно так произнес. Тот ответил: "Есть!", - и

замолчал. Я не вмешивался, конечно, в разговор, наблюдал со стороны. А

эпизод остался в моей памяти.

Когда я приехал в Москву, то за столом у Сталина, говоря о многих

случаях, рассказал и про этот эпизод. Сталину он очень понравился. Даже

спустя много лет, бывало, он улыбался и говорил в определенной ситуации:

"Товарыш полковник, нэ забувайся!". Зачем выжимать из себя аргументы,

убеждать оппонента, когда есть власть и положение. Я - генерал, ты -

полковник. Младший должен подчиняться старшему по положению, полковник не

может быть умнее генерала, не имеет на это права, должен больше служить и

поменьше говорить. В своей жизни, встречая на своем пути многих людей,

разных по званию и по характеру, я, к сожалению, часто сталкивался с

фактами, когда за отсутствием разумной аргументации люди опирались на

старшинство звания и подавляли нижестоящих.

Помню и другой ходячий анекдот, тоже рожденный жизнью. "Докладывает

подчиненный старшему военачальнику и при этом довольно разумно доказывает

правоту своей точки зрения на ход операции: что вот так-то надо сделать, или

вот так-то лучше было бы сделать. А в ответ окрик: "Ты мне не доказывай, а

слушай и выполняй. Твое дело выполнять, а думать тебе не надо. Я тебе

приказываю, вот и делай так, как приказано". К сожалению, не знаю, когда и

как изменится это. Военные указывают на то, что такова воинская дисциплина.

Вопрос решает старший, а младший выполняет. Существует формула "Будь не

разумным, а будь исполнительным!". Она нередко боком нам выходила, эта

формула. Хотелось, чтобы это было учтено. Время сейчас пошло другое, другие

люди, другая культура. Но думаю, что это не зависит от культуры. Накладывает

особый отпечаток военная обстановка. Не знаю, дисциплина ли это или просто

кастовость. Затрудняюсь определить более точно..."

Войска Южного фронта, заняв Ростов, двинулись на запад и вышли на берег

р. Миус севернее Таганрога. Эти места были мне знакомы по 1941 году. В том

году, когда мы выбили немцев из Ростова, наши войска, их главная сила - 56-я

армия, действовали здесь. Тут же дрались обескровленные остатки танкового

корпуса генерала Танасчишина. 56-й армией в конце 1941 г. командовал генерал

Цыганов (20), тучный такой человек. Сам он, по-моему, был нестроевым

командиром и закончил Военную академию по кафедре материального и боевого

обеспечения. Очень был оригинальный и остроумный человек. Запомнился мне

такой эпизод. В 1941 г. после освобождения Ростова мы хотели взять сразу же

и Таганрог, и поэтому вновь и вновь бросали туда войска, но у нас ничего не

вышло. Захватили как-то двух пленных. Я решил допросить их. Один оказался

чехом. Когда его привели и я стал его спрашивать, он рассказывал, как

попал в плен: "Я принес вам ручной пулемет. Я решил перейти линию фронта и

сдаться в плен. Пришел в распоряжение ваших войск и очень долго искал, чтобы

найти, кому же сдаться". Нашего генерала это возмутило, и он начал в

противовес что-то объяснять мне. А я ему: "Вы же там не были. Зачем этому

солдату врать? Видимо, на этом участке, где он переходил линию фронта, было

голо. Вот он и искал людей, а потом все-таки нашел, кому сдаться в плен". А

ведь мне раньше докладывали, что его захватили в плен. Выходит, не

захватили, а он сам пришел. Военные пускай это оспаривают, но на войне

всякое бывает. Часто наши разведчики переходили линию фронта, и противник их

не замечал. Противник тоже находил у нас слабые места и пробирался к нам в

тыл. Видимо, что-то вроде этого и произошло с чехом.

Второй пленный был румыном. Молодой, высокий парень, в румынской овечьей

черной шапке. Я его спросил, как его зовут, а он сразу в ответ: "Мы, румыны,

революцию делать не будем. А будем воевать!". Сырой еще по политическим

взглядам человек. Я ему: "Ну, вы-то уже свою революцию сделали и отвоевали.

Теперь ваше дело - шагать в плен. Будете в плену ожидать, когда кончится

война". В том 1941 г., когда шли первые бои под Таганрогом на р. Миус, штаб

армии располагался в хуторе Советском. Это небольшой хутор с довольно

невзрачными крестьянскими постройками. Местных жителей сейчас уже не помню.

А в 1943 г., заняв Ростов, мы расположили штаб фронта тоже в Советском. Он

был очень удобен для этого, ибо находился в центре наших войск и отсюда

легко было организовать связь с воинскими частями. Поэтому и в 1941, и в

1943 г. выбор падал на хутор Советский.

Ко мне недавно обратился с письмом учитель из этого хутора с просьбой

рассказать о том, каким было селение в то время, когда мы его заняли. К

сожалению, прошло много времени, и я теперь не могу ничего сказать. С

населением тогда я мало соприкасался. Помещение, которое занимали для

командующего, освобождалось от жителей, люди выселялись. Охранялось оно

довольно строго. Да и ничем не выделялся, собственно говоря, этот хутор из

множества других сел, станиц и хуторов, которые мы оставляли и которые потом

занимали. Поэтому у меня не осталось особых впечатлений. Просто небольшой

хутор, внешне выглядевший бедно. К тому же и в 1941, и в 1943 г. все было

покрыто снегом. Кроме того, в 1943 г. я очень мало был в самом хуторе. Как

только мы туда переехали, сразу же последовал звонок от Сталина с приказом

прилететь в Москву. Я тотчас вылетел в Москву, причем меня предупредили,

чтобы я вылетел с расчетом на то, что уже не буду возвращаться на Южный

фронт, поскольку мне будет дано другое назначение.

Прилетел я в Москву, доложил Сталину о положении дел на Южном фронте и

насчет Малиновского. Тогда Малиновский был уже как бы реабилитирован. Самый

факт, что меня отозвали с Южного фронта и утвердили членом Военного совета

Воронежского фронта, гласил об этом. На Южный же фронт назначили вторым

членом Военного совета Кириченко, а кого первым - не помню (21). По-моему,

кого-то из военных. Мне было жаль расставаться с Малиновским. С ним приятно

работать, и у меня с ним ни по какому вопросу не возникало никаких

конфликтов и разногласий. Мы все вопросы решали совместно, как и надо было

решать командующему и члену Военного совета. Советовались и с другими

товарищами, которые входили в состав Военного совета, но главным образом

основные вопросы решались двумя лицами: командующим и первым членом Военного

совета. Тогда в принципе не было вопросов, которые обсуждались бы на

заседаниях. Председательствующий, обсуждение, рассуждения - все это имело

место в редких случаях, тогда, когда разрабатывалась какая-то операция или

предпринималось что-то новое. По текущим же вопросам принимались решения на

ходу и тут же отдавались приказы и распоряжения.

С Малиновским было хорошо работать еще и потому, что он человек

организованный. Он никогда не делал вида из ложного стыда, будто не спит, не

отдыхает. Очень многие генералы во время войны делали вид, что они

совершенно не спят, всегда на ногах, обдумывают то или иное, так что спать

им некогда. Чистейшая, конечно, ложь и выдумка. Человек просто физически не

в состоянии толком работать, если не спит положенного минимума времени.

Можно какое-то количество суток провести без сна, но работа такого человека

будет непродуктивна, а в военном отношении может быть даже опасна. Всегда

надо быть подготовленным: суметь разумно продумать вопрос, от которого

зависит жизнь сотен и тысяч людей. Малиновский же вел себя, как простой

смертный. Он действительно много работал. Это был очень работоспособный

человек с хорошей головой. Мне нравились его рассуждения по военным

проблемам, да и не только по военным. Но он и отдыхал. Отдыхал всегда в

определенное время суток, если, конечно, позволяла обстановка. Другое дело,

если обстановка складывалась тяжелой. Тогда не уснешь. Тем более, не

приляжешь в заранее расписанное время.

А другие просто делали вид, что никогда не спят, что у них недремлющее

око, что они все видят и все слышат. Это глупость!

Малиновский много рассказывал мне о своей жизни. Своего отца он не знал.

Мать его, кажется, была незамужней и сына не воспитывала. Он был воспитан

тетей, детство провел в Одессе. Очень он несдержанно, даже оскорбительно

отзывался о матери.

Он ее не только не любил, но у него сложилось какое-то оскорбленное

чувство, сохранившееся с детских лет. Он с нежностью говорил о своей тете,

но озлобленно отзывался о матери. Он рассказывал также, как пареньком

работал в Одессе приказчиком. Потом началась Первая мировая война. Он,

сбежав, пристроился к какому-то воинскому эшелону, который шел на фронт.

Солдаты взяли его с собой. Так он попал в армию. Потом оказался в составе

русских войск, которые были отправлены во Францию, и воевал там

пулеметчиком. Там его застала революция.

Много позже Малиновский, уже будучи министром обороны СССР, сопровождал

меня в поездке на встречу глав четырех великих держав в Париже: США,

Советского Союза, Англии и Франции (22). Встреча провалилась, потому что как

раз перед нею американцы запустили над нашей территорией разведывательный

самолет. Это - довольно известный факт истории нашей борьбы против

американского империализма, организовавшего "холодную войну". Открытие

конференции задерживалось, и у нас появилось тогда "окно". Малиновский

предложил: "Давайте съездим в ту деревню, где стояла наша часть, неподалеку

от Парижа. Я найду эту деревню и найду крестьянина, у которого мы жили.

Может быть, крестьянин уже умер, он был стар, но жена его была молодой. Она,

наверное, еще жива". Мы так и сделали: сели в машину и двинулись по

французским дорогам. Дороги там красивые. Нашли без труда эту деревню.

Малиновский помнил ее расположение. Нашли и дом его хозяйки. Хозяйка

действительно была жива. У нее уже был сын лет 40, невестка, внуки. "А

старик мой, - рассказывает, - давно умер". Сын ее очень любезно нас

встретил: сейчас же начал организовывать угощение, появилось вино.

Выпили, и Малиновский стал вспоминать былые времена и сам расспрашивать.

"А вот, - говорит, - тут имелся кабачок, и в нем, бывало, собирались

крестьяне". Французы: "Вы помните?". "Да, хорошо помню". "Ну, тогда вы,

наверное, помните и такую-то", - и называют по имени какую-то девушку. "Да,

- говорит Малиновский, - помню". "Ха-ха-ха, ведь помнит. Это была местная

красавица. Но ее уже давно нет в живых, она умерла". Подходили и другие

французы. Узнавали, что министр обороны СССР - солдат той русской части,

которая стояла в этом селе 50 лет назад. "Как же, как же! И мы помним. С

вами еще Медведь был". "Да, - отвечает, - был с нами Медведь". Малиновский

рассказывал, что когда они ехали во Францию, то где-то взяли медвежонка.

Медвежонок привязался к солдатам, потом был с ними и на фронте. Поэтому

крестьяне и запомнили такую приметку.

Малиновский рассказывал мне и о других событиях своей биографии. "Очень,

- говорит, - тяготело надо мной, что я находился в составе экспедиционного

корпуса". Сейчас я не могу точно припомнить, что он мне рассказывал, но знаю

из истории, что этот корпус с большими трудностями возвращался в Россию.

Кажется, его послали оттуда так, чтобы его солдаты попали на территорию,

которую занимали белые. Малиновский прошел длинный путь, прежде чем очутился

в Красной Армии. Данный эпизод важен для понимания духа сталинского времени.

Над Малиновским висело как дамоклов меч обвинение, что он был в составе

экспедиционного корпуса во Франции и на территории, занятой белыми до того,

как вступил в Красную Армию.

Как-то я, беседуя с ним, рассказал, как мы с генералом Поповым блуждали

под Калачом, вертясь около трупов немецких солдат и серой лошади. Рассказал

также, что мы встретились ночью с генералом-связистом, и

назвал его фамилию.

Он сразу отреагировал. Говорю: "Вы его знаете?". "Как же, очень хорошо знаю,

я с ним вместе служил". И потом поведал мне некоторые подробности:

"Произошел такой случай. Я, когда приехал в Москву, должен был явиться в

отдел кадров Наркомата обороны. Офицер, который встретил меня в отделе

кадров, по своей неосторожности или плохой исполнительности дал мне мое

личное дело. Я его полистал, и у меня мурашки по коже пошли: как же я еще

живым хожу по земле? Столько там ложных гадостей было собрано против меня.

Можно было только удивляться, почему я не арестован и не расстрелян, как

многие другие. А среди всей этой гадости лежало и донесение того генерала.

Он, видимо, был секретным агентом. Он там понаписал обо мне жуткие гадости.

После этого мне не только руку было противно ему подавать, но и противно

слышать его фамилию. Это - гнусный человек. Он осмелился выдумать обо мне

такую клевету, что я не знаю, что же удержало Сталина от моего ареста и

расстрела, равно как ряда других честных людей, но более видных и более

достойных по отличиям, которые они заслужили в Красной Армии. Я, видимо,

вытащил счастливый билет в лотерею жизни. Только этим и объясняю факт, что

остался жив".

Уже после смерти Сталина, когда мы как-то встретились с Малиновским на

охоте, я ему рассказал в непринужденной обстановке, как Сталин реагировал на

самоубийство Ларина и как мне было поручено не отходить от Малиновского,

приглядывать, когда он ложился спать, закрыл ли глаза, спит ли он настоящим

сном или притворяется. Одним словом, неотступно следить за ним. Такое

наблюдение было мне неприятно, потому что я знал, что он все это чувствует и

понимает, почему член Военного совета, член Политбюро ЦК партии неотступно

ходит по его следам и при всяком передвижении обязательно располагается

рядом с ним. А если я не требовал, чтобы обо всех его распоряжениях и

приказах докладывали мне, то только потому, что он сам соблюдал определенный

такт и сам сообщал мне. Он не вынуждал меня требовать этого от него и себя

тоже ставил тем самым в более выгодное положение.

Малиновский ответил мне: "Я это видел и искренне говорю,

что был очень

доволен, что вы все время рядом со мной. Я ведь честный человек, делал все,

что, с моей точки зрения, нужно было делать. Поэтому был доволен, что вы

будете видеть все это и правильно поймете". И я согласен с ним, ибо это

означало, что будет сделан соответствующий доклад Сталину. Действительно, я

так Сталину и докладывал. Сталина же, видимо, во время войны сама жизнь

вынуждала сдерживать свой гнев, нацеленный на аресты и уничтожение людей.

Впрочем, не знаю. Или же это мне приписать себе в заслугу мое влияние в

Политбюро (а, видимо, оно было немалым) и ту характеристику, которую я дал

Малиновскому еще в 1941 г., когда встретился с ним и когда мы с Тимошенко

его назначили командующим 6-й армией? Он тогда воевал с врагом в направлении

Днепропетровска. Одним словом, так сложилась моя совместная работа с

Малиновским. Сейчас он умер, и что же я могу еще сказать о нем? Ничего,

кроме того хорошего, что уже сказал. В принципе же все люди - живые

существа. Смотря какой взял крен, рассматривая человека. В каждом человеке

можно открыть очень много разных качеств. Это зависит от характера того, кто

дает характеристику. Надо отбросить второстепенное, всякую там мишуру и

посмотреть на человека, каков он в главном. Посмотреть на его действия,

основную направленность ума и энергии, на приложение этой энергии. У

Малиновского она была положительной, на пользу Советскому государству. Его

энергия была нацелена на строительство нашей Красной Армии, а во время войны

- на разгром врага. Не всегда получается так, как хотелось бы любому из нас.

Нам с Малиновским пришлось хлебнуть и горячего, и немало тошнотворного в

первый и второй годы войны. Но потом и нам с ним довелось наслаждаться

результатами побед, успехами Красной Армии, радоваться изгнанию противника с

территории, захваченной Гитлером.

А что еще хорошего можно сказать о Малиновском? Я к этому потом еще

вернусь. Вернусь в рассказе о том, как мы с Малиновским в 50-е - 60-е годы

направляли свои усилия на перевооружение Советской Армии. Я считаю, что это

был очень интересный этап нашей жизни, принесший нам большое удовлетворение.

Я и сейчас еще живу воспоминаниями об этом творческом периоде - времени

первооружения Советской Армии и горжусь тем, что на мою долю выпала честь

быть в то время Председателем Совета Министров СССР и Первым секретарем ЦК

партии.

Итак, я отвлекся, характеризуя личность Малиновского, а остановился на

том, что меня вызвали в Москву. Когда я прилетел из хутора Советского в

Москву, то уже по-другому себя чувствовал в столице и ко мне иное было

отношение со стороны Сталина, чем несколько раньше. Ведь мы уже были "не те

люди", которые сдавали Украину врагу. Сталин в ту пору все готов был на меня

свалить. На любого готов был свалить вину, только не на себя. В период

отступления Красной Армии нигде и никогда никаких документов и приказов он

не публиковал за своей подписью. Ставка или Генштаб - безлика была подпись,

но не Сталин! Совершенно другим стало положение потом, когда мы начали

наступать. На каждом документе красовалась подпись Сталина. За отступление

он, как говорится, не нес ответственности, а вот успехи, разгром врага - это

его заслуга. Сейчас некоторые горе-историки, когда Сталина уже нет, идут по

его стопам, характеризуя тот период. Об этом я еще выскажу свое мнение. Я

слышал хорошую, острую шутку. Говорят, что города оставляют солдаты, но

берут их генералы. Сталин действовал по этой схеме. Отступали солдаты, и

Сталина там не было, а когда стали брать назад наши города, то уже и солдат

вроде бы не оказалось, а брал их Сталин, потому что тут были его приказы,

ему принадлежала инициатива, и тому подобное.

(1) Эти фронты в период отступления Красной Армии неоднократно включали в

свой состав разные соединения, меняя названия. В описываемое время войска

Воронежского фронта наступали по р. Оскол от Касторной до Купянска, войска

Юго-Западного фронта - по р. Северский Донец от Сватово до

Каменска-Шахтинского, войска Южного фронта - на Нижнем Дону (участок от

железной дороги из Донбасса в Сталинград до г. Азов).

(2) МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. вновь вступил в командование войсками Южного фронта

в феврале 1943 года.

(3) Генерал-лейтенант БОДИН П.И. до февраля 1943 г. являлся начальником

штаба Закавказского фронта.

(4) Генерал-майор СТРОКАМ Т.А., член партии с 1927 г., был начальником

Украинского штаба партизанского движения в 1942-1945 гг.

(5) Генерал-лейтенант КОРНИЕЦ Л.Р., член партии с 1926 г., являвшийся в

1939-1944 гг. председателем Совнаркома УССР, был переведен в 1943 г. вторым

членом Военного совета с Северо-Кавказского фронта на Воронежский, где

оказался вместе с Хрущевым первым членом Военного совета.

(6) РОТМИСТРОВ, будучи Главным маршалом бронетанковых войск, возглавлял

эту академию в 1958-1964 гг., после чего занял должность помощника министра

обороны СССР.

(7) Вероятно, Нижне-Чирская, так как у Верхне-Чирской стоял небольшой

мост местного значения.

(8) Это была 5-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта

ЦВЕТАЕВА В.Д.

(9) БОГДАНОВ С.И., генерал-лейтенант танковых войск, тогда был командиром

механизированного корпуса.

(10) Генерал-лейтенант ГЕРАСИМЕНКО В.Ф. командовал 28-й армией с сентября

1942-го по ноябрь 1943 года.

**(11) БУДЕННЫЙ С.М. - уроженец хутора Козюрин,
ГОРОДОВИКОВ О.И. - хутора**

Мокрая Ельмута.

**(12) КОРНИЛОВ Л.Г. - уроженец станицы Каркаралинской в
Казахстане.**

**(13) Новочеркасск был освобожден 12 февраля 1943 г. 2-й
Гвардейской**

армией (командующий КРЕЙЗЕР Я.Г.).

(14) Город Шахты освободили 13 февраля 1943 года.

**(15) Генерал-лейтенант КИРИЧЕНКО Н.Я. командовал
подвижной**

**конно-механизированной группой в составе 4-го Гвардейского
Кубанского, 5-го**

**Гвардейского Донского кавалерийских корпусов и танкового
соединения. Эта**

группа ранее входила в войска Северо-Кавказского фронта.

(16) Это произошло 7 февраля 1943 года.

**(17) Генерал-лейтенант ХОМЕНКО В.А. командовал 44-й
армией с ноября 1942**

**года. Погиб под Никополем 9 ноября 1943 года. До войны он
командовал**

пограничниками Молдавии и прилегающего участка Украины.

(18) Это произошло 14 февраля 1943 года.

**(19) С севера наступали в обход Ростова 2-я Гвардейская и 51-я
армии.**

**(20) Генерал-майор ЦЫГАНОВ В.В. командовал 56-й армией с
декабря 1941 по**

июль 1942 года.

(21) КИРИЧЕНКО А.И. Первым членом Военного совета был генерал-лейтенант

Гуров К.А.

(22) Эта встреча состоялась в мае 1960 года.

ПЕРЕД КУРСКОЙ БИТВОЙ И В ЕЕ НАЧАЛЕ

Итак, прибыл я в Москву и рассказал Сталину о положении дел на Южном

фронте. Тогда у нас было хорошее настроение, мы радостно переживали свой

успех. Северный Кавказ тоже быстро освобождался. Но это был участок не

нашего фронта, а вообще другой фронт, докладывал же я о делах нашего фронта.

Сталин: "Мы утвердили вас членом Военного совета Воронежского фронта. Нашими

войсками занят Харьков (1). Вы об этом знаете?". "Знаю. Красная Армия

продвинулась на довольно значительное расстояние западнее Харькова". "Вот

вам и надо лететь сейчас в штаб Воронежского фронта. Вы будете выполнять

функции не только члена его Военного совета, но и секретаря ЦК КП(б)

Украины, как и прежде". Потом, как и в предыдущий мой

приезд, Сталин начал

высмеивать руководителей, которым поручил дела Украины, когда в дни

Сталинграда сказал мне, что я не украинец и поэтому ее делами займется

Корниец, который тогда являлся председателем Совета Народных Комиссаров

УССР.

Я уже рассказывал, как тогда согласился с тем, что я не украинец: всем

известно, что и по паспорту, и по месту рождения я курянин, а мое село -

русское, хотя буквально впритирку граничит с Украиной. Граница есть граница.

Я-то не придавал значения тому, украинец ли я или русский. Я

интернационалист и с уважением относился и отношусь к каждой нации. Но

наиболее близки мне те, среди кого я провел свои детство и юность. Это

русские и украинские рабочие и крестьяне, а также украинская интеллигенция,

с которой я работал, когда являлся заворгом Киевского окружного комитета

партии в 1928 - 1929 гг. и особенно будучи Первым секретарем ЦК КП(б) У. Я

13 лет проработал на Украине, и не просто с удовольствием, а с большим

наслаждением, и очень доволен отношением ко мне всех ее

людей - рабочих,

крестьян и украинской интеллигенции.

Отвечаю: "Хорошо, товарищ Сталин, я охотно поеду на Воронежский фронт. А

кто командует войсками Воронежского фронта?". "Генерал Голиков" (2). Тут я

сразу вспомнил, как Сталин критиковал меня за то, что я не поддерживал

Голикова, когда он был заместителем командующего войсками в Сталинграде.

Тогда (я уже рассказывал) он написал какую-то гадость Сталину против

Еременко, и Сталин меня критиковал за то, что я слишком поддерживаю Еременко

и не поддержал Голикова. Может быть, тот и обо мне написал какую-нибудь

гадость? Это возможно. Я в жизни, к сожалению, много видел гадкого. Правда,

и хорошее видел, но и гадкое. Иной раз гадости делались людьми, с виду

довольно приличными и приятными. Я мог бы сказать, что человек я довольно

незлопамятный. А как поступили бы, к примеру, другие, имея такой факт с

Голиковым? Ведь действовал недобропорядочно, какой-то гадкий донос написал

на Еременко и, прямо или косвенно, на меня как члена Военного совета

Сталинградского фронта. От меня многое зависело, когда

Голиков, уже в мое

время, утверждался начальником Главного политуправления РККА и когда ему

присваивали маршальское звание - высшее военное звание в Советских

Вооруженных Силах.

Говорю Сталину: "А как он командует? Каково Ваше впечатление?". Более я

ничего не сказал, но Сталин понял сразу, что я обращаюсь с таким вопросом

потому, что у нас имелись разные оценки поведения Голикова как представителя

фронта при армии Чуйкова, когда Голиков не выполнил приказа об организации

переправы боеприпасов и пополнения в Сталинград. Я считал тогда и считаю

сейчас, что мы с командующим войсками Сталинградского фронта отреагировали

правильно. Однако теперь возникла уже другая ситуация. Вражеские войска в

Сталинграде пленены, всех обурежала радость победы. Это была радость не

только нашего народа, но и всего прогрессивного человечества, которое

понимало значение нашей борьбы с фашистской чумой.

Сталин опять взглянул на меня: "А помните, что вы говорили мне о

Голикове?". "Да, помню". "Как же вы говорили?". "Но тогда для чего Вы меня

посылаете членом Военного совета к Голикову?". "Мы в скором времени примем

новое решение и переставим его". Не знаю, почему он мне это сказал. В

терзаниях, что ли, находился? "Мы думаем назначить туда Ватутина командующим

войсками фронта. Вы знаете генерала Ватутина?". "Я генерала Ватутина знаю, и

даже очень хорошо знаю. Я высокого о нем мнения".

Этот генерал был как бы особым. Особенность его заключалась в том, что он

почти непьющий. Я вообще не видел, чтобы он пил вино. Кроме того, он очень

трудоспособен и очень хорошо подготовлен в военном отношении. Он был одно

время начальником штаба в Киевском Особом военном округе, а потом

заместителем начальника Генерального штаба (3). Хорошая аттестация его

военных знаний. Я сказал: "Как к начальнику штаба, как к человеку, знающему

военное дело, и как к члену партии отношусь к нему с большим уважением. Но

не знаю, как он себя проявит в качестве командующего. Здесь требуются,

помимо знаний, распорядительность и умение пользоваться правом командующего,

умение приказать и потребовать выполнения приказа. Разработать операцию он

может, тут я не сомневаюсь в нем, а вот другие его качества мне совершенно

неизвестны. В этом отношении он для меня новый человек, тут я нигде с ним не

соприкасался". Не помню, что сказал в ответ Сталин, но я был доволен новым

назначением.

Через день или два я улетел. Когда уже собрался лететь, мне доложили, что

в направлении Харькова противник сгруппировал эсэсовские войска, танковые

дивизии и прижимает наши войска к Харькову. Наши войска отступили на восток

уже на довольно большое расстояние, и противник опять вплотную подошел к

Харькову. Вылетел вечером, перед сумерками. Мы с моим личным пилотом

Николаем Ивановичем Цыбиным (4) выбрали именно такое время. Я всегда, пока

жив, буду поминать добрым словом этого замечательного летчика, генерала,

честнейшего человека трезвого ума и с такой, я бы сказал, девичьей

деликатностью. В данном случае как раз он спланировал так, чтобы нам

прилететь в Харьков под вечер, потому что в это время меньше возможностей

встретиться с истребителями противника. Так мы и поступили. Когда мы

приземлились, уже зажигались огни.

Поехали с аэродрома в Харьков. Мне сообщили там тревожное известие: над

Харьковом нависла угроза нового захвата его врагом. Я приехал в штаб фронта,

встретился там с командующим войсками. Он сообщил о положении на фронте.

Действительно, положение было очень неустойчивым. Противник превосходил нас

и в количестве войск, и в качестве боевой техники. У него там и танковые

войска, и пехота были отборными. Уже теперь, из книги "Совершенно

секретно!", я узнал, что враг взял их из Италии. Лучшие эсэсовские и

танковые дивизии он бросил именно сюда, против нас на Харьковском

направлении.

Нам пришлось сейчас же выехать в Мерёфу, в 25 км от Харькова. В Мерёфе я

бывал еще до революции. Когда ехал, случилось, из своей Курской губернии в

Донбасс, в Юзовку, то обязательно через Мерёфу. Теперь я ехал туда в ином

качестве. Группой войск там руководил генерал Козлов (5). Козлова я до того

не знал. Он командовал раньше Керченской группировкой наших войск. Мы

высадили в захваченном врагом Крыму десанты, но данная

операция была

неудачной и много наших войск там погибло. Туда, по-моему, одно время

посылали командовать и Ворошилова. Потом его, кажется, отозвали и послали

комиссарствовать Мехлиса. Фактически Мехлис как представитель Ставки

командовал этой группировкой. Он подмял под себя Козлова, и наши войска были

загублены. Помню, как тогда Мехлис метал громы и молнии против всех

кавказских народов. Он говорил, что и главное пополнение, и вообще войска

того фронта состояли из кавказцев, а они совершенно ненадежны. С точки

зрения нашей национальной политики он занял абсолютно неправильную линию.

Сам он человек неуравновешенный, но был весьма доверенным человеком у

Сталина.

Взяв на себя реальное командование, Мехлис фактически лишил возможности

командовать Козлова. Подробно я не мог тогда по своему положению

рассматривать эту операцию, это не входило в мои функции. Но я слышал

военных специалистов, которые обсуждали и разбирали происшедшее на Крымском

фронте. Правда, тоже лишь вот так, на ходу. Они возлагали вину

за провал на

Мехлиса и в какой-то степени на Ворошилова. Но больше все же на Мехлиса и на

то, что Козлов не проявил своего характера как командующий войсками. Он

сразу же подпал под влияние Мехлиса, вместо того чтобы выставить свою волю

командующего и использовать военные познания для должной организации войск.

Он стал покорно слушать и выполнять приказы и предложения, которые вносил

Мехлис. Одним словом, репутация Козлова была подмочена. Он как командир

проявил там в какой-то степени и беспринципность, и бесхарактерность.

В Мерепу мы поехали вместе с Голиковым. Козлов произвел на меня в

общем-то неплохое впечатление. Я старался не поддаваться влиянию того, что

ранее слышал о нем, а хотел сам оценить его на основе фактов, которые сейчас

смогу наблюдать. Он рассуждал вполне разумно. Распоряжения, которые он

давал, казались мне толковыми. Одним словом, у меня не сложилось

отрицательного впечатления о Козлове.

Итак, мы отходили. Ну и что? Был ли там Козлов, был бы Петров, Иванов,

все равно бы мы отходили, потому что противник имел

превосходство. Тогда мы

**уже чувствовали и даже говорили, что нам придется Харьков
вновь оставить, мы**

**не сумеем удержать его. Мне было всего этого очень жаль. Я
проехал по**

**городу. Город особенно больших разрушений не имел.
Тракторный же завод был**

**вообще цел, никаких разрушений! Мы раньше вывезли оттуда
оборудование, но**

**немцы там что-то ремонтировали: собрали какое-то
оборудование и организовали**

**ремонтные мастерские. Одним словом, целехонек завод. Как
говорится, завози**

**станки, давай сырье, рабочих - и можно начинать
производство танков,**

**автомашин или тракторов. Но я знал также, что когда теперь
опять оставим**

**Харьков, то в следующий раз (а мы были уверены, что вернемся,
никакого даже**

**сомнения не было, что противник недолго сможет удерживать
город) враг**

**сделает все, что в его силах, чтобы разбить и разрушить город,
особенно его**

**предприятия. Я был убежден, что Тракторный завод вновь он
нам таким не**

**оставит, он его доконает. Ну, ничего не поделаешь! Итак, мы
вынуждены были**

опять оставить Харьков.

Я решил тогда собрать для беседы украинскую

интеллигенцию.

Вечером был созван митинг интеллигенции, которая оставалась в Харькове и

жила там при немцах. А уже ночью или под утро мы должны были выехать со

штабом фронта из Харькова. Организовывали это дело те наши украинские

интеллигенты, которые в то время находились при штабе фронта, вернее сказать

- при мне как при члене Военного совета и, главным образом, секретаре

Центрального Комитета КП(б)У. Там имелись и интеллигенция, и руководящие

работники Совета Народных Комиссаров Украины. Одним словом, актив. Мы

собирали при себе подходящих людей, чтобы при продвижении наших войск на

запад можно было сразу же расставлять кадры и организовывать

государственные, республиканские, областные и районные учреждения. Многие

делал тогда Николай Платонович Бажан (б) и другие писатели. Именно через них

я попросил интеллигенцию собраться, сказал, что приеду к ним поговорить и

послушаю их. Главным образом мне хотелось именно послушать, почувствовать их

настроение.

Митинг состоялся очень хороший. Я своих людей

предупредил: "Будьте очень

осторожны в своих заявлениях. Мы всегда говорим, что ни на шаг не отойдем и

тому подобное. Это произведет плохое впечатление, потому что мы уже приняли

решение об отходе, Харьков удерживать нам нечем. Мы оставляем Харьков.

Поэтому речи должны быть построены так, чтобы вселять надежду. Чтобы отход

не расценивался в смысле какого-то непонятого маневра: все равно мы пойдем

затем вперед, враг будет разбит и изгнан с территории Советского Союза". То

есть я хотел подбодрить их. Я не мог сказать прямо, что мы отходим. Вообще

об отходе не было и речи. Но я косвенно намекал и внушал им уверенность,

чтобы они более стойко пережили новое нашествие врага. Я склонял их в своем

выступлении, чтобы они отошли вместе с Красной Армией. Я не буквально так

говорил, но хотел убедить их не доверяться немцам; внушить им, что мы не

будем интеллигенцию арестовывать, что не будем упрекать людей, если они

останутся на территории, занятой противником, однако желаем совместного с

нами их отхода.

Это обстоятельство больше всего меня беспокоило: я

боялся, что мы

отступим, а они останутся. Так и случилось! Но если сделаю я хоть какой-то

намек на то, что осуждаю их поступок в случае если они останутся, то это

прозвучит угрозой. Следовательно, тогда они убегут на запад с немцами.

Этого-то я и боялся. Мне хотелось, чтобы по Харькову разнесся слух, что в

любом случае не будет репрессий. Чтобы это дошло до тех лиц, которые не были

на митинге (а там не было многих). Не было там, например, Гмыри (7). А его

певческий голос звучал на всю Украину. Это замечательный артист. Он

оставался на Украине при немцах. Потом он объяснял, что остался потому, что

у него была больна жена. Сейчас не будем разбирать это. Я уже привык к

объяснениям, что или жена, или мать, или отец были при смерти и человек не

смог эвакуироваться. Так ли это было, судить очень трудно. Существовала

напряженная обстановка, проверять было некогда. А после уже и смысла не

возникало для проверки.

Одним словом, провел я как бы беседу. Там присутствовал какой-то художник

(забыл его фамилию). Считали, что он неплохой художник. Но

он так развязно

рассказывал, как жил при немцах и как "промышлял", что на меня произвел

очень неприятное впечатление. Ну, я не подал вида. Я держал такую линию, что

меня это не задевает. Он же хвастал, как торговал иконами. "Вот, -

рассказывал, - брали мы рядовые иконы, химическими реактивами обрабатывали

их, чтобы материал постарел, и, пользуясь безграмотностью

покупателей-немцев, продавали им эти иконы как старинные, имеющие особую

ценность". Выступал он как шабашник, ловкий такой торговец, довольно

оборотистый. Видимо, жил он неплохо. Другие же иначе рассказывали, а этот -

даже с каким-то задором: вот, мол, какой я, как сумел прожить в такой среде

и как надувал немцев. Умный, дескать, дураков всегда надувает и я тоже

показал свои способности.

Провели мы митинг, распрощался я и уехал. В ту ли ночь или на следующий

день, но вынуждены были мы отходить.. Утром выехали из города всем штабом, и

в скором времени немцы опять вступили в Харьков (8). А мне хотелось, чтобы и

этот художник ушел с нами, и другие интеллигенты тоже не

оставались бы

больше с немцами. Я хотел верить в лучшее - в то, что они не останутся. Нет,

видимо, нехорошая была душа у этого человека, ближе по складу, по своему

характеру к нашим врагам, чем к душе советского человека, советского

интеллигента, советского художника. Я потом о нем спрашивал Бажана и других

товарищей, где он? Они ответили: "Нет его с нами". Трудно было узнать, мог

он или не мог уйти. Мог, если бы захотел. Но не пошел с нами. Когда мы потом

опять Харьков освободили, я дал поручение найти этого художника, чтобы

проверить себя в правильности оценки этого человека. Нет, он ушел с немцами.

Его душа коммерсанта и рвача тяготела к немцам, а не к нам, и он ушел "на ту

сторону". Когда же кончилась война, я спрашивал, есть ли какие-нибудь следы

этого человека. Нет, его не нашли. Но я никак не могу допустить, что немцы

сделали с ним что-либо. Ведь их он обслуживал. Может быть, он остался

невозвращенцем. Таких много было тогда - и русских, и украинцев, и других.

Украинцев было много! Особенно из жителей Западной Украины. Там было много

националистов, одурманенных пропагандой врага, или просто бандеровцев. Они

поверили врагу, остались на Западе и порвали со своей Родиной. Может быть,

художник и в Канаду уехал. Одним словом, я сказал бы, это был тип маклака,

спекулянта художественными произведениями.

Итак, мы отступили. Штаб фронта отошел в Белгород. Мы рассчитывали

удержаться в Белгороде, но у нас были настолько слабые силы, что нам это не

удалось. Штаб расположился в каком-то небольшом домике с садиком. Каждую

ночь противник бомбил Белгород, включая расположение нашего штаба. Не

исключаю, что в Белгороде, возможно, были ранее оставлены какие-то немецкие

агенты или предатели, которые сообщали вражеской авиации о целях. Правда,

Белгород - город небольшой. Но самолеты врага буквально висели над районом,

где располагался наш штаб. Однажды, когда мы с Голиковым стояли у карты и

разбирались в обстановке, бомба разорвалась во дворе. Абжур развалился,

свет погас, стекло посыпалось на карту. Вышли мы, посмотрели на воронку.

Видимо, упала небольшая бомба. Если бы большая, то, наверное, не устоял бы

наш домик. Мы навели в нем порядок, но в ту же ночь опять подверглись

налету.

Произошел и такой случай. Командующему войсками понадобилось

воспользоваться туалетом. Теплого туалета в доме не было, был холодный, на

улице. Командующий оказался там, когда нас вновь накрыло бомбой, но все

сошло благополучно, хотя Голиков пришел, весь обсыпанный каким-то мусором.

Мы потом не раз подшучивали над ним. Что же, с живыми людьми все бывает, и

драматическое, и смешное.

Противник наседал на нас и уже подошел к Белгороду. Противопоставить

врагу свои силы, с тем чтобы остановить его, мы не смогли и вынуждены были

теперь оставить и Белгород (9). Наутро мы с Голиковым избрали новый пункт

для расположения штаба, не то в Старом Осколе, не то в Новом Осколе, где-то

за Северским Донцом. Мы решили выехать на рассвете, чтобы не попасть под

бомбежку. Расстояние до нового штаба было довольно приличное. Не помню,

ехали ли мы на автомашине. Возможно, и на санях, так как лежали глубокие

снежные заносы. Мы очень переживали случившееся: и

Харьков сдали, и

Белгород. Конечно, теперь враг будет прилагать все усилия, чтобы вновь

занять Курск, отвоеванный нами в феврале. Стали мы строить оборону:

стаскивать на передний край все, что было у нас и что нам смогла подбросить

Ставка. Противник, видимо, тоже к тому времени выдохся и прекратил

дальнейшее наступление. Наши войска остановились севернее и восточнее

Белгорода, от Суджи до Волчанска. Штаб фронта мы перенесли в Обоянь. Это был

южный фас образовавшейся теперь Курской дуги. К этому времени приехал

Ватутин с приказом принять командование войсками фронта. Голикову было дано

предписание, сдав командование, убыть в распоряжение Ставки. Мы распрощались

с Голиковым, и Ватутин приступил к исполнению обязанностей командующего.

Какие-то активные операции проводить мы тогда не имели возможности.

Следовательно, и намерений таких у нас не было. Все усилия были направлены

на то, чтобы как-то выровнять линию фронта и выбрать рубеж, наиболее

выгодный для создания полевых укреплений. Мы хотели лучше подготовиться к

весне, потому что были уверены, что весной и противник
опять станет

наступать, и мы тоже будем наступать и бить противника.

Дали нам танковый корпус. Я сейчас забыл фамилию его
командира. Это был

хороший танкист, раньше командовавший танковой бригадой,
а в 1943 г.

получивший корпус. Он передвигался к линии фронта, в тот
район, где должен

был расположиться. И тогда впервые с начала войны мы
встретились с таким

приемом со стороны врага: тот прямо на марше сумел этот
танковый корпус

почти весь уничтожить. Как же он этого добился? С воздуха,
применив для

бомбежки низколетящие самолеты-тихоходы типа наших У-2,
только несколько

помощнее. Эти самолеты были вооружены пушкой (10). Они
подлетали к танкам и

расстреливали их с воздуха, пользуясь тем, что на башне у
танков сверху

очень слабая броня. Поэтому нетрудно было мелкокалиберной
пушкой или даже

крупнокалиберным пулеметом поджечь танк. Помню, как
пришел к нам

генерал-комкор, как говорится, с кнутиком. Так некогда
говорили о цыганах,

которые лишились лошадей и остались только с погонялкой. "С
кнутиком" пришел

в наш штаб фронта и этот генерал, страшно взволнованный, до слез. Ведь он ни

за что потерял корпус. У него не было даже зенитно-пулеметного прикрытия

танков от атак с воздуха. После этого случая советские конструкторы учли

этот недостаток и стали выпускать танки с зенитным пулеметом. Не помню, на

каждом ли танке появился зенитный пулемет, или лишь на каком-то их

количестве, с тем чтобы можно было так построить боевые порядки, чтобы

прикрывать с воздуха и свой танк, и соседа. А пока что немцы использовали

элемент внезапности и нанесли нам существенный урон. Такие большие возлагали

мы с Николаем Федоровичем Ватутиным надежды на танковый корпус. А остались у

нас и командный состав, и танкисты, танки же были сожжены на марше.

Наступило на Воронежском фронте затишье. Враг приводил себя в порядок,

оборудовал свой передний край, укреплял его. И мы занялись тем же делом. Уже

разгоралась весна. Она пришла к нам в Обоянь и под Белгород, однако снега

были еще очень глубокие. 1943 г. особо отличился снежной зимой, более

снежной, чем холодной. Вскоре приехал к нам представитель Ставки

Василевский. Он к нам часто наведывался. У меня к тому времени уже

сгладилась боль, которую я носил в себе с зимы 1942 г., когда Василевский,

поступив неправильно, не выполнил своего гражданского долга воина и не пошел

с докладом к Сталину во время первой Харьковской операции. Но я доныне,

когда начинаю вспоминать этот период, сильно переживаю. Это меня огорчило и

даже настроило против Василевского, самого по себе, как я уже говорил,

человека милого и спокойного. С ним можно было ладить. Он не раз приезжал на

фронт, и с ним всегда приятно было беседовать и обсуждать вопросы, которые

назревали у нас. Впрочем, повторяюсь, мы не чувствовали особой необходимости

в приезде представителей Ставки с точки зрения помощи в сугубо военных

делах. Я считаю, что и штаб Воронежского фронта, и командующий достаточно

были подготовлены к несению своих функций, правильно их понимали и верно

оценивали обстановку. Зато при каждом приезде представителя Ставки возникала

надежда, что удастся получить пополнение или боеприпасы, "вырвать" у

тыловинов шинели, обувь. Одним словом, подход у нас был тут меркантильный.

Иногда нам это удавалось, но не всегда. Все это понимали и сами

представители Ставки. Они приезжали, потому что им приказывали. Вроде того,

что: "Поезжай, что-то немцы опять наступают. Вот уже и Белгород сдали".

Возможно, в Москве складывалось впечатление, что приехал представитель

Ставки - и приостановилось вражеское наступление, фронт стабилизировался.

Дело же заключалось не в том, что кто-то приехал, а в том, что противник

измотался и сам вынужден был остановиться, чтобы привести себя в порядок,

или же мы получали подкрепление и сами вынуждали противника остановиться.

В ту пору только на одном из участков противник продолжал действовать

активно и наступал. Этот участок занимала 38-я армия (11). Мы поехали туда.

День был солнечный, снег глубокий и отражавший лучи. Такая лежала белизна,

сверкавшая до боли в глазах. Нельзя было смотреть на этот снег. Свернули мы

со снежной целины в поселок. Ям, что ли? Действительно, он находился в яме,

в ложбине. И как раз в это время налетели один или два вражеских самолета и

начали бомбить наши машины. Мы с Василевским выскочили наружу и

представляли, вероятно, смешное зрелище для летчика. Он ведь все видел. Мы

отбежали от машины, и ему представился выбор: или бомбить машину, или вести

огонь из пулемета по живой силе. Живая сила - это мы с Василевским, наши

шоферы и сопровождающие лица. Но летчик, видимо, уже отстрелялся по шедшим

впереди машинам, развернулся и улетел. Летел он довольно низко и весьма

действовал на нервы. Кто находился под бомбежкой, понимает, что это значит.

Приехали мы к командарму, заслушали доклад об обстановке. Противник так и

не занял этот упомянутый пункт. Он пытался, наверное, просто улучшить там

свои позиции. Это было наступление местного характера - по выравниванию

линии переднего края, чтобы лучше приспособить ее к обороне, а потом

использовать и в ходе наступления создать подходящие исходные позиции для

своих войск.

Так закончились зимне-весенние операции, в которых я участвовал:

освободили Ростов и подошли к Таганрогу, дошли чуть ли не до Днепропетровска

и освободили Харьков, а потом вынуждены были под давлением противника

оставить и Харьков, и Белгород, и некоторые другие города. После этого фронт

стабилизировался, а на нашем направлении образовался выступ, который

приобрел название Курской дуги. Дуга была довольно большой глубины. Левое

крыло дуги, начиналось у нас, в верховьях Северского Донца. Вершина дуги

лежала севернее Сум, у Рыльска, а второе ее крыло проходило между Курском и

Орлом. Курск остался за нами. Севернее Понырей и восточное Орла извивался в

обратную сторону еще один своеобразный зигзаг линии фронта. Нас с

командующим, товарищем Ватутиным, прежде всего беспокоил, конечно, участок,

за который мы отвечали: от Волчанска до р. Сейм. И мы приняли меры, чтобы

здесь противник ни в коем случае не смог продвинуться. Если бы он

продвинулся, к примеру, в северном направлении, то есть к Курску, то

поставил бы под угрозу наши 38-ю и 40-ю армии, стоявшие под Сумами, а мы

потеряли бы выгодные позиции для наступления на Ромны и Лебедин. К этому

времени мы перенесли свой штаб на северную окраину Обояни, в глубину южного

фаса дуги. Название выбранного нами местечка было какое-то военное -

такая-то рота: память былых времен, когда через Обоянь проходила граница

средневекового Русского государства. Здесь жили поселенцы, которые несли

воинскую повинность по охране границы от набегов с юга. Поэтому тамошние

села имели военные названия. В данном случае - такая-то рота (ее номер я

сейчас не помню).

Надвигалась весна. А с приближением весны, как мы знали, приближаются и

напряженные бои. Мы считали, что противник, пока он не "просохнет" и не

накопит достаточных сил, особых действий предпринять против нас не сможет.

Но и мы тоже были абсолютно не способны к активным действиям. У нас просто

не было сил. Не помню точно, когда и какие новые воинские объединения

прибыли к нам. Получили мы 6-ю Гвардейскую армию. Это - бывшая 21-я армия,

которая участвовала в Сталинградской битве со стороны Донского фронта, потом

пополнилась, заново обучилась и получила новое название. Она пришла к нам,

когда снег уже сошел. Командовал ею генерал Чистяков. Ранее я его лично не

знал. Но, когда он прибыл и мы познакомились с ним, он произвел хорошее

впечатление. Мы считали, что это - сила! Главное, кадры этой армии в

основном уже прошли сталинградские бои, приобрели закалку, опыт и упорство в

обороне. Нам, имея в виду наступающее лето, как раз требовалось, чтобы армия

была крепкой в обороне. Ее мы расположили севернее Белгорода (12), она

оседлала шоссе Белгород - Курск - Москва.

Прибыла к нам и 7-я Гвардейская армия, тоже сталинградская. Под

Сталинградом она называлась 64-й. Командовал ею Шумилов (13), а членом

Военного совета был Сердюк. Она прибыла к нам с тем же командованием. Эта

армия была расположена к востоку от Белгорода, за Донцом. Она должна была

дать отпор противнику при попытках его продвижения на Новый Оскол и

одновременно сама могла ударить южнее Белгорода. Во втором эшелоне, между

6-й и 7-й Гвардейскими армиями, стояла 69-я армия под командованием генерала

Крюченкина. Я Крюченкина знал: это был воин еще гражданской войны (14). Лицо

у него было все иссечено шрамами, которые он получил во время боев с белыми.

Сам он был ранее кавалеристом. Штаб его армии располагался в Старом Осколе.

На правом фланге 6-й Гвардейской разместилась 40-я армия. Командовал ею

хорошо известный мне генерал Москаленко (15). Значительно позже пришла к нам

47-я армия. Она вошла сначала во фронтовой резерв (16). А возле армии

Москаленко расположилась 27-я армия. Ею командовал генерал Трофименко (17).

Они повернулись лицом на юг, находясь на одной стороне линии, образующей

дугу. А прямо лицом на запад стояла 38-я армия, которой командовал Чибисов.

Она была расположена на правом крыле фронта, и ее правый фланг соприкасался

с левым крылом Центрального фронта.

Сзади Шумилова, за его левым флангом, стояли в резерве войска под

командованием Ивана Степановича Конева. Это был Степной фронт. Потом он

приобрел название 2-го Украинского. Войсками Юго-Западного фронта,

примыкавшими с юга к войскам Воронежского фронта, командовал Малиновский. Он

нацелен был в то время на Харьков и Днепропетровск. Вот как располагались

войска в районе, имевшем прямое и косвенное отношение к моим тогдашним

функциям. Что касается штаба армии Шумилова, то он расположился восточное

Белгорода, в лесу. Мы много раз приезжали к нему и проверяли, как его армия

готовилась к наступлению, заслушивали доклады командарма, командиров

корпусов, дивизий и бригад.

Перед всеми войсками фронта была поставлена задача учиться хорошо

воевать, отрабатывать тактику, обучить солдат отличному владению оружием.

Партийная организация и политотделы были нацелены на то, чтобы политически и

морально сцементировать войска, чтобы каждый воин понимал свою миссию и

сделал все, что от него зависит, чтобы не отступить ни на шаг и готовиться к

наступлению. Впрочем, особой агитации, чтобы убедить солдат стойко

обороняться и мужественно наступать, не требовалось. Все рвались в бой. Не

помню, чтобы возникали какие-либо эксцессы. О дезертирстве я и не слышал.

Конечно, всегда в массе людей бывают какие-то отклонения от средней нормы в

поведении того или другого человека. Но в общем войска были в очень хорошем

состоянии. Готовы были и драться, и умереть, если понадобится, но гнать

врага из своей страны. Гнать его прочь! Особенно отличались гвардейские

армии. Уже тогда у них появился лозунг: "На Берлин! От Сталинграда на

Берлин!". Потом много было шуток на эту тему. Бывало, генерал как бы шутя,

но полусерьезно говорит: "Ну, берем Берлин! Хочу быть комендантом Берлина".

Такое желание возникало у каждого. Человек, который выстрадал войну, видел,

сколько бед она нам принесла, хотел показать и противнику, что война

приносит бедствия, что расплачиваться за эту войну придется тем, кто ее

начал.

6-й Гвардейской приказали зарыться в землю, вырыть противотанковые рвы и

возвести три полосы обороны. Мы создавали оборону на большую глубину на

случай, если противник, начав наступать, овладеет нашими армейскими

позициями. Поэтому за ними были приготовлены еще три фронтовых рубежа

обороны, хорошо оборудованных, насколько это тогда было возможно. Укрепления

были земляными, главным образом дзоты из бревен и земли. Сооружалось все это

безотказным "механизмом" - солдатской лопатой. Сзади нас строился

оборонительный рубеж Степного фронта, подпиравшего наш тыл, а за ним, по

**Дону от Лебедяни к Павловску, тянулся еще один.
Государственный рубеж**

**обороны. Ничего подобного у нас ранее не встречалось.
Работу солдаты**

**проделали очень большую. наших солдат особенно уговаривать
не приходилось.**

**Они сами все понимали. Старые уже были "волки", прошедшие
два года войны.**

**Каждый знал, что чем лучше будет построена противотанковая
оборона, чем**

**лучше оборудована траншея, чем лучше расположены
артиллерия и пулеметы, тем**

**меньше прольется советской крови и тем труднее будет
противнику сбить и**

потеснить нас.

**Генерал Чистяков и его начальник штаба Пеньковский (18)
отлично знали**

**свое дело и тоже провели большую и полезную работу.
Пеньковский еще жив и**

**здоров. Желаю ему жить и бодрствовать 100 лет. Хороший
человек и понимающий**

**свое дело генерал. Он прилежно относился к сложным
обязанностям и был**

**хорошим дополнением командующего армией. Другие армии
тоже возводили**

**оборону, но не на такую глубину, как 6-я Гвардейская. Мы
тогда частенько**

**ездили в нее, заслушивали доклады командиров и проверяли,
как используется**

каждый день для наращивания обороны. Однажды мы приехали к генералу

Москаленко. Он находился в небольшой крестьянской комнате с довольно скудным

освещением. Его подчиненные, которым нужно было присутствовать, расселись на

лавках, вроде как на царском совете в Грановитой палате московского Кремля.

Там тоже стояли лавки в былые времена, когда заседали бояре. Воцарилась

тишина. Начал докладывать Москаленко. И вдруг раздался звонкий храп. Ватутин

сразу встрепенулся, насторожился и обвел глазами сидевших. Стоял полумрак, и

не было ясно видно, кто где сидит. Ватутин по звуку определял направление,

откуда идет храп. Когда он повторился несколько раз, командующий увидел, что

храп исходит от начальника штаба армии Батюни. Хороший генерал и хороший

товарищ, но просто человек был свехутомлен. В комнате было тепло, вот его и

разморило. Ватутин тут как крикнет: "Батюня!". Тот вскочил, озирается.

Доклад был продолжен, но Батюня снова задремал. Такие эпизоды врывались в

повседневные будни и вносили юмор и своеобразное оживление.

В апреле, а может быть, и в мае, мы со штабом фронта выехали из Казачьего

(населенный пункт севернее Обояни) и расположились юго-восточнее Обояни, в

каком-то очень большом селе (19). Укрепление обороны еще продолжалось, но

штаб уже начал заниматься разработкой наступательной операции. Было

определено, что если будем контрнаступать, так 6-й Гвардейской армией на

Белгород с доворотом на Харьков, то есть с севера на юг. Начальником штаба

фронта у нас был Иванов (20). Очень порядочный человек, добросовестно

относившийся к своим обязанностям. Но так как и сам командующий войсками

фронта Ватутин был раньше больше штабистом, чем командиром, то Иванову не

так-то легко было проявить свои таланты начальника штаба. Ватутин не только

давал общие установки, как составлять план операции, но и сам часто садился

за стол, брал линейку, карандаш, карты и начинал чертить стрелы и

подсчитывать. Одним словом, брал на себя работу начальника штаба, а порою

даже начальника оперативного отдела. Я полагал, что тут есть и

положительная, и отрицательная стороны дела. Конечно, он перегружал себя и

брал на себя работу, которую должны были делать начальник штаба и другие

штабные офицеры.

Итак, начала готовиться наступательная операция. Разрабатывались

варианты. Лучшим вариантом признали контрудар на Белгород. Хотел бы

отвлечься. Я упомянул Иванова. Он работал в 1959 - 1962 гг. в Генеральном

штабе заместителем начальника. И мы освободили его от этой должности. А я

был тогда Председателем Совета Министров СССР и являлся Главнокомандующим

Вооруженными Силами. Мне было его жалко, но сложилась такая ситуация, когда

государственный долг требовал пойти на такую жертву, при всем моем большом

личном уважении к генералу Иванову. Сейчас уже не помню, в чем конкретно

заключалось дело. Он допустил серьезное упущение с документами. Это

случилось как раз в то время, когда у нас был разоблачен шпион Пеньковский

(не вышеупомянутый, а другой, полковник (21)). Так что прошу не смешивать

честного воина, преданного Родине человека с предателем Родины). Что-то в

Генштабе случилось с документами, и пришлось отстранить от работы Иванова.

Мне это было особенно тяжело, потому что я его уважал за прошлое и ценил его

работоспособность и трудолюбие. У меня его честность не вызывала и сейчас не

вызывает сомнений. Но военное дело требует не одной честности, а и

аккуратности, особенно при секретной работе в штабах. Можно быть честным, но

если не соблюдать должного порядка, то можно нанести вред, даже того не

желая. Враг использует и неряшливость, и любое другое наше упущение. Поэтому

мы тогда наказали генерала Иванова, перевели его начальником штаба в

Сибирский военный округ.

Я вспомнил и другой неприятный эпизод. Он относится к раннему периоду

обороны на Курской дуге. Приехали мы с Ватутиным к командарму Чибисову. Мне

не понравились ни доклад Чибисова, ни выступление члена его Военного совета.

Вопрос они подняли такой, что вот, дескать, им дали в пополнение местных

украинцев, которые находились ранее на занятой немцами территории. Люди

прибыли, но необученные и даже хуже того: бросили против них нехорошее

обвинение политического характера. "Какой же это порядок в армии, - говорил

член Военного совета. - Состоялся бой. А после боя пришли на поле матери,

жены и сестры погибших, ходили там и собирали трупы убитых". Я возмутился:

"Товарищи, это же от вас зависит. Что же вы обвиняете людей, которых сами и

мобилизовали? Сразу же, не обучив их, бросили в бой несколоченные части. Они

же умирали, и честно умирали. А то, что пришли их жены, сестры и матери и

находили трупы своих родственников, это естественно. Это ваша обязанность -

не допускать такого, чтобы морально не разлагать войска". Особенно

упорствовал и стоял на своем член Военного совета.

Когда мы с Ватутиным уехали, то, посоветовавшись, решили, что у этого

члена Военного совета слишком плохое настроение, и внесли предложение

освободить его от должности и назначить нового члена Военного совета,

который занимался бы делами, ему положенными, правильно понимал и

организовывал свою работу. Такие настроения, к сожалению, возникали не

только в армии Чибисова. Тогда вообще в войсках, пришедших на Курскую дугу,

все занимались мобилизацией людей призывных возрастов из числа местного

населения, и какое-то время сквозило такое настроение, что местные,

оказавшиеся под фашистской оккупацией, - второсортные люди.
С этим взглядом

приходилось бороться. Такие настроения были по существу и
неправильны, и

вредны. Нам предстояло наступать, освободить всю Украину.
Безусловно, нам

придется и далее пополняться за счет мобилизованных, которые
оставались на

оккупированной территории. Эти люди потом тоже сыграли
важную роль в

разгроме врага. Главным источником пополнения наших войск
при наступлении

стали "местные ресурсы". Такой метод господствовал.

Наступательная операция была разработана. Подсчитано,
какие силы и какая

военная техника потребуются, какие необходимы
материальные ресурсы для

прорыва через Белгород на Харьков. Мы с Ватутиным
попросились после этого на

доклад к Сталину. Сталин сказал: "Прилетайте". Еще до
доклада Сталину наши

разработки изучались и корректировались Генеральным
штабом, а после доклада

обычно все приводилось в окончательный вид. Доложили мы
Сталину. Он уже

чувствовал себя по-другому, источал теперь уверенность. Я бы
сказал, что в

это время ему было приятно докладывать, не то что годом
раньше. Да и сам он

уже выражал более правильное понимание обстановки и более правильное

отношение к поставленным фронтами вопросам. Нам дали срок - 20 июля - и

приказали готовиться к началу наступления. Направление, которое нами было

выбрано, одобрили. Далее основным вопросом стал "торг": какое пополнение мы

сможем получить для проведения этой операции? Да и всегда так было. Запросы,

которые предъявляли командующие, полностью никогда не удовлетворялись. Нам

дали много, но все же нас не удовлетворили. Однако нам сказали: вот ваша

сила, ею и распоряжайтесь, а за вашей спиной будут стоять еще резервы

Верховного Главнокомандования.

К операции на Курской дуге, я считаю, готовились хорошо и штаб фронта, и

Генеральный штаб. Мы уехали, очень довольные беседой со Сталиным и

результатами доклада. Сейчас уже не помню, почему наше наступление было

назначено именно на 20 июля. Это, видимо, определялось тем, что мы могли

получить все, что нам нужно было, только к названному сроку. Сталин сказал

нам, что дней на шесть раньше нас проведет наступательную операцию

Центральный фронт Рокоссовского, а потом и мы начнем свою операцию. Я это

помню потому, что корпус тяжелой артиллерии резерва Верховного

Главкомандования направлялся сначала к Рокоссовскому, чтобы обеспечить там

прорыв фашистского фронта, а когда он сделает там свое дело, то поступит в

наше распоряжение и будет содействовать нашему наступлению. Впрочем, это

могла быть артиллерия и не Центрального, а действовавшего севернее Брянского

фронта. Хорошо помню также генерала Королькова, командира упомянутого

корпуса. Очень он мне нравился. Я потом с ним встречался и под освобожденным

Киевом. Там он тоже командовал тем же артиллерийским корпусом.

А пока мы упорно готовили войска к обороне и строили укрепления,

согласовали также действия войск на стыке между фронтами. Например, мы

провели совещание с южным соседом. Оно состоялось в дубовом лесу. Мы

приехали туда, и Малиновский тоже приехал со своими генералами. Листьев на

деревьях не было: дубовый шелкопряд объел все листья. Поэтому с воздуха все

просматривалось: никакого прикрытия. Командующий армией, в зоне которой мы

проводили совещание, говорил: "Окончится совещание, и я сейчас же уйду

отсюда. Ожидаю, что вот-вот могут налететь немцы и разгромить мой штаб". На

совещании мы обменивались мнениями и совместно прорабатывали действия на

стыке фронтов, с тем чтобы противник не смог вклиниться в наше расположение.

Из Ставки перед нашим наступлением приезжали к нам Жуков и Василевский.

Мы ездили с ними по армиям. Подвоз снарядов и прибытие воинских соединений в

наше распоряжение шли по плану, который был утвержден для проведения

операции и выполнялся более или менее своевременно. Возили мы представителей

Ставки из расположения своего штаба юго-восточнее Обояни. Там штаб находился

на одном месте месяц или чуть больше. Тут недостаточно строго соблюдалась

дисциплина: в расположении штаба появлялись разные машины, когда им вовсе не

следовало появляться, и противник, ведя воздушную разведку, заметил, что

здесь расположен штаб. Мы чувствовали, что немцы усилили воздушную разведку.

Немецкие самолеты начали зависать над расположением штаба. Поскольку у нас

был подготовлен резервный пункт в районе небольшой станции севернее

**Прохоровки (22), мы решили перевести штаб туда.
Предупредили всех штабников,**

**что утром на рассвете надо перебраться на новое место.
Некоторые "хозяйства"**

**мы перевели раньше, с тем чтобы при переезде не возникло
большого обоза,**

**который мог бы привлечь внимание авиации противника. Мы
с Ватутиным тоже**

**переехали в какой-то совхоз, километрах в двух-трех от
станции. Постройки**

**там были временные, дощатые. Клопов в них оказалось - страх!
Это довольно**

**выносливое зверье жило в пустых бараках, голодало, а теперь
набросилось на**

**нас, и мы их откармливали своей кровью. Около этого совхоза
виднелся лесок -**

**небольшой овраг, заросший дубняком. Когда исполняют
песню композитора**

**Соловьева-Седого "Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат", я
всегда вспоминаю**

**этот овраг: сколько же там было соловьев! Какое-то соловьиное
царство. На**

**случай авианалета мы подготовили себе землянки в этом
лесу и там же**

**расположили жизненно необходимые звенья штаба, чтобы не
потерять управления**

**войсками, не нарушить связь. Землянки Ватутина, моя и
некоторых других лиц**

были в, этом лесу.

Только мы расположились, а у нас даже какое-то хозяйство еще оставалось в

старом пункте, как нам сообщили, что на рассвете налетела авиация противника

и разбомбила старое место штаба. Потерь у нас, однако, не было, бомбежка

оказалась безрезультатной. Разрушил враг село, но не полностью. А через

день-два сбили немецкий разведывательный самолет и захватили в плен

летчиков. Мыс Ватутиным их допрашивали. Я спросил летчика: "Вы участвовали в

бомбежке такого-то населенного пункта?" (а мы сбили его самолет как раз над

населенным пунктом, где раньше располагался наш штаб). "Да, участвовал".

"Какая задача была поставлена перед вами?". "Нам сказали, что в этом

населенном пункте расположен крупный русский штаб". Вот как получилось.

Потом мы часто вспоминали, как "предчувствие" спасло нас.

У военных вообще принято: как только штаб расположится в каком-либо

пункте, сразу же готовить запасной командный пункт. На этот раз мы его

выбрали несколько севернее штаба. Тоже облюбовали себе лесок и послали туда

саперов. К началу немецкого наступления 5 июля 1943 г. этот командный пункт

был готов. По собственному плану мы имели в виду выехать туда перед

проведением операции, которую наметили на 20 июля: хотели лишь перед самым

наступлением перебраться туда, чтобы противник не обнаружил нового

расположения штаба. Оттуда мы могли бы уверенно, имея обеспеченную связь,

управлять войсками.

Не помню, по нашей инициативе в этот раз или же это была инициатива

Ставки, вновь приехали мы в Москву, встретились со Сталиным. Для одной из

наших армий я попросил дать членом Военного совета генерала Попеля. С ним я

познакомился в первые дни войны, когда он был комиссаром в корпусе, которым

командовал генерал Рябышев (23). Попель очень понравился мне своими

спокойствием, распорядительностью и мужеством. В 1941 г. штаб мехкорпуса

оказался разорванным на две части. Одна часть оказалась с Рябышевым, другая

- с Попелем. Они переговаривались по рации: Рябышев задавал вопросы,

сомневаясь, отвечает ли именно Попель, а не подставное лицо от врага. Он

спрашивал, как зовут его дочерей и что случилось с его кобелем. Занятный

такой был разговор. Рассказ об этом долго гулял среди командного состава и

много раз повторялся при встречах со Сталиным. Мы шутили, но способ

опознавания по существу был правильным. Теперь же я попросил Попеля опять к

нам. Сталин согласился.

Когда мы были в Москве, нам сказали также, что мы получаем в свое

распоряжение 1-ю танковую армию, которой командует генерал Катников (24). Мы

были очень рады этому. С Катниковым я лично ранее не встречался, но знал его

по его делам. Он считался хорошим танкистом, упорным воином, знающим технику

и распорядительным командиром. Когда Катников докладывал Сталину о состоянии

своей армии, он обратился с просьбой: "Товарищ Сталин, прошу, дайте мне

членом Военного совета Попеля". Сталин сразу глянул на меня. Катников: "Я его

знаю, и он меня знает. Мы верим друг другу, друг друга понимаем. Прошу Вас,

дайте мне его". Сталин: "Что ж, мы к вам его пошлем". И мне: "А вы ищите

другого". И мы нашли другого: Крайнюкова (25), хорошего члена Военного

совета, уже находившегося в другой армии нашего фронта.

Прибыла 1-я танковая армия. В ее состав входили около 1 тыс.

танков и еще

**мотопехота. Правда, мотопехоты было немного. Ее мы
направили в распоряжение**

**6-й Гвардейской армии, чтобы создать глубину обороны не
только отрытием**

**противотанковых рвов и сооружением другого полевого
оборудования. Решили**

**расположить танковую армию на определенной глубине и
закопали танки Катюкова**

**в землю на случай, если противник прорвется и нам придется
перейти к глухой**

**обороне. То есть решили использовать танки как казематную и
одновременно**

**подвижную артиллерию. Вырыли для танков капониры без
верхних сводов. Это**

**хорошо оправдало себя. Катюков толково использовал свои силы
и сыграл очень**

**большую роль при разгроме фашистского наступления на
Курской дуге.**

**Мы получили также танковое подкрепление в виде
отдельных корпусов.**

**Припоминаю сейчас, что когда мы подсчитывали свои силы к
моменту наступления**

**противника, то у нас было около двух с половиной тысяч
танков. Огромная**

**мощь! Разведка нам докладывала, что у противника
примерно такое же**

**количество танков. Стало быть, тут на узком участке фронта с
той и с другой**

стороны насчитывалось четыре с лишним тысячи танков. Не говорю уже об

артиллерии, которой тоже было немало с нашей стороны. А у немцев артиллерии

было еще больше. Сейчас не помню все цифры, которые докладывала наша

разведка. А мы ждали. Оставалось дней 15 до начала операции. Мы были

уверены, что наше наступление будет успешным, что мы разобьем здесь врага и

двинемся на запад, освободим Харьков и выйдем на Днепр. Желание это было

выстраданным годами войны.

Вдруг - звонок из 6-й Гвардейской армии; командующий докладывает, что с

переднего края перебежал немецкий солдат из какой-то эсэсовской дивизии.

Разные эсэсовские дивизии там были. Я еще говорил Ватутину, что, на каком бы

участке фронта я ни был, обязательно меня преследует дивизия "Мертвая

голова", всегда действует против меня. Командарм же сообщил, что солдат

уверяет, будто завтра, 5 июля в 3 утра немцы перейдут в наступление. Мы

приказали сейчас же доставить солдата к нам. Допросили его. Он все нам

повторил. Мы его спросили: "Почему вы так думаете?". Отвечает: "Я, конечно,

приказа о наступлении не видел, но есть солдатское чутье, солдатский

вестник. Во-первых, все мы получили трехсуточный сухой паек. Во-вторых,

танки подведены вплотную к переднему краю. В-третьих, был приказ выложить

боекомплекты артснарядов прямо у орудий. Все приготовили, чтобы не было

никакой задержки". "Но отчего вы говорите, что в три часа утра? Откуда такая

точность?". "Это вы уже и сами могли бы заметить. Если мы наступаем, то в

это время года всегда в три утра, то есть с началом рассвета. Я уверен, что

будет так, как я вам сообщаю". Этот перебежчик был молодой парень, красивый,

элегантный, холеный, явно не из рабочих. Спрашиваю его: "Как же вы перешли

линию фронта и нам сообщаете о наступлении, а сами являетесь эсэсовцем? Как

это понять? Вы же нацист". "Нет, - говорит, - я не нацист, я против

нацистов, поэтому и перешел к вам". Я ему: "Ведь в эсэсовские части берут

людей только из нацистов?". "Нет, это раньше, в первый и второй годы войны,

так было, а сейчас берут всех подходящих. Меня взяли по приличному росту и

внешнему виду арийца. Так я и попал в эсэсовские войска. Но я против

нацизма. Я немец, но родители мои из Эльзаса. Мы воспитаны на французской

культуре, и мы не такие, как нацисты. Родители мои против нацизма, и я такой

же. Я теперь принял твердое решение для себя и убежал, чтобы не участвовать

в этом наступлении, не подставляя свою голову под ваши пули в интересах

Гитлера. Поэтому и перебежал. Я говорю все откровенно, потому что желаю

поражения Гитлеру. Это будет в интересах немецкого народа".

Мы позвонили в Москву и предупредили об услышанном. Потом мне позвонил

Сталин. Не знаю, говорил ли он раньше с Ватутиным. Мы располагались в те

часы в разных местах. Иногда Сталин звонил раньше мне, а в другой раз раньше

командующему. Никакого "порядка" тут не было, да и быть не могло. Хотел бы,

чтобы меня правильно поняли: вот, дескать, звонил ему Сталин. Мол, Хрущев

выпячивает себя. Нет, не выпячиваю. Ведь я был членом Военного совета фронта

и членом Политбюро ЦК партии. Сталин меня хорошо знал и считался со мной,

даже несмотря на свое бешенство в моменты тяжелейшего положения для страны,

когда он незаслуженно переносил свое настроение на меня и других, когда

искал "козла отпущения". А тут вот как раз Первый секретарь ЦК КП(б)У, член

Политбюро, член Военного совета фронта. Имелось на кого валить все беды. Не

возьмет же на себя Верховный главнокомандующий провалы, которые мы терпели

до Сталинграда. А сейчас уже стиралась горечь наших поражений.

В принципе Сталин относился ко мне с доверием. Он часто звонил мне и

спрашивал о моем мнении. Так было и в Сталинграде, и на юге, и на Курской

дуге. На Курской дуге состоялась решающая, переломная битва, которая

определила крен стрелки истории войны в пользу Красной Армии, и далее эта

стрелка уже не меняла направления, твердо показывала путь полного разгрома

гитлеровской Германии, курс на торжество нашего народа. Красной Армии,

советской идеологии, нашей Коммунистической партии!.. Я допустил здесь такое

отступление от темы с тем, чтобы верно поняли мои слова и не говорили, что

вот, мол, он якает. Нет, уважаемые друзья, не якаю, а просто рассказываю

так, как было.

Когда Сталин позвонил, я сообщил ему еще раз о том, что поведал нам

немецкий солдат. Он выслушал меня спокойно, и это мне понравилось; не

проявил ни грубости, ни резкости. Обычно он был резок, угловат, даже при

хорошем настроении. Черт его знает, почему. Будто его постоянно кто-то за

нитку дергает, связанную с главным нервом, и выводит из равновесия. Хотя

иной раз он умел сдерживать себя и маскировал свое настроение. И то, и другое

у него было развито в сильной степени. Все это проявлялось постоянно: одно

начало, которое противоречило другому. Но он владел собой, когда хотел.

Одним словом, это была сильная личность, сильный человек.

Сталин спросил меня: "А как вы там сами чувствуете ситуацию? Какова ваша

уверенность в успехе?". Отвечаю: "Мы с командующим обменялись мнениями и

солидарны, чувствуем себя хорошо, уверенно. Мы даже довольны, что немцы

завтра перейдут в наступление". "Почему?". "Потому что они станут лезть на

наши укрепления, а наши укрепления солидные, и у нас существует уверенность

в том, что мы на этих укреплениях заставим врага положить свои силы и истечь

кровью. У нас пока недостаточно сил для наступления, мы не получили еще то,

что нам было положено иметь по плану к 20 июля. Поэтому сами наступать мы

еще не готовы, но оборону держать готовы: обороняться можно и при меньшей

силе. Это мы уже на практике усвоили, а не только в теории. Поэтому мы так

уверены. Хорошо, что враг будет наступать, а мы его побьем". "Мы тоже имеем

сведения, что завтра против вас начнется наступление". На этом разговор

закончился.

Напоминаю (я уже говорил об этом), что по плану первыми должны были

наступать войска Рокоссовского, а уступом, спустя какое-то время, мы.

Артиллерийский корпус резерва Верховного Главнокомандования уже занял

севернее нас свои позиции. А противник-то начал наступать сразу против нас и

Рокоссовского одновременно. Таким образом, Рокоссовский оказался в более

выгодном положении. Так как он по плану должен был наступать первым, то

первым получал и пополнение, и боеприпасы, и все остальное. Для чего я

ссылаюсь на это? Чтобы читатель понимал, почему это обернулось на какое-то

время против нас с Ватутиным. Противник, когда стал наступать, прорвался на

нашем направлении глубже, чем у Рокоссовского, который был лучше

подготовлен. А у нас еще оставалось 15 дней до нашего наступления; согласно

плану, мы имели в резерве время. И вдруг оно сократилось, враг упредил нас.

Это очень большой срок, с точки зрения подброски пополнения и прочего на

передний край.

Кто же командовал войсками на нашем фронте?
Командующим артиллерией был

генерал Варенцов, начальником штаба фронта - Иванов,
начальником ВВС -

генерал Красовский. Вот вчера лишь, при вручении Почетного
Красного Знамени

Военно-воздушной академии имени Гагарина, я имел
возможность увидеть по

телевизору, как пополнял маршал авиации Красовский. Ему уже
за 70, а он еще

руководит академией... Кто же был у нас командующим
бронетанковыми войсками?

В 1942 г. был один армянин, хороший генерал. Потом его ни за
что арестовали

и, по-моему, расстреляли. Я очень высоко ценил его
деятельность и с

уважением относился к нему. Его фамилия - Тамручи. Как-то я
его спросил:

"Судя по фамилии, вы итальянец или грек?". Он засмеялся:
"Армянин, товарищ

член Военного совета". Вообще на нашем фронте воевала тогда большая группа

армян. Хорошие были генералы.

Потом у нас стал начальником бронетанковых войск Штевнев (26). Он погиб,

и в какой-то степени по собственной вине. Ему надо было бы отъехать на

несколько километров поглубже в тыл от дороги, по которой он ехал. Дорога,

которую он избрал для переезда из одной части в другую, простреливалась

артиллерией противника. А он, махнув рукою, сказал: "Проскочу!". И не

проскочил. Его расстреляла буквально в упор артиллерия противника. Штевнев

тоже был хороший генерал. Вообще начальники бронетанковых и других родов

войск у нас, с которыми я встречался, соответствовали своим назначениям,

понимали дело и правильно руководили боевой техникой. И мне обидно, что я

сейчас не припоминаю фамилии следующего командующего бронетанковыми войсками

Воронежского фронта. А ведь я всегда питал большую слабость к этому роду

войск. Но вот случается порою так, что выскочит фамилия из головы...

Мы с Ватутиным, обдумывая план действий по отражению немецкого

наступления, обсудили и предложение командующего 6-й Гвардейской армией

Чистякова. Тот предложил: "Давайте в 21.00 сделаем артиллерийский налет на

позиции противника, с тем чтобы незадолго перед его наступлением нанести ему

урон". Я высказался так: "Лучше не будем наносить артналет в 21.00. Сколько

можем мы вести артиллерийский огонь с учетом наличия нашего боезапаса?

Несколько минут. Мы ведь не в состоянии долго стрелять, выбрасывать снаряды.

Они нам потребуются назавтра, когда противник начнет наступать. А тут мы

станем стрелять лишь по площадям. Это невыгодный расход боеприпасов. Давайте

сделаем артналет, но за несколько минут до вражеского наступления, около 3-х

часов". У меня имелись такие соображения: к этому времени солдаты врага уже

будут на исходных позициях, а не сидеть в траншеях, и не будут укрыты; его

артиллеристы тоже займут свои места у орудий. Все его люди выползут из

подземелий и станут ожидать в открытом поле сигнала к действиям. Если в это

время сделать хороший артиллерийский налет, то мы получим большой эффект,

нанеся урон противнику в живой силе и выведя из строя часть его техники.

Безусловно, как-то нарушится при этом и связь, которая имеет большое

значение при проведении операции. Ватутин согласился со мной. Так мы и

решили поступить, подготовились и стали ждать 3-х часов.

Хотел бы сделать теперь некоторое отступление перед тем, как описать

решающий поединок двух сторон в 1943 г. на нашем направлении, который в

смысле общего военного значения и прямых результатов боев стал историческим,

и не только для нашего направления, а вообще для всей Красной Армии и судьбы

СССР. Хочу рассказать о том, как все мы, и я в том числе, переживали, когда

читали в газетах о том, что на таком-то участке фронта, в таких-то частях

дали концерт для бойцов, выступали там-то такие-то артисты и такие-то

писатели. Более всего это относилось к войскам Западного фронта, которые

почти стояли на месте, защищая Москву в 1942 и в 1943 годах. У нас возникли

зависть к ним и непонимание: идет война, а они слушают песни, смотрят на

танцы? В 1942 г. на южном направлении нам было не до песен и не до танцев.

Головы не могли поднять, взглянуть на небо, потому что все время противник

проводил активные операции, наносил нам большой урон и непрерывно

продвигался вперед. Мы же оборонялись, отступали, а порою и бежали. Он

оттеснил нас к Волге и продвинулся чуть ли не до Каспия. Только теперь,

перед наступлением немцев 5 июля, и мы немного вкусили от этого

развлекательного плода, когда стояли в обороне и проводили работы по

укреплению своих позиций. К нам тоже стали приезжать люди из Центра, доклады

делали. Тогда был установлен персональный состав всех докладчиков -

"пламенных ораторов". Вот и приезжали к нам "пламенные ораторы". А пламя это

надо было раздувать мехами, чтобы оно стало ярким. Получалось не у всех. Но

все равно докладчик считался пламенным! Не знаю, кто выдумал это выражение:

пламенный оратор. Потом стали приезжать и артисты, давали концерты. Одним

словом, проводилась культурно-массовая работа.

В то время у нас начальником Политуправления фронта был генерал Шатилов

(27). Я хорошо знал Шатилова еще по своей работе в Москве. Он трудился тогда

на Электrozаводе, занимался там агитмассовой деятельностью, потом работал в

горкоме или в Сталинском райкоме партии. Одним словом, это был московский

партийный работник. А потом стал начальником Политуправления нашего фронта,

и вся партийно-агитационная массовая работа в значительной степени лежала на

его плечах. Только в 1943 г. я смог понять, что значит - долго стоять в

обороне и какие это предоставляет возможности для организации партийной и

агитмассовой работы среди воинов.

Наступило 4 июля. Дело шло к вечеру. Мы с Ватутиным нетерпеливо ждали

рокового часа, установленного Гитлером для нашего фронта. Я мог тогда

вспомнить генерала Туликова. Когда штаб фронта стоял в 1941 г. под Киевом и

немецкая авиация бомбила его расположение, начальник штаба Тупиков,

расхаживая по комнате, напевал арию из оперы Чайковского: "Что день грядущий

мне готовит?". Сейчас и мы с Ватутиным могли тоже затянуть эту арию.

Конечно, мы были уверены, что день грядущий готовит нам успех. Но, как

говорят украинцы, "не кажи "гоп" пока не перескочишь". Поэтому естественной

была и тревога за то, как пройдет начало вражеского наступления, как удастся

нам его остановить, а потом перейти в контрнаступление.

Без пяти минут 3 Варенцов отдал приказ произвести артиллерийский налет на

позиции противника, выпустив по сколько-то снарядов из каждого орудия в

полосе 6-й и 7-й Гвардейских армий. О результатах мы узнали позже. А ровно в

3 часа утра немецкая аккуратность "не подвела": задрожала земля, загудел

воздух. Такого я раньше никогда не наблюдал. Я пережил отступление, и сами

мы наступали, но такого огня прежде не встречал. Позднее мы сами тоже давали

огонька, может быть, и побольше. Но для 1943 г., надо признать, противник

организовал чрезвычайно мощную артиллерийскую подготовку. Его авиация тоже

стала громить наш передний край. Немцы использовали в те часы всю свою

авиацию только на переднем крае, с задачей сломить наше сопротивление,

стереть в пыль наши укрепления, смешать все с землей и расчистить путь

танкам, чтобы рвануться на Курск и окружить советские войска внутри дуги.

Тем самым они хотели повторить или даже осуществить в еще большей степени

то, что сделали с нашими войсками в 1942 г. на направлении Барвенково -

Лозовая.

Несколько позже, когда уже мы наступали, разгромили танковую дивизию

врага и захватили ее штаб, командиру этой дивизии удалось спрятаться в

пшенице. Мы его так и не поймали, хотя очень охотились за ним. Зато

захватили тогда штабные документы и карту. На ней было помечено расположение

наших частей и воткнул флажок в место, на котором был отмечен штаб

Воронежского фронта. Значит, враг знал расположение нашего штаба, но не

бросил туда ни одной бомбы, не послал для бомбежки ни одного самолета. Я

объясняю это тем, что немцы были уверены в успехе и проигнорировали факт,

что штаб окажется в состоянии нормально вести работу, его деятельность не

будет дезорганизована и связь не будет разрушена. Они считали, что главное -

разрушить оборонительные позиции, взломать передний край, разгромить там

наши войска и расчистить путь для своих танков, а все остальное рухнет само

собой. Действительно, они зверски рвались вперед, использовали все шансы,

все поставили на карту, чтобы решить поставленную задачу.

Земля дрожала от разрывов снарядов и бомб, воздух гудел

от слитного

звучания самолетов бомбардировочной авиации и истребителей прикрития. Наши

войска были готовы к отражению удара. Завязался бой, тяжелый бой. Немцы

лезли, как могут это делать только они, люди высокой дисциплины. Или же они

применяли какие-нибудь одурманивающие средства для своих солдат (об этом

много тогда говорили), но упорство в наступлении проявили очень большое.

Наши войска сначала держали свои позиции. Однако количество огня постепенно

ломает даже сталь, а не только людей, которые закопались в землю. И первая

полоса обороны была прорвана. Мы это предвидели. Поэтому и построили три

полосы обороны. У нас оставались еще вторая и третья полосы. Поэтому начало

битвы нас не обескуражило. Мы знали, что враг положил много войск и техники

при прорыве переднего края. О бегстве наших войск никаких разговоров даже не

возникало. Наши солдаты дрались до последнего, умирали, но не бежали. Здесь

был проявлен истинный героизм, не газетный, а настоящий.

К нам опять прилетел Василевский. Кажется, на второй день немецкого

наступления. Мы всегда встречали его любезно, потому что это

человек особого

склада характера. Разговаривать с ним было приятно: он не повысит голоса, не

накричит, а беседа всегда велась им не вообще, но по существу обстановки,

которая складывалась. Было приятно чувствовать человеческое понимание,

человеческое к тебе отношение, особенно в трудную минуту обороны. Между тем

стали мы брать наступающих понемногу в плен. Мне доложили, что захватили

среди других артиллерийского офицера. Говорю Василевскому: "Давайте,

допросим его". Привели высокого, стройного молодого человека, видимо, с

неважным зрением, в пенсне. Я захотел получше расположить его к себе, чтобы

он что-нибудь сказал нам пооткровеннее. Спрашиваю: "Как же вы так оплошали и

попали в плен?". Отвечает: "Так уж сложилось, я плохо вижу. Увлёкся я,

переправлял через противотанковый ров свою артиллерию, а ваши пехотинцы

схватили меня, вот и оказался я в плену". Потом я стал ему задавать вопросы

о составе немецких войск. Тогда он взглянул на меня и говорит: "Я офицер

немецкой армии и просил бы таких вопросов мне не задавать. Не буду отвечать

ни на один вопрос, который можно было бы использовать во вред Германии". И

мы с Василевским не стали больше ему задавать вопросов, а сказали: "Вы

будете отправлены, куда следует". Он испугался. Наверное, подумал, что это

означает расстрел. Однако его отправили на допрос к нашей войсковой

разведке, а оттуда в лагерь для военнопленных. Меня это, впрочем, не

касалось. Я тогда даже не знал толком, куда отправляют пленных. Да меня это

особенно и не интересовало.

Сражение разгоралось. У нас с Ватутиным стала проявляться тревога: мы все

же не ожидали такого нажима. Чрезвычайно встревожило нас известие, что

появились какие-то новые танки противника с такой броней, которую не берут

наши противотанковые снаряды. Дрожь прошла по телу. Что же делать? Мы отдали

распоряжение, чтобы артиллерия всех калибров била по гусеницам. Гусеница у

танка всегда уязвима. Если и не пробьешь броню, то гусеницу снаряд всегда

возьмет. А перебил гусеницу, и это уже не танк: вроде неподвижной

артиллерии. Появится облегчение. Наши стали именно так и действовать, причем

довольно успешно. Одновременно мы начали бомбить танки с воздуха. И тут же

доложили в Москву, что встретились с новыми танками. Немцы назвали их

"тигры". Доложили мы в Центр и о технических характеристиках этих танков. Мы

узнали их, потому что наши солдаты захватили один или несколько подбитых

"тигров". Нам вскоре прислали новые противотанковые снаряды, которые

поражали броню "тигров", кумулятивные снаряды, прожигавшие металл. Однако

"тигры" успели поколебать уверенность действий нашей противотанковой

артиллерии. Мы-то считали, что все нам нипочем и разгромим немецкие танки. А

новый танк внушал к себе уважение, требовал к себе особого отношения со

стороны наших войск.

Вообще очень важные происходили тогда события. Решалась судьба войны, да

и судьба страны. Много неприятно сейчас вспоминать. И обстановка сейчас

другая, и время другое, и мое положение. Теперь я - не то, что тогда, когда,

получив донесение, должен был быстро реагировать, найти какой-то выход,

противопоставлять противнику свое решение, свой ответный ход. Теперь я не

тороплюсь.

Бои на Курской дуге усиливались. Противник проявлял упорство и

продвигался вперед, хотя и медленно. Он вынуждал наши войска отступать. Да,

советские люди стояли там насмерть, но силы у противника было сначала

побольше. Мы не смогли удержаться на первом рубеже, отошли на второй рубеж,

где продолжали стой же стойкостью оказывать сопротивление. К этому времени

наши войска научились подбивать "тигров", по тому времени наиболее мощные

танки. Правда, они были несколько громоздкими, но имели мощную лобовую

броню. Сначала мы били только по гусеницам. А потом, как я уже сказал, нам

прислали термитные снаряды, которые прожигали броню. Стали активно

использовать против "тигров" авиацию, в первую очередь штурмовую. Первый

шок, который вызван был появлением новых танков, прошел. Мы увидели, что

"тигр" подчиняется нашему огню.

Тем не менее враг оттеснил нас и к третьему рубежу обороны. Три ее

полосы, включая последнюю, имели противотанковые рвы, различные земляные и

полевые укрепления, особые позиции для пехоты, артиллерии и

танков. И почти

**все это он за неделю преодолел, пока не уперся в тыловую
армейскую полосу**

**обороны. Особенно острой сложилась ситуация у станции
Прохоровка, в**

направлении на Курск.

**Примерно в это же время или немного раньше к нам
обратилась Ставка с**

**таким делом (разговаривал со мною Василевский, но ссылался
на Сталина):**

**надо, чтобы у нас прошел боевую стажировку генерал армии
Апанасенко; пусть**

**прибудет на Воронежский фронт; но вот Ватутин возражает. И
Василевский стал**

**уговаривать меня: "Ни один командующий не хочет его
принять. Все**

**отказываются, поэтому я решил позвонить вам и попросить,
чтобы вы**

**согласились принять его. Апанасенко - человек с большим
опытом, герой**

**гражданской войны, но у него тяжелый характер и высокое
самолюбие. Поэтому**

**все командующие отказываются". Действительно, всех
командующих фронтами**

**Апанасенко рассматривал как людей, ниже его стоящих,
хотя бы по**

**революционным заслугам. Он провел всю гражданскую войну
на коне, боевой**

человек, а кто такие эти новенькие? Но сейчас они заняли

высокое положение,

он же торчит без дела на Дальнем Востоке (28). Это и играло роль в его

отношении к людям. Я лично с ним никогда не встречался, хотя слышал об

Апанасенко. Говорю: "Пусть приезжает". Тот приехал.

Когда мы в Киеве работали вместе с Тимошенко, а Тимошенко по 1-й Конной

армии хорошо знал Апанасенко, он мне рассказывал о нем. Насколько у меня

отложилось в памяти, якобы когда казнили Тухачевского и других славных

командиров Красной Армии, то допрашивали и Апанасенко. На него тоже пало

какое-то подозрение. Тимошенко говорил, что с Апанасенко беседовал Сталин и

что Апанасенко сознался, будто состоял в какой-то заговорщической группе.

Сталин взял с него честное слово, простил, послал в Среднюю Азию. Там он

занимал крупный командный пост. Потом стал командующим войсками на Дальнем

Востоке. Значит, ему уже доверяли. Оттуда он и прибыл к нам.

Апанасенко произвел на меня хорошее впечатление. Роста он был

гигантского, плечистый, грузный, уже человек в годах. Занял пост заместителя

командующего войсками фронта, а сначала был прикомандирован к командующему

для особых поручений, что фактически одно и то же. Нас предупредили, что он

должен стажироваться, понюхать порох Второй мировой войны. Он знал Первую

мировую войну. Гражданскую, но не знал пока второй мировой. А это совершенно

другая война, и по-другому она протекала. И вооружение иное, и тактика иная,

и условия изменились. Мы посылали его по армиям, как бы познакомиться.

Прежде всего направили в 6-ю Гвардейскую, потому что там возникло особенно

напряженное положение.

Он меня немного удивлял своим поведением, и мы с Ватутиным за глаза

подшучивали над ним. Как-то он поехал в какую-то часть, ознакомился с

положением и прислал телеграмму: "Вот то-то и то-то осмотрел, попробовал

солдатский борщ. Борщ отличный. Генерал армии Апанасенко". Мы долго

смеялись. Я впервые встретился с таким актерским приемом поведения. Ни у

кого другого я не замечал такой манеры вести себя. Он, так сказать, немножко

рисовался. Ну и пусть! Затем и на другие участки фронта мы его посылали,

когда там завязались усиленные бои. Он направлялся нами туда, где

складывалось самое опасное положение. Это естественно.
Такой крупный

военачальник мог оказать помощь командующему армией.

Нам требовалось много пополнения и подкреплений. И их в ту
пору Ставка

сейчас же давала. Мы получили 10-й танковый корпус. Потом
еще один танковый

корпус, командовал которым Полубояров. Но он действовал в
полосе Степного

фронта. Сейчас Полубояров - начальник бронетанковых войск
Советской Армии.

Мы тогда сначала его корпус поставили в тылу, западнее
Воронежа. Потом нам

дали 5-ю Гвардейскую армию, крепкую, полного состава, с
хорошо обученной

молодежью. Командовал ею генерал Жадов. Ее мы
поставили так, чтобы

использовать против правого фланга немецкого наступления.
Еще мы получили

5-ю Гвардейскую танковую армию. Командовал ею генерал
Ротмистров (29). О нем

я уже рассказывал в связи со Сталинградской битвой. Он
приехал к нам как

старый знакомый. Я относился к нему с большим уважением и
высоко ценил его

знания и военные способности. 5-ю Гвардейскую танковую
армию мы расположили

так, чтобы рядом с 5-й Гвардейской тоже нанести фланговый
удар по немецким

войскам. Когда враг проявил такое упорство в наступлении, а наши войска

упорствовали при удержании своих позиций, перемалывая живую силу и технику

врага, мы приняли решение ударить немцам именно во фланг, а не в лоб,

считая, что скорее сумеем свернуть как раз фланг противника, потом

дезорганизовать сбоку его наступление и самим перейти в контрнаступление.

Но бывает и такое совпадение. Немцы тоже решили ударить по нашему флангу,

только левому, то есть на восток. Там у нас вначале силы имелись небольшие:

стояла на Северском Донце одна 69-я армия. Получилось, что наше решение и

решение противника территориально совпали. Произошел встречный танковый бой.

Рядом сражалась армия Жадова. Я находился как раз в ней. Ранее тоже

встречался с Жадовым, но был с ним слабо знаком. Завязались очень упорные

бои по верхнему течению Псела. К нам приехал Жуков. Мы с ним решили вдвоем

поехать в танковую армию к Ротмистрову, в район Прохоровки. Прибыли в

расположение штаба, прямо в поле, в посадках, не то в каком-то кустарнике.

Служб никаких там не имелось - только сам Ротмистров да офицеры для

поручений и при них связь. Дорога туда вела накатанная. Но нас предупредили,

что она обстреливается и усиленно бомбится противником. Мы с Жуковым

переглянулись, однако делать нечего. Решили проскочить. Приказали шоферу

дать газу и проскочили, реальной опасности не встретили.

У Ротмистрова разгорелось сражение. На поле виднелось много подбитых

танков - и противника, и наших. Появилось несовпадение в оценке потерь:

Ротмистров говорил, что видит больше подбитых немецких танков, я же углядел

больше наших. И то, и другое, впрочем, естественно. С обеих сторон были

ощутимые потери. Потом я еще раз съездил туда, уже без Жукова, который

возвратился в Москву. Несколько раньше меня к Ротмистрову заехал Апанасенко.

Я встретил там его, когда меня привел к нему офицер связи в небольшую

деревушку в лощине, неподалеку от воды. Крестьяне издревле выбирали для себя

место около воды. Там я застал картину, которая произвела на меня

впечатление театрального представления. Около хаты стоял столик, покрытый

кумачом. На столе - телефон. Апанасенко сидел за столиком в бурке,

наброшенной на плечи. И все это - около самого переднего края. Вражеские

снаряды и болванки летели через дома деревни, визжали и завывали. У

металлических болванок был характерный вой; потом они шлепаются без разрыва.

К тому времени наше положение ухудшилось. Мы исчерпали свои резервы, хотя

не знали, что имелись еще резервы Верховного Главнокомандования. Потом уже

нам сказали, что за нами стоят армии Степного фронта, которыми командовал

Конев. Добавили, что 47-я армия этого фронта поступает в наше распоряжение.

Это произошло, когда враг отеснил нас уже километров на 35 на север и когда

мы выдохлись. Я поехал к Катукову. Его войска оседлали шоссе Белгород -

Курск и удерживали его южнее Обояни. Там же находился штаб 6-й Гвардейской

армии, потому что Катуков и Чистяков занимали по фронту и в глубину одну

полосу: танковая армия была придана на усиление 6-й Гвардейской как

подвижная артиллерия. Там я встретился сразу с обоими командирами. Положение

складывалось тяжелое, Москва проявляла нервозность. Помню, как перед моим

отъездом к Катукову мы с Ватутиным разговаривали со Сталиным. Потом взял

трубку Молотов. Молотов всегда в таких случаях вел разговор грубее, чем

Сталин, допускал оскорбительные выражения, позволял себе словесную

бесконтрольность. Но чего-либо конкретного, кроме ругани, мы от него не

услышали. Он ничем не мог нам помочь, потому что в военных вопросах был

нулем, а использовался в таких случаях как бич, как дубинка Сталина. В

оскорбительном тоне он говорил с командующими, а потом и со мной. Не хочу

допускать в свою очередь неуважительных выражений в его адрес, потому что

при всех его отрицательных качествах Молотов по-своему был честен, а его

преданность Советской власти не дает мне права отзываться о нем плохо, когда

речь идет о войне. В кризисные моменты он проявлял грубость, но в спокойной

обстановке - нет, и я понимал, что в те часы он мог только ругаться.

Положение-то сложилось грозное. Вот тогда я и выехал на главное направление,

к Чистякову и Катукову. Сил у них было уже мало. Армию Катукова потрепали.

Не помню, сколько она к тому времени насчитывала в своем составе танков.

Шутка ли сказать: три полосы обороны, где были почти сплошь расположены

танки, противник прогрыз. Но за последней полосой наши войска закрепились, и

враг не смог продвинуться дальше. Он и сам выдохся. Фронт становился не то

чтобы стабильным (потому что никакая сторона не добивалась там перехода к

обороне), а обоюдно обессиленным.

К нам попали в плен два немецких летчика. Пилотировали они одноместные

самолеты, не помню, какой марки, старые тихоходы, вооруженные

мелкокалиберными пушками. Это были воздушные истребители танков. Одному из

летчиков было лет за 40, другой - молодой, вероятно, богатый человек, потому

что все на нем было, судя по качеству и виду, не стандартное, а

приобретенное за собственные средства. Первый же был попроще, хотя по

воинскому званию старше. Он обгорел, у него были обожжены пальцы и лицо, а

другой совершенно не тронут. Я допрашивал обоих. При допросе они оказали

разное "сопротивление". О молодом мне доложили наши разведчики, которые

раньше его допрашивали, что он ничего не скажет: это фашист, верящий в

Гитлера и в победу германской армии. Его даже припугнули, чтобы он поддался,

но тот ответил, что готов принять смерть за Гитлера, немецкая армия победит,

а вы будете разбиты. Потом мне он повторил то же самое. Я недолго с ним

возился, и его увели.

Стал беседовать со старшим. Это был иной, морально разбитый человек. Я

ему предложил: "А вы не смогли бы написать письмо к вашим летчикам и

обратиться к ним с листовкой антигитлеровского содержания?". Он ответил:

"Как же я напишу?" - и руку показывает. - "Я не могу владеть рукой, она вся

у меня обожжена". Я ему: "Вы будете диктовать". Одним словом, он согласился.

Думаю, впрочем, что мы эту листовку не распечатали, потому что решали

главный вопрос, а на листовки мало возлагали надежд. Надо было физически

разгромить противника. Говорю это к тому, что в то время даже среди летного

состава германских войск появились люди, которые не проявляли моральной

устойчивости и были надломлены, потеряв веру в победу немецкого оружия.

Многого я сейчас уже не помню, но и не стремлюсь дать точную картину

перемещения воинских частей и хронологию проведения операций. Все это

изложено в мемуарах генералов, у каждого - по своему участку, и в

опубликованных оперативных документах. Из них точно известно, когда

противник выдохся, когда мы задержали его продвижение и сами перешли в

наступление. Мне же хочется рассказать о своем восприятии тех событий, о

каких-то запавших мне в память фактах, об интересных людях, о том, что я

чувствовал в те дни.

Итак, мы стали теснить противника на главном направлении, а оно

определяло положение на всем фронте. Не помню, сколько километров мы прошли,

когда передвинули штаб, и я переехал вместе с ним. Новый полевой штаб

организовали в землянке. Почти тут же разместились штабы 6-й Гвардейской и

1-й танковой армий, штабная землянка расположилась на кургане, и мы могли

наблюдать за ходом боя, находясь на фланге войск, которые непосредственно

сражались. Смотрели мы сверху вниз вместе с Чистяковым, Катковым и Попелем,

и все очень хорошо было видно, как на ладони: и действия наших танков, и

действия танков противника, и поведение пехоты. Самолеты противника

кружились над нами. Не знаю, заметили ли они нас, но бомбы бросали. Правда,

не попали, и мы отделались лишь некоторым волнением.

Помню и первую ночь, когда приехали сюда, на новое место. Очень близко

сидит противник. Буквально у него под носом наша землянка. Сохранился в

памяти и командующий артиллерией 6-й Гвардейской армии. Очень был хороший

артиллерист. Он, бедняга, погиб, когда мы освободили Киев, а погиб глупо:

ехал на мотоцикле и перевернулся, получил сотрясение мозга, пролежал в

госпитале несколько дней и умер. Очень я жалел его, в госпиталь тогда к нему

ездил. Хороший был генерал. Не помню его фамилию, но держу в памяти его

слова: "Ну, товарищи, как спать будем ложиться? Штаны будем снимать или

ляжем в штанах?". Это он - в том смысле, что ночью все возможно, противник

может какую-нибудь вылазку предпринять, тогда мы или погибнем, или будем

поспешно удирать. Впрочем, не помню, кто из генералов раздевался, а кто

ложился одетым. Солдаты нарвали нам полыни (хорошее средство летом от блох),

и мы на ней отдыхали.

Мы много сил перетянули на главный участок из 38-й и

других армий,

которые стояли на западе, на правом фланге, где не велось активных действий.

И все же были сильно истощены, понесли много потерь. Из войск я возвращался

всякий раз в штаб фронта, к Ватутину. Он сидел там как часовой и управлял

войсками. Я верил ему, уважал его и знал, что он сделает все, что следует

командующему.

А теперь вспомнил еще один эпизод. После войны данный случай при рассказе

звучал даже забавно. Апанасенко находился на командном пункте 6-й

Гвардейской армии. Вдруг звонит Чистяков и говорит, что противник очень

близко подошел к расположению командного пункта, и я прошу разрешения

перенести командный пункт на запасной, который оборудован ранее. Однако

связи с запасным пунктом пока не было, поэтому мы с Ватутиным сказали ему:

**"Нет, держать оборону и командный пункт не переносить!".
Через какое-то**

время опять звонит Чистяков и вновь настойчиво просит. Мы ему опять

отказали. Тогда позвонил Апанасенко и сказал, что он с командармом рядом,

присоединяет свой голос и тоже просит разрешения перенести

командный пункт:

"Я сам вижу, как танки врага лезут буквально на командный пункт. Мы можем

попасть в плен". Мы обменялись мнениями: "А вдруг им нечем отбить атаку

танков? Может быть, все люди у них на переднем крае. Им-то виднее, чем нам".

И решили: пусть командующий армией и Апанасенко едут на новый командный

пункт, а там останется начальник штаба, пока не заработает надежно связь с

новым командным пунктом. Начальник штаба остался, а эти вдвое уехали.

По приезде на новый пункт они должны были сейчас же связаться с нами и

доложить, что взяли связь на себя и могут управлять войсками. Но нет звонка

ни от Чистякова, ни от Апанасенко. Зато начальник штаба 6-й Гвардейской со

старого командного пункта регулярно докладывает нам о том, что он сам видит

и что ему доносят. Это длилось много часов. И потом мы стали выяснять, в чем

же дело. Оказывается, это наши танки отходили, а их приняли за танки

противника. Хорошо, впрочем, что начальник штаба Пеньковский уцелел. Я далек

от мысли в чем-либо заподозрить Чистякова и Апанасенко. Не хочу, чтобы меня

так поняли. Всякое бывает на фронте. Случается, что люди героического склада

характера, отлично показавшие себя не в одном бою, вдруг нервничают,

ошибаются. А могла иметь место простая ошибка.

Когда мы уже гнали врага на всех участках, выталкивая его, как поршнем,

из мест, куда он пробился после 5 июля, произошел нелепый случай. Апанасенко

поехал к Ротмистрову, и вскоре нам донесли, что Апанасенко убит. Доложили,

что он погиб при следующих обстоятельствах: стояли в поле и разговаривали

Апанасенко и Ротмистров, рядом находились сопровождающие. Пролетел немецкий

самолет, бросил бомбу. Она разорвалась довольно далеко, но осколок попал в

Апанасенко и сразил его наповал. Из всей группы лиц пострадал он один. В

кармане у него нашли записку, которая осталась мне непонятной. В ней

содержались заверения в его преданности Коммунистической партии. Он излагал

свои чувства. Я не понимаю этого: зачем носить в кармане на войне записку, в

которой описываются верноподданнические чувства? Ничего подобного я не

встречал ни раньше, ни позже. Сам же Апанасенко своим поведением производил

на меня впечатление артиста, который все время играет, любит свои

действиями. Возможно, он обдумывал, какое это произведет впечатление на

того, кто прочитает, если записка попадет в другие руки? Или же она была

следствием тех потрясений 1937 г., о которых мне рассказывал в связи с ним

Тимошенко?

Приехала его жена. Я познакомился с ней. Мне сказали, что она актриса

какого-то театра. Она настойчиво просила, чтобы его прах отправили

похоронить в Ставрополь, на родину покойного. Я долго уговаривал ее не

делать этого: "Лучше похороним его здесь, в районе Прохоровки. Тут произошла

великая битва, ее будут помнить в веках". Может быть, несколько нескромно

было мне говорить это, потому что я тоже был как бы солдатом той "роты",

которая там дралась. Солдат говорит: самая боевая та рота, в которой он

служит. "Что может быть почетнее для боевого генерала, каким являлся

Апанасенко, чем быть похороненным здесь? К этому месту будут приходить наши

люди и отдавать долг павшим". Жена сначала согласилась, и мы похоронили

генерала там, где он пал. Но потом она опять подняла этот вопрос, и тело

было перенесено оттуда и перезахоронено в Ставрополе.

Вернусь к боевым действиям. На Центральном фронте, против войск

Рокоссовского, немцы тоже продвинулись, но меньше, чем у нас. В те времена

кое-кто делал неправильный и обидный вывод: вот в вашем направлении

противник продвинулся дальше! Но этого мало, чтобы говорить об умении

командующего организовать оборону и управлять войсками. Сейчас не могу

сказать, какое было соотношение сил на нашем направлении и у Рокоссовского,

которого я очень уважал и уважаю сейчас. Я считаю его одним из лучших

командующих войсками. И как человек он мне нравился. Особенно нравилась его

служебная порядочность. Не хочу возвышать кого-то с тем, чтобы кого-то

унизить, или наоборот. Надо всем отдать должное в таком великом деле, каким

была битва на Курской дуге.

(1) Это произошло 16 февраля 1943 года.

(2) Генерал-лейтенант ГОЛИКОВ Ф.И. командовал войсками Воронежского

фронта до марта 1943 г., после чего был назначен заместителем наркома

обороны СССР по кадрам.

(3) Генерал-лейтенант ВАТУТИН Н.Ф. был начальником штаба Киевского

Особого военного округа в 1939 г., а перед Великой Отечественной войной

возглавил Оперативное управление Генерального штаба.

(4) В дальнейшем генерал-майор авиации ЦЫБИН Н.И.

(5) Генерал-лейтенант КОЗЛОВ Д.Т. командовал войсками Крымского фронта с

января 1942 г., а после оставления Керчи был командующим 24-й армией с

августа 1942 г. на Воронежском фронте с октября того же года заместителем

командующего войсками.

(6) БАЖАН Н.П., являвшийся с 1943 г. заместителем председателя Совета

Министров УССР, в те месяцы редактировал газету "За Советскую Украину".

(7) ГМЫРЯ Б.Р., бас, с 1936 г. был солистом Харьковского, а с 1939 г. -

Киевского театров оперы и балета.

(8) Вторично Харьков был сдан гитлеровским войскам 16 марта 1943 года.

(9) Белгород был оставлен 18 марта 1943 года.

(10) Пушечное вооружение, достаточное для противотанковых атак с воздуха,

в то время имели немецкие самолеты "Мессершмитт-109Е", "Фокке-Вульф-190А",

"Хеншель-129".

(11) Ею командовал тогда генерал-лейтенант ЧИБИСОВ Н.Е.

(12) 6-я Гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта ЧИСТЯКОВА

И.М. занимала позиции с 16 апреля 1943 г. у Томаровки и Бутово.

(13) Генерал-лейтенант Шумилов М.С. Его армия стала Гвардейской в апреле

1943 года.

(14) Генерал-майор КРЮЧЕНКИН В.Д. Во время гражданской войны он воевал в

составе 1-й Конной армии.

(15) Генерал-лейтенант МОСКАЛЕНКО К.С.

(16) Когда 47-я армия находилась в резерве, ею командовал генерал-майор

РЫЖОВ А.И. В июле 1943 г. ее возглавил генерал-майор КОЗЛОВ П.М.

(17) Генерал-лейтенант ТРОФИМЕНКО С.Г.

(18) Генерал-майор ПЕНЬКОВСКИЙ В.А.

(19) Село Бобрышево.

(20) Генерал-лейтенант ИВАНОВ С.П.

(21) Полковник ПЕНЬКОВСКИЙ О.В.

(22) Станция Александровский.

(23) Генерал-майор РЯБЫШЕВ Д.М., командир 8-го механизированного корпуса,

и бригадный комиссар ПОПЕЛЬ Н.К.

(24) Генерал-лейтенант КАТУКОВ М.Е. командовал 1-й танковой армией с января 1943 года.

(25) Генерал-майор КРАЙНЮКОВ К.В. служил тогда в 40-й армии.

(26) Генерал-лейтенант артиллерии ВАРЕНЦОВ С.С., генерал-лейтенант авиации КРАСОВСКИЙ С.А., генерал-майор ТАМРУЧИ В.С., генерал-лейтенант танковых войск ШТЕВНЕВ А.Д.

(27) Генерал-майор ШАТИЛОВ С.С. (по декабрь 1942 г. - бригадный комиссар).

(28) Генерал армии АПАНАСЕНКО И.Р. командовал с января 1941 г. войсками

Дальневосточного фронта, который был образован в 1938 г. С 1943 г.

заместитель командующего Воронежским фронтом.

(29) 17-й танковый корпус (командовал генерал-лейтенант ПОЛУБОЯРОВ П.П.),

в январе 1943 г., ставший 4-м Гвардейским танковым корпусом; 66-я армия

(командовал генерал-лейтенант ЖАДОВ А.С.), в апреле 1943 г. ставшая 5-й

Гвардейской армией; генерал-лейтенант РОТМИСТРОВ П.А. (он командовал этой

армией с февраля 1943 г.).

К ДНЕПРУ!

**Я уже рассказывал, как готовилась Курская битва.
Воронежский фронт должен**

**был перейти в наступление 20 июля, а противник перешел в
наступление еще 5**

**июля. Это - одно. Мы недополучили значительной части
подкреплений из тех,**

**что причитались нам по плану. Это - другое. Наступление
Рокоссовского должно**

**было начаться раньше нашего, а наступать он должен был с юга
на север, с тем**

**чтобы раздвинуть правый фас дуги. Кажется, он должен был
начать наступление**

**числа 15 или, может быть, даже раньше (1). Средства усиления
Центрального**

**фронта, которые были приданы ему в виде артиллерийского
корпуса Резерва**

**Верховного Главнокомандования, после использования
передавались нам. Для**

**этого требовалось какое-то время. Конечно, раз Центральный
фронт начинает**

**раньше, то он получает все, что ему по плану положено,
раньше нас.**

**Следовательно, к началу немецкого наступления войска
Рокоссовского имели**

больше, а мы меньше, потому что у нас еще оставалось время.

Артиллерийский

корпус уже находился на огневых позициях Рокоссовского, так что там

сложились идеальные условия для отпора противнику огнем.

Хочу объективно оценить сложившееся тогда положение, а не оправдаться как

член Военного совета Воронежского фронта; хочу для самого себя объяснить

происшедшее и правильно понять, как случилось, что противник на направлении

Рокоссовского углубился на меньшую глубину, чем у нас. Есть и другая

причина. Мне представляется, что против нас была сосредоточена более сильная

группировка противника. У него именно тут было направление главного удара.

Поэтому и больше сил было выставлено на этом направлении. Но точно я этого

не знаю, тем более что не знаю также, чем располагал фронт Рокоссовского.

Сейчас военному историку будет уже нетрудно разобраться, потому что стали

доступны все документы о численности и вооружении и нашей стороны, и

противника. Можно их проанализировать и более объективно подойти к оценке

сложившегося тогда положения и умения использовать имевшиеся средства во

время битвы. Если же кое-кто и пытался тогда (не через

печать, а в

разговорах) делать нам моральные уколы, то сейчас это уже отпало. Прошло

много лет, да и самое главное - битва-то была нами выиграна!

Какое тут подобрать подходящее выражение, которое отражало бы наш успех,

разгром врага на Курской дуге, не знаю! Еще после разгрома немцев под

Москвой они пустили в ход слух, что главный союзник русских - зима. Русские

зимой побеждают, потому что они в союзе с нею. Это ведь, мол, их зима!

Проведение зимних операций им легче, чем немцам, потому что эти условия для

них родные - обычный климат тех мест, где они живут. Наполеон, дескать, тоже

потерпел поражение зимой. Русские разбили ранней зимой Наполеоновскую армию,

теперь русские разбили немцев под Москвой тоже зимой. За это Гитлер и

сместил их главнокомандующего Браухича (2). Когда затем под Сталинградом мы

разбили колоссальную группировку Паулюса, то немцы тоже говорили, что во

всем виновата зима. Осенью окружили Паулюса, а зимой добились; значит, и тут

зима. Кроме того, как под Москвой, так и под Сталинградом велись затяжные

бои.

**Но совершенно другие условия были на Курской дуге. Лето!
Самое лучшее**

**время лета - 5 июля. Все цвело, все наливалось, если говорить
высокопарными**

**фразами. Во-вторых, здесь инициативу проявили сами
немцы: выбрали**

**направления для ударов и ударили, когда хотели. Поэтому
все средства,**

**которые они желали сосредоточить для достижения цели,
поставленной перед их**

**войсками на Курской дуге, они собрали. Таким образом, здесь
немцы уже не**

**могли сказать, что у русских был какой-то союзник вроде зимы.
Конечно, это и**

**раньше было не главным, но пускалось в ход ради
оправдания. А теперь**

**аргументы, которыми оправдывались в Берлине перед своим
народом за поражения**

**1941, 1942 и 1943 годов, отпадали. Инициатива во всем
принадлежала им: и в**

**выборе времени и места, и в накоплении необходимых средств,
все буквально**

**было в руках гитлеровского командования. И несмотря на
это, даже на**

возможность первым сделать выстрел, противник был разбит.

**Сосредоточение войск, особенно артиллерии, танков, другой
техники там**

**было колоссальным. К сожалению, я сейчас не располагаю
цифрами и не знаю, в**

каких работах наши военные историки собрали соответствующие данные и

сопоставили их. Когда я занимал положение Первого секретаря ЦК партии и

Председателя Совмина СССР, всегда предупреждал военных при изучении прошлого

и анализе боев меньше всего полагаться на воспоминания. Надо строго

руководствоваться фактическим материалом. Ведь сейчас все это доступно:

поднимите карты, сопоставьте силы, посмотрите, как они были расположены с

нашей стороны и со стороны противника, взвесьте получившееся, и будет видно,

где и как были проявлены умение, знания и способности того или другого

командующего. А если опираться только на воспоминания, то следует знать, что

очень трудно ожидать объективности от людей, которые лично участвовали в

операциях.

Я много времени провел на войне, знал многих командующих, у меня были

хорошие взаимоотношения с абсолютным большинством из них, хотя и возникали

трения. Без этого нельзя, я тоже не святой. Все люди - живые и все со своими

недостатками. Нельзя прожить жизнь, как говорится, без сучка и задоринки. Но

вообще-то я доволен теми людьми, с которыми работал на фронте. Почти всегда

мы находили общий язык. Говорю - почти, но мог бы даже сказать - всегда.

Появлялись иной раз какие-то разногласия, но сейчас не стану конкретно

говорить об этом, чтобы не углубляться в негативную сторону дела. Люди,

участвовавшие в тех боях, получили награды и соответственно отмечены, так

что ворошить "грязное белье" ни к чему.

Повторюсь: то была грандиозная битва. Враг утратил стратегическую

инициативу раз и навсегда, военное счастье больше к немецкому оружию не

возвращалось. Помню, когда я приехал к Ротмистрову (3), он показал мне

немецкий документ с приказом, который захватили, разгромив какую-то немецкую

часть. В нем содержались такие слова, обращенные к войскам: "Сейчас вы

ведете наступление и обладаете оружием, которое превосходит оружие русских.

Наши танки превосходят русские танки Т-34, которые до сих пор считались

лучшими. Сейчас вы получили немецкий танк "тигр", равного которому нет в

мире. Поэтому вы, воины немецкой армии, получив такое оружие, разгромите

врага" и пр. Действительно, танк был грозный, нужно отдать ему должное. Но

он не сыграл той роли, которую на него возлагал Гитлер. Наши войска быстро

научились бить "тигров". Даже когда снаряды еще не пробивали их броню, наши

бойцы находили уязвимое в них место и били по гусеницам.

Недавно я видел фильм. Там показывали, как девушку заставили, понимаете

ли, ползти по переднему краю и фотографировать "тигр". Но это -

художественное произведение; вольно же автору вкладывать в него свою

выдумку. А встретились мы с "тиграми" на Курской дуге в условиях, когда было

не до фотографий. Да и для чего его фотографировать, тоже непонятно. По

замыслу сценариста девушка хотела его сфотографировать, чтобы показать

место, куда следует стрелять. Оказалось, надо пробивать бок танка. Но танк

обычно движется к врагу не боком, а лбом. Поэтому мы дали директиву бить по

гусеницам. Гусеницы - не только самая уязвимая часть танка, но и

представляют хорошую мишень, потому что у "тигра" широкие гусеницы. В бок

бить, конечно, тоже хорошо: боковая броня в танке слабее, чем лобовая, но

бок не всегда подставляют противнику. Не хочу развивать эту тему, хотя

вольная выдумка художника противоречит, с моей точки зрения, действительным

фактам. Ведь плохо для картины, когда зритель начинает говорить, что вот

так-то не было, а было вот так-то. Мнения совпадают лишь в том, что немецкий

танк, действительно был грозен, но потом наши артиллеристы превосходно

справились со своей задачей.

Возвращаюсь к вопросу о значении битвы на Курской дуге. Первая осязаемая

победа на том направлении, где я был, имела место в 1941 г.: Ростов. Потом -

операция в районе Воронежа, Курска и Ельца. Потом, если говорить о другом

направлении, - Москва. Это была действительно грандиозная победа. Враг уже

совершенно был уверен, что захватит Москву, но потерпел поражение и был

отброшен на большую глубину. Потом - новые неудачи 1942 г., наше поражение

под Харьковом, продвижение противника, захват Ростова, продвижение на

Северный Кавказ и на Волгу. Затем - опять наши успехи, разгром врага под

Сталинградом и в результате крушение масштабного гитлеровского плана,

включавшего проникновение в Иран и в Индию. Однако фашисты еще не признали

себя побежденными, решили восстановить былую славу немецкого оружия и

вернуть себе стратегическую инициативу. Выбрали подходящее место и время,

сосредоточили все лучшее, что могли, против наших войск и провели операцию

на Курской дуге. Но в результате получили разгром своих войск и после этого

стали откатываться под ударами наших войск на обширном фронте.

Вернусь к Сталинграду. Мы там выбирали точку, где нам удобнее ударить.

Хотя это было и не главное, но значительным подспорьем явилось то, что мы

смогли решить, на каком направлении организовать удар и выбрать те войска,

по которым нужно ударить на этом участке фронта. Мы предпочитали, чтобы там

стояли не немецкие войска, а находились бы румыны или итальянцы, их

союзники. Когда мы наступали под Сталинградом, то против нас были румынские

войска, менее стойкие, менее организованные и хуже вооруженные. Внутренняя

устойчивость у них тоже была не та. Они не знали толком, за что воюют, и

являлись придатком, сателлитами немцев, которые оскорбительно относились к

ним, несколько свысока. Это, конечно, тоже сказывалось на моральном

состоянии румынских войск, и они не проявили того упорства, которое

проявляли тогда немцы. На Курской же дуге не было такого вопроса. Перед нами

не было никаких других войск, кроме немецких. Поэтому не стояло вопроса,

какой национальности враг находится перед нами: немцы, румыны, итальянцы или

венгры. Если немцы, то даже лучше: громить, так уж главные силы врага,

ударные силы. А после Курской дуги данный вопрос вообще отпал, ибо

инициатива перешла полностью в наши руки.

После Курской дуги я продолжал быть членом Военного совета Воронежского,

а потом 1-го Украинского фронтов. Мы провели битву за освобождение Киева и

двинулись дальше на запад. Конечно, и я не лишен чувств человека, его

слабостей. Мне приятно, что в этих грандиозных битвах, которые были

проведены Красной Армией под Сталинградом и на Курской дуге, я был членом

Военного совета соответствующих фронтов. Вот почему мне было обидно, и я

внутренне переживал (человеческая слабость, а может быть, и протест против

несправедливости), что на торжества, которые состоялись недавно по случаю

25-летнего юбилея разгрома врага под Сталинградом, меня не пригласили. И в

исторических фильмах, и в киноэпизодах, которые демонстрировались к этой

дате, все, кто близко знал меня и видел эти кинокадры, заметили, как сделано

было все, чтобы зритель не увидел, что Хрущев участвовал в той борьбе как

член Военного совета Сталинградского фронта. Мне рассказали и о еще более

неприятном, я бы сказал, даже позорном, факте. Когда состоялось заседание в

Москве по случаю юбилейной годовщины разгрома врага под Сталинградом, по

окончании торжественной части один офицер обратился к генералу, который там

находился, с вопросом. Я спросил товарищей, которые там были, о фамилии

генерала. Им оказался генерал Батов (4). К нему-то и обратился офицер:

"Товарищ генерал, скажите, пожалуйста, Сталин был в Сталинграде, когда шла

знаменитая битва?" Возникла пауза, потом Батов говорит: "Я не знаю". Офицер

опять обратился к Батову: "Товарищ генерал, а Хрущев был в Сталинграде?"

Опять пауза, потом следует ответ: "Я не знаю".

Я с уважением относился к Батову. Пауза, о которой мне передали,

свидетельствует об остатке совести, стыда, что ли. Батов сказал офицеру, что

он не знает, а ведь он знал, что говорит неправду. Он-то хорошо знал, что

Сталина во время битвы никогда там не было. Ну, хорошо, допустим, что это -

высокий секрет. Но я-то знаю, я, член Военного совета, что не было там

Сталина, и Батов тоже знает. Он взял грех на свою душу, правда, не без

угрызений совести, потому и возникла пауза перед ответом. То же - и по

ответу на вопрос: "Был ли там Хрущев?". Опять пауза, также признак остатков

порядочности. Он не сразу смог ответить, а ответил уклончиво: "Не знаю". Это

все же лучше, чем сказать, что не был, что явилось бы наглой ложью. Но и

такой ответ - не украшение для человека и для генерала, когда он молодому

офицеру говорит по сути дела неправду. А этот офицер все же узнает потом,

кто там находился и кого не было. Узнает, потому что проходит какое-то

время, умирают те или другие люди, которые заинтересованы непомерно

выпячивать какие-то факты или лиц, игравших определенную роль в событиях, и

затаптывать, умалять действия других людей. Но время, как реставратор,

снимает все наслоения, все налеты неправды и клеветы. Все это будет

расчищено, и каждый факт получит правильное освещение, а все участники

событий займут свое место. Я в этом глубоко убежден. Я верю в человека, верю

в людскую правдивость, и это является сейчас для меня успокоением и

утешением.

Возвращаюсь к разгрому вражеских войск под Курском и к нашему торжеству.

Просто, как говорится, приятно вспомнить! После длительных переживаний,

огорчений, волнений и беспокойства за судьбу страны каждый из нас

чувствовал, что победа обеспечена, что это - начало гибели гитлеровской

Германии, начало нашего победоносного шествия на пути к Берлину и полному

разгрому немецких войск. Можно себе представить переживания людей, которые

жили в то время. И вот - их торжество: угроза стране отведена и

ликвидирована, мы идем к окончательной победе и будем наслаждаться мирной

жизнью, продолжать успешное строительство социализма и коммунизма.

Это, возможно, не каждый поймет из числа тех, кто будет знакомиться с

моими воспоминаниями. Здесь нужно как бы проникнуть в душу человека, понять

и его, и угрозу, которая висела тогда над нами. Наш народ безропотно страдал

от жизненных недостатков, потом умирал на переднем крае войны, погибал под

бомбами гитлеровцев, но все делал для того, чтобы обеспечить победу, и

добился перелома в войне. Мы уже были уверены, что теперь Гитлеру, как

говорили солдаты, "капут". Все, все это мы пережили тогда, но и сейчас,

когда я начинаю вспоминать былое и напрягать свою память, то опять волнуюсь,

живу горестями и радостями того времени.

Итак, мы перешли в наступление. Я бы сказал даже, не наступление это

было, а вытеснение противника, потому что сил у нас было для настоящего

наступления еще недостаточно, хотя и противник потерял много. Он утратил не

только возможность дальнейшего продвижения, но даже возможность задержаться

на рубеже, которого достиг в результате прежнего своего наступления на

Курской дуге. Наше вытеснение врага продолжалось несколько дней. Мы,

наверное, теснили противника на расстоянии километров в 20 с лишним или 30.

У нас не хватало сил, чтобы отбросить его на старый рубеж, который он

занимал до 5 июля, и нам пришлось прекратить это оттеснение. Мы выдохлись и

стали подсчитывать свои возможности, когда сможем возобновить наступление.

Определили, что сможем 3 августа. Я отлично помню тот день. Он памятен тем,

что мы как бы подняли голову, расправили крылья, разогнули спину и

приготовились к нанесению удара: не только к оттеснению врага на старый

рубеж, нет, мы уже готовились тогда к освобождению Белгорода, Харькова, к

повороту на запад, с тем чтобы выйти к Днепру.

Степной фронт, который ранее стоял в резерве, был направлен на Белгород.

Командовал им Конев. Харьков тоже вошел в полосу Степного фронта. К 3

августа мы подтянули пополнения, получили боеприпасы и подготовились к

наступлению. Тут уже мы сами выбирали время и направление удара. Когда

разрабатывался план наступления и выбирался участок главного удара для

прорыва фронта, к нам приехал Жуков. У нас имелось несколько вариантов.

Пришлось поломать голову, какой избрать вариант: бить в лоб на участке, на

котором против нас наступал противник, или же перенести свой удар вправо, то

есть западнее, с тем чтобы там прорвать оборону немцев. Последнее считалось

более легким: предстояло зайти им в тыл, а может быть, и окружить

группировку противника. Это было очень заманчиво. Но еще нигде, кроме

Сталинграда, мы такой операции не проводили и пока не привыкли к этому.

Долго мы обсуждали, колебались и в конце концов решили бить в лоб. Это

предложение внес Жуков, и я с ним был тогда согласен, да и сейчас считаю,

что такое решение было правильным. Оно тяжелее в том смысле, что мы были

вынуждены (и мы это понимали) приложить больше усилий и больше иметь жертв,

чем если бы нам удался фланговый удар. Почему же мы отказались от удара во

фланг? Мы располагали сравнительно небольшими силами. Было опасно этими

силами проводить маневренный удар. Мы рассуждали так: хорошо, мы ударим с

фланга. Зайдем со своего правого фланга и ударим по левому флангу

группировки противника. Видимо, прорвем его оборону. Но какая существует

гарантия, что противник не сделает то же самое, то есть не нанесет нам

фланговый удар по нашему новому флангу? Тогда получится, что мы, желая

окружить противника, сами попадем в окружение и понесем потери. То, что мы

теснили противника, еще не служило доказательством того, что он, как и мы,

не подтянул резервы и не обеспечил себе возможность контрудара. Решили, как

сказал Жуков, бить в лоб, перемалывая силы противника: все равно где-то ведь

надо их перемолоть, иначе продвижения вперед мы не получим.

Был организован лобовой удар. Сил к тому времени у нас было даже меньше,

чем к 5 июля, к началу немецкого наступления. Но мы чувствовали, что и

такими силами можем нанести удар противнику. Нанесли удар. Враг дрогнул,

стал пятиться. Я говорю - пятиться, но не говорю - бежать. Так путем

оттеснения мы оттесняли противника на юго-запад. Заняли Белгород, потом

Харьков (5). Взятие Харькова - это была большая победа. То ли в качестве

члена Военного совета фронта поехал я в Харьков, то ли я там был в качестве

секретаря ЦК КП(б)У (потому что Харьков в то время не входил в полосу нашего

фронта).

Торжество в Харькове состоялось большое. Народ хорошо встретил вступление

в город Красной Армии. Мы провели там большой митинг, все было очень

торжественно, люди сияли. Но были и омрачения на митинге. Не помню, на какой

площади организовали митинг, наверное, на площади перед зданием Госпрома

или, может быть, на Сумской улице. Построили трибуну, составив грузовые

машины. Народу собралось много. Помню, стояли мы и ожидали, когда городские

власти подготовят митинг к открытию. И вдруг появляются один или два

воздушных разведчика противника и кружат над городом. Как воробьи, которые,

когда налетает ястреб, сейчас же прячутся под крыши, так и народ побежал к

домам. Вижу, если не принять каких-то мер, то мы можем остаться с пустой

площадью, народ разбежится. Я стоял рядом с Жуковым и говорю ему: "Давайте

взойдем на трибуну. Это сразу стабилизирует положение". Он отвечает:

"Пойдем". Мы поднялись на трибуну, и народ, как только увидел, что мы

поднялись на грузовые машины, тоже стал подходить, уплотняться вокруг

импровизированной трибуны. Потом появились в воздухе наши истребители, и

самолеты противника улетели.

Мы позднее часто вспоминали с Жуковым, в каких условиях пришлось нам

проводить митинг, когда Харьков-то заняли, а противник стоял буквально под

боком. Еще мы провели в театре какое-то собрание харьковской интеллигенции.

Тогда, по-моему, вражеские снаряды вообще падали в этом районе, противник

был еще очень близко. Это свидетельствует о том, что у нас сил было

достаточно, чтобы отогнать его от Харькова, но недалеко. Вот такие были

тогда переживания.

У меня в памяти отложилось еще несколько эпизодов. Правительство Украины

устроило для военных, участников разгрома противника и освобождения Харькова

обед. Не так-то и много было людей на обеде. Были там Жуков и Конев. Но

Ватутина не было, так как этот участок отошел от Воронежского фронта к

Степному, где командующим был Конев. Обедали. По такому случаю поставили 100

граммов, а желающие могли получить даже больше. Помню, что артист Лаптев

(б), видимо, получил больше 100 граммов. Иначе он не

обратился бы со своей

просьбой, подойдя к нам. Мы сидели рядом с Жуковым, и он обратился к Жукову:

"Вот вы генерал, и я тоже очень хочу быть военным. Я вас очень прошу,

присвойте мне звание полковника. Я очень хочу иметь звание полковника".

Человек был, так сказать, под хмелем. Я-то знал Лаптева, и если бы не такое

его состояние, то вряд ли бы он настойчиво старался показать, как ему

хочется быть военным и иметь звание полковника. Генерал, конечно, больше. Но

до генерала он не дотянул. Видимо, считал, что за следующим обедом можно

будет добраться и до генерала, после того как ему будет присвоено звание

полковника.

Я отговаривал его шуточками, но он продолжал просить. И что меня удивило?

Под каким-то особым настроением, может быть - под влиянием 100 граммов,

вдруг поворачивается ко мне Жуков и говорит: "А знаешь (мы с ним находились

в дружеских отношениях), ведь я имею право как заместитель Верховного

Главногокомандующего присваивать звания до полковника включительно". Я

отвечаю: "Давай мы эти вопросы обсудим завтра". И стал уже

более твердо

настаивать, чтобы Лаптев прекратил свои просьбы и занял свое место. Он это и

сделал. Конечно, назавтра уже никто не поднимал этого вопроса, ни Лаптев, ни

тем более Жуков, а я ему даже не напоминал. Представляю себе, если бы такое

случилось, то какой невероятный возник бы скандал. Оправданный скандал -

ведь воинскими званиями нельзя бросаться, особенно по просьбе тех, которые

сами с нею обращаются, нельзя просто так присваивать воинские звания, тем

более полковника.

Занялся я делами Харькова. Еще до освобождения и Харькова, и вообще всех

областных и районных городов Украины мы заранее создавали организационные

комитеты и назначали на определенные посты нужных людей. Как только

освобождался очередной город, они вступали в свои права и начинали

налаживать жизнь, обслуживание населения, приводить в порядок производство,

обеспечивать народ всем необходимым. В первую очередь организовывали

снабжение продовольствием, восстанавливали водопровод, электростанции,

трамвай, канализацию. Меня тянуло посмотреть, что же

случилось с Харьковским

тракторным заводом? Он был построен вскоре после Сталинградского тракторного

и обладал такой же мощностью. Я хотел посмотреть, как быстро можно

восстановить этот завод, потому что без восстановления производства

тракторов не было даже возможности думать, что нам удастся восстановить

сельское хозяйство Украины, а следовательно, обеспечить народ

продовольствием, прежде всего хлебом и сахаром.

Поехал я на Тракторный и увидел там печальную картину. Когда мы зимой

1942/43 гг. в первый раз освободили Харьков, то Тракторный завод был пуст,

но его корпуса были готовы принять станочное оборудование. Пожалуйста,

давайте заказы и сырье, и сразу можно запускать производство. А в августе

1943 г. завод лежал в руинах. Другие заводы тоже были разрушены, как и жилые

кварталы. Харьков был нанесен очень большой ущерб. Но война есть война! Мы

хотели, конечно, чтобы было лучше. Но были готовы и к тому, с чем

встретились в Харькове, разрушенном гитлеровскими ордами.

Секретарем обкома партии мы назначили, по-моему, Чураева (7).

Председателем облисполкома, когда мы отступали, был, кажется, Свиначенко, но

он был убит при бомбежке в Валуйках, где стоял наш штаб фронта. Он шел ночью

по улице, взорвалась бомба, и он погиб. Это был хороший, молодой, энергичный

человек, по образованию агроном или зоотехник (8). Кого мы назначили на его

место в августе 1943 г., не помню. Сейчас у меня выскочило из памяти, кто же

были тогда председатель облисполкома, секретарь горкома партии, председатель

горисполкома. Но люди зашевелились, кадры у нас имелись в резерве, и мы

сейчас же организовали местное руководство, которое обеспечило

восстановление нормальной жизни и деятельности города и области.

Тем временем Воронежский фронт продолжал выпрямлять Курскую дугу. Вершина

южного фаса дуги лежала под Сумами. Здесь-то мы и нанесли удар. Но на

фланге, с более южной стороны, противник нависал над нами, и нам надо было

его и здесь разгромить, иначе он мог бы, восстановив свои силы, причинить

нам неприятности. Там у нас оставались 40-я армия Москаленко, 27-я армия

Трофименко, 38-я армия Чибисова, а справа примыкала 60-я армия, которая

входила в состав Центрального фронта Рокоссовского. Впрочем, в ходе боев

наши армии менялись местами.

Мы стали думать об организации нового удара, с тем чтобы сломить

противника, стоявшего против армии Москаленко, и сбили там противника с его

позиций даже с меньшими усилиями и потерями, чем при наступлении 3 августа,

хотя он и оказывал еще довольно сильное сопротивление. Особенно упорное

сопротивление мы встретили в районе Томаровки. Враг там не отошел, мы

окружили его войска, но затратили довольно много времени и сил, чтобы

разгромить их. Они цепко держались, не уступали нам, не бежали, а дрались за

каждую пядь земли. Потом продолжила наступление 27-я армия. Она была более

полнокровной, так как из нее ранее меньше было взято на главное направление

боев. Кроме того, мы получили подкрепление - танковый корпус под

командованием Полубоярова (9).

Тогда уже мы сами выбирали время и направление удара. Мы были абсолютно

уверены, что не только организуем наступление, но и что это наступление

завершится разгромом противника. Мы с Ватутиным,

Ивановым (10) и другими

**членами Военного совета и командующими родами войск
определили направление**

**главного удара, стали готовиться к наступлению и
подтягивать все**

**необходимое. Мы уже тогда получили артиллерийский корпус
Резерва Верховного**

**Главного командования, который должен был нанести удар по
переднему краю**

**противника и облегчить наш прорыв. Не помню, выезжали ли
мы все в Москву для**

**утверждения этого плана или послали туда начштаба фронта
Иванова. Такие**

**случаи бывали, потому что это наступление не считалось
генеральной битвой:**

**просто в результате разгрома противника мы приступили к
скалыванию его**

флангов на Курской дуге.

**Потом прилетел Жуков. Я был очень рад его приезду, потому
что он всегда**

**привносил в операцию что-то новое. Человек он был
уверенный в своих**

**способностях, и решительно вмешивался в подготовку операции
и ее проведение.**

**Он всегда с толком разбирался, где и какие силы противника
расставлены, и**

**высказывал определенное мнение, как лучше использовать на
данном участке**

наши силы. Я с доверием относился к такому его

вмешательству. Это не только

не задевало моего самолюбия, но и радовало меня.

Не знаю, как думал командующий войсками. Может быть, он и проявлял

некоторую болезненность, хотя я не замечал со стороны Ватутина таких

переживаний. Готовили мы эту операцию, развесили карты, обсуждали

направление удара. Сидели Жуков, Ватутин, я и Иванов.

Жуков подошел к карте, ткнул пальцем и говорит: "А что если нам не здесь

ударить, а несколько глубже?". То есть опять мы возвращались к старому

вопросу, который возник, когда мы готовили наступление 3 августа. Как

ударить: в лоб или во фланг? Если ударить, как мы предлагали, в лоб, то

получалось небольшое скалывание по линии фронта, сейчас не помню, на сколько

километров. Жуков же замахнулся значительно западнее. Там находился крупный

населенный пункт, районный центр. У нас в это время уже появился задор: а

почему бы и нет? Мы ведь разбили главные силы врага; может быть, здесь

следует ударить посмелее? Решили нанести удар в этом направлении и сразу же

поручили начальнику штаба переработать оперативную карту и задания для

войск, дать необходимые указания командующему армией Трофименко, на участке

которого будет проводиться эта наступательная операция. Особенных изменений

не произошло, кроме направления самого удара.

Шло время. Работали тылы, подвозили все необходимое для обеспечения боев.

Незадолго до начала проведения операции поехали мы с Ватутиным к Трофименко,

чтобы послушать его на месте, конкретнее разобраться в обстановке, с тем

чтобы быть более уверенными в успехе. Трофименко располагался в поле, в

каком-то леске или кустарнике. Лесов там мало, это юг Курской области, на

границе с Украиной, а может быть, это была уже украинская земля. Его штаб

находился в палатке. Он развернул карту и начал докладывать, как идет

подготовка. Я с уважением относился к этому генералу. Он был моложе других

командующих армиями, но человек был образованный и опытный. И вдруг

Трофименко стал докладывать о новом направлении главного удара как о худшем,

чем то, которое было намечено первоначально. Ватутин встrepенулся. Он очень

не любил менять принятого решения. Он мне не раз доказывал, что военные, раз

**приняв решение, не должны менять его. Я же ему возражал:
"Товарищ Ватугин,**

**если военный или даже невоенный человек, приняв какое-то
решение, видит, что**

**вырисовывается новое, более интересное, которое позволит с
меньшими потерями**

**выиграть сражение, то глупо придерживаться старого. Дескать,
раз я сказал,**

**то так и буду делать. Это глупо, и я не понимаю этого. Хоть для
военных,**

**хоть для гражданских лиц это принцип ослиного упорства, а
не разумное**

изыскание лучшего решения". Произошел довольно натянутый
разговор, чего у

**меня никогда раньше не случалось с Ватутиным, да и позже
тоже не случалось.**

**Я его не только уважал, но просто любил этого человека. И я не
стал спорить,**

**а только задавал вопросы: "Почему вы считаете, что
лучше первое**

направление?".

**Трофименко: "Вот, смотрите по карте. Я здесь на брюхе
ползал, ночью и на**

**рассвете, и хорошо изучил этот участок. Вот первое место.
Передо мной нет**

**вблизи никакого населенного пункта, передний край проходит в
низине, а за**

**этой низиной - заболоченное место, которое танки смогут
преодолеть. Я в этом**

уверен. Если танкам не удастся пройти с ходу, то можно небольшими усилиями

обеспечить танкопроходимость участка. Передний же край противника я просто

вижу, потому что наши позиции лежат выше, чем у противника". И

действительно, когда мы приехали на его командный пункт, то точка для него

была выбрана такая, откуда видны окопы противника. "А вот, - продолжает, -

новое направление. Здесь районный центр, там много кирпичных зданий. Думаю,

противник превратил их в доты, поставил пулеметы, может быть, и артиллерию.

Чтобы выбить оттуда немцев, надо приложить большие усилия. Кроме того, перед

районным центром есть три пруда. Они неглубокие, но наполнены водой. Хотя

воду можно спустить, но грязь-то останется, и танки вряд ли смогут пройти. Я

убежден, что, если останется второе направление, тоже выбью противника, но с

большими усилиями и с большими потерями. Я просил бы, если возможно,

оставить мне старое направление". Я не стал высказывать своего мнения,

потому что высказался командующий войсками, и я не хотел, чтобы перед

командующим армией у нас выявились разные мнения. Но не хотел поддерживать и

Ватутина. Говорю: "Хорошо, поедем к себе".

Уехали. Когда сели в машину, а мы вместе с Ватутиным ехали на "виллисе",

я стал доказывать, что Трофименко, по-моему, прав, его доводы разумны, тем

более что это направление именно нами с вами было выбрано, а переменили мы

его по совету Жукова. Он только посоветовал нам, но не приказал так делать.

Мы сами уцепились за его предложение, потому что оно казалось более выгодным

и позволяло глубже сколоть фланг противника. Теперь видно, что мы плохо

изучили этот район, а к Жукову предъявлять претензии нельзя: он совсем

района не изучал, а просто ткнул пальцем. Считаю, что надо поддержать

Трофименко. Ватутин опять начал мне доказывать, что менять решение нельзя.

"Мы все распределили, отвели позиции для установки тяжелого артиллерийского

корпуса, который уже на марше". Я возражал: "Да, мы выбрали новые позиции

для орудий, но и старые у нас тоже выбраны. Корпус перемещается с востока,

так что ему старые позиции даже ближе на несколько километров. Думаю, что

это не препятствие". Он со мной не соглашался. Приехали мы в штаб. Мне

ничего не оставалось делать, как написать Сталину. Я послал шифровку.

Значительно раньше того Сталин предложил мне: "Вы возьмите шифр и

шифровальщика, чтобы непосредственно от вас, минуя штаб фронта, я получал

то, о чем вы будете считать необходимым докладывать". Теперь я

воспользовался этим, составил шифровку и послал Сталину. Назавтра мы

собрались с командующим войсками поехать в 38-ю армию. Ею командовал генерал

Чибисов. К нему было далеко ехать. В дороге вдруг догоняет нас на "виллисе"

офицер из штаба и говорит, что был звонок из Москвы, от Иванова. В то время

были в ходу фронтовые псевдонимы, и у Сталина был псевдоним "Иванов".

"Иванов приказал позвонить ему по телефону ВЧ из ближайшего пункта". Нам

было ближе всего проехать в штаб к Чибисову. Я понял, что Сталин, видимо,

прочел мою шифровку и хочет уточнить для себя наши разногласия, поэтому

считал своим долгом предупредить командующего фронтом, чтобы он не был

застигнут врасплох, и сказал ему: "Николай Федорович, думаю, что Сталин

будет спрашивать вот по такому-то вопросу. Я сообщил Сталину мнение

командующего армией Трофименко и хочу предупредить, чтобы вы подготовились,

продумали ответы на вопросы, которые он поставит". И опять сказал, что я и

сейчас считаю, что надо принять предложение Трофименко и вернуться к нашему

старому варианту. Он умолк, обдумывая дело. Видимо, волновался. Безусловно,

моя позиция вызывала его недовольство, но я вынужден был пойти на это.

У меня сложились хорошие, дружеские отношения с командующим войсками. Но

ведь шла война. Нельзя в угоду тому, чтобы не нарушить дружеских отношений,

пренебрегать опасностью, что мы больше затратим сил и больше прольем крови.

Я считал, что нет иного выбора. Приехали мы к Чибисову в штаб и по телефону

вызвали Москву. Сталин ответил. Не помню, меня ли он раньше подзвал к

телефону или сразу командующего войсками. Стою рядом, а Ватутин говорит: "Я

считаю, что если мы опять переменим направление удара, то не сможем

уложиться в сроки, которые определены для наступления. Прошу оставить второе

направление, тогда мы обеспечим начало операции в определенный срок". Сталин

сказал, чтобы тот передал трубку мне, и говорит: "Вы слышали?". Отвечаю:

"Слышал, но считаю, что это не совсем точно. И начал доказывать, что

арткорпус сейчас на марше, и если мы немедленно примем решение вернуться на

старое направление, то там места уже определены для орудий, потому что

заранее была проведена разведка командиром корпуса, а проехать туда даже

ближе. Думаю, что никакого нарушения сроков не произойдет. Сталин: "Я

поддерживаю вас. Если надо будет продлить срок, считаю, что можно продлить".

Отвечаю: "Лучше всего мы сейчас поговорим с Трофименко, а потом мы еще раз

Вам скажем, каково его мнение". - "Ну, хорошо".

Мы тут же вызвали Трофименко по телефону. С ним разговаривал Ватутин. Тот

сказал, что укладывается в те же сроки, никакого дополнительного времени ему

не нужно. Потом взял трубку я, и Трофименко повторил мне то же самое. Мы

опять позвонили Сталину. По-моему, с ним говорил я: "Вот, поговорили с

Трофименко, он не просит удлинения сроков, готов проводить операцию в те

сроки, которые намечены, и абсолютно уверен в успехе операции". Сталин: "Я

согласен, я за ваш вариант". Но это не мой вариант, это вариант штаба

фронта, который был утвержден Генеральным штабом и, следовательно, Сталиным.

Я передал трубку командующему войсками, и Сталин сказал, что поддерживает

вариант Хрущева. На этом разговор кончился.

С обстановкой в 38-й армии мы уже разобрались. Мы приехали к Чибисову,

чтобы его послушать, потому что следующей операцией, после наступления

Трофименко, была намечена операция 38-й армии. У нас она не была еще

разработана, и мы послушали командующего, с тем чтобы он высказал свое

мнение, как считает возможным организовать удар прямо на запад. Тут мы, как

говорится, лицом повернулись уже к Днепру, к Киеву. Послушали мы его и

вернулись к себе. По дороге заехали к Трофименко и сказали, что

удовлетворяем его просьбу, изменяем свой приказ и что удар будет наноситься

на направлении, которое было определено первым. Тот буквально просиял и

начал нас заверять, что операция будет проведена успешно. Мне понравилось,

что человек заботится о том, чтобы провести операцию с меньшими затратами.

Продолжалась подготовка, срок вплотную приблизился к намеченному началу

наступления. В это время опять к нам приехал Жуков. Он уже знал, что мы

изменили направление удара. Я сказал Жукову: "Вы тогда ткнули пальцем в

карту и, видимо, не разобрались, а вот командующий армией критически отнесся

к этому решению. Мы еще раз изучили обстановку и убедились, что направление,

которое было раньше избрано для наступления, лучше. Поэтому мы изменили

решение, принятое в ваш прошлый приезд. Командующий армией настаивал, чтобы

вернуться к первому варианту решения, мы так и сделали, и нам это

утвердили". Я был обрадован, что он без всякого ложного самолюбия, спокойно,

даже с какой-то веселостью согласился: "Видимо, лучше так. Раз Трофименко

говорит, то, видимо, так лучше". Решили мы с Жуковым поехать к Трофименко.

Трофименко уже подготовился к наступлению. Было подтянуто все, что нужно,

для начала боевых действий. Когда мы приехали, то увидели, что на позициях

стояли даже "катюши". Это, так сказать, готовность № 1.

Там произошел такой инцидент. Мы подъехали поближе к переднему краю,

чтобы не попасть под навесный обстрел противника, и Жуков в своей резкой

манере отрывисто спросил офицера, сопровождавшего нас:
"Куда нам тут

ехать?". Тот ответил: "Вон, на горочку". Мы подъехали. Стоят
"катюши". Они

стреляют на довольно близкое расстояние, так что мы подлезли
очень близко к

противнику и на "виллисе" выскочили на горку. Как только
выскочили, сейчас

же противник накрыл нас минометным огнем, но никто не
пострадал. Мы

выбрались из "виллиса", а тут лежал ход сообщения, и мы
нырнули в него.

Жуков очень ругал этого офицера: "Что же ты нас подставил
под минометный

огонь? Ты что, испытания проводишь?". Офицер должен был
предупредить нас,

что если мы поднимемся на горку, то противник нас увидит и,
конечно, не

простит нам такой дерзости, а хотя бы попугает нас
минометным огнем.

Прошли мы по ходу сообщения на командный пункт, тоже на
горочке, а еще

там были накаты, и то, и се. Он выглядел как пуп на животе и,
видимо, со

стороны противника хорошо проглядывался. Но оборудован
был хорошо, имелась

оптика для наблюдения, очень хорошо был виден передний
край и низина,

которую нам надо было преодолеть танками. Докладывал
Трофименко, полностью

уверенный, что готов наступать. Наступление действительно протекало хорошо.

После артиллерийской подготовки наши войска пошли в атаку на противника. Это

с командного пункта все было видно, потому что командный пункт был

расположен для обозрения поля боя идеально. Но возникла заминка станковым

корпусом Полубоярова. Ко мне обратился Трофименко: "Танкам пора идти в

прорыв, чтобы развивать успех пехоты, а они медлят". Мы приказали командиру

корпуса, который находился тут же, с нами, чтобы танки двинулись вперед. Но

они не двигаются. Я опять к нему: "Что же вы?". Он: "Там болото. Надо его

укрепить, иначе танки не пройдут". Одним словом, тянет дело. Я ему: "Вы

примите меры поскорее. Потеряем время, и противник что-то сможет сделать,

подтянет в район прорыва какие-то силы, а если у него есть танки, то и танки

сюда бросит. Надо воспользоваться успехом, который создан сейчас пехотой".

Меня его задержка тогда очень рассердила.

Потом я упрекал этого генерала: "Вы бережете танки, но не бережете

солдатскую кровь. Хотите, чтобы пехота расширила прорыв и обеспечила лучшие

условия для продвижения танков". Действительно, ни один танк там не застрял.

Трофименко был прав, когда говорил, что это болото проходимо для танков.

Полубояров, видимо, этот случай очень переживал. Он вообще-то человек

добросовестный. Помню, уже после войны он приехал ко мне в Киев с тем, чтобы

еще раз объясниться; говорил, что хочет, чтобы его правильно поняли: имелись

такие-то и такие-то препятствия, которые он должен был преодолеть, чтобы

пустить танковый корпус в прорыв, осуществленный пехотой. Но у меня

сложилось впечатление, что он жалел танки. И я ему сказал: "Дело прошлое,

война кончилась, противник разбит. Ваши танки хорошо действовали, когда

пошли в бой, но я считаю, что вы замедлили ввод танкового корпуса в прорыв,

который был образован пехотой. Впрочем, победителей не судят" (ходячая фраза

у военных) (11).

Успех был достигнут. Наши армии наступали и развивали успех дальше.

Конкретных же воспоминаний о действиях 27-й армии у меня не отложилось в

памяти. 38-я армия двинулась в наступление последней. Шли упорные бои, но мы

продвигались вперед, выровняли линию фронта и разогнули часть дуги, которая

с юга нависала над нами. Фронт развернулся теперь прямо на запад по всей

своей линии. То же самое сделал Рокоссовский: он развернул правую сторону

дуги, тоже выровнял фронт и повернул на запад. Когда мы готовились к

наступлению, я ездил к нему в штаб и беседовал с ним. Я не в первый раз

встречался с ним. Мы встречались еще тогда, когда он командовал войсками

Донского фронта. Встретиться с Рокоссовским всегда было приятно. Он был

хорош как командующий и как умный человек.

Двинулись мы на запад. К нам поступила еще одна армия, 4-я Гвардейская.

Командовал ею генерал Кулик (12). Его понизили в звании в первый же год

войны, лишив маршальского звания. Не помню, в каком генеральском звании он

тогда был у нас: не то генерал-майор, не то генерал-лейтенант. Членом

Военного совета у него был Шепилов (13). Армия же - Гвардейская, как

говорится, одета и обута с иголочки, а вооружена всем, чем мы могли в то

время вооружить ее. Мы, конечно, были рады, что получили такую армию, но ни

я, ни Ватутин не обманывали себя. Ее командующий не внушал нам ни доверия,

ни уважения. Я был знаком с ним раньше, знал его плохой характер, и мне

просто было жаль этой армии. Такая замечательная армия, а вот командующим

был назначен Кулик. Почему Сталин назначил его, мне трудно объяснить. Он сам

его прежде разжаловал, но не знаю, насколько тот был виноват, насколько было

обосновано лишение его звания маршала. Значит, его наказали за конкретные

дела. Он всегда был человеком ограниченным. Маршальское звание получил

потому, что Сталин знал его по Царицыну 1918 года.

Прибыла эта армия, начала действовать. Мы, по-моему, поставили ее в

направлении примерно на Полтаву или немного севернее Полтавы. Сам Кулик был

родом из деревни под Полтавой (14). Мы с Ватутиным выехали в его армию. Мне

хотелось еще раз встретиться с Куликом. Зашли к нему в штаб, он как раз вел

разговор по телефону. Я слушал, и меня очень обеспокоил и даже раздражал

этот разговор, фразы его по содержанию были довольно нечеткими, и я жалел

командиров корпусов. Они тоже, видимо, чувствовали недостаточную

квалификацию командующего армией. Тогда мы отправили Сталину записку, в

которой сказали, что недовольны командующим армией и что надо его заменить,

потому что мы боимся за армию, боимся, что будут лишние потери, причем самые

тяжелые, в результате неумелого управления войсками. В конце концов Сталин

согласился с нами, и нам сообщили, что Кулик отзывается и назначается новый

командующий.

Шепилов же тогда произвел на меня хорошее впечатление. Он умный человек,

и я считал, что он на своем месте как член Военного совета армии. Но, каким

бы он ни был, это ведь не командующий. Командующий определяет все: и

командует, и дает указания. Поэтому важно подобрать хорошего командующего. Я

сейчас не помню фамилии нового командующего. Я его не знал и, собственно

говоря, так и не смог с ним встретиться. Он погиб. Он полетел прямо в

расположение армии, и не знаю, почему не заехал в штаб фронта. Когда же он с

аэродрома ехал на "виллисе" в штаб армии, то совершенно случайно подорвался

на mine (15). Таким образом, мы не получили нового командующего, и какое-то

время Кулик еще продолжал командовать. Потом прислали еще кого-то (16). Не

помню, кто сменил Кулика в командовании этой Гвардейской армией. Эта армия

поредела в результате боев, но в какой-то степени потери были увеличены

неумелым руководством Кулика.

Сталин вскипел. Он позвонил и выражал очень резко свое недовольство тем,

что подорвался на mine новый командующий. Можете себе представить, ехал

командующий на "виллисе" и наскочил на мину противника. Значит, член

Военного совета фронта виноват! Сталин упрекал меня, что я не берегу

командующих армиями. А я не представляю себе, как можно уберечь командующего

армией, чтобы он не наскочил на мину. Мы все там ездили, и солдаты, и

офицеры, и генералы, и маршалы. Это же война. А где лежит мина противника -

она об этом не говорит. Это неизбежные потери, как на всякой войне. Но у нас

это усугублялось тем, что незадолго до того, и тоже на mine, подорвался

командующий еще одной армией, который был назначен вместо Чибисова. Чибисов

был освобожден от должности, потому что мы с Ватутиным были им недовольны и

говорили об этом Сталину. Новый командующий принял армию и буквально через

неделю подорвался на mine. Оба генерала подорвались в течение одной недели.

И опять - упреки: "Вот уже два командующих у вас подорвались. Не бережете вы

их". Меня возмущало, как он может, сидя в Кремле, требовать, чтобы я давал

указания командующим, как им ехать на "виллисе", дабы не налететь на мины,

разбросанные противником. Мы как раз вступили в полосу наступления, и это

могли быть и наши мины, которые мы раньше оставляли тут. И мы минировали, и

противник минировал, и здесь никаких претензий не должно быть.

Помню, как через два года после войны в Киеве, у дороги, по которой уже

было открыто движение и прошли минеры, подорвался трактор. Ехал, свернул с

дороги и подорвался на mine. Тогда же я, конечно, возмущался, что Сталин

выражает недовольство, и отвечал, что здесь я никак не могу взять на себя

вину в гибели двух генералов. Это непредвиденная гибель, которая всегда

возможна на фронте.

Тогда командующим воздушными силами у нас на фронте был генерал

Красовский (17). Сейчас он начальник Военно-воздушной академии имени

Гагарина. По национальности белорус. Порядочный человек, душу вкладывает в

свое дело, старается, чтобы дело шло лучше. Однажды он пришел ко мне с

предложением, новой выдумкой, как уничтожить противника. Рассказывает: "Я

хочу провести такую операцию: вооружить самолеты зажигательным порошком,

который, если его разбросать с воздуха, зажжет посевы, траву. Если эту

зажигательную смесь высыпем на аэродромы, то трава, она сейчас сухая, сразу

загорится, и самолеты, следовательно, тоже загорятся". Я слушал его и

вспоминал первый год войны. Сколько раз мы пользовались этой смесью, но не

знаю случая, чтобы оказался хороший результат. Говорю: "Товарищ Красовский,

по-моему, ничего из этого не выйдет. Мы только себя будем утешать и питать

какие-то надежды, а трава-то не загорится. Сколько раз мы ее поджигали.

Бывало, выгорит кусочек, но солдаты быстро гасят пожар. Мы поджигали и

посевы созревшей пшеницы, чтобы не оставлять ее немцам, но оставались люди,

а это - их пшеница. У них имелись свои соображения, и они сами все гасили. И

потом, это вообще малоэффективное средство. Прежде чем применять на фронте,

испытайте. Рассыпьте где-то этот порошок и посмотрите, как он действует,

чтобы быть уверенным, что мы уничтожим им на аэродромах авиацию противника".

Он испытал порошок и, как добросовестный человек, пришел ко мне и говорит:

"Да, вы правы, затея не стоит труда, я отказываюсь от нее".
Мы иной раз

потом шутили на эту тему с Красовским. Он очень приятный человек, и я

относился к нему с уважением.

Вот еще один эпизод. Он относится к более раннему периоду.
Шел второй год

войны. Тогда командующим авиацией у нас был генерал Фалалеев (18). Хороший

генерал. В тяжелый момент наступления противника, когда мы были совсем

истощены и перед нами стояла одна перспектива - отступить и отступить, так

как мы не могли сдержать врага, он принес боевое донесение от авиации с

просьбой включить его во фронтовое боевое донесение и послать в Генеральный

штаб. В нем сообщалось, какие мы нанесли противнику потери в течение дня.

Фалалеев докладывал, что наша авиация в этот день вывела из строя 500 танков

противника. Я взглянул на него: "Товарищ Фалалеев, 500 танков? Это никак я

не могу принять и не смогу согласиться. 500 танков за один день? Да вы

знаете, какая это сила? Ну, хорошо, вот вы заместитель командующего фронтом

и командующий авиацией. Как вы считаете, если мы уничтожили 500 танков, то

каким завтра будет наше положение на фронте? Удержим мы позиции, на которых

стоят наши войска, или нам придется отступить?". А я знал, что придется

отступить, что наши войска не удержатся. Он тоже говорит: "Нет, наши войска

не удержатся". - "Так как же тогда Ставка будет рассматривать наше

донесение? 500 танков мы уничтожили за один день и бежим от противника? Тут

ведь нет логики. Я думаю, что вам врут, пишут, сколько было прямых

попаданий.

Пишут, что некоторые танки даже перевернулись. Я советую вам, товарищ

Фалалеев, проведите эксперимент. Обстреляйте с этих штурмовиков эрэсами

любые танки и назначьте премию за попадание. Вы увидите, как трудно получить

прямое попадание с воздуха. Возможно, вообще летчики не получат премий. А

**то, что из эрэсов попали точно под танк и танк
переворачивается - это**

**абсурд. Я рекомендую вам, возьмите эрэсовский снаряд,
подложите под танк и**

**взорвите его. Думаю, что у него не хватит взрывной мощи
перевернуть танк. А**

**тут ведь не подкладывается снаряд, а попадает с воздуха. Это же
невероятный**

**случай. Давайте напишем 250?". Не помню, на какой цифре мы
тогда сошлись.**

**Какую-то цифру надо было написать, основанную на теории
вероятности. А**

**Фалалеев говорил, что у него все просчитано. Я же не верил
такому счету.**

**Мы послали донесение и, действительно, вынуждены были
затем отходить.**

**Потом Фалалеев докладывал мне, что провел эксперимент: "Я
поставил стол и**

**назначил премию тому, кто в стол попадет с воздуха". Премия
никем не была**

**взята. Конечно, наши штурмовики били по танкам, но чтобы
в один день**

**уничтожить 500 танков? Этого и противник не мог тогда
сделать, а у него в ту**

**пору авиация была сильнее нашей. Мы же, к сожалению, никак
не могли такого**

**сделать, тем более в 1942 г., когда наши силы были основательно
потрепаны и**

**истощены. Вот как случается на войне. Говорят, Суворов, когда
взял Измаил и**

написал донесение матушке-царице Екатерине, сообщил, что он уничтожил 70

тысяч турок. Адъютант ему сказал: "Ваше превосходительство, там их столько и

не было". Суворов же ответил ему: "Басурман не жалко, пиши!". Наверное, так

происходило еще и до Суворова.

Перехожу опять к рассказу о нашем наступлении к Днепру. После боев под

Полтавой наши солдаты, офицеры и генералы были уверены в своих силах. Если

раньше нам казалось, что, когда против нас стоят немцы, их трудно или даже

невозможно сбить с позиций, то теперь в сознании всех, от солдата до

генерала, точка зрения изменилась. Появилась уверенность в наших

возможностях и даже в превосходстве над противником. Это было очень приятное

время. Мы продолжали продвигаться вперед, к Днепру. Помню, пришел однажды

Красовский и докладывает, что прилетели летчики с операции. Возвращаясь, они

видели сплошное море огня, пшеница созрела, рожь созрела, яровые созрели и

вот горят. Мне было больно слушать его. Он тут ни при чем, докладывал то,

что видели летчики. Отвечаю: "Не могу согласиться, думаю, что это не так".

Мне просто не хотелось верить ему. Я сам себе объяснял, что это невозможно.

Говорю: "Летчики возвращались из боя на большой скорости. Может быть, где-то

и возник очаг огня, а когда они проскакивали, то у них в глазах образовалось

целое море огня. Не может того быть!". Я очень не хотел этого.

Мы наступали, хотелось получить хлеб для страны и для армии. И

действительно, в освобожденных районах в 1943 г. мы заготовили сравнительно

много хлеба. На Украине урожай был как раз хорошим. Сказал Красовскому:

"Будем наступать, увидим". А когда мы наступали и освобождали наши районы,

то нигде не видели, чтобы сгорело много хлеба. Я потом шутил: "Товарищ

Красовский, где же сгоревшие поля, то море огня, которое видели летчики?".

Мои предположения сбылись. На войне иной раз случается расширение зрачков.

Помню также доклад относительно ночных бомбежек. К нам в то время прибыл

генерал Скрипко (19). Он тогда командовал ночной бомбардировочной авиацией

дальнего действия. Хороший генерал. Я знал его по Сталинграду, он хорошо там

поработал. Это бывалый "ночник". Он, прибыв в наше распоряжение, работал

теперь в интересах нашего фронта. Нам тогда донесли, что под
Полтавой (я и

сейчас отлично помню название этого села - Мачоха)
расположен не то склад

боеприпасов, не то ремонтная база противника. Мы готовились
наступать, а

лишить противника боеприпасов, горючего и других средств
ведения войны -

заветная мечта каждого командующего. Вызвали Скрипко и
показали донесение

разведки, дали задание - разбомбить! Конечно, сейчас могут
сказать, что в

селе же живут люди. Да, живут люди, но и наступают люди. На
войне всегда

встает очень тяжелый выбор: пожалеешь одного, потеряешь
больше. Поэтому мы

решили бомбить склад, который будут использовать немцы,
чтобы бить наших же.

Наутро Скрипко докладывает: "Все сровнял с землей. Все
уничтожено". Но я

уже имел опыт, и немалый. Посмотрел на него и говорю:
"Имейте в виду, ведь

мы же наступаем, скоро будем в Полтаве и освободим Мачоху.
Я потом скажу

вам, насколько соответствует истине донесение, которое вы
получили от тех,

кто бомбил склад". Какое же огорчение было для Скрипко,
когда мы освободили

этот район, и я ему сказал: "Товарищ Скрипко, можете поехать
в Мачоху. Ни

один дом не сожжен, Мачоха вообще никаких потерь не имела. Спрашивается,

куда летчики сбросили бомбы? Что горело, когда вы докладывали, что все там

уничтожено?". И потом я часто спрашивал при встречах: "Товарищ Скрипко, так

как там Мачоха?". Мачоха стала для него нарицательным понятием. Конечно, в

боевых операциях было и то, и другое. И бомбили, и зажигали, и уничтожали, и

разносили врага. Но бывали и случаи, когда доносили о таких вещах, которые

были построены неизвестно на чем. Была ли то сознательная ложь или они

куда-то сбросили ночью бомбы, просто потеряв ориентировку? Трудно сказать. Я

сейчас даже не помню, было ли вообще что-либо сожжено вблизи Мачохи.

А вот еще и такой случай. О нем я знал со слов Сталина. Когда мы воевали

с Финляндией в 1939/40 г., то тогда тоже доносили, как наши летчики

уничтожали паровозы противника. Имелся приказ лишить финнов паровозов, чтобы

создать им затруднения в пользовании железнодорожным транспортом. Донесли,

что мы столько набили этих паровозов, что у них ни одного целого паровоза не

осталось (20). Когда же мы вошли в этот район, то и не нашли битых

паровозов. Сталин прямо говорил: "Врали!". Я не могу говорить так грубо.

Одно дело - врать, другое дело - ошибаться. Это же война. Не думаю, что

врали сознательно. Нет, думаю, что ошибались, а ошибки возможны, тем более

при ночной бомбежке.

(1) 12 июля 1943 г. начали наступление Западный и Брянский фронты, 15

июля - Центральный фронт.

(2) Генерал-фельдмаршал фон В. БРАУХИЧ (1881 - 1948) являлся

главнокомандующим сухопутными вооруженными силами Германии с 1938 года.

Уволен в отставку в декабре 1941 года.

(3) Генерал-лейтенант РОТМИСТРОВ П.А. командовал тогда 5-й Гвардейской

танковой армией.

(4) Дважды Герой Советского Союза генерал армии (в описываемое время -

генерал-лейтенант) БАТОВ П.И. командовал тогда 65-й армией, которая

участвовала в Сталинградской битве в составе Донского фронта.

(5) Вторичное освобождение Белгорода состоялось 5 августа, а Харькова -

23 августа 1943 года.

(6) Речь идет о баритоне, солисте Киевского театра оперы и балета (с 1957

г. народном артисте СССР) ЛАПТЕВЕ К.А.

(7) В 1943 г. первым секретарем Харьковского обкома партии недолго

являлся ЕПИШЕВ А.А., но он не утверждался в ЦК ВКП(б), и после него

оставались в должности только второй секретарь ПРОФИТИЛОВ И.И. и третий

секретарь МАКСИМОВ М.Д. А ЧУРАЕВ В.М. стал первым секретарем в 1944 году.

(8) СВИНАРЕНКО П.Г. погиб в мае 1942 года. Когда в августе 1943 года

Харьков освободили, на этот пост сначала никто не был назначен, а

обязанности председателя облисполкома исполнял военный комендант,

заместитель командующего 69-й армией генерал-майор ТРУФАНОВ Н.И.

(9) 4-й Гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск

ПОЛУБОЯРОВА П.П.

(10) Начальник штаба Воронежского фронта генерал-лейтенант ИВАНОВ С.П.

(11) В отечественной истории это выражение впервые было употреблено как

будто бы в 1773 году, когда во время русско-турецкой войны отряд генерала

СУВОРОВА А.В. совершил успешный "поиск на Туртукай", разбив внезапной атакой

превосходящие силы противника. При этом Суворов

предпринял действия,

выходящие за рамки начальственного предписания. Его непосредственный

начальник пожаловался Екатерине II, но царица написала на рапорте:

"Победителей не судят", - после чего это выражение вошло у нас в обиход.

(12) Генерал-лейтенант КУЛИК Г.И. командовал 4-й Гвардейской армией с

апреля по сентябрь 1943 года.

(13) Член ВКП(б) с 1926 г. полковник ШЕПИЛОВ Д.Т.

(14) Он был уроженцем хутора Дудниково Полтавской губернии.

(15) Это был генерал-лейтенант ЗЫГИН А.И.

(16) Генерал-лейтенант ГАЛАНИН И.В.

(17) Генерал-лейтенант авиации КРАСОВСКИЙ С.А.

(18) Генерал-лейтенант авиации ФАЛАЛЕЕВФ.Я. в 1942г. командовал

Военно-Воздушными Силами на Юго-Западном направлении.

(19) Генерал-лейтенант авиации СКРИПКО Н.С. являлся тогда заместителем

командующего Авиацией дальнего действия.

(20) Речь идет об авиационных бомбардировках участка железной дороги

северо-западнее Выборга, между станциями Икспя и Вайниккала.

КИЕВ СНОВА НАШ!

И вот дожили мы до того времени, когда наши войска опять вышли к среднему

течению Днестра и захватили небольшие плацдармы на правом его берегу (1). Вы

можете себе представить, какая была радость у всех? Возможно, я

преувеличиваю, но у меня была особая радость: я ведь "отвечал" за Украину,

был секретарем ее ЦК Компартии. К тому же детство и юность я провел, работая

на заводах в Донбассе, и сжился с этими районами. Совсем еще недавно я очень

переживал отступление Красной Армии. До сих пор помню ту ужасную картину:

сплошные потоки беженцев с детишками, с курами, с гусями, с козами, с

коровами. Страшная картина! А теперь мы двигаемся вперед, на Запад.

1953 год - год радости, победного наступления наших войск. Мы вышли к

Днестру, заняли Переяслав (2), этот исторический город. В нем Богдан

Хмельницкий принимал русских послов и подписал договор о том, что Украина

входит в состав Российского государства, становится под руку

русского царя.

Буржуазные националисты проклинали и этот день, и этот город, называли

подписанный договор "Переяславской угодой", которая закабалила Украину. Ну,

да ведь это националисты... Действия Богдана Хмельницкого были прогрессивны,

они сыграли полезную роль в истории и украинского, и русского народов.

Объединились два великих родственных народа, русские с украинцами, и после

этого вместе переживали все радости и горести.

Мы с Ватутиным торжествовали. Ватутин перед войной был начальником штаба

Киевского Особого военного округа (З), долго жил на Украине. Нам с ним уже

мерещилась Киево-Печерская лавра над Днепром. Я и сейчас радостно вспоминаю

те дни, когда мы изгоняли немцев и подошли к Днепру. На подступах к Днепру

случалось, что мы брали в плен (или они сами перебежали к нам со стороны

противника) русских, вообще советских людей. Помню, допрашивал я одного из

них. Он сам сдался в плен, перейдя линию фронта, молодой человек, довольно

решительный. Он рассказал, что в составе немецких войск имеются русские

соединения, составленные из военнопленных. Их называли

"Власовцы", так как

командовал этими войсками Власов. Не на нашем участке, а вообще командовал.

Его части не были сосредоточены в одном месте и были как бы вкраплены в

немецкие войска, но их командующим все-таки считался Власов (4). Я

расспросил этого парня подробно, как он перешел к нам, в каком месте. Он

сообщил, что перешел сам, но там остались и другие, которые тоже ищут

удобного момента с тем, чтобы перейти к нам. Они записались во Власовскую

армию только для того, чтобы их послали на фронт, а не оставили в лагере

военнопленных, где они были обречены на смерть.

Разведка поработала с этим парнем. Его послали через линию фронта к

врагу, и он вернулся и с собой привел еще несколько власовцев. Немецкое

командование буквально засыпало наших солдат листовками с призывом, чтобы

они сдавались в плен; что на немецкой стороне действуют русский генерал

Власов и еще какой-то бывший наш генерал, не помню его фамилии. Это тоже был

изменник Родины, который перебежал к врагу. Этот перебежчик раньше был

секретарем райкома партии в одном из районов Москвы.

Просто невероятный

случай, но такой случай имел место. Я видел трофейные фотоснимки, их было

очень много: оба они, прежний секретарь райкома и Власов в немецкой форме,

причем первому немцы присвоили генеральское звание, в Красной Армии он

такого звания не имел.

Немцы тогда много распространяли и других листовок, а также открыток - с

фотографией сына Сталина. С сыном Сталина Яковом я знаком был не так уж

близко, но встречался с ним на квартире у отца, когда бывал там. О нем я

слышал только хорошее: это был серьезный человек. Он окончил какой-то

институт и был инженером, не знаю, по какой специальности. Сталин его

критиковал: "Вот, получил ты звание инженера, а нам нужны военные кадры". И

предложил ему поступить в Артиллерийскую академию. Тот ее окончил. Когда

началась война, он был уже офицером-артиллеристом, сражался на Белорусском

направлении и там попал в плен. После войны было затрачено много усилий,

чтобы найти какие-то его следы. Мы ничего не смогли найти. Видимо, его

уничтожили. Во всяком случае, он бесследно исчез. Фотоснимки

же были такие:

Яша гуляет, а на каком-то удалении от него ходит немецкий офицер. Были и

другие снимки и даже обращения от его имени. Все это, конечно, было

сфабриковано немцами, не производило впечатления и не вызывало никакого

доверия не только у людей, которые знали Яшу, но и со стороны наших солдат

(5).

Однажды меня вызвали в Москву. Я выезжал туда чаще всего по вызову, по

инициативе самой Москвы, и не помню, были ли случаи, когда я просился

приехать сам. Беседы обычно проходили за столом у Сталина. За столом, к

сожалению, питейным. Всегда наиболее острые вопросы подымались уже в позднем

часу, когда за столом было потрачено много времени, а значит, много съедено

и выпито. И вот как-то раз (а это было несколько раньше описываемых событий)

Сталин обратился ко мне: "Вот Власов, что же он, изменник? Я этому не верю".

Отвечаю: "Я тоже слабо верю в это". Потом раза два или три Сталин

возвращался к имени Власова. Сначала это произошло, когда впервые услышали,

что какой-то русский генерал Власов сражается на стороне

немецких войск. Мы

тогда сочли это за немецкую пропаганду, за какую-то уловку.

Прошло некоторое время, и мы стали брать в плен именно власовцев. И когда

я попал в Москву, Сталин возвратился к вопросу о Власове: "Что же он,

действительно предатель?". Отвечаю: "Сейчас уже не может быть сомнений. Мы

берем в плен людей в немецкой форме, и они называют себя власовцами. Видимо,

действительно Власов сражается на стороне противника". "Тогда придется, -

говорит Сталин, - объявить о том, что он стоит вне закона, что он

предатель". - "Безусловно, - отвечаю, - это надо сейчас сделать, чтобы наша

пропаганда противостояла немецкой, а не то получается односторонняя

пропаганда. Мы замалчиваем этот факт и не принимаем никаких контрмер, вроде

бы у нас и аргументов нет". Состоялась соответствующая публикация, и

началась контрпропаганда в рядах Красной Армии и в партийных организациях по

этому поводу.

Однажды, после уже довольно продолжительного "заседания" за столом,

Сталин опять поднял вопрос о Власове. Каждый из участников того застолья

помнит, что это был "тяжелый" стол. Трудно было дождаться, когда же он

кончится, да и неизвестно, чем кончится. Раз Булганин наедине сказал мне;

"Приглашают тебя, едешь к нему в гости, там тебя поят, кормят, а потом и не

знаешь, куда ты поедешь: сам ли домой к себе или тебя отвезут куда-нибудь и

посадят". Эти слова не лишены истины. Действительно, такое, видимо, каждый

из нас тогда переживал. Случались у Сталина приступы гнева, неожиданные,

невероятные вспышки. Верховодили голая власть, неограниченная

беспрекословность, порой "награждение" всяческими неприличными эпитетами

даже близких к нему людей. Самыми близкими людьми считались до войны

Ворошилов, Молотов и в какой-то степени Микоян. На более позднем этапе к ним

причислили и Берию. Другие числились, так сказать, близкими людьми второго

или, может быть, третьего сорта, потому что они по годам составляли младшее

поколение и не прошли столь длительной стадии совместной деятельности со

Сталиным. Молотов, например, давно с ним был знаком. Ворошилов - тоже, с

дореволюционного времени. А в гражданскую войну, когда Ворошилов командовал

армией и отступил к Царицыну, там они со Сталиным сошлись особенно близко.

Вот в таком окружении Сталин и поднял вопрос: "Почему Власов стал

предателем?". Отвечаю: "Теперь уже это бесспорно, что он предатель". - "А вы

его хвалили, выдвигали его". - "Верно, - говорю, - я его выдвигал

командующим 37-й армией. Ему была поручена защита Киева, и он блестяще

справился со своей задачей. Немцы не взяли Киева, Киев пал в результате

окружения наших войск значительно восточнее Киева. Потом Власов вышел из

этого окружения. Я его действительно хвалил и не раз говорил Вам о его

достоинствах. А сколько раз Вы сами его хвалили? Ведь когда после падения

Киева он вышел из окружения. Вы вновь назначили его командовать армией, и он

отличился при обороне Москвы (6). Вы наградили его, товарищ Сталин, за

операцию под Москвой. А потом Вы назначили его на ответственный участок, на

Валдай. Там он опять попал в окружение, снова выходил из окружения и опять

вернулся. Вы ведь предлагали его назначить командующим войсками

Сталинградского фронта, говорили мне, чтобы я назвал имя командующего, и тут

же сказали, что наиболее подходят или Еременко, который лежит в госпитале,

или Власов; сказали, что назначили бы Власова, но его нет. Так что и я

хвалил, и Вы его хвалили: дела у него были такие, которые заслуживали

похвалы. А потом он стал предателем, и теперь уж в этом нет сомнений".

Скажу в дополнение, что Сталин говорил раньше о Власове при всех, и все

слышали, как он его хвалил, утверждал, что тот оказался бы наилучшим

командующим войсками Сталинградского фронта. Так что после его замечания за

столом и моего такого ответа Сталин при мне более не поднимал этого вопроса.

Хотя, действительно, случай с Власовым был большим огорчением и для меня.

Очень трудно тогда было объяснить, да и сейчас просто невозможно понять, как

это произошло: человек стойко сражался, хорошо действовал, производил очень

выгодное впечатление, успешно завоевывал симпатию у вышестоящих по службе

людей и потом вдруг стал предателем. Отчего бы ему не стать предателем в

первый раз, когда он оказался в окружении, командуя 37-й армией, которая

защищала Киев? А он же вышел! Вышел к нам буквально пешком, когда мы

находились уже перед Воронежем. Это произошло накануне наступления наших

войск на Московском направлении. Как только он вышел оттуда и как только мы

донесли Сталину, что Власов вышел из окружения, то сейчас же получили приказ

немедленно отправить его на самолете в Москву. Мы его отправили, и я,

признаться, тогда думал, что, может быть, имеются какие-то сведения,

компрометирующие Власова, и его хотят в Москве допросить? Позже мы узнали,

что он и под Москвою командовал армией, что эта армия действовала очень

хорошо, а он был награжден.

В чем же дело? Сложные тогда переживания возникали у людей. Некоторые

люди таких переживаний не выдерживали. Я не думаю, что он был когда-то

раньше завербован, стал вражеским агентом. По натуре он был, видимо,

неустойчивый человек и с плохим характером. Считался порядочным коммунистом,

но ничего глубоко идейного внутри в нем не было. Сам он по образованию

учитель; вероятно, очень лояльно относился к Советской власти в первые годы;

может быть, и корыстные цели при этом преследовал, оставаясь в компартии с

тем, чтобы занять выгодное служебное положение. Таких, к сожалению, было у

нас немало, и думаю, что сейчас таких карьеристов еще больше. Я говорю

"карьеристов" условно, потому что завершился карьеризм Власова прямым

предательством. Тут уже явление другого характера.

Таких людей, как Власов, встречается немного, но, с другой стороны,

Власов и не исключение. Был позднее полковник Пеньковский, который тоже

занимал высокое положение, работал в органах нашей разведки, ему доверяли

следить за другими лицами, находившимися за границей. Для этого он не раз

ездил туда. Как вдруг переметнулся к врагам. К сожалению, Пеньковский тоже

был не одинок. Но наиболее яркий из всех случаев предательства - случай с

Власовым. И он был наказан по заслугам: его осудили после войны и повесили.

Итак, вышли мы с войсками к Днепру и захватили небольшие плацдармы на

правом берегу. Однако Днепр - преграда существенная, и, чтобы перебросить

через него технику и массу войск, мы хотели создать большой плацдарм. Для

начала было решено выбросить на правый берег воздушный десант. Его

подготовили, и казалось, все идет хорошо. Но встал вопрос о погоде. К нам

прибыл тогда по рекомендации Генерального штаба ученый-метеоролог, чтобы

лучше выбрать время выброски десанта. Мы были, конечно, рады, что он

приехал. Пользуясь его данными о силе и направлении ветра, выбрали день и

час выброски.

Перебрасывал десантников на самолетах генерал Скрипко (7), командовавший

тяжелой бомбардировочной авиацией, и именно ее мы использовали под десант. А

когда десант был выброшен, мы вскоре узнали, что парашютисты вместо того,

чтобы приземлиться на правом берегу, приземляются или в Днепр, или на левом

берегу, буквально на окопы переднего края наших войск. Имели место

инциденты, когда наши войска хватали этих парашютистов и буквально душили.

Те начинали объясняться по-русски, но их принимали за Власовцев, говорили:

"Вы предатели", - и с еще большей озлобленностью расправлялись с ними. А те

кричали: "Мы десантники!". Представляете, сколько людей понапрасну погибло в

Днепре? Это был такой позор! А приезжий "бог погоды", как нам его

отрекомендовали, сразу же "испарился" и убежал в Москву.
Негодование у нас

по отношению к нему было большое, но я не имел возможности
встретиться с ним

после высадки десанта. Происходили и такие печальные случаи
на войне. Все

было возможно, потому что это и есть настоящая война.

Потом, уже, в более спокойной обстановке, когда я вспоминал
о нем, то

лучше вошел в его трудное положение, потому что в то время
он пользовался

очень ограниченными сведениями, чтобы определить, какими в
таком-то месте и

в такое-то время будут направление течения воздуха и его
скорость. Для

точного ответа надо иметь метеоданные с обширного района.
Конечно, этих

сведений не имелось. Какова погода за Днепром, мы совсем не
знали. Поэтому я

понимал, что здесь не персональная вина, что человек был
честен, а его

ошибки объяснимы, потому что он не располагал точными
исходными данными.

Стали мы готовить переправу через Днепр. А пока ходили
вдоль Днепра,

смотрели на него и просто радовались. Пели хорошую песню, я
и сейчас ее

очень люблю, она у меня записана на магнитофоне. Слова к ней
написал поэт

Долматовский: "Ой, Дніпро, Дніпро" (8). Отличная песня. В тяжелейшие времена

нашего поражения, отступления, оставления Украины многие украинцы обретали в

этой песне надежду, что вернемся мы на Днепр. И вот мы пришли к нему,

священной для украинского народа реке. Вышли же на Днепр севернее Киева 38-я

и 40-я армии, а 3-я Гвардейская танковая и 27-я армии немного южнее

Переяслава. 40-я армия генерала Москаленко (потом ею командовал Жмаченко)

вышла в район Ржищева. 38-я армия генерала Чибисова (затем ее возглавил

Москаленко) создала себе плацдарм в районе Межигорья (9). После боев на

Курской дуге некоторые другие армии нашего фронта попали в резерв Верховного

Главного командования, им предоставили возможность пополниться и отдохнуть,

поскольку фронт в ширину у нас сузился.

Позднее мне рассказывал Москаленко, как он на плоту без мотора

переправлялся через Днепр. Плот был составлен из каких-то обломков

деревянных построек. Когда он добрался до середины реки, как раз налетели

немецкие самолеты. Они бомбили все, что плыло по Днепру, и Москаленко попал

в тяжелую обстановку, но благополучно добрался до правого берега и не

пострадал. А мы с Николаем Федоровичем Ватутиным переправлялись на правый

берег на катере. Посредине реки у нас вдруг заглох мотор. Летали вражеские

самолеты, но не бомбили, и только немецкая артиллерия вела огонь вслепую по

Днепру, чтобы мешать переправе войск. Вскоре мы расширили свой плацдарм и

перебросили войска на Правобережье. 3-ю Гвардейскую танковую армию, которой

командовал генерал Рыбалко (10), замечательный, уважаемый мною военачальник,

мы переправили сначала на Букринский плацдарм (11), имея в виду ударить

оттуда в сторону Киева, с юга. Мы считали, что там ровная местность. Но на

Букринском плацдарме она оказалась довольно пересеченной и тяжелой для

наступления, а хорошей для обороны.

Дважды мы там наступали, однако успеха не добились, потеряли некоторое

количество танков и прекратили наступление (12). В это время уже надвинулась

осень. Шла вторая половина октября, начались дожди, земля раскисла. Это в

чем-то нам благоприятствовало, потому что дожди и пасмурная погода мешали

противнику вести воздушную разведку. Мы решили прекратить наступление с

Букринского плацдарма и переправить танковую армию и пехоту назад, на левый

берег, чтобы перебросить эти войска севернее Киева, в район Межигорья, туда,

где расположились села Ново-Петровцы и Старо-Петровцы (13). Так и поступили.

Нам повезло: в то время, когда мы перебрасывали на север танковую армию,

была совершенно нелетная погода. Танковая армия прошла уже километров 100,

наверное, и в некоторых местах подошла прямо к Днепру, а противник не

заметил этой перегруппировки.

Теперь мы стали вести подготовку к наступлению на участке севернее Киева,

из района Вышгорода. Там был довольно оголенный плацдарм (14), а дальше

тянулись лес и устье реки Ирпень: в целом небольшое пространство было, но

вполне достаточное для сосредоточения войск и нанесения удара по немцам. На

крайнем правом крыле нашего фронта, когда мы подошли к Киеву, Верховное

главнокомандование передало нам из состава Центрального фронта Рокоссовского

13-ю и 60-ю армии. Командовали ими очень хорошие генералы Пухов и

Черняховский (15), и мы были довольны, получив такие армии перед

наступлением на Киев. Ставка предложила нам наступать не там, где мы выбрали

место в районе Ново-Петровцев, а еще севернее, ближе к городу Козелец. Это

от Киева километрах в 60. Там как раз была расположена 60-я армия, она-то и

должна была начать наступление, а затем включились бы 38-я и другие армии,

стоявшие южнее. Так мы и стали готовиться. Поехали в 38-ю, к Чибисову. Его

штаб располагался в лесу, неподалеку от реки Десны. Забыл, как называлось

это село, бедное такое, земли там плохие, песчаные.

Когда мы с Ватутиным ехали к Чибисову, я увидел двух повешенных. Тогда

был отдан приказ, разрешающий вешать предателей местным жителям с тем, чтобы

дать им удовлетворение, потому что над ними эти предатели раньше издевались.

Если их ловили, то разрешалось судить их на месте и сразу вешать. И вот

висели два человека: один - заросший такой бородой, что она резко оттеняла

лицо, черной густой бородой. Видимо, еще не старик, а отпустил бороду. Может

быть, он пользовался ею, как маской? Когда мы зашли к Чибисову и он доложил

обстановку, я спросил: "Товарищ Чибисов, мы видели двух повешенных. Что это

значит? Что это за люди? Какое они совершили преступление и кто их вешал?".

"Он ответил: "Да, теперь такие стали порядки. Дали им права, вот они поймали

и повесили". Мне очень не понравился его ответ. Он, видимо, сам не

разобрался, кто там был повешен и за что.

Я вышел из помещения (а тут ходил народ) и спросил: "Вон висят люди. Что

это за люди? Вы их знаете?". "Как же, знаем". - "Ну, и кто же это?".

"Повешен наш кузнец. Это мы его повесили". Потом говоривший назвал и второго

повешенного. "За что же вы их? Какое они преступление совершили?". "Когда

немцы пришли, кузнец выдавал коммунистов и комсомольцев. Он выдал нашу

учительницу, и немцы ее повесили. Поэтому и мы его повесили как предателя".

- "А те, которые были старостами при немцах, они убежали?". "Нет, наш не

убежал. Это очень хороший, честный человек. Он помогал партизанам, и мы его

оберегаем, несмотря на то, что он был старостой. Он был старостой, потому

что его назначили, надо же было кого-то назначить. Мы считаем, что он делал

все, что в его силах, чтобы спасти село, спасти людей". Я
возвратился в

помещение и сказал: "Товарищ Чибисов, вот вы говорите,
что творят

беззаконие, а вы бы послушали людей. Они утверждают, что те
заслужили свое

наказание. А относительно старосты, который был при немцах,
считают, что он

достоин защиты, и оберегают его. Так что дело обстоит не
так, как вы

говорите: ловят без разбора и вешают. Нет, они разбираются,
кого защитить, а

кого наказать". Вообще генерал Чибисов был мне
несимпатичен. Характер его

мне крайне не нравился. Я уже раньше говорил об этом и
повторяю сейчас.

Итак, мы получили приказ наступать западнее Козельца. Это -
ориентир, а

не то, что буквально там стояли наши войска. Они уже были
за Днепром.

Поехали мы и в 60-ю армию. Мне хотелось познакомиться с
ее командующим

генералом Черняховским. Очень уж он привлекал к себе
внимание. Слухи,

которые до меня доходили, свидетельствовали о том, что
это очень

перспективный человек и молодой еще по возрасту генерал (16).
Приехали. Он

произвел на нас впечатление своим умом и докладом, который
он сделал со

знанием обстановки, расположил к себе. Наступать? Он знал, когда надо

наступать! Приказ был спущен, и он тщательно готовился к наступлению, причем

довольно категорично сказал, что время, которое ему дали для подготовки

наступления, его не устраивает, надо бы еще три дня.

Я уже рассказывал, как реагировал Ватутин, когда Трофименко попросил у

него несколько сместить удар с того направления, которое было назначено

ранее. А тут Черняховский требует, чтобы отложили наступление на три дня,

хотя Ставка приказала наступать такого-то числа. Ватутин вскипел и стал

доказывать, что приказ надо уважать и выполнять. Ну, вижу я, что он просто

не слушает Черняховского, и говорю: "Николай Федорович, пусть он нам

доложит, зачем ему нужно три дня?". И вижу, что у Черняховского тоже глаза

уже засверкали и что он тоже может проявить свой характер. "А вот, -

отвечает, - почему. У меня роты имеют такое-то количество солдат. Запасный

полк находится на таком-то направлении. Сейчас он на марше, прибудет

тогда-то. Пополнение я смогу дать в роты, которые будут наступать, буквально

вечером накануне наступления. А утром - наступать.
Командиры рот совершенно

не знакомятся с людьми, которых они получают. Не
обнюхаются между собой

солдаты, а командир не только не изучит новичков, но даже не
познакомится с

ними. Как же можно так наступать? Можно лишь людей
потерять и не решить

задачу. Дайте мне три дня. Придут люди. Я с ними поработаю и
тогда буду

уверен, что решу задачу, сломя сопротивление противника,
который стоит

передо мной, и разовью наступление в том направлении,
которое указано в

приказе". Я: "Давайте сделаем перерыв в работе, отдохнем".

Сделали перерыв. Хороший выдался денек. Вышли мы из
помещения на воздух и

отошли с Ватутиным в сторонку. Говорю: "Николай Федорович,
дадим ему эти три

дня! Позвоним Сталину, я убежден, что Сталин с нами
согласится. Какая

разница Сталину, сейчас наступать или на три дня позже?
Если командующий

говорит, что он не ручается за успех и что мы можем поставить
под удар наши

войска, то лучше сделать так, как рекомендует генерал".
Ватутин согласился:

"Ладно, позвоним". Он, видимо, дал согласие потому, что уже
был пример с

27-й армией: тогда он со мной не согласился, а я Сталину послал шифровку.

Конечно, я сделал бы это и в данном случае, потому что для меня слово

командующего армией, когда я видел, что он на верном пути и правильно

рассуждает, значило многое. Как же я, член Военного совета фронта, могу не

поддержать разумное решение, тем более что я был свободен от ложного

принципа некоторых военных: приказ отдали, следовательно, его нужно

держаться и заставляя выполнять, невзирая ни на что. Ну и что, если приказ

отдан? Раз обстановка требует изменения приказа, то самое разумное -

изменить его, чтобы учесть то, что выявилось после его отдачи, а потом уже

действовать либо в этом же направлении, либо менять направление наступления,

в зависимости от обстановки, новых обстоятельств.

В данном случае я был доволен, что Николай Федорович согласился. Говорю:

"Вы звоните Сталину. Вы командующий войсками фронта, вам и звонить". Это ему

понравилось. Я сам никогда не любил звонить Сталину, должен звонить

командующий. Если же я и звонил, то лишь по тем вопросам, о каких считал

нужным лично доложить Сталину. Чаще Сталин меня сам вызывал. Одним словом,

позвонили Сталину, и Сталин согласился без всякого сопротивления: "Хорошо,

разрешаем перенести наступление на три дня". Тогда наступление

осуществлялось только нашим фронтом, так что особых других забот по этой

линии у Сталина не было. Были, конечно, иные заботы, потому что шла война.

Но активные операции проводились в те дни практически только у нас.

Мы пообедали с Черняховским и сказали ему, что его просьба

удовлетворяется: ему даются три дня для подготовки войск к наступлению.

Сказали также, что к началу наступления мы к нему приедем. Распрощались и

отбыли. Мы ехали лесом. Попали на большую поляну, а она вся была усеяна

немецкими могилами. Немцы разбили ее на правильные квадраты, каждая могила

имела свой березовый крест. Эта картина производила жуткое впечатление:

сколько же там побито было людей? Но нам, не стану скрывать, она принесла и

какое-то удовлетворение: вот, мол, пришли вы за чужим жизненным

пространством и нашли его в этих лесных могилах. Я потом порекомендовал: "Не

**разрушайте эти могилы, сохраните их в таком виде, как есть.
Пусть наши люди**

**смотрят, что захватили завоеватели для себя (как говорили в
старое время:**

**три аршина земли)". Думаю, что это кладбище - результат
"работы" нашей 5-й**

**армии генерала Потапова, которая сражалась в этом районе,
когда немцы**

наступали здесь в 1941 году (17).

**Вскоре мы получили приказ отставить наступление 60-й
армии и наступать на**

**том направлении, где мы предлагали раньше: в районе
Ново-Петровцев.**

**Ново-Петровцы от Киева находятся километрах в 27. Нам надо
было пробиться**

**вперед через лес, который занимал противник, а наши войска
располагались в**

**чистом поле. Когда мы выбирали тут место форсирования
Днепра и создания**

**плацдарма, я говорил Чибисову: "Смотрите, лучше всего этот
участок", - и**

**показал в направлении через Ново-Петровцы. Я хорошо знал это
место, потому**

**что там прежде были расположены правительственные дачи.
Когда-то это был**

**старинный казачий монастырь. В нем жили запорожские
казаки, когда старели.**

**Они отказывали свои богатства безродным, а доживали свой
век и умирали в**

этом монастыре. После переезда украинского правительства из Харькова в Киев

тут организовали дачи. Там жил Косиор, там жил Петровский, там жил Постышев.

Когда я приехал на Украину, то и я там жил вместе с Бурмистенко, Корнийцом и

другими товарищами. Так что эту местность я знал: это маленький ровный

пятачок в окружении гор, с садом и довольно крутым мощеным выездом. Я

считал, что если мы здесь форсируем реку, то у нас сразу появится

оборудованная дорога, по которой могут проходить танки и пехота. Самое

главное: этот район недоступен, потому что с запада он прикрывается

глубоким, совершенно танконепроходимым оврагом. Имеется только узкая дорога,

которую легко можно перекрыть огнем артиллерии. Тут буквально можно

выдерживать осаду.

Чибисов доложил мне: "Заняли правительственную дачу" (он даже сказал:

"Заняли вашу дачу"). Но ведь ни у кого из нас личных дач не было. Это

государственные дачи, и я там жил вместе с другими лицами из руководства

республики. И мы стали готовиться к наступлению на этом плацдарме. Когда

подготовились, решили поехать с Ватутиным в штаб 38-й армии, к Чибисову. Его

штаб находился на большом удалении оттуда, за Днепром. Мы ему сказали:

"Переносите свой штаб или в Старо-Петровцы, или в Ново-Петровцы, при

наступлении следует быть ближе к войскам". "Есть, - ответил он, как старый

офицер, - будет сделано". Он вообще любил обычно отвечать такими

стандартными фразами. Но я не доверял ему.

Наш фронтовой штаб стоял немного юго-восточнее Бровар, в селе Требухово.

Это недалеко от Киева, то есть на левом берегу Днепра, у болот. Перед тем

как поехать в новое расположение армейского штаба к Чибисову, я говорю:

"Николай Федорович, позвоните Чибисову, выехал он из старой квартиры? Где

он? На новой квартире или где-либо еще?". Ватутин звонит, я стою тут же

рядом, мы уже оделись, чтобы ехать. Слышу: "Где вы, товарищ Чибисов? Где

ваша квартира? Вы находитесь на новой?". "Да, я на новой квартире". -

"Хорошо, мы сейчас выезжаем к вам с членом Военного совета. Организуйте

встречу, чтобы мы побыстрее нашли вас". Ватутин положил трубку, а я опять

говорю: "Николай Федорович, вы уточните, где эта его новая квартира?". Тот

опять звонит. Уточняем. Оказывается, там какой-то островок или полуостровок

имелся на Днестре, и какой-то хутор на нем. Вот он и расположил там свой штаб

вместо того, чтобы быть на плацдарме. Я только взглянул на Ватутина и ничего

не сказал. А Николай Федорович аж позеленел и начал ругаться. Говорю:

"Видите, какой это человек? Очень ненадежный человек. Обманет, как цыган".

Я потому отнесся к нему с недоверием и стал все уточнять, что это был у

нас с ним не первый такой случай. Когда мы готовились наступать еще на

Курской дуге и пришла очередь действовать 38-й армии, мы тоже перед началом

наступления решили поехать в эту армию и там провести совещание. Мы тогда

называли Чибисову точное место - село, где он должен разместить свой штаб.

Села тогда все были пустыми, действовал приказ о выселении с переднего края

всех крестьян. Чибисов должен был разместить свой штаб близко к переднему

краю. С ним ездили его жена и дочь, и он возил с собой чуть ли не корову или

козу. Адъютантом у него был его зять. Одним словом, это был какой-то

подвижной казачий хутор. Он сам казак. Из-за семьи ему
несподручно было

прижиматься к переднему краю. И тогда, когда мы ехали в 38-ю
армию, я сказал

Ватутину: "Спросите его, он на новой квартире?". Чибисов
ответил: "Да, на

новой". Мы поехали на эту новую квартиру. Прибыли. Село
совершенно пустое. У

крестьянских хат двери закрыты, на подворье все заросло
бурьяном и крапивой.

Обычно штаб легко найти. Там всегда вертятся офицеры, видны
охрана и линии

связи. Тут ничего этого не было. Мы туда, сюда, по дорогам
проехали: нет, да

и только! Тогда мы остановились около какого-то дома, сели
на крыльцо и

рассуждаем, а адъютанта послали посмотреть еще раз. Смотрим,
едет генерал.

Видим, Чибисов.

Ватутин набросился на него: "Как же мы раньше вас
приехали? Вы же

сказали, что вы на новой квартире?". "Никак нет". Я был
просто поражен такой

его наглостью. Командующему войсками фронта командарм так
отвечает! Я сам

ведь был свидетелем того, как Ватутин уточнял, где находится
Чибисов. Я об

этом докладывал потом Сталину, но Сталин почему-то
относился к Чибисову

значительно терпимее, чем к другим людям, которые и сотой доли такого не

делали. Он знал его по Царицыну как казачьего офицера, который служил в

Красной Армии. Это, конечно, большая заслуга, особенно в те времена, когда

казачество в основном поднялось против Советской власти. Но все же...

Возвращаюсь к Киевской наступательной операции. Приехали мы к Чибисову на

хутор и сказали, что надо ему организовать новую квартиру, на правом берегу

Днепра, чтобы быть непосредственно с войсками, когда они начнут наступать, а

не здесь. Какое же может быть управление войсками через Днепр? Договорились,

когда начнем наступление, и уехали. Приехали к себе в штаб, и я сказал

Ватутину: "Начнется наступление на этом участке, и если командовать будет

Чибисов, то я опасаюсь за исход дела. Чибисов не обеспечит занятие Киева.

Хотя и мы в это же время будем у него, но все-таки командует армией он. Он

будет распоряжаться, а мы-то не будем его подменять". - "Да, верно. А что

делать?". "Давайте возьмем на эту армию Москаленко. Поставим вопрос перед

Сталиным: пусть он освободит Чибисова и утвердит Москаленко". Ватутин

согласился. Сейчас же мы написали шифровку. Тут Сталин позвонил, и я ему по

телефону объяснил обстановку: "Как же можно положиться на такого

командующего?". "Согласен, утверждаем", - говорит Сталин. Мы тут же

позвонили Москаленко и приказали ему сдать армию своему заместителю, а

самому немедленно прибыть в штаб фронта. Оттуда сейчас же направили его в

38-ю армию, чтобы он начал готовить ее к освобождению Киева.

В Москаленко я был уверен. Каждый человек имеет те или другие недостатки;

как говорится, один бог без греха. Каждый имеет какие-то свои "пятна". Я не

буду говорить сейчас о недостатках Москаленко, я уже говорил о них прежде. А

что у него положительное, что я высоко ценил, так это его неутомимая

энергия. Она проявлялась иной раз весьма бурно, ломая и "культурные

растения" в своем развороте. Но направлена она была прежде всего на то,

чтобы сломить врага. Когда наступает армия Москаленко, то, если ведутся три

дня интенсивные бои, он все три дня не ест. С виду он всегда был как

какой-то Кощей Бессмертный, а тут вообще остаются кожа да кости.

Москаленко с радостью принял наше распоряжение. Это было для него честью

- освободить столицу Украины Киев. Он сказал: "Все сделаю, что в моих силах;

убежден, что задачу мы решим и займем Киев. Только прошу, переведите ко мне

членом Военного совета Епишева" (18). Епишев был членом Военного совета в

40-й армии, которой раньше командовал Москаленко. Мы позвонили Сталину. Хотя

Сталин не знал Епишева, для него это не стало проблемой. "Можете, - говорит,

- перемещать". Переместили мы Епишева и назначили его членом Военного совета

38-й армии. Стали готовиться дальше. Перебросили сюда же танковую армию

Рыбалко. Имелся на этом участке и танковый корпус, очень слабенький, но все

же корпус. Им командовал генерал Кравченко (19). Одним словом, у нас были

там неплохие силы. На переднем крае, на участке главного удара наших войск,

мы сосредоточили на один километр свыше 300 артстволов, включая минометы, на

протяжении четырех километров по линии фронта. До того сосредоточения столь

плотного огня на одном участке мы, по-моему, никогда еще не имели. Мы были

совершенно убеждены в нашем успехе.

В составе войск нашего фронта была и чехословацкая бригада. Я недавно

слушал по радио юбилейную передачу о боях, которые велись под Соколове, у

Харькова. Там имелся в составе войск нашего фронта только один чехословацкий

батальон (20). Хорошие были бойцы! Мы с Ватутиным к ним приехали в дни,

когда из батальона формировалась бригада. Небольшой она была по численности.

Командовал ею полковник Свобода. Мы с Ватутиным беседовали и с ним, и с

другими офицерами. Он произвел на нас хорошее впечатление. Хотя он и был

беспартийный, старый офицер Чехословацкой армии, но считался близко стоящим

к коммунистам. Поэтому он знал, что в его бригаде существует партийная

организация и ведет свою работу, но он не принимал никаких мер против такой

работы. Лично мы хорошо относились к Свободе. А когда наступали на Киев, его

бригаду тоже переправили через Днепр и поставили ее на левом участке

плацдарма, в районе Вышгорода, где теперь расположена Киевская

гидроэлектростанция.

Итак, все было готово. Командный пункт армии тоже был оборудован. Мы

знали, что если командный пункт оборудует Москаленко, то тот окажется

буквально под самым носом противника. Мне рассказывал как-то Жуков, что

когда бои велись под Сталинградом, а Москаленко находился севернее, то Жуков

решил к нему поехать и посмотреть на ход боя. Жуков: "Ночью я пришел на

командный пункт по ходу сообщения. Ждем, когда начнется на рассвете

наступление. Рассвело. Глянул: людей вижу в бинокль. Что же это такое?

Москаленко говорит мне: "Немцы". Я ему: "Что ж ты, такой-сякой? Ты хочешь

меня в плен немцам сдать? Вот какой!". Жуков был очень обеспокоен и отругал

командарма. Нельзя же располагать штаб армии буквально под носом у врага.

Да, с какой-то точки зрения это плохо. Но, с другой стороны, такая близость

вселяла уверенность в бойцов. Войска чувствовали, что командующий у них

находится непосредственно за спиной. А самое главное, что всем ходом

артиллерийской подготовки и самим наступлением он управлял не только по

донесениям и телефонам, а лично видел все происходящее.

Поехали мы с Ватутиным проверить готовность войск к наступлению. Все было

готово. Завтра - наступление. Мы все детально расписали. Дали, кажется, два

часа на артиллерийскую подготовку с довольно интенсивным огнем. На флангах,

конечно, огонь был менее интенсивным. Мы хотели прорубить "окно" и ввести в

него танковую армию. А танковый корпус должен был на правом участке

плацдарма выйти к Ирпеню. Мы предупредили Москаленко, что приедем завтра

утром к началу наступления. Еще когда готовили наступление, сказали, чтобы

нам на армейском командном пункте отрыли отдельную землянку, чтобы не мешать

командарму. Он имел бы свою землянку, а мы - свою. Но Москаленко несколько

перестарался. Сделали отдельные землянки и для Ватутина, и для меня. Там

возник целый город из землянок: командующего фронтовой авиацией Красовского,

командующего фронтовой артиллерией Варенцова, командующего артиллерийским

корпусом Резерва Верховного Главнокомандования Королькова (21) и, конечно,

самого Москаленко.

Приехали мы туда на рассвете. Нас встретил дежурный офицер и сказал, что

подъезжать к линии фронта нельзя, а надо идти по окопному проходу и следует

пригнуться, потому что траншея была неглубокой. Пришли на командный пункт.

Он был оборудован хорошо, мы остались довольны. Ватутин посмотрел на часы и

сказал адъютанту: "Отбеги на такое-то расстояние по ходу сообщения и дай там

условный сигнал, пусти ракету для начала артиллерийского огня". Ракета

взвилась в стороне, как он приказал, чтобы ею не выявить командного пункта и

не вызывать на себя артиллерийский огонь противника. Загудела земля: начала

вести огонь наша артиллерия. Это такая, знаете ли, военная симфония. Для нас

она была радостной, приятной. Все дрожало. Противник отвечал, но не

интенсивно. В завершение артподготовки полетели волнами наши

бомбардировщики, а за ними штурмовики "ильюшины".

Я вышел из землянки и смотрю: летит группа самолетов. Не помню, сколько

их было. Вижу, летят "илы". Говорю: "Это наши завершающие. Скоро и пехота

начнет действовать". И вдруг "илы", не доходя до нашего командного пункта,

начали стрелять. Снаряды и эрэсы стали рваться на линии расположения

командного пункта и на наших артиллерийских позициях. Думаю: что же это

такое? Что случилось? Глянул туда, где располагался командующий авиацией

Красовский. Нет его! Размышляю: "Наверное, немцы привели в порядок наши

трофейные "илы", они под видом наших самолетов пробрались сюда на низкой

высоте и расстреливают нашу артиллерию". Кричу: "Где же Красовский? Позовите

его!". Пришел он. "Товарищ Красовский, это немцы?". "Нет, товарищ Хрущев.

Это наши". - "Как так наши? Откуда вы это знаете? Может быть, немцы

отремонтировали что-то из трофейных машин?". "Нет, это наши. По расписанию,

вот у меня расписание, в это время должны прилететь "илы" и штурмовать

вражеские позиции. Вот они и штурмуют".

Я возмутился. Этот случай свидетельствовал о невысоком уровне подготовки

авиации. Спутать свои позиции с чужими было, кажется, просто невозможно.

Слева Днепр, уж лучшего ориентира не придумаешь. На юге противник, мы

наступаем с севера. Лес до Днепра занят противником, а перед лесом пятачок,

чистое пространство, занимают советские войска. Просто не знаю, как тут

можно перепутать. Но на войне порою и невероятное становится вероятным.

Ясным днем, на местности с четкими ориентирами наши штурмовики, несмотря ни

на что, вели огонь по своим войскам. Ну, кончилось и это. Штурмовики

улетели. То была, действительно, последняя волна. Поднялась наша пехота и

двинулась вперед. Сопротивление врага было слабенькое. Все у него было

разрушено, просто выкошено. Двинулись танки.

На главном направлении мы все выкосили. Но правый фланг врага подвергся

менее интенсивному огню, и там немцы уцелели. Они решили оттуда нас

контратаковать, ударив по левому флангу наступающих войск. Мы, глядя с

командного пункта (22), видели, как поднялись в рост немцы и бегут к нам.

Все происходило очень близко. На этом направлении, в районе Вышгорода, у нас

стояла чехословацкая бригада. Ватутин приказал Свободе контратаковать

немцев. Тот атаковал и сбил их наступление. То было последнее усилие врага в

районе плацдарма, чехословаки сыграли тут полезную роль и восстановили

прежнее положение. Наше наступление продолжалось.

Торжественная минута! Начались бои нового этапа нашего наступления на

запад. Мы вышли на западный берег Днепра, дрались за

освобождение Киева,

**матери городов русских и столицы Украины. У каждого из нас
подпирал к горлу**

**комок, лились слезы радости. Наконец-то пришло это время! С
1941 г. нас**

**отбросили так далеко, к Сталинграду. Наши самолеты уже не
могли и долететь**

**до Киева. А вот сейчас мы находимся под Киевом и завтра-
послезавтра окажемся**

**в самом Киеве. В это время представителем от Ставки
приезжал Жуков.**

**По-моему, никого другого и не было. Он появился на второй или
на третий день**

**наступления. Помню, как для нас с ним в Ново-Петровцах
был оборудован**

**погребок, где мы спали ночью, а днем сидели, обменивались
мнениями, шутили.**

**Когда на третий день наступления мы покинули ночью свою
землянку, прежнего**

**переднего края не существовало. Мы оттеснили немцев далеко
в лес, в Пуцу**

**Водицу, бои велись уже где-то под Киевом. Мы же били со своего
плацдарма на**

**Святошино, то есть западнее Киева, чтобы не дать противнику
выскочить из**

**города и не встать на дороге Житомир - Киев. И мы этого
добились.**

**Заместителем командующего войсками фронта стал Гречко
(23). Перед**

**наступлением мы его послали в Межигорье, чтобы он
оборудовал себе командный**

**пункт, наблюдал оттуда за ходом боя и помогал организовывать
войска. Помню,**

**заходило солнце, стоял теплый вечер, но все-таки осенний, мы
вышли в бурках**

**внакидку. Приехал Гречко, докладывает мне. Так как рост у
него огромный, а я**

**давно его знал и относился к нему с уважением, то пошутил:
"Товарищ генерал,**

**вы, пожалуйста, встаньте подальше. Мне трудно смотреть вам в
лицо, когда вы**

**делаете доклад". Он засмеялся, а я попятился назад, и он
продолжал**

**докладывать. Суть была ясна: противник разбит. Но мы это
знали так же, как и**

**он. И вдруг вдали раздался взрыв. И в городе поднялся клуб
дыма. Зная**

**расположение Киева, я говорю: "Это немцы взрывают завод
"Большевик" в**

**западной части города, перед Святошино. Раз взрывают, значит,
бегут".**

**Перед началом нашего наступления я попросил генералов и
всех командиров**

**наступающих частей назначить специальные группы, которые,
когда наши войска**

**ворвутся в Киев, сразу направились бы к зданиям ЦК партии,
штаба Киевского**

**Особого военного округа. Совнаркома, Академии наук и
другим городским**

центрам с тем, чтобы, если немцы не успели их взорвать или сжечь, но

заложили заряды, - обезвредить эти мины и фугасы. Это потом сыграло

задуманную роль. И когда начались взрывы, я обратился к командующему

артиллерией фронта: "Товарищ Варенцов, прошу приказать артиллерии накрыть

Киев беглым огнем". Он недоуменно смотрит на меня. Знает, какой я патриот

Киева, как я люблю этот город. И вдруг я приказываю ему обстрелять Киев?

Объясняю: "Почему я хочу это сделать? Если вы сейчас обстреляете город, это

ускорит бегство немцев. Мы создадим панику. Враг меньше причинит вреда

Киеву. А снаряды много не навредят. Это будет небольшой обстрел, беглый,

разрушения легко восстановим. А если немцы задержатся, то они могут заложить

фугасы и нанести значительно больше вреда Киеву". Баренцев отдал приказ, и

начался обстрел Киева.

Кончился тот день, закончились бои, и мы с Ватутиным ушли к себе -

разобраться в происшедшем, наметить действия на завтра, а потом и отдохнуть

в отведенных для нас землянках. Красная Армия вступила в Киев ночью с 5 на 6

ноября. Получился особо торжественный день, как раз накануне юбилея

Октябрьской революции. Теперь могут говорить, что мы приурочили освобождение

Киева к государственному празднику, и мне ради хвастовства можно было бы и

согласиться. Но, честно говоря, вовсе нет. Просто так сложились

обстоятельства. Тем не менее, получилось хорошее совпадение во времени.

Тогда, правда, официального празднования у нас никакого не состоялось. Но

приятно было чувствовать себя победителями.

Наши войска успешно продвигались в направлении Житомира. Противник был

разгромлен и не оказывал особого сопротивления. Путь был открыт, хотя силы у

нас для развития наступления были небольшие. Я оценивал как большой успех и

прорыв вражеской обороны, и разгром его тут, и занятие Киева. Нам помогло то

обстоятельство, что тогда мы дважды предпринимали наступление с Букринского

плацдарма к югу от Киева. Противник, видимо, стянул туда войска, а нашу

перегруппировку войск и перенос наступления на север, в район Старо- и

Ново-Петровцев, то есть к Лютежскому плацдарму, не заметил. Главные силы у

него оставались на Букринском плацдарме, где он ожидал дальнейшего нашего

наступления. А мы ударили с севера, и внезапно. Немцы не ожидали тут удара,

и войск у них здесь было немного. Пока они начали перегруппировываться, мы

эти войска разгромили и вышли на шоссе Киев - Житомир, отрезав путь

отступления тем их войскам, которые находились в Киеве, так что они были

вынуждены уходить из города в сторону Белой Церкви.

Таким образом, неудачные попытки нашего наступления на Букринском

плацдарме сыграли свою положительную роль, введя противника в заблуждение.

Это помогло нам меньшими усилиями разгромить его с другого направления. Рано

утром 6 ноября я послал в Киев своего шофера Журавлева. Я с ним ездил на

машине много лет, буквально до последнего дня моей деятельности как Первого

секретаря ЦК партии, вплоть до моей отставки. Проездил он со мной в общей

сложности, кажется, 32 или 33 года. Я этого-то шофера, дядю Сашу, как его

называли мои дети, и послал: "Поезжайте в Киев и потом доложите, как туда

лучше добраться". Наши войска уже были в Киеве, поэтому путь туда был

свободен. По старой, знакомой нам дороге, по которой до войны мы ездили на

дачу, он и поехал, как бы с дачи, в Киев, быстро вернулся и говорит, что

Киев абсолютно свободен от противника, да и вообще никого нет, пусто, людей

на улицах почти не видно.

Сейчас же я с представителями украинской интеллигенции, Бажаном (24) и

другими, поехали в город. Просто нет слов, чтобы выразить ту радость и

волнение, которые охватили меня, когда я отправился туда. Проехали пригород

Киева, вот мы и на Крещатике. Я поднялся к зданию Совета Народных Комиссаров

и осмотрел его. Внешне оно было целым. Дом Центрального Комитета партии тоже

не был разрушен. Осмотрели и другие сооружения: Академию наук, театры. Все

внешне цело. Затем проехали к помещению, где размещался штаб Киевского

Особого военного округа. Это здание было отстроено как раз перед войной.

После войны именно там разместился ЦК КП(б)У, да и сейчас он там находится.

Сильно был разрушен завод "Большевик", и лежал в руинах Крещатик. Когда мы

приехали на площадь Богдана Хмельницкого, то там ряд домов еще горел.

Город производил жуткое впечатление. Некогда такой большой, шумный,

веселый южный город, и вдруг - никого нет! Просто слышали собственные шаги,

когда шли по Крещатику. Потом мы повернули на улицу Ленина. В пустом городе

отдавалось эхо. А может быть, от сильного напряжения складывалось у нас

такое впечатление. Во всяком случае, оно было очень тяжелым. Постепенно

стали появляться люди, возникали прямо как из-под земли. Мы поднимались с

Крещатика в направлении Оперного театра по ул. Ленина (старое ее название -

Фундуклеевская), идем, разговариваем, делимся впечатлениями. Вдруг слышим

истерический крик. Бежит к нам молодой человек. Не знаю, в каком он был

состоянии. Помню только, что беспрестанно повторял: "Я единственный еврей в

Киеве, который остался в живых". Я его как мог успокаивал. Спросил: "Что вы

еще хотите сказать?". А он опять повторял то же самое. Я видел, что он был в

особом состоянии, близком к психическому расстройству. Спрашиваю: "Как же вы

выжили?". "А у меня жена украинка. Она работала в столовой, а меня прятала

на чердаке. Я и высидел все это время на чердаке. Она меня кормила и вообще

спасла. Если бы я появился в городе, то меня бы как еврея тут же

уничтожили".

Шел человек с седой бородой, уже немолодой. Шел с рабочей кошелкой. Когда

я работал на заводе, то в такой же кошелке носил себе на работу завтрак и

обед. Он кинулся ко мне на шею, стал обнимать, целовать. Это было очень

трогательно. Какой-то фотограф успел на ходу сфотографировать эту сцену, и

потом эта фотография облетела многие журналы и газеты.

Мы ликовали, торжествовали свою победу, освобождение родного Киева. Наши

войска продолжали наступать, а я с коллегами срочно занялись налаживанием

производства и воссозданием на местах государственных и партийных органов,

чтобы начать заново всю работу. Прежде всего надо было организовать

хлебозаготовки. В хлебе нуждалась вся страна, народ просто голодал.

Требовалось сделать максимум, чтобы получить побольше зерна. В 1943 г. на

Украине был очень хороший урожай. Прошла снежная зима, выпали нормальные

летние осадки, поэтому и урожай был хорошим. Следовало срочно организовать

заготовку хлеба, чтобы оказать стране посильную помощь.

**Мне докладывали в те дни, как действовали при занятии
Киева отдельные**

**группы, которые я раньше поручил организовать. Каждая
группа имела**

**конкретный адрес и свое задание: на какое здание обратить
внимание, чтобы**

**обезвредить мины и ликвидировать пожары. Например, в
помещении Совнаркома**

**УССР, где у немцев, кажется, был госпиталь, они, когда
уходили, подожгли**

**солому. Но наши вскоре ворвались в дом и быстро погасили
пожар. Остались**

**только его следы: выгорел паркет в некоторых местах. Такая
же участь**

**постигла новое помещение штаба КОВО. Многие здания спасли
тогда наши люди,**

**потому что заранее были нацелены на конкретные объекты и
сразу попали туда,**

**пока огонь еще не разгорелся. Оперный театр был не тронут. Я
вошел в него,**

**хотя меня предупреждали, что он, возможно, заминирован
(противник делал нам**

**такие подвохи). Меня тянуло туда. Театр не был заминирован.
Сохранилась**

**правительственная ложа, та же стояла мебель, те же
красовались обои на**

стенах, вообще все осталось по-старому.

**Потом, уже после занятия Киева, Москаленко рассказал мне
такую историю о**

том, как он входил с войсками в город: "Ночью я вступил в Киев с танками.

Шел впереди танков, освещал им фонарем шоссе и привел их к Киеву". Он меня

попросил, чтобы об этом не узнал Сталин. К тому времени был отдан приказ, в

котором строго предупреждались все генералы, чтобы они зря не рисковали

своей жизнью, не подставляли себя под пули. Конечно, такое поведение не

вызывалось обычно необходимостью и было героизмом на грани безрассудства.

Но это ведь Москаленко! А от Москаленко всего можно было ожидать. Я дал ему

слово, что не скажу Сталину, потому что Сталин осудил бы его и для примера

мог бы даже жестоко наказать за нарушение директивы. Ну, да что мне-то

говорить: город занят, Москаленко ввел в него танки и остался жив, а

победителей не судят.

Вот так и был занят Киев. Я составил небольшую записку; как проходил бой,

как стойко дрались наши войска. Особо отметил артиллеристов. На меня

произвела тогда сильнейшее впечатление артиллерийская подготовка. Она

действительно была самой мощной при мне с начала войны. Пехота тоже

действовала хорошо, нечего и говорить, и танкисты воевали славно, но

артиллерия особенно запечатлелась в памяти. Поэтому я ее и выделил. Я послал

эту записку в Москву, просто хотел порадовать Сталина. Сам радовался и его

хотел порадовать, что, вот, к 7 ноября мы заняли Киев. Но был удивлен, когда

на второй день взял в руки центральную газету и увидел, что моя записка

полностью опубликована в "Правде".

Потом Сталин, когда я приехал в Москву, прочел мне что-то вроде

родительской нотации: "Вот вы послали сюда сообщение шифровкой, по секрету,

а мы взяли и опубликовали его". Я: "Товарищ Сталин, кто вам докладывал, что

это сообщение было зашифровано? Никакого там шифра вовсе не было. Записка

была зачитана по телефону. Мы из Киева передали ее по ВЧ, а Поскребышев

записал и доложил вам". Сталин спросил у Поскребышева. Тот подтвердил: "Да,

да, товарищ Сталин". Сталин почувствовал, как мне показалось, некоторую

неловкость: хотел уколоть меня, что я секретничаю в вещах, которые никакого

секрета не содержат, а получился вместо того глупый укор.

(1) В конце сентября 1943 года.

(2) Это произошло 22 сентября 1943 года.

(3) Комбриг ВАТУТИН Н.Ф. был начальником штаба Киевского Особого военного

округа с ноября 1938 г. по сентябрь 1939 года.

(4) Генерал-лейтенант ВЛАСОВ А.А., командуя 2-й Ударной армией

Волховского фронта, после окончания Любанской операции, имевшей целью прорыв

Ленинградской блокады, не сумел вывести свою армию из фашистского окружения.

Частичный прорыв соединениями этой армии вражеского кольца организовали в

июне 1942 г. вторично назначенный командующим войсками Волховского фронта

(после генерал-лейтенанта ХОЗИНА М.С., "проморгавшего" фашистское окружение

2-й Ударной) генерал армии К.А.МЕРЕЦКОВ и представитель Ставки Верховного

Главного командования, начальник Генерального штаба генерал-полковник

ВАСИЛЕВСКИЙ А.М., извне раздвинувшие коридор, пробитый в кольце окружения

усилиями 59-й (командующий генерал-майор КОРОВНИКОВ И.Т.) и 52-й

(командующий генерал-лейтенант ЯКОВЛЕВ В.Ф.) армий. Многие воины 2-й Ударной

армии попали тогда в фашистский плен, а Власов сдался врагу

добровольно.

Впоследствии он приступил к организации РОА (Российская освободительная

армия) для участия в боях против Красной Армии, но официально Берлин

разрешил Власову воевать в 1944 году.

(5) ДЖУГАШВИЛИ Я.И., попав в плен, был заключен в фашистский концлагерь

Хаммельбург, откуда попал в любекский лагерь ХС для пленных поляков, потом в

Заксенхаузен, где был убит, якобы при попытке к бегству. В СССР остались его

жена МЕЛЬЦЕР Ю.И. с дочерью Якова Галиной и сын Якова Евгений от другой

жены.

(6) Во время битвы за Москву ВЛАСОВ командовал с октября 1941 г. до марта

1942 г. 20-й армией.

(7) Генерал-лейтенант авиации СКРИПКО Н.С. являлся заместителем

командующего Авиацией дальнего действия.

(8) "Песня о Днепре" (1942 г), слова Е.А.Долматовского, музыка

М.Г.Фрадкина.

(9) Межигорье - поселок на правом берегу Днепра за Вышгородом, севернее

Киева. Генерал-полковник МОСКАЛЕНКО К.С. командовал 40-й армией с октября

1942-го по октябрь 1943 года. Генерал-лейтенант ЖМАЧЕНКО Ф.Ф. командовал ею

с октября 1943-го до мая 1945 года. Генерал-лейтенант ЧИБИСОВ Н.Е.

командовал 38-й армией с августа 1942 до октября 1943 года.

(10) Генерал-лейтенант Рыбалко П.С. командовал 3-й Гвардейской танковой

армией с мая 1943-го по май 1945 года.

(11) Букринский плацдарм на западном берегу Днепра, в 80 км юго-восточнее

Киева, возник 23 сентября 1943 года.

(12) Бои там длились до 3 ноября 1943 года.

(13) Ново-Петровцы находятся на правом берегу Днепра, Старо-Петровцы - на

левом.

(14) Речь идет о Лютежском плацдарме, в 30 км. севернее Киева, возникшем

26 сентября 1943 года.

(15) Генерал-лейтенант ПУХОВ Н.П. командовал 13-й армией с января 1942-го

по май 1945 года. Генерал-лейтенант ЧЕРНЯХОВСКИЙ И.Д. командовал 60-й армией

с июля 1942 по апрель 1944 года.

(16) Ему было тогда 37 лет.

(17) Это произошло в конце августа - начале сентября 1941 г., когда 5-я

армия в устье р. Десна попала в окружение.

(18) ЕПИШЕВ А.А. стал первым членом Военного совета 38-й армии в октябре

1943 года.

(19) 5-й Гвардейский танковый корпус (командующий генерал-лейтенант

КРАВЧЕНКО А.Г).

(20) Полковник Л. СВОБОДА командовал этим батальоном (а затем бригадой) с

февраля 1942 года.

(21) Командующий 2-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации

КРАСОВСКИЙ С.А., командующий артиллерией 1-го Украинского фронта

генерал-лейтенант артиллерии ВАРЕНЦОВ С.С., командир 7-го артиллерийского

корпуса прорыва из Резерва Верховного Главнокомандования генерал-майор

артиллерии КОРОЛЬКОВ П.М.

(22) Он находился в Ново-Петровцах.

(23) Генерал-лейтенант ГРЕЧКО А.А. занял должность заместителя

командующего войсками 1-го Украинского фронта в октябре 1943 года.

(24) БАЖАН Н.П. являлся тогда редактором газеты "За Советскую Украину",

затем был назначен заместителем председателя Совета Министров УССР.

ОСВОБОЖДАЕМ УКРАИНУ

Примерно в это же время фронты получили названия: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й

Украинские (и Белорусских тоже было три или четыре, не помню сейчас). Наш

фронт стал 1-м Украинским. Потом фронт Конева - 2-м Украинским; он до того

назывался Степным. Южнее воевали 3-й Украинский и самый южный - 4-й

Украинский. Последним командовал Толбухин, а 3-м Украинским фронтом -

Малиновский (1). Освободили мы Киев, незадолго до того освободили

Днепропетровск (2). Наши войска успешно продвигались на запад. Донбасс тоже

был освобожден. Когда шли бои за Донбасс, я специально ездил туда. Помню,

шел бой за Макеевку. Я приехал, когда наступала 2-я Гвардейская армия. До

этого ею командовал генерал Крейзер. Он был заместителем у командующего этой

же армией Малиновского, а потом стал ее командующим (3). Я давно знал

Крейзера и считал его достойным командиром, сам он по национальности еврей,

получил звание Героя Советского Союза еще в 1941 г., на меня

производил

очень хорошее впечатление. Уже после войны он командовал войсками ряда

крупных военных округов. Сейчас я не знаю, где и на каком посту он

находится.

Когда я приехал на окраину Макеевки, как раз шел бой. Окраину, на которую

я приехал, немцы обстреливали, но задержаться там не смогли, наши войска

продвинулись вперед, и я вместе с ними вступил в Макеевку (4). Торопился

туда, потому что меня интересовало, в каком состоянии находятся металлургия

и угольные шахты. То, что я увидел, было очень печальным: сначала мы, когда

отходили, взрывали; потом немцы отходили и тоже все, что успели, взорвали.

Картина была такая печальная - одни руины. Надо было думать о

восстановлении, прежде всего шахт. Не помню, в это время или же позже

приехал туда Егор Трофимович Абакумов, мой давний приятель. Мы с ним

познакомились в 1912 г., когда работали на 31-й шахте Французской компании.

Он начал меня упрашивать, чтобы я помог ему демобилизовать людей для шахт.

Оказалось, требуется очень много шахтеров, другой рабочей

силы.

Толоухин, который там наступал, их мобилизовал в ряды Красной Армии. Я

сейчас же послал шифровку Сталину с просьбой не призывать в армию горняков и

металлургов. Уголь и металл по-прежнему будут нужны, ведь война

продолжается. Если не будет рабочей силы, мы не сможем дать стране уголь и

металл. Потом меня в связи с этой телеграммой вызвали в Москву. Сталин мне:

**"А с кем будем воевать? Кем пополнять наши части?"
Отвечаю: "Понимаю."**

Давайте мобилизовывать колхозников, а тут требуются квалифицированные

рабочие. Если мы мобилизуем колхозников на рудники, их очень трудно будет

быстро обучить производству, тем более металлургическому делу". "Ну, -

говорит, - хорошо. Тех, кого Толбухин уже мобилизовал, возвращать не будем,

но дадим ему указание, чтобы он впредь шахтеров и металлургов не брал". Уже

хорошо! Это была маленькая победа.

Тогда же Сталин сказал мне так: "Сейчас, видимо, надо будет вам

сосредоточить свое внимание на партийной работе и на работе по

восстановлению государственных органов республики, ее

областей и районов.

Посевы, хлеб, сахар, уголь и металл - вот главное. Вы остаетесь членом

Военного совета, как и были, 1-го Украинского фронта, время от времени

сможете выезжать на фронт, но главные усилия, главную энергию вы должны

посвятить восстановлению республики". Отвечаю: "Хорошо". Когда я приехал из

Москвы, то сказал об этом решении Ватутину. Ватутин выразил свое сожаление.

Мы с ним, как говорится, сработались и с уважением относились друг к другу,

и мне тоже было жалко оставлять Ватутина.

Таким образом, я из Киева наведывался на фронт, если говорить прямо,

гостем. Не совсем-то хочется мне произносить это слово "гость", потому что я

был членом Военного совета и обладал соответствующими правами, но

систематически заниматься вопросами фронта уже не мог, потому что должен был

заниматься вопросами Центрального Комитета КП(б)У и Совета Министров

Украины. Но выезжал я на фронт довольно часто.

Хотел бы, чтобы меня поняли по-человечески. После выхода наших войск за

Днепр настал приятный момент: раньше мы бежали к Днепру, отступая, а теперь

в такое же положение поставили своего противника. Было горько отступать,

зато приятно наступать. Хотя имелись у нас потери, но мы испытывали чувство

радости и гордости за СССР, за нашу партию, за идеи Ленина, за все, что

сделано нашим народом, создавшим такую могучую страну. И вдруг в такие дни я

лишаюсь возможности активно участвовать в организации наступления на

врага...

Но я понимал, что воевать и бить противника, конечно, хорошо, однако

следует также создавать тыл и снабжать армию не только теми средствами,

которыми бойцы питаются буквально, то есть кушают, но питать ее также

боеприпасами, снаряжением и прочим. Здесь Украина должна была сказать свое

веское слово. Мы имели кадры, имели и заводы. Хотя они и были разрушены, но

легче восстановить разрушенные заводы, чем строить новые. Вот мы и занялись

этим делом: восстанавливали шахты, металлургию, заводы.

В 1943 г. зима наступила рано. Наши войска не то уже были под Житомиром,

не то даже вступили в Житомир. Тут противник подтянул войска с запада, в том

числе из Италии, и вынудил нас отойти от Житомира. У нас

там силы были

сравнительно маленькие: на Житомир наступал в авангарде наших войск

кавалерийский корпус (5). Естественно, когда он встретился с танками, то не

смог удержать свои позиции против танков. Немцы стали преследовать наши

войска, которые отходили опять к Киеву, и надеялись даже сбросить нас в

Днепр. Помню, к той поре приехал к нам Анастас Иванович Микоян и пробыл у

нас день или два. Он приехал для организации заготовки хлеба. "Вот, Сталин

послал меня за хлебом. Давай этим заниматься", - говорит мне. Пока мы

разбирались, какие есть возможности по заготовке (а мы послали людей на

места еще до приезда Микояна), немцы стали угрожать Киеву. Обыватели,

которые уже возвратились в Киев, не хотели вновь попасть к ним в лапы.

Началось их бегство из Киева. Но это быстро прошло: наши войска справились с

делом, задержали противника, так что ему не удалось выбросить нас вторично

из Киева.

Анастас Иванович попросил меня показать, откуда наши войска освобождали

Киев. Я ему: "Давай, поедem туда. Это займет 35 минут".

Приехали мы. Я ему

показал, где были расположены войска противника, где наши войска,

артиллерийские позиции, показал и наши землянки. Он зашел на командный

пункт, огляделся и спрашивает: "А где же был противник?". "Да вон там". "Так

это же очень близко". "Да, зато мы противника не только чувствовали на

расстоянии, а и видели". Теперь он более конкретно представлял себе, как мы

наступали на Киев. Потом вернулись к дороге. Вообще-то мы не съезжали с

шоссе, чтобы не наскочить на какую-нибудь глупую мину. Когда подъехали к

Пуще Водице, к лесу, глянул он туда, где раньше был молодой сосняк, так тот

буквально был выкошен. Говорю: "Это все выкосила наша артиллерия". Как будто

какие-то люди шли там с топорами и рубили. Все было покорежено или вырвано с

корнями. И я ему сказал: "307 артстволов стояло на один километр. Можешь

себе представить такую мясорубку? Она все живое, все тут растущее дробила и

рвала. Все уничтожила".

От нас Микоян поехал в Полтаву, потому что Полтава - это хлебный район,

западная же часть Украины еще оставалась в руках противника,

там велись бои

и было не до хлеба, там вопросы решались пулеметами,
артиллерией и авиацией,

а на левом берегу Днепра уже можно было вести заготовку
хлеба. Правда, в

низовье Днепра, в районе Херсона, Толбухин еще не перешел за
Днепр (6). Вот

такая сложилась обстановка на конец 1943 года. Все фронтовые
бойцы и все

патриоты в тылу переживали радость побед, освобождения
родной земли. Уже не

было вопроса, будем ли мы в Берлине или не будем.
Существовала абсолютная

уверенность, что мы не только разобьем противника, но и
добьем его. Военные

всерьез поговаривали: "А вот я хотел бы стать комендантом
Берлина".

Кандидатов было довольно-таки много. И все люди, которые так
именовали себя,

были достойны того, они поистине выстрадали такое почетное
назначение.

Некоторые военные могут сказать, что Хрущев пользуется
невоенной

терминологией. Да, я не военный человек, потому и
пользуюсь народной

терминологией. Могут сказать "выстрадали" - такое слово не
подходит. Но я

считаю, что все люди, и военные, и невоенные, страдают на
войне, поэтому

данное слово уместно. Мне очень нравилась откровенность Жукова в такого рода

вопросах. Когда мне с ним приходилось бывать на фронте и когда он попадал в

опасное положение, то очень возмущался теми, кто ставил его в это положение,

ругался и говорил: "Боюсь! Черт его знает, ведь убьют. Убьют, сволочи, а я

боюсь, не хочу, чтобы меня убили". И я здесь не вижу ничего унижительного

для такого сугубо военного человека, как Жуков. Это - человеческое чувство.

Одно дело - поддаться страху, и другое - правильно оценивать опасность и не

подставлять, как говорил Чапаев, свой дурацкий лоб под дурацкую пулю врага.

Тут разные понятия. Поэтому я и говорю, что война приносит страдания людям.

Страдает и тот, кто воюет, и тот, кто не воюет. Поэтому, когда мы пошли

вперед, мы радовались тому, что война идет к концу, что близится этот конец,

что враг будет разбит, страна наша будет избавлена от фашистского нашествия

и торжество наше обеспечено.

В моей памяти отложился еще один эпизод военных действий того времени.

После того как сопротивление противника западнее Киева было сломлено,

завязались тяжелые бои юго-западнее Киева и северо-восточнее Умани. Это

происходило на стыке двух фронтов: 1-го Украинского и Степного (2-го

Украинского). Последним командовал Иван Степанович Конев (7). В результате

боев там была окружена довольно большая немецкая группировка. Она заняла

круговую оборону и упорно сопротивлялась. Тогда Ставкой было поручено двум

фронтам, 1-му и 2-му Украинским, разгромить эту группировку и не допустить

прорыва немцев на запад. Помню, как тогда Ватутин сказал мне, что это -

ответственное задание и что он собирается выехать в войска. Говорю: "Я тоже

с вами поеду".

Поехали. Была большая распутица, но кое-где встречались и заносы. Стояли

дни, когда сразу бывают оттепели и снегопады. До Белой Церкви мы летели, а

оттуда с трудом добирались к нашим войскам, взявшим в кольцо окруженную

группировку врага. Мы, собственно, направлялись в танковую армию, которой в

то время командовал генерал Кравченко (8). Я уже говорил о нем раньше. Он

командовал под Киевом танковым корпусом неполного состава, а потом получил

более высокое назначение, и ему дали танковую армию. Мы с трудом добрались

до штаба танковой армии, где встретились с Кравченко. Членом военного совета

у него был Туманян (9), как я позже узнал - родственник жены А.И.Микояна. Я

не знал Туманяна до того. Он произвел на меня хорошее впечатление.

Развернулись упорные бои. Противник отчаянно оборонялся и все время

предпринимал попытки прорваться на запад. В конце концов каким-то силам

окруженной группировки удалось все же прорваться. Они буквально валом

валили: их косили, насколько могли, всеми средствами уничтожения, но

какая-то часть их прорвалась. В окружении оказалось также много гражданских

лиц - наших, советских людей, мужчин и женщин разных возрастов. Когда

немецкая группировка отходила, она захватывала украинцев с собой и угоняла

их на запад. Потом мы видели, как в метель и ветер эти обессиленные люди

возвращались на восток, откуда они были угнаны. Жуткая осталась в моей

памяти картина.

Сталин тогда расвирепел в связи с тем, что вражеская группировка была

уничтожена не целиком. Имело, конечно, большое значение, как представить

доклад Сталину, умение доложить. Ватутин был по характеру человеком очень

скромным и добропорядочным, он не мог ничего приукрасить и не мог свалить на

кого-то вину, чтобы выгородить себя или показать себя в каком-то лучшем

свете за счет принижения других. Такая порядочность Ватутина была всем

известна, и мне это очень нравилось. Но она не всегда является хорошим

спутником карьеры человека, который обладает хорошими качествами. Все хвалят

и ценят его на словах, однако не всегда следуют этому хорошему и доброму

примеру. И сложилось так, что Сталин взбесился против Ватутина.

Получилось, что именно чуть ли не Ватутин виноват в том, что не вся

группировка немцев была уничтожена. И это сказалось на карьере Ватутина. Он

получил чувствительный для военного человека укол: за успех под

Корсунь-Шевченковским маршальское звание было вскоре присвоено Коневу, а

Ватутин остался генералом армии и умер генералом армии. Я никогда не говорил

с Ватутиным на эту тему, считая это ненужным. Это было все равно как

подсыпать соли на больную рану, и я никогда не поднимал вопроса, почему

Ватутин был тогда обойден в присвоении ему более высокого воинского звания.

Только теперь у нас вернулись к данному вопросу, и правительство присвоило

ему посмертно звание Героя Советского Союза (10).

Разгром немецкой группировки произвел очень большое впечатление. Вся

мировая пресса писала об этом. Помню, как в тот район приехали наши и

иностранные корреспонденты. Они знакомились с результатами разгрома

группировки. Среди убитых был найден труп немецкого генерал-полковника.

Тогда много писали об этом западные корреспонденты, подчеркивая, что, когда

был найден труп этого генерала, на пальце у него было обнаружено золотое

кольцо. Этот факт корреспонденты особенно подчеркивали: осталось даже

золотое кольцо! Это было им непонятно. Ведь во всех армиях мира было сильно

развито мародерство. Например, под Сталинградом трупы немецких солдат

раздевали догола. Тоже не волки, конечно, их раздевали! Ясно кто, если с них

сняли штаны. Мародеры сняли. Были это гражданские лица или военные? Думаю,

что, к сожалению, могли так поступить и те, и другие.

Закончился разгром большой немецкой группировки, что потребовало от наших

войск много упорства и времени. Мы вернулись в Киев. Сейчас уже не помню,

может быть, я вернулся в Киев, а Ватутин отправился в штаб фронта, который

располагался западнее. Наверное, так, поскольку я один возвращался в Киев,

это мне хорошо помнится. Проехал Белую Церковь, дальше ехать было

невозможно, потому что на полпути к Киеву заносами была совершенно забита

дорога. Валил снег, и дальше я пробиться не смог. Решил заночевать в

ближайшем селе. Нашел первую попавшуюся хату. Постучались. Уже наступила

ночь. Ответил женский голос, нам открыли дверь. Я зашел с товарищами,

которые меня сопровождали, и сказал, что хотел бы до утра побыть в вашей

хате. Женщина был одна с ребенком, сынишкой лет восьми.

Хата была похуже прибрана, чем обычно встречается в украинских хатах,

чистеньких и беленьких. Тут дом был ниже того среднего уровня чистоты и

опрятности, который существовал там обычно. Говорю: "Разрешите

переночевать". Она: "Пожалуйста, пожалуйста, будь ласка"

(отвечала только

по-украински). Я ей не отрекомендовался, не назвал себя, потому что мы

только что освободили эти районы, и я еще не знал, что тут за люди. Зашел

просто какой-то военный в генеральской форме, и она приняла меня именно как

военного. Мы покушали (у нас было свое, что покушать) и ее угостили.

Потом она разговорилась и рассказала мне о таком, чего я не знал. Когда

немцы наступали здесь в 1941 г., то прижился у них в селе один красноармеец.

Когда еще стояло много советских войск, он питался на общей красноармейской

кухне, а когда советские войска отступили, остался, и все узнали, что это

был бандеровец, националист. Он стал комендантом и рассказывал, что он

прошел какие-то курсы на Западе, где его и других обучали и немцы, и

украинцы-бандеровцы. Его доставили самолетом и сбросили на парашюте

значительно раньше, чем отошли советские войска, у этого села. До поры до

времени он скрывался в поле, в картофеле. Она рассказывала и о жизни под

врагом, но бытовые вопросы не представляли особого интереса. Зато интересно,

что немцы ко всему этому готовились заранее. Они, это мы и раньше знали,

снюхались с бандеровцами. Бандеровцы были для них поставщиками агентуры:

давали людей, которых выбрасывали на парашютах в тыл наших войск, и заранее

распределяли, кто станет комендантом и в каком селе. Этот "красноармеец"

ожидал, когда в село вступят немецкие войска. Тут он сразу явился (как это и

произошло) и доложил, что комендант уже на месте и приступил с исполнению

своих обязанностей.

Крестьянка сказала: "Дюже поганый был человек". Ну, и я не сомневался,

что это поганые люди. Мы, говорит, поняли по его выговору, что этот человек

с Западной Украины: "Вин не так размовлял, як наши, киевски украинци". Одним

словом, это был засланный человек из рядов той агентуры Бандеры, которая

пошла в услужение к Гитлеру. Бандера в то время верил, что Гитлер

"освободит" Украину и там будет создано украинское национальное

правительство, Украина станет независимой от Москвы, самостийной. Но все эти

мечты были развеяны Гитлером. Показал он им самостийну Украину! На деле

гитлеровцы никаких правительственных украинских органов не создавали, а

назначали своих управителей и комендантов.

После освобождения нами Киева националисты начали ставить себя в

оппозиционное положение по отношению к гитлеровцам. Все это свидетельствует

о том, что Гитлер настолько был убежден, что победа ему обеспечена, что ни в

каких местных сателлитах или каких-то союзниках, хотя бы националистах,

заклятых врагах социалистического строя, не нуждался. Он считал, что все

будет решено немецким оружием. Поэтому - все для немцев, все должно быть

подчинено немцам, в том числе украинские националисты. Они должны знать свое

место, а судьбу Украины будет определять фашистское руководство.

ЦК КП(б)У и правительство УССР в то время находились в Харькове. Как

только мы освободили Харьков, сразу приступили к воссозданию советских и

партийных органов. Были заняты необходимые помещения и временно

укомплектованы ЦК КП(б)У и Совет Народных Комиссаров Украины техническим

персоналом. Развернулась работа по налаживанию жизнедеятельности республики.

Много мне приходилось тогда разъезжать. С осени 1943 г. я бывал попеременно

и в Харькове, и в Киеве. Спустя некоторое время я поставил вопрос перед

Москвой и Сталиным о том, что правительство Украины надо перевести в Киев.

Мне тоже было бы удобнее находиться поближе к линии фронта, так как я время

от времени выезжал во фронтовой штаб проинформироваться о положении дел,

узнать, как движутся военные дела.

Не помню сейчас, в каком месяце, но мы перебрались в Киев. Некоторые лица

в Киеве чувствовали себя еще плохо: немцы частенько летали над городом,

особенно разведывательные самолеты. Бомбили же Киев мало, подвергли только

очень сильной бомбардировке железнодорожную станцию Дарница. Немцы оставили

много шпионов, и, когда 1-й Польский корпус (11) эшелонами переправлялся на

западный берег Днепра, они сильно его бомбили. Может быть, они и не знали,

что это польские войска, потому что любые войска, которые переправлялись или

концентрировались, они подвергали бомбежке. Реже бывали случаи, когда они

сбрасывали бомбы на город. Обычно летали через Киев на Дарницу; Дарница

лежит на левом берегу Днепра возле Киева. Поэтому взрывы и пожары в ней

освещали Киево-Печерскую лавру. Полеты вражеских самолетов через Киев

нервировали киевлян. Конечно, этому чувству поддавались и те люди, которые

работали в ЦК партии и Совнарком УССР.

Помню, как вдруг приехали ко мне военные и докладывают: "Надо создать в

Киеве подземный командный пункт". Я не понял их и говорю: "Зачем нам сейчас

здесь подземный командный пункт, когда фронт удаляется на запад и мы

уверены, что враг не вернется к Киеву?" Мне отвечают: "Есть приказ. Давайте

выберем подходящее место". Стали судить и рядить. В Киеве можно выбрать

много таких мест, потому что город холмистый и удобен для создания подземных

сооружений. Сначала я считал, что командный пункт надо расположить на

склонах берегов Днепра. Потом от этой мысли отказался: там плавуны, может

произойти подвижка грунта, если мы начнем копать тоннели. Кроме того, нам

сказали, что подземелье должно иметь выход в какое-то приличное помещение.

Тогда решили расположить его неподалеку от здания бывшего штаба Киевского

**Особого военного округа. Потом там размещался ЦК КП(б)У.
Построили какое-то,**

**я бы сказал - недостаточно хорошо оборудованное помещение.
Позже я узнал,**

**что это была затея Сталина. Когда наши войска уже освободили
Киев, он, как**

**говорится, уже в зеркало смотрел, как он выглядит в качестве
командующего**

**освободительными войсками и т.п. Поэтому он решил, что
выедет поближе к**

**войскам. Для этого ему нужно было место для штаба; он решил
расположить его**

в Киеве.

**Глупейшая затея. Не знаю, для чего это было нужно. По делу,
для удобства**

**командования этого не требовалось. Если же искать место
именно с этой точки**

**зрения, то надо было строить такой командный пункт гораздо
западнее. Да и**

**вообще затея эта родилась после очередного обильного
ужина, который**

**сопровождался бутылками с "Цинандали", "Напареули", а
здорового смысла тут не**

**было никакого. Я знал, что Сталин никогда особенно не рвался
к линии фронта.**

**И затея была никудышная, и, конечно, Сталин никогда там не
появлялся. В мою**

**бытность первым секретарем ЦК КП(б)У Сталин вообще на
Украине не бывал. Он**

только проезжал через Украину, когда отправлялся на отдых в Сочи. А однажды,

когда отдыхал в Крыму, тоже проехал через Украину. И еще когда состоялась

его встреча с Рузвельтом и Черчиллем в Ялте, он проехал через Харьков (я его

тогда там встречал). Конечно, во время Гражданской войны он бывал на

Украине, когда являлся членом Военного совета Юго-Западного фронта, которым

командовал тогда Егоров.

Что касается командного пункта, то нам впоследствии пришлось его

завалить, потому что мы боялись осадки почвы; в Киеве - это опасное явление.

Местность там холмистая. Мы опасались, что осада может привести к разрушению

расположенных близко зданий, в том числе здания ЦК партии и театра имени

Франко. Впрочем, убежище сослужило свою службу, до того как его

ликвидировали: в нем укрывались от вражеских налетов.

Не помню точных чисел, но, видимо, в марте (я определяю по распутице;

была невероятная распутица) наши войска предприняли очередное мощное

наступление и опять сбили немцев с их позиций. Враг не выдержал натиска и

бежал, оставляя огромные военные обозы, а также многих

людей, которых немцы

тянули за собой. Одни - это люди, которые проштрафились перед украинским

народом и сами бежали с немцами; другие - кого уточняли насильно. Сразу нам

трудно было определить, кто там виноват, а кто нет. Потому что в таких

случаях, даже если он сам бежал, спасая свою шкуру, то все равно прикрывался

на словах, что его мобилизовали, ему приказали и т. п. И вот мне вдруг

докладывают, что в обозе брошенных немцами лиц оказался Гмыря (12),

знаменитый артист, певец с прекрасным голосом. Я прежде уже говорил, что на

время фашистской оккупации он оставался в Харькове. Потом он объяснял, что

кто-то из его близких был болен. Очень трудно выяснить сейчас правду, да я и

не хочу делать это, потому что все, кто оставался, как по сговору,

аргументировали свое поведение одинаково: жена больна, отец болен, мать

больна, а он не мог их бросить, и т.д. Одним словом, сказали мне, что Гмыря

со всем своим имуществом находится в этом обозе. Я приказал сейчас же

доставить его в Киев. Доставили.

Потом я специально разговаривал по этому вопросу со

Сталиным, потому что

сам решить его не мог. Ведь Гмыря - грандиозное имя! Когда немцы заняли

Харьков, мы получили сообщение (по радио, что ли, враги передавали), что

Гмыря пел в зале перед собравшимися там офицерами немецкой армии. Возможно,

что этого и не было, а просто немцы хотели афишировать, что известный

украинский артист выступает перед немецкими офицерами. Теперь я сказал

Сталину, что надо нам определить наше отношение к Гмыре. Он очень хороший

артист. Лично я его биографии не знал, но, кажется, консерваторию он окончил

в 1939 году. Говорю: "Мы хотели бы оставить его в киевской опере. Но нужно

ожидать больших возражений со стороны Ивана Сергеевича Паторжинского (13).

Паторжинскому Сталин очень симпатизировал. Да он и заслуживал этого.

Паторжинский был хорошим артистом и хорошим певцом, он отлично пел и играл,

имел сочетание сильного голоса и артистической манеры поведения на сцене.

Тем не менее Сталин согласился со мной: "Да, возьмите Гмырю в Киев".

Я не ошибся: сейчас же зазвучали голоса, что с изменником Родины мы не

будем вместе петь! Я знал, откуда это исходит; тут был и патриотизм, но была

и конкуренция. И мы разъяснили, что Гмыря виноват в том, что не отступил с

нами, раз имел такую возможность; однако сейчас трудно расследовать это

дело, да мы и не хотим, ибо трудно сделать заключение, стремился ли он

остаться. Да, факт налицо, и это, конечно, плохо. "Но, - говорил я, - мы

ведь всю Украину оставили. Так что те, кто остался, сами имеют какое-то

право обвинять нас за то, что мы ушли и оставили их. Поэтому копать сейчас

в этом, отыскивая виновных и наказывая всех тех, кто оставался при немцах,

надо с умом. Иначе придется наказывать миллионы. Они остались, потому что у

них другого выхода не было. Требуется подойти более серьезно, более здраво

при оценке фактов и определять свое отношение отдельно к каждому лицу,

которое оставалось на территории, занятой немцами".

Так Гмыря сохранился в Киевском оперном театре. Спустя какое-то время я

встретился с ним уже под конец войны. Он-то хотел встретиться еще во время

войны, но я тогда считал, что это не вполне удобно для меня. И только когда

я был в Закарпатье, а Гмыря оказался там, я сказал, чтобы он явился ко мне

на квартиру. Он сам хотел излить мне свою душу. Но, чтобы не вызывать его на

это (а это неприятно любому человеку), я хорошо угостил его и попросил

спеть. Он пел. Только после этого я спросил: "Ну, что вы хотели сказать?" -

"После всего того, что я услышал от вас, мне больше нечего сказать, кроме

благодарности. Я очень вам благодарен и никогда не забуду вашего отношения

ко мне в тяжелую для меня минуту, которая возникла после того, как узнали,

что я остался на территории, занятой немцами". Гмыря вновь занял почетное

место в театре, опять обрел должную форму артиста и человека, с большой

пользой трудился, часто выступал в концертах, да и сейчас еще выступает.

Когда я узнаю, что его пение передают по радио или по телевизору, пользуюсь

этим случаем, слушаю и наслаждаюсь его голосом.

Был в ту пору еще один крупный певец на Украине - Донец (14). В паре они

пели с Паторжинским. Тоже имел хороший голос. Не знаю, по каким причинам, но

за ним укрепилась среди партийного актива и особенно чекистов "слава"

антисоветского человека и националиста. Он не подвергался аресту. Но когда в

1941 г. нависла угроза, что Киев будет захвачен немцами, его у нас

арестовали. Никаких конкретных данных к тому, кроме сугубо интуитивных, не

имелось. Я находился в обществе от него на довольно приличном расстоянии и

потому не знал ни его души, ни настроений. И только по агентурным сведениям

получалось, что он настроен антисоветски, что он украинский националист.

Арестовали его, руководствуясь теми мотивами, что, дескать, немцы знают о

его политических, антисоветских настроениях и после захвата Киева могут его

использовать. Чтобы не предоставить врагу такой возможности, его и

арестовали, и вскоре он умер. Может быть, если бы не было войны и ареста, то

человек долго еще жил бы и работал на пользу своему народу. Уже по окончании

войны я возвращался несколько раз к вопросу о Донце. Думается, что имели

место наветы. То был плод искусственно вызванного подозрения. В каждом

человеке видели нераскрытого врага. А Донец по характеру был человеком

крутым, своенравным. Как мне потом рассказывали, он перед властью не

низкопоклонничал, держал себя с достоинством, может быть, проявлял даже

высокомерие. Видимо, это и послужило поводом оценить его как антисоветского

человека.

Весной 1944 г. наши армии, продолжая наступать, подходили к Одессе. Я

очень беспокоился за Одессу, в каком она находится состоянии и какие там

имеются разрушения. Это крупный город. Да и просто хотелось побывать в

Одессе непосредственно после того, как она будет освобождена. Поэтому я

договорился с командующим войсками, а тогда на этом фронте командовал

Малиновский, и полетел к нему. Он доложил об обстановке, и мы выехали в

только что освобожденную Одессу (15). Сразу же посмотрели, целы ли здание

обкома партии на берегу моря, Одесская опера, да и вообще город. На меня

произвел хорошее впечатление тот факт, что Одесса сравнительно не очень

сильно пострадала. Оперный театр был цел, только где-то снаряд расковырял

угол. Рассказывали множество всяких анекдотов о вражеской оккупации. Одессу

занимали румыны, поэтому возникло много антирумынских анекдотов, а одесситы

ведь умеют сочинять смешные истории.

Вот я сейчас думаю: как это получилось, что Одессу освобождал

Малиновский, а не Толбухин? Видимо, Толбухина оставили освободить Крым, а

Малиновский, то есть войска 3-го Украинского фронта, пошел на запад, и таким

образом ему была предоставлена честь освободить Одессу, в которой он провел

детство, живя у своей тетки. Не могу утверждать, что произошло именно так,

сейчас у меня многое стерлось в памяти, искать же по печатным материалам,

как я считаю, не стоит того.

Наш 1-й Украинский фронт вышел к марту на линию старой границы УССР с

Польшей до 1939 года. Хотя мне все еще отводилось помещение в месте

расположения фронтового штаба, я ездил туда только временами, а в армиях

вообще уже не имел возможности бывать, хотя мне и хотелось. Я понимал

верность указания Сталина, что мне надо сосредоточить усилия на организации

работ по восстановлению промышленности и сельского хозяйства республики. Это

было для Украины на том этапе главное, а вопросы наступления и разгрома

противника уже, как говорится, лежали в кармане. Тут все было

обеспечено.

Не помню точно числа, когда перед весной мне сообщили, что ранен Николай

Федорович Ватутин (16). Меня это очень огорчило, хотя и сказали сначала, что

жизни его рана не угрожает. Ранен он был в ногу, а при каких

обстоятельствах, мне тогда не доложили. Прошло какое-то время, и сообщили,

что Ватутин вагоном едет в Киев. Я встретил его. Он чувствовал себя, как

любой раненый, и был уверен, что вскоре вернется к делу. Ему, кажется,

предлагали лечиться в Москве, но он решил остаться в Киеве, потому что здесь

был ближе к фронту и мог не прекращать своей деятельности командующего

войсками. Приехали врачи, в том числе Бурденко (17), крупнейший хирург.

Большого и лучшего желать в те времена не приходилось. Бурденко, осмотрев

Ватутина, сказал мне: "Ничего страшного, его рана не опасна, мы его, видимо,

сумеем поставить на ноги, и он приступит к исполнению прежних обязанностей".

После ранения Ватутина командование войсками 1-го Украинского фронта принял

Жуков (18). Сначала он командовал временно, пока не выздоровеет Ватутин.

Затем мне доложили, при каких обстоятельствах и где был ранен Ватутин.

Оказывается, его ранили украинские националисты, бандеровцы. Они

воспользовались неосторожностью, непредусмотрительностью не только Ватутина,

но и людей, которые отвечали за его охрану. Он находился в каком-то

населенном пункте, откуда ему нужно было переехать в другое место. Решил

ехать ночью. Была непролазная грязь. Вообще-то мы на фронте чаще всего

переезжали с места на место на рассвете или в вечерних сумерках, а тут -

ночью. Впереди командующего ехал "виллис" с автоматчиками, потом сам

Ватутин, тоже в сопровождении автоматчиков. Где-то на развилке дорог машины

разминулись: шедшая впереди направилась в одном направлении, Ватутин - в

другом. Ватутин проезжал через какую-то деревню, когда раздалась пулеметная

очередь, и командующий был ранен. Не помню сейчас, нападавшие сумели

захватить машину или убежали. Потом мы поймали тех, кто стрелял в Ватутина,

но уже после войны. На допросах, как мне докладывали, они говорили, что

узнали, что ранили (либо убили) именно Ватутина, потому что какие-то вещи и

документы попали к ним в руки.

Лечение командующего шло довольно успешно. Я каждый день приезжал к нему.

Он чувствовал себя хорошо, уверенно выздоравливал, уже начал заниматься

делами и был даже назначен день, когда он сможет официально приступить к

исполнению прежних обязанностей и вернуться во фронтовой штаб. Но вот как-то

он говорит мне: "Что-то температура у меня поднялась, и я плохо себя

чувствую". Врачи, осмотрев его, сказали, что, видимо, это рецидив малярии.

Он болел малярией раньше, да и на фронте, когда мы были с ним там вместе,

тоже болел ею. Я ответил: "Жаль. Она, видимо, изматывает вас, ну, ничего не

поделаешь". Через день-два процесс стал нарастать. Тогда врачи сказали: "Это

не малярия, это - более серьезное явление, возникло заражение раны". Это

всех встревожило. Заражение раны - нагноение, гангрена, ампутация конечности

или смерть. Надо было срочно лечить.

Врачи считали, что следует применить пенициллин, но они могли, как мне

рассказывали, тогда сделать это только с согласия Сталина, а Сталин

воспротивился. Я с ним лично не разговаривал по вопросу

пенициллина, но

врачи сказали мне, что Сталин отверг пенициллин. Мотив выдвигался такой:

пенициллин был не советским (у нас его не имелось), а американским, и Сталин

считал, что пенициллин может оказаться зараженным: из США могут послать

зараженный пенициллин, чтобы ослаблять наши силы, так что лечить этим

лекарством такого крупного военного деятеля, как Ватутин, недопустимый риск.

Не мне тут судить, судить должны были врачи. Врачи же мне говорили, что

если бы ему был дан пенициллин, то это могло повернуть ход болезни в иную

сторону и спасти Ватутину жизнь. Но врачи так и не смогли ничего добиться. А

положение раненого ухудшалось. Когда я однажды пришел к нему, Бурденко,

отведя меня в сторону, сказал, что единственный выход - операция, и как

можно быстрее. Придется отнять ногу. "Мы возлагаем на вас большую надежду.

Вам нужно поговорить с Ватутиным раньше, чем нам. Вы сошлетесь на нас и

скажете ему о такой необходимости. Он питает к вам большое уважение,

доверие, и вы сумеете найти слова, чтобы убедить его согласиться на

операцию". И я поговорил с Ватутиным: "Николай Федорович, ваша рана дала

осложнение. Врачи говорят, что нужна ампутация, придется отнять ногу. Я

понимаю, что это значит для каждого человека. Но генерал без ноги возможен.

А пожалеешь ногу, и потеряешь голову. Выбор один: жизнь или ампутация.

Ампутация сохранит жизнь. Если ее не сделать, остается смерть. Прошу вас

согласиться на операцию". Он ответил довольно спокойно: "Да, я согласен.

Скажите врачам, пусть делают так, как считают нужным. Я готов хоть сейчас".

Я сейчас же передал его слова Бурденко. У того был помощником тоже

крупный хирург, сейчас не помню его фамилию, он, собственно, и делал

ампутацию ноги под наблюдением Бурденко. Провели операцию. Я пришел туда

после операции, и мне сообщили о результатах. По-человечески говоря, это

была страшная картина: не просто человек без ноги, а открытая рана... Для

медиков это - довольно впечатляющее зрелище с профессиональной точки зрения,

а на других лиц производит неприятное впечатление. Опять стали лечить

Ватутина. Все делали, буквально все, чтобы состояние его здоровья

улучшилось. Не знаю, сколько дней протянул он еще в таком виде, когда опять

мне позвонил Бурденко (или его ассистент) и попросил, чтобы я приехал,

потому что Ватутин уже находился в тяжелейшем состоянии. Он метался,

поднимался на руках, требовал блокнот, карандаш и пытался написать какую-то

телеграмму, обращался к Сталину с просьбой спасти его, и тому подобное.

Когда я подошел к нему, он метнулся навстречу, обнимал, целовал, был в

полусознании, но хотел жить и обращался к каждому, кто мог в какой-то

степени помочь отвоевать его жизнь. А я ему сказал: "Николай Федорович,

Сталин знает и все сделает, что надо". Действительно, я со Сталиным

специально говорил о Ватутине по телефону. Потом Сталин меня же и упрекал,

что мы допустили смерть Ватутина. Это я-то допустил! Тут и Бурденко ничего

не смог сделать, а что я могу, простой человек, не медик? Сталин сам

запретил использовать пенициллин, но об этом он тогда мне не сказал:

понимал, что произведет плохое впечатление. А я позднее не спрашивал Сталина

об этом, потому что не хотел его как бы упрекать.

Когда я уходил из госпиталя, то сказал Бурденко: "Мое впечатление таково,

что Николай Федорович умирает". Бурденко ответил, что больной еще несколько

дней может пожить. Я повторил: "Думаю, что этой ночью и даже вечером он

скончается". Действительно, мне через несколько часов позвонили:

"Приезжайте, у Ватутина очень тяжелое состояние, мы хотели бы, чтобы вы

приехали". Когда я приехал, Николай Федорович был при смерти. Так оборвалась

жизнь этого замечательного человека (19), преданного Коммунистической

партии. Советскому государству и своему народу, честнейшего, преданнейшего,

трезвого во всех отношениях и сугубо принципиального. Я не много видел

военных, чтобы они были такими хорошими коммунистами, каким являлся Николай

Федорович Ватутин. Так я расстался с ним, потеряв хорошего товарища и

верного друга. Я не был столь близок с ним до войны, но сблизился во время

войны, глубоко уважал его и уважаю память о нем.

Когда его хоронили, я поставил вопрос о том, чтобы поставить ему

памятник. Сталин согласился. Стали готовить памятник. Какую же надпись на

нем сделать? Я предложил написать примерно так: "Генералу Ватутину от

украинского народа", - ибо считал, что это - самое почетное: он ведь воевал

на Украине, освобождал украинские земли от Гитлеровцев. И это было принято.

Когда стали готовить надпись, вдруг в Москве тоже подняли тот же вопрос.

Тогда руководил делами культуры в стране кто-то с украинской фамилией, хотя

сам и не украинец (20). И вот он вдруг звонит мне и говорит, что надпись,

предложенную мной, нельзя делать. "Почему?". "Это будет националистическая

надпись. Это, наверное, Бажан ее придумал, а ведь Бажан - националист".

"Постойте-ка, - говорю, - не Бажан, а я предложил. Бажану тоже понравилось,

этого я и не отрицаю. Но какой же здесь национализм - благодарность от

украинского народа русскому человеку? Так это же награда, это, наоборот,

украинские националисты с ума сойдут, если на памятнике русскому человеку

сделать надпись от украинского народа". Мне потребовалось много усилий,

чтобы отстоять текст надписи, и я только тогда победил, когда обратился к

Сталину и сказал, что это возмутительно. Сталин ответил: "Пошлите их к

**черту! Сделайте, как вы предлагаете, и все". Так мы и
поступили. Памятник**

**стоит посейчас как память о жизни и деятельности Ватутина,
как признание**

украинским народом его заслуг в борьбе с агрессором.

**Образованные люди занимаются вопросами культуры в
Советском Союзе. Но тот**

**человек показал свое невежество и политическую
малограмотность. Туг как бы**

**наоборот. Повторяю, у настоящего украинского националиста
глаза бы затмило и**

**помутнело в голове, если русскому генералу чеканить на
памятнике надпись: от**

**украинского народа. К тому же эта надпись свидетельствует,
кроме того, о**

**слиянии в едином порыве мыслей и поступков украинского и
русского народов в**

**общей борьбе против захватчиков. Действительно, так оно и
было, потому что**

**умирали ведь на одном поле и за одно дело и русские, и
украинцы, и татары, и**

**евреи, и башкиры, и белорусы, и представители других
народов. Здесь**

**проявилось их политическое и моральное единство, когда все
народы СССР**

**поднялись против врага, на защиту нашей Родины. Когда я
бываю в Киеве, то**

**всегда хожу к памятнику Николаю Федоровичу и отдаю ему
должное уважение,**

высказываю свое почтение и признательность.

После Жукова командовал 1-м Украинским фронтом Конев (21). Я впервые

встретился с ним до войны, какое-то возникшее с Коневым дело разбирал

Сталин, а я случайно присутствовал при этом. Тогда возник спор Конева с

секретарем партийного комитета края или области. Потом я встретился с ним

уже во время войны: он пришел с 19-й армией в первые дни войны к нам в

округ, когда мы стояли еще на границе, но его армию быстро перебросили от

нас в Белоруссию. Затем я встретился с ним на Курской дуге. А совсем недавно

мы вместе с ним праздновали нашу общую победу - освобождение Киева. Я знал

Конева с хорошей стороны и был доволен, что командование войсками принял

именно он. Конечно, Жуков был посильнее, тем более что уже тогда он

фактически подготавливал и решал все вопросы в Ставке. Сталин? О, Боже

упаси, чтобы кто-то заикнулся о том, что решает вопросы не он, а Жуков.

Однако, во всяком случае, я тогда именно так думал и полагаю, что так оно и

было.

При Жукове я, оставаясь членом фронтового Военного совета,

продолжал свою

деятельность, направленную на восстановление разрушенного хозяйства Украины,

и по-прежнему изредка ездил в штаб фронта, иногда по нескольку дней бывал

там вместе с Жуковым. Наши войска в это время уже вышли к Тернополю (22).

Помню, позвонил мне Жуков и сказал, что тогда-то начнется наступление и что

он хотел бы, чтобы я приехал к нему. Я с удовольствием отправился. Мне и

самому хотелось посмотреть на наступление наших войск в победном, 1944 году.

Имелась уже абсолютная уверенность в нашем успехе. Прибыл я в штаб фронта,

пробыл там не один день, как следует ознакомился с обстановкой. Ранним утром

в день наступления мы вместе с Жуковым должны были находиться на командном

пункте и контролировать, как проходит операция. Сели на "виллис",

отправились. Не знаю почему, но немного запоздали к началу артподготовки.

Когда спешили на командный пункт, то объезжали какие-то кустарники, и

вдруг сзади нас ухнуло орудие. Оно буквально ошарашило нас и мощным

выстрелом, и колебанием воздуха. Это и было как раз начало артиллерийской

подготовки. Загудела артиллерия, потом полетела авиация, заработали "эрэсы".

Картина была очень впечатляющая. Немцы были разбиты, и наши войска рванулись

на Тернополь и Черновцы (23). Тернополь какое-то время был в окружении, ибо

немцы превратили его в хорошо укрепленный опорный пункт. Из-за этого

Тернополь очень пострадал. Я бы сказал, что из всех украинских городов

больше других пострадал именно Тернополь. Немцы оказались там в окружении,

мы их бомбили, а авиационные бомбы сильнее разрушают городские сооружения,

чем артиллерия, потому что дают более мощный взрыв и происходит сотрясение

почвы. Из-за этого дома не только разрушаются от прямых попаданий, но и

трескаются.

Когда мы продвинулись вперед, я оставался при штабе еще несколько дней. А

мне потом сообщили, что буквально рядом с местом, где располагалась моя

квартира, нашли укрытие, по-украински "схрон", бандеровцы. Конечно, мы

никаких бандеровцев не видели и вообще ничего не знали об укрытии. Они

сделали там яму вроде погреба и замаскировали ее. Наши разведчики, которые

выбирали место под штаб, недостаточно тщательно проверили этот участок. Были

ли там в тот миг бандеровцы, сомневаюсь, потому что им трудно было бы там

находиться: ведь нужны питание, вода и прочее. Но что у них там был схорон,

это установлено точно. Пока я работал при штабе, наши войска успешно

продвигались на юг и запад.

У истоков Западного Буга вновь завязались упорные бои. Противник хотел

опереться на эту реку и дать нам сражение, чтобы задержать продвижение наших

войск ко Львову и Перемышлю, и проявил большое упорство. Тем не менее мы

далеко продвинулись на левом крыле фронта, и вражеская группировка севернее

Каменец-Подольского была разгромлена, оставив много трупов и вооружения. В

одном месте я видел немецкую военную новинку - стоявшие у стены рядами

фаустпатроны, то есть ручные противотанковые гранатометы, частично в ящиках,

целый склад. Видимо, как их подвезли, так и, не успев раздать солдатам,

бросили. Там действовала танковая армия под командованием Рыбалко (24), и

очень хорошо действовала. Помню, уже летом стали мы обсуждать план, как

двигаться на Львов (25). Я знал подступы к этому городу. На Львов наступать

с севера или с востока трудно. Он расположен в котловине меж предгорий, а с

севера его прикрывает пойма рек Южный Буг и Петлев. Дальше на север

простирается абсолютно ровная местность. С востока тоже тянется поле, а

ближе ко Львову начинаются холмы. Очень удобный город в смысле организации

обороны. Сначала мы попытались счастья захватить Львов врасплох, но это не

удалось: противник навязал нам бой. Было решено не упорствовать и не тратить

время, не класть там живую силу, преодолевая налаженную оборону, а ударить

прямо на Перемышль. Пусть Львов окажется в тылу наших войск. Тем самым мы

вынудим противника уйти из Львова без боя. Так потом и получилось.

Для этого танковую армию Рыбалко, которая на подступах ко Львову

ввязалась в бой, понадобилось развернуть севернее, выведя ее из боя с тем,

чтобы повернуть ее на запад через Жолкву и Яворив к Перемышлю. Вместе с

танковой армией должна была наступать еще севернее 13-я армия Пухова (26),

очень хорошего человека и хорошего военного. Он командовал этой армией еще

на Курской дуге. Я принимал участие в рассмотрении и утверждении этого

плана. Потом поехал к Рыбалко, чтобы на месте ознакомиться с положением

войск. Когда стал подъезжать, танки шли мне навстречу: их уже повернули, и

они двигались в новом направлении. Неожиданно налетели самолеты и начали их

бомбить. Я ехал вместе с секретарем Львовского обкома партии (сейчас

председатель Комитета народного контроля на Украине, толковый и энергичный

человек). Он был генералом, членом Военного совета какой-то армии, а когда

мы стали подходить ко Львову, попросил, чтобы его, освободив от военной

должности, дали нам, с тем чтобы утвердить его секретарем Львовского обкома

КП(б)У.

И вот началась бомбежка, загорелись танки, мы выскочили из машин. Рядом

виднелась отрытая щель. Этот генерал, худенький такой, р-раз боком прямо в

эту щель и притерся, как клин. Я засмеялся: "Здорово выработался инстинкт

самосохранения от бомбежки". "Да, - говорит, - сколько уже воюем, всяко

приходилось".

Доехал я до Рыбалко. На крыльце домика, где он размещался,

стоял генерал

Рязанов (27). Я его знал, еще когда он в начале войны был полковником и

вывез из Киева секретные бумаги ЦК КП(б)У, которые ему вручил Бурмистенко.

Теперь он командовал штурмовой авиацией фронта, и у него, по-моему, были на

вооружении Ил-2. Я его спросил: "Это что за самолеты бомбят наши колонны?".

Он: "Это наша авиация". Туг же дает позывные и связывается с ведущим этих

самолетов, чтобы отвернуть их в сторону. Потом я вновь его спросил: "Как же

это могло случиться, что наша же авиация бомбит свою танковую колонну?". -

"Мы сами о том гадали и пришли к такому выводу: летчикам дали задание

разбомбить передний край и все, что движется против нас под Львовом. Когда

мы повернули танки, то они пошли отсюда на северо-восток, прямо по дороге от

Львова. Наверное, наши летчики и приняли их за танковые колонны противника и

стали бомбить". В таких случаях, когда приходилось попадать под бомбежку

своих же, то всегда говорили: "Спасибо им, что плохо бомбили и на этот

раз!". Не помню, какие у нас были жертвы. Если и были, то незначительные,

потому что танкисты успели выскочить и разбежаться. В танках, по-моему, тоже

существенных потерь не было. Я видел только две-три машины, охваченные

огнем.

Приехал я к Рыбалко. Он располагался со своим штабом неподалеку от

станции Красне, восточное Львова. Когда я к нему вошел, ему докладывали

обстановку. Совершенно другое было в армии настроение, чем в 1942 г., -

полная уверенность, что мы быстро пойдем вперед.

Шла перегруппировка войск, меняли направление движения, я поехал в 13-ю

армию, к Пухову. Я не видел его с 1943 г., когда воевал еще под Курском. Я

приехал к нему как раз, когда наши танки развернутым строем двигались за

пехотой в сторону Перемышля. Спрашиваю его: "Где наши войска?". Он показал

по карте: "Они уже подходят к Перемышлю". "А кто перед вами? Кто сдерживает

вас сейчас?". "А никого нет перед нами. Противника тут нет. Надо, чтобы

танки побыстрее двинулись и не дали опомниться врагу. Но там заболоченное

место, трудное для танков. Сейчас наши саперы работают над тем, чтобы

укрепить это место. Тогда танки Рыбалко двинутся дальше, и

мы займем

Перемышль". У него не было в том никаких сомнений, и мне было приятно его

слушать. Пожелав ему успеха, я вернулся в штаб.

Между прочим, когда я ехал к нему, то догнал маршевую роту не то

батальон. Они устроили привал, и я подошел к ним, чтобы побеседовать.

Состоялся интересный разговор. Чувствовалось совершенно иное настроение, не

такое, как в 1941 г.: раздавались прибаутки, солдатские шутки. Чуть не в

каждой роте имелся свой Теркин. Очень хорошо и метко схватил Твардовский эту

фронтową фигуру и замечательно написал поэму, сильную по содержанию и

зеркально отражавшую жизнь, бои, настроение воинов Красной Армии.

Вскоре наши войска заняли Перемышль (28). Немцы, почувствовав угрозу с

тыла, сами выскочили из Львова, и наши войска вступили в него. Я сейчас же

поехал туда. Он представлял для нас особый интерес: абсолютное большинство

городского населения было польским, украинцев было там очень мало.

Крестьянство же вокруг Львова было все украинским, а в городе, в результате

особой политики, которую проводило Польское государство,

жили в основном

поляки. Мне рассказывали, что украинцы не могли даже получить работу по

уборке или мощению улиц во Львове. Проводилась политика ополячивания, чтобы

укрепиться в том споре, который издавна велся там между украинцами и

поляками. Польское правительство делало все, чтобы опереться во Львове на

польское население. Поэтому мы боялись, что там могут возникнуть какие-то

местные органы, которые окажутся враждебными Советской власти. Надо было

поспешить, чтобы наши люди приступили к руководству городом. Так мы и

сделали. Сейчас же были утверждены секретарь обкома партии и председатель

облисполкома. Потом стали подбирать кадры для районов, создавать другие

государственные и партийные органы. Провели необходимые собрания.

Помню, как во Львове ко мне кто-то зашел и сообщает: "Товарищ Хрущев, я

проезжал сейчас мимо вокзала и видел, как гражданские лица растаскивают

вооружение. Один человек нес ручной пулемет". Я сейчас же взял машину и

поехал туда. Застал такую картину: неизвестные люди действительно

растаскивают пулеметы и винтовки. Во Львове - польское население, немцы

разбиты и отступили отсюда, а население вооружается. Против кого

вооружается? Ведь не против отступавших. Значит, против нас. Тотчас были

приняты срочные меры, чтобы прекратить это безобразие и организовать сбор

"ничейного" оружия. Но все-таки его растащили немало. Частично оно потом,

видимо, попало и в руки бандеровцев. Польское же население не смогло создать

во Львове какой-то своей военной националистической организации. Армия

Крайова, которая подчинялась эмигрантскому польскому правительству в

Лондоне, конечно, готовилась к борьбе против Красной Армии, против Советской

власти. Львов для нее был периферией.

В предгорьях Карпат наступали 38-я армия Москаленко, 1-я Гвардейская

армия Гречко и еще одна армия, ее командующим раньше был грузин Леселидзе

(29). Я знал его не очень хорошо, так как эта армия прибыла к нам, когда я

уже не участвовал активно в работе Военного совета фронта и поэтому близко

не сумел познакомиться с ним. Эти три армии на левом крыле фронта отстали в

продвижении. Условия обороны в горах выгодны для противника, и там он

навязывал нам затяжные бои. В данной связи Сталин, когда я приехал в Москву,

очень хвалил 13-ю армию Пухова и очень критиковал отставших: "Что же они,

такие-сякие, хваленые ваши командующие, топчутся на месте?" Говорю ему: "Да

ведь я и Пухова хвалил, и других хвалил. Но, товарищ Сталин, я был у Пухова

и лично знаю, что перед Пуховым оказалась пустота: противника там нет,

поэтому он и продвигался совершенно свободно. Кроме того, там равнина, и по

ней его сопровождает танковая армия Рыбалко, так что все естественно. А

другие движутся в предгорьях и в горах. Там легче организовать оборону и

труднее выбить противника, который упорно сопротивляется".

Сталин в такие вопросы не вникал, не хотел разбираться. Не знаю,

сознательно ли делал это или просто не понимал. Иными словами, раз не

продвигаются - значит, плохие; если продвигаются - значит, хорошие. А какие

условия возникали для той или другой армии на одном или другом направлении,

он порою не хотел слушать и в таких случаях не вдавался в изучение

обстоятельств, почему именно такие сложились условия на каком-то участке

фронта.

Во Львове продолжалась организация новой жизни. Среди поляков выделились

активисты, которые хорошо сотрудничали с коммунистическими организациями и

стали отличными агитаторами. Помнится, особенно выделялся один человек, врач

по профессии, истинный умница. Я его сам слышал, когда мы проводили митинг в

городе. Выступил он замечательно, умную речь сказал. И я тогда предупредил

чекистов: "Вы создайте соответствующие условия для него и охраняйте его

негласно, чтобы он этого не заметил. Боюсь, что его убьют польские

националисты". Увы, так и случилось. Те подослали ему "подарок" от его друга

из Варшавы. Он стал разворачивать посылку и, как рассказала нам потом его

жена, заметил ей: "Что за упаковка? Не бомба ли это? Не адская ли машина?".

Тут раздался взрыв, он был сражен наповал, а жена контужена, но осталась

жива. Убийц, конечно, найти не удалось. Так мы потеряли хорошего друга,

ценного еще и тем, что он был поляк. Среди поляков во Львове не так-то много

имелось наших сторонников, особенно активных агитаторов и хороших ораторов,

в которых мы очень нуждались.

Заняв Перемышль и Львов, наши армии продолжали наступать. Войска, которые

продвигались левее, в Предкарпатье, заняли Дрогобыч с нефтепромыслами и

нефтезаводами. Я сейчас же выехал в Дрогобыч, а потом поехал в Борислав,

буквально по следам отступавшего противника. Вскоре этот участок - Борислав

и южнее него - отошел в полосу 4-го Украинского фронта. Командовал его

войсками Петров, из бывших учителей, хороший командующий (30). Вскоре после

войны он умер. У него было характерное подергивание головы, вроде тика. А

членом Военного совета у него в те месяцы был Мехлис (31), человек

архиэнергичный. Его энергия, как буря, иной раз сметала все - и враждебное,

и полезное. При разборах операций обычно докладывал больше Мехлис, чем

командующий. Он сковывал инициативу командующего. Вторым членом Военного

совета фронта был генерал, чью фамилию я сейчас забыл.

Как-то они с Мехлисом решили поехать в войска и поспорили. Второй член

Военного совета говорит: "Предлагаю поехать вот этой

дорогой, а не той,

которой предлагаете вы, товарищ Мехлис. Та дорога находится под

артобстрелом, и мы там не ездим". Мехлиса это подзадорило: "Как так? Именно

этой дорогой и поедем, она короче, и мы приедем быстрее". Они выехали на

разных машинах. Получилось так, что Мехлис проскочил удачно, а у второго

генерала при прямом попадании снаряда машина была разбита, а сам он погиб.

Так по упрямству и глупости Мехлиса потеряли генерала. Вот цена задорного

хвастовства: "Я ничего не боюсь!". Действительно, Мехлис был очень смелым

человеком, нужно отдать ему должное. Но смелость, которая выливается в

безрассудство и ведет к ненужным потерям, не может быть оправдана.

В Дрогобыче и Бориславе, куда я приехал, нефтепромыслы оказались

разрушенными, но два завода по переработке нефти, которые мы

законсервировали еще до войны (они принадлежали какой-то иностранной фирме),

остались совершенно целыми. Мы смогли быстро пустить их в ход, как только в

том возникла потребность. А потребность возникла только тогда, когда были

**восстановлены скважины и опять началась добыча нефти.
Впрочем, заводы были**

устаревшие, и я не знаю их дальнейшей судьбы.

**Теми неделями наши войска, продолжая наступать,
перевалили через Карпаты**

**и уже спускались на равнину к реке Тиссе. Когда я узнал, что
завязываются**

**бои в районе Мукачева, то решил отправиться в штаб 4-го
Украинского фронта,**

**чтобы встретиться с командующим войсками и с Мехлисом. У
нас, украинского**

**руководства, имелись виды на Закарпатье, потому что там
жили украинцы, их**

**родину еще называли в старину Червона Русь. Поэтому, как
только я узнал, что**

**наши войска вступили в Мукачево, сейчас же выехал туда,
чтобы разобраться на**

**месте: какой там существует партактив? Какие партии? Каков
состав населения**

**- сколько проживает украинцев, венгров, чехов и
представителей других**

**народов, если таковые там есть? В принципе они должны были
быть, потому что**

**эта область много лет находилась в составе прежней Австро-
Венгрии, а после**

**Первой мировой войны вошла в состав Чехословакии. Каждое
новое государство**

**старалось убить национальные чувства украинской части
населения Закарпатской**

Украины, доказав, что оно не украинцы. То их называли русинами, то Червоной

Русью, но никогда не называли их просто украинцами или даже русскими.

Действительно, они отличались даже от карпатских гуцулов, хотя по одежде,

бытовой культуре, нравам они были близки к горным гуцулам.

До войны я бывал в этом районе, но, конечно, не в Закарпатье, хотя через

перевал добирался до самой границы. Там проходили две довольно приличные

дороги. По ним обеим я проезжал к проходившей по перевалу границе и теперь

понадеялся, что помню их, почему и не взял проводника, однако ошибся; сбился

с пути и вместо того, чтобы проехать на перевал западной дорогой, которая

вела в Ужгород, попал на юго-восточную дорогу. Ночью, когда я подъехал к

перевалу, меня поразило, что нигде никого нет, буквально ни души, никакого

движения, и такая стоит жуткая тишина в лесу. Мы останавливались, опять

ехали, снова останавливались, прислушивались. Никого! Со мною была только

охрана, которая всегда меня сопровождала. Обратный путь потребовал времени.

Только поздним вечером мы спустились с Карпат. Найдя штаб фронта, я

рассказал командующему, зачем приехал. Он доложил об обстановке. Затем

пришел Мехлис. С ним мы были старые знакомые и давние приятели, еще по

Москве, когда я учился в Промышленной академии, а он был редактором газеты

"Правда". Мехлис: "Ведем бой в Ужгороде. Противник сопротивляется, но,

наверное, мы его выбьем завтра утром".

Я остался ночевать у них, а утром поехал к Ужгороду. Противник еще

держался на западной окраине города и вел минометный огонь по его центру.

Мукачево я осмотрел, когда мы с Петровым проезжали через него. Хороший,

маленький, чистенький городок, славные постройки. Ужгород тоже очень мне

понравился. Села по дороге показались не типично гуцульскими, но с хорошими

постройками. Позже я узнал, что это были мадьярские села. Они совершенно

другого типа, дома стояли фундаментальные: кирпичные и каменные. Гуцулы были

оттеснены венграми дальше в горы и имели курные дома без труб, печной дым

выходил из-под крыш. Тут я вспомнил свое детство: в нашей деревне Курской

губернии тоже были курные хаты.

В Ужгороде я познакомился с Иваном Ивановичем

Туряницей (32),

коммунистом, рабочим-табачником из Мукачева. Тогда он был местным лидером и

проводил линию на вхождение Закарпатской Руси в состав СССР, создавал там

новые партийные и административные органы. Первоначально возникло особое

правительство закарпатской области - Народный совет. Мне Туряница

понравился. Он был известным человеком в Компартии Чехословакии. Когда

Закарпатье являлось частью Чехословакии, Туряница вел партийную работу среди

закарпатских лесорубов. Там вообще было много рабочих. Мне рассказывал

Мануильский, что когда он в 20-е годы начал работать в Коминтерне и ездил в

Чехословакию как посыльный Коминтерна (33), то тоже встречался в Карпатах с

лесорубами. "Проводил я собрание с лесорубами, - вспоминал он, - а это был

год 1928-й, не то 1930-й. Коминтерн тогда проводил ту линию, что, пока не

существует революционной ситуации, надо переходить от призывов к восстаниям

к другим методам действий, к массовой работе. Я выступил с докладом перед

коммунистами-лесорубами. Они слушали меня, сопели, потом стали выступать.

Говорили по-украински (а Мануильский сам украинец и хорошо говорил на этом

языке): "Вот доповідач (докладчик) каже, шо немає революционной ситуации,

але нам трэба зброи" (но оружие нам нужно). Я опять им доказываю, что если

нет сейчас революционной ситуации, то и оружие ни к чему. Они твердят свое:

"Давайте оружие". Одним словом, у этих лесорубов боевой был дух. Там жила

беднота, значительно уступавшая по уровню жизни не только чехам, но и

словакам, тоже небогатым. Ну, а о венграх и говорить нечего. Венгерское

население было зажиточным.

Теперь я, естественно, подбадривал Ивана Ивановича, считая, что его

политическая линия правильная. Но, как говорится, аппетит приходит во время

еды. Туряница создал вооруженные дружины и захватил некоторые районы,

которые до войны принадлежали Румынскому королевству. Правда, жители этих

районов, в основном крестьяне, сами приходили и просили, чтобы их включили в

состав Советской Украины. Я тоже встречался с ними. Они доказывали, что они

украинцы. Но тут ничего конкретного нами не предпринималось, Иван же

Иванович послал туда своих уполномоченных на собственный страх и риск.

Румынским лидерам это было весьма неприятно. Те районы расположены далеко

в горах, добраться туда непросто. Если говорить в шутку, то Иван Иванович

начал вести захватнические действия. Когда воссоздалось Чехословацкое

правительство и его люди приехали в Мукачево, он и их выкурил. После того

как наши войска туда продвинулись, эти люди перебравлись западнее, кажется, в

Кошице. Вообще тогда у всех украинцев возникла сильная тяга к воссоединению.

Ко мне даже в Киев приезжали представители какого-то района Словакии,

заселенного украинцами, и просили их район тоже присоединить к СССР. Я им:

"Это невозможно. Если вы, коммунисты, строили свою жизнь вместе с чехами и

словаками, то это заденет чехов, а особенно словаков, потому что получится

уменьшение территории Словакии. Хотел бы, чтобы вы правильно меня поняли.

Стройте социализм, создавайте государство трудящихся вместе с Компартией

Чехословакии. Вы должны объединиться с ними и свое будущее созидать вместе с

другими народами, которые населяют Чехословакию".

Они уехали из Киева недовольные. Я, конечно, докладывал об этом Сталину.

Однажды он позвонил мне и говорит: "У вас там Туряница?". Я: "Нет, не у нас,

он к нам не имеет никакого отношения, это наш сосед". "Ну, рассказывают, что

вы все-таки имеете на него влияние. Передайте ему, пусть он отзовет свои

вооруженные отряды с территории Румынского королевства. Кроме того, он там

какие-то районы занял и на левом берегу Тиссы. А эта территория отойдет к

Венгрии". Я сейчас же передал все Ивану Ивановичу. У нас с ним была налажена

связь. Конечно, я не мог ему приказывать, а мог только советовать. И он

сейчас же все сделал, как посоветовали.

Я уже работал после войны в Москве, когда узнал, что Иван

Иванович умер. Я очень сожалел о том: он был еще молод и мог бы еще

славно поработать. И я порекомендовал Киеву: "Подумайте, ведь он заслуживает

того, чтобы как-то отметить его деятельность в Закарпатье. Он сыграл там

положительную роль под конец войны". Его заслуги перед Коммунистической

партией Советского Союза в целом. Коммунистической партией Украины в

частности, немалые. Впрочем, так и не знаю, что в этом плане

было сделано.

Когда Закарпатье стало одной из областей Советской Украины, люди работали

там хорошо. Создавались колхозы и совхозы, возникла новая промышленность,

построили электростанцию. Там текут, впадая в Тиссу, реки Тербля и Рика.

Между ними - небольшое расстояние. Их течения соединили тоннелем и,

использовав возникший перепад высот, построили небольшую ГЭС, сейчас не

помню, какой мощности, но для того района она временно решала энергетическую

проблему.

Итак, Украина была освобождена.

(1) ТОЛБУХИН Ф.И. командовал войсками 4-го Украинского фронта с октября

1943 г. до мая 1944 г. МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. командовал войсками 3-го Украинского

фронта с октября 1943 г. до мая 1944 г.

(2) Киев был освобожден 6 ноября 1943 г., Днепропетровск - 25 октября

1943г.

(3) Генерал-лейтенант КРЕЙЗЕР Я.Г. командовал 2-й Гвардейской армией с

февраля по июль 1943 г.

(4) Макеевка была освобождена 6 сентября 1943 г.

(5) Житомир впервые освободили 12 ноября 1943 г., вторично - 31 декабря

1943 г. На этом участке наступал 1-й Гвардейский кавалерийский корпус

(командующий генерал-лейтенант БАРАНОВ В.К.).

(6) Херсон оставался под вражеской оккупацией до конца 1943 г.

(7) КОНЕВ И.С. командовал войсками Степного фронта с июля 1943 г. до

октября 1943 г., после чего этот фронт был переименован во 2-й Украинский.

(8) Это была 6-я танковая армия. Генерал-лейтенант танковых войск

КРАВЧЕНКО А.Г. командовал ею с января 1944 г. по сентябрь 1945 г.

(9) Генерал-лейтенант ТУМАНЯН Г.Л.

(10) Это было сделано в 1965 г.

(11) С мая по август 1943 г. это была 1-я Польская дивизия им.

Т.Костюшко. Затем до марта 1944 г. это соединение называлось 1-м Польским

корпусом. Далее существовала 1-я Польская армия. В июле 1944 г. она слилась

с Армией Людовой в Войско Польское, состоявшее из двух армий.

(12) ГМЫРЯБ. Р. (1903-1969), народный артист СССР с 1951 г., окончил в

1939 г. Харьковскую консерваторию. С 1936 г. он пел в

Харьковском оперном

театре, а с 1939 г. - в Киевском.

(13) ПАТОРЖИНСКИЙ И.С. (1896-1960), народный артист СССР с 1944 г.,

являлся солистом Харьковского оперного театра в 1925-1935 гг., затем перешел в

Киеве.

(14) ДОНЕЦ М.И. (1883-1941), народный артист УССР с 1930 г., член ВКП(б)

с 1940 г., солировал в театрах Москвы, Харькова, Свердловска и Киева.

(15) Одесса была освобождена 10 апреля 1944 г. войсками 3-го Украинского

фронта (командующий МАЛИНОВСКИЙ Р.Я.).

(16) Это произошло 29 февраля 1944 г.

(17) Академик БУРДЕНКО Н.Н. (1876-1946), генерал-полковник медицинской

службы. Герой Социалистического Труда с 1943 г., являлся тогда главным

хирургом Красной Армии.

(18) Маршал Советского Союза ЖУКОВ Г.К. командовал войсками 1-го

Украинского фронта с марта по май 1944 года.

(19) Это произошло 15 апреля 1944 года.

(20) Речь идет о председателе Комитета по делам искусств при Совнарком

СССР ХРАПЧЕНКО М.Б. Он родом из Смоленской губернии.

(21) Маршал Советского Союза КОНЕВ И.С. командовал войсками 1-го

Украинского фронта с мая 1944 г. до мая 1945 г.

(22) То есть 23 марта 1944 г. С 1944 г. Тернополь носит название

Тернополь.

(23) Проскуровско-Черновицкая наступательная операция, длившаяся с 4

марта по 17 апреля 1944 г.

(24) 3-я Гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск

РЫБАЛКО П.С.

(25) Львовско-Сандомирская наступательная операция, длившаяся с 13 июля

по 29 августа 1944 года.

(26) Генерал-лейтенант ПУХОВ Н.П.

(27) Генерал-лейтенант авиации РЯЗАНОВ В.Г., дважды Герой Советского

Союза. Он командовал 1-м Гвардейским штурмовым авиационным корпусом.

(28) Это произошло 27 июля 1944 г.

(29) Генерал-полковник МОСКАЛЕНКО К.С. командовал 38-й армией с октября

1943 г. по май 1945 г. Генерал-полковник ГРЕЧКО А.А. командовал 1-й

Гвардейской армией с декабря 1943 г. по май 1945 г. Третья армия, о которой

здесь говорится, - это 18-я. Ею до февраля 1944 г.

командовал

генерал-полковник ЛЕСЕЛИДЗЕ КН., а затем генерал-лейтенант ЖУРАВЛЕВ Е.П.

(30) Генерал-полковник (с октября 1944 г. генерал армии) ПЕТРОВ И.Е.

командовал войсками 4-го Украинского фронта с августа 1944 г. по март 1945

г.

(31) Генерал-полковник МЕХЛИС Л.З. являлся членом Военного совета 4-го

Украинского фронта с августа 1944 г. по июль 1945 г.

(32) ТУРЯНИЦА И.И. (1901-1955), член ВКП(б) с 1925 г., участник

Венгерской революции 1919 г., был в 1928-1930 гг. секретарем Мукачевского,

потом Ужгородского партийных комитетов, далее учился в СССР (Харьковский

коммунистический институт журналистики), затем продолжал участвовать в

революционном движении Закарпатья. В 1944-1946 гг. он являлся председателем

Народного совета Закарпатской Украины (секретарь ЦК Компартии Закарпатской

Украины - к 1945 г.), до 1948 г. - первым секретарем Закарпатского обкома

КП(б)У и председателем местного облисполкома, с 1949 г. - членом ЦК

Компартии Украины.

(33) Член РСДРП с 1903 г. МАНУИЛЬСКИЙ Д.З. работал в

**Коминтерне с 1922 до
1943г.**

ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ!

**Летом 1944 г. наши войска уже вышли на ту западную границу
СССР, которую**

**мы получили в 1939 г. в результате перехода восточных
территорий Польши,**

**населенных украинцами и белорусами, в состав БССР и УССР.
Сначала на этом**

**участке действовал 1-й (если смотреть с севера) Белорусский
фронт. Войсками**

**в 1944г. там командовал Рокоссовский, а начальником штаба
фронта был**

Малинин. Я поехал к ним (1). Почему?

**В составе этого фронта находилась 1-я армия Войска
Польского (2).**

**Командовал ею генерал Берлинг. Он написал письмо Сталину с
жалобой, что к**

**ним плохо относятся украинцы, и довольно резко
разговаривал со мной по**

**телефону, заявив, что украинцы не понимают событий и
проявляют недружелюбие**

к Польской армии. Я решил поехать к этому генералу, чтобы поговорить с ним

лично. Я прежде был с ним знаком, и у нас существовали хорошие отношения. Я

сообщил Берлингу, что звонил Сталину. Берлинг извинялся: "Я не хотел

причинить вам никаких неприятностей. Собственно, и не произошло ничего

особенного, я приму необходимые меры". "Я тоже, - отвечаю, - приму со своей

стороны меры".

Мы с ним поговорили, после чего я сказал Сталину (но не жаловался), что

имели место случаи, когда польские солдаты самовольно брали сено или

выпускали скот на посевы, и из-за этого возникали конфликты. Одним словом,

всякая война ведется за счет крестьян. Некоторые польские воины со своей

стороны тоже, видимо, плохо относились к украинскому населению, а те в свою

очередь отвечали им тем же. Так, довольно любезно, закончили мы беседу с

Берлингом и потом поддерживали добрые отношения до самых последних дней,

пока этот генерал командовал армией.

После войны по отношению к нему, на мой взгляд, была проявлена

бестактность: его оттерли и даже третировали. Он присылал

мне письма, где

изливал свои чувства и горечь: писал, что, несмотря на то, что он командовал

1-й армией Войска Польского, его теперь незаслуженно считают человеком,

который не поддерживает в Польше новое (3). Правда, он был человеком старого

склада и достался нам как бы в наследство после краха польских вооруженных

сил в 1939 году. Тогда он попал к нам в плен и находился где-то в лагерях.

Когда его назначили командующим, он еще не сочувствовал строительству новой,

социалистической Польши, оставался буржуазным интеллигентом и стоял на

позициях прежних порядков. Но время идет, и он, по-моему, потом переменял

свои взгляды.

Вообще же я очень часто встречался с польскими товарищами, когда они

приезжали в Киев. Некоторые из них, переходившие линию фронта, сразу

попадали к нам в Киев. Потом у нас формировалась 2-я армия Войска Польского,

и я знал многих людей из этой армии. Командовал ею генерал Сверчевский (4).

Среди прочих я встречался с Берутом (5), равно как и с другими поляками. В

Киеве жила Ванда Львовна Василевская, которая возглавила

Союз польских

патриотов (б). Ему в идеологическом отношении подчинялось Войско Польское.

Таким образом, Киев превратился в какой-то не то правительственный, не то

просто руководящий центр польских армий, но номинально, конечно, так как

военные директивы они получали от командующих войсками фронтов, в состав

которых входили.

После разговора с Берлингом я заехал в штаб к Рокоссовскому, там был и

Жуков. Войска находились под Ковелем, готовились к наступлению. Погода

стояла весенне-летняя, прекрасная. У меня там дел не имелось, я вообще

никакого отношения не имел к этому фронту, ибо был членом Военного совета

1-го Украинского фронта. Поэтому когда прибыл, то в шутку заявил

командующему: "Прибыл провести инспекцию. Есть жалобы со стороны

колхозников, что войска производят потраву посевов. Так ли это? Надо

проверить". Ну, они все понимали шутку. "Проверь", - говорят. Шутили легко.

Ведь это было уже "другое время": мы, как говорится, сидели в седле и

занесли ногу через нашу границу на запад. Тогда много писали

в западной

печати: "Перейдут ли границу советские войска или останоятся? Будут ли они

и далее преследовать войска противника или прекратят войну?". Это на Западе

так рассуждали. У нас же таких проблем не возникало. Все мы стояли на

позиции полного разгрома немецких войск на любой территории и их

капитуляции.

Наступил вечер. "Где тут, - спрашиваю, - у вас можно переспать?". А тогда

спать можно было под каждым кустом. Они: "Вот Жуков уехал, вы и займите его

место, он очень неплохо устроился". Я пришел туда, где спал Жуков. Он

обтянул свою кровать марлей от комаров. Крестьянки так закрывают детей в

люльке от мух. Я им: "Неплохо. Вот что значит наступать, что значит бить

противника. Это не такая обстановка, как когда мы с Жуковым в первые дни

войны были на фронте под Тернополем. Нам тогда было не до устройства с

удобствами, чтобы спокойно поспать и чтобы комары не кусали". Даже в такой

детали сказывалась теперь перемена ситуации.

От Рокоссовского я звонил начальнику штаба нашего 1-го Украинского фронта

Соколовскому (7). Сейчас не помню, что вызвало такую необходимость. Он на

меня производил очень хорошее впечатление. Впервые я с ним повстречался в

1944 г., когда мы готовились к какой-то операции и Соколовский делал о ней

доклад. Он сразу произвел на меня благоприятное впечатление: доложил

обоснованный оперативный план на высоком уровне и с глубоким знанием дела. С

тех пор и доныне я отношусь к этому человеку с большим уважением. Да и

всегда с уважением выслушивал его мнение, когда он работал начальником

Генерального штаба после смерти Сталина.

Наши войска, перейдя в очередное наступление, вступили на территорию

Польши, 1-й Белорусский фронт освободил в июле г. Хелм, потом Люблин. Новое

Польское правительство - Польский комитет национального освобождения -

переехало в Люблин и расположилось там. Мне Сталин сказал: "Вы поддерживайте

контакт с поляками. У вас находится Василевская, и ей надо оказать всемерную

поддержку". Я считал, что это абсолютно правильно, и сделал все, что было в

наших силах. Когда новые польские руководители в чем-то нуждались и в

случае, если они обращались именно к нам, мы старались, как могли,

удовлетворить любые их просьбы.

У нас возник как раз тогда вопрос, какой установить порядок обмена

населения Польши и УССР, с тем чтобы поляки, проживающие на Украине,

переехали при желании в Польшу, а украинцы, проживающие в Польше, - на

Украину. Это касалось, конечно, и Львова, куда мне пришлось тогда несколько

раз выезжать. В это же время я был председателем Совета Народных Комиссаров

УССР и секретарем ЦК КП(б)У. В данном качестве я несколько раз прилетал в

Люблин, где мы вели переговоры с поляками и потом подписали соответствующее

соглашение. Я подписывал его с советской стороны, а с польской - Берут.

Белоруссия тоже вела переговоры, в Люблин приезжал Пономаренко, занимавший

тот же пост в Белоруссии, что и я на Украине, - председателя Совета Народных

Комиссаров БССР и секретаря ЦК КП(б)Б (8).

Когда я прилетел для подписания соглашения, стоял август, и у нас уже

поспели арбузы. Собрались в Люблине различные польские лидеры и

представители их партий. Я прилетел с дарами, привез, в

частности, арбузы,

угощал их арбузами и дынями. Для них всех это было тогда деликатесом. Они

вообще не выращивали бахчевых культур. Это произвело на них хорошее

впечатление. Вспоминаю в данной связи смешной инцидент. Там находился

представитель левого крыла крестьянской партии. Витос, его брат был прежде

лидером этой партии (9). Сам он из кулаков, имел мельницу и был, что

называется, себе на уме. Видимо, там просто использовали его фамилию. Он

сотрудничал с нами, но с оглядкой, неискренне. И вот, когда мы обедали, я

предложил ему дыню: "Вот, господин Витос, берите дыню. Называется этот сорт

"колхозница". Он посмотрел на меня, прищурил глаза, разрезал дыню и

повторил: "Колхозница?". "Да". "Почему же, - спрашивает, - она не красного

цвета?". Ну и ну, если дыня называется "колхозницей", то почему она должна

быть красной? Он вроде бы хотел меня уколоть насмешкой. Конечно, он выступал

против колхозов и против социализма, а пошел вместе с нами потому, что мы

помогали освободить Польшу и изгнать немцев.

Впрочем, это были уже внутренние вопросы, относившиеся к

нашим польским

товарищам. Польской рабочей партии, которую возглавлял Гомулка, а позднее -

Берут. Гомулки (10) в Люблине не было, он находился в Варшаве, в подполье.

Всеми вопросами, о которых я говорю, занимался как председатель нового

правительства Берут, а главнокомандующим Войска Польского был назначен

генерал Роля-Жимерский (11). Он хорошо относился к нам, и настроения у него

были прокоммунистические, хотя он и не был коммунистом. У нас расхождений с

ним не имелось. Правда, потом бедняга оказался в опале. На меня он

производил доброе впечатление. В Польше он был позднее арестован и даже

находился в заключении. Я не знаю, в чем он обвинялся. До меня доходили

слухи, что его якобы обвинили в том, что он являлся иностранным агентом. Но

это я передаю неточно. Очень хорошим другом был этот Жимерский. Я и по

окончании войны поддерживал с ним добрые отношения, когда он стал в Польше

уже маршалом.

Как я говорил выше, была достигнута договоренность между Советским

правительством и поляками, какие области отойдут к Польше, а

какие войдут в

состав СССР. Среди районов, отходивших к Польше, часть была населена

украинцами. Украинцы, жившие там, очень болезненно переживали это известие,

особенно на Хелмщине. Хелмщина была в составе Российского государства до

Первой мировой войны, и там существовало сильное влияние русских. Население

же там было украинское. Тогда уполномоченным, кем-то вроде посла при новом

правительстве Польши, был Булганин. Поэтому когда я прилетал в Люблин, то

всегда останавливался у Булганина. Ведь мы с ним приятели. Я ему предложил:

"Давай поедem в Хелм".

Поехали. Зашли в собор. Нас встретил священнослужитель, забитый такой

человек. Мы были в генеральской форме, и он обратился к нам: "Вот, отдают

Хелм Польше. Все соборы тут выстроены русскими, православными людьми. Теперь

мы лишаемся всего". Он не просил, а со слезами на глазах доказывал, что это

неправильно, что это несправедливо. Он хотел объединения с Советским Союзом,

с Россией, чтобы сохранить православную церковь, чтобы собор не был

приспособлен католиками под костел. Мы же просто

посмотрели и уехали. Мы

**ведь уже знали, что этот вопрос решен, а вступать с ним в спор
мы тоже не**

хотели.

**Когда я побывал в Люблине, я в первый раз увидел те печи,
в которых**

**фашистами сжигались трупы заключенных. Там не Освенцим,
там другой лагерь**

**(12), но и в нем стояло несколько печей. Мы приехали с
Булганиным как раз**

**тогда, когда разрывали ямы с трупами. Жуткая была картина!
Там стояли также**

**сарай, в которых были навалены горы обуви. Я видел
огромный сарай,**

**заваленный женскими косами. Одним словом, все было немцами
рассортировано и**

**производило жуткое впечатление. Смотришь, и даже как-то не
верится: неужели**

**люди могли совершать такие преступления? Тогда как раз
работала комиссия,**

**которая производила расследование, все это осматривала и
протоколировала. Но**

**в первый раз я сам лично увидел такую жуткую картину. Потом
я других таких**

мясорубок не осматривал, однако читал о них.

**1-й Украинский фронт вышел на Вислу. Мне позвонил
командующий войсками**

**фронта Конев и сообщил, что такого-то числа мы будем
наступать на**

Сандомирском направлении к Висле. "Приезжайте!" Я тотчас полетел туда. Меня

тянуло познакомиться с делами и посмотреть на наступление. Главное - именно

посмотреть, потому что я считал, что моего участия в рассмотрении и

утверждении этой операции не требовалось. Все было продумано. Конев в то

время пользовался полным доверием как хороший вояка, умеющий командовать и

организовывать наступление войск. Прибыл я рано утром и еще затемно выехал

на командный пункт к Коневу. В назначенный час началась артподготовка.

Такого огня я ранее не видел. Особенно сильное впечатление произвели на меня

массовые залпы "эрэсов" на заключительном этапе артподготовки. Буквально

осветилось все поле, когда ударили "эрэсы". Авиация наша действовала

безнаказанно. У нас тут было уже полное господство в воздухе. Когда

закончилась артиллерийская подготовка и наши войска двинулись вперед, мы

вышли из командного пункта. Еще слышались только какие-то беспорядочные

артиллерийские выстрелы.

Я спросил: "Далеко ли располагается от нас какой-нибудь командующий"

армией?". Конев: "Отсюда неподалеку командный пункт генерала Жадова (13)".

"Я поеду к Жадову. Дайте мне проводника, чтобы не напороться на мины".

Поехал к Жадову. Он находился на своем командном пункте. Спрашиваю его: "Что

там перед вами, товарищ Жадов?". Отвечает: "Передо мной? Да вон поднялись

наши солдаты и пошли вперед, как говорится, в рост, не кланяясь.

Сопrotивления почти нет. Огонь ведет лишь одно вражеское орудие, на левом

фланге. Все, что осталось от противника живого, разбежалось". Такая была

там, я бы сказал, радостная картина: мы выжили их, разбили, раздавили!

Теперь - об ином. Шел 1944 год. Стояла поздняя весна или же начало лета.

Солнечным днем, каких в Киеве бывает много, я вдруг услышал гул и увидел,

что летит большая группа самолетов, выстроившихся в колонну и необычно

сверкавших белизной. Таких самолетов раньше я не видел. У нас имелись до

войны белые самолеты, фронтовые бомбардировщики СБ. Но во время войны их

было уже очень мало. Да эти и размерами были гораздо больше. Я понял, что

это летят американские самолеты. Я читал, что в США создали "воздушные

крепости". Они-то и летели в направлении Киева. Я, конечно, хотел думать,

что это американские самолеты. Но возникла и тревога: черт их знает, может

быть, это немцы летят? Самолеты пролетели несколько севернее Киева и взяли

курс в сторону Полтавы. Уже потом я узнал, что по договоренности с

президентом Рузвельтом была создана американская военно-воздушная база под

Полтавой, где приземлялись американские самолеты (14). Они вылетали из

Африки, бомбили вражеские войска или военные объекты в Германии и садилась у

нас, запраивались, загружались бомбами и опять летели на боевое задание. Это

называлось "челночной работой" бомбардировочной авиации США.

Однажды немцы проследили, куда после бомбежки улетали американские

самолеты. Видимо, как-то пристроились в хвост этим бомбардировщикам и точно

разведали аэродром у Полтавы. Может быть, у немцев были там шпионы.

Возможно, и то и другое. Одним словом, они узнали, что американская авиация

базируется под Полтавой, и налетели на этот аэродром (15). Мне докладывали,

что немцы уничтожили там много самолетов, пострадало много людей. Главным

образом наши люди, потому что обслуживающий персонал был наш, советский. Вот

такой имел место эпизод. Потом мы частенько наблюдали, как эти самолеты

летали над Киевом. Они вылетали ночью, а возвращались после бомбежки в

светлое время.

Через штаб партизан Украины мы узнали, что бандеровцы создают собственные

партизанские отряды. Нам точно сообщили, что базируются они в районе Ровно.

Там глухие леса, глухое Полесье. В Полесье имелись наши большие украинские

партизанские отряды. Командовал ими Бегма. Он умер где-то года два тому

назад. Какое-то время перед войной он работал первым секретарем Ровенского

обкома партии (16). Поэтому его в войну туда и перебросили, с тем чтобы он

организовал партизанские отряды. Действовал он хорошо. Он-то и сообщил, что

рядом с ним в лесах находится очень крупный отряд бандеровцев, а возглавляет

этот отряд Тарас Бульба. То есть вожак взял себе имя гоголевского героя. У

Бегмы даже появились с ним контакты: приходили люди от них и приглашали

наших к себе. Мы поручили Бегме поподробнее узнать, какие у бандеровцев

планы, как они действуют и пр. Сказали, что можно пригласить самого Бульбу,

если он, конечно, явится в ваш отряд. Приглашение было послано, но Бульба не

пришел.

Когда мы более детально все разведали, то выяснилось, что бандеровские

отряды просто стоят и ничего не делают, против немцев не действуют. Мы

поняли, что они собирают у себя людей, недовольных немецкой оккупацией,

которые могли бы прийти в наши, советские партизанские отряды. Они создали

тем самым для таких людей отдушину и принимали к себе, но бездействовали. Мы

определили, что они накапливают силы для борьбы против Красной Армии, но не

тогда, когда она станет наступать и очищать от врага нашу территорию, а

когда она уже продвинется вперед. Тогда-то они и развернут свои действия в

нашем тылу.

Когда мы освободили Ровно, я поехал туда поговорить с Бегмой и с тем

командующим, чьи войска освобождали Ровно. Я сейчас не помню, кто освобождал

Ровно (17). Я приехал в Ровно в конце зимы 1944 года. Поля были покрыты

снегом, было холодно. Приехал я, поговорил с военными (штаба

армии там не

было, размещался штаб дивизии), и они мне рассказали, что противник пока

невдалеке и ведет артиллерийский обстрел Ровно. Вечером я решил вернуться в

Киев. Меня уговаривали остаться, но я не согласился. Выехал на север и

направился вдоль нашей старой границы с Польшей.

В каком-то месте размещалась наша тыловая снабженческая база. Я приехал

туда уже ночью. В помещении было страшно много народу. Окинул я всех

взглядом и подумал: "Сколько же тут переодетых бандеровцев? И они тут

подкармливаются, обогреваются, а заодно шпионят". Меня заранее предупредили,

что хотя не было тревожных случаев, но замечено, что здесь орудуют

бандеровские силы, поэтому дорога небезопасна. Тем не менее я решил той же

ночью поехать дальше, чтобы там не ночевать. Приехал в какой-то городок на

старой границе, где и заночевал. Вероятно, поступил правильно.

Летом и осенью 1944 г. наши войска успешно продвигались на запад. Я

теперь все реже бывал в штабе фронта: много было дел в республике. Хотя мне

и хотелось, но не мог вырваться на фронт. А мне очень даже хотелось порою

просто взглянуть на территории, которые мы освобождали. Это была уже не

советская земля, а Польша. Наступил январь 1945 года. Мне позвонил Сталин:

"Можете приехать?". Я: "Могу". "Приезжайте. Вы очень нужны". Я сейчас же

вылетел в Москву.

Сталин встретил меня в приподнятом настроении. Говорит: "Польские

товарищи просят оказать им помощь в налаживании жизни и деятельности

городских учреждений, особенно в налаживании водопровода и канализации, без

чего города жить не могут. Освободили мы Варшаву, а они в беспомощном

положении: вся Варшава в руинах, и они там ничего не могут сделать. А вы уже

накопили опыт быстрого восстановления в освобожденных городах самого

необходимого". Отвечаю: "Хорошо. С удовольствием поеду в Варшаву. Разрешите

мне взять с собой инженера по коммунальному хозяйству и инженеров по

электростанциям. В первую очередь надо дать электрическую энергию, воду и

восстановить работу канализации: город не может жить без этих трех

компонентов".

Я пригласил тогда с собой Страментова (18). Я знал его как

энергичного

инженера-организатора. Потом пригласил инженеров по электростанциям,

водопроводу и канализации. Этих людей я, кажется, взял в Москве, а может

быть, кое-кого и из Киева, и вместе с ними вылетел в Варшаву. Тогда

Временное польское правительство, Комитет национального освобождения, как

раньше оно называлось, размещалось в пригороде Варшавы - Праге, на правом

берегу Вислы. Премьером был Осубка-Моравский, секретарем ЦК Польской рабочей

партии - Гомулка, а президентом Варшавы, как он тогда назывался, -

Спыхальский, имевший звание генерала (19). Он произвел на меня благоприятное

впечатление: молодой, энергичный, деятельный человек. По образованию он

инженер-архитектор. Получилось хорошее сочетание: архитектор стал главой

восстанавливаемого города Варшавы.

Прежде Спыхальский занимал ответственные должности в Гвардии Людовой и

Армии Людовой, созданных коммунистами Польши, и являлся одним из

организаторов их вооруженных отрядов. Даже занимая гражданский пост

президента столицы, Спыхальский ходил в военной форме.

Президента Крайовой

**Рады Народовой Берута я встречал не раз и ранее, а со
Спыхальским встретился**

в первый раз.

**Мы условились, что наши инженеры вместе с польскими
разобьются по**

**участкам на группы. Одни взялись обследовать, в каком
состоянии находится**

**электростанция, сколь быстро можно ее восстановить и
получить ток, другие**

**принялись за водопровод, третьи - за канализацию. Все самое
главное для**

**людей. Расчистку города вели сами поляки, наших услуг тут не
требовалось. Во**

**главе всего дела я поставил теоретика и практика городского
строительства**

**Страментова. Он имел дело и с польскими специалистами, и
с нашими.**

**Конкретные вопросы, которые возникали, советские
инженеры прежде всего**

**обсуждали именно со Страментовым, а потом уже Страментов
докладывал мне, и**

**наши специалисты обсуждали далее ход работы с польскими
товарищами. Вскоре**

**мне доложили радостную весть: в электростанции, которая, по
словам поляков,**

**была полностью разбита, фактически разрушено только ее
здание, а**

оборудование можно будет пустить, получим ток. Внешний

осмотр показал, что

машины на ходу. В таком же состоянии были механизмы, подающие воду, ее тоже

можно быстро подать. И канализация не была как будто бы разрушена. Это было

радостно слышать.

Когда спустя несколько дней детальное обследовали состояние машин и

опробовали турбины, я в шутку сказал Беруту: "Не отдадите ли в уплату за

нашу консультацию и помощь половину энергии, которую мы восстановим в

Варшаве, для Киева?". Тогда в Киеве с электричеством обстояло дело очень

плохо, электростанция была разрушена. Хотя и был в городе свет, но не всюду.

У поляков положение оказалось лучше, электростанция меньше разрушена.

Варшава получила электричество, получила воду. Берут сиял, благодарил нас,

просил передать благодарность Сталину. Он говорил очень искренне. Я считаю,

что он был честным коммунистом, преданным делу марксизма-ленинизма. Но у

него имелась та слабость, что он чересчур мягкий, добрый, доверчивый

человек. Это приводило к осложнениям; люди, которые рядом с ним работали,

нехорошо пользовались этими чертами его характера.

Берут порекомендовал мне: "Нашей партией руководит крупный деятель

коммунистического движения товарищ Веслав, то есть Гомулка. Я хотел бы

попросить вас подъехать к нему на квартиру, потому что он сильно болен и не

выходит на улицу". Отвечаю: "Хорошо, с удовольствием поеду, познакомлюсь с

ним". Мне дали проводника, и я отправился к Гомулке. Не помню, конечно, на

какой он жил улице. Помню только большую комнату, мрачную и закопченную. Там

стоял какой-то камелек, чтобы можно было согреться, печное отопление не

работало. Его жена стирала белье, когда я пришел. Гомулка сидел в кресле, и

щека у него была повязана черным платком. Поговорили. Гомулка тогда не

особенно владел русским языком, но с ним все же можно было объясниться, да и

переводчик помогал.

Товарищ Веслав рассказал, как он оценивает положение дел в стране и как

организуется работа Рабочей партии. На меня Гомулка произвел впечатление

человека с трезвым умом, знающего, с чего начать и как поставить

деятельность партии, да и правительственных органов. Одним словом, произвел

впечатление крупного политического и государственного деятеля. "Пока, -

говорил он, - я болен, но вот я поднимусь, и скоро поднимусь, тогда включусь

полностью". Когда я рассказывал Сталину о своей поездке, то сообщил и о

Гомулке. Мы его прежде не знали. Мне неизвестно, слышал ли Сталин о нем.

Наверное, тоже не слышал. Я дал ему высокую оценку и хорошо охарактеризовал

его перед Сталиным.

Захотелось мне побывать в Лодзи. Лодзь уже была освобождена от фашистов.

Лодзинские текстильные предприятия еще до Первой мировой войны славились на

всю Россию (Варшава и Лодзь входили тогда в состав Российской империи).

Лодзь - это крупный промышленный пролетарский центр. Вот почему мне хотелось

взглянуть на нее. И я сказал об этом Гомулке. Он: "Хорошо, поезжайте".

Видимо, польские руководители договорились между собой, потому что

Осубка-Моравский предложил со своей стороны: "И я с вами поеду". Я ему:

"Пожалуйста". Отправились мы на автомашине в Лодзь. Это довольно далеко от

Варшавы, но дорога была очень хорошая. В пути я, конечно, видел разрушения,

которые война принесла Польше, но особенно больших разрушений не заметил.

Прибыли в Лодзь, заехали в гостиницу, хорошо оборудованную, некогда

богатую, но холодную: отопление не действовало, а мы должны были заночевать

в этой гостинице. Здание нас не грело, а только защищало от ветра. Это был

настоящий ледник, и мы, чтобы согреться, натянули на себя все одежды,

которые у нас имелись под рукой. Вечером появился Роля-Жимерский, ужинали

вместе. А на второй день осмотрели город. Лодзинские фабрики не работали.

Вообще ничто в городе не функционировало, все было дезорганизовано, хотя

разрушений в Лодзи я тоже не видел. Во всяком случае, таковые не

запечатлелись в моей памяти. Сравнивая разрушенные Киев, Харьков, города и

шахты Донбасса, Полтаву с тем, что я заметил здесь, я пришел к выводу, что

Польша "отделалась" довольно легко, за исключением Варшавы.

Варшава лежала в руинах, сохранились целыми лишь отдельные дома. Люди

жили в развалинах и в подвалах. Все было завалено щебенкой от развалившихся

верхних этажей; люди делали лазы в руины, как-то устраивались там и жили. Я

**поднялся на самолете, чтобы осмотреть Варшаву с воздуха.
Ведь трудно**

**представить себе масштабы разрушений, когда едешь по
улицам: и слева, и**

**справа развалины - все равно что едешь в горах или меж
скал. Когда я**

**поднялся в воздух и сделал несколько кругов над Варшавой, то
увидел ужасное**

**зрелище: все разбито, особенно район гетто, где фашисты
собрали евреев и там**

**их уничтожили, разрушив там буквально все, что
подавалось разрушению.**

**Другие районы города пострадали, может быть, меньше, но
тоже лежали в**

развалинах.

**В один из воскресных дней варшавяне организовали уборку
улиц, чтобы**

**обрести возможность пользоваться ими, ходить и ездить по
ним. Берут**

**предложил мне: "Давайте и мы поработаем, хотя бы
символически". Мы пришли в**

**отведенный заранее район, где уже собрались рабочие,
служащие. Тогда их так**

**не разделяли, а просто говорили обо всех - варшавяне, но не в
том смысле,**

**как мы говорим "киевляне", то есть жители Киева: нет,
вкладывали в это слово**

**особый общественный смысл. Приходили с плакатами и
лозунгами, призывавшими**

восстановить полностью Варшаву. Приступили к делу. Работали все дружно, но

люди питались плохо, и особых успехов трудно было ожидать. Мы тоже немного

поработали, действительно - символически.

Вместе с Берутом были там Спыхальский и другие руководящие товарищи, всех

и не помню сейчас. Особо запомнился мне лишь один пожилой человек. Мне

сказали, что он по образованию архитектор. Тогда он входил в актив

коммунистов, а потом как-то быстро сошел со сцены, и когда я позже приезжал

в Варшаву, то его уже не встречал. Что с ним случилось? Он был заметно

старше других. Может быть, годы сказались? У меня создалось о нем

впечатление как об умном человеке, если судить по его высказываниям... Так я

был приобщен Сталиным к восстановлению Варшавы сразу же после изгнания

оттуда немцев. Мне было приятно уезжать из польской столицы, оставив после

себя хорошо выполненную работу.

Полагаю, что польские специалисты могли все сделать сами и, видимо,

сделали бы. Но меня послал Сталин. Значит, вопрос исчерпан. Впрочем, у нас

действительно уже имелся необходимый опыт: мы

восстанавливали Харьков,

Донбасс, Киев, другие места, знали, с чего надо начинать. На нас уже не

производил убийственного впечатления, морально мешающего работать, вид

разрушенных городов. Посмотришь: да ведь все разрушено, все в развалинах, а

городские машины совершенно непригодны к делу. Но расчистим, уберем, вытащим

битый кирпич, удалим пыль, доберемся до починки машин и прочего городского

хозяйства, восстановим... Глядишь. - город обрел нормальный вид. Польские

электростанции тоже быстро были восстановлены и стали давать электроэнергию,

полностью удовлетворявшую нужды Варшавы, причем не только удовлетворявшую

запросы города и промышленности, но даже с резервами.

Вернувшись в Москву, я доложил Сталину о результатах. Сталин остался

очень доволен моим докладом. Ему было тоже приятно, что мы оказали Польше

помощь и что это должно оставить хороший след в памяти польского народа,

особенно жителей Варшавы. Конечно, Сталин не говорил мне о другом

обстоятельстве, но я и сам понимал, что после советско-германских договоров

1939 г. у поляков еще не затянулись слишком свежие раны, и

Сталин хотел это

как-то смягчить, сделав все возможное для того, чтобы
облегчить Польше

заживление былых ран.

Осубка-Моравский, как мне рассказали польские
коммунисты, был

пэпэсовцем, то есть членом социалистической партии, и к нему
у них не было

полного политического доверия. Но он все-таки, вместе с каким-
то количеством

других пэпэсовцев, пошел на сотрудничество с Польской
рабочей партией и был

выдвинут на высокий государственный пост премьера. Сам он
из кооператоров,

много занимался вопросами кооперации. Мне трудно о нем
судить как о

личности, хотя я встречался с ним и после войны. Он был тогда
моим гостем.

Это Сталин мне как-то порекомендовал: "Пригласите
Осубку-Моравского с

польской делегацией к себе на Украину и хорошо примите их".
К нам приезжали

тогда, помимо Осубки, Берман и, кажется, Минц (20). Они
побывали в Киеве,

Запорожье, потом я слетал с ними в Одессу. Мы делали
буквально все, чтобы

расположить их в нашу пользу и создать хорошие условия
для добрых

взаимоотношений между руководством СССР и Польши,

проложить дорогу к дружбе

и взаимоуважению наших народов.

На фоне Берута и особенно Гомулки и Спыхальского Осубка не производил,

впрочем, сильного впечатления. О Циранкевиче (21) я слышал уже тогда как о

молодом, но видном деятеле ППС, однако сам его не видел. Его в 1945 г. в

Варшаве еще не было, так как он находился в гитлеровском концлагере. Я

познакомился с ним позже. О Циранкевиче мне много говорила Василевская -

замечательная полька, интересный человек, хороший писатель с сильной волей и

глубоким умом политического деятеля. Я с большим уважением относился к ней,

но в том разговоре она меня огорчила. Я сказал ей: "Ванда Львовна, сожалею,

что скоро настанет время, когда мы с Вами редко будем встречаться". "Почему

вы так думаете?" - спросила она со своим заметным польским акцентом. Она не

очень-то владела русским языком. "Как почему? Польша освобождается, вскоре

освободится Варшава, и Вам, очевидно, надо будет переехать туда, чтобы

руководить делами". А она в ту пору стояла во главе Союза польских

патриотов, и Войско Польское подчинялось ей по

идеологической линии. "Нет, -

отвечает, - я из Киева никуда не уеду. Из Киева я уеду лишь тогда, когда

Польша станет 17-й союзной республикой СССР" (в СССР входило тогда 16

союзных республик).

И она мне потом много раз это повторяла. И действительно, никуда из Киева

не уехала. Я даже немного жалел, что не уехала, ибо чувствовал, то в Польше

она была бы полезнее. Но, видимо, большим тормозом ее отъезда являлся

Корнейчук (22). Она сблизилась с Корнейчуком и вроде бы вышла за него замуж,

хотя официально не оформила в государственном ведомстве этот брак. Ванда

положительно влияла на Корнейчука и удерживала его от многих неверных

поступков, особенно питейного свойства. В последнем Корнейчук всегда был

несдержан. Правда, в первые дни войны и она сама злоупотребляла тем же.

Видимо, от тяжелых переживаний: утрата Родины, отступление советских войск,

потеря Украины. Потом она обрела прежнюю силу воли, сама взяла себя в руки и

хорошо влияла на Корнейчука. Бывало, тот за обедом потянется ко второму

бокалу коньяка, а Ванда только взглянет на него, и он

отдергивает руку. Мне

это нравилось. Это было полезно для них обоих.

Хочу коснуться также Варшавского восстания 1944 года. Об этом много

писали. Говорили, что мы, советские, повинны в том, что восстание потерпело

поражение. Политические деятели западных стран часто возвращались к этому

эпизоду, чтобы восстановить поляков против СССР: вот, мол, русские не подали

руку помощи, когда Бур-Коморовский (23) бился против немцев буквально рядом

с советскими войсками. Коморовский был взят немцами в плен. Но, несмотря на

то, что являлся организатором восстания в Варшаве в наиболее критический

момент для немецких оккупационных войск в Польше, лично он отделался

испугом, а потом на Западе активно действовал против Советского Союза и

народной Польши.

Я сейчас могу высказать на этот счет лишь сугубо свои соображения.

Каких-нибудь конкретных фактов насчет того, как решался вопрос о нашей

помощи восставшим и насколько имели почву обвинения, которые Запад в данной

связи бросал Сталину, не знаю и даже не могу утверждать, что они имели

место, хотя противная сторона вполне могла их обосновать. Как складывались

тогда общие обстоятельства?

Советские войска подошли к Варшаве, имея за собой новое польское

правительство в Люблине. Польское эмигрантское правительство сидело в

Лондоне, возглавлял его Миколайчик (24). Естественно, что Запад, а главным

образом Лондон, готовил свое правительство для Польши. Эти люди хотели,

используя наши войска, нашу силу, нашу кровь, разгромить немцев и освободить

Польшу, но чтобы Польша осталась капиталистической, прозападной страной. Они

хотели лишить ее народ возможности построить новую, народную,

социалистическую, рабоче-крестьянскую Польшу. Таков был замысел Черчилля.

Естественно, Сталин в этом вопросе сердцем и душой был за то, чтобы Польша

стала социалистической; если и не буквально советской по форме, то по

существу; чтобы там взяли верх рабочий класс в союзе с крестьянством; чтобы

там победила ленинская политика.

Когда наши войска подошли к Висле и в Варшаве вспыхнуло восстание,

начался большой шум насчет того, что мы должны оказать

варшавянам помощь. Но

ведь шла война. Что такое оказать помощь? Там стояли немцы, они защищались,

перед нами лежала широкая и глубокая река Висла. Тут не такое легкое дело:

захотел и ворвался! Напомню, что когда мы подошли к Киеву, то тоже

остановились перед Днепром. Надо было сначала попробовать переправиться

через Днепр, а потом уж разгромить немецкие войска и выбить их из Киева. На

это мы потратили немало времени. Я рассказывал, как мы два раза

предпринимали наступательные операции с Букринского плацдарма, а потом

вынуждены были перегруппироваться севернее и ударить с другого плацдарма.

Видимо, и здесь, перед Варшавой, у нас возникли такие же трудности.

Варшаву брали не в лоб, не прямо переправлялись туда из Праги - пригорода

Варшавы, а форсировали Вислу севернее, обошли Варшаву и вынудили немцев

оставить город. Конкретных же условий тех дней, когда враг находился еще в

Варшаве и мы как бы смотрели через реку друг на друга, находясь на разных

берегах, я не знаю. Но я понимаю доводы и противной стороны. Она имела

полную возможность вдолбить кое-кому в голову, что мы, советские,

сознательно не предприняли никаких действий, потому что не в наших интересах

было укреплять Бур-Коморовского. Ведь он потом воевал бы против нас в

Варшаве, если бы мы не признали его власти. А мы бы, конечно, не признали

ее.

Инспирировал же это восстание Черчилль через Миколайчика. Он хотел

поставить нас перед фактом: мы пролили кровь, подошли к Варшаве, прогнали

немцев, а в польской столице уже есть правительство страны во главе с

Миколайчиком. Устранять существующее правительство - значит вызвать

осложнения между союзниками, резкие трения, что, конечно, было нежелательно.

Вот такой была там ситуация, как я ее понимаю. Но, повторяю, никаких

фактических оснований той или иной версии не знаю.

Когда немцы были изгнаны оттуда, Миколайчик приехал в Варшаву и стал

заместителем премьер-министра. Я с ним познакомился в Москве, когда польское

руководство приезжало, чтобы побеседовать со Сталиным. Потом Сталин дал обед

в его честь. Нужно сказать здесь правду, что Армия

Крайова, которая

создавалась людьми, возглавлявшимися Миколайчиком, была разветвленной и

сильной. Потом мы с ней столкнулись, и она много нам принесла беспокойства.

С действиями Армии Крайовой мы встретились еще во Львове.

Зимой 1944 - 1945 гг. наши войска успешно продолжали наступление и

вступили на территорию самой Германии. Я частенько перезванивался по

телефону с командующим войсками 1-го Украинского фронта Коневым. Он держал

меня в курсе дел, но какой-либо необходимости моего присутствия во фронтовом

штабе, конечно, не имелось. А я был тогда по горло занят гражданскими делами

на Украине, хотя меня тянуло, очень даже тянуло время от времени побывать с

военными товарищами, послушать их, посмотреть на немецкую землю. Я никогда в

Германии до того не был, а хотелось взглянуть в глаза немцам, прочесть на их

лицах, как они переживают вступление наших войск на их землю, каково им

отведывать войны, которую навязал нам Гитлер. Теперь война перенесена на

территорию самой Германии, и немецкий народ страдает от того, что принес

нам.

Могут сказать, что виноват Гитлер, а не немецкий народ. Это верно. Я это

понимаю, и всегда понимал, и различал их. Немецкий народ был одурачен или

опьянен шовинизмом (не знаю, какое выражение больше тут подходит; видимо,

оба) и поддержал Гитлера. Если бы немецкий народ не поддержал Гитлера, то и

Гитлер не удержался бы. Армия Германии не только воевала против нас, но и

проявляла очень большое упорство в боях, а ведь состояла она из немцев.

Выдвинутые Гитлером идеи завоевания жизненного пространства и господства

немецкой нации, нацистский дурман ослепляли людей. Поэтому-то мне и хотелось

посмотреть, как идет отрезвление немцев и вообще - идет ли оно.

Однажды я, созвонившись с Коневым, вылетел к нему. Штаб фронта находился

в каком-то населенном пункте Германии, перед Одером. Наши войска вели бои в

районе Бреслау. Бреслау был окружен, но немцы оказали там упорное

сопротивление, шли довольно затяжные бои (25). Я решил, по прибытии в штаб

фронта, поговорить с командующим и с давними товарищами. Мне хотелось

побывать в Силезии, ибо там действовала 38-я армия Москаленко. Потом я хотел

**проехать в 60-ю армию, которой командовал Курочкин (26).
Черняховский,**

**который командовал ею раньше, был назначен командующим
фронтом и в Восточной**

**Пруссии погиб. Это был очень многообещающий молодой
генерал (27).**

**Итак, я полетел в Германию. Командующий воздушной армией
Красовский (28)**

**сообщил мне, где можно приземлиться. Нас встретили и
направили в штаб. Он**

**находился в немецком поселке. Когда мы туда ехали, то было
видно, что все**

**дороги усыпаны пухом и перьями. Я спросил: "Что это
значит?". "А это, -**

**объясняют, - немцы, когда отходили, бросали свое имущество,
включая перины и**

**подушки. Видимо, солдаты выпустили из них пух и
использовали материю на**

портянки".

**В районе расположения штаба я никаких немцев вообще не
видел. Либо они**

**бежали, либо были выселены. Мне знакомы немецкие
постройки: стоит дом и тут**

**же к нему примыкают конюшня, коровник, другие службы,
посреди двора навозная**

**яма. Я встречал такое устройство у колонистов на Украине, где
издавна жили**

большие колонии немцев.

Из штаба я поехал к Курочкину и Москаленко. Не помню, у

кого из них

**заночевал, однако помню, что штаб одной из армий был
расположен в поселке**

**какого-то рудника, у угольных копей. Я сравнивал их с
донбасскими. Глазами**

**шахтера тут был воистину рай земной. Копи - в лесу,
прекрасное место,**

**хорошие постройки для служащих и для рабочих, значительно
лучшие бытовые**

**условия, чем на шахтах, на которых работал мой отец и где я
провел свои**

детство и юность.

**Командующие армиями докладывали обстановку.
Положение везде было**

**блестящим: войска продвигаются вперед, настроение - лучше
некуда, победа уже**

**маячила перед глазами. Я, собственно говоря, и поехал-то
больше взглянуть на**

**условия жизни в Германии и встретиться с населением, а не
заниматься**

**военными делами. Но и тут я с населением тоже не встретился.
Все или бежали,**

**или были выселены. Как правило, мы и в собственной стране
выселяли местных**

**жителей из района, где размещался штаб. Действовали
жесткие правила,**

**установленные Сталиным на этот счет. Насколько они были
необходимы, трудно**

сказать. Это делалось, чтобы не было рядом шпионов.

В это время снег оставался только в лесах, а остальная земля уже

освободилась от него, и я увидел в полях огромное количество буртов.

Спросил: "Это картофель?". Ведь немцы любят картофель и хорошо его

выращивают. Они прямо в поле делали большие бурты, в которых картошка

хранилась очень долго. Это я знал и по опытам, которые мы производили на

Украине. Но не так, как я видел здесь. Вот уже сейчас, когда я пенсионер,

вышел я как-то пройтись на лыжах. На поле грузили кормовую свеклу, она была

забуртована еще осенью. И мне просто обидно было смотреть, как безграмотно и

бесхозяйственно это было сделано. Огромное количество свеклы сгнило, потому

что ее плохо забуртовали. Я сказал местным работникам: "Разве буртуют без

доступа воздуха?". Они слегка прикрыли свеклу соломой, а потом набросали

земли, не оставив никакой вентиляции. Конечно, все внутри задохнулось и

сгнило. У немцев же было сделано по-немецки. Нужно отдать должное немецкой

культуре земледелия, вообще высокой немецкой культуре. Я смотрел на их поля

и завидовал, что у них все так хорошо. Картошки было много, а ведь шел 1945

год, год поражения Германии в войне.

Конев мне рассказал о дальнейших планах фронта. Он в это время уже ни на

что не жаловался. Считал, что его войска дерутся хорошо и обеспечены всем,

чем требуется, чтобы они могли успешно выполнять свои задачи. Я возвращался

с фронта через Познань и еще какие-то города, которые теперь отходили к

Польше. Эти города были побиты очень сильно. Потом поехал в Краков, откуда

вернулся в Ужгород, а из Ужгорода прилетел в Киев.

По польской земле я решил ехать на автомашине. Когда же проехал, получше

изучив на ходу обстановку, то понял, что сильно рисковал; наших войск там

уже не было, дорожное движение было слабым, а Армия Крайова начинала

разворачивать свои действия. Ближе к границе Советской Украины орудовали

бандеровцы. Это было еще только начало, однако уже имелись случаи нападения

на наших людей и их уничтожения, убийств партийного, государственного и

особенно чекистского актива. Чекисты сами охотились за бандеровцами и сами

же платили своей жизнью в борьбе с врагами Советского Союза.

О Кракове не могу сейчас сказать ничего иного, кроме того, что это был

совершенно нетронутый город. Польские деятели ставили спасение Кракова в

заслугу советским войскам. Об этом много писали. На пути от Кракова до

Ужгорода я тоже не увидел больших разрушений, и у меня сложилось

впечатление, что в результате быстрого продвижения наших войск, а также

слабого сопротивления польской армии в 1939 г., когда тут наступали немцы,

здесь не было затяжных боев и, следовательно, не появилось и крупных

разрушений. То был последний раз, когда я вылетал в штаб фронта. Я

порадовался тогда за ход событий вместе с командующим войсками фронта,

командующими родами войск, командармами Москаленко и Курочкиным. Все они

чувствовали себя на седьмом небе. Не просто "наша взяла"! Но мы уже близки к

завершению войны, к полному разгрому гитлеровской армии; к нашему вступлению

в Берлин, к победе! Это была награда нам за страдания, перенесенные страной

ранее.

Я вернулся в Киев. Командующий войсками 1-го Белорусского фронта Жуков

(29) мне тогда часто звонил. Мы поддерживали с ним дружеские связи. Он

радовался по телефону: "Вот такой-сякой Гитлер, скоро я его в клетку посажу

и привезу тебе. Когда буду его доставлять в Москву, то пошлю через Киев,

чтобы ты тоже на него посмотрел". Я со своей стороны желал Жукову успеха и

радовался вместе с ним. Я был уверен, что если командует войсками Жуков, то

их наступление прочно обеспечено. Когда Германия капитулировала, Жуков мне

опять позвонил: "Не могу выполнить своего обещания: погиб этот гад, и труп

его сожгли. Мы нашли труп обгоревшим".

С Коневым я тоже разговаривал тогда по телефону, и он тоже рассказывал

мне о своих делах. Но в это время я имел большую связь с Жуковым, чем с

Коневым, потому что личные отношения у меня с Жуковым были более близкими. С

Коневым я познакомился только во время войны, а до войны я его видел только

один раз. Жуков же был командующим войсками Киевского Особого военного

округа. Мы с ним встречались и по службе, и на дачу ко мне он заезжал, и на

охоту мы ездили вместе. Так что у меня сложились с ним добрые отношения. Я

относился к нему с большим уважением и высоко ценил его как командующего. Он

заслужил того.

Когда завершилась великая эпопея войны народов СССР против гитлеровского

нашествия, смешались воедино радость от уничтожения врага и высокое чувство

морального удовлетворения от нашей победы. Фраза из Священного писания,

когда-то повторенная Александром Невским: "Кто с мечом к нам придет, от меча

и погибнет", - в то время была у всех на устах и наконец-то воплотилась в

жизнь в результате нашей победы. Когда я узнал, что Германия капитулировала,

радость моя была невероятной. Да и все у нас радовались. Это многократно

описано, и я лучше не скажу, чем было рассказано писателями и художниками о

том, что имело место в Москве на Красной площади. Военных там буквально

душили в объятиях радости. Победа! Всеобщее ликование! Целовались,

обнимались, торжествовали. Я тоже переживал все это.

Хотя я хорошо знал Сталина и то, на что могу рассчитывать в ответ, но

спешил позвонить ему и поздравить и его с победой. Позвонил. Меня быстро

соединили, и Сталин снял трубку. Я его поздравляю: "Товарищ Сталин,

разрешите поздравить Вас с победой наших Вооруженных Сил, с

победой нашего

народа, с полным разгромом немецкой армии", и пр. Уж не помню дословно, что

я тогда говорил. И что же? Сталин сказал мне в ответ какую-то грубость.

Вроде того, что отнимаю у него время, обращаясь по такому вопросу. Ну, я

просто остолбенел. Как это? Почему? Очень я тогда переживал и ругал себя:

зачем я ему позвонил? Я ведь знал его характер и мог ожидать чего угодно.

Знал, что он захочет показать мне, что происшедшее - уже пройденный этап,

что он думает уже о новых великих делах. Поэтому, мол, чего там говорить о

вчерашнем дне? Он теперь ломает себе голову о завтрашнем дне.

Я считаю, что это была актерская игра. Сталин очень умело и хорошо играл

такую роль. А поскольку он был к тому же грубый человек (не я первый говорю

о его грубости: еще Ленин, который отлично его знал, в своем завещании

упомянул о грубости Сталина, о его нетерпимости), то вот так и получилось.

Я потом долго переживал происшедшее. Как же так? Что же он, действительно

лишен всякого чувства радости? Или притворяется? Но ведь не лишен он чувства

страха! Я видел, в каком состоянии находился Сталин в первые

дни войны. Он

**тогда был совершенно деморализован: какая-то бесформенная
протоплазма. Он**

**чуть не отказался от своих постов, от активных действий. А
членам Политбюро**

**высказал такие слова: "Ленин создал наше государство, мы же
его про... Все**

**погибло. Я ухожу". Сел в машину и уехал из Кремля к себе на
дачу. Потом за**

**ним поехали туда, как рассказывал мне позднее Берия,
уговаривали его,**

**призывали, чтобы он обрел прежние силы и приступил к
деятельности, потому**

**что победа возможна, не все потеряно, у нас остались еще
огромная территория**

и большие ресурсы.

**И вот наконец долгожданная победа! Но сейчас он вроде бы
не радуется.**

**Показывает: "Что это ты меня поздравляешь? Я-то заранее
знал, что именно так**

**будет". Однако я-то видел его и в другой ситуации и твердо знал,
что он в**

**свое время так не думал, а думал даже хуже, чем лица из его
окружения. А тут**

он теперь такое отмочил коленце: не принял поздравления...

**(1) Маршал Советского Союза РОКОССОВСКИЙ К.К.
командовал войсками 1-го**

Белорусского фронта с февраля до ноября 1944 года. Далее и вплоть до июня

1945 г. эти войска возглавлял Маршал Советского Союза ЖУКОВ Г.К. Начальником

штаба фронта оставался генерал-полковник МАЛИНИН М.С.

(2) Генерал-лейтенант БЕРЛИНГ З. (1896-1980) служил, будучи еще

подполковником, начальником базы в Польской армии генерала АНДЕРСА В. После

ее ухода в Иран весной 1942 г. остался в СССР. В 1943-1944 гг. полковник

Берлинг командовал дивизией им. Костюшко будучи генерал-майором

- 1-м Польским корпусом, затем Польской армией в СССР и с июля 1944 г.

- 1-й армией Войска Польского. В октябре-декабре 1944 г. этой армией

командовал генерал-лейтенант КОРЧИЦ В. Далее - генерал-лейтенант ПОПЛАВСКИЙ

С.Г.

(3) БЕРЛИНГ З. с осени 1944 г. учился в Военной академии Генерального

штаба в СССР, в 1948-1953 гг. являлся начальником Генерального штаба Войска

Польского, затем находился на гражданской службе.

(4) СВЕРЧЕВСКИЙ К. В звании генерал-лейтенанта командовал 2-й армией

Войска Польского в июле-сентябре 1944 г., затем ее возглавил

генерал-лейтенант Поплавский С.Г, а с декабря 1944 г. - опять Сверчевский.

(5) БЕРУТ Б. (1892-1956) в 1944-1947 гг. был председателем временного

высшего органа власти - Крайовой Рады Народовой.

(6) Писательница ВАСИЛЕВСКАЯ В. (1905-1964) была в годы Великой

Отечественной войны полковым комиссаром, а потом полковником Красной Армии,

работала агитатором Главного политического управления, редактором газеты "За

Радянську Україну", в 1943-1945 гг. главным редактором газеты "Свободная

Польша", была председателем Союза польских патриотов в СССР.

(7) Генерал армии СОКОЛОВСКИЙ В.Д. служил начальником штаба 1-го

Украинского фронта с апреля 1944 г. до апреля 1945 г., потом был

заместителем командующего войсками 1-го Белорусского фронта (по май 1945

г.).

(8) ПОНОМАРЕНКО П.К. занимал эти посты в 1944-1948 годах.

(9) Лидер партии "Польске Стронництво людове" Винценты Витос возглавлял

ее с 1931 года. "Воля люду" (ее левое крыло) входило в состав Крайовой Рады

Народовой и Польского комитета национального освобождения.

(10) ГОМУЛКА В. (Веслав) был Генеральным секретарем ЦК Польской партии

рабочей с ноября 1943 г. по август 1948 г., а затем до декабря 1948 г. этот

пост занимал Берут Б. Далее ППР стала называться Польской объединенной

рабочей партией.

(11) Генерал брони РОЛЯ-ЖИМЕРСКИЙ М. командовал Войском Польским с июля

1944 года.

(12) Это было предместье Люблина, гитлеровский концлагерь Майданек.

(13) Речь идет о 5-й Гвардейской армии под командованием ЖАДОВА А.С.

(14) Они приземлялись на трех аэродромах: под Полтавой, у Миргорода и

возле Пирятина.

(15) Это случилось у Полтавы 22 июня 1944 года. Там были уничтожены 47

американских самолетов, повреждены 21 американский и 24 советских. 23 июня

состоялся налет на аэродром возле Миргорода. Там были уничтожены 3

американских самолета и повреждены 13. Всего погибло 30 советских

военнослужащих и ранено 80; американских погибло 2, ранено 14.

(16) БЕГМА В.А. (1905-1965) был в 1939-1941 гг. первым секретарем

местного обкома КП(б)У, в звании генерал-майора являлся в 1942-1944 г.

секретарем Ровенского подпольного обкома партии.

(17) Ровно освобождал 6-й Гвардейский кавалерийский корпус (командующий

генерал-лейтенант СОКОЛОВ С.В.).

(18) Автор ряда монографий по городскому строительству и развитию

городского транспорта СТРАМЕНТОВ А.Е.

(19) Председатель Временного правительства Польши с 1 января по 28 июня

1945 г. ОСУБКА-МОРАВСКИЙ Э. Президент Варшавы в 1944-1945 гг., потом

заместитель министра народной обороны генерал СПЫХАЛЬСКИЙ М. Ранее он

являлся начальником штаба Гвардии Людовой и заместителем начальника штаба

Армии Людовой.

(20) БЕРМАН Я. После войны был членом ЦК ППР и ответственным деятелем

правительства; МИНЦ Х. - членом ЦК ППР, министром промышленности и торговли.

(21) ЦИКАНКЕВИЧ Ю. (1911-1989) находился в гитлеровских концлагерях с

1941 г. по 1945 г., потом был Генеральным секретарем Польской партии

социалистов, в 1948 г. вошел в состав Политбюро ЦК ПОРП, в 1947-1970 гг.

являлся премьером страны (в 1952-1954 гг. был вице-

премьером).

(22) **Драматург КОРНЕЙЧУК А.Е. в 1946-1953 гг. был председателем Союза**

писателей Украины.

(23) **БУР-КОМОРОВСКИЙ Т. (1895-1966) входил в 1943-1944 гг. в руководство**

Армии Крайовой и официально возглавлял Варшавское восстание с 1 августа по 2

октября 1944 года.

(24) **МИКОЛАЙЧИКС. (1901-1966) был в 1940-1943 гг. вице-премьером**

эмигрантского правительства Польши, в 1945-1947 гг. являлся вице-премьером в

самой Польше и председателем партии "Польске Стронництво Людове", потом

опять убыл в эмиграцию.

(25) **Бои за г. Бреслау тянулись с середины февраля по 6 мая 1945 года.**

(26) **Из Силезии 38-я армия двинулась на г. Моравска Острава.**

Генерал-полковник КУРОЧКИН П.А. командовал 60-й армией с апреля 1944 г. по

май 1945 года.

(27) **Генерал армии ЧЕРНЯХОВСКИЙ И.Д. командовал этой армией с июля 1942**

г., потом он возглавлял с апреля 1944 г. войска Западного фронта и также -

войска 3-го Белорусского фронта. Погиб 18 февраля 1945 г. возле г. Мельзак

(ныне в Польше).

**(28) Генерал-лейтенант авиации КРАСОВСКИЙ С.А.
командовал 2-й Воздушной**

**армией с марта 1943 г. по май 1945 года. А штаб 1-го
Украинского фронта**

**находился в Шёнвальде (на железной дороге из Познани в
Катовице).**

**(29) Маршал Советского Союза ЖУКОВ Г.К. командовал
войсками 1-го**

Белорусского фронта с ноября 1944 г. по июнь 1945 года.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

**На 24 июня 1945 г. в Москве был назначен Парад Победы. Я
тоже приехал в**

**Москву. Мне хотелось посмотреть, как пройдут войска по
Красной площади,**

**порадоваться вместе со всем народом в столице нашей Родины.
Не помню, звонил**

**ли мне Сталин, чтобы я приехал, или же я сам просто взял да
поехал. Прибыл к**

**нам Эйзенхауэр. Он тоже стоял тогда на Мавзолее. В тот раз
я впервые**

**встретился с Эйзенхауэром, в ту пору еще не президентом
США, а верховным**

главнокомандующим силами союзников в Западной Европе.

Как прошел парад, не мне сейчас описывать. Его видели многие, он

запечатлен в кинокартинах и художниками. Это действительно был парад большой

радости. Потом Сталиным был дан обед. Там находился и Эйзенхауэр, и все наши

видные военные. Английского командующего, кажется, не было. У Сталина

сложились хорошие отношения с Эйзенхауэром и еще лучше с Рузвельтом. С

Черчиллем же были плохие отношения и очень скверные с Монтгомери (1). Сталин

относился к нему плохо, и я считаю, что для того имелись у Сталина большие

основания.

Хочу высказать здесь свою точку зрения на наши взаимоотношения с

союзниками, с которыми мы вместе воевали против гитлеровской Германии.

Франция почти не воевала после 1940 г., а вскоре после своего освобождения

вышла из масштабной войны в связи с ее окончанием. Реально оставались

боевыми союзниками на протяжении 1941 - 1945 гг. США и Англия. Я считаю, что

большую роль в ходе войны сыграл Черчилль. Он понял угрозу, нависшую над

Англией, и делал все, чтобы натравить немцев на Советский

Союз, втянуть СССР

в войну против Германии. А когда Гитлер счел возможным напасть на нас,

Черчилль первым заявил, что Англии необходимо заключить договор с СССР,

чтобы объединить наши военные усилия. Сталин поступил правильно: он принял

это предложение, и установились соответствующие контакты, которые были

оформлены договорами. Спустя какое-то время вступили в войну США. Сложилась

коалиция трех великих держав: Советского Союза, США и Англии.

Япония выступила в конце 1941 г. против США, Англии, Нидерландов и других

стран, которые имели свои колонии в Азии и на Тихом океане. Тут уже мы

получили военное облегчение, смогли использовать наши войска с Дальнего

Востока и обрели уверенность в том, что Япония не будет воевать против нас.

Теперь наш Дальний Восток уже не находился под непосредственной угрозой. Это

создавало возможности для маневра, для лучшего использования наших

вооруженных сил, хотя и тогда мы должны были учитывать возможность какого-то

удара со стороны Японии. Япония же вначале успешно наступала и была уверена,

что скоро добьется решающей победы. Но это были "неразумные победы", и,

когда она застряла в войне и американцы остановили ее продвижение, стало

видно, что Япония не в состоянии организовать нападение на Советский Союз.

Англия и США делали все, чтобы оказать нам материальную помощь всех

видов, главным образом военную - вооружением и другим материальным

обеспечением, нужным для ведения войны. Мы получили очень существенную

помощь. Это было, конечно, не великодушие со стороны Англии и США и не то,

что они хотели помочь народам Советского Союза, вовсе нет. Они оказывали нам

помощь, чтобы мы перемалывали живую силу общего врага. Таким образом, они

нашими руками, нашей кровью воевали против гитлеровской Германии. Они

платили нам, чтобы мы могли продолжать воевать, платили вооружением и

материалами. С их точки зрения это было разумно. И это действительно было

разумно, да и нам выгодно. Ведь нам тогда приходилось тяжело, мы платили

очень дорогую цену в войне, но вынуждены были это делать, потому что иначе

воевать были неспособны. Тут возник взаимный интерес, и у нас установились и

налаживались далее хорошие отношения и обоюдное доверие.

Хотел бы высказать свое мнение и рассказать в обнаженной форме насчет

мнения Сталина по вопросу, смогли бы Красная Армия, Советский Союз без

помощи со стороны США и Англии справиться с гитлеровской Германией и выжить

в войне. Прежде всего хочу сказать о словах Сталина, которые он несколько

раз повторял, когда мы вели между собой "вольные беседы". Он прямо говорил,

что если бы США нам не помогли, то мы бы эту войну не выиграли: один на один

с гитлеровской Германией мы не выдержали бы ее натиска и проиграли войну.

Этой темы официально у нас никто не затрагивал, и Сталин нигде, я думаю, не

оставил письменных следов своего мнения, но я заявляю тут, что он несколько

раз в разговорах со мной отмечал это обстоятельство. Он не вел специально

разговоров по этому вопросу, но когда возникала беседа непринужденного

характера, перебирались международные вопросы прошлого и настоящего и когда

мы возвращались к пройденному этапу войны, то он это высказывал.

От Сталина трудно было ожидать объективности. Он был человеком очень

субъективным. Да и вообще в политике, между прочим, субъективизм, личность

играют большую роль. Иной раз бывает полезно оценить, что было сделано

правильно, подойти объективно к прошлому, взвесить все влиявшие на дело

факторы, с тем чтобы вернее оценить пройденный этап и на будущее находить

правильные решения. В данном случае считаю, что заключение Сталина было

правильным. Когда я слушал его, то полностью был с ним согласен, а сейчас -

тем более. Поэтому хочу аргументировать со своей стороны то, что говорил

Сталин, и то, что я сам тогда видел и понимал.

Как протекала война? Надо войти в наше положение, мысленно

проанализировать пройденный нами путь после нападения Германии, особенно

после того, как Гитлер вынудил нас оставить Белоруссию, Украину и огромные

области Российской Федерации, включая Северный Кавказ с его нефтеносными

районами. Правда, основные нефтеносные районы оставались там в наших руках,

но они были фактически выведены из строя, оборудование демонтировано,

прекратились добыча и переработка нефти (2). Сложилась тяжелая ситуация для

промышленности. Кроме того, мы лишились возможности экономически

использовать территории, которые достались противнику.

Возьмем хотя бы Украину. Какой удельный вес в СССР занимала в 1941 г.

украинская металлургия? Я сейчас не имею статистических данных, но думаю,

что тогда Украина вырабатывала как минимум 50% всей стали, если не больше

(3); занимала ведущее место по добыче угля; имела большой удельный вес в

производстве хлеба, овощей, мяса. Мощными были украинская машиностроительная

промышленность, химия.

Была фактически выведена из строя ленинградская промышленность:

судостроение, танкостроение, приборостроение. Это была промышленность с

высококвалифицированными рабочими и большим количеством

научно-исследовательских институтов, мозговой центр всей технической мысли

Советского Союза. Он был парализован и дезорганизован, реально блокирован.

Вопрос стоял уже не о производстве, а о том, как людям выжить физически.

Много тысяч ленинградцев умерло, лишь частично они эвакуировались. Стала

работать с перебоями горьковская промышленность, ибо попала

в сферу действия

немецкой авиации. Московская промышленность тоже была дезорганизована.

Производство самолетов вывели из Москвы, производство моторов - тоже,

производство автомашин в Москве прекратилось. Да мало ли что делала Москва с

ее мощным квалифицированным потенциалом? Харьков: крупнейший тракторный

завод, второй в СССР по силе после Сталинградского; потом

машиностроительные, паровозостроительные заводы. Харьковская промышленность

давала много средств ведения войны, и все это осталось в руках противника.

Воронеж - крупный промышленный город. Там большой авиационный завод, и он

тоже фактически прекратил производство: не тогда, когда противник вторгся в

Воронеж, а еще ранее его оборудование было вывезено, завод же использовался

как мастерские фронтового значения для ремонта самолетов, а не их

производства.

Мы лишились самых мощных баз по производству самолетов, танков, моторов

для тракторов и автомашин. А Сталинградский тракторный завод? Мы и его

потеряли. Там же находился крупнейший оружейный завод,

который давал легкую

и тяжелую артиллерию для армии и военно-морского флота, включая береговую

артиллерию дальнего боя. Можете себе представить, какая надвинулась на нас

катастрофа? Мы оказались без средств передвижения, у нас не стало заводов,

которые обеспечивали нас автомобильным транспортом, особенно тягачами, без

которых нельзя воевать. Нет тяги! Приходилось ориентироваться на лошадей,

возвращаться в прошлое. Значительная часть артиллерии у нас перешла на

конную тягу. Кроме нас в эту войну только румыны воевали с артиллерией,

которая передвигалась на волах. Значит, и нам полностью переходить на волов

и лошадей? Вот какое возникло положение.

При современной технике и современном вооружении немецкой армии, когда

немцы захватили почти всю Европу с ее промышленным потенциалом, создавалась

тяжелая для нас ситуация. Если оглянуться, то скажу, что, когда мы

отступали, я не мог представить себе, как же мы сумеем выйти из этого

положения. Часть оборудования эвакуировали на Восток, но еще надо найти

помещение, установить и смонтировать оборудование, а это

требует большого

времени. Наши люди героически справились с такими трудностями. Они творили

чудеса. Порой буквально в сараях монтировали оборудование и приступали к

производству вооружения. Но, как бы там ни было, потеря времени была

неизбежна.

Тут американцы и англичане предприняли усилия, чтобы не дать нам выйти из

строя, чтобы противник не разгромил нас, чтобы мы не оставались

беспомощными. Они нам давали самолеты, автомашины, вооружение. Когда я

увидел машины, которые мы стали получать, то глазам своим не поверил. А мы

их получали в довольно-таки большом количестве. Эти цифры у нас пока что не

опубликованы. Их хранителем, если не в письменных материалах, то в памяти,

является сейчас Микоян. Он выполнял соответствующие функции представителя

СССР, имел дело с США и Англией при получении по ленд-лизу военного

снаряжения и промышленного оборудования. Ленд-лиз - это особый кредит

военного времени, за который предусматривалось рассчитываться на льготных

условиях после окончания войны.

**Одним словом, к нам потекли всякие товары. Как-то
Анастас Иванович**

**рассказал, сколько он получил дюралюминия, стали,
бензина, самолетов,**

**материалов для производства самолетов, сколько другого
военного имущества и**

**вооружения. Это была очень существенная помощь. Прежде
всего автомашины. Мы**

**обрели возможность обеспечить подвижность наших войск, что
в современных**

**условиях является решающим условием для успешной войны.
Немцы против Франции**

**и против нас широко использовали подвижность своих войск,
наносили удары**

**рассекающими клиньями, а потом окружали наши войска,
уничтожали их или**

**пленили и двигались дальше, совершая марши на большую
глубину для нового**

**окружения. Они наводили панику на гражданское население, да
и военные были**

**напуганы, подвержены боязни окружения. Это затем нашло,
между прочим,**

отражение в нашей военной и художественной литературе.

**А дальняя бомбардировочная авиация? В начале войны мы
фактически ее не**

**имели. Она была у нас, так сказать, символической. Иной раз
несколько**

**самолетов добирались до Берлина. Но это же не
систематическая бомбежка.**

Такой бомбежкой нельзя нарушить производственный потенциал противника. Это

была капля в море, булабочные уколы, а были нужны мощные налеты на

промышленные центры. У нас для этого не было возможностей. Я уж не говорю о

том, что, когда мы отступили и Ленинград остался в окружении, то потеряли

возможность бомбить административный центр Германии - Берлин (только

Балтийский флот обладал самолетами, способными долететь до столицы

Германии), не говоря уже о районах Западной Германии. Они находились в

безопасности, и мы для них никакой угрозы не представляли. Другое дело -

налеты английской авиации. А когда вступили в войну США, которые поставили

свою промышленность на рельсы удовлетворения запросов войны, то огромный

потенциал американской промышленности создал реальную угрозу для Германии.

Думаю, что Гитлер, видимо, представлял себе, что это - начало его конца. Вот

я ссылаюсь тут на Сталина, критикую его. Но деятельность Сталина имела две

стороны. Он делал много хорошего и полезного для нашей страны, это всеми

признавалось, и я это сейчас тоже признаю. Но как человек, который был

поставлен на такой высокий пост, который я занимал, я должен был все

анализировать, вскрывать недостатки, промахи и злоупотребления властью,

превышение этой власти со стороны Сталина. Вот одна сторона дела. Теперь я

беру и другую сторону, положительную. Сталин, когда США вступили в войну,

сказал в беседе: "Ну, сейчас пойдет война моторов". Но он говорил это и

раньше. Были ли это его собственные слова или они были сказаны кем-то до

него, не знаю. Ясно, однако, каждому среднеразвитому человеку, что война

сейчас, на современном этапе, действительно война моторов. У кого больше

моторов, у кого больше возможностей держать эти моторы на ходу, то есть

иметь в достаточном количестве горючее, тот и выиграет войну. Конечно, США,

у которых совершенно исключалось всякое нарушение их промышленной

деятельности, имели огромный экономический потенциал и такие возможности. И

они эти возможности использовали.

А нам это было выгодно с точки зрения поставки материалов и вооружения.

Конечно, поставки обогащали капиталистов, на них наживались монополии США.

**Но они помогали нам. США создали мощные воздушные силы.
У них появился**

**самолет "летающая крепость", замечательный самолет,
лучший в мире.**

**Американцы на таких самолетах вторгались в воздушное
пространство противника**

**даже без сопровождения истребителей, а наши
бомбардировщики могли так**

**поступать только ночью, днем же должны были иметь
прикрытие. Без прикрытия**

**они могли действовать в пределах фронта, используя
внезапность нападения. И**

**мы несли довольно тяжелые потери от зенитной артиллерии и
истребительной**

**авиации немцев. Американцы же без прикрытия налетали
на территорию**

**противника и подвергали бомбардировке его промышленные
центры, что имело**

**огромное значение. Эти самолеты были вооружены
крупнокалиберными пулеметами**

- хвостовыми, бортовыми и лобовыми.

**В 1943 г., когда мы наступали под Киевом, авиация у
противника была уже**

**довольно жиденькая и не представляла такой серьезной силы,
как в начале**

**войны. В 1944 г. я редко выезжал на фронт. Но я вообще не
слышал жалоб, что**

**немецкая авиация не дает нам покоя. Мои фронтовые
приятели (с ними я**

поддерживал телефонную связь, они приезжали в Киев или я иной раз приезжал

на фронт) говорили: "Вы не можете себе даже представить, сейчас мы ездим и

днем, и ночью, и нас авиация противника не беспокоит". Чья это была заслуга?

Американской авиации. Она вывела из строя немецкие заводы, которые

производили самолеты. Металл у немцев был, и бензин имелся, но разрушены

были авиационные заводы. Разве этого мало? Разве маленькая помощь? И другие

их заводы, которые производили вооружение, США очень настойчиво, упорно и со

знанием дела разрушали. Это была большая поддержка нам. А помощь, которую мы

получали в виде готовых танков? Помню, получили мы английские танки под

Сталинградом (сейчас уже забыл их название). Их боевые качества были

невысокими, но это все же был танк. Пехотинец был прикрыт броней, смелее шел

в атаку и лучше наносил удары по врагу. Эти танки уступали нашим по броне,

но в ходовой части превосходили их.

В этой связи вспоминаю возмутительные случаи с нашими танками. Во время

Сталинградской битвы получили мы танки, а они, не пройдя и 100 километров,

остановились в пути, у них вышла из строя ходовая часть. Я тогда написал

записку Сталину, и Сталин принял суровые меры. В частности, сделал

перестановку в руководстве, ответственным за производство танков был

назначен Малышев (4). Заострили внимание на качестве ходовой части танков, а

не только на их количестве. Но ее качество оставалось отвратительным. Зимой

1943 года, когда немцы стремились прорвать кольцо окружения вокруг

Сталинграда, пришла к нам Гвардейская армия Малиновского. В ней имелось три

корпуса, а в каждом корпусе - по танковому полку. И из этих танковых полков

ни один не вышел на линию фронта: все танки стояли на дорогах и ждали, пока

их приведут в подвижное состояние. Если бы дошел хоть один танк из трех, то

мы имели бы танковый полк, а так не получилось ни одного полка в результате

низкого качества производства. А ведь воевать надо было! Противник имел

достаточно вооружения. Оно было порой хуже нашего, но его было значительно

больше. Да и не все у немцев было хуже нашего. Простой патриотизм - он

больно бьет, если на нем основывать политику и не анализировать факты.

Следовательно, и на будущее нельзя строить иллюзий, а надо исходить из

реальных фактов.

У нас нет соответствующих сведений. Они не появились в печати из-за

чувства ложного стыда. Это неправильно. Считаю, что было бы полезно, если бы

такие работы были опубликованы. Может быть, даже подготовлены каким-то

научным институтом, который провел бы глубокий научный анализ былого. Надо

изучать прошлое, чтобы не допускать тех ошибок, которые были допущены

раньше, и исключить их в настоящем и будущем. К сожалению, Сталин в то время

уже стоял на неправильных позициях. Он многое признавал, но сам перед собой,

в туалете. А высказать это где-то публично, чтобы другие слышали, он считал

унизительным. Нет, это не унижение! Признание заслуг своего партнера не

принижает наших заслуг. Наоборот, объективное заявление подняло бы нас еще

выше в глазах всех народов и ни в какой степени не принизило бы наших

достоинств, наших успехов, наших побед, значения тех решающих ударов,

которые мы нанесли по общему врагу. Но это было для Сталина невозможно. Он

старался прикрыть нашу слабость, полагая, что это делает нас как бы сильнее

противника: пусть нас больше боятся. Это глупый вывод, неправильный.

Противника не обманешь: он умеет считать, умеет анализировать, а наш народ

все понял бы правильно.

Возможно, Сталин боялся, что откровенность в этом вопросе когда-то

обернется и против него: почему не предвидел? Это уже другой вопрос. Думаю,

что надо было бы пойти на откровенное признание, не щадить себя, потому что

лучшая помощь стране и делу, которому ты служишь, - не прикрывать

недостатки, а вскрывать их, даже с болью, чтобы народ все увидел. Тогда

народ правильно поймет тебя, оценит и поддержит, если нужно, то и простит

ошибки, которые были допущены. Если люди искренне анализируют ошибки,

следовательно, они не будут их повторять. Могут сказать: "Вот, Хрущев

критикует Сталина, а сам в этих вопросах анализа и критики на Сталина же и

ссылается". Верно. Впрочем, полагаю, что мои товарищи, с которыми я вместе

работал под руководством Сталина, тоже оставят какие-то воспоминания. Если

они будут объективны, то не побоятся перед историей рассказать о недостатках

Сталина, обо всем том, что они знали. Сталин же то, о чем я сейчас

рассказываю, обычно говорил не один на один, а в беседах, в которых

участвовало 5, 7, 10 человек. Не все члены Политбюро принимали обычно

участие в заседаниях Сталина. Сталин всегда выбирал какую-то группу, которую

он приближал к себе, а какую-то группу как бы в порядке наказания некоторое

время не приглашал. В такую группу мог попасть кто угодно. Одних он

приглашает сегодня, а завтра пригласит тех, которых не приглашал вчера.

То, о чем говорил Сталин на этих заседаниях, являлось правильным,

глубоким и трезвым признанием на основе сопоставления всех фактов,

определяющих, быть нам на свете или не быть, победить или же проиграть

войну. Когда там Сталин хорошо оценивал роль наших союзников, я был

абсолютно согласен с ним и считал, что это - правильный анализ фактов.

Сказать это никогда не поздно. Ведь новое поколение, которое сменит

современное руководство страной, обязательно осмелится объективно осветить

начало войны. Сейчас это уже не имеет принципиального значения. Все равно

наши вчерашние союзники сегодня стали нашими противниками. Признание их

помощи нам с точки зрения материального обеспечения и вооружения в то время

не отражает нынешнего состояния дел, потому что сейчас мы находимся в другом

положении. Шутка ли сказать, дожили до такого времени, когда нас считают

второй державой по промышленному потенциалу в мире! Мы действительно

являемся такой державой.

Мне британский премьер Макмиллан (5), когда я в свое время беседовал с

ним, говорил: "Ну что сейчас Англия? Англия сейчас уже не та, когда она была

владычицей морей и определяла мировую политику. Теперь все решают две страны

- США и СССР". Почти в таких же выражениях мне сказал это де Голль,

президент Франции, человек трезвого ума. Он сказал: "Господин Хрущев, сейчас

США и Советский Союз - вот два великих государства. Франция не имеет того

величия, какое имела в прошлом. Теперь она уже не может определять мировую

политику". Таково признание нашей мощи, нашей роли и значения в мировой

политике. Поэтому несколько не умалило бы нашего достоинства признание, что

в прошлом эти страны оказали нам такую помощь, которая существенно повлияла

на исход войны.

Повторяю: они оказали нам помощь не ради победы дела социализма, идей

марксизма-ленинизма. Для них стоял вопрос о жизни или смерти. Они нам

помогали для того, чтобы наша армия не пала под ударами Гитлеровской

Германии, а, опираясь на более современное вооружение, перемалывала бы живую

силу врага, тем самым ослабляя и себя. Это ведь тоже было в интересах наших

союзников. Они хотели выбрать подходящее время и активно включиться в войну

против Германии тогда, когда Советский Союз уже не обладал бы мощью и не

занимал бы решающего положения при решении мировых проблем после разгрома

Германии. Поэтому их помощь - это не любовь к нашему народу и не проявление

уважения к нашей государственной системе, а результат трезвого взвешивания

возникшего тогда положения для западных стран.

Ситуация сложилась так, что мы стали союзниками с ними, чтобы выиграть

эту войну против общего врага. Англия и США хотели

воспользоваться ситуацией

и использовать наши государственные и главным образом людские ресурсы, с тем

чтобы чужими руками перемолоть силы общего врага, добиться победы и получить

возможность самим вершить судьбы мира. Этим они и руководствовались, когда

помогали нам. Они не стыдились того, что идут на союз с социалистическим

государством - заклятым врагом капитализма. И Сталин, нужно отдать ему

должное, тоже пошел на это. Конечно, не от хорошей жизни, а потому, что

иного выхода не было, никакого выбора не было. Но это был путь к спасению.

Единственный путь, чтобы выжить и выиграть войну. Так я оцениваю этот

вопрос, и такое же мнение я слышал от Сталина. Он подробно не разбирал тот

период войны. Но не требуется больших усилий, чтобы прийти к такому

заклучению. Он понимал это и говорил об этом.

Я надеюсь, что моя точка зрения найдет отражение в исследованиях тех

историков, которые попробуют объективно разобраться в обстановке,

сложившейся в 1941-1943 годах. Впрочем, и в 1944 - 1945 гг. американцы

многое нам давали. Уже после войны Жданов съездил в США, и

мне сказали, что

после этого по ленд-лизу мы получили мощный прокатный американский стан и

этот стан решено смонтировать на заводе им. Ильича в Мариуполе, потом этот

город называли Жданов (б). Я туда съездил. На монтаже работали японцы. Монтаж

был организован узлами, чтобы быстрее ввести стан в строй. Помню, говорил я

с японцами, спрашивал об их жизни. Потом мы шутили над тем, что нам пленные

японские солдаты отвечали: они приехали сюда помогать русским, их прислал

помогать микадо. Они считали себя не пленными, а посланцами микадо

(императора).

Итак, мы получали от союзников оборудование, корабли, много военного

снаряжения. Это сыграло важную роль в войне. Почти вся наша артиллерия была

на американской тяге. Как-то, уже после смерти Сталина, я предложил:

"Давайте все машины, которые мы производим, дадим нашим военным, потому что

просто неприлично смотреть: идет парад, а тягачи - американские". Почти вся

наша военная техника, которая стояла в ГДР, тоже была на американских

"студебеккерах". Это неудобно, это для нас позор. Уже сколько

лет прошло,

как кончилась война, а мы все еще ездим на американской технике.

Хочу тут подчеркнуть, какое количество этих машин и какого качества мы

получили. Представьте, как без них мы бы наступали? Как двигались бы от

Сталинграда до Берлина? Я не представляю себе. Наши потери были бы

колоссальными, потому что не было бы никакой маневренности у наших войск.

Кроме того, мы получали много стали и дюралюминия. Наша промышленность была

подорвана, частично оставлена врагу. В этих условиях помощь от США имела

очень большое значение.

В оказании нам помощи проявили большое упорство и англичане. Они

доставляли грузы кораблями в Мурманск и несли при этом большие потери. Там

пролег длинный путь, на котором безнаказанно разгуливали немецкие подводные

лодки. Германия захватила Норвегию и подошла вплотную к нашему Мурманску.

Поэтому многие машины англичане и американцы перегоняли к нам и через Иран

(7). Это было гораздо выгоднее, потому что южный путь был безопасен. Корабли

разгружались в Персидском заливе, а дальше машины своим

ходом двигались к

нам. Кроме того, самолеты из США летели своим ходом через Аляску, Чукотку и

Сибирь. Там получились довольно большие грузопотоки.

Конечно, это не все полностью решало, но без этого не оказалось бы и

главного решения дела. Из крови наших бойцов и техники со стороны США и

Англии в совокупности складывалось обеспечение победы, обеспечение действий

Красной Армии, которая дралась и наносила сильнейшие потери нашему общему

врагу. Продукты питания мы тоже получали тогда в большом количестве. Ходило

немало анекдотов, в том числе неприличных, об американской тушенке. И

все-таки она была вкусной. Много появилось на этот счет прибауток, но

тушенку-то мы ели. Без нее нам было бы очень трудно кормить армию. Ведь мы

потеряли самые плодородные земли - Украину и Северный Кавказ. Это надо себе

представить, как трудно было в таких условиях организовать обеспечение

продовольствием всей страны.

Кроме того, мы получили от союзников много новых технических устройств, о

которых вообще не имели понятия. Для противовоздушных сил мы получили

электронный прибор - радиолокатор. Командующий военно-воздушными силами

говорил мне, что этот аппарат прибыл из Англии. Раньше мы оборудовали

противовоздушную оборону из приборов только прожекторами и "слухачами",

довольно грубыми и сложными. О современном электронном оборудовании мы и

понятия не имели, англичане же его имели и какое-то количество передали нам.

На командном авиапункте меня обучали военные, как можно следить за авиацией

противника по экрану этого аппарата.

Одним словом, надо честно признать вклад наших союзников в разгром

Гитлера. Нельзя хвастать: вот мы шашки вынули и победили, а они пришли к

шапочному разбору. Такая точка зрения верна, если рассматривать лишь вклад

союзников с точки зрения высадки десантников, то есть непосредственного

участия американских и английских войск в борьбе против Германии на

Европейском континенте. Тут будет верно. Но техника и материалы, которыми

они помогали нам, - другой вопрос. Если бы они не помогали, то мы бы не

победили, не выиграли эту войну, потому что понесли слишком большие потери в

первые дни войны. Теперь - о десантах союзников. Мы ждали второго фронта в

Европе в 1942 г. и в 1943 году. Особенно он был нужен в 1942 г., когда нам

приходилось очень тяжело. Я говорю в основном о нашем участке - Юго-Западном

и Южном фронтах, где в 1942 г. наносился врагом главный удар. Противник

поставил задачу лишить нас нефти и пробиться через Кавказ в Иран. Он был

недалек от реализации своих планов. Конечно, если бы наши союзники высадили

десант именно тогда, то наши потери были бы гораздо меньшими.

Сейчас мне трудно судить о намерениях союзников в то время. Было ли

решение не высаживать десант продиктовано желанием переложить еще больший

груз на плечи Советского Союза и еще больше нас обескровить? Этого я не

исключаю. Или же было так, как они нам объясняли: что они еще недостаточно

подготовлены, что у них еще недостаточно развито производство вооружения и

они не готовы к высадке мощного десанта? Что им нужно еще какое-то время?

Думаю, что имело место и то, и другое, но больше первого. Больше было

желания обескровить нас, обескровить своего союзника, с тем чтобы включиться

**в войну как следует уже на завершающем этапе и потом
вершить судьбы мира.**

**Воспользоваться результатами войны и навязать всем свою
волю: не только**

**врагу, но и союзнику. Это я вполне допускаю. И это, видимо,
сыграло немалую**

роль.

**Если рассматривать с классовых позиций, то союзникам
было неинтересно**

**усиливать нас. Их интересы заключались в том, чтобы
своевременно**

**использовать СССР, несмотря на то что он базируется на
социалистических**

**принципах. Так уж сложилась наша общая судьба, что нам
понадобилось**

**объединить свои усилия. Каждый из нас поодиночке или
совсем не смог бы**

**выиграть войну, или же выиграл бы, но с гигантскими
потерями и очень большой**

**затяжкой во времени. Поэтому стороны шли на такой союз
и, прилагая**

**совместные усилия в борьбе против общего врага, оставались в
то же время на**

своих классовых позициях.

**Мы тоже считали, что нам было бы полезно стать значительно
сильнее своих**

**союзников к концу войны, чтобы наш голос звучал еще
внушительнее при решении**

международных вопросов. Если бы это удалось, то не так был бы

решен вопрос о

Германии, как он был решен в Потсдаме. В Потсдаме решение явилось

компромиссным. Оно основывалось на соотношении сил, которое сложилось к

концу войны. Особенно сказалось это на статусе Берлина и Вены.

Эти города находились в зоне, которую занимали советские войска. Казалось

бы, эти города должны целиком входить в нашу зону. Однако союзники целиком

нам их не отдали. Эти города были разделены на четыре сектора: мы получили

четвертую часть, а три части получили Англия, США и Франция. Это тоже

свидетельствует о соотношении сил, которое сложилось к концу войны.

О многом, конечно, американцы и англичане думали еще тогда, когда пошли

на союз с нами. Особенно стала эта проблема беспокоить их, когда наша армия

выдержала немецкий удар и при напряжении всех сил перешла в наступление,

весьма устойчиво чувствуя себя на всех фронтах. Когда мы уже двигались на

запад и подошли к Германии, союзники вынуждены были поспешить открыть второй

фронт в Европе, потому что они теперь боялись, что мы можем продвинуться

значительно дальше на запад от тех границ, которые были определены ранее,

когда намечались зоны оккупации для каждой страны, участвовавшей в войне.

Все это тоже надо учитывать, указывая и на достоинства союзников, их вклад в

общее дело разгрома гитлеровской Германии, и на их классовую позицию.

Теперь хочу рассказать насчет высказываний Сталина относительно

взаимоотношений с союзниками в процессе войны, конкретно - с Рузвельтом и

Черчиллем. Франция не имела крупных сил в Европе, и Сталин стал уделять ей

внимание, в сущности, начиная с Потсдамской конференции и после нее. Его

внимание занимали раньше главным образом Рузвельт и Черчилль. Сталин, по его

собственным словам, больше симпатизировал Рузвельту, потому что президент

США с пониманием относился к нашим проблемам. Сближала Рузвельта со Сталиным

и его нелюбовь к английской монархии, к ее институтам.

Сталин как-то рассказал о таком эпизоде. Когда во время Тегеранской

конференции главы держав встретились за обедом, Рузвельт, подняв бокал,

предложил выпить за президента Советского Союза господина Калинина. Все

выпили. Спустя какой-то срок Черчилль, тоже подняв бокал, объявил тост за

короля Великобритании. Рузвельт сказал, что он пить не будет. Черчилль

обиженно насторожился, а тот - ни в какую: "Нет, я пить не буду. Я не могу

пить за английского короля. Я не могу забыть слова моего отца". Оказывается,

когда отец Рузвельта уезжал в Америку из Европы, то уже на пароходе он

сказал сыну про британского короля: "Он наш враг". Сын не забыл этого и,

невзирая на этикет, так и не поднял бокала.

При деловых разговорах и возникавших спорах очень часто Сталин встречал

поддержку со стороны Рузвельта против Черчилля. Таким образом, у Сталина

симпатии сложились явно в пользу Рузвельта, хотя Черчилля он тоже ценил и

относился к нему с уважением. Это был крупный политический деятель не только

Англии, он занимал одно из ведущих мест в сфере мировой политики. При

неудаче конца 1944 г. в Арденнах, когда немцы серьезно угрожали союзным

войскам на втором фронте, Черчилль обратился за помощью к Сталину, с тем

чтобы мы оттянули на себя немецкие армии. Для этого нам нужно было провести

внеочередную наступательную операцию. Ее мы провели, хотя она планировалась

у нас на значительно более поздний срок (8). Это стало демонстрацией дружбы

и помощи союзнику, у которого сложилась тяжелая обстановка. Это было

Сталиным проведено очень хорошо, он умел понимать и такие дела и проводить

их в жизнь.

Помню, как Сталин несколько раз возвращался к характеристике Эйзенхауэра.

Он отмечал его благородство, рыцарский подход к взаимоотношениям с

союзником. Несколько раз я слышал такие высказывания при беседах в узком

кругу у Сталина уже после войны, но еще до моего переезда в Москву.

Когда я вновь начал работать в Москве и чаще бывал у Сталина, он стал

часто приглашать меня, когда уезжал в отпуск на Кавказ. Я чувствовал, что он

просто не терпит одиночества и даже боится его. У него появлялся физический

страх перед одиночеством. Это было для всех нас довольно накладно (говоря о

членах руководства страны, которое окружало Сталина). Отдыхать вместе с ним

и обедать считалось великой честью. Но это еще и большая физическая

нагрузка.

Однажды я с ним вместе отдыхал целый месяц. Он меня поместил буквально

рядом с собой. Приходилось и жить рядом, все время вместе обедать и ужинать.

Но это внешняя сторона дела. А если бы знали, что это означает на деле,

какие это физические нагрузки, сколько нужно было съедать и вообще

потреблять того, что вредно или неприятно, лишь бы не нарушить личных

отношений! Отношение к тебе демонстрировалось самое хорошее, дружеское, и

приходилось идти на жертвы. Но такая жизнь была отчасти полезна тем, что

велись беседы, из которых можно было извлечь для себя пользу и сделать

различные политические выводы.

В ходе таких бесед я неоднократно слышал от Сталина очень лестные отзывы

о порядочности Эйзенхауэра. Сталин говорил, что когда мы наступали на

Берлин, то если бы со стороны союзников был не Эйзенхауэр, а какой-то другой

верховный командующий их войсками, мы бы, конечно, Берлин не взяли, просто

не успели бы. Его бы заняли раньше нас американцы. И это действительно так,

потому что немцы сосредоточили главные силы против нас и

охотно готовы были

сдаться Западу. Сталин обратился к Эйзенхауэру с письмом, в котором

говорилось, что, согласно межсоюзническому договору и с учетом крови,

которая пролита нашим народом, мы хотели бы, чтобы наши войска вошли первыми

в Берлин, а не союзные. Как говорил Сталин, Эйзенхауэр тогда придержал свои

войска и прекратил наступление. Он предоставил нашим войскам возможность

разбить немцев и занять Берлин. Таким образом, мы получили приоритет,

захватив столицу Германии. Другой человек на это не пошел бы. А ведь если бы

Берлин был захвачен американцами, то тогда, по словам Сталина, по-другому

решался бы вопрос о судьбе Германии, а наше положение значительно ухудшилось

бы. Эйзенхауэр проявил такое рыцарское благородство и был верен слову,

данному нам Рузвельтом. Он уважал память о Рузвельте.

В это время новым президентом США стал Трумэн, которого Сталин и не

уважал, и не ценил. И, видимо, правильно делал, потому что тот заслуживал

такого отношения. А вот еще один факт, о котором рассказывал Сталин, тоже

относящийся к концу войны, когда немцы были уже приперты

нашими войсками к

**стене капитуляции и не могли оказывать сопротивления,
должны были слагать**

**оружие и сдаваться в плен. Многие из них не хотели сдаваться в
плен нашим**

**войскам и двинулись на запад с тем, чтобы сдать
американцам. Опять**

**последовало обращение Сталина к Эйзенхауэру: было сказано,
что советские**

**войска проливали кровь, разгромили врага, а противник,
который стоит перед**

**нашими войсками, сдается в плен американцам: это
несправедливо. Эйзенхауэр**

**приказал тогда не брать немцев в плен (кажется, это было в
Северной Австрии,**

**где у нас наступал Малиновский) и предложил командующему
германскими силами**

**сдаться в плен русским, так как именно русское оружие
победило его армию.**

Так и получилось.

**Сталин рассказывал также, что он обратился с аналогичной
просьбой к**

**Черчиллю. На участке в Северной Германии, который занимал
Монтгомери, немцы**

**тоже убегали от войск Рокоссовского к англичанам. Сталин
попросил, чтобы их**

**англичане не брали в плен и вынудили сдать нашим
войскам. "Ничего**

подобного! - возмущался Сталин. - Монтгомери забрал себе их

всех и забрал их

оружие. Так наши войска разбили немцев, а результат разгрома пожинал

Монтгомери". И Эйзенхауэр, и Монтгомери - оба представители буржуазного

класса. Но они решили по-разному и по-разному соблюдали принципы

партнерства, договоренности, слова, чести. Когда я имел дело с Эйзенхауэром,

то всегда передо мной как бы стояли его былые действия. Я помнил слова,

сказанные Сталиным, и верил им. Ведь Сталина заподозрить в симпатиях к

комулибо никак было нельзя. В классовых вопросах он был неподкупен и

непримирим. Это у него была очень сильная политическая черта, за которую он

пользовался среди нас большим уважением.

Под конец войны Сталин очень беспокоился, как бы американцы не перешли

через линию разграничения союзных войск. Я уже говорил, что против нас было

организованное сопротивление немцев, а американцы спокойнее наступали и

легко пересекли линию разграничения. Сталин сомневался, уступят ли они,

сдержат ли слово, данное Рузвельтом. Они ведь могли сказать, что их войска

останутся там, куда вышли, и это будет теперь

разделительная граница

оккупационных районов. Но нет, американцы отвели свои войска назад и

расположили их по линии, которая была намечена в Тегеране, еще до победы над

Германией. Это тоже свидетельствует о порядочности Эйзенхауэра. Из таких вот

фактов складывалось хорошее отношение Сталина к Эйзенхауэру. Поэтому Сталин

и пригласил Эйзенхауэра на Парад Победы и выразил наше признание его заслуг

награждением его высшим военным орденом СССР - "Победы". Это очень высокая

награда. Правда, тем же орденом был награжден фельдмаршал Монтгомери. Но в

данном случае налицо формальное выполнение нашего долга по отношению к

союзнику, потому что англичане тоже награждали наше начальство своими

орденами. Здесь имела место лишь официальная взаимность, а Эйзенхауэра

Сталин выделял особо. Потом я не раз встречался с Эйзенхауэром, но об этом я

расскажу в другом месте.

Сейчас хочу высказать свои соображения на тему, были ли созданы условия в

СССР для того, чтобы все отдать нашей Красной Армии, дабы она могла

противостоять врагу. Следовательно, вопрос конкретно стоит

так: могла ли

Красная Армия противостоять гитлеровской армии и, как тогда говорили

Ворошилов и Сталин, не уступить ни пяди земли врагу? Могла ли бить врага

только на его территории? Был такой лозунг. Весь мир чувствовал ложность

этого лозунга, необеспеченность СССР реальной силой. Но могли ли мы сделать

его реальностью? Безусловно, могли. Другое дело, что, помимо экономики,

очень остро зависело это, особенно в начальный период войны, от проблемы

военных кадров. Мы бы легче справились с фашистами, если бы в 30-е годы не

были уничтожены наши военные кадры. Кадровый состав командиров Красной Армии

был истреблен в очень большой степени.

У меня нет точных количественных данных, сколько офицеров различных

званий было уничтожено. Но если посмотреть на высший командный состав, то

видно, что почти весь он - от командующих войсками военных округов до

командиров дивизий - был истреблен. А ведь это были люди, которые обладали

хорошими знаниями, многие из них окончили военные академии, а некоторые - и

по две академии: общевойсковую и специальную. Средний

командный состав имел

среднее военное образование. Но самое ценное в этих кадрах было то, что они

прошли Гражданскую и другие войны, обладали важным опытом. Они не имели

нужных знаний раньше, когда участвовали в Гражданской войне, но после

окончания Гражданской войны получили теоретические и специальные военные

знания и накопили большой опыт командования соединениями, а до того прошли

солдатскую и офицерскую школу Первой мировой войны, в Красной Армии стали

командирами разных степеней и рангов, участвовали в военных играх, военных

маневрах. Все у нас было сделано, что только можно было сделать, с этими

кадрами, чтобы научить и должным образом натренировать этих людей. Они

вполне соответствовали своему назначению и готовы были выполнить свой долг

перед Родиной.

К сожалению, эти люди были истреблены, после чего были выдвинуты на

командные должности люди, не обладавшие ни знаниями, ни опытом. Поэтому они

во время войны уже на поле брани проходили стажировку и обучались вождению

войск. А это совсем не то, что в мирных условиях. Правда, тут

созревание шло

быстрее, но обходилось народу дороже. Когда разыгрывается на карте та или

другая операция, подсчитывают: столько-то тысяч людей погубло; но тут

условные потери. На фронте же погибали не условно, а безусловно. Если бы

сохранились кадры, которые прошли должную школу еще до войны, то мы понесли

бы значительно меньшие потери. Это каждому понятно, и это обязательно нужно

учитывать при анализе событий начального периода войны. К сожалению, никто

не приподнимал этой завесы. Люди, которые были уничтожены в 30-е годы,

считались "врагами народа". Вот почему их гибель не ставилась в вину тем, по

чьей вине эти люди были загублены; наоборот, их уничтожение даже возводилось

в заслугу.

Ну, ладно, тогда все мы были обмануты, все верили, что прозорливость

"отца и вождя советского народа великого Сталина" спасла нас от врагов. Но

потом-то, на XX съезде КПСС все эти вопросы были подняты и неопровержимо

освещены. Неопровержимые факты могут быть предоставлены в распоряжение всем,

кто захочет произвести глубокий анализ свершившегося.

Однако еще и сейчас

**остались люди, которые буквально дрожат перед
загаженными кальсонами**

**Сталина, по-прежнему становятся перед ним во фронт и
считают, что**

**исторически тогда были неизбежные потери и что они говорят о
величии того,**

**кто не остановился перед потерями, а вывел нашу страну туда-
то и туда-то, на**

**такой-то рубеж, добился того-то и того-то. Я даже не знаю, как
называть**

**людей, которые так рассуждают. А если бы не было тех
потерь и**

**злоупотребления властью? Разве было бы хуже? Вспомним, что
говорил Ленин о**

**Сталине. Что Сталин нетерпим, поэтому нужно его отстранить
от партийной**

**власти. Если бы это было сделано, то война за спасение СССР
стоила бы нам во**

**много раз меньше, чем стоила при "отце родном, величайшем
и гениальном**

вожде".

**Подготовка к ведению войны - это не только занятия на
местности,**

**проведение операций на картах, тренировка и муштровка
людей, хотя без этого**

**нельзя подготовиться к войне. Если не создать необходимых
материальных**

условий, не создать экономического фундамента, то никакая

война не может

быть выиграна. Главное - это вопросы материального обеспечения и

производства вооружения: авиация, артиллерия, танки, стрелковое оружие,

инженерные средства, другое оружие - все то, что нужно для разгрома врага и

отражения его нападения. Некоторые средства нужно иметь на всякий случай:

химическое и бактериологическое оружие. К счастью. Вторая мировая война

прошла без применения таких средств (9), но в Первой мировой войне

использовались газы. Если бы у нас не имелось заранее таких средств, а

противник применил бы их, то для наших армий создалось бы бедственное

положение. Следовательно, это оружие, необходимое в прошлом, необходимо

готовить, увы, и в настоящем, и даже на будущее, пока существуют

противоположные общественные системы. В какой-то степени мы просто вынуждены

накапливать такие средства войны и держать их про запас.

Итак, я высказался относительно репрессированных военных. Мне трудно

перечислить их всех, хочу остановиться лишь на некоторых из них. Возьмем

Гамарника, заместителя наркома обороны СССР. Это был

большой политический

деятель и очень хороший организатор, человек, который принимал

непосредственное участие в создании Красной Армии. Его роль как заместителя

наркома обороны тоже была весьма велика.

Скажут, что Гамарник не был казнен. Знаю, Гамарник сам застрелился. Но он

предвидел, что будет казнен. К нему пришли, чтобы его арестовать, и он

застрелился. Палачи пришли тянуть его на плаху, и он решил, что лучше будет

покончить жизнь самоубийством. Это был честнейший человек.

Егоров - крупнейший военачальник. Еще в Гражданскую войну он командовал

Юго-Западным фронтом. Тухачевский в возрасте 27 лет руководил рядом фронтов.

Какие операции поручал лично Ленин проводить Тухачевскому? Кронштадтская,

против Антонова, против Колчака, против Деникина, против белополяков. Когда

его казнили, сколько всякого ничтожного лепета произносилось в его адрес

теми людьми, которые недоросли не только до его пупа, но и до его коленок. А

они лягали его.

Если в Гражданскую войну какая-то операция проводилась под командованием

Тухачевского, то потом персонально валили все неудачи

именно на

Тухачевского. Однако после тех операций, которые, как считали эти критики,

были провалены в результате того, что Тухачевский оказался "не на высоте",

другие, даже более сложные операции, связанные с вопросом и жизни, и смерти

Советской страны, Ленин неизменно поручал Тухачевскому. Он его ценил, и

ценил правильно. Я с Тухачевским встречался, хотя знал его не столь близко,

но и не очень далеко. Когда я работал секретарем Московского городского и

областного комитетов партии, мы с ним перезванивались и встречались, причем

не только на пленумах: я с ним не раз выезжал в поле, где он показывал мне в

деле некоторые военные новинки. Я говорю о новинках, которые имеют отношение

к вооружению Красной Армии и ее инженерному оборудованию. У меня осталась

самая добрая память о Тухачевском.

Теперь - Якир. Якир был раньше студентом, не имевшим до 1917 г. никакого

военного образования. Он не был на мировой войне, а во время Гражданской

начал свою военную карьеру с создания какого-то отряда. Вооружались тогда,

кто чем мог, а главным оружием трудящихся была ненависть к

старому строю и

преданность новому строю, во имя которого и шла война.

Отряд Якира вырос

затем в дивизию. Он командовал ею, оставаясь на Юге, где был отрезан от

основных сил Красной Армии, пробился к основным силам, прошел как бы сквозь

строй белогвардейцев и вывел дивизию к своим. Потом успешно руководил

группами войск. Кончилась Гражданская война, и он занимал высшие командные

посты в Красной Армии, командуя войсками Украины и Крыма, других округов, а

затем был арестован и казнен.

Эйдеман. Он был поэтом и был воином. Тоже выделялся как крупный

военачальник. Возглавлял Осоавиахим, когда был арестован и тоже казнен. Я

сейчас забыл фамилию того военного, по национальности эстонца, который был

офицером царской армии, но прошел вместе с нами всю Гражданскую войну, а

затем командовал войсками Московского и других военных округов. Я знавал его

в Москве. Он тоже считался крупнейшим военачальником, тоже был арестован с

Тухачевским и Якиром и казнен вместе с ними (10). А Блюхер? Сейчас в газетах

без конца твердят: Блюхер получил первым орденом Красного

Знамени, Блюхер

сделал то-то, Блюхер сделал то-то. Никто не осмеливается, однако,

рассказать, как окончил жизнь Блюхер. Где он был, когда шла война с

Гитлером? А он был уже мертв. Почему? Он сам умер? Нет, тоже был казнен как

"враг народа". Это был рабочий, имел профессию слесаря, приобрел военный

опыт в Первую мировую войну унтер-офицером, а потом вырос в крупнейшего

военачальника, командовал в Гражданскую войну соединениями, был нашим

советником у Чан Кайши, которому мы тогда доверяли как военному и

политическому деятелю, командовал войсками Дальневосточного военного округа,

являлся грозой для врагов и надежным щитом Страны Советов. Сейчас ему ставят

памятник. Как же не стыдно тем, которые не хотят сказать народу правду, что

Блюхер пал от руки того, о ком Ленин сказал, что ему нельзя доверять? Да,

памятник Блюхеру нужен. Но памятник ему должен ставиться такой, чтобы все

знали, что нас лишила возможности использовать талант Блюхера в войне против

немцев не естественная смерть человека.

Я недавно вновь смотрел кинофильм "Железный поток" по

одноименной книге.

Это была первая книга о Гражданской войне, которую я в свое время прочел.

Написана она талантливым писателем Серафимовичем, а теперь эта книга вышла

на экран. Я смотрел этот фильм не в первый раз, но, как всегда, волновался и

переживал, все время вспоминал этого мужественного и умного человека,

командующего авангардом Таманской армии. В книге его называли Кожух, а на

деле это Ковтюх, человек, проявивший ум, военный талант и мужество: он вывел

Таманскую армию, прорвался из белого окружения. Зрители восхищаются талантом

этого человека и его бойцами - крестьянами и кубанскими казаками, которые

выходили из окружения со своими семьями. Спрашивается, где же Ковтюх? Что он

делал во время этой войны? Нет Ковтюха. Он тоже попал в число "врагов

народа" и был расстрелян. Можете себе представить? Если бы Ковтюх был жив и

возглавлял бы воинские соединения в борьбе с немцами, какую пользу принес

бы? Когда его арестовали, он имел звание комкора, крупное воинское звание.

Так разве только Ковтюх? А другие?

Они тоже погибли от руки Сталина как "враги народа".

Теперь всем им

вернули доброе имя. Это сделано после XX съезда партии. Но сейчас многое

замалчивается. Я считаю, что нужно не только вернуть, но и показать их всех

как мучеников террора, который проводился Сталиным под лозунгом борьбы с

"врагами народа". Чего же он стоит? Какой он гений? Какой же он "отец

родной" советского народа, каким его провозглашали на митингах и повторяли

это, где надо и где не надо? В литературе он тоже выведен "отцом родным".

Нет, прежний покров будет сорван, и Сталин будет показан перед советским

народом нагим, займет именно соответствующее ему место в истории.

Еще один крупный военачальник, тоже выходец из народа, - Федько. И его

тоже нет. В последнее время своей деятельности он командовал войсками

Киевского военного округа и стал заместителем наркома обороны. Потом был

арестован в 1938 г. и тоже погиб, как и другие честные люди, объявленный

"врагом народа". Я сейчас уже не помню, рассказывал ли я когда-нибудь раньше

об Иване Наумовиче Дубовом. Дубовой - выходец из пролетарской семьи. Его

**отец - донецкий шахтер с дореволюционным партийным стажем.
Мне говорили, что**

**во время Первой мировой войны Иван окончил школу
прапорщиков и стал**

**офицером. Потом началась Гражданская война, и вот он уже
заместитель**

**начальника дивизии, а начальником был Щорс. Я познакомился
с Дубовым позже,**

**на съездах Компартии Украины. Он всегда был участником
этих съездов.**

**Особенно близко я с ним познакомился в 1928 - 1929 гг., когда
работал в**

**Киеве, заведую орготделом Окружного комитета партии, а
Дубовой был**

**помощником командующего войсками Украинского военного
округа. Он очень**

**дружил с Николаем Несторовичем Демченко, секретарем
Окружного комитета**

**партии Киева. А я в свою очередь уважал этого человека,
часто с ним**

**встречался, выезжал вместе с ним в войска. Дубовой был
ближайшим другом**

**Якира. Я радовался, что вот такие у нас сейчас имеются
командиры в Красной**

**Армии, душой и телом преданные делу революции.
Советской власти и**

социализма.

**Когда же началось разоблачение "врагов народа", погибли
Якир, Тухачевский**

и другие, то спустя какое-то время Сталин разослал нам их "показания". Он

иной раз делал это. Редко, но рассылал. Читаю я эти "показания" Дубового.

Оказывается, они собственноручно написаны Дубовым. Он там писал, что убил

Щорса, так описывая место, где тогда вела бой дивизия, которой командовал

Щорс: "Мы со Щорсом лежали и наблюдали за боем. Вдруг пулеметчик противника

повел огонь в нашем направлении. Пули довольно хорошо ложились вокруг наших

бойцов. Мы тоже были под обстрелом этого пулемета. Я сзади был, а Щорс

впереди, он повернулся: "Ваня, Ваня, а у беляков-то пулеметчик хороший,

смотри, как он метко ведет огонь". Потом он еще обернулся и что-то хотел мне

сказать. Тут я убил его - выстрелил ему в висок. Убил, чтобы после него

самому занять его место, то есть получить командование этой дивизией".

Вы можете себе представить, насколько я был возмущен? Я уважал этого

человека, и вдруг он сделал такую подлость. Я ругал себя: каким же я

оказался слепцом, как же я мог не увидеть! Ведь когда я его знал, он уже был

убийцей Щорса! Теперь, после XX съезда партии, когда мы подняли архивы,

**взяли те дела, по которым людей объявляли "врагами народа",
расстреливали и**

**душили, я увидел, что все это были ложь и обман. Так я
оказался во второй**

**раз обманутым: в первый раз был ложный обман, когда я
считал Дубового**

**честным человеком, а он "признался" в своих преступлениях;
а вторично я**

**оказался обманутым уже убийцей этого человека, то есть
Сталиным.**

**Я вполне допускаю, что это были собственноручные
показания Дубового,**

**которые он сам написал и сам рассказал о своих
"преступлениях", признался в**

**убийстве Щорса - ближайшего друга. Тогда же я узнал, как
делали "врагом**

**народа" Мерецкова (11). Он тоже собственноручно написал
показания, в которых**

**признавался, что является английским шпионом, врагом народа
и прочее. Его**

**показаний я не читал, в 1941 г. Сталин уже не нуждался в том,
чтобы его**

**поддержали другие лица в руководстве, он просто сам вершил
суд и уничтожал**

**людей. Шла война; мне эту историю рассказал Берия, то есть
источник довольно**

**точный. Бывало, когда о ком-нибудь говорили как о стойком
человеке, Берия**

**высказывался так: "Слушайте, дайте мне его на одну ночь, и
он у меня**

признается, что он английский король". Уж он-то знал, как этого можно

добиться, да и не раз добивался. Тогда, при жизни Сталина, он только говорил

так, а позднее, когда мы подняли архивные материалы, арестовали и осудили

Берия, то увидели, какими методами он достигал своей цели.

Так вот, Берия еще при жизни Сталина рассказывал об истории ареста

Мерецкова и ставил освобождение его себе в заслугу: "Я пришел к товарищу

Сталину и говорю: "Товарищ Сталин, Мерецков сидит как английский шпион.

Какой он шпион? Он честный человек. Война идет, а он сидит. Мог бы

командовать. Он вовсе не английский шпион". Я и сейчас не могу понять, кто

же его арестовал? Берия валил все на Абакумова. Но кто этот Абакумов?

Человек Берии. Он в своей деятельности прежде всего отчитывался перед

Берией, а уж потом перед Сталиным. Следовательно, Абакумов не мог арестовать

Мерецкова, не посоветовавшись с Берией и без санкции Сталина. "И вот, -

продолжает Берия, - Сталин сказал: "Верно. Вызовите Мерецкова и поговорите с

ним". Я вызвал его и говорю: "Мерецков, ты же глупости написал, ты не шпион.

Ты честный человек, ты русский человек, как ты можешь быть английским

шпионом? Зачем тебе Англия? Ты русский, ты честный человек". Мерецков

смотрит на меня и отвечает: "Я все сказал. Я собственноручно написал, что я

английский шпион. Больше добавить ничего не могу и не знаю, зачем вы меня

опять вызвали на допрос". "Не допрос. Я тебе хочу сказать, что ты не шпион.

Ступай в камеру, посиди еще, подумай, поспи, я тебя вызову". Его снова увели

в камеру. Потом, на второй день, я вызвал Мерецкова и спрашиваю: "Ну что,

подумал?" Он стал плакать: "Как я мог быть шпионом? Я русский человек, люблю

свой народ и верю в свой народ". Его выпустили из тюрьмы, одели в

генеральскую форму, и он пошел командовать на фронт".

А теперь, когда я видел Мерецкова в последний раз, это был уже не

Мерецков, а его тень. Раньше он был молодой генерал, физически крепкий,

сильный человек, а теперь он еле ходит, "скрипит". Я узнал, что его в

очередной раз наградили в связи с 50-летием Советских Вооруженных Сил. Это,

конечно, награда по заслугам. Но здоровье-то отнял у него Сталин, и он из

честного человека был превращен во "врага народа", в
английского шпиона,

спасся чудом, и я не знаю, как это пришло в голову Берии.
Думаю, что он

хотел его вернуть в строй как талантливую полководца, хотел
вернуть его

армии, чтобы он делал свое дело, командовал войсками и
громил вражеские

полчища, которые вторглись в нашу страну.

Но Берия - это такая бестия. Не исключаю, что он мог так
поступить еще и

с дальним прицелом: ведь два века никто не живет, а
талантливый полководец

Мерецков вновь займет соответствующее место в
Вооруженных Силах в свое

время, сможет лично ему пригодиться. Берия был очень
коварен, и я не

исключаю, что с его стороны тут был шаг большой
политики, предвидение

возможности опереться на него и других "своих"
военачальников в будущем,

когда Берия будет нуждаться в этом.

Много потребовалось бы мне времени (да я и все равно не смог
бы), чтобы

перечислить всех, кто погиб в результате сталинского
вероломства и террора.

Впрочем, для моих воспоминаний этого, вероятно, и не
требуется. Может быть,

когда-нибудь, уже для наших потомков, историки покопаются

в архивах и

извлекут все на свет. Это все станет доступно, и они обнародуют тайные

факты, чтобы люди их знали и чтобы они не допустили возможности повторения

такого.

История иной раз повторяется, особенно вот в таких делах. Тут нельзя

благодушеествовать, нельзя считать, что это пройденный этап, который никогда

не повторится. Надо клеймить содеянную гнусность, надо разоблачать ее

авторов, надо не замалчивать событий, не приглаживать историю, а, наоборот,

поднимать и обострять чувство ответственности у народа, у партии, с тем

чтобы исключить повторение того, что было сделано Сталиным. Ведь Сталин

сделал с превышением то, о чем Ленин предупреждал, причем предупреждал очень

четко. Несмотря на его предупреждение, Сталин все-таки втерся в доверие

народа, а потом быстро вернулся к тем методам действий, о которых упоминал

Ленин, предупреждавший, что может произойти злоупотребление властью. Так и

случилось.

Возвращаюсь опять к тому, что если бы кадры, которые были обучены,

**выращены партией и прошли школу Гражданской войны,
остались бы в живых и**

**занимали в войсках соответствующие места, то совершенно
иначе пошло бы дело**

**при нападении Гитлера на Советский Союз. Недаром нам в
войну потребовалось**

**выдвижение новых командиров. Наверное, имели место две,
три, а где-то и**

**четыре смены командного состава. Я знаю людей даже пятой
смены. Многие из**

**них заслуженно вырывались вперед. Это были способные и
честные люди,**

**преданные Родине. Но им нужен был опыт, а опыт этот они
приобретали в ходе**

**войны за счет солдатской крови и материального ущерба для
ресурсов Родины.**

**Такое учение стоило огромного количества жизней и разорения
страны. В конце**

**концов мы выжили, победили, на собственных ошибках
научились командовать**

**по-настоящему и разбили врага. Но чего это стоило? Если бы
не произошло**

**того, что сделал Сталин, когда выдумал "врагов народа" и
уничтожил честных**

**людей, я убежден, что нам победа стоила бы во много раз
дешевле, если,**

**конечно, это слово морально допустимо с точки зрения оценки
количества крови**

**тех человеческих жизней, которые пришлось положить во время
войны. Все бы**

произошло значительно дешевле и гораздо легче для нашего народа.

Сейчас таких работ еще не написано, никто таким анализом не занимался.

Многие историки получают кандидатские и докторские ученые степени за анализ

событий, которые мало интересны. Иной раз смотришь: состоится защита

диссертации на такую-то тему, а тема достаточно сомнительная для науки.

Порою бывают такие темы. А вот провести бы ту работу, о которой я мечтаю.

Она еще ждет своих исследователей и, конечно, будет осуществлена, но,

видимо, не сразу.

Что касается наших прежних кадров, то полагаю, что, возможно, при их

наличии противник и не решился бы навязать нам войну. А если бы война

возникла, то велась бы действительно больше на чужой территории, чем на

нашей. Итак, умение использовать человеческие ресурсы, правильно

организовать войска, верно командовать, быть на высоте положения в военной

тактике и стратегии - одно из решающих условий победы. Но только одно.

Вторая сторона дела - экономика. Насколько развита страна экономически и в

какой мере экономика может служить базой механизации и вооружения армии, от

этого в современных условиях тоже зависит победа. Прошли времена, когда

князя выводили свои дружины с пиками, топорами, вилами и булавами драться с

врагом. Теперь налицо война механизмов, моторов, артиллерии, авиации, танков

и противотанкового оружия, инженерных войск. Она идет на земле и на воде,

под землей (мины, убежища) и под водой, в воздухе. Если одна сторона будет

владеть всем, что создали современная наука и техника, а другая станет

опираться только на мускульную и волевыми возможностями человека, возникнут

неравные условия.

Так имела ли Красная Армия эту инженерно-техническую материальную базу до

войны? Если нет, то возникает следующий вопрос: имели ли мы общую

возможность создать соответствующую военно-техническую базу, вооружение,

средства защиты и нападения? Без всяких колебаний я категорически отвечаю:

"Да, имели!". Наш народ, рассматривая окончание Гражданской войны как

передышку в борьбе с империалистами, стремился использовать ее, чтобы создать

**могучую индустрию, перестроить народное хозяйство,
пробежать в короткий срок**

**путь, который капиталистические страны проходили за десятки
лет. Наш народ**

**затягивал животы поясами, голодал и холодал, жил в нужде,
но не жалел**

**средств на создание такой индустрии и вооружение армии, с тем
чтобы враг не**

мог даже подступиться к нашим границам.

**Помню время, когда я вернулся с фронтов Гражданской войны
в начале 1922**

**года. Как только пришел, меня партийная организация
направила заместителем**

**управляющего рудниками Французской компании, туда, где я в
1912 - 1914 гг.**

**работал слесарем. А управляющим этими рудниками был мой
ближайший друг Егор**

**Трофимович Абакумов. Это не тот Абакумов, который был
министром внутренних**

**дел, а другой, который стал одним из руководителей угольной
промышленности**

**СССР. Тяжелое время переживали мы в 20-е годы. На рудниках
был голод, в 1922**

**г. отмечались отдельные случаи людоедства. А деревня еще
сильнее была**

разорена, чем промышленность. Вот какое возникло положение.

**Но народ поверил партии, потому что знал, что нам навязала
разруху наша**

собственная и мировая буржуазия, которая поддержала

контрреволюцию и

организовала интервенцию. Лозунги партии были понятны каждому неграмотному.

Мы тогда не только клали животы ради новой жизни, но иной раз брали грех на

душу и говорили, что в старое время, дескать, жилось хуже.

Грех потому, что хотя и не все, но высококвалифицированные рабочие в том

районе Донбасса, где я трудился, до революции жили лучше, даже значительно

лучше. Например, в 1913 г. я лично был обеспечен материально лучше, чем в

1932 г., когда работал вторым секретарем Московского комитета партии. Могут

сказать, что зато другие рабочие жили хуже. Наверное, хуже. Ведь не все жили

одинаково... Да, мы сознательно шли на лишения, потому что мы выжимали

буквально все ради раскручивания индустриализации. Надо было выиграть время.

Порой это требовало просто нечеловеческих жертв. Но и на это шел народ и

создал современную промышленность. Однако использовать эту промышленность

как следует мы не сумели. Наша армия оказалась к началу войны и без

квалифицированного командного состава, и без соответствующего вооружения,

необходимого для отражения наступления противника и

разгрома его еще на
границе СССР.

Думаю, что нашим историкам понадобится проанализировать
результаты потерь

не только военных кадров, уничтоженных Сталиным, но и в
народном хозяйстве.

Сколько же там погибло честнейших людей, партийных,
профсоюзных и других

работников промышленности! Тысячи и тысячи... Самые
квалифицированные люди

были загублены: директора заводов, главные инженеры,
начальники цехов,

секретари районных и городских партийных комитетов,
председатели рай- и

горсоветов, секретари первичных партийных организаций.
Погибли безвинно

сотни тысяч людей. Я, конечно, не смогу их перечислить, я могу
здесь назвать

лишь отдельных людей, из числа тех, которых знал.

Вот, например, Иван Тарасович Кирилкин - директор
Рутченковских рудников,

где я раньше был рабочим, а потом заместителем
управляющего. Как я уже

рассказывал, я поступил на эти рудники в 1912 году. Тогда они
принадлежали

французской компании, которая потом продала их (кажется,
"Брянскому

акционерному обществу"). После революции они стали
государственной

собственностью, и их называли Рутченковскими. Одно время они носили название

Краснотворческих, но это слово не прижилось. Их называли Рутченковские копи

по фамилии владельца местных земель, крупного помещика. Кирилкин был

управляющим этими рудниками в 1925 - 1926 годах. А потом Ивана Тарасовича

назначили директором Макеевских металлургических заводов, и он со знанием

дела руководил ими. А заводами, которые принадлежали раньше англичанину Юзу,

командовал Базулин, всем известный Вася Базулин, местный рабочий. Он неплохо

управлял этими заводами, опираясь на актив, на инженеров. А затем наступил

1937 год. Погиб Иван Тарасович. Я так и не нашел следов, где и при каких

обстоятельствах он погиб. Базулин тоже исчез с горизонта.

А в Москве сколько же директоров заводов, сколько инженеров погибло?

Только, бывало, и докладывают мне: вот, проглядели "врага народа". Партийная

организация бьет себя в грудь: Проглядели! Таких "врагов народа" набралось

столько, что уже и Орджоникидзе не смог переварить это и застрелился.

Покончил с собой честнейший человек рыцарского склада характера.

Как мне передавал в разговоре Анастас Иванович Микоян, перед тем как

застрелиться, Серго ходил с ним вечером по аллеям Кремля и говорил: "Не могу

больше, не могу мириться с тем, что творится. Бороться со Сталиным я тоже не

могу и не вижу сейчас возможности продлевать свою жизнь". И вот Серго

застрелился. А как же Сталин? Сталин этот случай ловко обставил по-своему. Я

в то время был секретарем Московского городского и областного комитетов

партии. В один из выходных дней мне звонит Авель Софронович Енукидзе и

говорит: "Товарищ Хрущев, приезжайте ко мне в Кремль. Срочный вопрос".

Приезжаю. Спрашиваю: "В чем дело?". "Умер, - говорит, - Серго". "Как умер? Я

его видел недавно". "Скоропостижно скончался. Вы же знаете, что он был

больной человек. Создана правительственная комиссия по организации его

похорон, и Вы входите в эту комиссию, а я в ней председатель. Мы должны

сейчас подготовить предложения для ЦК о порядке проведения похорон". Имелся

соответствующий трафарет для таких похоронных дел, мы быстро обсудили вопрос

и дали свои предложения. Не помню сейчас точно, но, кажется, я выступал от

Московского комитета партии на этих похоронах.

Я очень жалел Серго. Он пользовался большим уважением в народе, а мне

лично было его жаль еще и потому, что я чувствовал его хорошее, теплое

отношение ко мне. Серго ко мне относился с некоторым отцовским

покровительством, а я нуждался в этом, к тому же было приятно. Ведь всякому

человеку приятнее доброе слово, чем окрик или грубость, которые тогда были в

ходу... Похоронили. Я так и считал тогда, что Серго скоропостижно скончался

в выходной день. Говорили, что он позавтракал, прилег на диван и уже не

поднялся. Он действительно лег на диван, но застрелился.

Столько лет я и другие были обмануты на этот счет Сталиным. Зачем ему

понадобилось обманывать? Видимо, чтобы не будить лишних мыслей в головах

наших людей, почему такой человек, как Серго, ближайший к Сталину человек,

вдруг застрелился. Видимо, не от хорошей жизни? И это - человек, который

прошел через испытания подпольной борьбы, ссылок. А в годы, когда СССР на

подъеме, когда, казалось, только и надо, что работать да радоваться, вдруг

решил уйти из жизни и уничтожил сам себя. Значит, была

причина. Без причины

такой человек не мог умертвить себя, потому что это был коммунист высокого

толка и особого воспитания, с высокоразвитым чувством чести. Я так говорю,

опираясь на мнение и самого Сталина: беспринципный в вопросах морали, Сталин

его осуждал как раз за это. Когда я узнал, что Серго застрелился, мне многое

стало понятнее из того, что я слышал от Сталина о Серго: Сталин всегда

старался приуменьшить его роль в революции и в борьбе за развитие экономики

СССР.

А Завенягин Авраамий Павлович? Мой приятель, с которым я познакомился в

1922 г., когда вернулся из Красной Армии. Он тогда был в Юзовке секретарем

уездного комитета партии. Потом я пошел учиться в Юзовке на рабочий

факультет, а Авраамий Павлович поступил в Горную академию и с блеском ее

окончил. Это был интересный человек и хороший работник. Он трудился на

многих постах. Потом Орджоникидзе выдвинул его своим заместителем по черной

металлургии. И вдруг Завенягин исчез. Я обеспокоился, где же Авраамий? Ни

слуху ни духу. Но через какое-то время опять всплывает

Завенягин. Позднее он

стал заместителем Председателя Совета Министров СССР. Последняя его

должность (по совместительству) - министр среднего машиностроения СССР.

Иначе говоря, он занимался атомными делами. А умер он, пострадав от

облучения атомными зарядами. Где же пропадал в свое время Завенягин?

Оказывается, отбывал ссылку. Мне потом рассказывали, что Сталин его вызвал и

выразил ему свое недоверие: "Вот, Завенягин, на тебя есть показания". И

куда-то сослал его за тридевять земель (12). Там он трудился и отличился.

Честный был человек, с умением мог использовать свои знания и энергию.

Потом, правда, Сталин вернул его, и он опять стал работать в Москве.

Я сейчас и не решаюсь называть всех зря пострадавших по фамилиям.

Во-первых, я забыл фамилии многих директоров заводов, инженеров и

начальников цехов, которые были уничтожены в те годы в Москве. Их, наверное,

были тысячи. Во-вторых, просто не в курсе дела: где эти люди, куда

подевались? Но делаю такой вывод: если бы эти кадры не были уничтожены, а

**продолжали свою деятельность на пользу нашей страны,
создавая средства**

**производства и средства вооружения Красной Армии,
применяя разумно и со**

**знанием дела промышленный потенциал, то мы использовали
бы с толком все**

**условия, чтобы создать нужное вооружение и в нужном
количестве, так что**

**Красная Армия была бы обеспечена не хуже, а лучше немецкой.
Мы имели для**

этого все возможности.

**Хотел бы показать это наглядно. К примеру, мы сумели
создать нужное**

**количество вооружения уже в ходе войны, к середине 1943 года.
Как раз тогда**

**мы разгромили на Курской дуге крупнейшую армию
гитлеровцев, вооруженную до**

**зубов самым современным оружием. Я не припоминаю, чтобы
там в составе наших**

**наземных войск использовалось какое-то иностранное оружие,
если не говорить**

**об автомобилях. Я видел под Сталинградом отдельные
экземпляры английских и**

**американских танков, но советские танкисты по боевым
качествам всегда**

**ставили на первое место наши, отечественные танки,
особенно Т-34.**

**Артиллерия, пулеметы, винтовки, автоматы были нашими,
отечественными.**

Следовательно, смогли же мы создать замечательное оружие в нужном

количестве, чтобы вооружить нашу армию к середине 1943 года? Далее, мы

получали наше оружие в нарастающем количестве, хотя ранее оставили врагу

обширную территорию - Украину с Донбассом, Белоруссию, другие районы с их

заводами и сырьем.

Но и это еще не все. Мы лишились тогда промышленной, научной и

технической базы блокированного Ленинграда и эвакуированной Москвы - двух

центров индустрии союзного значения. Лишились мы Ростова, Воронежа,

Сталинграда, Северного Кавказа. Если сделать сейчас выборки из

статистических данных, то районы, которые оказались оккупированы немцами,

давали чугуна, стали, угля и нефти значительно больше половины всего их

производства в СССР. Вероятно, процентов 60 или 70, если взять металлургию.

И вот, лишенный всей этой базы, наш народ, вывезя кадры и оборудование,

какое успел, нашел возможность смонтировать это оборудование, порою на

чистом месте, где-нибудь в сараях, и наладил заново производство танков,

артиллерии, автоматического оружия, винтовок, пулеметов, мин, взрывчатки и

прочего. Колоссальная была проделана работа для того, чтобы дать армии все

необходимое.

В чем же дело? Почему не все успели сделать до войны? Как только

определилось, что война с фашистской Германией у нас будет, а это

определилось с приходом Гитлера к власти в 1933 г., мы должны были

непрерывно наращивать производство боевой техники и подготовиться к

неизбежной войне. В 1936 - 1939 гг., когда шла война в республиканской

Испании, мы стояли лицом к лицу со своим врагом, оказывая помощь

революционным силам Испании. Наши люди сталкивались там с немецкими и

итальянскими фашистами, которые воевали на стороне мятежника Франко. Но вот

наступил 1939 год. Был подписан договор Риббентропа - Молотова, как тогда

называли его на Западе. И Сталин сказал нам: "Обману, обману Гитлера".

Следовательно, он считал, что Гитлер все равно нападет на нас, но он-то

выиграет нужное время, подписав этот договор. Вместо того, чтобы сразу

столкнуться лбом с Гитлером и вызвать огонь на себя, мы подписанием этого

договора миновали опасный рубеж, создав условия для столкновения Гитлера

сначала с западноевропейскими странами. Это и был тот выигрыш времени, о

котором говорил Сталин.

Сталин именно так оценивал тогда сложившееся положение. Хочу думать, что

он его понимал как раз так. В таком случае он должен был приложить все

усилия, чтобы, подписав договор о ненападении, а затем новый договор - о

дружбе и границе с Гитлером, сейчас же развернуть работу нашей

промышленности, научных учреждений, конструкторских бюро по производству

требуемого вооружения, развернуть дело на полный ход, на все обороты. А мы

имели достаточно времени с 23 августа 1939 года по 22 июня 1941 года. Я

считаю, что это был прямой предвоенный период. Неизбежность войны была ясна

каждому, мало-мальски думающему человеку; стоял только вопрос времени. А

время определялось Гитлером. Нужно было использовать это время и максимально

развить производство средств ведения войны.

Если бы мы это сделали (беру 1939 г., 1940 г. и почти половину

1941 г.,

то есть 2,5 года, именно то время, за которое мы потом потеряли, отступая,

полстраны по промышленному потенциалу), то сумели бы раньше наладить выпуск

вооружения и заранее обеспечить армию всеми средствами ведения войны.

Значит, если бы мы с толком использовали полученную передышку, то к 1941 г.

имели бы то, что получили в 1943 г., и Красной Армии этого было бы

достаточно, и даже с лихвой, чтобы разгромить немцев еще на наших границах и

не допустить вторжения фашистских орд в пределы Советского Союза.

Конечно, мы не бездельничали, а трудились. Однако использовали передышку

не так, как следовало. Это знает история. Мне, близко стоявшему к армии,

хорошо известно, что, как только началась война, рабочие на Украине сами

пришли в ЦК партии и потребовали: "Дайте винтовки!". А я ничего не смог

предложить им, ибо винтовок не было, и обратился с этой просьбой к Москве.

Москва сказала (к телефону подходил Маленков): "Нет винтовок. Те, что были в

Москве, осоавиахимовские винтовки с дырочками, мы восстановили, заклепали

дырочки и отдали Ленинграду. А вы должны теперь ковать оружие сами. Делайте

ножи, пики и прочее". Можете себе представить? Немцы обрушились на нас с

такой боевой техникой, а нам говорят: "Куйте пики, куйте ножи, громите

врага, который наступает с танками". Только наш народ, наша армия, наша

партия смогли выдержать такое испытание! Несмотря на тяжелейшие условия,

армия сопротивлялась, отходя, но и при отходах перемалывала живую силу

противника и его технику. Тут шли в ход и бутылки с горючим, и мины, и

всякие другие выдумки, на которые пошел народ, защищавший свою родную землю,

честь и богатство.

А если бы мы полностью использовали передышку? Имел ли Сталин право,

игнорируя опасность, сохранять прежние темпы работы промышленности по

производству вооружения и на том же уровне, на котором она была до

подписания договоров с Германией? Нет, не имел такого права. Ведь он сам

сказал, что обманет Гитлера. Следовательно, был уверен, что Гитлер нападет

на нас. А раз нападет, нужно с толком использовать время, пока Гитлер завяз

на Западе, с тем чтобы развернуть производство средств уничтожения врага,

дать их в нужном количестве и создать резервы. Тут надо бы вставить цифровые

данные об уровне производства чугуна, стали, проката, развития

машиностроения. Цифр этих у меня под рукой нет.

Разумеется, сказанное не противоречит рассуждениям о том, что мы победили

с учетом помощи нам боевых союзников. Как не противоречит сказанное и тому,

что мы сами производили массу вооружения для разгрома врага. Не знаю,

получали ли мы артиллерию от союзников. По-моему, нет. Самолеты, автомашины

получали. Автомашинами мы не только оснастили армию, но даже после войны

поступило в народное хозяйство большое количество американских автомобилей.

Морской транспорт у нас в значительной степени тоже был американским. Часть

кораблей мы вернули США после войны.

В принципе же тот факт, что мы отступили далеко от границы и дали

противнику возможность занять и разорить Украину, Белоруссию, часть

Российской Федерации, явился результатом просчетов и неумелого руководства.

Вероятно, многие люди, которым доверили дело, были

достаточно примитивны.

Еще раз напомню о Кулике. Кулик, занимавшийся вопросами вооружения армии,

был именно примитивным человеком. Сталин потом его расстрелял. Повторяю в

который раз, что это было преступно, он не заслуживал расстрела. Но что

Кулик был недостойн назначения на столь высокий пост, несомненно. В этом я

давно не сомневался и говорил это Сталину еще до войны.

А теперь о технике. В 1940 г. танк Т-34 был уже принят на вооружение и

прошел нужные испытания. Раз мы находились в таком состоянии, что вот-вот

грянет война, надо было не на одном 75-м Харьковском заводе заниматься этим

танком, а сейчас же разработать массовую технологию, создать технологическое

оборудование, выделить ряд заводов и развернуть широкое производство Т-34.

Тогда в начале войны мы могли бы каждый месяц давать Т-34 столько, чтобы

обеспечивать минимальную в них потребность. У нас не было также достаточно

зенитных пулеметов, а уж пулеметы-то производить мы умели, да и

промышленность наша готова была дать их столько, сколько нужно. Хлопали

ушами.

Я уже говорил раньше, что после заключения договора о ненападении с

Германией Сталин поставил вопрос о строительстве новых заводов по

производству зенитных пулеметов. Заводы, конечно, не были выстроены к началу

войны, не построили их и во время войны. Производство таких пулеметов

перенесли на другие заводы, так что в дальнейшем потребности армии были

удовлетворены. Почему же это не было сделано в 1939-м, в 1940 году? Имелось

ведь достаточно времени. У нас не хватало и дивизионной артиллерии. Под

Сталинградом к нам приходили пополнения без пушек. Помню, прибыла дивизия

(при ней служил сын Долорес Ибаррури) не только без артиллерии: она не была

даже вооружена в должном количестве пулеметами. Кто отвечает за это?

Говорят, Сталина подвели. Значит, когда Сталин уничтожал военные,

хозяйственные, партийные и научные кадры, интеллигенцию, это подсказывал ему

его гений? А то, что он допустил, чтобы наша армия не имела в начале войны

нужного количества винтовок, не говоря уже о другом вооружении, тут его

подвели другие. Отчего же столь неодинаковый подход к оценке гениальности и

провалов вождя?

Я же считаю, что случившееся - преступно. Тут проявляется моральное

потворство, рабская психология: все прощать сильному и искать слабого,

который "подвел" сильного, чтобы слабого бросить в мясорубку, вдобавок к

тому, что этой мясорубкой уже было раньше уничтожено. Думаю, что партия

сделает правильные выводы и завершит то дело, которое было начато на XX и

XXII партсъездах; что будут названы все виновные и таким образом правильно

проинформирована советская общественность, с тем чтобы не допустить в

дальнейшем повторения этого. Вот мое мнение о наших поражениях в первые годы

войны, наших потерях, нашем отступлении. Поражения, которые как бы

готовились "в союзе" с Гитлером. Гитлер использовал подозрительность,

недоверие и вероломство Сталина и подбросил ему материалы о том, что наши

известные военные - немецкие агенты. Сталин поверил, и заработала машина

истребления. Так враг сумел лишить нас военных кадров. А мы ему в этом

помогли. Высшего накала уничтожение честных советских людей достигло в 1937

г., том единственном предвоенном году в рамках пятилеток, когда промышленный

план не был выполнен. А Гитлер учел задержку в развитии нашей

промышленности, готовясь к войне с СССР.

Сталинисты (эта кличка станет позднее, я знаю, самой оскорбительной,

самой ругательной) сегодняшнего дня лакируют Сталина как гения и как вождя.

Это вреднейшие люди. Они, вольно или невольно, не только прикрывают

преступления, которые были совершены, но и прокладывают путь в будущее таким

же методам, которыми пользовался Сталин. Открыл это "движение" сталинистов с

середины 60-х годов маршал Захаров. По его пути идет маршал Конев, а за ними

плетется в хвосте Гречко на своих длинных ходулях. Это позор!

У Захарова мог иметься какой-то личный осадок по отношению ко мне, хотя у

меня никогда не было с ним столкновений и я никогда ему не сказал ни одного

плохого слова во время войны, да и от него не слышал. Уже в 1960-е годы я

действительно говорил Малиновскому, что надо Матвея Захарова освободить от

обязанностей начальника Генерального штаба. Но ведь я это не сам сделал

единолично. Боже упаси! Когда я возглавлял руководство

страной, то все

**вопросы проводил через заседание Президиума ЦК, все
важные решения**

**обсуждались и с этим предложением все согласились. Чем я
мотивировал?**

**Возрастом и физическим состоянием человека. Нельзя
оставлять начальником**

**Генерального штаба человека, который на заседании через пять
минут после его**

**открытия клюет носом или просто спит. Как же можно доверять
оборону страны**

**людям, которые физически изнашивались? Это не их вина. Возраст
есть возраст.**

**Держать в должности людей, которые физически не могут с
должной энергией**

**работать на пользу армии, нельзя. Поэтому я и сказал, что
надо найти**

**Захарову другой, тоже почетный пост. И он был назначен
начальником Академии**

**Генерального штаба. Это не только почетно, но и
ответственно: создавать**

**кадры, учить людей. Там его возраст не мешал, ибо там
преподает ряд**

**профессоров, преподавателей, да и он сам, человек знающий,
грамотный,**

**честный и преданный, понимал, какие отдавать
распоряжения. Видимо,**

**человеческая обида иной раз заглушает разум и лишает
возможности правильно**

**уразуметь акцию, которая не обязательно является приятной.
Но надо же**

понимать, что осуществляется в интересах дела!

**Его преемником назначили маршала Бирюзова, который
погиб, когда летел с**

**делегацией в Югославию. Захаров был выше его по уровню
военных знаний, зато**

**Бирюзов - моложе и энергичнее. Сейчас Захарова вернули на
прежний пост.**

**Считаю, что эту комбинацию произвели за счет интересов
страны, за счет**

**улучшения руководства, за счет улучшения работы по
подготовке армии. Потому**

**что, увы, стар товарищ Захаров. А почему такую позицию занял
Конев? Конев -**

**это человек особого склада ума и особого характера. Он
единственный из**

**крупных военачальников, кто "откликнулся" на материал,
который был разослан**

**Сталиным по делу "врачей-вредителей", арестованных под
конец жизни Сталина.**

**Конев в ответ на эти псевдоматериалы прислал Сталину
письмо, в котором**

**солидаризировался с разосланной фальшивкой, хотя это была
липа. Он укреплял**

**Сталина в мысли о правильности ареста врачей и даже
подтверждал это на**

**примере собственной персоны, что его вроде бы врачи тоже
неправильно лечили.**

Это просто позор для честного человека! Не могу примириться с тем, как это

мог культурный человек согласиться с бредом, который был выдуман Сталиным.

Потом все рассеялось, как дым. Никаких преступлений не было, и все эти люди,

крупнейшие врачи, освобождены.

А Гречко? Это - КВД (то есть куда ветер дует). Я много приложил усилий,

чтобы его приподнять. Тот же Конев упрекал меня, что Хрущев

покровительствует Гречко, выдвигает его, поддерживает его, что именно Хрущев

предложил присвоить ему звание Маршала Советского Союза уже после войны, и

пр. А потом с Гречко произошло удивительное превращение! Я многих видел,

перед моими глазами прошел не один Гречко, и могу сказать, что в ряду

людей-хамелеонов он тоже типичный хамелеон. Да, господа хорошие, какой бы вы

пост ни занимали, какие бы у вас ни имелись личные заслуги, нельзя

становиться на ложный путь, история этого не прощает. Вы только оставите

неверную память по себе, потому что не были честны перед самими собою и

вводили в заблуждение народ, прикрывая злоупотребления Сталина и обеляя его

тем фактом, что наша страна ведь победила!

**Да, народ добился победы, партия добилась ее. А Сталин?
Сталин в своих**

**идеях, в своем мировоззрении, понимании дел был, конечно,
партийный человек.**

**Но его методы, формы работы основывались на уничтожении
людей, расстрелах,**

**пытках, вымогательствах признаний в несуществующих
преступлениях. Не может**

**возникнуть двух мнений в оценке личной деятельности
Сталина, подробности**

**которой выявились в полной мере уже после его смерти.
Многие стороны этой**

**деятельности заслуживают морального осуждения, а может
быть, и суда истории.**

**На этом хочу закончить свои воспоминания о ярком периоде
борьбы нашего**

**народа за преобразование нашего общества на социалистических
началах.**

**Мы добились больших успехов в строительстве, создании
могучей индустрии,**

**перестройке сельского хозяйства, подъеме культуры, науки,
искусства. Народ**

**пробудил свои силы и создал такую сильную державу, какой
является Советский**

**Союз. Сегодня мы не слабее любой страны. Хотя
промышленность США сильнее**

**нашей, но наши Вооруженные Силы вооружены не хуже, а
может быть, даже лучше**

американских. Пусть это будет серьезным предупреждением для всех

авантюристов, милитаристов и агрессоров. Если они развяжут войну, то такая

война выйдет им боком. Я не говорю о каких-то европейских противниках СССР,

таких, как Западная Германия. В сравнении с нами любая страна Европы без США

- просто нуль. Сейчас никакой здравомыслящий человек, как бы он ни был

ослеплен ненавистью к Советскому Союзу, не может думать об агрессии против

СССР. Вот дальнейшее последствие победы Октябрьской революции в 1917 году.

(1) МОНТГОМЕРИ Аламейнский Бернард ЛОУ (1887-1976) - виконт, фельдмаршал

британских войск. С 1942 г. командовал в Северной Африке 8-й армией,

нанесшей поражение германским и итальянским войскам под Эль-Аламейном.

Командующий группой армий в 1944-1945 гг. во Франции, Бельгии и Германии. До

1948 г. возглавлял Генеральный штаб. В 1951-1958 гг. являлся заместителем

главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе. В описываемое время

был главнокомандующим британскими оккупационными

войсками в Германии. Из

советских орденов был награжден, помимо ордена "Победа" (см. ниже), также

орденом Суворова 1-й степени.

(2) С июля 1942 г. прекратилась отправка кавказских нефтепродуктов по

железной дороге через Ростов-на-Дону, затем через Сальск - Сталинград.

Нефтепродукты из Краснодара и Грозного вывозились железнодорожными

"вертушками" через Махачкалу и далее морем в Астрахань. Позднее они шли

через Красноводск и оттуда, круглым путем, через Среднюю Азию на Урал и

Волгу. Из-за этого цистерны на кавказских линиях простаивали. К августу 1942

г. по кавказским линиям поступало в страну 48% всего налива горючего, по

окончании боев за Сталинград зимою 1943 г. - лишь 17%. Удельный вес значения

кавказских пунктов налива упал втрое. В Махачкале цистерны без колес,

спущенные прямо в море и для равновесия частично заполненные водой,

буксировались в Гурьев или Красноводск, а тележки с колесами грузились на

сухогрузные баржи либо буксирные пароходы.

(3) 1940 г. из выплавленных в СССР 18,3 млн. тонн стали на долю Украины

пришлось 8,6 млн. тонн. Но в первой половине 1941 г. темпы роста выплавки

возросли и в УССР, и по стране в целом. Из 166 млн. тонн общесоветского угля

в 1940 г. на Украине добыто 83,73 млн. тонн.

(4) МАЛЫШЕВ В.А. (1902-1957) - генерал-полковник инженерно-технической

службы с 1945 г.. Герой Социалистического Труда с 1944 г., являлся с 1941 г.

наркомом танковой промышленности.

(5) МАКМИЛЛАН Г. (1894-1986) - лидер консервативной партии в 1957-1963

годах. Тогда же был премьер-министром. С середины 60-х годов он возглавлял

крупную издательскую фирму.

(6) Мариуполь стал Ждановом в 1948 г., теперь вновь Мариуполь. Речь идет

о заводе, построенном в 1897 г. Никополь-Мариупольским горным и

металлургическим обществом.

(7) Эту операцию осуществляло Советское транспортное управление в Иране с

февраля 1942 года. Американская военная администрация отвечала за участок от

Персидского залива до Тегерана по железной дороге и до Казвина по шоссе, а

далее на север действовало СТУ. Самолеты, поставляемые союзниками,

перегоняли в СССР два советских перегоночных

истребительных авиаполка. Всего

с 1941 по 1945 год общий оборот грузов через Иран в СССР составил (с учетом

перевалки) 10,5 млн. тонн. Эксплуатацию и ремонт дорог, по которым

перегонялись автомобили и другие союзнические грузы, обеспечивали советские

ВАД (то есть "военно-автомобильные дороги" - подразделения дорожных войск).

(8) Речь идет об обращении Черчилля к Сталину от 6 января 1945 года.

Советское наступление в Восточной Пруссии и Польше началось 12 января.

Планировалось же с 20 января.

(9) Япония применяла некоторые виды бактериологического оружия против

монгольских и китайских войск.

(10) Речь идет о командарме 2-го ранга КОРКЕ А.И. (1887-1937).

(11) МЕРЕЦКОВ К.А. находился под следствием с конца июня по конец августа

1941 года.

(12) В Норильск, где Завенягин являлся начальником строительства и

директором горно-металлургического комбината.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сейчас на дворе 1969 год, и я хочу продиктовать свои воспоминания об

окончании войны, о победе над Японией, о том, как непросто складывались

послевоенные отношения с этой страной.

Потерянные в результате Русско-японской войны 1904 - 1905 гг. права на

собственность в Маньчжурии и Корее вернулись к нам. Та война закончилась

поражением царской России, и Япония навязала, как известно, кабальный мирный

договор (1). Соответствующие пункты, касающиеся нас, были включены сначала в

текст Сан-Францисского мирного договора с Японией, но без учета всех

предложений СССР, и мы в 1951 г. не подписали его. Очень трудно, на мой

взгляд, найти какую-то логику в нашем подходе к заключению мирного договора.

Имело значение одно: нам нужно было признать, что главные усилия для

разгрома Японии были приложены США. Этот факт понятен каждому знающему факты

и мыслящему человеку. В результате вероломного нападения со стороны Японии

именно США понесли главные потери, хотя были затронуты

также интересы

Англии, Нидерландов и других стран европейских колонизаторов: Япония

захватила некоторые колонии этих стран. Не нам переживать за это. Что

касается нас, то на протяжении всего времени вплоть до Второй мировой войны

Япония проводила враждебную политику в отношении СССР. И не только

враждебную, а наглую, вымогательскую, нетерпимую. Мы же тем не менее

вынуждены были терпеть. Кроме того, мы понимали, что дело не только в

Японии: милитаристская Япония действовала на Востоке, нацистская Германия -

на Западе. Надо было вести дипломатическую игру, лавировать, чтобы

обеспечить мир и не вызвать противников на войну. Нельзя было допустить

войну СССР на два фронта: на Западе и на Востоке. Мы были тогда еще слабы

для такой войны. Даже в 1945 г. мы соблюдали трехмесячный интервал. Впрочем, я

никогда не слышал от Сталина (он не рассказывал этого при мне), как

конкретно был оформлен договор СССР с союзниками о нашем участии в войне

против Японии после разгрома гитлеровской Германии.

Когда этот момент наступил, наши войска перешли

маньчжурскую границу.

Главнокомандующим этими войсками был назначен Василевский. Фронтами

руководили Малиновский, Мерецков, Пуркаев. Больше других дали войск

Малиновскому. И мы разгромили Квантунскую армию Японии. Правда, после того,

как Япония уже была, собственно, разбита, ибо на нее были сброшены

американцами две атомные бомбы. Япония металась в предсмертной агонии и

искала возможность как-нибудь выйти из войны. Буквально в последний месяц

событий и мы включились в войну с нею. Я присутствовал в Москве при

разговоре, когда Сталин торопил военачальников как можно скорее начать

операции против Японии, иначе она капитулирует перед США и мы не успеем

включиться в войну. У Сталина были тогда сомнения, станут ли американцы

держат данное ими ранее слово. Думал, что могут и не сдержать. Обговоренные

между нами условия были таковы: мы получаем территории, которые были

отторгнуты от России Японией в войне 1904 - 1905 гг., если сейчас станем

участвовать в этой войне с Японией. А если не будем участвовать? Если еще до

**нашего вступления в войну Япония капитулирует?
Складывается другая ситуация,**

**так что американцы могут пересмотреть обязательства, которые
они нам дали.**

Скажут: вы не участвовали, и мы вам ничем не обязаны.

**Если бы оставался жив президент Рузвельт, у Сталина было
бы больше**

**надежд. Рузвельт был умным руководителем и считался с
Советским Союзом. С**

**ним Сталин не раз делал дела, и у них сложились. как говорил
сам Сталин**

**(видимо, так оно и было), хорошие личные отношения. Они
были куда лучше, чем**

**взаимоотношения с другим нашим союзником
Великобританией и лично с ее**

**лидером Черчиллем. Но Рузвельта летом 1945 г. уже не было в
живых, он умер**

**весной, а войну с Японией завершал Трумэн. Трумэн был
неумный человек и стал**

**случайно президентом. Он вел разнузданно реакционную
политику, а в отношении**

Советского Союза его политика стала потом просто нетерпимой.

**Когда Япония капитулировала, я сейчас точно не могу
вспомнить, но наш**

**представитель, кажется, в этом не принимал участия, он
прибыл только на**

**официально-парадную церемонию подписания капитуляции. И
это не случайно. Мы**

ведь не воевали на тихоокеанских островах, если не говорить о

Сахалине и

Курилах; наших войск там никогда не было. Наши претензии на решение

послевоенной судьбы Японии вызвали раздражение союзников по отношению к нам,

а Сталин, переоценивая свои возможности, отвечал им той же неприязнью. Одним

словом, отношения с США начали портиться. Нас нередко игнорировали, с нами

порой не считались, нас пытались третировать. Первым третировал нас Трумэн.

Это вытекало из его характера и умственных способностей. Умный президент не

вел бы себя так вызывающе и не восстанавливал бы Советский Союз против

Соединенных Штатов Америки.

Что касается территорий, то американцы, нужно отдать им должное, сдержали

свое слово. Когда проект мирного договора с Японией был составлен, мы тоже

получили там место для подписи. Соблюдение наших интересов было

предусмотрено, как и оговаривалось ранее протоколом, подписанным еще

Рузвельтом. Нам надо было подписать этот договор. Я не знаю, что сыграло

главную роль в нашем отказе: самолюбие Сталина, гордость за наши успехи во

Второй мировой войне или то, что Сталин переоценил свои

возможности и

влияние на ход событий. Но он закурил удила и отказался подписать договор.

Кому была выгода от нашего отказа? Правда, мы фактически территории Южного

Сахалина и Курильских островов получили. Наши войска стояли там, реализация

соответствующих пунктов договора как бы уже произошла. Но юридического

подтверждения она не обрела и не была закреплена в мирном договоре. Раз мы

не подписали договор, то и не сумели воспользоваться им для закрепления

принятых решений (2).

Сталин был недоволен, и справедливо недоволен, политикой Трумэна. Но одно

дело быть недовольным и другое - совершать неправильные действия, которые

наносят вред нашему государству. Нас пригласили подписать мирный договор с

Японией, а мы отказались. Сложилась неясная обстановка, которая тянется до

сих пор. Мне лично это совершенно непонятно. Тогда было непонятно и сейчас

непонятно. Сталин не советовался с нами, да и вообще не считался с другими

людьми. Он был слишком самоуверен. Тем более после разгрома нами

гитлеровской Германии. Тут, как раньше говорилось, он

изображал лихого

казака Кузьму Крючкова. Люди младшего поколения могут не знать этого

газетного героя. Во время Первой мировой войны был создан армейский герой.

Донской казак Кузьма Крючков. Изображали на иллюстрациях в журналах и

газетах, как он поднимал на пику сразу по 10 немцев. Лучше бы Сталин

изображал не его, а Василия Теркина, известного героя поэмы Твардовского,

если уж искать аналогию, а не точное сравнение. А Сталин изображал именно

Кузьму Крючкова. Ему море по колено, ему все нипочем. Что захочет, то,

дескать, и получит. Но в то время война уже кончилась. Главный враг, для

разгрома которого мы были нужны Западу, был разбит. Теперь Запад начал уже

мобилизовывать и сплачивать свои силы против Советского Союза. И когда мы

отказались подписать мирный договор с Японией, это не только не огорчило

былых союзников, но оказалось для них выгодным.

Были созданы Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии, которые

наблюдали за положением дел в этой стране после капитуляции японской армии

(3). В них были и советские представители, но мы занимали

там, на мой

взгляд, незавидное место, как нищий на свадьбе у богача.

Наши представители в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии

никакого влияния на ход событий не имели, американцы их третировали. Я

сейчас конкретного подтверждения не могу привести, факты выветрились из

памяти, но было так. Это нас раздражало, да и не только Сталина. Но ничего

не поделаешь, там первенствовали США. Не войну же объявлять им из-за этого?

Немыслимое дело! Да и возможностей таких у нас не было. Вообще из-за

подобного умные государственные деятели войн не объявляют. Однако отношения

между союзниками не только заморозились, но и все время накалялись.

А если бы мы дали ранее правильную оценку сложившихся после разгрома

японского милитаризма условий и подписали бы мирный договор, разработанный

американской стороной без нашего участия, но с учетом наших интересов, мы бы

сразу открыли в Токио свое представительство, создали посольство. Наши люди

имели бы контакты с японцами на новой основе. Наше влияние как-то возросло

бы. Думаю, что в те дни, когда только что был подписан

мирный договор,

существовали более хорошие условия установления контактов с прогрессивной

общественностью в Японии и доведения сути нашей политики до сознания ее

общественности, чем сейчас. Главной силой, которая разгромила Японию и

разрушила ее военщину, были США. Но своими действиями они нанесли

материальный и моральный ущерб Японии, особенно в результате применения

атомных бомб. Это было первое в истории такого рода зверство, совершенное

против человечества! А мы не использовали тогда выгодный момент, сами себя

изолировали и тем самым позволили агрессивным силам США натравить японцев

против Советского Союза. После того как наши представители удалились из

Японии, много лет мы не имели там никаких представителей. Это большая

потеря. Мы сами, проявив тупость, непонимание, создали наилучшие условия для

антисоветской пропаганды со стороны врагов как внутри Японии, так и в США.

Огромный пропагандистский аппарат, находившийся на Японских островах, был

нацелен против Советского Союза. Так поплатились мы за проявленное нами

совершенно необъяснимое упорство. Я и сейчас толком не пойму, чем оно было

вызвано.

Помню, уже после войны приезжала по какому-то случаю делегация из США.

Возглавлял ее государственный секретарь Бирнс (4). Я был в то время в Москве

и присутствовал на обеде, который Сталин дал в его честь. На этом обеде

присутствовал и лидер лейбористов Англии Бевин (5). Он раньше входил в

военный кабинет Черчилля. Влиятельный человек. В какой атмосфере проходил

обед? Сталин как хозяин стола объявлял тосты и при этом буквально третировал

Бевина. Мы позднее, когда обменивались мнениями, возмущались этим. Ведь

Бевин вышел из рабочих, он был шофером и докером. А когда Сталин за столом

делал в его адрес какие-то совершенно недопустимые намеки, предпринимал

булавочные уколы, Бевин стыдил Сталина: "Я первым поднял голос в защиту

Советской России. Это я организовал в свое время забастовку английских

докеров под лозунгом "Руки прочь от Советской России!". Так и было, он

говорил правду, об этом писали все газеты.

Чем было вызвано такое поведение Сталина? Трудно

объяснить. Думаю, что

**Сталин, как говорится, закусил удила, считал себя
вершителем мировой**

**политики. Поэтому он столь несдержанно вел себя в
отношении этого**

**представителя союзной страны, нашего партнера по войне.
Зато он очень**

**любезно держал себя в отношении Бирнса. Правда, его
любезность тоже имела**

**обратную сторону. Сталин, ухаживая за Бирнсом и говоря ему
всякие приятные**

**слова, в то же время позволял себе отпускать шуточки,
направленные против**

**президента США Трумэна. Это было совершенно недопустимо:
любезничать в лицо**

**с представителем Трумэна и поносить самого Трумэна.
Бирнс же как-то**

**"уворачивался", не принимал комплиментов в свой адрес. А
Сталин сравнивал**

**Трумэна и Бирнса в невыгодном для президента свете. Даже
Берия, когда мы**

**после обеда беседовали, возмущался: "Слюшай, как это можно,
как это можно?"**

**Ведь еще сегодня, как только Бирнс выйдет от нас, все станет
известно**

**Трумэну". Видимо, так и произошло. Трумэн как бы
подогревался нами в своих**

антисоветских настроениях и антипатии к Сталину.

После подписания мирного договора с Японией были

постепенно ликвидированы

органы, созданные для наблюдения за ней (6). Мы входили в них, пусть на

положении, не соответствующем статусу великой державы, но все же

присутствовали там. А после подписания мирного договора с Японией ею были

установлены обычные дипломатические отношения со странами, подписавшими

договор (7). Наши представители еще какое-то время пребывали в Токио, не

хотели уезжать оттуда, пользовались правом державы, которая тоже принимала

капитуляцию Японии. Наконец американцы попросили, чтобы мы ушли вон. Мы

сопротивлялись. В конце концов, наши люди были там буквально блокированы. Им

были созданы невыносимые условия жизни. И при этом они ничем, по существу,

не занимались, их никуда не пускали, с ними не считались. В результате наши

люди уехали домой.

Что же получилось? После разгрома Японии мы обрели то, что было утеряно

царской Россией. Наша честь великой державы была восстановлена. Наши войска

участвовали на завершающем этапе операций в разгроме японской армии, нам

надо было проявить трезвость: все-таки главные затраты и

материальных

**средств, и живой силы пришлось в войне с Японией на США.
Если сравнивать, то**

**мы меньше затратили в войне против Японии, чем американцы
и англичане при**

**разгроме гитлеровской Германии. Их вклад соответственно был
побольше, хотя**

**они тоже пришли к победе над Германией, уже завоеванной
СССР, завоеванной**

**кровью советских людей и истощением наших ресурсов.
Конечно, они, согласно**

**договору о ленд-лизе оказывали, нам существенную помощь.
Даже Сталин**

**признавал это в нашем кругу, я об этом несколько раз от него
слышал: "Если**

**бы нам американцы и англичане не помогли по ленд-лизу, то
мы бы одни не**

смогли справиться с Германией, мы слишком много потеряли".

**Почти каждый солдат знает, как шли дела в Маньчжурии под
конец Второй**

**мировой войны. Наши самолеты приземлились с десантом в
Мукдене, и был**

**захвачен в плен император Маньчжурии Пу И, ставленник
Японии (8). Одно это**

**само по себе говорит о том, в каком состоянии находился
противник. Император**

**не успел даже уехать из Маньчжурии и был захвачен нашими
солдатами, которые**

прибыли туда на транспортном самолете! Разве сравнимо это

с тем, что

происходило на германском фронте? Конечно, иное дело, что в других местах

Маньчжурии и мы пролили немало крови. А когда после подписания мирного

договора наших представителей, собственно говоря, выдворили из Японии, то

вплоть до самой смерти Сталина абсолютно никаких контактов с нею у СССР как

бы и не было. А это кому было выгодно? Произошло же это по нашей вине. Если

бы мы подписали договор, то завели бы в Японии свое посольство, имели бы мы

контакты с японской общественностью, налаживали бы торговые и деловые

отношения с японскими фирмами и предприятиями. А мы такой возможности

лишились. Вот то, чего как раз хотели американцы. Они желали, чтобы наших

представителей там не было, и вообще стремились изолировать нас. Эта

политика, впрочем, проводилась фактически с первых дней возникновения

Советского государства: вражеское окружение, интервенция, непризнание; но

теперь мы сами попались на эту удочку, в угоду агрессивным силам США. Да и

не только США, а и всех антисоветских сил в мире. Вот такое положение мы

создали по своему недомыслию в результате какого-то затемнения сознания и

переоценки собственных возможностей. Противник же наш, по тому времени -

США, этим воспользовался.

Когда мы после смерти Сталина, в середине 50-х годов начали расчищать

политическое поле и убирать осколки, оставшиеся после Второй мировой войны в

Европе и в Азии, то сразу столкнулись с еще не нормализованными отношениями

с Японией. У нас не было с нею никаких прямых контактов, и это наносило

ущерб нашей политике и экономике. Американцы же были представлены в Японии

не только посольством: они как оккупанты были там почти хозяевами, вели себя

нагло, строили базы, проводили антисоветскую политику, настраивали японцев

против нас. Одним словом, делали все, что диктовали оголтелые монополисты и

милитаристы, дышавшие ненавистью к странам социализма, в первую очередь к

стране, первую поднявшей марксистско-ленинское знамя борьбы рабочего класса

и добившейся больших успехов в этой области.

Хочу теперь рассказать, как мы решили ликвидировать это наследие

сталинских времен, убрав осколки ошибочной политики. Эту

политику Сталин

строил вместе с Молотовым. Внешнеполитические взгляды Сталина и Молотова -

это все равно, что взгляды Молотова и Сталина. Кто у них был первой

Скрипкой? Безусловно, Сталин. Но Молотов вторил ему, как мог, во весь голос.

Между прочим. Молотов - скрипач. Я не могу оценить, насколько хорошо он

играл на скрипке, но слышал, как он играл. Сталин иной раз подтрунивал над

ним в этой связи, иногда просто издевался. Когда Молотов был до революции в

ссылке в Вологде или еще где-то (9) (Молотов сам про это рассказывал, а я

был слушателем), то пьяные купцы в ресторан зазывали его. Он играл им на

скрипке, а они ему платили. Молотов говорил: "Вот был заработок". Сталин же,

когда раздражался, бросал Молотову: "Ты играл перед пьяными купцами, тебе

морду горчицей мазали". Тут я тоже, признаюсь, был больше на стороне

Сталина, потому что считал, что это унижало человека, особенно политического

ссылного. Тот играет на скрипке и ублажает пьяных купцов! Можно ведь было

поискать пути материального самообеспечения и другим трудом. Ну, ладно, это

попутно.

Итак, когда я поднял вопрос о ненормальном положении с Японией, то

разговаривал с Микояном, Булганиным, Маленковым и другими. Все мы в этом

вопросе оказались едины: надо искать пути, как поставить свои подписи под

мирным договором и таким способом официально ликвидировать состояние войны

СССР с Японией. Мы хотели иметь возможность послать в Токио посольство,

которое проводило бы необходимую работу в Японии. Только Молотов проявил

непонимание, выказал запальчивость и резкость, такие же, как при заключении

мирного договора с Австрией: "Как же так? Они и того не сделали, и этого не

сделали... Поэтому и мы не можем!". Одним словом, повторял все аргументы,

которыми прежде руководствовался Сталин, когда отказался поставить нашу

подпись под мирным договором. Мы Молотова убеждали: "Вячеслав Михайлович,

поймите же, чего сейчас мы можем добиться в создавшемся положении? Какое

может быть наше влияние в Японии? Поправить пройденное невозможно, старое

ушло невозвратно. Единственное, что еще можно поправить, - добиться, чтобы

приняли нашу подпись к протоколу мирного договора. Тогда все встанет на

должное место". Мы ведь, собственно, получили все, что было предусмотрено

протоколом. Наши интересы фактически учтены, и мы это уже реализовали.

Осталось единственное: мы все еще находимся юридически в состоянии войны с

Японией. Нет ни японского посольства в Москве, ни нашего в Токио. Кому

выгодно наше отсутствие в Токио? Надо же понимать, что выгодно это только

США. Они господствовали и ныне господствуют в Японии. Наше возвращение будет

выгодно прогрессивным японцам, а невыгодно американцам. Сразу же, как только

наше посольство появится в Токио, оно, как магнит, станет притягивать силы,

недовольные реакционной политикой. Так мы начали бы оказывать влияние на

политику Японии. Ведь в Японии, естественно, существует большое недовольство

американцами. Достаточно вспомнить о Хиросиме и Нагасаки! Больные люди,

которые облучились, но остались еще живы. Мертвые, конечно, недовольство

выражать не могут. А их родственники? Японцы ничего не могли тут поделать,

потому что были обессилены. Американцы после войны вели себя в Японии нагло,

**их солдаты проявляли грубость и насилия, всяческие
художества. Да и сейчас**

**это еще случается. "Поэтому, - говорил я, - если мы будем
упорствовать,**

**отказываться от поиска контактов и возможностей подписать
мирный договор,**

**который нас устраивает, то это подарок лишь американцам. Им
и желать более**

**ничего от нас, это самое лучшее: мы будем выражать
недовольство, а им**

**предоставим абсолютную свободу действий в проведении
политики. Они**

**восстанавливали Японию в еще большей степени против
СССР, указывая, что**

**советские захватили то-то и то-то, но не подписали мирный
договор; видимо,**

**имеют еще какие-то намерения... А никаких других особых
намерений даже у**

Сталина не было!".

**Вот с какими трудностями столкнулись мы и какую
оппозицию встретили со**

**стороны Молотова. Но она не вызывала у нас гнева, а мне было
просто жаль**

**Молотова. Я недоумевал: как же это можно? И этот человек
при Сталине**

**занимался вопросами дипломатии? Представлял столько лет
нашу внешнюю**

**политику в самых ответственных ситуациях? Был наркомом
иностранных дел и**

даже главой правительства? И такая ограниченность, такое непонимание

простейших вещей? Да, ограниченность. Я и сам удивляюсь, откуда такое? Если

с ним просто о чем-то разговаривать (а у меня даже дружеские отношения

сложились ранее с Молотовым), то видно, что умный человек. Поговорить с ним

доставляло мне удовольствие. О хороших отношениях, сложившихся у нас с

Молотовым, свидетельствует и такой факт. Я всегда называл его на "Вы":

"Вячеслав Михайлович, Вы". А он мне как-то говорит: "Слушай, давай перейдем

на "ты"? Будем называть друг друга по имени и перейдем на "ты". Я первое

время испытывал какую-то неловкость. Потом привык. Он особенно хорошо был

расположен ко мне после устранения Берии. Когда был дан обед в честь моего

60-летия в кругу руководства страны, то Молотов произнес там в мой адрес

очень дружескую речь, причем особенно подчеркивал мою роль и заслуги в

организации устранения Берии.

Не хочу играть в скромность, но скажу, что устранение Берии было

проведено своевременно. Если бы мы не сделали этого, то совершенно

**по-другому направлению развивались бы все события
внутренней и международной**

**политики Советского Союза. Этот изверг и палач расправился
бы со всеми нами,**

**и он уже был близок к такой расправе. Все убийцы, которые
выполняли его**

**тайные поручения, были уже собраны им в Москве и, видимо,
успели получить**

**или должны были получить задания. После ареста Берии эти
люди были названы**

**нам пофамильно. Я сейчас их фамилий не помню. Те события
очень сблизили нас,**

**потому что Молотов хорошо понимал Берию и знал, на что
тот способен.**

**Понимал, что, начни Берия действовать, головы Молотова и
Хрущева полетели бы**

**в первую очередь. Эти головы Берии надо было снять, чтобы
развязать себе**

**руки. Было бы пролито море крови, еще больше, чем при
Сталине.**

**Я отвлекся, чтобы рассказать, какие у меня были хорошие,
не просто**

**доверительные, а даже дружеские отношения с Молотовым.
Поэтому у меня лично**

**не было никаких причин быть недовольным Молотовым. Но
факты политики, столь**

**разное понимание простых вещей, истин для каждого, даже не
искушенного в**

**политике человека меня обескураживали. Казалось, и другого
выхода-то нет,**

нельзя найти другого решения. Конечно, лишь единственное решение бывает

полностью разумным, но могут быть и компромиссные решения. Компромисс с

учетом условий, в которых может быть проведено единственно правильное

решение. В данном же случае заключение мирного договора вообще не требовало

никакого компромисса. Отказ - это затемнение мозгов и проявление тупоумия. В

конце концов мы стали предпринимать дипломатические шаги к установлению

контактов с японским правительством. Нельзя было обойти США при этом, потому

что протокол-то находился там и от США зависела возможность подписания

договора. Когда мы сообщили, что хотим подписать мирный договор, США

отказались. Ведь протокол был составлен руками Америки, и там наша подпись

была, как говорят канцеляристы, уже заделана. Надо было только расписаться.

Но нам в этом отказали.

Японцы тоже вели линию против нашего подписания. Я говорю о японцах,

проводивших антисоветскую политику. Тогда именно они были у власти, те,

которые были угодны США. Америка фактически определяла подбор людей и

комплектование ими высших государственных органов в Японии и оказала

решающее влияние на японскую позицию. Естественно, японцы стали бороться

против пунктов мирного договора, фиксирующих переход Курильских островов и

Южного Сахалина к Советскому Союзу, а также против прочих выгод, которые

предусматривались в нашу пользу. Вот почему мы так и не получили возможности

подписать договор. Не захотели нашей подписи не японское правительство, ни

американское. Какую позицию занимала по этому вопросу Англия, у меня не

отложилось в памяти. Видимо, занимала подчиненную позицию, не решающую.

Антисоветская политика по японскому вопросу в это время определялась США. А

у нас отношения с США были тогда обострены до невозможности.

Казалось бы, простое дело: исправить ошибку, которая была совершена

Сталиным и Молотовым, проявить желание подписать мирный договор с Японией и

подписать его? На деле же оказалось, что одного нашего желания мало. И это

было понятно. Почему? Да потому, что недругам было выгодно, чтобы мы не

имели советского посольства в Токио, не имели возможности оказывать влияние

на японские общественность и правительство. Напротив, США развернули

активную деятельность по закреплению своих позиций в Японии. Были подписаны

договоры о военных базах (10). В резкой форме подтверждалось пребывание

американцев на территории Японии. После войны еще не остыли страсти, и США

наслаждались победой над Японией, а в 50-е годы Япония уже сама прикрывалась

силами США от Советского Союза. Главным врагом Японии стал Советский Союз.

Вот как обернулось дело!

Когда Молотов по вопросу о подписании мирного договора с Японией

буквально становился на дыбы, я его абсолютно не понимал, смотрел на него и

думал: "Что такое? Почему?". Потом, после принятия нами решения. Молотов уже

не возражал. Ведь существовало партийное решение. Но поняли он сам суть

дела или нет? Я никогда не возвращался позднее к тем неприятным разговорам.

Такой опытный дипломат, каким мы его считали, и вдруг оказал нашей стране

медвежью услугу. Мы же пресекли это, решив по-своему. А теперь жизнь

показала, что мы поступали правильно, хотя нам и не предоставили возможности

подписать мирный договор. Мы подписали декларацию о прекращении состояния

войны между Советским Союзом и Японией (11), и только. Юридически это можно

толковать как перемирие. Конечно, лучше, если бы мы имели подписанный нами

мирный договор. Правда, сейчас наши отношения нормализовались и развиваются

так, как развивались бы, если бы был подписан мирный договор, но юридическая

сторона дела остается прежней.

Итак, мы создали в Токио свое посольство и получили тут равные права с

другими странами, которые находятся в состоянии мира с Японским

государством. Таким образом, было восстановлено нормальное положение, стали

хорошо развиваться различные контакты, даже очень хорошо, я бы сказал.

Сейчас забыл фамилию японского премьер-министра той поры, либерального

человека (12). Когда он пришел к власти, то приехал к нам, в Советский Союз.

С ним приезжал, кажется, еще министр земледелия и рыболовства, не старый,

можно даже сказать - молодой человек, и очень активный. У нас состоялись

переговоры относительно возможности подписать все-таки мирный договор с

Японией. Я нетвердо сейчас помню, говорилось ли об этом с премьер-министром

или же с министром, хотя и очень влиятельным. Вспоминаю, но не могу

восстановить это в своей памяти, а к газетному источнику сейчас не в

состоянии обратиться.

Повели мы переговоры. Премьер проявлял много внимания к делу и прилагал

все усилия к тому, чтобы нормализовать отношения с СССР. Он был сторонником

подписания мирного договора. Но внутренние силы Японии, а самое главное,

влияние США, которые давили на общественность и на правительство Японии и

держали японскую внешнюю и внутреннюю политику в шорах, не позволили сделать

это. Японцы могли делать тогда только то, что им негласно рекомендовали

американцы. Правда, самым приездом японской делегации были заложены основы,

которые обещали принести хорошие плоды. Но, к сожалению, улучшение отношений

не получило дальнейшего развития. Реакционная сторона была сильна, а США

проводили политику изоляции СССР. Да и сейчас проводится эта агрессивная

антисоветская политика. Может быть, если бы тот премьер пожил бы дольше и

укрепился у власти, то общественное мнение Японии могло измениться. Но он

был уже стар и очень болен. По возвращении в Японию он вскоре умер. Таким

образом, его усилия по нормализации наших отношений, по фиксации новых,

хороших отношений подписанием мирного договора не увенчались успехом.

Во время его визита японской стороной был поднят также вопрос об уступке

нами двух небольших Курильских островов (13), непосредственно прилегающих к

Японским островам. Мы долго совещались тогда в руководстве СССР и пришли к

выводу, что стоит пойти навстречу желаниям японцев и согласиться с передачей

этих островов (сейчас не помню их названий), но при условии подписания

мирного договора Японии с СССР и выведения войск США с Японских островов.

Иначе было бы непонятно, просто глупо передавать эти острова такой Японии,

которая сама фактически находится под оккупацией. Несмотря на подписание

мирного договора, она как бы оккупирована войсками США. Мы бы передали

острова японцам, а США превратили бы их в свои военные базы. Мы хотели

одного, а получили бы другое. И поэтому мы сказали: "Поймите, что мы не

можем выполнить вашу просьбу. Когда будут выведены американские войска и

прекратится действие военного союза Японии с США, направленного против СССР,

тогда можно будет говорить о передаче вам островов".

Хочу сказать еще несколько слов, чтобы было понятно, почему мы решили

пойти в те годы на уступку Японии, точнее - тому премьеру, который приехал к

нам и проводил политику сближения и дружбы с Советским Союзом. Мы считали,

что такая уступка не имеет особого значения для СССР. Там лежат пустынные

острова, которыми пользовались только рыбаки и военные. Оборонного значения

при современной военной технике эти острова тоже не имеют. Когда мы получили

ракеты, которыми можно поражать врага на тысячи километров, острова утратили

значение, которое они имели ранее для береговой артиллерии. Экономического

значения они тоже никакого не имеют. По-моему, и никаких полезных ископаемых

там не было найдено. Зато дружба, которую мы хотели завоевать со стороны

японского народа, наша взаимная дружба имела бы колоссальное значение.

Поэтому территориальные уступки с лихвой перекрывались бы теми новыми

отношениями, которые сложились бы между народами Советского Союза и Японии.

Мы хотели усилить влияние этого премьера в японской внутренней и

международной политике, считали, что она должна развиваться в сторону

укрепления дружеских отношений с Советским Союзом. Вот главное, чем мы

руководствовались, когда решали этот вопрос. Я и сейчас полагаю, что это

было правильное решение, что оно сыграет полезную роль, если мы будем и

дальше развивать политику мирного сосуществования и крепить дружбу с

Японией. Правительства уходят и приходят, они меняются, а народы остаются.

Дело затянулось. Сейчас очередной премьер-министр Японии Сато (14) во

время своей поездки в США и встречи с президентом Никсоном достиг какого-то

соглашения о выводе американских войск. Непонятно, конкретно какая там

достигнута договоренность, но об Окинаве они договорились (15). Как это

осуществится на практике, надо еще посмотреть, не торопиться с выводами. Во

всяком случае, США не расстанутся полностью с территорией Японии, не выведут

целиком свои войска и не прекратят действие военного договора с Японией,

направленного против СССР. Тогда и наше упомянутое соглашение с

премьер-министром Японии, видимо, не будет реализовано. На этот счет я уже

ничего не могу сказать, потому что это вопрос той ситуации, которая сложится

в будущем, в процессе развития наших отношений с Японией. Это будет зависеть

и от позиции руководства Советского Союза, даваемых им оценок ситуации.

Но о том, что была допущена грубая ошибка, когда мы не подписали мирный

договор с Японией, свидетельствует многое. Когда в 60-е годы были испорчены

наши отношения с Китаем (я входил тогда в руководство страны), я узнал, что

Мао Цзэдун принимал какую-то японскую делегацию. Не помню, были ли это

промышленники или политические деятели. В беседе с Мао японцы подняли вопрос

об их претензиях к Советскому Союзу, в том числе о Южном Сахалине и

Курильских островах. Мао Цзэдун согласился с их претензиями: "Да, мы

поддерживаем вас. Ваши претензии имеют силу и законные основания".

Я познакомился с некоторыми материалами, опубликованными уже после

возвращения той делегации в Японию. Японцы публиковали в своей печати

сообщения о том, что Мао с пониманием отнесся к их национальным чаяниям, к

претензиям в адрес Советского Союза. Вот вам конкретные плоды нашей былой

ошибки. Конечно, возмутительный поступок со стороны Мао Цзэдуна. Он не

только не поддержал СССР, но натравливал общественность Японии на нас и

поддерживал их стремление отторгнуть от нас Курильские острова и Южный

Сахалин. Ведь Япония никаких исторических оснований к этому не имела. В свое

время, когда Россия была слаба, были учинены захваты, осуществленные

японцами (16).

Соединение усилий таких могущественных и богатых стран, как Советский

Союз и Япония, предоставило бы много возможностей расширения и углубления

наших связей, а на этой базе - расширения дружбы, укрепления братских

отношений между нашими народами. Японский народ потерял Окинаву, американцы

ее оккупировали. А обратный шаг с нашей стороны, возвращение Японии двух

островов, как мы считали, мобилизует общественное мнение Японии в пользу

дружбы с СССР и направит народные силы Японии против оккупантов, против тех,

кто втянул Японию в военный союз и преследует военные цели. Вот сумма

вопросов, которыми мы руководствовались, когда шли на такой шаг, думая, что

уступка, которую мы сделаем Японии, политически оправдана и окупится с

лихвой. И еще одно подтверждение тому же. Не случайно Мао Цзэдун вдохновлял

против нас японских политических деятелей, с которыми он беседовал, укреплял

их претензии к нам. Тут пошла борьба за то, чтобы Япония и Китай нашли

взаимопонимание хотя бы в тех вопросах, которые не служат мирным целям. Но

это проявились уже личность, характер Мао. Он, к сожалению, остался и

сегодня этому верен, вершит дела не в пользу социализма, а во вред братским

отношениям, которые сложились у нас с Китаем. Все народы СССР хотели бы их

восстановления. Думаю, что это сбудется, потребны только время и терпение.

Сейчас я, читая газеты и слушая радио, полагаю, что дипломатические

отношения СССР с Японией, экономические связи развиваются нормально. Мы

долго вели в свое время переговоры о прямом воздушном сообщении из Европы с

Японией по самому краткому маршруту, через воздушное пространство СССР. Нам

не удавалось решить вопрос. Уже в самом конце моей деятельности мы достигли

договоренности на базе какого-то суррогата, все же пришли к тому факту, что

полеты состоятся, но на наших самолетах и под нашим контролем (17). И здесь

тоже на японцев давили США, они не хотели этого. Но существовало и другое:

нас самих сдерживали навязанные нам во времена Сталина практика и

неправильное понимание вещей. Вот скажут: "Опять на Сталина все валят!".

Нет, я не валяю. Нужно ведь признать: столько лет мы воспитывались в духе

того, когда даже малейшее послабление казалось недопустимым. Как это так:

иностранец поднимется в воздух и пролетит через Советский Союз? Надо будет

пролететь через СССР буквально от восточной его границы до западной. Мы

считали, что зарубежные разведчики буквально вывернут нам нутро, все будут

знать о нас. Конечно, мы тоже смотрели тогда на вещи упрощенно. Сами же

осуждали Сталина, а смотрели его глазами, руководствовались его практикой и

его ложным, неправильным, больным пониманием событий. Надо беречь

суверенитет. Надо не давать возможности разведчикам империалистических

**держав работать против нас, эта мысль всегда свежа и
правильна. Но нужно**

**все-таки иметь и чувство меры. Разведчики останутся, пока
существуют разные**

**социально-политические и экономические устройства в
государствах, пока мир**

**будет разделен, как сейчас. Пока существуют
антагонистические общественные**

**устройства, сохранится их борьба, и разведки будут стремиться
делать свое**

**дело. Здесь, как говорится, надо "держать ухо востро". Но это не
значит, что**

**мы должны пойти на самоизоляцию, которая выгодна
только крупным**

**капиталистическим державам, лидерам западного мира вроде
США. Вот что я**

**хотел сказать. Думаю, что эта тема представляет общий интерес,
ибо речь идет**

о значительных вехах в развитии наших отношений с Японией.

**Япония сегодня - третья страна в мире по размерам
производимой продукции.**

**Она стоит сразу же за СССР и довольно быстро развивает свою
экономику. Так**

**что с Японией надо считаться и надо прилагать усилия к
созданию между нами**

**нормальных отношений, насколько возможно их создать
при различном**

**социально-политическом устройстве. Японии выгодно
укреплять экономические и**

дипломатические связи с нами, это бесспорно, потому что мы - самая близкая к

Японским островам страна, к тому же богатая природными ресурсами, в

значительной степени могущая удовлетворять запросы промышленности Японии в

сырье. Например, когда я входил еще в руководство, японцы проявляли особый

интерес к нашему лесу. Скажут, что немудрено. Япония нуждается в сырье, а мы

нуждаемся в покупателе и в товарах, которые может нам поставлять Япония. Да,

японцы предложили тогда: мы вам поставим оборудование по переработке леса,

выработке целлюлозы и получения на основе полученной целлюлозы пряжи из

искусственного волокна. Оно по техническим характеристикам было бы наилучшим

для производства корда автомобильных покрышек из всего, что производится за

границей. Условия действительно выгодные и для той, и для другой стороны.

Они нам поставят в кредит все оборудование. После его монтажа на Дальнем

Востоке мы должны будем платить им целлюлозой из перерабатываемого леса. Что

может быть более выгодно? Проценты тоже, как говорится в капиталистическом

мире, были божеские. Да и другое сырье мы могли бы поставлять в Японию.

Япония вообще очень интересная страна, с сильно развитой промышленностью.

Я это повторяю сейчас с осадком горечи. Ведь если принять во внимание, что

Япония была разбита в войне, не имеет природного сырья и обладает гораздо

меньшим населением, чем мы, то как оценить, что она так шагнула вперед не

только в производстве промышленных товаров, но и в технике, в производстве

тончайших и точнейших приборов? Не знаю, на каком уровне они сейчас

находятся в оптике, но в конце моей деятельности Япония занимала тут одно из

первых мест (может быть, самое первое место в мире). Помню, как наши

инженеры-оптики ездили в Японию, привезли оттуда образцы продукции и нам

показывали. Наши специалисты смотрели раскрывши рты. Я спросил: "Сколько это

стоит?". Услышал ответ: "Ничего. Это просто дали нам в подарок". Тогда я

сказал: "Если это дали в подарок, так имейте в виду: то, что они нам дали,

уже снято с производства. Никогда фирма не даст образцы, которые сейчас

по-новому находятся в производстве, потому что это может создать конкуренцию

их фирме".

Все это вполне закономерно: конкуренция, прибыль! Да, многое

свидетельствует, говорит о том, как далеко шагнула техническая мысль в

Японии. А транзисторные приемники? Японские считаются самыми лучшими.

Говорят, с ними конкурируют западногерманские. Тоже ведь разрушенной была

страна! Все это заставляет нас подумать об организационных формах, о работе

наших научно-исследовательских институтов и многом другом. Видимо, здесь

существует у нас какой-то большой дефект. Количество инженеров и ученых,

если подходить к делу чисто арифметически, у нас, видимо, не меньше, чем в

Западной Германии и Японии. Статистика гласит даже, что мы выпускаем во

столько-то раз больше инженеров и техников. А сколько у нас докторов и

кандидатов наук? Тем не менее результаты технической и научной мысли, на

основе которой создаются прогрессивные машины и приборы, приходится

приобретать за границей. И сейчас остается такое же положение. Это

заставляет нас думать, и не только думать, а хорошенько проанализировать

ситуацию, чтобы поправить дело.

Победа будет за тем общественным строем, который сумеет лучше

использовать возможности научно-исследовательской мысли и

инженерно-конструкторских усилий. Кто обеспечит наивысший уровень

производства и самую высокую производительность труда, тот и победит.

Материальные блага, которые может получить человек при той или другой

общественной системе, капиталистической или социалистической, определяются

уровнем развития науки и техники, инженерной мысли, станочного оборудования

и приборов, увеличивающих производительность труда. Я не скрываю, что говорю

это с завистью: мне и завидно, и обидно, что мы, прожив уже 52 года после

Октябрьской революции, хотя достигли огромных успехов и преобразили свою

страну, до сих пор не можем похвастать передовыми позициями в технике и

науке. Наша техника и наука сделали невероятно большой шаг вперед. Но все же

ученые, наверное, лучше меня знают и чувствуют, как подпирают нас ученые

капиталистических стран. Это не какое-то свойство социалистических или

капиталистических условий. Никак невозможно согласиться с тем, что

капиталистические порядки создают лучшие условия для развития науки и

техники. С этим я не смогу согласиться. Нет, имеются какие-то у нас

организационные дефекты, которые нужно нащупать и устранить, чтобы мысли

ученых реализовались и были поставлены на службу социалистическому обществу.

Интересы японского народа созвучны интересам советского народа. Если бы

Япония стала дружественной страной по отношению к СССР, то она от этого

только выиграла бы и экономически, и политически. Сейчас действующий договор

Японии с США преследует главным образом военные цели. Такие договора ведут к

истощению материальных ресурсов страны и могут вовлечь Японию в военную

катастрофу, более ужасную, чем пережил японский народ во Вторую мировую

войну, когда на него свалились две атомные бомбы. Ведь если разразится

война, неизвестно, сколько и каких бомб обрушится на Японские острова. Что

останется тогда от Японии? Дружба же с Советским Союзом, устранение с

Японских островов военных сил США принесли бы облегчение. Создались бы

возможности использования природных ресурсов для развития экономики,

повышения жизненного уровня народа. Япония обрела бы возможность получать

сырье из соседней страны, находящейся под боком у нее: лес, нефть, газ,

руду, уголь. Многие еще можно назвать.

(1) Портсмутский договор, заключенный 5 сентября 1905 г. (н.ст.) в г.

Портсмуте (США).

(2) СССР предложил 8 новых статей в дополнение к 27 американским, но их

не обсуждали. Договор был подписан, без СССР, 49 странами в Сан-Франциско 8

сентября 1951 года.

(3) Они были образованы после Московского совещания министров иностранных

дел СССР, США и Англии 16 - 26 декабря 1945 года.

(4) БИРНС Дж.Ф. являлся государственным секретарем США с июля 1945 по

январь 1947 года.

(5) БЕВИН Э. В юности рассыльный, вагоновожатый, продавец и шофер,

руководил позднее профсоюзом докеров, транспортников и чернорабочих. Был

одним из лидеров Совета действия в Англии, который в 1919 - 1920 гг.

выступал против антисоветской интервенции. В военном

кабинете У. Черчилля он

являлся министром труда и национальной повинности.

(6) Американцы распустили их 25 апреля 1952 года.

(7) Это произошло после официального прекращения оккупации Японии 28

апреля 1952 года.

(8) 18 августа 1945 г. в Шэньяне (Мукдене) советский десант захватил в

плен Генри Пу И вместе с японскими генералами Ёсиока и Хасимото.

(9) СКРЯБИН В.М. (Молотов) находился в ссылке в городах Вологодской

губернии - Тотьме, Сольвычегодске и Вологде в 1909 - 1911 гг.

(10) Там возникли 282 такие базы. 28 февраля 1952 г. было подписано

Административное соглашение, регулирующее порядок применения Договора

безопасности. 28 апреля 1952 г. вступил в силу Пакт безопасности. 8 марта

1953 г. подписано американо-японское Соглашение о помощи в обеспечении

взаимной безопасности. 2 июня 1953 г. создано Управление обороны Японии.

(11) Этапы подписания: 11 октября 1954 г. опубликована совместная

Декларация КНР и СССР о готовности нормализовать отношения с Японией; 29

января 1955 г. опубликовано Заявление Советского правительства о готовности

установить дипломатические отношения с Японией; 3 июня 1955 г. в Лондоне

состоялись переговоры между советскими и японскими представителями о

нормализации отношений двух стран; 19 октября 1956 г. в Москве подписана

совместная советско-японская Декларация о нормализации отношений; 12 декабря

1956 г. последняя вступила в силу.

(12) Этим премьером был ХАТОЯМА И. (с 10 декабря 1954 г. по 20 декабря

1956 г.). В Москву он прибыл 19 октября 1956 года.

(13) Речь шла об островах Хабомаи и Шикотан. СССР дал согласие на их

возврат Японии. Но после подписания 19 января 1960 г. американо-японского

Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности, который заменил собою

предыдущий Пакт безопасности (серия соглашений от 1951 - 1952 гг.), согласие

было взято назад.

(14) САТО Э. являлся премьером с 9 ноября 1964 г. по 17 июня 1972 г.

(15) С 19 по 21 ноября 1969 г. состоялись переговоры о поддержке Японией

политики США в Азии, взамен чего США согласились возвратить Японии острова

Рюкю. Соглашение вступило в силу 15 мая 1972 г.

(16) Действительно, Южный Сахалин отошел к Японии по

Портсмутскому миру,

то есть в результате военного поражения России. Но Курильские острова отошли

к Японии согласно российско-японскому договору о границах от 7 мая 1875 г.,

так что тут военного захвата не произошло.

(17) Переговоры по данному поводу состоялись во время поездки Микояна

А.И. в Токио 14 - 27 мая 1964г., а в апреле 1967 г. вступило в силу

соглашение о прямом воздушном сообщении Москва - Токио.

О ВОЕННЫХ МЕМУАРАХ*

Несколько дней назад я совершенно случайно встретился с Иваном

Христофоровичем Баграмяном. Мне было очень приятно его повидать. Ведь я уже

много лет не видел его. Накоротке мы обменялись с ним различными мнениями.

Неожиданно он поднял вопрос о книге мемуаров Жукова, высказал ряд замечаний

и заявил, что в ней допущены очень большие искажения и отступление от

истины. Тут же он сказал, что написал воспоминания и маршал Москаленко,

причем написал просто гадкую книгу. Я не стал его выпрашивать и как-то

уточнять, в чем же выражается эта гадость. Но вообще-то Москаленко может

такое сделать. Я его знаю и с хорошей, и с плохой стороны. С хорошей знаю в

том смысле, что он человек, преданный делу, воевал неплохо, проявлял

настойчивость и энергию, не щадил себя. Плохие его стороны - нервозность,

неуравновешенность, вспыльчивость, грубость, даже больше чем грубость.

Оскорбления, которые он наносил своим подчиненным, всем известны. Люди,

которые находились у него в подчинении, неоднократно жаловались мне на то,

что он груб, оскорбляет их. Вот его обычный лексикон: "Враг народа!

Предатель! Подлец! Судить надо! Расстрелять надо!". Это человек настроения,

который очень поддается влиянию. Он на все способен. Особенно если

почувствует, что это выгодно для него, что такая гадость как-то

оплачивается, то он пойдет на нее.

Его беспринципность особенно поразила меня во время истории с отставкой

Жукова в 1957 году. Я с доверием относился к Жукову во время войны и многое

сделал для поднятия его репутации и авторитета в глазах Сталина. Когда в

1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный

путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно

выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании пленума ЦК

КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова

за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его

солдатской прямоотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: "Что

ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть

в свои руки, бери!".

Когда я услышал это, то был поражен. Такого я никак не ожидал от

Москаленко. Жукову не было смысла лгать. Да и Москаленко

-----* Запись этого текста на

магнитофонную пленку происходила в ноябре 1969 года. ленко никак не смог

парировать такое серьезное обвинение, фактически в государственной измене.

Когда я рассказал об этом Малиновскому, Малиновский по собственной

инициативе внес предложение об освобождении Москаленко от занимаемых постов.

Но я сказал: "Родион Яковлевич, вряд ли нужно так поступать. Это же

Москаленко! Если будет нормальная обстановка (а я был уверен, что она

нормализуется), то Москаленко станет честно выполнять свои обязанности".

Малиновский посмотрел на меня с каким-то удивлением. В его взгляде читалось

удивление потому, что то, что сказал Жуков и не отрицал Москаленко, -

подсудное дело. Заговор! А я сказал тогда членам Президиума ЦК: "Давайте не

будем сейчас следовать государственному принципу, хотя следовало бы провести

следствие и судить Москаленко. Надо принять во внимание ту роль, которую он

сыграл при аресте Берии, когда мы прибегли к его помощи, и он честно

выполнил все, что ему поручили. Поэтому давайте простим ему данный эпизод".

Это я рассказал, чтобы показать, кто есть Москаленко. Существуют

несколько Москаленко. Один - это генерал, который честно командовал

войсками, попадая во всевозможные переплеты на первом этапе войны. Затем он

командовал армией, и его активная роль была заслуженно отмечена. Я лично

вносил предложение о присвоении ему, уже после смерти Сталина, звания

Маршала Советского Союза. Другой Москаленко - настоящий истерик. Я уже

рассказывал анекдотический случай, как при нашем отступлении его выгнала

колхозница из своего коровника, где он прятался, переодевшись в крестьянскую

свитку, и он, сам украинец, выступил после этого против украинцев, кричал,

что все они предатели и всех их надо выслать. Вот неуравновешенность этого

человека.

А есть и третий Москаленко - приспособленец, алогичный и беспринципный

человек. Таким он показал себя в деле с Жуковым. Но в чем конкретно

выражалась та гадость, о которой говорил Баграмян, я не знаю.

Что касается Жукова, то Баграмян при нашей встрече, говоря о книге

Жукова, рассказал, что неправильно, искаженно изложено проведение

Барвенковской операции в 1942 году. Жуков пишет, что когда эта операция

докладывалась Сталину, то при этом присутствовали Тимошенко, Баграмян и сам

он, Жуков. Иван Христофорович возмущенно заметил: "Но там ничего не

говорится о Вашем присутствии. И еще меня удивило, как он

пишет, что

присутствовал там, хотя я отлично помню, что Жукова при этом не было".

Почему же он так написал? Вряд ли сам Жуков мог написать, что он

присутствовал. Допускаю, что это не Жуков написал.

Я ведь знаю его, Жуков не пойдет на ложь. Это, видимо, дело рук

редакторов, которые ему "помогали". Книга изобилует такой "помощью",

искажающей факты, порой вопреки здравому смыслу.

"А вот еще, - продолжал Баграмян, - в книге описывается, как Сталин

звонил на фронт и разговаривал с Вами в присутствии Жукова, предупреждая Вас

о том, что по данным Ставки на нашем фронте намечается угроза прорыва

противника на нашем левом фланге, то есть в направлении Славянок -

Барвенково. Я же помню, что такого звонка не было, я отлично помню, как

развивались события на нашем фронте. Это выдумка!". Да, это чистая выдумка.

Однако она ничего не давала Жукову. Следовательно, это опять же выдумка не

Жукова, а кого-то иного, кому было выгодно вставить такой эпизод при

описании операции. Все очень характерно. Кто же эти редакторы, кто? Ведь не

Сталин звонил мне тогда, а, наоборот, я позвонил Сталину после того, как он

отменил решение командования фронтом о приостановке наступления и

перегруппировке войск для прикрытия нашего левого фланга в направлении

Славянска. Сталин тогда вообще не подошел к телефону, а мне предложили,

чтобы я передал то, что хочу сказать, через Маленкова. Я изложил Маленкову

нашу аргументацию и опять поставил вопрос об утверждении нашего решения как

единственно правильного. Сталин передал через Маленкова, что надо выполнять

прежнее решение Ставки. Я вновь доказывал, что это делать нельзя. Сталин

опять передал мне через Маленкова, что решение об отмене наступления было

принято командующим войсками фронта Тимошенко в результате моего давления на

него. Я в ответ доказывал, что товарищ Сталин хорошо знает характер

Тимошенко: заставить его, надавить на него невозможно. К тому же у нас

никакой размолвки по этому вопросу вообще не было, тут наше единодушное

мнение. "Нет!" - заявили мне. Разговор на этом закончился. Весь разговор

происходил в присутствии Баграмяна. А наутро, когда мы встретились с

Тимошенко, он ничего мне не сказал. Видимо, ему неприятно было возвращаться

к данной теме. Мы сели в машину и поехали на фронт.

Вот какая была история в тот злополучный для нас день нашего наступления

в направлении на Красноград. Чем оно кончилось, известно. Оно кончилось

гибелью наших войск.

Спрашивается, зачем Жукову сейчас понадобилось возвращаться к этой

операции? Лично он в ней не участвовал, а был, как говорится, сбоку припека.

Видимо, кто-то был заинтересован в том, чтобы вложить Жукову в уста небылицу

насчет того, как якобы в присутствии Жукова Сталин звонил Хрущеву и

предупреждал его об угрозе немцев с фланга. Если такой звонок действительно

был, то почему Сталин позвонил Хрущеву, а не командующему войсками фронта?

Этот вопрос ведь относится к компетенции командующего. Конечно, имели место

случаи, когда Сталин по тем или другим вопросам оперативного характера

звонил и мне. Но как раз в этом случае не он звонил, а я домогался разговора

со Сталиным, и при этом присутствовали свидетели - Молотов, Маленков и

другие. Микоян как-то, уже после войны, в разговоре за столом

у Сталина и

находясь под довольно большим градусом, сказал: "Товарищ Сталин, а ведь

Хрущев тогда правильно предупреждал Вас". Сталин так глянул на него, что

даже я испугался, и ответил: "Для чего ты поднимаешь этот вопрос, Анастас

Иванович?". Ведь это был ежик в горло Сталину. Он же знает, скольких тысяч

жизней стоило его упрямство.

Как рассказывал мне Анастас Иванович, когда я разговаривал по телефону с

Маленковым, Сталин заметил: "Чего Хрущев, гражданский человек, сует свой

нос? Что он понимает в военных вопросах? Мне военные уже доложили

обстановку". Спрашивается, кто те военные, кто дал такой совет Сталину,

который стоил многих тысяч жертв? Думаю, что это мог быть Василевский, к

которому я тогда тщетно взывал о помощи. Василевский сейчас написал

воспоминания. Я их не читал и читать не буду. Вряд ли он скажет правду, хотя

он на меня производил впечатление очень порядочного человека. Но вряд ли он

наберется мужества рассказать, как эта операция была задумана, как она

проводилась, какие меры принимало командование фронта. Не

хватит у него

мужества признать, что он, работая в Генеральном штабе, не разобрался,

доложил Сталину о необходимости отменить решение Военного совета фронта и

продолжить проведение этой операции. Но находились там и другие, потому что

Василевский не сам лично следил за обстановкой на фронтах. У него имелись

"направленны", как называли генералов, которые наблюдали за определенными

направлениями на фронте и докладывали ему. Кто конкретно? Сейчас трудно

сказать. Это мог быть Штеменко. Тогда Штеменко был офицером соответствующего

направления. Мое предположение основывается на том, как Штеменко защищает

точку зрения Генерального штаба относительно этой операции и обвиняет во

всех грехах фронтовое командование.

Вот эти-то штабисты сейчас в мемуарах Жукова подпудривают его

воспоминания, навязывают ему чужую точку зрения, подправляют и редактируют

тексты. Они, видимо, и были замешаны. А сейчас они хотят войти в историю

чистенькими и свалить вину с больной головы на здоровую, в данном случае на

меня. Почему-то Тимошенко оказывался здесь в стороне, а

Хрущев фигурирует.

Тоже не случайно. Конечно, я как член Военного совета пользовался равными с

ним правами при решении тех или других вопросов. Но командующий здесь не

должен быть лишь каким-то свидетелем, если он командующий войсками.

Хочу обратить внимание и на такой факт. Люди, которые сейчас редактируют

ход истории и подкрашивают ее под свои вкусы, знали Сталина, знали его

крутой характер. Вот Жуков пишет, что Сталин мне позвонил и предупредил о

том, что нам угрожает с левого фланга противник, а я его не послушал.

Значит, это я несу ответственность за провал операции. Но это противоречит

словам Сталина, которые мне передал Маленков насчет того, что я "навязал"

Тимошенко решение об отмене директивы Ставки о наступлении. Если даже

считать, что моя вина доказана, то, спрашивается, почему же Сталин сделал

вывод обратного характера? Ведь Сталин злился не на меня, а на Тимошенко.

И это вскоре проявилось. Когда наши войска вынуждены были отступить за

Дон, а противник, заняв Ростов, прорвался через Дон на Северный Кавказ и

начал развивать наступление в сторону Сталинграда, Сталин позвонил мне (тут

и я уже говорю, что мне позвонил Сталин): "Вы должны сейчас же собраться и

переехать со своим штабом в Сталинград. Там организуется Сталинградский

фронт, мы утвердили Вас членом Военного совета Сталинградского фронта. Но Вы

должны назвать командующего войсками нового фронта". Я отказался предложить

командующего, ссылаясь на то, что это функция Ставки. Сталин: "Я назначил бы

Еременко, но он в госпитале. Подошел бы Власов, но он в окружении. Поэтому

назовите Вы".

Отказывался я, отказывался и в конце концов назвал Гордова. Гордов был

утвержден командующим войсками Сталинградского фронта. О Тимошенко же

Сталиным не было сказано ни слова. В чем дело? Поражение на Дону обернулось

опалой для Тимошенко. Значит, Сталин, помня, как я настаивал на отмене

решения о наступлении у Барвенково после провала той операции, одумался и

понял, что Хрущев был прав. Вот он и перенес свой гнев на командующего

войсками фронта за то, что не проявил твердости, хотя у него не было

недостатка в твердости. В результате Сталин, видимо, сделал вывод, что надо

сменить командующего войсками фронта. Меня же, члена Военного совета того же

фронта, на которого сейчас редакторы валят ответственность за провал

операции, Сталин взял да и утвердил членом Военного совета Сталинградского

фронта.

На Сталинградском фронте я был до конца его существования. Потом был

утвержден членом Военного совета Южного фронта, и мы с Еременко, а затем с

принявшим у него командование Малиновским освободили Ростов и продвинулись к

Таганрогу. Потом меня забрали с Южного фронта и назначили членом Военного

совета Воронежского фронта. Когда его преобразовали в Первый Украинский, я

опять остался членом Военного совета. Мы провели Курскую операцию, и хорошо

провели. Это был перелом в войне. Затем освободили Киев, и я оставался

членом Военного совета этого фронта до конца войны, до полного разгрома

Гитлера. Если бы Сталин считал меня виновным, он бы мне никогда не простил,

а, как говорится, поставил бы мне в строку. В то же время я не говорю, что

там была именно моя личная точка зрения. Это была точка зрения и

командующего войсками, и начальника штаба фронта, вообще всего фронтового

руководства, а в первую голову Баграмяна, который проявил большое упорство,

стараясь добиться отмены Сталиным решения Ставки. Уверен, что найдутся

объективные люди, которые разберут ход операции и дойдут до первоисточников.

Правда, не существует записей телефонных переговоров, которые я вел со

Сталиным через Маленкова. Но имеется наш приказ о перегруппировке войск,

который Сталин отменил, хотя тоже устно.

И снова о мемуарах. Я сейчас мало читаю мемуары военных лиц. Я не хочу,

не могу их читать, не могу равнодушно переносить неправду. Я очень хорошо

знаю, как начиналась война и как она проходила, с какими трудностями и с

какими жертвами, и при чтении подобной литературы нервы мои не выдерживают.

Но кое-что я все-таки знаю. Очень много существует искажений в описании

проведенной войны, много вранья, много неправильного. Видимо, есть люди,

которые заинтересованы в этом. Вот они и подтасовывают факты так, как им

выгодно, с тем чтобы показать собственное Я: какие они были умные, как они

все предвидели. Но ведь не пишут о том, как они "все предвидели", а мы

оказались не подготовленными к войне, хотя эти люди и тогда сидели в штабах

и формировали по своей линии политику обороны страны.

В своем преклонном возрасте я постоянно возвращаюсь к прожитому, у меня

теперь другого нет. У меня осталось только прошлое. Будущее для меня

определяется только могилой, которой я не боюсь, и не только не боюсь, но и

желаю ее. Скучно, скучно жить в моем положении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акц. о-во - Акционерное общество.

АН - Академия наук.

АН СССР - Академия наук Союза

Советских Социалистических Республик.

АН УССР-Академия наук Украинской советской социалистической республики.

АССР - Автономная Советская

Социалистическая Республика.

Башобком - Башкирский областной комитет.

БОВО - Белорусский Особый военный округ.

**Бюро ЦК КПСС по РСФСР - Бюро Центрального Комитета
Коммунистической**

**партии Советского Союза по Российской советской
федеративной**

социалистической республике.

БСЭ - Большая советская энциклопедия.

ВКП(б) Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

БСЭ - Большая советская энциклопедия

**ВВС КОВО - Военно-Воздушные силы Киевского Особого
военного округа.**

ВО - Военный округ.

**ВЛКСМ - Всесоюзный ленинский коммунистический союз
молодежи.**

ВРК- Военный революционный комитет.

**ВСНХ СССР - Всесоюзный Совет Народного Хозяйства
Союза Советских**

Социалистических Республик.

ВЦ - военная цензура.

**ВЦИК - Всероссийский Центральный Исполнительный
Комитет.**

**ВЦСПС- Всесоюзный Центральный Совет Профессиональный
Союзов.**

ГА - гвардейская армия.

ГКО - Государственный комитет обороны.

Генштаб - Генеральный штаб.

ГКО - Государственный комитет обороны.

ЗОВО - Западный Особый военный округ.

**Исп. Комит. С.Р.Д.Р.К.Б.З. - Исполнительный комитет
Совета рабочих**

депутатов Рутченковских копей Брянского завода.

Исполком - Исполнительный комитет.

КГБ - Комитет государственной безопасности

КОво - Киевский Особый военный округ.

кд - кавалерийская дивизия.

кк - Кавалерийский корпус.

Коминтерн - Коммунистический Интернационал.

КП - Коммунистическая партия.

КПК - Комитет партийного контроля.

КП(б)У- Коммунистическая партия (большевиков) Украины.

КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза.

КПЧ - Коммунистическая партия Чехословакии.

**ЛКСМУ-Ленинский коммунистический союз молодежи
Украины.**

МВД СССР - Министерство внутренних дел СССР.

МГБ - Министерство государственной безопасности.

МВО - Московский военный округ.

МГК- Московский городской комитет.

МК - Московский комитет (областной).

МОПР- Международная организация помощи борцам революции.

НКВД- Народный комиссариат внутренних дел.

Нарком - Народный комиссар.

Наркомат- Народный комиссариат.

Наркоминдел - Народный комиссар иностранных дел.

Наркомлегпром УССР- Народный комиссариат легкой промышленности УССР.

Наркомпрос - Народный комиссариат просвещения.

Наркомтяжпром - Народный комиссариат тяжелой промышленности.

Обком - Областной комитет.

ОГПУ - Объединенное государственное политическое управление.

ОК, Окружком - Окружной комитет.

ОКР - отдел контрразведки.

ОПК- Окружной партийный комитет.

Оргбюро - Организационное бюро ЦК ВКП(б).

ОС - особый сектор.

ОС ЦК ВКП(б) - Особый отдел Центрального Комитета Всесоюзной

Коммунистической партии (большевиков).

ОУН - Организация украинских националистов.

ПД - пехотная дивизия.

ПЗП - Польский союз повстанцев.

ПБ, Политбюро - Политическое бюро.

ПОРП - Польская объединенная рабочая партия.

ППР- Польская партия рабочих.

ПСП - Польская социалистическая партия.

Промакадемия - Промышленная академия.

РК, Райком - Районный комитет.

РВС, Реввоенсовет- Революционный военный совет.

РККА - Рабоче-крестьянская Красная Армия.

РПК - Районная партийная комиссия.

РЦХИДНИ - Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.

СНК- Совет Народных Комиссаров.

СНК СССР - Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических

Республик.

СНК УССР - Совет Народных Комиссаров Украинской Советской

Социалистической Республики.

Совмин СССР - Совет Министров СССР.

Совинформбюро - Советское информационное бюро.

сд- стрелковая дивизия.

та - танковая армия.

тбр - танковая бригада.

ТД - танковая дивизия.

ТК - танковый корпус.

УГБ НКВД УССР - Управление государственной безопасности Народного

комиссариата внутренних дел Украинской Советской Социалистической

Республики.

УВД - Управление внутренних дел.

Уисполком - Уездный исполнительный комитет.

Укрпромсовет - Украинский промышленный совет.

Укрлегснаб - Управление по снабжению легкой промышленности Украины.

УПА - Украинская повстанческая армия.

УССР - Украинская Советская Социалистическая Республика.

ЦАМО - Центральный архив министерства обороны.

ЦК - Центральный Комитет.

ЦА ФСБ РФ - Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской

Федерации.

ЦГАОО Украины - Центральный государственный архив общественных

объединений Украины.

Центросоюз - Центральный союз потребительской кооперации.

ЦИК - Центральный Исполнительный Комитет.

ЦК ВКП(б) - Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии

(большевиков).

**ЦК КП(б)У - Центральный Комитет Коммунистической
партии (большевиков)**

Украины.

Юзукомпарт - Юзовский уездный комитет партии.

ЮЗФ - Юго-Западный фронт.

Н.С. ХРУЩЕВ

ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ВЛАСТЬ.

(ВОСПОМИНАНИЯ)

В 4 книгах

Книга 2

Часть 3

**Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.),
кн.2**

**М.: Информационно-издательская компания "Московские
Новости", 1999,**

с.3-210

ISBN 5-900036-03-0(кн. 2)

ISBN 5-900036-05-7

В квадратных скобках [] номер страницы.

Номер страницы предшествует странице.

В круглых скобках () номера примечаний автора, помещенных в конце главы.

Звездой * обозначены примечания издателей, помещённые в конце страницы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Часть III.

От дня Победы до XX съезда

Первые послевоенные годы

Снова в Москве

Вокруг некоторых личностей

Один из недостатков Сталина

Берия и другие

Семья Сталина. Светланка

Последние годы Сталина

Корейская война.

Дело врачей

XIX съезд коммунистической партии страны

После XIX съезда партии

Экономические проблемы социализма в СССР

Сталин о себе

Смерть Сталина

Мои размышления о Сталине.

Еще раз о Берии

После смерти Сталина

От XIX к XX съезду КПСС

После XX съезда КПСС

Несколько слов о власти, о Жукове

ВВЕДЕНИЕ

Только что закончившаяся война унесла десятки миллионов человеческих

жизней, за четыре года перестроив экономику на свои нужды. Груды

искореженного металла да перепаханые снарядами поля встречали дома

победителей. Истосковавшиеся по мирной жизни люди решительно берутся и

начинают восстанавливать разрушенные войной заводы, шахты, электростанции и

дороги. Н. С. Хрущев принимает непосредственное участие в подъеме хозяйства

Украины, восстанавливая доменные печи и тракторные заводы, поднимая сельское

хозяйство, борясь за прочное установление советского строя на освобожденной

перед войной Западной Украине.

Но недолго пришлось ему поработать вдали от "большой" политики. В 1949

году по вызову И. В. Сталина Н. С. Хрущев переезжает в Москву. Вождь,

видимо, беспокоился положением в столице. Это понятно. Но почему выбор пал

именно на Хрущева? По словам автора воспоминаний, Сталин сказал ему: "Мы тут

считаем, что вам надо опять занять пост первого секретаря Московского

городского и областного партийных комитетов. У нас плохо обстоят дела в

Москве и очень плохо - в Ленинграде, где мы провели аресты заговорщиков.

Оказались заговорщики и в Москве. Мы хотим, чтобы Москва была опорой ЦК

партии, поэтому вам полезнее работать здесь. Вы станете секретарем сразу МК

и ЦК партии". Что это? Доверие первому секретарю такой значительной

республики, как Украина? Несомненно. Но не только это. У меня сложилось

тогда впечатление, размышляет Н. С. Хрущев, что Сталин, переводя меня в

Москву, хотел как-то повлиять на расстановку сил в столице и понизить роль

Берии и Маленкова...

Никита Сергеевич - один из немногих ведущих политиков первой половины

советского периода, кто повседневно работал и общался со Сталиным, при этом

серьезных и резких ситуаций, о чем рассказывается в этой книге, было

предостаточно. Может быть, поэтому он так много внимания уделяет Сталину. Н.

С. Хрущев подробно рассказывает о семье Сталина, о его кремлевском

окружении, о так называемых ужинах на ближней даче вождя с богатым столом и

изобилием выпивки. Кто знаком с "Пирами Валтасара", тот найдет немало сцен,

будто списанных Фазилем Искандером с воспоминаний Хрущева.

Наблюдения Хрущева, его анализ увиденного и услышанного бесценны. Одно

дело - читать о Сталине в десятках книг, вышедших в последние годы и

написанных с привлечением архивных и других документов, другое -

прикоснуться к живым свидетельствам. Создавая политический портрет Сталина,

рассказывая о его повадках и привычках в быту, раскрывая черты его

характера, Хрущев пытается ответить на далеко не простые вопросы: "Кто такой

был Сталин? Какую роль он сыграл в истории?"

Сталин умирает. Еще накануне, в связи с его неожиданной болезнью, близкие

соратники делают важные шаги, чтобы укрепить свои позиции. 5 марта в Кремле

проходит "Совместное заседание пленума ЦК КПСС, Совета Министров и

Президиума Верховного Совета СССР", на котором за 40 минут "стороны"

договариваются о самом главном: кому кем быть у власти? Произошло это за

один час и десять минут до его кончины. Очень многие из окружения вождя

добились более высоких государственных постов, чем это было при живом

Сталине. В отличие от своих соратников, Н. С. Хрущев как был, так и остался

секретарем ЦК. Коллеги Хрущева, получившие на этом, в принципе незаконном, с

точки зрения устава КПСС, "Совместном заседании... "
высокие должности в

правительстве, думали, что встали у самого руля власти. И ошиблись. Власть

переходила к партии, точнее, в руки партаппарата, который устанавливал свое

полновластие. Когда Н. С. Хрущев становится первым секретарем ЦК КПСС, он

понимает, что ему предстоит нелегкая борьба. В сталинском наследном

окружении есть подхалимы, но есть и киты. Вторых больше, и их надо победить.

Состоится не один пленум ЦК, пройдет не одна битва за место лидера в

стране, будет потеряно много драгоценного времени и упущено немало

политических и хозяйственных возможностей, прежде чем наступит XX съезд

КПСС, время хрущевской "оттепели". С трудом пройденный путь к вершинам

партийной и государственной власти раскрывается Н. С. Хрущевым на страницах

книги детальным изложением событий, подробными сюжетами, ранее недоступными

документами, хранившимися в сейфах за высокими кремлевскими стенами.

Еще не успели люди мира погасить огонь на пепелищах второй мировой войны,

как к порогу, который недавно оскверняла нога фашиста, подступила "холодная

война". Кажется странным, что одним из ее инициаторов стал Уинстон Черчилль,

неоднократный премьер-министр Великобритании, страны, которой одной из

первых в Европе стал угрожать фашизм и солдаты которой вместе с советскими

бойцами участвовала в разгроме гитлеровских армий.

СССР пришлось, залечивая раны "горячей войны", сдерживать "холодную". Н.

С. Хрущев с увлечением, доверительно и просто рассказывает, как Советский

Союз первым сделал шаг навстречу мирному договору с Австрией, как проходили

встречи с Аденауэром, де Голлем, Эйзенхауэром и какие проблемы на них

обсуждались и решались, что было достигнуто на Женевской встрече лидеров

четырёх держав, а затем и на четырехсторонней встрече в Париже.

К концу своего правления Н. С. Хрущев совершил поступок, пожалуй, равный

тому, после которого мир узнал о злодеяниях Сталина. Он пошел навстречу

президенту США Джону Кеннеди по разблокированию Карибского кризиса,

**грозившего ядерной мировой войной. Об этом в "Приложении"
к воспоминаниям**

говорит переписка двух лидеров сверхдержав.

Часть III

ОТ ДНЯ ПОБЕДЫ ДО XX СЪЕЗДА КПСС

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

**В 1944 г. вся Украина была освобождена от гитлеровских
захватчиков и их**

**союзников. Мужское население соответствующих возрастов
было призвано в**

**Красную Армию. Наша армия продвигалась с боями вперед, и
пополнение шло**

**главным образом за счет мобилизации тех людей, которые
остались ранее на**

**оккупированной врагом территории. Эти люди в своем
большинстве с пониманием**

**относились к выполнению гражданского долга, и их не
приходилось особенно**

**"уговаривать" идти драться с гитлеровской Германией. На
долю тех, кто**

оставался дома - стариков, инвалидов и непригодных к военной службе, главным

образом женщин, - сразу же выпало восстановление народного хозяйства,

особенно сельского.

В промышленности, прежде всего угольной и металлургической, часть рабочих

и инженерного персонала была освобождена от мобилизации. Туда же

мобилизовывались женщины, особенно молодые девушки. Они шли туда охотно.

Объяснение тому двоякое: с одной стороны, большую роль играли патриотизм и

агитация Коммунистической партии, что нужно восстанавливать промышленность,

что в этом состоит единственное спасение, возможность подъема жизненного

уровня народа. С другой стороны, в восточнукраинских промышленных районах

снабжение было все-таки как-то организовано; например, питание населения

было лучшим, чем в других районах Украины, особенно в 1946 году.

Угольной промышленностью занимался у нас Егор Трофимович Абакумов,

специально откомандированный к нам как хороший знаток Донбасса. Тогда был

взят правильный курс на строительство мелких шахт, на разработку верхних

пластов, или, как их называют шахтеры, хвостов, то есть таких пластов,

которые почти выходят на поверхность. Неглубокие шахты в старое время

называли мышеловками. Было намечено побыстрее пройти несколько сотен таких

шахт и за счет мелкой механизации, неглубоких разработок и наклонных стволов

срочно получить нужное количество угля. И этот уголь был получен!

Восстанавливались также металлургия, машиностроение, местная

промышленность. Восстановление шло ускоренными темпами. Можно поражаться

житейской цепкости людей, полному пониманию ими необходимости приложить все

усилия, чтобы в ближайшее же время возродить промышленность и сельское

хозяйство. Война окончилась, постепенно прошли торжество Победы и радость

народа по этому поводу, вернулись уцелевшие люди на заводы, в шахты, совхозы

и колхозы. Восстановление пошло теперь еще более быстрыми темпами. Но не без

проблем.

1946 год был очень засушливым, сельское хозяйство Украины сильно

пострадало. Пострадали и другие республики, но о них я меньше могу

**рассказать. А Украину-то я знал. К осени того года
вырисовывался ужасно**

**плохой урожай. Я все делал для того, чтобы Сталин
своевременно понял это.**

**Неурожай был вызван тяжелыми климатическими условиями, а
кроме того, слабой**

**механизацией сельского хозяйства, подорванного отсутствием
тракторов,**

**лошадей, волов. Недоставало рабочей тягловой силы.
Организация работ тоже**

**была плохой; люди вернулись из армии, взялись за работу, но
еще не притерся**

**каждый как следует к своему месту, да и квалификация у одних
была потеряна,**

**а другие совсем ее не имели. В результате мы получили очень
плохой урожай.**

**Не помню, какой нам тогда спустили план: что-то около 400
млн. пудов или**

**даже больше. План устанавливался волевым методом, хотя в
органах печати и в**

**официальных документах он "обосновывался" научными
данными, то есть снятием**

**метровок и пересчетами биологического урожая со скидкой
на собственные**

**потери, на затраты содержания людей, скота и на товарные
излишки. При этом**

**исходили главным образом не из того, что будет выращено, а из
того, сколько**

**можно получить в принципе, выколотить у народа в закрома
государства. И вот**

началось это выколачивание. Я видел, что год грозит катастрофой. Чем все

закончится, трудно было предугадать.

Когда развернули заготовки и окончательно вырисовался урожай, можно было

уже более или менее точно определить возможности заготовки зерна в фонды

государства. К тому были приняты все меры, какие только возможны. Колхозники

с пониманием отнеслись к выполнению своего долга и делали все, что в их

силах, чтобы обеспечить страну хлебом. Украинцы сполна выстрадали и в

гражданскую войну, и при коллективизации, и когда республика была

оккупирована. Они знали, что значит для страны хлеб, и знали ему цену,

понимали, что без хлеба не получится восстановление промышленности. Кроме

того, срабатывало доверие к Коммунистической партии, под чьим руководством

была одержана Победа.

Но сверху к людям относились иначе. Я получал письма от председателей

колхозов просто душераздирающие. Запали мне в память, например, строчки

такого письма: "Вот, товарищ Хрущев, выполнили мы свой план хлебозаготовок

полностью, сдали все, и у нас теперь ничего не осталось. Мы

уверены, что

держава и партия нас не забудут, что они придут к нам на помощь". Автор

письма, следовательно, считал, что от меня зависит судьба крестьян. Ведь я

был тогда председателем Совета народных комиссаров Украины и первым

секретарем ЦК КП(б)У, и он полагал, что раз я возглавляю украинскую державу,

то не забуду и крестьян. Я-то знал, что он обманывается. Ведь я не мог

ничего сделать, при всем своем желании, потому что, когда хлеб сдается на

государственный приемный пункт, я не властен распоряжаться им, а сам

вынужден умолять оставить какое-то количество зерна, в котором мы нуждались.

Что-то нам дали, но мало.

В целом я уже видел, что государственный план по хлебу не будет выполнен.

Посадил я группу агрономов и экономистов за расчеты. Возглавил группу

Старченко(1), хороший работник и честный человек. Я думал, что если

откровенно доложить обо всем Сталину и доказать верность своих соображений

цифрами, то он поверит нам. И мне удалось по некоторым вопросам преодолеть

бюрократическое сопротивление аппарата и апеллировать

непосредственно к

Сталину. И прежде я действовал так, хорошо подобрав материалы и логично

построив свои доказательства. В результате их правдивость брала верх. Сталин

поддерживал меня. Я надеялся, что и на этот раз тоже докажу, что мы правы, и

Сталин поймет, что тут не саботаж. Такого рода термины не заставляли себя

ждать в Москве, где всегда находили оправдания и для репрессий, и для

выколачивания колхозной продукции.

Сейчас не помню, какое количество хлеба я считал тогда возможным

заготовить. Кажется, в записке, которую мы представили в Центр, мы писали о

180 или 200 млн. пудов с лишним. Это было, конечно, очень мало, потому что

перед войной Украина вышла на ежегодный уровень 500 млн. пудов. Каждому было

ясно, что страна крайне нуждается в продуктах. И не только для собственного

потребления: Сталин хотел оказать помощь новодемократическим странам, и

особенно Польше и Восточной Германии, которые не смогли бы обойтись без

нашей помощи. Сталин имел в виду создать будущих союзников. Он уже обряжался

в тогу военачальника возможных будущих походов.

А пока что назревал голод. Я поручил подготовить документ в Совмин СССР с

показом наших нужд. Мы хотели, чтобы нам дали карточки(2) с централизованным

обеспечением не только городского, а и сельского населения каким-то

количеством продуктов и кое-где просто организовали бы питание голодающих.

Не помню сейчас, сколько миллионов таких продовольственных карточек мы

просили. Но я сомневался в успехе, потом что знал Сталина, его жестокость и

грубость. Меня старались переубедить мои друзья в Москве: "Мы договорились,

что если вы подпишете этот документ на имя Сталина (а все такие документы

адресовались только Сталину), то он даже не попадет ему в руки. Мы

условились с Косыгиным (тогда Косыгин занимался этими вопросами). Он сказал,

что вот столько-то миллионов карточек сможет нам дать".

Я долго колебался, но в конце концов подписал документ. Когда документ

поступил в Москву, Сталин отдыхал в Сочи. О документе узнали Маленков и

Берия. Думаю, что они решили использовать мою записку для дискредитации меня

перед Сталиным, и вместо того, чтобы решить вопрос (а они могли тогда решать

вопросы от имени Сталина: многие документы, которых он и в глаза не видел,

выходили в свет за его подписью), они послали наш документ к Сталину в Сочи.

Сталин прислал мне грубейшую, оскорбительную телеграмму, где говорилось, что

я сомнительный человек: пишу записки, в которых доказываю, что Украина не

может выполнить госзаготовок, и прошу огромное количество карточек для

прокормления людей. Эта телеграмма на меня подействовала убийственно. Я

понимал трагедию, которая нависала не только лично над моей персоной, но и

над украинским народом, над республикой: голод стал неизбежным и вскоре

начался.

Стадии вернулся из Сочи в Москву, и тут же я приехал туда из Киева.

Получил разнос, какой только был возможен. Я был ко всему готов, даже к

тому, чтобы попасть в графу врагов народа. Тогда это делалось за один миг -

только глазом успел моргнуть, как уже растворилась дверь, и ты очутился на

Лубянке. Хотя я убеждал, что записки, которые послал, отражают

действительное положение дел и Украина нуждается в помощи, но лишь еще

больше возбуждал в Сталине гнев. Мы ничего из Центра не получили. Пошел

голод. Стали поступать сигналы, что люди умирают. Кое-где началось

людоедство. Мне доложили, например, что нашли голову и ступни человеческих

ног под мостом у Василькова (городка под Киевом). То есть труп пошел в пищу.

Потом такие случаи участились.

Кириченко (он был тогда первым секретарем Одесского обкома партии)

рассказывал, что, когда он приехал в какой-то колхоз проверить, как проводят

люди зиму, ему сказали, чтобы он зашел к такой-то колхознице. Он зашел:

"Ужасную я застал картину. Видел, как эта женщина на столе разрезала труп

своего ребенка, не то мальчика, не то девочки, и приговаривала: "Вот уже

Манечку съели, а теперь Ванечку засолим. Этого хватит на какое-то время".

Эта женщина помешалась от голода и зарезала своих детей. Можете себе это

представить?

Такое же положение было в Молдавии. Сталин послал в Молдавию Косыгина, он

тогда был министром торговли и занимался вопросами карточек. Косыгин

вернулся, доложил, что там люди голодают и страдают

дистрофией. Сталин

возмутился и тоже на него накричал, а потом до самой смерти, встречаясь с

ним, в шутку говорил: "Вот мой брат-дистрофик".

Косыгин тогда был очень худым. Так его некоторые и звали в те времена (в

узком кругу, естественно, подражая Сталину).

Я докладывал обо всем Сталину, но в ответ вызывал лишь гнев:

"Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы

разжалобить и заставить израсходовать резервы". Может быть, к Сталину

поступали какие-то другие сведения, которым он тогда больше доверял? Не

знаю. Зато знаю, что он считал, будто я поддаюсь местному украинскому

влиянию, что на меня оказывают такое давление и я стал чуть ли не

националистом, не заслуживающим доверия. К моим сообщениям Сталин стал

относиться с заметной осторожностью. А откуда поступали другие сведения? Их

докладывали чекисты или инструкторы ЦК ВКП(б), которые разъезжали по

районам. Какая-то правдивая информация все же просачивалась к Сталину, но

обычно ее очень боялись давать и припрятывали, чтобы "не нарваться", не

поставить себя под удар, потому что Сталин реагировал очень резко. Он

считал, что все под ним благоденствуют. Как писал Шевченко:
"От молдаванина

до финна на всех языках все молчит, бо благоденствует".
Только Шевченко

писал о времени Николая I, а тут Иосиф I.

Сталин поднял вопрос о том, что нужно созвать Пленум ЦК партии по

сельскому хозяйству. Уж не помню, сколько лет не созывали пленумов.

Наверное, с 1938 г., когда обсуждали в очередной раз вопрос о борьбе с

врагами народа, а потом перегибы, которые были допущены в этой борьбе.

Сталин тогда играл благородную роль борца против перегибов, которые сам же

организовал. Итак, теперь он поднял вопрос о пленуме насчет подъема

сельского хозяйства. Начали обсуждать, кому поручить сделать доклад. На

заседании Политбюро Сталин рассуждал вслух: "Кому сделать доклад?". Тогда за

сельское хозяйство персонально отвечал Маленков.
"Маленкову? Он занимается

этим делом. Какой же он сделает доклад, если даже терминов сельского

хозяйства не знает?". Это было сказано при Маленкове.
Причем абсолютно

правильно. Удивительно только, как Сталин, зная Маленкова, поручил ему

заниматься сельским хозяйством. Это меня давно интересовало. Ответить

трудно. У Сталина все могло быть...

Вдруг он говорит мне: "Вы будете делать доклад". Я испугался такого

поручения: "Товарищ Сталин, мне не поручайте, прошу вас". "Почему?". "Я мог

бы сделать доклад об Украине, которую я знаю. Но я же не знаю Российской

Федерации. О Сибири вообще понятия не имею, никогда там не был и не

занимался этим делом. Собственно говоря, до Украины я вообще никогда не

занимался сельским хозяйством, я сам ведь промышленник, занимался много

промышленностью, а также коммунальным хозяйством Москвы. А Средняя Азия? Да

я никогда не видел, как хлопок растет". Сталин настаивал: "Нет, вы сделаете

доклад". "Нет, товарищ Сталин, очень прошу вас, освободите меня. Я не хочу

ни подводить ЦК, ни ставить себя в глупое положение, взявшись сделать доклад

на тему, которой я, собственно, не знаю. Доложить Пленуму я не смогу".

Он еще подумал: "Ну, хорошо, давайте поручим Андрееву". Андреев когда-то

занимался сельским хозяйством и создал себе в партии славу знатока деревни.

В сравнении с другими членами Политбюро он, конечно, лучше знал сельское

хозяйство, хотя я был не особенно высокого мнения о его познаниях. Этот

довольно сухой человек и формалист обычно пользовался различными

бюрократическими записками, строил свои сообщения на основе записок других

таких же знатоков сельского хозяйства. Во всяком случае, я был доволен, что

меня миновала чаша сия. И Андрей Андреевич был утвержден докладчиком от ЦК

на пленуме. Тогда он являлся членом Политбюро и секретарем ЦК. Имелся еще

какой-то комитет по сельскому хозяйству - некая надстройка между ЦК и

Советом Министров СССР. Андреев был председателем этого комитета, а я

числился его заместителем и членом одного из бюро в комитете. Данный

суррогат был создан Сталиным. Не знаю, для чего он был нужен и в чем

конкретно заключалась его роль.

Подошло время, созвали Пленум(3). Андрей Андреевич сделал доклад. Доклад

получился стройный, логично построенный, как обычно у него бывало. Пленум

проходил в Свердловском зале Кремля, президиум там маленький, сидели только

члены Политбюро. Я находился рядом со Сталиным и видел, как он внимательно

слушал. Объявили перерыв. Мы зашли в комнату отдыха, где собирались члены

Президиума попить чаю. Иной раз там же и обедали, обменивались мнениями.

Сели за стол, подали нам чай, и Сталин спрашивает меня: "Каково ваше мнение

о докладе?". Говорю: "Докладчик осветил все вопросы". "Но вы же сидели

совершенно безучастно. Я смотрел на вас". "Если вы хотите, чтобы я сказал

вам правду, то, на мой взгляд, в докладе нужно было по-иному поставить

вопросы. Затронуто все, но в трафаретном порядке". Он вскипел: "Вот вы

отказались докладывать, а теперь критикуете". Я видел, что Сталин недоволен

мной.

Началось обсуждение доклада. Многие выступили в прениях, я тоже.

Совершенно не помню сейчас, какие вопросы я поднимал, скорее всего, говорил

о текущих делах восстановления хозяйства Украины. Скажу лишь об одном. Тогда

я считал важнейшими вопросами механизацию и семенное дело. В то время

**действовал закон о "первой заповеди" колхозника: сначала
выполнить**

**обязательства по поставкам государству, потом засыпку семян и
фондов, потом**

**- для распределения по трудодням. Я считал, что нужно
нарушить эту заповедь,**

**которую выдумал Сталин, и в первую очередь засыпать семена.
Ведь в старое**

**время единоличник, даже умирая, не съедал семена, потому что
это будущее,**

**это жизнь. Как же мы берем эти семена у крестьянина, а
потом вынуждены**

**давать ему же для посева зерно? Но уже неизвестно, что это за
семена и из**

какого района пришли, насколько они акклиматизированы.

**Мое выступление вызвало ярость Сталина. Была создана
специальная**

**комиссия, и Андрея Андреевича назначили ее председателем, а
меня ввели в**

**состав комиссии. Но еще более тяжелая туча нависла надо
мной после**

**выступления Мальцева(4), опытного работника, действительно
хорошо знающего**

**сельское хозяйство Урала. Он прекрасно вел свое хозяйство, а в
выступлении**

**рассказал, как у них обстоит дело и какие хорошие урожаи
яровой пшеницы он**

**получает. Как только он сказал о яровой пшенице, я сразу же
почувствовал**

удар в самое больное место. Я ведь знал, что

Сталин, не разобравшись, тут же вытащит вопрос о яровой пшенице и бросит

его мне в лицо. Я-то выступал против сева яровой пшеницы в обязательном

порядке: она менее урожайна на Украине, особенно на юге, хотя в некоторых

колхозах она неплохо удавалась. Поэтому я считал, что пусть ее сеют колхозы,

кто может, но не надо записывать обязательным решением, что каждый колхоз

должен в определенных процентах посеять яровую пшеницу: ведь она иной раз

даже семена не возвращала. Сталин этого не знал и знать не хотел. Хотя перед

войной я как-то докладывал ему о яровой пшенице, и он тогда согласился со

мной, после чего было принято решение не обязывать все колхозы Украины сеять

яровую пшеницу.

Как только был объявлен перерыв и мы зашли в комнату для отдыха, Сталин

нервно и злобно бросил мне: "Слышали, что сказал Мальцев?". "Да, товарищ

Сталин, но он же говорил об Урале. Если у нас, на Украине, самая урожайная

культура - озимая пшеница, то на Урале ее совсем не сеют, а сеют только

яровую пшеницу. Они ее изучили, умеют ее возделывать и

получают хороший

урожай, да и то не все хозяйства. Мальцев - это же мастер, академик в своем

деле". "Нет, нет, если там яровая дает такой урожай, то тут у нас, - и он

ударил себя по животу, - вот какие глубокие черноземы, урожай будет еще

лучше. Надо записать в резолюцию". Говорю: "Если записывать, то запишите,

что я отказывался. Все знают, что я против яровой пшеницы. Но если вы так

считаете, то тогда записывайте и Северному Кавказу с Ростовской областью.

Они в таком же положении, как и мы". "Нет, запишем только вам!". Дескать, я

должен проявить инициативу, чтобы за мной пошли другие. В работе созданных

на пленуме комиссий, когда обсуждали этот вопрос, я тоже принимал участие,

но не до конца. Пленум закончился, все разъехались по местам, и мне тоже

надо было уехать. Дописывали резолюцию Маленков с Андреевым.

Перед отъездом я на комиссии снова поставил вопрос о том, что нужно

отменить решение о "первой заповеди" колхозника, и предложил, чтобы семенной

фонд засыпали параллельно сдаче зерна государству в определенной пропорции.

Конечно, тут была с моей стороны уступка. Но я считал, что даже так будет

полезно, а то вообще ничего не оставляли. Все же в каких-то процентах пойдет

зерно и государству, и в семенной фонд. Уехал я. Звонит мне Маленков спустя

несколько дней и говорит: "Резолюция готова. Твое предложение о порядке

засыпки семенного фонда в колхозах и в совхозах в резолюцию не включили,

будем Сталину докладывать. Как ты считаешь, докладывать твое предложение

отдельно или же совсем ничего ему не говорить?". Явно провокационный вопрос.

Все знали, включая Сталина, что я этот вопрос поднимал на комиссии, боролся

за это, а теперь, когда ставится вопрос докладывать Сталину, то, если бы я

сказал не докладывать, это оказалось бы проявлением трусости. Говорю: "Нет,

товарищ Маленков. Прошу доложить товарищу Сталину мою точку зрения".

"Хорошо!".

Доложили. Я узнал из нового звонка Маленкова, что Сталин был страшно

недоволен и мое предложение не приняли. Сталин просто взбесился, когда узнал

о нем. После пленума Сталин поднял вопрос о том, что надо оказать помощь

Украине. Сказал и смотрит на меня, ждет моей реакции. Я промолчал, и он

продолжил: "Надо подкрепить Хрущева, помочь ему. Украина разорена, а

республика огромная и имеет большое значение для страны". Я про себя

прикидывал: "Куда он клонит?". "Я считаю, что надо послать туда, в помощь

Хрущеву, Кагановича. Как вы на это смотрите?" - спросил он, обращаясь ко

мне. Отвечаю: "Каганович был секретарем ЦК КП(б)У, знает Украину. Конечно,

Украина - это такая страна, что там хватит дела не только для двух, а и на

десяток людей". "Хорошо, послать туда Кагановича и Патоличева". Патоличев в

то время был секретарем ЦК ВКП(б). Отвечаю: "Пожалуйста, это будет хорошо".

Так и записали. Сталин предложил разделить посты председателя Совмина

Украины и Первого секретаря ЦК КП(б)У. В свое время их объединили по его же

предложению, а я тогда доказывал, что не нужно этого делать. Так было

сделано на Украине и в Белоруссии. Не знаю, было ли проведено это и в других

республиках. Сталин предложил: "Хрущев будет Председателем Совета Министров

Украины, а Каганович - Первым секретарем ЦК. Патоличев(5) же будет

секретарем ЦК по сельскому хозяйству". Я опять говорю: "Хорошо".

Собрали мы пленум на Украине. Пленум утвердил назначения, каждый сел на

свое место и занялся своим делом. "Прежде всего, - говорю я Кагановичу и

Патоличеву, - надо нам подготовиться к посевной. У нас нет семян. Кроме

того, нам надо получить что-то, чтобы людей накормить: они же умирают,

появилось людоедство. Ни о какой посевной не может быть и речи, если мы не

организуем общественное питание. Вряд ли сейчас мы получим такое количество

зерна, чтобы выдать ссуду, придется питать людей какой-то баландой, чтобы

они с голоду не умирали. Ну и семена тоже надо получить". Поставили мы

вопрос перед Москвой. Чтобы обеспечить урожай в 1947 г. и заложить зерно на

1948 г., следовало срочно получить семена. Если мы не получили бы семян, то

нам и делать было бы нечего, потому что все вывезли из деревни по первой

сталинской заповеди.

Уже давно было подсчитано, что нам необходимо. Мы вновь обратились с

просьбой к Сталину и получили какое-то количество семян и продовольственную

помощь. Шел уже февраль. В ту пору на юге начинается в отдельных местах сев,

а в марте уже многие южные колхозы сеют хлеб. Так что в марте мы должны были

быть готовы к массовому севу на юге, а в Киевской области заканчивали сев в

апреле. Говорю Кагановичу: "Давайте подумаем, что делать". Он: "Надо поехать

по Украине". Отвечаю: "Надо, но это сейчас не главное. Ты давно не был на

Украине, вот и поезжай, а я останусь в Киеве. Сейчас ведь важно не то, что я

поеду и где-то побуду в одном, двух, трех или пяти колхозах. Это никакого

значения не имеет. Протолкнуть по железной дороге семена, вытолкнуть их в

области, а из области в колхозы - вот сейчас главное, от чего будет зависеть

успех посевной". Так мы и договорились. Каганович поехал в Полтавскую

область, а я остался в Киеве диспетчером на телефоне - проталкивать семена и

грузы, связанные с обеспечением посевной: запасные части, горючее, смазочные

материалы. О минеральных удобрениях тогда речи не велось, их в стране

практически не было.

Каганович, когда поездил по колхозам, убедился, что его должность Первого

секретаря ко многому обязывает: положение очень тяжелое, колхозники шатаются

от ветра, неработоспособны, истощены голодом и мрут. Потом он делился со

мною впечатлениями об одном колхозе и о председателе этого колхоза

Могильниченко. "Что за человек, - говорит, - не понимаю. Суровый,

настойчивый. Наверное, у него будет урожай. Как выехал я в поле, уже пахали

землю. Увидел я, что мелко пашут, и сказал: "Что же вы мелко пашете?". Надо

было знать Кагановича, чтобы понимать, как он сказал: гаркнул на

председателя. А тот, хорошо знающий свое дело, ответил: "Як трэба, так и

роблю". "Вот сейчас вы мелко пашете, а потом будете хлеб просить у

государства?". "А я, - отвечает, - никогда, товарищ Каганович, у государства

хлеба не просил. Я его сам государству даю".

Я еще раньше предложил Кагановичу: "Ты едешь на село, пусть с тобой

теперь поедет Коваль. Это агроном, он очень хорошо знает сельское хозяйство,

и поэтому ты обращай к нему за советами, он тебе подскажет. Он знающий

свое дело человек". Коваль был тогда министром земледелия УССР. И вот Коваль

увидел, что "наших бьют", бьют Первого секретаря, и кто?
Председатель

колхоза. Он к нему: "Что вы говорите, товарищ
Могильниченко? Вот я -

агроном, министр земледелия Украины, и я считаю, что вы
пашете неправильно".

Могильниченко глянул на него искоса и ответил: "Ну и что, что
вы агроном и

министр? Я, як трэба, так и буду пахать". И остался при своих
убеждениях.

Спустя год я к нему поехал специально познакомиться с
ним и колхоз

посмотреть. Да, этот человек действительно знал свое дело.
Я увидел

богатейший колхоз, который не только не имел недоимок, а за
полгода вперед

сдавал авансом государству все сельскохозяйственные
продукты.

Что же беспокоило Кагановича? Каганович сказал мне:
"Боюсь, что

действительно у него будет хороший урожай по такой мелкой
пахоте". Дело

заключалось в том, что Каганович приложил руку к борьбе
против мелкой

пахоты. Тогда велись буквально судебные процессы против
буккера - орудия для

поверхностной вспашки почвы. Сторонников пахоты
буккером осуждали и

ликвидировали. А тут вдруг Каганович встречает мелкую
пахоту.

Противозаконно! Между прочим, в свое время в Саратовской области развивалась

теория буккера, и там какой-то профессор пострадал за нее, был сурово

осужден, посажен в тюрьму, если не расстрелян.

Вот так началась вновь наша совместная деятельность с Кагановичем, теперь

уже на Украине. Он искал какие-то возможности показать себя и решил, что

должен отличиться в том, что Украина максимально перевыполнит план по росту

промышленной продукции, особенно в местной промышленности. Когда Госплан

УССР предложил свои цифры, я их рассмотрел раньше (как председатель Совета

Министров) и вынес на заседание Политбюро ЦК КП(б)У. Каганович на этом

заседании все время смотрел то на цифры, то на меня: согласен ли я с ним? Я

говорю: "Лазарь Моисеевич, можно принимать эти цифры, можно". "Нет, ты

посмотри, какой рост!". "Так это же не годовой прирост в нормальных

условиях, а годовой план по восстановлению промышленности и роста

производства продукции на этой основе. Поэтому это посильно. Ведь за прошлый

год мы добавили вот такой-то процент". Вместо того, чтобы увеличить цифры,

он еле-еле согласился принять такие, ибо боялся, что они гарантируют ему

провал: он не хотел принимать план, который будет не выполнен, а хотел

низкого плана, чтобы перевыполнить его. Куда легче занести в план заниженные

цифры, а потом кричать, что план не только выполняется, но и

перевыполняется. К сожалению, это очень распространенный способ действий в

нашем хозяйстве. Думаю, что им еще и сейчас пользуются, и довольно широко.

Мне не повезло: я весной 1947 года простудился и заболел воспалением

легких, лежал с кислородными подушками, еле-еле выжил. Это помогло в

какой-то степени Кагановичу развернуть свою деятельность без оглядки, потому

что я его все-таки связывал: он вынужден был считаться со мной. А тут он

распоясался, причем дал волю своему хамству. Буквально хамству. Он довел,

например, до такого состояния Патоличева, что тот пришел ко мне, когда я еще

лежал в постели, вскоре после кризиса, и жаловался: "Не могу я! Не знаю, как

быть". Потом он не выдержал и написал письмо Сталину с просьбой освободить

его от работы на Украине, потому что он не может быть рядом с Кагановичем.

Его, по-моему, послали работать в Ростов. Патоличев ушел с Украины.

Мое здоровье пошло на поправку. Я еще пролежал, наверное, месяца два,

если не больше, и вернулся к труду. Однако и у меня очень плохо сложились

отношения с Кагановичем, ну просто нетерпимые отношения. Он развернул

бешеную деятельность в двух направлениях: против украинских националистов и

против евреев. Сам - еврей, и против евреев? Или, может быть, это было

направлено только целевым образом против тех евреев, которые находились со

мной в дружеских отношениях? Скорее всего, так. Работал у нас, в частности,

редактором одной газеты Троскунов(б). Каганович освободил его от должности.

Он его не только третировал, а просто издевался над ним. Это был честный

человек, который во время войны редактировал фронтовую газету, и на

соревнованиях фронтовых газет его издание получило признание как лучшее.

Троскунова я помню еще по Юзовке, когда я учился на рабфаке, а он и там

работал в газете. Кажется, я даже ручался за него, когда он вступал в

партию. Вот это ему и вышло потом боком.

Что касается националистов, то, когда я поднялся после болезни, ко мне

сразу потекли многочисленные жалобы. Они затрагивали вопросы политического

характера, и я как председатель Совета Министров практически ими не

занимался. Эти вопросы входили в компетенцию партийного руководства

республики. В ЦК мы их обсуждали, иногда доходило дело и до меня, но главным

образом они решались в Секретариате ЦК, в работе которого я не принимал

участия. На заседаниях же Политбюро ЦК КП(б)У эти вопросы ставились редко.

Однако все, что я мог сделать, чтобы ослабить нажим Кагановича на

псевдонационалистов, я делал.

Пошел поток записок Кагановича Сталину по "проблемным вопросам". В конце

концов дошло до того, что однажды Сталин позвонил мне: "Почему Каганович

шлет мне записки, а вы эти записки не подписываете?". "Товарищ Сталин,

Каганович - секретарь республиканского ЦК, и он пишет вам как Генеральному

секретарю ЦК. Поэтому моя подпись не требуется". "Это неправильно. Я ему

сказал, что ни одной записки без вашей подписи мы впредь не будем

принимать". Только положил я трубку, звонит мне Каганович:
"Сталин тебе

звонил?". "Да". "Что он сказал тебе?". "Что теперь мы
вдвоем должны

подписывать посылаемые в Москву записки". Каганович даже
не спросил, о чем

еще говорил Сталин: мы поняли друг друга с полуслова. Однако
мне почти не

пришлось подписывать записки, потому что их поток иссяк:
Каганович знал, что

его записки никак не могли быть подписаны мною. Те же,
которые он все же

давал мне, или переделывались, или я просто отказывался их
подписывать, и

они никуда не шли дальше.

Для меня лично главное заключалось в том, что Сталин как
бы возвращал мне

свое доверие. Его звонок был для меня соответствующим
сигналом. Это улучшало

мое моральное состояние: я восстанавливался полноправным, а
не только по

названию, членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Относительно плана: план хлебозаготовок мы выполнили,
сдав около 400 млн.

пудов зерна. Урожай был по тому времени неплохой. Правда,
план был все же

небольшой, но ведь и хозяйство республики было войною
разрушено. Поэтому на

общем фоне сельского хозяйства СССР после войны это были

хорошие цифры.

Осенью 1947 г. Сталин вызвал нас с Кагановичем к себе. Еще до того, когда

мы выполнили план, попросили, чтобы он принял нас в Сочи, где он отдыхал. Мы

туда к нему слетали. А теперь, когда Сталин вернулся в Москву, он сам нас

позвал и поставил вопрос о том, что Кагановичу нечего делать на Украине, его

надо отозвать в Москву. Таким образом, меня восстановили и как Первого

секретаря ЦК КП(б)У. Я был, конечно, рад и с большим рвением взялся за

знакомую работу. Дела у нас пошли хорошо. Сельское хозяйство на Украине

восстанавливалось значительно быстрее, чем в других местах, потревоженных

войной. Мы соревновались тогда с Белоруссией. Украина опережала ее во всех

отношениях. Конечно, Белоруссия была страшно разрушена. И все же этот факт

поднимал значение Украины вместе с авторитетом украинского руководства. Я

был доволен.

1949 год - последний год моего пребывания на Украине. Сталин позвонил

мне, чтобы я приехал в Москву, и сказал, что я вторично перехожу на работу в

общесоюзную столицу. Оглядываясь, скажу, что украинский

народ относился ко

мне хорошо. Я тепло вспоминаю проведенные там годы. Это был очень

ответственный период, но приятный потому, что принес удовлетворение: быстро

развивались, росли и сельское хозяйство, и промышленность республики. Сталин

мне не раз поручал делать доклады на Украине, особенно по вопросам прогресса

животноводства, а потом отдавал эти доклады публиковать в газете "Правда",

чтобы и другие, по его словам, делали то же, что мы делали на Украине.

Впрочем, я далек от того, чтобы переоценить значение собственной персоны.

Напряженно трудилась вся республика.

Я неплохо знаю Украину. И раньше считал, и сейчас считаю, что она по

сравнению с другими республиками имеет высокий уровень развития сельского

хозяйства и сравнительно высокую культуру земледелия. Не знаю, правда, как

оценить культуру хлопководства в Средней Азии. Сравнивая Украину с другими

республиками (не имею в виду Прибалтику, потому что Прибалтика тогда только

недавно вошла в состав СССР), скажу, что Российская Федерация, Белоруссия и

другие республики уступали Украине. Это, видимо, исторически

так сложилось.

В РСФСР же выделялась в лучшую сторону Кубань: там тоже отличные земли и

высокая культура их обработки. Так что успехи УССР я приписываю всему

украинскому народу.

Я сейчас не буду дальше распространяться на данную тему, но это, в

принципе, очень легко доказать. Я сам русский и не хочу обижать русских, а

просто констатирую, что на Украине выше культура земледелия. Сейчас идет

нивелировка, всюду прилагаются большие усилия для подъема земледелия,

затрачиваются большие средства. Новая техника, минеральные удобрения, все

другие элементы, от которых зависит уровень сельскохозяйственного

производства, усиленно финансируются, чтобы выравнять культуру земледелия по

республикам и поднимать ее с каждым годом все выше и выше, полностью

обеспечить потребности народа в продукции сельского хозяйства.

Примечания

(1) СТАРЧЕНКО В. Ф. (1904 - 1948) - член-корреспондент АН УССР с 1945г.,

селекционер, заместитель председателя Совета Министров

УССР.

(2) Нормированное снабжение населения продуктами и товарами первой

необходимости по карточкам было введено постановлением Совнаркома СССР от 18

июня 1941 г. в отдельных местностях, с 1 сентября - в 197 городах, рабочих

поселках и поселках городского типа, а с 1 ноября 1941 г. - во всех прочих

городах и рабочих поселках страны. На гарантированное снабжение по тем же

нормам приняли также работников оборонной промышленности, транспорта и их

детей. В сельских местностях продукты отпускались по талонам или спискам. В

1942 г. вводились спецкарточки для дополнительного питания отдельных

категорий граждан. Продажа по карточкам промтоваров осуществлялась с 1

февраля 1942 г., сначала в крупнейших центрах, а с апреля - и в остальных.

14 декабря 1947 г. было принято постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) "О

проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и

промышленные товары" с ликвидацией карточной системы снабжения.

(3) Состоялся в Москве 21 - 26 февраля 1947 года.

(4) МАЛЬЦЕВ Т. С. (1895 г. - 1994) - новатор сельского

хозяйства, полевод

в Шадринском районе Курганской обл., член ВКП(б) с 1939 г., почетный

академик ВАСХНИЛ, дважды Герой Социалистического Труда (1955 и 1975 гг.),

инициатор безотвальной обработки почвы в современных условиях.

(5) ПАТОЛИЧЕВ Н. С. (1908 - 1989) - член ВКП(б) с 1928 г., в 1939 - 1946

гг. первый секретарь Ярославского, Челябинского обкомов, горкомов партии, с

1946 г. секретарь ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У, потом первый секретарь Ростовского

обкома и горкома партии, ЦК КП Белоруссии, министр внешней торговли СССР в

1958 - 1985 гг., член ЦК партии в 1941 - 1986 гг., член Оргбюро ЦК партии в

1946 - 1947 гг., кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1952 - 1953 гг.

(6) ТРОСКУНОВ Л. И. в годы Великой Отечественной войны редактировал

фронтовые газеты "За честь Родины" (Воронежского фронта), "Красная Армия"

(Донского, Сталинградского, Юго-Западного и Южного фронтов).

СНОВА В МОСКВЕ

Мотивировка отзыва меня с Украины в Москву в 1949 г. - на мой взгляд,

результат какого-то умственного расстройтва у Сталина. То есть не самый

факт моего отзыва, а причины, побудившие Сталина срочно перевести меня. Я

тогда находился во Львове. Украинские националисты убили

писателя-интернационалиста Галана(1), и я проводил собрание среди студентов

Лесотехнического института. Студент, который убил Галана, учился в этом

институте, поэтому я и решил поговорить с его однокашниками.

Вдруг меня вызвал к телефону Маленков: говорит мне, что Сталин передает,

чтобы я срочно прибыл в Москву. "Как срочно?". "Как только можешь. Прилетай

завтра". И наавтра я прибыл в Москву. Сталин встретил меня очень хорошо:

"Ну, - говорит, - что же вы будете долго сидеть на Украине? Вы там

превратились уже в украинского агронома. Пора вам вернуться в Москву". И

начал рассказывать: мы тут считаем, что вам надо опять занять пост первого

секретаря Московского городского и областного партийных комитетов. У нас

плохо обстоят дела в Москве и очень плохо - в Ленинграде, где

мы провели

**аресты заговорщиков. Оказались заговорщики и в Москве.
"Мы хотим, чтобы**

**Москва была опорой ЦК партии, поэтому вам полезнее
работать здесь. Вы**

**станете секретарем сразу МК и ЦК партии". Я, конечно,
поблагодарил за**

**доверие. Сказал, что с удовольствием приеду в Москву, потому
что был доволен**

**своей прежней работой в столице, 11 лет назад. Я считал, что
такой срок**

**работы на Украине вполне приличный и мне будет полезно
переместиться.**

**Когда я вернулся от Сталина, Василевская и Корнейчук,
находившиеся в**

**Москве, зашли ко мне. Я рассказал им о состоявшемся
разговоре. Ванда Львовна**

**расплакалась, буквально разревелась. Я никогда еще не видел
ее в таком**

**состоянии. Она: "Как же вы уедете с Украины? Как же так?".
Полька оплакивала**

**тот факт, что русский уезжает с Украины! Несколько курьезно.
Видимо, это**

**объяснялось тем, что у меня сложились очень хорошие,
дружеские отношения с**

**ней. Я ее очень уважал. Это была замечательная женщина и
замечательная**

**коммунистка. И она платила мне таким же уважением. Я не
скрываю этот штрих,**

может быть немного тщеславный, но, безусловно, приятный для меня. Данное

событие всплыло у меня в памяти, и я решил о нем рассказать.

Относительно сталинской мотивировки его решения: в подтверждение

неблагополучия дел в Москве он вручил мне некий документ: "Вот,

ознакомьтесь, а потом поговорим". Я не стал читать тут же - это был большой

документ - и положил его в карман. Назавтра прочел. Это оказалось анонимное

заявление, хотя и с подписями, но анонимное по своему характеру. Сейчас не

помню, чьи там стояли подписи. В тексте говорилось, что в Москве существует

группа заговорщиков против ЦК и Советского правительства, а группу эту

возглавляет секретарь Московского комитета и ЦК партии Попов(2). Далее

указывалось, кто входит в группу: секретари райкомов партии, часть

председателей райисполкомов, директора заводов, инженеры. Я сразу

почувствовал, что готовил бумагу с умыслом либо сумасшедший, либо мерзавец.

Положил я записку к себе в сейф и решил не говорить Сталину о ней какое-то

время, считая, что чем больше пройдет времени без такого разговора, тем

будет лучше.

Когда я уезжал на Украину, чтобы оформить переход в Москву, Сталин сказал

мне: "Вы к моему 70-летию вернетесь в Москву?" (то есть в декабре).

"Безусловно. Приеду, сейчас же соберу Пленум ЦК КП(б)У, изберем новое

руководство, и я вернусь". Ранее я уже согласовал с ним, что буду

рекомендовать Первым секретарем ЦК Мельникова(З). Сталин согласился, хотя и

не знал его: доверился мне. Приехал я в Москву перед самым празднованием

юбилея, 21 декабря. Отпраздновали мы 70-летие вождя, я был избран секретарем

Московского областного и городского партийных комитетов и приступил к делу.

А вскоре Сталин спросил меня, сам вспомнив: "Я давал вам заявление. Вы с

ним ознакомились?". И смотрит внимательно на меня. "Ознакомился". "Ну, и

как?". А у него была такая привычка: посмотрит на тебя, потом носом дернет

вверх: "Ну, и как?". Отвечаю: "Это мерзавцы какие-то написали или

сумасшедшие". "Как так?". Он очень не любил, когда относились с недоверием к

такого рода документам. "Товарищ Сталин, я абсолютно убежден, что данный

документ не имеет ничего общего с действительностью. Я лично знаю многих

людей, которые названы заговорщиками. Это честнейшие люди. Кроме того, я

абсолютно уверен, что Попов тоже не заговорщик. Он неумно вел себя.

Бесспорно, оказался не на должной высоте. Но он не заговорщик, а честный

человек, в этом я не сомневался и не сомневаюсь. А если бы он даже стал

заговорщиком, то те люди, которые, как написано, входят в его

заговорщическую группу, сам не знаю, что сотворили бы с ним".

Видимо, мой уверенный тон повлиял на Сталина: "Вы считаете, что документ

не заслуживает внимания?". "Безусловно, товарищ Сталин, не заслуживает.

По-моему, тут провокация или безумие". Сталин выругался, и на том все

кончилось. Можете себе представить: если бы подстраиваться под настроение

Сталина, захотеть отличиться и завоевать его дополнительное доверие, то это

очень легко было бы сделать. Нужно было только сказать: "Да, товарищ Сталин,

это серьезный документ, надо разобраться и принять меры". Достаточно было бы

такого заявления с моей стороны, и сейчас же он приказал бы арестовать

Попова и "его группу". Они, конечно, на допросах "сознались" бы, вот вам

заговорщическая группа в Москве, а я стал бы человеком, которому, возможно,

приписали бы, что, дескать, он пришел, глянул, сразу раскрыл и разгромил

заговорщиков. Ведь это же низость! А фактически именно так получилось у

других людей в Ленинграде.

Стал я работать в Москве. Но все же знал, что раз Сталин нацелился на

Попова как заговорщика, то уже не успокоится, пока не доконает его.

Посоветовались мы с Маленковым, и я предложил: "Давай переведем Попова за

пределы Москвы, подберем ему хорошую должность". Так и сделали, послали его,

с временным интервалом, директором крупного завода в Куйбышев. Сталин иногда

вспоминал: "А где Попов?". Когда-то он был любимцем у Сталина. Отвечаю: "В

Куйбышеве". И Сталин успокаивался. Видимо, все-таки думал: "А не ошибся ли

Хрущев, не остался ли этот заговорщик поблизости и не продолжает ли он свою

деятельность в столице?". Он бы никогда не примирился с этим, но когда

узнавал, что Попов в отдалении, то успокаивался.

Мне потом передавали о негодовании Попова против меня.

Умер он, что его

осуждать? Он же не понимал, что ему меня не только не ругать надо, а

наоборот. Если бы не я, он бы погиб, потому что Сталин уже подготовился к

этому. Ведь и меня-то он вызвал потому, что получил документ против Попова и

поверил этому документу. Я спас Попова, но вот бывает так, что человек не

поймет и проявляет недовольство теми, кто подставил свою спину в его защиту.

А ведь я тогда рисковал. Если бы Сталин мне не поверил, то мог бы подумать,

что и я вхожу в заговор вместе с Поповым.

Такие наступали опять времена. После войны мы постепенно как бы

возвращались к мясорубке 1937 г., к методам тогдашней "работы".

Только что передали по радио трагическую весть о том, что погиб Гагарин*.

При каких обстоятельствах, ничего не сообщили. Очень жаль. Сообщили только,

что он погиб в результате авиационной катастрофы. Видимо, еще не известны

причины катастрофы, еще требуется техническая экспертиза. Но это уже

**причина, а сам факт гибели такого замечательного человека
бесспорен. Очень**

жаль. Хороший был, смелый человек, первым полетел в космос.

**Возвращаюсь к прерванному столь печальным известием
рассказу о моей**

**работе в Москве. Когда я стал секретарем ЦК ВКП(б) и
Московской**

**парторганизации, Кузнецов-Ленинградский(4), как мы его
между собой называли,**

**был арестован. Развернулась охота за ленинградцами.
Ленинградская**

**парторганизация всю громила. Сталин, сказав, что мне
нужно перейти в**

**Москву, уже сослался тогда на то, что в Ленинграде раскрыт
заговор. Он**

вообще считал, что Ленинград - заговорщический город.

**В то время много людей было направлено в Москву
из**

**Горь-----* Ю. А. Гагарин погиб 27
марта**

**1968 года (ред.). 24 ковской области. Председатель Совета
Министров**

**Российской Федерации Родионов(5) тоже был из Горького.
Думаю, что Жданов,**

**который много лет работал там и знал тамошние кадры,
выдвигал их. Хороший**

был председатель, нравился он мне: молодой, энергичный человек, имел

собственные мысли, перспективный. Но тоже был арестован. И не только он,

многие были схвачены. Я много лет не работал в Москве и поэтому не знал

людей из числа арестованных. Более или менее знал Кузнецова. Очень хорошо

знал Вознесенского(б). Вознесенский не был еще арестован, когда я прибыл в

Москву, но уже был смещен с прежних постов. Он ходил без дела и ожидал, чем

это кончится, что принесет ему завтрашний день.

Сталин к Вознесенскому раньше относился очень хорошо, питал к нему

большое доверие и уважение. Да и к Косыгину, и к Кузнецову, ко всей этой

тройке. Тогда считалось, что вот тройка молодых - Вознесенский, Кузнецов и

Косыгин. Они идут нам на смену. Сталин стал их продвигать. Кузнецов должен

был заменить Маленкова. Вознесенского он сделал первым заместителем

председателя Совета Министров СССР, то есть своим первым заместителем, и

поручил ему председательствовать на заседаниях Совмина. Косыгин занимался

проблемами легкой промышленности и финансов. Полагаю, что гибель этих людей

(без Косыгина) определилась именно тем, что Сталин стал их выдвигать, готовя

смену старым кадрам. Прежде всего, значит, замену Берии, Маленкову,

Молотову, Микояну. Они у него уже не пользовались тем доверием, как раньше.

Как конкретно удалось сделать подкоп, подрвать доверие к новым людям,

натравить Сталина на них, его же выдвиженцев, мне сейчас трудно сказать.

Могу только делать выводы из своих наблюдений и отдельных реплик, которые

слышал при разговорах между Маленковым и Берией. Кроме того, я видел, как

вели себя Маленков и Берия у Сталина, когда заходила речь об этих людях. У

меня сложилось впечатление, что как раз Маленков и Берия приложили все

усилия, чтобы утопить их. Главным образом тут действовал Берия, а Маленкова

он использовал как таран, потому что тот сидел в ЦК партии и ему были

доступны вся информация и документы, которые передавались Сталину. Ряд

документов преследовал цель направить гнев Сталина против "группы молодых":

они заранее знали, как будет реагировать Сталин.

В тюрьме уже сидел тогда Шахурин(7), нарком авиационной промышленности во

время войны. Я очень хорошо знал Шахурину, когда он находился на партийной

работе и был, в частности, парторгом

ЦК на 30-м авиационном заводе. В качестве наркома его заменил

Дементьев(8). Я знал и того, и другого и хорошо относился к ним, считая,

что они очень толковые инженеры и организаторы производства. Шахурину

посадили за то, что во время войны делали "плохие самолеты". Это случилось,

когда я был еще на Украине, и поэтому я не знал подробностей. Потом Маленков

рассказывал мне, что якобы соответствующую записку написал (или лично

наговорил отцу) Василий Сталин: делали такие-то самолеты и такие-то у них

имелись недостатки, а виноват в этом нарком Шахурин.

Косвенно задело это и Маленкова, которому по линии Политбюро во время

войны было поручено наблюдать за работой авиационной промышленности. Теперь

ему вменялось в вину покровительство плохой работе наркомата. Кое-что тут

было справедливо, потому что погоня за количеством шла в ущерб качеству. Но

ведь шла война! Во многих отраслях промышленности приходилось так поступать.

Такого рода рассуждения задним числом привели к аресту

Шахурин и к

временному освобождению Маленкова от работы в ЦК. Его послали тогда,

кажется, в Ташкент. Но он там недолго пробыл и быстро вернулся. Многие

сейчас и не помнят, что имел место такой факт. Возвратил же его в Москву

Берия. Когда Маленкова в Москве не стало, Берия, как он сам рассказывал, шаг

за шагом продвигал перед Сталиным идею возврата Маленкова. В конце концов

его вернули, и он опять занял свой пост секретаря ЦК партии.

Какой существовал повод к аресту Кузнецова и других? Я не могу знать всех

деталей, но что-то знаю и хочу об этом рассказать. Сейчас многое звучит

просто неправдоподобно и даже вызывает удивление, что такие причины могли

вызвать гибель людей и целых партийных организаций, которые все брались под

подозрение. Вот факты. Еще до войны (не помню, в какие годы) в ЦК было

создано Бюро по Российской Федерации. Возглавлял это бюро, кажется, Андрей

Андреевич Андреев. Не знаю, при каких обстоятельствах это бюро перестало

существовать, и снова возникло такое положение, что РСФСР не имела своего

высшего партийного органа, который разбирал бы текущие

вопросы экономики и

прочего. Все они были розданы по союзным наркоматам, только некоторые

вопросы третьей степени важности рассматривались Совнаркомом РСФСР. Частично

из-за этого Российская Федерация и работала значительно хуже, чем другие

республики.

Как-то после войны, приехав с Украины, я зашел к Жданову. Тот начал

высказывать мне свои соображения: "Все республики имеют свои ЦК, обсуждают

соответствующие вопросы и решают их или ставят перед союзным ЦК и Советом

Министров СССР. Они действуют смелее, созывают совещания по

внутриреспубликанским вопросам, обсуждают их и мобилизуют людей. В

результате жизнь бьет ключом, а это способствует развитию экономики,

культуры, партийной работы. Российская же Федерация не имеет практически

выхода к своим областям, каждая область варится в собственном соку. О том,

чтобы собраться на какое-то совещание внутри РСФСР, не может быть и речи. Да

и органа такого нет, который собрал бы партийное совещание в рамках

республики". Я с ним согласился: "Верно. Российская

Федерация поставлена в

неравные условия, и ее интересы от этого страдают".

"Я, - продолжал Жданов, - думаю над этим вопросом. Может быть, надо

вернуться к старому, создав Бюро по Российской Федерации? Мне кажется, это

**приведет к налаживанию партийной работы в РСФСР".
Говорю: "Считаю, что это**

было бы полезно. Даже при Ленине внутри СССР не было ЦК партии по РСФСР. Это

и правильно, потому что если бы у Российской Федерации имелся какой-то

выбранный центральный парторган, как у других республик, то могло возникнуть

противопоставление. Российская Федерация слишком мощная по количеству

населения, промышленности, сельскому хозяйству. К тому же в Москве

находились бы сразу два центральных комитета: один межреспубликанский, а

другой - для РСФСР. Ленин на это не пошел. Видимо, он не хотел создать

двоецентрие, не хотел столкнуть такие центры, а стремился к монолитности

политического и партийного руководства. Так что ЦК для РСФСР не нужен, лучше

иметь Бюро". "Да, - говорит Жданов, - видимо, целесообразнее создать такое

Бюро".

Жданов перед своим отъездом на Валдай, где он отдыхал и лечился, позвонил

мне в Киев: "Вы были в Москве, но я с вами не успел поговорить. У меня

имеется важный вопрос. Теперь я уезжаю, поговорим тогда, когда вернусь с

Валдая". Я пожелал ему всего хорошего. А в скором времени получил известие о

том, что Жданов умер. Таким образом, то, о чем он хотел поговорить, осталось

для меня загадкой. Он мне в Киев звонил редко, как и я ему из Киева. У нас

более всего возникало кадровых вопросов или по сельскому хозяйству.

Телефонный перезвон с Москвой у меня существовал, но не со Ждановым, а с

Маленковым. А теперь обвинили "группу Кузнецова" в Ленинграде, будто там

проявили "русский национализм" и противопоставили себя общесоюзному ЦК.

Что-то в этом духе, точно не помню, а документов я не видел. Почему же у

меня сложилось такое впечатление? Я слышал соответствующие разговоры между

Маленковым и Берией, а иной раз и у Сталина. Сталин задавал какие-то вопросы

Маленкову, и их разговор вертелся вокруг этого.

У меня же как-то с Маленковым возник следующий разговор. Я тогда

разрабатывал вопрос о том, чтобы создать на Украине республиканские

министерства угольной промышленности и металлургической промышленности. А за

отправное брал реалии ленинского периода. Когда Ленин еще был жив, то после

гражданской войны на Украине был создан Комитет по каменноугольной

промышленности. Возглавлял его Семен Шварц(9), старый большевик. Я в то

время служил еще в Красной Армии. Видимо, речь идет о 1921-м и начале 1922

года. Когда я вернулся на рудники и стал работать на Рутченковских коях,

угольную промышленность Донбасса возглавлял Георгий Пятаков(10), крупный

политический и хозяйственный деятель. Он считался видным экономистом и слыл

авторитетом. Потом его заменили, не знаю точно, по каким причинам, но

главной была, конечно, политическая, потому что Пятаков являлся ближайшим

человеком у Троцкого, с которым шла тогда острая борьба. Видимо, это и

сказалось на том, что Пятакова переместили из Донбасса. Его там заменил

Чубарь. Тогда на губернских партийных конференциях пели много частушек на

злобу дня. Встречались и такие слова: "Шлет ЦК нам Чубаря. Что у нас

изменится?".

Уголь в те годы главным образом добывали в Донбассе.
Наверное, процентов

80 занимала донбасская доля в общей добыче советского угля. Я
считаю, что и

сейчас надо бы создать на Украине объединенное правление по
углю, вернувшись

к тому, что было при Ленине и сразу после Ленина. На Украине
находилась и

Югосталь. Ее возглавлял Иванов(11), тоже старый большевик.
Довольно толстый

был человек. Югосталь размещалась в Харькове, а Комитет по
каменноугольной

промышленности - в Бахмуте (теперь Артемовск). Потом он
тоже переехал в

Харьков, и там возглавил его Рухимович, а Чубарь уже стал
председателем

Совета народных комиссаров Украины.

Рухимовича я очень уважал. Это замечательный человек,
старый большевик,

очень простой и доступный, рассудительный и умный.
Донбасцы - шахтеры,

включая их руководство, которое соприкасалось с лидерами, - с
очень большим

уважением относились к Рухимовичу. Он часто проводил
совещания работников

угольной промышленности, и я всегда выезжал на эти
совещания, когда был

заворгом Сталинского окружного парткомитета. Рухимович

лично знал меня и

хорошо ко мне относился. Видимо, я был ему полезен, потому что активно

работал в своем округе. К тому же я был местный человек, вырос среди

шахтеров и знал условия производства как на рудниках, так и на заводах

металлургической промышленности.

Вот и хотел я в конце 40-х годов создать кое-что украинское по углю,

металлу и железнодорожному транспорту. Поехал в Москву и прежде, чем свои

документы подписать и отдать Сталину, решил посоветоваться с Маленковым.

Вижу, Маленков на меня странно смотрит, и глаза у него на лоб лезут: "Что ты

делаешь? Да ты что?". "А что?". "Спрячь свои документы и никому больше о них

не говори. Ты знаешь, что сейчас в Ленинграде происходит то-то и то-то? А

основным обвинением приписали ленинградцам, что они проявляют самостийность:

самовольно собрали в Ленинграде ярмарку и распродавали залежалые товары". Но

я не увидел в том никакого преступления и никакого проявления российского

национализма. Мы то же самое делали у себя в Киеве. У нас имелась ярмарка,

где продавались залежалые товары, которые в магазинах уже

не находили

покупателей, а здесь шли с уценкой, со скидкой. Существовал завал всяческой

дряни, которую бесконтрольно производил кое-кто после войны. От нее

избавлялись. И вот это безобидное и полезное дело было, видимо, в

соответствующей форме преподнесено Сталину, с политической окраской.

А кто же это сделал? Конечно, Берия и Маленков. Сталину вообще немного

было нужно при его болезненной подозрительности. Начал разматываться клубок.

Уж не знаю, как конкретно он разматывался, но размотался, что называется, до

сердцевины. И оказалось необходимым, с точки зрения Сталина, пресечь

"враждебную акцию", для чего арестовать прежде всего Кузнецова и

председателя Совета Министров Российской Федерации Родионова. Они к тому же

поставили вопрос о создании каких-то республиканских органов, которые якобы

должны были работать, не подчиняясь союзным органам. Одним словом, им

вменили в вину противопоставление периферии центру.

Начались аресты. Арестовали массу людей в Ленинграде, а также тех, кого

ЦК брал из Ленинграда, выдвигая на посты в других местах.

Например, в Крыму

тогда руководство было создано из ленинградцев, и там тоже всех арестовали.

Вознесенского освободили от всех его должностей, ибо он тоже ленинградец. В

общем, раскрыли кубло, как говорят в народе, то есть звериное логово.

Выдумали ленинградское заговорщическое гнездо, которое, дескать,

преследовало какие-то антисоветские цели. Опять возникло в стране

трагическое положение, да и в партии. Эта зараза репрессий легко могла

охватить кого угодно.

Сейчас у меня возникла мысль: не сфабриковано ли было письмо, которое мне

дал читать Сталин, по заданию Берии и через его агентуру, чтобы припугнуть

Сталина, что не только Ленинград, но и Москва имеет заговорщиков? Сталин

решил тогда меня вызвать, чтобы я возглавил Московскую партийную

организацию. Но если так, то я, ознакомившись с письмом, пресек дело для

москвичей, уверенно сказав Сталину, что это выдумка проходимцев или же бред

сумасшедших. Если так, значит, я оказался преградой для распространения

арестов на Москву. Не то и в Москве, не знаю, сколько было бы

потеряно голов

из партийного и хозяйственного актива.

Правда, в столице этот процесс в какой-то степени уже начался. Когда я

вернулся в Москву, были проведены большие аресты среди работников ЗИС

(Автомобильного завода имени Сталина). Возглавлял "заговорщическую

организацию американских шпионов" помощник Лихачева, директора Автозавода

им. Сталина. Не помню сейчас его фамилии, но я лично знал этого паренька -

щупленького, худенького еврея(12).

Я познакомился с ним случайно, после войны. Как-то встретил я Ивана

Алексеевича Лихачева и спросил: как здоровье? "Работаю,

- говорит, - но чувствую себя неважно". "Приехал бы ты к нам в Киев,

отдохнул бы, у нас очень хорошо, приезжай, когда захочешь, я всегда буду

рад, создадим тебе условия для отдыха". "Хорошо,

- отвечает, - воспользуюсь этим приглашением". И вот однажды Иван

Алексеевич позвонил мне: "Могу приехать. Хотел бы и помощника взять с

собой". "Приезжай с помощником, пожалуйста, вези кого хочешь". Я их устроил,

и они отдыхали в Киеве.

Лихачев с помощником часто приходили ко мне на квартиру или бывали на

даче в выходные дни. Таким образом я и познакомился с помощником. Обычный

человек, старательно выполнявший поручения Лихачева. Я и не думал, что он

является, как его потом обозвали, главой американских сионистов, через

которого те организуют свою работу в Советском Союзе. Его арестовали, и он,

конечно, сознался. Я-то знаю, как "сознавались" люди, что они английские,

гитлеровские и другие агенты. Это было не признание, а вымогательство,

нужное тем, кто преследовал корыстные цели.

Дошло дело и до Лихачева. Лихачев был тогда министром, кажется,

автомобильного транспорта. Сталин поручил Берии, Маленкову и мне втроем

допросить Лихачева. Вызвали Лихачева, стали его допрашивать. Мне было больно

видеть это, но я ничего не мог поделать, потому что обвинение основывалось

на "документальных данных", на "показаниях" людей, которые работали с

Лихачевым. Это ведь считалось неопровержимым доказательством. Допрашивали

его в помещении для заседаний Бюро Совета Министров СССР в Кремле, на

третьем этаже. Там был раньше кабинет Ленина, стояли ленинский стол и

кресло. Да и сейчас, по-моему, стоит в отдельном углу это кресло,

перевязанное черной ленточкой.

Когда ему предъявили обвинение, Лихачев стал что-то говорить в свое

оправдание, а потом разохался и упал в обморок. Его окатили водой, привели в

чувство и отправили домой, потому что допрашивать уже было невозможно.

Рассказали Сталину, как все было. Сталин послушал, посмотрел на нас и

обругал Лихачева. Он очень хорошо относился раньше к Лихачеву. Называл его

Лихачом. Он перенял это от Серго Орджоникидзе. Лихачев был любимцем Серго, и

Серго всегда его звал Лихачом. И Сталин тоже стал его называть Лихачом.

Видимо, сказалось хорошее в ту пору настроение Сталина, и оставили Лихача в

покое. Иван Алексеевич вернулся к работе и пережил Сталина.

Но с зисовцами расправились. Абакумов(13), то есть нарком

госбезопасности, сам вел дознание. А уж если Абакумов лично допрашивал, сам

вел дело, то все быстро признавались, что они заядлые враги Советского

Союза. И все они были расстреляны. Вот какая существовала в

Москве атмосфера

в то время, когда я вторично приехал туда с Украины. Сталин уже постарел.

Подозрительность стала развиваться в нем все больше, и он стал еще опаснее.

Да и мы смотрели на него уже не так, как в первые годы разоблачений "врагов

народа", когда считалось, что он сквозь стены и железо все видел насквозь.

Уже было поколеблено в нас прежнее доверие к нему. Но после разгрома

гитлеровских войск вокруг Сталина сохранялся ореол славы и гениальности.

Помню дни, когда Вознесенский, освобожденный от прежних обязанностей, еще

бывал на обедах у Сталина. Я видел уже не того человека, которого знал

раньше: умного, резкого, прямого и смелого. Именно смелость его и погубила,

потому что он часто схватывался с Берией, когда составлялся очередной

народнохозяйственный план. Берия имел много подшефных наркоматов и требовал

львиной доли средств для них, а Вознесенский как председатель Госплана хотел

равномерного развития экономики страны. Не он, а страна не имела возможности

удовлетворить запросы тех наркоматов, над которыми шефствовал Берия. Но не

наркоматы выступали против Вознесенского, а Берия.

Берия, как близкий к Сталину человек, обладал большими возможностями.

Нужно было знать Берию, его ловкость, его иезуитство. Он мог выждать,

выбирая момент, чтобы подбросить Сталину либо доброе, либо худое, в

зависимости от собственных интересов, и ловко этим пользовался.

А за обедами у Сталина сидел уже не Вознесенский, но тень Вознесенского.

Хотя Сталин освободил его от прежних постов, однако еще колебался, видимо,

веря в честность Вознесенского. Помню, как не один раз он обращался к

Маленкову и Берии: "Так что же, ничего еще не дали Вознесенскому? И он

ничего не делает? Надо дать ему работу, чего вы медлите?". "Да вот думаем",

- отвечали они. Прошло какое-то время, и Сталин вновь говорит: "А почему ему

не дают дела? Может быть, поручить ему Госбанк? Он финансист и экономист,

понимает это, пусть возглавит Госбанк". Никто не возразил, но проходило

время, а предложений не поступало.

В былые времена Сталин не потерпел бы такой дерзости, сейчас же заставил

бы Молотова или Маленкова взять карандаш, как обычно

делал, и продиктовал бы

постановление, тут же подписав его. Теперь же только говорил: "Давайте,

давайте ему дело", но никто ничего не давал. Кончилось это тем, что

Вознесенского арестовали. Какие непосредственно были выдвинуты обвинения и

что послужило к тому толчком, я сейчас не знаю. Видимо, Берия подбрасывал

какие-то новые материалы против Вознесенского, и, когда чаша переполнилась,

Сталин распорядился арестовать его.

Организовать это Берия мог с разных сторон. По партийной линии

подбрасывал материалы Маленков, по чекистской линии - Абакумов. Но

источником всех версий был Берия, умный и деловой человек, оборотистый

организатор. Он все мог! А ему надо было не только устранить Вознесенского

из Совета Министров. Он боялся, что Сталин может вернуть его, и Берия

преследовал цель уничтожить Вознесенского, окончательно свалить его и

закопать, чтобы и возврата к Вознесенскому не состоялось. В результате таких

интриг Вознесенский и был арестован. Пошло следствие. Кто им руководил?

Конечно, Сталин. Но первая скрипка непосредственной

"работы" находилась в

руках Берии, хотя Сталин думал, что это он лично всем руководит.

Почему я так считаю? Потому что Абакумов - это человек, воспитанный

Берией. Его Сталин назначил в госбезопасность тогда, когда Берия был

освобожден от этой работы, чтобы сосредоточить свое внимание на Совете

Министров СССР. Сталин хотел, чтобы Министерство госбезопасности

непосредственно ему докладывало все дела, и Абакумов лично ему и докладывал.

Сталин мог и не знать, но я был убежден, что Абакумов не ставил ни одного

вопроса перед Сталиным, не спросив у Берии, как доложить

Сталину. Берия давал директивы, а потом Абакумов докладывал, не ссылаясь

на Берию и получая одобрение Сталина.

Атмосфера сгущалась. В нашем государстве полагается, чтобы серьезные

вопросы обсуждались или на Политбюро, или в Совете Министров. Такое

обсуждение было необходимо, чтобы избежать крупных ошибок. Но этого не было

и в помине. Никаких заседаний не созывалось. Собирались у Сталина члены

Политбюро, выслушивали его, а он на ходу давал директивы. Иной раз и он

заслушивал людей, если ему нравились их мнения, или же рычал на них и тут

же, никого не спрашивая, сам формулировал текст постановления либо решения

ЦК или Совета Министров СССР, после чего оно выходило в свет. Это уже сугубо

личное управление, это произвол. Не знаю, как и назвать это, но это факт.

Помню, что Сталин поднимал не раз вопрос о Шахурине, который был в

заключении. Сидел и Главный маршал авиации Новиков(14), тоже посаженный

после войны за то, что принимал "недоброкачественные самолеты", то есть по

тому же делу авиастроения.

Новикова я лично знал. Он почти всю войну прокомандовал нашими

Военно-Воздушными Силами. Скажу о его недостатках: он пил больше, чем надо.

Но это был человек, преданный Родине, честный, сам летчик, знавший свое

дело. У Сталина, видимо, шевелился червячок доброго отношения к Шахурину и

Новикову. Смотрит он на Берию и Маленкова и говорит: "Ну что же они

сидят-то, эти Новиков и Шахурин? Может быть, стоит их освободить?". "Вроде

бы размышляет вслух. Никто ему, конечно, ничего на это не отвечает. Все

бояться сказать "не туда", и всё на этом кончается. Через какое-то время

Сталин опять поднял тот же вопрос: "Подумайте, может быть, их освободить?"

Что они там сидят? Работать еще могут". Он обращался к Маленкову и Берии,

потому что именно они занимались этим делом.

Когда мы вышли от Сталина, я услышал перебрасывание репликами между

Маленковым и Берией. Берия: "Сталин сам поднял вопрос об этих авиаторах.

Если их освободить, это может распространиться и на других". Разговор шел в

туалете, где мы собирались мыть руки перед обедом и порою обменивались

мнениями. Туалет был просторный, так что иной раз мы собирались там и перед

заседаниями, и после заседаний. Перед заседаниями говорили о том, что

предстоит, а после обеда обсуждали, с какими последствиями прошла трапеза.

Когда я обдумывал этот вопрос, мне пришла в голову мысль: о каких других

говорил Берия? Он, видимо, боялся, что если будут освобождены Шахурин и

Новиков, то как бы Сталин не вернулся к вопросу о Кузнецове и Вознесенском,

над которыми суда еще не было. Этого боялись и Берия, и Маленков. Тогда все

"ленинградское дело" окажется под вопросом. Хотя они согласны были, видимо,

освободить Шахурину и Новикова, которые не стояли на пути ни Маленкова, ни

Берии. Правда, Маленков боялся и слово замолвить о Шахурине и Новикове,

потому что его тоже обвиняли по этому же вопросу. Ведь он покровительствовал

наркомату авиапромышленности и допустил, что появилось много

"недоброкачественных" самолетов, в результате чего мы теряли лучшие кадры во

время войны.

Со мною о "ленинградском деле" Сталин никогда не говорил, и я не слышал,

чтобы он где-то в развернутом виде излагал свою точку зрения. Только однажды

он затронул этот вопрос, когда вызвал меня с Украины в связи с переходом в

Москву и беседовал со мной о "московских заговорщиках". Маленков и Берия все

же не допустили освобождения Шахурину и Новикова. Следовательно, не были

освобождены и люди, арестованные по "ленинградскому делу". Не зная

подробностей этого дела, допускаю, что в следственных материалах по нему

может иметься среди других и моя подпись.

Происходило это обычно так: когда заканчивалось дело,

Сталин, если считал

необходимым, тут же на заседании Политбюро подписывал бумагу и вкруговую

давал подписывать другим. Те, не глядя, а опираясь лишь на сталинскую

информацию, тоже подписывали. Тем самым появлялся коллективный приговор.

Правда, в "ленинградском деле", если рассматривать прежнюю практику борьбы с

"врагами народа", была применена уже широкая судебная процедура: не только

следователи вели следствие, но и приезжал прокурор, потом был организован

суд, на который приглашался актив Ленинградской парторганизации, на суде

велся допрос подсудимых, потом им давали последнее слово. Ну и что? А в 30-е

годы на открытых процессах разве обстояло по-другому?

Сталину рассказывали (я присутствовал при этом), что Вознесенский, когда

было объявлено, что он приговаривается к расстрелу, произнес целую речь. В

своей речи он проклинал Ленинград, говорил, что Петербург видел всякие

заговоры - и Бирона(15), и зиновьевщину, и всевозможную реакцию, - а теперь

вот он, Вознесенский, попал в Ленинград. Там он учился, а сам-то родом из

Донбасса. И проклинал тот день, когда попал в Ленинград.

Видимо, человек уже

**потерял здравый рассудок и говорил несуразные вещи. Дело
ведь не в**

Ленинграде. При чем тут зиновьевщина? В

**20-е годы имелась совсем другая основа политической борьбы:
шла борьба**

**взглядов о путях строительства социализма в СССР, тогда
можно было занимать**

**либо ту, либо другую позицию. Я тоже занимал тогда
сталинскую позицию и**

**боролся против Зиновьева. А Бирон - вообще иная эпоха. Это же
несовместимые**

понятия.

**Не помню, что говорили в последнем слове Кузнецов и другие
ленинградцы,**

**но, что бы они там ни говорили, фактически их приговорили
значительно**

**раньше, чем суд оформил и подписал приговор. Они были
приговорены к смерти**

**Сталиным еще тогда, когда их только арестовывали. Много
людей погибло и в**

**самом Ленинграде, и там, куда выехали из Ленинграда для
работы в других**

**местах. Косыгин тоже висел на волоске. Сталин рассылал
членам Политбюро**

**показания арестованных ленинградцев, в которых много
говорилось о Косыгине.**

**Кузнецов состоял с ним в родстве: их жены находились в
каких-то кровных**

связях. Таким образом, уже подбивались клинья и под Косыгина. Он был

освобожден от прежних постов и получил назначение на должность одного из

министров. Раньше он был близким человеком к Сталину, а тут вдруг все так

обернулось и такое получилось сгущение красок в "показаниях" на Косыгина,

что я и сейчас не могу объяснить, как он удержался и как Сталин не приказал

арестовать его. Косыгина, наверное, даже допрашивали, и он писал объяснения.

На него возводились нелепейшие обвинения, всякая чушь. Но Косыгин, как

говорится, вытянул счастливый билет, и его минула чаша сия.

Это могло случиться с любым из нас. Все зависело от того, как взглянет на

тебя Сталин или что ему покажется в такой момент. Порою говорил: "Что это вы

сегодня на меня не смотрите? Что-то у вас глаза бегают". Или еще что-либо в

таком роде. И все это произносилось с таким злом! Разумный следователь не

ведет себя так даже с заядлым преступником, а тут произносилось за дружеским

столом. Сидим мы, едим, а он вдруг награждает такими эпитетами и репликами

людей, которые по его же приглашению сидят за его столом и ведут с ним

беседу. Тяжелое было время!

Примечания

(1) ГАЛАН Я. А. (Владимир Росович. 1902 - 24. X. 1949) - львовский

публицист, член Компартии Западной Украины с 1924 г., автор антифашистских и

антиклерикальных памфлетов и пьес.

(2) ПОПОВ Г. М. (1906 - 1968) - член ВКП(б) с 1926 г. 2-й секретарь МГК

ВКП(б) в 1938 - 1945 гг., председатель исполкома Моссовета в 1944 - 1950

гг., 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б) в 1945 - 1949 гг., секретарь ЦК партии в

1946 - 1952 гг.

(3) МЕЛЬНИКОВ Л. Г. (1906 - 1981) - советский государственный и партийный

деятель, член Компартии с 1928 г., 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины с 1949 г.,

посол в Румынии в 1953 - 1955 гг., министр строительства предприятий

угольной промышленности СССР в 1955 - 1957 гг., с 1966 г. председатель

Госгортехнадзора при Совмине СССР; член и кандидат в члены ЦК КПСС в 1952 -

1961 гг., и член Президиума ЦК в 1952 - 1953 гг., депутат Верховного Совета

СССР в 1941 - 1954.

(4) КУЗНЕЦОВ А. А. (1905 - 1950) - член ВКП(б) с 1925 г.,

генерал-лейтенант с 1943 г., с 1938 г. второй и с 1945 г. первый секретарь

Ленинградского обкома и горкома партии, в 1946 - 1949 гг. секретарь ЦК

ВКП(б), член ЦК партии в 1939 - 1949 гг., член Оргбюро ЦК партии с 1946 г.

Репрессирован в связи с "Ленинградским делом".

(5) РОДИОНОВ М. И. (1907 - 1950) - член ВКП(б) с 1925 г., в 1940 - 1946

гг. 1-й секретарь Горьковского обкома и горкома партии, в 1946 - 1949 гг.

председатель Совета Министров РСФСР. Репрессирован в связи с "Ленинградским

делом".

(6) ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н. А. (1903 - 1950) - член РКП(б) с 1919 г., академик АН

СССР с 1943 г., председатель Госплана СССР в 1938 - 1949 гг., заместитель

главы правительства СССР с 1939 г., член ГКО в 1942 - 1945 гг., член ЦК

партии с 1939 г., член Политбюро ЦК партии с 1947 г.

Репрессирован в связи с

"Ленинградским делом".

(7) ШАХУРИН А. И. (1904 - 1975) - член ВКП(б) с 1925 г., с 1938 г. 1-й

секретарь Ярославского, Горьковского обкомов ВКП(б), в 1940 - 1946 гг.

**нарком авиационной промышленности СССР, с 1953 г.
замнаркома авиапрома СССР.**

(8) ДЕМЕНТЬЕВ П. В. (1907 - 1977) - член ВКП(б) с 1938 г., до 1941 г.

находился на инженерно-административной работе, в 1941 - 1953 гг. 1-й

заместитель наркома (министра) и в 1953 - 1957 гг. министр авиационной

промышленности СССР, затем председатель Комитета по авиационной технике и с

1965 г. вновь министр авиапрома.

(9) ШВАРЦ С. (И. И.) (1879 - 1951) - член РСДРП с 1899 г., с 1921 г.

председатель Союза горняков, с 1929 г. член Президиума ВСНХ, член ЦК партии

в 1924 - 1934 гг. и кандидат в члены ЦК партии в 1934 - 1939 гг.

Необоснованно репрессирован.

(10) ПЯТАКОВ Г. Л. (1890 - 1937) - советский государственный и партийный

деятель, член Компартии с 1910 г., участник революционного движения,

комиссар Народного банка в 1917 - 1918 гг., председатель Временного

рабоче-крестьянского правительства Украины, руководитель восстановления

Донбасса с 1920 г., зам. председателя Госплана РСФСР, зам. председателя ВСНХ

с 1923 г., торгпред во Франции в 1927 г., председатель правления

Госбанка с

**1929 г., зам. и 1-й зам. наркома тяжелой промышленности СССР
в 1932 - 1936**

гг. Был репрессирован.

(11) ИВАНОВ А. В. (1888 - 1927) - член РСДРП с 1906 года.

**(12) ЭЙДИНОВ А. Ф., помощник И. А. Лихачева, - член
ВКП(б) с 1931 г.,**

**работал на АМО с 1930 г., был арестован в 1950 г. на АТЭ-2
(филиал ЗИСа,**

снабжавший его электрооборудованием) и репрессирован.

**(13) АБАКУМОВ В. С. (1908 - 1954) - член Компартии с 1930 г.,
сотрудник**

**ОГПУ с 1932 г., работник Отдела охраны ГУЛАГа и
Главного управления**

**госбезопасности НКВД СССР в 1934 - 1938 гг., начальник
управления НКВД**

**Ростовской обл. в 1938 - 1941 гг., зам. наркома внутренних дел
СССР с**

**1941 г., начальник Главного управления контрразведки
"Смерш" в 1943 - 1946**

**гг., министр госбезопасности СССР в 1946 - 1951 гг., 12 июля
1951 г.**

**арестован, в декабре 1954 г. осужден Военной коллегией
Верховного суда СССР**

и расстрелян.

**(14) НОВИКОВ А. А. (1900 - 1976) - член РКП(б) с 1920 г.,
Главный маршал**

**авиации с 1944г., командующий ВВС страны в 1942 - 1946 гг.
и Дальней**

авиацией в 1953 - 1955 гг. Он находился в заключении в 1946 - 1953 гг.

(15) Имеется в виду граф Бирон Э. И. (1690 - 1772), фаворит царицы Анны

Иоанновны в 1730-е годы, временщик и создатель реакционного режима

Бироновщины.

ВОКРУГ НЕКОТОРЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

Приложил руку к этим нехорошим делам и Щербаков(1).
Хочу вспомнить в

данной связи один эпизод, когда Щербаков слыл "умелым строителем" Красной

Армии, попав в когорту таких строителей неизвестно за что. В период нашего

отступления на фронтах войны, особенно в начале 1942 г., печаталось много

критических статей, в которых вскрывались недостатки в Красной Армии и

критиковались конкретные факты отступления. С очень острыми критическими

статьями выступал тогда, в частности. Александр Петрович Довженко(2) -

замечательный кинорежиссер и хороший публицист. Он обладал ясным умом и

острым пером. Поэтому его статьи были хлесткие, причем они находили

одобрение и похвалу у Сталина. В 1943 г. он написал киносценарий "Украина в

огне". Очень впечатляющий сценарий. Большинство эпизодов для этого сценария

он заимствовал из своих статей. Уже само название "Украина в огне"

привлекало внимание. Действительно, вся Украина лежала тогда в огне. Автор

не скупился на резкие замечания в адрес Красной Армии, а особенно критиковал

тех людей, которые отвечали за ее боевую подготовку, и показывал, что

подготовка не соответствовала современным условиям.

Довженко представил сценарий в ЦК. Я с ним ознакомился. Читали также

Маленков и другие лица, сейчас уже не помню, кто именно. Довженко хотел его

напечатать, чтобы затем создать на его основе кинокартину. Когда однажды

Сталин вызвал меня в Москву, то спросил: "Вы читали сценарий Довженко?".

"Да, - говорю, - читал". Правда, я его не прочел, но прослушал. Довженко сам

прочитал мне его. Тогда были напряженные для меня минуты, шли тяжелые бои, и

я не мог сосредоточить свое внимание на тексте. Это произошло в начале

наступления немцев на Курской дуге, в июле 1943 года. На три четверти мои

мысли были заняты ходом битвы, а Довженко не все прочитал мне и иногда

говорил, что вот такое-то место я полностью взял из такой-то своей статьи, а

вот это из такой-то. Мне показалось, что вещь острая и отвечающая

потребностям времени, вскрывающая наши недостатки.

Итак, Сталин вызвал меня: "Вы знакомы со сценарием?". "Знаком". Я

рассказал Сталину, при каких обстоятельствах смог с ним ознакомиться. Сталин

посчитал, что тут просто была с моей стороны отговорка, и начал критиковать

текст. Он так разносил Довженко, что я поражался: ведь Сталин раньше очень

хорошо относился к этому автору, ценил и поддерживал его, несмотря на то,

что прежде встречались некоторые люди, которые подозревали Довженко или даже

прямо обвиняли его в украинском национализме и прочих грехах. Такие грехи

тогда модно было отыскивать, и существующие, и несуществующие, почти в

каждом культурном человеке украинской национальности. Внес свою лепту в это

и Каганович во время своей деятельности на Украине. Это он заявил, что

каждый украинец - потенциальный националист. Вот глупость!

Как-то вечером Сталин пригласил меня к себе. Щербаков тоже приехал к

нему. Начался разбор названного сценария. Тут я понял, в чем дело. Маленков

молчал, хотя знал сценарий и дал ему свое благословение. По-моему, он даже

лично принимал Довженко. Щербаков произнес прокурорскую речь, подстрекая

Сталина и разнося произведения Довженко как "крайне националистические", в

которых якобы критиковались все советские основы. Сталин сразу озлобился. Не

стану говорить о себе. Но понятно, с учетом характера Сталина, что пришлось

мне выдержать в том случае. А Сталин не ограничился разбором и предложил мне

вызвать ряд украинских руководителей, членов правительства и секретарей ЦК

по пропаганде, кроме того, лично Корнейчука, Бажана, Тычину и, кажется,

Рыльского. Довженко тоже присутствовал. Сталин разнес Довженко в пух и прах.

Кончилось тем, что будущее Довженко как деятеля искусства было буквально

повешено, грозило даже большее. Мне Сталин предложил, чтобы мы на основе

этого "обмена мнениями" подготовили резолюцию о неблагоприятном положении на

идеологическом фронте Украины.

Мы, украинское руководство, составили резолюцию и через день-два пришли к

Сталину. Все сделали сами. Помимо нас, никто не принимал участия в деле из

числа членов ЦК ВКП(б). Вручили резолюцию Сталину, а он при широком составе

участников рассмотрел этот проект. К моему большому удовлетворению, сказал:

"Да, хорошо, вполне приемлемо, принять!". Правда, резолюция была составлена

нами в собственный адрес очень самокритично. Но она была хороша уже тем, что

мы ее сами составляли, как говорится, сами себя высекли, однако так, чтобы

было не очень больно. И такая резолюция была принята. Щербаков чувствовал

себя на седьмом небе. Позднее мне долго-долго пришлось кашлять этим

произведением Довженко. При всяком удобном случае Щербаков злобно подстрекал

Сталина, напоминая ему о сценарии.

Мне рассказывали, что когда Горький возглавлял Правление Союза писателей

СССР, то к нему посадили Щербакова в качестве секретаря, и тот занимался

вопросами идеологии, чтобы вся работа в СП СССР велась Горьким в

определенном русле. Однако Максим Горький был не таким

человеком, чтобы им

руководил Щербаков. Кончилось тем, что Горький потребовал убрать его. Вот

лишь одно из свидетельств ядовитого, змеиного характера Щербакова. Я лично

впервые узнал его, когда он в 1942 г. стал начальником Главного

политуправления Красной Армии. Деятельность его сводилась в основном к тому,

что он выдирал, правдами и неправдами, сведения о ходе боевых операций на

каждый день (у него для этого было создано особое бюро) и, пользуясь тем,

что втерся в доверие к Сталину, подавал их раньше, чем оперативный отдел

Генерального штаба. А ведь это в чистом виде функция оперативного отдела!

Так всех работников оперотдела удалось поставить в зависимое положение от

Щербакова. Вскоре начался период наших побед на фронте. Освобождение

советских городов, успешное продвижение наших войск - все это преподносил

Сталину первым Щербаков, и все это он "обеспечивал". Это смешно звучит

сейчас, но тогда именно так и обстояло дело. Я Щербакова оцениваю по

заслугам, причем с очень плохой стороны. Конечно, главный виновник все-таки

Сталин. Он создал обстановку, в которой стало возможно такое.

Довженко же сразу был как будто посажен в холодный колодец. У него упало

настроение, к нему изменилось прежнее отношение. Одним словом, он попал в

опалу. Сказалось это и на его деятельности. Мне просто жалко было смотреть

на него, но я ничего не мог сделать, потому что подвергся еще большей

критике, чем Александр Петрович. И такое положение сохранялось почти до

самой смерти Сталина. Потом мы опять возвысили Довженко по заслугам и

вернули его, насколько это было возможно, к полезной деятельности. Он опять

начал создавать кинокартины, а после его смерти по названному сценарию его

женой Солнцевой была выпущена очень хорошая картина(3). Я был искренне

доволен, когда смотрел ее. От нее действительно веяло духом Довженко.

Я считал его честным, преданным и прямым человеком. Иной раз он мог

высказать вещи, неприятные для руководителей. Но ведь это хорошо, потому что

лучше выслушать все от честного человека, чем от врага. Другу можно

разъяснить, если он не прав, или учесть его правильное замечание. После

**смерти Александра Петровича я порекомендовал украинцам:
"Назовите Киевскую**

**киностудию именем Довженко, потому что он очень многое
сделал для развития**

**кино на Советской Украине; много тут поработал и,
безусловно, наиболее**

**достоин того, чтобы его имя красовалось на знамени Киевской
киностудии". Так**

и поступили.

**А вот еще один штрих, характерный для Довженко. После
того как был**

**арестован Берия, он попросился ко мне на прием и рассказал
такую историю: "Я**

**хотел бы, чтобы вы знали о факте, который очень меня
занимает. Однажды меня**

**пригласил к себе кинорежиссер Чиаурели(4), автор фильма
"Падение Берлина".**

**Этот режиссер опирался на личную поддержку Сталина и Берии.
Не случайно он**

**сделал кинокартину, где Сталин осуществляет основную работу
главы Ставки в**

**зале, где стоят пустые стулья. Только Сталин налицо, а с ним
Поскребышев,**

**заведующий секретным отделом ЦК партии. Подхалимское
произведение искусства!**

**Скажу от себя, что после смерти Сталина и ареста Берии мы
предложили**

**Чиаурели, чтобы он покинул Москву. Он переехал куда-то на
периферию и**

продолжал трудиться. Не знаю, какое место занимает он сегодня в искусстве и

насколько правильные выводы сделал из того, на что ему указали.

А Александр Петрович продолжал рассказ: "Чиатурели мне и говорит: товарищ

Довженко, я бы вам посоветовал зайти к товарищу Берии. Берия очень вами

интересуется. Вам будет полезно побывать у него и послушать его". Зачем он

мне это рекомендовал? Я не пошел и не был у Берии, потому что никаких

вопросов у меня к Министерству внутренних дел не имелось. Зачем я пойду

туда?". А я Александру Петровичу сказал: "Он вас посылал для того, чтобы

сделать вас агентом Берии. Он правильно считал, что Довженко - влиятельный

человек и на Украине, и в искусстве. В тех акциях, которые Берия планировал

по Украине, вас сделали бы союзником, чтобы опираться и на вас при

проведении кровавых операций. Эти операции могли быть только кровавыми,

потому что других методов Берия не признавал".

Щербаков же продолжал свою гнусную деятельность. Не знаю, насколько он

органически был подвержен пороку пьянства. Не думаю, что ему самому оно

нравилось. Но так как это нравилось Сталину, то он и сам
глушил крепкие

напитки, и других втягивал в пьянство в угоду Сталину. Помню
такой инцидент.

Берия, Маленков и Микоян сговорились с девушками, которые
приносили вино,

чтобы те подавали им бутылки от вина, но наливали бы туда
воду и слегка

закрашивали ее вином или же соками. Таким образом, в
бокалах виднелась

жидкость нужного цвета: если белое было вино - то белая
жидкость, если

красное вино - то красная. А это была просто вода, и они
пили ее. Но

Щербаков разоблачил их: он налил себе "вина" из какой-то
такой бутылки,

попробовал и заорал: "Да они же пьют не вино!". Сталин
взбесился, что его

обманывают, и устроил большой скандал Берии, Маленкову и
Микояну. Мы все

возмущались Щербаковым, потому что не хотели пить вино, а
если уж пить, то

минимально, чтобы отделаться от Сталина, но не спаивать, не
убивать себя.

Щербаков тоже страдал от этого. Однако этот злостный
подхалим не только сам

подхалимничал, а и других толкал к тому же. Кончил он
печально. Берия тогда

правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно
много пил. Опился и

помер.

Сталин, правда, говорил другое: что дураком был - стал уже

выздоровливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью,

когда позволил себе излишества с женой. Но мы-то знали, что умер он от того,

что чрезмерно пил в угоду Сталину, а не из-за своей жадности к вину. У меня

осталось самое неприятное впечатление об этом человеке, недобропорядочном и

способном на все что угодно. Совести он не имел ни малейшей капли. Все мог

сделать для того, чтобы поднять собственную персону, и кого угодно готов был

утопить в ложке. А Сталину это нравилось. Он любил нас стравливать, и он

взрачивал и укреплял внутренние подлые задатки Щербакова.

Когда я вновь перешел работать в Москву, для меня, конечно, было большой

честью работать непосредственно под руководством Сталина и напрямую общаться

с ним. Я сказал бы, что это было полезно и для работы. Ведь от Сталина мы

набирались и немало полезного, потому что он являлся крупным политическим

деятелем. Особенно получалось хорошо, когда он находился в здоровом уме и

трезвом состоянии. Тогда он давал окружающим много

полезного советами и

указаниями. Скажу правду, что я высоко ценил его и крепко уважал. Но

страдать приходилось здесь больше, чем на Украине, где я был на отшибе.

Почти каждый вечер раздавался мне звонок: "Приезжайте, пообедаем". То были

страшные обеды. Возвращались мы домой к утру, а мне ведь нужно на работу

выходить. Я старался поспевать к 10 часам, а в обеденный перерыв пытался

поспать, потому что всегда висела угроза: не поспишь, а он вызовет, и будешь

потом у него дремать. Для того, кто дремал у Сталина за столом, это

кончалось плохо.

Просто невероятно, что Сталин порою выделял. Он в людей бросал

помидоры, например во время войны, когда мы сидели в бомбоубежище. Я лично

это видел. Когда мы приезжали к нему по военным делам, то после нашего

доклада он обязательно приглашал к себе в убежище. Начинался обед, который

часто заканчивался швырянием фруктов и овощей, иногда в потолок и стены, то

руками, то ложками и вилками. Меня это возмущало: "Как это вождь страны и

умный человек может напиваться до такого состояния и

позволять себе такое?".

Командующие фронтами, нынешние маршалы Советского Союза, тоже почти все

прошли сквозь такое испытание, видели это постыдное зрелище. Такое началось

в 1943 г. и продолжалось позже, когда Сталин обрел прежнюю форму и уверовал,

что мы победим. А раньше он ходил, как мокрая курица. Тогда я не помню,

чтобы случались какие-то обеды с выпивкой. Он был настолько угнетен, что на

него просто жалко было смотреть.

Вот еще один эпизод, характеризующий Сталина. Уже с другой стороны. После

войны дела на Украине пошли быстро в гору. Республика восстанавливала

сельское хозяйство, промышленность, соответственно улучшалось и отношение

Сталина к украинским руководителям, включая меня как председателя Совета

народных комиссаров УССР и Первого секретаря ЦК КП(б)У. Однажды разгорелся

спор о тракторном заводе. Микоян докладывал касательно дизельного трактора

КД-35, который был создан в Белоруссии. Хороший трактор, но дорогой. Микоян

хвалил этот трактор. Сталин спросил о моем мнении, и я тоже его похвалил.

Правда, я видел, что трактор еще недоработанный и

маломощный, зато с

дизелем. Сталина тоже подкупало, что трактор дизельный, потому что горючее

будет дешевле. И вдруг у него мелькнула мысль (или кто-то подсказал ему),

что хорошо бы перевести и другие заводы на производство дизельных тракторов.

И он предложил перейти на выпуск таких тракторов прежде всего Харьковскому

заводу.

Я пытался доказать, что делать этого нельзя. Нарком тракторной

промышленности Акопов(5) тоже выступал против и вооружал меня необходимыми

цифровыми данными. Но Сталин был неумолим и записал свою идею в решение

Политбюро.

Данная идея была, однако, столь непопулярна, что даже все остальные члены

Политбюро, в том числе и Берия, что случалось редко, тоже заняли нашу с

Акоповым позицию. Разгорелись споры. Спустя какое-то время Сталин, вспомнив,

спросил: "Как, перевели Харьковский завод на выпуск КД-35?". "Нет, - говорю,

- не перевели". Он страшно возмутился, устроил большой скандал. Акопову

записали выговор за невыполнение решения. Тут Берия, Маленков и Микоян

махнули рукой: посчитали, что ничего не сделаешь, раз Сталин хочет этого.

Я же продолжал борьбу. Раз Сталин, отдыхая в Сочи, вызвал меня туда с

Украины. Я приехал. Там уже были Маленков, потом прибыли Берия с Молотовым.

Он опять поставил вопрос об этом тракторе и разносил меня, как говорится, в

пух и прах. А я ему доказывал: "Товарищ Сталин, не делайте этого, это будет

вредно. Посмотрите, КД-35 имеет 35 лошадиных сил, а мы уже сейчас производим

на Харьковском заводе 54-сильные трактора. В день выпускаем 100 тракторов.

Если начнем переходить на новую модель, то начнем с нуля, потеряем много

времени, а ведь нам не хватает тракторов. Будет подорвано сельское

хозяйство, снизится производительность труда. Сейчас один тракторист

работает на тракторе в 54 силы, а станет работать на тракторе в 35 сил.

54-сильный трактор тянет пятилемешный плуг, а тот потянет в лучшем случае

трехлемешный, а то и двухлемешный. В 2 с лишним раза понизится

производительность труда при вспашке". Но Сталин был неумолим.

Берия и Маленков шепчут мне: "Не упорствуй. Что ты лезешь на рожон? Ты же

видишь, что без толку". Я остался при своем мнении. И вот интересно (что

тоже было характерно для Сталина): этот человек при гневной вспышке мог

причинить большое зло. Но когда доказываешь свою правоту и если при этом

дашь ему здоровые факты, он в конце концов поймет, что человек отстаивает

полезное дело, и поддержит. Для меня оказалось неожиданностью то, что

произошло, когда Сталин осенью приехал в Москву и я тоже приехал туда из

Киева. Собрались мы. Вижу, Сталин пребывает в хорошем настроении. Ходит, как

всегда, по своему кабинету. Мы расселись, каждый на обычное место. Вдруг он

говорит: "Ну что же, ребята? (в исключительных случаях он пользовался этим

словом). Может, уступим ему, черту?" - и показывает на меня пальцем.

Панибратское обращение свидетельствовало о его хорошем расположении к

человеку. "Давайте, - продолжает, - уступим ему по тракторам". А я потом ему

говорил: "Товарищ Сталин, вы сделали доброе дело. Мы бы сейчас лишились

тысяч тракторов, потому что фактически завод в Харькове прекратил бы их

выпуск".

Да, бывали такие случаи, когда настойчиво возражаешь ему, и если он

убедится в твоей правоте, то отступит от своей точки зрения и примет точку

зрения собеседника. Это, конечно, положительное качество. Но, к сожалению,

можно было пересчитать по пальцам случаи, когда так происходило. Чаще

случалось так: уж если Сталин сказал, умно ли то или глупо, полезно или

вредно, все равно заставит сделать. И делали!

Некоторые сталинисты считают, что это хорошее качество вождя. Я же

полагаю, что это плохое качество. Сейчас, когда я пишу свои воспоминания и

стараюсь припомнить наиболее яркие моменты прошлого, то вспоминаю и те,

которые вредно сказались на жизни общества. О положительном в жизни СССР я

сейчас не говорю потому, что эта сторона дела хорошо описана в нашей печати,

может быть, даже с некоторой шлифовкой, с приукрашиванием. Уже сама по себе

история развития нашего советского государства, победа социализма в СССР

говорят о положительных вещах. Если взглянуть на пройденный нами путь за 50

лет, чем мы были и чем стали, то все будет ясно.

Разница же в оценке пройденного пути состоит в том, что

некоторые считают

буквально, что все победы - заслуга Сталина. Да, есть в них заслуга Сталина,

и большая. Но это были успехи народа, основа которым - Ленин, его идеи.

Поскольку применяли ленинские идеи, то они и дали положительные результаты,

несмотря на сталинские извращения ленинских позиций и ленинских указаний.

Марксистско-ленинская теория, как самая прогрессивная, обогатила наш народ,

укрепила и вооружила его. Именно на основе этой теории мы добились своих

результатов.

Моя же задача мемуариста, как я полагаю, рассказать о негативных сторонах

событий. Тут не ошибки, тут злоупотребления. Если бы не было

злоупотреблений, допущенных Сталиным, то мы имели бы еще во много раз более

высокие достижения. Вот почему на этом я и сосредоточиваю свои воспоминания,

с тем, чтобы помочь исключить возможность повторения того, что было вредно и

для рабочего класса, и для крестьянства, и для советской интеллигенции, для

всего трудового народа СССР и для других социалистических стран, потому что

Советский Союз как бы внедрил свои ошибки и сталинские

**злоупотребления во
все братские страны.**

Примечания

**(1) ЩЕРБАКОВ А. С. (1901 - 1945) - советский
государственный и партийный**

**деятель, член Компартии с 1918 г., один из руководителей
Союза писателей**

**СССР в начале 30-х годов, секретарь ряда обкомов партии с
1936 г., 1-й**

**секретарь МК и МГК ВКП(б) в 1938 - 1945 гг., секретарь ЦК
ВКП(б) и начальник**

**Совинформбюро с 1941 г., начальник ГлавПУР'а РККА с 1942
г., зам. наркома**

**обороны СССР, генерал-полковник с 1943 г., кандидат в члены
Политбюро ЦК с**

1941 г.

**(2) ДОВЖЕНКО А. П. (1894 - 1956) - народный артист РСФСР с
1950 г., один**

из основоположников советской кинематографии.

**(3) Этот фильм, "Повесть огненных лет", был выпущен Ю. И.
Солнцевой в**

1961 году.

**(4) ЧИАУРЕЛИ М. Э. (1894 - 1974) - народный артист СССР
с 1948 г.**

**Постановщик кинофильмов "Саба" (1929 г.), "Последний
маскарад" (1934 г.),**

"Георгий Саакадзе" (1943 г.), "Клятва" (1946 г.), "Падение Берлина" (1950

г.) и др.

(5) АКОПОВ С. А. (1899 - 1958) - государственный деятель СССР, член

Компартии с 1919 г., директор Уралмашзавода с 1937 г., 1-й зам. наркома

тяжелого машиностроения с 1939 г., 1-й зам. наркома с 1940 г. и нарком

среднего машиностроения в 1941 - 1946 гг., министр автомобильной и

тракторной промышленности с 1946 г., зам. министра и министр

сельскохозяйственного машиностроения с 1950 г., депутат Верховного Совета

СССР в 1946 - 1950 и с 1954 г.

ОДИН ИЗ НЕДОСТАТКОВ СТАЛИНА

Крупным недостатком Сталина являлось неприязненное отношение к еврейской

нации. Он как вождь и теоретик в своих трудах и выступлениях не давал даже

намек на это. Боже упаси, если кто-то сослался бы на такие его

высказывания, от которых несло антисемитизмом. Внешне

все выглядело

пристойно. Но, когда в своем кругу ему приходилось говорить о каком-то

еврее, он всегда разговаривал с подчеркнуто утрированным произношением. Так

в быту выражаются несознательные, отсталые люди, которые с презрением

относятся к евреям и нарочно коверкают русский язык, выпячивая еврейское

произношение или какие-то отрицательные черты. Сталин любил это делать, и

выходило у него типично.

Помню, в начале 50-х годов возникли какие-то шероховатости, что-то вроде

волынки, среди молодежи на 30-м авиационном заводе. Доложили об этом Сталину

по партийной линии. И госбезопасность тоже докладывала. Зачинщиков приписали

к евреям.

Когда мы сидели у Сталина и обменивались мнениями, он обратился ко мне

как к секретарю Московского горкома партии: "Надо организовать здоровых

рабочих, пусть они возьмут дубинки и, когда кончится рабочий день, побьют

этих евреев". Я присутствовал там не один: были еще Молотов, Берия,

Маленков. Кагановича не было. При Кагановиче он антисемитских высказываний

никогда себе не позволял. Слушаю я его и думаю: "Что он говорит? Как это можно?".

В детстве, живя в Донбассе, я был свидетелем еврейского погрома. Шел я из

школы (а я ходил в школу с рудника, где работал отец, версты за четыре). Был

хороший солнечный осенний день. Случается в Донбассе такое бабье лето: как

снег, летит белая паутина. Красивое время. Мне с товарищами повстречался

извозчик на дрогах, остановился и заплакал: "Деточки, что делается в

Юзовке!". Мы не знали, кто он такой и почему он нам стал вдруг говорить, что

там происходит. Мы ускорили шаг. Как только я пришел домой и бросил сумку с

тетрадками, то побежал в Юзовку. От нас до нее было несколько верст. Когда я

прибежал туда, то увидел много народу на железнодорожных путях. Там стояли

большие склады с железной рудой. Ее привозили про запас из Криворожья и

сваливали, готовили на зиму, чтобы не происходило перебоев в работе домен.

Возникла естественная преграда пути. Через нее прокладывали тропы:

карабкались по ней шахтеры, когда ходили в Юзовку на базар и преодолевали

гору красной руды. На горе стояла толпа.

Смотрю, прибыли казаки, заиграл рожок. Я никогда прежде не видел войск,

это было для меня в новинку. Как заиграл рожок, тут рабочие из бывалых

солдат заговорили, что дан сигнал приготовиться к стрельбе, сейчас будет

залп. Народ хлынул на другую сторону склона. Солдаты же не пропускали в

город рабочих.

Прогремел залп. Кто кричал, что стреляют вверх, кто кричал, что стреляют

холостыми и только для острастки, но какие-то солдаты стреляют боевыми

патронами. Орали, кто как мог. Потом наступила пауза, и народ опять хлынул

на солдат. Уже поздно вечером люди разошлись. Я слышал потом разговоры

рабочих с нашей шахты, которые попали в Юзовку. Они рассказывали, как там

грабили евреев, и сами приносили какие-то трофеи: кто - сапоги, целый

десяток, кто - платье. Другие рассказывали, как пошли толпой евреи с

какими-то знаменами и несли на себе своего царя ! Их встретили русские с

дубинками. Тут еврейский царь спрятался в кожевенном заводе. Завод подожгли.

Он действительно сгорел. А в нем, дескать, сгорел их царь.

Столь примитивное

**понимание дела отсталыми рабочими было использовано
черносотенцами и**

полицией, которые натравливали рабочих на евреев.

**На второй день прямо из школы я побежал в Юзовку:
посмотреть, что там**

**делается? Никто никого не задерживал, народ валил по всем
улицам местечка.**

**Грабили. Я видел разбитые часовые магазины, много пуха и
перьев летало по**

**улицам. Когда грабили еврейские жилища, то распарывали
перины, а пух**

**выбрасывали. Шла старушка и тащила железную кровать.
Этой же улицей шли**

**солдаты. Один солдат подскочил: "Бабушка, я тебе помогу". И
помог ей нести**

**чужую кровать. Пронесся слух, что имелся приказ: три дня
можно делать с**

**евреями, что угодно. И целых три дня такому грабежу не
оказывалось никаких**

**препятствий. Я услышал, что много побитых евреев лежит в
заводской больнице,**

**и решил со своим дружкой сходить туда. Пришли мы с ним и
увидели ужасную**

**картину: лежало много трупов в несколько рядов. Только через
три дня власти**

**начали наводить порядок, и погром был прекращен. Никаких
преследований**

грабителей не было. Действительно, три дня были

предоставлены

громилам-черносотенцам, и никаких последствий ни грабежи, ни убийства не

имели(1).

Потом многие рабочие опомнились, поняли, что тут была провокация. Они

разобрались, что евреи вовсе не враги рабочих, что среди евреев есть

участники и лидеры рабочих забастовок. Главные политические ораторы были

тогда из еврейской среды, и их охотно слушали рабочие на митингах. А когда

поздней осенью я уезжал в деревню вместе с братом отца Мартыном, который

работал на шахте и с которым мать и отец отправили меня (они тяготели к

земле, у них сохранилась мечта вернуться в деревню, занять свою хату,

лошадь, полоску и стать "хозяевами"), я во второй раз с отцовского рудника

вернулся к деду в Курскую губернию. Уехал в деревню как раз тогда, когда в

Донбассе начались забастовки, развевались красные флаги и проходили митинги.

Возвратился я из деревни, и мне рассказали о местных событиях, называли даже

фамилии активистов, в абсолютном большинстве евреев. Об этих ораторах

отзывались очень хорошо, тепло. То есть уже после того, как

рабочие были

одурачены и часть их участвовала в погроме, они стыдились того, что

произошло, стыдились, что допустили погром и не приняли надлежащих мер, не

противостояли черносотенцам и переодетой полиции, которая организовала

погром. Это было позором.

И вот теперь, когда Сталин сказал, что надо дубинками вооружить рабочих и

побить евреев, а потом мы вышли, Берия иронически говорит мне: "Ну что,

получил указания?". "Да, - отвечаю, - получил. Мой отец был неграмотный, но

он не участвовал в погромах, это считалось позором. А теперь мне, секретарю

ЦК партии, дана такая директива". Я-то знал, что хотя Сталин и дал прямое

указание, но если бы что-либо такое было сделано и стало бы достоянием

общественности, то была бы назначена комиссия и виновных жестоко наказали.

Сталин не остановился бы ни перед чем и задушил бы любого, чьи действия

могли скомпрометировать его имя, особенно в таком уязвимом и позорном деле,

как антисемитизм. После войны Сталин часто заводил подобные разговоры, мы к

ним привыкли. Слушали, но не запоминали и ничего не

делали в этом
направлении.

Однажды к Сталину приехал Мельников(2), избранный после
меня секретарем

ЦК Компартии Украины. Коротченко тоже с ним был. Сталин
пригласил их к себе,

на "ближнюю" дачу. Он их усиленно там спаивал и достиг
цели. Эти люди в

первый раз были у Сталина. Мы-то знали его. Он всегда
спаивал свежих людей.

Они охотно пили, потому что считали за честь, что их угощает
сам Сталин. Но

здесь главное заключалось не в проявлении гостеприимства:
Сталину интересно

было напоить их до такого состояния, чтобы у них развязались
языки и они

болтали все то, что в трезвом виде, подумав, никогда бы не
сказали. У них,

действительно, развязались языки, и они начали болтать.

Я сидел и нервничал: во-первых, я отвечал за Мельникова;
это я его

выдвигал. А уж о Коротченко и говорить было нечего. Я его
знал как честного

человека, но довольно ограниченного. Сталин тоже знал его, но
за стол у

Сталина Коротченко попал в первый раз. В то время Сталин
уже не обходился

без антисемитизма и начал высказываться в этом духе. Он
попал на

подготовленную почву внутренней готовности у Мельникова. Они с Коротченко

пораскрывали рты и слушали вождя. Кончился обед, мы разъехались. Те двое

убыли на Украину.

Когда я перешел работать в Москву, состоялось решение Политбюро ЦК, что я

должен наблюдать за деятельностью ЦК КП(б)У. Мне присылали все украинские

газеты. Я просматривал центральные органы печати, а мои помощники

докладывали мне обо всем, что заслуживало внимания в других изданиях. Вскоре

после упомянутого обеда мой помощник Шуйский(З) приносит мне украинскую

газету и показывает передовую. В ней критиковались какие-то недостатки и

назывались конкретные люди, человек 16. И все фамилии были еврейскими. Я

возмутился: как можно допускать такое? Тут я сразу догадался, откуда ветер

дует. Мельников и Коротченко поняли как указание ту критику, которую Сталин

высказал при них в адрес еврейской нации, и начали конкретные действия.

Стали искать конкретных носителей недостатков и использовали газету. Ведь

если вести борьбу, то уж вести ее надо широким фронтом, мобилизовать партию

и массы.

Я тут же позвонил Мельникову: "Прочел вашу передовую. Как вам не стыдно?"

Как вы посмели выпустить газету с таким содержанием? Ведь это же призыв к

антисемитизму. Зачем вы это делаете? Имейте в виду, если Сталин прочтет эту

передовую, то не знаю, как она обернется против вас - секретаря ЦК на

Украине. Центральный Комитет КП(б)У проповедует антисемитизм! Как вы не

понимаете, что тут материал для наших врагов. Враги используют это позорное

явление: Украина поднимает знамя борьбы с евреями, знамя антисемитизма". Он

начал оправдываться. Потом разрыдался. Я говорю: "Если и дальше так будет

продолжаться, то я сам доложу Сталину. Вы неправильно поняли Сталина, когда

были у него на обеде". Я, конечно, тоже тут рисковал, потому что не имелось

гарантии, что телефонные разговоры не подслушиваются. Не был я уверен и в

том, что Мельников сам не напишет Сталину про то, что Хрущев дает указания,

противоречащие тем, которые он получил от Сталина, когда находился у него на

"ближней". Сталин, видимо, мне бы этого не спустил.

Вскоре моя супруга Нина Петровна получила из Киева письмо

и рассказала

**мне такую историю. В Киеве есть клиника для детей,
больных костным**

**туберкулезом. Возглавляла эту клинику профессор Фрумина(4).
Она часто бывала**

**у нас на квартире, когда мой сын Сергей болел костным
туберкулезом, и очень**

**много приложила усилий к тому, чтобы вылечить его. Сейчас у
Сергея никаких**

**признаков болезни нет, он выздоровел полностью.
Приписывали это главным**

**образом Фруминой. Был тогда еще один видный специалист
по костному**

**туберкулезу в Ленинграде, и мы попросили его совета насчет
лечения. Он тогда**

**сказал Нине Петровне: "Что же вы ко мне обращаетесь? У вас
есть Фрумина в**

**Киеве. Лучше ее это дело никто не знает". Теперь в своем
письме Фрумина**

**сообщала, что ее уволили с формулировкой о несоответствии
занимаемой**

должности.

**Я возмутился и позвонил опять Мельникову: "Как вы это
могли допустить?"**

**Уволить заслуженного человека, да еще с такой
формулировкой. Сказать, что**

**она не соответствует по квалификации. Вот такой-то академик
медицины говорит**

мне, что лучше ее никто не знает костного туберкулеза. Кто же

мог дать

другую оценку и написать, что она не соответствует занимаемому положению?".

Он опять начал оправдываться, ссылаться на кого-то. Всегда в таких случаях

найдутся люди, которые подтвердят, что все сделано правильно. Я ему: "Вы

позорите звание коммуниста". Не помню, чем дело кончилось. Кажется,

восстановили врача в должности. Но это был позорный факт.

Потом мы несколько сдержали антисемитизм. Но именно сдержали, так как, к

сожалению, его элементы сохранились. Вот сейчас я живу за городом, как

затворник. Общания с людьми у меня почти нет. Общаюсь только с теми, кто

либо меня охраняют, либо от меня охраняют. Мне трудно даже определить.

Скорее всего, от меня охраняют. Они неплохие ребята. Разговариваю я с ними,

и у них часто проскальзывают в беседах позорные слова. Видимо, не дается

людям должного разъяснения, а тем более не дается отпора столь позорному

явлению. Почему так происходит? Во-первых, антисемитизм у нас в старое время

проявлялся на очень высоком уровне. Сколько было погромов! Люди старого

поколения помнят Пуришкевича, который как черносотенец

держал первенство по

этой линии в Государственной думе. А уж при Советской власти Сталин тоже

поддерживал антисемитскую бациллу и не давал указаний, чтобы в корне

ликвидировать ее. Он внутренне сам был подвержен этому гнусному недостатку,

который носит название антисемитизма.

А что сказать о жестокой расправе с заслуженными людьми, которые подняли

вопрос о создании еврейской автономии в Крыму? Да, это было неправильное

предложение. Но так жестоко расправиться с ними, как расправился Сталин? Он

мог просто отказать, разъяснить людям, и этого оказалось бы достаточно. Нет,

он физически уничтожил всех, кто активно поддерживал их документ. Только

Жемчужина выжила каким-то чудом и отделалась долголетней высылкой.

Безусловно, такая акция стала возможна только в результате внутренней

деятельности бациллы антисемитизма, которая жила в мозгу Сталина. Произошла

расправа с Михоэлсом(5), величайшим артистом еврейского театра, человеком

большой культуры. Его зверски убили, убили тайно, а потом наградили его

убийц и с честью похоронили их жертву:, уму непостижимо!

Изобразили, что он

попал под грузовую автомашину, а он был подброшен под нее. Это было

разыграно артистически. А кто сие сделал? Люди Берии и Абакумова по

поручению Сталина.

Таким же образом хотели организовать убийство Литвинова(б). Когда подняли

ряд документов после смерти Сталина и допросили работников МГБ, то

выяснилось, что Литвинова должны были убить по дороге из Москвы на дачу.

Есть там такая извилина при подъезде к его даче, и именно в этом месте

хотели совершить покушение. Я хорошо знаю это место, потому что позднее

какое-то время жил на той самой даче. К убийству Литвинова имелось у Сталина

двойное побуждение. Сталин считал его вражеским, американским агентом, как

всегда называл все свои жертвы агентами, изменниками Родины, предателями и

врагами народа. Играла роль и принадлежность Литвинова к еврейской нации.

Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально

боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в

узком кругу, подстрекал к антисемитизму.

Вот еще один эпизод. В военные годы было создано Совинформбюро для сбора

всевозможных материалов о нашей стране, о действиях Красной Армии, о борьбе

против гитлеровской Германии и для распространения этих материалов в нашей и

западной прессе, главным образом в США. Так как там очень влиятельны круги

еврейской нации, то и у нас в Совинформбюро входило немало евреев,

занимавших высокое положение в стране. Заместителем начальника, а потом и

начальником там был прежний генеральный секретарь Профинтерна, заместитель

наркома иностранных дел Лозовский(7). Возник также Еврейский антифашистский

комитет. Среди прочих в него вступил по рекомендации свыше Герой Советского

Союза генерал Крейзер(8). В этом комитете состоял и Михоэлс. Он был

родственником академика-философа Митина(9). В этот же комитет, конечно,

входила и жена Молотова Жемчужина.

Лозовский не раз обращался ко мне, когда я приезжал в Москву, а иной раз

звонил по телефону с просьбой, чтобы пропагандистам дали материалы о

зверствах гитлеровцев на Украине. Я поручал, кому следует, и эти материалы

посылались в США, где они широко использовались для пропаганды успехов

Красной Армии и описания зверств, которые творили захватчики на Украине.

Деятельность Лозовского была ярко положительной. Он был очень активный

человек и настойчиво домогался: "Давайте материалы, давайте материалы!". Мы

же в 1944 - 1945 гг. были очень заняты восстановлением хозяйства, и нам

порою было не до того. А он напирал: "Вы поймите, насколько важно для нас

показать лицо нашего общего врага, описать его зверства, показать трудности

восстановления наших городов и сел".

Думаю, что данная организация, изучавшая зверства гитлеровцев, была

создана по предложению Молотова. Но, может быть, сам Сталин предложил

организовать ее. Она активно занималась вопросами пропаганды, и ее

деятельность, как и деятельность Еврейского антифашистского комитета, была

явно в интересах нашего государства, нашей политики, Коммунистической

партии, справедливо считалась полезной и необходимой. Когда освободили

Украину, в ЕАКе составили документ (не знаю, кто явился инициатором), в

котором предлагалось Крым (после выселения оттуда татар) превратить в

еврейскую автономию в составе РСФСР. Обратились с этим предложением к

Сталину. Вот тут и разгорелся сыр-бор. Сталин расценил дело так: налицо

акция американских сионистов; члены этого комитета - агенты сионизма,

которые хотят создать свое государство в Крыму, чтобы отторгнуть его от

Советского Союза и утвердить там агентуру американского империализма. Был

дан простор воображению.

Помню, как мне по этому вопросу звонил Молотов, советовался. Молотов,

видимо, был втянут в это дело через Жемчужину. Наиболее активную роль в

комитете играли Лозовский и Михоэлс. Сталин же буквально взбесился. Через

какое-то время начались аресты. Схватили Лозовского, позднее Жемчужину. Был

дискредитирован Молотов. Соответствующие материалы рассылались членам ЦК, и

там все было использовано, чтобы дискредитировать Жемчужину и уколоть

мужское самолюбие Молотова. Помню грязный документ, в котором говорилось,

что она была неверна мужу, и даже указывалось, кто были ее любовниками.

Много было написано гнусности.

Начались гонения на этот комитет, что послужило еще одним толчком к

подогреванию антисемитизма. Сюда же приплеталась выдумка, будто евреи хотели

создать свое особое государство, выделиться из Советского Союза. В

результате встал вопрос вообще о еврейской национальности и ее месте в нашем

государстве. Пошли расправы. Не знаю, сколько тогда людей было арестовано по

этому делу. Применялись и другие методы. Сталин опять начал практиковать

тайные убийства. Повторю, что Михоэлс был убит тайно. Не знаю, по какому

поводу он выезжал не то в Смоленск, не то в Минск, возможно, его специально

туда вывезли. Одним словом, там нашли его труп. Было инсценировано его

убийство. В действительности его труп выбросили на улицу, а там организовали

наезд машины на него. При его похоронах наша общественность отдала ему

должное. Но она не знала, как погиб этот человек. А его убийцу (мне говорил

Маленков) наградили.

Долго тянулся следственный процесс по делу этого комитета, и в конце

концов все кончилось трагически. Лозовский был

расстрелян, а ряд лиц

сослали. Я думал тогда, что Жемчужину расстреляли, потому что об этом никому

ничего не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все доложили Сталину,

а Сталин лично сам казнил и миловал. О том, что она жива, я узнал уже после

смерти Сталина, когда Молотов сказал, что Жемчужина находится в ссылке. Все

согласились, что ее надо освободить. Берия, освободив ее, торжественно

вручил ее Молотову. Он рассказывал мне, как Молотов приехал к нему в

министерство и там встретился с Жемчужиной. Она была еле жива, он обнял ее.

Берия рассказывал с какой-то иронией, но Молотову и Жемчужиной выражал

сочувствие, демонстрируя, что вроде это была его инициатива освободить ее.

Теперь - о вопросе по существу. Нужно ли было создавать в Крыму еврейскую

автономную республику? Я считаю, что раз уже имелась Еврейская автономная

область, то вряд ли нужно что-то еще создавать в Крыму.

А мы все питались тогда рассуждениями Сталина и поддавались его влиянию.

Мысль Сталина про шпионаж появилась потому, что Крым - морская граница,

доступная иностранным судам. Он считал, что никак нельзя

допустить это с

точки зрения обороны. Мы ведь всегда стояли на той точке зрения, что надо

укреплять оборону, а не ослаблять ее. Правда, данный вопрос по существу

никогда не обсуждался, а только высказывались точки зрения об осторожности и

бдительности. Тут-то и была проявлена Сталиным "бдительность", и он пресек

поползновения мирового сионизма, его попытки создать опору в нашей стране

для борьбы американского империализма против нас. Если встать на эту

позицию, то не надо было разрешать создавать эту республику. Так оно и было

решено. Но официального обсуждения и решения никакого не было, а вот аресты

начались. Хватали людей, которые сыграли большую роль во время войны по

сбору антифашистских материалов. Все пошло насмарку, а честные люди были

уничтожены. Вновь позорное явление!

После этого и возник упомянутый процесс на Автомобильном заводе имени

Сталина. Там тоже искали происки американского империализма через сионистов,

работающих на заводе. Конечно, чистейшая чепуха. Тут результат произвола и

абсолютной бесконтрольности Сталина. Не существовало

органов, которые могли

**бы контролировать его деятельность. ЦК партии -
номинальное учреждение,**

**которое ничем не связывало Сталина и никаких решений не
могло выносить, если**

**Сталин не благословлял их. Его бесконтрольность и привела к
тому, о чем**

**предупреждал Ленин, когда говорил, что Сталин способен
злоупотреблять**

**властью и поэтому нельзя его держать на высоком посту
Генсека. Плоды,**

**которые мы вкусили, подтверждали правильность заключения
Ленина, которое он**

сделал в последние годы своей жизни.

**Вот я говорил о гибели Лозовского. А 28 марта 1968 г. ему
была посвящена**

**статья в газете "Известия". Там приводятся биографические
данные о**

**Лозовском, но стыдливо умалчивается, как он умер. Просто
поставлен 1952 год.**

**А что произошло в том году? Он сквозь землю провалился или
на небо улетел?**

**Позорная стыдливость. Думаю, что автор заметки хотел
правдиво рассказать,**

**как обстояло дело. И правдивость предохранила бы нас на
будущее от**

**повторения трагедии, которая разразилась в партии и у
народов Советского**

Союза. Трагедия, в результате которой погибли тысячи

советских людей, в их

числе и товарищ Лозовский. Думаю, что придет время, когда все это раскроется

шире и будет проведен глубокий анализ того, как это произошло, с тем чтобы

впредь ничего подобного не могло повториться.

Примечания

(1) Речь идет тут о событиях между 18 и 20 октября 1905 г., когда

еврейские погромы были произведены черносотенцами в 690 городах, местечках и

деревнях России. Общее число жертв достигло от 3 500 до 4 000 убитыми и

около 10 000 ранеными.

(2) МЕЛЬНИКОВ Л. Г. был секретарем ЦК КП(б)У с июля 1947 г., вторым

секретарем - с декабря 1947 г., первым - с декабря 1949 г. до июня 1953

года.

(3) ШУЙСКИЙ Г. Т. (род. в 1907) - помощник секретаря и Первого секретаря

ЦК КПСС в 1950 - 1964гг., затем консультант отделов идеологического и

пропаганды ЦК, с 1976 г.) на пенсии.

(4) Специалист по травматологии туберкулезного происхождения А. Е.

Фрумина.

(5) МИХОЭЛС С. М. (Вовси) (1890 - 1948) - народный артист СССР с 1939

года. С 1929 г. руководил Московским государственным еврейским театром.

Лауреат Государственной премии СССР 1946 г.

(6) ЛИТВИНОВ М. М. (Баллах) (1876 - 1951) - член Компартии с 1898 г.,

участник революционного движения, ответственный сотрудник Наркоминдела РСФСР

с 1918 г., полпред в Эстонии в 1921 г., затем замнаркома и в 1930 - 1939 гг.

нарком иностранных дел СССР, в 1941 - 1943 гг. посол в США; член ЦК ВКП(б) в

1934 - 1941 гг., член ВЦИК и ЦИК, депутат Верховного совета СССР в 1937 -

1950 гг.

(7) ЛОЗОВСКИЙ А. (С. А. Дридзо) (1878 - 1952) - член РСДРП с 1901 г.,

генеральный секретарь Профинтерна с 1921 г., в 1939 - 1946 гг., заместитель

наркома иностранных дел СССР, в 1941 - 1948 гг. зам. начальника и начальник

Советского информационного бюро. Репрессирован.

(8) КРЕЙЗЕР Я. Г. (1905 - 1969) - советский военачальник, член Компартии

с 1925 г., командующий армиями в Великую Отечественную войну, Герой

Советского Союза с 1941 г., генерал армии с 1962 г., начальник курсов

"Выстрел" в 1963 - 1969 гг., член ЦРК КПСС в 1961 - 1966 гг., депутат

Верховного Совета СССР в 1962 - 1966гг.

(9) МИТИН М. Б. (1901 - 1987) - член Компартии с 1919 г., академик АН

СССР с 1939 г., автор философских работ по теории диамата и истмата, один из

биографов И. В. Сталина, лауреат Государственной премии СССР 1943 г.,

депутат Верховного Совета СССР в 1950 - 1962 гг.

После войны, когда я стал часто встречаться со Сталиным, я все больше и

больше чувствовал, что Сталин уже не доверяет Берии. Даже больше, чем не

доверяет: он боится его. На чем был основан этот страх, мне тогда было

непонятно. Позднее, когда вскрылась сталинская машина по уничтожению людей и

все средства, брошенные на достижение этой цели, а ведь именно Берия

управлял этими средствами и проводил нужные акции по поручению Сталина, я

понял, что Сталин, видимо, сделал вывод: если Берия делает это по его

поручению с теми, на кого он указывает пальцем, то может это делать и по

своей инициативе, по собственному выбору. Сталин боялся, как бы при случае

такой выбор не пал на него. Поэтому он и убоился Берии.
Конечно, он никому

об этом не говорил. Но это становилось заметным.

Что бросилось мне в глаза, когда мы как-то в очередной раз
собрались у

Сталина? Обслуживавший его грузинский персонал исчез,
остались только

русские. Накануне за обедом Сталин поднял раз вопрос о том,
откуда набралось

вокруг него столько грузин. Берия насторожился и отвечает:
"Товарищ Сталин,

это верные вам люди". Сталин возмутился: "Как так, грузины
- верные, а

русские - неверные?" - "Нет, я этого не говорю, просто здесь
подобраны

верные люди". Сталин раскричался: "Не нужны мне эти
верные люди!" И все

грузины и грузинки исчезли из его окружения. То есть Сталин
вернулся к тому

положению, которое было вокруг него до войны. Тогда среди
обслуживающего

персонала на дачах и в доме у Сталина не встречалось грузин, а
были одни

русские.

А перед тем кого там только не было! Шашлычник какой-то
жарил шашлыки,

его называли русским именем, но внешность у него была
типично грузинская...

Я был поражен, когда как-то приехал с фронта в Москву,

смотрю, а он ходит

уже в генеральской форме, уже генерал-майор. Войну он закончил

генерал-лейтенантом. Потом объявился какой-то старый приятель, с которым

Сталин еще в школе учился. Этот "генерал" занимался снабжением: привозил

вино, баранину и другие продукты. Берия говорил о нем: "Духанщик, зато

старый приятель Сталина". Потом на него посыпались ордена. Приедешь с

фронта, смотришь, а у него еще прибавились один-два ордена, видно по

планкам. Возмутительное явление! Когда Сталин сказал, чтобы рядом не было

грузин, исчез и этот человек. Люди, которые видели это, полагаю,

возмущались, как и я. Но все мы молчали, потому что критиковать за введенный

порядок было бесполезно.

Помню, как Сталин учинил мне разнос в присутствии того духанщика,

генерал-лейтенанта, который пьянствовал со всеми нами. Одно дело, когда он

поставлял яства и напитки, и другое - пить с человеком, которого никто не

знал, и вести при нем сокровенные разговоры о государственных делах. Однажды

прилетел я с фронта, и мне нужно было назавтра же улететь. Я

сговорился со

**Сталиным, что улечу рано утром. Поэтому мне очень не
хотелось напиваться у**

**Сталина, а затем в тяжелом состоянии уезжать и лететь к себе.
Стыдно было бы**

**на аэродроме встречаться с людьми, потому что обязательно
встретится кто-то,**

**и ты станешь с ним говорить, а он увидит, в каком ты
состоянии. Это было**

**позорно. И я решил как-нибудь отделаться от обеда, не
оставаясь надолго, а**

**было уже поздно (правда, по сталинскому исчислению суточного
времени, было**

**еще рано), два часа ночи. И я говорю: "Товарищ Сталин,
разрешите**

**откланяться. Я завтра хочу улететь пораньше, как договорился
с вами". -**

"Завтра?" - "Завтра". Пауза.

**И вдруг он понес: "Вы отвечаете за смерть генерала
Костенко, который**

**погиб в 1942 году". - "Да, я отвечаю, потому что я член
Военного совета**

**фронта и отвечаю за гибель каждого генерала и солдата. Но
это - война,**

**всегда кто-нибудь гибнет". А он о его смерти и узнал-то от меня.
Я раньше**

**Костенко ему расхваливал. Сам он никогда его не видел. А он -
опять и опять.**

Не помню, сколько времени он мурыжил этот вопрос, буквально

издевался надо

мной. Мне было очень стыдно. Другие же члены Политбюро, зная все, так к

этому относились: сегодня - меня, завтра - другого... Так Сталин и

действовал: шел по кругу.

Но рядом находился еще и духанщик, с которым я никогда, как говорится,

гусей не пас и никаких дел с ним не имел. И вот - быть наказанным, стоять

без вины виноватым и в таком издевательском положении при постороннем.

Только Сталин мог позволить себе такое. Совершеннейшая бесконтрольность! Мы

говорили порою, что он когда-нибудь дойдет до того, что станет штаны при нас

снимать и облеγχаться за столом, а потом говорить, что это в интересах

родины. Он, безусловно, был уже тронутым. Мне кажется, что у него была

как-то нарушена психика, потому что раньше он вел себя довольно строго и

держал себя, как положено человеку, занимающему столь высокий пост.

Так вот, когда его доверие к Берии было подорвано, все грузины враз

исчезли. Сталин уже не доверял людям Берии. Но в результате своего

болезненного состояния он не доверял уже и русскому

обслуживающему

персоналу, ибо его тоже подбирал Берия, который долгое время работал в

органах госбезопасности, все кадры ему были известны, все перед ним

подхалимничали, и ему легко было использовать этих людей в своих целях.

Теперь Сталин, находясь за столом, не ел и не пил, пока кто-либо другой

не попробует из этого блюда или из этой бутылки. А он находил к тому повод.

Идет, например, дегустация вина: грузины прислали, надо попробовать старое

вино. Конечно, он прекрасно знал нашу "дегустацию" и ни во что ее не ставил,

а сам диктовал, хорошее вино или плохое. Но ему требовалось, чтобы мы

попробовали, а он выжидал: человек не падает, тогда и он немножко выпьет,

посмакует, а потом начинает пить как следует. Хочет он что-нибудь откусать,

так на этот случай у каждого из нас имелось "любимое блюдо", и каждый должен

был первым попробовать его. "Вот гусиные потроха. Никита, вы еще не

пробовали?". "Нет", - отвечаю, а сам вижу, что он хочет взять, да боится.

Тут я попробую, и он сразу начинает есть. "Вот несоленая селедка". Он любил

несоленую, а потом каждый солил себе по собственному вкусу. Я возьму, тогда

и он берет. И вот так каждое блюдо обязательно имело своего дегустатора,

который выявлял, отравлено оно или не отравлено, а Сталин смотрел и выжидал.

Дегустировали все, кроме Берии. Потому что Берия, даже когда обедали у

Сталина, получал обед со своей кухни, который ему привозили. Матрена

Петровна, которая подавала обед, говорила: "Товарищ Берия, вот ваша травка".

Все смеялись, а он ел эту траву, как едят в Средней Азии, брал рукой и клал

в рот. Не знаю, как грузины едят плов, рукою или нет, но Берия ел, беря

руками.

А как мы ездили на отдых? Несколько раз и я был принесен в жертву. Берия

подбадривал: "Послушай, кому-то надо же страдать". Страндания заключались в

том, чтобы поехать отдыхать в то время, когда Сталин отдыхал на Кавказе. Это

считалось наказанием для нас, потому что это был уже не отдых. Все время

надо было находиться со Сталиным, проводить с ним бесконечные обеды и ужины.

Сталин ко мне хорошо относился и, когда ехал в отпуск, часто меня приглашал:

**"Поедьте. Вам тоже нужен отпуск". "Поехали, я рад", -
отвечал я, хотя**

**предпочел бы не ехать. Сказать же это ему было совершенно
невозможно.**

**Вспоминаю отдых в Боржоми. По-моему, он тогда
единственный раз отдыхал в**

**Боржоми. Он позвонил мне оттуда. Я находился в Сочи, а
Микоян - в Сухуми.**

**Всех, кто отдыхал на Кавказе, плюс Берию, который в то время
работал, он**

**вызвал к себе, и мы собрались в Боржоми. Дом был
большой, но плохо**

**оборудованный. Там прежде размещался музей. Поэтому спален
не было, и мы**

**жили очень скученно. Я тогда спал в одной комнате с
Микояном, и мы оба**

**чувствовали себя плохо, во всем завися от Сталина. У нас-то
были разные**

**режимы дня: мы уже набродились, нагулялись, а он еще
спит. Когда**

поднимается, тогда и начинается день.

**Как-то Сталин вызвал нас и говорит: "Приехал Ракоши(1)
отдыхать на**

**Кавказ". Ракоши приезжал туда не в первый раз. "Он звонил,
просился ко мне".**

**Мы молчим. "Надо сказать, чтобы он приехал". Позвонили
Ракоши, а Сталин нам**

**говорит: "Откуда Ракоши знает, когда я отдыхаю на Кавказе?
Всегда, когда я**

на Кавказе, он тоже приезжает. Видимо, какая-то разведка информирует его".

Уже и Ракоши попал в число подозрительных. "Надо, - продолжает, - отучить

его от этого". Приехал Ракоши. Он тоже участвовал в обедах с попойками. И

раз, когда подвыпил, говорит: "Слушайте, что вы этим делом занимаетесь? Это

же пьянство". Назвал вещи своими именами.

Мы и сами знали, но находили для себя оправдание: мы "жертвы". Но нас это

все же обидело, и Берия сказал Сталину, что Ракоши говорит, будто мы

пьянствуем. Сталин в ответ: "Хорошо, сейчас посмотрим". Сели за стол, и

начал он Ракоши накачивать, влил в него две или три бутылки шампанского и

другого вина. Я боялся, что Ракоши не выдержит и тут же умрет. Нет,

выкарабкался. Утром он кое-как проснулся (а он договорился со Сталиным, что

уезжает) и попросил себе завтрак отдельно. Сталин позавтракал в одиночку.

Ракоши не пошел к Сталину завтракать, и тот подшучивал: "Вот до какого

состояния я его довел!"

Но потом Ракоши стал в глазах Сталина подозрительным человеком: откуда он

знает, когда Сталин отдыхает на Кавказе и почему не ест вместе

с ним? А ведь

для Ракоши ничего не составляло позвонить в Секретариат ЦК, и ему сказали

бы, что Сталин сейчас на Кавказе. Сталин в тот раз еще какое-то время

отдыхал в Боржоми, и мы с Микояном еле-еле вырвались от него. Сталин

принимал там стариков грузин, с которыми когда-то был знаком в детстве.

Особенно ему запомнился некий железнодорожник. Я его не видел, но потом

Сталин мне рассказывал: "Принимал я его, и он говорил о том, что творится в

Грузии. Это возмутительно". Тот железнодорожник рассказал, что много молодых

людей, получив образование, нигде не работают: в Грузии подходящей работы не

могут себе найти, а уехать из Грузии не хотят и бездельничают. Еще он

говорил о спекуляции. Видимо, честный, хороший был старик, коммунист.

Сталин возмутился. Шефствовал над Грузией Берия, который ранее много лет

проработал секретарем ЦК Компартии Грузии, покровительствовал ей и к Грузии

никого не подпускал. Информировая Сталина о Грузии тоже только Берия, а тут

прорвался сквозняк и обернулся гневом Сталина. Недостатки же, с которыми

надо было бороться в Грузии, я отнюдь не приписываю ни в какой степени

национальным особенностям. Тут сказались условия, в которых пребывает

Грузия, райский уголок Советского Союза, где растут цитрусы. Там много

соблазнов для спекулянтов: тепло, виноград, много человеческих прелестей.

Естественно, оттуда не так-то легко уехать, тем более если человек плохо

воспитан. Если бы там жили люди другой нации, то те же пороки стали бы

присущи этой другой нации. Иногда я, к примеру, много раз сейчас слышу от

охраны: "Везде грузины. Везде они спекулируют". Я же всегда им говорю, что

если бы русские там жили, то они делали бы то же самое.

В мою бытность в руководстве развернулась в стране спекуляция лавровым

листом. Я тогда сказал Мжаванадзе(2): "Вы расширьте насаждения лавра, где

только можно". И крымским руководителям предложил то же самое. Вскоре

исчезла спекуляция лавровым листом. Вот лучший способ борьбы со спекуляцией:

отсутствие дефицита. Но имеется такая продукция, которая растет только в

Грузии и в небольшом количестве, особенно на приусадебных участках.

Естественно, появляется соблазн побольше заработать. Так что это вопрос не

национальный, а бытовой. Если где-то спекулируют овощами, разверните

производство этих овощей. Это же доступно государству, используйте парники,

оранжереи. Станет экономически невыгодно завозить издалека эти продукты,

потому что дешевле будет получить их на месте. Вот и облагородится нация, не

будет мозолить глаза людям и потеряет марку спекулянтов.

Сталин же это не хотел понимать и считал, что с порождениями такого

характера надо бороться административными мерами, вплоть до арестов и

высылок. Примерно в то время, после встречи со стариком железнодорожником

(не знаю, насколько эти события связаны между собой), у Сталина начало

формироваться недоверие к Берии. Сталин сформулировал тогда антими́нгрельские

постановления(3). В них говорилось, что мингрелы, то есть западные грузины,

имеют какую-то заговорщическую организацию и проводят политику на сближение

с Турцией, на выход из состава Грузии. Явная чушь, плод болезненного

воображения! Это постановление было направлено против Берии, потому что

Берия - мингрел. Сталин это неоднократно подчеркивал и резко делил грузин на

западных и восточных, картлийцев, говорил, что мингрелы - "не настоящие

грузины".

Тогда секретарем ЦК Компартии Грузии был прежний редактор газеты "Заря

Востока", который после Берии занял этот пост. Берия, конечно, его

рекомендовал. Я считаю, что он был неплохим человеком, хотя знаком я с ним

был на расстоянии. Развернулась травля. Дошло до того, что Сталин поставил

вопрос о высылке антиобщественных элементов из Грузии в Сибирь. Этого "не

понимал" секретарь ЦК, ибо не видел к тому оснований и поэтому не прилагал

должного усердия. Сталин бесился, и все это выливалось на голову Берии,

потому что он был под рукой. В принципе - оправданный спрос, потому что

секретарь целиком зависел от Берии и делал все, что тот скажет.

Кончилось тем, что Берия поехал в Грузию "наводить порядок". Потом

рассказывал нам, сколько десятков тысяч грузин было выслано. Берия блеснул,

но Сталин опять был недоволен. Инициатива исходила от Сталина, Берия же

заплатил за восстановление своего престижа в его глазах

кровью грузинского

народа. Надо было доказать Сталину, что его ввели в заблуждение; что там,

как и всюду, есть паразитические элементы, но с ними надо бороться другими

средствами. Это можно было бы Сталину доказать, если бы за это дело взялся

сам Берия. А Берия пошел по обычному для него кровавому следу. Что ему

стоила жизнь тысяч людей, которые заплатят своими головами или пойдут в

ссылку и будут влечить там жалкое существование, неся клеймо изменника

Родины? Для него страдания народа ничего не стоили. Для него главное -

карьера, собственное положение. И он умел пользоваться слабостью Сталина,

используя свою жестокость и личные аморальные качества ради достижения цели.

Когда Берия приехал из Грузии и доложил о результатах своей деятельности,

Сталин стал опять к нему благосклонен.

Разве это мыслимое дело? Я за то, чтобы арестовывать, судить, высылать и

сажать в тюрьму уголовных преступников. Но надо, чтобы следствие и суд

проводились по всем нормам закона, чтобы суды были открытыми, чтобы каждому

можно было убедиться, что данные люди виновны. Тогда никто

не встанет на

защиту наказанных, и общественность искренне поддержит действия карающих

органов. У нас тоже "присоединяли" свой голос в поддержку обвинения. Но как?

Кто-то докладывает, бьет себя в грудь, божится, клянется, сам не

разобравшись, что там действительно враги народа. Резолюцию принимают, руки

поднимают. Это ведь не осуждение по существу. Голосуют за уничтожение людей,

не зная состава преступлений, не зная даже этих людей. Никаких настоящих

судебных процессов у нас не было, закрытые суды проводились в 30-е годы

тройками. Что это за тройка? В нее входили те, кто арестовывал; они же вели

следствие; они же выносили приговор. Все люди, которые потеряли свои головы

во времена Сталина, были судимы такими или им подобными субъектами. И вот -

мингрельское дело. Я абсолютно убежден, что оно выдуманно лично Сталиным в

борьбе с Берией. Но так как он уже был болен, то оказался непоследователен в

проведении намеченных планов, и Берия вывернулся, откупился кровавой

поездкой в Грузию. Он сам тогда набился поехать туда. Из нас же кто-либо

вмешиваться в дела Грузинской республики не мог, это было под строгим

запретом. Все это накладывало еще один отрицательный отпечаток на нашу

жизнь. Чем больше находится руководство под общественным контролем, тем

лучше оно трудится и предохраняется от поступков, которые несовместимы с

социалистическим мировоззрением, с социалистическими порядками.

Примечания

(1) РАКОШИ М. (1892 - 1971) - генеральный секретарь ЦК Компартии Венгрии

в 1945 - 1948 гг., Венгерской партии трудящихся в 1948 - 1956 гг.

(2) МЖАВАНДЗЕ В. П. (род. в 1902 г.) - член ВКП(б) с 1927 г.,

генерал-лейтенант с 1944 г., 1-й секретарь ЦК Компартии Грузии в 1953 - 1972

гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1957 - 1972 гг.

(3) Постановления ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г. о

вскрытой в Грузии мингрельской националистической организации, возглавляемой

секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия. Эти постановления были отменены 10

апреля 1953 г. Постановлением ЦК КПСС "О нарушениях советских законов

бывшими Министерствами государственной безопасности СССР

и Грузинской ССР".

СЕМЬЯ СТАЛИНА. СВЕТЛАНКА

Сегодня 30 марта 1968 года. Похороны Юрия Гагарина. Мы потеряли чудесного

человека. До глубины души жаль расставаться с тем, кто был еще в расцвете

сил и мог долго служить народу. Но смерть не считается ни с чем, и сегодня

народы всего мира будут прощаться с Гагариным. Обстоятельства его гибели мне

непонятны(1). Зачем ему нужно было вдруг полететь на самолете? Сообщение

было скупым, формальным, казенным. Никаких подробностей, чтобы

сориентироваться, как же это могло случиться. А может быть, он тренировался

с какой-то аппаратурой, которую нужно было проверить в воздухе? Сейчас мне

трудно судить, но с течением времени все станет известно. Даже если этот

полет был необходим для подготовки будущего освоения космоса, то, видимо,

очень плохо была осмотрена материальная часть самолета. Многие зависело от

квалификации технического персонала, если гибель произошла в результате

отказа техники, которая сработала не так, как нужно было. Это зависело от

людей, которые готовили полет и не обеспечили безаварийности. Последовала

катастрофа с безвременной гибелью человека, дорогого народам Земли. Горько

читать.

Характер Сталина был крутым, нрав - грубым. Но его грубость вовсе не

отражала его злобность лишь в данном случае или его отношение к конкретному

человеку. Это была какая-то злобность вообще, врожденная грубость, хотя,

видимо, скорее тут результат воспитания и влияния среды. Его грубость я на

себе испытывал много раз. При всем том, что Сталин ко мне относился хорошо.

Если бы он относился плохо и питал какое-то недоверие, то ведь он имел

возможность легко расправиться со мной, как расправлялся со всеми,

неудобными ему. Пусть он послал мне грубейшую телеграмму по поводу заготовки

хлеба после войны, о чем я уже говорил (там он сообщил мне, что я

сомнительная личность), но не расправился со мной!

Я бы даже сказал, что он относился ко мне с каким-то

уважением. Не раз

после своих грубостей он выражал мне свое расположение. Но Боже упаси, чтобы

это было каким-то извинением. Нет, эта форма выражения чувств была чужда его

характеру. Ведь он допускал оскорбления даже по отношению к самым близким

людям. Хочу в подтверждение рассказать о таком эпизоде. Это было уже,

наверное, в последний год его жизни. Мы собрались у Сталина, когда он

пригласил нас встретить Новый год у него на "ближней". Чего-либо особого в

тот Новый год по сравнению с другими вечерами, которые мы у него проводили,

не происходило. Собрался тот же состав людей, но внутреннее настроение было,

конечно, повышенным. Новый год! Обедали, закусывали, пили. Сталин был в

хорошем настроении, поэтому сам пил много и других принуждал. Выпили

изрядное количество вина. Затем он подошел к радиоле и начал ставить

пластинки. Слушали оркестровую музыку, русские песни, грузинские. Потом он

поставил танцевальную музыку, и все начали танцевать.

У нас имелся "признанный" танцор - Микоян, но любые его танцы походили

один на другой, что русские, что кавказские, все они брали

начало с

лезгинки. Потом Ворошилов подхватил танец, за ним и другие. Лично я никогда,

как говорится, ног не передвигал: из меня танцор, как корова на льду. Но я

тоже "танцевал". Каганович - танцор не более высокого класса, чем я, да и

Маленков. Булганин когда-то хорошо танцевал, видимо, в молодости. Он

вытаптывал в такт что-то русское. Сталин тоже передвигал ногами и расставлял

руки. Я бы сказал, что общее настроение было хорошим. Только Молотова не

было с нами. Молотов был городским танцором. Он воспитывался в

интеллигентной семье, потом был студентом, плясал на студенческих

вечеринках, к тому же любил классическую музыку и сам играл на скрипке,

вообще был музыкальным человеком. В моих глазах плохого ценителя он являлся

танцором первого класса. Мы пели и подпевали пластинкам, которые заводил

Сталин.

Потом появилась Светланка. Так ее Сталин называл, и мы вслед за ним. Я не

знаю, вызвали ли ее по телефону или она сама приехала. Она попала в стаю

немолодых людей, мягко говоря. Приехала трезвая молодая

женщина, и отец ее

сейчас же заставил танцевать, хотя она устала. Я видел, что она танцует

еле-еле. Отец требует, а она не может. Она встала и прислонилась плечом к

стене около радиолы. К ней подошел Сталин, и я тоже. Стояли вместе. Сталин

пошатывался, говорил: "Ну, Светланка, танцуй. Хозяйка, танцуй". - "Я уже

танцевала, папа. Я устала". Он взял ее пятерней за волосы и потянул. Смотрю,

у нее краска на лице выступила, и слезы появились на глазах. Так жалко было

смотреть на нее. А отец тянул ее, потом дернул за волосы. Это считалось

проявлением любезности отца. Безусловно так, потому что он любил Светланку.

Васю он тоже любил, но и критиковал за пьянство и за недисциплинированность.

А Светланка училась хорошо, и поведение ее как девушки было хорошим. Я

ничего дурного никогда не слышал о ней, и Сталин гордился ею. Просто таким

способом он выражал отцовские чувства. А делал это грубо не потому, что

хотел сделать ей больно. Но он не умел иначе.

Я заговорил о Светлане потому, что сейчас она несчастна. Не могу понять,

как она решилась на такой шаг, непростительный для

советского человека:

оставила Родину, оставила детей, дала повод сплетничать врагам социализма и

использовать ее имя, имя дочери Сталина, во вред нашей стране, нашему

обществу. Она объясняет это в книге, которую написала. Я слышал отрывки по

радио и читал пересказ в изложении наших журналистов. Конечно, неумная

книга, неразумно написанная. Видимо, она создавалась в результате душевного

и физического надлома. Не думаю, что Светлана изначально была религиозной. А

там она пишет, как крестилась. Странно. Не могу примириться с этим. Тут

проявилось, на мой взгляд, какое-то болезненное состояние.

Я с большим уважением относился к ее матери и хорошо ее знал. Учился с

ней вместе в Промышленной академии, где я был секретарем партийной

организации, а она студентами была избрана партгруппоргом. Поэтому она часто

приходила ко мне за разъяснениями по тому или другому политическому вопросу.

Тогда жизнь в Промышленной академии была бурной. Это были 1929 и 1930 годы,

шла борьба с "правыми", а Промышленная академия была засорена ими и одно

время неофициально поддерживала их. Потом эта академия

стала твердыней

Центрального Комитета партии, и в этом моя роль была, как говорят в таких

случаях, не последней. Отбрасывая скромность, скажу, что моя роль в том была

первой. Поэтому меня и выбрали секретарем партийной организации: я возглавил

группу, которая твердо стояла на позициях той генеральной линии партии,

которую проводил в 20-е годы Сталин.

Это, видимо, сближало со мной Надю. Потом мы стали называть ее Надеждой

Сергеевной. Когда мы вместе учились или беседовали по партийным вопросам,

она ничем не выказывала своей близости со Сталиным, умела себя держать.

Когда же я стал секретарем Московского комитета партии, чаще встречался со

Сталиным и бывал у него на семейных обедах, то понял, что о жизни

Промышленной академии и о моей роли там Аллилуева рассказывала Сталину,

который при разговорах со мной иной раз напоминал мне о событиях, о которых

я никогда не вспоминал или даже забыл. Тогда-то я понял, что это Надя

рассказывала о них мужу.

Полагаю, что именно это определило отношение ко мне Сталина не только

тогда, но и позднее. Я называю это лотерейным билетом. Я вытащил счастливый

билет и поэтому остался в живых, когда мои сверстники, однокашники и друзья,

с которыми я вместе работал в партийных организациях, в большинстве своем

сложили голову как "враги народа". И я сам себе задавал вопрос: "Почему меня

пощадили?". Тот факт, что я действительно был предан делу партии, не

вызывает сомнения. Ведь я-то знаю это. Но и те товарищи, которые работали со

мной, тоже были преданы делу партии, сплошь и рядом принимали такое же

участие в борьбе за генеральную линию партии, выступали за Сталина. И

все-таки они безвинно погибли. Вероятно, Сталин наблюдал за моей

деятельностью глазами Нади, с которой я был на равной ноге. Она видела меня

почти каждый день, с уважением относилась к моей политической деятельности и

обо всем рассказывала Сталину, что и послужило основой его доверия ко мне.

Иной раз он нападал на меня, оскорблял, делал грубые выпады. И все же

скажу, что до последнего дня своей жизни он ко мне относился все-таки

хорошо. Говорить о какой-то любви со стороны этого человека невозможно. Это

было бы слишком сентиментально и не характерно для него. А его уважение ко

мне выражалось в той поддержке, которую он мне оказывал.

На семейных обедах у Сталина в начале 30-х годов бывали, кроме него

самого и Надежды Сергеевны как хозяев, мать и отец Аллилуевы - родители

Нади, ее брат с женой, сестра Анна Сергеевна с мужем Реденсом (начальником

Управления внутренних дел Московской области), очень хорошим товарищем,

поляком по национальности. Сталин и его расстрелял, несмотря на то что

должен был бы отлично знать его и доверять ему. Эти обеды проходили, как все

семейные обеды. Мне было приятно, что меня приглашали на них. Приглашали

туда и Булганина. Сталин сажал нас рядом с собой и проявлял внимание к нам.

В отличие от него Надя была по характеру совсем другим человеком. Она

очень нравилась мне своей скромностью, этим хорошим человеческим

показателем. Когда она училась в Промышленной академии, то очень немногие

люди знали, что она жена Сталина. Аллилуева, и все. У нас учился еще один

Аллилуев, горняк, ей не родственник. Надя никогда не пользовалась какими-то

привилегиями, она не приезжала на машине и не уезжала в Кремль на машине,

ездила трамваем и старалась вообще ничем не выделяться в массе студентов.

Это было умно с ее стороны - не показывать, что она близка к человеку,

который в политическом мире считался лицом номер 1.

Вася Сталин - умный мальчик, но своенравный. Еще в ранней молодости он

стал пить. Учился он как попало, вел себя недисциплинированно и приносил

много огорчений Сталину. Тот его, по-моему, порол за это и приставлял к нему

для наблюдения чекистов, которые присматривали за ним. Светланка была

другой. Она всегда, бывало, бегала по дому, когда мы приходили. Сталин

называл ее "хозяйкой", и мы стали ее называть так же. Одевали ее нарядно.

Помню на ней украинский костюмчик с вышитой сорочкой или сарафаном.

Выглядела она, как нарядная куколка. Светланка очень похожа на мать: волосы

темно-каштановые, лицо с мелкими крапинками. Правда, волосы у матери были

несколько темнее, чем у дочери.

"Хозяйка" росла на наших глазах. Когда мы приходили, Сталин говорил

обычно: "Ну, хозяйка, угощай. Гости пришли". И она убегала на

кухню. Сталин

рассказывал нам: "Когда она на меня рассердится, то укоряет: "Пойду на

кухню, пожалуюсь на тебя повару". А я ей отвечаю: "Да уж пожалей меня, не

жалуйся, мне ведь это так просто не пройдет!" И тогда она еще настойчивее

говорила, что скажет повару, если с ней плохо будут обращаться".

Яков, старший сын от первой жены Сталина, грузинки, был уже в ту пору

человеком взрослым. По специальности инженер. Я Якова не знал. Когда я стал

ходить к Сталину и бывать у него на квартире, Яков заглядывал туда редко. Он

жил отдельно, имел свою семью, и я видел его за семейным столом всего

несколько раз, причем он всегда был один. При мне никогда он не был у отца с

женой и с дочерью.

После того как Надя покончила жизнь самоубийством, Василий и Светлана

всегда представляли перед нашими глазами, когда мы приходили на квартиру к

Сталину. Я постепенно привык к Светлане, привязался к ней, относился к ней

как-то по-родительски. Мне было по-человечески жаль ее как сиротку. Сталин

был груб, невнимателен, у него родительской нежности не

чувствовалось. Он

был сухим, корявым в личных отношениях человеком. Везде, где повернется,

оставляет неприятный след при контактах с людьми.

Задиристый имел,

агрессивный характер.

Когда мне передали, уже в наши дни, что Светлана уехала в Индию и не

захотела вернуться в Советский Союз, я не поверил: как можно? Это, видимо,

очередная клеветническая "утка" буржуазных журналистов. Прошло несколько

дней, и исчезли всякие сомнения в том, что она не вернется.

Мне посейчас

жаль ее. Как это сказано у Некрасова: "Ей и теперь его [лес] жалко до слез,

сколько там было кудрявых берез". Конечно, она не береза, а живая душа. Тем

более жалко, что так сложилась ее судьба, сложная судьба. Ведь она лишилась

матери в детском возрасте и воспитывалась сама и с няней.

Отец уделял ей

очень мало внимания. Отдыхал он всегда один и никогда не брал детей с собой.

Она росла, не чувствуя родительской ласки. Даже котятam приятно, когда мать

облизывает их на солнышке. Любые звери требуют ласки. А человек? В

результате на внутреннее содержание девушки, которая была

лишена этого,

наложились какие-то психические наслоения.

Вышла она замуж. Я не знал ее мужа. Морозова, по-моему. Фамилия у него

русская, сам он еврей. Некоторое время Сталин его терпел, хотя я никогда не

видел, чтобы Морозов был приглашен тестем в гости. Когда у них родился сын,

думаю, что Сталин его никогда и не видел. И это тоже откладывало отпечаток

на душу Светланы. Потом разгорелся приступ антисемитизма у Сталина, и она

была вынуждена развестись с Морозовым. Он умный человек, хороший специалист,

имеет ученую степень доктора экономических наук, настоящий советский

человек.

Когда Сталин потребовал от Светланы, чтобы она развелась с мужем, он,

видимо, сказал примерно то же и Маленкову. Его дочь, очень приятная девушка

Воля(2), вышла замуж за Шамберга, сына друга Маленкова. Его отец -

прекрасный партийный работник и высокопорядочный человек. У Маленкова

проработал много лет в аппарате. Все резолюции, которые поручались

Маленкову, готовились Шамбергом, грамотеем и умницей. Я много раз встречал

Шамберга-сына у Маленкова, и он мне очень нравился: и молод, и способен, и

образован. Тоже был экономистом. И вдруг мне рассказала жена Маленкова,

Валерия Алексеевна, к которой я относился с большим уважением, что Воля

разошлась с первым мужем и вышла за архитектора. Не стану сравнивать, кто из

них хуже или лучше, это личное дело. Жена сама определяет, какой муж у нее

лучше, - первый или второй. Я же считаю, что и второй был хорошим парнем. Он

был моложе жены на несколько лет. Воле это могло нравиться. Но оставить сына

отцовского друга? Мне это было и непонятно, и неприятно.

Маленков не был антисемитом. Да он и не говорил мне, что Сталин ему

что-то сказал на этот счет. Но я убежден, что даже если Сталин ему прямо

ничего такого и не сказал, то когда он услышал, что Сталин потребовал, чтобы

Светлана развелась со своим мужем, потому что тот еврей, то Маленков

"догадался" сам и заставил сделать то же самое свою дочь. Тут налицо

проявление самого низкопробного, позорного антисемитизма. Я лично Маленкову

это не приписываю; перед нами холуйское услужение: если Сталин так сделал,

то и он так поступит. Вообще же я считал, что Маленков был нормальным по

взглядам человеком и не болел упомянутой позорной болезнью.

Светлана тоже вторично вышла замуж. Это уже Сталин захотел, чтобы она

вышла замуж за сына Жданова, Юрия, сейчас ректора Ростовского

университета(3). И он нравился мне: умный, образованный, рассудительный

человек. И Сталину он нравился, зато он не понравился Светлане, и уже после

смерти Сталина они все же разошлись. Я опять переживал это. Мне просто не

хотелось слышать, как люди злословили о ней, что она проявляет

непостоянство. Затем она долгое время жила одиноко. У нее осталось двое

детей: сын от первого мужа и дочь от второго.

Примерно за год до окончания моей политической деятельности Микоян как-то

сказал мне, что к нему приходила Светлана и просила его совета: она хотела

бы выйти замуж за журналиста-индуса. Микоян сказал, что она его любит; индус

старше ее, но она давно с ним знакома и он порядочный человек, к тому же

коммунист. "Она, - говорит, - просила, чтобы я и у тебя узнал, каково твоё

отношение к этому?". Я ответил: "Если она считает, что он

достойный человек,

пусть выходит замуж. Выбор за ней, а мы здесь ни при чем, мы не будем

вмешиваться. То, что он не гражданин Советского Союза, не может служить

препятствием. Пусть решает сама". И она вышла за него замуж. Я узнал об

этом, когда уже находился на пенсии, и был доволен, поскольку хотел, чтобы

она устроилась наконец в своей личной жизни.

Как я узнал, этот индус умер. Светлана поехала похоронить его на родине и

не вернулась. Я был буквально потрясен. Несколько дней не верил этому, пока

не получил неопровержимых подтверждений. Ее книги я целиком не читал.

Западное радио передавало выдержки из нее, которые были ему выгодны. Может

быть, такие места и не характерны для всей книги, но то, что было передано,

мне показалось по меньшей мере странным. Как советский человек, выросший в

наших условиях, да еще дочь Сталина, мог написать такое? Она ведь

воспитывалась в окружении советских людей, и я бы не сказал, что это было

только окружение Сталина. Правда, толком я не знаю, что за люди были у нее

воспитателями. Помню, что там маячила одно время красивая

грузинка, но она

вроде бы промелькнула и исчезла. Кто-то сказал мне, что это воспитательница

Светланы. Не знаю, что это за воспитательница и откуда она появилась.

Пронесся слух, что это было подставное лицо Берию, подосланное не то к

Светлане, не то к Сталину. В школе Светлана училась хорошо и не вызывала

нареканий.

Полагаю, что получился результат надлома психики у молодой женщины. Еще

бы... Раньше умерла мать, и при каких обстоятельствах! Она понимала, что

мать погибла в результате тех взаимоотношений, которые создались между нею и

отцом. И не просто умерла, а покончила жизнь самоубийством. Сплетничали

даже, что Сталин ее убил. Я и сейчас не могу сказать, где тут правда, потому

что знаю две версии: одна - что Сталин ее застрелил; другая, более вероятная

версия, что она застрелилась в результате оскорбления, нанесенного ее

женской чести. Конечно, о каком-то варианте и Светлана знала и сильно

переживала, на нее это подействовало. Потом вышла замуж и развелась,

осталась с сыном. Снова вышла замуж и сама уже оставила

второго супруга,

сохранив от него дочь. Для молодой женщины это не очень-то нормально.

Да и с собственным отцом у нее были сложные отношения. Отец любил ее, но

свои чувства выражал звероподобными приемами, вроде нежности кошки с мышкой.

Это тоже могло надламывать душу ребенка, потом девушки и наконец

женщины-матери. Затемстряслась смерть отца, вскрылись его злоупотребления

властью, что тоже было для нее страшным потрясением. Сложившиеся

обстоятельства терзали ее душу и влияли на ее психику. И вот последняя

капля, переполнившая чашу: смерть третьего мужа, похороны.

О том, что произошло дальше, мне передавали такие люди, которые сами

пользовались лишь слухами. Почему она не вернулась? Я говорю о версии,

потому что достоверно мне ничего не известно. Она после похорон мужа пришла

в наше посольство. Послом в Индии был Бенедиктов(4). Я хорошо знал его:

"выдержанный" человек. Она хотела задержаться в Индии на несколько месяцев,

а Бенедиктов посоветовал ей немедленно выехать в Советский Союз. Когда посол

рекомендует гражданину тотчас убыть домой, это сразу

настораживает любого

человека. Тем более что Светлана знала все манеры, которые у нас в такой

связи проявлялись. Значит, к ней выражается недоверие. А оно может кончиться

плачевно для лица, которое хотят как можно скорее вернуть на родину. Тут не

забота о человеке, а политическое недоверие, унижительное и оскорбительное

отношение, которое выводит из равновесия даже уравновешенных людей.

А Светлана не была уравновешенной, как это видно и по содержанию ее

книги. Она была надломлена и обратилась за помощью к иностранной державе,

пошла к американскому послу, уехала в Швейцарию, а оттуда в США. Глупый

поступок, который нельзя ничем оправдать. Но глупо поступили и с ней. Грубо.

Это - полицейская мера со стороны людей, которые должны были бы проявить

такт и уважение к личности женщины и гражданина. Что, по моему, нужно было

бы сделать? Я убежден, что того не получилось бы, если бы с ней поступили

иначе. Когда она пришла в посольство и сказала, что ей необходимо побыть в

Индии месяца два или три, надо было ответить: "Светлана Иосифовна, зачем три

месяца? Возьмите себе визу года на два или три. Можете взять и бессрочную

визу, живите здесь. Когда захотите, приедете домой, в Советский Союз". Нужно

было дать ей свободу выбора и тем самым морально ее укрепить, показать, что

к ней относятся с доверием.

Я убежден, что если бы с ней так поступили и даже если бы она имела уже

написанной свою книгу, она бы ее либо не опубликовала, либо переделала. Но

ей показали, что она находится под подозрением. Умная женщина сразу поняла

это. Политическое недоверие к ней, дочери Сталина, переполнило чашу. И она

бросилась в омут эмигрантской жизни, лишила себя родины, рассталась со

своими детьми и друзьями. Очень, очень печально. Мне жаль Светлану.

По-прежнему называю ее так, хотя она давно уже Светлана Иосифовна. Так

ужасно закончилось ее существование как нашего, советского человека. Безумно

жаль!

Существуют примеры в подтверждение моей правоты. Когда я возглавлял

правительство, молодой пианист Ашкенази(5) получил первую премию на

Московском музыкальном конкурсе имени Чайковского. Он

был женат на

англичанке, которая училась у нас в консерватории, и у них появился ребенок.

Они поехали в Англию, где живут родители его жены. Мне говорили, что она

родом из Ирландии, но английская подданная. Ашкенази - хороший пианист, я

слушал его игру и потом поздравлял его, когда ему была присуждена премия.

Теперь же я его слушаю по радио. Так вот, он пришел в советское посольство в

Лондоне и сообщил, что его жена отказывается теперь ехать в Советский Союз,

а он ее очень любит, у них дитя, и он спросил, как ему быть. Посол сейчас же

доложил о происшедшем в Москву, а мне передал затем Громько, что получена

такая-то телеграмма от нашего посла.

Я посоветовался с товарищами и предложил: "Дадим ему загранпаспорт на

такой срок, какой он сам захочет. Он сможет с этим паспортом всегда приехать

в Советский Союз, если пожелает. Это единственная разумная возможность. Если

мы будем насильно добиваться, чтобы он вернулся, то он, видимо, не вернется.

Он же не антисоветский человек, но мы его искусственно сделаем

антисоветским, потому что раз он не выполнит нашей воли, то

противопоставит

себя правительству СССР. Сейчас же найдутся комментаторы и толкователи,

которые начнут обрабатывать его в антисоветском духе. Зачем нам плодить

таких людей? Что вообще случится, если он станет жить в Лондоне, а сюда

будет приезжать на концерты? Он же музыкант, человек свободной профессии,

будет на родине выступать с концертами и останется гражданином Советского

Союза". Все согласились. Так мы и сделали. И мне приятно, когда я сейчас

включаю радио, слышать, если объявляют, что в Москве выступает пианист

Ашкенази. Приятно, что мы сохранили честное имя крупного пианиста за нами,

за Советским Союзом, и заодно не разрушили семейную жизнь.

Может быть, настанет время, когда он и другие такие же люди захотят

приехать и обосноваться у нас. А может случиться, что они обоснуются за

рубежом, я этого не исключаю. Ну, и что? Полагаю, настала пора, когда нужно

предоставить возможность гражданам Советского Союза жить, где они хотят.

Если желают выехать в какую-либо страну, пожалуйста! Невероятное дело после

50 лет существования советской власти держать людей под

замком. Мы,

коммунисты, считаем, что капиталистический строй - это проклятье. Люди труда

обрекаются там на капиталистическое рабство. Мы строим социализм и во многом

преуспели в этом строительстве, а дальше еще больше преуспеем. Наш строй,

безусловно, самый прогрессивный на данном этапе развития человечества.

Значит, если сравнивать "по-библейски" - это рай. Но рай не в том смысле,

когда все сыплется из рога изобилия, а ты только подставляй рот. Нет, такого

рая нет, и когда он будет, я даже не знаю. Но ведь все оценивается

относительно. Так чего же мы сами себе противоречим? Строим хорошую жизнь, а

чтобы удержать людей в этой хорошей жизни, держим границу за семью замками?

Иной раз и не враги, а наши, советские зубоскалы говорят: "Чего же в рай

дубинкой гоните?". Эти слова мы слышали, и когда принудительным порядком

проводилась коллективизация, и в других случаях. Считаю, что пора лишить

таких врагов социализма аргументов. Почему мы не доверяем людям - строителям

социализма? Надо показать, что все они являются вольными гражданами,

свободными строителями новой жизни, что они созидают социализм в результате

своих убеждений, а не принуждения или таких условий жизни, когда им податься

некуда. Это позорит нас. Пришло время ликвидировать такой позор.

Вот Югославия. Она не богаче нас живет. Я, когда в последний раз был в

Югославии, беседовал с Тито, и об этих беседах с удовольствием сейчас

вспоминаю. Я его расспрашивал: "Как у вас дела с границей?" Он: "Граница у

нас такая: подъезжает человек, говорит, куда он едет, и все, никакой

проверки. Отъезжающий выполняет элементарные формальности, поднимается

шлагбаум, машина въезжает в Югославию или выезжает из нее. То же относится к

людям, которые приезжают из других стран в Югославию. И так же свободно

выезжает за границу каждый югослав". Он рассказывал, что у них многие

шахтеры едут работать в Западную Германию. Говорят: "Поеду заработать на

машину". И что случилось с Югославией? Она исчезла от этого? Нет.

Между прочим, когда я поставил вопрос о том, чтобы восстановить добрые

отношения СССР с Югославией, то необходимость этого никак не мог понять

Суслов. Он старался доказать, что в Югославии нет социализма, что это не

социалистическая страна. Я ему: "Давайте проанализируем. Создадим комиссию,

пусть она изучит по элементам, какие общественные признаки существуют в

каждой стране, которая является капиталистической или которую мы называем

социалистической". Такая комиссия была создана и представила соответствующие

документы. Я заранее был убежден в итогах ее выводов, но хотел, чтобы

авторитетная комиссия все наглядно проанализировала бы. Такие документы

лежат в Центральном Комитете партии. В них доказано, что в Югославии налицо

признаки социализма, что на этих основах построено Югославское государство.

Так почему бы нам не последовать примеру Югославии и не открыть свои

границы?

Если это невозможно, то какая же тогда у нас свобода? Могут сказать, что,

мол, у нас классовый состав общества. Но это относилось к давнему периоду

нашего существования. Сейчас, через 50 лет после того, как ликвидированы

враждебные классы, эти аргументы, как говорится, для дураков. Для мыслящих

людей - это позорная аргументация.

Ну, а если бы мы позволили Светлане самой решать и она бы не вернулась?

Ну, что же, жалко было бы, но ничего не поделаешь. Ведь она не вернулась и

при существующем порядке выдачи виз. И еще один эпизод из области того

наследия, которое цепями лежит на сознании руководителей СССР. Наша балерина

номер один, лучшая балерина не только в Советском Союзе, но и мирового

балетного искусства Майя Плисецкая(б): какова ее судьба? Когда выезжал за

границу Большой театр, ее всегда исключали из списка отъезжавших. Мне

докладывали, что ей нельзя доверять, что она может не вернуться. Я ее лично

не знал, и я с ней никогда не разговаривал, не имел представления о ее

настроениях. Конечно, было бы неприятно, если бы такая балерина, как

Плисецкая, покинула Советский Союз. Это была бы демонстрация, а для нас

болезненный укол.

И вот однажды, когда готовилась к выезду за границу очередная балетная

труппа, я получил как секретарь ЦК партии письмо от Плисецкой, довольно

большое и искреннее. Она писала, что она патриотка, что ее

обижает и

оскорбляет недоверие, которое ей выражается, и заверяла в своей честности.

Встал вопрос: как быть? Я размножил ее письмо, и все члены Президиума ЦК

партии прочитали его. Я предложил включить ее в список. Выражались сомнения,

что она может не вернуться. "Да, может. Но она говорит, что этого не

случится. И я ей верю. Нельзя жить без доверия. Если она написала нечестно,

а просто, чтобы вырваться, ну, что же, переживем". Она поехала. Я был

вознагражден, не знаю, во сколько крат, когда она с блеском выступила за

границей и вернулась, приумножив славу советского балетного искусства, нашей

культуры. А если бы мы продолжали ее "не пущать"? Мы бы искалечили человека

или сделали бы из нее антисоветскую личность. Потому что самое хрупкое - это

психика человека, и ее надо оберегать, чтобы не надломить. Неосторожный шаг

может вывести любого из равновесия, и он окажется роковым шагом в жизни. Я

был горд правильным решением, и мне было приятно, что балерина правильно

оценила доверие.

Еще один случай: с известным пианистом Рихтером(7). Тоже

встал вопрос его

выезда за границу. Мне докладывают, что есть возражения. По-моему,

Фурцева(8) докладывала мне, что наша госбезопасность возражает. Какие же

основания? У него в Западной Германии живет мать, и неизвестно, вернется он

или не вернется. Конечно, потеря такого крупного музыканта, как Рихтер, -

ущерб для страны. Это ведь в музыкальном мире человек № 1. Что же делать? Я

говорю: "Пусть он едет". Высказывалась мысль потребовать от него, чтобы он

не заезжал в ФРГ. И я сказал: "Если он выедет за пределы наших границ с

вырванным у него обязательством не заезжать в Западную Германию и не

встречаться с матерью, то глупее этого ничего не может быть. Наоборот, надо

посоветовать ему: "Вы не видели мать столько лет, поезжайте, повидайтесь с

ней". Надо, чтобы он не почувствовал, что мы против этого". Рихтер поехал в

Западную Германию, встречался с матерью. Мне рассказывали, что мать чуть ли

не бросила его и уехала, когда немцы оккупировали Украину. Она жила тогда,

кажется, в Одессе. А сын вырос здесь. И он вернулся.

Потом он ездил по Америке с концертами. Там ему подарили

чудесный рояль.

Пришла Фурцева и говорит: "Как быть? По нашим законам, чтобы перевезти рояль

через границу, надо заплатить большую пошлину. Рихтер не в состоянии будет,

видимо, заплатить ее". Я: "Передайте от меня тем, кто занимается на границе

пошлинами, что надо оформить все так, чтобы пошлину с него вообще не брали.

Раз он в США получил в премию рояль, то не нам ставить препятствия для

владения подарком. Если мы его лишим подарка, то у него сохранится в душе

Горький осадок, огорчение. Для музыканта иметь хороший инструмент - большая

радость. Не лишайте его этой радости, он заслуживает ее, большего

заслуживает!" А Фурцева тоже была довольна, что так решен вопрос. Сейчас

Рихтер много выступает повсюду, разъезжает, и не знаю, существует ли вообще

вопрос в связи с его гражданской честностью.

Могут ли возникнуть случаи, когда наше доверие будет обмануто? Могут.

Среди 200 с лишним миллионов человек, конечно, найдутся и чистые, и

нечистые. Нечистые уйдут на поверхность, как всякое легкое вещество, которое

плавает на воде, и они волнами будут отбиты от наших берегов.

Пусть себе

плывут по течению. Могут принять схожее решение и люди, о которых нельзя

говорить плохо. Одни могут проявить какое-то временное колебание. Другие же

просто захотят попробовать зарубежную жизнь, в каких-то проявлениях

привлекательную. Пускай! Нельзя захватить власть, построить частокол, и не

изволь подходить даже к нему, а не то что переходить через частокол. Нельзя!

Вспомните Ленина. Мы врагов в первые годы революции и советской власти сами

высылали за границу, а для желающих выехать были открыты все возможности:

пожалуйста, берите чемоданы и уезжайте! И уезжали.

Помню, в 1919 г. я был в Красной Армии и служил в Курске, многие

переселялись оттуда на Украину. В красноармейском "устном вестнике" ходили

анекдоты о том, как переходили эту границу, скрывали личные ценности и какие

находили люди потайные места, чтобы спрятать небольшие, но очень ценные

вещи. Может быть, эта правда сдобрена солдатскими молодежными выдумками. Но

такие факты были. Люди уезжали открыто. А теперь, спустя 50 лет, мы тем

более должны создать такие общественные отношения, чтобы не

видеть в каждом

человеке невозвращенца. Стоять на другой позиции - значит позорить наши

идеи, наше учение, наш строй. Я резко против этого.

То, что подобный метод был применен к Светлане, меня очень огорчает. Я

думаю, что еще и сейчас не все потеряно, что она еще может вернуться, у нее

может окрепнуть мысль возвратиться к своим детям. Пусть бы она хотя бы имела

такую возможность, знала, что если захочет вернуться, то сможет, и ей не

будет поставлена в укор ее слабость. Осуждая Светлану за то, что она приняла

неразумное решение, я осуждаю и тех, кто не подал ей руку, чтобы помочь ей

найти правильное решение, и своими глупыми шагами толкнул ее на неверный

поступок.

Примечания

(1) По данным 1992 г., самолет, на котором совершал полет Ю. А. Гагарин,

потерпел катастрофу 27 марта 1968г. Попав в вихревой поток, вызванный

пролетевшим впереди другим самолетом, он потерял управление на очень малой

высоте, при низкой облачности и врезался в землю.

(2) Маленкова В. Г. Ее тогдашний супруг - П. М. Шамберг, сын заместителя

заведующего отделом ЦК КПСС М. А. Шамберга.

(3) Жданов Ю. А. (род. 1919) - химик, член-корр. АН СССР с 1970г., член

ЦК КПСС в 1952 - 1956 гг., лауреат Государственной премии СССР 1983 г.

(4) Бенедиктов И. А. (1902 - 1983) - член Компартии с 1930 г., нарком

земледелия и министр сельского хозяйства СССР в 1938 - 1943 и 1946 - 1953

гг., потом министр совхозов, с 1959 г. посол в Индии, в 1967 - 1970 гг.

посол в Югославии, член ЦК партии в 1939 - 1941 и 1952 - 1971 гг.

(5) Ашкенази В. Д. (род. в 1937 г.) - пианист, лауреат музыкального

конкурса им. П. И. Чайковского в 1962 г., находится за рубежом с 1963 г., с

1987 г. возглавлял в Лондоне Королевский филармонический оркестр как

дирижер.

(6) Плисецкая М. М. (род. в 1925 г.) - народная артистка СССР с 1959 г.,

Герой Социалистического Труда с 1985 г., в Большом театре выступала в 1943 -

1988 гг.

(7) Рихтер С. Т. (1915 - 1997) - народный артист СССР с 1961 г., Герой

Социалистического Труда с 1975 г., лауреат Ленинской премии в 1961 году.

(8) Фурцева Е. А. (1910 - 1974) - член ВКП(б), с 1930 г. на комсомольской

работе. С 1950 г. второй и в 1954 - 1957 гг. первый секретарь МГК КПСС, с

1956 г. секретарь ЦК КПСС и кандидат в члены Президиума ЦК партии, в 1957 -

1961 гг. член Президиума, с 1960 г. министр культуры СССР.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛИНА

После Великой Отечественной войны с каждым годом становилось заметнее,

что Сталин слабеет физически. Особенно заметно сказывалось это в провалах

его памяти. Иной раз сидим за столом, и он, обращаясь к человеку, с которым

общался десятки, а может быть, и больше, лет, вдруг останавливается и никак

не может припомнить его фамилию. Он очень раздражался в таких случаях, не

хотел, чтобы это было замечено другими. А это еще больше стимулировало

угасание его человеческих сил. Помню, однажды обратился он к Булганину и

никак не мог припомнить его фамилию. Смотрит, смотрит на него и говорит:

"Как ваша фамилия?". - "Булганин". - "Да, Булганин!" - и только тут высказал

то, что и хотел сначала сказать Булганину. Подобные явления повторялись

довольно часто, и это приводило его в неистовство.

Свое зло он вымещал потом на лицах, которые работали с ним, прошли вместе

большой путь и, к сожалению, явились также свидетелями неповинной гибели

многих честных людей. Такие лица, как Булганин и Маленков, наверное, многого

не знали. Они действовали, помогали развитию пагубного процесса, но

действовали как бы вслепую. Корни были делом рук Сталина, и все материалы

насчет необходимости расширения "мясорубки" и приводились им лично, и

оформлялись, и объяснялись тоже им лично. Такие пояснения обосновывали

необходимость этих мероприятий якобы в интересах революции, закрепления ее

завоеваний и продолжения дела строительства социализма. Одним словом, все

объяснялось весьма благими намерениями. Не знаю, был ли Сталин сам, хотя бы

частично, введен в заблуждение. Я же в этом сомневаюсь, ибо чувствую и знаю,

вспоминая его фразы и различные высказывания, что это делалось им

сознательно, с целью исключить возможность появления в партии каких-то лиц

или групп, желающих вернуть партию к ленинской внутрипартийной демократии,

повернуть страну к демократичности общественного устройства. Он этого не

допускал. К людям он относился, как Бог, который их сотворил, относился

покровительственно-пренебрежительно. Бог сотворил первого человека из глины,

как нас учили в детстве согласно Библии. Поэтому какое же уважение может

быть к глине? Сталин говорил, что народ - навоз, бесформенная масса, которая

идет за сильным. Вот он и показывал эту силу, уничтожая все, что могло

давать какую-то пищу истинному пониманию событий, толковым рассуждениям,

которые противоречили бы его точке зрения. В этом и заключалась трагедия

СССР. И именно это совпадало с предупреждением Ленина, что Сталин - человек

нетерпимого характера и способен злоупотреблять властью. Сколько уже раз я

это повторяю! У меня эти слова все время остаются в памяти. Какое же это

было ленинское предвидение! И как глупо поступила наша партия, не послушав

его и не сделав должного вывода на первом же послеленинском пленуме своего

ЦК или хотя бы на съезде. Истории оказалось угодно, что бы партия и

советский народ прошли путь строительства социализма через трагедию

сталинского времени.

Помню, как Сталин отдыхал в последний раз в Новом Афоне. Это был 1951 г.

(знаю это, потому что в 1952 г. он в отпуск не ездил, а раз Сталин не

поехал, то и из руководства тоже никто не ездил в отпуск, а в 1953 г. он

умер; следовательно, то был 1951 г.). Он пригласил меня, как часто

случалось и раньше, к себе. Я тогда отдыхал, кажется, в Сочи, оттуда приехал

к нему в Новый Афон, и мы затем отдыхали вместе. Потом он позвонил Микояну,

который отдыхал в Сухуми. Тот тоже приехал. Так мы вдвоем и жили у Сталина.

Не помню, сколько дней мы там прожили, но долго. Однажды, еще до обеда,

Сталин поднялся, оделся и вышел из дома. Мы присоединились к нему и стояли

втроем перед домом. И вдруг, без всякого повода, Сталин пристально так

посмотрел на меня и говорит: "Пропавший я человек. Никому не верю. Сам себе

не верю". Когда он это сказал, мы буквально онемели. Ни я, ни Микоян ничего

не смогли промолвить в ответ. Сталин тоже нам больше ничего не сказал.

Постояли мы и затем повели обычный разговор.

Я потом все время не мог мысленно отвязаться от этих слов. Зачем он это

сказал? Да, все мы на протяжении длительного времени видели его недоверие к

людям. Но когда он так категорично заявил, что никому и даже сам себе не

верит, это показалось ужасным. Можете себе представить? Человек, занимающий

столь высокий пост, решающий судьбы всей страны, влияющий на судьбы мира, -

и делает такое заявление? Если вдуматься, если проанализировать под этим

углом зрения все зло, содеянное Сталиным, то станет понятно, что он

действительно никогда и никому не верил. Но тут есть и иная сторона дела.

Одна - не верить, это его, так сказать, право. Конечно, это создает тяжелое

душевное состояние у человека, имеющего такой характер. Но другое, когда

человек, который никому не верит, обладает характером, толкающим его поэтому

на уничтожение всех тех, кому он не верит.

Вот почему в его окружении все были временными людьми.

Покамест он им в

какой-то степени еще доверял, они физически существовали и работали. А когда

переставал верить, то начинал "присматриваться". И вот чаша недоверия в

отношении того или другого из людей, которые вместе с ним работали,

переполнялась, приходила их печальная очередь, и они следовали за теми,

которых уже не было в живых. Собственно, так и случилось раз от разу с теми,

кто работал рядом с ним и вместе боролся в рядах партии над ее сплочением.

Потом почти все эти люди были уничтожены. Возьмем, к примеру, того же

Каменева... Не знаю, какие в ранние годы были у Сталина отношения с Троцким.

Ленин в предсмертной записке упомянул, что в партии два самых выдающихся

человека - Троцкий и Сталин. И тут же Ленин написал об отрицательных чертах

Сталина.

Признание Сталина в том, что он никому, даже сам себе, не верит,

приоткрывает завесу над некоторыми причинами той трагедии, которая

разыгралась в бытность его руководителем партии и страны. А сталинский

период - очень долгий. И вот полетели головы честных людей,

совершенно ни в

чем не повинных. Их имена поднимают, чтобы народ их вспомнил. Они возвращены

в историю XX съездом партии. Но сейчас стыдливо и позорно скрываются причины

гибели этих людей и покрывают виновника злодеяния. Это, конечно, неразумно,

но факт налицо.

Возвращаясь к ушедшему времени, еще раз скажу: дело дошло до того, что

Сталин стал считать шпионом Ворошилова! Наверное, лет пять он не приглашал

его ни на какие высокие заседания, какие собирались, прежде всего на

заседания Политбюро. Впрочем, настоящих заседаний уже не происходило, а

имели место эпизодические собрания, буквально на ходу, перед обедом или

перед ужином, хотя там решались вопросы и текущего порядка, принципиальные,

крупнейшие. Ворошилов туда доступа уже не имел. Изредка он прорывался

явочным порядком, то есть сам приходил, а иной раз звонил. Но это случалось

очень редко.

Подозревать, что Ворошилов - английский шпион? Это же величайшая

глупость. Не знаю, до чего надо дойти в недоверии к людям, чтобы обрести

такое состояние души. Сталин не верил тому самому Ворошилову, с которым

много лет вместе воевал и работал рука об руку. Честность Ворошилова перед

партией, перед рабочим классом ни в какой степени не может подвергаться

никакому сомнению. Другой вопрос - оценка его деятельности на посту наркома

обороны. Она показала его несостоятельность как наркома, потому что Красная

Армия не была подготовлена к войне, и не только в результате неоправданного

уничтожения кадров: она была не подготовлена должным образом и по

вооружению. Боевая техника, вооружение, их запасы не соответствовали всем

материально-техническим возможностям СССР и задачам эпохи. Ведь мы по уровню

производства могли создать необходимые резервы и вести войну без нужды не

один и не два года. А у нас вначале винтовок, сколько нужно, не оказалось!

Не было многих самых простейших вещей для армии в нужном количестве. Мы

испытывали по 1942 г. голод на оружие. Остро чувствовали нехватку зенитных

средств и в результате терпели большой урон от нападений врага с воздуха.

Бесспорно, Ворошилов оказался не на высоте. Не знаю, как это объяснить,

но я во всяком случае не чувствовал, что он имел должное прилежание в своей

работе наркомом. Сравню его с Кагановичем. Этот менее располагал меня к себе

как человек. Однако если говорить о прилежании и трудоспособности, то

Каганович - это буря. Он мог иной раз и здоровое дерево сломать в результате

такого ураганного характера. Работал, насколько хватало сил, совершенно не

щадил себя и не считался со временем, все отдавал работе в партии и для

партии. Конечно, он был карьеристом. Но это другой вопрос, а я говорю сейчас

о стиле его работы. Ворошилов же - иной человек. Его всегда можно было

увидеть на всех празднествах. Он демонстрировал себя и свою выправку, а

реально военному делу уделял мало внимания.

Когда трудились Гамарник, Тухачевский и другие, которые по-настоящему

ведали политической работой, экономикой, боевой техникой армии, дело

двигалось и без Ворошилова. Когда же они были уничтожены и пришли на их

место такие лица, как Мехлис, Щаденко и Кулик, недостойные своих постов,

Наркомат обороны превратился, честное слово, в дом сумасшедших, не то в

**собачник какой-то, если иметь в виду его руководителей.
Однажды (я уже**

**рассказывал об этом) меня буквально затащил за рукав
Тимошенко на заседание**

**Главного военного совета РККА. Тогда он командовал
войсками Киевского**

**Особого военного округа, и мы с ним приехали в Москву.
Тимошенко - человек с**

**хитрецей. Он, видимо, хотел, чтобы я как член Военного совета
КОВО посмотрел**

**на этот собачник, как они друг другу впивались в горло, рвали
друг друга по**

пустякам, но не занимались настоящим делом.

**Кто в том был виноват? И Ворошилов, и Сталин. Я думаю, что
в то время**

**Ворошилов уже не пользовался должным доверием у Сталина.
Зачем же нужно было**

**брать ему таких людей? Они по своему характеру (не говорю об
их политической**

**и государственной преданности стране: это были безупречно
честные люди)**

**оказались совершенно нетерпимыми друг к другу, поэтому и
согласованной**

**деятельности у них никак не могло быть. А кто страдал?
Страдали армия,**

**народ, страна. Но, может быть, Сталина именно устраивала их
междоусобная**

грызня?

Теперь о Молотове. О нем всегда говорили, что это - дубинка

Сталина.

Молотов был выдвинут Председателем Совета Народных Комиссаров СССР после

Рыкова в 1930 году. Я тогда учился в Промышленной академии и состоял в

партактиве Бауманского района Москвы. Когда мы получили информацию о

назначении Молотова, по Москве ходили всякие слухи. В то время существовали

еще сторонники и Бухарина - Рыкова, и Зиновьева - Каменева. Имелись и

сторонники Сырцова - Ломинадзе, близкие к тем, кто поддерживал Бухарина. Я

сейчас и не помню конкретно, в чем были расхождения между ними. То были люди

одного политического направления. Молотов же был выдвинут вместо них как

самый верный и непоколебимый друг и соратник Сталина. Он сам заявил так на

том пленуме ЦК, на котором была названа его кандидатура. А когда я работал

секретарем Московского городского и областного партийных комитетов и меня не

раз Сталин вызывал к себе, то там чаще всего я встречал Молотова. Я считал,

что Сталин и Молотов - это самые близкие, неразлучные друзья. В отпуск они

всегда уезжали тоже вместе.

Я и сейчас не могу ничего сказать о том, какие причины

вызвали тот факт,

что Сталин отвернулся от Молотова. Конечно, если вспомнить о его жене

Жемчужиной, которую Сталин посадил, то Молотов до конца не соглашался в этом

вопросе и со Сталиным, и с пленумом ЦК. Когда на пленуме стоял вопрос о ее

выводе из состава ЦК партии, все проголосовали "за", а Молотов воздержался.

Он не голосовал "против", но воздержался. Это взорвало Сталина. Правда, и

после всего этого Молотов остался со Сталиным. Однако событие на пленуме

наложило отпечаток на дальнейшее отношение Сталина к Молотову. Если принять

во внимание характер Сталина, то ясно, что бесследно для их отношений такой

инцидент не мог пройти. И все-таки у них сохранялась близость и продолжалась

совместная работа.

Но потом Сталин начал со злостью лягать Молотова. Особенно хорошим

барометром неустойчивости Молотова служил Каганович. Каганович с

подначивания Сталина как бы играл роль цепного пса, которого выпускали,

чтобы рвать тело того или другого члена Политбюро, к которому, как он

чувствовал, Сталин питал какое-то охлаждение. Каганович

всегда неприязненно

**относился к Молотову. Я слышал от Кагановича, что он его
очень не любил,**

**даже ненавидел. Но и знал свое место: Молотов есть Молотов. В
послевоенное**

**время Каганович начал нападать, и очень резко, на Молотова, а
когда бывал на**

**заседаниях Ворошилов, то и на Ворошилова. Нас, других, это
раздражало. Это я**

**говорю о себе, Булганине и даже Берии. Мы были недовольны
Кагановичем и иной**

**раз подавали контрреплики, сдерживая его. Тут Каганович
сразу поджимал**

хвост, он был трусливым человеком.

**Теперь положение Молотова стало незавидным, но он
держался хорошо и по**

**всем принципиальным вопросам высказывался смело. Я бы
сказал, что он был**

**единственным человеком в Политбюро, который порою
возражал Сталину по тому**

**или иному вопросу. Такие возражения не возникали в порядке
политической**

**драки. Драки там не было, а его замечания и некоторое
проявление им упорства**

**по тому или другому вопросу мне у Молотова нравились.
Поэтому я к нему**

**относился с очень большим уважением, хотя с точки зрения
действенности его**

работы, умения работать у меня имелось критическое о нем

мнение. Эту

недействительность отмечал не только я, но и другие товарищи. Однако

политическая линия Молотова, ее направленность была безупречной, и это все

перекрывало.

Когда в последние годы жизни Сталина Молотов утратил его доверие, то

Сталин, отдыхая как-то в Сухуми, поставил вдруг такой вопрос: Молотов

является американским агентом, сотрудничает с США. Сейчас просто невозможно

даже представить, что такое могло прозвучать. Молотов тут же начал

апеллировать к другим. Там был и я, и Микоян, и все сказали, что это

невероятно. "А вот, помните, - говорит Сталин, - Молотов, будучи на какой-то

Ассамблее Организации Объединенных Наций, сообщил, что он ехал из Нью-Йорка

в Вашингтон. Раз ехал, значит, у него там есть собственный салон-вагон, как

он мог его занять? Значит, он американский агент". Мы отвечали, что там

никаких личных железнодорожных вагонов государственные деятели не имеют.

Сталин же мыслил по образу и подобию порядка, заведенного им в СССР, где у

него имелся не только салон-вагон, а и целый - отдельный

поезд. То есть

считал, что такой же порядок существует в капиталистических странах.

Он резко отреагировал на недоверие, проявленное к его высказываниям, и

сейчас же продиктовал телеграмму Вышинскому, находившемуся тогда в

Нью-Йорке(1): потребовал, чтобы Вышинский проверил, имеется ли у Молотова

собственный вагон? Тут же телеграмма была послана шифровкой. Вышинский

срочно ответил, что по проверенным сведениям в данное время у Молотова в

Нью-Йорке собственного вагона не обнаружено. Сталина этот ответ не

удовлетворил. Да ему и не нужен был ответ. Главное, что у него уже засело в

голове недоверие, и он искал оправдания своему недоверию, подкрепления его,

чтобы показать другим, что они слепцы, ничего не видящие. Он любил повторять

нам: "Слепцы вы, котят, передушат вас империалисты без меня". Так ему

хотелось, так ему нужно было. Он желал удостовериться, что Молотов -

нечестный человек.

Спустя какое-то время в такую же опалу попал Микоян. Я и сейчас не могу

сказать, в чем его обвинял Сталин. Молотов - тот вроде

американский агент,

потому что он в США имел вагон и, следовательно, там жили его истинные

хозяева. Ну, а Микоян? Агентом какой страны он был? Я уже после смерти

**Сталина не раз шутил и спрашивал Анастаса Ивановича:
"Слушай, скажи, какой**

страны ты агент? Уж ты, наверное, если агент, то не какой-то одной страны?"

Анастас Иванович, сам любивший пошутить, на шутку отвечал шуткой. Вот так мы

шутили. Но это стало шуткой уже после смерти Сталина. А при Сталине, если бы

он еще полгода пожил, то отослал бы Молотова с Микояном к прадедам, куда

отсылал всех "врагов народа", расправился бы с ними. Вот до чего дело дошло!

Если рассматривать Сталина как могучий, несгибаемый дуб, то этот дуб сам

себе обрубил все ветви. А когда нет ветвей, исчезает листва, то нарушается

питание ствола, гниют корни, и дерево обречено на гибель. Тем людям, с

которыми Сталин вместе работал, переорганизовывал партию и вел народ, он

потом начал выражать недоверие, выдумал "врагов народа" и стал рубить им

головы. Одни люди, которых он считал самыми к себе приближенными и на

которых он опирался, стрелялись, вроде Орджоникидзе, или же он их казнил,

как Рудзутака, Рыкова, Каменева, Чубаря, Станислава Косиора. Кажется, из

всех входивших в Политбюро один лишь Петровский, будучи смещен, чудом

остался живым. Чудо надо искать в том, что по своей старости Петровский уже

не являлся политическим лидером, был политическим деятелем в прошлом и не

представлял никакой угрозы. Видимо, это определило его судьбу, и он остался

в живых.

Примечания

(1) ВЫШИНСКИЙ А. Я., будучи в 1949 г. - марте 1953 г. министром

иностраннных дел СССР, часто выступал в Нью-Йорке на заседаниях Совета

Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН.

КОРЕЙСКАЯ ВОИНА

Хочу теперь рассказать о том, чему я был свидетелем в связи с корейскими

делами. Кажется, в 1950 г., когда я вновь работал в Москве, либо чуть

раньше, до моего возвращения в Москву, приезжал к нам Ким Ир Сен(1) со своей

делегацией. Он, ведя беседу со Сталиным, поставил вопрос, что хотелось бы

прощупать Южную Корею штыком, и говорил, что там при первом же толчке из

Северной Кореи произойдет внутренний взрыв и установится народная власть,

такая же, как в Северной Корее. Сталин не противостоял этому. Ведь это

импонировало сталинской точке зрения, его убежденности, тем более что тут

ставился внутрикорейский вопрос: Северная Корея хочет протянуть

дружественную руку своим братьям, которые находятся в Южной Корее под пятой

Ли Сын Мана(2).

Сталин договорился с Ким Ир Сенем, что тот подумает, подсчитает все и

опять приедет с конкретным планом. Не то было уже условлено, когда он

приедет, не то он должен был прибыть, как только подготовит свои

соображения. Ким Ир Сен приехал и докладывал Сталину, что совершенно уверен

в успехе этого дела. Сталин выражал некоторые сомнения; его беспокоило,

ввяжутся ли США или пропустят мимо ушей? Оба склонились к тому, что если все

будет сделано быстро, а Ким Ир Сен был уверен, что все произойдет быстро, то

вмешательство США окажется исключенным, и они не вступятся своими

вооруженными силами.

Сталин все-таки решил запросить еще мнение Мао Цзэдуна(3) о предложении

Ким Ир Сена. Должен четко заявить, что эта акция была предложена не

Сталиным, а Ким Ир Сенем. Тот был инициатором, но Сталин его не удерживал.

Да я считаю, что и никакой коммунист не стал бы его удерживать в таком

порыве освобождения Южной Кореи от Ли Сын Мана и американской реакции. Это

противоречило бы коммунистическому мировоззрению. Я тут не осуждаю Сталина.

Наоборот, я полностью на его стороне. Я и сам бы, наверное, тоже принял

такое же решение, если бы именно мне нужно было решать. Мао Цзэдун тоже

ответил положительно. Сейчас дословно не помню, как был сформулирован запрос

Сталина. По-моему, он спрашивал, как тот относится к существу подобной акции

и вмешаются ли США или нет? Мао ответил одобрением предложения Ким Ир Сена и

выразил мнение, что США, видимо, не вмешаются, так как тут сугубо внутренний

вопрос, который должен решаться самим корейским народом.

**Помню, как за обедом на сталинской даче много шутили.
Ким Ир Сен**

рассказывал нам о быте корейцев, о климате Кореи, об условиях выращивания

риса и рыбной ловле. Много говорил он хорошего о Южной Корее и доказывал,

что после воссоединения своих половин Корея станет более полноценной, будет

иметь возможность обеспечить сырьем всю свою промышленность, а также

потребности народа в пище за счет рыбной ловли, выращивания риса и других

сельскохозяйственных культур. Мы все желали Ким Ир Сену успеха и ожидали,

что успех будет им реально достигнут. Мы и прежде вооружали Северную Корею.

Но на том обеде не обсуждали, какие именно средства вооружения уже были

выделены Северной Корее. Мне лично это было неизвестно. Но я, само собой

разумеется, считал, что нужное количество танков, артиллерии, стрелкового

вооружения, прочих боевых средств и инженерного оборудования Ким Ир Сен

получил или получит. Наша авиация прикрывала Пхеньян и находилась там.

Мне осталось совершенно непонятно, почему, когда Ким Ир Сен готовился к

походу, Сталин отозвал наших советников, которые были раньше в дивизиях

армии КНДР, а может быть, и в полках. Он отозвал вообще всех военных

советников, которые консультировали Ким Ир Сена и помогали ему создавать

армию. Я тогда же высказал Сталину свое мнение, а он весьма враждебно

реагировал на мою реплику: "Не надо! Они могут быть захвачены в плен. Мы не

хотим, чтобы появились данные для обвинения нас в том, что мы участвуем в

этом деле. Это дело Ким Ир Сена". Таким образом, наши советники исчезли. Все

это поставило армию КНДР в тяжелые условия.

Настал назначенный момент, началась война(4), и успешно. Северокорейцы

быстро продвигались на юг. Но того, что предполагал Ким Ир Сен, - что при

первых же выстрелах будет внутренний подъем южан, разгорится восстание и

свергнут Ли Сын Мана, этого, к сожалению, не произошло. Очищение Южной Кореи

от сил клики Ли Сын Мана осуществлялось только вследствие продвижения войск

Северной Кореи. Сопrotивление было слабым. Тут Ким Ир Сен оказался прав:

строй у южан был непрочный и сам не мог обеспечить себе защиту. Это

свидетельствует о том, что в Южной Корее лисынмановский режим не пользовался

поддержкой. Но внутренних сил сопротивления для восстания все же не хватило.

Видимо, организационная работа по его подготовке была поставлена слабо. А

Ким Ир Сен считал, что Южная Корея вся покрыта коммунистическими

парторганизациями, они ждут лишь сигнала и тотчас поднимут народ на

восстание. Нет, восстания не получилось.

Заняли Сеул. Армия КНДР успешно продвигалась вперед. Мы все радовались и

желали Ким Ир Сену новых достижений, потому что это была по характеру

освободительная война и к тому же не война одного народа против другого, а

война классовая: рабочие, крестьяне и интеллигенция КНДР под руководством

Трудовой партии, которая стояла и стоит на социалистических началах,

боролись с капиталистами. То есть эта война была прогрессивным явлением.

Однако, когда армия Ким Ир Сена подошла к Пусану, ей не хватило духу, а

Пусан - последний крупный портовый город на юге. Его надо было бы взять, и

тут война сразу бы закончилась. Таким образом, возникла бы единая Корея, не

осталась бы она разделенной. Появилась бы, безусловно, более мощная

социалистическая Корея, с хорошей промышленностью, богатым сырьем и сильным

сельским хозяйством. Но этого так и не произошло.

Когда на юге завязались упорные бои, я очень переживал, потому что мы

получали донесения о трагическом состоянии духа у Ким Ир Сена. Я крепко

сочувствовал ему и опять предложил: "Товарищ Сталин, почему бы нам не

оказать более квалифицированную помощь Ким Ир Сenu? Он сам - человек

невоенный, хотя и партизан". Ведь он, размышлял я, революционер, который

хочет драться за свой народ и освободить всю Корею. Хочет, чтобы она была

независимой. А тут наступила война уже с американскими вооруженными

силами...

Наш посол в КНДР Штыков(5), бывший второй секретарь Ленинградского обкома

ВКП(б), во время Великой Отечественной войны получил звание

генерал-лейтенанта. Хотя и генерал военного времени, но опять не

профессиональный военный, без соответствующего военного

образования, его

советы никак не смогут заменить квалифицированного военного человека,

подготовленного к ведению боевых операций. А у нас есть маршал Малиновский.

Он командовал в войну войсками Забайкальского фронта. Почему бы сейчас не

посадить где-нибудь Малиновского с тем, чтобы он инкогнито разрабатывал

военные операции, давал бы нужные указания и тем самым оказывал бы помощь

Ким Ир Сёну? Может делать то же и генерал Крылов(б), который командует

войсками Дальневосточного военного округа.

Сталин вновь очень остро реагировал на мои предложения. Я был поражен!

Ведь он благословил Ким Ир Сёна, не удерживал его, а вдохновлял на этот путь

действий. Ким Ир Сёну дали наше соответствующее вооружение. Одним словом, мы

всецело стояли на его стороне. Без нашей помощи он, конечно, ничего бы и

начать не мог. Полагаю, что наше вооружение являлось решающей помощью. Но

если бы мы еще оказали помощь квалифицированными людьми, которые трезво

могли учитывать соотношение сил на поле боя, то, безусловно, Северная Корея

победила бы. Думаю, что если бы Ким Ир Сён получил от нас

еще один, максимум

два танковых корпуса, то ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы

Пусан. Ведь даже американская пресса потом писала, что если бы Пусан был

занят с ходу, то в Вашингтоне на этот случай было решено не вмешиваться в

конфликт более крупными вооруженными силами США, чем те, которые уже

участвовали в войне. Но ничего этого так и не произошло.

Получилась большая заминка в операциях армии КНДР, и именно тогда был

нанесен удар десантными войсками США. Они отбили Сеул, затем продвинулись

дальше, перешли 38-ю параллель - ту разграничительную линию между Северной и

Южной Кореей, которая была установлена. Сложилось отчаянное положение для

Северной Кореи и лично для Ким Ир Сена. Наш посол присылал трагические

донесения о душевном состоянии Ким Ир Сена. Он считал, что уйдет в горы и

будет вести партизанскую войну, но не сдастся врагу.

Когда нависла такая угроза, Сталин уже смирился с тем, что Северная Корея

будет разбита и что американцы выйдут на советскую сухопутную границу.

Отлично помню, как он как-то, в связи с обменом мнениями об обстановке,

которая сложилась в Северной Корее, сказал: "Ну, что ж, пусть теперь на

Дальнем Востоке будут нашими соседями Соединенные Штаты Америки. Они туда

придут, но мы воевать сейчас с ними не будем. Мы еще не готовы воевать".

Никто больше никаких реплик ему не подал, и вопрос этот далее не обсуждался,

потому что Сталин целиком вел это дело лично, этот вопрос как бы считался

персонально за Сталиным.

Если тогда наши войска и были там, то они лишь прикрывали аэродромы.

Сейчас точно не помню, находились ли эти аэродромы на территории КНДР или

располагались на территории Маньчжурии. Нам, в частности, принадлежали

Порт-Артур и Дальний. На первых порах, когда война развязалась, наша авиация

успешно справлялась с задачами по прикрытию городов и электростанций, не

допускала их бомбежки и сбивала самолеты американцев. В основном наша

авиация имела там на вооружении истребители МИГ-15 - новые самолеты с

реактивными двигателями, очень маневренные и хорошие. Американцы уже в ходе

войны перевооружили свою авиацию и ввели в дело новые истребители, более

мощные и быстроходные. Против них наш МИГ-15 оказался слаб, и мы стали

терпеть поражения в воздухе. Американцы теперь прорывались в небо КНДР и

бомбили ее безнаказанно, а мы уже не обеспечивали прикрытия и утеряли

прежнее господство в воздухе.

В ту пору к нам прибыл Чжоу Эньлай(7). Я не присутствовал при его встрече

со Сталиным. Сталин находился тогда на юге, и Чжоу полетел прямо туда. Об

этих переговорах я узнал позже, когда Чжоу улетел домой. Сталин же, когда

вернулся в Москву, рассказал, что Чжоу Эньлай прилетал по поручению Мао

Цзэдуна посоветоваться, как быть, и спрашивал Сталина, двигать ли на

территорию Северной Кореи китайские войска: у северокорейцев уже не было

войск; надо преградить путь на север южнокорейцам и американцам; или же не

стоит?

Сначала Чжоу и Сталин пришли к выводу, что Китаю не стоит вмешиваться. Но

потом, когда Чжоу Эньлай готовился улететь, кто-то проявил дополнительную

инициативу (то ли Чжоу по поручению Мао, то ли Сталин), и они опять

вернулись к обсуждению этого вопроса, после чего согласились

с тем, что

Китай выступит в поддержку Северной Кореи. Китайские войска уже были

подготовлены к тому и находились на самой границе с КНДР. Собеседники

считали, что эти войска вполне справятся с делом, разобьют американские и

южнокорейские войска и восстановят былое положение. Итак, Чжоу улетел, я его

не видел и не слышал. Поэтому рассказываю только о том, что узнал позднее со

слов самого Сталина.

Я даже точно не помню, прилетал ли действительно Чжоу Эньлай или кто-то

другой? Видимо, это был он. К тому же я считал его тогда самым умным

человеком по сложным делам, главным "посыльным" Мао Цзэдуна, гибким и вполне

современным человеком, с которым можно о многом говорить и вполне понимать

друг друга. Так был решен вопрос о том, что Китай вступает в эту войну. Но

добровольцами. Он не объявлял войны, а послал туда добровольцев. Этими

добровольцами командовал Пэн Дэхуай(8). Мао дал очень высокую оценку Пэн

Дэхуаю: говорил, что это лучшая, самая яркая звезда на китайском военном

небосклоне.

Развернулись новые бои. Китайцы сумели остановить продвижение

южнокорейцев и американцев. Сохранились документы, в которых Пэн докладывал

обстановку Мао Цзэду. Пэн составлял обширные телеграммы, в которых излагал

планы военных действий против американцев. Там обозначались рубежи,

намечались сроки и указывались силы, которые потребны. Он категорически

заявлял, что враг будет окружен и разбит, что ему будут нанесены решающие

фланговые удары. Одним словом, несколько раз в этих планах, которые

сообщались Пэном Мао, а Мао присылал их Сталину, войска США громились и

война завершалась.

К сожалению, война не закончилась. Китайцы терпели большие поражения. Мы

получили сообщение, что при одном из воздушных налетов на командный пункт

погиб китайский генерал, сын Мао Цзэдуна. Так Мао потерял сына в Северной

Корее. А бои продолжались, носили очень упорный и кровавый характер. Китай

нес большие потери, поскольку его боевая техника и вооружение значительно

уступали американским. Тактика китайских действий была построена главным

образом на использовании живой силы и в обороне, и в наступлении. Война

приняла затяжной характер. Потом линия фронта стабилизировалась. Обе стороны

как бы остановились, обе проявляли упорство в обороне. Постепенно

северокорейцы вместе с китайцами стали медленно оттеснять южнокорейцев и

американцев, заняли Пхеньян и отогнали врага к 38-й параллели.

Когда Сталин умер, война еще длилась. Я ход этой войны освещаю сугубо

схематично, потому что я говорю все по памяти, а документов, в которых

решались вопросы оказания военно-технической помощи северокорейцам, я вообще

никогда не видел. Их у нас, наверное, никто не видел, кроме Сталина. Но

основы нашей политики там я знал. Документы, которые мы получали от нашего

посла в КНДР, я читал все.

В то время я уже получил от Сталина "право гражданства" и начал читать

всю почту для Политбюро. Сталин распорядился, чтобы мне рассылали такие

документы, а раньше я подобной почты не получал. Например, когда я после

войны работал на Украине, то никакой почты для Политбюро не имел, кроме

документов по тем вопросам, которые непосредственно касались Украины или

меня лично. Теперь же я получал текст донесений от Пэн Дэхуая, которые Мао

пересылал затем Сталину, а Сталин их рассылал нам. Таким образом, я мог

лучше узнавать положение дел, сложившееся в Корее.

Об окончании войны в Корее я расскажу позднее.

Примечания

(1) Ким Ир Сен (род. в 1912 г.) - один из участников антияпонского

освободительного движения в Корее с 1932 г., с 1948 г. председатель кабинета

министров КНДР и с 1949 г. председатель (с 1966 г. генеральный секретарь) ЦК

Трудовой партии Кореи.

(2) Ли Сын Маи (1875 - 1965) - президент Южной Кореи в 1948 - 1960 гг.,

ушедший в отставку под давлением народного восстания.

(3) Мао Цзэдун (1893 - 1976) был в 1950 г. председателем ЦК КП Китая и

председателем Центрального народного правительственного совета КНР.

(4) Корейская война длилась с 25 июня 1950 г. по 27 июля 1953 года.

(5) Штыков Т. Ф. (1907 - 1964), генерал-полковник 1944г., посол в КНДР в

1948 - 1951 гг. и в Венгрии в 1959 - 1960 гг.

(6) КРЫЛОВ Н. И. (1903 - 1972) - Маршал Советского Союза с 1962 г.,

дважды Герой Советского Союза (1945), с 1963 г. был главнокомандующим

Ракетными войсками стратегического назначения. Он являлся командующим и 1-м

заместителем командующего войсками ДВО в 1947 - 1956 гг.

(7) Чжоу ЭНЬЛАЙ (1898 - 1976) был в ту пору премьером Государственного

административного совета КНР, секретарем ЦК и членом Политбюро ЦК КПК.

(8) Пэн ДЭХУАЙ (1898 - 1974) - член Компартии Китая с 1928 г., участник

боевых действий Красной Армии Китая, с 1935 г. член Политбюро ЦК КПК, в 1945

- 1949 гг. командовал армиями в составе Народно-освободительной армии Китая,

сражавшейся против чанкайшистов, с 1949 г. зам. председателя

Народно-революционного военного совета КНР, затем занимал ряд высоких

должностей. Во время "культурной революции" в Китае подвергся

преследованиям.

ДЕЛО ВРАЧЕЙ

Расскажу о так называемом деле врачей. Однажды Сталин пригласил нас к

себе в Кремль и зачитал письмо. Некая Тимашук(1) сообщала, что она работает

в медицинской лаборатории и была на Валдае, когда там умер Жданов. Она

писала, что Жданов умер потому, что врачи лечили его неправильно: ему

назначались такие процедуры, которые неминуемо должны были привести к

смерти, и все это делалось преднамеренно. Конечно, если так было на самом

деле, то каждый должен возмутиться подобному злодейству. Тем более, речь

идет о врачах. Это же совершенно противоестественно: врач должен лечить,

оберегать здоровье человека, а не убивать жизнь.

Если бы Сталин в ту пору оставался нормальным, то он по-другому

отреагировал бы на это письмо. Мало ли какие письма поступают от людей с

нарушенной психикой или от тех, которые подходят к оценке того либо другого

события или действия того либо другого лица с ложных позиций. Сталин же был

чрезвычайно восприимчив к такой "литературе". Думаю, что Тимашук тоже была

продуктом сталинской политики, которая внедрила в сознание всех наших

граждан ту дикую мысль, что мы не просто окружены врагами, но что едва ли не

в каждом человеке, который рядом, нужно видеть неразоблаченного врага.

Сталин, призывая к бдительности, говорил, что если в доносе есть 10

процентов правды, то это уже положительный факт. Но ведь только 10

процентов! А поддаются ли вообще учету проценты правды в таких письмах? Как

подсчитать эти проценты? Призвать осуществлять подобный подход к людям, с

которыми ты работаешь, это значит создать дом сумасшедших, где каждый будет

выискивать о своем приятеле несуществующие факты. А ведь именно так и было,

и это поощрялось. Натравляли сына против отца, отца против сына, и

называлось это классовым подходом.

Я понимаю, что классовая борьба нередко разделяет семьи, и очень жестоко.

Она ни перед чем не останавливается. Классовая борьба может определить

общественную позицию того или другого члена семьи. Я считаю, что это - в

порядке вещей, потому что речь идет о лучшем будущем, о построении

социализма. А это - не парадное шествие, но кровавая и мучительная борьба.

Я-то это знаю, я сам участвовал в острейшей классовой борьбе. С 1917 по 1922

г., когда шла гражданская война в Советской России и на Дальнем Востоке, я

понимал необходимость такого подхода. Тем более что и после разгрома

белогвардейцев еще долго бушевали недобитые крупные и мелкие банды. Кишел

бандитами Северный Кавказ, был буквально насыщен ими.

Однажды я принимал участие в совещании по борьбе с бандитами. Его

проводили командующий 9-й Кубанской армией Левандовский(2) и начальник

политотдела Фурманов(3). После совещания участники совещания

фотографировались. Я тоже присутствую на фотографии. Мне прислала ее

сослуживица по политотделу армии Вера, сейчас пенсионерка. Я очень доволен,

что она жива и здорова, хотя и не знаю, как миновала ее чаша репрессий,

когда в 30-е годы была общественная мясорубка.

Вот тогда, до 1922 г., была действительно классовая борьба. Банды

пополнялись главным образом за счет офицерства, которое собралось на

Северном Кавказе, убежав туда со всей Советской России. Да

и местных,

казачьих офицеров имелось там немало. Шла кровавая, классовая борьба. Хотя

даже в те дни Ленин с его прозорливостью проявлял гуманность и делал все для

того, чтобы перетащить на нашу сторону колеблющихся и укрепить их на

положительной позиции, поддержать, сделать сперва нейтральными, а потом

постепенно втянуть в активную деятельность по строительству новой жизни.

Такую линию я понимаю и одобряю.

Но этот этап давно пройден. И вот, пожалуйста: классовые вредители. Их

мнимое появление есть продукт неразумной политики. Да, Жданова лечили

кремлевские врачи. Надо полагать, что все лучшие светила, какие были

известны в медицинском мире СССР, привлекались для работы в Кремлевской

больнице. Кто лечил Жданова конкретно, я сейчас не помню. Не в этом дело! И

вот начались аресты. Был арестован среди других академик медицины Владимир

Никитич Виноградов(4), которого, когда он был уже освобожден, я узнал

получше, ибо он не раз потом консультировал меня. Арестовали Василенко(5),

крупнейшего терапевта. Я мало знал его лично, но слышал о нем

очень хорошую

характеристику от академика Стражеско(6), которого я весьма уважал.

Стражеско я знал по Киеву. Это было крупнейшее светило медицины в

масштабе не только Советского Союза, но и мирового значения. Это он, когда

заканчивалась Великая Отечественная война, попросил меня отозвать Василенко

из армии, чтобы тот пришел работать в клинику, которой заведовал Стражеско.

Он прямо говорил: "Василенко - мой ученик, и я хотел бы, чтобы он остался

после меня, чтобы клиника перешла в надежные руки". Свою клинику Стражеско

создавал еще до революции, и она давно пользовалась славой. У него там в

свое время лечился, между прочим, видный демократ Михаил Коцюбинский(7).

Вместе с Виноградовым и Василенко арестовали большую группу врачей,

которые работали в Кремлевской больнице и имели какое-то касательство к

лечению Жданова. Арестовали их, и тут же Сталин послал для публикации письмо

Тимашук со своей припиской, в которой он мобилизовывал гнев широких масс

против врачей, которые "учинили такое злодеяние" и умертвили Жданова. У

Жданова давно было подорвано здоровье. Не знаю точно, какими недугами он

страдал. Но одним из недугов был тот, что он утратил силу воли и не мог себя

регулировать, когда надо остановиться в питейных делах. На него порою жалко

было смотреть. Помню (а это было редким явлением), как Сталин иногда

покрикивал на него, что не следует пить. Тогда Жданов наливал себе фруктовую

воду, когда другие наливали себе спиртные напитки. Полагаю, что если за

обедом у Сталина тот его удерживал, то что было дома, где Жданов оставался

без такого контроля? Этот порок убил Щербакова и в значительной степени

ускорил смерть Жданова.

Я ни в какой степени не ставлю на одну доску Щербакова и Жданова, хотя к

Жданову наша интеллигенция питала большое недружелюбие за его памятные

доклады о литературе и музыке. Конечно, Жданов сыграл тогда отведенную ему

роль, но все-таки он выполнял прямые указания Сталина. Думаю, если бы Жданов

лично определял политику в этих вопросах, то она не была бы такой жесткой.

Ведь нельзя палкой, окриком регулировать развитие литературы, искусства,

культуры. Нельзя проложить какую-то борозду и загнать в эту борозду всех,

чтобы они шли, не отклоняясь, по проложенной прямой. Тогда не будет борьбы

мнений, не будет критики, не появится, следовательно, и истина, а возникнет

мрачный трафарет, скучный и никому не нужный. Он не только не станет манить

к себе, располагать людей пользоваться достижениями литературы и искусства,

но отравит отношение к ним, культура омертвевает.

Одним словом, врачи были арестованы. Отовсюду в газету посыпались письма,

в которых врачи клеймились как предатели. Я понимаю авторов писем. Письма

соответствовали настроению людей, которые верили, что если сам Сталин

рассылает такой документ, то, следовательно, преступление доказано. А оно

возмущало каждого. Маршал Конев(8), сам уже больной человек, прислал Сталину

длиннющее письмо, в котором сообщал, что врачи его тоже травили, тоже

неправильно лечили, применяя те же лекарства и методы лечения, о которых

говорилось в письме Тимашук и посредством которых Жданов был сознательно

умерщвлен.

Просто позор! Видимо, многие члены Президиума ЦК

КПСС чувствовали

несостоятельность этих обвинений. Но они не обсуждали их, потому что раз про

это сказал Сталин, раз он сам "ведет" этот вопрос, то говорить больше не о

чем. Когда же мы сходились не за столом Президиума и обменивались между

собой мнениями, то больше всего возмущались письмом, полученным от Конева,

потому что если люди, обвиняемые в смерти Жданова, оказались за решеткой, то

письмо, которое прислал Конев, клеймило не только тех, которые уже были

"выявлены", но толкало Сталина на расширение круга подозреваемых и вообще на

недоверие к врачам. Шутка сказать! После разгрома врага во второй мировой

войне, после того как давно родилась своя, в советское время рожденная,

получившая после 1917 г. образование и воспитание интеллигенция, вдруг ее

представители, врачи, оказываются вредителями и по отношению к ним

выдвигается недоверие. Неслыханная жестокость!

Вспоминаю ранние годы своей юности. В Донбассе свирепствовала в 1910 г.

холера. Много умерло шахтеров на той шахте, где работали мой отец и я.

Заболевшие шахтеры сразу попадали в холерный барак,

откуда никто не

возвращался. Тогда поползли слухи, что врачи травят больных. Нашлись и

"свидетели", которые видели, как кто-то шел мимо колодца и высыпал туда

какой-то порошок. Всякие нелепые вещи можно было тогда услышать. А еще

раньше, в 1902 г., в Макеевке возник даже "холерный бунт". Темное население

избивало врачей. И вот теперь, в 1952 г., опять поднимают голову темные

силы, ведется травля врачей, и даже маршал Конев прилагает к этому руку.

Конечно, это произошло в результате болезненного характера человека и

некоего "сродства душ". А у Конева и Сталина, действительно, имело место

частичное сродство душ. Потому-то Конев посейчас переживает, что XX съезд

партии осудил злодеяния Сталина, а XXII съезд партии еще "добавил". Считаю,

что мы, члены Президиума ЦК партии, мало сделали в конце 1952 года. В этом я

и себя упрекаю. Надо было проявить больше решительности в то время, не

позволить развернуться той дикой кампании. Увы, после драки кулаками не

машут, и я беру и на себя вину за то, чего тогда не доделал. А нужно было бы

доделать в интересах нашего народа, в интересах партии, в интересах нашего

будущего.

Начались допросы "виновных". Я лично слышал, как Сталин не раз звонил

Игнатьеву(9). Тогда министром госбезопасности был Игнатьев. Я знал его. Это

был крайне больной, мягкого характера, вдумчивый, располагающий к себе

человек. Я к нему относился очень хорошо. В то время у него случился

инфаркт, и он сам находился на краю гибели. Сталин звонит ему (а мы знали, в

каком физическом состоянии Игнатьев находился) и разговаривает по телефону в

нашем присутствии, выходит из себя, орет, угрожает, что он его сотрет в

порошок. Он требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить,

лупить нещадно, заковать их в кандалы.

Василенко, кажется, был в то время в Китае. Его отозвали. И, как только

он переехал советскую границу, ему надели кандалы. У меня отложилось в

памяти, что все эти несчастные врачи "сознались" в преступлениях. Но я не

могу осуждать людей, которые фактически клеветали сами на себя. Слишком

много предо мною прошло разных лиц, честных и преданных

нашей партии и

революции, которые "сознавались". Один из примеров - видный наш военачальник

Мерецков(10), который доживает свой век, согнувшись в дугу. Он тоже некогда

"признался", что является английским шпионом. Вот и врачи попали далеко не в

лучшее положение и, естественно, "признались".

В октябре 1952 г. открылся XIX партсъезд. Я сделал на нем доклад об

уставе партии и заболел, не мог выйти из дому, когда обсуждался мой доклад.

Наверное, день или два не выходил на улицу. Ко мне приехал профессор

медицины, прослушал меня. Это был человек, как говорится, в возрасте, старый

доктор, опытный. Он пользовался не только медицинской аппаратурой, но

прослушивал работу моего сердца, прикладывая ухо непосредственно к груди, а

делал это бережно, ласково и утешал меня. Буквально трогали внимание и

заботливость этого человека. И его, наверное, сцапают, размышлял я, когда

открылось "дело врачей". Я тогда поднялся быстро на ноги и успел

поучаствовать в конце работы XIX съезда партии. Не в том дело. Я боялся, что

таких людей, как этот врач, всех загребут. Раз дают показания,

то Сталин

никого не пощадит. Виноградов тоже лечил Сталина (а врачи лечили его редко).

Но Сталин не пощадил Виноградова, арестовал, приказал бить. Да там всех

били. И все они попали в общую кашу. Так возникло позорное "дело врачей".

Какое же это счастье, что оно потом лопнуло, как мыльный пузырь!(11).

Примечания

(1) ТИМАШУК Л. Ф. (1893 - 1983) - врач Кремлевской больницы,

сотрудничавшая с органами госбезопасности. В 1948 г. доносила о

"неправильном лечении" А. А. Жданова. Вновь активизировалась летом 1952 г.

(2) ЛЕВАНДОВСКИЙ М. К. (1890 - 1938) - советский военачальник, в 1918 -

1921 гг. командовал группой войск и армиями на Кавказе, в 1924 - 1925 гг.

командовал войсками Туркестанского фронта (против басмачей), далее -

войсками ряда военных округов, в 1934 - 1937 гг. член Военного совета

Наркомата обороны СССР, командарм 2 ранга с 1935 г., был репрессирован.

(3) ФУРМАНОВ Д. А. (1891 - 1926) - левый эсер, с 1918 г. член компартии,

**комиссар на фронтах гражданской войны, затем писатель,
автор романов**

"Чапаев", "Мятеж" и др.

**(4) ВИНОГРАДОВ В. Н. (1882 - 1964) - терапевт, заслуженный
деятель науки**

**РСФСР с 1940 г., академик АМН СССР с 1944 г., Герой
Социалистического Труда**

**с 1957 г., председатель Всесоюзного терапевтического общества
с 1949 г.,**

редактор журнала "Терапевтический архив".

**(5) ВАСИЛЕНКО В. Х. (1897 - 1976) - терапевт, академик АМН
СССР с 1957**

**г., Герой Социалистического Труда с 1967 г., в 1967 - 1974 гг.
директор**

Всесоюзного НИИ гастроэнтерологии.

**(6) СТРАЖЕСКО Н. Д. (1876 - 1952) - терапевт, академик АН
УССР с 1934 г.,**

**академик АН СССР с 1943 г., академик АМН СССР с 1944
г., Герой**

**Социалистического Труда с 1947 г., с 1936 г. директор
Украинского института**

клинической медицины.

**(7) КОЦЮБИНСКИЙ М. М. (1864 - 1913) - писатель,
общественный деятель,**

переводчик.

**(8) КОНЕВ И. С. (1897 - 1973) - Маршал Советского Союза с
1944 г., в 1952**

г. командовал войсками Прикарпатского военного округа.

(9) ИГНАТЬЕВ С. Д. (1904 - 1983) - член ВКП(б) с 1926 г., в 1951 - 1953

**гг. министр государственной безопасности СССР, в 1952 - 1953
гг. секретарь**

**ЦК КПСС, в 1953 - 1957 гг. первый секретарь Башкирского, а в
1957 - 1960 гг.**

Татарского обкомов партии.

**(10) МЕРЕЦКОВ К. А. (1897 - 1968) - Маршал Советского
Союза с 1944 г.**

**"Признание", о котором здесь упоминается, он сделал, будучи
зам. наркома**

**обороны СССР, в июле 1941 г., когда находился под следствием
и подвергался**

пыткам.

**(11) Постановление Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953
г. полностью**

**реабилитировало еще не осужденных по делу о "врачах-
вредителях" 37 врачей и**

членов их семей.

ХІХ СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СТРАНЫ

**Заканчивался 1951 г. или, кажется, начинался 1952 г., не
помню, в каком**

точно месяце, Сталин собрал нас у себя и высказал мысль, что пора созывать

съезд ВКП(б). Нас уговаривать не требовалось. Мы все считали невероятным

событием, что съезд партии не созывается уже 12 - 13 лет(1). Не созывались

также пленумы ЦК партии, партактивы в союзном масштабе, другие крупные

совещания партработников(2). ЦК не принимал никакого участия в коллективном

руководстве делами СССР, все решалось единолично Сталиным, помимо ЦК.

Политбюро ЦК подписывало спускаемые ему документы, причем Сталин часто даже

не спрашивал мнения его членов, а просто принимал решение и указывал

опубликовать его.

На этот раз договорились, что надо собирать съезд партии. Наметили его

созыв на осень 1952 года. Сталин не сразу определил повестку дня съезда, а

мы между собою обменивались мнениями, возьмет ли Сталин отчетный доклад на

себя или кому-то поручит его. Мы гадали, кому он может поручить сделать

доклад? Думали, если он не возьмет доклад на себя, почувствовав, что слаб

физически и не сумеет простоять нужное время на трибуне, то, возможно, он

раздаст текст в письменном виде и не станет зачитывать. Это тоже было

возможно. Кажется, так практикуют в лейбористской партии: там доклады

печатаются и заранее раздаются участникам съезда.

Я считал, что это неплохая практика, потому что разница между

напечатанным текстом и тем, что зачитывается докладчиком, очень малая. К

тому же не всегда у нас бывало, что докладчик является автором этого

материала. Ведь к составлению отчетного доклада на партсъезде привлекается

очень много ведомств и различных лиц. Потом, на каком-то этапе, весь

материал сводится воедино, и будущий докладчик приводит его в надлежащий

вид. Тут, конечно, докладчик вкладывает в дело свое "я". Потом он вносит

проект доклада на утверждение руководству, где даются к тексту поправки.

Затем документ принимается за основу. Такая практика была у нас раньше и,

видимо, существует и сейчас.

Когда Сталин, наконец, определил повестку дня, то сказал, что отчетный

доклад поручим Маленкову, об уставе - Хрущеву, а о пятилетке - председателю

Госплана СССР Сабурову(3). Вот и была таким способом

принята повестка дня

съезда. Как Сталин нам сказал, так и записали, никаких замечаний не

возникло.

Признаюсь, когда мне поручили готовить доклад об уставе

ВКП(б), я задрожал. Это была для меня большая честь, но она меня не

радовала, потому что я знал, сколь трудно подготовить толковый доклад по

такому вопросу и еще труднее провести его через утверждение. Я заранее знал,

что все "набросятся" на мой текст, особенно Берия. А он и Маленкова потянет

за собой. Так оно и случилось.

Стали готовить доклады. Был подготовлен и доклад по уставу. Тексты с

правкою утвердили. Мой доклад был сильно сокращен и в таком виде дошел до

Сталина, а первоначального текста он не увидел, так как Сталин поручил

просмотреть мой и Сабурова доклады Маленкову, Берии, мне и еще кому-то.

Берия все время повторял мне: "Зачем это? Слюшай, ну зачем? Это все надо

короче, короче!". В результате много материала было исключено. В конечном

итоге мой доклад занял около часа. Тем не менее суть его не пострадала.

Текст сократили за счет всяческих примеров, а это, как

говорится,

беллетристика: там приводились доказательства того или другого общего

положения. Тут я в какой-то степени подражал Жданову. Жданов делал доклад по

уставу на XVIII съезде партии, и у него там имелось очень много примеров. Не

знаю, насколько они были необходимы, но я полагал, что такой стиль уже

апробирован, и шел тем же путем.

Спрашивается, почему Сталин не поручил сделать отчетный доклад Молотову

или Микояну, которые исторически занимали более высокое положение в ВКП(б),

чем Маленков, и были известными деятелями? А вот почему. Если мы, люди

довоенной поры, рассматривали раньше Молотова как того будущего вождя

страны, который заменит Сталина, когда Сталин уйдет из жизни, то теперь об

этом не могла идти речь. При каждой очередной встрече Сталин нападал на

Молотова, на Микояна, "кусал" их. Эти два человека находились в опале, и

самая жизнь их уже подвергалась опасности.

Открылся съезд. Были сделаны доклады, началось их обсуждение. Прения были

короткими. Да, собственно, и не имелось условий разворачивать по-настоящему

прения, обсуждение поставленных вопросов. Среди других проблем обсудили и

доклад о пятой пятилетке(4). То была самая плохая из всех пятилеток, которые

когда-либо у нас принимались. На мой взгляд, очень неквалифицированно она

была подготовлена и так же доложена съезду. Тотчас после смерти Сталина мы

вынуждены были взять на себя ответственность за процесс выполнения этой

пятилетки, внося серьезные коррективы в план(5). Это невероятное дело -

корректировать решение, утвержденное съездом партии. Но мы вынуждены были

так поступить, потому что ни в какие ворота эта пятилетка не лезла. Мы

рассылали предложения о корректировке делегатам прошедшего ранее XIX съезда

партии, ища демократическую форму внесения изменений в план пятилетки. И мы

их внесли, потому что этого требовала жизнь, так что мы не должны были

противиться здравому смыслу, опираясь лишь на то, что съездом план уже

утвержден. То есть мы пошли по пути, которым должен был следовать каждый

разумный человек.

XIX съезд завершался. Нужно было проводить выборы руководящих органов

партии. Вся подготовительная работа уже была проделана аппаратом ЦК. Так

делалось всегда. Все члены будущих руководящих органов еще до начала съезда

подбирались аппаратом. Так же подбирались делегаты самого съезда.

Определяли, сколько надо выбрать в ЦК партии рабочих, колхозников,

представителей интеллигенции, кого избрать персонально. Одним словом, вся

структура и состав ЦК разрабатывались заранее. А потом, когда шли выборы на

съезде, сразу рекомендовалось, кого именно избрать. То есть практически не

выбирали людей, как это было когда-то, в первые годы советской власти, а

сообщали на места, что вот такого-то следует провести на съезд, потому что

имеется в виду выбрать его в состав ЦК или членом Центральной ревизионной

комиссии, и т. д. Вся работа за съезд уже была проделана. К сожалению, такая

практика сохранилась доныне.

Так же проходили выборы на XX съезд КПСС. Еще осталась эта уродливая

"демократия". Подобные методы в принципе неправильны, а сейчас они просто

нетерпимы. Надо искать новые формы работы. Я старался найти такие новые

формы и на XXII съезде партии пытался внести соответствующие коррективы в

устав КПСС. Тогда тоже обсуждался новый текст устава, и доклад по нему делал

Козлов(б). Но производили мы все это очень робко. Хочу, чтобы правильно

поняли, почему - робко. Мы сами, руководители страны, являлись продуктом той

же революции, а потом были воспитаны в эпоху Сталина. Сталин был для нас

величиной неимоверного значения. И мы считали, что не следует выдумывать

что-то, а нужно учиться у него и подражать ему. Уже потом мы воочию увидели

его недостатки и все-таки психологически не могли освободиться от прежнего

состояния, не решались искать что-то кардинально новое, с тем чтобы вернуть

партию на ленинские рельсы и восстановить партийную демократию. Это было нам

очень трудно, мы шли тут как бы ощупью.

А на XIX съезде партии такая практика была вообще в порядке вещей.

Выбрали новый ЦК. Закончился съезд. Спели "Интернационал". Сталин выступил,

держал речь под конец несколько минут. Тогда все восхищались им, радовались,

как гениально им все сказано, и тому подобное. Закончил он свою речь, сошел

с трибуны, съезд был закрыт, и члены Политбюро пошли в комнату Президиума

**ЦК. Сталин говорит нам: "Вот, смотрите-ка, я еще смог!"
Минут семь**

продержался на трибуне и счел это своей победой. И мы все сделали вывод,

насколько уже он слаб физически, если для него оказалось невероятной

трудностью произнести речь на семь минут. А он считал, что еще силен и

вполне может работать.

Закончился съезд(7). Вдруг ночью созывают нас и начинают голосовать

поправку: маршала Говорова(8) и еще трех человек забыли избрать кандидатами

в члены ЦК. Сталин потом вспомнил о них и уже после съезда вставил их в

списки членов, выбранных на съезде органов партии. Казалось, хорошо, что он

об этом заботится. Плохо другое: что он насилывал устав, насилывал теорию и

практику строительства партии, принимая решения один, без всякого

обсуждения. Тут он выдумал, что тех людей забыли или пропустили при

напечатании списка. Конечно, ничего не было пропущено, и это легко было

доказать. Он сам задним часом подумал: а отчего вот этих не избрали? И

распорядился.

Еще сильнее мы были поражены следующим фактом, тоже довольно

показательным. Формировались руководящие органы партии: Президиум ЦК, его

Секретариат, Комитет партийного контроля при ЦК. Это был самый ответственный

момент: создать из избранных членов ЦК руководящие органы. Смотрим,

созывается пленум ЦК, но никакого предварительного разговора о Политбюро

Сталин не поднимал. Каков будет состав Президиума? Ни численности, ни

персонального состава не сообщает - ничего не известно! А на пленуме Сталин,

выступая, разделал "под орех" Молотова и Микояна, поставив под сомнение их

порядочность. В его речи прямо сквозило политическое недоверие к ним,

подозрение в какой-то их политической нечестности. Ну и ну!

Начались выборы. Мы переглядываемся. Я смотрю на Маленкова: если кто и

должен был готовить кандидатуры, то именно Маленков. Сталин не знал людей

персонально, за исключением той верхушки, в которой вращался. Поэтому должен

был неизбежно прибегнуть к помощи аппарата. Мы спросили о новых людях у

Маленкова. Он нам сказал: "Я ничего не знаю, мне никаких

поручений не было

дано, и я никакого участия в этом не принимал". Мы удивились:
"Как же так?"

Кто же тогда готовил кандидатуры?" Сталин сам открыл
пленум и тут же внес

предложение о составе Президиума ЦК, вытащил какие-то
бумаги из кармана и

зачитал их. Он предложил 25 человек, и это было принято без
разговоров и без

обсуждений. Мы уже привыкли: раз Сталин предлагает, то нет
вопросов, это -

Богом данное предложение; все, что дает Бог, не обсуждают, а
благодарят за

это.

Когда он читал состав Президиума, мы все смотрели вниз, не
поднимая глаз.

25 человек, трудно работать таким большим коллективом,
решая оперативные

вопросы. Ведь Президиум - оперативный орган и не должен
быть очень большим.

Когда заседание закрылось, мы переглядывались: как же это
получилось, кто

составил такой список? Сталин не знал людей, которых он
назвал, и сам не мог

составить этот список. Я, признаться, подозревал, что сделал
это Маленков,

только он скрывает и нам не говорит. Потом я его по-дружески
допрашивал:

"Слушай, я думаю, что ты приложил свою руку, хотя это

продукт не только

твоего ума, а были и поправки со стороны Сталина". Он: "Я тебя заверяю, что

абсолютно никакого участия не принимал. Сталин меня к этому не привлекал и

никаких поручений мне не давал, я никаких предложений не готовил". Мы оба

еще больше удивились. Участия Берии я не допускал, потому что там имелись

лица, которых Берия никак не мог бы назвать Сталину. И все-таки я его

спросил: "Лаврентий, ты приложил руку?". Нет, я сам набросился на Маленкова,

думал про него. Но он клянется и божится, что тоже не принимал участия".

Молотов исключался, Микоян - тоже. И Булганин ничего не знал. Вертелись у

нас в голове разные мысли, но без результата. - "Мы доискивались, кто же

автор? Конечно, Сталин. Но кто ему помогал? Мы-то не участвовали.

Поскребышев еще заведовал тогда секретариатом Сталина, но и он не мог сам

составить такой список без помощи аппарата. Может быть, Сталин обошел

Маленкова и сам привлек кого-то из аппарата. Этого мы, однако, не допускали,

потому что Маленков обязательно узнал бы: в аппарате по многу лет люди

работали рядом с ним и под ним. Поэтому хотя бы тайно, по секрету, но

сказали бы Маленкову, если бы имели такое поручение от Сталина. Так мы и не

смогли разгадать загадку.

25 человек были избраны. Не буду сейчас перечислять их. Скажу лишь, что

там были разные люди, разного достоинства. Они пользовались доверием, и

нельзя было сказать, что они, в принципе недостойны. Но многие из них были

не готовы к той деятельности, которой ранее занималось Политбюро. В этом мы

не сомневались. У нас имелось твердое мнение об этой стороне дела. Тем не

менее, когда Сталин предложил в Президиум 25 человек и назвал их

персонально, то сказал, что Президиум громоздок и понадобится избрать из его

состава бюро. Какое еще бюро? Это было вовсе не уставное предложение. Только

что мы приняли устав КПСС, и тут же он ломается. Сталин добавил, что будет

оперативное бюро, которое станет собираться почаще и принимать решения по

текущим вопросам. Он предложил бюро в составе девяти человек и тут же

огласил его состав(9).

Когда он читал состав Президиума, я, слушая, думал: будут

ли включены

туда Молотов, Микоян и Ворошилов? Я сомневался. Это были люди, на которых

Сталин "махнул рукой", и над их головами уже нависла опасность попасть в

новоявленные враги народа. Но нет, они включены. Я радовался, уже это было

хорошо. Когда же он зачитал состав бюро, то в нем не было фамилий Молотова и

Микояна, однако имелся Ворошилов. Я опять ничего не понимал: как это так,

Молотова нет, Микояна нет, а Ворошилов есть? Ворошилова Сталин начал

подозревать значительно раньше, чем Молотова и Микояна.

Бюро сложилось такое: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Ворошилов,

Каганович, Сабуров, Первухин и Булганин. Итак, Ворошилов попал в бюро. Я

подумал: значит, хорошо, что все хорошо кончается. Сталин в конце концов

понял, что то была ошибка, когда он считал Ворошилова английским агентом или

черт знает кем. Все тут зависело от воображения Сталина, кто именно является

агентом и какой империалистической страны.

Примечания

(1) Предыдущий, XVIII съезд ВКП(б) состоялся 10 - 21 марта 1939 года.

(2) В мае 1939 г. состоялось совещание членов Оргбюро ЦК партии с

участием секретарей республиканских компартий, крайкомов и обкомов ВКП(б) по

вопросам развития угольной промышленности. Майский пленум ЦК ВКП(б) 1939 г.

затрагивал вопросы колхозного землепользования. Мартовский пленум ЦК ВКП(б)

1940 г. касался работы Экономического совета при Совнаркоме СССР, а июльский

пленум 1940 г. рассмотрел создание союзно-республиканского Наркомата

государственного контроля. 15 - 20 февраля 1941 г. прошла XVIII Всесоюзная

партийная конференция по проблемам ускоренного развития промышленности и

транспорта. Февральский пленум ЦК ВКП(б) 1941 г. занимался организационными

вопросами. Перед Великой Отечественной войной имели место также съезды

республиканских компартий, совещания партийного актива в различных отраслях

экономики и в Вооруженных Силах СССР. В годы войны созывались специальные

совещания руководителей местных парторганизаций, государственных и

хозяйственных работников, проходили пленумы ЦК Компартий республик и

совещания местных парторганизаций, но общесоюзное партийное мероприятие было

**единственным - пленум ЦК ВКП(б) 27 января 1944 г.,
коснувшийся проблемы прав**

**союзных республик, предстоявшей сессии Верховного Совета
СССР и одобрявший**

**введение нового Государственного гимна СССР. В мае 1944 г.
ЦК партии созвал**

**совещание историков. В декабре 1944 г. прошло также
совещание секретарей ЦК**

**республиканских компартий, крайкомов, обкомов и
заведующих партотделами о**

**состоянии воспитательной работы в парторганизациях.
Состоялись неоднократные**

**отраслевые партийно-технические конференции. После
войны количество**

**общесоюзных партийных совещаний резко сократилось.
Следующий пленум ЦК**

**ВКП(б), затронувший деятельность Верховного Совета СССР и
оргвопросы, прошел**

**11, 14 и 18 марта 1946 г. Очередной пленум, обсудивший
меры подъема**

**сельского хозяйства, прошел 21 - 26 февраля 1947 г., после чего
опять был**

**перерыв до 15 августа 1952 г. (Пленум ЦК партии по вопросу о
созыве XIX**

партсъезда.)

**(3) САБУРОВ М. З. (1900 - 1977) - советский государственный
деятель, член**

**Компартии с 1920 г., председатель Госплана СССР в 1941 - 1942
и 1949 - 1956**

гг.; зам. и 1-й зам. председателя Совнаркома (Совмина) СССР в 1941 - 1944,

1947 - 1957 гг.; член ЦК КПСС в 1952 - 1961 гг. и Президиума ЦК в 1952 -

1957 гг., далее на хозяйственной работе; депутат Верховного Совета СССР в

1947 - 1958 гг.

(4) V пятилетний план развития народного хозяйства СССР 1951 - 1955 гг.

(5) Первые серьезные коррективы были намечены пленумом ЦК КПСС 3 - 7

сентября 1953 г., принявшим постановление "О мерах дальнейшего развития

сельского хозяйства СССР".

(6) КОЗЛОВ Ф. Р. (1908 - 1965) - советский государственный и партийный

деятель. В 1961 г., о котором идет речь, он был секретарем ЦК КПСС.

(7) XIX съезд ВКП(б) закончился 14 октября 1952 г., а пленум ЦК КПСС

прошел 16 октября.

(8) ГОВОРОВ Л. А. (1897 - 1955) - Маршал Советского Союза с 1944 г.,

осенью 1952 г. командовал войсками ПВО.

(9) Берия Л. П., Булганин Н. А., Ворошилов К. Е., Каганович Л. М.,

Маленков Г. М., Первухин М. Г., Сабуров М. З., Сталин И. В., Хрущев Н. С. В

состав Секретариата ЦК партии вошли: Сталин И. В., Аристов

А. Б., Брежнев Л.

**И., Игнатов Н. Г., Маленков Г. М., Михайлов Н. А., Пегов Н. М.,
Пономаренко**

**П. К., Суслов М. А., Хрущев Н. С. Председателем Комитета
партийного контроля**

**при ЦК КПСС был утвержден Шкирятов М. Ф. Тогда же
Центральная ревизионная**

комиссия КПСС избрала своим председателем Москатова П. Г.

ПОСЛЕ XIX СЪЕЗДА ПАРТИИ

**Началась работа. Но не так, как шла раньше, ибо из девяти
человек Сталин**

**по своему выбору и благоволению избрал пятерых, о чем нигде
не говорилось**

**открыто. Он приглашал к себе только тех, кого считал
нужным созвать.**

**Считалось большой честью быть приглашенным к Сталину и,
наоборот, дурным**

**предзнаменованием, если кто-то из тех, кого приглашал он
прежде, не**

**назывался. В пятерку входили: Сталин, Маленков, Берия,
Булганин, Хрущев.**

**Реже Сталин приглашал Кагановича и Ворошилова,
совершенно не приглашал**

теперь к себе Молотова и Микояна.

В целом работа в руководстве протекала так же, как до XIX съезда партии.

Не имелось никакого коллектива, все решения принимались теми же методами и

тем же порядком, как это вошло в практику Сталина после 1939 года. До XVIII

съезда ВКП(б) еще сохранялась более или менее, до какой-то степени,

демократичная практика деятельности Политбюро. Потом постепенно все сходило

на нет, склоняясь к единоличному управлению. Затем появились грубые окрики,

безапелляционные приказы и прочее. Это происходило после разгрома состава

ЦК, избранного на XVIII съезде партии, уничтожения активнейших членов

партии, "стариков", как мы их называли, тех, которые прошли дореволюционный

путь борьбы по сколачиванию нашей партии, по организации рабочего класса и

затем свершения Октябрьской революции.

Все зависело от воли Сталина, нам же отводилась роль статистов. Даже

когда речь заходила о будущем. Последние годы Сталин порой заводил речь о

своем преемнике. Помню, как Сталин при нас рассуждал на этот счет: "Кого

после меня назначим Председателем Совета Министров СССР? Берию? Нет, он не

русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь

поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умеет только ходить на чужом поводке.

Кагановича? Нет, он не "русский, а еврей. Молотова? Нет, уже устарел, не

потянет. Ворошилова? Нет, стар, и по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти

годятся на вторые роли. Остается один Булганин". Естественно, никто не

вмешивался в его размышления вслух. Все молчали.

Мы тревожились за судьбу Молотова и Микояна. То, что их не ввели в бюро,

казалось зловещим. Сталин что-то задумал. Когда он выступал на пленуме, я

был поражен, что в его речи сформулированы обвинения в адрес Молотова и

Микояна. Это уже не шутка! Это уже не разговор за обедом в узком кругу из

пяти-семи человек. За ним выступил Молотов. Да и Микоян тоже что-то говорил.

Не помню, что. В стенограмме, наверное, все осталось. Но, может быть, ничего

не записывалось. Сталин мог так распорядиться. Мы были настороже, думали,

что, видимо, Молотов и Микоян обречены.

Правда, после съезда Микоян и Молотов, пользуясь былой практикой, когда

все мы собирались у Сталина, сами продолжали приходить туда

без оповещения.

Они узнавали, что Сталин в Кремле, и приходили. А если он уезжал за город,

то тоже приезжали к нему. Их пропускали. И они все вместе проводили вечера

на его даче. Не буду сейчас возвращаться к тому, какие это были вечера, я

уже рассказывал об этом. Но однажды Сталин впрямую сказал: "Я не хочу, чтобы

они приезжали". Не знаю, что конкретно он сделал, но, видимо, приказал

никому не сообщать, когда он приезжает в Кремль, и не говорить, где он

находится, если звонят Микоян или Молотов и спрашивают о нем. Они

разыскивали Сталина потому, что хотели тем самым сохранить себя не только

как руководителей и как членов партии, а и как живых людей. Добивались,

чтобы Сталин вернул свое доверие. Я это понимал, сочувствовал им и всемерно

был на их стороне.

После его запрета они потеряли возможность знать, где находится Сталин,

утратив возможность бывать вместе с ним. Тогда они поговорили со мной, с

Маленковым и, может быть, с Берией. Одним словом, мы втроем (Маленков, Берия

и я) договорились иной раз сообщать Молотову или Микояну,

что мы, дескать,

поехали на "ближнюю" или туда-то. И они тоже туда приезжали. Сталин бывал

очень недоволен, когда они приезжали. Так продолжалось какое-то время. Они

пользовались "агентурными сообщениями" с нашей стороны, и мы превратились в

агентов Молотова и Микояна.

Сталин понял нашу тактику. Понять было нетрудно. Он, наверное, допросил

людей в своей приемной, и там ему сказали, что они-то не сообщают, где

находится Сталин, ни Молотову, ни Микояну. Но раз они приезжают, и приезжают

точно, следовательно, кто-то из нас их извещает, то есть из тех лиц, которых

он приглашает к себе. И однажды он устроил нам большой разнос. Не называя

никого персонально, он более всего адресовался к Маленкову и заявил: "Вы нас

не сводите, не сводничайте!"

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Часто, когда Сталин хотел поставить перед нами какой-то вопрос, он

приглашал нас в кинозал. Просыпался он вечером, приезжал в Кремль (а спал он

чаще всего на "ближней" даче) и вызывал нас. Звонит, бывало: "Приезжайте в

кино к такому-то времени". Приезжаем. Он сам подбирал кинокартины для

показа. Картины шли главным образом трофейные. Много было американских,

ковбойских. Он их очень любил. Ругал их за примитивность и правильно

оценивал, но тут же заказывал новые. Фильмы крутили без титров, а переводил

с ходу министр кинематографии СССР Иван Григорьевич Большаков(1). Он нам со

всех языков переводил. Мы, особенно Берия, часто подшучивали над его

переводами. Он ведь совершенно не знал иностранных языков. Его сотрудники

рассказывали ему содержание фильмов, он старался получше запомнить и потом

"переводил". В отдельных эпизодах он говорил иной раз вообще невпопад либо

просто произносил: "Вон он идет" и т. п. А Берия тут же начинал помогать:

"Вот, смотри, побежал, побежал", и т. д.

В таких случаях мы сообщали Молотову и Микояну: "Мы собираемся в кино". А

известно было, что Сталин посещал кино только в Кремле. Там имелась комната,

оборудованная уже устаревшим по тому времени прокатным оборудованием. Сейчас

этим кинозалом не пользуются. Вот там-то мы смотрели кинокартины:

американские, немецкие, английские, французские. Существовал большой их

архив, в основном трофейных. Немцы в годы войны грабили то, что попадалось

им в оккупированных странах, а потом какое-то количество кинофильмов

оказалось у нас. Иной раз встречались интересные картины, но чаще всего они

не нравились нам.

Смотрели мы там как-то один фильм, сейчас не помню его названия, мрачное

и неприятное повествование на историческую тему. Кажется, дело происходило в

Англии. Нужно было перевезти ценности из Индии в Лондон, а на морских путях

свирепствовали пираты, часто погибали и корабли, и их команды. И, когда

потребовалось перевезти ценности, власти вспомнили о каком-то капитане,

который сидел в английской тюрьме. Это был очень смелый пират, головорез. И

вот решили обратиться к нему, не возьмет ли он на себя задачу переправить

ценности? Тот сказал, что согласен, если ему будет разрешено сформировать

команду из людей, которые вместе с ним сидят в тюрьме, тоже бывших пиратов.

Ему разрешили, дали корабль, и он поплыл в Индию. Но на обратном пути, когда

получил ценности, он стал расправляться со своими сообщниками. Какой у него

был метод? Он намечал к уничтожению очередного человека и ставил в своем

кабинете на стол его портрет "для памяти". Когда он уничтожал его,

выбрасывая за борт, появлялся другой портрет. Не помню, сколько он

ликвидировал своих приближенных, но, кажется, и сам потом погиб. Говорят,

имелся такой исторический факт.

Когда мы смотрели эту картину и видели вероломство этого капитана, то оно

в какой-то степени напоминало нам, как исчезали люди, которые работали

вокруг Сталина. Внутреннее чувство подсказывало нам: не таким ли способом

гибли и "враги народа"? Обычно, когда просмотр кончался, Сталин предлагал:

"Ну поехали, что ли?". Кушать мы не хотели, ведь это был уже час или два

ночи, надо отдыхать, завтра рабочий день. Но Сталин о нас не думал.

"Поедем?" Тут все говорили, что они "голодные", выработали уже рефлекс и

врали. Ехали к Сталину, там начинался обед. Поскольку раньше мы уже

позвонили Микояну и Молотову, то они потом между собой перезванивались,

приезжали оба в кино, а потом вместе с нами - к Сталину. Так продолжалось,

пока он не устроил нам скандал. И мы эту деятельность прекратили, потому что

она могла плохо кончиться и для них, и для нас: и им не поможем, и свою

репутацию в глазах Сталина подорвем. Никто на это не хотел идти, никто! Все

мы без какой-либо договоренности ждали естественной развязки дикого

положения, которое сложилось. Развязка наступила только со смертью Сталина.

То, о чем я рассказываю, может показаться для людей со стороны

невероятным. Но вот еще один факт. Сталин столько гадостей стал говорить о

Ворошилове! А потом тот не только вошел в Президиум ЦК, но и в более узкое

бюро. Прошло какое-то время, как-то были мы после кино на очередном

"кормлении", на ближней даче Сталина. Сталин был навеселе, он часто теперь

доводил себя до такого состояния, и вдруг спросил: "Кто входит в Бюро

Президиума?" Ему перечислили. Дошли до Ворошилова. "Кто, кто? Ворошилов? Как

он туда пролез?" Мы молча смотрим друг на друга. Потом кто-то сказал:

"Товарищ Сталин, вы же сами его назвали, и пленум избрал Ворошилова в состав

бюро". Он не стал тогда дальше развивать свою мысль. Но, следовательно,

подумали мы, он Ворошилову не простил, а просто по старой привычке назвал на

пленуме его фамилию. Впрочем, хотя Ворошилов был избран, но не пользовался

правами члена Президиума ЦК. Это выражалось в том, что Сталин не всегда

вызывал его и на заседания, и на просмотр кинокартин, и на обеды, заменявшие

у нас правительственные совещания. А они великой считались честью. Ворошилов

теперь бывал там редко. Порой сам позвонит и приходит.

Мы ездили к Сталину очень часто, почти каждый вечер. Только когда ему

нездоровилось, случались пропуски. Других причин не возникало, потому что

Сталину в одиночку некуда было девать себя. Он был вроде того купца из пьесы

Островского "Горячее сердце", которого играл во МХАТе Тарханов(2). У этого

купца жил какой-то приближенный, который думал, как тому заполнить его

время. Купец говорил: "Ну, что сегодня будем делать?" И приближенный

придумывал, что делать. Они и в разбойников играли, и всякими прочими

затейми занимались. И Сталин, вроде этого купца, тоже говорил нам: "Ну, что

сегодня будем делать?" Он-то уже неспособен был что-нибудь серьезное делать.

Но мы должны были работать на своих постах, на которые были избраны, а кроме

того, участвовать в сталинских вечерах в качествах театральных персонажей и

развлекать его. Тяжелое для нас было время.

Еще до XIX съезда партии Сталин ввязался в дискуссию по языкознанию(3).

Очень странная была дискуссия. Сталин как-то принимал у себя грузина,

ученого-лингвиста(4), и беседовал с ним. Тот каким-то образом пробудил в

Сталине желание включиться в научный спор. И Сталин выступил против наследия

академика Марра, историка и лингвиста, против его трудов. В конце концов

Сталин выступил и против того ученого-грузина, с которого все началось.

Раньше это был близкий к нему человек, он его не раз приглашал к себе на

обед. Таким образом, в результате дискуссии появился труд Сталина по

языкознанию, один из последних его теоретических трудов.

Потом Сталин занялся экономическими проблемами. Он

организовал диспут(5)

по ним и опубликовывал свои мысли на этот счет. Тут тоже имело место

оригинальное начало. Один из ученых, занимавшихся экономической наукой, с

украинской фамилией Ярошенко, стал как бы зачинщиком: написал работу о

социалистической экономике и обратился в Академию наук СССР с просьбой

организовать ее обсуждение. Академия, обсуждая его работу, не оценила, как

он считал, этот труд должным образом. Но он был настойчивым человеком,

членом партии, кажется, со времен гражданской войны, и написал в ЦК ВКП(б),

стал буквально терроризировать всех, требуя, чтобы ЦК обсудил его сочинение,

причем правильно оценил бы его.

Однажды летом в разгар дискуссии собрались мы у Сталина на даче. Там был

в тот раз и Ворошилов. Шел обычный сталинский обед, мучительный, длинный.

Вдруг Ворошилов (а мы-то были уверены, что он и не читал сочинения того

экономиста, как и другие члены Политбюро ЦК) говорит Сталину: "Коба (он

часто называл его так по старой партийной кличке), ты не читал бумагу,

которую разослал Ярошенко?" И начал почему-то его ругать:

вот такой он

нехороший, то-то пишет и то-то. Сталин отвечает: "Нет, не читал". А сам

смотрит на Маленкова и других. Тут все сказали, что не читали. Но Маленков

добавил, что такая работа вроде бы находится в ЦК(б). Выяснили, что всем

членам и кандидатам Политбюро ЦК сей материал был разослан самим автором.

Ворошилов очень резко стал ругать его, приговаривая: "Арестовать его надо,

мерзавца, арестовать его!" И Сталин поддержал: "Ну, что это за сволочь

такая? Арестовать его!"

Как же это можно? Человек написал труд, пусть даже плохой, хотя бы и

вредный, но послал его в ЦК на обсуждение, считая вопрос важным. Это его

точка зрения, он давний член партии, прошел большой путь, был ранее

партизаном в колчаковской Сибири, сам сибиряк, хотя и с украинской фамилией.

Но дан был сигнал свыше, разгромили его и спустили указание по партийным

организациям. Они обсуждали дело и клеймили позором этого человека. А за

что? И сами толком не знали. За то, что осмелился написать. Если бы

Ворошилов не поднял тогда вопроса, тот человек продолжал бы

упорствовать на

**своём, называл бы всех бюрократами, но тем дело бы и
кончилось. А теперь**

**кончилось тем, что действительно арестовали, исключили из
партии, и он**

**отсиживал ни за что. Его выпустили на волю после смерти
Сталина. Он**

**обращался в Московский комитет партии, высказывая
негодование против МК и**

**против меня лично. Ему, конечно, ничего не было известно о
моей роли в его**

**деле, а меня он критиковал за то, что я не вмешался и не
протянул ему руку**

помощи.

**С этим же экономистом произошёл ещё один эпизод,
который тоже**

**характеризует поведение Сталина. Когда Сталин начал
готовить свой**

**предсмертный труд по экономическим проблемам социализма в
СССР, он всех**

**заставил читать и изучать его. Буквально вся партия сидела и
корпела над**

**этим трудом. Он предложил также высказаться ораторам на XIX
съезде партии по**

**данному вопросу. Маленков в своём докладе уделил большое
внимание его**

**работе. То же сделали и другие выступавшие, за исключением
меня. Но я не**

говорил о нём не потому, что я "смелый и умный" и

критически относился к

этому труду, а потому, что на съезде я выступал как докладчик по партийному

уставу, и у меня не было необходимости притягивать за уши этот труд Сталина.

В один прекрасный день он созвал нас и начал распекать за то, что плохо

подобраны люди в секретариатах. Утверждал, что через наши секретариаты идет

утечка секретных материалов, которые попадают за пределы Президиума, и что

надо проверить, кто и как это проделывает. Мы смотрим, ничего не понимая, и

ждем, чем это кончится. Вдруг Сталин обращается ко мне: "Это у вас, через

ваш секретариат идет утечка". Я: "Товарищ Сталин, уверен, что такого не

может быть, у меня проверенные люди. Я им доверяю, они честные партийцы.

Никак не может быть, чтобы кто-то из них разглашал секретные документы,

которые я получаю как член Президиума". - "Нет, это у вас, сведения

просочились через такого-то". И стал доказывать. Оказывается, какое-то

положение, которое он сформулировал в своем труде, почти слово в слово

совпало с формулировками в работе критикуемого им все того же Ярошенко. "Как

же так получилось? Откуда он узнал? Он не мог подслушать.
Значит, получил

материалы, которые я диктую и рассылаю всем вам. Вот и
дошло до критикуемого

лица, а тот использовал мою формулировку". Тут Сталин начал
горячиться.

Я понял, в чем дело. Ярошенко носил украинскую фамилию. А
Сталин знал,

что у меня работает помощником Шуйский, украинец, да я и
сам ему об этом

рассказывал, и когда он шутил, то называл его "боярин
Шуйский". А я повторял

иногда сталинские слова: "Вот у меня есть в секретариате
боярин Шуйский".

Подозрение пало и на него, и на других лиц. Сталин считал, что
у меня там

полно украинцев, и утечка идет через них. Когда я уразумел, то
на второй

день пришел в МК партии и вызвал Шуйского. "Вы знаете
Ярошенко?" - спрашиваю

его спокойно. "Нет, - говорит, - не знаю". "И не слышали о
нем?". -

"Слышал". - "Вы с ним знакомы?". - "Не знаком и никогда не
встречался". -

"Хорошо, найдите мне его анкету". Шуйский вскоре принес мне
анкету. Я хотел

посмотреть, кто этот человек и откуда, познакомиться с ним.
По анкете

установил, что, хотя фамилия у него украинская, еще его отец
или даже дед

выехал из Полтавской губернии в Сибирь. А внук был сибиряком, там родился,

там воспитывался, там вступил в партию, там участвовал в борьбе партизанских

отрядов против белогвардейского казачества, там прошел свой революционный

путь. Это был не случайный человек в партии, а активный участник гражданской

войны. Когда я познакомился с его анкетой, то понял, что Сталин действует

любимым методом "оглушения": сказал тебе и смотрит в глаза, дрогнул ты или

нет?

Когда я встретился с ним на другой день, то спокойно сказал: "Товарищ

Сталин, Вы спрашивали о Ярошенко, я взял его анкету. Вы знаете, он вовсе не

с Украины". Это я говорил, чтобы отвести удар от себя и показать, что мой

секретариат ни при чем. Там работали два украинца, Шевченко и Шуйский,

безупречно честные люди. Я продолжал: "Он даже родился не на Украине, его

дед уехал оттуда, а сам он от рождения сибиряк". Сталин смотрит на меня

свирепо: "Вот черт!". Как-то так он выразился, но тут же смягчился. Это было

у него своеобразной формой извинения за то, что напал на меня. "Так он из

Сибири?". - "Да, сибиряк. А где вообще нет украинцев? Они
рассеяны по всей

стране. Их много и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и даже в
Канаде и прочих

странах за пределами СССР".

Я-то от себя отвел удар, но Сталин не успокоился и
продолжал искать

источник, откуда тот человек мог получить материал. Потом
Сталин пришел к

выводу, что утечка произошла через Поскребышева(7). Это
была неприятная

вещь, потому что Поскребышев много лет проработал со
Сталиным, был его

верным псом. Как можно было допускать даже в мыслях, что
тот передал

материал? Что он, специальный агент экономиста, что ли? Да у
него никаких

связей ни с кем вообще быть не могло. Надо было знать
Поскребышева! Это был

неглупый человек, правда, в то время набравший уже такую
силу, что зазнался.

Он держал себя высокомерно, да не только высокомерно, а
хамски, с членами

Президиума ЦК. Бывало, так огрызался на Молотова и
Микояна, а то и на

других... И никто из нас не мог ответить ему. Это было
оскорбительно, но он

держался около Сталина и первым узнавал о немилости,
которая проявлялась к

кому-то со стороны Сталина, потому он и нападал на человека, кто был намечен

для очередного жертвоприношения.

И вдруг Поскребышев попал у Сталина на подозрение. Конечно, все материалы

прошли через Поскребышева. Более того, Поскребышев писал под диктовку

Сталина. Сталин обычно расхаживал при диктовке. Ему не сиделось, когда он

думал. Он ходил и диктовал, но никогда стенографисткам, а Поскребышеву,

Поскребышев же записывал. Он приспособился к диктовке Сталина и научился

записывать за ним. Потом тут же прочитывал записанное. Если он неточно

уловил слова или же у Сталина вырисовывалась более четкая формулировка, то

Сталин передиктовывал, рукой Поскребышева внося исправления или добавления.

Я отдаю здесь должное Сталину. До самой своей смерти, когда он диктовал или

что-нибудь формулировал, то делал это очень четко и ясно. Сталинские

формулировки понятны, кратки, доходчивы. Это был у него большой дар, в этом

заключалась его огромная сила, которую нельзя у него ни отнять, ни

принизить. Все, кто знал Сталина, восхищались этим его даром, поэтому и мы

гордились тем, что работаем со Сталиным.

Это положительная сторона Сталина. Я же сейчас главным образом акцентирую

внимание на отрицательном. Положительного о нем столько сказано, что если бы

уменьшить все на 80%, то и тут хватит положительного на тысячу людей. Я же

говорю о том, что нанесло большой вред нашей партии, о личных характерных

чертах, которые у него были и порождали действия, стоившие нам десятки тысяч

голов лучших сынов страны. Много из этого, к сожалению, лежит еще под

спудом, не известно народу. Все это сейчас опять придавлено и ждет своего

времени, но все равно выйдет наружу и получит правильное освещение. Я

считаю, что рассказ об истине - вовсе не позор для нашей партии. Неприятно,

конечно, но это процесс самоочищения, когда партия сама поднимает такой

вопрос. Еще больше ее сторонников придет в ее ряды, все поймут, что это было

наносное явление, не характерное в принципе для нашей партии.

Ленин предупреждал о подобном. А ведь он основоположник нашей партии, ее

создатель. Он разработал ту теорию, на основе которой построено и

**развивается наше советское государство. Тут основа основ.
Значит, если**

**по-ленински, то нечего и опасаться. Сталин был большим
человеком, много лет**

**являлся вождем нашей партии. Но Ленин еще в начале его
деятельности сказал о**

**его недостатках, а потом жизнь подтвердила правоту Ленина. И
партия сейчас**

**исправляет ошибки Сталина для того, чтобы больше никогда
они не повторились.**

**Поэтому я и не боюсь говорить о них. Это не клевета, не
принижение, а,**

наоборот, самоочищение.

**Итак, Поскребышева Сталин удалил и выдвинул на его
место другого**

**человека. Поскребышев же, как говорится, был "подвешен". Я
убежден, что если**

**бы жизнь Сталина продлилась еще на какое-то время, то
Поскребышев был бы**

**уничтожен как предатель. Сталин нам говорил: "Поскребышев
передал материал,**

**больше никто не мог, через Поскребышева шла утечка
секретных документов".**

**Тоже мне секретность! Какая тут секретность, если все
публиковалось в**

**открытой печати? Просто Сталин был уязвлен, что его
формулировка совпала**

**слово в слово с формулировкой того новоиспеченного, как он
считал, ученого.**

Ведь никто не имел права думать так, как Сталин, только он был единственным

гением. Поэтому все новое должен сказать только он, а другие должны

повторять и распространять открытые им законы. И вдруг какой-то замухрышка,

как он любил говорить, никому не известный сибиряк написал то же самое?

Если бы Сталин был объективен и не столь самолюбив, стал человеком,

который мог бы самокритично заняться анализом, то не потребовалось бы

больших усилий, чтобы увидеть, что труд

Ярошенко, "новоиспеченного" теоретика, как Сталин его называл, был

написан значительно раньше, чем Сталин занялся этим делом. Его сочинение

ходило в Академии наук, там обсуждали его, размножали, оно рассылалось

членам Политбюро ЦК. Одним словом, автор бился во все двери, буквально

кричал, требуя признания своего научного приоритета. Сталин же начал

заниматься этой проблемой, когда материал того автора уже был у Сталина. Так

что как раз тот автор мог бы сказать Сталину: "Ты украл у меня

формулировку".

Возможно, конечно, что Сталин прочел его труд, а потом,

даже сам не

осознавая, продиктовал такую же формулировку. Я не говорю, что тот автор

вообще был умнее Сталина. Но часто люди даже небольшого масштаба совершают

открытия. Какого бы ранга человек ни был, какое бы положение он ни занимал,

он может сделать любое открытие, потому что каждый великий человек перед

тем, как сделать шаг, который возвеличил его, тоже был рядовым человеком.

Однако Сталин такого не допускал: раз он живет, раз он вождь, то в

теоретических вопросах за ним всегда должно быть первое слово, а остальные

должны заниматься повтором.

Данный эпизод, как я уже рассказывал, закончился тем, что того беднягу

арестовали, и он сидел. Потом мы его освободили, но я не помню его

дальнейшей судьбы. Он так и не получил, видимо, должного признания. Полагаю,

что, может быть, его труд заслуживал внимания. Но тут оказал большое

воздействие тот факт, что наши так называемые ученые всегда исходили из

положений, выдвинутых Сталиным, восхваляли его и твердили за ним зады. Они

уже высказались на эту тему при жизни Сталина, и им было

незачем менять свою

точку зрения, роняя себя в глазах читателей. Возможно, тот человек

незаслуженно не получил признания, но я не берусь судить. Тут специфическая

область, пусть сами экономисты, если хотят, вернуться к его работе; подведут

итоги, проанализируют и положат выводы на ту или иную полочку, кто там

заслуживает, а кто - не заслуживает признания.

Для Ворошилова же эпизод с экономистом тоже довольно характерен. Его

можно взять за какой-то отправной элемент при анализе событий, если изучать

аресты той поры. Вот ведь с какой "глубиной" характеризовали деятельность

того или другого деятеля партии или ученого, когда приходили к выводу, что

он "враг народа". Получалась филькина грамота. Обвинение и обоснование

ареста брались буквально с неба. Смотрели на небо или в зависимости от того,

какое ухо почесалось. И такие акции направляли против тысяч людей. Подобное

поведение характерно не только для Ворошилова, но и для Молотова.

В 1937 г., в пик репрессий, определяли эту политическую линию Сталин,

Молотов, Ворошилов, а при них бегал подпевалой на цыпочках

и крутил хвостом

Каганович. Каганович не был таким, как Молотов, но хотел быть даже злее

Молотова. Ближе к Сталину стоял Молотов. Хотя Каганович тоже был очень

близкий к нему человек, и Сталин выставял его за классовое чутье, за

классовую непримиримость к врагам как эталон решительного большевика. Мы-то

хорошо узнали, что это за "решительность". Ведь это тот человек, который

даже слова не сказал в защиту своего брата Михаила(8), и Михаил покончил с

собой, когда у него уже не оставалось выхода; ему предъявили обвинение, что

он немецкий агент и что Гитлер метит его в состав российского правительства.

Просто бред! Что может быть нелепее: Гитлер намечает еврея Михаила

Кагановича в правительство России? Сточки зрения фашистов, это уже само по

себе преступление.

Позднее я не слышал, чтобы кто-либо говорил об этом событии, и никогда

Лазарь Каганович не возвращался к трагедии своего брата, когда уже

выяснилось, что произошла грубая ошибка. Ни Сталин, ни кто-либо иной не

возвращались к этой истории. Просто был раньше Михаил

Каганович, нарком

авиационной промышленности, и не стало его, так что вроде бы и не было. Это

характерно для Лазаря Кагановича. Как же он лебезил, как подхалимничал перед

Сталиным после того случая.

Примечания

(1) БОЛЬШАКОВ И. Г. (1902 - 1980) - член РСДРП с 1918 г., в 1916 - 1922

гг. рабочий Тульских оружейных заводов, потом на оргработе, с 1931 г.

сотрудник Совнаркома СССР (последняя должность - управляющий делами), с 1939

г. председатель Комитета по делам кинематографии и с 1946 г. министр

кинематографии СССР, с 1953 г. заместитель министра культуры СССР.

(2) ТАРХАНОВ М. М. (1877 - 1948) - народный артист СССР с 1937 г. В

упомянутой пьесе он играл Градобоева.

(3) Лингвистическая дискуссия, порожденная наличием разных точек зрения

на творческое наследие акад. Н. Я. Марра в связи с его учением о языке,

открылась в июне 1950 г. на страницах газеты "Правда". Сталин опубликовал в

данной связи свои соображения в той же газете ("Относительно марксизма в

языкознании" - 20 июня, "К некоторым вопросам языкознания"
- 4 июля, "Ответ

товарищам" - 2 августа), объединенные затем в брошюре (И.
Сталин "Марксизм и

вопросы языкознания". М. 1950).

(4) Академик АН Груз. ССР с 1941 г., проф. ЧИКОБАВА А. С.
(1898 - 1985),

специалист по кавказским языкам и теории общего
языкознания.

(5) В ноябре 1951 г. ЦК ВКП(б) организовал дискуссию по
проекту учебника

политической экономики. В данной связи Сталин написал
"Замечания по

экономическим вопросам" (1 февраля 1952 г.), "Ответ т-щу
Ноткину,

Александру Ильичу" (24 апреля 1952 г.), "Об ошибках т.
Ярошенко Л. Д. " (22

мая 1952 г), "Ответ товарищам Саниной А. В. и Венжеру В. Г. "(
28 сентября

1952 г.), объединенные затем в брошюре (И. Сталин
"Экономические проблемы

социализма в СССР". М. 1952 г.). Дискуссия была закрытой,
Сталин лично

определял, кого пригласить на этот узкий форум. В числе
приглашенных был

работник Госплана Ярошенко Л. Д. Старый член партии,
участник гражданской и

Великой Отечественной войн, он наивно представлял себе, что
может свободно

высказать свои мысли и даже покритиковать любого в ходе дискуссии, если она,

как ему сказали, будет носить научный характер.

В ходе дискуссии Ярошенко критически отозвался о подготовленном макете

учебника по политэкономии и высказал нелестные суждения об экономической

науке в СССР. Сталина задела эта критика, и он ответил Ярошенко, после чего

Ярошенко обратился с письмом к членам Политбюро, в котором пытался отстоять

свою правоту. Однако ему быстро дали понять, где лежит истина и кто является

ее единственным носителем: В письме на имя Маленкова Ярошенко затем так

определял свои "ошибки". "В письме на имя членов Политбюро я допустил

грубую, серьезную ошибку - предложил по вопросу основного экономического

закона нашего общества свою точку зрения, отличную от точки зрения тов.

Сталина. Это, несомненно, является грубой ошибкой. Для каждого члена партии

мнение тов. Сталина есть и должно быть нерушимым законом... Организатор и

руководитель строительства социалистического общества и вдохновитель всех

наших побед воплощает в своих мыслях и действиях все необходимое для

единственно правильного решения любых вопросов теории и практики нашей

жизни. С моей стороны это был необдуманый поступок, действительно ошибка. В

порядке объяснений могу сказать, что эту ошибку допустил под впечатлением

недавно прошедшей дискуссии, но это, разумеется, не оправдание. Прошу эту

ошибку мне простить".

ЦК поручил Московскому горкому партии обсудить проступок Ярошенко. На

заседании с резкой критикой Ярошенко выступил Хрущев. С возмущением он

отчитывал Ярошенко за то, что тот осмелился высказать свое мнение, не

совпадающее со взглядами Сталина. Однако, подводя итоги обсуждения. Хрущев

заявил: "Мы - партия сильная, сплоченная. Будем великодушны. Никаких

взысканий на тов. Ярошенко налагать не будем, но предложим ЦСУ ...

использовать тов. Ярошенко где-нибудь в Восточной Сибири".

Это предложение было принято, и на следующий день, когда Ярошенко

обратился ко второму секретарю МГК Фурцевой Е. А. относительно того, как он

должен проинформировать партийную организацию на новом месте работы, то

Фурцева сказала ему, что "вопрос о Ваших ошибках

обсуждался на бюро МК

ВКП(б), никаких взысканий на Вас не наложено". С чем Ярошенко и уехал в

Иркутск.

Однако, когда он прибыл в Иркутск, в обкоме партии его познакомили с

официально принятым решением МГК. Там после жестких формулировок в его адрес

(протаскивал враждебные, Бухаринско-богдановские взгляды по вопросам

политэкономии; эти взгляды изложил в письме на имя членов Политбюро; на

заседании МК скрывал своих соучастников и не помог разоблачить Бухаринское

охвостье) было записано, что МГК объявляет Ярошенко строгий выговор с

предупреждением. От таких формулировок в решении МГК, принятых уже после

того, как Ярошенко выехал из Москвы, могли последовать суровые репрессии.

Ярошенко был вызван в Москву, где в присутствии Хрущева председатель

Комитета партийного контроля Шкирятов М. Ф. обрушился на него с гневной

речью, обличая его в антисоветских и антипартийных действиях. После такой

"беседы" Ярошенко был арестован тут же, по выходе из кабинета Шкирятова.

Репрессии обрушились не только на него лично, но и на его

брата, который

никакого отношения к экономической науке не имел, и на жену. Семью выслали

из Москвы.

Фактически руководство поправило Хрущева за проявленный им ранее

"либерализм". Одного взгляда на то предложение, которое было им сделано на

заседании бюро МГК, и на те новые формулировки, которые родились после

вмешательства руководства, достаточно, чтобы увидеть, сколь серьезна была

разница между позицией Хрущева и позицией Политбюро в этом вопросе.

Ярошенко был освобожден из заключения в конце декабря 1953 г.,

восстановлен в партии и вернулся к работе по специальности. Однако, выступая

на партийном собрании по итогам XX съезда КПСС, он открыто высказал свое

мнение о культе личности, причем более резко, чем это было рекомендовано

партийными органами и сформулировано в докладе Хрущева. Об этом выступлении

был проинформирован ЦК партии. Имеется документ, из которого видно, что все

секретари ЦК, следовательно и Хрущев, были ознакомлены с этой докладной

запиской и оказались единодушны в своем решении: Ярошенко

исключили из рядов

**КПСС, он лишился работы. Как понимать позицию Хрущева?
При Сталине он**

**отнесся либерально к критическим высказываниям Ярошенко,
за что получил**

**указание от ЦК и вынужден был коренным образом изменить
уже подготовленное**

**решение, а в 1956 г. он же санкционировал за такое же
выступление исключение**

**Ярошенко из партии. Если говорить языком документа,
принятого 19 декабря**

**1956 г. ЦК, то Ярошенко осмелился на "критику основ политики
партии".**

**Но пересечение судеб Хрущева и Ярошенко на этом не
кончается. После XXII**

**съезда партии Ярошенко был восстановлен в рядах партии.
Он уже не мог**

**работать, находился на пенсии, однако само восстановление его
в рядах партии**

было бы невозможно без согласия Хрущева.

**(6) Его письмо от 20 марта 1952 г. было разослано той же
весной членам**

Политбюро ЦК ВКП(б).

**(7) ПОСКРЕБЫШЕВ А. Н. (1891 - 1965) - член РСДРП с 1917
г., с 1922 г.**

**инструктор и помощник Генерального секретаря, в 1928 - 1953
гг. заведующий**

**особым сектором Секретариата ЦК партии и его секретным
отделом, с 1952 г.**

**секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС, с 1934 г.
кандидат в члены и**

с 1939 г. член ЦК партии.

**(8) КАГАНОВИЧ М. М. (1888 - 1941) - член РСДРП с 1905 г.,
с 1921 г.**

**находился на советской работе, с 1931 г. заместитель
председателя ВСНХ и с**

**1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности
СССР, с 1936 г.**

**заместитель наркома и с 1937 г. нарком оборонной
промышленности СССР, в 1939**

**- 1940 гг. нарком авиационной промышленности, с 1934 г. член
ЦК и кандидат в**

члены Оргбюро ЦК ВКП(б). Покончил с собой.

СТАЛИН О СЕБЕ

**Сталин в своих выступлениях всегда высоко отзывался о
Ленине и себя**

**называл ленинцем. В узком кругу лиц мне приходилось
слышать его воспоминания**

**о встречах с Лениным, его беседах с Лениным. Он рассказывал,
какую позицию**

**занимал Ленин по тому или другому вопросу, и всегда у него
получалось так,**

что Ленин, узнав точку зрения Сталина, потом выступал с таким же положением,

выдавая его за свое. То есть Сталин давал понять, что эти мысли он подбросил

Ленину, а Ленин использовал их. Имели место случаи, когда нам просто

неприятно было слушать это. Мы переглядывались, когда он явно выражал

неуважение к Ленину.

Сталин в Октябрьскую революцию и в годы гражданской войны занимал, как

тогда говорили, антиспецовскую, "спецеедскую" позицию недоверия к старым

специалистам, которых Ленин, наоборот, призывал участвовать в созидательной

работе, прежде всего в строительстве Красной Армии, потому что без офицеров

нельзя построить настоящую армию. Тогда Вооруженные Силы возглавлял Троцкий.

Естественно, Троцкий выполнял эту директиву Ленина и привлекал офицеров к

работе. Сталин нам демонстрировал, называя конкретные случаи, как Троцкий

рекомендовал вот такого-то офицера и прислал его в Царицын, а Сталин его не

принял. Потом же тот оказался изменником и предателем(1).

Но ведь нужно знать то время. Тогда вообще было широко распространено

недоверие к буржуазной интеллигенции, и отчасти это

недоверие было

оправдано. В первые дни революции интеллигенция, к сожалению, в большинстве

не определила четко свою позицию и раскололась: часть эмигрировала, часть

выжидала, часть саботировала, а некоторые активно включились в борьбу с

Советской властью, организуя даже вооруженное сопротивление. Сначала

немногие включились в новое дело. Поэтому в народе, особенно среди рабочих,

было сильное "спецедаское", антиспецовское настроение, и партийным

организациям приходилось очень много затрачивать усилий, чтобы сдерживать

его.

К тому же очень сильной была уравнительная тенденция. Это и понятно,

потому что страна была разорена, рабочие жили хуже, чем при капитализме,

голодали. Кроме того, рабочие находились под влиянием победы революции, и им

представлялось, что тотчас люди станут жить лучше, чем раньше, потому что

раз люди равны перед законом, то они должны уравниаться и в материальной

обеспеченности. Наконец, когда наша партия назвала себя коммунистической и

мы приступили к строительству социализма, то многие

считали, что средства

потребления должны быть разделены между всеми, кто трудится. А тут вдруг

советская власть выделила специалистов, дала им большие оклады(2), рабочие

остались при прежних окладах или более низких, чем в прежнее время. Это

подогревало "спецеество".

Специалисты имели раньше отдельные квартиры с коммунальными удобствами,

рабочие же ничего этого не видели. Коммунальные услуги у них выражались в

том, что воду, например, на некоторых рудниках и шахтах в Донбассе привозили

в бочках, а на некоторых стояли распределительные колонки. Часто вода

находилась на большом удалении, и рабочие месили грязь, идя за ней туда и

обратно. На базар и специалисты, и жены их, и прислуга ездили на лошадях.

Особенно против жен и прислуги злобное было настроение у рабочих. Ни одно их

собрание не проходило без того, чтобы не поднимался этот вопрос. Не

изменилось дело с коммунальными услугами и после победы революции.

В чем же дело? Большевики понимали, что надо привлечь буржуазных

специалистов к работе, не только угрожая им, а и

заинтересовывая. На первых

порах это выражалось в том, чтобы в какой-то степени дать им привилегии,

хотя бы и неполные, вроде тех, которые они имели при капитализме: сносные

квартиры, средства передвижения и т. д. Главный инженер рудника имел пару

лошадей, а инженер Гладовский, наш начальник мастерских, - одну лошадь с

кучером. Это, конечно, не особенно-то жирное обеспечение. Но ведь рабочие,

естественно, и этого не имели. К тому же то были враждебные элементы,

представители буржуазного класса, слуги капитала. Так этот вопрос

усложнялся, и партии было трудно вести борьбу с антиспецовскими

настроениями. Тем не менее, иначе нельзя было привлечь специалистов к делу.

А без специалистов, без инженерных знаний, знаний вообще, без науки нельзя

построить новое общество, которое опирается именно на науку. Коммунизм - как

раз такое общество. Его построение требует широких и глубоких знаний, умения

организовать новое общество на основе науки, непреложного

марксистско-ленинского учения. Иначе незачем говорить о коммунизме.

Прежде всего мы столкнулись с антиспецовскими настроениями в армии. В то

время, как я уже говорил, Сталин был очень большим "спецеedom". И он поэтому

рассказывал нам много эпизодов (я все сейчас не могу припомнить), которые

как бы свидетельствовали против Ленина, потому что как раз Ленин выдвинул

вопрос о привлечении спецов к построению социализма. Но это было абсолютно

правильно, в этом сказалась гениальность Ленина. В такой напряженный момент

он призвал всех учиться у капиталистов, привлечь буржуазных специалистов и

даже призвать их в армию. Он говорил, что надо дать им нужные права,

приставив к ним комиссаров, но сохранить в армии единоначалие. Шутка

сказать! Бывший офицер царской армии - и вдруг единоначальник в Красной

Армии. Хотя при нем есть комиссар, воинские распоряжения-то отдает именно

он. Когда я служил в Красной Армии, на этой почве тоже возникала масса

недоразумений. Имелись поводы к недоверию, потому что случались и измена, и

предательство, и бегство таких офицеров к белым.

Это естественный процесс. Шел отбор людей старого воспитания, отбор

интеллигенции, воспитанной буржуазно-помещичьим строем. Их привлекли на

сторону революции. Одни пошли под страхом, другие поверили в новое общество

и хотели помочь ему, третьи - потому, что у них выхода не было: нужно было

зарабатывать средства к существованию, четвертые - для того, чтобы получить

возможность работать в хозяйстве или в учреждениях, с тем чтобы сознательно

стать агентами старых хозяев и вредить социалистическому строю. Много было

разных людей, а выбора у советской власти не было. Она вынуждена была

привлекать специалистов, чтобы строить новое, без чего не было возможности

двигаться вперед. Вот почему ленинская позиция была совершенно правильной.

Помню такой конкретный случай, когда Сталин прямо выражал недовольствие

Лениным. Когда Сталин, по его рассказу, находился в Царицыне, он поехал на

хлебозаготовки и принимал тогда же меры по организации обороны Царицына.

Туда вместе с 5-й армией отступил с Украины Ворошилов, и там они сошлись со

Сталиным. Сталин рассказывал, что Ленин вызвал его в Москву с докладом о

положении вещей. Потом Ленин ему говорит: "Батенька, я получил сведения, что

вы там пьянствуете: сами пьете и других спаиваете. Нельзя это делать!"

Сталин и не отрицал, что он там пил. В чем же дело? "Вот видите, кто-то ему

наговорил. Это спецы наговорили, а он мне нотацию читал", - высказывался

Сталин с явным недовольством. Мы между собой переговаривались: видимо, этот

недостаток, от которого мы страдаем, работая под руководством Сталина, -

давний порок. Он еще в те времена пьянствовал, Ленин это знал и предупреждал

его.

Мне запало в душу, как Сталин рассказывал об одной своей ссылке. Не могу

сказать сейчас точно, в каком году это происходило. Его сослали куда-то в

Вологодскую губернию(3). Туда вообще много было выслано политических, но и

много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: "Какие

хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных! Я сошелся

тогда с уголовными. Очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное

заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль или, допустим, три рубля.

Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока не

пропьем все деньги. Сегодня я плачу, завтра - другой, и так поочередно.

Артельные ребята были эти уголовные. А вот "политики", среди них было много

сволочей. Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я пью с

уголовными". Уж не знаю, какой там состоялся приговор этого товарищеского

суда. Никто его об этом, конечно, не спрашивал, и мы только переглядывались.

А потом обменивались мнениями: он еще в молодости, оказывается, имел

склонность к пьянству. Видимо, у него это наследственное.

Сталин рассказывал о своем отце, что тот был сапожником и сильно пил. Так

пил, что порою пояс пропивал. А для грузина пропить пояс - это самое

последнее дело. "Он, - рассказывает Сталин, - когда я еще в люльке лежал

маленьким, бывало, подходил, обмакивал палец в стакан вина и давал мне

пососать. Приучал меня, когда я еще в люльке лежал". Об отце его не знаю,

как сейчас в биографии Сталина написано. Но в ранние годы моей деятельности

ходил слух, что отец его - вовсе не рабочий. Тогда придирались, кто какого

происхождения. Если обнаруживалось нерабочее происхождение, то считался

человеком второго сорта. И это было понятно. Самый революционный и самый

стойкий - рабочий класс. Он выносил всю тяжесть борьбы на своих плечах и

поэтому к другим классам и прослойкам общества, непролетарским, имел

придирчивое, не настороженное, а именно придирчивое отношение. К таковым

относились с большим недоверием.

Итак, говорили, что у Сталина отец был не просто сапожник, а имел

сапожную мастерскую, в которой работало 10 или больше человек. По тому

времени это считалось предприятием. Если бы это был кто-либо другой, а не

Сталин, то его бы на партчистках мурыжили бы так, что кости трещали. А тут

находились объяснения обтекаемого характера. И все-таки люди об этом

говорили. Я этот факт здесь просто припоминаю. Он не служит поводом для

каких-нибудь особенных выводов, ибо не имеет никакого значения. Я просто

рассказываю, как тогда относились к такого рода вопросам.

Помню также, как Сталин не раз рассказывал нам и о другой своей ссылке.

Он попал в Туруханский край(4) и жил в одной деревне со Свердловым. Они

сначала дружили, но потом, судя по его рассказам, было

видно, что

рассорились или разошлись. По крайней мере, перестали жить в одной

крестьянской избе. Свердлов ушел оттуда, нашел себе квартиру и покинул

Сталина. Сталин всегда говорил нам, что, когда они жили вместе, чалдоны, у

которых они размещались в той деревне, считали, что главный - это Яшка, а не

Рябой. Сталина называли Рябым, потому что у него лицо было изъедено оспой.

Когда Яшка ушел на другую квартиру, они стали говорить: "Мы-то считали, что

доктор главный, а оказывается, не доктор, а Рябой". Местные крестьяне

называли Свердлова доктором. Он был раньше провизором и, видимо, оказывал

какую-то помощь больным, какие-то были у него лекарства. Поэтому и шла о нем

слава, что он доктор.

Сталин рассказывал: "Мы готовили себе обед сами. Собственно, там и

делать-то было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства,

которые выдавала казна: на три рубля в месяц. Еще партия нам помогала.

Главным образом мы промышляли тем, что ловили нельму. Большой специальности

для этого не требовалось. На охоту тоже ходили. У меня была

собака, я ее

назвал Яшкой". Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка.

"Так вот, - говорил Сталин, - Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и

тарелки, а я никогда этого не делал. Поем, поставлю тарелки на земляной пол,

собака все вылизет, и все чисто. А тот был чистюля". Мы опять

переглядывались. Мы сами прошли, кто - крестьянскую, кто - рабочую школу, и

не были изнежены каким-то особым обслуживанием. Но чтобы не помыть ложку,

тарелку или чашку, из которой ешь? Чтобы собака все вылизывала? Нас это

удивляло.

Сталин много раз нам рассказывал об этом. И мы заранее знали, когда он

начинал, как и что было и чем кончилась. Случались такие рассказы о его

жизни в ссылках, о которых дети могли бы так сказать:

"Дедушка, а может

быть, ты врешь?". Мы-то привыкли, что на позднем этапе своей жизни, когда он

уже плохо себя контролировал, многое выдумывал. Например, рассказывал такие

вещи: "Пошел я раз на охоту. Взял ружье и пошел за Енисей. В том месте, где

я жил, Енисей имел в ширину 12 верст. Я перешел Енисей на

лыжах. Дело было

зимой. Смотрю, на ветках сидят куропатки. (Я-то, признаться, не знаю, сидят

ли куропатки на ветках? Имел я дело на охоте с куропатками, но всегда

считал, что это - степная дичь и прячется в траве. Ну, не знаю. Как

говорится, за что купил, за то и продаю.) Подошел. Стал стрелять. У меня

было 12 патронов, а там сидели 24 куропатки. Я 12 убил, а остальные все

сидят. Патронов больше нет. Я решил вернуться за патронами. Ушел назад, взял

патроны и возвратился. А они все сидят". Тут я его даже переспросил: "Как,

все, все сидят?" "Да, - отвечает, - все". Тут Берия ввернул какое-то

замечание, поощряющее его рассказ. Он продолжает: "Я застрелил этих

куропаток, взял веревку, привязал их к ней, а веревку привязал к поясу и

поволок куропаток за собой".

Это мы слушали за обедом. Когда уходили и, готовясь уехать, заходили в

туалет, то там буквально плевались: за зимний день он прошел 12 верст, убил

12 куропаток; вернулся - вот еще 12 верст; взял патроны, опять прошел 12

верст, снова застрелил куропаток - и назад. Это будет 48

километров на

лыжах. Берия говорил мне: "Слушай, как мог кавказский человек, который на

лыжах очень мало ходил, столько пройти? Ну, брешет!" У нас ни у кого не было

сомнения в этом. Зачем ему нужно было врать, трудно сказать. Имелась у него

какая-то такая потребность. Но это была забавная брехня, которая, конечно,

никакого вреда не приносила. Однако велись, конечно, и серьезные разговоры.

Потом я узнал, что Сталин, собственно говоря, и стрелять-то толком не

умеет. Он взял как-то ружье, когда на ближней даче мы у него обедали, пошел

разогнать воробьев и ранил чекиста, который его охранял. Один раз из-за его

неумения обращаться с оружием у него за столом выстрелило ружье, и

совершенно случайно он не убил тогда Микояна. Он сидел близко от него,

выстрелом вырвало кусок земли и забросало песком и стол, и Микояна. Мы

смотрели ошарашенные, никто ничего не сказал, но все были потрясены.

Сталин много говорил нам о Ленине. Он часто возмущался тем, что, когда

Ленин лежал больной, а он повздорил с Крупской, Ленин потребовал, чтобы

Сталин извинился перед ней. Я сейчас точно не могу припомнить, какой возник

повод для ссоры. Вроде бы Сталин прорывался к Ленину, а Надежда

Константиновна охраняла Ильича, чтобы его не перегружать и не волновать его,

как рекомендовали врачи. Или что-то другое. Сталин сказал какую-то грубость

Надежде Константиновне, а она передала Ленину. Ленин потребовал, чтобы

Сталин извинился. Я не помню, как поступил Сталин: послушался ли Ленина или

нет. Думаю, что в какой-то форме он все-таки извинился, потому что Ленин

иначе с ним не помирился бы.

Уже после смерти Сталина в секретном отделе мы наши конверт, а в нем

лежала записка, написанная рукою Ленина. Ленин писал Сталину, что он нанес

оскорбление Надежде Константиновне, которая является его другом, и требовал,

чтобы тот извинился. Ленин писал, что если Сталин не извинится, то Ленин не

будет считать его своим товарищем. Я был удивлен, что такая записка

сохранилась. Наверное, Сталин забыл о ней. Сталин сильно не уважал Надежду

Константиновну. Да он не уважал и Марию Ильиничну. Вообще очень плохо

отзывался о них и не считал, что они представляли какую-то ценность для

партии, что они сыграли какую-то роль в борьбе за дело партии, в достижении

ею победы, какую одержала партия большевиков. Мне становилось очень не по

себе, когда я слышал и видел, с каким неуважением относился Сталин к Надежде

Константиновне еще при ее жизни.

Крупская выступала как-то на партконференции Бауманского района в 1930

г., когда началась борьба с "правым" уклоном - с Рыковым и Бухариным. Она

защищала Бухарина и Рыкова, и против нее там выступил ряд делегатов. После

этого ее "прорабатывали" без опубликования выступлений в печати по всем

партийным ячейкам. Прорабатывали и Марию Ильиничну. О Марии Ильиничне нечего

даже было особенно говорить, потому что она была большой приятельницей

Бухарина. Бухарин являлся редактором газеты "Правда", а Мария Ильинична была

в редакции секретарем. Бухарина в то время все звали Бухарчик. Его любили в

партии, и о нем лестно отзывался еще Ленин. Он называл его обычно "наш

Бухарчик". Это был видный теоретик, который написал по поручению Ленина

книгу "Азбука коммунизма", и все коммунисты того времени приобщались к

марксистско-ленинской науке через изучение этой азбуки. Ее изучал каждый,

вступавший в партию.

Я был воспитан в партии как молодой коммунист с послеоктябрьским стажем.

Привык смотреть на Ленина с уважением, как на вождя, а Надежда

Константиновна - это неотделимая часть самого Ленина. Поэтому мне было

горько смотреть на нее на партактивах. Бывало, придет дряхлая старушка, ее

все сторонятся, потому что она была человеком, который не отражает партийной

линии и к которому надо присматриваться, потому что он неправильно понимает

политику партии и выступает против ряда ее положений. Теперь я анализирую

все то, что делалось в то время, и думаю, что как раз она была в этих

вопросах права. Но тогда все смешивалось в одну кучу, забрасывали грязью и

Надежду Константиновну, и Марию Ильиничну.

Когда я работал уже в Московском комитете партии. Надежда Константиновна

занималась разбором жалоб. Не помню, в каком учреждении она тогда работала.

Но обиженные и угнетенные партийцы приходили к ней с

просьбами и присылали

письма. Много недостатков имелось и в работе Моссовета. Тяжелые условия

жизни были и у рабочих, и у служащих, и у интеллигенции. Они, если не

находили выхода, обращались как к последнему прибежищу к Надежде

Константиновне. Крупская сама тоже была во многом ограничена и не имела

возможностей удовлетворить справедливые просьбы тех, которые обращались к

ней за помощью. Поэтому она часто присылала их ко мне как к секретарю

Московского комитета партии. К сожалению, даже я, занимая достаточно высокий

пост, тоже был ограничен в возможностях по удовлетворению их запросов.

Общим недостатком были плохие жилищные условия. Шли с просьбами о

квартирах. Каким-то сплошным кошмаром был этот квартирный вопрос(5). Мы

проводили индустриализацию, строили новые заводы и фабрики, но при этом, как

правило, совершенно не учитывалось увеличение численности рабочих в Москве.

Жилья строилось минимальное количество. Сколько-то домов, которые

возводились, не восполняли даже амортизационных разрушений.

И вот Надежда Константиновна присылала жалобщиков ко мне, а я, что мог,

делал, а потом отвечал ей, что мною сделано, или же отвечал, что мы

бессильны. Иногда я лично встречался с ней, так что она меня знала как

секретаря Московского комитета партии. Она правильно понимала, что я тот

человек, который выражает в столице генеральную линию партии, и ко мне она

относилась соответственно. Видимо, полагала, что я есть продукт последнего,

сталинского поколения. Таково мое мнение. Так я думаю за Надежду

Константиновну. Впрочем, так это и было. Я действительно был предан

генеральной линии партии, ее Центральному Комитету и Сталину как нашему

вождю, как руководителю страны, и считал, что все, что у нас делается, все,

о чем говорит Сталин, - правильно, гениально, и надо это проводить в жизнь.

И я делал все, что от меня зависело, чтобы это претворялось в жизнь.

Однако человеческие чувства проявляются даже при таком положении. Поэтому

я раздваивался, когда Надежда Константиновна попадала в сферу партийного

огня. Мне было ее жалко. Сталин в узком кругу объяснял нам, что она вовсе не

была женою Ленина. Он иной раз выражался о ней довольно свободно. Уже после

смерти Крупской когда он вспоминал об этом периоде, то говорил, что, если бы

дальше так продолжалось, мы могли бы поставить под сомнение, что она

являлась женою Ленина; говорил, что могли бы объявить, что другая женщина

была женою Ленина, и называл довольно уважаемого в партии человека. Та

женщина и сейчас жива, поэтому я не упоминаю ее имени. Я не могу быть судьей

в таких вопросах, а просто считаю, что тут налицо одно из проявлений

неуважения к Ленину. Это именно не клевета, а неуважение к Ленину.

Ничего святого у Сталина не было. Даже самого Ленина, даже его имени не

щадил. Сталин нигде не выступал с этим, но в узком кругу позволял себе

говорить такое. И он не просто так болтал: он хотел тем самым повлиять на

нашу психику, на наше сознание, расшатать безграничную любовь к Ленину,

чтобы еще больше укрепить собственное положение вождя и первого мыслителя

нашей партии и нашей эпохи. Сталин очень осторожно вкрапывал в сознание

людей, которые находились в его окружении, мысль, что Сталин вовсе не такого

мнения о Ленине, как он публично говорит о том и как пишут об этом.

Тут я должен вернуться к рассказу о Кагановиче. Больше всего меня

возмущало, да и не только меня, но и других, поведение Кагановича. Это был

холуй. У него сразу поднимались ушки на макушке, и тут он начинал подличать.

Бывало, встанет, горло у него зычное, сам мощный, тучный, и рокочет:

"Товарищи, пора нам сказать правду. Вот в партии все говорят: Ленин,

ленинизм. А надо говорить так, как оно есть, какая существует ныне

действительность. Ленин умер в 1924 году. Сколько лет он проработал? Что при

нем было сделано? И что сделано при Сталине? Сейчас настало время дать всем

лозунг не ленинизма, а сталинизма". Когда он об этом распространялся, мы

молчали. Стояла тишина.

Сталин первым вступал в полемику с Кагановичем: "Вы что говорите? Как вы

смеете так говорить?" Но произносилось это тоном, поощряющим как бы

возражения Сталину. В народе хорошо известен этот прием. Когда мать идет в

другую деревню в гости и хочет, чтобы ее девочка или мальчонка пошли с ней,

чтобы их там покормили, она кричит: "Не ходи, не ходи, чертенок!" и грозит

ему пальцем. А когда никто не видит, манит его: "Иди за мной, иди". Он и

бежит за ней. Я сам наблюдал такие картины в деревне. Сталин тоже начинал

разносить Кагановича, что это он такое себе позволяет. Но видно было, что

сказанное ему нравится. Сталин обычно возражал Кагановичу такими словами:

"Что такое Ленин? Каланча. Что такое Сталин? Палец". А иной раз приводил

такие сравнения, которые ни в какие записи не вмещаются!

Я много раз слышал повторение таких сравнений и бурное реагирование на

сталинские утверждения со стороны Кагановича, которого это еще больше

подогревало, и он настойчиво повторял свое, потому что видел, что у Сталина

явно ложное возмущение.

В этом Каганович был большой мастер. Он чувствовал, что Сталину нравится,

а что - нет. Вплоть до самой смерти Сталина все чаще возникал такой "спор"

Кагановича со Сталиным. Никто из нас не вмешивался в этот спор. Думаю, что

если бы Сталин официально согласился с Кагановичем и были бы предприняты

шаги по смещению Ленина с прежнего пьедестала и постановки

на него Сталина с

заменой ленинизма сталинизмом, то никто бы не возразил. Хотя я убежден, что

все внутренне возмущались бы.

Но Сталин чувствовал, что хотя все молчат, однако не поддерживают

Кагановича. Сталин, безусловно, выделял Кагановича и считал, что именно он

правильно оценивает роль и исторические заслуги Сталина. Не знаю, результат

ли это старческого упадка сил и ослабленной мозговой деятельности Сталина

или же это ослабление сдерживающих центров. Если раньше Сталин подавлял в

себе такие мысли, то теперь они стали набирать силу, а Каганович хотел это

ловко использовать. Однако этого не произошло. И очень хорошо, что не

произошло.

Чтобы лучше понимать, в какой обстановке выслушивали мы, члены Политбюро,

сталинские откровения, полезно будет заметить кое-что о самой этой

обстановке, так как от этого во многом зависело восприятие нами сталинских

слов.

В последние годы жизни у Сталина развился какой-то страх. Это я замечал

по многим признакам. Например, когда мы ехали из Кремля

после просмотра

кинокартин на "ближнюю" дачу, то стали вдруг петлять по улицам и переулкам

Москвы, пока проезжали довольно короткое расстояние от Кремля до западной

дуги Москвы-реки и еще не выехали за Москву-реку. В машину со Сталиным

обычно садились Берия и Маленков, а остальные рассаживались по своему

выбору. Я чаще всего садился в одну машину с Булганиным.

Я спрашивал потом тех, кто садился со Сталиным: "Чего вы петляли по

переулкам?" Они отвечали: "Ты нас не спрашивай. Не мы определяли маршрут.

Сталин сам называл улицы". Он, видимо, имел при себе план Москвы и намечал

маршрут, и когда выезжали, то говорил: повернуть туда, повернуть сюда, ехать

так-то, выехать туда-то. Не надо быть умным, чтобы догадаться, что это он

принимал меры, чтобы ввести в заблуждение врагов, которые могли бы

покушаться на его жизнь. Он даже охране заранее не говорил, каким поедет

маршрутом, и каждый раз менял маршруты. Чем это было вызвано? Недоверием ко

всем и страхом за свою жизнь.

Потом мы злословили между собой, когда приезжали на "ближнюю" дачу, что

там в дверях и воротах усиливались запоры. Появлялись всякие новые задвижки,

затем чуть ли не сборно-разборные баррикады. Ну кто же может к Сталину зайти

на дачу, когда там два забора, а между ними собаки бегают, проведена

электрическая сигнализация и имеются прочие средства охраны? Мы считали,

впрочем, что это все правильно: Сталин занимал такое положение, что для

врагов советского строя был весьма "привлекательной" фигурой. Тут шутить

было нельзя, хотя и подражать ему было бы тоже вредно. Тогда в Кремль никого

из обычных граждан не пускали. Кремль был недоступен. То же самое можно

сказать и о правительственных ложах в театрах. Абсолютно ни для кого они не

были доступны, кроме тех лиц, которые шли туда вместе со Сталиным. Туда, где

он сидел, никто и не входил без Сталина. И там тоже принимались все меры

предосторожности.

Я был раз свидетелем такого факта. Сталин пошел в туалет. А человек,

который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте. Сталин, выйдя из

туалета, набросился при нас на этого человека и начал его распекать: "Почему

вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так и должны охранять, а

вы тут сидите, развалившись". Тот оправдывался: "Товарищ Сталин, я же знаю,

что там нет дверей. Вот тут есть дверь, так за нею как раз и стоит мой

человек, который несет охрану". Но Сталин ему грубо: "Вы со мной должны

ходить". Но ведь это невероятно, чтобы тот ходил за ним в туалет. Значит,

Сталин даже в туалет уже боялся зайти без охраны. Это, конечно, результат

работы больного мозга. Человек сам себя запугал. Но тут, видимо, и Берия

руку приложил.

Сталин с Берией изощрялись в убийствах людей, придумывали для того

невероятные способы. Вот он и переносил все на себя: почему к нему не могут

применить такие же методы люди, которые захотят его сжить со света? Думаю,

что это его начало терзать. Его терзали те действия, которые он применял к

людям, к которым он относился с недоверием. И все они были "враги народа".

Слишком это вольное толкование, кто враг, а кто не враг. К сожалению, так

было. И сейчас все это еще недостаточно разоблачено и заклеяно. Еще не

разработаны те меры, которые могли бы послужить средствами предупреждения,

чтобы такого не повторилось.

Так протекала жизнь в последние годы бытия Сталина. Я уже рассказывал,

как он за обедом буквально ни одного блюда не мог откусать, если при нем

кто-либо из присутствующих его не попробовал. У нас имелись излюбленные

блюда, и повара хорошо их готовили. Харчо было очень вкусное. Его брали все

подряд, и тут уж Сталин не сомневался. А что касается закусок, которые

стояли на столе, то он выжидал, когда кто-то попробует. Выждет какое-то

время и тогда сам тоже берет. Человек уже довел себя до крайности и людям,

которые его обслуживали годами и были, безусловно, преданы ему, не доверял.

Никому не доверял!

Под Новый год особенно все шло, как заведенная машина. Если же он нас

вообще не вызывает день-два, то мы считали, что со Сталиным что-то

случилось. Видимо, он заболел. Он страдал от одиночества, тяготился

оставаться без людей, ему нужны были люди. Когда он просыпался, то сейчас же

вызывал нас по телефону, или приглашал в кино, или

заводил какой-то

разговор, который можно было решить в две минуты, а он его искусственно

растягивал. Когда он нас приглашал к себе, то не всегда случалось пустое

времяпрепровождение. Другой раз решались важные государственные и партийные

вопросы. Но на это уходил небольшой процент времени, а потом требовалось

как-то занять Сталина, чтобы он не страдал, не тяготился одиночеством, не

боялся его.

Берия же все резче и резче проявлял в узком кругу лиц неуважение к

Сталину. Более откровенные разговоры он вел с Маленковым, но случалось, и в

моем присутствии. Иной раз он выражался очень оскорбительно в адрес Сталина.

Признаюсь, меня это настораживало. Такие выпады против Сталина со стороны

Берии я рассматривал как провокацию, как желание втянуть меня в эти

антисталинские разговоры с тем, чтобы потом выдать меня Сталину как

антисоветского человека и "врага народа". Я уже видел раньше вероломство

Берии и поэтому слушал, ушей не затыкал, но никогда не ввязывался в такие

разговоры и никогда не поддерживал их. Несмотря на это,

Берия продолжал в

том же духе. Он был более чем уверен, что ему ничто не угрожает. Он,

конечно, понимал, что я неспособен сыграть роль доносчика. К тому же я знал,

что Сталин и Берия значительно ближе, чем Сталин и Хрущев. Милые бранятся -

только тешатся. Два кавказца между собой легче договорятся. И я думал, что

тут провокация, желание втянуть меня в разговоры, чтобы потом выдать и

уничтожить. Это провокационный метод поведения. А Берия был на это мастер,

он был вообще способен на все гнусное. Булганин тоже слышал такие разговоры,

и думаю, что Булганин тоже правильно понимал их.

Не знаю, насколько Берия позволял себе такие выражения в присутствии

Молотова и Ворошилова. В присутствии Кагановича он, безусловно, этого не

делал, потому что он Кагановича ненавидел и опасался, что тот все передаст

Сталину. Каганович и сам обладал гнусным характером, но другим,

подхалимским. Мы порою одергивали Кагановича, когда он нападал на Ворошилова

или Молотова, когда почувствовал, что они потеряли доверие у Сталина и можно

лягать лежачих. Это безопасно. А раз безопасно, значит можно.

Другой морали

у него не было. Он уважал только того, от кого зависел и кто мог нанести ему

удар.

Я подошел вплотную к последним дням жизни Сталина. Наверное, начну

рассказ с того последнего дня, когда мы были у еще живого Сталина. Мы потом

разъехались и больше с ним здоровым не встретились. А приехали, когда были

вызваны известием, что он заболел, и провели с ним последние часы его

болезни. Мы у него проводили время в последний субботний вечер, и он был в

хорошем настроении, казался нам здоровым, и внешне ничто не вызывало

какой-либо тревоги относительно такого конца, который наступил уже к утру. А

сейчас скажу сразу, что как-то в последние недели жизни Сталина мы с Берией

проходили мимо двери его столовой, и он показал мне на стол, заваленный

горою нераспечатанных красных пакетов. Видно было, что к ним давно никто не

притрагивался. "Вот тут, наверное, и твои лежат", - сказал Берия. Уже после

смерти Сталина я поинтересовался, как поступали с такими бумагами. Начальник

охраны Власик ответил: "У нас был специальный человек,

который потом

**вскрывал их, а то так оставлять неудобно, а мы отсылали
содержимое обратно**

тем, кто присылал".

Примечания

**(1) Речь идет о так называемом заговоре генерала Носовича. В
30-е годы в**

**предательстве был обвинен и репрессирован видный военный
специалист СССР,**

**истинный организатор обороны Царицына летом 1918 г.,
бывший царский**

**генерал-лейтенант, военрук и командующий войсками
Северо-Кавказского**

военного округа в мае - июле 1918 г. Снесарев А. Е. (1865 - 1937).

**(2) В развернутом виде эта идея впервые охарактеризована
Лениным В. И. в**

**апреле 1918 г. (брошюра "Очередные задачи Советской
власти". Поли. собр.**

соч., т. 36).

**(3) С марта 1908 г. по июнь 1909 г. он находился в ссылке
в г.**

Сольвычегодск, Вологодской губернии.

**(4) В Туруханском крае он находился с февраля 1913 г. по
февраль 1917 г.**

**(5) Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., в Московской
губернии с**

городами 38% рабочих семей не имели отдельных комнат и

занимали часть

комнат. В 1932 г. население Москвы увеличилось до 3, 6 млн. человек.

Жилищное строительство резко отставало от этого роста. Постановлением

Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1932 г. предусматривалось возведение

в двухлетний срок домов в первую очередь для специалистов, ученых, инженеров

и техников в крупных городах, причем всего на 11 800 квартир. Большинство из

56 280 московских домов в начале 30-х годов находилось в запущенном

состоянии. Сдвиги обозначились к концу 1934 г., когда около 0, 5 млн.

москвичей въехали в новые или отремонтированные квартиры.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

В феврале 1953 г. Сталин внезапно заболел. Как это случилось? Мы все были

у него в субботу. Происходило это после XIX съезда партии, когда Сталин уже

"подвесил" судьбу Микояна и Молотова. На первом же Пленуме после съезда он

предложил создать вместо Политбюро Президиум ЦК партии в составе 25 человек

и назвал поименно многих новых людей. Я и другие прежние члены Политбюро

были удивлены, как и кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих

людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю. Спрашивал Маленкова,

но он ответил, что сам не знает. По своему положению Маленков должен был

принимать участие в формировании Президиума, подборе людей и составлении

списка, но не был к тому допущен. Может быть, это сделал сам Сталин? Сейчас

я по некоторым признакам предполагаю, что он при подборе новых кадров

воспользовался помощью Кагановича. Внутри Президиума действовало более узкое

Бюро. Президиум фактически и не собирался, все вопросы решало Бюро. Это

Сталин выдумал такую, совершенно неуставную форму: никакое Бюро не было

предусмотрено в уставе партии.

Для чего Сталин создал Бюро Президиума? Ему было, видимо, неудобно сразу

вышибать Молотова и Микояна, и он сделал расширенный Президиум, а потом

выбрал Бюро узкого характера. Как он сказал, для оперативного руководства. И

туда ни Молотова, ни Микояна не ввел, то есть "подвесил" их. Я убежден, что

если бы Сталин прожил еще какое-то время, то катастрофой кончилась бы жизнь

и Молотова, и Микояна. Вообще же сразу после XIX съезда партии Сталин повел

политику изоляции Молотова и Микояна, не приглашал их никуда, ни на дачу, ни

на квартиру, ни в кино, куда мы прежде ходили вместе.

Но Ворошилов был избран в Бюро Президиума. Характерно для Сталина, что

как-то, когда мы сидели у него за затянувшейся трапезой, он вдруг говорит:

"Как пролез Ворошилов в Бюро?". Мы не смотрим на него, опустили глаза.

Во-первых, что за выражение "пролез"? Как это он может "пролезть"? Потом мы

сказали: "Вы сами его назвали, и он был избран". Больше Сталин эту тему не

развивал. Однако его заявление понятно, потому что Ворошилова еще до XIX

съезда он не привлекал к работе как члена Политбюро: никакого участия тот в

заседаниях не принимал, документов не получал. Сталин же говорил нам в узком

кругу, что подозревает Ворошилова как английского агента. Невероятные,

конечно, глупости. А Молотова он как-то "заподозрил" в моем присутствии. Я

находился на даче у Сталина, кажется, в Новом Афоне. И вдруг ему взбрело в

голову, что Молотов является агентом американского империализма, продался

американцам, потому что ездил, будучи по делам в США, в железнодорожном

салон-вагоне. Значит, имеет свой вагон, продался! Мы разьясняли, что у

Молотова никаких своих вагонов не могло быть, там все принадлежит частной

железнодорожной компании. Вот какие затмения находили уже на Сталина в

последние месяцы его жизни.

И вот как-то в субботу от него позвонили, чтобы мы пришли в Кремль. Он

пригласил туда персонально меня, Маленкова, Берию и Булганина. Приехали. Он

говорит: "Давайте посмотрим кино". Посмотрели. Потом говорит снова:

"Поедемте, покушаем на ближней даче". Поехали, поужинали. Ужин затянулся.

Сталин называл такой вечерний, очень поздний ужин обедом. Мы кончили его,

наверное, в пять или шесть утра. Обычное время, когда кончались его "обеда".

Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа. Ничто не

свидетельствовало, что может случиться какая-то неожиданность.

Когда выходили в вестибюль, Сталин, как обычно, пошел проводить нас. Он

много шутил, замахнулся, вроде бы пальцем, и ткнул меня в живот, назвав

Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня

по-украински Микитой. Распрощались мы и разъехались.

Мы уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не

случилось, а не всегда обеды кончались в таком добром тоне. Разъехались по

домам. Я ожидал, что, поскольку завтра выходной день, Сталин обязательно нас

вызовет, поэтому целый день не обедал, думал, может быть, он позовет

пораньше? Потом все же поел. Нет и нет звонка! Я не верил, что выходной день

может быть пожертвован им в нашу пользу, такого почти никогда не

происходило. Но нет! Уже было поздно, я разделся, лег в постель.

Вдруг звонит мне Маленков; "Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал

фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со

Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берию и

Булганина. Отправляйся прямо туда". Я сейчас же вызвал машину. Она была у

меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут

15. Мы

условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: "В

чем дело?" Они: "Обычно товарищ Сталин в такое время, часов в 11 вечера,

обязательно звонит, вызывает и просит чаю. Иной раз он и кушает. Сейчас

этого не было". Послали мы на разведку Матрену Петровну, подавальщицу,

немолодую женщину, много лет проработавшую у Сталина, ограниченную, но

честную и преданную ему женщину.

Чекисты сказали нам, что они уже посылали ее посмотреть, что там такое.

Она сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит, а под ним подмочено.

Чекисты подняли его, положили на кушетку в малой столовой. Там были малая

столовая и большая. Сталин лежал на полу в большой столовой. Следовательно,

поднялся с постели, вышел в столовую, там упал и подмочился. Когда нам

сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы

посчитали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое

присутствие, раз он находится в столь неблагоприятном положении. Мы

разъехались по домам.

Прошло небольшое время, опять слышу звонок. Вновь Маленков: "Опять

звонили ребята от товарища Сталина. Говорят, что все-таки что-то с ним не

так. Хотя Матрена Петровна и сказала, что он спокойно спит, но это необычный

сон. Надо еще раз съездить". Мы условились, что Маленков позвонит всем

другим членам Бюро, включая Ворошилова и Кагановича, которые отсутствовали

на обеде и в первый раз на дачу не приезжали. Условились также, что вызовем

и врачей. Опять приехали мы в дежурку. Прибыли Каганович, Ворошилов, врачи.

Из врачей помню известного кардиолога профессора Лукомского(1). А с ним

появился еще кто-то из медиков, но кто, сейчас не помню. Зашли мы в комнату.

Сталин лежал на кушетке. Мы сказали врачам, чтобы они приступили к своему

делу и обследовали, в каком состоянии находится товарищ Сталин. Первым

подошел Лукомский, очень осторожно, и я его понимал. Он прикасался к руке

Сталина, как к горячему железу, подергиваясь даже. Берия же грубовато

сказал: "Вы врач, так берите, как следует".

Лукомский заявил, что правая рука у Сталина не действует. Парализована

также левая нога, и он не в состоянии говорить. Состояние тяжелое. Тут ему

сразу разрезали костюм, переодели и перенесли в большую столовую, положили

на кушетку, где он спал и где побольше воздуха. Тогда же решили установить

рядом с ним дежурство врачей. Мы, члены Бюро Президиума, тоже установили

свое постоянное дежурство. Распределились так: Берия и Маленков вдвоем

дежурят, Каганович и Ворошилов, я и Булганин. Главными "определяющими" были

Маленков и Берия. Они взяли для себя дневное время, нам с Булганиным выпало

ночное. Я очень волновался и, признаюсь, жалел, что можем потерять Сталина,

который оставался в крайне тяжелом положении. Врачи сказали, что при таком

заболевании почти никто не возвращался к труду. Человек мог еще жить, но что

он останется трудоспособным, маловероятно: чаще всего такие заболевания

непродолжительны, а кончаются катастрофой.

Мы видели, что Сталин лежит без сознания и не сознает, в каком он

состоянии. Стали кормить его: с ложечки давали бульон и сладкий чай.

Распоряжались там врачи. Они откачивали у него мочу, он же оставался без

движения. Я заметил, что при откачке он старался как бы прикрыться, чувствуя

неловкость. Значит, что-то сознает. Днем (не помню, на какой именно день его

заболевания) Сталин пришел в сознание. Это было видно по выражению его лица.

Но говорить он не мог, а поднял левую руку и начал показывать не то на

потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки.

Потом стал жать нам руки. Я ему подал свою, и он пожал ее левой рукой,

правая не действовала. Пожатием руки он передавал свои чувства. Тогда я

сказал: "Знаете, почему он показывает нам рукой? На стене висит вырезанная

из "Огонька" репродукция с картины какого-то художника. Там девочка кормит

из рожка ягненка. А мы поим товарища Сталина с ложечки, и он, видимо,

показывая нам пальцем на картину, улыбается: мол, посмотрите, я в таком же

состоянии, как этот ягненок".

Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против

него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать!

Интересно впрочем, что как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что

может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку

и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза,

Берия поднялся на ноги и плюнул на пол. Вот истинный Берия! Коварный даже в

отношении Сталина, которого он вроде бы возносил и боготворил.

Наступило наше дежурство с Булганиным. Мы и днем с ним приезжали на дачу

к Сталину, когда появлялись профессора, и ночью дежурили. Я с Булганиным

тогда был больше откровенен, чем с другими, доверял ему самые сокровенные

мысли и сказал: "Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком

положении, что Сталин вскоре умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят,

что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?". - "Какой?". Он

возьмет пост министра госбезопасности (в ту пору Министерства

государственной безопасности и внутренних дел были разделены). Нам никак

нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность - это будет начало

нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он

это сделает!"

Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем

действовать. Я ему: "Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков такого же

мнения, он ведь должен все понимать. Надо что-то сделать, иначе для партии

будет катастрофа". Этот вопрос касался не только нас, а всей страны, хотя и

нам, конечно, не хотелось попасть под нож Берии. Получится возврат к 1937 -

1938 годам, а может быть, даже похуже. У меня имелись сомнения: я не считал

Берию коммунистом и полагал, что он просто пролез в партию. У меня маячили в

сознании слова Каминского, что во время гражданской войны, когда англичане

оккупировали Баку, он был агентом их контрразведки; что это волк в овечьей

шкуре, влезший в доверие к Сталину и занявший высокое положение. Сам Сталин

тяготился им. Мне казалось, что были дни, когда Сталин боялся Берии.

На подобные мысли наталкивал меня и такой инцидент, хочу о нем

рассказать. Как-то сидели мы у Сталина. Вдруг он смотрит на Берию и говорит:

"Почему сейчас у меня окружение целиком грузинское? Откуда оно взялось?".

Берия: "Это верные вам, преданные люди". - "Но отчего это грузины верны и

преданы? А русские, что, не преданы и не верны, что ли? Убрать!". И

моментажно как рукой сняло этих людей. Берия был способен через своих людей

сделать со Сталиным то, что проделывал с другими людьми по поручению того же

Сталина: уничтожать, травить и прочее. Поэтому Сталин, видимо (если

рассуждать за него), считал, что Берия способен сделать то же самое и с ним.

Значит, надо убрать окружение, через которое Берия имеет доступ и в покои, и

к кухне. В те дни Берия ходил как побитый.

Но Сталин не понимал по старости, что тогдашний нарком госбезопасности

Абакумов(2) докладывает ему обо всем уже после того, как доложит Берии и

получит указания, как сообщить Сталину. Сталин думал, что он выдвинул

свежего человека и тот делает только то, что велит Сталин. В ту же сторону

раскрутилось "мингрельское дело". Сталин продиктовал тогда решение (и оно

было опубликовано), что мингрелы связаны с турками, что среди них есть лица,

которые ориентируются на Турцию. Конечно, чепуха! Я считаю, что тут имела

место акция, направленная Сталиным против Берии, потому что Берия - мингрел.

Таким образом, он готовил удар против Берии. Тогда много было произведено

арестов, но Берия ловко вывернулся: влез в это дело как "нож Сталина" и сам

начал расправу с мингрелами. Бедные люди. Тащили их тогда на плаху, как

баранов.

Существовали и другие факты, которые свидетельствовали о вероломстве

Берии, о недоверии Сталина к Берии. Итак, поговорили мы обо всем с

Булганиным, кончилось наше дежурство, и я уехал домой. Хотел поспать, потому

что долго не спал на дежурстве. Принял снотворное, лег. Только лег, но еще

не уснул, услышал звонок. Маленков: "Срочно приезжай, у Сталина произошло

ухудшение. Выезжай срочно!" Я сейчас же вызвал машину. Действительно, Сталин

был в очень плохом состоянии. Приехали и другие. Все видели, что Сталин

умирает. Медики сказали нам, что началась агония. Он перестал дышать. Стали

делать ему искусственное дыхание. Появился какой-то огромный мужчина, начал

его тискать, совершать манипуляции, чтобы вернуть дыхание. Мне, признаться,

было очень жалко Сталина, так тот его терзал. И я сказал: "Послушайте,

бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не

вернуть". Он был мертв, но ведь больно смотреть, как его треплют. Ненужные

манипуляции прекратили.

Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и умчался в Москву

с "ближней" дачи. Мы решили вызвать туда всех членов Бюро или, если

получится, всех членов Президиума ЦК партии. Точно не помню. Пока они ехали,

Маленков расхаживал по комнате, волновался. Я решил поговорить с ним. "Егор,

- говорю, - мне надо с тобой побеседовать". "О чем?" - холодно спросил он.

"Сталин умер. Как мы дальше будем жить?" - "А что сейчас говорить? Съедутся

все, и будем говорить. Для этого и собираемся". Казалось бы, демократический

ответ. Но я-то понял по-другому, понял так, что давно уже все вопросы

оговорены им с Берией, все давно обсуждено. "Ну, ладно, - отвечаю, -

поговорим потом".

Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер. Приехала и Светлана. Я

ее встретил. Когда встречал, сильно разволновался, заплакал, не смог

сдержаться. Мне было искренне жаль Сталина, его детей, я

душою оплакивал его

смерть, волновался за будущее партии, всей страны.
Чувствовал, что сейчас

Берия начнет заправлять всем. А это - начало конца. Я не
доверял ему, не

считал уже его коммунистом. Я считал его способным на все,
быстрым на

расправу мясником и убийцей.

И вот пошло распределение "портфелей". Берия
предложил назначить

Маленкова председателем Совета Министров СССР с
освобождением его от

обязанностей секретаря ЦК партии. Маленков предложил
утвердить своим первым

заместителем Берию и слить два министерства, госбезопасности
и внутренних

дел, в одно Министерство внутренних дел, а Берию назначить
министром. Я

молчал. Молчал и Булганин. Тут я волновался, как бы
Булганин не выскочил не

вовремя, потому что было бы неправильно выдать себя заранее.
Ведь я видел

настроение остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что
мы против, нас бы

обвинили большинством голосов, что мы склочники,
дезорганизаторы, еще при

неостывшем трупe начинаем в партии драку за посты. Да, все
шло в том самом

направлении, как я и предполагал.

**Молотова тоже назначили первым замом предсовмина.
Кагановича - замом.**

**Ворошилова предложили избрать председателем Президиума
Верховного Совета**

**СССР, освободив от этой должности Шверника. Очень
неуважительно выразился в**

**адрес Шверника Берия: сказал, что его вообще никто в стране
не знает. Я**

**видел, что тут налицо детали плана Берии, который хочет
сделать Ворошилова**

**человеком, оформляющим в указах то, что станет делать Берия,
когда начнет**

**работать его мясорубка. Меня Берия предложил освободить от
обязанностей**

**секретаря Московского комитета партии с тем, чтобы я
сосредоточил свою**

**деятельность на работе в ЦК партии. Провели мы и другие
назначения. Приняли**

**порядок похорон и порядок извещения народа о смерти
Сталина. Так мы, его**

**наследники, приступили к самостоятельной деятельности по
руководству**

государством и партией.

Примечания

**(1) ЛУКОМСКИЙ П. Е. (1899 - 1976) - видный терапевт,
профессор, зав.**

**кафедрами ряда медицинских институтов, академик АМН
СССР с 1963 г.,**

**заслуженный деятель науки РСФСР с 1967 г., Герой
Социалистического Труда с**

1969 г., главный редактор журнала "Кардиология" с 1966 г.

**(2) АБАКУМОВ В. С. (1908-1954) - член ВКП(б) с 1930 г.,
работал в НКВД с**

**1932 г., в 1946-1951 гг. министр государственной безопасности
СССР, в июне**

**1951 г. исключен из партии, расстрелян согласно решению
Военной коллегии**

**Верховного суда СССР от 19. XII. 1954 г. по уголовному делу
Абакумова и его**

**подчиненных Леонова А. Г., Комарова В. И., Лихачева М. Т.,
Чернова И. А. и**

Бровермана Я. М.

МОИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАЛИНЕ

**Часто знакомые, товарищи или случайно встреченные мною
люди, заводя**

**беседу, спрашивают, пишу ли я мемуары. Я обычно отвечаю:
"Нет". Они выражают**

**сожаление и упрекают меня: мол, такие воспоминания будут
очень нужны в**

**будущем, чтобы лучше и глубже разобраться в жизни страны,
партии, народа в**

тот период, когда я жил, работал, многие годы был близок к

руководству, а

потом входил в это руководство. Раньше, может быть, я этого не понимал и не

брался за это дело. Но, видимо, люди все-таки правы, и я кое-что хочу

записать дополнительно к рассказанному мною выше. Здесь я поставлю вопрос о

Сталине в общей форме.

Многие спрашивают о Сталине как о человеке: и о его привычках, и о его

стиле руководства. В головах ряда граждан царит путаница в вопросе о

Сталине, потому что о нем говорят и доброе, и дурное. Так было и так будет,

вероятно, со многими историческими личностями. Тем более что и в самой жизни

у Сталина переплелось и то, и другое. Требуется разделение! И вот я хочу

высказать свое мнение об общей роли Сталина во второй мировой войне и о

значении его руководства страной в тот период, а также ответить на трудный

вопрос, что произошло бы, если бы Сталина вовсе не было. Этот вопрос самый

тяжелый, и не только потому, что случившееся не переделаешь, но и потому,

что не найдется судьи, который определил бы на точных весах, кто прав и кто

не прав. Мои выводы основываются на длительном и тесном

общении со Сталиным

и перед началом войны, и во время войны, и после нее. Я мог наблюдать, как

менялись с течением времени поведение Сталина, его оценка различных событий

и своих действий, своей роли в войне. Я видел и слышал, как он поступал, что

говорил в период поражений и в период побед.

Некоторые люди реагируют в первую очередь на то обстоятельство, что

Сталин сделал много злого для партии и для народа, уничтожил много честных

людей, даже героических, преданных делу партии, активных участников

строительства социализма. А некоторые люди утверждают, что хотя это верно,

но все-таки в той большой войне мы одержали победу главным образом потому,

что нами руководил именно Сталин, а если бы не Сталин, то неизвестно, смогли

бы мы справиться с врагом и победить его. С последней точкой зрения я никак

не могу согласиться, независимо даже от моего взгляда на Сталина, независимо

от того, каков Сталин и какую он сыграл роль в организации отпора врагу, в

разгроме гитлеровских полчищ. Независимо ни от чего не смогу согласиться с

таким истолкованием событий потому, что это - рабская точка

зрения.

Только рабам, которые не могут подняться с колен и
взглянуть дальше

головы господина, обязательно нужен кто-то, кто думал бы за
них, все

организовывал за них, на кого можно свалить в случае
несчастья вину и кому

можно приписать при удаче успехи. Это рабская психология.
Она не только

абсолютно несостоятельна, но и очень опасна. Это вообще не
марксистская и не

научная, а обывательская философия. Достаточно напомнить,
что Сталин умер, а

жизнь, борьба не прекратились, продолжают, общество
меняется, развивается,

не стоит на месте.

Если начнется новая мировая война, то она будет еще более
кровопролитной

и потребует большего количества жертв, такого, которое
трудно даже

вообразить, потому что война требует жертв в геометрической
прогрессии в

соответствии с периодом, когда она ведется, и с
вооружением, которым

обладают армии. Сейчас вооружение атомное, ракетное. Одни
потери имели

место, когда люди сходились врукопашную и били один
другого дубинками,

позднее - копьями и секирами. Когда появились винтовки и

пулемет, вообще

скорострельное оружие, война потребовала гораздо больших жертв, потому что

средства истребления стали более совершенными. Когда появились самолеты и

авиабомбы, многие считали, что теперь война стала немыслимой, столько она

потребует человеческих жизней! Но нет, разразилась очередная война, и в ней

погибли десятки миллионов людей. Один Советский Союз потерял свыше 20

миллионов человек.

Если же начнется ракетно-ядерная война, то трудно даже сейчас себе

представить, во что она выльется. Это будет не фронтовая война, то есть

армии не будут стоять одна против другой. Война будет вестись и в глубоком

тылу, на всей территории стран, охваченных ею, потому что сейчас доставка

средств истребления уже не ограничена пространством, и можно обстреливать и

уничтожить буквально весь земной шар.

Как же нам быть без Сталина? Кто теперь будет думать о нас? Кто станет

организовывать армию, страну, промышленность? Ясно, что это - глупые

рассуждения. Народ был и остается главной силой. Конечно, роль личностей в

**истории человечества, включая организацию обороны, велика.
Но обожествлять**

**кого бы то ни было нельзя. И не только потому, что это
извращает верную**

**оценку, но и потому, что это размагничивает массы,
притупляет их волю к**

**победе, сковывает инициативу. Нет героя, он исчез, и что же,
мы погибли?**

**Конечно, это неправильно. Недаром поется: "Добьемся мы
освобожденья своею**

**собственной рукой". Если загородиться, как щитом, каким-то
героем, а потом,**

**лишившись этого героя, вроде как обречь себя на гибель, то это
будет просто**

вредно.

**И все же, какой была роль Сталина, положительной или
нет? При всей**

**субъективной направленности его действий она была
положительной в том**

**смысле, что он оставался марксистом в основных подходах к
истории, был**

**человеком, преданным марксистской идее, все делал, что было в
его силах, для**

**победы дела рабочего класса, трудового народа, в данном
случае - для**

**разгрома гитлеровских орд. Таково было его субъективное
желание. Иной**

**вопрос, как он для этого поступал практически. Чем обернулись
для страны его**

реальные поступки, я уже говорил. Тут и истребление командного состава, и

истребление ядра большевистской партии. Уничтожены были прежде всего старые

большевики ленинского поколения. Это ослабило или усилило нашу страну?

Безусловно, ослабило.

После уничтожения того передового ядра людей, которое выковалось в

царском подполье под руководством Ленина, развернулось далее повальное

истребление руководящих партийных, советских, государственных, научных и

военных кадров, а также миллионов рядовых людей, чей образ жизни и чьи мысли

Сталину не нравились. Кто их истреблял? Сталин. Почему? Он считал, что это

делается во имя идей партии, во имя нового общества. Он не доверял всем этим

людям. Некоторые из них, конечно, перестали поддерживать его, когда увидели,

куда он нас тащит. Сталин понял, что есть большая группа лиц, настроенных к

нему оппозиционно.

Оппозиционные настроения - это еще не значит антисоветские,

антимарксистские, антипартийные настроения. Нет, просто эти люди хотели

замены Сталина в руководстве. Но этого хотел еще Ленин.

Следовательно, это

не антиленинцы, а люди, которые стояли на позициях Ленина, считая, что

Сталин по своему характеру не может долее пребывать на прежнем посту и его

следует заменить. Коммунисты, которые на XVII съезде партии проголосовали

против Сталина, хотели выполнить именно то, что Ленин рекомендовал в своем

завещании.

Сталин уничтожил их. Почему? Потому что он себя считал незаменимым, тем

единственным человеком, который действительно является марксистом и имеет

право на руководство страной. Добавлялась также его неумная жажда власти.

Но это как раз и есть те черты характера, о которых говорил Ленин в

предсмертном завещании: способность злоупотреблять самой властью. И Сталин

злоупотребил властью во вред Советскому Союзу и коммунистам во всем мире. Он

нанес удар по марксистско-ленинским кадрам не только внутри своей страны, но

и по братским партиям, по Коминтерну, по всем, кого он подозревал, что они

могут сочувствовать несогласным с ним. И они тотчас стали анитимарксистами,

контрреволюционерами и "врагами народа".

Он выдумал и продвинул в жизнь такое пугало, и оно сыграло свою роль.

Враги народа! Вредители! Он запугал и запутал людей, которые беспредельно

верили ему, верили, что он делает все на благо партии и народа. Конечно,

трудно было разобраться. Ведь раньше действительно существовали и враги

революции, и враги трудового народа, и вредители. Но это были не те люди,

против которых он направил меч и тем самым ослабил страну, партию и армию,

дав возможность врагу нанести огромный урон Советскому Союзу. Если бы Сталин

так не поступил, то (я абсолютно убежден) наша армия имела бы достаточно сил

и средств, чтобы разгромить врага еще на границе, коль скоро он осмелился бы

напасть на нашу страну. О таком исходе усиленно шла болтовня во времена

наркома Ворошилова и "Ворошиловских стрелков": "Ни пяди земли врагу! Ни шагу

назад! Если война будет навязана, то она будет вестись на территории

противника!" А что потом получилось, все знают.

Конечно, Сталин хотел победы. Но когда он увидел результаты своего

"труда" по уничтожению кадров, увидел, что армия обескровлена и ослаблена, а

люди, которые пришли к ее руководству, недостаточно опытные, недостаточно

подготовлены и не умеют командовать; и даже ранее того, когда он увидел, что

наша армия получила достойный отпор от маленькой Финляндии, что ее

замечательный, героический народ мужественно защищал свою страну и нанес нам

большой урон; когда Сталин все это увидел, у него появился какой-то

физический, животный страх перед Гитлером. И он все делал, чтобы ублажить

Гитлера. Но у Гитлера имелись свои планы. Гитлер поставил целью жизни

уничтожить большевизм. И поэтому умягчить его, уговорить отказаться от войны

было невозможно. Тут воля Сталина была парализована волей врага.

Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина, когда ему доложили о

начале войны. Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что

это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался

спрятаться за собственные иллюзии. Затем военные доказали ему, что прятаться

поздно, и ему пришлось поверить, что действительно началась война с

Германией. Ему стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских

войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, - его

панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным,

растерянным. Членам Политбюро, собравшимся у него в кабинете, он сказал:

"Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы про... Все погребло". И,

ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу, а потом

некоторое время никого не принимал.

Берия рассказывал, что все остались в растерянности. Но потом решили

наметить некоторые практические мероприятия. Ведь шла война, надо было

действовать. Обсудив дела, они решили сами поехать к Сталину. Сейчас не

помню, кто туда поехал кроме Берии, но он был не один. Сталин принял их, и

они начали убеждать его, что еще не все потеряно, что у нас большая страна,

мы можем собраться с силами и дать отпор врагу, убеждали его вернуться к

руководству и возглавить оборону страны. Сталин согласился, вернулся в

Кремль и опять приступил к работе, выступил по радио. Это было его

знаменитое выступление 3 июля 1941 года. Но еще долгое время он не

подписывал сам никаких директив. На всех верховных документах стояла

подпись: "Ставка". А он начал подписываться как Верховный главнокомандующий

только тогда, когда наши войска стали оказывать серьезное сопротивление

фашистам. Вот что рассказал Берия о состоянии Сталина в начале войны.

Конечно, с таким настроением трудно было решительно предпринять что-либо,

чтобы сдержать агрессивность Гитлера. Если бы Сталин умер к началу второй

мировой войны, то есть в 1939 г., то и Великая Отечественная война могла

пойти по другому руслу. Страна лучше подготовилась бы к ней. А так он все

взял на себя и ошибся. Трудно даже приблизительно оценить то зло, которое он

принес стране. Он подчистую уничтожал все, что, как он считал, ему

сопротивлялось. Смотрел, бывало, на близкого человека и говорил ему: "Что

это у вас глаза бегают?" Имелись случаи, когда после этого люди кончали свою

жизнь. Все зависело от его настроения. Не существовало никакого суда,

никакого следствия, никакого настоящего разбирательства. С людьми

расправлялись подготовленные им опричники, которые бросались на любого,

достаточно было Сталину шевельнуть в ту сторону мизинцем. И он так привык к

этому, что после войны говорил, когда решил расправиться с Тито: "Пальцем

пошевелю, и не будет Тито". С Тито у него не вышло. Но внутри страны он

загубил, уничтожил миллионы людей.

Так что, если все суммировать и подвести итоги, убежден: если бы Сталина

не было, то война развивалась бы для нас удачнее. Ведь в истории много было

войн. Наполеон тоже напал на

Россию, подготовив огромную армию, и тоже напал вероломно. Не раз

случались войны, начинавшиеся вероломным нападением. В 1812 г. Александр I

(нужно отдать ему должное), сам ли он пришел к разумному решению или ему

посоветовали, оставил фронт и уехал в Петербург, назначив позднее

командовать Кутузова. Кутузов был уже старик, который засыпал на заседаниях

Военного совета. Но ему верил народ, и он знал общую верную линию. Народ все

сделал для того, чтобы изгнать французов, и добился этого под руководством

Кутузова. К счастью для страны и для Кутузова как главнокомандующего, тогда

средства связи были слишком ограничены, и Александр I,

приехав в Петербург,

**был физически лишен возможности вмешиваться
непосредственно в дела**

**командования. Но в наше время Сталин, находясь в Москве,
имел возможность**

**напрямую вмешиваться во все, и подчас его вмешательство
стоило многих жизней**

**на фронте. А в конце концов мы под руководством Сталина
одержали победу, но**

**с чересчур большими жертвами, невероятными потерями. Без
Сталина враг явно**

был бы разгромлен с меньшими потерями.

**Если случится воевать в будущем, то при правильном
использовании ресурсов**

**страны, при правильной организации работы по подготовке к
войне и новая**

**война окажется для нас победной. Возможно так же, что наша
мощь заранее**

**поможет избежать войны. Каждая страна имеет разведку и
информирована более**

**или менее о вооружении и общем состоянии своего
противника. Перспектива**

**столкновения с хорошо подготовленной армией охлаждает
любые горячие головы.**

**Я не могу сказать, что можно исключить войну вообще. Это
вопрос классовый.**

**Пока существуют классы, существует и возможность войны.
Поэтому готовиться к**

войне нужно. Но если партия правильно понимает свою

задачу, связана с

массами, умеет организовать массы, промышленность и сельское хозяйство, то

она может и должна добиться того, чтобы любая война была губельной для той

стороны, которая нападет на Советский Союз.

Тут я еще раз повторяю, что нам неприемлема рабская психология: вот

родился Сталин, и мы вручаем ему свою судьбу. Тогда получается, что если он

умер и страна обезглавлена, то она лишилась какого-то корня, на котором все

держалось. Это глупо! Был Маркс и был Ленин, а он неровня Сталину. То был

действительно вождь, который предвидел все на много лет вперед. Он, вместе с

Плехановым заложив основы партии, организовал борьбу рабочего класса в

России. Да, так и получилось, что он гениально все предопределил. А жил он

совсем мало, но успел провести страну через гражданскую войну, во время

которой выросли герои. Это были люди энтузиазма, они жили идеями Ленина,

сами порою не разбираясь глубоко в сути дела. Но они хотели победы народа и

верили, что Ленин стоит за народ, против буржуев и помещиков. И народ под

руководством Ленина одержал победу над врагами революции.

Потом Ленин определил дальнейшее развитие нашей страны, ее промышленности

и культуры. К сожалению, он очень рано умер. Народ его оплакивал, но

страна-то выжила и двигалась вперед. Мы перестроили хозяйство, образование,

культуру, добились многого. Если бы Сталин не нанес вреда СССР, когда начал

истреблять кадры, наше продвижение вперед было бы еще успешнее. Начало такой

войне с народом было положено в 1934 г., когда был убит Киров. Он был убит,

я в этом убежден, по заданию Сталина, для того чтобы встряхнуть народ,

запугать его: вот, дескать, враг протянул свои щупальца и убил Кирова,

теперь угрожает всему руководству страны и партии.

Народ поверил во "врагов" и поддерживал тирана, который по собственному

выбору, как в стаде баранов, выбирал и резал людей, кого - открыто, а кто

просто исчезал без следа. Разве это действия настоящего марксиста? Это

поступки деспота или больного человека. Получилось, что во имя революции, во

имя народа он истреблял цвет народного руководства и партии и даже сами

народные массы. Подобным действиям не может быть оправдания. Произошло

страшное дело, а сейчас некоторые доказывают, что только такой человек

привел нас к победе, а если бы его не было, то мы могли бы погибнуть. Нет,

нет и нет! Я не согласен, это рабское понимание вещей противоречит

марксистско-ленинскому учению. И очень жаль, что некоторые наши крупные

политические, научные и военные деятели впадают в такую ошибку.

С другой стороны, Сталин оставался в принципе (а не в конкретных

поступках) марксистом. И, если исключить его болезненную подозрительность,

жестокость и вероломство, оценивал ситуацию правильно и трезво. Он сам не

раз в моем присутствии клеймил раболепство, говорил: "Философия

противопоставления героических личностей толпе - это эсеровская философия.

Люди, которые стоят на таких позициях, - не марксисты. А мы верим в массы, в

народ, который сам всегда выделяет в нужное время своих вождей". Только

слова у него расходились с делами. Поэтому, говоря о ходе истории, надо

придерживаться фактов, сопоставлять их, ничего не замалчивая, и тогда роль

каждой личности на том или ином этапе будет ясна. Я хочу придерживаться

именно этого принципа, хотя подчас это трудно, потому что восприятие событий

каждым человеком поневоле субъективно.

Когда умер Сталин и мы остались без него, мы вначале оплакивали свое

положение, находясь в состоянии психологического шока. Не все знали, что нам

делать, как у нас все пойдет без Сталина. Зато ликовал Берия. Большинство в

составе руководства оценивало его как зловещую фигуру. Все знали о его

скверном влиянии на Сталина. И все же не Берия выдумал Сталина, а Сталин

выдумал Берия. До Берии был в НКВД Ягода. Из него Сталин сделал преступника,

руками его людей убив Кирова. После Ягоды был Ежов, Сталин сделал и из него

убийцу. После Ежова пришел Берия и потом вместе с ним Абакумов, человек

нисколько не лучше Берии, только глупее. Берия же был из них всех наиболее

опасен, потому что он был умен и обладал большими способностями

организатора. Тем не менее, мы справились с положением, вышли из шока,

вызванного смертью Сталина, и дела у нас пошли значительно лучше, чем при

Сталине. Однако тут я заговорил уже о послевоенных делах.

Возвращаясь к предвоенному времени, вновь напомню, что

мы начали войну

при недостатке вооружения и с неотмобилизованной, не полностью

подготовленной армией, хотя именно Сталин лучше всех знал, что война

неизбежна. Но он был парализован Гитлером, как кролик - удавом, боялся

всякого внешне заметного решительного шага по укреплению границы, считая,

что Гитлер может это расценить как нашу подготовку к нападению на него. Он

так и сказал нам, когда мы с Кирпоносом предложили мобилизовать колхозников

для рытья вдоль границы противотанковых рвов и прочих укреплений. Сталин

заявил, что это будет провокацией, это делать нельзя. Значит, хотя Сталин

был убежден, что Гитлер нападет на нас, он понадеялся, что ему, может быть,

удастся отвести удар от страны. Чем это кончилось, всем известно. И удар не

отвел, и страну подставил.

Точка зрения, что только личность Сталина вывела страну из кризиса,

созданного войной, и что армия победила в результате гениального руководства

Сталина, полностью несостоятельна. Армия победила бы и без Сталина, и даже с

меньшими потерями. Ведь наша армия боролась за свою землю,

за свой народ, за

свою жизнь, за свое будущее, а вовсе не за Сталина. Лозунг "За Сталина!"(1)

- это результат неправильного восприятия вещей, настойчиво продвигавшийся в

жизнь по политическим соображениям.

Сталин сам преувеличивал свою роль и воспитывал людей в подхалимском

духе, осуждая при этом в узком кругу идею возвеличивания своей личности.

Хотя тут же не особенно мешал Кагановичу, который за сталинским столом

всегда твердил: "Вот Сталин! Сталин то, Сталин это, без Сталина мы ничто".

Тут обычно Сталин поднимал голос и говорил, что это эсеровская точка зрения,

и сам же побуждал Кагановича на еще большую "активность".

Я искренне сожалею о тех, кто по своему недопониманию верит, что без

Сталина мы не добились бы никаких хороших результатов. Такая незрелость

общественного сознания может в будущем привести к вредным рецидивам. Никто

не должен рассчитывать, что народ забывает о потерях, о зле, случившемся по

воле бывших руководителей. Хотя некоторым "забывчивость" пришлось бы по

праву. Много написано о Чингисхане. Мао Цзэдун, например, называл его

героем(2). Много написано положительного о Наполеоне, несмотря на то, что он

загубил сотни тысяч людей. Все они государственные убийцы. Они

организовывали на войну народ, организовывали свои армии и вели их на смерть

ради своих интересов. Это не те убийцы, которые ночью с кинжалом и

револьвером убьют одного-двух людей, чтобы ограбить их. Нет, такие люди

грабили целые народы, наносили вред всему человечеству. Надо вести верную

воспитательную работу в осуждение этого, правильно ориентировать молодежь,

воспитывать народ в духе правильного понимания роли личностей в истории, их

ответственности перед историей и славить не убийц и тиранов, а созидателей

мирной жизни.

Хочу теперь рассказать о тех людях, которые жили идеями

марксизма-ленинизма и отдавали все свои силы для утверждения этих идей. Как

могло случиться, что наши лучшие люди, которые прошли вместе с Лениным

великий путь от создания партии большевиков до свершения Октябрьской

революции, погибли как "враги народа", как враги партии, как враги идей

социализма и коммунизма"? Неужели Ленин не смог разобраться, когда подбирал

этих людей и работал с ними? Неужели это была ошибка Ленина? Конечно, и

великие люди могут ошибаться. Был у нас в партии провокатор от охраны Роман

Малиновский(З), человек, который тоже пользовался доверием Ленина.

Существовали и другие провокаторы. Но их подсылали жандармы. Люди же, о

которых я говорю, прошли путь настоящей борьбы вместе с Лениным и показали

себя и до, и после революции преданными делу коммунистической партии. И

именно они были замучены, погибли, были уничтожены без суда и следствия в

сталинское время. Некоторых из них вроде бы судили, но это был Шемякин суд,

который все делал так, как ему было приказано. То был суд, творивший

расправу в угоду одной личности.

Постараюсь объективно осветить этот сложный вопрос, рассказав, как я

понимал происходящее и что мне стало известно уже после смерти Сталина.

После XX съезда КПСС была создана комиссия, которая специально занималась

изучением этого вопроса. О результатах расследования она докладывала мне как

первому секретарю ЦК партии. Что же выяснилось? Почему Сталин, который тоже

был близок к Ленину и тоже вместе с Лениным и под руководством Ленина

занимался подготовкой торжества марксистско-ленинских идей, оказался таким

несостоятельным в своих поступках? Как связать одно с другим? Может быть,

Сталин переродился и вообще выступил против идей социализма, а потому и

губил его сторонников? Вовсе нет. Сталин оставался в принципе верен идеям

социализма. Но по своему характеру он был диктатором, был человеком, который

не слушал и не хотел слушать никого, кроме самого себя. Тут - особенность

его личности. Если такая особенность присуща маленькому человеку, страдают

семья и соседи. Если же она свойственна лицу, занимающему высокое положение,

страдают массы.

Люди хотели мыслить, обсуждать, советоваться. Это нормально. Но если

оказывалось, что их рассуждения не совпадали с пониманием дела Сталиным, то

начиналась естественная борьба идей. При обычном состоянии общественных

отношений идет спор. Но в результате особенностей характера Сталина такие

люди становились личными врагами Сталина, а своих врагов он называл врагами

социализма. Врагов же надо уничтожать. И он их уничтожал. Некоторые люди

говорят: "Ведь Сталин выступал за революцию, за коммунизм, как же он мог

такое проделать?" Другие сомневаются, что злоупотребления были

санкционированы Сталиным. Дескать, в них виновны Ягода, Ежов, Берия,

Абакумов и их присные.

Подобные рассуждения несостоятельны, потому что ни Ежов, ни Берия не

толкали сами Сталина на такой путь. Не они подбирали себе шефа, а шеф

подбирал подручных по своему вкусу. Если бы Сталину не были угодны Ежов или

Берия, он легко мог их заменить, это для него не составляло никаких

затруднений. Сталину же нужны были и Ягода, и Ежов, и Берия, и Абакумов,

чтобы спрятать концы в воду; он выдвинул Ежова и уничтожил Ягоду, выдвинул

Берию и его руками уничтожил Ежова. Тем самым он считал, что теперь все его

личное участие в том, что творили эти

Малюты Скуратовы(4), навсегда спрятано. Сначала все было свалено на

"Ежовщину". На смену пришла "бериевщина", потому что

Берия продолжал то же

**дело и с такой же свирепостью и зверством, как Ежов. Берия
Сталин убрать не**

успел. Сам помер.

**С чего же все началось? Почему Сталин вообще встал на этот
путь? Ведь в**

**первые годы после смерти Ленина Сталин пользовался в
своей борьбе еще**

**партийными методами. Да, шла борьба, существовала
оппозиция, проводились**

**дискуссии, велись диспуты. Они проходили жестко, но
укладывались в нормы**

**партийной жизни. Членам партии давалась возможность
разобраться в разных**

**точках зрения, выслушать ту и другую сторону, того или
другого вождя, и**

**каждый член партии мог определить свое отношение к ним. В
этих спорах**

**побеждал Сталин, и партия его поддерживала. Конечно, люди,
которые терпели**

поражение, озлоблялись и были недовольны Сталиным.

**И вот мы дожили до созыва XVII партийного съезда. Я
помню его. Я**

**участвовал во всех партийных конференциях и партийных
съездах, начиная с XIV**

**партконференции (за исключением XVI съезда, на котором я
не был избран**

**делегатом, ибо учился в Промышленной академии, но
присутствовал на его**

заседаниях). Перед XVII съездом развернулась дискуссия, в ходе которой, как

всегда, внутри партии обсуждались тезисы отчетного доклада, чтобы

подготовить членов партии к правильному пониманию решений, которые должны

быть приняты на съезде. Тот съезд был особым съездом в том смысле, что к

1934 г. уже не было никаких оппозиционных течений в партии(5). Вопросы

индустриализации и коллективизации сельского хозяйства уже были не темой

дискуссии, а основой практической деятельности партии и народа. Поэтому сам

съезд протекал очень хорошо.

Когда выдвигались кандидаты в члены ЦК, моя кандидатура тоже была

предложена. Я переживал особое чувство, когда шло голосование, и я тоже

наряду с другими получил бюллетень выборщика. Помню, как Каганович сказал

мне, что следует проголосовать против некоторых кандидатов, выставленных в

состав ЦК. Он назвал, кажется, Молотова, Ворошилова и еще кого-то и объяснил

это тем, что какие-то делегаты могут проголосовать против Сталина, поэтому

надо, чтобы не получилось, будто другие люди соберут больше голосов, чем

Сталин. Чтобы всех в какой-то степени уравнять, надо проголосовать и против

них. Мне трудно сказать, поручил ли Сталин такое Кагановичу или же Каганович

действовал по собственному разумению.

Когда я получше узнал Кагановича, то потом думал, что тот мог сделать это

и из собственных интересов: если другие не получают больше голосов, чем

Сталин, это во всех отношениях полезно Кагановичу, так как они не получают

больше голосов, чем сам Каганович. Были розданы бюллетени, все разошлись по

уголкам зала, просматривали списки и вычеркивали, кого хотели. Но некоторые

шли прямо к урнам для голосования и сразу опускали бюллетени. Я видел,

Сталин демонстративно подошел к урне и с ходу опустил туда бюллетень. Он на

него даже не посмотрел. Удивительного тут ничего нет, потому что списки еще

раньше были не только просмотрены Сталиным, но и одобрены им. Зачем ему

тратить время и еще раз просматривать их? Ведь имелись люди, которые следили

за тем, чтобы, кроме намеченных, никто не попал в списки.

Кончился перерыв. Счетная комиссия завершила свое дело. Собралось

заседание, чтобы заслушать ее отчет о результатах выборов.

Это была

торжественная и напряженная минута. Я даже не знаю, чего там было больше:

торжественности или волнения, особенно для тех, кто был выдвинут в состав

руководящих органов. Может быть, я передаю лишь собственное настроение, но

думаю, что другие тоже волновались. Председатель счетной комиссии попросил

убрать карандаши и блокноты и ничего не записывать, а только слушать. Он

объявил, что на съезде присутствует столько-то делегатов и что столько-то из

них приняло участие в голосовании. После этого начал перечислять по

алфавиту, кто и сколько получил голосов "за". Дошли до Сталина. Я прикинул:

он недополучил шесть голосов. Подошла очередь моей фамилии. Объявили. Вышло,

что я тоже недополучил шесть голосов. То есть шесть делегатов вычеркнули мою

фамилию. Я шутил сам с собой: тебе дали шесть и Сталину - тоже шесть

червяков (как говорили тогда).

Я впервые выдвигался в состав ЦК. По возрасту и по партийному положению я

даже не претендовал на это. Такое выдвижение казалось мне слишком высоким. И

я был очень доволен, что избран в состав ЦК, а шесть

контрголосов меня

нисколько не беспокоили, тем более на фоне того, что Сталин тоже получил

шесть против. Я возмущался лишь тем, что кто-то голосовал против Сталина.

Вот как проходили те выборы. А почему я подробно на них остановился, станет

яснее из дальнейшего.

Кончился съезд. Все разъехались по местам и принялись за работу. Работали

мы тогда с огромным энтузиазмом. Каждый (я сужу по себе) жил не личной

жизнью, а жизнью партии, интересами народа. На деньги мы не обращали

внимания. Мы смотрели на это так: лишь бы не подохнуть с голоду. Все

остальное было подчинено интересам дела, а себе мы отказывали в самом

необходимом. Сейчас это для некоторых бюрократов, наверное, звучит странно.

Но это правда. Когда до революции я работал слесарем и зарабатывал свои 40 -

45 рублей в месяц, то был материально лучше обеспечен, чем когда работал

секретарем Московского областного и городского комитетов партии. Я не

жалуюсь, а просто иллюстрирую, как мы тогда жили. Мы жили для дела

революции, ради будущего коммунизма, все и вся было у нас

подчинено этому.

Нам было трудно. Но мы помнили, что первыми в мире строим социализм и

поэтому должны затянуть ремешки потуже, с тем чтобы выделить больше средств

на индустриализацию страны. Иначе главная идея революции погибнет, и враги

нас задашат. Какое же это было прекрасное время! Никакие материальные

трудности не шли ни в какое сравнение с великой идеей, которой мы честно

служили!

Мне было особенно приятно работать в условиях Москвы, большого столичного

города. С городским хозяйством я раньше не соприкасался. Для меня было

столько нового и столько интересного и в хозяйстве, и в людях, с которыми

приходилось общаться, обсуждать и решать различные вопросы жизни и

перестройки города Москвы. Это была увлекательная работа, и я отдавался ей

целиком. Домой приходил ночевать довольно поздно, а уходил очень рано. Но в

те дни, о которых я рассказываю, обычное их течение было внезапно нарушено в

начале декабря 1934 г., когда раздался телефонный звонок и я услышал голос

Кагановича: "Немедленно приезжайте в Кремль и заходите в

приемную Сталина".

Там мне сообщили, что убит Киров. Его убийцами были названы троцкисты,

завербованные иностранной разведкой. Нам было ясно, что Кирова убили враги

революции, враги Советского Союза. Поэтому прозвучавший из уст Сталина

призыв к бдительности был для нас естественным.

Массовые репрессии развернулись вскоре. Сталин всех людей, с ним не

согласных, назвал "врагами народа", которые-де хотели вернуть старые

порядки, в чем "враги народа" сомкнулись с международной реакцией, после

чего и погибли несколько сот тысяч честных людей. Тогда каждый жил в страхе.

Каждый ожидал, что вот-вот к нему постучат ночью, и этот стук окажется

роковым. Не случайно Гамарник(б), когда к нему постучались ночью,

застрелился. Потом его самоубийство послужило для Сталина основанием

утверждать, что это был неразоблаченный враг, который понял, что до него

добрались, и, не желая отдаться в руки правосудия, застрелился. А если бы он

отдался? Его бы все равно пристрелили. Гамарник был умный человек, понимал,

что его ждет. Его реабилитировали после XX съезда партии,

как и многих

других.

Но перед тем, как на XX съезде был поставлен вопрос о реабилитации

невинных и о культе личности Сталина, в Президиуме ЦК прошла большая борьба.

Категорически против постановки такого вопроса были Молотов, Ворошилов и

Каганович. Это меня не удивляло, потому что эти люди, особенно Молотов и

Ворошилов, вместе со Сталиным отвечали за все беззакония. Я убежден, что

Сталин советовался с ними, и они вместе принимали решения. Безусловно, не по

всем кандидатурам, обреченным на уничтожение, у них имелось единое мнение.

Но они были едины в направленности самого мероприятия - варварского

уничтожения членов партии. Они же были авторами лозунгов о пресловутой

борьбе с "врагами народа".

Когда мы создали комиссию, которая стала подробно изучать документы,

связанные с репрессиями, обнаружилась среди прочих записка Ежова Молотову. В

ней перечислялись фамилии жен ряда врагов народа, предлагалось выслать их из

Москвы. Молотов наложил резолюцию: "Расстрелять". И они были расстреляны.

Это же ужасная вещь: даже НКВД пишет, что их надо только выслать;

следовательно, за ними нет никакого преступления. Этот документ, как и ряд

иных, подтверждал, что Молотов наравне со Сталиным полностью отвечал за

произвол, за допущенные убийства. Так уничтожались негодные Сталину люди,

честные члены партии, безупречные труженики, прошедшие школу революционной

борьбы под руководством Ленина. Это же чистейший произвол. И это все надо

теперь простить и забыть? Никогда!

Примечания

(1) Официальные указания из Москвы по партийным и военным каналам о

необходимости вести красноармейцев в бой под лозунгом "За Сталина!" были

даны в войска после того, как Сталин в своем выступлении по радио 3 июля

1941 г. публично призвал "весь народ сплотиться вокруг партии Ленина -

Сталина", хотя и раньше некоторые политработники проявляли такую инициативу,

особенно Мехлис Л. З.

(2) Первый открытый материал для советских читателей о культе Чингисхана

на современном Востоке был опубликован в начале 60-х годов,

но без прямого

упоминания о Мао Цзэдуне.

(3) МАЛИНОВСКИЙ Р. В. (1876 - 1918) - видный деятель большевистского

движения, член ЦК РСДРП с 1912 г., депутат IV Государственной думы,

добровольно начал давать полиции сведения о социал-демократическом подполье

с 1907 г., официально был зачислен агентом охраны в 1910 г.

(4) СКУРАТОВ-БЕЛЬСКИЙ Г. Л. (Малюта) (ум. 1573) - глава опричного террора

при царе Иване IV Грозном.

(5) Согласно принятой в тогдашней партийной печати СССР точке зрения,

перед XVII съездом ВКП(б) "в ней отсутствовали какие-либо фракционные и

оппозиционные группировки" (История Коммунистической партии Советского

Союза, т. 4, кн. 2. М. 1971, с. 261).

(6) ГАМАРНИК Я. Б. (1894 - 1937) - в ту пору начальник Политуправления

РККА, армейский комиссар 1 ранга, покончил с собой в мае 1937 г.

ЕЩЕ РАЗ О БЕРИИ

Я уже неоднократно говорил о Берии, но преимущественно в связи с

какими-то не полностью касавшимися его событиями или в связи с другими

людьми. А сейчас хочу рассказать специально о Берии, его роли и влиянии на

жизнь советского общества. В процессе нашего знакомства и частых встреч с

ним постепенно выявлялась и становилась для меня более понятной и его

политическая физиономия. В первое время нашего знакомства он производил на

меня очень хорошее впечатление. Мы с ним на пленумах ЦК всегда сидели рядом,

обменивались мнениями, иной раз шутили, как бывает между людьми, которые

поддерживают хорошие отношения.

А потом началось! Но тоже не сразу. Когда Сталин высказал мысль, что надо

заменить наркома внутренних дел Ягоду, поскольку тот не справляется, он

назвал взамен Ежова. Ежов был начальником по линии кадров в ЦК партии. Я его

хорошо знал. С 1929 г., когда я поступил учиться в Промышленную академию, и

особенно после того, как меня избрали там секретарем партийной организации,

Ежов стал в какой-то степени моим руководителем, потому что

Промышленная

академия находилась в ведомстве отдела кадров ЦК и подчинялась напрямую ЦК

через Ежова. Ему я как парторг и докладывал о положении дел в Промышленной

академии. Если проходили мобилизации слушателей академии для посылки на

места, сбора материалов или проведения какой-нибудь политической кампании,

то это делалось ЦК тоже напрямую через меня, и никто (имеются в виду

ведомство по делам высшей школы или Московский партийный комитет) не обладал

правом распоряжаться у нас, брать людей для проведения той или иной

политической кампании и пр. Все делалось только с разрешения ЦК. Так

создались условия, когда я более или менее часто стал встречаться с Ежовым.

Он производил на меня хорошее впечатление, был внимательным человеком. Я

знал, что Ежов - питерский рабочий и с 1917 г. являлся членом партии. Это

считалось высокой маркой - питерский рабочий!

Когда Ежов был выдвинут в НКВД, я еще не знал глубоких мотивов этой акции

и внутренней аргументации Сталина. Я-то лично неплохо относился к Ягоде и не

видел, не чувствовал прежде какой-то антипартийности в его

действиях. Но был

назначен Ежов, и репрессии еще больше усилились.
Началось буквальное

избиение и военных, и гражданских, и партийных, и
хозяйственных работников.

Наркомат тяжелой промышленности возглавлял
Орджоникидзе, Наркомат путей

сообщения - Каганович. Там шли повальные аресты людей.
Между прочим, Ежов

был в дружеских отношениях с Маленковым и вместе с ним
работал. Так что

последний не стоял в стороне от "Ежовщины".

Начало 1938 года... Сталин вызвал меня и предложил
поработать на Украине:

сказал, что Косиор там не справляется. Я к Косиору относился
с большим

уважением. Знал его, когда еще впервые работал на
Украине: он стал

генеральным секретарем ЦК КП(б)У после Кагановича, в 1928
году. Каганович

ушел в ЦК ВКП(б), а Косиор пришел на его место. Когда в 1929
г. я подал

заявление с просьбой откомандировать меня на учебу в
Промышленную академию,

то меня принимал по этому вопросу уже Косиор. А когда
Сталин сказал мне,

чтобы я заменил Косиора, на меня это подействовало плохо. Я
высоко ценил

Косиора и считал, что мне заменить его никак невозможно, что я

еще не дорос

до такого уровня. Да и национальный вопрос тоже играл роль. Я, конечно,

работал раньше на Украине и даже в Киеве. Правда, тогда правительство УССР

находилось еще в Харькове. Но все равно: как русский человек я испытывал

некоторую неловкость. Ко мне по-доброму относились украинцы, и коммунисты, и

беспартийные, однако я постоянно чувствовал тот свой недостаток, что не мог

выступать на украинском языке. И я ответил Сталину: "Вряд ли целесообразно

посылать туда русского человека". Однако Сталин доказывал, что русский ничем

не хуже поляка. Есть же на Украине поляк Косиор, почему должен быть хуже

русский?

Я очень волновался, что не справлюсь. Но не отрицаю, это предложение

льстило мне: такой высокий пост мне доверяет Центральный Комитет партии! И я

поехал. Косиор сдал мне дела, я принял. Он уехал и был назначен к Молотову

заместителем председателя Совнаркома СССР. Прошло какое-то время, и в конце

1938 или в начале 1939 г. вдруг возник вопрос о назначении меня тоже

заместителем у Молотова. Сначала мне об этом позвонил

Молотов, а потом

сказал и Сталин, когда я приехал в Москву: "Вот, Молотов настаивает, чтобы

взять вас к нему заместителем. Видимо, надо уступить Молотову. Как вы

смотрите?". Я просил не делать этого: только что прижился в Киеве, украинцы

меня вроде бы признали, отношения сложились хорошие. Самый главный довод

состоял в том, что мы идем к войне, а я более или менее знал Украину; если

сейчас туда придет новый человек, ему будет сложнее все организовывать, коль

скоро разразится война. Поэтому мой уход вряд ли будет в интересах дела; а в

Москву легче подобрать другого человека. Сталин согласился на заседании

Политбюро: "Давайте прекратим этот разговор, пускай Хрущев остается на

Украине".

В 1938 г. Сталин поднял вопрос, что надо было бы "подкрепить" Ежова, дав

ему первого заместителя, и спросил его об этом. Тот ответил: "Было бы

хорошо". "Кого вы думаете?". "Я бы просил дать мне первым заместителем

Маленкова". Такой разговор возникал несколько раз, но вопрос не решался.

Наконец Сталин сказал Ежову: "Нет, Маленкова вам не стоит

братъ, потому что

он сейчас заведует кадрами ЦК и тут нужнее". Когда Маленков возглавил кадры

ЦК, Ежов сохранил шефство над ним. Таким образом, кадры оставались в то

время фактически под контролем Ежова. Это было время, когда партия начинала

утрачивать прежнее лицо и стала подчиняться Наркомату внутренних дел.

Рубежом явилась середина 30-х годов.

Роль Комиссий советского контроля и партийного контроля, где играла

видную роль Землячка(1), ослабла. Органы НКВД имели решающее слово при любых

выдвижениях или передвижках партийных, государственных и хозяйственных

кадров, и они всегда согласовывались с НКВД. Конечно, это позорнейшее

явление, утрата руководящей роли партии! Что до Ежова, то Сталин в конце

концов предложил назначить к нему первым заместителем Берию. К той поре на

демонстрации обычно все выходили с плакатами, где была нарисована колючая

рукавица. Такой обычай сложился после того, как Сталин сказал: "Ежов - это

Ежовая рукавица, это ежевика", - и хорошо отозвался о деятельности Ежова. Но

в том, что Сталин назвал Берию, проявился тот факт, что

намечалась уже

замена Ежова. Ежов-то все правильно понял. Понял, что приходит конец его

деятельности и его звезда закатывается. А может быть, он, сам действовавший

в той же манере, почувствовал, что кончается и его существование? Однако он

сказал: "Конечно, товарищ Берия достойный человек, тут нет вопроса. Он может

быть не только заместителем, но и наркомом". Сталин возразил: "Наркомом, я

считаю, он не может быть, а заместителем у вас будет хорошим". И тут же

Берию утвердили заместителем Ежова.

Так как у меня были хорошие отношения с Берией, я подошел к нему после

заседания и полусерьезно, полусхотливо поздравил его. Он ответил: "Я не принимаю

твоих поздравлений". "Почему?". "Ты же не согласился, когда шел вопрос о

тебе и тебя прочили заместителем к Молотову. Так почему же я должен

радоваться, что меня назначили заместителем к Ежову? Мне лучше было бы

остаться в Грузии". Не знаю, насколько искренне он это говорил. А когда

Берия перешел в НКВД, то первое время он не раз адресовался ко мне: "Что

такое? Арестовываем всех людей подряд, уже многих

видных деятелей

пересажали, скоро сажать будет некого, надо кончать с этим".

Появилось решение о "перегибах"(2). Оно приписывалось влиянию Берии. В

народе считали, что Берия пришел в НКВД, разобрался, доложил Сталину и

Сталин послушал его. Соответствующий пленум ЦК ВКП(б) был резко критичным.

Каждый выступающий кого-то критиковал. Среди других помню выступление

Маленкова. Он тогда критиковал одного из секретарей Средазбюро партии (тот

потом был арестован). Критика была нацелена против самовосхваления. Маленков

говорил, что альпинисты совершили восхождение на самую высокую точку в горах

Средней Азии и назвали этот пик именем того секретаря Средазбюро.

Единственным человеком, занимавшим сравнительно высокое положение в

партийном руководстве и почему-то избежавшим критики, пока оказался Хрущев.

Но тут выступил Яков Аркадьевич Яковлев(3), который заведовал сельхозотделом

ЦК партии, и раскритиковал меня. Впрочем, его критика была довольно

оригинальной: он ругал меня за то, что меня в Московской парторганизации все

называют Никитой Сергеевичем. Я тоже выступил и в ответ

разъяснил, что это

мои имя и отчество, так что называют правильно. Тем самым как бы намекнул,

что сам-то он ведь не Яковлев, а Эпштейн. А после заседания ко мне подошел

Мехлис, в ту пору еще редактор газеты "Правда", и с возмущением заговорил о

выступлении Яковлева. Мехлис был еврей, знал старинные традиции своего

народа и сообщил мне: "Яковлев - еврей, потому и не понимает, что у русских

людей принято даже официально называть друг друга по имени и отчеству".

Потом выступил Гриша Каминский. В те дни Григорий Наумович трудился

наркомом здравоохранения СССР. Это был очень уважаемый товарищ с

дореволюционным партийным стажем, не раз встречавшийся с Лениным. Я с ним

познакомился, когда только начинал работать в Московской парторганизации. Он

в ту пору являлся одним из секретарей МК ВКП(б), потом был председателем

Мособлисполкома, а затем его выдвинули в Наркомздрав России и далее всего

Союза. То был прямой, искренний человек со святым чувством партийности и

неумолимой правдивости. Он сказал: "Тут все, выступая, говорят обо всем, что

они знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы партии это было известно.

Когда в 1920 г. я был направлен в Баку и работал там секретарем ЦК Компартии

Азербайджана и председателем Бакинского совета, ходили упорные слухи, что

присутствующий тут товарищ Берия во время оккупации Баку сотрудничал в

органах контрразведки мусаватистов, не то, несколько ранее, английской

контрразведки". Никто не выступил с опровержением. Даже Берия не выступил ни

с какой справкой по этому поводу. Молчание, и все тут... А вскоре Каминский

был арестован и бесследно исчез. Меня потом долго мучил этот вопрос, потому

что я абсолютно верил Григорию и знал, что он никогда ничего сам не выдумает

и от других зря не повторит. Но кто же мог вступить в конкуренцию с НКВД и

ее лидерами?

Как-то в те же примерно месяцы после одного дневного заседания ЦК партии

все расходились на обед. Я несколько задержался и не успел уйти. Тут меня

окликнул Сталин: "Хрущев, вы куда идете?". "Иду обедать". "Пойдемте ко мне,

вместе пообедаем". "Спасибо". Когда мы выходили, около Сталина вертелся

Яковлев. Он вроде бы без приглашения последовал за ним и тоже оказался у

него на квартире. Мы пообедали втроем. Сталин вел беседу, а Яковлев очень

при этом волновался. Чувствовалось, что он переживает глубокое внутреннее

чувство. Вероятно, боялся, что его арестуют, и хотел искать защиты у

Сталина. Я знал Яковлева еще по работе на Украине, а познакомился с ним при

оригинальных обстоятельствах. Тогда, в середине 20-х годов, назревала

зиновьевско-каменевская оппозиция. Когда мы приехали на партийный съезд, то

в нашу делегацию пришел Яковлев и проинформировал нас об обстановке, которая

может возникнуть на съезде. Сказал, что Зиновьев, видимо, будет

содокладчиком. Это сообщалось доверительно, чтобы мы понимали, что, вот,

доверенный человек по поручению Сталина информирует нас. Я упоминаю об этом

к тому, что этот человек был близок к Сталину и все свои силы отдавал борьбе

против оппозиции, а потом старался всю при коллективизации. Несмотря на

это, для него сложилась теперь трудная ситуация, хотя не знаю, почему. И он

в своем предчувствии не ошибся, был арестован, несмотря на любезный обмен

мнениями со Сталиным во время обеда на его квартире, тут же после обеда и

вскоре погиб.

Пленум же, о котором я рассказываю, тогда принял решение, осуждавшее

перегибы в работе НКВД. Этот пленум дал народу надежду, что кончится дикий

произвол, царивший в стране и создававший у всех неуверенность: то ли будет

человек жить, то ли может быть уничтожен либо просто бесследно пропасть. Я,

да и многие другие, беззаветно верил Сталину, и мы себя обвиняли, что мы

слепцы, не видим и не чувствуем врагов, нету нас политического нюха, нет

глубокого понимания классовой борьбы, не умеем разоблачать врагов так, как

это делает товарищ Сталин. Только постепенно я начинал соображать, что

далеко не все так просто.

К тому времени Сталин уже неоднократно высказывал недовольство

деятельностью Ежова, перестал ему доверять и хотел спихнуть на него все

беззакония. Позднее Ежов был арестован. И все его заместители тоже. Людей,

которые были как-то с ним связаны, арестовали. Тогда же туча нависла и над

Маленковым, который был большим приятелем Ежова. Сталин

знал об этом. Да и я

тоже, потому что дружил с Маленковым в течение многих лет.
Мы работали

вместе еще в Московском комитете партии. О наметившихся
подозрениях в адрес

Маленкова я для себя лично сделал вывод после такого случая.
Когда я однажды

приехал в Москву с Украины, Берия пригласил меня к себе на
дачу: "Поедем, я

один, никого нет. Погуляем, ты у меня заночуешь". "Мне все
равно, я тоже

один". Поехали, погуляли в парке. И тут он говорит мне:
"Слушай, ты ничего

не думал о Маленкове?". "А что я должен думать?". "Ну,
Ежова ведь

арестовали". "Верно, они дружили, - говорю. - Но и ты тоже с
ним дружил, и я

тоже. Думаю, что Маленков - честный, безупречный
человек". "Нет, нет,

послушай, ты все-таки еще подумай, ты и сейчас близок с
Маленковым,

подумай!". Ну, подумал я, но вывода никакого особого не сделал
и продолжал с

ним дружить. Когда приезжал в Москву, то в выходной день
всегда бывал у

Маленкова на даче. От себя полагаю, что это Сталин сказал,
чтобы Берия

предупредил меня о Маленкове. Позднее Маленков сблизился
и подружился с

Вознесенским, а потом стал неразлучным другом с Берией.

После ареста Ежова Берия быстро набрал силу. Он занялся прежде всего

перестановкой кадров. У нас на Украине не было тогда наркома НКВД, и он

прислал исполнять обязанности наркома Кобулова(4), младшего брата того

Кобулова(5), который был заместителем Берии в союзном Наркомате внутренних

дел, а прежде работал с Берией в Грузии. Украинский Кобулов был еще

мальчишкой, и довольно неподготовленным. Об этом можно судить хотя бы по

такому эпизоду. Пришел он как-то в ЦК КП(б)У и сообщил, что выявлена группа

украинских националистов, которая ведет антисоветскую работу. Я ему:

"Возможно в принципе, что есть такая. Но кого конкретно имеете в виду?

Назовите фамилии". "Такие-то и такие-то фамилии". И он назвал нескольких

писателей и других лиц интеллигентного труда. Я хорошо знал их. И среди

прочих он упомянул Рыльского. Отвечаю: "Эти люди никак не могут вести

антисоветской работы. Они могут проявлять какое-то недовольство чем-то,

высказывать критику, но это вовсе не антисоветчики. А в чем их конкретно

обвиняют? Что вам сообщил агент?". "Они собираются, выпивают, поют песни".

"Ну, и что же тут такого?". "А они поют такую песню: "Дэ ты ходышь, мия

доля, не докльчусь я тэбэ". Я рассмеялся: "Вы армянин и не знаете украинской

культуры. Ваш агент издевается над вами, если пишет про такие вещи. Эту

песню поют тут все. Если мы с вами когда-нибудь окажемся в одной компании,

то я не даю гарантии, что не присоединюсь к тем, кто ее поет. Это очень

хорошая народная песня". Вот вам уровень человека, исполнявшего обязанности

наркома!

В те же недели другой человек Берии поехал с тем же назначением в

Белоруссию. Берия повсюду рассылал свои кадры. К той поре сложилась такая

ситуация, что все кадры при выдвижении их на партийную, советскую,

хозяйственную или военную работу проходили через "чистилище" в НКВД.

Последний становился главным органом страны. А любые ведущие кадры вообще

выдвигались только с предварительного согласия Берии. Постепенно мы с Берией

все чаще встречались у Сталина, и я начинал лучше узнавать его. Я тогда

относился к Берии хорошо и только позднее был поражен его двуличием. Вот

лишь один из примеров. Он мог (а я поражался, как это допустимо?) у Сталина

за обедом поставить какой-то вопрос; и если Сталин отвергал его, он сейчас

же смотрел на кого-нибудь из присутствовавших и говорил: "Я же говорил тебе,

что этот вопрос не надо выдвигать". Я просто глаза и рот открывал: как это

можно ляпать такое при Сталине? Ведь Сталин, хотя и молчит, но видит и

слышит, что Берия только что сам поставил этот вопрос. И ничего! Такое вот

вероломство. По мере того, как Берия "укреплялся", его наглость и низость

тоже проявлялись все отчетливее.

Раньше я слышал, что некогда заместителем наркома внутренних дел в Грузии

был у Берии Реденс. Реденса хорошо знали старые кадры. Я неоднократно с ним

встречался, когда он работал уполномоченным НКВД по Московской области.

Кроме того, часто встречался с ним в домашней обстановке, на семейных обедах

у Сталина, поскольку Реденс был женат на Анне Сергеевне, сестре Надежды

Сергеевны Аллилуевой. Так что же Берия предпринял, чтобы выдворить Реденса

из сталинской семьи? Сначала он задался целью вышибить Реденса из Грузии,

потому что не хотел, чтобы у Сталина имелись оттуда информаторы помимо него,

Берии. И он поручил своим людям заманить Реденса в какой-то кабачок. Они

использовали его слабость в смысле вредной привычки, напоили, потом вывели и

бросили на улице в сточную канаву. Мимо ехала милиция и увидела, что Реденс

валяется в таком виде, доложила по инстанции. И дело поехало! Поставили

вопрос перед Сталиным, что Реденс дискредитирует себя. Так Реденс,

отозванный из Грузии, попал в Московскую область. Потом Реденса убрали и из

Кремля, где он бывал, и вообще устранили.

В 1953 г., когда устранили самого Берию, ЦК КПСС получил письмо от

бывшего заключенного, грузина. Он в большом письме перечислял, сколько людей

в Грузии стали жертвами Берии в результате различных провокаций. Но это,

конечно, стало возможным лишь после падения Берии. А раньше такое письмо

наверняка перехватили бы. Резко усилила влияние Берии Великая Отечественная

война. Он тогда возымел огромную силу. Сталин утрачивал над ним контроль,

особенно в тяжелые месяцы нашего отступления на фронте. Берия постепенно

стал грозой партийных кадров. Влиял он и на окружение Сталина. Там менялся

обслуживающий персонал. Прежде лично у Сталина работали в основном русские.

подавальщицы и в войну остались русские, но появлялись и грузины. Шашлычник

там какой-то жарил шашлыки, так он стал даже генералом, и с каждым моим

приездом в Ставку я видел, как у него росли орденские колодки с лентами -

свидетельство постоянных награждений за умение здорово жарить шашлык. Как-то

Сталин заметил, что я присматриваюсь к колодкам на груди новоявленного

генерала, но ничего не сказал, и я тоже промолчал.

А после войны - и говорить нечего! Берия стал членом Политбюро. Да и

Маленков набрал силу, хотя у него периодически менялось занимаемое им

положение и во время войны, и после войны. Однажды Сталин даже загнал его в

Среднюю Азию. Тут-то Берия и подал ему руку помощи, а затем они стали

неразлучны. Сталин у себя за обедом нередко называл их, как бы в шутку,

двумя жуликами, но не в оскорбительном тоне, а вроде дружески: где, мол,

пропадают эти два жулика? Тут без Берии буквально ничего уже нельзя было

решить. Даже Сталину почти ничего нельзя было доложить, не заручившись

поддержкой Берии. Все равно Берия, если станешь докладывать при нем,

обязательно любое твоё дело обставит всяческими вопросами и контрвопросами,

дискредитирует в глазах Сталина и провалит.

В то же время Берия не уважал и не ценил Маленкова, а преследовал в

дружбе с ним личные цели. Он мне как-то сам сказал: "Слушай, Маленков -

безвольный человек. Вообще козел, может внезапно прыгнуть, если его не

придерживать. Поэтому я его и держу, хожу с ним. Зато он русский и

культурный человек, может пригодиться при случае". "Пригодиться" было

главным у Берии. Я-то с Маленковым и Булганиным дружил с той поры ещё, когда

работал в Московской парторганизации. Мы часто проводили тогда вместе

выходные дни, вместе жили на даче. Поэтому, несмотря на то, что Маленков

выказывал некоторую холуйскую наглость относительно меня во время войны,

особенно когда Сталин проявлял недовольство мною, я с ним не порывал

отношений.

Это недовольство Сталина мною проявлялось в период отступления: что же,

мол, Украину оставляете? Он искал виновных, кто будет отвечать за поражения.

Конечно, я первым должен был отвечать, раз являлся секретарем ЦК Компартии

Украины. Хотя главнокомандующим-то был Сталин, но он вроде ни за что не

отвечал, а только подчиненные. Приказы при отступлении подписывались -

"Ставка", "Главком", и никаких имен. А уже после войны, когда все мы

приехали как-то в Сочи к Сталину по - вызову (я с Украины, Маленков и другие

- из Москвы) и разбирали какие-то вопросы, а потом вышли погулять, я ходил с

Маленковым и сказал ему: "Удивляюсь, неужели ты не видишь и не понимаешь,

как Берия относится к тебе?". Он молчит. "Ты думаешь, - продолжаю, - что он

тебя уважает? По-моему, он издевается над тобой". В конце концов Маленков

ответил: "Да, я вижу, но что я могу поделать?". "Я просто хотел бы, чтобы ты

видел и понимал. А это верно, что сейчас ты не можешь ничего поделать".

Дальше - больше. У меня созревали определенные опасения. Годы жизни Сталина

**шли такие, что в любой момент страна могла оказаться в
тяжелом положении без**

**вождя. Я боялся его смерти" И еще больше боялся за
последствия: что потом**

будет в стране?

**В те годы, несмотря на то, что я давно сомневался в
справедливости**

**обвинений в адрес многих "врагов народа", в целом у меня
не возникало**

**недоверия к Сталину. Я считал, что имели место перегибы,
однако в основном**

**все было сделано правильно. Я даже возвеличивал Сталина за
то, что он не**

**побоялся осложнений, провел чистку и тем самым объединил,
сплотил честных**

**людей. Тем не менее, к рубежу 50-х годов у меня уже сложилось
мнение, что,**

**когда умрет Сталин, нужно сделать все, чтобы не допустить
Берию занять**

**ведущее положение в партии. Иначе - конец партии! Я
считал, что могла**

**произойти утрата всех завоеваний революции, так как Берия
повернет развитие**

**с социалистического на капиталистический путь. Такое у
меня сложилось**

мнение.

**Однажды, когда я был во Львове, Сталин позвонил мне и
срочно вызвал в**

Москву. Шли последние месяцы 1949 года. Я ехал и не знал, что

меня ждет.

Могло возникнуть много неожиданных сюрпризов. Такая тогда была ситуация.

Ехал я и не знал, зачем еду, куда и в каком положении буду возвращаться.

Сходные переживания как-то выразил Булганин после обеда у Сталина, сказав

мне: "Вот едешь к нему на обед вроде бы как другом, а не знаешь, сам ли ты

поедешь домой или тебя повезут кое-куда". Он это произнес, будучи под

крепким градусом. Но ведь что у трезвого в голове, то... Булганин отразил

мысли многих, если не всех нас. Сложилась общая обстановка неуверенности в

завтрашнем дне. Итак, выехал я в Москву. Сталин говорит: "Довольно вам на

Украине сидеть. Вы там проработали много лет". "Да, 13 лет. Время мне

уходить оттуда, хотя отношение ко мне там очень хорошее, и я благодарен всем

людям, которые меня окружали и помогали мне в руководстве на Украине". "Мы

хотим перевести вас в Москву. У нас неблагополучно в Ленинграде, выявлены

заговоры. Неблагополучно и в Москве, и мы хотим, чтобы вы опять возглавили

Московскую парторганизацию. Пусть Московская парторганизация будет опорой

Центрального Комитета". Я ему: "Если Вы доверяете, то я сделаю все, что в

моих силах, и охотно вернусь в Москву в качестве секретаря Московского

комитета партии". "Нет, не только, вы будете здесь еще и секретарем ЦК".

Этот разговор состоялся как раз перед 70-летием Сталина. И он добавил:

"Вы приезжайте ко дню моего рождения". Я и приехал к этому декабрьскому дню.

Сдал дела на Украине, перебрался в Москву. Тут меня избрали секретарем МК, я

начал работать по-новой. Быстро увидел, что мой приезд в Москву противоречил

предположениям Берии и Маленкова. У меня сложилось тогда впечатление, что

Сталин (он этого не сказал мне), вызывая меня в Москву, хотел как-то

повлиять на расстановку сил в столице и понизить роль Берии и Маленкова. Мне

даже иногда казалось, что Сталин сам боится Берии, рад был бы от него

избавиться, но не знает, как это лучше сделать. Перевод же меня в Москву

как бы противопоставлял нас, связывая Берии руки. Сталин, как мне казалось,

хорошо ко мне относился и доверял мне. Хотя он часто критиковал меня, но

зато и поддерживал, и я это ценил.

Примечания

(1) ЗЕМЛЯЧКА Р. С. (1876 - 1947) - член РСДРП с 1898 г., активный деятель

большевистского движения, занимала с 20-х годов ряд постов в высших

советских и партийных контрольных органах. В 1937 г. являлась одним из

руководителей Комиссии советского контроля. С 1939 г. - заместитель

председателя Комиссии партийного контроля и (до 1943 г.) заместитель

председателя Совнаркома СССР.

(2) Имеется в виду постановление пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося 11, 14,

18 и 20 января 1938 г., "Об ошибках парторганизаций при исключении

коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям

исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков". После этого

ЦК ВКП(б) принял в марте 1938 г. постановление "О рассмотрении

парторганизациями апелляций исключенных из ВКП(б)".

(3) ЯКОВЛЕВ Я. А. (1896 - 1938) заведовал этим отделом с 1934 г. вплоть

до того, как был репрессирован.

(4) КОБУЛОВ А. З. (1906 - 1955) - генерал-лейтенант с 1945 г., зам.

**начальника отдела "С" НКВД СССР, 1-й зам. начальника
ГУЛАГа с 1951 г.**

**(5) КОБУЛОВ Б. З. (1904 - 1953) - чекист с 1922 г., зам.
наркома**

**внутренних дел Грузии с 1938 г., зам. наркома госбезопасности
СССР с 1941 г.**

**и в 1943 - 1945 гг., 1-й зам. министра внутренних дел СССР с
1953 г.,**

расстрелян как государственный преступник.

ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

**Вспоминая сегодня, 1 июня 1971 года, те дни, вынужден честно
заявить, что**

**мы получили после смерти Сталина тяжелое наследство. Страна
была разорена.**

**Руководство ею, сложившееся при Сталине, было, если так
можно выразиться,**

**нехорошим. Собрались в кучу разношерстные люди. Тут и
неспособный к новациям**

**Молотов, и опасный для всех Берия, и перекасти-поле
Маленков, и слепой**

**исполнитель сталинской воли Каганович. В лагерях сидело
10 миллионов**

**человек. Тюрьмы были переполнены. Имелась даже особая
тюрьма для партийного**

актива, которую создал по специальному заданию Сталина Маленков. В

международной обстановке не виделось просвета, шла вовсю холодная война.

Нагрузка на советский народ от примата военного производства была

неимоверной. Во время похорон Сталина и после них Берия проявлял ко мне

большое внимание, выказывал свое уважение. Я этим был удивлен. Он вовсе не

порывал демонстративно дружеских связей с Маленковым, но вдруг начал

устанавливать дружеские отношения и со мной. Если, бывало, они вдвоем

соберутся пройтись по Кремлю, то и меня приглашают. Одним словом, стали

демонстрировать мою близость к ним. Я, конечно, не противился, хотя мое

негативное мнение о Берии не изменилось, а, наоборот, укрепилось еще больше.

Существовала договоренность: составлять повестку дня заседаний Президиума

ЦК вдвоем - Маленкову и Хрущеву. Маленков председательствовал на заседаниях,

а я только принимал участие в составлении повестки дня. Берия же все больше

набирал силу, быстро росла его наглость. Вся его провокаторская хитроумность

была пущена им тогда в ход. Тогда же произошло первое столкновение других

членов Президиума ЦК с Берией и Маленковым. Президиум уже изменился по

составу. Мы вернулись к более узкому кругу членов, а Бюро, которое было

создано Сталиным на пленуме сразу после XIX съезда партии, мы

ликвидировали(1).

Берия и Маленков внесли предложение отменить принятое при Сталине решение

о строительстве социализма в Германской Демократической Республике. Они

зачитали соответствующий документ, но не дали его нам в руки, хотя у Берии

имелся письменный текст. Он и зачитал его от себя и от имени Маленкова.

Первым взял слово Молотов. Он решительно выступил против такого предложения

и хорошо аргументировал свои возражения. Я радовался, что Молотов выступает

так смело и обоснованно. Он говорил, что мы не можем пойти на это; что тут

будет сдача позиций; что отказаться от построения социализма в ГДР - значит,

dezориентировать партийные силы Восточной, да и не только Восточной,

Германии, утратить перспективу; что это капитуляция перед американцами. Я

полностью был согласен с Молотовым и тотчас тоже попросил слова, поддержав

Молотова. После меня выступил Булганин, который сидел рядом со мной. Потом

выступили остальные члены Президиума. И Первухин, и Сабуров, и Каганович

высказались против предложения Берии - Маленкова относительно ГДР. Тогда

Берия с Маленковым отозвали свой документ. Мы даже не голосовали и не

заношили в протокол результаты обсуждения. Вроде бы вопроса такого не было.

Тут была уловка.

Разошлись мы после заседания, но на душе осталась горечь. Как можно по

такому важному вопросу выходить с подобным предложением? Я считал, что это -

антикоммунистическая позиция. Мы понимали, конечно, что Берия использует

Маленкова, а Маленков, как теленок, пошел вместе с ним в этом деле.

Кончилось заседание, и вышли мы из зала втроем - Маленков, Берия и я. Но

ничего не обсуждали. В тот же день я увиделся с Молотовым, и он сказал мне:

"Я очень доволен, что вы заняли такую позицию. Я этого, признаться, не

ожидал, потому что видел вас всегда втроем и считал, что вы занимаете единую

позицию с Маленковым и Берией, думал, что Хрущев уже, наверное,

заавансировался по этому вопросу. Твердая, резкая позиция, которую вы

заняли, мне очень понравилась". И тут же предложил мне перейти с ним на

"ты". Я, в свою очередь, сказал, что тоже доволен, что Вячеслав Михайлович

занял такую правильную позицию.

А спустя некоторое время звонит мне Булганин: "Тебе еще не звонили?". Я

сразу все понял без дальнейших разъяснений: "Нет, не звонили. Мне и не

позвонят". "А мне уже позвонили". "И что ты ответил?". "Они сказали, чтобы я

подумал еще раз: хочу ли я занимать пост министра обороны?". "А кто именно

тебе звонил?". "Сначала один, потом другой. Оба позвонили". "Нет, мне не

позвонили, потому что знают, что их звонок может им навредить". После этого

со стороны Берии отношение ко мне внешне вроде бы не изменилось. Но я

понимал, что тут лишь уловка, "азиатчина". В этот термин мы вкладывали такой

смысл, что человек думает одно, а говорит совсем другое. Я понимал, что

Берия проводит двуличную политику, играет со мной, успокаивает меня, а сам

ждет момента расправиться со мною в первую очередь, когда наступит

подходящее время.

На одном из заседаний он внес такое предложение:
"Поскольку у многих

заклученных или сосланных кончаются сроки заключения или
ссылки и они должны

возвращаться по месту прежнего жительства, предлагаю
принять решение, с тем

чтобы никто из них не имел права возвращаться без
разрешения министра

внутренних дел и оставался жить в районах, предуказанных
министерством". Я

возмутился и выступил против, сказав: "Категорически
возражаю, это -

произвол. Произвол уже был раньше допущен.

Этих людей арестовывала госбезопасность, следствие
вела тоже

госбезопасность и судила госбезопасность. "Тройки", которые
были созданы в

госбезопасности, творили, что хотели. Ни следователя, ни
прокурора, ни суда,

ничего не было, просто тащили людей и убивали. Теперь люди,
которые отбыли

срок своего наказания даже по приговору "троек", опять
лишаются всего,

остаются преступниками, и им указывается место жительства
Министерством

внутренних дел. Это недопустимо". Все другие меня
поддержали. Берия опять

ловко отозвал свое предложение. Протокол подписывал

Маленков, и вопрос вновь

не был запротоколирован.

Тут прозвучал уже более серьезный сигнал со стороны Берии. Потом он же

вносит, казалось бы, либеральное предложение: изменить такое-то решение

(назывались время и его номер), которое предусматривало аресты и осуждение

арестованных "тройками" на срок до 20 лет тюрьмы или ссылки. Берия предложил

уменьшить срок до 10 лет. Казалось, милое предложение. Но я правильно понял

Берия и сказал: "Категорически против этого, потому что надо пересмотреть

всю систему арестов, суда и следственной практики. Она произвольна. А

вопрос, на 20 или на 10 лет осудить, особого значения не имеет, потому что

можно сначала осудить на 10 лет, а потом еще на 10 лет, и еще раз на 10.

Такое уже было. К нам поступают документы, гласящие, что подобные методы

практикуются. Поэтому я категорически против". И Берия опять отозвал свое

предложение.

Так я активно выступил против Берии по двум вопросам. По первому вопросу

поддержал выступление Молотова, по второму все другие поддержали меня. Таким

образом, у меня не осталось сомнений, что Берия теперь правильно понимает

меня и уже намечает свои "меры", потому что он не может смириться с тем, что

кто-то стоит на его пути. Такие сложились условия работы. Что же потом

предложил Берия, эта бестия? Как-то мы ходили, гуляли, и он стал развивать

такую мысль: "Все мы ходим под Богом, как говорили в старое время, стареем,

все может случиться с каждым из нас, а у нас остаются семьи. Надо подумать и

о старости, и о своих семьях. Я предложил бы построить персональные дачи,

которые должны быть переданы государством в собственность тем, кому они

построены". Для меня был уже не удивителен такой, не коммунистический ход

мышления. Он полностью взялся с образом Берии. И, к тому же, я был убежден,

что все это говорилось в провокаторских целях. А он продолжает: "Предлагаю

строить дачи не под Москвой, а в Сухуми. О, какой это город!". И стал

говорить, какой это чудесный город. "Но предлагаю строить в Сухуми не на

окраинах. Зачем идти за город? Надо освободить в центре города большой

участок, посадить там сад, развести персики". И стал хвалить, какие растут

там персики, какой виноград. Потом развивал свои мысли дальше.

У него все было продумано: какой нужен обслуживающий персонал, какой

штат. Все ставилось им на широкую, барскую ногу. "Проект и строительство

будет вести Министерство внутренних дел. В первую голову, считаю, надо

построить для Егора (то есть для Маленкова), потом тебе, Молотову,

Ворошилову, а затем и другим". Я молча слушаю его, пока не противоречу.

Потом говорю: "Подумать надо". Кончили разговор, и мы оба с Маленковым

поехали на дачу. Ехали в машине втроем. Подъехали к повороту с Рублевского

шоссе. Там мы с Маленковым должны ехать дальше налево, а Берия - прямо. И я

сел с Маленковым в одну машину. Говорю ему: "Как ты на это смотришь? Это же

чистейшая провокация". "Ну, почему ты так относишься к его словам?". "Я его

вижу насквозь, это провокатор. Разве можно так делать? Давай сейчас не

противоречить, пусть он этим занимается и думает, что его замысел никто не

понимает".

И Берия начал развивать свою идею. Поручил составить проекты. Когда их

закончили, пригласил нас, показал проекты и предложил начать строительство.

Докладывал нам по этим вопросам известный строитель.
Сейчас этот товарищ

работает начальником строительства предприятий атомной энергии. Я его знал

еще до войны и по событиям в войне. Берия считал его близким себе лицом, ибо

он работал у Берии и выполнял то, что тот ему говорил. После новой встречи я

сказал Маленкову: "Пойми, у Берии есть дача. Он нам говорит, что себе тоже

там выстроит, но он не будет себе строить. А вот тебе построит, и это будет

сделано для твоей дискредитации". "Нет, нет, ну что ты!". А для меня

существенным был факт, что Берия предлагал построить собственные дачи

обязательно в Сухуми. В проекте уже было намечено место, где будет возведена

дача Маленкова. По плану предвиделось выселение большого количества людей,

проживавших там. Министр, который нам докладывал, говорил, что надо выселить

огромное их количество и что такая стройка - для людей сущее бедствие. Шутка

ли сказать, там их собственность, сколько поколений там прожило, и вдруг их

выселяют?

Берия же объяснял, что место выбрано таким образом, чтобы Маленков из

своей дачи мог видеть Черное море и за Турцией наблюдать. Он даже шутил:

"Турецкий берег будет на горизонте, очень красиво". А когда все разошлись и

мы опять остались наедине с Маленковым, я говорю ему: "Ты разве не

понимаешь, чего хочет Берия? Он хочет сделать погром, выбросить людей,

разломать их очаги и выстроить там тебе дворец. Все это будет обнесено

забором. Начнется клочкотание негодования в городе. Всех будет интересовать,

для кого это строят? И когда все будет закончено, ты приезжаешь, и люди

видят, что в машине сидит. Председатель Совета Министров СССР; весь погром,

все выселение людей сделаны для тебя. Возмущение проявится не только в

Сухуми, оно перебросится в другие места. А это и нужно Берии. Ты сам тогда

попросишь об отставке". Маленков призадумался.

Поговорил Берия о дачах и с Молотовым. Я не ожидал такого от Молотова, но

Молотов вдруг согласился. Он сказал только, что ему пусть построят не на

Кавказе, а под Москвой. Я был удивлен. Я-то думал, что Молотов вспыхнет и

начнет возражать. Не знаю, как это получилось. И так как никто пока не

высказался активно против, машина заработала. Подготовили проекты, Берия

просмотрел их. После работы мы заезжали к Берии, и он показывал мне проект

моей дачи. "Эй, слушай, какой хороший дом, смотри, какой". Я ему: "Да, мне

очень нравится". "Возьми проект домой". Привез я проект домой и, признаться,

не знал, куда его деть. Нина Петровна, жена, говорит мне: "Что это у тебя?".

Я признался ей. Жена возмутилась: "Это безобразие!". Я не смог ничего

объяснить Нине Петровне и сказал только: "Давай, уберем его, потом

поговорим".

Итак, дело завертелось. Берия форсировал строительство, но до его ареста

так ничего и не было сделано по существу. Когда же его арестовали, мы тотчас

все отменили. А проект дачи долгое время валялся где-то у меня. Тогда же

Берия развил бешеную деятельность по вмешательству в жизнь партийных

организаций. Он сфабриковал документ о положении дел в украинском

руководстве. Первый удар из числа им задуманных он решил нанести по

украинской парторганизации. Я полагал, что он развивал это дело с тем, чтобы

втянуть туда и мою персону. Он собирал нужные ему материалы через

Министерство внутренних дел УССР и начал втягивать в подготовку дела

начальников областных управлений МВД. Начальником УВД во Львове был

Строкач(2). Ныне он уже умер. Это был честный коммунист и хороший военный.

До войны он был полковником, командовал погранвойсками. Во время войны

работал начальником штаба украинских партизан и всегда докладывал мне о

положении вещей на оккупированной врагом территории. Я видел, что это

честный и порядочный человек.

После войны он был назначен уполномоченным МВД по Львовской области, где

действовали бандеровцы.

Позднее мы узнали, что когда к нему обратился министр внутренних дел

Украины и потребовал от него компрометирующих материалов на партийных

работников, то Строкач сказал, что это не его дело, а секретаря обкома

партии, пусть обращаются туда. Тогда Строкачу позвонил Берия и сказал, что

если он станет умничать, то будет превращен в лагерную пыль.

Но в 1953 г. мы

сначала ничего не знали, хотя чувствовали, что идет наступление на партию,

ее подчиняют Министерству внутренних дел. Записку Берии о руководящих кадрах

Украины мы обсуждали в ЦК КПСС. В результате было принято решение освободить

Мельникова от обязанностей секретаря ЦК КПУ, а на его место избрать

Кириченко(3). Идея Берии состояла в том, что местные, национальные кадры

якобы не допускаются к руководству, что их не выдвигают, и предложил ввести

в состав Президиума ЦК КПУ Корнейчука. Так и было сделано на пленуме. Но мне

рассказали товарищи уже после того, как Берия был арестован, как проходил

тот пленум. Корнейчук неправильно понял, почему его кандидатура была

выдвинута, и начал говорить всякие словеса в пользу Берии. Не сообразил,

ради чего Берия так старается.

Следующая записка Берии касалась прибалтов, потом Белоруссии. И все той

же направленности. В его предложениях далеко не все было неправильным. ЦК

КПСС и сам к тому времени взял курс на выдвижение национальных кадров. И мы

приняли решение, что в республиках пост первого секретаря ЦК

должен занимать

местный человек, а не присланный из Москвы русский.
Вообще же у Берии

имелась антирусская направленность. Он проповедовал, что на
местах царит

засилье русских, что надо их осадить. Так все и поняли и начали
громить не

только русские, но и те национальные кадры, которые не
боролись с русским

"засильем". Это произошло во многих партийных
организациях национальных

республик.

Я не раз говорил Маленкову: "Неужели ты не видишь, куда
клонится дело? Мы

идем к катастрофе. Берия подобрал для нас ножи". Маленков
мне: "Ну, а что

делать? Я вижу, но как поступить?". Я ему: "Надо
сопротивляться, хотя бы в

такой форме: ты видишь, что вопросы, которые ставит Берия,
часто носят

антипартийную направленность. Надо не принимать их, а
возражать". "Ты

хочешь, чтобы я остался один? Но я не хочу". "Почему ты
думаешь, что

останешься один, если начнешь возражать? Ты и я - уже двое.
Булганин, я

уверен, мыслит так же, потому что я не один раз обменивался с
ним мнениями.

Другие тоже пойдут с нами, если мы будем возражать

аргументировано, с

партийных позиций. Ты же сам не даешь возможности никому слова сказать. Как

только Берия внесет предложение, ты сейчас же спешишь поддержать его,

заявляя: верно, правильное предложение, я за, кто против? И сразу голосуешь.

А ты дай возможность высказаться другим, попридержи себя, не выскакивай, и

увидишь, что не один человек думает иначе. Я убежден, что многие не согласны

по ряду вопросов с Берией".

И я предложил: "Мы ведь составляем повестку дня. Давай, поставим острые

вопросы, которые, с нашей точки зрения, неправильно вносятся Берией, и

станем возражать ему. Я убежден, что мы тем самым мобилизуем других членов

Президиума, и решения Берии не будут приняты".
Маленков наконец-то

согласился. Я был, честно говоря, и удивлен, и обрадован. Составили мы

очередную повестку дня заседания Президиума ЦК. Сейчас не помню, какие тогда

вопросы стояли, прошло много лет. На заседании мы аргументированно выступили

"против" по всем вопросам. Другие нас тоже поддержали, и идеи Берии не

прошли. Так получилось подряд на нескольких заседаниях.

Только после этого

Маленков обрел надежду, что, оказывается, с Берией можно бороться сугубо

партийными методами, оказывать собственное влияние на решение вопросов и

отвергать те предложения, которые, с нашей точки зрения, не являются

полезными для партии и страны.

Мы видели, что Берия стал форсировать события. Он уже чувствовал себя над

членами Президиума, важничал и даже внешне демонстрировал свое

превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно

срочно действовать, и сказал Маленкову, что надо поговорить с другими

членами Президиума по этому поводу. Видимо, на заседании такое не получится,

и надо с глазу на глаз поговорить с каждым, узнать мнение по коренному

вопросу отношения к Берии. С Булганиным я по этому вопросу говорил раньше и

знал его мнение. Он стоял на верных позициях и правильно понимал опасность,

которая грозила партии и всем нам со стороны Берии. Маленков тоже

согласился: "Да, пора действовать". Мы условились, что я прежде всего

поговорю с Ворошиловым, поеду к нему. Имелась какая-то

комиссия, в которую

входили и Ворошилов, и я. Я решил использовать это обстоятельство, позвонил

Клименту Ефремовичу и сказал, что хотел бы встретиться с ним, поговорить по

такому-то вопросу. Ворошилов ответил, что он сейчас приедет ко мне в ЦК.

"Нет, - говорю, - прошу меня принять, я сам приеду к тебе". Но он настаивал,

что это он приедет. В конце концов я настоял на своем. Мы условились с

Маленковым, что после разговора с Ворошиловым (это было перед самым обедом)

я приеду домой, зайду к Маленкову, и мы отобедаем вместе. Мы жили тогда с

Маленковым в одном доме на улице Грановского, 3, и в одном подъезде, только

я на 5 этаже, а он этажом выше.

Приехал я к Ворошилову в Верховный Совет, но у меня не получилось того,

на что я рассчитывал. Как только я открыл дверь и переступил порог его

кабинета, он очень громко стал восхвалять Берию: "Какой у нас, товарищ

Хрущев, замечательный человек Лаврентий Павлович, какой это исключительный

человек!". Я ему: "Может, ты зря так говоришь, преувеличиваешь его

качества?". Но я уже не мог говорить с ним о Берии так, как

было задумано.

Моя-то оценка была совершенно противоположной, и я бы своим мнением поставил

Ворошилова в неловкое положение. Он мог не согласиться со мной просто из

самолюбия: только что, когда я вошел, он восхвалял его, а потом сразу

перешел на мою позицию, которая сводилась к необходимости устранения Берии.

И я перебросился с ним словами по вопросу, о котором официально договорился

по телефону: чепуховый какой-то вопрос. И сейчас же вернулся обедать, как мы

условились с Маленковым.

Рассказал Маленкову, что у меня ничего не получилось, что я не смог

поговорить с Ворошиловым, как было задумано. Я полагал, что Ворошилов мог

так говорить, рассчитывая, что его подслушивают, и говорил это для "ушей

Берии". С другой стороны, он считал меня близким к Берии, потому что часто

видел нас втроем: Берию, Маленкова и меня. Значит, и тут он говорил это для

Берии, что тоже свидетельствует об обстановке, которая вынуждала людей идти

на такие приемы поведения и брать грех на душу против своей совести.

Мы договорились с Маленковым, что далее я поговорю с

Молотовым. Молотов

был тогда министром иностранных дел. Он мне звонил несколько раз сам,

говорил, что хотел бы со мной встретиться в ЦК и поговорить по вопросам

мидовских кадров. Я воспользовался одним из таких его звонков и сказал: "Ты

хотел со мной встретиться? Я готов. Если можешь, приезжай, поговорим с тобой

о кадрах". А когда он приехал, я ему сказал: "Давай о кадрах, только не

мидовских". И начал высказывать ему свою оценку роли Берии. Говорил, какая

опасность грозит сейчас партии, если не остановить начатый им процесс

разгрома партийного руководства. Молотов, видимо, сам немало думал об этом.

Не мог не думать, потому что он сам все знал и видел похожее еще при жизни

Сталина. Когда Молотов пользовался у Сталина еще доверием, я лично

слышал, как он очень резко высказывался против Берии, но не при Сталине, а

когда выходил от Сталина, имея в виду провокационный метод Берии. Если Берия

вносил какое-то предложение, а Сталин высказывался против, то Берия тут же

обращался к кому-то из сидящих: "Ну, что ты предлагаешь? Это не годится!".

Так он не раз поступал с Молотовым, и Молотов реагировал очень резко.

Поэтому, как только я заговорил с Молотовым, он полностью со мной

согласился. "Да, верно, но хочу спросить, а как держится Маленков?". "Я

разговариваю сейчас с тобой от имени и Маленкова, и Булганина. Маленков,

Булганин и я уже обменялись мнениями по этому вопросу". "Правильно, что вы

поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. А что вы

станете делать дальше и к чему это должно привести?". "Прежде всего нужно

освободить Берия от обязанностей члена Президиума ЦК, заместителя

председателя Совета Министров СССР и от поста министра внутренних дел". Но

Молотов сказал, что этого недостаточно: "Берия очень опасен, и я считаю, что

надо пойти на более крайние меры". "Может быть, задержать его для

следствия?".

Я говорил "задержать", потому что у нас прямых криминальных обвинений в

его адрес не было. Я-то мог думать, что он был агентом мусаватистов, как об

этом говорил Каминский. Но такие факты никем не проверялись, и я не слышал,

чтобы имело место хоть какое-то разбирательство этого дела.
Правда ли то

было или неправда, однако я верил Каминскому, потому что это
был порядочный

и сугубо партийный человек. Но в отношении провокационного
поведения Берии

все у нас было основано на интуиции. А по интуитивным
мотивам человека

арестовать невозможно. Поэтому я говорил, что его надо
задержать "для

проверки". Это как раз было возможно.

Итак, мы договорились с Молотовым, а потом я рассказал все
Маленкову и

Булганину. И мы решили, что следует форсировать ход дела,
потому что нас

могут подслушать или кто-либо нечаянно проговорится,
сведения о наших шагах

дойдут до Берии, и Берия нас просто арестует. Тогда же мы
условились, что я

должен поговорить с Сабуровым, тоже членом Президиума.
Сабуров очень быстро

ответил мне: "Я полностью согласен". И тоже спросил: "А что
Маленков?". Об

этом спрашивали все, с кем я заговаривал. Кагановича в то
время в Москве не

было, он находился на лесозаготовках, проверял, как идут там
дела. Когда

Каганович вернулся, я попросил его заехать в ЦК. Он приехал
вечером, и мы

сидели с ним очень долго. Он подробно мне рассказывал о Сибири, о

лесозаготовках. Я его не останавливал, хотя у меня голова была занята

совершенно другим. Я проявлял вежливость, тактичность, ждал, когда его тема

иссякнет.

Когда я увидел, что наступил конец, то сказал: "Это все интересно, о чем

ты рассказывал. Теперь я тебе хочу рассказать, что делается у нас".

Каганович сразу наострил уши: "А кто за?". Он поставил так вопрос, чтобы

разведать, каково соотношение сил. Я сказал, что Маленков, Булганин, Молотов

и Сабуров согласны, так что, собственно говоря, и без него у нас имеется

большинство. Тогда Каганович заявил: "Я тоже за, конечно, за, это я просто

так спросил". Но я его правильно понял, и он меня понял. Затем спрашивает:

"А как же Ворошилов?". И я ему рассказал, какая у меня получилась неловкость

с Ворошиловым. "Так он тебе и сказал?". "Да, он стал хвалить Берию".

Каганович выругался в адрес Ворошилова, но незлобно: "Вот старый хрыч. Он

неправду тебе сказал. Он сам мне говорил, что просто невозможно жить дальше

с Берией, что он очень опасен, что он может на все пойти и всех нас

уничтожить". "Тогда нужно с ним побеседовать еще раз. Может быть, с ним

поговорит Маленков? Мне-то лучше не возвращаться к этому разговору, чтобы не

ставить его в неловкое положение". На том и согласились.

Каганович спрашивает: "А Микоян?". "С Микояном я по этому вопросу еще не

говорил, тут сложный вопрос". Мы все знали, что у кавказцев Микояна и Берии

существовали наилучшие отношения, они всегда стояли один за одного. И я

сказал, что с Микояном поговорить, видимо, надо попозже. О новом разговоре я

поведал Маленкову, и он тоже согласился, что с Ворошиловым в данной ситуации

лучше поговорить ему. Теперь оставался Первухин. Маленков: "С Первухиным я

хочу потолковать сам". "Учти, что Первухин - человек сложный, я его знаю".

"Но и я его знаю". "Ну, пожалуйста!". Он пригласил Первухина к себе и потом

звонит мне: "Вызвал Первухина, рассказал ему все, а Первухин ответил, что

подумает. Это очень опасно. Я тебе это сообщаю, чтобы вызвать его поскорее.

Неизвестно, чем это может кончиться". Я позвонил Первухину. Он приехал ко

мне, и я ему рассказал все в открытую. Михаил Георгиевич ответил: "Если бы

мне Маленков все сказал так, как ты, так и вопросов у меня не возникло бы. Я

полностью согласен и считаю, что другого выхода нет". Не знаю, как именно

Маленков говорил ему, но кончилось так.

Таким образом, у нас со всеми членами Президиума дело было обговорено,

кроме Ворошилова и Микояна. И мы с Маленковым решили начать действовать в

день заседания Президиума Совета Министров СССР. На заседании Президиума

Совмина я всегда присутствовал: в протоколе было записано, что я должен

принимать участие в таких заседаниях. На этих заседаниях отсутствовал

Ворошилов. Поэтому мы решили, созвав заседание Президиума Совмина,

пригласить Ворошилова. Когда все соберутся, открыть вместо заседания

Президиума Совмина заседание Президиума ЦК. Условились еще, что я перед

самым заседанием побеседую с Микояном, а Маленков - с Ворошиловым.

Утром того дня я был на даче. Позвонил оттуда Микояну и пригласил его

заехать за мной, чтобы вместе отправиться на заседание Президиума Совета

**Министров СССР. Микоян приехал, и тут я провел беседу.
Она была очень**

**длительной. Припоминаю, что мы разговаривали часа два,
подробно все**

**обговорили, а потом еще несколько раз возвращались к
обговоренному. Позиция**

**Микояна была такой: Берия действительно имеет
отрицательные качества, но он**

**не безнадёжен, в составе коллектива может работать. Это
была совершенно**

**особая позиция, которую никто из нас не занимал. Пора было
кончать разговор,**

**времени оставалось только на то, чтобы прибыть на заседание.
Мы уселись**

**вместе в машину и уехали в Кремль. Приехали. Перед началом
заседания Микоян**

**зашел в свой кабинет, а я поспешил к Маленкову. Пересказав
ему свой разговор**

**с Микояном, я выразил сомнения и тревогу в связи с таким его
ответом. К тому**

**времени Маленков уже поговорил с Ворошиловым. "Ну, и как?
Он по-прежнему**

**хвалил Берию?". "Когда я ему только заикнулся о нашем
намерении, Клим обнял**

**меня, поцеловал и заплакал". Так ли это было, не знаю. Но
думаю, что врать**

Маленкову было незачем.

**Выявился и такой вопрос: мы обсудим дело, задержим Берию.
А кто именно**

его задержит? Наша охрана подчинена. лично ему. Во время заседания охрана

членов Президиума сидит в соседней комнате. Как только мы поднимем наш

вопрос, Берия прикажет охране нас самих арестовать. Тогда мы договорились

вызвать генералов. Условились, что я беру на себя пригласить генералов. Я

так и сделал, пригласил Москаленко и других, всего человек пять. Маленков с

Булганиным накануне заседания расширили их круг, пригласив еще Жукова. В

результате набралось человек 10 разных маршалов и генералов; их с оружием

должен был провезти в Кремль Булганин. В то время военные, приходя в Кремль,

сдавали оружие в комендатуре. Мы условились, что они станут ожидать вызова в

отдельной комнате, а когда Маленков даст им знать, то войдут в кабинет, где

проходит заседание, и арестуют Берию.

И вот открылось заседание. Ворошилов как председатель Президиума

Верховного Совета СССР, естественно, обычно не присутствовал на заседаниях

Президиума Совета Министров СССР. Поэтому его появление показалось вроде бы

непонятным. Маленков, открыв заседание, сразу же поставил вопрос: "Давайте

обсудим партийные дела. Есть такие, которые необходимо обсудить немедленно,

в составе всех членов Президиума ЦК". Все согласились. Я, как условились

заранее, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил

обсудить вопрос о Берии. Берия сидел от меня справа. Он встрепенулся, взял

меня за руку, посмотрел на меня и говорит: "Что это ты, Никита? Что ты

мелешь?". Я ему: "Вот ты и послушай, как раз об этом я и хочу рассказать".

Вот о чем я говорил: на предвоенном пленуме ЦК, когда обсуждали положение

дел в партии и всех там критиковали, попросил слова Каминский, нарком

здравоохранения СССР. Он вышел на трибуну и сделал примерно такое заявление:

"На этом пленуме нас призвал тов. Сталин рассказать всю правду друг о друге,

покритиковать друг друга. Хотел бы сказать, что когда я работал в Баку, то

там упорно ходили слухи среди коммунистов, что Берия работал в

мусаватистской контрразведке. Хочу сказать об этом, чтобы знали в нашей

партии и проверили это". Заседание тогда закончилось, и никто больше по

данному вопросу не выступал, сам Берия тоже никакой справки не дал, хотя

присутствовал. Был объявлен перерыв, все разошлись на обед.
После обеда

пленум продолжался, но Каминский уже туда не пришел, и никто не знал,

почему. Тогда это было закономерно. Многие члены ЦК, которые присутствовали

на одном заседании, на второе не приходили, попадали во "враги народа" и

арестовывались. Каминского постигла та же участь.

Каминского я узнал, когда стал работать секретарем Бауманского, потом

Краснопресненского райкомов партии Москвы и особенно с ним сблизился, когда

был избран секретарем Московского городского комитета партии в начале 1932

года. Каминский дружил с Мишей Кацеленбогеном(4) (Михайловым). Это был очень

хороший человек и перспективный работник. Я его весьма уважал и тоже дружил

с ним. Естественно, у меня складывалась дружба и с Каминским. Поэтому я

верил, что Гриша - порядочный человек. Он был человеком какой-то особой

чистоты и морали. Тем не менее, хотя никто на пленуме не дал никакого

объяснения насчет судьбы Каминского, он как в воду канул. Так пропал не

только Каминский. Люди исчезали десятками, сотнями, тысячами. Потом уже

объявляли, что они являются "врагами народа", да и то говорили не о каждом.

У меня давно в голове бродила мысль, почему, когда Каминский сделал такое

заявление, никто не дал объяснения? Правильно или неправильно он говорил,

было ли это или этого не было, неизвестно...

Потом я рассказал о последних шагах Берии, уже после смерти Сталина, в

отношении партийных организаций - украинской, белорусской и других. В своих

записках Берия поставил вопросы (эти записки находятся в архиве) о

взаимоотношениях в руководстве национальных республик, особенно в

руководстве чекистских органов, и предлагал выдвигать национальные кадры.

Это правильно, такая линия всегда была налицо в партии. Но он поставил этот

вопрос под резким углом антирусской направленности в выращивании, выдвижении

и подборе кадров. Он хотел сплотить националов и объединить их против

русских. Всегда все враги Коммунистической партии рассчитывали на

межнациональную борьбу, и Берия тоже начал с этого.

Затем я рассказал о его последнем предложении - насчет отказа от

строительства социализма в ГДР, и о предложении

относительно людей,

осужденных и отбывших наказание, когда он предложил не разрешать им

возвращаться к месту жительства, а право определять их местожительство

предоставить Министерству внутренних дел, то есть самому Берии. Тут уже

узаконенный произвол! Сказал я и о его предложении вместо радикального

решения вопроса о той недопустимой практике ареста людей и суда над ними,

которая была при Сталине, снизить максимальный срок осуждения таких лиц

органами МВД с 20 до 10 лет. На первый взгляд предложение вроде бы

либеральное, а по существу узаконивающее то, что существовало. Осудить на 20

лет или на 10, положения не меняет. Пройдет 10 лет и, если нужно, Берия еще

добавит 10 лет, а потом снова 10, пока не дождется смерти неугодного

человека. И я закончил словами: "В результате наблюдений за действиями Берии

у меня сложилось впечатление, что он вообще не коммунист, а карьерист,

который пролез в партию из карьеристских побуждений. Ведет же он себя

вызывающе и недопустимо. Невероятно, чтобы честный человек мог так вести

себя".

После меня взял слово Булганин. Мы с ним еще при жизни Сталина были

единого мнения о Берии. Он тоже высказался в том же духе. И другие проявили

принципиальность, но за исключением

Микояна. Микоян высказывался последним. Он выступил (не помню сейчас

деталей его речи) со следующим заявлением: повторив то, что сказал мне,

когда я с ним беседовал перед заседанием, заявил, что Берия может учсть

критику, что он не безнадежен и в коллективе сумеет быть полезным. Когда все

высказались, Маленков как председатель должен был подвести итоги и

сформулировать постановление. Но он растерялся, и заседание оборвалось на

последнем ораторе. Возникла пауза.

Вижу я, что складывается такое дело, и попросил Маленкова, чтобы он

предоставил мне слово для предложения. Как мы и условились, я предложил

поставить на пленуме вопрос об освобождении Берии (это делает Президиум ЦК)

от всех постов, которые он занимал. Маленков все еще пребывал в

растерянности и даже не поставил мое предложение на голосование, а нажал

**сразу секретную кнопку и вызвал таким способом военных.
Первым вошел Жуков,**

**за ним Москаленко и другие. Жуков был тогда заместителем
министра обороны**

**СССР. К Жукову у нас тогда существовало хорошее отношение,
хотя он на первых**

**порах не назывался в числе тех военных, которые должны
были помочь нам**

справиться с Берией.

**В кабинет вошло человек 10 или более того. И Маленков мягко
так говорит,**

**обращаясь к Жукову: "Предлагаю вам как председатель Совета
Министров СССР**

**задержать Берию". Жуков скомандовал Берии: "Руки вверх!".
Москаленко и**

**другие обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на
какую-то**

**провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который
лежал на подоконнике,**

**у него за спиной. Я схватил Берию за руку, чтобы он не мог
воспользоваться**

**оружием, если оно лежало в портфеле. Потом проверили:
никакого оружия там не**

**было, ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал какое-то
рефлекторное**

движение.

**Берию взяли под стражу и поместили в здании Совета
Министров, рядом с**

кабинетом Маленкова. И тут же мы решили, завтра или

послезавтра, так скоро,

как это будет возможно, созвать пленум ЦК партии, где поставить вопрос о

Берии. Одновременно освободить от занимаемой должности генерального

прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия, и мы сомневались,

сможет ли он объективно провести следствие. Новым генеральным прокурором

утвердили Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берии. Итак,

Берию мы арестовали. А куда его девать? Министерству внутренних дел мы не

могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, с его людьми.

Тогда его заместителями были Круглое и, кажется,

Серов(5). Я мало знал Круглова, а Серова знал лучше и доверял ему.

Считал, да и сейчас считаю, что Серов - честный человек. Если что-либо за

ним и имелось, как за всеми чекистами, то он стал тут жертвой той общей

политики, которую проводил Сталин. Поэтому я предложил поручить охрану Берии

именно Серову. Но другие товарищи высказались в том смысле, что нужно быть

все-таки поосторожнее. Круглову же мы все не доверяли. И договорились, что

лучше всего поручить это дело командующему войсками

Московского округа

противовоздушной обороны Москаленко. Москаленко взял Берию, поставил вокруг

своих людей и перевез Берию к себе на командный пункт, в бомбоубежище(б). Я

видел, что он делает это, как нужно. На этом заседание закончилось.

Как только оно закончилось, ко мне подошел Булганин: "Ты послушай, что

рассказывает мой начальник охраны". Тот тоже подошел ко мне. Говорит: "Я

узнал, что только что задержали Берию, и хочу сообщить вам о том, что Берия

изнасиловал мою падчерицу, школьницу седьмого класса. Год или несколько

больше тому назад умерла ее бабушка, а жена получила инфаркт и слегла в

больницу. Девочка осталась в доме одна. Однажды вечером она бежала за хлебом

мимо дома, где жил Берия. Там она встретила стариком, который

пристально на нее посмотрел. Она испугалась. Потом ее вызвали чекисты и

привели в дом Берии. Берия усадил ее с собой ужинать, предложил тост за

Сталина. Она отказывалась, но он настоял, что за Сталина надо выпить. Она

согласилась, выпила, а потом заснула, и он изнасиловал ее". Я ответил этому

человеку: "Все, что вы рассказали, прокурор учтет при следствии".

Потом нам дали список, в котором имелись фамилии более чем 100 женщин. Их

приводили к Берии его люди. А прием у него был для всех один: всех, кто

попадал к нему в дом впервые, он угощал обедом и предлагал выпить за

здоровье Сталина. В вино он подмешивал снотворное. Потом делал с ними, что

хотел. Когда изолировали Берию, он попросил авторучку и бумагу. Мы

посоветовались (у некоторых имелись сомнения) и решили дать ему: может быть,

в нем пробудилось какое-то стремление искренне рассказать, что он знает о

том, в чем мы его обвинили. И он начал писать. Сначала - записку Маленкову:

"Егор, такой-сякой, ты же меня знаешь, мы же друзья, зачем ты поверил

Хрущеву? Это он тебя подбил", и прочее. Ко мне он тоже обратился с запиской,

в которой писал, что он честный человек. Таким образом он послал несколько

записок. Маленков очень волновался, когда читал эти записки.

Потом стал говорить, что это они вместе с Берией предложили идею

сворачивания строительства социализма в Восточной Германии, и он боится, что

дело, направленное против Берии, обернется и против него. Но мы ему сказали,

что сейчас обсуждается не этот вопрос. Вопрос же о Берии гораздо глубже, чем

о Германии.

Когда Руденко стал допрашивать Берию, перед нами раскрылся ужасный

человек, зверь, который не имел ничего святого. У него не было не только

коммунистического, а и вообще человеческого морального облика. А уж о его

преступлениях и говорить нечего, сколько он загубил честных людей(7)!

Спустя какое-то время после ареста Берии встал вопрос о Меркулове(8),

который в то время был министром Госконтроля СССР. Я, признаюсь, раньше с

уважением относился к Меркулову и считал его партийным человеком. Он был

культурным человеком и вообще нравился мне. Поэтому я сказал товарищам: "Тот

факт, что Меркулов являлся помощником Берии в Грузии, еще не свидетельствует

о том, что он его сообщник. Может быть, все-таки это не так? Ведь Берия

занимал очень высокое положение и сам подбирал себе людей, а не наоборот.

Люди верили ему, работали с ним. Поэтому нельзя рассматривать всех, кто у

него работал, как его соучастников по преступлениям.
Вызовем Меркулова,

поговорим с ним. Возможно, он нам даже поможет лучше
разобраться с Берией".

И мы условились, что я его вызову в ЦК партии. Вызвал я
Меркулова, сообщил,

что нами задержан Берия, что ведется следствие. "Вы много
лет с ним

проработали, могли бы помочь ЦК". "Я с удовольствием, -
говорит, - сделаю

все, что смогу". И я ему предложил: "Изложите письменно все,
что сочтете

нужным".

Прошло сколько-то дней, и он написал большой текст,
который, конечно,

остался в архиве. Но эта записка ничем нам не помогла. Там
были общие

впечатления, умозаключения, вроде некоего сочинения.
Меркулов пописывал

кое-что, включая пьесы, и привык к сочинительству. Когда я
послал его

материал Руденко, тот прямо сказал, что Меркулова надо
арестовать, потому

что следствие по делу Берии без ареста Меркулова затруднится
и окажется

неполным. ЦК партии разрешил арестовать Меркулова. К
моему огорчению,

выяснилось, что зря я ему доверял. Меркулов был связан с
Берией в таких

**преступлениях, что сам сел на скамью подсудимых и понес
одинаковую с ним**

**ответственность. В своем последнем слове, когда приговор был
уже объявлен**

**судом, Меркулов проклинал тот день и час, когда встретился с
Берией. Он**

говорил, что это Берия довел его до суда.

Примечания

**(1) Официально первые решения Президиума ЦК КПСС
после смерти Сталина**

**были санкционированы пленумом ЦК КПСС, который
состоялся 14 марта 1953 года.**

Тогда же был избран новый состав Секретариата ЦК партии.

**(2) СТРОКАЧ Т. Д. (1903 - 1963) - член ВКП(б) с 1927
г.,**

**генерал-лейтенант с 1944 г., в 1942 - 1945 гг. начальник
Украинского штаба**

**партизанского движения, в 1946 - 1956 гг. (с перерывами)
министр внутренних**

дел УССР, потом находился на работе в МВД СССР.

**(3) КИРИЧЕНКО А. И. (1908 - 1975) - член ВКП(б) с 1930 г., с
1938 г. на**

**партийной работе, в 1953 - 1957 гг. первый секретарь ЦК КП
Украины, потом**

**секретарь ЦК КПСС, с 1960 г. первый секретарь Ростовского
обкома КПСС, до**

**1962 г. находился на административных должностях, член ЦК
КПСС в 1952 - 1961**

гг. и Президиума ЦК в 1955 - 1960 гг.

(4) МИХАЙЛОВ М. Е. (Кацеленбоген, 1903 - 1938) - рабочий, член РКП(б) с

1919 г.; последний его пост перед тем, как он был репрессирован, - первый

секретарь Воронежского обкома партии.

Б КРУГЛОВ С. Н. и Серов И. А. в ту пору - генерал-полковники.

(6) Непосредственно охранял Берию генерал П. Ф. Батицкий (1910 - 1984, с

1968 г. Маршал Советского Союза).

(7) Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР 23 декабря 1953

г. приговорило Л. П. Берию, В. Н. Меркулова, В. Г. Деканозова, Б. З.

Кобулова, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешика и Л. Е. Влодзимирского, работавших

ранее в органах НКВД - МГБ - МВД, к расстрелу.

(8) МЕРКУЛОВ В. Н. (1895 - 1953) - чекист с 1921 г., член Компартии с

1925 г., в 1931 - 1937 гг. ответственный партработник в Грузии, с 1938 г.

1-й зам. наркома внутренних дел СССР, с 1941 г. и в 1943 - 1946 гг. нарком

госбезопасности СССР, с 1947 г. начальник Главного управления советским

имуществом за границей, с 1950 г. министр Госконтроля СССР, расстрелян 23

декабря 1953 г. как государственный преступник.

ОТ XIX К XX СЪЕЗДУ КПСС

После того, как по окончании XIX съезда КПСС возник вместо прежнего

Политбюро ЦК партии новый по названию орган - Президиум ЦК КПСС, Сталин

сформировал из его членов широкие комиссии по разным вопросам. На практике

оказалось, что эти комиссии не работоспособны, хотя я считаю, что если бы

имелось надлежащее руководство ими и им были бы даны конкретные задания, а

главное - были бы предоставлены этим комиссиям права, то они сыграли бы

положительную роль. Но они не смогли сыграть ее, потому что были

предоставлены самим себе и не существовало никакого плана руководства ими и

не формулировались вопросы, которые ставились бы перед ними. Вопросы

выдумывались на ходу. Одним словом, каждый играл там на своем инструменте и

вступал в ту минуту, в какую хотел. Не имелось никакого дирижерского

руководства.

**И вот умер Сталин. Я очень тяжело переживал его смерть.
Если говорить**

**искренне, то переживал не потому, что был особо привязан к
Сталину, хотя в**

**целом был к нему привязан. Просто он старел, и неизбежная
смерть ходила все**

**время рядом с ним. Для меня это было пониманием природной
безысходности: все**

**рождается и все умирает, с этим надо считаться. Сталин был в
таком возрасте,**

**когда приходилось с такой мерой подступаться к неизбежности
смерти человека.**

**Меня тогда больше всего беспокоил состав Президиума,
который оставался после**

**смерти Сталина, и особая роль, которую занимал в нем и
закрепил за собою**

**Берия: она сулила, в моей оценке, огромные сложности
работы и большие**

**неожиданности, я бы даже сказал, катастрофические
последствия. Поэтому я**

**оплакивал Сталина как единственную реальную силу
сплочения. Хотя эта сила**

**часто применялась очень сумбурно и не всегда в нужном
направлении, но все же**

**усилия Сталина были направлены на укрепление и развитие
дела социализма, на**

**укрепление завоеваний Октября. В этом у меня не было
сомнений. Он допускал**

**варварские способы действий, но я тогда еще не знал, насколько
были в полной**

мере его поступки необоснованными с точки зрения людей, которые без причины

арестовывались и казнились.

Конечно, у меня закрадывались, как у всякого человека, сомнения: "Как же

так? Из тех, кто попал под арест или в тюрьму, почти никто не возвращается и

почти никто не был оправдан? В жизни так не должно случаться". Возникали

сомнения, что все там обосновано, как надо в смысле правовых норм. Но Сталин

- это был Сталин. Авторитет его был громаден, и у меня не появлялось мысли,

что этот человек в принципе способен сознательно злоупотреблять властью.

Берия, когда умер Сталин, буквально просиял. Он переродился, помолодел,

грубо говоря, повеселел, стоя у трупа Сталина, который и в гроб еще не был

положен. Берия считал, что пришла его эра. Что нет теперь силы, которая

могла бы сдерживать его и с которой он должен считаться. Теперь он мог творить

все, что считал необходимым.

Маленков? Маленков никогда не занимал собственной позиции, не играл

собственной роли. Он всегда был на побегушках. Сталин довольно образно при

беседах в узком кругу говорил о нем: "Это писарь. Резолюцию

он напишет

быстро, не всегда сам, но организует людей. Это он делает быстрее и лучше

других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу

он не способен". Да он, по-моему, и не претендовал открыто на это. С

Маленковым еще лет за пять до смерти Сталина, в Сочи, куда я как-то приехал

по вызову Сталина, я однажды резко поговорил, обратив его внимание на то,

что он не занимает своей позиции и проявляет бесхребетность в отношении

Берии, а Берия издевается над ним. Тогда Маленков сказал мне, что он это

знает, но не видит возможности, как поправить дело и избавиться от этого. Он

считал, что ему быть вместе с Берией выгодно для его персоны. Впрочем,

действительно так оно и было. Он поддерживал Берию, а Берия поддерживал

Маленкова. Поэтому акции Маленкова и ценились высоко, хотя Сталин очень

критически относился к его личным способностям руководителя.

Булганин? Булганин относился к Берии сдержанно, и когда я с ним говорил

по этому вопросу и высказывал свое отрицательное отношение к Берии, он

соглашался со мною.

Вот с такими мыслями я стоял у тела Сталина. Я уже рассказывал раньше о

наших действиях после смерти Сталина и об аресте Берии и не буду сейчас

повторяться. А после ареста Берии и следствия по его делу произошло

раскрытие тех тайных пружин, скрытых от нас, которые породили прежде столь

большие злоупотребления и вызвали гибель многих честных людей. На меня, в

частности, сильное впечатление произвела гибель Кедрова(1), отца

академика-философа Кедрова(2). Я лично старшего Кедрова не знал. Он был

крупным политическим деятелем, одним из руководителей советских войск на

Севере, который в годы гражданской войны организовывал там оборону против

интервентов. И у меня возникла потребность приподнять занавес и узнать, как

же все-таки велось следствие, какие имели место аресты, сколько людей всего

арестовали, какие существовали исходные материалы для ареста и что показало

потом следствие по этим арестам? Я поставил эти вопросы на заседании

Президиума ЦК и предложил обстоятельно разобраться. Эти вопросы особенно

волновали меня потому, что мы уже начали думать о проведении XX съезда

партии.

Конечно, не рвались в бой с вскрытием тайных пружин ни Ворошилов, ни

Молотов, ни Каганович. Не могу сейчас точно припомнить позицию Микояна.

Кажется, Микоян не вел активной линии, но и не сдерживал процесса

разоблачения несправедливостей. Одним словом, постепенно все согласились,

что необходимо провести расследование дела. Создали комиссию. Возглавил ее

Поспелов(3).

Еще до того я пригласил к себе генерального прокурора СССР Руденко(4) (а

он как прокурор уже многие такие дела сам поднял и проверил) и спросил его:

"Товарищ Руденко, по открытым судебным процессам 30-х годов насколько

действительно обоснованы обвинения, которые предъявлялись Бухарину, Рыкову,

Сырцову, Ломинадзе, Крестинскому(5) и многим другим людям, хорошо известным

Центральному Комитету, членам Оргбюро и Политбюро? Насколько все это было

обосновано?". Руденко сказал, что с точки зрения юридических норм никаких

данных для осуждения этих людей не существовало. Все

основывалось только на

личных признаниях, а личные признания, добытые путем физических и моральных

истязаний, не могут служить базой для осуждения людей.

Тогда передо мной встал вопрос: как это могло произойти? Все знали о роли

Сталина, его личности, его революционности, его заслугах перед страной и

качествах, которые были отмечены партией. Он имел полное основание

претендовать на особую роль, потому что действительно выделялся из своего

круга и умением организовать дело, и умом. Он действительно стоял выше

других. И даже сейчас, несмотря на мою непримиримость относительно его

методов действий и его злоупотреблений, я признаю это. Однако если бы

сейчас, например, он был еще жив и состоялось бы голосование по вопросу о

его ответственности за содеянное, я занял бы ту позицию, что его надо

судить. Но следует и отдать ему должное. Этот человек не просто пришел к нам

с мечом и завоевал наши умы и тела. Нет, он проявил в жизни свое

превосходство, умение руководить страной, умение подчинять себе людей,

выдвигать их и прочие качества, необходимые руководителю

крупного масштаба.

Во всем, что касается личности Сталина, встречается и хорошее,

правильное, и дикое, не укладывающееся ни в какие рамки. Надо рассматривать

все стороны этой сложной личности. Я больше говорю здесь о темных сторонах

просто потому, что восхвалений было достаточно. Главное - сделать должны

выводы и не допускать, чтобы подобное могло повториться в будущем. В этом

состоит цель моих записок. Любое изучение прошлого должно служить настоящему

и будущему.

Напрашивается и одна параллель. Люди моего возраста помнят, как

постепенно нарастало восхваление Сталина, и все знают, во что оно вылилось.

Сталин умный! Сталин гениальный! Я уже не говорю о других эпитетах: и отец

родной, и прочее. Во всем этом наблюдаем ныне большое созвучие тому, что в

Китае говорят и пишут о Мао. Просмотрите фильмы из Китая. Я нередко вижу их

по телевизору. Все приемы в очень значительной степени копируются Мао со

Сталина. Закройте глаза и послушайте только высказывания китайцев о Мао

Цзэдуне. Если подставить вместо "Мао" "Сталин", то получится

наше прошлое.

Буквально так же были организованы у нас соответствующие "спектакли". Я

считал тогда, что тут налицо слабость Сталина. Но, видимо, дело не только в

слабости. Видимо, такие люди, как Сталин и Мао Цзэдун, в этих вопросах очень

похожи в принципе друг на друга. Они считают это необходимым, чтобы держать

на высоте свой авторитет и не только подчинять себе людей, но и держать их в

страхе.

И все-таки возникает вопрос: почему это произошло?

Многие люди, с

которыми я встречался, спрашивают: "Как же Сталин, умный человек, мог такое

делать?". Я не однажды, возвращаясь к этому вопросу, искал ответ для самого

себя. И у меня сложился единственный ответ, причем думаю, что он правильный.

Чтобы понять корни злоупотреблений, несправедливых казней, тирании Сталина,

надо вернуться к завещанию Ленина. Ленин, когда он диктовал свое завещание,

ясно предвидел, к чему может привести партию Сталин, если останется в

руководстве и будет занимать пост генерального секретаря ЦК. Ленин писал,

что надо отстранить его от этой должности, хотя Сталин и

обладает

качествами, которые требуются для руководителя. Но он груб и способен

злоупотреблять властью, поэтому на таком посту его нельзя держать. Он

предложил выдвинуть вместо Сталина человека, который был бы более доступен,

более внимателен, терпимее относился бы к товарищам по партии и не

злоупотреблял своим высоким положением. Я считаю, что это была точная

характеристика. А жизнь полностью подтвердила мысль Ленина. ЦК партии не

прислушался к ленинским словам, не сделал соответствующих выводов и потерпел

поражение. Но не только Центральный Комитет, а вся партия была наказана

Сталиным его злоупотреблениями, уничтожением партийного и беспартийного

актива. В этих действиях Сталина наблюдалось и что-то болезненное.

Так как я уже знал мнение генерального прокурора, что в делах открытых

процессов 30-х годов состава преступления нет, и я сказал об этом на

заседании Президиума ЦК, то мы решили создать специальную комиссию, а

председателем комиссии я предложил утвердить секретаря ЦК товарища

Поспелова. Я руководствовался тем, что он много лет проработал редактором

газеты

"Правда" и считался близким человеком к Сталину. Если бы Сталин к нему

относился плохо, он не мог бы быть редактором "Правды". Поспелов был

преданнейшим Сталину человеком. Я бы сказал, более чем рабски преданный

человек. Когда мы сообщили, что Сталин умер, больше всех волновался и

буквально рыдал Поспелов. На него даже прикрикнул Берия: "Что ты?

Прекрати!". Одним словом, у нас не было сомнений в его хорошем отношении к

Сталину, и мы считали, что это внушит доверие к материалам, которые

подготовит его комиссия.

Они провели расследование, подняли документы, вызвали и допросили

множество людей (и арестованных, и тех, которые вели следствие и

арестовывали), просмотрели материалы, на основании которых люди заключались

в тюрьмы, отправлялись в ссылку, казнились. Комиссия представила документ, в

котором она расписалась под заключением, что мы столкнулись с невероятным

злоупотреблением власти. Сталин сделал то, о чем никто из нас

не думал и не

предполагал.

Материалы комиссии Пospelова явились для многих из нас совершенно

неожиданными. Я говорю и о себе, в какой-то степени и о Маленкове,

Булганине, Первухине, Сабурове, других. Одновременно считаю, что больше был

внутренне подготовлен к возможности вскрытия фактов такого рода, которые

были освещены в записке Пospelова, Микоян. Не могу утверждать, что он знал

все! Но он все-таки долгое время был ближе всех нас к Сталину, и многие

люди, которые работали рядом с ним, которым он доверял и которых уважал,

были уничтожены. Зная Анастаса Ивановича, его проницательный ум и его умение

обобщать факты, думаю, что если он и не знал всего, то догадывался и

допускал, что имелось мало обоснований к тем арестам и особенно казням,

которые были произведены во времена правления Сталина.

Почему мы создали комиссию Пospelова? Я рассуждал так: мы идем к съезду

партии, первому съезду после смерти Сталина. На этом съезде мы должны взять

на себя обязательства по руководству партией и страной. Для этого надо точно

**знать, что делалось прежде и чем были вызваны решения
Сталина по тем или**

**иным вопросам. Особенно это касалось людей, которые были
арестованы. Вставал**

**вопрос, за что они сидели? И что с ними делать дальше? Тогда
в лагерях**

**находилось несколько миллионов человек. Уже прошло три
года после смерти**

**Сталина. За эти годы мы не смогли порвать с прошлым, не
смогли набраться**

**мужества, обрести внутреннюю потребность приоткрыть полог
и заглянуть, что**

**же там на деле за этой ширмой? Что кроется за всем тем, что
происходило при**

**Сталине? Что означают бесконечные аресты, суды, произвол,
расстрелы? Мы сами**

**были скованы своей деятельностью под руководством
Сталина и еще не**

**освободились от посмертного давления, хотя и не могли
представить себе, что**

**все эти расстрелы могли оказаться необоснованными, что
это, говоря**

юридическим языком, сплошное преступление. А ведь это так!

**Сталиным были совершены уголовные преступления,
которые наказуются в**

**любом государстве, за исключением тех, где не
руководствуются никакими**

**законами. Получалась двойственная ситуация: Сталин умер, его
мы похоронили,**

а безвинные люди находились в ссылке... Следовательно, все в порядке?

Продолжается старая политика и все, что было сделано при Сталине,

одобряется? Даже несправедливые аресты и казни? Людей, которые умерли

заклейменными как "враги народа", никто и не думал реабилитировать.

Наиболее информированными об истинных размерах и причинах сталинских

репрессий были, как я считаю. Молотов, Ворошилов и Каганович. Полагаю, что

Сталин обменивался с ними мнением на этот счет. Хотя Каганович, вероятно,

всех тонкостей не знал. Вряд ли Сталин с ним откровенно делился. Такой

подхалим, как Каганович, да он отца родного зарезал бы, если бы Сталин лишь

моргнул и сказал бы, что это необходимо сделать в интересах какого-то

сталинского дела. Сталину и не требовалось втягивать Кагановича: тот сам

больше всех кричал, где надо и где не надо, из кожи вон лез в угодничестве

перед Сталиным, арестовывая направо и налево и разоблачая "врагов". Когда он

пришел в Наркомпусть(б), то развернулся там в полную силу.

Итак, мы подошли вплотную к очередному съезду партии. Я отказывался от

отчетного доклада и считал, что раз мы провозгласили коллективное

руководство, то отчетный доклад должен делать не обязательно секретарь ЦК.

Поэтому на очередном заседании Президиума ЦК я предложил решить, кто будет

делать отчетный доклад. Все, в том числе Молотов (а он как старейший среди

нас имел более всего оснований претендовать на роль докладчика), единогласно

высказались за то, чтобы доклад сделал я. Видимо, тут сыграло свою роль то

обстоятельство, что по формальным соображениям именно первый секретарь

Центрального Комитета обязан выступить с отчетом. Если же обратиться к

другому докладчику, то могло оказаться много претендентов, что вызовет

сложности. После смерти Сталина среди нас не было человека, который считался

бы признанным руководителем. Претенденты были, но признанного всеми лидера

не имелось. Поэтому и поручили сделать доклад мне.

Я подготовил доклад, его обсудили на пленуме ЦК и одобрили. Доклад явился

плодом коллективного творчества, к его составлению были привлечены большие

силы в самом ЦК, из научно-исследовательских институтов и ряда других

органов, а также те лица, которые обычно привлекались к составлению отчетных

докладов. Начался съезд(7). Состоялся доклад. Развернулись прения. Съезд шел

хорошо. Для нас это было, конечно, испытанием. Каким будет съезд после

смерти Сталина? Но все выступавшие одобряли линию ЦК, не чувствовалось

никакой оппозиции, ходом событий не предвещалось никакой бури. Я же все

время волновался, несмотря на то, что съезд шел хорошо, а доклад одобрялся

выступавшими. Однако я не был удовлетворен. Меня мучила мысль: "Вот кончится

съезд, будет принята резолюция, и все это формально. А что дальше? На нашей

совести останутся сотни тысяч безвинно расстрелянных людей, включая две

трети состава Центрального Комитета, избранного на XVII съезде. Мало кто

уцелел, почти весь партийный актив был расстрелян или репрессирован. Редко

кому повезло так, что он остался живым. Что же теперь?".

Записка комиссии Пospelова сверлила мне мозг. Наконец я собрался с силами

и во время одного из перерывов, когда в комнате Президиума ЦК находились

только его члены, поставил вопрос: "Товарищи, а как быть с запиской

**Поспелова? Как быть с прошлыми расстрелами и арестами?
Кончится съезд, и мы**

**разъедемся, не сказав своего слова? Ведь мы уже знаем, что
люди,**

**подвергавшиеся репрессиям, были невиновны и не являлись
"врагами народа".**

**Это честные люди, преданные партии, революции, ленинскому
делу строительства**

**социализма в СССР. Они будут возвращаться из ссылки. Мы же
держат их теперь**

**там не станем. Надо подумать, как их возвратить". Мы к тому
времени еще не**

**приняли решения о пересмотре дел и возврате невинно
заключенных домой.**

**Как только я кончил говорить, сразу все на меня
набросились. Особенно**

**Ворошилов: "Что ты? Как это можно? Разве возможно все это
рассказать съезду?"**

**Как это отразится на авторитете нашей партии, нашей
страны? Этого же в**

**секрете не удержишь. И нам тогда предъявят претензии. Что же
мы скажем о**

**нашей личной роли?". Очень горячо возражал и Каганович, и
тоже с тех же**

**позиций. Это были позиции не глубокой партийности, а
шкурные.**

**Это было желание уйти от ответственности, и если состоялось
преступление,**

то замять его и прикрыть.

Я им: "Это невозможно, если даже рассуждать с ваших позиций. Невозможно

скрыть. Люди будут выходить из тюрем, приезжать к родным, расскажут

родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как все было, и станет

достоянием всей страны и всей партии, что те, кто остался в живых, были

репрессированы невинно. Люди отсидели по 15 лет, а кое-кто и гораздо больше,

и совершенно ни за что. Все обвинения были выдумкой. Умолчать невозможно.

Потом прошу подумать и вот над чем: мы проводим первый съезд после смерти

Сталина. Считаю, что именно на таком съезде мы должны чистосердечно

рассказать всю правду о жизни и деятельности нашей партии и Центрального

Комитета за отчетный период. Мы отчитываемся сейчас за период после смерти

Сталина, но как члены ЦК обязаны сказать и о сталинском периоде. Мы же были

в руководстве страны вместе со Сталиным. Когда от бывших заключенных партия

узнает правду, нам скажут: позвольте, как же это так? Состоялся XX съезд, и

там нам ни о чем не рассказали. И мы ничего не сумеем ответить. Сказать, что

мы ничего не знали, будет ложь: ведь мы теперь знаем обо всем правду, и о

репрессиях, ничем не обоснованных, и о произволе Сталина".

В ответ опять очень бурная реакция. Ворошилов и Каганович повторяли без

конца: "Нас притянут к ответственности. Партия обретет право притянуть нас к

ответственности. Мы входили в состав руководства, и если мы не знали всей

правды, так это наша беда, но ответственны мы за все". Я им: "Если

рассматривать нашу партию как партию, основанную на демократическом

централизме, то мы, ее руководители, не имели права не знать. Я, да и многие

другие, находились в таком положении, что, конечно, не знали многого, потому

что был установлен такой режим, когда ты должен знать только то, что тебе

поручено, а остального тебе не говорят, и не суй носа дальше этого. Мы и не

совали нос. Но не все были в таком положении. Некоторые из нас знали, а

некоторые даже принимали участие в решении этих вопросов. Поэтому здесь

степень ответственности разная. Я лично готов как член ЦК партии с ее XVII

съезда и как член Политбюро с ее XVIII съезда нести свою долю

ответственности, если партия найдет нужным привлечь к ответственности тех,

кто был в руководстве во времена Сталина, когда допускался произвол".

Со мной опять не соглашались. Возражали: "Да ты понимаешь, что

произойдет?". Особенно крикливо реагировали Ворошилов и Молотов. Ворошилов

доказывал, что вообще не надо делать этого. "Ну, кто нас спрашивает?" -

повторял он. Снова я: "Преступления-то были? Нам самим, не дожидаясь других,

следует сказать, что они были. Когда о нас начнут спрашивать, то уже будет

суд, а мы - на нем подсудимыми. Я не хочу этого и не буду брать на себя

такую ответственность".

Но согласия никакого не было, и я увидел, что добиться правильного

решения от членов Президиума ЦК не удастся. В Президиуме же съезда мы пока

этот вопрос не ставили, пока не договорились внутри Президиума ЦК. Тогда я

выдвинул такое предложение: "Идет съезд партии. Во время съезда внутренняя

дисциплина, требующая единства руководства среди членов ЦК и членов

Президиума ЦК, уже не действует, ибо съезд по значению выше. Отчетный доклад

сделан, теперь каждый член Президиума ЦК и член ЦК имеет право выступить на

съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой

зрения отчетного доклада". Я не сказал, что выступлю с сообщением о записке

комиссии. Но, видимо, те, кто возражал, поняли, что я могу выступить и

изложить свою точку зрения касательно арестов и расстрелов. Сейчас не помню,

кто после этого персонально поддержал меня. Думаю, что это были Булганин,

Первухин и Сабуров. Не уверен, но думаю, что, возможно, Маленков тоже

поддержал меня. Он был секретарем ЦК по кадрам, его роль в этом деле была

довольно активной. Он, собственно, и помогал Сталину выдвигать кадры, а

потом уничтожать их. Я не утверждаю, что он проявлял личную инициативу в

репрессиях. Вряд ли. Но в тех краях и областях, куда Сталин посылал

Маленкова для наведения порядка, тысячи людей были репрессированы и многие

из них казнены. Тем не менее, Маленков мог теперь поддержать меня.

Кто-то проявил инициативу: "Раз вопрос ставится так, видимо, лучше

сделать еще один доклад". Тут все неохотно согласилось, что придется делать.

Я сказал им: "Даже у людей, которые совершили преступления, раз в жизни

наступает такой момент, когда они могут сознаться, и это принесет им если не

оправдание, то снисхождение. Если даже с этой позиции рассматривать вопрос о

докладе насчет злоупотреблений, совершенных Сталиным, то такой доклад можно

сделать только сейчас, на XX съезде. На XXI съезде уже будет поздно, если мы

вообще сумеем дожить до того времени и с нас не потребуют ответа раньше.

Поэтому лучше всего сделать второй доклад теперь".

Тогда возник вопрос, кто же должен делать доклад. Я предложил, чтобы это

был Пospelов, и аргументировал свое предложение тем, что он изучил этот

вопрос как председатель комиссии и составил записку, которой мы, собственно,

и пользуемся. Поэтому ему не нужно готовиться: он может переделать записку в

доклад и прочтет его съезду. Другие (не помню, кто персонально) стали

возражать и предложили, чтобы этот доклад сделал тоже я. Мне было неудобно:

ведь в отчетном докладе я ни слова об этом не сказал, а потом делаю еще и

второй доклад? И я отказался. Но мне возразили: "Если сейчас выступишь не

ты, а Пospelов, тоже как один из секретарей ЦК, то возникнет вопрос: почему

**это Хрущев в своем отчетном докладе ничего не сказал, а
Поспелов выступил по**

**такому важному вопросу в прениях? Не мог же Хрущев не знать
его записки или**

**не считаться с важностью вопроса. Значит, по этому вопросу
имеются**

**разногласия в руководстве? А Поспелов выступил только с
собственным**

**мнением?". Этот аргумент пересилил, и я согласился. Было
решено, что я**

**выступлю с докладом по теме записки. Мы устроили закрытое
заседание, там я**

сделал второй доклад.

**Съезд выслушал меня молча. Как говорится, слышен был
полет мухи. Все**

**оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно,
понимать, как делегаты**

**были поражены рассказом о зверствах, которые были
совершены по отношению к**

**заслуженным людям, старым большевикам и молодежи.
Сколько погибло честных**

**людей, которые были выдвинуты на разные участки работы!
Это была трагедия**

**для партии и для делегатов съезда. Вот как родился доклад на
XX съезде КПСС**

о злоупотреблениях со стороны Сталина*.

**Считаю, что вопрос был поставлен абсолютно правильно и
своевременно. Не**

только не раскаиваюсь, как кое-кто может думать, но доволен,

что правильно

**уловил момент и настоял, чтобы такой доклад был сделан.
Ведь все могло**

**произойти иначе. Мы все еще находились в шоке, а людей
держали по-прежнему в**

**тюрьмах и лагерях. Мы создали в 1953 г., грубо говоря, версию о
роли Берии:**

**что, дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления,
которые**

**совершились при Сталине. Это тоже было результатом шока.
Мы тогда никак еще**

не могли освободиться от идеи, что

**-----* По всей вероятности, имело
место два бурных обсуждения. Одно - перед пленумом ЦК, на
котором был**

**одобрен текст секретного доклада по записке Поспелова.
Решался вопрос в**

**принципе. Второе обсуждение могло иметь место перед самым
выступлением,**

**когда члены Президиума ЦК ознакомились с новым,
расширенным текстом,**

**подготовленным во время съезда и болезненно затрагивавшим
интересы части из**

них, в первую очередь - Ворошилова и Кагановича.

**Сталин - отец народа, гений и прочее. Невозможно было сразу
представить**

**себе, что Сталин - убийца и изверг. Поэтому после процесса над
Берией мы**

находились в плену этой версии, нами же созданной в интересах

реабилитации

Сталина: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу, а

потому бог насылал град, гром и другие бедствия. Народ страдал не потому,

что бог того хотел, а потому, что плох был Николай-угодник, Илья-пророк,

Берия и прочие. Мы старались обелить Сталина, отмыть, действовали вразрез с

русской поговоркой, что черного кобеля не отмоешь добела. Нет сомнения, что

это был черный кобель, а мы его все-таки хотели отмыть.

Здесь не было логики, потому что Берия пришел уже после того, как главная

мясорубка сделала свое дело, то есть Сталин все сделал руками Ягоды и Ежова.

Берия продолжал эту же "работу" по уничтожению людей, если можно назвать это

работой. О большой внутренней борьбе в связи с докладом на съезде я

рассказал. Главными оппонентами были Молотов, Каганович, Ворошилов.

Ворошилов с почестями похоронен, и городу Ворошиловграду возвращено его

имя(8). Сколько людей погибло в результате деятельности этого человека, а

сколько миллионов загублено во время войны при соучастии и по вине наркома

Ворошилова. Теперь он возвратил себе титул "первого

маршала". Бывает так.

Это тоже я считают результатом того, что мы еще не освободились от трепета

перед Сталиным, не набрались мужества называть вещи своими именами.

Преступления вообще, а особенно преступления, совершенные Сталиным и его

сподручными - Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым, нельзя прощать. Прощение

- это как бы благословение: одних преступников прощаешь, а других,

потенциальных преступников благословляешь на новые преступления.

Еще и сейчас иной раз встречаются люди, которые ставят вопрос: "А может

быть, не надо было рассказывать о Сталине?". Это вовсе не соучастники

Сталина в злодеяниях, а простые люди: они привыкли к тому, что молились на

Сталина, и сейчас им трудно. Обычно такие вопросы задают старые люди. Они

сжились с былым, им трудно отрешиться от прежних понятий и аргументации

сталинских времен. Это тоже один из недостатков воспитания членов партии.

Все методы воспитания в партии Сталин приспособлял к себе, к своей

деятельности: подчинение без рассуждений, абсолютное доверие. Идти на смерть

без сомнений, конечно, во время войны хорошо, но это потом всегда

поворачивается обратной стороной, потому что человек, верящий тебе без

рассуждений, когда узнает, что его доверие обмануто, становится твоим же

врагом. Это очень опасно. Я всегда стоял, а сейчас тем более стою за

правдивость, абсолютную правдивость перед партией, комсомолом и всем

народом. Только в этом заключается неисчерпаемый источник силы партии,

только так можно завоевать доверие народа.

После долгой истерии охоты на "врагов народа" не сразу смогли

психологически сбросить груз прежнего до 1956 г., долго еще верили в версии,

которые создавал Сталин, верили, что в собственной стране мы окружены

"врагами народа" и надо с ними бороться, защищать революцию. Мы по-прежнему

находились на позиции обострения классовой борьбы, как это было теоретически

обосновано и практически осуществлено Сталиным. А когда наконец-то пришли к

решению создать проверочную комиссию и она дала свои материалы, эти

материалы сделали секретными. Потом, на XX съезде партии, по ее материалам

был сделан мною доклад. Копию доклада разослали по партийным организациям и

приняли меры, чтобы разосланные документы не могли где-то на местах

остаться, их требовалось вернуть в ЦК КПСС.

Мы дали их также для ознакомления братским компартиям. В том числе

получила их ПОРП. В Польше как раз тогда умер ее руководитель Берут. После

его смерти там вспыхнули волнения, и названный документ попал в руки тех

поляков, которые стояли на позиции недружелюбия к Советскому Союзу. Они

использовали этот документ в своих целях и размножили его. Мне говорили

даже, что поляки его продавали задешево. Доклад Хрущева, сделанный на

закрытом заседании XX съезда КПСС, ценился недорого. Его просто, образно

говоря, покупали на базаре все, кто хотел, включая разведчиков со всего

мира. Таким образом, польские товарищи "помогли" нам: этот документ был

обнародован. Но официально мы его существование не подтверждали. Помню, как

меня спросили тогда журналисты, что, мол. Вы можете сказать по этому поводу?

Я ответил им, что такого документа не знаю и пусть на этот вопрос отвечает

разведка США, господин Аллен Даллес.

Сейчас я часто слушаю радио. Радио - это мой спутник во время прогулок.

От него я получаю и информацию, и удовольствие. Я люблю народную музыку,

народные песни. Кое-что нравится мне и из современной музыки. Но, каюсь,

видимо, человек в моем возрасте больше склоняется к тому, на чем он был

воспитан в молодости. Особенно в хорошее настроение прихожу от пения Людмилы

Зыкиной, это моя любимая певица. Слушаю и другие передачи. Передач очень

много, большинство хороших, но встречается и дребедень, которая лишь

засоряет эфир.

Однажды я услышал чтение одной из последних глав романа Шолохова "Они

сражались за Родину". Михаил Александрович верен своим творческим приемам:

историю периода злоупотреблений Сталина, его расправ над верными и честными

кадрами, воспитанными Лениным, он передает в форме беседы двух рыбаков.

Сидят они и разговаривают. Один задает другому вопрос: "Как понимать

товарища Сталина? Говорят, что он проглядел. А сколько людей было наказано,

сколько казнено! Как мог Сталин допустить это?". "Да, трудно

понять", -

отвечает другой. Тогда первый опять спрашивает: "А не Берия ли тут главный

виновник? Ведь он все Сталину докладывал?". И ответ: "Да, все дело в Берии".

Михаил Александрович - умный человек и хороший писатель. Но тот факт, что

он навязывает подобное понимание трагедии партии и народа, когда столько

людей погибло от руки Сталина, конечно, не является украшением этого автора.

Тут ведь элементарная вещь: не Берия создал Сталина, а Сталин создал Берию,

Сталин выдумал Берию, как раньше создал Ежова, а еще раньше Ягоду. Все они

последовательно сходили со сцены. Одни "герои", созданные Сталиным,

заменялись другими, и это тоже было логичным для Сталина. Сталин чужими

руками уничтожал честных людей и знал, что они чисты перед народом и перед

партией. Эти люди гибли в результате только того, что он их боялся и не

доверял им. Поэтому надо было постепенно убирать одних душителей и заменять

другими. Так сложилось три эшелона карателей: сперва Ягода, затем Ежов,

потом Берия.

На Берии это оборвалось. Точнее говоря, не на самом Берии, а

в результате

смерти Сталина. Берия же предстал перед судом народа как преступник. Но мы

тогда еще находились в плену у мертвого Сталина и, даже когда многое узнали

после суда над Берией, давали партии и народу неправильные объяснения, все

свернув на Берию. Нам он казался удобной для того фигурой. Мы делали все,

чтобы выгородить Сталина, хотя выгораживали преступника, убийцу, ибо еще не

освободились от преклонения перед Сталиным.

Впервые я по-настоящему почувствовал ложность нашей позиции, когда

приехал в Югославию и беседовал там с Тито и другими товарищами. Когда мы

затронули этот вопрос и сослались на Берию, они стали улыбаться и подавать

иронические реплики. Это нас раздражало, и мы, защищая Сталина, вступили в

большой спор, дошедший даже до скандала. Потом я публично выступил в защиту

Сталина и против югославов. Сейчас всем ясно, что это было неправильно, тут

у меня была позиция человека, который не осознал необходимости разоблачить

до конца преступления Сталина, чтобы подобные методы действий никогда не

могли вернуться в нашу партию. Тот, кто действительно хочет

установления в

нашей партии ленинских порядков, а не сталинских, должен приложить все силы

к разоблачению Сталина и осуждению сталинских методов. Необходимы

реабилитация тех честных людей, из которых многие еще не реабилитированы, и

разоблачение творившихся ранее беззаконий, с тем чтобы даже призрак подобных

методов не мог подняться из могилы.

Удивляюсь некоторым крупным военачальникам, которые в своих воспоминаниях

хотят обелить Сталина и представить его отцом народа, доказать, что если бы

не он, то мы не выиграли бы войну и подпали под пяту фашистов. Это глупые

рассуждения, рабские понятия. Что же теперь, когда нет Сталина, мы подпадем

под немецкое, английское или американское влияние? Нет, никогда. Народ

выдвинет новых руководителей и сумеет постоять за себя, как это было всегда.

Несуразность таких рассуждений не нуждается в особом доказательстве.

Помню, как выступал на каком-то собрании один наш военачальник и, говоря

добрые слова о Сталине, тут же возвеличивал и Блюхера(9). А другие, говоря о

Сталине, тут же возвеличивали Тухачевского. Товарищи, надо

же сводить концы

с концами! Нельзя на один пьедестал ставить убийцу и его жертвы. Кто такой

Блюхер? Герой гражданской войны, военный самородок, слесарь, выдвинувшийся в

крупного полководца. Он получил орден Красного Знамени № 1. Одно это говорит

о том, кем был Блюхер. Потом как один из лучших советских командармов он был

послан в Китай военным советником к Сунь Ятсену. И вдруг он расстрелян!

Нельзя говорить одновременно о Сталине и Блюхере, умалчивая о причинах

гибели Блюхера. Нельзя закрывать глаза, считать, что никто ничего не видит.

Подобные поступки могут вызвать только недоверие.

Когда я был как-то в Болгарии, то в одном из своих выступлений привел

слова Пушкина, в произведении которого беседуют Моцарт и Сальери. Моцарт, не

подозревая, что Сальери готовится его отравить, говорит: "Гений и злодейство

несовместимы". Верно! Так и со Сталиным. Нельзя сочетать гения и убийцу в

одном лице. Нельзя объединять тысячи жертв с их убийцей, ничего не объясняя

насчет Сталина. Нельзя на одном пьедестале возводить два памятника.

Злодейства были учинены Сталиным! По каким мотивам -

другой вопрос.

Некоторые аргументируют так: это было сделано не в корыстных личных целях, а

в качестве заботы о своем народе. Ну и дикость! Заботясь о народе, убивать

лучших его сынов! Довольно дубовая логика. Правда, находить аргументы,

оправдывающие убийц, всегда было сложно.

В моем докладе на XX съезде партии ничего не было сказано об открытых

процессах 30-х годов, на которых присутствовали представители братских

коммунистических партий. Тогда судили Рыкова, Бухарина, других вождей

народа. Они заслуживают того, чтобы называться вождями. Взять, например,

Рыкова. Он после смерти Ленина стал председателем Совета народных комиссаров

СССР, имел большие заслуги перед партией, перед народом и достойно

представлял советскую власть. А его судили и расстреляли. А Бухарин? Бухарин

был одним из любимцев партии. По его книгам старшее поколение членов ВКП(б)

обучалось марксистско-ленинскому уму-разуму. Бухарин много лет был

редактором газеты "Правда". Ленин любовно называл его: "Наш Бухарчик". Или

Зиновьев и Каменев. Да, у них имелись октябрьские ошибки

1917 года. Это всем

известно, но известно и другое. Зиновьев и Каменев были привлечены Лениным к

работе в Политбюро ЦК партии и наряду с другими руководили ею. Когда

советское правительство переехало в Москву, Зиновьев остался в Петрограде.

Ему было доверено руководство колыбелью революции, городом, который поднял

знамя восстания в октябре 1917 года. Каменеву же была доверена Москва. Он

был, в частности, председателем Моссовета. Вот как относился к ним Ленин

после ошибок, которые ими были допущены.

Иной раз слышу по радио в какой-то связи: Ленин то-то поручил Ломову(10).

А где этот Ломов? Я Ломова хорошо знал, неоднократно встречался с ним, когда

работал в Донбассе, уже после гражданской войны. Тогда он возглавлял добычу

угля в Донбассе. Я часто бывал на совещаниях у него, в Сталине или в

Харькове, где находилось его управление. Это был очень уважаемый в партии

человек с дореволюционным подпольным стажем. Где же Ломов? Расстрелян. Нет

Ломова. Я уже говорил о Кедрове, Тухачевском, Егорове, Блюхере, о других.

Можно составить целую книгу только из одних фамилий

крупнейших военных,

**партийных, советских, комсомольских и хозяйственных
руководителей,**

**дипломатов, ученых. Все это были люди честные. Они стали
жертвами Сталина,**

**жертвами произвола без всяких настоящих доказательств их
вины, без всяких**

оснований.

**В вопросе об открытых процессах 30-х годов тоже сказалась
двойственность**

**нашего поведения. Мы опять боялись договорить до конца,
хотя не вызывало**

**никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они были
жертвами произвола.**

**На открытых процессах присутствовали руководители
братских компартий,**

**которые потом свидетельствовали в своих странах
справедливость приговоров.**

**Мы не захотели дискредитировать их заявления и отложили
реабилитацию**

**Бухарина, Зиновьева, Рыкова, других товарищей на
неопределенный срок. Думаю,**

**что правильнее было договаривать до конца. Шила в мешке не
утаишь! Главное**

**достижение XX съезда партии - то, что он начал процесс
очищения партии и**

**возвращения ее к тем нормам жизни, за которые боролись
Ленин и другие лучшие**

сыны нашей страны.

Часть несправедливо осужденных была освобождена, как только умер Сталин.

Берия поднял тогда этот вопрос, подработал его, внес соответствующее

предложение, и мы согласились с ним. Но оказалось, что им освобождены были

главным образом уголовники: убийцы, грабители, мерзавцы и всякие другие

подлые люди. Когда они вернулись по месту своего жительства, то возобновили

грабежи и убийства. Ропот пошел в народе, что выпустили воров и убийц, и они

делают свое грязное дело. К тому времени Берия уже был разоблачен и осужден.

Поэтому именно нам приходилось давать народу разъяснения. Мы и сами видели,

что сделано было неправильно, и хотя внес предложение Берия, но решение

принимали правительство и ЦК, так что мы все несли ответственность за него.

Сколько этих субъектов было освобождено, боюсь сказать, однако, во всяком

случае, огромная армия.

Политические же заключенные и ссыльные остались в тюрьмах и в ссылках.

Берия поднял даже вопрос о том, чтобы принять закон, который давал бы право

Министерству внутренних дел, то есть Берии, по своему усмотрению решать,

куда возвращаться этим людям после отбытия срока наказания. Я уже

рассказывал, как я категорически запротестовал, и все меня поддержали. В

результате свое предложение Берия отозвал. Что касается судьбы всех

политических, то когда генеральный прокурор Руденко доложил мне об

отсутствии вины за ними, я его спросил: "Как же так? Я сам слышал, как они

признавались в преступлениях, в которых их обвиняли". Руденко улыбнулся:

"Тут искусство тех, кто вел следствие и кто проводил суд. Доводили людей до

такого состояния, что у них имелся единственный способ покончить со

страданиями и издевательствами - признаться, а следующим шагом была смерть".

Сталин тогда принял решение о применении пыток. Помню, как-то Каганович

просил меня: "Ты постарайся найти решение о пытках. Его надо уничтожить. Я

помню кусок бумаги, на нем рукой Сталина было написано, что арестованных

надо подвергать избиению". Нас, мол, в тюрьме били, и нам не надо щадить

наших врагов. Иначе они не сознаются. Мы все подписались.

Я потом искал его в секретариате ЦК и в секретных документах, но такого

документа не нашли. Видимо, Сталин его еще раньше уничтожил. Я успокоил

Кагановича, что этого документа нет. Хотя я и член Политбюро, но я этого

документа не видел. Видимо, он был составлен и принят, когда я еще не был

членом Политбюро. А кроме того, у Сталина не все члены Политбюро участвовали

в голосовании по тем или иным вопросам. К тому же Политбюро заседало

нерегулярно. Все голосовалось опросом. Сталин сам решал, какой документ кому

голосовать, а кому нет. Поэтому за этот документ я не только не голосовал,

но его и не видел, и о нем не знал. О нем я узнал уже после смерти Сталина

со слов Кагановича.

Примечания

(1) КЕДРОВ М. С. (1878 - 1941) - член РСДРП с 1901 г., руководитель

книжного издательства "Зерно", участник трех российских революций, с 1919 г.

начальник Особого отдела ВЧК, с 1924 г. занимал ответственные посты в СТО,

ВСНХ, Наркомздраве, Верховном суде, исполкоме Красного спортинтерна,

Госплане; последняя его должность, перед тем как он был репрессирован в 1939

г., - директор Военно-санитарного института.

(2) КЕДРОВ Б. М. (1903 - 1985) - философ, химик, историк, академик АН

СССР с 1966г.

(3) ПОСПЕЛОВ П. Н. (1898 - 1979) - член РСДРП с 1916г., партийный

работник и пропагандист, в 1940 - 1949 гг. главный редактор газеты "Правда",

в 1949 - 1952 и 1961 - 1967 гг. директор Института марксизма-ленинизма при

ЦК КПСС, член ЦК партии в 1939 - 1971 гг., кандидат в члены Президиума ЦК

КПСС в 1957 - 1961 гг., академик АН СССР с 1953 г.. Герой Социалистического

Труда с 1958 г. В описываемое время (с 1953 по 1960 г.) был секретарем ЦК

КПСС.

(4) РУДЕНКО Р. А. (1907 - 1981) - главный обвинитель от СССР на

Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, стал

генеральным прокурором СССР в 1953 году.

(5) КРЕСТИНСКИЙ Н. Н. (1883 - 1938) - советский государственный и

партийный деятель, член Компартии с 1903 г., с 1918 г. нарком финансов

РСФСР, с 1921 г. полпред в Германии, с 1930 г. зам. и первый зам. наркома

иностранных дел СССР, член Политбюро, Оргбюро и секретарь

ЦК партии в 1919 -

1921 гг.

(6) Наркомом путей сообщения СССР Л. М. Каганович (1893 - 1991) стал в

1935г.

(7) XX съезд КПСС проходил 14 - 25 февраля 1956 года.

(8) Был Луганском до 1935 г. и в 1958 - 1970 гг., ныне снова Луганск.

(9) БЛЮХЕР В. К. (1890 - 1938) - герой гражданской войны, командующий

Особой Краснознаменной Дальневосточной армией в 1929 - 1938 гг., Маршал

Советского Союза с 1935 г.

(10) ЛОМОВ Г. И. (Оппоков, 1888 - 1938) - член РСДРП с 1903 г., нарком

юстиции в первом советском правительстве, затем занимал ответственные посты

в ВСНХ, Сибирском и Уральском бюро ЦК РКП(б), Уралэкономсовете,

Нефтесиндикате, Моссовете, Донугле (председатель правления в 1926 - 1929 гг.

), Госплане СССР; последняя его должность перед тем, как его репрессировали,

- член Бюро Комиссии советского контроля.

ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

Сразу же после XX съезда партии начались переживания во всех компартиях,

особенно во французской и итальянской. Оно и понятно, потому что там

большие, массовые пролетарские партии, а на процессах "врагов народа"

присутствовали Торез и Тольятти(1), которые потом свидетельствовали на

родине, что обвинения доказаны. А тут все наоборот! Это обстоятельство и

заставило нас не публиковать материалы открытых процессов, хотя тут тоже

никаких преступлений не имелось и приговоры носили волевой характер и не

были основаны на доказанности преступлений, в которых обвиняемые

"признавались".

Стали набегать тучки и в Польше. За Польшей потянулась Венгрия. После

смерти польского лидера Берута я, будучи уполномочен Центральным Комитетом

КПСС, ездил в Варшаву, когда там проходил пленум ЦК ПОРП. Я на этом пленуме

не присутствовал, чтобы не обвинили СССР, что он вмешивается во внутренние

дела братской партии. Заседания проходили очень бурно, члены ЦК ПОРП

выражали недовольство Советским Союзом. Мне об этом рассказывали близкие нам

люди из их ЦК. Это нам не приносило радости, но мы считали, что проявление

демократии - факт положительный. Однако через некоторое время там произошли

события, которые стали нас очень беспокоить.

На пленуме, о котором я говорил, первым секретарем ЦК ПОРП избрали

Охаба(2). С Охабом у нас сложились хорошие личные отношения. Я с уважением

относился к нему, да он вполне заслуживал того. Старый коммунист, прошедший

школу польских тюрем.

И поначалу мы считали, что он достоин доверия. После его избрания Первым

секретарем мы беседовали с ним, и я поставил вопрос: "Почему у вас сидит в

тюрьме Гомулка(3)? Когда я об этом говорил с Берутом, он ответил мне так: я

и сам не знаю, за что он сидит и в каких преступлениях обвиняется. Может

быть, вы подумали бы о его освобождении?". Тут Охаб начал мне доказывать,

что освободить невозможно. У них сидел не один Гомулка: еще и Спыхальский, и

Лога-Совиньский, и Клишко(4), многие сидели. Это меня беспокоило, и я никак

не мог понять, почему они содержатся в тюрьме. Я побеседовал

почти со всеми

членами руководства ПОРП, и все они доказывали, что сделать ничего не могут,

нельзя тех выпускать.

Через какое-то время Охаб с делегацией поехал в Китай по какому-то

случаю. Когда они возвращались оттуда через Москву, я опять беседовал с

Охабом. К тому времени Гомулка уже был освобожден из тюрьмы, и я спросил

Охаба: не возражает ли он против того, чтобы мы пригласили Гомулку приехать

в Советский Союз, отдохнуть на берегу Черного моря, в Крыму или на Кавказе,

где имеются более благоприятные климатические условия для отдыха, чем в

Польше. Он ответил что-то невразумительное и уехал в Варшаву. Меня это не

успокоило, а даже несколько взволновало. И буквально через несколько дней мы

узнали от нашего посла, что в Польше развернулись бурные события, что поляки

поносят СССР и чуть ли не готовят переворот, в результате которого к власти

придут люди, настроенные антисоветски. Возникла угроза нашим коммуникациям,

которые проходили через Польшу в ГДР. Но события в Польше нас очень

беспокоили и по ряду других причин, и мы решили принять

меры, обеспечивающие

нам свободный доступ в Польшу и наши связи с советскими войсками в ГДР.

Мы наметили делегацию для поездки в Польшу, а перед отъездом позвонили

полякам. Обстановка там продолжала накаляться. В польской печати широко

критиковался СССР, который якобы обирает Польшу, покупая у нее уголь по

заниженным ценам и продавая ей железную руду по завышенным. Такие факты

действительно имели место при Сталине, когда со странами народной демократии

мы торговали не по мировым ценам, а по произвольно установленным. Польские

руководители не рекомендовали нам приезжать сейчас. Но это еще больше

подогрело наше беспокойство, раз поляки ясно показали, что не хотят с нами

встречаться. И мы решили немедленно ехать представительной делегацией:

Хрущев, Микоян, Булганин и еще кто-то.

Прилетели мы в Варшаву. Там нас встретили Охаб, Гомулка, другие товарищи.

Встреча была очень холодной. На лице Охаба была заметна большая

озабоченность. Все вместе поехали в резиденцию, дворец в Лазенках, где и

начался разговор в резких, повышенных тонах. Мы

высказали свою тревогу

ростом антисоветских настроений в Польше и заявили, что полны решимости

обеспечить свои коммуникации с группой советских войск в ГДР. Это был с

нашей стороны откровенный нажим. Охаб вскипел: "Что вы предъявляете мне

претензии? Я теперь уже не секретарь ЦК. Спрашивайте других". И показал на

Гомулку. В словах Охаба сквозило неприкрытое недовольство. У нас сложилось

тогда тяжелое впечатление о положении в польском руководстве. Мы не знали

толком ситуации и боялись, что к власти придут люди, которые поведут

антисоветскую политику. А мы не хотели, чтобы у нас с Польшей опять

сложились такие отношения, как до войны, которые были еще свежи в нашей

памяти.

Гомулка старался рассеять наши подозрения. Он соглашался, что положение в

Польше сложное, и оно усугубляется ростом антисоветских настроений. Но он

заверял нас, что дружба с СССР жизненно необходима для Польши и что наши

связи нерушимы. Уверял, что в скором времени волна недовольства схлынет и

положение нормализуется. Потом начали нарастать такие же

события в Венгрии.

Тогда у нас имелись, на мой взгляд, две компартии, в которых было

неблагополучно с их руководством. В Венгрии в сталинское время тоже много

людей арестовали, причем я и сейчас считаю, что не столько по инициативе

Ракоши, сколько по инициативе Сталина. Это делалось через наших советников,

которых Сталин насадил и в Польше, и в Венгрии, и в других братских странах.

Через них он действовал там теми же методами, которыми действовал в

собственной стране.

После переговоров в Варшаве мы вернулись в Москву Под впечатлением

какого-то нервного, но искреннего заявления Гомулки, что Польше дружба с

Советским Союзом нужна больше, чем СССР - дружба с Польшей. Разве мы не

понимаем своего положения, говорил он, ведь нам сейчас без СССР не удержать

своих западных границ. Мы рассматриваем у себя сейчас внутренние вопросы,

отношения же с Советским Союзом останутся неизменно дружескими и

союзническими. Хотя он говорил это в повышенном тоне, но так, что не

поверить ему было трудно. И я поверил ему, заявив своим

товарищам: "Думаю,

что у нас нет оснований не верить Гомулке. Он избран первым секретарем ЦК

ПОРП. К нему большинство польских товарищей относится с доверием. Мне

кажется, что заявление Гомулки будет поддержано другими. Ведь он говорил нам

это открыто, выступив на заседании руководства. Все это слышали. Надо

полагать, что раз никто не возразил, то все согласны". Однако долгое еще

время ситуация в Польше была напряженной и очень нас беспокоила.

Перед нами вставали и другие стороны наших отношений с соседями. В

настоящее время самый серьезный вопрос - качество нашей продукции. К

сожалению, мы никак не можем догнать капиталистические страны. А чтобы

успешно соревноваться с ними, сделать социализм привлекательным для людей, у

нас все должно быть наилучшим. Нам же приходится идти на поклон к

капиталистам. Это позор. К сожалению, возьмите наши радиоприемники,

магнитофоны, автомашины. Каковы они? Вот мы отметили 50-летие Октябрьской

революции покупкой у "гнилого капитализма" автозавода марки "Фиат"(5). Такие

**автомшины наверняка там устарели, а капиталисты не дураки:
они продают нам**

**ту модель, которую уже снимают с производства, сами же
заложили новую. К**

**сожалению, не можем мы еще работать, как следует, не можем.
Скажут, что мы**

**были прежде отсталыми. Но те отсталые, которые жили когда-то
в России, давно**

**вымерли. Возьмите Японию: она была совершенно разорена
после войны, а сейчас**

**заняла ведущее место в мире. Спорит в вопросах технического
прогресса с США**

и Западная Германия, тоже отчасти лежавшая в руинах.

**Правда, в некоторых областях науки и техники мы
находимся впереди.**

**Например, изобрели непрерывную разливку стали(6). Мы даже
в США продали**

**лицензию. Но такие примеры единичны в сравнении с тем, что
мы там покупаем.**

**Когда мы налегли на развитие добычи нефти, нам
понадобились бурильные**

**установки. Мы делаем хорошие установки, однако
американские установки не**

**идут ни в какое сравнение с нашими. Тут США далеко обогнали
Советский Союз.**

**Отличные бурильные установки делают и в Румынии. Я
спросил об этом**

**Георгиу-Дежа(7). Он засмеялся: у нас, говорит, есть в США
некий румын,**

капиталист в нефтяной промышленности. Он помог нам выкрасть американские

чертежи. Получилась румынская установка по американским чертежам. Мы хотели

купить в Румынии эти чертежи. Говорю Георгиу-Дежу: "Дайте нам чертежи". Он:

"Возьмите". Возьмите... У румын между словами "возьмите" и "получите" -

очень большая дистанция.

Вообще же румыны молодцы. Они быстро стали развивать свою промышленность,

столь же быстро создали колхозы, причем хорошие. Румыния по своей культуре

стояла раньше ниже других стран Восточной Европы, там было больше, например,

неграмотных крестьян. Но, несмотря на это, она вскоре поднялась. Конечно,

румыны имеют более выгодные природные условия, чем ряд других

социалистических стран. У них, в частности, много нефти, газа, леса, хлеба.

Другие социалистические страны и себя-то продовольствием не всегда

обеспечивают, а румыны хлеб экспортируют. Часто на румын обижаются у нас за

то, что они продают хлеб капиталистическому миру, а не отдают его другим

социалистическим странам. Но если бы, к примеру, поляки имели лишнее зерно,

они бы, наверное, поступили еще умнее, чем румыны. Они могли бы продавать

хлеб ГДР за валютные товары. А ведь каждое государство хочет иметь валюту и

выйти на мировой рынок. Поэтому на румын нельзя обижаться.

В этой связи я вспомнил, как однажды приехал к нам Гомулка и просил

продать ему сверх плана пшеницу, а у нас самих было тогда хлеба в обрез. Я

вижу, он хитрит, не говорит всей правды, и заметил: "Вот вы хотите купить

пшеницу, а я-то знаю, что Польша продовольственной пшеницей обеспечена. Вы

хотите купить у нас зерно, чтобы откармливать свиней и продавать бекон

Америке". Он замялся, потом отвечает: "Да". "И вы думаете, что это умеют

делать только поляки, а русские - дураки? Вы купите зерно в Канаде, у них

его сколько хочешь, переводите на бекон и продавайте". "Так там же валюту

надо платить". То-то. Вот в чем вопрос. Взаимоотношения между

социалистическими странами тоже могли быть очень сложными, и по разным

поводам. После этого разговора с Гомулкой мы все же дали ему зерно. А разве

это единственный такой случай, когда СССР отнимал у себя, чтобы поддержать

друзей?

Сколько раз, бывало, согласуем наши планы, а потом Гомулка или еще кто-то

звонит: "Товарищ Хрущев, прошу принять меня, у меня возникли острые

проблемы". Приезжает. "Товарищ Хрущев, вы дали нам столько-то руды с

таким-то содержанием железа, но мы план не выполняем. Помогите, дайте руду

получше, с большим содержанием железа". А что это значит? Ему даем, а сами

перерабатываем руду с меньшим содержанием железа. Или вот болгарские

помидоры. Получаем дрянь. Болгары привыкли, что русские съедят всякое

дерьмо, извините за выражение, вот и снимают помидоры еще зелеными, а

краснеют они при транспортировке. Это же сушая дрянь! Они помидоры в

Западную Германию тоже вывозят, но не такие, потому что там их не купят, там

конкуренция. А у нас что продадут, то потребитель и съест. Ведь у болгар

чудесные помидоры. Болгары - лучшие в мире огородники. Но помидоры хороши,

лишь когда их снимают с грядки вечером, а утром подают на стол.

Много разных вопросов возникает в отношениях между социалистическими

странами. Если их не ставить и не решать, то даже рассориться можно. Нам

бывает обидно оттого, что другие социалистические страны смотрят на

Советский Союз, как на огромную дойную корову. А ведь мы живем хуже

большинства тех стран, которым помогаем. Жизненный уровень определяется

потреблением на душу населения. Возьмем, к примеру, потребление мяса. В 1964

г. в ГДР приходилось в год на человека до 75 кг, у чехов - до 65, у поляков

под 50, следующими шли венгры потом лишь Советский Союз, а ниже нас по мясу

болгары и румыны - по 26 килограммов. Я как-то сказал Ульбрихту(8):

"Вальтер, я не требую уравниловки, но поймите наше положение. Мы победители,

мы разбили гитлеровскую Германию и мы даем ГДР зерно и валютные товары,

чтобы вы могли продать их за границей, купить себе мясо и обеспечить годовое

его потребление в 75 кг на душу населения. А как вы заботитесь о нас?". На

такого рода вопросы существенно влияют и политические соображения, особенно

в отношении ГДР. Там жизненный уровень должен быть выше, чем в ФРГ. Только

это может привлечь всех немцев на нашу сторону. Но пока не получается.

В данном свете интересна проблема репараций. Западные страны отменили

репарации, которые им платила ФРГ, а ГДР продолжала нам выплачивать, чем

могла. Когда умер Сталин, мы поставили заново этот вопрос: если мы хотим,

чтобы Восточная Германия могла соревноваться по жизненному уровню с

Западной, нужно дать ей возможность резко поднять свою экономику. При

продолжении выплаты репараций и содержания наших войск в ГДР за ее счет, это

будет невозможно. И мы отменили тогда репарации, а содержание наших войск

взяли на себя(9). Полякам это понравилось, и они тоже стали драть с нас

шкуру и зарабатывать на том, что наши войска в интересах самой Польши

находятся на польской территории. Много сложных проблем существует и во

взаимоотношениях между странами народной демократии, как их называли после

войны. Польша имеет коксующиеся угли. Однажды чехи обратились к полякам с

просьбой поставить им такой уголь. Поляки отказали, а сами продавали

коксующийся уголь Франции. Мы вынуждены были отдать Чехословакии такой уголь

из своих запасов, иначе там встанет металлургия. Поляки же у нас попросили

**поставить им дополнительно нефть, и мы очертили условие:
дадим вам нефть по**

**эквиваленту, если вы дадите Чехословакии коксующийся
уголь. Если же не**

**дадите, то мы отдадим нашу нефть Чехословакии, чтобы она
продала ее на**

**международном рынке и купила себе коксующийся уголь.
Поляки тогда буквально**

**за горло взяли чехов. Если мы присоединимся к такого рода
действиям, то**

**задушим поляков, у них сядет промышленность, они не смогут
выйти на мировой**

**рынок и конкурировать с капиталистами, у них сразу
понижится жизненный**

уровень, а это приведет к взрыву народного недовольства.

**Вспомнил о чехах - и сразу же о том, что у них
высокоразвитая**

**промышленность. Когда мы еще ходили под стол без штанов,
чехи уже делали**

**такие вещи, которые удивляли мир. Например, зенитные
орудия, с которыми мы**

**прошли всю войну. Нам продал их документацию перед
войной знаменитый**

**заводчик Шкода(10), а мы освоили производство и изготавливали
их до 1945 года.**

**Как-то в 1948 г. Готвальд отдыхал в Крыму со Сталиным.
Сталин звонит мне:**

**"Готвальд здесь, приезжайте и вы". Назавтра я прилетел.
Собралась у Сталина**

обедать. Готвальд выпил (он имел к этому слабость) и говорит: "Товарищ

Сталин, зачем ваши люди воруют у нас патенты? Вы скажите нам, и мы отдадим

все бесплатно. Когда ваши люди воруют, а наши видят, что они воруют, это

обижает нас. Мы можем дать вам не только патенты. Принимайте нас целиком в

состав Советского Союза, мы с удовольствием вступим в СССР, и все, что у нас

есть, будет общим". Сталин отказался от такого принятия, а воровством

возмутился. Но на словах, ибо воровать мы продолжали, порой просто по старой

привычке, как тот цыган, которого спросили: "Если бы ты был царем, что бы ты

сделал?". Он и ответил: "Украл бы сразу табун коней и утек".

Еще один сложный вопрос - расходы на оборону социалистического лагеря.

Казалось бы справедливым распределить их равномерно, посчитать, сколько что

стоит, разложить в среднем на душу населения, и пусть каждый вносит свой

пай. Думаю, что мы бы сократили тогда наполовину военные расходы Советского

Союза. А что получается на деле? Мы как-то в рамках Варшавского пакта

договорились, что и какая страна должна приобрести для усиления

**обороноспособности. Какое-то количество танков должна
была приобрести**

**Румыния, и она должна была построить сколько-то кораблей
на Черном море.**

**Потом министр обороны докладывает мне, что румыны ничего
не делают, не**

**выполняют обязательств. Тут к нам обращаются чехи: мы
сделали для румын**

**танки, а они их не покупают, говорят, что у них денег нет. Я им:
"А у кого**

**есть свободные деньги, чтобы тратить их на оборону? Ни у кого
нет. Это же**

**вынужденная необходимость". Мышление-то у румын очень
простое: нас защищает**

**Советский Союз, на нас одних никто не нападет, побоятся СССР,
пусть русские**

**и тратят деньги на оборону, а мы будем повышать свой
жизненный уровень. Но**

**это неверный подход, это чистейший национализм. К
сожалению, он имеет место**

во взаимоотношениях социалистических стран.

**Вспоминаю такой характерный случай. Мы стояли в 1943
г. у стен**

**Сталинграда. Армию Паулюса мы уже окружили, а Ульбрихт
через громкоговорящую**

**установку обращался к немецким солдатам, чтобы они
сдавались в плен. Он**

**долго пропадал по ночам, а когда приходил, мы с ним
обедали, и я ему**

сообщал, сколько солдат сдалось. Иногда шутил: "Сегодня вам обед не

положен". "Почему?". "Ни один солдат не сдался". Однажды он приходит и

говорит: "Сегодня-то я обед заслужил". А я отвечаю: "Ну да, заслужил. Один

солдат сдался в плен, и тот поляк". Я этого поляка лично допрашивал. Он

сказал, что сдался потому, что не хочет воевать. И я ему предложил: "У нас

формируется польская армия, вступите в нее?". "Нет, пойду в лагерь для

военнопленных". "А кто же Польшу будет освобождать?". "Русские освободят".

Спокойно так ответил. И я распорядился: "Уберите его к чертовой матери!"

Всегда русские да русские... Если такие иждивенческие настроения будут

развиваться и дальше, если все будут надеяться, что русские дадут, что

русские защитят, то это может печально кончиться для социалистического

лагеря.

Еще один камень преткновения - пограничные проблемы. Сейчас, в свете

нашего конфликта с Китаем(11), опять встал вопрос о границах между

социалистическими странами. Эти проблемы существовали всегда. Но впервые в

советской истории возник международный конфликт в споре с Китайской Народной

Республикой. Обычно всегда удавалось решить проблему, сделав взаимные

уступки и спрямляя линию границы. Когда в начале конфликта с Китаем мы

искали решение проблемы, то тоже думали уступить ему какую-то территорию

взамен равноценной китайской территории в районах, устраивающих обе стороны.

Принесли мне перечень претензий, выдвинутых китайцами. Собрались

Малиновский, Громыко и я. Думали, что мы сразу все решим. Я взял карандаш и

провел линию, которая делила как бы пополам взаимные претензии. Граница

получалась более выровненной.

Никаких особых сложностей мы не ожидали, потому что большинство этих

районов было безлюдно: ни наши, ни китайцы там не жили. Иногда, может быть,

заходили туда охотники и пастухи. Одним словом, чепуховый спор. Но китайцы

именно хотели создать конфликт, отказались участвовать в переговорах и

предъявили СССР абсурдные требования, заявив свое "право" на Владивосток,

Памир и др. Теперь, спустя пять лет, опять мы встретились. В Пекин поехал

**заместитель министра иностранных дел Василий Кузнецов(12).
Может быть, опять**

**через лет пять встретимся с китайцами. Тут уже конфликт не
по существу**

**вопроса о границах, а по существу международной "большой
политики". Так что**

придется терпеть.

**Если бы дело заключалось только в границе, то проблему
можно было бы**

**легче уладить. С Ираном у нас не было твердо установленной
границы еще с**

**царских времен. Мы установили там границу в 1955 году,
уступив какие-то**

**районы, где ничего нет, сплошная пустыня. А спор-то был! С
иранцами возник**

**только один принципиальный вопрос: судьба поселка Фирюзы в
Туркмении. Когда**

**царь устанавливал границу с иранцами, Фирюза должна была
отойти к Ирану. Не**

**знаю, почему царь передумал, не уступил тогда эту Фирюзу. В
советское время**

**туркмены построили там дома отдыха. И когда иранцы теперь
поставили вопрос о**

**Фирюзе, мы им сказали: "Давайте решим по-братски. Фирюзу
нам сейчас трудно**

**отдать, там много наших домов отдыха, мы это место хорошо
развили в**

**сравнении с тем временем, когда возник впервые вопрос.
Хотите, мы вместо**

Фирюзы уступим вам другой район?". Они согласились, подписали договор, и

сейчас у нас нет там споров(13). Ни с какими нашими соседями, кроме Китая, у

нас сейчас споров по границам нет. А чего требует Китай?

В Пекине говорят: "Требуем, чтобы в договоре о границах было записано,

что прежние границы были установлены при наличии неравноправных соглашений с

царской Россией". Такое никакой разумный человек не сможет подписать. Что

это значит - неравноправный договор? Если я подписываюсь под такими словами,

то должен, следовательно, отказаться от того, чем владел на основе подобного

договора. Но все социалистические страны получили свои границы от былых

царей, императоров и королей. Если с этих позиций нам строить свои

взаимоотношения, это заведет далеко! Вообще в проблеме границ существует

много аспектов, которые можно толковать по-разному, особенно в Европе. У нас

с венграми нет пограничных споров, но в советском Закарпатье живет 120 тысяч

венгров. Янош Кадар не претендует на их земли. Почему? Венгры в свое время

воспользовались случаем, когда Закарпатская Украина входила в состав

Австро-Венгерской монархии, и вытеснили украинцев в горы, а сами заняли по

Тиссе лучшие земли. Как сейчас Кадару востребовать эти земли?

Зато у венгров сильный пограничный спор с югославами. В Югославии живут

два миллиона венгров. У венгров имеется спор и с румынами насчет

Трансильвании. Румыны с пеной у рта доказывают, что это исстари румынская

провинция, а венгры говорят, что Трансильвания всегда была венгерской, там

преобладают венгерская культура и мадьярский язык. Румыны перевернули все

вверх дном, чтобы начисто искоренить там все венгерское. Большой пограничный

спор у Албании с Югославией. Думаю, что албанцев живет в Югославии побольше,

чем в самой Албании, но Энвер Ходжа очень боится Югославии. А те албанцы,

которые живут в Югославии, смотрят вовсе не на Албанию и в Албанию сами не

пойдут. В Югославии-то живется лучше. Да и Тито ведет политику поумнее.

Ходжа - это же просто разбойник. Это разве политик? У него одни метод:

надеть петлю на шею и вздернуть. Типичная сталинская политика. У него

имеются тайные убийцы, которые режут оппозиционеров: поймают на дороге и

зарезут. Или ворвутся в дом и зарезут. А Мехмет Шеху? В Албании был прежде

секретарем ЦК партии, очень умный человек из рабочих. Он являлся создателем

Компартии Албании(14), а его лично задушил Шеху. Почему? Тот занимал позицию

создания унии Албании с Югославией. Это была, между прочим, идея Сталина. В

свое время, возможно, это было разумно, потом - нет. Но если это кого-то

обижает, зачем все же душить?

Возникает также, помимо пограничных, множество иных проблем. Что же это

за социализм, в котором надо держать человека на цепи? Какой же это

справедливый строй, какой же это рай? В рай все сами хотят попасть. Это не

рай, раз из него люди хотят убежать, да дверь заперта. Если бы, как

говорится, Бог дал мне продолжить мою деятельность, я бы все двери открыл,

открыл бы настежь и двери, и окна. И что, все бы вдруг уехали? Ленин-то

открыл советские границы после гражданской войны. Некоторые уехали. Уехали

Шаляпин, Андреев, Куприн(15), другие известные люди. А потом одни вернулись,

другие долго просились обратно. Разве может весь народ уехать? А сколько к

нам иностранцев приезжает и не возвращается к себе...

Почему мы должны

бояться всего этого?

Вот - Польша. Там все, кто пожелал уехать, уехали. И что?

Многие затем

**вернулись. Наш посол присылал в свое время телеграммы из
Израиля о том, что**

**некоторые люди, выехавшие туда из СССР, просят разрешения
вернуться. У меня**

**есть знакомая (несчастный человек, сама при Сталине дважды
сидела, мужа**

**расстреляли, брата расстреляли и мужа ее сестры расстреляли, а
в войну немцы**

**сожгли ее мать и отца, что может быть хуже?), и она
рассказывала мне, что**

**какая-то ее родственница выехала в Израиль, погостила,
посмотрела, как там**

**живут, и сообщила, что в общем-то евреи живут неплохо, но те
старые люди,**

**которые сформировались как личности при советской власти,
скучают. Она тоже**

хотела бы туда съездить, но остаться там жить - ни за что.

Молодежь, правда,

**возвращаться сюда не хочет. Из-за чего? Объясняют: "Надоело
нам слушать, как**

нас называют жидами". Что им ответить?

**Вообще-то с Израилем у нас отношения складывались
трудно. Израильтяне**

предпринимали много попыток улучшить их, но мы не смогли

на это пойти из-за

дружбы с арабами. Сколько раз израильский посол просил, чтобы я принял его.

Мне самому хотелось его принять, но я не мог так поступить, потому что это

взбесило бы арабов. В то время Израиль уже играл роль агента американского

империализма на Ближнем Востоке, а арабов мы не хотели оттолкнуть от себя,

хотели привлечь, вот и держали Израиль на расстоянии. Если рассматривать

политическое лицо этого государства, то оно не только не хуже, а даже лучше

других капиталистических стран, и с ним спокойно можно наладить нормальные

отношения. Сельское хозяйство там коллективизировано не хуже, чем в Польше.

В Польше тоже нет колхозов, а созданы товарищества как первая ступень

коллективизации сельских хозяйств. Земля в Польше принадлежит собственникам,

а доходы в товариществах получают в зависимости от количества внесенной

земли.

Я никогда не был антисемитом. В Юзовке я и жил, и работал вместе с

евреями. У меня было много друзей среди евреев. Еще будет мальчишкой, я

работал на заводе с одним евреем, Яковом Исааковичем

Кутиковым - хорошим

человеком. Он был слесарем и получал 2 рубля в день, а я был на подхвате и

помогал ему за 25 копеек в день. Подлецы же бывают всех национальностей - и

русские, и евреи, и кто угодно. С арабами израильтян даже нечего и

сравнивать: в Израиле живут богаче. В сельском хозяйстве там внедрили

гидропонику, самый прогрессивный метод ухода за растениями. Взаимоотношения

с арабами складываются у Израиля очень тяжело. Если так будет продолжаться,

то это кончится для Израиля плохо. Он все время беспокоит арабские страны. А

из физики известно, что действие равно противодействию. В политике

наблюдается то же самое. Шестидневная война 1967 года(16) должна научить

арабов многому. Я вспоминаю Петра I. Когда ему шведы высекли задницу под

Нарвой, он сказал: спасибо за учебу, потом разбил их под Полтавой. Пройдет

время, и если израильтяне не поумнеют, то арабы разобьют их.

Впрочем, у кого организация дела хорошая, тех не бьют, те сами бьют

других. В этом-то и дело: 2, 5 миллиона евреев организовались так, что за

шесть дней разбили десятки миллионов в Египте, Сирии, да

еще с их

союзниками. Израильский военный лидер Даян был офицером английской армии. А

сколько там людей, которые служили в нашей армии? В этом тоже их сила. Арабы

особенно не воевали, больше на верблюдах ездили, а евреи воевали во всех

войнах. Как появился Израиль? Это была идея сионистов. Года два тому назад,

уже глубоким стариком, умер человек, который создал партию сионистов(17)

Англия, которая контролировала Ближний Восток, согласилась выделить район

для Израиля, выселив оттуда арабов. Мы какое-то время воздерживались по

этому вопросу при голосовании в ООН, а потом тоже дали директиву согласиться

на создание Израиля. Сейчас там премьер-министром Голда Меир(18). Она была

прежде первым послом Израиля в СССР. Сама родилась в Одессе, шестилетней

родители вывезли ее в Америку. Она хорошо знает русский язык. Когда она

приехала сюда, то развила бурную деятельность среди советских евреев, и

Сталин ее выслал. Тогда-то наши отношения и ухудшились.

Примечания

(1) ТОРЕЗ М. (1900 - 1964) - член Французской компартии с

1920 г., член

ЦК с 1924 г. и член Политбюро с 1925 г., в 1928 - 1943 гг. член исполкома

Коминтерна и с 1935 г. его президент, генеральный секретарь (в 1964 г.

председатель) ФКП.

Тольятти П. (Эрколи, 1893 - 1964) - член Итальянской компартии с 1921 г.

и ее руководства с 1923 г., член исполкома Коминтерна с 1924 г. и его

президиума с 1928 г., генеральный секретарь ИКП с 1926 года.

(2) ОХАБ Э. (1906 -) - член Компартии Польши с 1929 г., с 1943 г.

военнослужащий в составе польской дивизии им. Костюшко, член ЦК Польской

(потом - Объединенной) рабочей партии в 1944 - 1968 гг., член Политбюро ЦК

ПОРП в 1954 - 1968 гг., секретарь ЦК в 1950 - 1956 и 1959 - 1964 гг., а в

1956 г. первый секретарь, в 1964 - 1968 гг. председатель Государственного

совета Польской народной республики.

(3) ГОМУЛКА В. (Веслав, 1905 - 1982) - член Компартии Польши с 1926г., в

1932 - 1934 и 1936 - 1939 гг. политзаключенный в Польше, с 1942 г. член ЦК

Польской рабочей партии, в 1943 - 1948 гг. генеральный секретарь ЦК, в 1945

- 1949 гг. вице-премьер, первый секретарь ЦК ПОРП в 1956 -

1970 гг.

(4) СПЫХАЛЬСКИЙ М. (род. в 1906 г.) - член Компартии Польши с 1931 г., с

1942 г. начальник Главного штаба Гвардии Людовой, в 1944 - 1945 гг.

президент Варшавы, в 1945 - 1948 гг. первый заместитель министра народной

обороны, в 1944 - 1948 и 1959 - 1970 гг. член Политбюро ЦК ПНР и ПОРП, в

1956 - 1968 гг. министр народной обороны, в 1968 - 1970 гг. председатель

Госсовета ПНР, с 1963 г. маршал.

КЛИШКО З. (род. в 1908 г.) - член КПШ с 1931 г., член ЦК ПНР и ПОРП в

1944 - 1948 и 1957 - 1971 гг., в 1957 - 1970 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в

1957 - 1971 гг. вице-маршал Сейма, потом на пенсии.

Лога-Совиньский И. (род. в 1914 г.) - член КПШ с 1935 г., член ЦК ПНР с

1943 г., в 1947 - 1952 и 1957 - 1972 гг. делегат Сейма, в 1956 - 1971 гг.

лидер польских профсоюзов, вице-председатель Госсовета и член Политбюро ЦК

ПОРП, затем посол в Турции.

(5) Для производства на Волжском автомобильном заводе (АвтоВАЗ) в г.

Тольятти (ранее и позднее - г. Ставрополь-районный).

(6) В 1930-е годы в разных странах начало развиваться непрерывное литье

металлов. В 1939 г. в Германии З. Юнганс получил таким методом стальные

заготовки. Работа по его освоению развернулась в СССР с 1944 года. Первая

промышленная установка для непрерывного литья стали была введена в

эксплуатацию на горьковском (нижегородском) заводе "Красное Сормово" в 1955

г., а потом внедрили новый вариант процесса с формированием слитка в

электромагнитном поле. Соответствующую лицензию как раз и продали в США.

(7) Георгиу-Деж Г. (1901 - 1965) - член Компартии Румынии с 1930 г.,

генеральный секретарь ЦК КПП с 1945 г. и ЦК Румынской рабочей партии с 1948

г. (с 1955 г. первый секретарь), вице-премьер в 1948 - 1952 гг. и премьер в

1952 - 1955 гг., с 1961 г. председатель Государственного совета Румынии.

(8) Речь идет о времени после 1953 г., когда генеральный секретарь ЦК

Социалистической единой партии Германии В. Ульбрихт (1893 - 1973) стал

первым секретарем ее ЦК.

(9) С 1 января 1954 года.

(10) Акционерное общество Шкоды (бывших заводов сельхозинвентаря,

основанных Э. Шкодой в 1869 г.) с 1899 г. стало крупнейшим

предприятием

военной, металлургической и машиностроительной промышленности

Австро-Венгрии, а затем в Чехословакии, где им владели французский концерн

Шнейдер-Крезо и пражский "Банк Живностенски". Имело филиалы в Польше,

Румынии, Югославии. Зенитные орудия, которые тут упоминаются, изготовлялись

на заводе в Пльзене. Соглашение об их покупке стало возможным после того,

как 16 мая 1935 г. был подписан Договор о взаимной помощи между

Чехословакией и СССР.

(11) Когда шла работа автора над этим текстом, возник советско-китайский

вооруженный конфликт из-за острова Даманский на р. Амур (1969 г.), но

систематические нарушения советско-китайской границы начались с 1960 г., и в

самый напряженный в этом отношении 1963 г. в 4 тысячах пограничных

столкновениях принимало участие свыше 100 тысяч человек.

(12) КУЗНЕЦОВ В. В. (1901 - 1990) - член ВКП(б) с 1927 г., в 1940 - 1943

гг. заместитель председателя Госплана СССР, в 1944 - 1953 гг. председатель

ВЦСПС, потом посол СССР в Китае, заместитель и первый заместитель министра

иностранных дел, в 1977 - 1986 гг. первый заместитель председателя

Президиума

Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС в 1952 - 1989 гг. и его Президиума в

1952 - 1953 гг., кандидат в члены его Политбюро в 1977 - 1986 гг.

(13) Когда в 1893 г. решался вопрос о российско-иранской границе в районе

Асхабадского уезда недавно возникшей тогда Закаспийской области, по

обоюдному согласию селение Феруза (Фирюза) отошло к России, а Иран взамен

получил Хисар. Дома отдыха, которые здесь упоминаются, начали строиться с

1930 г. в зоне климатического курорта на склонах Копет-Дага.

Советско-иранское соглашение об урегулировании пограничных и финансовых

вопросов было подписано 2 декабря 1954 года.

(14) Намек на одного из секретарей ЦК Компартии Албании К. Дзодзе.

(15) ШАЛЯПИН Ф. И. (1873 - 1938) - бас, народный артист Республики с 1918

г., с 1922 г. жил за рубежом.

АНДРЕЕВ Л. Н. (1871 - 1919) - писатель - демократ и философ-публицист.

КУПРИН А. И. (1870 - 1938) - писатель, с 1919 г. жил в эмиграции, в 1937

г. вернулся на Родину.

(16) С 5 до 10 июня.

**(17) Возможно, он имел в виду публициста Жаботинского В. Е.
(род. в 1880**

**г.), который с 1905 г. являлся одним из главных
пропагандистов сионизма.**

**Юридически это движение принято причислять с 1897 г.,
когда в Базеле**

состоялся I сионистский съезд.

**(18) МЕИРО Г. (Мейерсон, 1898 - 1978) - генеральный
секретарь Рабочей**

**партии Израиля (МАПАЙ) в 1966 - 1968 гг., премьер-министр в
1969 - 1974 гг.,**

**с 1972 г. вице-президент и с 1976 г. почетный президент
Социалистического**

интернационала.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЛАСТИ, О ЖУКОВЕ

**После смерти Сталина (а я все время упор делаю на этой
рубежной дате) на**

**нас свалились заботы о безопасности страны, о вооружении
армии. Свалились на**

**наши, в государственном понимании слов, молодые плечи.
Раньше мы обороной**

**фактически не занимались. Булганин как министр обороны
должен был кое-что**

понимать. Булганина я знал как облупленного и знал (тому пример - его

неверная оценка творческих предложений Челомея), что на него целиком

положиться нельзя. Дальше - больше.

Когда пришлось заменить в руководстве страны Маленкова, Молотова и всю их

компанию, которая взбунтовалась в ЦК партии против антисталинского

направления политики, возглавленного мною, мы вынуждены были освободить

Булганина от поста председателя Совета Министров СССР. Меня уговорили занять

этот пост. Я искренне говорю, именно уговорили. Я очень не хотел,

сопротивляясь против совмещения в одном лице постов председателя Совета

Министров СССР и первого секретаря ЦК партии. Председателем правительства я

видел Алексея Николаевича Косыгина. На международном совещании

представителей компартий 1957 г. я его как наиболее вероятного кандидата на

этот пост даже представил Мао Цзэдуну.

Но такая сложилась тогда ситуация: нажимали на меня буквально все, что

именно так следует решить вопрос, что так будет более правильно. Я видел не

только бесполезность, но и вред совмещения постов, и я даже

ссылался:

"Представьте мое положение, я критиковал Сталина за совмещение в одном лице

двух таких ответственных постов в государстве и в партии, а теперь сам... "

Выношу этот вопрос на суд историков. Сказалась моя слабость, а может

быть, подтачивал меня внутренний червячок, ослабляя мое сопротивление. Еще

до того, как я стал председателем Совета Министров СССР, Булганин внес

предложение назначить меня как первого секретаря ЦК КПСС Главнокомандующим

Вооруженными Силами. Тем более что в Президиуме ЦК военные вопросы, армия,

вооружение относились к моей епархии. Это произошло без публикации в печати

и было решено сугубо внутренним образом, на случай войны. Внутри Вооруженных

Сил об этом известили высший командный состав.

Осенью 1957 г. вынуждены были мы расстаться и с Георгием Константиновичем

Жуковым. Для меня это было очень болезненным решением. Я бы даже сказал:

надрывным для меня решением. У меня чувства боролись с разумом. Чувства мои

были на стороне Жукова, с ним я много, много лет проработал и относился к

Жукову с большим уважением. Из военных с Жуковым я был

ближе других, как и с

Тимошенко, они в свое время командовали войсками Киевского военного округа,

мы часто встречались и по делу, и в товарищеской обстановке, вели

непринужденные беседы. Я высоко ценил его и как военного. После отстранения

от руководства Молотова, Маленкова и других, кто хотел возврата к сталинским

порядкам, Жуков вошел в состав политического руководства, стал членом

Президиума ЦК. Он и вообще военные сыграли активную роль в подавлении

инициативы молотовско-маленковской взбунтовавшейся группы. Но когда Жуков

вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства

страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали

мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата

власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о

бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые

нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа

тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на

отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но

деваться было некуда.

Вместо него министром обороны назначили Малиновского. Это назначение тоже

проходило болезненно. В партийном руководстве возражений против Малиновского

не было. Конечно, общесоюзный и мировой авторитет Малиновский имел ниже, чем

Жуков. С другой стороны, маршал Малиновский отлично зарекомендовал себя во

время войны и был не случайной личностью в военной сфере. Жукову в личном

плане он уступал по энергии, напористости, обладая спокойным, несколько

медлительным характером. Но не уступал ему по вдумчивости. Я отдал

предпочтение Малиновскому по сравнению с другим прославленным маршалом,

Коневым, хотя я высоко ценил и военные способности Конева. Но я считал, что

Конев способен повести себя неоткровенно в отношении партийного руководства

и правительства.

Когда решался вопрос, кого же назначить вместо Жукова министром обороны,

Жуков поставил этот вопрос в упор, по-солдатски: "Кого назначаете вместо

меня?" Я вынужден был ему отвечать, хотя мне не хотелось с

ним обсуждать

этот вопрос, и сказал: "Мы назначаем Малиновского. Я бы предложил Конева, -

отрубил он. Конев при этом присутствовал, и мне не хотелось его обидеть.

Достоинства Конева - не меньшие, чем Малиновского. Но Малиновский не уступал

ему в своих познаниях, а может быть, даже и превосходил Конева. Это люди

разные по характеру.

Вот так сложилось. Я и сейчас очень уважаю Жукова, хотя он в своих

воспоминаниях меня помянул недобрим словом. Я на него не в обиде. Я

приписываю эти строки не ему, а тем, которые, пользуясь его материалами,

создавали книжку. Эта книжка не могла быть Жуковской. То, что там

напечатано, Жуков написать не мог. Он гордый и порядочный человек, на

восхваления в адрес Сталина не способный. Не может Жуков, честный человек,

обелять Сталина, когда известны его убийства и ущерб, который он нанес

нашему народу. Столько людей партии уничтожил Сталин! Он уничтожил все

хозяйственные, инженерные кадры. Тысячи уничтожил. Не найти ему, как

некоторые сейчас пытаются, исторического оправдания. Это

означает оправдать

будущих авантюристов, которые способны на повторение такого. Нельзя

оправдать хотя бы и из "благородных побуждений", ради укрепления

государственности. Такими аргументами Сталин оправдывал казни Иоанна

Грозного и сам стал на тот же путь уничтожения людей. Люди вроде меня,

близкие к Сталину, читая "Князя Серебряного" Алексея Константиновича

Толстого(1), подтвердят, что все эти проделки Иоанна Грозного явились тем,

что потом буквально копировал Сталин.

С большой душевной болью пришлось нам, особенно мне, расстаться с

Жуковым. Но этого требовали интересы страны, интересы партии.

Примечания

(1) ТОЛСТОЙ А. К. (1817 - 1875) - русский писатель, драматург и поэт,

член-корреспондент Петербургской АН с 1873 г. Его исторический роман "Князь

Серебряный" был опубликован в 1863 году, а драматическая трилогия "Смерть

Иоанна Грозного" в 1866г., "Царь Федор Иоаннович" в 1868 г., и "Царь Борис"

в 1870г. Совместно с братьями Жемчужниковыми он создал

пародийный образ

Козьмы Пруткова.

Книга 2

Часть 4

Часть IV

ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

ДО И ПОСЛЕ МИРНОГО ДОГОВОРА С АВСТРИЕЙ

После смерти Сталина у нас остался неподписанный мирный договор с

Австрией. Хотя Австрия сама, в старом ее понимании, не воевала с нами, но

она входила в состав Германии, когда Гитлером была начата война против СССР.

После разгрома фашизма Австрия была вновь выделена в самостоятельное

государство, и с ней следовало заключить отдельный мирный

договор. Помню,

как еще при жизни Сталина велись соответствующие переговоры с правительством

Австрии. Все вопросы были уже согласованы, так что договор был подготовлен к

подписанию. Однако к моменту, когда был подготовлен такой проект,

обострились наши отношения с Тито. Вернее будет сказать, дело состояло в

том, что не был решен вопрос о вхождении Триеста в состав Югославии.

Некоторые детали я сейчас не припоминаю. Однако мирный договор с Австрией

при жизни Сталина так и не был подписан. Решать этот вопрос пришлось потом

нам. Затруднения с подписанием текста отложились у меня в памяти именно в

связи с Триестом. Мы считали, что Триест должен входить в югославское

государство, а западные страны настаивали, чтобы он вошел в итальянское

государство. Потом они согласились объявить Триест вольным городом, но под

протекторатом все же Италии. Сталин на это не пошел, и мирный договор с

Австрией не был подписан, хотя других вопросов, которые сдерживали бы нас,

не существовало.

Мы сами тяготились устаревшими отношениями, которые

существовали между

Австрией и СССР. Ведь наши страны формально находились в состоянии войны.

Следовательно, их контакты не могли нормально развиваться. В Вене нашего

посольства не имелось. Правда, мы в нем особенно не нуждались, поскольку

наши войска находились в Вене, и мы к тому же все еще оккупировали

значительную часть Австрии (по-моему, четверть страны). Тогда между США,

Англией, Францией и СССР были разделены на зоны оккупации как Германия, так

и Австрия. Берлин и Вена тоже были разделены на такие зоны-секторы.

В Австрии у нас имелась собственность - заводы, которыми мы управляли и

где вели хозяйственную деятельность. Они ранее принадлежали германским

капиталистам и были после войны конфискованы. Все это тоже усложняло дело.

Надо было решить, как поступить с этой собственностью. На заводах трудилось

довольно много рабочих, хотя, как правило, заводы были не крупными, а скорее

мелкими или средними. Их оборудование и технология устарели, и без

реконструкции там невозможно было достичь высокой производительности труда и

вести производство на хорошем экономическом уровне, чтобы получать прибыль и

обеспечивать высокую оплату труда. А иначе мы не могли поступить как

социалистическая страна, имеющая собственность, где работают австрийцы.

Негоже, чтобы эти рабочие зарабатывали меньше, чем трудившиеся на

капиталистических предприятиях. Для нас возникла довольно серьезная

проблема. Выжать достаточно из устаревшего оборудования мы никак не могли,

да и с капиталистами конкурировать на такой базе было сложно. У них имелись

опыт управления и высококвалифицированные руководящие и

инженерно-технические кадры. Собрали мы туда все лучшее, но наиболее крупные

специалисты ушли от нас на капиталистические предприятия, потому что лично

выступали против социалистической системы.

Встречались мы и с "волынками". Коммунистическая партия Австрии делала

все, чтобы смягчить взаимоотношения рабочих и нашей администрации, если

возникали обострения. Удавалось избегать серьезных столкновений на почве

заработной платы, норм и расценок. Однако общее положение оставалось

ненормальным. Нам следовало бы показывать образец ведения хозяйства на

социалистических предприятиях, с меньшим количеством работающих и меньшей

интенсивностью физического труда добиваясь большей производительности на

основе современной техники. Встал вопрос: далее толково вести хозяйство на

существующем техническом уровне нельзя, нужна реконструкция, требуется

переоборудовать заводы, переоснастить их новым станочным оборудованием,

создать новую технологию.

И тогда у нас возникло сомнение: нужно ли нам в Австрии вообще иметь свою

собственность? Ведь может создаться невыгодное впечатление у общественности

при сравнении условий труда на предприятиях, которые принадлежат

социалистическому государству, с условиями работы на современных, оснащенных

новым оборудованием капиталистических предприятиях, где существовали

условия, необходимые для ведения хозяйства на высоком уровне. Вкладывать

капиталы в переоснастку наших заводов мы не торопились, ибо сомневались в

целесообразности таких действий. Может быть, нам вообще стоит избавиться от

**собственности, продать предприятия австрийскому государству?
У кого первая**

**такая идея возникла, не помню. Но постепенно она овладела
нами, и мы все**

больше склонялись к продаже наших предприятий в Австрии.

**Беспокоило нас и пребывание советских войск в Австрии. Ведь
мы развернули**

**усиленную борьбу по обеспечению мирного сосуществования
стран с различными**

**социальными системами, значит, и за вывод войск с чужих
территорий. А тут,**

**оказывается, сами имеем войска в Австрии, которая не была
зачинщиком войны.**

**Поэтому к ней сложилось особое отношение у держав-
победительниц, в том числе**

**Советского Союза. Но мирного договора нет, и в Вене сидит
наш комендант,**

**находятся оккупационные учреждения. Это порождает трения с
населением и с**

**правительственными чиновниками, хотя население в целом
относилось к нам**

**хорошо. Не помню, чтобы поступали какие-либо донесения о
враждебном**

**отношении австрийцев к советским войскам. Да и войска наши
вели себя как**

**должно: не вмешивались во внутренние дела Австрийской
республики, занимались**

**только своим делом. Их деятельность не вызывала нареканий и
не порождала**

обострений. Тем не менее мы понимали, что войска на территории чужого

государства - это не дар Божий, а вынужденная мера, вызванная войной. Однако

война вот уже сколько лет, как кончилась, а мы никак не решим вопрос об

оформлении результатов окончившейся войны и заключении мирного договора. У

нас не было никаких серьезных причин не подписывать мирный договор с

Австрией.

Сталин сам не раз поднимал этот вопрос. Кроме Сталина никто такие вопросы

не мог тогда поднимать, за исключением, может быть, Молотова, пока он

оставался министром иностранных дел СССР, то есть до Вышинского(1). Сталин

говорил: "Зря мы не подписали мирный договор. Зачем нам надо было

откладывать подписание? Напрасно мы поступили так из-за Триеста, ведь теперь

вопроса о нем не существует". Теперь Сталин уже не хотел, чтобы Триест

отошел к Югославии, ибо был озлоблен против Тито до невозможности. Готов был

даже начать войну с Югославией. Думаю, что он кое о чем на этот счет

размышлял, хотя я никогда не слышал прямых разговоров насчет военного

нападения на Югославию. Но засылку агентуры и демонстрацию силы Сталин начал

проводить сейчас же после разрыва с Тито. На данную тему велись разговоры в

Политбюро на даче Сталина, но не обсуждались дела на каком-то официальном

заседании.

В тот период жизни Сталина вообще уже никаких крупных заседаний не было.

Как мы понимали официальное заседание? Избирается секретариат, ведется

протокол постановки вопроса, его обсуждения, обмена мнениями, принимается

решение. Ничего этого не было. Сталин был всемогущим богом, окруженным

архангелами и ангелами, который мог их слушать, если хотел. Но главное,

чтобы они его слушали и делали то, что он говорит, чего он хочет. Так

решались все вопросы, и к этому у нас уже все привыкли, и "наверху", и в

народе. Претензий не возникало. Изредка по какому-либо вопросу кто-нибудь

выскажет свое мнение. Сталин мог учесть это мнение, а иной раз гаркнуть, и

довольно грубо: "Куда, мол, лезешь? Ничего не понимаешь в этом деле!". Он

сам решал все так, как считал нужным, решение потом оформлялось через

аппарат Совета Министров СССР или ЦК партии. Все международные вопросы таким

же образом шли по линии Министерства иностранных дел через Молотова, потом

через Вышинского. В результате появлялась какая-нибудь нота МИД или

"газетное подхлестывание" со стороны ТАСС. Одним словом, приводились в

действие государственные рычаги, чтобы повлиять в нужную сторону, в свете

понимания вопроса Сталиным, на выбранный объект, на ту страну, против

которой или в защиту которой готовились документы.

Когда Сталин умер, наша лодка плыла по прежнему руслу, им проложенному,

хотя все мы чувствовали, что это ненормально. Касательно мирного договора с

Австрией у меня тоже возникла мысль, что надо кончать с этим делом. Молотов,

опять ставший мининдел, не проявлял инициативы, и я решил взять ее на себя.

Прежде всего обменялся мнениями с Микояном, поскольку считал его опытным и

разумным человеком. С ним интересно было обмениваться мыслями, а другой раз

и поспорить по вопросам международной политики или по внутренним проблемам.

Я спросил Микояна: "Как ты, Анастас Иванович, смотришь на вопрос о

заклучении мирного договора с Австрией?". Выяснилось, что он рассуждал так

же, как я. Не помню, в это ли время советовался я с Маленковым. Но у меня

сложилось убеждение, что нельзя более в этом вопросе ограничиваться

разговорами и тянуть, что ненормальность следует ликвидировать, срочно

заклучив мирный договор с Австрией, вывести оттуда наши войска. Тем самым

развязать себе руки, чтобы в полный голос вести пропаганду против военных

баз США, которые разбросали свои войска по разным континентам и странам и

вели агрессивную, жандармскую политику в отношении стран, находившихся в

сфере их влияния, сохраняя на их территории и военные базы. Чтобы говорить в

полный голос, организовывать общественность всего мира на борьбу против

таких порядков, нам самим следовало увести свои войска с чужих территорий.

Вопрос в первую очередь встал об Австрии. Германия занимала тут особое

положение. Австрия же была вовлечена в войну, тогда как Германия по своей

инициативе начала ее.

И я обратился к Молотову: "Вячеслав Михайлович, хочу с тобой

посоветоваться. Как ты смотришь на заключение мирного договора с Австрией?

Следовало бы приступить к переговорам с австрийским правительством, уточнить

детали и подписать такой договор". Последовавшей реакции я не ожидал:

Молотов очень резко отреагировал на мое обращение, доказывая, что нельзя

подписать мирный договор, пока у нас существуют разногласия с США по

Триесту. Я ему: "Надо бы прийти к какому-то решению и устранить все

препятствия, ты и сам это знаешь. Нечего ссылаться на Сталина, он в

последний год своей жизни неоднократно поднимал вопрос о мирном договоре с

Австрией". Правда, он поднимал сей вопрос в то время, когда Молотов уже не

входил в круг людей, которые постоянно бывали у Сталина.

После XIX съезда партии Молотов вообще был исключен из ближайшего

сталинского окружения. Сталин с ним теперь не только не беседовал, а вообще

не терпел его присутствия. Молотов сначала появлялся на даче у Сталина сам,

без приглашения, по старой памяти. Некоторые из нас, старых членов

Политбюро, содействовали этому и хотели как-то примирить их. Однако Сталин

резко предупредил нас, чтобы мы бросили свои проделки и более подобного не

устроивали: откуда иначе Молотов знает, когда и где мы находимся, и приходит

без приглашения? И мы перестали Молотову и Микояну сообщать, когда и где

Сталин собирает нас. Они уже не приезжали, наступил полный разрыв. Поэтому

Молотов мог, полагаю, не знать новой точки зрения Сталина на мирный договор

с Австрией, которой тот придерживался в последние месяцы своей жизни. Однако

полагаю, что еще до XIX съезда партии, когда Сталин общался с Молотовым, он

высказывал соображения о необходимости ликвидировать состояние войны СССР с

Австрией.

Итак, Молотов резко возражал. Известно, что он вообще был человеком

резким. А когда убежден в своей правоте, то бывает не только резким, но и

несдержанным. Его резкость проявлялась не в какой-либо оскорбительной форме,

а в его страстности, в чувстве осознания правоты: именно так должно быть

решено, как он думает! Возможно, он еще считал по-старому: что вы суете свой

нос во внешнюю политику? Я стал политическим деятелем значительно раньше,

чем вы ступили на эту стезю, прошел большой путь как министр иностранных

дел, столько раз встречался и вел переговоры с крупнейшими государственными

деятелями по всем вопросам, определяющим жизнь нашей страны. И вдруг сейчас,

после смерти Сталина, вы не прислушиваетесь ко мне, а навязываете свои идеи,

неправильные и вредные.

Я вновь говорю ему: "Вячеслав Михайлович, ты выслушай спокойно. Я не

понимаю твоих аргументов, они для меня не убедительны. Повторяю: надо

подумать о заключении мирного договора с Австрией". В то время я был уже

первым секретарем ЦК партии, и мой голос был весомым. Само мое положение

обязывало меня теперь проявлять инициативу. И я начал настаивать: "Не

понимаю отсрочки, вопроса о препятствии сейчас нет". К тому времени проблема

Триеста была согласована с Югославией, и Тито отказался от претензии на

него, согласившись, что Триест должен войти в состав итальянского

государства. Кажется, Югославия уже заключила на этот счет какой-то договор

с Италией(2). Таким образом, вопрос был практически решен. Спор, из-за

которого мы не подписали в свое время договор с Австрией, не имел под собой

почвы. Главные заинтересованные в этом деле государства сами между собой

договорились. Молотов, конечно, знал это. Однако такая черта поведения как

раз была характерна для него. Он - как заведенная пружина. Если ее натянуть,

то будет работать, пока крутятся шестеренки и движутся маховики. Пока не

выйдет весь завод пружины. Очень угловатый, негибкий в своем мышлении

человек.

"Товарищ Молотов, нельзя же так подходить к решению вопросов! Здесь мы

проявляем просто бычье упорство. Вопросы-то нет, он снят и не существует

более, ведь заинтересованные страны договорились между собой. Как же мы

можем сейчас выступать с позиции сталинских времен, утверждая, что не

подпишем мирного договора с Австрией, пока Триест не будет включен в состав

югославского государства? Югославия отказалась от претензий на Триест, а мы

- против?" Однако ничего не помогало, и пришлось нам решать вопреки позиции,

которую занимал министр иностранных дел СССР. Сейчас это звучит настолько

неправдоподобно, что люди, которые будут знакомиться с моими записями, могут

усомниться. Я, как некогда поступали верующие в подтверждение правильности

изложения своих слов, клянусь на Евангелии! Человек я неверующий и Евангелия

не признаю. Не признавал его, когда еще и не был членом партии. Всегда был

атеистом. Но в народе привыкли пользоваться таким доказательством.

Дело, однако, состоит даже не в моей аргументации. Просто любой

здравомыслящий человек может сказать: "Хрущев, видимо, несколько злопамятен

и поэтому приписывает такую ересь Молотову. Молотов-то не глупец, как же он

мог отстаивать такую ересь?". К сожалению, все было так. В свое время я с

очень большим уважением относился к Молотову. Он при жизни Сталина был в

моих глазах смелым и принципиальным человеком, который иной раз подавал

голос против позиции Сталина, причем не раз в мою сторону, когда Сталин

проявлял вспыльчивость в отношении меня. Бывало и наоборот.

Так, когда я работал на Украине в 1939 г., Вячеслав Михайлович уговаривал

меня перейти на работу в Совнарком СССР и стать его заместителем. Он работал

тогда в течение ряда лет председателем Совета народных комиссаров. Я

уговаривал его не делать этого. Он обратился к Сталину, уговорил Сталина,

Сталин согласился. Тогда подействовал только мой последний аргумент:

перемещение нецелесообразно, потому что мы приближаемся к войне, она вот-вот

разразится. А я уже привык к Украине, и Украина привыкла ко мне, а тут

придет новый человек, зачем это делать? Возникнут трудности для человека,

который еще не узнал Украины. Сталин согласился со мной и сказал Молотову:

"Брось, Хрущев прав, пусть остается на своем месте". Вот какие у нас были

отношения. Потом, после XX съезда КПСС, они вылились в другую форму, но не я

был инициатором, не я виновник тому.

К резкости суждений в своем кругу мы ранее уже привыкли за время

совместной работы с Молотовым. Однако к слову "тупость" я отнесся бы

осторожно. Эту характеристику Молотову нам навязывал Сталин. Он, бывало,

взбесится в словесной схватке с Молотовым, и тогда это слово выступало его

последним аргументом. Мы порой в какой-то степени были согласны с этим.

Конечно, такой вопрос не обсуждался между нами и Сталиным, но иной раз

Молотов действительно проявлял невероятное упорство, вплоть до тупости. Так

получилось и в австрийском вопросе. Я понял, что с Молотовым договориться

мне не удастся, и предложил: "Поставим проблему на Президиуме ЦК, обсудим,

учтем твою точку зрения, там ты ее выскажешь. Но вопрос будем решать, потому

что далее тянуть не следует. Затяжка с заключением договора наносит нам

только вред. Это не идет на пользу нашей международной политике, не помогает

улучшению наших отношений с Австрией, с австрийским народом".

Молотов опять начал доказывать, что мы должны продолжать старую политику.

Но до каких пор? О Триесте он уже не упоминал, отпал этот довод. Ведь нам бы

сказали: "Позвольте, какое вам дело? Вопрос о Триесте касается двух

государств - Италии и Югославии, они, договорились, а вы-то чего суете туда

свой нос?". В ответ нам возразить было бы нечего. И я спросил Молотова: "Ты

считаешь необходимым сохранить наши позиции в Вене и на австрийской

территории с тем, чтобы подготовиться получше и начать войну?". "Нет, -

**говорит, - этого не хочу". Однако мог оставаться в качестве
возражения лишь**

**повод подготовки к войне. Если готовиться к войне, то, конечно,
не следовало**

**заключать мирный договор с Австрией. В этом случае наши
войска оставались бы**

**на австрийской территории, мы через Вену были близки к
Италии и к границам**

**других западных держав, которые прежде были нашими
союзниками, а теперь**

**стали противниками. Такая аргументация была бы веской.
Зачем выводить**

**войска, а потом проливать кровь, чтобы занимать те же рубежи?
Уже сейчас мы**

**имеем хорошие исходные рубежи для нанесения военного удара.
Однако Молотов**

**ответил: "Нет, войны я не хочу". "Но если ее ты не хочешь, а я
тоже этого не**

**хочу, то и не ставлю такой задачи, а поэтому предлагаю
заключить мирный**

договор".

**В проекте договора мы вместе с нашими, союзниками по
борьбе против**

**Гитлера брали на себя обязательство вывести войска с
австрийской**

**территории. Тем самым надеялись создать более мягкий климат
в международных**

**отношениях, укрепить свои позиции на международной арене
в борьбе за**

обеспечение мира, мирное сосуществование. Проявляя инициативу и демонстрируя

добрую волю, хотели приобрести еще больше сторонников и союзников в борьбе

против агрессивных сил. Главным образом, нам противостояли тогда США. Я не

сказал бы, что французы проявляли какую-то ретивость и агрессивность. США

пугали французскую общественность, людей в других странах советским пугалом,

тем, что мы, дескать, хотим завоевать весь мир. Я повторил Молотову: "Если

ты тоже не преследуешь цели начать войну, то самое разумное - покончить с

остатками второй мировой войны хотя бы на территории Австрии и подписать

мирный договор". Он - ни в какую!

Поставили мы этот вопрос на Президиуме ЦК, обсудили всесторонне. Высказал

свою точку зрения Молотов, высказал я. Ранее я говорил об этом не раз с

другими членами Президиума ЦК, Молотов - тоже, поэтому наши точки зрения

были известны. Но с Микояном я более подробно обменялся мнениями перед

заседанием, и он первым поддержал меня. Я уже говорил, что уважал

проницательный ум Анастаса. По проблемам взаимоотношений государств им был

накоплен большой опыт. Сталин неоднократно посылал его за границу. Я же не

имел опыта международных контактов. И я, и многие другие после смерти

Сталина, если можно так выразиться, оказались в положении той Дуньки,

которая (в пьесе "Любовь Яровая")(3) готовилась уехать в Европу. Анастас

Иванович в нашей среде был той Дунькой, которая уже побывала и в Европе, и в

Америке. Поэтому я считал необходимым учитывать его мнение по тем или другим

вопросам. Чаще всего у нас с ним точки зрения совпадали.

Наконец, мы все договорились, что мирный договор надо заключить.

Подготовили соответствующие документы. Завязали переговоры с правительством

Австрии. Прежде чем выступить открыто, по дипломатическим каналам

согласовали свою позицию с лидерами других социалистических стран.

Подписание мирного договора с Австрией интересовало всех, хотя напрямую

затрагивало только Венгрию и Югославию. С Югославией у нас братских

контактов уже (и еще) не было, их разорвал Сталин(4). Венгрия же - наш

союзник и друг, но территориальных споров между Венгрией и Австрией тогда не

существовало. Имелись зато пограничные споры у Югославии с Австрией

относительно какой-то небольшой территории(5), на которую претендовала

Югославия. До конфликта с Тито эти претензии Югославии к Австрии учитывались

в нашей политике, и мы их, конечно, поддерживали. Впрочем, теперь нас это не

касалось, потому что Югославия не уполномочивала СССР отстаивать ее

интересы.

Забыл сказать, что мы проинформировали по этому вопросу Коммунистическую

партию Австрии. Ей мы подробно рассказали обо всех наших соображениях, с тем

чтобы КПА была всесторонне подготовлена к выводу наших войск и обретению

Веной полной независимости. Мы заверили, что подпишем мирный договор и будем

выводить свои войска, однако при условии, что другие страны, которые

являются, как и мы, оккупантами австрийской территории, тоже выведут свои

войска. У руководства КПА не только не возникло никаких возражений, но мы

встретили полное понимание нашей позиции. Коммунисты говорили нам: "После

вывода советских войск из Австрии мы будем сильнее. На нас сейчас всех собак

вешают, что мы, мол, опираемся на Вооруженные Силы Советского Союза и не

являемся партией рабочего класса, которая занимает независимую позицию, а

служим какими-то агентами СССР, выполняем его поручения". Мы были довольны

такой реакцией, так как хотели, чтобы Компартия Австрии понимала, что мы не

хотим нанести удар ее политике.

Предприняли также шаги по дипломатическим каналам и вступили в переговоры

с австрийским правительством для подготовки к заключению договора. Прошло

какое-то время от постановки вопроса до того, как мы окончательно

договорились по всем пунктам. Теперь все пути были расчищены, и мы

приступили к конкретным переговорам. Какие возникли мелкие детали дела,

сейчас не помню. Ведь они всегда бывают, когда документ согласовывают по

пунктам. Помню только коренной для нас вопрос: чтобы Австрия взяла на себя

обязательство проводить политику нейтралитета, неприсоединения к военным

блокам и не позволяла создавать какие-либо военные базы на своей территории.

Мы приводили в пример Швейцарию и Швецию, и Австрия должна была объявить,

**что будет придерживаться нейтралитета по их образцу.
Сейчас не скажу,**

**записано ли это было в документе или существовала личная
договоренность, что**

за образец берется политика этих двух стран.

**Австрия не сразу заняла такую позицию. Ее представители
доказывали, что**

**Австрийская республика воевать не собирается и не помышляет
об этом, что в**

**своей политике будет руководствоваться мирными
устремлениями и строить**

**хорошие отношения со всеми странами, но взять на себя
официальное**

**обязательство не хочет. На первых порах переговоров
австрийская сторона**

**проявляла сдержанность: не то, чтобы была открыто против, но
осторожничала.**

**В конце концов Вена согласилась, и текст был согласован
между двумя**

правительствами через министерства иностранных дел.

**Тогда правительство Австрии возглавлял Юлиус Рааб(6),
лидер самой главной**

**буржуазной партии. Однако правительство было не
однородным, а коалиционным с**

**социал-демократами. Социал-демократы занимали в
парламенте меньше мест, но**

**тоже были солидной силой. Заместителем премьер-министра
был социал-демократ**

Бруно Крайский(7). Я встречался с ним не раз. Он приезжал в

Москву, когда мы

завершали переговоры о мире. Подписывался же мирный договор в Москве Раабом.

Здесь, когда мы встретились уже на высшем уровне с правительственной

делегацией Австрии, "дожимался" окончательно вопрос о нейтралитете. Рааб

согласился, а социал-демократы через его заместителя и ранее поддерживали

такую линию.

Социал-демократы вообще с пониманием относились к нашей позиции. Никакого

их сопротивления или даже негативного оттенка, который отложился бы в моей

памяти, не припомню. Видимо, еще раньше они между собой все обговорили и

выступали теперь единым фронтом, разногласий между ними не ощущалось. И при

личных беседах, которые я и другие руководители советского государства вели

в отдельности с Раабом и с его заместителем, тоже ощущалось полное их

единство по вопросу заключения мирного договора. Беседы наши проходили на

дружеской основе. Я с уважением относился к Раабу. Это был буржуа, но

обладавший гибким умом. Он не только понимал необходимость терпеть

существование Советского Союза как социалистического

государства (от него

сие не зависело), а и вообще не проявлял такой нетерпимости, как Черчилль и

другие тузы капиталистического мира. Конечно, он оставался капиталистом и

был настроен против коммунистов, против марксистско-ленинской теории, однако

мирился с существованием различных общественных укладов и довольно гибко

подходил в переговорах к решению вопроса, который интересовал оба

государства. Когда мы окончательно договорились, Рааб и его заместитель

буквально сияли. Наконец-то они получают полную независимость, из Австрии

выводятся все иностранные войска.

Прежде чем встретиться с делегацией Австрии, нам пришлось провести

переговоры с США, Францией и Англией об их присоединении к мирному договору.

Они тоже должны были взять на себя обязательства вывести войска и, главное,

признать обязательство Австрии о нейтралитете. Это было наше существенное

требование. Пошли переговоры. В памяти у меня отложилось, что на первых

порах не все шло гладко. США занимали, по-моему, ту позицию, что

обязательство, принятия которого мы требуем, навязывается

австрийскому

**правительству: вроде бы лишаем Австрию
самостоятельности в ее**

**государственных решениях. Однако мы доказали, что запись о
нейтралитете**

**полезна, потому что Австрия - маленькая страна, а
географическое ее**

**положение таково, что ей самой выгоднее держать нейтралитет
и именно тем**

**самым сохранять свою независимость. Нейтральная Австрия
сможет создавать**

**равные условия для контактов со всеми странами, которые
захотят иметь с ней**

**и дипломатические отношения(8), и экономические на
коммерческой основе.**

**Далее, запись о нейтралитете обезопасит Австрию от каких-
либо других**

**соглашений, которые действительно бы нарушали
суверенность австрийского**

**государства, превращая его в плацдарм чужих вооруженных
сил. Рааб и другие**

**члены австрийского правительства быстро поняли это. Так
как они с нами**

**согласились, это облегчило защиту нашей позиции в
переговорах с США, Англией**

и Францией. В конце концов бывшие союзники тоже согласились.

**Я тогда считал и сейчас считаю, что это была большая наша
победа на**

международной арене. Мы, руководители советского

государства, были очень

довольны, что именно по нашей инициативе достигнута договоренность великих

держав по столь сложному и важному вопросу. Чтобы те, кто читает этот текст,

лучше поняли мои личные чувства, им надо иметь в виду, что Сталин при первой

возможности и при любых разговорах о взаимоотношениях СССР и

капиталистического мира все время внушал нам, что мы котята, телята, ничего

не смыслим, нас иностранцы обведут вокруг пальца, и мы поддадимся их нажиму.

Ни разу он не высказал никакой уверенности в том, что мы сможем достойно

представлять свое социалистическое государство, защищать его интересы на

международной арене, отстаивать их, не нанося нам ущерба, строить на

равноправной основе отношения между государствами так, чтобы укреплялся мир.

Австрия оказалась для меня и всех нас пробным шаром, демонстрацией того,

что мы можем вести сложные переговоры и провести их хорошо. Мы отстаивали

интересы социалистических стран, вынудили капиталистические страны, которые

проводили агрессивную политику, согласиться с нашей позицией, подписать

мирный договор с Австрией, вывести оттуда свои войска. В результате она

стала нейтральным государством и официально провозгласила нейтралитет. Это

обязательство было не только правительственной декларацией, декларацию

одобрил и австрийский парламент. Я и мои коллеги внутренне праздновали

победу. Выезд Дуньки в Европу оказался успешным, с демонстрацией того, что

мы ориентируемся в международных делах и без сталинских указаний. Если

образно говорить, то мы в своей международной политике сменили детские

штанишки на брюки взрослых людей. Наш успешный дебют был признан не только в

СССР, но и за рубежом, что тоже имело большое значение. Мы ощутили свою

силу.

Но дело заключалось не только в этом. Ведь и злоупотребления Сталина

властью, и загубленные жизни стольких честных людей, и неподготовленность к

войне - все это при жизни Сталина, да и вначале после его смерти, подавалось

как проявление мудрости. Даже в убийстве людей - тоже проявление

"гениальности": вот, он видел врагов народа, а другие, какие-то сосунки, не

видели. Мы сами при Сталине себя так же оценивали. Потом уже узнали в полной

мере, что тут была не мудрость, а тщательно рассчитанные поступки деспота,

который сумел внушить многим и многим, что Ленин не разбирался в людях, не

умел подбирать людей, а почти все, кто после его смерти возглавлял страну,

оказались врагами народа. К сожалению, в эту чушь верили. Да и сейчас еще

остались твердолобые, которые стоят на той же позиции, молятся идолу, убийце

всего цвета советского народа. Наиболее рельефно отражал точку зрения

сталинского времени Молотов. Если все это учесть, то заключение мирного

договора с Австрией(9) явилось одновременно шагом к пересмотру наших позиций

и в вопросе о роли Сталина. И мы его, как известно, пересмотрели.

Вот я сейчас диктую свои воспоминания и мысленно пробегаю все

происходившие тогда события. Многие с позиций сегодняшнего дня выглядят

просто невероятным. Если бы я не был участником этих событий и часто даже

инициатором, то мне трудно было бы представить их течение. Но я ни на каплю

ничего не увеличиваю, а рассказываю лишь о том, что видел портретно и

буквально. Хочу, чтобы наши потомки понимали бы, как мы жили, какие

встречались трудности и как мы их преодолевали, и я хочу это показать на

конкретных лицах и конкретных фактах.

Конечно, наряду с принципиальными в памяти сохранились и мелкие,

незначительные факты. Помню, например, такой эпизод. После переговоров с

австрийцами сидели мы за обедом. Рядом со мною - Рааб. После обеда объявили,

что подают кофе. По европейской традиции, к кофе обязательно полагается

ликер или коньяк. Рааб был человеком тучным, с большим лицом и круглой

головой. Мы с ним разговаривали за кофе о пустяках, о главном-то уже

договорились. Я ему: "Первый раз в жизни, господин Рааб, мне доводится

сидеть рядом с капиталистом. Мне приходилось встречаться со слугами

капитала, когда я был рабочим. Случались у нас забастовки на предприятиях,

на которых я трудился. А я пользовался доверием своих товарищей, и меня

включали в состав комитета, который руководил забастовкой и вел переговоры с

администрацией. Там я встречался нос к носу со слугами капиталистов.

Владельцы предприятий были слишком крупными фигурами и жили в Петербурге или

еще где-то там, мы их никогда и не видели. А вот сейчас я сижу за одним

столом с живым капиталистом и, как говорится, могу его даже пощупать". Рааб

смеялся (и он, и другие участники стола понимали шутки) и отвечал: "Господин

Хрущев, вы правильно говорите: конечно, я капиталист, но маленький

капиталист, даже очень маленький". "Да, вы "кляйн", маленький капиталист, но

все-таки капиталист. На вас трудятся рабочие, а я-то рабочий. Будь я

австрийцем, я бы, возможно, работал у вас". "Но, видите, - говорит Рааб, -

даже мы можем прийти к соглашению. Капиталист и рабочий договорились и

вместе сделали хорошее дело". Все кончилось добрым тостом.

Разговор с заместителем Рааба Крайским мне тоже понравился. С ним можно

было беседовать запросто. Сам он, по-моему, вышел из рабочих, но уже был,

так сказать, тренированным человеком. Вспоминаются и его шутки. Я ему:

"Поддерживаю идею вашего начальника, маленького капиталиста господина

Рааба!". Он мне: "Товарищ Хрущев (ведь ко мне обращался товарищ по рабочему

движению), да знаете ли вы, что такое - Рааб?". "Нет, не знаю". "А вам

нравится Рааб?". "Да, мы с ним делаем хорошее дело, полезное для наших

народов и всего мира". "Рааб по-русски - "ворона". А Рааб смотрит на него и

улыбается. Я продолжаю: "Ну и что? Вот мы делаем хорошее дело с вороной, вы

присоединяетесь?". "Конечно, я целиком поддерживаю вас обоих". Эти шутки

демонстрировали взаимную симпатию и непринужденность складывавшихся

отношений. Да и в целом Рааб оставил по себе хорошее впечатление как буржуа,

который понимал положение Австрии, значение Советского Союза, его роль в

международной политике и верно ее оценивал. Это тоже имело для нас значение.

Ведь всегда приятнее иметь дело с человеком, который тебя понимает.

После подписания мирного договора с Австрией мы еще больше почувствовали

необходимость ликвидировать там свою собственность, что было сложно для нас

еще и потому, что мы должны были учитывать интересы Коммунистической партии

Австрии. Некоторые ее активисты работали на наших предприятиях и,

естественно, пользовались там влиянием и поддержкой с нашей стороны. Мы не

знали, как отнесутся к нашему намерению австрийские товарищи, правильно ли

поймут нас, не будут ли настаивать, чтобы мы сохранили там свою

собственность как базу, на которой они могут развертывать свою работу. Мы

рассказали руководству КПА о своих намерениях, о том, что нас побуждает к

такому решению: дальнейшее сохранение на существующем техническом уровне

этих предприятий не дает возможности обеспечить соответствующую заработную

плату. Если же на наших заводах заработная плата будет ниже, чем на

предприятиях, работающих на условиях ведения капиталистического хозяйства,

то это окажется дискредитацией социалистической системы и нанесет вред

политической деятельности КПА. Или же мы должны будем вести дела себе в

убыток, что тоже неприемлемо. Мы просили, чтобы австрийские товарищи

правильно нас поняли. Представители КПА согласились с нашими доводами и

поддержали наше решение.

Потом мы установили контакт с правительственными органами и повели

переговоры на предмет продажи предприятий. Как же австрийское правительство

отнеслось к этому? По-моему, у него сложилось двойственное отношение. С

одной стороны, оно было заинтересовано, чтобы мы продали предприятия и

вообще испарились с австрийской земли, включая наши штаты по управлению

заводами. Это я говорю о позиции представителей буржуазных партий.

Социал-демократы тоже были заинтересованы в приобретении наших предприятий

Австрией. Но у них имелись и собственные интересы. Как мы узнали потом,

социал-демократы хотели, чтобы эти предприятия не стали частными, а остались

государственными. Затрудняюсь сделать вывод, какую пользу для себя они

извлекли бы. Возможно, они рассчитывали, что там будут расставлены

социал-демократические кадры и заняты их люди. Возможно, считали, что смогут

извлекать из этих предприятий какие-то материальные выгоды для своей партии.

Все это только мои предположения. Во всяком случае, социал-демократы тоже

проявили интерес к покупке предприятий у Советского Союза.

Сейчас не помню, на какой сумме мы сошлись, но она не была большой. Так

мы продали тамошние предприятия и ликвидировали собственность, которую имели

в Австрии. Теперь у нас не оставалось в Вене никакой собственности кроме

помещения, где размещалось посольство, в хорошем, добротном здании. Имелась

еще и дача у нашего посла. Тоже хорошая. Позже, когда я был гостем

австрийского правительства, то в выходной день гостил там у посла, очень

вежливого человека, который к тому же был толковым дипломатом и твердым

коммунистом. После того как мы в Австрии развязали себе руки, это еще больше

привлекло на нашу сторону симпатии общественности, даже стоявшей на

буржуазных позициях. Они считали это знаком того, что русские ушли всерьез и

не хотят вмешиваться в их внутренние дела. Хотя мы и раньше ни

организационно, ни пропагандистски не занимались в Австрии антибуржуазной

деятельностью. Ведь форма правления и порядки в стране есть внутреннее дело

каждого народа. А компартия там сохранялась. Мы уходили из Австрии,

уверенные, что марксистская пропаганда не будет прекращена, но вести ее там

будем не мы, а коммунистическая партия, вышедшая из народа.

Информацию от КПА мы получали через наше посольство. Руководители партии

не жалели, что мы продали предприятия. Они обрели теперь возможность шире

разворачивать пропаганду на этих предприятиях с чисто классовых позиций. До

того же у них было двойственное положение. Например, в случае недовольства

рабочих. Поднимать ли их на стачку? Или если валяют дурака заводские

бюрократы. Бюрократические извращения на предприятиях бывают во всех

странах. Помню, когда в 1931 г. я работал в Москве секретарем Бауманского

райпарткома, у нас происходили настоящие забастовки. Да и позже возникали

"волынки" на ряде предприятий, даже после Великой Отечественной войны,

причем довольно неприятные. Они вызывались или низким заработком, или

бюрократическими извращениями, а чаще всего - когда устанавливались новые

расценки и нормы выработки. Такие кампании проводятся у нас каждый год и

всегда они обостряют отношения рабочих с администрацией. Думаю, что доньше

они проходят не везде гладко. Все зависит от разумности руководителей и

влияния партийной организации.

Конечно, сейчас уже не 1931 год! А когда только вводили нэп, случалось

много забастовок. Установили новые расценки, ликвидировали вроде бы

уравниловку, а в результате большесемейные практически ничего не получали.

Трудное было время, особенно для многодетных. Был такой случай: забастовали

рабочие Трехгорной мануфактуры, пошел туда Михаил Иванович Калинин. Они его

сами требовали, кричали: "Калиныча!". Я сам знаю, как это бывало. Когда я

после гражданской войны вернулся на рудники, на которых раньше работал, то

тоже ходил с Абакумовым на шахту, где забастовали шахтеры. Они разделали нас

"под орех",, несмотря на то, что знали как облупленных и Абакумова, и меня.

Ведь мы с ним работали еще до революции на той же шахте. А Калинина

встретили галдежом: "Не знаешь ты, как мы живем. Теперь ты староста Союза,

тебе-то что, а нам каково? Ты бы в нашей шкуре побыл!". "Да что с ним

говорить? Посмотри на него: сапоги целые рубаха новая, имеет все, что надо,

наверное, и пообедал, и выпил".

Михаил Иванович не растерялся: "Да, пообедал, и рюмочку выпил, и сапоги

на мне новые. А вы бы как хотели, чтобы я, человек, который представляет

Советский Союз, союзный староста, ходил в штанах с дырками на зад и светил

задом? Ходил не в сапогах, а в лаптях? Тогда вы были бы довольны? Вам не

стало бы стыдно? Одного старосту прокормить и одеть и то не можете? Что это

за государство?". Тут другие голоса стали одергивать крикунов: "Правильно

говорит Михаил Иванович". Но те не унимаются: "Как же, Михаил, семьи-то у

нас неравные. Одно дело холостому, другое - семейным. Вот у меня сколько

ртов, а работник я один!". Да, в то время это был очень острый вопрос. Я с

ним тоже сталкивался, особенно часто в 1922 г., когда вернулся из Красной

Армии.

Калинин ответил: "Да ведь это дело твое, и дети твои: ты их настругал, ты

и корми!". Тут одни стали смеяться, другие возмущаться. Рабочий же не

сдается: "Ты говоришь - настругал. Все люди этим делом занимаются. Керосину

нет, темно, вот и занимаемся этим, в темноте не почитаешь. А потом дети

рождаются. Их кормить надо, а зарплаты низкие". Опять все хохочут. Михаил

Иванович продолжает перепалку, отбивается от нападающих. Другой ему кричит:

"Да что ты ему втолковываешь, он старый, что понимает теперь в этих

**вопросах? Это мы молодые, а ему уже все равно!". Калинин:
"Как это старый?"**

Кто сказал, что я уже ничего не понимаю? Я еще разбираюсь в этих вопросах".

Снова общий хохот. В конце концов Калинин уговорил рабочих, и они

согласились, что надо работать; что пока не хватает товаров и продуктов,

чтобы удовлетворить всех рабочих и служащих. Поэтому надо больше и лучше

трудиться, тогда будет больше товаров, а там и зарплата поднимется.

Когда подобные проблемы возникали у австрийских рабочих на предприятиях,

где мы были собственниками, то КПА попадала в затруднение: с одной стороны,

она поддерживала советскую администрацию, но с другой - такая позиция

оборачивалась против австрийских рабочих. Когда же мы все продали(10),

компартия во весь голос заговорила в защиту рабочего класса. Тогда встал

вопрос и о продаже предприятий частным лицам. Естественно на рентабельные

предприятия капиталисты зарились больше. Возникли дебаты в австрийском

правительстве, и голоса разделились: социал-демократы стояли за сохранение

государственной собственности, коммунисты их поддерживали, а буржуазные

партии занимали иную позицию. Не помню, как решился спор. Но руки себе мы

развязали.

Вывели также свои войска из Австрии. Это стало большим торжеством для

австрийского народа. Австрийцы, включая рабочих, были довольны, что мы

вывели войска. Ведь ушли не только наши, но и американские, английские,

французские войска(11). В результате вывода иностранных оккупационных войск

Австрия получила на деле полный суверенитет и сама теперь отвечала за

состояние своих дел. А коммунисты обрели возможность возвысить свой голос и

ставить в пример миролюбивую политику Советского Союза и пропагандировать

коммунистические идеи. Одним словом, мы все были довольны. Я уже говорил,

что Молотов возражал против договора с Австрией. Так как же он вел себя

потом? И он был доволен. Увидел, что ошибался, стал принимать активное

участие в переговорах с Австрией и в выработке условий мирного договора.

Через какое-то время Вена начала прощупывать нас, как мы отнесемся к

приглашению посетить советской правительственной делегацией Австрию с

визитом дружбы. Мы пришли к единодушному мнению, что такой визит будет

полезен, и дали согласие. Возглавлять делегацию должен был председатель

Совета Министров СССР. Когда велись переговоры, им стал уже я(12). А в

состав делегации входили министр иностранных дел Громыко и другие

ответственные работники. Кажется, сопровождал меня и мой заместитель в

правительстве Косыгин(13). Он туда и отдельно ездил. Нам было интересно

посмотреть на Австрию. Меня лично привлекала и возможность понюхать

буржуазную атмосферу, самому почувствовать ее. Хотелось взглянуть на

промышленное производство, поехать по стране, познакомиться с условиями

жизни крестьян. Вообще у меня возник интерес взглянуть на другие страны,

особенно на ту, в которой мы были ранее оккупантами.

В Австрии я бывал и прежде. В 1946 г. я попросил у Сталина разрешения

выехать в Германию, в расположение наших войск, а оттуда проехал через

Чехословакию в Вену. В Австрии нашими войсками командовал тогда

генерал-полковник Курасов(14). Он на меня производил впечатление

образованного, культурного военнослужащего, знающего свое дело. Он хорошо

понимал и свою политическую роль и правильно пользовался полномочиями,

которыми был наделен как представитель Советского Союза и командующий

оккупационными войсками в зоне. Курасов организовал для меня ознакомление с

Веной. Меня интересовали городское хозяйство и некоторые заводы, которые

производили предметы широкого потребления.

Все это происходило вскоре после войны, у нас ничего не было, и мы хотели

посмотреть, как все делается в Австрии. Интересовала меня и керамика,

особенно производство клинкера (а австрийцы делали прекрасный клинкер). Нам

требовалось мостить дороги, и среди дорожников развернулась дискуссия, какое

покрытие дорог прочнее, дешевле и долговечнее. Известно, что наиболее

долговечна гранитная брусчатка, но она очень дорога. Некоторые специалисты

предлагали организовать клинкерное производство, так как клинкерное мощение

нарядно и долговечно. В связи с этим я посетил многие кирпичные заводы, но

не нашел в Австрии хорошего клинкера. Зато отличный клинкер я увидел в

Венгрии, восхищался им и сейчас вспоминаю добрым словом его производство в

Будапеште. У себя клинкер мы все-таки не использовали. Подсчитали расходы, и

выяснилось, что в современных условиях клинкер экономически невыгоден. Лучше

и дешевле изготавливать бетонные плиты для мощения дорог. Качество цемента уже

поднялось, и бетон везде пробивал себе дорогу.

Интересовался я и прачечными. У нас современных прачечных не имелось, все

было организовано кустарно, на дедовских началах. В Австрии же действовали

механизированные прачечные. Я посмотрел на них, испытал восторг, но мы тогда

не могли такого организовать у себя, наша техника находилась не на высоком

уровне. Показали мне также всяческие прелести Вены. Потом Курасов предложил

мне поехать в ущелье неподалеку от столицы: "Там вы посмотрите канатную

дорогу, которой пользуются туристы". Она функционировала, но командующий

стал меня отговаривать: "Я вам не советую подниматься, дорога старая, война

прошла, она ломалась, нет гарантии безопасности". Я ему: "Так вы со мной не

**поднимайтесь, а я поднимусь. Ведь другие люди пользуются ею".
Он устыдился,**

**и мы поднялись на площадку для обзора, очень красивое место.
Иначе и быть не**

**могло, ведь тогда не было бы смысла строить подъемник: там
была выбрана**

**господствующая над местностью точка, окруженная красивыми
горами, покрытыми**

зеленью.

**Потом Курасов показал мне Шёнбруннский королевский
дворец, очень богатый.**

**В свое время я видел чудесный американский фильм "Большой
вальс". В нем**

**дается картина создания вальса Венского леса. Очень
понравился мне этот**

**фильм, а музыка Штрауса просто замечательная. Его действие
разворачивалось**

**как раз в Венском лесу. Дело в том, что Шёнбруннский дворец
расположен рядом**

**с лесистым парком. Побывал я и в роскошном дворце
австрийских императоров**

**эпохи барокко, осмотрел парк с фонтанами. Я долго восторгался
его красотой.**

**Там стояли уже английские и американские войска. Помню,
когда мы проезжали**

**мимо английских казарм, какое-то подразделение занималось
военными приемами,**

**шло обучение новобранцев. Я впервые увидел тогда
шотландских стрелков в их**

юбочках. Меня сопровождали архитекторы и инженеры коммунального хозяйства из

Киева. Мы с удовольствием смотрели на это зрелище и долго потом шутили над

юбочками. Для нас все это было ново и необычно. Ездил же я тогда инкогнито,

с удостоверением "генерала Петренко", и был я в военной форме, чтобы не

привлекать особого внимания. Там наших военных было тогда полным-полно, и я

среди них - просто еще один русский генерал.

Мы поехали и в американскую зону, здесь же, возле императорского дворца.

Рассматривали окрестности в бинокль, некоторые стали фотографировать их.

Американские войска строили трибуны и еще какие-то временные сооружения. Мне

сказали, что они готовятся к своему национальному празднику. Когда наши люди

стали фотографировать, немедленно появились мотоциклисты - американская

армейская полиция. Но она к нам не подъехала, а остановилась на каком-то

удалении и наблюдала за нашими действиями, не вмешиваясь. Здесь был наш

командующий, это, видимо, их сдерживало, они увидели неприкосновенное лицо и

откозыряли ему, так что мы получили возможность все внимательно осмотреть.

Был я и в венской опере, с хорошими голосами. Мне тоже очень понравилось.

Опера находилась в американском секторе города, но представители

стран-победительниц имели свободный проезд во все зоны, и никто нас не

останавливал.

Вспоминаю и Венский лес с каким-то сооружением летнего характера вроде

ресторана. Командующий показал на выцарапанные настенные надписи. Некоторые

фамилии показались мне знакомыми. Это расписались участники штурма Вены.

После вступления в город каждый, видимо, считал своим долгом оставить

автограф на стенах. Не знаю, как поступили потом в Вене: сохранились ли

автографы или их вытравили. Там расписалось много наших Иванов. В целом

зеленая и красивая Вена произвела на меня сильное впечатление. Теперь же я

приезжал туда как глава Советского правительства и гость австрийского, уже

на другом уровне. Правительство Австрии создало все условна, чтобы мы

чувствовали себя как можно лучше и имели возможность побольше узнать,

побольше увидеть и иметь побольше полезных бесед.

В Вену мы прибыли поездом через Братиславу. Встреча была

соответствующей

нашему положению, пышная. Потом начались официальные приемы и беседы. Они

протекали в стандартном духе. В таких случаях в коммюнике пишут, что беседа

проходила в дружественной обстановке и было проявлено полное взаимопонимание

сторон. Но это соответствовало действительности, у нас не имелось каких-либо

претензий к Австрии, как и у Австрии к нам. Мы встретились под сенью

договора, заключенного между нашими странами, а там было определено наше

стремление к обеспечению мира и мирного сосуществования. И все речи -

застольные и на митингах - тоже звучали в том же духе. Затем нам

организовали путешествие по стране. Сейчас, к сожалению, не могу припомнить

маршрут, но был он очень интересным. Мы с удовольствием приняли предложение,

и во мне остался прекрасный след о пребывании в Австрии. Это - сказочная

страна. Там отличные дороги, очень красивые холмы, лужайки, заросшие

зеленью, пейзажи, которые ласкают глаз.

Мы путешествовали в автобусе, специально изготовленном для экскурсантов.

Я говорил потом, что и нам хорошо бы позаимствовать

австрийский опыт, у нас

**таких автобусов не делают. Конструкция автобуса обеспечивала
полный круговой**

**обзор на 360 градусов. Там имелись только стойки, на
которых держалась**

**крыша, а все остальное было закрыто стеклом. Стекла удобно
поднимались и**

**опускались, обеспечивая вентиляцию. Была смонтирована и
электрическая плита,**

**на ней тут же готовились закуски. То есть было все,
необходимое для**

**путешествия. Автобус был предоставлен для поездки только
нашей делегации, и**

**народу собралось немного. Особенно я запомнил посещение
Зальцбурга. Мэр**

**города был левым социал-демократом. Мне говорили, что он
с пониманием**

**относится к позиции коммунистов, участвовал в
антифашистском Сопротивлении,**

**партизанил. Левый человек на манер Запада - это не левый
в нашем,**

**коммунистическом понимании. Но в любом случае он оказался
лучшим, чем многие**

другие социал-демократы.

**Помню митинг в его городе. Наверное, весь город собрался.
Мы выступали с**

**балкона, народ прекрасно встречал нашу делегацию и хорошо
реагировал на**

речи. Я тоже держал речь, хотя и речь стандартного

направления: мир;

безопасность; борьба против агрессии и за мирное сосуществование; каждый

народ сам выбирает себе судьбу, а революция не экспортируется. Вот,

примерно, о чем я говорил. Это отработанный нами стандарт, но правильный

стандарт. Австрийцы с пониманием встречали наши слова и, видимо, они с

доверием относились к нашим речам, тем более что ощущали нашу искренность,

это вызывало у них доверие.

Помню и посещение металлургического завода недалеко от Вены. Австрия -

небольшая страна, так что мы быстро достигали мест назначения. Завод, по

масштабам Советского Союза, оказался малым, но меня очень влекло туда, ибо

там выплавлялась конверторная сталь. Я много читал о ней, слышал доводы

наших инженеров, сторонников этого вида производства, и мне было интересно

посмотреть, как работают конверторы и насколько сложно оборудование. При

показе завода особенно большое усердие прилагал заместитель премьера,

социал-демократ, который нас сопровождал. Его поведение определялось тем,

что австрийцы были заинтересованы в том, чтобы мы у них

купили лицензию на

конверторное производство стали и на оборудование для такого производства. Я

был как раз большим сторонником покупки. Тогда я впервые увидел, как варят

сталь в конверторе, и восхитился, а потом благодарил своих инженеров,

сторонников прогрессивного метода производства, которые докладывали мне о

нем и побуждали меня купить такое оборудование.

Не помню объем их конверторов. По современным масштабам он невелик, и

потом я читал, что мы сейчас имеем конверторы значительно более мощные. Так

и должно быть, время-то прошло. Видимо, и Австрия сейчас изготавливает более

мощные конверторы. Деталей не знаю, потому что сейчас я человек отставной.

Тогда я твердо определил для себя, что надо это производство купить. Однако

не так-то легко сделать это даже при моем официальном положении председателя

Совета Министров. Когда я и Косыгин вернулись в Москву и рассказывали о

результатах поездки, то встретили (я и сейчас возмущаюсь, когда вспоминаю)

перед собой бронированную стену. Одни говорили: "Да, вы правы, это

действительно прогрессивный метод производства стали, но мы

сами работаем в

том же направлении и через столько-то времени будем иметь свой, более емкий

и более мощный конвертор. Зачем тратить деньги?". А Министерство черной

металлургии выдвинуло то возражение, что конверторное производство - вообще

не прогрессивный метод. Цифры, которые показывают экономическую

эффективность, верны, сталь дешева, но зато ограничивается сортамент. А нам

надо варить сталь многих марок и разного назначения, получать же сталь с

заданными качествами лучше в мартеновских печах, поэтому внедрять в нашей

стране конверторы нецелесообразно.

Сейчас, когда я сугубо газетный читатель, диктую свои воспоминания, не

пользуясь никакой специальной информацией, все же то и дело слышу о

преимуществах конверторов. В газетах в один голос твердят, что это самый

прогрессивный способ, что именно конвертор позволяет получать сталь с

заданными качествами. И во мне закипает возмущение. Вот такие-то люди стояли

во главе металлургической промышленности, были знатоками дела с большим

опытом и стажем, а занимали консервативную позицию. Она

теперь неопровержимо

**доказана жизнью. Теперь сами эти инженеры
переориентировались, сами себя**

**опровергают и в своих выступлениях, и на практике. Мы-то
тогда не купили**

**лицензии. Переговоры о ней вообще очень затянулись. А в
конце концов с**

**большой потерей времени конверторное производство стали у
нас было признано**

**как самое прогрессивное. Ну, и ладно! Как говорится, не хватило
ума оценить**

**у чужих сразу, зато с течением времени всякое прогрессивное
дело пробивает**

любые тупые лбы и преодолевает любое сопротивление.

**Мы посетили также лагерь смерти Маутхаузен, небольшой
городок, где**

**содержались за колючей проволокой пленные, наши и других
стран. То был**

**действительно лагерь смерти. Нас сопровождал министр
внутренних дел Австрии,**

**социал-демократ, который всегда положительно относился к
дружбе с СССР,**

**толстый, внешне добряк, с мягким характером, верной
ориентации. Там мы**

**увидели и место, где замучили генерала Карбышева(15).
Фашисты его заживо**

**заморозили, и он, облитый водою, представлял собой ледяную
фигуру. Он принял**

мучительную смерть, но не стал предателем, показал силу

духа советского

человека. Казалось бы, что ему советская власть? Он был военным деятелем еще

в царские времена. Но этот царский офицер стал советским генералом, не

уронил чести воина Красной Армии. Слава ему!.. Во дворе лагеря нам показали

камеры, где содержались заключенные, и душегубки. Мы увидели воочию всю

технику убийства людей, которая была изобретена умами фашистов. Министр

внутренних дел, который нас сопровождал, показал также камеру, в которой он

сам сидел и откуда был освобожден войсками союзников.

Показали нам и старинный охотничий дворец австрийских императоров с

замечательным музеем охотничьих трофеев. Хотя я сам был охотником, но такого

прежде нигде не встречал! Очень понравились нам выезды с танцами на

дрессированных лошадях. В этом Вена, как говорят, занимала первое место.

Отлично тренированные лошади, красивая форма наездников, отменно выполнявших

все фигуры... Зрелище производило большое впечатление. Потом я видел

подобное же в кино, но в натуре выглядит лучше.

В заключение скажу пару слов о такой личности, как Крайский. Как

заместитель премьера коалиционного правительства и лидер социал-демократов

Крайский занимал в Австрии второе место, если не говорить о президенте. Он

проявлял понимание необходимости дружбы и соглашений с нами, стоял на

позиции мирного сосуществования, стремился как-то улучшить и смягчить

отношения между социалистическими и капиталистическими странами. Хотя он и

был противником коммунистов, но с таким человеком можно вести диалог.

Несколько позже господин Крайский организовывал мою встречу с

Брандтом(16). К сожалению, она так и не состоялась. Тогда стало известно из

органов печати, что я собираюсь приехать в Берлин на какое-то торжество, и

Москва получила из Австрии от нашего посольства информацию, переданную через

Крайского, что со мной хочет встретиться Брандт, когда я окажусь в Берлине.

Брандт и Крайский были друзьями, они сошлись в Швеции. Когда немцы захватили

Австрию, туда эмигрировали и Крайский из Австрии, и Брандт из Германии, оба

как социал-демократы, и жили там в эмиграции. После войны они по-прежнему

поддерживали дружеские отношения. Я дал согласие на неофициальную встречу

без публикации о ней в печати. Пресса же пронюхала, что готовится такая

встреча, был оказан соответствующий нажим на Брандта, и он в последний

момент, когда я уже находился в Берлине, отказался от встречи.

Я же хотел встречи с Брандтом, считая, что она была бы полезной. Теперь,

когда он пришел к руководству в ФРГ(17), то предпринимает позитивные шаги и

с пониманием относится к необходимости улучшения отношений Западной Германии

с ГДР и СССР. Во что выльется этот диалог и хватит ли Брандту храбрости

оказать сопротивление тем силам, которые выступают против смягчения

напряженности, покажет будущее. Если он проявит волю и станет работать в

этом направлении, это окажется в интересах наших народов и всех стран,

которые стоят на позиции мирного сосуществования. Из органов печати я узнал,

что социал-демократы сейчас получили на выборах в Австрии большинство,

обрели право сформировать правительство(18). Очень хорошо!

Примечания

(1) МОЛОТОВ В. М. являлся наркомом (министром) иностранных дел СССР в

1939 - 1949 и 1953 - 1956 гг., Вышинский А. Я. - в 1949 - 1953 гг.

(2) Город Триест, бывший с XIV в. преимущественно австрийским владением,

отошел в 1919 г. к Италии, в 1943 - 1945 гг. находился под немецкой

оккупацией, до 1947 г. управлялся англо-американской военной администрацией,

до 1954 г. вместе с округой составлял свободную территорию Триест под тем же

управлением, согласно итало-югославскому договору 1954 г. был разделен на

западную часть (вместе с городом отошла к Италии) и восточную (отошла к

Югославии). Граница между ними определена итало-югославским договором 1975

года.

(3) Пьеса драматурга и писателя Тренева К. А., написанная в 1926 году.

(4) В 1949 году. Восстановлены в 1955 - 1956 гг.

(5) Каринтия. С XIV принадлежала Австрии, в 1919г. разделена между

Австрией, Югославией и Италией.

(6) РААБ Ю. (1891 - 1964) - вице-председатель в 1945 - 1951 гг. и

председатель в 1951 - 1960 гг. Австрийской народной партии, в 1953 - 1961

гг. федеральный канцлер Австрии.

(7) КРАЙСКИЙ Б. (1911 - 1990) - вице-председатель в 1959 - 1967 гг. и

председатель в 1967 - 1983 гг. Социалистической партии

Австрии в 1953 - 1959

гг. статс-секретарь МИД, министр иностранных дел в 1959 - 1966 гг.,

федеральный канцлер в 1970 - 1983 гг.

(8) Первый посол СССР в послевоенной Австрии ИЛЬИЧЕВ И. И. (1905 - 1983)

- заместитель политического советника Советской контрольной комиссии в

Германии (1949 - 1952), глава дипломатической миссии СССР в ГДР (1952 -

1953), Верховный комиссар СССР в Австрии (1953 - 1955) и посол (1955 - 1956)

в Австрии.

(9) То есть подписали в Вене 15 мая 1955 г. Государственный договор о

восстановлении независимой и демократической Австрии. 26 октября 1955 г.

австрийский парламент принял закон о постоянном нейтралитете.

(10) Австрийскому государству СССР передал бывшие германские активы, ряд

предприятий, нефтяные поля и имущество Дунайской судоходной компании.

(11) Последние оккупационные войска покинули Австрию 25 октября 1955 г.

(12) Хрущев возглавил Совет Министров СССР в 1958 году.

(13) КОСЫГИН А. Н. работал заместителем и первым заместителем предсовмина

СССР в 1953 - 1960 и 1960 - 1964 гг.

(14) КУРАСОВ В. В. (1897 - 1973) - генерал армии с 1948 г., был в период

**подписания Государственного договора с Австрией
начальником Военной академии**

**Генерального штаба, а в Австрии служил после Великой
Отечественной войны в**

**качестве заместителя главнокомандующего и
главнокомандующего Центральной**

группой войск.

**(15) КАРБЫШЕВ Д. М. (1880 - 1945) - строитель фортов
Брестской крепости в**

**1911 - 1914 гг., генерал-лейтенант инженерных войск с 1940 г. На
месте его**

гибели в Маутхаузене поставлен в 1962 г. памятник.

**(16) БРАНДТ В. (Фрам Г. К.) был тогда
председателем**

**Социал-демократической партии Западного Берлина и его
правлящим бургомистром.**

**(17) То есть стал федеральным канцлером ФРГ (1969 - 1974
гг.).**

(18) Это произошло в 1970 году.

ВСТРЕЧА С АДЕНАУЭРОМ

**Сейчас я выскажу некоторые соображения о приеме в
СССР делегации**

Германской Федеральной Республики(1), возглавляемой Аденауэром(2). С

Аденауэром у меня состоялась единственная встреча - в Москве, в сентябре

1955 года. Мы были очень довольны инициативой Аденауэра, когда он предложил

встретиться в Советском Союзе. И та, и другая сторона хотели такой встречи,

она была выгодна обеим. Положение в Германии сохранялось ненормальное (оно и

сейчас остается таким). Поэтому возникало естественное желание нормализовать

его.

После смерти Сталина Аденауэр и его партия(3) считали возможным

попытаться добиться максимума в деле поглощения Западной Германией

Германской Демократической Республики, создания единого немецкого

капиталистического государства. Аденауэр и его сторонники - наши бывшие

союзники - ощущали, что ГФР уже набрала экономическую силу, у нее появилась

возможность предоставлять другим странам кредиты. СССР нуждался в кредитах,

в закупке современного оборудования на западном рынке. Кредиты помогли бы

нам приобрести нужное оборудование, которое мы еще не могли производить у

себя и не могли также приобрести в других социалистических странах.

Насколько помню, тогда говорили, что правительство ГФР (как ее сокращенно

называли) готово предоставить нам кредит в виде компенсации за невыплаченные

послевоенные репарации, положенные нам по Потсдамскому соглашению(4). ГФР

своевременно не уплатила их. Сумму я не помню: что-то, как вертится в

памяти, около 500 млн. западногерманских марок. Эта валюта высоко ценилась

на Западе. Однако Аденауэр неправильно представлял себе нашу возможную

позицию относительно ГДР. Во-первых, мы не могли согласиться с постановкой

перед нами вопроса, быть или не быть ГДР. Это ведь вопрос самих немцев,

которые создали новую республику. Во-вторых, идеологически мы были

заинтересованы не в ликвидации, а в укреплении ГДР. Трудно даже представить,

как это мог додуматься Аденауэр, что мы сумеем пойти на ликвидацию ГДР. Наши

идеологические, политические и экономические контакты с ГДР были не

односторонними, а взаимными.

Мы настаивали на сохранении независимого немецкого государства рабочих и

крестьян, которое являлось нашим союзником. Кроме того, наши

военно-стратегические интересы тоже заключались в том, чтобы укреплять ГДР.

Западная же Германия добивалась создания единого государства на

капиталистической основе. Если бы это произошло, то мы сразу территориально

отступали как бы к границам Польши. Так что если бы мы поддались на подобные

уговоры или угрозы, это стало бы политическим и стратегическим отступлением,

отказом от ГДР, от ее пути социалистического развития. Это вдохновило бы

агрессивные силы Западной Германии на еще больший нажим, чтобы потом

отодвинуть польскую границу восточнее, чего западные немцы добиваются

по-прежнему и сейчас, при уже сложившихся границах. Это могло послужить

началом цепной реакции. На это мы никак не могли пойти, даже в мыслях не

могли себе такого представить.

Но сильное желание ослепляет порою здравый рассудок, и появляются

суждения, допускающие возможность получения недостижимого. Видимо, именно

такие мысли толкнули Аденауэра и его окружение на решение поехать к нам,

чтобы при личных контактах, в ходе собеседований поманить нас получением

кредита, то есть создать для себя такие условия, чтобы без войны добиться

желанной цели. Аденауэра тогда сопровождали: Кизингер(5) (потом он стал

канцлером), Арнольд (он возглавлял профсоюзы, потом умер), Шмидт(6) и еще

какой-то социал-демократ. Эти фамилии сохранились у меня в памяти. Не помню,

был ли там Хальштейн(7)? Кажется, и он тоже. В те годы прозвучала доктрина

Хальштейна(8). Сейчас она уже не так выпячивается, но, во всяком случае, еще

не отброшена: и в диспутах, и на практике западные немцы еще придерживаются

доктрины Хальштейна.

Главный вопрос - заключение мирного договора. Аденауэр высказывался за

это. Но мы считали, что к договору можно прийти лишь через заключение

соглашения между обоими германскими государствами с выделением Западного

Берлина как самостоятельного "вольного города". Со стороны же западных

немцев выдвигалось предложение о создании единой Германии со столицей в

Берлине, что никак не совпадало с нашими интересами. Мы не имели морального

права оказывать давление на Германскую Демократическую Республику. Это ведь

означало для ГДР отказ от независимости и растворение в буржуазном

государстве. Зато мы хотели нацелить наши переговоры на констатацию

ликвидации состояния войны, то есть не на заключение мирного договора, а на

подписание соглашения, в котором было бы зафиксировано, что СССР и ГФР не

находятся более в состоянии войны. Такой договор дал бы возможность

установить дипломатические отношения, что способствовало бы экономическим,

культурным и общественным контактам между нашими странами.

Когда в ходе переговоров той и другой стороной безрезультатно были

испытаны все средства достижения своих целей и намерений, возникла пауза. Не

помню сейчас нюансов. Но на последнем этапе западные немцы категорически

высказались против выдвинутого нами предложения, а мы тоже не согласились с

предложениями Аденауэра. И вдруг он заявил, что, так как они не могут

подписать соответствующего документа, то завтра уезжают. Я сказал им:

"Выражаю сочувствие и сожаление. Таким шагом будет нанесен вред и нашим

отношениям, и прежде всего Германской Федеральной Республике. Однако это

ваше дело, можете уезжать, хотя и потерпите урон, как политический, так и

экономический, потому что экономические связи с Советским Союзом очень

выгодны".

Затем мы приготовились к их завтрашнему демонстративному отъезду без

всякого итогового документа и без торжественных проводов. Но в тот же день

узнали, что они еще раз хотят с нами встретиться. Угроза демонстративного

отъезда оказалась лишь одним из способов нажима, попыткой вырвать наше

соглашение и испытать, твердо ли мы стоим на своих позициях. Аденауэр хотел

припугнуть нас тем, что состояние войны не будет ликвидировано. Мы же не

особенно были обеспокоены этим, хотя, безусловно, и сожалели бы, если бы

такое случилось. Капиталистические воротилы ГФР, видимо, оказали нажим на

свое правительство, ибо им нужно было "прорубить окно" в Россию. Германия

извлекала ранее большие выгоды от торговли как со старой Россией, так и с

СССР. До прихода Гитлера к власти у нас существовали хорошие торговые и

прочные отношения с Веймарской республикой, мы делали с немецкими

капиталистами "большие дела".

Помню, как после гражданской войны немецкая фирма в Донбассе взяла у нас

концессию на проходку шахты № 17-бис. Эта шахта закладывалась рядом с

действующей шахтой № 30, но на большую глубину. Наш штейгер был обескуражен

тем, что мы отдали шахту немцам, вроде сами не сумеем заложить, и пошел к

Абакумову, управлявшему этим рудником, предложив свои услуги: "Доверьте мне,

Егор Трофимович, я не хуже немцев пройду второй шурф, новый ствол шахты.

Дайте только необходимое оборудование". Однако это-то как раз и было

вопросом - оборудование! Все-таки, в порядке соревнования, мы мобилизовали

свои возможности и позволили штейгеру посоревноваться с немцами. Он сумел

пройти шурф. Так что мы не попали в безвыходное положение. По-моему, тогда же

немцы восстанавливали нам коксохимический завод на шахте № 30.

В честь окончания работы состоялся митинг. Я тогда заведовал орготделом

Юзовского окружка партии. Меня как старожилу шахт бывшей французской

компании пригласили на этот митинг. Я работал там слесарем. Поэтому меня

знали все как облупленного, и я всех знал. Это район, где прошли мое детство

и юность. На митинг я захватил с собой одного немецкого коммуниста, который

учился у нас на курсах в Москве, а на весенние каникулы приехал в Юзовку.

Мне хотелось, чтобы с нашей стороны выступил именно немецкий коммунист.

Хорошо помню начало митинга.

Сначала выступил представитель фирмы, которая вела работы, толстый такой

инженер не то техник. Говорил он по-немецки, и не уверен, имелся ли у нас

переводчик. Рабочие стояли, слушали и, как говорится, глазели. Картина

внешне была довольно неприглядной: все люди из деревни, многие в лаптях, в

одежде очень поношенной, если не совсем изношенной. Одним словом, серо

выглядели тогда люди. Да и вполне понятно: после мировой войны, гражданской

войны и саботажа, который встретил революцию, восстановление хозяйства шло

туго. Следовательно, туго шло и накопление средств, жизненный уровень народа

не повышался. Мы понимали это, но я говорю тут о создававшемся внешнем

впечатлении.

Рабочие выслушали иностранца, но не раздалось ни одного хлопка. Потом я

объявил, что теперь выступит представитель Коминтерна, товарищ такой-то, сам

тоже немец. Его сразу встретили аплодисментами. Когда же он закончил речь, а

она была короткой, митинговой, ему вообще устроили бурную овацию. Слушатели,

думаю, не целиком смогли понять суть речи представителя Коминтерна, слабо

владевшего русским. Но достаточно было сказать, что это представитель

Коминтерна, чтобы его наградили поистине по-братски теплой встречей и

устроили ему овацию. Настолько тогда высоко ценили знамя и авторитет

международной коммунистической организации - III Интернационала.

Промышленники Запада извлекали из связей, восстановленных с нами после

окончания гражданской войны, все, что им удавалось. Естественно,

представители концернов Западной Германии продолжали теперь, зная историю

своих прежних связей и свои возможности, высчитывать, что они могут извлечь,

если будут нормализованы наши отношения и они получают доступ к заключению

сделок с СССР. Аденауэр ощущал давление этих деловых людей, да и сам был

заинтересован в том же. И немцы не уехали. Мы продолжили наши беседы и стали

работать над документом, который можно было бы подписать. По какому-то

вопросу собеседники оказывали особенно упорное сопротивление. Мы удивились,

и тогда они нам подбросили информацию, что на Аденауэра оказывает давление

посол США в СССР Чарльз Болен(9).

На первых порах, когда он стал послом, у нас с ним сложились хорошие

отношения. Наши симпатии к нему опирались на наше хорошее отношение к

Рузвельту, а Болен был личным переводчиком у Рузвельта и в Тегеране, и в

Крыму, да и не только в Крыму. Одним словом, создалось впечатление, что это

человек Рузвельта и потому придерживается его политического курса. Однако

потом оказалось, что Болен - самый оголтелый реакционер. Он поддерживал

ненавистную линию враждебных нам кругов США. Долгое время являясь послом,

делал нам гадости, какие только мог: портил наши отношения и не только не

способствовал их улучшению, но замораживал любые инициативы. Не знаю,

получал ли он какие-то указания из Вашингтона по данному поводу или же тут

была его личная инициатива... Думаю, что он сам все это выделял, не желая

улучшения наших отношений. Так что мы поверили немецкой информации о Болене.

Мне припоминается также человек по фамилии Арнольд, представитель

какой-то германской земли. Потом он возглавлял Аденауэровские профсоюзы. В

ходе переговоров на официальных приемах у меня появилась возможность

поговорить с ним. Арнольд больше остальных проявлял интерес к заключению

договора, смягчению и нормализации наших отношений. Особую позицию занимал

социал-демократ Шмидт. О Кизингере же у меня не сложилось тогда какого-то

впечатления. Думаю, что он был правой рукой Аденауэра и никаких разногласий

с ним во взглядах на возможность заключения договора не имел, тем более по

линии "уступок Советам", как они говорили.

Аденауэр в конце переговоров похвастался, что, несмотря на давление,

которое оказывал на него Болен, он все-таки довел переговоры до успешного

завершения, так что мы в конце концов согласовали текст(10). Немцы передали

нам свое пожелание поторопиться с подписанием, пока текст в последней

редакции не увидел Болен. Мы согласились с их подходом. Если он был приемлем

для нас, а для Болена неприемлем, то тут мы, конечно, были на стороне

Аденауэра. Так этот документ и был подписан. Потом меня информировали, что

Болен сильно возмущался позицией Аденауэра, но документ уже был подписан.

О самом Аденауэре у меня осталось особое впечатление. То был человек,

который мог пойти, как я бы сказал, на грубую лезть, если понадобится. Во

время бесед о мной он "выделял" меня и говорил, что вот "только в результате

вашего влияния произошло то-то и то-то"... Мне было неприятно слышать это от

политического деятеля, это принижало его достоинство. Я, смотря на такой

нехороший прием действий, размышлял, как же мелко думает он о других?

Наверное, и сам он мелочный человек. Например, когда за обедом мы

обменивались мнениями, он тут же мне на ухо шептал через переводчика

какие-то любезности. Однако в смысле политики, понимания своих интересов он

твердо представлял немецкий капитал и был большим его защитником.

Переговоры закончились, документы подписали, делегация ГФР уехала. Мы ее

проводили, и это осталось нашим первым и последним контактом. После той

встречи у нас с Аденауэром ни встреч, ни обмена правительственными

делегациями не происходило. Правда, экономические связи между двумя странами

стали развиваться. Я не однажды принимал представителей "Круппа"(11), других

деловых людей из ГФР, с которыми нас связали общие экономические интересы.

Мы давали им заказы, они поставляли нам хорошее оборудование. Немцы умеют и

работать, и торговать.

Что еще сказать об Аденауэре? Он, конечно, вошел в историю своей страны

как представитель крупного капитала. Но человек он, так сказать, ловкий:

столько лет продержался там у власти! Да и пользовался поддержкой

избирателей. Вспоминается такой эпизод. За столом во время обеда Шмидт

обратился ко мне и назвал меня по партийной привычке товарищем ("Геноссе

Хрущев"). Я ему тоже ответил: "Геноссе Шмидт". Аденауэр, услышав, изобразил

на своем лице иронию и, насмешливо повторив "Геноссе Хрущев", тут же

обратился ко мне: "Господин Хрущев, вы что же, думаете, что рабочие у нас

голосуют за социал-демократов? Нет, большинство рабочих Германии голосует за

меня!". И тут же сообщил, сколько получили голосов социал-демократы, сколько

рабочих объединяют в своих профсоюзах они, а сколько - его партия. Выходило,

что большинство рабочих голосует за партию Аденауэра. К сожалению, это было

правдой. Если бы за социал-демократов голосовало большинство, то не Аденауэр

возглавлял бы правительство ГФР. Даже после смерти Аденауэра ситуация не

изменилась(12).

Аденауэр заложил основы сегодняшней политики Христианско-демократической

партии. Она и сейчас еще очень сильна и имеет там большое влияние. Аденауэру

нужно отдать должное, с ним надо было считаться. Но он оставался

непримиримым врагом коммунистических идей, поэтому был нашим непримиримым

идеологическим противником. Это сдерживало его, и он не шел с нами на тесные

контакты по государственной линии. Вот то, что я хотел как бы добавить к

тому общеизвестному факту, что Аденауэр является представителем реакционных

кругов Западной Германии. Он был таким, таким и ушел из жизни.

Но наша встреча стала полезной. Мы ликвидировали официальное состояние

войны между Германией и СССР(13), обменялись посольствами. Через советского

посла там усиливалось наше влияние на общественность, создавались

возможности занять контакты с деловыми кругами и с теми людьми, которые нам

симпатизировали. Такие контакты всегда приносят пользу. Мы прорвали изоляцию,

в которой находились, а это было невыгодно США. Их люди делали буквально

все, чтобы не допустить подписания договора с СССР и тем самым не позволить

разорвать кольцо изоляции, которым они окружили Советский Союз и другие

социалистические страны. Мы такое кольцо прорвали. Это было выгодно не

только для нас, но и для всех социалистических стран, хотя они еще не имели

посольств в Бонне, потому что доктрина Хальштейна служила тому препятствием.

Да и сейчас только Румыния и Югославия, по-моему, имеют там свои посольства.

Когда Югославия временно оказалась в плохих отношениях с другими

социалистическими странами, она заключила свой договор с ГФР. Потом, когда

отношения нормализовались, признала Германскую Демократическую Республику.

Зато тут же автоматически прервались ее дипломатические отношения с Западной

Германией(14). Но, нужно отдать должное товарищу Тито, он предпочел иметь

отношения с ГДР и противостоял нажиму западных немцев. Так что доктрина

Хальштейна не выдержала проверки временем, почему Западная Германия и

нормализовала потом отношения с Югославией на каком-то этапе.

Считаю необходимым дополнительно подчеркнуть, почему Чарльз Болен

предпринимал со своей стороны все, что было в его силах, чтобы не допустить

соглашения с ГФР и СССР. Он всячески ставил палки в колеса, но Аденауэр

все-таки не послушался его и после того, как мы договорились по основным

вопросам, предложил, поскорее оформив договор, скрепить его подписями, так

как боялся, что со стороны США уже напрямую из Вашингтона, через посла США в

Бонне, усилится давление. Чем же руководствовался Аденауэр? Что, он выражал

особые симпатии к Советскому Союзу? Почему хотел восстановить

дипломатические отношения? Сказались сугубо торговые интересы

западногерманских толстосумов. Наоборот, США было выгодно, чтобы Западная

Германия, находясь официально в состоянии войны с Советским Союзом, не имела

своего дипломатического представительства в Москве, а мы не имели своего

представительства в Бонне.

У нас не возникли бы тогда деловые контакты, что служило бы интересам

Соединенных Штатов. Они сами хотели размещать в ГФР свои капиталы и влиять

на развитие ее экономики. ГФР же, наоборот, хотела вырваться из объятий США:

капитал Западной Германии, обретя силу, искал себе рынки сбыта, искал заказы

на продукцию. Поэтому Аденауэр и захотел открыть окно в Советский Союз. Вот

главный мотив, а не какие-то особые симпатии, не какие-то благородные

чувства, которые владели умом Аденауэра. Нет, тут главенствовала идея

прибыли. Тут интересы США столкнулись с интересами Западной Германии. Когда

дело касается кошелька и затрагиваются интересы банков, можно и не

посчитаться с требованиями союзника. Немецкие капиталисты находчивы. Они

хорошо знали возможности нашего рынка и пошли на нужные им ухищрения.

Сейчас, находясь на пенсии, я иной раз вспоминаю Аденауэра. Он подарил

мне в качестве сувенира хороший цейсовский бинокль. Когда я выхожу на

прогулку, то пользуюсь им, с "помощью Аденауэра" немножко раздвигаю свой

горизонт, имея возможность обозревать обширные поля, леса и прочие прелести

подмосковного пейзажа. Если встречные интересуются моим биноклем, я говорю

им: "Подарок Аденауэра". Сразу повышается к нему интерес. Конечно, мы и сами

делаем бинокли, причем, наверное, не хуже. У меня есть и другие бинокли. Но

я пользуюсь этим как более удобным. Вот такая у меня осталась память о

личной встрече с Аденауэром.

Примечания

(1) Так называлась у нас в то время Федеративная Республика Германия.

(2) АДЕНАУЭР К. (1876 - 1967) являлся в 1917 - 1933 гг. обер-бургомистром

г. Кельн, в 1920 - 1932 гг. был председателем Государственного совета

Пруссии, с 1946 г. возглавлял Христианско-демократический союз в Западной

Германии, в 1955 г. пошел на установление дипломатических отношений Западной

Германии с СССР, в 1949 - 1963 гг. был федеральным канцлером ФРГ.

(3) То есть ХДС (Христианско-демократический союз).

(4) Потсдамская конференция союзных государств (17 июля - 2 августа 1945

г.), наряду с прочими решениями, достигла соглашения о репарациях с

Германии. При этом репарационные претензии СССР удовлетворялись изъятиями из

хозяйства Германии в советской зоне оккупации, из германских вложений за

границей и получением четверти промышленного капитального оборудования,

изымаемого союзниками в западных зонах оккупации.

(5) КИЗИНГЕР К. Г. (1904 - 1988) работал в 1940 - 1945 гг. в германском

Министерстве иностранных дел, в 1966 - 1969 гг. был федеральным канцлером

ФРГ, в 1967 - 1971 гг. возглавлял ХДС.

(6) ШМИДТ Х. (род. в 1918 г.) был с 1953 г. депутатом бундестага от

Социал-демократической партии Германии, в 1967 - 1969 гг. возглавлял ее

фракцию в бундестаге и в 1968 - 1983 гг. был заместителем председателя СДПГ.

В 1969 - 1974 гг. являлся министром обороны, хозяйства и финансов, в 1974 -

1982 гг. федеральным канцлером ФРГ.

(7) ХАЛЬШТЕЙН В., западногерманский профессор, юрист,

был в ту пору

статс-секретарем МИД ФРГ.

(8) Сводилась к признанию властей ФРГ единственным представителем

немецкого народа, выступающим от имени всей Германии, и к отрицанию

юридического значения ГДР. Прекратила свое существование после подписания в

1972 г. договора между ГДР и ФРГ об основах отношений между ними.

(9) БОЛЕН Ч. Ю. (1904 - 1974) работал в американских посольствах в

Чехословакии, Франции, СССР (1934 - 1936, 1937 - 1940, 1943 - 1944), Японии

и в госдепартаменте, в 1944 - 1946 гг. помощник государственного секретаря

США, в 1947 - 1949 и 1951 - 1953 гг. советник госдепартамента, в 1949 - 1951

гг. советник-посланник посольства во Франции. Послом в СССР был в 1953 -

1957 гг., далее - на Филиппинах и во Франции. С 1968 г. зам. заместителя

госсекретаря, с 1969 г. в отставке.

(10) В нем говорилось об установлении дипломатических отношений между ФРГ

и СССР. Они стали фактом с 13 сентября 1955 г., а в 1958 г. были дополнены

консульским договором и соглашением по общим вопросам торговли и

мореплавания.

(11) Фирма "Крупп" - концерн с комбинированным горнодобывающим,

сталелитейным, металлообрабатывающим, машиностроительным автостроительным,

судостроительным и авиастроительным производством. Помимо того, производит

электроэнергию, проектирует и строит комплектные предприятия, ведет широкую

торговлю.

(12) Впервые социал-демократы Западной Германии вошли в коалиционное

правительство в 1966 г., а первым социал-демократическим премьер-министром

стал в 1969 г. В. Брандт.

(13) СССР заявил о прекращении состояния войны с Германией 25 января 1955

года.

(14) 19 октября 1957 г. дипломатические отношения ФРГ с Югославией были

разорваны. С Румынией они были установлены 31 января 1967 г., а 31 января

1963 г. восстановлены отношения с Югославией.

НА ЖЕНЕВСКОЙ ВСТРЕЧЕ ЛИДЕРОВ ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ

После второй мировой войны у нас очень обострились отношения с

Великобританией. Обострение произошло в результате политики, провозглашенной

Черчиллем. Черчилль выдвинул лозунг окружения Советского Союза(1). Он в

своей речи, произнесенной в Фултоне, призвал капиталистические страны

сорганизоваться, чтобы противостоять угрозе со стороны СССР. Хотя в Англии

правительство было лейбористским, оно проводило недружественную политику в

отношении Советского Союза. Наши торговые связи почти не развивались. Нельзя

сказать, что они были в замороженном состоянии. Но английское правительство

не способствовало тому, чтобы эти связи находились на должном уровне.

После смерти Сталина к нам приезжали лейбористы, и мы с ними установили

некоторый контакт. Но к этому времени их сменили у власти консерваторы, чье

правительство возглавил Идеи(2). К Идену у нас было хорошее отношение, мы

считали его прогрессивным среди консерваторов человеком. У нас остались

хорошие воспоминания и о позиции, которую занимал Идеи перед войной: он

являлся тогда в течение ряда лет министром иностранных дел и, по нашим

сведениям, стоял на позиции заключения договора с Советским Союзом против

гитлеровской Германии. Когда Болдуин повел резко антисоветскую линию,

подталкивавшую Гитлера против Советского Союза, Иден вышел в отставку(3).

Это благоприятствовало нашему хорошему отношению к Идену и позволяло нам

надеяться, что удастся как-то улучшить отношения между Советским Союзом и

Великобританией.

С Иденом я встречался мельком во время войны. Тогда он прилетал в

Советский Союз, и случайно совпало, что в это время я тоже был вызван

Сталиным с фронта. Я встретился с ним на каком-то ужине у Сталина. Но там я,

как говорится, видел его лицо, слышал его голос, однако с ним не беседовал.

Сталин, если и приглашал к себе кого-либо из руководства, из членов

Политбюро или правительства, то только смотреть, сидеть и кушать, главное -

занимать место. В вопросы политики нас не допускали, каждый должен был знать

свой шесток. В какой-то степени это верно. Необходимо, чтобы человек,

который определяет политику Советского Союза, выступал один, в таких случаях

недопустима разногласия. Но я считаю, что не следует и ограничивать своих

соратников, особенно в преклонном возрасте, в котором находился в то время

Сталин. Надо было их приучать, натаскивать, как охотник приучает молодую

собаку, а этого Сталин не хотел допустить. Он все понимал, но допустить не

мог...

Идея Женевской встречи принадлежала, по-моему, Черчиллю. Он считал, что

надо установить контакты с новым руководством СССР, чтобы не опоздать.

Черчилль полагал, что следует воспользоваться смертью Сталина. Новое

руководство СССР пока еще не окрепло, и с ним можно будет договориться:

"нажать" на него с тем, чтобы вынудить его к соглашению на определенных

условиях. В зарубежной печати стало появляться много материалов о том, что

руководителям четырех великих держав необходимо встретиться. Мы тоже стояли

за такую встречу. Как потом оказалось, мы тогда несколько преувеличивали

возможность достижения взаимопонимания, считая, что после такой

кровавой войны, которую мы провели вместе со своими союзниками против

Германии, мы сумеем договориться на разумных началах.

Что считали мы за разумное начало? Искренне поддерживать мир и не

вмешиваться во внутренние дела других государств. Мирное сосуществование

было основой нашей политики. Но западные деятели стояли на другой позиции:

они хотели, это естественно, оттеснить нас и содействовать тому, чтобы

страны, освобожденные Красной Армией, развивались на капиталистической

основе. Это касалось, главным образом, Румынии, Польши и Венгрии. Больше

всего они надеялись как-то вырвать, как они выражались, из советского блока

Польшу. Имелись и другие вопросы политического характера, которые беспокоили

Запад, например, о Ближнем Востоке, в том числе о Египте и Сирии. В этих

странах увеличивалась тяга к социализму, резко падало традиционное влияние

Англии и Франции. Последние хотели спасти его и как-то договориться с

ближневосточными странами на своих условиях, без учета роли Советского Союза

и других социалистических стран.

Через дипломатические каналы мы навели контакты,

провели консультации,

договорились о дате встречи (июль 1955 г.) и избрали местом встречи Женеву.

Председателем Совета Министров СССР к тому времени стал Булганин(4). Я

сказал бы, что подготовка Женевской встречи имела некоторое значение для

освобождения Маленкова с поста председателя Совета Министров. С деловыми

качествами Маленкова мы ближе познакомились, когда умер Сталин. Маленков

оказался человеком совершенно безынициативным и в этом смысле даже опасным,

он слабоволен и слишком поддается чужому влиянию. Не только нажиму, а просто

влиянию других. Не случайно он попал в лапы к Берии. Берия был умнее

Маленкова, хитрый и волевой человек. Поэтому он и прибрал его к рукам.

- У нас могут сложиться довольно тяжелые условия, - говорил я Молотову. -

Маленков возглавит нашу делегацию, а для всех очевидно, что Маленков не

способен по-настоящему противостоять противнику при встрече. У него

характер, сглаживающий острые углы. Он улыбающийся человек, не способный

парировать удары, тем более не способный предпринять наступление при

обсуждении вопросов. А без этого нельзя. Защищаться - значит вдохновлять

противника. Необходимо нападать. Эта военная тактика свойственна и политике.

**- Конечно, если состоится встреча, то Маленков не один поедет,
- ответил**

мне Молотов. Он намекал на себя. Он как министр иностранных дел обязательно

будет там, постойт за интересы страны. Это верно. Здесь у меня никаких

сомнений не было. Молотов будет отстаивать интересы Советского Союза. Но

Молотов чересчур угловат. Он противоположность Маленкову. Порой нужно

проявить и понимание, и даже необходимую тактическую гибкость. Он на это не

способен. Он резок до крайности. Когда он возражает, то даже лицо

искажается. Его участие в делегации не располагало к поиску согласия. Я

сомневался, что при его участии составится делегация, на которую можно

положиться, можно быть уверенным, что она использует все возможности для

договоренности, проявит как твердость, так и эластичность.

Не следовало давать повод думать, что мы стоим на старых позициях

сталинских времен. А олицетворением такой политики был сам Молотов. У нас к

нему стал проявляться критический подход. Об оценке его деятельности за

границей и говорить нечего. Пока он отстаивает интересы Советского

государства, здесь его стойкость, его неподкупность - качества хорошие; а

вот эластичности, необходимой дипломату, ему не хватало. Это являлось

слабостью дипломатии Молотова. Поиск подходящей кандидатуры на пост главы

нашей делегации тоже послужил одной из причин (конечно, далеко не главной),

вызвавших замену Маленкова.

Мы вынуждены были заменить Маленкова. Имелись к тому и другие причины, но

сейчас я их не касаюсь. Для бесед в Женеве требовался крепкий человек.

Выдвинули Булганина. Правда, потом выяснилось, что Булганин в вопросах

международной политики тоже не смог проявить должного понимания и оказался

человеком, не способным к дипломатическим переговорам.

Стали формировать состав делегации, которая должна была выехать в Женеву.

Конечно, прежде всего должен был поехать Булганин как глава правительства.

Ведь это была встреча глав правительств. Главой государства и правительства

в США был президент Эйзенхауэр(5). Другие западные лидеры

были главами

правительств. Премьером Великобритании являлся Идеи, Францию представлял

премьер-министр Эдгар Фор(б). Когда мы обсуждали в Президиуме ЦК партии

состав делегации, то решили, что в Женеву должен поехать Молотов как министр

иностранных дел. И в других делегациях премьеров сопровождали министры

иностранных дел. Это нормально.

Во время обсуждения состава делегации некоторые члены Президиума ЦК

высказались в том духе, что надо и меня включить в этот состав. Я возражал,

считая, что такой шаг трудно будет понять нашим партнерам: ведь я не занимал

государственного поста, а представлял лишь нашу партию. Однако Молотов в

свою очередь возразил, что это - наше дело, кого включить в число лиц,

сопровождающих председателя Совета Министров СССР.

"Кроме того, - сказал он,

- ты являешься членом Президиума Верховного Совета СССР и, стало быть,

поедешь не как секретарь Центрального Комитета партии, а именно как член

Президиума верховного органа власти Советского Союза".

Не знаю, правильно или неправильно мы поступили. Сейчас поздно судить об

этом. Я же не скрою, что мне хотелось участвовать в данной встрече,

познакомиться с представителями США, Англии и Франции, немного приобщиться к

международной политике на высшем уровне. Потом мы узнали, что Эйзенхауэр

включил в состав сопровождавших его лиц военного министра США. Тогда я

предложил: давайте и мы включим в состав нашей делегации министра обороны.

Министром обороны тогда у нас был Жуков. Я имел к нему такие соображения:

Жуков во время войны поддерживал очень хорошие отношения с Эйзенхауэром, а

это могло способствовать лучшим контактам нашей делегации с представителями

США. Да и личные контакты Жукова с Эйзенхауэром могли быть полезны для нас.

Так мы и сделали.

Приехали в Женеву. Самое прибытие нас на ее аэродром выглядело не совсем

выгодным для нас. Делегации США, Англии и Франции прилетели на

четырёхмоторных самолетах. И это выглядело внушительно. Мы же прилетели

скромно, на двухмоторном Ил-14. Это, если можно так выразиться, несколько

принижало солидность нашей делегации, ибо наш самолет не свидетельствовал о

высоком уровне развития советской авиационной техники. Западные лидеры тут

явно подавляли нас, особенно США: Эйзенхауэр прилетел туда на великолепном

четырёхмоторном самолете. Прибытие каждой делегации сопровождалось обычной

церемонией: выстраивался почетный караул, который маршировал перед главой

делегации после того, как тот обходил это подразделение и здоровался с ним.

Для нас в то время это было еще непривычным.

Когда Эйзенхауэр, завершив все церемонии, сел в автомашину, чтобы поехать

в свою резиденцию (а делегации размещались в специальных особняках, нанятых

посольствами), то за его машиной побежала пешая охрана. Для нас это тоже

выглядело необычно, несколько театрально. Мы не понимали, зачем все это?

Ведь трудно совместить ход машины с бегом человека. Потом, когда мы как-то

прибыли в Вашингтон и я ехал вместе с Эйзенхауэром, то увидел, что такая же

практика имела место и в Вашингтоне. Там тоже здоровенные ребята из личной

охраны Эйзенхауэра бежали за машиной какое-то расстояние, пока машина

набирала скорость.

Вот еще один смешной эпизод, связанный с нашим прибытием

в Женеву. Когда

мы приземлились, нас отвели на отведенное нам место, и Булганин зачитал

заранее заготовленное заявление. Потом (или же до того Булганин должен был,

как и другие главы правительств, принять парад и пройти вдоль шеренги

выстроившегося воинского подразделения, чтобы поздороваться с ним. И в тот

момент, когда Булганину нужно было вместе с представителем правительства

Швейцарии пройти вдоль строя почетного караула, вдруг перед самым моим носом

выросла спина протоколиста правительства Швейцарии. Я хотел его отстранить,

но потом понял, что он сделал это умышленно, получив директиву лишить меня

возможности пойти вместе с Булганиным. Швейцарцы, видимо, думали, что

принимать рапорт почетного караула станет не один Булганин и что я последую

за ним. Так как я занимал тогда пост секретаря ЦК КПСС, то, с их точки

зрения, было недопустимо, чтобы я участвовал в официальной процедуре.

Поэтому они столь грубо заслонили меня спиной человека, который занимался

протоколом приема делегации. Однако их усилия были напрасными, потому что у

нас не возникало мысли, что кто-то кроме Булганина станет участвовать в этой

процедуре. Швейцарцы же, видимо, имели свое суждение и предусмотрели, как

этого не допустить.

Познакомились мы с Эйзенхауэром. Правда, мы с ним еще раньше встречались,

когда после войны он приезжал в Москву. Лично я с ним познакомился на

трибуне Мавзолея Ленина во время Парада Победы. Но там было иное знакомство:

и я, и он находились на другом уровне. Ну, какая это встреча? Так, Сталин

поманил пальцем, представил меня. Мы поздоровались, и только. Теперь же мы

официально представляли свою страну, как и Эйзенхауэр - свою. Эйзенхауэр в

личных контактах производил очень хорошее впечатление. Он человек,

располагающий к себе, в обращении мягкий, голос у него тоже не какой-то

такой, приводящий в трепет собеседника, как принято изображать командирские

голоса военных. Нет, голос у него был человеческий, и обращение человеческое,

даже, я бы сказал, притягательное.

Мы узнали, что Эйзенхауэра сопровождает Рокфеллер(7). Нам не совсем было

понятно, какую цель преследовал Эйзенхауэр, когда брал

Рокфеллера

**советником? Ведь какие тогда перед нами стояли вопросы?
Главный вопрос -**

**улучшение наших отношений, обеспечение мира. Кроме того,
мы хотели как-то**

**договориться насчет возможности получения кредита у Запада
для ликвидации**

**последствий кровопролитной войны и того разорения, которое
нам она принесла.**

**Мы считали (еще в первые дни после окончания войны нам
делали намеки), что**

**США нам могли бы дать в кредит что-то около 6 млрд.
долларов. Такая цифра**

**фигурировала тогда, как я слышал это от Сталина. Конечно, мы
хотели получить**

**такой заем. Правда, теперь у нас давно уже завелась тяжба с
американцами по**

**вопросу наших платежей за их поставки по ленд-лизу. Мы
отказывались платить,**

**заявляя, что заплатили достаточную цену, проливая в войне
кровь нашего**

**народа. Однако во время переговоров в Женеве мы согласились
выплатить часть**

**той суммы, которую с нас требовали американцы, как условие
предоставления**

**нам нового кредита в размере 6 млрд. долларов, и на
длительный срок. Мы**

**считали, что на таких условиях можем отдать платежи за ленд-
лиз американцам.**

Встречи и беседы у нас состоялись довольно хорошие, но дело все же никак

не двигалось. Да оно и не могло двигаться, потому что встреча глав

правительств четырех великих держав - это была затея Черчилля с целью лишь

прощупать нас. Он исходил из того, что у нас после смерти Сталина к

руководству пришли новые люди, видимо, как он считал, недостаточно

компетентные в вопросах международной политики, еще не окрепшие. Вот он и

решил, что следует прощупать нас, оказать на нас давление и добиться

уступок, нужных империалистическим державам. Так себя и повели представители

Англии, Америки и Франции. Они стремились нажать на новое руководство

Советского Союза, чтобы вырвать необходимые им гарантии.

Чего же они добивались? Какие главные цели ставили? Основной проблемой

явился вопрос об объединении Германии. Они стремились вытеснить

социалистические начала с территории Германской Демократической Республики и

решить по-своему вопрос объединения двух германских государств, то есть на

основе ликвидации зачатков социализма, которые стали возникать в Германской

Демократической Республике. Они хотели иметь единую капиталистическую

Германию и, конечно, в составе НАТО. Мы же преследовали другие цели: хотели

заключения мирного договора с Германией, признания существования двух

германских государств и предоставления возможности каждому из них

развиваться на основе, которую выберут себе народы каждой из двух немецких

республик.

Фактически мы стремились добиться обеспечения невмешательства во

внутренние дела ГДР со стороны западных держав и подписания мирного договора

именно на этой основе. Только так можно было создать условия для мирного

сосуществования. Самым главным стал вопрос обеспечения мира. Но наши

партнеры были далеки оттого, чтобы пойти на те мероприятия, которые мы

предлагали. Они поставили условия, с которыми мы не могли согласиться.

Поэтому Женевская встреча была обречена на провал. Буквально так и

формулировались результаты встречи: провал. По деловому содержанию

документов, которые были приняты, она фактически оказалась безрезультатной.

Однако встречу нельзя все же назвать бесполезной. Польза от нее была.

После официальных заседаний, как это принято согласно международным правилам

вежливости, каждая делегация в определенный вечер приглашала другую

делегацию на обед или ужин. Там продолжался обмен мнениями уже после

официальных переговоров. На пленарных заседаниях делегаций четырех держав

тоже шел обмен мнениями, и каждая делегация высказывала свою точку зрения. А

во время обедов та или другая делегация прощупывала гостей по всем вопросам,

которые ее интересовали. И хотя мы ни о чем не договорились, но поняли, что

можем разговаривать за столом переговоров. Впервые за послевоенное время

встретились главы четырех великих держав. Тогда возник так называемый "дух

Женевы" народы вздохнули свободнее, все почувствовали, что война, на пороге

которой мы стояли, отодвинулась. Именно с Женевы начался тот долгий и

нелегкий путь, который привел нас к разрядке, к заключению соглашений о

запрещении испытаний ядерного оружия и подписания других важных документов.

Этот путь был непрост и нелегок, и многое еще предстоит сделать в будущем.

Однако приятно сознавать, что мы были в самом начале этой дороги и первыми

пустились в неизведанное на поиски путей обеспечения мирного

сосуществования, двинулись по узкой тропе, ведущей из Дворца Лиги Наций в

Женеве.

Соединенные Штаты Америки: беседы с делегацией США и их президентом

носили довольно дружеский характер и проходили в нормальных условиях. Однако

нормальные условия не означают того, что они шли на уступки. США не могли в

то время пойти на уступки. Ведь тогда, в частности, еще был жив Даллес(8),

который и определял международную политику США, а вовсе не президент

Эйзенхауэр. Хочу рассказать о такой картине, которую я наблюдал на пленарном

заседании. Поочередно председательствовали главы делегаций. Когда

председательствовал Эйзенхауэр, Даллес сидел справа от него, а я сидел слева

от главы нашей делегации Булганина. Таким образом, я оказался рядом с

Даллесом, отделенный только переводчиком.

Я наблюдал поразительную картину, произведшую на меня сильное

впечатление. Даллес карандашом что-то писал по ходу

совещания в своем

блокноте, вырывал листки и складывал их под правую руку президента.

Эйзенхауэр же по ходу заседания брал эти листки и зачитывал их. Не то, что

он, прочитавши их, сделал для себя какие-то выводы и излагал свою позицию.

Нет, он добросовестно, как школьник, зачитывал записки Даллеса. Мне трудно

сказать, буквально ли он зачитывал их или что-то добавлял от себя. Но

сложилось впечатление, что он зачитывал их дословно. И мне было жаль его:

нельзя так вести себя перед всеми делегациями. Президент США терял свое

лицо. Складывалось такое впечатление, что он смотрит на совещание глазами

своего государственного секретаря. Так оно и было.

Это для нас было не в радость, потому что к Эйзенхауэру мы сохраняли

какое-то доверие. Оно сложилось в результате его поведения во время войны. Я

говорю здесь в основном о последнем этапе войны, когда немцы сняли многие

свои войска с Западного направления, где они действовали против

высадившегося десанта союзников, и бросили их против наших войск. Гитлер

хотел нас задержать, не дать нам возможности занять Берлин.

Сталин говорил,

что он обратился к Эйзенхауэру и указал, что это было бы несправедливо.

Немцы тогда фактически уже прекратили активную войну против американских и

английских войск. Эйзенхауэр придержал наступление своих войск, рассказывал

нам Сталин, я это отлично помню. Ответил, что следует дать моральное

удовлетворение русским. Русские понесли главные потери в борьбе с немцами, и

они по праву должны со своими войсками войти в Берлин. Сталин приписывал

нашу боевую заслугу рыцарскому благородству Эйзенхауэра, и я согласен в этой

оценке со Сталиным.

Другой факт. Когда наши войска разбили немцев, сломили их сопротивление в

направлении Вены, и немцы увидели, что они уже не могут сопротивляться, то

они не сдались советским войскам, а, повернув на Запад, хотели сдаться

американцам. Сталин опять обратился к Эйзенхауэру, указав, что мы их

разбили, а оружие они складывают перед другими. Эйзенхауэр приказал своим

войскам не брать разбитые дивизии в плен и предложить командующему немецкими

войсками на этом направлении сдаться русским, сложить

оружие перед нашими

войсками. И еще один факт. В результате того, что немцы не оказывали

должного сопротивления на Западном направлении, войска союзников зашли за

линии дислокации войск, определенные на Ялтинской конференции. Я помню (при

мне это было), как Сталин проявлял тревогу: отведут ли американцы и

англичане свои войска на те линии, которые определили в Ялте, или же

потребуют признания статус кво, установления демаркационной линии по месту

фактического расположения войск. Когда немцы капитулировали, американцы

вернулись на линию, определенную Ялтинской конференцией. Когда американцы

так поступили, то и англичане последовали за ними.

Все это располагало тогда и сейчас располагает меня к Эйзенхауэру.

Независимо от обострения в наших отношениях, которые произошло позднее. Мы

питали некоторые надежды, что, став президентом, он сохранил прежнее

мироощущение и что с ним можно, как говорится, пиво варить; можно

договориться на разумной основе. То есть так, чтобы интересы США, конечно,

не классовые, а государственные интересы, не затрагивались, но

одновременно

учитывались и интересы Советского Союза и ряда других стран. Такое доброе

соглашение обеспечивало бы мир и невмешательство во внутренние дела.

Но когда я увидел, что Эйзенхауэр читает то, что ему подсовывает Даллес,

у меня сразу все надежды поблекли. Мы помнили другого Эйзенхауэра -

выдающегося полководца, а сейчас столкнулись с заурядным политиком. Он в

международных вопросах не занимал самостоятельной позиции, а целиком

положился на Даллеса. А Даллеса мы считали человеком, лишенным здравого

рассудка, опьяненным, парализованным злобой. Он не хотел реально взглянуть в

будущее, где вырисовывалось иное соотношение сил и которое со временем

должно стать еще рельефнее. Он не мог верно оценить происходящее, предвидеть

развитие событий с правильных позиций. Даллес, Эйзенхауэр и другие наши

партнеры по переговорам стояли на буржуазных позициях. Тем не менее, не

лишенные разума политики со своих классовых, буржуазных позиций тоже здраво

взвешивали факты и понимали, что соотношение сил изменилось и продолжает

**изменяться в ущерб капиталистическому миру.
Наращиваются силы стран**

**социализма, увеличивается мощь пролетарского,
коммунистического движения.**

**Вот тут и надо искать основу политики Даллеса. Даллес хотел
приложить все**

**усилия, чтобы приостановить наращивание сил социализма,
приостановить**

**прогрессивное движение, происходившее и происходящее сейчас
в мире.**

**Однако Даллес, при всей своей слепой ненависти к
коммунизму, к**

**прогрессивным силам, когда дело доходило до возможности
развязывания войны,**

**оставался трезвым политиком. Он придумал понятие "на грани
войны" и на этой**

**грани строил свою политику. Однако он знал, что если он
переступит эту**

**грань, то крепко получит по зубам. И сколько бы Даллес ни
кричал о войне, о**

**сдерживании коммунизма, мы знали, что он не переступит эту
свою грань, не**

**ввергнет опрометчиво мир в новую войну. В этом проявилась
его трезвость как**

**политика. В некотором смысле с ним было проще вести дело,
чем с политиками,**

**обладающими горячей головой, о которых трудно сказать, что
они сделают под**

влиянием сиюминутных настроений.

Но найти соглашение, о чем-то договориться с Даллесом было невозможно.

Его просто выворачивало наизнанку при одной мысли о возможности установления

дружеских отношений с Советским Союзом. Вот так сразу в моих глазах поблекли

краски, которыми я рисовал себе образ Эйзенхауэра. Жуков встречался с

Эйзенхауэром на правах старого знакомого. Я наблюдал первую встречу Жукова с

Эйзенхауэром. Она была очень теплой, можно сказать - дружеской. Я

чувствовал, что Эйзенхауэр с большим уважением здоровался с Жуковым. Затем

Жуков один ходил к Эйзенхауэру и целый вечер просидел с ним, вел беседу.

Жуков нам потом рассказывал о ней. Беседа, конечно, не могла выйти за рамки

переговоров, ни дальше, ни ближе. Но, я думаю, что они не особенно и

придерживались этого вопроса. Больше всего они вспоминали о прошедшей войне,

о своей роли в ней, о всяких военных эпизодах. Было о чем поговорить Жукову

и Эйзенхауэру. Когда Жуков вернулся, он только сказал: "Вот, президент

подарил мне спиннинг". Эйзенхауэр передал еще какие-то подарки для дочери

Жукова (она как раз выходила замуж) и какие-то сувениры для жены Жукова.

Вот, собственно, и все. Мы-то думали, что Жуков чего-то сможет добиться,

убедив делегацию США занять более благоприятную позицию в смысле смягчения

военной напряженности и создания условий для мирного сосуществования. Но все

ограничилось воспоминаниями.

Даже при этом результате считаю, что мы не зря взяли Жукова, включили его

в состав лиц, сопровождавших председателя Совета Министров СССР на женевских

переговорах. Делегация США имела, конечно, все основания для лидерства,

потому что США - ведущая среди капиталистических стран держава. Ни Франция,

ни Англия не могли определять западную политику. Но на пути к смягчению

напряженности находился Даллес. Он, как цепной пес, восседал возле

Эйзенхауэра, направляя его действия. Это был ярый антикоммунист, агрессивный

человек, который не мог согласиться на мирное сосуществование с Советским

Союзом. Поэтому ни беседы, которые мы вели во время обеда в честь

Эйзенхауэра, ни встречи и беседы один на один Жукова с Эйзенхауэром никаких

результатов не дали. Не было ничего, кроме любезностей. Никаких политических

переговоров он сам лично не захотел вести.

Во время перерывов между заседаниями, когда выдавалось свободное время,

наша делегация ездил на открытой машине, осматривая город. Мы раскатывали

по набережной Женевского озера и в пригороды Женевы. Нам удивлялись, что мы

столь вольно себя ведем, не опасаясь, что могут иметь место какие-то

террористические нападения. Проявлений какой-либо враждебности со стороны

зевак, которых было не так и много, я не замечал. Народ с любопытством

смотрел, что это, мол, за люди: оказывается, они внешне выглядят, как все

другие. Замечалось любопытство, но не враждебность. Хотя и выражений

какой-либо особой симпатии в отношении нашей делегации тоже не было. Видимо,

публика Женевы привыкла ко всевозможным иностранным делегациям и довольно

спокойно относилась к тому, что приехала очередная делегация, проходят

очередные международные встречи. Поэтому и наше пребывание там не вызвало

ажиотажа. Да, собственно говоря, мы ничего такого и не ожидали.

Когда мы собрались на первую встречу, Эйзенхауэр предложил: "Давайте

установим такой порядок, что после каждого заседания будем приходить в буфет

и здесь выпивать по рюмочке мартини, чтобы смыть осадок от наших споров".

Так мы и делали. Как только кончалось заседание, все шли к буфету и наливали

себе по маленькой рюмочке. Конечно, при этом шутили, а затем расходились.

Эйзенхауэра обычно сопровождали Даллес и Рокфеллер. Помню, он представил нам

последнего: "Вот, господин Хрущев, Рокфеллер". Внешность этого банкира на

меня тогда не произвела особого впечатления. Одевался он демократично и не

был похож на тот образ миллионера, который я себе раньше создал. Посмотрел я

и говорю: "Так это и есть тот самый господин Рокфеллер?". Подошел к нему и

взял его кулаками под бока. Он принял шутку и ответил тем же со своей

стороны. После этого отношения между нами сложились непринужденные.

Более интересные, чем с другими, беседы за обедом проходили с делегацией

Великобритании, лично с Иденом. Иден оказался внешне красивым мужчиной.

Высокого роста, с усиками. Он несколько смахивал, пожалуй, на грузина.

Приятный был человек. Его сопровождал министр иностранных дел Селвин Ллойд.

Беседы с ними велись не на дружеском основе, но все же в теплой атмосфере.

Иден - человек очень симпатичный, располагающий к себе. Политик он был

опытный, сам лично направлял линию своего правительства и консервативной

партии, не то что Эйзенхауэр. На наших встречах Иден демонстрировал

британский лоск и вежливость, во всем проявлялись его деликатность и

демократичность.

После встреч с Эйзенхауэром и с Иденом я не отметил бы, что эти люди

имели пристрастие к спиртным напиткам. Пили в меру. Больше шутили,

разговаривали.

Особенно хорошие отношения у нас сложились с французской делегацией.

Эдгар Фор - человек очень обтекаемый, если так можно выразиться, умеющий

расположить к себе. С ним приятно было беседовать. Во время беседы мы не раз

шутили. Я, помню, стал называть его Эдгаром Ивановичем. Он понимал шутки и

сам отвечал на них. Однако французская делегация не занимала тогда ведущего

положения, я бы сказал даже - должного положения, которое Франция должна

была в принципе занимать. Во Франции очень часто менялись

правительства,

поэтому ее политика была неустойчивой. Из-за этого тогда не устанавливалось

серьезного отношения к позиции Франции. Если бы правительство Фора

укрепилось, то могли бы появиться надежды на улучшение наших отношений и на

развитие торговли. Большого вряд ли можно было ожидать в ту пору.

Итак, совещание продолжалось, но вопросы, по сути, не решались. Нам

противостояли три делегации, которые занимали единую позицию,

противоположную нашей. Положение отнюдь не менялось от того, что Идеи лишь

более мягко формулировал ту же политическую линию, которую проводили США и

Франция. За обедом Идеи нас спросил: "Как бы вы отнеслись, если мы пригласим

вас официально прибыть с визитом в Великобританию? Это было бы полезно для

обоих наших государств". Мы ответили, что это будет, конечно, полезно и мы

охотно примем такое предложение, если оно поступит. Может быть, мы ответили

не, в таких категоричных выражениях, как я это сейчас говорю, но все же

почти договорились о том, что Лондон пришлет приглашение и что это

**приглашение о посещении нашей делегацией Великобритании
будет принято. А все**

**остальные беседы были похожи одна на другую, тянулся обед за
обедом. То были**

**беседы, которые просто занимали время, но по существу не
разрешали вопросов,**

для решения которых мы там собрались.

**Когда я потом встретился с господином Неру(9) (по-моему, это
было в 1960**

**г. в США, когда я возглавлял советскую делегацию на
Генеральной Ассамблее**

**ООН), он, как всегда улыбаясь, с таким мягким
выражением лица,**

располагающим к себе, спросил:

**"Господин Хрущев, меня интересует, как вы беседовали с
Даллесом". Я-то**

**понимал, что его интересовало. Он знал нашу
бескомпромиссную позицию в**

**отношении политики, которую проводил Даллес, и знал
также Даллесовскую**

**политику, абсолютно бескомпромиссную в отношении
советского государства.**

**Отвечаю: "Да, мы встречались с ним во время обеда у
Эйзенхауэра. Там мы**

**встречались в неофициальной обстановке, причем Эйзенхауэр
посадил нас**

**рядом". "Ну, и что же?". "Разговаривали о том, какое блюдо
кому нравится,**

сравнивая те, которые мы только что откушали. Вот,

собственно, и весь

предмет разговора. Не более того".

Даллес - человек, сухой по характеру. В разговорах за обедом он проявлял

большую сдержанность и не был словоохотлив, как французы или даже англичане.

В этом смысле Эдгар Фор проявлял гораздо большее гостеприимство и

любезность. Когда мы беседовали с ним за обедом, он усиленно приглашал нас

вечерком съездить из Женевы во Францию в какое-то место, которое славилось

особенно хорошим вином. Он хотел угостить нас этим вином. Мы отвечали, что

согласны с его приглашением, благодарны ему и готовы поехать. Конечно,

всерьез мы и не собирались ехать. Думаю, что Фор тоже полагал, что мы не

поедем. Это было просто проявлением вежливости. Он хорошо знал, что мы не

поставим его в условия, когда он должен будет нас принимать там, где это не

предусмотрено протоколом.

Когда мы стали готовить итоговый документ, выявилась непримиримость наших

позиций. Наша позиция базировалась (и сейчас она сохраняется таковой) на

признании реально сложившихся после войны границ. Из этого следовало, что из

Германии выделилось два государства: Западная Германия и Германская

Демократическая Республика. И это требовалось признать. Мы считали также

необходимым запретить ядерное оружие. Вот вопросы вопросов. Их решение

способствовало бы смягчению напряжения и укреплению доверия. Вот чего мы

добивались.

Запад говорил, что они тоже стоят за мирное сосуществование, но без

признания двух Германий. Существующее положение они расценивали как остатки

войны. Они нас обвиняли в том, что мы не хотим воссоединения Германии в

единое государство, и продолжали настаивать на своих оккупационных правах до

заключения мирного договора с Германией. А мирный договор они не могли

заключить из-за наличия двух Германий. Они признавали одну Германию -

Западную и ее правительство, возглавляемое Аденауэром. Так мы этот мяч и

перебрасывали по полю, вернее, по нашему столу, разделявшему делегации,

собравшиеся в Женеве.

Насчет Германии мы искали какой-то компромисс, чтобы можно было принять

общий текст от имени четырех держав. Формулировки там

содержались такие,

которые давали возможность толковать его каждой делегации по-своему.

Беседовали четыре делегации, но сторон-то было две: Советский Союз и страны

капиталистического мира. Чтобы не вводить общественность в заблуждение, мы

подготовили наше заявление и сейчас же после подписания совместного

документа устроили пресс-конференцию, на которой зачитали это особое

заявление: как мы понимаем принятую в Женеве декларацию. В результате

остались на старых позициях и та, и другая сторона.

Я думаю, что в конце концов наши противники будут вынуждены признать

Германскую Демократическую Республику и установить с ней дипломатические

отношения. Это будет способствовать нормализации отношений между народами,

между государствами. Но требуются усилия и, я повторяю, терпение. Конечно,

одного терпения недостаточно. Надо изыскивать возможности для переговоров,

проявлять упорство в достижении договоренности, нормализации отношений.

Сейчас ГДР получила все условия, необходимые для развития независимого

государства. Она имеет государственность, армию, свои

границы. Она их

контролирует и защищает. Она имеет сильных друзей в лице социалистических

стран. Поэтому капиталистическим державам решить проблему с позиции силы не

удастся. Так вопрос сейчас уже не стоит. Это понимают противники коммунизма

и вынуждены считаться с реальностью.

Я не помню, кто (Эйзенхауэр или Идеи) спросил у меня: знаком ли я с

Аденауэром? Я сказал, что лично незнаком, но по печати довольно хорошо его

знаю, хорошо знаком с его позицией и политикой, которую он проводит. Она

ничего хорошего нам не сулит. Мой собеседник посмотрел на меня, сделал такое

"доброе лицо" и сказал: "Вы знаете, было бы полезно вам с ним встретиться.

Он совсем не такой человек, каким, я вижу, вы его себе представляете. Он

добрый старик. С ним можно разговаривать". Я ответил: "Что касается добрых

стариков, то здесь вопрос индивидуального подхода в оценке их доброты. Наша

позиция противоположна той, о которой вы говорите, - "с добрым лицом и с

добрыми намерениями". Беседа перешла уже за обеденный стол, и я не так остро

ставил вопрос. Я знал, что нас пока разделяет пропасть. Мы -

люди из разных

лагерей, поэтому для них он добрый, а для нас он злой.

Однако я отвлекся. Не хочу сейчас говорить, как конкретно формулировались

вопросы, обсуждавшиеся на встрече в Женеве. Я рассказываю только по памяти,

не пользуясь специальной литературой. К тому же сейчас это уже пройденный

этап политической борьбы. Я хотел рассказать здесь лишь о характере, о духе

нашей встречи, которая была все-таки полезной. Капиталистические страны

прощупывали нас и, видимо, определили, что с нами вряд ли имеет смысл

разговаривать по принципиальным вопросам с позиции силы. Не знаю, тогда ли

они окончательно уверились в этом. Но, во всяком случае, они почувствовали,

что мы не поддадимся. Мы продемонстрировали миру, что стремимся к мирному

сосуществованию, однако без таких уступок, которые свидетельствовали бы, что

нас можно вытеснить с наших позиций путем запугивания. Мы же тоже

почувствовали, что, хотя честно и искренне высказали свое стремление к

мирному сосуществованию, заявив, что не преследуем никаких завоевательных

целей, в чем обвиняла нас печать капиталистического мира, все

равно мы не

сумеем убедить западные страны пойти на улучшение наших отношений.

Мы тогда считали, что на первых порах хорошо было бы договориться о

расширении торговых отношений. Особенно хотели мы торговать с США. К тому

времени они приняли закон, ограничивающий торговлю с Советским Союзом.

Хотели мы расширить торговлю также с Францией и Англией. Однако, как я уже

говорил, вопросом вопросов оставалась проблема Германии. Здесь, как мы

считали, возникали точки соприкосновения, от которых зависело, поднимется ли

политическая температура до критического градуса или же удержится

нормальной: не холодной и не горячей, а теплой, которая взаимно бы согревала

нас и создавала благоприятные условия для мирного сосуществования двух

систем, капиталистической и социалистической.

Мы добивались мирного сосуществования на государственной основе. Вопросы

идеологии и философии мы тут всегда выделяли и открыто заявляли, что мирное

сосуществование социалистической и капиталистической идеологий невозможно,

что они несовместимы, пока каждая сторона остается на своих

принципиальных

позициях, с которых нельзя сходить. Тут надо вести борьбу до конца, и

каждому здравомыслящему человеку ясно, что идеологические вопросы могут

решаться только в борьбе и будут решены лишь в результате чьей-то победы.

Если мы являемся коммунистами, марксистами, ленинцами, то верили и верим,

что победа останется за новым, прогрессивным строем, за

марксизмом-ленинизмом. А раз так, то какой же может быть разговор о мирном

сосуществовании с капиталистической идеологией?

Вот так прошло наше совещание в Женеве. Мы вернулись оттуда, не добившись

желаемых результатов. Но это будет не совсем точно. Все-таки результат

имелся: мы как-то нарушили изоляцию, которая существовала раньше вокруг нас.

Это выразилось хотя бы в том, что Англия пригласила нас в гости, и мы это

приглашение приняли. По тому времени это являлось хоть каким-то прорывом

фронта.

Эта встреча дала многое. Во-первых, она дала нам возможность лично

познакомиться. Мы лучше узнали позиции друг друга. Встреча происходила после

смерти Сталина, и западные страны, в свою очередь, познакомились с новыми

руководителями СССР. Они смогли взвесить, что это за люди и на что они

способны, чего можно от них ожидать. Смогут ли они путем нажима что-то от

нас получить или нет. И мы тоже конкретнее и реальнее смогли представить

себе наших оппонентов. Документ, который мы приняли, тоже значил немало. Он,

конечно, выявил разногласия по коренному вопросу, но зато создалось

определенное понимание того, где мы еще не подготовлены решать вопросы путем

переговоров. Вопрос остался в исходном положении.

Я считаю, что встреча для нас была очень полезной. Если говорить о себе,

то я ее рассматривал как наш экзамен, как выход в люди, пробу сил и примерку

к плечу партнеров, представлявших другие страны, оценку их понимания

вопросов в сравнении со своим. Это имеет большое, очень большое значение для

руководителей. Особенно для нас, людей, которые долгое время жили под

крылышком Сталина. Сталин сам решал все международные вопросы, давал

направления внешней политики СССР, и вдруг мы остались без Сталина.

Надо было, как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Нам

хотелось узнать получше характеры людей, их подход к решению государственных

вопросов и прочие качества, которые необходимо знать о каждом политическом

деятеле. Нужно знать своего партнера, знать своего противника, чтобы лучше

строить свою политику. Это позволяет понять, по каким вопросам и на какой

основе можно договориться, а по каким вопросам договориться нельзя. Зная

людей, легче понять, как строить взаимоотношения со странами, с которыми у

нас есть спорные вопросы. Это имеет большое значение. Всегда противные

стороны ищут разные подходы к решению вопросов: то расстилают мягкие ковры,

по которым шагают неслышной, кошачьей, мягкой походкой, то вдруг начинают

рычать и издавать другие угрожающие звуки. В политике все должно быть

соразмерено. Если, как говорится, на полтона выше возьмешь, можешь кальсоны

испачкать; а с другой стороны, не доберешь эти полтона, покажешь, что ты не

понимаешь вопроса, и тогда противник или насядет на тебя, или перестанет

уважать тебя, считаться с тобой.

Одним словом, взаимное обнюхивание, взаимное обхаживание на официальных и

неофициальных заседаниях, а особенно при встречах, на ужинах и обедах очень

много дают с точки зрения познания партнера, познания деятелей международной

политики и глав государств, с которыми надо жить в мире или в войне. Во

всяком случае, жить. Ведь мы живем на одной планете, и нерешенные вопросы

беспокоят каждого. Надо примериться, как жить, как строить свои

взаимоотношения. Я считаю, что в Женеве состоялась очень полезная встреча.

Она имела большое значение для нашего советского государства, для нашего

руководства. Из прощупывания, я считаю, наша делегация вышла с честью,

выполнила задачи, возложенные на нас нашим советским правительством и нашим

Центральным Комитетом.

Я все рассказываю от собственного имени. Некоторые могут сказать, что же,

там других не было? Тем более, что главой делегации был Булганин. Там был

Молотов, был Жуков и дополнительный аппарат из отдела политической

информации ЦК. Я высказываюсь от своего имени, потому что диктую свои

воспоминания. Конечно, и все другие лица вели беседы, высказывались и имели

свое мнение. Но общая политическая направленность была у нас единой, без

всяких оттенков. Поэтому и позиция, которую я излагал, была единой. Это,

собственно, была правительственная позиция, позиция Центрального Комитета.

Никаких иных мнений в нашей делегации вообще не было. Я хотел бы, чтобы меня

правильно поняли те, кто будет знакомиться с моими записями. Когда мы вели

беседу за столом, то главы делегаций чаще адресовались ко мне персонально.

Конечно, ко всем обращались, и вроде на равных. Но я чувствовал, что и Идеи,

и Эйзенхауэр, я уж не говорю об Эдгаре Форе, обращались чаще ко мне. Когда

возникали вопросы, на которые, я считал, должен был ответить глава

государства, я придерживал себя и, как говорится, становился за спину

Булганина. Булганин же часто как бы подталкивал меня плечом. "Отвечай ты,

отвечай ты..." - шептал он мне. И я отвечал. Не уклонялся.

А Молотов? Молотов из нас был наиболее опытен в политических переговорах.

Он уже не раз участвовал в подобных конференциях во времена Сталина. Но он

уже приобрел определенную репутацию. Человек "НЕТ" - так говорили о нем.

Поэтому, может быть, западные лидеры считали, что с Хрущевым легче

договориться. Скорее всего, они понимали, конечно, что структура нашего

государства держится на марксистско-ленинском учении, и поэтому роль партии,

роль Центрального Комитета, а следовательно, и роль первого секретаря ЦК

велика. Одним словом, не скрою, что мне приходилось больше всего отвечать на

вопросы. На официальных же заседаниях все разговоры от имени нашей делегации

вел только Булганин, и никто больше. Мы все только слушали, смотрели,

следили, наблюдали, не больше.

Мы хотели, чтобы наша делегация выглядела солидно и чтобы наш глава

государства не походил на Эйзенхауэра, который наглядно продемонстрировал

свою подчиненную позицию, пользуясь открытыми подсказками в виде записок

Даллеса. Мы по всем вопросам договаривались заранее, и Булганин в целом

уверенно отвечал на все вопросы. Если по ходу заседаний нужно было

реагировать на неожиданную реплику наших партнеров, то мы немножко

перешептывались, это вполне допустимо, и опять Булганин давал ответ. Хочу

быть правильно понятым: я не только не покушался, а наоборот, оберегал

достоинство главы нашего правительства.

Когда закончились встречи и делегации стали разъезжаться (не помню

сейчас, в каком порядке они отбывали из Женевы), мы заранее условились, что,

возвращаясь на Родину, заедем в Берлин, где проведем консультации и сделаем

совместное с правительством ГДР заявление. Так мы и поступили.

Прибыли мы в Берлин. Там нас встретили с большими почестями. Толпы народа

вышли встречать нас и встречали очень хорошо. Я потом много раз бывал в

Берлине, но мне особенно запомнилась та, первая встреча. Это, кажется, был

мой первый визит туда в официальном положении. Я побывал в Берлине в 1945

г., после подписания Потсдамского соглашения, но тогда я ездил инкогнито,

как частное лицо, желая познакомиться с городским хозяйством Берлина. А

теперь мы официально представляли Советский Союз, поэтому встреча была

организована шумная и пышная.

Меня она поразила. Я-то думал, что после кровопролитной

войны и взаимного

истребления, которое война принесла немецкому народу и народам Советского

Союза, вряд ли можно ожидать какой-то теплоты при встрече. Даже полагал, что

могут быть какие-то проявления враждебности. Конечно, на некоторых лицах

были заметны довольно кислые мины. Но таких людей встретилось немного. В

большинстве своем люди, которые встречали нас, были настроены дружелюбно и

вели себя довольно активно. Как я считал, это свидетельствовало о том, что

немцы насытились войной и искренне хотят строить с нами дружеские отношения.

Переговоры, которые мы имели с руководством ГДР, были хорошими, велись в

должном духе. Принятые документы соответствовали пожеланиям обеих сторон.

Эти документы были опубликованы(10).

Мы пошли на такой шаг для того, чтобы правильно сориентировать

общественное мнение. Ведь декларация, подписанная четырьмя делегациями в

Женева, по некоторым пунктам давала возможность разного толкования. Мы

толковали их по-своему, другая сторона - тоже по-своему. Только в результате

такого компромисса мы вообще сумели подписать документ,

ибо не хотели

разъехаться безрезультатно. Но мы и не хотели, чтобы эти пункты толковались

как наша уступка принципиального характера: сделали на этот счет публичное

заявление в Женеве и повторили его в двустороннем заявлении, подписанном

представителями СССР и ГДР.

Так закончился наш первый выезд в качестве руководителей страны Советов

за границу. Мы встретились с главами буржуазных правительств, себя показали

и на них посмотрели. Я бы сказал, что здесь мы держали в какой-то степени

экзамен, можем ли мы достойно представлять свою страну, не поддаваться

запугиванию и не проявлять излишних надежд, а трезво подойти к оценке

сложившейся обстановки. Говорю это к тому, что Сталин все время, до самой

смерти, когда раздражался, повторял: "Вот умру, передушат вас, как

куропатов, империалистические державы. Не сумеете вы отстоять советское

государство". Этим он нас всегда попрекал, а мы отмалчивались, потому что

было бесполезно вступать с ним в спор. Да он и сам не требовал от нас

каких-то контрзаявлений. Теперь же нам было интересно

побывать за границей,

встретиться с представителями буржуазных стран и прощупать их.

Нам это нужно было и потому, что мы считали, что Сталин не всегда трезво

подходил к оценке международного положения, преувеличивая роль наших

Вооруженных Сил. Он считал, что мы, запугивая империалистов, тем самым

сохраняем зыбкий мир. Он каждый час ждал новой войны, вокруг Москвы все

время находилась наготове зенитная артиллерия. Сталин оценивал послевоенное

международное положение неправильно, полагая, что империалистические державы

нападут на Советский Союз, хотя на самом деле такой ситуации тогда не

существовало. Видимо, он сам себя запугал возможностью нападения на СССР и

считал, что после его смерти мы не сможем организовать оборону, что нас

сомнут капиталистические державы.

Наша поездка в Женеву еще раз убедила нас в том, что никакой предвоенной

ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас

так же, как мы их. Поэтому они тоже бряцали оружием, старались нажать на

нас, пойти на выгодное для них соглашение. С другой стороны,

они тоже знали

границу, которую им не следует переступить, и вели себя осмотрительно,

считаясь с нашим сопротивлением и видя, что путем силы, путем вымогательства

они не смогут получить то, чего бы хотели. Они поняли, что надо строить

отношения с нами на другой основе. Вот почему та поездка была полезной, хотя

реально ничего нам не дала. Взаимное прощупывание при встречах тоже имело

свои положительные результаты, хотя бы и в том смысле, что за рубежом

увидели, что мы достойно представляем свою страну и готовы защищать

завоевания революции, защищать соглашения, заключенные в результате разгрома

Германии, так что вырвать то, чего они хотели, и поправить Потсдамское

соглашение в пользу Запада им не удастся.

Что я еще забыл? Что упустил? Что еще заслуживает внимания?.. Наша

делегация работала дружно. Когда мы собирались, совещались, обменивались

мнениями, у нас не возникало никаких разногласий. Абсолютно никаких. Это

радовало меня и создавало все условия для выработки нашей общей позиции и

наступления на противные стороны. Мы старались отстаивать

свою точку зрения

и добивались максимально возможного для обеспечения мира. Мы подталкивали

наших собеседников к осознанию того, что только мирное сосуществование, его

признание поможет нам не столкнуться. Противостоящие стороны уже довольно

основательно насыщены вооружением, идет наращивание опасного ядерного

оружия.

В Женеве, оказывая давление, атакуя противную сторону, мы высказывались

за вывод войск с оккупированных территорий. Нельзя допускать, чтобы чьи-то

войска располагались на территориях других стран, иначе не удастся создать

нормальные условия, снять напряжение, обеспечить невмешательство в дела этих

стран. Тогда я подумал, что следует развязать себе руки, получить свободу

действий, вывести первыми наши войска из тех стран, где это не принесет

ущерба. Наши войска находились в Финляндии, у нас была там военная база. Она

буквально наваливалась на Хельсинки, на столицу. Почему я вспомнил об этом?

Тогда наш посол в Финляндии докладывал, что когда поезд из Хельсинки

проходил по территории нашей военной базы, то в вагонах

закрывали шторами

окна, предупреждали, чтобы никто не выходил из вагонов и не выглядывал,

выключался свет. Естественно, это вызывало страшное раздражение и

негодование у финнов. Если мы хотели дружбы с Финляндией, ее укрепления, то

на такой основе на нее нечего было и рассчитывать. Наша военная база

угрожала своими пушками Хельсинки, мы каждый день подвергали самолюбие

финнов болезненным уколам. Что можно сделать хуже?

Каждый день нескольким десяткам или сотням людей очень доходчиво

напоминают, что наша военная база находится у них под боком, рядом со

столицей. И они должны выполнять наши инструкции. Возникали всякие

недоразумения и во время следования наших офицеров по шоссейным дорогам. Это

вполне понятно и неизбежно. Это же военная база, а не профсоюзная делегация.

Это военная база, там сидят военные, они строят свои укрепления, одним

словом, делают то, что следует делать военным.

Меня очень беспокоило: как мы можем призывать американцев вывести свои

войска с чужих территорий, если наша база расположена в Финляндии? Она же

выполняет ту же роль, что и американские базы, к примеру, в Турции и в

других странах. Мне хотелось развязать руки в нашей политике, чтобы нам не

кололи глаза, а мы могли свободно, во весь голос выступать, призывать,

мобилизовывать общественность против тех стран, тех политиков, которые стоят

на позициях создания своих военных баз на чужих территориях.

Я обменялся мнением с Булганиным. Он согласился со мной. Министр

иностранных дел Молотов думал по-другому, и я, зная о том, не обменивался с

ним мнениями, потому что заранее предвидел его реакцию как лица, которое не

обладает гибкостью ума и с большим трудом может трезво переоценить

международную обстановку.

Когда однажды в перерыве между заседаниями мы остались один ни один, я

спросил у Жукова: "Слушай, Георгий, - у нас были дружеские отношения, - ты

скажи, наша база в Финляндии представляет какую-то ценность?" Он сдвинул

брови, сурово посмотрел на меня. "Знаешь, правду говоря, никакой. Что эта

база может сделать?" - он даже развел руками. "А если не будет этой базы,

может возникнуть нам угроза со стороны финнов?" "Никакой",

- говорит.

Я и сам это понимал. Но мне хотелось получить подтверждение из уст

военного, особенно от Жукова, уже ставшего министром обороны Советского

Союза. Я себя проверял, не хотел вызывать кривотолков, что, вот, мол, при

Сталине мы эту базу построили, а Сталин умер, и мы базу ликвидировали,

ослабили свои позиции. "Я согласен с тобой, - ответил я Жукову. - Тогда не

следует ли нам ликвидировать военную базу? Политически это было бы для нас

очень выгодно, а экономически - тем более. Мы вкладываем туда капитал.

Зачем? Мы содержим там армию. И это содержание стоит нам миллионы. И плюс

размещение наших войск на финляндской территории... Это не способ завоевания

уважения финского народа. Это оскорбление национального достоинства, и оно

послужит катализатором, возбуждающим ненависть к русским и к советскому

государству. И так много горючего заложено, прошли две мировые войны, другие

военные конфликты. Я считал, что не лучший способ завоевания доверия

финского народа - держать у них под горлом ножик в виде военной базы. "Когда

**мы вернемся, ты напиши свои соображения, - сказал я Жукову
я хотел, чтобы**

**инициатива исходила от военных), - а я поставлю вопрос на
Президиуме**

Центрального Комитета".

**Так и сделали. Правда, мы обсудили вопрос еще до
поступления документа. Я**

**рассказал о мнении Жукова. Пришла бумага от Жукова, и мы
приняли решение.**

**Затем пригласили финнов в Москву, мы хотели их обрадовать.
Они правильно**

**оценили наш, я бы сказал, великодушный и разумный шаг.
Сразу расслабились**

**мускулы и снялась горечь, отложившаяся в результате
проведенных войн,**

**возросли доверие и симпатии к нам. Не только в руководстве, но
и в народе.**

**Вот уже прошло столько лет. Я оглядываюсь на пройденный
путь и очень**

**доволен, что это было сделано. Сейчас у нас самые хорошие
отношения с**

**финским народом. Я много раз встречался с президентом
Финляндии, сам ездил**

**туда. По-разному встречались, и в бане его собственной мыслишь,
и пиво там**

**пили. Финны обязательно парятся в бане, обязательно пиво
пьют и, если**

**настроение хорошее, поют песни. И к нам несколько раз
приезжал президент**

Кекконен. Я вел с ним переговоры. Они оставили наилучший след. И сейчас, я

вижу, Финляндия стремится к дружбе, хочет углублять хорошие отношения с

нами, которые были заложены в те годы, когда мы вывели оттуда свои войска.

Конечно, еще раньше мы подписали мирный договор и затем подписали

документ о дружбе и прочее, прочее... Но, знаете, если чужие войска стоят у

тебя под столицей и сосед требует от представителей этой страны пойти на

какую-то неприятную акцию, то из-за слабости приходится соглашаться. Это

свидетельствует не о дружбе, а только о слабости. Внутренних симпатий так

вызвать нельзя. А вот добрыми намерениями можно. Наша доброта выразилась в

том, что войска, поставленные туда при Сталине мы вывели. Я уверен, что,

если и дальше будет проводиться такая политика, мы сохраним финнов среди

верных друзей. А это имеет большое значение. Конечно, Финляндия -

буржуазная, капиталистическая страна. Но и мы тоже когда-то были

буржуазно-помещичьей страной, а стали социалистической. Мы, коммунисты,

верим, что весь мир перейдет на наши позиции и начнет строить социализм.

Когда это произойдет? Предсказать нельзя. Каждая страна, каждый народ

сделают это в свое время и своими руками. Нельзя социализм навязывать, надо

помнить ленинское положение, что революция не экспортируется. Но и

контрреволюция не должна экспортироваться. На таких позициях мы находились

тогда, а я и сейчас глубоко предан этим принципам. Мне приятно вспомнить,

как правильно поступили мы в отношении Финляндии. Мы сделали хорошее дело и

тем самым развязали себе руки.

Правда, из капиталистических стран за нами никто не последовал. Но мы

приобрели многих сторонников в капиталистических странах. Пусть они проводят

политику с позиции силы, однако наши силы возрастают. Добрый пример найдет

подражателей и возбудит симпатии. На этом закончу.

Примечания

(1) 5 марта 1946 г. лидер консервативной партии Великобритании Черчилль

У. произнес в г. Фултоне (США) речь политического содержания с оценкой

тенденций послевоенного развития мира и призывом к объединению

англосаксонских стран для противостояния коммунистической

экспансии.

**(2) Консервативное правительство Идена А.,
функционировавшее с 6 апреля**

1955 г. до 9 января 1957 г.

**(3) Консервативное (с участием национал-либералов и
национал-лейбористов)**

**правительство Болдуина С. функционировало с 7 июня 1935 г.
до 28 мая 1937 г.**

**Однако речь должна идти, по-видимому, о правительстве не
Болдуина, а**

**Чемберлена Н. (тот же политический состав, с 28 мая 1937 г. до
10 мая 1940**

**г.), из-за разногласий с которым Идеи оставил пост министра
иностраннных дел**

в 1938 г.

**(4) БУЛГАНИН Н. А. возглавлял советское правительство в
1955 - 1958 гг.**

**(5) ЭЙЗЕНХАУЭР Д. Д. (1890 - 1969) являлся в течение
двух сроков**

президентом США, в 1953 - 1961 гг.

**(6) ФОР Э. с 23 февраля 1955 г. до 24 января 1956 г.
возглавлял**

**правительство партии радикалов и социальных
республиканцев,**

**Народно-республиканского движения, независимых,
крестьянской группы,**

**Демократического и социалистического союза Сопротивления,
Республиканского и**

социального действия.

(7) Внук основателя финансовой династии Рокфеллеров (США) Рокфеллер И.

О., являвшийся в 1955 г. специальным помощником президента по

внешнеполитическим вопросам.

(8) ДАЛЛЕС Дж. Ф. (1888 - 1959), являвшийся в 1953 - 1959гг.

государственным секретарем США и выдвинувший в 1954 г. доктрину

"массированного возмездия" странам социалистического лагеря в случае

международных конфликтов военного характера.

(9) НЕРУ Дж. (1889 - 1964) был в то время премьер-министром и министром

иностранных дел Республики Индия.

(10) Официально подписанный 20 сентября 1955 г. Договор об отношениях

между СССР и ГДР (главное - советские войска в ГДР не вмешиваются в ее

внутреннюю жизнь) с одновременным обменом правительственными письмами

(главное - ГДР сама охраняет и контролирует свои границы, а также

коммуникации между ФРГ и Западным Берлином).

ВИЗИТ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ

Много места занял у меня рассказ о поездке в Женеву на встречу лидеров

четырех держав. Но это была для меня лишь подготовка к изложению моих

впечатлений о поездке в Лондон. Мы должны были прибыть в Англию, как мы

условились с ее правительством, в конце апреля 1956 года(1). Договорились,

что прибудем к ним на военном корабле, на крейсере. Мы хотели прибыть на

крейсере потому, что считали, что мы тогда в портовом городе займем как бы

свою временную опорную базу. С другой стороны, из Портсмута, куда мы

причалим, мы должны были ехать поездом до Лондона и таким образом больше

увидеть.

В состав делегации входили Булганин и я. Хотя Булганин в то время был

председателем Совета Министров СССР, я был включен в делегацию потому, что у

меня в ходе Женевской встречи лучше складывались отношения с Иденом. Когда

мы там беседовали, то он больше адресовался ко мне, я же отвечал ему от

имени всей советской делегации на те вопросы, которые он ставил. Мы решили

также включить в состав нашей делегации академика

Курчатова(2). Это очень

интересный человек, и не только как ученый. Как человек он был весьма

приятным и остроумным собеседником. Через него мы хотели войти в контакт с

учеными Великобритании и достигли этой цели. Он ездил в английские научные

учреждения, и это шло на пользу установлению новых контактов.

Когда мы отправлялись, посольство Великобритании в Москве предложило нам

захватить с собою британского военного атташе. Мы согласились. Правда, кое у

кого появились возражения: мы поплывем на военном корабле, корабль был

новый, военный атташе, безусловно, заинтересуется им и сможет открыть

какие-то наши военно-технические секреты. Такое суждение, конечно, было

глупостью, навеянной нравами сталинских времен. Итак, мы взяли его с собою.

Этот военный атташе носил звание полковника. Очень симпатичный человек,

сейчас не помню его фамилии. Держался он просто и хорошо. Когда мы

находились уже в море, то в день моего рождения, 17 апреля, решили устроить

небольшой торжественный обед. А обедали мы всегда всей делегацией. Решили

пригласить на обед и военного атташе. За обедом, тем более в день рождения,

естественно, имелась выпивка. А военный атташе, видимо, обладая вкусом,

хорошо разбирался в спиртных напитках. Он основательно выпил, да так, что

ему потом было уже не до осмотра корабля. Он еле добрался до своей каюты и

проспал путевой день крепким сном.

Об этом я вспомнил позднее, когда беседовал с Идеюм. Идеюм-то умеет

шутить и спрашивает меня: "Ну, как там, господин Хрущев, наш военный атташе?"

Как он себя вел на корабле?". Я отвечал: "Хорошо себя вел. Дстойно

представлял Великобританию". "А как он шпионил? Все он осмотрел?". "У,

невозможный человек! В такие щели залезал, в которые невозможно пролезть

насекомому. Всюду лазил и все увидел". Идеюм смеялся. Я не знаю, знал ли он о

том, что атташе сильно опьянел. Может быть, тот сам доложил по начальству.

Во всяком случае, Идеюм спросил меня о нем.

Встретили нас, когда мы прибыли в Портсмут, с положенными воинскими

почестями. Мы прибыли на военном корабле, в таком случае положен салют.

Сейчас же мы пересели с корабля на поезд и на нем отправились

далее. Все это

было для нас необыкновенным. Я, собственно говоря, впервые, если не считать

поездки в Женеву, официально выехал за границу. Но в Женеву мы прилетели на

самолете и оттуда улетели самолетом, а сюда мы прибыли на корабле, с корабля

ехали поездом и больше увидели в пути. Когда мы ехали поездом, на меня

произвели большое впечатление строения, которые мы видели в пути. Я обратил

внимание на то, что это были в своем большинстве небольшие домики из

красного кирпича. И в Лондоне, куда мы прибыли, я тоже видел такие. Конечно,

не в центре города. Потом, когда мы ездили по Великобритании, нас везде

"преследовали" эти типичные строения. Почему же мне в память врезались они?

То были домики моего детства.

Я жил мальчишкой в Донбассе, где отец работал на шахте. Юзовский

металлургический завод принадлежал англичанину

Юзу(3). Все домики, которые строил Юз для технического персонала,

квалифицированных рабочих и мастеров, были как раз такими, какие я увидел

теперь в Великобритании. Когда я ходил на базар в Юзовку, то у нас бытовало

такое выражение: "Как мы сегодня пойдём? Дорожкой вдоль английских красных

домов?" Думаю, что и сейчас эти красные дома остались там и стоят на дороге

из Юзовки (ныне Донецк) в Мариуполь. Как и в Великобритании, они заросли

зеленым плющом. Летом видны были только окна, а все стены покрывала зелень

плюща. Вот первое яркое впечатление, которое я приобрел после прибытия в

Великобританию.

В Лондоне, на вокзале Ватерлоо, нас встретили Идеи и другие члены

британского кабинета. Уже не помню, кто именно. После обычной церемонии

встречи мы отправились в свою резиденцию, которую нам отвели в гостинице

"Клэридж". Гостиница была хорошая, услуги - замечательные. Все это было для

нас внове. Ведь мы никогда так близко не общались ранее с иностранцами.

Когда мы подъехали к гостинице, длинный хвост машин не поместился у подъезда

и остановился на каком-то расстоянии от него. Поэтому часть членов делегации

вышла из машин и пошла к гостинице пешком. Лондонцы знали о нашем приезде из

сообщений печати. Собрался народ, останавливались прохожие, появились,

конечно, и мальчишки. Особый интерес проявили они к бороде академика

Курчатова: показывали на него пальцами, смеялись, прыгали, как это делают

мальчишки всех стран и народов. Потом, когда мы пришли в гостиницу, Курчатова

хохотал: "Смотрите-ка, какое впечатление произвела на них моя борода!"

Действительно, все показывали на его бороду. Об этом даже в печати написали.

Англичан я тоже встречал бородатых, но у него была особой формы борода, с

проседью, не густая, но довольно представительная.

Начались беседы с правительством Великобритании. С нами вели переговоры в

основном Идене, Ллойд и, кажется, Макмиллан(4). Собственно, эти беседы были

переливанием из пустого в порожнее, потому что наши позиции были выявлены

еще при встрече в Женеве, так что нового эти беседы ничего не вносили.

Просто мы как бы перебрасывали шары, перекачивали их друг к другу. Главным

образом, вопросы вращались вокруг того же: Германия в целом и ГДР,

разоружение, мирное сосуществование. Эти вопросы очень важны. Но мы видели,

что Запад не готов к их решению. Западные страны заигрывали с нами, чтобы

несколько приласкать нас, мягко погладить, дабы расположить к себе и

вынудить нас пойти на сговор. Сговор в том смысле, что следует договориться

обо всем на их позициях. Мы, конечно, не могли пойти на это. Так что надежд

на достижение какой-то договоренности не возникло.

Чем была интересна нам эта встреча? Происходила в ходе личного знакомства

конкретизация политических позиций. Их тоже, видимо, это интересовало. Кроме

того, Великобритания в то время больше других западных стран хотела иметь

какую-то договоренность с СССР, чтобы исключить возможность военного

столкновения. К тому же она стремилась не допустить проникновения нашего

влияния на Запад, а особенно на Ближний Восток, прежде всего в Египет,

Йемен, некоторые другие ближневосточные районы. И англичане подняли вопрос о

том, что следует договориться, чтобы мы не продавали оружия африканским

странам. Мы согласились с этим в принципе и сказали, что согласны подписать

такой договор, но при условии, если англичане тоже дадут обязательство не

продавать и не передавать оружия этим странам. Только при этом условии, на

основе взаимности, мы могли найти какое-то решение. Если же англичане не

могут дать таких заверений, то мы останемся при своем мнении и никаких

обязательств на себя взять тоже не сможем.

Идеи, как я уже говорил, - человек, весьма располагающий к себе. Своим

тактом и мягкостью он располагает собеседника к непринужденной беседе, к

доверию. Мы особенно ценили Идена за его позицию перед войной, которую он

заял, когда входил в английское правительство. Он занимал тогда правильную

позицию, мы это помнили, и это располагало нас к нему. Наступил воскресный

день, и Иден пригласил нас на дачу. Я употребил русское название, а у них

это - загородный дом премьера в Чеккерсе. Мне рассказывали тогда его

историю: какой-то капиталист подарил правительству загородную виллу для

премьер-министра Великобритании, и потом все премьеры, независимо от

партийной принадлежности, пользовались этим домом.

Мы приняли приглашение. Иден заранее сказал, что на встрече за городом

будут присутствовать некоторые члены его кабинета. Когда мы с Булганиным

приехали туда, там уже были Иден с женой, Макмиллан,

министр иностранных дел

Ллойд и (забыл его фамилию) один очень влиятельный консерватор. Его прочили

в будущем в премьер-министры или министры иностранных дел. Он действительно

стал министром иностранных дел и в этом качестве приезжал позднее в

Советский Союз. Мы располагали информацией, что этот человек негативно

настроен к СССР, антикоммунист, и не только потому, что является членом

консервативной партии. Даже среди консерваторов он был сверхконсерватором.

Однако при наших встречах и беседах, которые мы там имели, он этого не

показал, вообще внешне не проявлял своей агрессивности, хотя мы чувствовали,

что он питает к нам неприязнь как к представителям Советского Союза.

Дом на Даунинг-стрит, который занимал Иден, выглядел непрезентабельно:

это особняк из красного кирпича, очень старый, обветшалый и неприглядный.

Забор тоже из красного кирпича, старый и закопченный. Одним словом, не

очень-то привлекательное строение. Загородная резиденция находится не очень

далеко от Лондона, но местность вокруг была красивая: луг, вдали лесок. Мы с

Булганиным вдвоем перед обедом ходили гулять и далеко прошли по дорожке.

Окружающая природа напоминает природу наших Орловской и Курской областей, и

пейзаж такой же. Около дома посажено много цветов. Дома англичане отапливают

каминами, а в каминах сжигают антрацитовый уголь. Поэтому дома внутри тоже

припудрены копотью. Когда горит антрацит (а я знал по Донбассу, что в нем

содержится изрядное количество серы), чувствуется неприятный запах,

испытываешь некое удушье.

За обедом садилась за стол и хозяйка. Мы вели там беглую беседу, поднимая

разные вопросы. Они спрашивали, а мы отвечали, потом мы задавали вопросы.

Ничего особенно примечательного в этих беседах тоже не было. Посольство

информировало нас, что жена Идена - это племянница Черчилля. Она, видимо,

унаследовала некоторые качества своего предка в питейных делах, умеет

выпить. Но я бы не сказал, что мы заметили, будто она злоупотребляет этим.

Выпивали там все, а она в компании тоже не отказывалась.

Когда мы вели политические беседы, то основательно опирались на нашу

боевую мощь. Мы к тому времени уже имели современную

бомбардировочную

авиацию. У нас были бомбардировщики Ту-16 и производились в большом

количестве реактивные бомбардировщики Ил-28. Это очень хорошие самолеты

фронтового действия. Вооружение наше, как мы считали, было хорошим.

Пополнился у нас и флот. Мы построили несколько новых крейсеров и эсминцев,

немало подводных лодок. Правда, по сравнению с Западом у нас их было

недостаточное количество. Межконтинентальных ракет тогда мы еще вообще не

имели, но ракет с радиусом действия 500 - 1000 км у нас было достаточное

количество. Поэтому Англию мы могли как бы припугнуть, ведь мы ее доставали

ракетами. Она находилась на расстоянии, достигаемом для наших ракет, и мы

ощутимо давали понять, что располагаем средствами, которые могут нанести

большой урон противнику, если он вздумает напасть на нас. Эти ракеты могли

полететь не только на Великобританию, не говоря уже о Западной Германии и

Франции, но и на другие европейские страны, которые входили в НАТО. Они тоже

были под возможным ударом. Это, видимо, беспокоило наших собеседников.

Я рассказываю здесь это к тому, что за обедом к нам обратилась с вопросом

**жена Идена: "Какие у вас ракеты и далеко они могут летать?"
Я ей ответил:**

"Да, далеко. Наши ракеты не только могут достать Британские острова, но и

полетят дальше". Она прикусила язык. Это вышло с моей стороны несколько

грубовато и могло быть расценено как некая угроза. Во всяком случае, мыто

преследовали и такую цель. Угрожать особенно не собирались, но хотели

показать, что приехали не как просители, а что мы сильная страна.

Следовательно, с нами надо договариваться, а ультиматум нам предъявлять

нельзя, невозможно разговаривать с нами языком ультиматума.

Идеи сказал, что наутро нас приглашают посетить высшие учебные заведения,

кажется, в Кембридже не то в Оксфорде, а уж оттуда приехать в Чеккерс. С

нами туда поехал Ллойд. Он заехал за нами. Курчатова там не было с нами,

зато со мною и Булганиным туда поехал Громыко. В дороге Ллойд вел себя очень

любезно, шутил. Мы сидели втроем в машине. Он обратился ко мне: "Ко мне

прилетела и на ухо прошептала птичка, что вы продаете оружие Йемену". Я ему

ответил: "Тут разные птички летают и разное шепчут. Ко мне тоже подлетела

птичка и прошептала, что вы продаете оружие Египту, Ираку (а тогда в Ираке

было реакционное правительство), всем вообще продаете оружие, кто только

хочет купить его у вас. А если не хочет, то птичка шепчет, что вы его

навязываете. Так что птички бывают разные". Он продолжал: "Верно, птички

бывают разные, и нам они шепчут, и вам шепчут". Я сказал: "Вот пусть бы они

нашептали, чтобы мы взяли взаимное обязательство никому не продавать оружия.

Это было бы полезно для дела мира".

СССР действительно вел такие переговоры с Йеменом. Кажется, эти

переговоры закончились тем, что мы согласились поставить ему некоторое

количество оружия. Тогда к нам приезжал наследный принц королевства Йемен

эль-Бадр(5), который позднее стал королем и воевал с республиканским

правительством. Но ранее он представлял прогрессивную силу, потому что

готовился отвоевать у англичан Аден, а мы были заинтересованы в том, чтобы

Йемен стал полностью независимым государством. Английская разведка

**информировала правильно: птичка верно пошептала
правительству Великобритании**

на ухо, что мы продаем Йемену оружие, это было правдой.

**Итак, приехали мы в колледж, заведение для избранных
учащихся, видимо,**

**состоятельных студентов. Проректор водил нас по нему,
показывая аудитории**

**этого учебного заведения, большой двор. Зашли мы в какую-то
дверь и увидели**

**вдруг размалеванный портрет этого самого проректора. Он
глянул лишь и сказал**

**довольно спокойно: "Студенты любят посмеяться над нашим
братом", - и прошел**

**мимо, а потом рассказывал о всяческих студенческих
проделках, которые там**

**себе позволяют; ничего не поделаешь, молодежь как молодежь,
от нее всего**

**можно ожидать. Студенты проявляли к нам некоторый интерес,
но, я бы сказал,**

**вялый. Публика это была не пролетарская, там
воспитывали людей**

**консервативного склада и для правительственных ведомств.
Поэтому на какое-то**

ее понимание или сочувствие мы не могли рассчитывать.

**Из этого учебного заведения мы поехали в Чеккерс. Я уже
описывал, как**

**провели мы обед. Идеи пригласил нас заночевать, и мы
переночевали в**

Чеккерсе, но все другие, кроме Идена, уехали оттуда. Внутреннее

расположение

**комнат было таким: два этажа с консолями, внизу
бильярдная, столовая,**

**различные службы, наверху спальни. Нам показали, где
разместится Булганин и**

**где буду я. Нас с ним разместили по углам дома. Я плохо
сориентировался,**

**наутро поднялся рано, весь дом еще спал, делать мне было
ничего, я оделся и**

**решил пойти к Булганину, но спутал расположение комнат и
подошел к какой-то**

**двери, думая, что это дверь в его комнату. Постучал. Надо же
представить мой**

**страх и удивление, когда в ответ раздался женский голос. Я
буквально убежал**

**и только тут понял, что мне надо было пройти немного
дальше. Кто мне**

**ответил, я так и не узнал. Думаю, что это был голос жены
Идена. Я никому**

**ничего не сказал, хотя подумал, что она предположила, что это
стучал кто-то**

**из нас: я или Булганин. Я, правда, все рассказал Булганину, мы
посмеялись,**

**но решили не объяснять хозяевам, кто же постучал в дверь
комнаты госпожи**

Идеи.

**Было условлено, что на следующий день мы поедем с
визитом к королеве**

Елизавете(6). Расстояние было близким. Мы быстро собрались, а

собираться нам

было легко, и мы заранее предупредили англичан, что никаких особых одежд,

положенных по такому случаю, мы не имеем и не станем их приобретать. Если

угодно королеве принять нас, то в таком костюме, в каком мы беседуем и с

вами; если же нет, то это ее дело. У нас существовало предвзятое отношение к

подобным церемониям, и мы не хотели облачаться, как это было положено, во

фрак, цилиндр и прочие атрибуты, которые принято надевать в таких случаях на

Западе.

Как-то Микоян поехал в качестве нашего представителя в Пакистан, а потом

мы видели киножурнал, где был снят его прием. Там мы увидели Анастаса

Ивановича в хвостатом фраке, цилиндре и долго смеялись над ним. Он

отщучивался. Среди нас Анастас Иванович выделялся тем, что ему как старому

"европейцу" не чужда этикетная форма, которая положена дипломатам, когда они

посещают особо важных персон за границей.

Когда мы приехали в королевский дворец, там было очень много народа. То

были экскурсанты. На улице тепло, апрель - лучшее время года в Англии, как

нам разъяснил Идеи, идет мало дождей, все в зелени, прекрасная пора. Публика

осматривала достопримечательности дворца, а там было на что посмотреть.

Когда мы вошли во дворец, навстречу нам вышла королева с мужем и двумя

детьми. Мы представились. Одеты она была очень просто, в светлом платье

неяркой расцветки. В Москве на улице Горького можно встретить летом молодую

женщину в таком же одеянии, в каком к нам вышла королева. Она представила

нам своего мужа, потом повела нас по дворцу и стала знакомить с его

достопримечательностями. Оказалась в роли экскурсовода. Мы походили там

немного, а она все показывала, потом пригласила нас на стакан чаю. Зашли в

какой-то зал, нас пригласили к столу.

Мы сидели, беседовали о том о сем, как получается всегда, когда нет

конкретной темы для разговора. Ее супруг проявил интерес к Ленинграду:

"Говорят, это очень интересный город". Мы согласились, сказав, что вообще

гордимся этим городом. Он добавил, что никогда в нем не был, но мечтает

побывать. Мы ответили, что в современных условиях эта мечта легко может быть

претворена в жизнь: "Достаточно выразить желание, и вы получите от нас

соответствующее приглашение. Приглашение будет таким, какого вы захотите:

или на правительственном уровне, или от военного командования. Вы сможете

познакомиться и с Ленинградом, и с Балтийским флотом, вообще со всем, что

вас будет интересовать". Он поблагодарил нас и сказал, что воспользуется

нашей любезностью, если ему представится такая возможность. На этом наша

беседа закончилась. Правда, королева проявила еще интерес к нашему новому

самолету.

Тогда начались первые полеты самолета Ту-104. Этот самолет прилетал в

Лондон, привозил нам свежую почту. Конечно, мы организовали это умышленно,

чтобы показать англичанам, что имеем хороший пассажирский самолет с

реактивными двигателями. Это был первый в мире реактивный пассажирский

самолет, и мы хотели, чтобы там на него посмотрели, хотя бы в воздухе.

Оказывается, наш самолет заходил на посадку как раз неподалеку от

королевского дворца. Королева сказала: "Я видела ваш самолет, замечательный

самолет, он несколько раз пролетал тут мимо". Мы стали рассказывать ей про

самолет, какой он хороший, современный, лучший в мире, а другие страны пока

такого самолета не имеют. Потом поблагодарили королеву, попрощались и

вернулись к Идену, а там продолжали прежние беседы.

Не помню, приезжали ли туда именно в тот день члены кабинета, которые

присутствовали еще при первой беседе. Мы рассказали Идену, как нас приняла

королева. Совпало с тем, о чем он нас предупреждал: что она простая женщина,

умная и хорошо себя держит. "Вам будет приятно с ней встретиться", - говорил

он. Так оно и оказалось. Я сказал бы, что она не проявила никакой

королевской чопорности, когда встретилась с нами. Ее внешность, ее поведение

не требовали от нас, чтобы мы "трепетали", как это бывает в романах, когда

описывают встречи с королевами. Елизавета II - обычная женщина, жена своего

мужа и мать своих детей. Такой она представилась нам, и такое у нас осталось

впечатление. Голос у нее мягкий, спокойный, не претендующий ни на что

особенное. Вопросы она ставила такие же, которые задает при встрече с

советскими людьми любая иностранка.

Между прочим, мне запомнился разговор о королеве с какой-то англичанкой,

случившийся тогда же, когда мы находились в Англии. Она спросила: "Вы

встречались с королевой Елизаветой?". "Да, встречались". "Ну, и как она вам

понравилась?" Мы сообщили о своем впечатлении. И тут англичанка добавила

печальным голосом: "Жалко мне ее, несчастная женщина". "Почему вы ее

жалуете?". "Ну, знаете, молодая женщина хотела бы пожить, как требуется в ее

возрасте. А она как королева лишена обычных радостей, живет под стеклянным

колпаком, всегда находится под взглядами людей. Это очень тяжелая жизнь и

тяжелые обязанности. Поэтому я ей сочувствую". Мне понравилось, как эта

женщина по-человечески подошла к оценке своей королевы. Да, прав был

Некрасов, когда писал в поэме "Кому на Руси жить хорошо", перебирая всех

тех, с кем встречались его ходоки: и попу по-своему плохо, и царю нелегко.

Вот и Елизавете II, оказывается, жилось нелегко.

Когда составлялась программа нашего пребывания в Великобритании, Идеи

предложил нам встретиться с первым лордом Ад-276

миралтейства(7). "Там, -

сказал он, - будут военные, но главным образом моряки". Он нас с ними

предварительно познакомил. Приглашал нас морской министр, первый лорд

Адмиралтейства. Главнокомандующий военно-морскими силами адмирал

Маунтбэттен(8) от встречи с нами всячески уклонялся. Он состоял в каком-то

родстве с российской царской фамилией и считал нас (а ведь это правильно)

наследниками тех большевиков, которые убили его родственников на Урале в

1918 году. Условились, когда встреча состоится. Пришел назначенный день, и

мы с Булганиным поехали туда.

Я все время говорю "с Булганиным", потому что главой правительства был

Булганин, я же являлся членом делегации. Но так уж сложилось, без каких-либо

моих поползновений, что вести все переговоры и давать ответы на вопросы,

которые задавались английской стороной, приходилось главным образом мне.

Пожалуй, даже исключительно мне. И не потому, что я хотел этого. Нет, я

понимал свое положение и стремился к тому, чтобы на вопросы, как и положено,

отвечал глава правительства. Однако Булганин сам сказал мне,

что хотел бы,

чтобы отвечал я. Имели место случаи, когда задавался вопрос, а я поворачивал

голову к Булганину, показывая, что ожидаю его ответа. Он тут же сам

обращался ко мне: "Отвечай ты!" И я отвечал.

Чтобы не возникло какого-либо неудобства и чтобы не дать повода

английской стороне для каких-либо домыслов, я отвечал после паузы, которую

всегда делал, чтобы Булганин имел возможность, если захочет, ответить,

включиться в разговор. Как правило, он меня толкал в бок, показывал глазами

или прямо говорил: "Ответит Хрущев". Хочу, чтобы меня правильно поняли. У

меня даже произошел на эту тему неприятный разговор, когда мы вернулись. О

всех беседах, которые состоялись, потом составлялся отчет, и мы посылали его

в Москву, на протяжении всего моего пребывания в Англии аккуратно информируя

Президиум ЦК КПСС о ходе нашего пребывания там, о беседах, о вопросах,

которые ставились, и о том, как мы на них отвечали. Поэтому наше руководство

видело из отчетов, что главным образом даю ответы я. И мне было неприятно,

что, когда мы приехали, Молотов спросил: "Почему все время

отвечал ты?" Я

**почувствовал какое-то его недовольство тем, что, мол, я
подавлял главу**

**правительства и делегации. Пришлось сказать: "Товарищи,
прошу выяснить у**

**самого Булганина, почему так получилось. Не мог же я
входить в**

**препирательства с ним, когда надо было отвечать, а Булганин
мне заявляет:**

**"Ты отвечай!" Что я мог ему заявить: нет, по положению ты
должен отвечать?**

**Выглядело бы глупо перед иностранцами показать себя в таком
виде. Булганин**

**сам уступал свою роль мне без всяких моих поползновений к
тому".**

**Не буду сейчас играть в скромность. Ведь потом выяснилось,
что Булганин,**

**правильно понимая свои возможности, на ряд вопросов не смог
бы ответить так,**

**как нужно было. Он человек обтекаемый. Это ярко проявилось,
в частности,**

**когда лейбористы устроили обед в нашу честь. Там он сам
отвечал на вопросы,**

**которые ставили лейбористы, и отвечал по-обывательски. И
мне пришлось**

**вмешаться и высказать свою точку зрения. У нас возникло
политическое**

**обострение, и мы просто ушли с этого обеда, полностью
разругавшись с**

лейбористским руководством. Это - лирическое отступление, но я считаю, что

об этом необходимо сказать.

Итак, поехали мы в Гринвич на прием к морякам(9). Там собралось много

народа в большом зале с длинным столом. Зал несколько мрачный, как это

принято у англичан, с притушенным светом. Полумрак. Выпивали, держали речи.

Не помню, о чем там говорили англичане. Главным образом, выступал один и тот

же адмирал, нам надо было отвечать. Булганин опять сказал: "Выступай ты". И

я выступил. Это была как бы вольная встреча, с вольным выступлением. Я

избрал такую тему, чтобы шире обрисовать нашу страну и ее возможности, то

есть пойти, грубо говоря, в наступление на англичан. Поставил перед ними

такой вопрос:

"Господа, вы представляете Великобританию. Ваша страна владычица морей,

но в прошлом. Сейчас нужно реально смотреть на вещи. Все изменилось, другая

техника, иное положение морского флота. Раньше он был плавающей артиллерией,

и она наводила страх, прокладывая путь морской пехоте. Сейчас, когда имеются

самолеты-ракетоносцы и ракеты, которые можно запускать в

цель на большом

расстоянии, недостижимом для артиллерии кораблей, сложилось новое положение.

Можно сказать, что сейчас линкоры и крейсера - это плавающие гробы, они

морально устарели. Вот мы прибыли к вам на крейсере. Это современный

крейсер, хороший корабль, я слышал такую его оценку от ваших специалистов.

Хотя они высоко оценили наш крейсер, мы можем его продать, потому что он

устарел, и его вооружение тоже устарело. В будущей войне не крейсера будут

решать главные военные вопросы, и даже не бомбардировочная авиация. Она тоже

старее, хотя еще не устарела так, как морской флот, но тоже старее. Теперь

выходит на арену как главное оружие на море подводный флот, а в воздухе -

ракеты, которые наносят удар по целям на большом расстоянии, а в будущем -

на неограниченном расстоянии".

Ставились различные вопросы, давались ответы, но разговор вращался в

основном все время вокруг вопроса о флоте. Мы хотели подчеркнуть падение

военных возможностей в отношении воздействия на нас со стороны британского

флота и прямо об этом сказали их морякам. Это не были какие-

то агрессивные

речи с угрозами, все говорилось как бы со смешком. Они тоже подшучивали,

иронизировали. Сейчас уже не помню, как это преподносилось, но в целом

беседа была довольно откровенная и непринужденная, никого ни к чему не

обязывающая. То были не переговоры, а обмен мнениями за столом, за бокалом

виски. Говорили о современном положении в мире, о будущих войнах, о том,

какое оружие займет какое положение.

Морской лорд, наш хозяин, оказался человеком, понимающим шутки, и я не

чувствовал, что наши высказывания о морском флоте его как-то покоробили и

что он был ими недоволен. Если бы мы это почувствовали, то сразу бы

прекратили такой разговор, ибо совершенно не хотели создавать неприятное

положение для хозяина, который нас принимал. Расстались мы по-дружески. А

назавтра опять встретились с Иденом. Идеи, как всегда, с улыбочкой говорит:

"Как вам наши моряки? Какое они произвели на вас впечатление?" Я отвечаю: "У

вас хорошие моряки, они известны всему миру". "А как прошла беседа?" И,

улыбаясь, смотрит на меня. "О беседе, я вижу, вы все уже

знаете, раз

улыбаетесь". "Да, - отвечает он, - я знаю. Мне докладывали о ваших

высказываниях". "И как вы их расцениваете?". "Я с вами согласен. Но как

премьер-министр не могу говорить об этом со своими военными. У нас-то нет

реально другого вооружения, кроме надводного флота и бомбардировщиков. Это

наше основное средство ведения войны. Я не могу убивать в них веру в наше

оружие". "Да, я вас понимаю, но мы честно изложили свою точку зрения".

Потом мое выступление нашло большой отклик в мировой печати. Особенно

остро реагировали США на точку зрения, которая была высказана мною на этом

обеде в Гринвичском военно-морском колледже. Они стали опровергать меня:

нет, военно-морской флот не отжил и все еще является грозной силой в

современной войне, как и бомбардировщики. Спустя какое-то количество лет не

только в ходе бесед, но и в печати американские журналисты признали, что

бомбардировщики отживают свой век, а главное оружие сейчас - ракеты. И если

мы, американцы, раньше занимали другую позицию, споря с Хрущевым, и

отстаивали свою точку зрения, то это вызывалось повседневной необходимостью,

поскольку у русских ракеты появились раньше, чем в США, чья оборона тогда

базировалась на военно-морском флоте и бомбардировочной авиации.

Это верно. Я тоже понимал, что они не могли согласиться с нами, ведь их

военные базы, которые окружали Советский Союз, были насыщены

бомбардировочной авиацией, а ракетных войск у них еще не имелось. У нас их

тоже было еще мало, но все же они были. Своими ракетами мы могли довольно

основательно расправиться с близлежащими вероятными противниками, если бы

нам навязали войну. Правда, США для нас были тогда недостижимы, потому что

межконтинентальные ракеты у нас только появлялись. Речь идет о ракете Р-7,

хотя она, по сути дела, не военное оружие, а средство для полетов в космос,

для исследовательских полетов. Тут она показала себя, хотя и для военных

целей мы приготовили несколько штук. Позднее, когда появились другие ракеты,

мы от нее отказались, она уже не годилась. Для обороны мы создали другие

ракеты и в нужном количестве, а теперь их имеем не только в нужном, а даже в

сверхнужном количестве, которое показало и свои отрицательные стороны,

потому что зря высасывает деньги из бюджета и истощает наши финансовые

возможности. Но это уже другой вопрос.

Согласно утвержденной программе, мы разъезжали по Англии. Первым делом

отправились в Бирмингем, крупный промышленный центр. Нас там встретили тоже

любезно. По этому городу мы ездили с мэром, он возил нас на своей машине

марки "Роллс-Ройс". Эта машина и сейчас считается наилучшей. Ее не

производят на потоке, англичане ее выпускают и продают только по заказу.

Роскошная машина, много стекла, с прекрасным обзором. Когда мы ехали, я

спросил: "Господин мэр, много ли таких правительственных машин в вашем

городе?". Он ответил: "Только у меня, больше ни у кого нет". "Почему?". "О,

это очень дорогая машина. Было бы расточительно, если бы и другие стали

обзаводиться ими. Поэтому из официальных лиц здесь только я имею ее. Частные

лица тоже имеют "Роллс-Ройсы" лишь в ограниченном количестве".

Программа пребывания в Англии была довольно насыщенной. Нас загрузили до

невозможности, и мы с раннего утра до позднего вечера мотались по стране на

автомобилях или на самолете. Это нас затрудняло, и я стал выражать

недовольство. Нам надо было еще съездить в какой-то английский город, а

потом мы должны были отправиться в Шотландию. И при очередной встрече с

Иденом я сказал: "Господин Идеи, меня уже ноги не держат, я не могу так

дальше. Вы нас эксплуатируете, и я устал и никуда больше не поеду. На завтра

я объявляю забастовку и останусь в Лондоне, в гостинице". Он смеется:

"Господин Хрущев, я вас прошу, просто умоляю, давайте условимся так, вы

можете никуда не ездить, но в Шотландию, очень прошу вас, вам надо поехать.

Вы знаете, что такое Шотландия? Если вы не поедете туда, то Шотландия

поднимет бунт и выйдет из состава Содружества. Это же шотландцы! Вы не

знаете, какие они националисты, они мне покоя не дадут. Я прошу вас!" Мы с

Булганиным переглянулись (а он тоже был такого мнения, что не стоит больше

ездить) и сказали: "Ну хорошо, поедем в Шотландию".

Полетели мы туда. Нам интересно было посмотреть на нее, но это получился

мимолетный кавалерийский наскок. И в результате очень мало у нас осталось

впечатлений, тем более что англичане все предусмотрели: никакого контакта с

народом, встреча только с теми, с кем надо, то есть с теми, кто должен

встречать и провожать. Больше никого. По улицам мы не ходили, посещений

предприятий предусмотрено тоже не было. Таким образом, мы там побывали, но

людей наблюдали только из автомашины. Да и то лишь тех, кто ходил по улице.

Больше никаких встреч у нас не состоялось, кроме официальных,

предусмотренных протоколом.

Прилетели в Эдинбург. Нас предупредили, что в Шотландии всегда идет

дождь. Действительно, Шотландия встретила нас мелким, морозящим дождем. В

нашу честь был выстроен почетный караул, промаршировал со своей музыкой. И

шотландская музыка, и шотландская военная форма крайне оригинальны. До того

я практически не видел шотландцев в их клетчатых юбочках, беретах и с

волынками. Раньше я лишь однажды видел их и слышал их музыку: в 1946 г.,

когда ездил в Берлин, а потом в Вену. В Вене я и видел, как шагала какая-то

шотландская воинская часть в своих национальных одеяниях и с шотландскими

музыкальными инструментами. Но там я наблюдал их буквально несколько

мгновений. А теперь нас усадили под брезент, войска маршировали мимо нас, и

мы могли наблюдать их с близкого расстояния.

Потом в Эдинбургском королевском замке был дан обед в нашу честь. Нам

сказали, что обед - от имени королевы Елизаветы, потому что она королева не

только Великобритании, но и Шотландии. Принимал нас как бы ее наместник,

он-то и устраивал обед от имени королевы. Были расставлены маленькие

столики, нас рассадили порознь, я оказался вместе с какими-то шотландцами.

Булганина тоже посадили за отдельный стол, так что с их стороны обедали с

нами разные люди. Это было правильно, так можно больше охватить и не мешать

друг другу в ходе беседы. А может быть, они преследовали другие цели? Больше

будет с нашей стороны всяких высказываний, больше можно будет из нас

выудить. Впрочем, не думаю, что там преследовались какие-то цели такого

характера. Ведь в подобных случаях обычно ничего, кроме текущих разговоров,

которые ничего не дают ни той, ни другой стороне, не случается.
Иное дело,

когда налицо хорошие отношения. Тогда происходят и деловые разговоры. А у

нас тогда возникли лишь первые контакты. Каждая сторона прощупывала другую.

Поэтому ожидать, что кто-то что-то скажет, тем более за официальным обедом,

да еще в Шотландии, было невероятно.

Помещение, где состоялся обед, это, как нам объяснили, дворец королевы

Шотландии Марии Стюарт(10). Нам показали слепок с ее головы. Шотландцы очень

почтительно высказывались об этой королеве, о своем прошлом в ее время. Они,

видимо, весьма чтят и свое прошлое, и достоинства королевы Марии Стюарт.

Показали нам местную крепость. В ней расположен музей, и нам

продемонстрировали исторические реликвии Шотландии.

Когда мы собирались ехать в Англию, то условились, что я возьму с собой

моего сына Сергея. Он тогда был еще студентом. Мне он рассказывал, что там

его тоже усадили за отдельный столик, а с ним сидели пожилая переводчица и

еще одна англичанка. Переводчица внушала ему, что рядом сидит принцесса, но

видела, что ее слова никакого особого впечатления на него не

производят, и

вновь начинала акцентировать разговор на том, что это не простой человек,

что с вами за одним столом обедает принцесса! Сын, рассказывая мне об этом,

смеялся: "Так я и не проникся каким-то особым чувством, что за одним столом

со мной находится не обыкновенный человек, а принцесса". Видимо, переводчица

говорила это ему с определенной интонацией в голосе, отдавая должное

уважение и высказывая преклонение перед той принцессой. Такие традиции еще

существуют в Англии, и я думаю, что это было не какое-то заготовленное

театральное представление. Действительно, та женщина была ошарашена, что

она, простая переводчица, сидит за одним столом с принцессой, а молодой

человек из России ничего не понимает и на него слово "принцесса" не

производит никакого впечатления.

В нашей программе было предусмотрено посещение крупного атомного научного

центра в Харуэлле. Нас принимал там один из ведущих атомщиков

Великобритании, сейчас забыл его фамилию. Потом он приезжал к нам и был

гостем Курчатова. Курчатову было очень интересно заглянуть к

нему. Они друг

о друге знали, но личного контакта у них, по-моему, прежде не было. Показали

нам все учреждение, показали и лаборатории. Об их работе рассказывал именно

этот ученый, тема рассказа была очень сложной, интересной в деталях лишь для

Курчатова, хотя для него вряд ли имелось что-то новое в том, о чем рассказал

их ученый. Интерес заключался в другом: установить контакты. Надо подойти к

этому событию с позиций того времени. Мы поехали за границу, взяли с собой

ученого-атомщика, прибыли в научный центр, осмотрели его. Это значит, что мы

должны ответить взаимностью, пригласить к нам английского ученого и показать

ему наши атомные центры. Для нас это был тогда почти непреодолимый шаг:

сколько десятилетий мы воспитывались в том духе, что империалисты - наши

враги, все они подсматривают, подглядывают, а сами ничего не показывают. Вот

они глянут, все увидят, узнают, да еще наших людей завербуют и внедрятся к

нам!

Конечно, в этом много правильного. Но доводить дело до абсурда, запугать

самих себя и абсолютно потерять веру в свой народ, который

борется за

построение коммунизма, имеет свое самолюбие, свою национальную гордость и

собственное достоинство, недопустимо. Сталин же в это не верил. У него была

лишь вера полицейского характера: держать и не пущать, ты никуда ни шагу, и

к тебе никто. Поэтому считалось, что обмен опытом - воровство. Правда,

воруют все. Другие страны тоже воруют, если не могут купить лицензию и

предоставляется возможность украсть. Я говорю не в порядке осуждения такого

метода контактов. Но лучше поддерживать контакты на основе обмена

лицензиями. Это проще и полезнее воровства. Иной раз, когда покупают

ворованное, то не всегда приобретают то, что нужно. Подчас вор бывает

довольно условным и продает секреты по заданию своей разведки.

Знаю случай, когда Гречко еще командовал нашими войсками в Восточной

Германии, мы купили в Западной Германии американскую ракету. Когда ее

привезли и дали нашим ученым на исследование, то оказалось, что налицо самая

настоящая липа. Американец, с которым мы поддерживали контакт, был

разведчиком и разгадал нашего человека, понял, что перед ним агент, и

подсунул ему "ракету".

Иден, устраивая нам обед в его резиденции на Даунинг-стрит, заранее

предупредил, что на обеде будет Черчилль. Там присутствовало ограниченное

число лиц: Иден, Черчилль, Макмиллан, Ллойд и тот консерватор, фамилию

которого я забыл и о котором нам все время говорили, что он настроен крайне

антисоветски. Мы с ним вновь встречались, когда он приезжал в Советский

Союз. Этот человек оказался ничем не хуже других консерваторов, а относился

к нам соответственно своим убеждениям, своим взглядам на коммунизм и

советскую страну. Не хуже, да и не лучше других. Сейчас он умер, но тогда он

был надеждой консерваторов. Считалось, что он может стать в дальнейшем

премьером.

Зашли мы в кабинет Идена, небольшой зал. На стене я увидел портрет царя

Николая II. Я пристально глядел на него, и все, конечно, заметили, что я

обратил внимание на портрет. Говорю: "Удивительное сходство с нашим бывшим

царем Николаем II". Идеи ответил мне, что это один из

английских королей,

двоюродный брат Николая, поэтому они очень похожи друг на друга. Больше я не

стал проявлять любопытства, ведь это могло быть им неприятно, потому что его

двоюродный брат был убит в Екатеринбурге. Они тоже не возвращались к этому

разговору.

Рассадили нас по положенным местам за обеденным столом. Я оказался рядом

с Черчиллем. Он был уже стар. Рядом со мной сидел грузный дряхлый старик. Мы

перебрасывались отдельными, ничего не значащими фразами, ели. Нам подали

устриц, и он спросил меня: "Вы когда-нибудь ели устриц?". "Нет, господин

Черчилль". "Вы последите, как я буду их есть. Я их очень люблю". "Хорошо,

буду учиться". Начал он есть устриц, а я за ним проделывал все, что видел,

использовал лимон. Он проглотил своих устриц, я тоже. И он спросил: "Как

понравилось?". "Совсем не понравилось". "Ну, это без привычки". "Понимаю,

что без привычки, но не понравилось". Других разговоров с Черчиллем у меня

не было, если не считать того, что он затронул вопрос о Сталине. О нем он

отозвался хорошо: "Я с уважением относился к господину

Сталину во время

войны".

Говорил он и о процессах в нашей стране в связи с осуждением культа

личности. Сказал, что мы смелые люди, если решились на такой шаг. "Это

большая ломка в сознании людей, а люди обычно очень консервативны. Чтобы не

обжечься, все это надо проводить осторожно и постепенно, а не вдруг". Я

согласился с ним. Видимо, Черчилль так осторожно вел себя с нами потому, что

не хотел создавать видимость, что он продолжает руководить правительством и

вмешиваться в его дела. Раз Идеи премьер-министр, то все деловые вопросы

должны обсуждаться с ним. Второй раз я встретил Черчилля в парламенте. Не

встретил, а увидел его. В программе нашего пребывания значилось, что мы

будем присутствовать на заседании парламента в качестве гостей. На хоры, где

поставлены скамьи для публики, могут заходить все желающие, не мешая работе

парламента. К нам был прикреплен молодой по возрасту консерватор, очень

хорошо говоривший по-русски. Он демонстрировал нам свое глубокое знание

русского языка, хорошо выражаясь словами ломовых

извозчиков. При этом

довольно хорошо выговаривал наши слова, и у него имелся довольно большой

набор выражений такого характера. Этим он, видимо, демонстрировал нам и

знание русского языка, и свою простоту. Мы же ему никаких замечаний,

конечно, не сделали.

Он привел нас в парламент, мы сели на скамью и наблюдали, как ведутся

прения. Не помню сейчас, какой затрагивался вопрос. Черчилля не было сначала

на том заседании, только потом он появился. Наш сопровождающий, который

выполнял роль гида, сказал: "Смотрите, вон Черчилль". В парламенте у каждого

имеется определенное место, и Черчилль уселся на свое место. Гид

предупредил: "Он не более пяти - десяти минут сможет так просидеть, а потом

сейчас же уснет". Действительно, Черчилль вскоре откинул голову на бок, и

видно было, как он спокойно спал на заседании парламента.

Наш крейсер стоял в Портсмуте. Мы сказали командиру крейсера, чтобы он

лучше организовал охрану и делал все, что положено в таких случаях. Вдруг

нам докладывают, что какой-то человек появился из-под воды у борта крейсера.

Когда наши матросы его заметили, он скрылся под воду, и больше его не

видели(11). Мы заявили нашим хозяевам, что наши матросы наблюдали такое

явление, и спросили, как это надо понимать. Не помню, какое было дано

объяснение. Но мы не придали значения этому случаю, хотя не исключали, что

пловцы могут прикрепить к крейсеру магнитные мины, а это может дорого нам

обойтись. Так объяснили событие наши люди, которые занимались военными

делами. Поэтому мы подумали о возвращении домой самолетом. Но Ту-104 только

еще проходил испытания и был небезопасен, а лететь на Ил-14 после фурора,

который произвел Ту-104, нам казалось неприличным.

Я не верил в возможность какой-либо провокации. Взорвать крейсер с главой

чужого правительства - это ведь война! Англичане никогда такого не допустят.

И мы решили возвращаться домой на крейсере. В печати много сообщали об этом

случае. Оказывается, это был какой-то особый их разведчик-водолаз в звании,

кажется, майора. Он погиб, и в печати много писали о том, что мы его,

видимо, захватили в плен и увезли в Москву. Потом было объявлено, что

обнаружили его труп. Мы так точно и не знаем, кто там был. Но что это был

разведчик, у нас не имелось сомнений. Его появление наша разведка объясняла

тем, что англичан, возможно, интересовали винты крейсера и формы некоторых

деталей корпуса корабля, которые определяют его скорость. Мы не придали

особого значения этому инциденту, хотя и говорили о том, что они нас позвали

в гости, а сами шарят по карманам. Да, разведка занималась своим делом. Их

интересовало, что представляет собой наш корабль, и они не удовлетворились

тем, что увидел военный атташе, который находился на корабле. Его действий

мы не ограничивали, и он мог ходить, куда хотел. Кое-куда он ходил, но

проявлял немного интереса: видимо, не желал, чтобы мы заподозрили, что он

занимается шпионажем.

В Англии перелетали мы из города в город на английском самолете. У них

имелся четырехмоторный самолет фирмы "Бристоль", типа нашего будущего Ил-18.

Тогда у нас Ил-18 еще не было, а летали двухмоторные самолеты, хорошие, с

поршневыми двигателями. Их самолет по тому времени был более современным, и

я с Булганиным обменивался мнениями: не прощупать ли англичан, не продадут

ли они нам такой самолет? Мы в ходе разговоров забрасывали такую "удочку",

но нам ответили, как обычно отвечают в таких случаях, что надо вести

переговоры с фирмой. Мы поручили установить контакт с фирмой и провести

переговоры, но это ни к чему не привело. Видимо, фирма "Бристоль" продала бы

нам такие самолеты, если бы была уверена, что мы купим не пару штук, а целую

серию и поставим их у себя на авиалинии. Однако они знали, что мы купим лишь

один или два самолета как образцы, потому что Антонов и Ильюшин(12) уже

строили к тому времени свои похожие самолеты. Таким образом, перспективы для

фирмы, что она может получить серьезного покупателя, не существовало. А

продать самолет как образец фирма, безусловно, не хотела, чтобы не выдать

своих секретов.

Во время нашего пребывания в Лондоне с нами установили контакт и

лейбористы. Тогда их возглавлял Гэйтскелл(13), человек довольно

консервативный, антисоветских настроений и озлобленный. Левое крыло

лейбористской партии тогда возглавлял Бивен(14). Его я хорошо знал. Я с ним

потом встречался в Москве. Он действительно выделялся среди лейбористов,

разыгрывал из себя левого, и его речи по содержанию отличались от обычных:

он критиковал лейбористскую партию, причем резко. Сам он был весь седой,

хотя еще не старый, так что седина у него какая-то не возрастная. Он

познакомил нас со своей женой, тоже седой, хотя и не старой женщиной, и тоже

активным политическим деятелем лейбористской партии.

Бивен производил на нас очень хорошее впечатление. Потом, после смерти

Гэйтскелла, он возглавлял лейбористскую партию. Как лидер, несмотря на свои

заявления, он вовсе не проводил политики, чем-то отличающейся от политики

Гэйтскелла. Этого у него не получилось. Такова английская оппозиция:

критикует тех, кто стоит у власти, а внутри партии критикует лидеров, но

лишь пока критик не возглавит партию. Так случилось и с Бивеном. Позднее к

руководству лейбористской партией пришел Вильсон(15). Он тоже считался нашим

другом и стоял в оппозиции к руководству. Он часто заявлял, что если бы был

у власти, то совсем по другому курсу повел бы английскую политику. И вот

теперь сколько уж лет он у власти, а курс все тот же, который проводили

консерваторы, а также Гэйтскелл и Бивен.

Лейбористы предложили нам встретиться и поужинать (или, как у них

называется, пообедать вечером). По нашему, русскому, обычаю, это уже ужин.

Мы согласились, хотя ничего путного не ожидали от них. Они были даже более

озлоблены против нас, чем консерваторы. Собрались мы в парламенте. Там у них

есть что-то вроде ресторана, какой-то харчевни, большой такой зал. Там-то

они и предложили устроить встречу. На этой встрече были Гэйтскелл, Браун,

другие лидеры лейбористской партии. Браун тогда претендовал на лидерство и

иной раз пытался задавать тон всей партии. Он относился к нам очень

враждебно. Расселись мы по местам. Уже стояли бокалы с неизменным английским

виски. Гэйтскелл предложил тост за здоровье королевы. Оказывается, у них не

бывает ни одного общественного обеда, чтобы не выпить за королеву. Не знаю,

как поступают у них коммунисты. Думаю, что не пьют. Ну что же, за королеву

**так за королеву! Мы поддержали их и выпили за ее здоровье.
Потом выпили**

**соответственно за нашу делегацию, за наше и за их здоровье.
Начался**

**разговор. У меня сейчас выветрились из головы его
подробности, но напряжение**

было очень большим.

**Если сравнить с тем, как мы встречались с консерваторами, то
там не было**

**такого напряжения. Видимо, это объяснялось тем, что мы
находились на слишком**

**противоположных полюсах: консерваторы представляли
крупный капитал, а мы -**

**рабочий класс и коммунистическую партию. Значит, у нас могли
быть контакты**

**только на деловой государственной взаимовыгодной основе, и
они к нам никаких**

**других претензий не могли предъявить. И мы, конечно, никаких
особых надежд**

**не питали. Иное дело, когда мы встретились с лейбористами.
Они-то считают,**

**что у них рабочая партия; что они защищают интересы
рабочего класса. Мы,**

**конечно, за ними этого не признавали и не признаем. Поэтому
сразу возникла**

**напряженность. Гэйтскелл, правда, еще проявлял какую-то
тактичность.**

Причиной же конфликта послужило следующее.

Они заранее сговорились, и во время своего выступления

Гэйтскелл, вытащив

какую-то бумагу, сказал, что тут список социал-демократов, которые

арестованы и сидят в тюрьмах в Польше, Чехословакии, других странах

Восточной Европы. Он попросил нас посодействовать тому, чтобы их выпустили

на свободу. Булганин вначале хотел было взять у него список и стал говорить,

что мы изучим этот вопрос. Но тут я подтолкнул его и шепнул, что его

втягивают в провокацию. Ведь мы не могли обсуждать такой вопрос даже по

соображениям формы. Получится вмешательство в дела других государств. Так мы

им и ответили и взамен посоветовали обратиться к правительствам

соответствующих стран.

Тут вдруг вмешался Браун. Он начал задавать провокационные вопросы,

которыми вызывал нас просто на скандал. Взяв слово, он произнес речь, в

которой критиковал наши внутренние порядки. Это было недопустимо: мы

являемся у них гостями, а они выступают с критикой нашей политики. Взял

слово Булганин для ответного выступления. Он отвечал по-обывательски, и мне

его просто невозможно было слушать. Он обошел критические

замечания в наш

адрес и предложил какой-то обычный тост за счастье и здоровье

присутствующих. Обыденная речь, которая уместна в питейных делах, когда

встречаются друзья-товарищи и желают друг другу процветания. А с той стороны

была произнесена политическая, задиристая речь.

Я не вытерпел и, когда Булганин закончил, попросил: "Разрешите мне

выступить". Они согласились. И я напал на этого Брауна. Говорю: "Господин

Браун, я расцениваю ваше выступление как провокацию". Назвал все своими

именами и начал его тоже критиковать: "Вы нас пригласили на обед. Но если вы

хотите вести разговор, оскорбительный для нас, то нам ничего не остается

делать, как поблагодарить вас за приглашение и уйти". Сразу возникло большое

обострение. Вышло так, что на этом обед закончился, и мы демонстративно

ушли.

Назавтра, когда мы встретились с Иденом, он опять улыбался в свои усики:

"Ну, как у вас вчера прошел вечер с лейбористами?" Он-то все уже знал, ему

было доложено. Я тоже улыбнулся: "Да, знаете, не совсем... ". "А я говорил

вам, что с консерваторами у вас скорее может установиться контакт, чем с

лейбористами. Это же невозможные люди!" Он как консерватор воспользовался

этим конфликтом и начал хвалить своих. Тут мы тоже стали шутить: "Да вот мы

сравниваем. Выбираем, в какую партию вступить, в лейбористскую или в

консервативную". "Предлагаю в консервативную". "Подумаем, может быть,

действительно пойдём к консерваторам". Наш ответ потом появился в печати.

На следующий день мы должны были находиться на заседании в палате лордов.

Там оказались и лейбористы, в том числе те, которые присутствовали на

вчерашнем ужине. Они стали подходить к нам, здороваться. Среди них был один,

который производил более порядочное впечатление, не помню сейчас его

фамилии, уже пожилой человек. Он судил более здраво о наших делах, хотя,

конечно, не был сторонником Советского Союза, но хотел улучшения отношений

между нашими государствами и установления контактов лейбористской партии с

нами. Я не говорю, что именно с коммунистической партией, хотя, когда

лейбористы приезжали в Москву, велись переговоры нашего ЦК с ними. Однако

эти встречи тоже ничего хорошего не принесли.

У меня было плохое настроение, я был огорчен поведением лейбористов при

нашей встрече. Браун тоже там оказался. Подходит он ко мне и сразу подает

руку. Я глянул на него и говорю: "Господин Браун, я Вам руки не подам. После

вчерашнего не могу!" Он протягивает руку, опять к себе, дернул туда-сюда

раза два, смотрит на меня. Я не пошевелился. "Не подадите?". "Не подам".

Опустил он руку, и мы разошлись. Другие лейбористы видели, как я дал отпор

Брауну, и когда подходили ко мне, то очень осторожно здоровались, протягивая

руку медленно, чтобы определить, подам я им руку или нет. Я подавал руку

всем, и мы здоровались, хотя я и высказывал им свое недовольство.

Они прислали своего представителя и попросили принять их делегацию,

которая хочет объясниться по поводу вчерашнего инцидента. Делегация будет

состоять из трех человек. Пришел тот, о котором я говорил выше, и еще двое,

не помню, кто. Они извинились за Брауна, сказали, что он позволил грубость,

что они этого не хотели, а Браун сделал такой выпад от себя лично. Они же

сожалуют, что так получилось. Тем самым вопрос был исчерпан.

**Из-за чего конкретно возник конфликт, я уже сказал.
Собственно говоря, по**

**всем вопросам международного характера и рабочего движения
у нас имелись**

**противоположные позиции. Поэтому по любому вопросу, за
какой ни взяться,**

**если пожелать, можно было создать конфликт. Здесь особой
мудрости не надо.**

**Видимо, Браун был человеком очень антисоветски
настроенным и решил**

**использовать нашу встречу, чтобы подсолить наши отношения,
отравить их. И он**

**достиг своей цели. Так первый наш контакт с лейбористами
потерпел крах.**

**Консерваторы же были очень довольны и теперь проявляли еще
больше любезности**

**в отношении нас, всячески нас заверяли, что они с нами хотят
и дальше**

улучшать отношения.

**В тот день на меня очень сильное, причем, комедийное,
впечатление**

**произвел председатель палаты лордов. Я уже был знаком с
ним раньше. Он**

**встретил нас в палате лордов перед заседанием в каком-то
красном сюртуке,**

**хламиде и в огромном парике, показал место, где он сидит во
время заседания.**

Там лежал мешок с овечьей шерстью. Все это выглядело так

театрально, что на

меня произвело впечатление чего-то очень несерьезного. Я удивился, как это

такие серьезные люди могут так кукольно обставлять свое заседание и рядиться

в одежды балаганного типа. Ну, это традиции, я понимаю, я читал об этом, но

когда увидел сам, то все невольно вызывало улыбку. Я не мог даже представить

себе, что серьезные люди могут одеваться, вести заседание и представляться

иностранной делегации в таком виде. Показали нам англичане и свои

исторические места. В Лондоне - крепость Тауэр, с местом казней. Они

рассказали историю этого кровавого места, где совершались казни королями, и

самых королей тоже казнили. Посмотрели мы смену караула, английскую

экзотику. Солдаты в красных мундирах, в высоких шапках из медвежьей шкуры,

мохнатых. Довольно театральное зрелище. Но эта церемония производит хорошее

впечатление. Тоже ведь история. Я с удовольствием смотрел, как англичане

отдают дань своей истории. Говорят, что туристы обязательно приходят

наблюдать смену караула как занятную процедуру.

Естественно, в процессе переговоров пригласили мы Идена

приехать с

ответным визитом в Советский Союз. Он приглашение принял, поблагодарил, и

думаю, что искренне хотел приехать. Идеи бывал в нашей стране не раз еще до

войны, когда работал в министерстве иностранных дел. Тогда он занимал особую

позицию в вопросах сближения с Советским Союзом и объединения усилий против

нарастающей угрозы войны со стороны фашистской Германии. Несколько раз бывал

он у нас и во время войны. Так что он знал Москву, был знаком с нашими

условиями жизни и традициями. Но тут уже возникла другая основа. Он

возглавлял правительство, а мы хотели через такие контакты с ним улучшить

наши отношения. Старались прежде всего создать условия для расширения

торговли между нашими государствами.

Это было бы полезно для нашей страны, да и не меньше пользы было бы для

Великобритании. Других каких-то надежд на расширение и укрепление контактов

у нас не имелось. Новые вопросы еще не созрели.

Идеи так и не приехал к нам. Мы ведь были в Англии в 1956 г., сразу после

XX съезда КПСС. Потом произошли события в Польше, в Венгрии. А самое

главное, Англия, Франция и Израиль напали на Египет. Мы стали на его

сторону, наши отношения резко обострились. Мы их не только критиковали, но и

предприняли шаги по дипломатической линии, оказали давление на Англию,

Францию и Израиль. Война была прекращена через 22 часа после того, как мы

направили послания Идену, Ги Молле и Бен-Гуриону(16). Война прекратилась, но

полемика в печати накалилась до крайности. Тут уже не было Идену никакой

возможности приехать к нам. Более подробно я расскажу об этом, когда буду

говорить о событиях в Венгрии и Суэцком кризисе.

Добавлю здесь лишь об эпизоде с одним левым английским лейбористом. Забыл

его фамилию. Он умер года три тому назад(17). Я с ним был хорошо знаком. Это

был хороший наш друг, по национальности финн. Он настолько был предан

Советскому Союзу, что лейбористы исключили его из своей партии. Он хотел

приехать к нам. Сталин, уже больной, вдруг выдумал, что это агент, чужой

разведчик (а он служил во время войны в войсковой разведке). Да тот и не

отрицал, что служил во время войны разведчиком. Так ему и не дали визу на

**въезд в Советский Союз, хотя он в то время выступал за нас.
Я потом**

**встречался с ним, и он мне говорил: "Товарищ Хрущев, меня
неправильно**

**поняли, я всегда был вашим другом. Так поступать нельзя, я и
умру вашим**

другом".

Примечания

(1) Поездка состоялась с 18 по 27 апреля 1956 года.

**(2) КУРЧАТОВ И. В. (1902 - 1960) - видный физик,
организатор и**

**руководитель работ по атомной науке и технике СССР,
академик АН СССР с 1943**

**г., трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954). В
то время был**

директором Института атомной энергии АН СССР.

**(3) ЮЗ Дж. (1814 - 1889) получил концессию на строительство
завода в**

**Донбассе и основал в 1869 г. акционерное общество,
руководившее построенным**

в поселке Юзовка металлургическим заводом.

**(4) МАКМИЛЛАН Г. (1894 - 1986) - один из лидеров партии
консерваторов,**

был в ту пору министром финансов.

**(5) М. ЭЛЬ-БАДР. Его монархия была заменена
Йеменской Арабской**

Республикой 26 сентября 1962 года. Вышеупомянутое

советско-йеменское

соглашение официально было оформлено 8 марта 1956 года.

(6) ЕЛИЗАВЕТА II (род. в 1926 г.) вступила на престол в 1952 году.

(7) Виконт ТОМАС Дж. П. Л. (1903 - 1960), лорд Килкеннин, был первым

лордом Адмиралтейства в 1951 - 1956 гг.

(8) МАУНТБЭТТЕН Л., являвшийся в 1947 г. вице-королем Индии, в 1954 -

1959 гг. был начальником морского штаба Великобритании.

(9) Встреча состоялась 20 апреля 1956 г. в Королевском военно-морском

колледже (г. Гринвич).

(10) Мария СТЮАРТ (1542 - 1587) была королевой Шотландии от рождения

(фактически с 1561 г.) до 1567 года.

(11) Британский офицер-подводник, командор Крэбб, чье тело обнаружили

затем в воде, неподалеку от советского крейсера "Орджоникидзе".

(12) Советские авиаконструкторы Антонов О. К. (1906 - 1984) и Ильюшин С.

В. (1894 - 1977).

(13) ГЭЙТСКЕЛЛ Х. Т. Н. (1906 - 1963) возглавлял лейбористскую партию с

1955 года.

(14) БИВЕН Э. (1897 - 1960), ранее являвшийся министром труда и подавший

в отставку в связи с официальным курсом лейбористского правительства К.

**Эттли (с 26 июля 1945 г. до 26 октября 1951 г.),
поддерживавшего холодную
войну.**

**(15) ВИЛЬСОН Г. (род. в 1916 г.) был лидером лейбористов в
1963 - 1976**

гг.

**(16) МОЛЛЕ Г. (1905 - 1975) был французским премьер-
министром в 1956 -**

**1957 гг.; БЕН-ГУРИОН Д. (1886 - 1973) - премьер-министром
и министром**

обороны Израиля в 1955 - 1963 гг. (с перерывом в 1961 г.).

**(17) Имеется в виду ЗИЛЛИАКУС К. (1894 - 1971)
симпатизировавший СССР и**

**коммунистическому движению, из-за чего у него не раз
возникали конфликты с**

**руководством лейбористской партии. Он был исключен из нее
в 1949 г. и**

**восстановлен в 1952 году. Однако позднее, являясь членом
парламента, вновь**

протестовал против линии правового руководства партии.

НАЧАЛО ВИЗИТА В США

В начале 1959 г. Советское правительство получило приглашение от

правительств скандинавских стран посетить их на уровне председателя Совета

Министров СССР с дружеским визитом. Это приглашение, конечно, было не

коллективным от всех скандинавских стран. Не помню, кто первым проявил

политическую инициативу. Кажется, шведы. Боюсь сейчас ошибиться, было ли это

приглашение получено нами сначала от шведов или от норвежцев. Но пригласили

нас и шведы, и норвежцы, и датчане. Затем по закрытым доверительным каналам

мы получили информацию о том, что если мы окажемся с официальным визитом в

скандинавских странах, то финны тоже хотели бы договориться с Москвой и

прислать свое приглашение. В Финляндии мы уже ранее бывали, и финляндские

делегации тоже нас посещали. С финнами к тому времени у СССР установились, я

бы сказал, хорошие, даже дружественные отношения.

А со скандинавскими странами у нас, как говорится, не было ни мира, ни

войны. Во вторую мировую войну мы с ними не воевали, отношения же

складывались не холодные и не горячие. Так что мы с удовольствием приняли

теперь их приглашения. О времени визита хотели потом сообщить дополнительно.

Реакционные круги этих стран подняли большую кампанию в печати: критиковали

свои правительства за то, что они пригласили советскую делегацию во главе с

председателем Совета Министров, поносили нашу страну, угрожали, что

организуют демонстрации протеста и прочее.

Мы молчали. Но это, естественно, нас раздражало. Раздражение вызывалось с

нашей стороны еще и непониманием реальной обстановки в

буржуазно-демократических странах. Мы привыкли в СССР к тому, что наша

печать печатает то, что ей позволено печатать, а иначе она просто не может

действовать, потому что все у нас централизовано и контролируемо. В

капиталистических странах существуют другие условия. Там много партий, и

каждая занимает определенные позиции по любому вопросу, в какой-то степени

независимо высказывает свое отношение к тому или другому решению

правительства, к каждой его акции. Но нас это тогда оскорбляло, и мы "надули

губы". Однако молчали. И вдруг мы получаем от президента Соединенных Штатов

**Америки приглашение прибыть с визитом в их страну.
Эйзенхауэр персонально**

**адресовался ко мне, я должен был возглавлять эту делегацию
как председатель**

**Совета Министров СССР. Приглашение из Вашингтона мы
получили абсолютно**

**неожиданно, никак на него не рассчитывали. Следовательно, мы
не планировали**

**поездку в США не только на ближайшее время, но и на
будущее, потому что**

**отношения наши были довольно холодными. Как же это
произошло?**

**Приезжала к нам какая-то делегация от американских
промышленников,**

**влиятельных людей. Они пользовались доверием у
правительства Эйзенхауэра, а**

**может быть, получили какое-то задание. Знакомились в СССР с
работой каких-то**

**отраслей промышленности. По-моему, особенно
интересовались строительством**

**кораблей. Мы показали им, как строится атомный ледокол, и
они его осмотрели.**

**То был "Ленин", единственный в ту пору у нас ледокол с
атомным**

**двигателем(1). Сейчас он уже много лет успешно плавает в
Северном Ледовитом**

**океане. Члены этой делегации пригласили советских
специалистов приехать и**

**взглянуть на кораблестроение в США. Такое предложение
мы приняли с**

удовольствием, потому что устанавливались новые контакты.
Мы считали, что

любые контакты, которые смягчили бы напряженные
отношения между США и СССР,

выгодны обеим сторонам. В состав делегации был включен
Козлов, секретарь ЦК

партии, ранее секретарь Ленинградского обкома КПСС. Он был
знаком потому с

судостроением (хотя по образованию он инженер-металлург),
что Ленинград

славится этим. У меня сейчас совершенно не сохранилось в
памяти, какая фирма

послала приглашение. Видимо, оно было не правительственным,
а преследовало

цель обмена опытом и взаимного ознакомления с
производством.

Козлов потом рассказывал мне, как они осматривали в США
грузовой корабль

с атомным двигателем. Он был построен лишь наполовину.
Козлов по лазил там по

лестницам, да и инженеры, которые с ним ездили, тоже
осмотрели все, что было

позволено. Фирмачи показали, конечно, именно то, что хотели
показать. Но

думаю, что в любом случае наши инженеры увидели много ин
тересного. Когда

программа пребывания нашей делегации за вершилась и она
готовилась к отлету,

неожиданно от Эйзенхауэра прибыл курьер и вручил Козлову
пакет с просьбой

передать его лично Хрущеву. Вернувшись, Козлов в выходной день по звонил мне

на дачу, а затем приехал и сказал: "У меня есть специально для вас пакет от

президента Соединенных Штатов господина Эйзенхауэра". И вручил пакет.

Документ, находившийся в нем, был сформулирован кратко: делалось приглашение

председателю Совета Министров СССР от имени президента США посетить его

страну с дружеским визитом. Адресовался документ персонально мне. -

Признаюсь, я сначала даже не поверил. Это произошло так неожиданно, мы

вообще не были подготовлены к этому. Наши отношения были тогда столь

натянутыми, что приглашение с дружеским визитом главы Советского

правительства и первого секретаря ЦК КПСС казалось просто невероятным! Но

факт оставался фактом: Эйзенхауэр пригласил правительственную делегацию, и я

ее возглавлял. Неожиданно, но приятно. А также интересно. Хотелось взглянуть

на Америку. За границей я к тому времени уже бывал. Однако США занимали

особое положение в нашем представлении о загранице и нашем воображении. Да

иначе и быть не могло. Это ведь самый сильный оппонент СССР, лидер

**капиталистических стран, который задает тон всей
антисоветчине в зарубежном
мире.**

**В экономической блокаде Советского Союза кто задает тон?
Тоже Соединенные**

**Штаты. Если их партнеры к тому времени все-таки шли
на какие-то**

**экономические контакты, то США нас бойкотировали. Мы
покупали кое-какое**

**оборудование за рубежом и что-то продавали туда, главным
образом сырье, а**

**порой некоторые промышленные изделия, станочное
оборудование. Но США**

**бойкотировали нас абсолютно. Даже на закупку русских
крабов объявили**

**специальный запрет, мотивируя его тем, что сей продукт
добывается в море**

**русскими людьми, дескать, рабским трудом. Дикость, но
именно так они**

**аргументировали свое решение. Отказались покупать у нас
даже столь**

**традиционные товары, как черную икру и водку, хотя русская
водка имела**

**постоянных потребителей в Соединенных Штатах, высоко
ценилась знатоками и,**

по-моему, сейчас тоже ценится.

**И вдруг - приглашение! Как это понимать? Что это, поворот
в политике?**

Нет, трудно представить. Без всякой подготовки - и письмо от

президента.

Президиум ЦК партии собрался познакомился с документом. Было решено принять

приглашение, поблагодарить за него. Тут перед нами встал новый вопрос.

Сначала мы получили приглашения от лидеров скандинавских стран, потом от

Эйзенхауэра. Соблюдая этикет, мы должны были бы посетить те страны, которые

пригласили нас первыми. Но нас тянуло больше в Америку. США - ключевая

капиталистическая держава, создававшая климат отношения зарубежных стран к

Советскому Союзу и ко всем социалистическим странам. Так что визит в США

потом многое предопределяет.

Буржуазные газеты (нужно отдать им должное) не щадят никаких персон

независимо от того, какое положение те занимают. Так как в скандинавской

печати нарастала критика своих правительств за сделанные приглашения, мы

решили ответить, каждой столице - персонально, что пока откладываем свою

поездку в связи с создавшейся там атмосферой, которая не располагает к

нормальному пребыванию в их странах нашей правительственной делегации. А с

Вашингтоном стали конкретно договариваться через наше

посольство. Советским

**послом долгое время был там Меньшиков(2). Он хорошо знал
порядки в США, и**

**через него мы стали выяснять соответствующие вопросы.
Договорились о сроках**

пребывания и о процедуре.

**Несколько беспокоились, какой окажется церемония встречи,
не возникнет ли**

**какой-либо дискриминации. Того, что положено для главы
правительства, они**

**могли подчеркнуто не сделать, и это нанесет нам моральный
урон. В некоторой**

**степени они так потом и поступили. Другой вопрос: на каком
уровне нас все же**

**приглашают: на уровне главы правительства или главы
государства? У нас это**

**председатель Президиума Верховного Совета СССР. Ведь
президент США является**

**и тем, и другим. Но они подчеркнули нашему послу, что
приглашают на уровне**

**главы правительства. Это соответствовало моему рангу.
Разговор зашел и о**

**том, что в ответ на мой приезд в Вашингтон(3) Эйзенхауэр потом
примет наше**

**приглашение и приедет в Москву. Мы предупредили
Меньшикова, чтобы он,**

**разрабатывая процедуру и церемонию приема делегации СССР,
все предусмотрел**

бы при встрече и предупредил, что такая же церемония будет

устроена потом

для Эйзенхауэра. Другими словами, мы претендовали на оказание нам

президентских почестей, а в случае отказа и Эйзенхауэра намеревались

принимать по разряду главы правительства.

Правда, если разбираться несколько скрупулезнее, наши претензии были

преувеличены. Мы хотели подчеркнуть их для того, чтобы исключить всякую

дискриминацию, ибо знали, что желание такое у них было, а искушений - еще

больше, чем желания. В Вашингтоне согласились с нами. Было обусловлено время

пребывания, разработана программа, и мы стали готовиться к поездке. До того

я выезжал в Индию, был в Англии, Финляндии, на переговорах четырех лидеров в

Женеве. Последняя - вообще служебная, а не гостевая поездка. С собой мы

тогда жен не брали. Во-первых, таково наследие сталинских времен: Сталин

никуда не ездил и очень ревниво относился к тому, если кто-нибудь брал с

собой жену. По-моему, только один раз Сталин приказал Микояну взять с собой

жену при поездке в США. Во-вторых, такое считалось у нас не то роскошью, не

то чем-то обывательским, но не деловым актом.

Теперь тот же вопрос встал при моей поездке. Я тоже думал поехать один,

без супружеского сопровождения. Но Микоян сказал: "За границей обыватели

лучше относятся к людям, если гости приезжают с женами. А если его

сопровождают другие члены семьи, то это еще больше располагает их. Поэтому я

предложил бы, чтобы Хрущев взял с собой Нину Петровну и включил в делегацию

также других членов семейства. Это будет хорошо расценено американскими

обывателями, и это лучше для нас". Я сомневался, нужно ли так поступать. Но

члены Президиума ЦК поддержали Анастаса Ивановича и стали меня убеждать, что

это действительно будет хорошо. Я согласился.

В делегацию входил официально министр иностранных дел

СССР Громыко, и мы предложили Андрею Андреевичу взять с собой супругу.

Ранее, при нашей поездке с Булганиным в Англию, мы включили в состав

сопровождающих лиц академика Игоря Васильевича Курчатова. Он произвел

большое впечатление на англичан не только своей эффектной бородой, но

главное - своим умом. Среди ученых Великобритании он был человеком

известным, а новые личные контакты создавали лучшие

условия для их

закрепления. К сожалению, на этот раз он поехать с нами не смог. И я

предложил включить в состав делегации какого-либо писателя, с тем чтобы

можно было установить с писательскими кругами США тоже какие-то контакты.

Назвал имя Михаила Александровича Шолохова.

Мы знали за ним "грех": он иной раз при выпивке может вести себя

несдержанно. Я с ним по этому вопросу уже объяснялся раньше. Он как-то

пришел ко мне и пожаловался: "Не пускают меня за границу. А мне нужно

съездить в Норвегию (кажется, получил туда приглашение). Нет, не пускают

никуда!". Я сказал ему: "Не пускают не потому, что не доверяют политически,

а потому, что не уверены, что не споткнешься и тем самым нанесешь урон не

только себе, но всей нашей стране". Тогда он мне дал честное слово

держаться, и мы его выпустили. Он побывал в Англии, Швеции, Норвегии,

Финляндии. Никаких замечаний от посла (а в таких случаях всегда доносят) о

его промашках не было. Авторитет Шолохова стоял высоко как внутри страны,

так и за границей, его произведения звучали по всему миру уже

много лет, и

мы были довольны.

Приближался момент отъезда. Встал вопрос: как добираться? Кораблем?

Слишком долго. Подумали о самолете. Единственный самолет, которым можно без

посадки преодолеть расстояние Москва - Вашингтон, это Ту-114(4). Он был

сконструирован Андреем Николаевичем Туполевым, академиком, великим

гражданином и замечательным конструктором, но еще не вполне облетан. На нем

пока мало летали. Возникали иногда какие-то неполадки, вызывавшие

беспокойство: можно ли на нем надежно лететь? Однако других подходящих

средств мы не имели. Если полететь на Ил-18(5), то придется с посадками.

Можно было воспользоваться также иностранным самолетом. Или же кораблем с

пересадкой: на Ил-18 прилететь в Лондон либо в Париж, а там пересесть на

корабль, который ходит между Европой и Америкой. Но нам хотелось, чтобы

правительственная делегация СССР прибыла в США на своем самолете и чтобы он

произвел впечатление. Ту-114 именно и был по тому времени таким самолетом,

лучшим по вместительности, дальности и скорости. Он

производил сильное

впечатление в техническом, инженерном мире, не говоря уже об обывателях.

В ходе беседы с Туполевым он сказал мне: "Я абсолютно уверен, что никаких

происшествий не будет. Самолет вполне надежен и выдержит нагрузку. Разрешите

мне послать людей, которые при необходимости смогут что-то предпринять на

месте. Я настолько уверен в самолете, что просил бы вас разрешить полететь с

командой летчиков моему сыну Алексею Андреевичу". Я ответил: "Ну, что же,

лучшего мне и желать нечего. Считаю, что Алеша (так я его называл) будет не

только гарантией (хотя мне не понадобится заложник: если случится

катастрофа, то какая разница?), но, если возникнут неожиданности, может

оказаться полезным". Он работал рядом с отцом и отлично знал систему этого

самолета. Ему тоже хотелось полететь. Да и Андрею Николаевичу было

желательно, чтобы сын повидал США, хоть одним глазом.

Мы тогда чрезвычайно плохо знали Соединенные Штаты Америки. И не только

руководители, которые были по горло заняты внутренними вопросами. Что

касается внешних проблем, то мы занимались главным образом

вопросами войны и

мира и еще в какой-то степени теми странами, с которыми торговали. Нас

интересовало, что мы могли купить. Другие же вопросы мы знали плохо.

Например, при рассмотрении протокола нашего приема мы прочли, что такие-то

дни и столько-то времени отводятся для встречи с президентом Эйзенхауэром в

Кэмп-Дэвиде. Я не смог получить у нас разъяснения, что такое Кэмп-Дэвид?

Сейчас это покажется смешным, а тогда это был для нас вопрос. Что же такое

Кэмп-Дэвид? Я начал спрашивать в Министерстве иностранных дел СССР. Уж

кому-кому, а им надо такие вещи знать. "Не знаем", - отвечают. Тогда я

приказал запросить наше посольство, что такое Кэмп-Дэвид? Может быть, место,

куда приглашают людей, которые не внушают доверия? Вроде какого-то

карантинного учреждения. Так что там только президент и будет со мной

встречаться. Получается дискриминация: почему не в Вашингтоне, а в

Кэмп-Дэвиде? Сейчас мне не только смешно, но и немножко стыдно.

В конце концов мы разобрались, что это загородная резиденция президента.

Построил ее Франклин Рузвельт во время второй мировой войны и выезжал туда,

когда не мог далеко отлучиться от Вашингтона. Эйзенхауэр, когда он пришел в

Белый дом, назвал эту загородную резиденцию именем своего внука Дэвида.

Оказывается, то была особая честь гостю, когда президент приглашал его

побывать за городом в личной резиденции, чтобы никакие другие люди и дела не

отвлекали. Там можно свободно вести беседы, интересующие обе стороны.

Вот видите, как мы тогда боялись, что нас могут унижить. Помню, когда

устанавливались первые контакты с буржуазным миром, советскую делегацию

пригласили провести переговоры на Принцевых островах(6). В те времена в

газетах так писали о Принцевых островах: это место, где собирают бездомных

собак. Их туда якобы свозят, и там они доживают свой век. Одним словом,

выбирается место, которым подчеркивается дискриминация приглашенного

государства. Так было в первые годы после революции, когда у нас шла

гражданская война, Советская власть твердо установилась, и буржуазный мир

вынужден был считаться с существованием нового государства. Надо было идти

на какие-то контакты, но они оставались довольно непрочными, и на них шли с

оглядкой.

Буржуазия старалась уколоть нас и унизить. Вот я и насторожился: не

является ли Кэмп-Дэвид именно таким местом, куда меня приглашают на

несколько дней? Поэтому реагировал весьма ревностно и просил хорошенько

изучить дело. Доложили мне. Оказывается, все наоборот, мы удостоивались

особой чести. Тогда мы с удовольствием приняли приглашение, но никому,

конечно, не говорили о своих сомнениях. Такой была наша неосведомленность.

Мы не знали вещей, которые, наверное, были известны во всем мире. Наше

посольство в Вашингтоне тоже толком заранее не разъяснило, пришлось

запрашивать дополнительно.

Итак, мы приготовились лететь на Ту-114 без посадки. Повторяю, мы

гордились, что летим на таком самолете, который может без посадки прилететь

из Москвы в Вашингтон. Такого самолета в мире еще не было. США не имели

такого пассажирского самолета долгое время. Потом, когда мы вели переговоры

о воздушном сообщении между СССР и США и когда

соглашение было достигнуто,

**оно было несколько отложено при реализации согласно
просьбе американской**

**стороны из-за отсутствия у нее соответствующего самолета.
Как только США**

**создали свой самолет такой дальности, сразу стало
осуществляться регулярное**

**воздушное сообщение между США и СССР. Да, Ту-114 -
гордость нашего**

**технического прогресса! Мы радовались тому, что этот
самолет создан**

товарищем Туполевым в Советском Союзе.

**Было рассчитано и время пребывания в воздухе. Определили
час вылета из**

**Москвы, чтобы прибыть в США тоже к определенному часу.
Это важно в силу**

**различия между часовыми поясами Земли. В Вашингтоне
будет подготовлена**

**определенная церемония встречи, поэтому надо не опаздывать,
но и не спешить.**

**Если подлетим раньше, то можно будет в воздухе сделать
несколько лишних**

**кругов, чтобы дотянуть до обусловленной минуты. Но если
запоздаем, то**

**нанесем ущерб нашему престижу: не смогли вовремя прибыть и
заставили ожидать**

**президента и всех собравшихся лиц! Прилететь мы должны
были днем, кажется, в**

первой половине. Итак, поднялись в воздух. Самолет шел

хорошо. Мы спокойно

летели через Скандинавию, потом над океаном. Ночью спали. Я тоже спал, но

без привычки мне было не совсем удобно, да и гул в самолете оказался

довольно ощутимым. От утомления и от того, что я сам себя уговаривал: "Надо

уснуть!" - уснул. Знал, что следующий день, когда прибудем в Америку, будет

очень напряженным, голове следовало отдохнуть.

Настало утро. Мы летим над океаном. Это было интересно. Все время я

ощущал чувство гордости. Не потому, что мы Америку боготворили или что нас

ожидало какое-то таинство. Мы капиталистическую Америку понимали правильно.

Помнили ее описание, сделанное А. М. Горьким в книге о городе "желтого

дьявола". (7) С американцами я встречался еще вскоре после гражданской войны

у нас, когда возвратился из Красной Армии и работал на Рутченковском руднике

заместителем управляющего. Для оказания помощи в восстановлении шахт к нам

прибыли американские шахтеры. Так я впервые столкнулся с рабочей Америкой.

Наши люди тоже ездили туда, в их рассказах было много интересного. Однако

сейчас не сама по себе Америка как-то поражала наше

воображение, нет, мы

**были горды тем, что, наконец, заставили ее осознать
необходимость**

установления с нами более тесных контактов.

**Если президент США приглашает к себе председателя Совета
Министров СССР,**

**это совсем иная ситуация, чем та, которую мы имели в
отношениях с США первые**

**15 лет после Октябрьской революции. Нас не только не
признавали**

**дипломатически. А сейчас признают уже не только
дипломатически, это давно**

**пройденный этап, и не только при необходимости воюют вместе
с нами против**

**общего врага: нет, президент США приглашает теперь с
дружеским визитом главу**

**правительства СССР. И мы были горды за свою страну, за свою
партию, за свой**

**народ, за те успехи, которых он добился. Из разоренной,
отсталой и**

**неграмотной России мы превратились в Россию, поразившую
мир своими успехами.**

**Именно это обстоятельство вынудило президента США искать
тесных контактов с**

Советским Союзом. Вот с таким чувством мы летели в США.

Не скрою, что меня беспокоила новая встреча с президентом.

**Я с ним был немного знаком, ибо мы встречались еще в
Женеве, да и раньше,**

когда после разгрома гитлеровской Германии Эйзенхауэр

прибыл в Москву.

Сталин тогда познакомил меня с ним. Но это было знакомство другого

характера. А сейчас, когда я должен был один на один, с глазу на глаз, хотя

и в присутствии Громыко, вести с ним беседы и переговоры, налицо были

некоторая неопределенность и сложность. Здесь, знаете, на ходу в справочник

не залезешь и на ухо опять же с Андреем Андреевичем не посоветуешься по

вопросам, вызвавшим вдруг затруднения. Я сам прежде с недоумением относился

к такому методу поведения Эйзенхауэра, когда он проделывал это в Женеве,

читая вслух записки, которые ему составлял и подкладывал под руку

государственный секретарь Даллес. В такое положение я теперь никак не хотел

попасть, и это меня в какой-то степени тревожило.

Экзамен общения с капиталистами я уже выдержал и в Индии, и в Бирме, и в

Англии. Но это все же Америка! Американскую культуру мы не ставим выше

английской, однако мощь страны в те времена имела решающее значение. Поэтому

надо было достойно представлять СССР и с пониманием отнестись к партнеру. А

спор-то возникнет у нас, бесспорно, возникнет, но надо, чтобы

без повышения

голоса. В этом-то и будет сложность. Необходимо аргументировать свою позицию

и достойно защищать ее так, чтобы не унизиться и не позволить себе сказать

лишнее, недопустимое при дипломатических переговорах.

Нам все это казалось очень сложным, тем более что Сталин вплоть до самой

своей смерти убеждал нас, что мы, его сподвижники по Политбюро, негодные

люди, что не сможем устоять против сил империализма, что при первом же

личном контакте не сумеем достойно представлять свою Родину и защищать ее

интересы, что империалисты нас просто сомнут. Это означало, что мы

неспособны защищать и достоинство своей страны. Теперь его слова проносились

в моем сознании, но не угнетали, а, наоборот, мобилизовали силы. Я морально

и психологически готовился к встрече, имея в виду тот ряд вопросов, по

которым мы должны были обменяться мнениями, чтобы найти возможность их

решения. Главное - обеспечить мир, мирное сосуществование. Постараться

достичь соглашения о запрещении атомного оружия, решить вопросы о сокращении

Вооруженных Сил, ликвидации военных баз на чужих

территориях и выводе войск

с этих баз в собственную страну. Те же вопросы не решены, по существу, и

сейчас. Они по-прежнему стоят перед каждой страной, и столь же грозно. Может

быть, даже еще более грозно, чем стояли в то время, когда я отправился на

встречу с президентом страны, представлявшей в ту пору самую грозную военную

мощь и обладавшей таковою. Имею в виду термоядерное оружие.

Нас интересовал народ Америки. Я встречался с американскими шахтерами и в

1922 г., и позже. Было бы вернее называть их рабочими, приехавшими из

Аmericи, так как в большинстве своем то были европейцы по происхождению -

югославы или люди других европейских национальностей, американцев же

англосаксонского происхождения у нас на шахтах не было. Шахтеры среди

рабочих считались людьми, обездоленными тяжким, каторжным трудом. В таком

положении они находились тогда в капиталистических странах, да и сейчас

тоже. Иное дело - встретиться с населением США вообще. Беспокоило: как оно

отнесется к нам? С одной стороны - советские лидеры, с другой - американская

общественность.

Интересовали меня и контакты с деловым миром, предусмотренные протоколом.

Ведь еще Сталин хотел получить там кредит и просил американцев дать нам три

миллиарда долларов. На этом условии мы соглашались выплатить какие-то суммы,

причитавшиеся с нас согласно ленд-лизу. И по этому вопросу мы должны были

вести беседу. Я не думал, что мы можем достичь серьезных результатов, но к

такой беседе готовился и чувствовал, что она неизбежна. Волновал и вопрос о

торговле с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Думал о

возможности снятия запрета, наложенного конгрессом США на торговлю с СССР.

Все это имело большое политическое и экономическое значение.

Еще я надеялся встретиться с представителями Коммунистической партии США.

Тут я не предчувствовал каких-либо трудностей, но тоже было интересно. В

общем-то, все мне было интересно. Америка, хорошо описанная и поданная

Ильфом и Петровым, Горьким, другими нашими писателями, - это одно: Америка,

к которой мы сами приближались, - уже реальность. Все нас настораживало,

возбуждало и напрягало нервы: вот наконец живая

Америка, те живые

"америкэны", которые предстанут перед нами через какие-то минуты. И вот мы

их увидели. Тут я воспользовался словом "америкэны" из пьесы Всеволода

Иванова "Бронепоезд 14-69", где партизаны Вершинина допрашивают американца,

и один из них сообщает: "Америкэна в плен взяли". (8)

Доложили, что подлетаем к Соединенным Штатам; потом - что подлетаем к

Вашингтону. Делаем круг. Не знаю, круг почета или для захода на посадку.

Садимся. Погода была чудесная. Тамошняя природа встретила нас очень ласково.

Было тепло, сияло прекрасное солнце. Когда я выглянул в окно самолета, то

увидел очень много народа. Трибуна была уже возведена, войска приготовлены к

встрече, разостлана дорожка, бросалась в глаза публика в ярких летних

одеждах, весьма нарядных: сплошная пестрота, как ковер из цветов.

Самолет подрулил к месту высадки. Тут оказалось, что наш самолет, шасси

которого было выше американских стандартов, имел большую высоту, поэтому

трап на самоходе до двери не доставал. Таких трапов, по-моему, вообще тогда

не было. Пришлось трап наращивать. Так что мы выходили

из самолета не

очень-то парадно, как было предусмотрено протоколом. Но такие трудности нас

не оскорбляли и не унижали. Наоборот, мы, как и американцы, смеясь,

разводили руками. А я про себя думал: "Знай наших! Мы строим самолеты,

которые впервые летают без посадки через океаны, а у вас таких самолетов

нет". Думаю, что американцы больше нас переживали, что их трап не подошел.

Спустившись с трапа, я увидел войска, выстроенные для парада. Потом увидел и

президента. Он был одет в гражданскую одежду, не военную, хотя и генерал.

Наше посольство тоже встречало нас. Я и другие лица поздоровались с

президентом, и он подвел меня к членам своего правительства, представил их.

Я поздоровался с каждым лично, потом с нашим послом и сотрудниками

посольства. Жены сотрудников и их детишки преподнесли нам цветы.

Чувствовал я себя хорошо, хотя и обратил внимание на то, что люди на

трибунах и на других местах, отведенных для публики, встретили нас

сдержанно. У нас такая встреча обычно выражается в каких-то приветственных

возгласах. Там этого не было. Скорее, они смотрели на нас, как на диковинку:

что это за большевики? И чего от них можно ожидать? У некоторых из

присутствующих было заметно и другое выражение лица: зачем они вообще

приехали? Зачем нужно было их приглашать? Мы слегка поклонились, сняв шляпы,

но держались с гордостью. Эйзенхауэр пригласил нас на возвышение трибуны,

покрытой красным ковром и оборудованной радио. Может быть, велась

радиопередача и за пределы страны, я этого не знаю. Все там блистало,

сверкало, было сделано изысканно и со вкусом. Мы делали не так, а просто,

по-пролетарски, даже небрежно. У них же все было сделано основательно,

продуманно, все на своем месте.

Сначала выступил с краткой речью президент, потом слово было

предоставлено мне. Насколько я знаю, согласно международной процедуре первым

приветствует прибывших хозяин, потом отвечает гость, приветствуя

встречающих. Затем исполнялся гимн страны, в которую прибыл, потом - гимн

гостей. Все это делалось очень торжественно и вселяло в нас еще больше

гордости: вот мы побудили США выстроить почетный воинский караул и исполнить

советский гимн! Раздался артиллерийский салют. Кажется, прозвучал 21 залп.

Все, в общем, что положено по протоколу, было проделано, и это нас

удовлетворяло. К нам отнеслись с должным вниманием. Получить почести

доставляло нам особое удовлетворение. Не оттого, что меня так встречают, а

потому, что так встречают представителей великой социалистической страны.

Эйзенхауэр предложил мне поприветствовать почетный караул. Офицер

отрапортовал мне, церемония закончилась, и мы прошли вдоль шеренги по

красной дорожке. Теперь уже не помню, положено ли здороваться там с почетным

караулом или нет. Не во всех странах это предусмотрено уставом, в некоторых

надо только пройти, тем самым церемония обхода почетного караула считается

законченной. Эйзенхауэр пригласил меня сесть в его автомобиль вместе с ним.

Мы разместились с ним вдвоем. Нина Петровна села в другую машину, вместе с

женой президента. Рассажены все были тоже согласно протоколу, разработанному

протокольной частью дипломатических ведомств обеих стран. Машина тронулась,

и мы поехали, но очень медленно. Охрана президента бежала справа и слева от

нашей машины, вытянувшись цепочкой. Спереди и сзади она тоже прикрывала ее.

Было сделано то, что мы уже видели во время пребывания в Женеве.

Нам был непривычен такой порядок. Но когда позже я узнал, на что способны

люди в Америке, то все понял. За короткое время там убили президента Джона

Кеннеди и его брата Роберта, который выставлялся кандидатом в президенты.

Убили потом негритянского лидера Мартина Лютера Кинга(9), боровшегося за

равноправие своего народа в США. Совершались и другие политические убийства.

Может быть, процедура охраны, разработанная там, которой я стал свидетелем,

была поэтому оправданна. Хотя это тоже не дает гарантии. Убийства, которые

были совершены, подтверждают это. И все же охрана затрудняет возможность

совершения террористических актов. О том, что там имелось много врагов (не у

меня лично, а у Советского Союза), мы догадывались. Я, конечно, это знал, но

искренне признаюсь, что абсолютно ни о чем таком не думал и никакой тревоги

не испытывал. Это я сейчас говорю о возможной опасности. А тогда у меня и

мыслей не было о каком-либо террористическом акте.

Когда мы ехали от аэродрома, народа виднелось много. В городе - тоже, но

не так много, как бывает у нас. Мы выстраиваем шеренги встречающих "дорогого

гостя". Наши люди при встречах не выстраивались сами, а их выстраивали. Мы

даем задание городскому партийному комитету, сколько вывести народа, как

поставить, у нас выработана определенная процедура: знаем расстояние от

одной точки шеренги до другой, сколько может там поместиться людей,

получается плотная шеренга и обязательно с флажками той страны, откуда

прибывает гость. Это производит впечатление. Порой это вызывало недовольство

людей, но мы продолжали такую практику. Поступаем, как пьяница, которому

если и не выпить водки, так хотя бы понюхать, иначе он будет страдать. У нас

выработался такой "алкоголизм" к встречам: и в мороз, и в осеннее ненастье

стояли люди-бедняги.

Бывало, когда я ехал, мне жалко было смотреть на них. Я их понимал и если

бы был на их месте, то, наверное, протестовал бы настойчиво и открыто. Но

все мы были рабы формы: раз сделали такую встречу одному,

то надо сделать

такую же и другому, иначе

- дискриминация! И у меня возникла мысль о том, как бы нам перейти к иной

форме выражения своего отношения к гостям, как на Западе. Там никто не

выводит народ, там его некому, да и невозможно выводить. Кто хочет, тот сам

может выйти и глазеть, хочет

- рот раскрыть, хочет - зубы стиснуть, это дело встречающих. А у нас

нельзя сказать, что люди вышли по собственному желанию. Во-первых, их

выводят, а во-вторых, им за это сохраняется заработная плата, так что

некоторые выходят даже с охотой, если стоит хорошая погода. Почему бы и не

пройтись? Не поглазеть на гостя, черного, коричневого или белого? Все равно

экзотика. А иной раз такая экзотика, с которой наши рабочие и служащие не

встречались ! Я тут осуждаю прошлое и не одобряю то настоящее, которое еще

продолжается, как у нас было заведено прежде.

Знал, конечно, что в США и других странах практикуется и такая встреча,

когда выходят с плакатами, на которых видны резкие надписи, протестующие

против какого-то гостя, или карикатуры на прибывших.

Одним словом, форма

**протеста проявляется в публичном выражении несогласия с
прибытием гостя. Тут**

**я такого не замечал, такого не было. Могут сказать, что
недоброжелателей**

**убрала полиция. Нет, полагаю, что их просто не было. Видимо,
американцы**

**относились к нам с терпением: посмотрим, что выйдет, что это
за такой-сякой**

**гусь лапчатый, возглавляющий их правительство, интересно
взглянуть на него**

**или услышать. Поскольку враждебных к нам сил в США и
было, и имеется**

**достаточно, то сказать, что нас встречало радушием все
население, было бы**

**глупо и наивно. США - наиболее ярко выраженное классовое
государство, где**

**имеется все, от нищеты до абсолютного изобилия. Поэтому нас,
представителей**

**трудящихся и социалистического государства, не могут все там
приветствовать**

**одинаково. Мы вообще-то были подготовлены ко всему, и
я объясняю**

**сдержанность публики каким-то выжиданием, а может быть,
проявлением уважения**

**к своему президенту, так как я являлся его гостем. Я-то ехал в
президентской**

машине вместе с ним. Может быть, и это сдерживало народ.

Мы поехали с аэродрома прямо в предоставленную нам

резиденцию. Президент

ненадолго оставил нас отдохнуть, а спустя какое-то время я прибыл с первым

визитом в Белый дом. Отдыхая, я получил информацию от посла Меншикова о

том, как реагировала печать на мой приезд. Он сообщил также об интервью в

газете, данном вице-президентом США Никсоном(10). Прямого выпада против

нашей страны и против меня как представителя советского государства там не

было, но присутствовали всяческие старые недоброжелательные высказывания,

обычно присущие Никсону. Я к этому уже привык, много читал раньше об этом.

Он допускал в своих статьях и собеседованиях и более резкие выражения. Тем

не менее, меня возмутила бестактность, допущенная по отношению к гостю

президента сразу же в день прибытия. В своем интервью Никсон настраивал

народ насчет того, "как нужно понимать" приезд Хрущева. Именно это возмутило

меня.

Когда я приехал в Белый дом, Эйзенхауэр встретил меня у дверей своего

кабинета. Мы зашли туда, уселись. С его стороны присутствовал тот же Никсон,

а с нашей - Меншиков и Громыко. Как только мы

обменялись с президентом

приветствиями, как положено делать в таких случаях, я тут же, что

называется, взорвался и сказал: "Господин президент, не могу не выразить

своего изумления и негодования". Он насторожился. "Ваш заместитель,

вице-президент господин Никсон позволил себе в день моего приезда

бестактность: давая интервью, употребил недопустимые выражения". Эйзенхауэр

изумленно взглянул на Никсона, и я понял, что президент этого не знал.

Видимо, еще не успел просмотреть газеты. К слову сказать, не знаю, читал ли

он вообще аккуратно газеты? У меня-то сложилось впечатление, что он

царствовал, а не управлял. Наверное, ему готовили подборки вырезок. Когда он

посмотрел на Никсона, тот кивнул головой, подтвердив мои слова. Не помню,

что конкретно тогда сказал мне Эйзенхауэр, что-то успокоительное. Однако я

видел недовольство на его лице в связи со случившимся.

Впрочем, мне лично все было ясно. Это интервью не претендовало на

бестактность, а просто являлось выступлением классового противника. От

классового врага ожидать чего-то другого было нельзя, хотя я

считал, что

Никсон, облеченный государственными обязанностями, должен был держаться в

определенных рамках и считаться с тем, что я являюсь гостем президента. Раз

он вице-президент, то я - и его гость. Газеты же писали по-разному. В любом

буржуазном государстве существуют разные газеты, представляющие позицию

разных социальных групп. Классы в целом и их прослойки выражали свое

отношение к социалистической стране и ее представителю. Это мы понимали, и

против враждебных наскоков на нас, нашу политику и наших людей имели

классовую прививку. Просто Никсон был официальным лицом, что и заставило

меня оценить его выпад по-особому.

Не помню сейчас в деталях всю программу нашего пребывания в США. И

рассказать о посещениях нами разных районов и городов смогу лишь

разрозненно. Упомяну о наиболее характерных поездках и о том, что отложилось

в памяти от встреч с людьми. Президент любезно предложил мне совершить

путешествие по США на его личном самолете "Боинг-707". Этот пассажирский

самолет в то время считался у них самым скоростным и

наиболее вместительным.

Думаю, что он не превосходил скоростью наш Ту-104. Разница заключалась в

том, что наш Ту имел два мотора, а "Боинг" - четыре. Но так как то был

специально президентский самолет, то и оборудован он был тоже по-особому.

Для президента выделили огромный салон, для сопровождающих его лиц -

несколько кресел в удалении. Обставлен самолет был хорошо и оборудован очень

удобно.

Я с благодарностью принял предложение, поблагодарив президента за

внимание. Он сказал: "Вас будет сопровождать господин Генри Кэбот Лодж", - и

представил его мне. Этот человек средних лет, но выше среднего роста,

крепкий, здоровый и цветущий, был офицером, в войну служил на флоте, имел

звание генерал-майора (в сопоставлении с нашей градацией).

Мы потом с ним

познакомились поближе и долго находились вместе. Он как представитель

президента повсюду сопровождал меня. От нас со мной постоянно следовали

Громько, Нина Петровна и жена Громько. Не помню, ездил ли с нами по стране

Шолохов. Кажется, он бывал вместе с нами лишь в

отдельных городах. Он

пожелал подольше побыть в Вашингтоне, видимо, для встречи с писателями.

Свой рассказ начинаю с Лос-Анджелеса, потому что он стал особым местом

при путешествии по США. Осмотрев город, мы затем должны были попасть в

Диснейленд, парк сказок, как говорят, очень красивый. Но туда мы не попали.

Лодж(11) и заместитель мэра города Виктор Картер стали меня отговаривать.

Картер говорил по-русски, но с заметным акцентом, примерно так, как говорят

евреи, живущие в СССР. Я спросил его: "Откуда вы знаете русский язык?". "Да

я сам из России, поэтому и знаю русский". "А где вы жили?". "В

Ростове-на-Дону". Тут я подумал о том, как он мог жить в Ростове, будучи

евреем. Ведь Ростов входил в территорию Донского казачества, евреям жить там

было при царе запрещено. Сказав ему об этом, я спросил: "Как это могло

случиться? По закону, существовавшему до революции, это запрещалось. Вы ведь

еврей?". "Да, я еврей, но мой отец был купцом первой гильдии. По тогдашним

законам купцы первой гильдии имели право жить в любом городе России". Это

сразу приковало к нему мое внимание, и именно он давал мне разъяснения при

поездке по городу.

Помню из всех достопримечательностей Лос-Анджелеса более всего то, как

много в нем цветов, как там тепло и сколь высокая влажность. Потом мне

разъяснили, почему, запланировав посещение Диснейленда, меня стали

угovarивать не ездить туда. Узнав о моем приезде, там организовали какое-то

контрвыступление, даже с личными угрозами. И когда мне об этом сообщили,

передо мною встал вопрос: настаивать или отказаться? Сначала я настаивал.

Хозяева очень настойчиво отговаривали. Объяснили, что будет масса всякого

народа, что могут возникнуть беспорядки. Конечно, если бы я сохранил

настойчивость, то сопровождавший меня бывший ростовчанин, потерявший в

России отцовские капиталы, был бы, вероятно, доволен враждебной

демонстрацией. Не допускаю худшего, но и худшее могло случиться. Тогда я,

подумав, более не настаивал. Мы познакомились там только с Лос-Анджелесом,

причем из машины, кажется, из открытой.

Потом нас пригласили к себе кинопромышленники.. Голливуд

- это особая

республика в государстве, которая "печет" кинокартины любых направлений и

всех жанров. В то время там уже почти не делали прогрессивных картин, это

был не тот Голливуд, который когда-то выпускал кинокартины Чаплина и других

прогрессивных режиссеров. Когда нам показывали залы для киносъемок, как раз

в это время шли съемки кинофильма "Канкан". Думаю, что съемки не были

приурочены к нашему посещению и шли по плану. Наше посещение пришлось на

эпизод, когда очень нарядные и красивые девушки в красочных платьях должны

были танцевать канкан. В этом танце встречаются моменты, которые считаются

не вполне пристойными и не всеми хорошо воспринимаются. Затем нас пригласили

в само съемочное ателье, туда же позвали этих девушек и других участвующих

лиц. Мы вошли всей делегацией, и нам предложили сфотографироваться с

киноактерами. Я встал рядом с Ниной Петровной, девушки нас окружили, а

фотокорреспонденты взялись за аппараты. Я слышал, как один корреспондент

обратился к соседней девушке, но не знал, о чем шла речь. Немного позднее

**наш переводчик рассказал мне о том обращении
фотокорреспондента к актрисе**

**Ширли Маклейн - он заметил ей вполголоса: "Приподнимите
платье повыше, еще**

**выше!". И она, по-моему, сделала это. Она стояла рядом со мной,
и, видимо,**

**тот тип хотел получить более пикантный снимок. Такая
девушка - и рядом с**

**Хрущевым! Я-то остался равнодушным: ну, и что? Это же
канкановая артистка.**

**Когда мы были в Дании, там тоже ставился спектакль под
названием**

**"Канкан". Один из эпизодов: девицы танцевали, потом
повернулись к публике и,**

**откинув подолы платьев, обнажили нижнюю часть спины. Они
были в панталонах,**

**на которых виднелись буквы. Жена премьер-министра Дании,
сама являвшаяся**

**актрисой, сказала нам, что там было написано: "С Новым
годом!". Для**

**советской публики, конечно, такая сцена была сверхпикантной.
Мы не привыкли**

**к такому жанру и считали его непристойным. Почему же я
должен фиксировать на**

**этом свое внимание? Правда, сами американские киноактеры,
беседовавшие с**

**нами, и другие участники съемок произвели на нас хорошее
впечатление. Эти**

**девушки вне съемок ничем особенно не выделялись, вели себя
скромно. То есть,**

просто делали свою работу. Фотографию же мы, кажется, получили. Потом

администрация Голливуда дала в нашу честь обед. Присутствовало довольно

много людей, цвет тамошних актеров, кинозвезды. Обед прошел в непринужденной

обстановке, ничего антисоветского не было проявлено. Хотя отношение у них

всех к СССР было, конечно, разным, но держались они вполне дружелюбно. Это

была в целом приятная встреча.

В Лос-Анджелесе мы находились в течение одного дня. Вечером состоялся

второй обед в честь нашей делегации. Его давал мэр города,

республиканец(12). Мне сказали, что этот человек занимает резко

антисоветскую позицию, поэтому можно ожидать какого-либо подвоха. Вряд ли

открытого, в грубой форме. Но в замаскированном виде он мог в своей речи

выступить против нашей страны. Мы очень ревниво относились к любому

негативному проявлению чувств, стараясь не допускать в наш адрес даже намека

на неуважительное отношение.

Продолговатый зал отеля "Амбассадор" человек на 500 был полностью забит

приглашенными. Мне рассказали, как организуются такие

приемы. У нас их

оплачивает государство или какое-то учреждение, устраивающее прием, у них -

частные лица. Входные билеты стоят очень дорого. Соседка по столу была,

видимо, как раз человеком богатым и обладала крупным капиталом, иначе не

смогла бы попасть туда. Мы с Ниной Петровной и вся делегация были усажены за

стол мэра и его супруги. А за столом у меня состоялась беседа как раз с той

женщиной. Главным образом, она сама навязывала разговор. Высказывалась она

по-доброму и в адрес делегации, и в мой лично. Но это еще не значит, что она

с уважением относилась к Советам. Мне показалось, что она хотела посмотреть

на гостя, как на экзотического медведя из России, где их по улицам водят. Ее

удостоили сидеть с ним рядом, а он почему-то не рычит. Она говорила: "Да вы

знаете, сколько было желающих попасть на этот обед? Я тут присутствую одна,

а мой муж сидит дома и, конечно, завидует мне. За участие в обеде каждая

персона должна была внести крупные деньги. Конечно, мы внесли бы и за две

персоны, чтобы присутствовать тут вдвоем, но было так много желающих, что

установили особый порядок: только кто-нибудь один, или муж, или жена. Мне

повезло, и я считаю себя счастливой. Я попала на прием в вашу честь, а муж

сидит дома, скучает и завидует мне".

Помимо Лоджа, нашу делегацию сопровождал посол США в СССР господин

Томпсон(13) с женой. Они тоже там находились. Обстановка была парадной,

столы накрыты, зал нарядно убран, горели свечи. У них существует традиция

давать обеды при свечах. Царит полумрак, мягкий, приятный свет не

раздражает. Все шло хорошо, пока не выступил мэр. Фамилию его не помню. Лет

пятидесяти или за пятьдесят, вовсе не тучный, какими у нас обычно на

плакатах рисуют буржуев, а вполне нормальных объемов человек. Его речь была

небольшой, но в ней торчали, шпильки, направленные против Советского Союза.

Сейчас не помню, касались ли они и меня лично. По-моему, нет, но в адрес

советской системы, в сравнении с государственной системой США, он допустил

неприятные выражения, особенно в связи с позицией, которую занимал СССР в

мировой политике. Хотя в его выступлении присутствовала замаскированная

антисоветская направленность не прямая и не грубая, я ее почувствовал и

возмутился. Можно было бы и пройти мимо этого, потому что сделано было не в

грубой форме. Думаю даже, что не все присутствующие поняли суть сказанного.

Но я понял. Поскольку его речь адресовалась мне, я имел право сделать вид,

что я не понял. Но решил демонстративно отреагировать и дать ему публично

отпор, чтобы объясниться тут же, а не после обеда, один на один.

Я попросил разрешения на реплику, и он предоставил мне слово. Тогда я в

резкой форме, несколько раздраженным тоном, заявил протест такого

содержания: "Господин мэр, я являюсь гостем президента и прибыл сюда по его

приглашению. К вам я тоже прибыл согласно программе пребывания, утвержденной

президентом США. Но я не напрашивался в гости и не позволю третирования,

какого-либо унижения или тем более оскорбления советской политики, нашей

страны - великого Советского Союза - и нашего народа. Мы, социалистическая

страна, прошли трудный путь и достигли больших высот в развитии экономики и

культуры. Мы шапку не ломаем и не напрашиваемся в гости. Но если нас

пригласили, то не потерпим ничего такого, что могло бы как-то оскорбить либо

унизить нашу страну или ее представителей. Если мое пребывание как

представителя СССР здесь неуютно, то на аэродроме в Вашингтоне стоит наш

самолет. Я всегда могу его вызвать прямо сюда и улететь отсюда в Советский

Союз".

Это произвело сильное впечатление. Потом мне рассказывали, что жена посла

США госпожа Томпсон прослезилась, а соседям, которые сидели с ней рядом,

высказала недовольство мэром за то, что он допустил такое. Она была очень

возбудимой женщиной, и ей представилось, что чуть ли не начнется тотчас

война, если Хрущев уедет. Сейчас не помню, как реагировал сам мэр. Во всяком

случае, не полез в драку. А о своем поведении я тогда не жалел и ныне не

жалею. Надо было дать отпор, двинуть в зубы антисоветчику, который занимал

достаточно высокий пост. Кончился обед, мы распрощались. Я, конечно,

поблагодарил мэра за прием, и мы отправились в гостиницу, где должны были

переночевать. Оттуда рано утром был запланирован наш отъезд поездом в

Сан-Франциско. Вернувшись в гостиницу, все сопровождающие собрались в моем

номере - большой гостиной. Я продолжал негодовать и свое негодование

высказывал в очень сильной форме, допускал даже резкие выражения.

Демонстрируя свое раздражение, я говорил, что если нас так будут принимать,

то я отказываюсь продолжать поездку по США и улечу на Родину.

Все это было выражено мною нарочито в возбужденном состоянии и очень

громко. Я отпустил много нелестных слов в адрес мэра: как мог он позволить

себе выпад в отношении гостя президента? Жена Громыко, милая женщина, очень

взволнованная, начала меня успокаивать и даже побежала за валериановыми

каплями, а потом накапала их мне, чтобы я успокоил нервы. Я-то ей условным

знаком показываю, чтобы она сама не волновалась, что я-то как раз держу свои

нервы в руках и просто выражаю возмущение для ушей хозяев. Я ведь был

убежден, что там поставлены подслушивающие аппараты и что Лодж,

расположившийся в той же гостинице, слушает меня в своем номере. Поэтому я

хотел, чтобы он понял, что мы такого не потерпим, что это недопустимо.

Кончилось тем, что я попросил Громыко как министра иностранных дел пойти

сейчас же к представителю президента господину Лоджу и выразить ему

неудовольствие, заявив о нашем отказе от завтрашней поездки в Сан-Франциско.

Товарищ Громыко ушел, потом вернулся вместе с Лоджем, который извинился

за слова мэра и просто умолял, чтобы я не отказывался от посещения

Сан-Франциско. Говорил, что гарантирует неповторяемость ничего такого:

"Наоборот, господин Хрущев будет очень доволен обстановкой в Сан-Франциско".

Мы позволили уговорить себя. Потом в вагоне поезда он, проявив инициативу,

сам заговорил об инциденте. Я благосклонно выслушал его заверения, но

предупредил, что если еще что-либо такое встретится, то я прекращаю визит и

возвращаюсь в Советский Союз. Теперь - о поезде. Американские вагоны - на

мягких рессорах, очень удобны, в них приятно ехать. Вообще вся железная

дорога - на высоком уровне. Лодж же никак не мог остановиться и так

выражался о вчерашнем инциденте: "Господин Хрущев, я прочитал речь мэра.

Только дурак мог составить такую речь. Если бы вы видели, что было написано

в первом варианте, который он дал мне для просмотра! Я все ему вычеркнул,

говорил, что это недопустимо. Те места, на которые вы отреагировали, я тоже

вычеркнул, но он, такой дурак, оставил их. Видимо, он не понимает ситуации,

тупица".

Конечно, не знаю, так ли обстояло дело, как говорил Лодж? Может быть, он

тоже пропустил эти места, ибо в его понимании они не вызывали чувства

протеста, и он считал, что они вполне допустимы? Но, может быть, он

действительно указывал мэру, а тот по глупости не посчитался с советом. Для

меня происшедшее было закономерным, потому что наш классовый враг занимал

естественную для него позицию. Но ведь случилось это не при частной встрече,

а при официальном визите. Иначе нечего было бы и возмущаться, а надо было

просто разъяснить человеку, что он ошибается. Иной характер приобретала его

речь, когда он принимал советскую делегацию. К Лоджу же я относился с

доверием. По-моему, он вел себя искренне, да и вообще добросовестно исполнял

свои обязанности уполномоченного. Это - умный человек. Проводил он плохую

политику, но ведь он чиновник и проводил политику своего правительства. Во

Вьетнаме он дважды был послом, участвовал в переговорах по Вьетнаму в

Париже. В политике занимал позиции республиканской партии, а в личной беседе

проявил себя приятным собеседником, ко мне во всяком случае относился

хорошо. Мы часто с ним шутили. Он рассказывал мне о своем участии в войне, я

ему - о своем. Шутя сказал ему: "Господин Лодж, вы человек военный и поэтому

должны соблюдать субординацию. Вы генерал-майор, а я генерал-лейтенант, имею

более высокое воинское звание, и вы должны относиться ко мне соответственно

и вести себя, как положено младшему перед старшим". Он захохотал: "Есть, я

понял, господин генерал-лейтенант". И другой раз говорил в шутку:

"Докладывает генерал-майор... ". Одним словом, произвел на меня хорошее

впечатление. Мне с ним было приятно проводить время. Во время перелетов и

переездов мы о делах говорили мало. Он никаких вопросов не решал, и я

понимал его положение, поэтому проводить с ним какие-то диспуты о

политическом моменте не было нужды, хотя мы их все-таки не избежали.

Политики не могут избежать таких разговоров, даже если и желали бы. Но наши

беседы велись в определенных рамках, чтобы не разгорались страсти и не

обострялись личные отношения.

Во время поездки в Сан-Франциско, согласно расписанию, поезд остановился

на какой-то станции. Народу там собралось много, видимо, из близлежащих

поселков. Не знаю, что это за люди. Когда поезд остановился, все глядели на

вагоны. Явно искали глазами делегацию Советского Союза. Видимо, о нас

заранее было объявлено. Я попросил Лоджа: "Выйдем на перрон". "Что вы, что

вы, я не советую". Но я считал, что, раз народ пришел, надо выйти, иначе

могут неправильно понять: дескать, игнорируют, проявляют неуважение к тем,

кто хотел бы встретиться или хотя бы увидеться; с другой стороны, сочтут,

что меня запугали, и поэтому я боюсь... И я направился к выходу, потом

спрыгнул на перрон и подошел к решетке, которая отделяла станцию от газона.

Народ сгрудился вокруг меня и Лоджа и прижал нас к решетке. Люди напирали

друг на друга, всю отталкивая соседей. Однако остановка была недолгой,

послышался сигнал к отправлению поезда. Мы вернулись в вагон, но я выступал

из окна, отвечая на вопросы. Голос мой услышать всем было невозможно, и

вдруг откуда-то появился переносной усилитель с репродуктором. Лодж держал

его передо мной, я выступал. Закончил мимолетную речь благодарностью. Еще

когда я уходил в вагон, Лодж на некоторое время остался, а потом,

вернувшись, подал мне медаль с барельефом Ленина, которая и была прикреплена

к моему костюму. Я получил ее от Общества борьбы за мирное сосуществование.

Тут я спросил: "Где вы ее нашли?". "Мне ее передал какой-то человек и

сказал: "Утеряна господином Хрущевым, прошу передать ему". Я был очень

обрадован этим, и во мне пробудилось уважение к неведомому человеку. Ведь

другие могли бы сохранить находку как сувенир или польститься на ценность,

потому что эта медаль из золота. Для корыстных людей она хоть и небольшой,

но все же соблазн.

В Сан-Франциско нашу делегацию встречали губернатор штата и мэр

Кристофер(14). Мэр проявил большую любезность и оставил очень хорошее о себе

впечатление. На шумной встрече народу было много. Нам поднесли роскошные

цветы. Мэр представил мне свою жену, она тотчас подошла к Нине Петровне и

Лидии Дмитриевне Громько, а потом не оставляла их, мэр же занялся мною. В

толпе на вокзале и по пути следования в гостиницу я никаких проявлений

враждебности не заметил, хотя и был подготовлен к тому, ибо тогда у нас были

очень плохие отношения с Соединенными Штатами. Впрочем, даже в стране, с

которой налицо добрые отношения, нельзя рассчитывать на абсолютное понимание

необходимости крепить дружбу. Поэтому при встрече с главой правительства, к

которому питаешь неуважение, не нужен особенно большой талант для выражения

своего негодования в той или иной форме. Но ничего такого не попало тогда в

поле моего зрения: ни выкриков, ни жестикуляции, хотя американцы умеют это

делать, если хотят проявить свою враждебность. Потом Лодж мне говорил: "Вот

видите, я обещал вам, что тут будет совсем другой климат, другая атмосфера".

И я поблагодарил его. Видимо, он как-то предупредил мэра города и надеялся

на него.

В беседе со мною этот мэр тоже говорил: "О-о, господин Хрущев, здесь

Сан-Франциско. Я, готовясь к выборам на второй срок, с уважением отношусь к

вашему государству и лично к вам. Мы очень рады принять всех вас и проявить

гостеприимство. По национальности я грек, моя жена тоже гречанка". Тогда я

пошутил: "Значит, мы с вами братья. Когда Русь принимала христианство, то

избрала греческое вероисповедание. Я человек не религиозный. Не знаю, как

вы, но думаю, что вы меня понимаете и не обидитесь, если я откровенно скажу,

что я атеист. Однако история Руси такова, что ее народ близок с греками,

всегда относился к ним с сочувствием, был готов оказать помощь в их борьбе

против турок за освобождение Греции". Мэр, улыбаясь, кивал головой.

Были устроены прием и обед. Люди, которые там присутствовали, весьма

обеспеченные, не рабочие, платили за свое присутствие большие деньги.

Расходы тоже были солидными, потому что угощали там, как понимаете, не

кислыми щами, а иным ассортиментом блюд. Обслуживание стоило немалых денег.

Думаю, что этот обед привлек внимание публики больше из любопытства, чем для

демонстрации дружеского расположения к нам. Рядом со мной
опять сидела

женщина, которая очень любезно ко мне относилась, но ее в
принципе скорее

интересовал факт присутствия на мероприятии. В США
печать по-разному

склоняла мою фамилию, а ей, вот, посчастливилось сидеть
рядом.

И тогда я вспомнил себя подростком, рабочим завода,
неподалеку от

которого 14 сентября всегда проводилась ярмарка. Люди всех
возрастов шли

туда. Там продавались разные товары, главным образом
сельскохозяйственные

или для бытовых нужд. Цыгане приводили лошадей. Приезжал
цирк с передвижными

зверинцами. Бывало, шли посмотреть за 50 копеек на слона.
Среди заводских

гуляла шутка: "Ну, что, заплатил полтинник?". "Как же,
заплатил, да еще

слона за хвост подергал". Теперь я сказал бы, что налицо
некоторая аналогия:

какие-то люди хотели посмотреть вместо слона на русского
медведя. Каков он

по внешнему виду, умеет ли держать в руках нож и вилку,
сидеть за столом в

обществе, как ведет себя, чавкает ли, и пр. Другие хотели
послушать, что

скажет Хрущев по вопросу мира и войны. Этот вопрос
занимал всех, но

оценивался с разных позиций. Все классы к нему небезучастны. Американцы в

своем большинстве боялись войны и считали, что войной им может угрожать

только Советский Союз.

Мэра города Сан-Франциско я потом пригласил приехать в Советский Союз:

"Приезжайте, вам будет оказано соответствующее внимание". Он приехал с женой

по приглашению от Моссовета, а не туристом. Я принимал его, беседовал с ним,

и мне было приятно, что он вновь держался хорошо. А тогда, в Сан-Франциско,

он готовился к переизбранию, выставив свою кандидатуру на второй срок.

Прием, оказанный мэром делегации Советского Союза, склонял весы в

избирательной кампании в его пользу. Если мэр Лос-Анджелеса, напротив,

завоевывал лишние голоса на антисоветских высказываниях, то здесь

подчеркнутое уважение при приеме советской делегации, как раз наоборот,

обещало дополнительные голоса избирателей. А в Москву этот грек приехал уже

после переизбрания, и я его поздравил с успехом. В Сан-Франциско он

специально угощал нас молочными продуктами отличного качества и сказал: "Это

с моей фермы, которая занимается переработкой молока и продает молочные

продукты". Все продукты и по упаковке, и по вкусовым качествам были на

высоком уровне. Я похвалил их публично, и это тоже оказалось на пользу мэру,

но уже как владельцу фермы: такая реклама обещала ему увеличение сбыта и

прибылей.

Мэр предложил мне также посмотреть на строительство индивидуальных

коттеджей. Я с удовольствием принял это предложение, и мы поехали на окраину

города. Коттеджи возводились деревянные, из сборных щитов и сразу целой

улицей или даже поселком. На фабрике изготовлялись конструкции, их привозили

на стройку, где уже был подготовлен фундамент и закончены канализационные

работы, оставалась лишь нивелировка, даже все дорожки и подъезды были

сделаны. Потом ставили эти щиты, очень быстро скрепляли, и дома приобретали

конечный вид. Окрашены они были нарядно и выглядели красиво. В домах разное

количество комнат, в зависимости от возможностей заказчика. Но когда я

осмотрел щиты вблизи, то был разочарован. "Из чего сделан наполнитель:

стружки, опилки?". "Вроде того, - отвечают, - тут дешевое строительство". И

мне назвали низкую цену домиков, по американским стандартам даже малую. Эти

дома были похожи на финские, которые у нас приобрели известность после

войны. Мы их много закупаем тогда в Финляндии, рассматривая их как временное

жилье. У нас от людей, живших в них, шли сплошные жалобы, что их заедают

блохи. Опилки - благоприятная среда для размножения насекомых.

Все, конечно, зависит от культуры содержания домов. В таких же жили

финны, но блохи им не мешали. Нам же нужно было побыстрее получить жилье,

хотя бы и с блохами. Затем я опять спросил: "Сколько лет простоит этот

домик? Лет 20?". "У нас покупатели так и предупреждаются; строится на 20

лет". "А что дальше?". "Ну зачем строить дом, который простоит 100 лет?

Через 20 лет мы сделаем человеку по его заказу совершенно новый". Это

правильно с точки зрения коммерческой, интересов фирмы. Но я знаю психологию

нашего крестьянина. Она сложилась в результате бытовых и материальных

возможностей. Строить на 20 лет - чистое разорение для крестьянина. Хорошо

знаю Курскую губернию, откуда я родом. Пожары были частыми гостями в нашей

деревне. Лес помещичий, дерево надо покупать. И когда крестьянин строил дом,

он обязательно делал сруб и для него покупал осину, потому что дуб купить не

мог из-за дороговизны. Сосна в наших лесах не росла, а осина была дешевая.

Покупали только на нижний венец дома дубовые бревна. Если человек

состоятельный, он приобретал три-четыре венца, после чего осиновая хата

могла простоять 30 лет (годов, как они говорили). Американцам же предлагают:

"Пожалуйста, спустя 20 лет сделаем новый". Для нас это чересчур мало.

Сан-Франциско порадовал меня солидарностью рабочих. Там профсоюз докеров

возглавлял прогрессивный человек, не коммунист(15), но придерживавшийся

левых взглядов и очень хорошо относившийся к Советскому Союзу. Я получил

приглашение от докеров выступить на их митинге, с большим удовольствием

согласился и в назначенные день и час прибыл на митинг. Народу собралось не

так много. Тем не менее у меня остался чрезвычайно приятный след в памяти от

встречи с докерами и от того, как меня приняли. Открывая встречу,

профсоюзный деятель произнес дружественную речь в отношении нашего народа,

политики нашего государства и в мой адрес. Публика реагировала тоже весьма

приветливо. Выступали докеры. Они горячо выражали нам свои симпатии. Потом

выступил я с небольшой речью. Ее все принимали горячо. Переводчик переводил

синхронно, и почти на каждую фразу слушатели реагировали аплодисментами.

Кончился митинг, я сошел с трибуны, ко мне подбежал какой-то молодой

парень, снял с меня шляпу и надел мне на голову свою парусиновую кепку

(видимо, часть производственной одежды), а я надел ему на голову свою шляпу.

Это вызвало смех и одобрение, народ долго аплодировал. То была самая теплая,

истинно пролетарская встреча, и я остался благодарен профсоюзному лидеру. Я

заранее знал о его симпатиях. Но одно дело - ожидать, и другое - ощутить,

когда увидишь такую теплую встречу и братские объятия. Журналисты, а их было

там несколько сот человек, все это засняли на киноплёнку и фотографировали.

Потом митинг освещался в печати. Они вынуждены были давать правдивую

информацию, хотя некоторые журналисты имеют склонность извращать факты.

Здесь такого не случилось.

Потом от наших журналистов я узнал, что в Сан-Франциско находится и

профсоюзный лидер рабочих автомобильной и тракторной промышленности господин

Райтер(16), известный мне по статьям в печати. Какое-то время он занимал

левые позиции и входил в одну международную профсоюзную организацию вместе с

представителем СССР. Потом Райтер вышел из нее и занял антисоветскую

политическую позицию. Когда мне сообщили, что он хочет встретиться со мной и

просит назначить время и место, я, хотя от этой встречи ничего хорошего не

ожидал, захотел увидеться с ним, чтобы провести беседу. Тут сказали, что

если я соглашусь, то придут еще три профсоюзных босса. Пришел также брат

Райтера с кинокамерой и фотоаппаратом. Потом мы узнали, что он захватил и

магнитофон. Я ничего не имел против: пожалуйста! Мы условились о месте и

часе, и встреча состоялась в той гостинице, где я жил. Я хозяин, значит, и

угощение мое: пиво, прохладительные напитки, соки, закуска.

Райтер оказался человеком средних лет, моложе меня. Мне запомнился и

сопровождавший его старик, лидер рабочих пивоваренной

промышленности. Брат

Райтера уселся в стороне, на краю удлиненного стола, где он записывал

беседу, главным образом не в блокнот, а на ленту магнитофона, но старался,

чтобы мне не было заметно. С нашей стороны присутствовали Громыко, журналист

Юрий Жуков(17) и некоторые другие корреспонденты. Они записывали все вопросы

и ответы, потому что потом следовало осветить встречу в печати. Жуков -

блестящий журналист. Он хорошо разбирался в американских вопросах вообще, в

профсоюзном движении США, в частности. Это вообще один из лучших наших

журналистов. Я относился к нему с большим уважением и охотно приглашал его

на встречи. Не на все, конечно, но часто выбирал именно Жукова.

Темы во время беседы с Райтером затрагивались общие, которые интересовали

нас ранее, во время переговоров с государственными деятелями США. Возникали

также специфические проблемы мирного сосуществования, единого рабочего

фронта и объединения революционных сил, классовой борьбы. С другими

профсоюзными деятелями я потом в США больше не встречался. Хотя инициатива

встречи исходила от Райтера, беседа оставила во мне плохой след.

Взаимопонимание обычно выражается сразу. Тут его не получилось, так как у

нас были противоположные точки зрения. Райтер поддерживал все, что делало

правительство США: стоял за классовый мир, за мирное сосуществование не

между странами, а между классами, что противоречит марксистско-ленинскому

учению и вредно для рабочих. Райтер - умный человек, сам тоже из рабочих.

Сначала он трудился у Форда, тот послал его в СССР на строительство

автомобильного завода в Горьком. Райтер вошел в число инструкторов, которые

обучали наших людей налаживать производство автомобилей, и рассказал мне,

что года два или три проработал в Горьком, хорошо знал советские условия

жизни и быт, помнил город Горький. "У меня остались добрые воспоминания о

ваших людях", - сказал он и начал вспоминать тех, с кем поддерживал

контакты. Я избегаю тут слова "дружил", хотя, может быть, в то время он и

дружил. Райтер рассказывал и о советских девушках, несколько в игривом тоне,

а в целом старался убедить меня, что отлично знает наш народ и его быт,

участвовал в молодежных вечеринках и пр.

И все-таки он остался человеком, который отрицал классовую борьбу. В США

он организовывал забастовки и вел профсоюзную работу, но только в рамках

дозволенного, чтобы не поколебать капиталистические устои, не ослаблять

правительственный режим, вел борьбу за пяток долларов, за гривенник. Это

экономическая борьба, а не политическая. В политической борьбе он занимал те

же позиции, что и обе правительственные партии - республиканцы и демократы.

За какую же партию он призывал голосовать? Вероятно, за демократическую, но

хрен редьки не слаще. Классовой разницы между демократами и республиканцами

в сущности не было. И та, и другая партия стояли на позиции дальнейшего

укрепления капитализма и его развития, а также подавления рабочего движения.

Несколько слов скажу о сопровождавших Райтера людях. Один - выше среднего

возраста, показавшийся мне разумным человеком, который с пониманием

относился к нашей политике(18). Я почувствовал, что он хотел бы каких-то

диалогов с профсоюзами СССР. По некоторым обсуждавшимся вопросам он подавал

реплики, в которых выражал неплохое отношение к нашей политике, но очень

робко, а Райтер с ним не считался. Может быть, тот находился в оппозиции к

Райтеру? А может быть, хотел продемонстрировать американскую демократию:

"Вот видите, у нас глава профсоюзов имеет одно мнение, а я, член этого же

профсоюза, хотя и поддерживаю основную линию, но по отдельным вопросам имею

свое мнение". Лидер пивоваренных рабочих был не просто старым, но и, похоже,

выжившим из ума. Во время всей беседы я от него не услышал ни одной разумной

фразы. Единственное, чем он занимался, - пил пиво, лил его в себя, как в

бочку, и поедал абсолютно все, что лежало на столе. Реплики же вставлял

просто глупые. Меня это раздражало. Райтер это заметил и сказал: "Ну что же

вы так реагируете? Он ведь не политик, а профсоюзный деятель. А знаете ли

вы, сколько лет он возглавляет свое профсоюзное движение?". Я прямо ответил:

"Не знаю, сколько лет, но всерьез принимать и всерьез отвечать на его

несуразные реплики не вижу смысла".

Третий гость тоже был недалеко от пивовара. У меня в памяти не сохранилась

его политическая позиция, но по своим репликам он стоял близко к старику. На

меня произвело странное впечатление одно наблюдение. Когда пивовар тянулся к

бокалу, я заметил, что у него и на правой, и на левой руке были золотые

часы. Зачем нужно носить две пары часов? Украшение? Браслеты? Я не стал

спрашивать его, но для себя сделал вывод, что он мещански ограниченный

человек, и вести с ним какие-либо разговоры бесполезно. Понял, что тут босс,

которого, не знаю уж за что, просто поддерживают и выбирают рабочие его

профсоюза. Трудно сказать, как функционирует там машина выборов. Но явно

низок политический уровень тех, кого он возглавляет.

Впрочем, Райтер - тоже свидетельство идентичного политического уровня

автомобилестроителей. А ведь это весьма квалифицированные рабочие. Почему

они избрали Райтера? Там же есть истинно левые силы, есть коммунистическая

партия. Увы, хотя в профсоюзном движении США коммунисты пользуются каким-то

доверием, но не могут занять достойное положение. Тамошнее профсоюзное

движение поддерживает капиталистические устои. Иной раз я читаю в газетах и

слышу по радио: вот там-то забастовка. Когда сообщают, почему, то не

уточняют, что ведется не политическая борьба, а экономическая. Ленин осуждал

в рабочем классе такие течения, которые отрицали политическую борьбу

профсоюзов, ограничивая свои действия только экономической борьбой. На таких

же позициях стоит сейчас профсоюзное движение в США, и яркий представитель

данного течения - Райтер. Потом мне дали справку о его заработной плате. Я

был удивлен: он зарабатывает столько же, сколько директора крупнейших

корпораций. Значит, капиталисты умеют ценить людей, которые являются

организаторами рабочего класса, поддерживают их и платят им. Эти платежи

являются сдерживающим фактором, и такие люди больше прислушиваются к

капиталистам, чем к рабочим. Предательская позиция, но, к сожалению, она

сильна в американских профсоюзах.

На этом, собственно, наша беседа тогда и закончилась. Она проходила на

фоне большой непримиримости во взглядах. Райтер демонстрировал какую-то, я

бы сказал, дерзость в отношении советской политики. Я ему не только отвечал

тем же, но и, как говорится, "заливал ему сала за воротник", обличая его

позицию как измену рабочему классу. Да Райтер и не отрицал этого: он вовсе

не борется за социализм, а выступает лишь за улучшение жизни рабочих. Его

профсоюз объединяет какой-то их процент, но многие не входят в профсоюз.

Кстати, когда я находился в США, состоялась забастовка рабочих

металлургической промышленности, крупнейшая по масштабу. Нам было

запланировано посещение Питтсбурга - одного из центров металлургической

промышленности. Печать уже сообщила, что я должен посетить этот город.

Профсоюзы выступили с предупреждением, чтобы я даже не рассчитывал на

встречу с их деятелями, ибо те не желали такой встречи и повели себя

недружелюбно, высказывая враждебное отношение к моему пребыванию в США и к

посещению Питтсбурга во время забастовки.

Несмотря на это, было решено не менять планов и воспользоваться поездкой

в Питтсбург, чтобы хотя бы осмотреть город. Мы прибыли туда на автомашинах.

Местность там холмистая, зеленая, много людей стояло вдоль дороги и

гуляло семьями, женщины с детскими колясками
расположились на траве. На меня

произвела впечатление их одежда: нарядные ситцевые платья
хорошей расцветки,

приятно выглядевшие. Но меня поразила вольность в одежде.
У нас женщины

носят платья строгого покроя. А там они ходили в трусах,
ситцевых штанишках

и весьма легких платьях. Я лично считаю, что это
практично, хотя и

непривычно для нас. Наши женщины носят даже более дорогие
платья, но с более

темными расцветками и другого покроя. Бросалась в глаза
масса ярко одетых

людей на зеленом фоне. Они отдыхали и заодно встречали нас.
Ведь люди знали,

что мы поедем этой дорогой, вот они и собрались у дороги.

Когда мы проезжали, некоторые из них приветствовали нас, и
таких было

довольно много. Каких-либо выкриков враждебного характера
не слышалось.

Проявлялась сдержанность, но все-таки в толпе заметны были
люди, которые

выражали симпатии к нам. Однако никаких встреч с
профсоюзными деятелями или

рабочими в Питтсбурге так и не состоялось. Профсоюзы,
которые делали нам

предупреждения, своего добились. Это тоже говорит о
характере их

профсоюзного движения и его политической линии.

Профсоюзы не хотели

**запятнать свои профсоюзные одежды контактом с
представителями советского**

**государства, демонстрировали свою собачью преданность
капитализму и**

**враждебность к социализму. Полагаю, что сейчас проводится
такая же линия**

**профсоюзами не только США, а и других капиталистических
стран.**

**Нам было запланировано также посещение крупной фабрики
колбасных изделий.**

**Это произошло при интересных обстоятельствах. Рабочие
колбасной фабрики тоже**

**бастовали, и их профсоюзные лидеры предупредили, что они
нас не примут.**

**Капиталисты здорово их приручили. Неожиданно владелец
фабрики пригласил нас**

**ознакомиться с ее производством, хотя и не для беседы с
рабочими. Мы**

**согласились и приехали*. В рекламе хозяин знал толк. Мы
увидели заранее**

**приготовленную аппаратуру для съемок и телевизионной
передачи. Дирекция**

**организовала дегустацию изделий. Нам подавали вкусные
сосиски с ароматной**

**горчицей, мы угощались ими прямо перед телекамерой. Мистер
Лодж тоже уплетал**

**сосиски и улыбался. Он-то понимал публичное значение
дегустации. Потом мы**

осмотрели производство, но оно не представляло лично для меня интереса. Вот

если бы рядом был Микоян, который больше разбирался в таком деле...

Приглашение меня на эту фабрику носило в какой-то степени подчеркнутый,

вызывающий характер. Metallургические заводы, бастуя, потребовали, чтобы я

не подходил к ним на пушечный выстрел. Рабочие-колбасники поддерживали их и

тоже не пожелали контакта с нами. Хозяин же, видимо, решил подзаработать на

этом, пригласил нас и создал себе рекламу. И когда мы уехали, я спросил

Лоджа: "То, что сейчас произошло, тоже реклама?". Он заулыбался: "Да,

безусловно, хозяин на вас хорошо зарабатывает". Тогда я пошутил (а Лодж

понимал шутки): "Вам что-то должно перепасть от этой рекламы как

сопровождающему?". Лодж смеялся, не отрицая, и отпустил ответную шутку, что

я тоже должен что-то получить от рекламы.

Затем мы осмотрели Питтсбург. Никаких контактов ни с кем больше не имели.

Так, в сугубо забастовочной обстановке я увидел рабочий класс и профсоюзы

США, их отношение к социалистическому государству, к делу борьбы против

капитализма. Если в некоторых других странах сознательные рабочие посвящают

классовой борьбе все свои силы, то в США этого нет. Далее, согласно плану,

мы должны были посетить машиностроительный завод(19). Мне сообщили, что

завод старый, оборудование несовременное. И по размерам, и по объему

производства предприятие было средним или даже ниже среднего. А попал я на

него так. На обеде у Эйзенхауэра он познакомил меня со своей приятельницей,

дамой намного старше средних лет, но выглядевшей свежо, и сказал, что дама

приглашает посетить частично принадлежащий ей завод как акционер общества,

которое владеет заводом. Я поблагодарил за любезность и принял приглашение.

На предприятии нас встретила администрация. Той дамы я не увидел. Сразу

же, как только переступил порог, почувствовал родную стихию. Мы спокойно

ходили, осматривая производство и

-----* Эту фабрику Хрущев посетил в

Детройте, в штабе Айова, днем раньше станочное оборудование, а рабочие не

отвлекались. Не так, как бывает у нас: если приедешь на любой наш завод, он

фактически останавливается. Хотя работа станков не прерывается, но все будут

смотреть на тебя, подходить, разговаривать. В США же производственного ритма

строго придерживаются, никто не имеет права отвлекаться, хотя бы и не было

поточного производства. Тут тоже его не было, работа велась на

индивидуальных станках, изготавливались какие-то отдельные детали, так что

рабочие могли бы без особого ущерба отвлечься. Но они берегли трудовое

время, были дисциплинированными, да и администрация стояла рядом, так что

все придерживались распорядка.

Я подошел к сверлильному станку и сказал управляющему: "Этот станок - мой

ровесник. Когда я в ранней юности работал на машиностроительном заводе, у

нас стояли такие же станки". Подошли к механической ножовке для отрезания

концов металлических заготовок. Я улыбнулся и спросил: "А это какого

возраста?". "Да, господин Хрущев, - ответили мне, - наш завод старый,

поэтому у нас встречается оборудование от современного до допотопного". Но я

заметил: "Тут даже больше, чем допотопное". Устаревших станков стояло много:

и долбежные, и строгальные. Даже не знаю, как такой завод мог конкурировать

с более налаженным производством и с современным оборудованием. Тут

проявляются сноровка и ловкость капиталистов, если производство дает

прибыль. В их мире нерациональное не живет. Что не дает прибыль, то обречено

на слом.

Когда ходили по цехам, увидели, что проходы между станочным оборудованием

пятнистые - в свежих асфальтовых латках. И я заметил администратору: "Очень

похоже на наши порядки. Когда приезжает руководство, к его приезду

залатывают выбоины". Он улыбнулся: "Да, мы перед вашим приездом, господин

Хрущев, сделали ремонт. Приезжает гость, надо залатать".

Шел я мимо одного строгального станка, рабочий подошел ко мне, предложил

сигару и дружески похлопал меня по плечу. Другие рабочие тут же подняли

головы. Я тоже похлопал его по плечу, снял с руки часы советского

производства, хотя и не золотые, но хорошие, и надел ему на руку. Рабочему

это было приятно. Потом какой-то американский журналист обратился ко мне:

"Господин Хрущев, вы дали свои часы рабочему. Как

понимать? Когда мистер

Никсон был в Москве и дал на рынке рабочему какую-то сумму денег, то ваша

печать осуждала его, рассматривая это как подкуп". Я ответил:

"Рассматривайте так, как произошло. Вы же видели, что рабочий проявил

любезность, подарил мне сигару. Хотя я не курящий, но принял ее.

Человеческий долг велит сделать ответный подарок. У меня ничего другого не

было, поэтому я подарил ему свои часы. Так что тут не подкуп, а взаимная

любезность. Это ничего общего не имеет с тем, что делал Никсон, и тем более

с тем, какие он цели преследовал. Я таких целей не преследовал". Обращаю

внимание на то, сколь ревностно журналисты следили за каждым моим шагом и за

каждым действием, глядя, не будет ли проявлена с нашей стороны какая-то

неосмотрительность, чтобы им потом использовать ее против Советского Союза и

против меня как главы делегации. Так они поступали всегда.

Как-то, за пару лет до приезда в США, я допустил неосторожное выражение в

отношении Америки, сказав, что мы "закопаем" врагов революции. Вражеская

пропаганда подняла мои слова на щит: мол, Хрущев,

советские люди хотят

закопать народ Соединенных Штатов Америки. Так они использовали в своих

целях брошенную мной фразу. На пресс-конференции по приезде в США, когда мне

поставили этот вопрос, я разъяснил: мы никого не собираемся закапывать,

враждебный буржуазный класс будет закопан самим рабочим классом Соединенных

Штатов. Это внутренний вопрос каждой страны. Люди сами решают, по какому

пути им идти и какими методами добиваться победы.

Далее, согласно плану, мы должны были посетить заводы "Джон Дир"(20),

крупнейшей сельскохозяйственной фирмы, известной в СССР, потому что в свое

время мы закупаем у нее сельскохозяйственные машины. Думаю, что, приглашая

нас, фирма преследовала коммерческие цели, хотела показать нам свое

производство и заинтересовать в дальнейших покупках. Мы прошли по цехам ее

фабрики, но у меня особых впечатлений в памяти не сохранилось. Приглашенные

лишь фирмой, мы никаких контактов с профсоюзами не имели. Рабочие во время

нашего посещения трудились. Не осталось у меня в памяти и каких-либо

проявлений вражды или особых симпатий с их стороны. Рабочие

поглядывали на

нас из желания увидеть заморских людей. И все. Затем нас повели в контору,

где дирекция проинформировала о своем производстве. Их сельскохозяйственные

машины хороши. Советским инженерам и рабочим, работникам совхозов и колхозов

они нравились.

Настало обеденное время, директор(21) пригласил нас в общую столовую* и

сказал, что сам всегда обедает здесь.

Администра-----* Этот эпизод посещения

столовой относится ко времени пребывания в Калифорнии, где Н. С. Хрущев

посетил завод фирмы IBM, производившей компьютеры. Президент IBM Уотсон-млад.

ция и служащие обедали тут же. Мы, как и все, взяли столовые приборы,

подошли к раздаточному окну, нам положили на тарелки кушанья, мы отошли, по

выбору, к намеченному столику и съели одно блюдо, потом опять проделали

прежнюю процедуру и получили другое блюдо. Порядок был демократичным. Думаю,

что дирекция умышленно его продемонстрировала, и, признаюсь, мне он очень

понравился. Я потом пропагандировал в своих выступлениях такую же форму

обслуживания на наших заводах: нигде ничего лишнего, на столах лежит

пластмассовое покрытие. Достаточно протереть его мокрым полотенцем, и на

столе не остается никаких следов.

Как меня информировали, директор тоже питался в этой столовой. К

сожалению, у нас на многих заводах отдельно столовые для администрации и для

рабочих. Содержится огромный штат обслуживающего персонала. Обслуживание от

этого не улучшается, а ухудшается, наблюдаются постоянные очереди, рабочие

ропщут против такой организации обеденного перерыва. Вот почему я

рекомендовал руководителям наших партийных и профсоюзных организаций

позаимствовать американскую систему. Такую же картину мы видели и в Индии,

тоже на каком-то заводе. Наступило обеденное время, Неру пригласил нас в

столовую и сказал: "Господин Хрущев, тут никто нам подавать не будет.

Порядок такой, что каждый должен взять приборы и идти к раздаточному окну.

Там мы получим свои порции и пообедаем". Поели и вкусно, и сытно. Никаких

очередей не возникало.

Примечания

(1) То есть с ядерной силовой установкой. Он вступил в строй в 1959 году.

(2) МЕНЬШИКОВ М. А. (1902 - 1976) - один из директоров Всероссийского

кооперативного общества АРКОС в 1930 - 1936 гг., затем на ответственной

работе в Наркомате внешней торговли СССР до 1943 г., заместитель директора в

совете Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций до 1945 г.,

глава Временной комиссии этой администрации в Польше до 1946 г., заместитель

министра (до 1949 г.) и министр (по 1951 г.) внешней торговли СССР,

работник аппарата Минвнешторга до 1953 г., посол в Индии по 1957 г., посол в

США по 1961 г., министр иностранных дел РСФСР до 1968 г., далее в отставке.

(3) Визит в США состоялся 15 - 27 сентября 1959 года.

(4)ТУ-114, первый в мире турбовинтовой межконтинентальный пассажирский

лайнер, начал облетываться в 1957 году.

(5) Многоместный турбовинтовой самолет ИЛ-18 в 1957 г. уже вступил в

строй.

(6) Президент США В. Вильсон предложил в январе 1919 г. провести на

Прин-цевых островах (в Мраморном море) конференцию всех

воюющих в России

сторон по вопросу о восстановлении мира. Но первоначально правительство

РСФСР приглашения туда не получило. А затем, поскольку ряд белогвардейских

группировок отказался от участия в конференции, она не состоялась.

(7) Находится среди его очерков и памфлетов "В Америке" (1906 г.).

(8) Эта пьеса писателя и драматурга В. В. Иванова увидела свет в 1927

году.

(9) В 1968 году.

(10) НИКСОН Р. М. (род. в 1913 г.) - 37-й президент США в 1969 - 1974

гг. (неполных два срока), являлся вице-президентом в 1953 - 1961 гг.

(11) ЛОДЖ-младший Г. К. (1902 - 1985) - сенатор в 1936 - 1944 и 1946 -

1953 гг., один из лидеров республиканской партии США. В 1953 - 1960 гг.

являлся постоянным представителем США при ООН и представителем в ее Совете

Безопасности. Позднее был генеральным директором Атлантического института

международных отношений в Париже, послом во Вьетнаме (1963 - 1967) и ФРГ

(1968 - 1969), специальным посланником в Ватикане (1970 - 1977).

(12) ПОУЛСОН Н.

(13) ТОМПСОН Л. (1904 - 1972) работал в дипломатических

представительствах США на Цейлоне, в Швейцарии, СССР (1940 - 1944), Англии,

Италии, Австрии. Послом в СССР был в 1957 - 1962 и 1967 - 1969гг. Ряд лет

занимал ответственные посты в государственном департаменте.

(14) КРИСТОФЕР Дж.

(15) БРИДЖЕС Г.

(16) РАЙТЕР У. - вице-председатель объединенных Американской федерации

труда и Конгресса производственных профсоюзов. Его брат (см. ниже) - В.

Райтер.

(17) ЖУКОВ Ю. А. (1908 - 1991) с 1946 г. работал в редакции газеты

"Правда", с 1962 г. являлся заместителем и в 1982 - 1987 гг. председателем

Советского комитета защиты мира. Был членом Центральной ревизионной комиссии

КПСС с 1956 г. и кандидатом в члены ЦК КПСС в 1976 - 1989 гг. Лауреат

Ленинской премии 1960 года.

(18) По-видимому, председатель национального профсоюза моряков Дж. Каррэн

либо представитель профсоюза электриков Дж. Уивер.

(19) Завод кузнечно-прессового оборудования "Места".

(20) Фирма, имевшая в 1959 г. 14 заводов с 45 тыс. рабочих.

(21) Главный управляющий предприятием А. Ландан.

ОТ НЬЮ-ЙОРКА ДО АЙОВЫ

Следующие по времени воспоминания - о моем пребывании в Нью-Йорке. Туда

мы прибыли из Вашингтона, кажется, поездом. Официально нас встречал глава

городского муниципалитета Вагнер. Он, по-моему, принадлежал к

демократической партии. Губернатором являлся Рокфеллер, который сменил

Гарримана(1). Рокфеллер принадлежал к республиканской партии. Но это не

имело особого значения. Встреча была соответственно выдержана в обычном тоне

и стиле: вежливость, цветы и пр. В нашу честь Вагнер дал обед, довольно

представительный, со многими участниками(2). Думаю, что организация обеда

была такой же, как в Лос-Анджелесе: каждый покупал себе билет, как в театр,

на право находиться за обеденным столом. Не помню ни речи Вагнера, ни своей,

потому что они были стандартными. Ничего особенного я там

сказать не мог и

говорил традиционно: излагал суть нашей политики борьбы за мир, мирное

сосуществование, дружбу, нормальное экономическое развитие, торговлю и т.

д., хотя почти никаких экономических связей, включая торговлю, у нас в то

время, как я уже говорил, с Соединенными Штатами не существовало.

Потом мне сообщили, что в Нью-Йорке по инициативе деловых людей города

предполагается организовать в мою честь еще один обед и там обменяться

мнениями. Я принял это предложение и прибыл на обед. Не помню, как он

назывался, - "Встреча деловых людей с Хрущевым" или "Обед в честь Хрущева".

Но помню, что он состоялся в большом зале(3). Опять присутствовало много

народа, как минимум, несколько сот человек. Все расположились в большом

ресторане, столики в зале были расставлены в западном стиле, то есть не был

организован общий стол, как принято у нас, за которым гости рассаживаются

каждый согласно своему рангу на установленном заранее месте. Нет, там

расположение столиков было иным, ресторанного типа. Однако столик, за

которым я сидел, как-то выделялся: если рассматривать обеденный зал как

место заседания, то наш стол являлся как бы столом президиума.

Начались речи. Не знаю, было ли намечено какое-то ограничение во времени.

Все выступали, как хотели, высказывали разные точки зрения по любым

вопросам, в том числе о необходимости развивать торговлю с советской

страной, но все очень сдержанно, во взвешенных выражениях. Потом должен был

выступить я, что я и сделал. В своей речи я хотел, помнится, обрисовать

политику СССР в деле мирного сосуществования с упором на выгоду торговли для

обеих сторон. Сейчас у меня остались довольно смутные воспоминания о

содержании и стиле моего выступления.

Слева от меня за двумя или тремя столиками размещались какие-то молодые

люди в обычных для такого случая вечерних костюмах. Они ничем не выделялись.

Мне подумалось, что эти люди - отпрыски деловых семей. Они настроены были

очень агрессивно по отношению к политике советского государства и,

следовательно, против меня как его представителя, держали себя вызывающе,

подавали недоброжелательные реплики. Меня это возмутило. Я подумал, что они

хотят организовать "кошачий концерт" в виде ресторанной демонстрации против

СССР, и я решил отреагировать немедленно: тут же прервал свою речь и

обратился к ним. Но не уговаривал их не мешать выступлению, а сам перешел в

наступление:

"Думаю, что я понимаю вас правильно. Вы выступаете против советского

государства, против социализма. Но я тут не проситель и не пришел к вам с

протянутой рукой просить подаяния, а представляю великий Советский Союз,

государство рабочего класса, которое достигло определенных успехов. Поэтому

мы и предлагаем вам торговлю на условиях взаимных интересов. Предлагаем мир.

Думаю, что такие предложения полезны всем странам мира". Сейчас я вольно

излагаю содержание моего выступления, говорю по памяти. Оно, конечно, было

опубликовано, так что весь разговор стал достоянием читателей. Молодые люди

притихли, а другие стали шикать на них и потребовали, чтобы те держали себя

прилично. Так я достиг своей цели, резко оборвав их, продемонстрировал силу

нашего государства и свою непреклонность. Это произвело должное впечатление.

Далее меня слушали очень внимательно, хотя ничего нового, никаких особых

предложений я не внес. Они вытекали из проводимой нами политики мирного

существования, развития торговых и экономических связей со всеми странами,

в том числе с Соединенными Штатами Америки.

Позднее меня известили, что Нельсон Рокфеллер желал бы нанести визит в

гостиницу, в которой меня поместили. Я ответил, что охотно встречу с ним.

Я был уже знаком с ним по встрече в Женеве. В согласованный час он

приехал(4). Этот живой, подвижный человек одет был элегантно, но без

роскоши, именно так, как в то время одевались все деловые американцы. Я

говорю об этом потому, что Рокфеллер - не просто капиталист, а крупнейший

капиталист. Визит был кратким, без беседы: мы поздоровались и обменялись

несколькими фразами насчет того, что уже встречались ранее. Он сказал:

"Считал своим долгом нанести вам визит и пожелать всего хорошего". А на

прощание он бросил фразу: "Не исключаю или даже надеюсь, что эта наша

встреча - не последняя. Возможно, мы с вами будем иметь в дальнейшем деловые

свидания". Я ответил, что буду рад встретиться, особенно на деловой почве.

Его слова я расценил как намек и на то, что он не теряет надежды занять

президентское место. Тогда мы встретились бы в ином качестве, и у нас

появились бы другие возможности построения отношений между нашими

государствами. Это, конечно, лишь мое толкование его слов, которое вытекало

из его реплики.

Мне показали Нью-Йорк. Я проехал по улицам, поднимался на самый высокий

небоскреб. Все туристы пользовались им ради обзора города. Не знаю, сколько

в нем этажей, но, действительно, здание очень высокое. Когда мы поднялись

наверх, там гулял свежий ветер. Владелец, не то управляющий домом,

сопровождал нас и показывал окрестности(5). Это было впечатляющее зрелище.

Небоскребы очень верно описаны в книге Ильфа и Петрова "Одноэтажная

Америка". Какое-то их количество имелось тогда и в других городах США. Так,

в Сан-Франциско я тоже видел небоскребы, но в Вашингтоне они мне не попались

на глаза.

Поступило приглашение от господина Гарримана(6)
навестить его в

собственном доме. Мне передали, что, если я соглашусь на
встречу, хозяин

пригласит к себе друзей - бизнесменов, с которыми можно
обменяться мнениями.

Мне это предложение очень понравилось, поскольку предстояла
именно деловая

встреча, хотя и без заранее оговоренной повестки дня, и в
назначенное время

я прибыл к Гарриману. У нас к нему сложилось особое
отношение. Во время

второй мировой войны он являлся послом США в Советском
Союзе. Мы его

рассматривали как доверенное лицо президента Рузвельта,
посол проводил

политическую линию, которая нам импонировала: он считал
необходимым

укрепление военного союза против гитлеровской Германии, и
все, что было в

его силах, использовал для поддержки СССР. Главным
образом поддержка

заключалась в обеспечении нас материалами, необходимыми
для производства

оборонной техники, особенно металлами. Нужно отдать США
должное: они дали

нам очень многое. Я уже говорил ранее в своих
воспоминаниях и повторяю

здесь, что в деле поддержки Советского Союза решающим тогда был вклад США.

Но каждому мало-мальски мыслящему человеку должно быть ясно, что это не

было какой-то любезностью вследствие уважения к нашему строю и нашим

политическим взглядам, тем более к коммунизму в принципе. Нет, это делалось

сугубо на коммерческой основе: мы вам даем сталь, дюралюминий, бензин,

тушенку и прочее, а вы своей кровью платите за это в борьбе с гитлеровской

Германией. Но обстоятельства наши были таковы, что не давали нам выбора. Мы

стремились выжить, поэтому согласны были и на такие условия, да еще

благодарили. Ленин предвидел, что социалистическая страна может использовать

противоречия между капиталистическими странами в своих интересах. И вот

Сталин сумел убедить США оказать нам помощь. В этом вопросе я абсолютно

согласен со Сталиным, который тоже очень высоко ценил помощь со стороны США:

неоднократно в беседах лично со мной или в узком кругу членов Политбюро он

говорил, что, если бы не Америка, не ее помощь, мы бы не справились с

Гитлером, потому что лишились многих заводов, средств и материалов,

необходимых для ведения войны.

Роль Гарримана была тогда большой. Он понимал: чем больше мы получим

оружия, тем лучше будем воевать, тем больше обескровим гитлеровскую армию,

тем легче достанется победа Соединенным Штатам. Заплатив и нашей кровью, они

хотели прийти к победе над общим врагом и занять соответствующее положение в

мире. Его они и заняли после войны. Я слышал, что Гарриман был у нас до

победы революции владельцем разработок марганцевых руд в Грузии(7). Со слов

Сталина знаю, что когда мы заняли финский город Петсамо, возле которого

имелись никелевые разработки, принадлежавшие какому-то канадскому обществу,

то обнаружили, что их акционером являлся Гарриман(8). После войны Петсамо

вошел в состав Советского Союза под названием Печенга. Как объяснял Сталин,

так мы заимели общую границу с Норвегией, а главное, нас привлекал никель.

Исторически эта территория осваивалась когда-то и русскими людьми, там жили

русские поселенцы(9). От них остались различные памятники.

Кроме того, данный район имел большое стратегическое значение, обладая

незамерзающими портами для гражданского и военно-морского

флота. Помню, как

Сталин высказывал мнение, что надо хоть и не полностью, но какую-то все же

компенсацию дать Гарриману. Не знаю, было ли это сделано. Я уже говорил

ранее, что Сталин, даже высказываясь, никакого обмена мнениями в то время

уже не терпел. Мог слушать нас, если это не противоречило его пониманию

вещей, но не нуждался в каких-либо советах, вел себя как диктатор,

единолично решая все вопросы. Я это вспоминаю, чтобы подчеркнуть, каким было

отношение Сталина к Гарриману. Считаю его правильным, потому что Гарриман

своей политической линией заслуживал этого. Посол ведь играл большую роль,

потому что контакты США с СССР шли прежде всего через посла, и многое

зависело от того, как он докладывал и как излагал наши пожелания. Гарриман

относился с пониманием к интересам Советского Союза, хотя через помощь нам

проглядывали обеденные ложки интересов США.

Когда я прибыл в дом Гарримана, то увидел группу бизнесменов, которых он

пригласил по своему усмотрению. Их было человек 15 - 20. Большая комната

была вся заполнена присутствующими. Собрались люди

разного возраста и

внешнего вида, типичные капиталисты, но отнюдь не фигуры со свиноподобными

физиономиями, как изображали их на наших плакатах времен гражданской войны.

Они вовсе не походили на плакатных буржуа. Некоторые были одеты вообще

довольно скромно, и их костюмы ничем не свидетельствовали, что владельцы

этих одеяний являются крупнейшими капиталистами. Гарриман познакомил меня со

всеми, каждого представил, рассказал, чем он владеет и какую продукцию

производит его фирма. Там собралось немало интересных для нас людей. Потом

подали вино. Какие были напитки, сейчас не помню, но шампанское стояло на

подносах. Прием был не за столом: в большом зале люди сидели или ходили и

беседовали друг с другом. Позднее и у нас ввели такой вид приема. Ведь когда

устраивается просто обед, то все сидят за столом, и тут невозможны широкие

контакты, потому что раз тебя посадили, то можно перебрасываться фразами с

соседями справа, слева или перед собой, а с другими поговорить нельзя. Когда

же люди имеют свободное передвижение, то поговорят, с кем хотят.

**Признаться, когда Гарриман предложил мне такую встречу с
влиятельными**

**лицами, я питал некоторые надежды на возможность установить
деловые связи.**

**Однако не сразу все делается. Как говорится, и Москва не сразу
строилась.**

**Начинать надо с малого. И когда я стал беседовать с
присутствующими, то**

**увидел, что нет никаких надежд на то, чтобы лед тронулся тут
же: условия для**

**развития экономических связей еще не созрели. Помню,
Гарриман представил мне**

**владельца химических предприятий, человека лет 50 - 60,
довольно грузного.**

**Он хорошо говорил по-русски и, кажется, был евреем по
национальности. А**

**разговаривал он таким тоном, который не обещал никаких
деловых контактов, и**

**задал вопрос: "Ну что нам торговать с вами? Что вы могли бы
нам продать?"**

**Это были не только его вопросы. Такую фразу я очень часто
слышал, когда был**

**в Америке, при встрече с деловыми людьми. Данный же
бизнесмен сказал, что**

**согласен за золото и сейчас продавать нам товары. Впрочем,
его слова не**

**соответствовали действительности, потому что имелось вето
конгресса на**

**продажу социалистическим странам определенных видов
товаров или сырья.**

Курили, в зале плавал табачный дым. Многие подходили ко мне и

перебрасывались фразами. Велось прощупывание: что это за человек? С чем он

приехал? Главным образом, думаю, что тут был нажим, стремление оказать

давление, создав впечатление о безысходности ситуации. Может быть, они

хотели выступить единым фронтом с правительством, чтобы мы приняли их

условия, продиктованные нам? Условия были не только экономические, но и

политические, такие, против которых мы ранее воевали и готовы были биться до

последнего. Таким образом, встреча у Гарримана ничего нам не дала. Не скажу,

что она меня разочаровала, но если я и питал какие-то надежды, то они не

оправдались. После данной встречи деловые люди уже ничем себя не проявили,

не оказывали желательного нам нажима на правительство и не создавали

общественного мнения в пользу развития экономических связей и торговли с

Советским Союзом.

Настало время уходить. Я поблагодарил Гарримана, распрощался с

присутствующими и уехал в гостиницу. Какое же на меня произвел впечатление в

**целом Нью-Йорк? Видимо, не смогу добавить чего-либо
большого, чем уже**

**написано нашими писателями и журналистами, которые
ездили туда, ходили**

**повсюду, заглядывали во все уголки города во все времена года
и все часы**

**суток. Я ведь мало видел Нью-Йорк, как и другие города США.
Официальное лицо**

**ограничено в своих действиях и возможностях. Сложилось
впечатление, что это**

**очень большой и шумный город. Поражали световая
реклама, насыщенность**

**автомобильным движением, сопровождаемым отравленным,
испорченным газами**

**воздухом, который душит людей. Как во всяком
капиталистическом городе,**

**соседствуют нищета, трущобы и роскошь. Закончилось мое
пребывание в**

Нью-Йорке.

**Никаких особых антисоветских проявлений против меня и
сопровождавших меня**

**лиц я там не видел и не чувствовал. Пешком в Нью-Йорке не
ходил, поэтому и**

**проявить неприязнь к нам враждебным элементам было
трудно. А вот в**

**Сан-Франциско я как-то встал рано утром, вышел "в
неорганизованном порядке"**

**из гостиницы и направился гулять по улице. Тут же за мной
увязалась охрана,**

приставленная правительством. Она меня сопровождала, но сопровождение было

корректным. Я видел, что люди, охранявшие меня, ничем не выделялись в толпе

и не были в полицейской форме, хотя имелись и полицейские. В Сан-Франциско я

тоже нигде не встречал каких-то выпадов, выходов враждебных нам сил,

которые, безусловно, были, есть и будут, пока существуют две социальные

системы. Даже в одной системе - и то к руководству возникает разное

отношение. Занимая высокое положение в Советском Союзе, я получал немало

писем, авторы которых довольно резко выражались в адрес политики, проводимой

правительством нашей страны. Это всегда бывает. Тем более, когда налицо

такие контрастные страны и со столь контрастной политикой, как СССР и США,

антагонистические страны. Их государственные системы создают антагонизм, а

люди поддерживают его и развивают. Поэтому я, так сказать, "был готов". Если

не встречал выпадов, то это не значит, что там нет враждебных сил. Иначе был

бы слишком упрощенный подход, непонимание классового подхода.

Программой было запланировано и посещение штата Айова. Когда мы прибыли

туда, прием оказался хороший, были проявлены должное внимание к нам,

вежливость, все церемонии, которые положены при приеме гостей. В Айове было

намечено посещение фермы господина Гарста(10). Я очень хотел побывать у

него, потому что был с ним знаком. Первый раз я встретился с ним в 1955 или,

может быть, 1954 г. в Крыму. Он приезжал в Советский Союз и познакомился с

нашими сельскохозяйственными предприятиями. Теперь он пожелал встретиться со

мной. Я остался очень доволен нашей встречей. Гарст - интересный человек,

прекрасно знающий свое дело. Уже после визита в США я встречался с ним

несколько раз в СССР, когда он приезжал и один, и с супругой. Я всегда

принимал его, мы беседовали. Собственно говоря, говорил больше он, а я его

слушал, поскольку то был очень интересный собеседник, хорошо знающий

сельское хозяйство, не лектор и не докладчик, а конкретный деятель. Он сам

вел свое высокорентабельное, прибыльное хозяйство и поэтому был интересным

собеседником.

Когда мы прибыли в Айову, мой помощник Андрей Степанович Шевченко (ранее

агроном), уважаемый, скромный, знающий и любящий свое дело человек, передал

мне, что установил доверительные отношения с Гарстом, который высказал

пожелание о встрече на ферме. При этом он выразил такое суждение: люди,

принимающие Хрущева, да и сопровождающие его - городские, привыкшие вставать

поздно; они не знают, что такое восход солнца; а он - фермер, встает рано, с

солнышком. Вспомнив наши прежние беседы, он сделал вывод, что я, живя ранее

в сельской местности и зная крестьянский труд, тоже смогу поступить

по-Гарстовски. И через Шевченко он передал предложение: "Хорошо, если бы

господин Хрущев согласился и укатил ко мне на ферму рано утром". А когда я

появился в Айове, Гарст предложил мне: "Господин Хрущев, поедемте одни,

остальные пусть спят, приедут попозже. Я смогу вам все спокойно показать и

рассказать". Тут я понял, что он совершенно не представлял себе официальное

положение государственного гостя, который не может тайно сбежать из

гостиницы в неизвестном направлении. Это было совершенно нереально. Ведь

меня сопровождал Лодж и охраняла полиция, которая не имела права выпускать

меня из поля зрения. Поэтому согласиться на тайное умыкание вроде того,

которое практиковалось в давние времена на Кавказе и в Средней Азии, я не

мог. В моем положении гостя президента возникло бы сразу столько шума, когда

обнаружится, что гость сбежал!

Через Шевченко я передал Гарсту, что раннее уединение нереально, хотя и

было бы для меня очень интересным. Когда его план отпал, назначили день и

час выезда на ферму. Там Гарст встретил нас. У него были и другие

приглашенные. Там я встретился с господином Стивенсоном(11), который сейчас

уже умер. Стивенсон выдвигался на пост президента США от демократической

партии, но, к сожалению, не собрал нужного большинства голосов. В таких

случаях говорят: провалился на выборах. Тем не менее он являлся уважаемым

человеком. Я с ним встречался до своего приезда в США, когда тот бывал в

Советском Союзе. И во время прежней беседы я сделал вывод, что Стивенсон -

реально мыслящий человек, который хочет повернуть политику США в сторону

сближения с СССР и взаимопонимания, что он правильно понимает необходимость

укрепления дружеских отношений со всеми странами мира, а в первую очередь с

такой великой страной, как Советский Союз.

Гарст познакомил меня с гостями, супругой и сыновьями. С его супругой я

тоже встречался ранее, когда чета Гарстов приезжала в Сочи, где мы провели

много часов в спокойной обстановке, хотя и не на поле, а на веранде

государственной дачи у самого берега моря. Та беседа тоже была для меня не

только полезной, но и поучительной. Я внимательно слушал его и запоминал

сказанное, с тем чтобы перенести его опыт на нашу почву. Этот опыт полностью

переносим и полностью повторяем, тут стоит лишь вопрос о материальных

средствах и соответствующих знаниях людей, занимающихся сельскохозяйственным

производством. Нужная же техника имелась у нас в полном наборе и достаточном

количестве. Вот какое впечатление произвел на меня этот замечательный

фермер! Один сын Гарста был агрономом, о другом не могу ничего сказать, но

оба они милые люди. Мне понравилось, что агроном Гарст не только способен

был давать указания, а и мог сам сесть на трактор, выехать на поле,

произвести вспашку земли или уборку. Это вообще большое достоинство всех

агрономов и зоотехников, которых готовят в США в сельскохозяйственных

колледжах.

Началось знакомство с фермой. Сопровождающих лиц было очень много,

включая журналистов. Как говорят у нас: видимо-невидимо. И я вспомнил

образное выражение украинского крестьянина, егеря Прокопа. Когда тот хотел

подчеркнуть, что уток на болоте видимо-невидимо, то говорил: "Як гною" (что

в переводе с украинского означает: "Как навоза"). Не знаю, сколько собралось

корреспондентов, но похоже, что огромная армия. Гарст начал знакомить меня

со своим хозяйством. Прежде всего мы пошли на ферму, где откармливались

бычки.

Поглядели на откормочные сооружения - большие сараи, что для меня

оказалось не ново. Подростком в 1908 г. я пас овец у помещика, генерала

Шаукаса. Какое-то время работал и у помещика Васильченко, который имел тоже

крупное имение, но находившееся не на высоком уровне. А имение Шаукаса было

высокопродуктивным хозяйством с высокими урожаями

зерновых, сахарной свеклы

и других культур. Генерал выращивал прекрасных верховых лошадей чистокровной

английской породы, большое количество тонкорунных овец, сбывал шерсть.

Постройки там были капитальные: строили прежде крепостные, труд был даровым.

Стены - из красного кирпича, выглядели, как крепость. Механизации раздачи

кормов и водопоя в кошарах и конюшнях, конечно, еще не имелось, использовали

колодцы. Конюхи или пастухи бадьей вычерпывали оттуда воду и разливали в

корыта. Но в остальном...

Говорю об этом, поскольку повидал хорошие помещичьи хозяйства и жалел,

что все это в революцию было разрушено. А могло бы ведь пригодиться нашим

совхозам и колхозам. Когда я приезжал позднее к себе в Калиновку, то

обнаружил, что остался только помещичий дом-дворец, остальное же по

кирпичикам было разобрано, хозяйство разрушено. Понимаю, конечно, сколько

ненависти накопилось у крестьян, сколько пота они там пролили, сколько крови

высосали из них помещики, сколько спин высекли кнутами и розгами. Однако

взрыв гнева смел не только тех, которые пороли, но и то, что

крестьяне сами

создали и чем раньше владел их деспот. Богатства, созданные их руками, могли

бы служить людям. Но понимания дела не было проявлено, и по всей России все

было сметено. Нового такого крестьяне не построили. Зато власть обрел

трудовой народ.

Я сделал тут экскурс на несколько десятков лет назад, с тем чтобы

сказать, что хорошие постройки видел еще в дореволюционное время. Теперь же

я сравнивал. Раздача кормов у Гарста механизирована. Комбинированные корма

составлялись из различных полезных компонентов, сбалансированных по всем

элементам. Это необходимо для лучшего питания животных, чтобы при меньшем

количестве кормов получить максимально возможный привес. Такой подход усвоен

всеми фермерами США в их практике. Если фермер этого не усвоит и будет

почесываться, как это делается у нас в деревне еще и сейчас в колхозах и

совхозах, то такой фермер разорится и вылетит в трубу. Его съедят соперники,

и он не выдержит конкуренции на рынке сбыта. Вот большое экономическое

достижение американских фермеров, да и не только

американских.

Советское руководство было осведомлено о таком ведении хозяйства, но не

внедряло его у нас, да и сейчас, к сожалению, не внедряет. Мы тоже знаем

комбикорм. Но что такое наш комбикорм? Негодное, прелое, полугнилое зерно

или какие-то остатки, как украинцы говорят, - смиття, то есть зерно вместе с

мусором и землей. Такой корм прямо скармливают скоту или перемалывают с

другими компонентами. Еда получается малопродуктивной и не может дать

должного эффекта. А минеральные добавки и сейчас очень редко кто у нас

использует, хотя они апробированы наукой и рекомендованы учеными. В США же

все, что выходит из лаборатории или из-под пера ученого, что проверено

экспериментом и дало эффект, сейчас же внедряется. Там существуют

специальные организации, которые за особую плату дают рекомендации по

внедрению хороших новинок на фермах. С фермером заключается договор; колледж

или институт посылает к нему специалиста, который дает указания, организует

внедрение новинки и наблюдает за ходом дела, пока оно не будет освоено

фермером. Затраты фермера с лихвой окупаются в результате использования

новинки в хозяйстве.

Помню, как я заметил, что у корыт животными был рассыпан корм, и заметил

Гарсту, что это нерационально. В ответ Гарст пробасил: "Да, случаются и

неизбежные потери". Он понял, что я пошутил, но все же сказал, что надо

подумать об уменьшении потерь. Потом показал мне бычков: в отличном

состоянии, прекрасной упитанности, с хорошими привесами. Да иначе и быть не

могло. Плохие привесы - плохой хозяин, разорение, крах, продажа имущества с

молотка. Гарст был не таков. Он занимал очень хорошие хозяйственные позиции

и твердо врос ногами в почву, на которой вел дело. Когда он показал мне

силосные башни, то объяснил, что тут налицо вчерашний день: башни уже не

используются. Я удивился, а Гарст пояснил, что изучил различные способы

силосования и нашел более легкие и доступные. Сейчас в США делают

огороженные цементные площадки или же, используя рельеф местности, вырубают

коридоры в земле и закладывают силос. Такое его приготовление дешевле, а

**заполнение лучше, облегчается и доставка животным. При
силосовании в башнях**

**надо высоко транспортировать массу, потом ее извлекать. В
траншеях этого**

**нет. Мы сначала повторяли опыт американцев в строительстве
силосных башен, а**

**потом тоже от них отказались. То есть копировали. И
правильно делали, так**

как своего опыта у нас не имелось.

**Я ходил и восхищался. Понравилась мне подача воды с
помощью самых простых**

**средств механизации: поставили насос, проложили трубы, и
вот вам**

**механическая подача воды. Пошли мы на поля. Кукуруза у
Гарста была главной**

**культурой. Не помню, какие культуры он еще сеял. Лучший
корм для крупного**

**рогатого скота - кукурузный силос. Там хозяйство держалось на
монокультуре,**

**на кукурузе. Так как я был знаком с кукурузой, и в СССР
имелись хорошие**

**примеры ее выращивания, то я знал, как ее лучше сеять и
обрабатывать, чтобы**

**получать более высокий урожай. Мы в то время
пропагандировали у себя**

**квадратно-гнездовой посев кукурузы, тоже выдумку
американцев, в свое время**

практиковавших такой способ.

Теперь у Гарста я увидел ширококорядные посевы, такие, какие

использовали

до революции наши крестьяне. Я спросил о причине, и он ответил, что при

таком способе меньше трудовых и денежных затрат. Он прав. Если сеять

квадратно-гнездовым методом, то посевы для уничтожения сорняков и окучивания

растений обрабатывают в двух направлениях. Я видел посевы кукурузы на

Украине, еще когда работал на заводе, расположенном в деревне. Кукуруза была

главной культурой для кормления скота. Бывало, едет украинец на базар в

Юзовку, захватит мешок кукурузы и обязательно корыто в арбу, потом насыпает

початки в корыто, и лошади грызут кукурузу. Тогда крестьяне обрабатывали ее

вручную, поэтому получали хорошие урожаи. А если механизировать

производство, когда ручного труда не хватает (а его всегда надо экономить),

то более эффективно возделывать кукурузу квадратно-гнездовым методом. Да и

другие пропашные культуры тоже.

Теперь, когда появились химические средства борьбы с сорняками,

американский фермер получил возможность вернуться к широкорядным посевам,

обрабатывая их только в одном направлении, а сорняки около

стебля уничтожая

**гербицидами, то есть химическим ядом. И я сказал Гарсту:
"Вот наилучшее**

**размещение кукурузы, чтобы был один стебель, максимум
два". Ширина**

**междурядья у нас сложилась в 60 - 70 см, американцы же
оставляли 80 см,**

**стебель от стебля отстоял примерно на 25 - 30 сантиметров. Я
увидел, что в**

**некоторых местах росло в гнезде не по два или по три стебля, а
до шести,**

**происходило взаимное угнетение растений. Того эффекта,
который мог быть при**

**одном стебле, максимум двух, тут не получишь. Между
стеблями должно быть**

**больше пространства, а корневой системе надо дать
возможность лучше забирать**

**питательные вещества из почвы и обеспечить хорошее
проветривание и**

**освещенность растений. Тогда возникнут благоприятные
условия для роста. Это**

**относится ко всем культурам, но особенно к кукурузе,
потому что она**

**высокостебельная. Если ее густо посеять, то солнце не станет
согревать**

**почву, кукуруза будет расти, но с плохой отдачей. А если
вообще запустить**

**посевы, то и початков не будет. Об этом я рассказывал
Гарсту. "Да, вы**

правильно, придирчиво относитесь к посевам, - сказал он, - надо бы делать

прореживание вручную, но это требует много ручного труда".

Когда мы ходили по полю, нас сопровождала огромная армия журналистов,

фотографов и кинооператоров. Они бегали и справа, и слева, и навстречу, и

вслед, так как им требовалось заснять нас в разных положениях. У меня

сохранилась фотография. Там в объектив попал маститый журналист, господин

Солсбери(12). Он в разное время по-разному освещал жизнь СССР, но в любом

случае правильно понимал необходимость строить наши отношения на доброй

основе. Когда мы шли с Гарстом, Солсбери хотел пробежать перед нами и

сфотографировать нас, но Гарст так рассердился, что отпечатал свою подметку

на заднем месте корреспондента. Это все тоже заснято и потом появилось в

печати. На этот счет было много шуток и зубоскальства. Вот какие возникали

эпизоды. Надо понять Гарста! Видимо, он исходил из соображения, что ферма -

его, земля - его, он тут хозяин, пригласил к себе в гости Хрущева, а ему

мешают, и он использовал свои законные права. На какого-то другого

корреспондента он тоже рассердился, схватил стебель кукурузы и метнул в

него: что вы мешаете мне? Одним словом, был разъярен. У него никогда не было

прежде и, наверное, никогда не будет после моего посещения такого количества

людей на поле. Тут стряслось нашествие, что для сельского хозяйства очень

вредно. Гарст боялся, что если ему вытопчут посевы хуже, чем им навредит

саранча, то хозяйство потерпит убытки. Лишние люди раздражали Гарста, и он

медведем ревел против всего, что ему мешало.

Настало время обеда на ферме. Мы с Ниной Петровной осмотрели дом Гарста.

Дом был хороший, приятный, обычной архитектуры, никаких лишних украшений:

жилой дом богатого, но делового человека, умеющего считать деньги. Я это

говорю к тому, что если бы он захотел, то по своим капиталам мог бы себе

позволить и роскошь. Но пустые затраты не свойственны Гарсту. Он не жаден, а

рационален. На то, что необходимо и дает прибыль хозяйству, не жалеет, а

траты, которые не окупаются, считает глупыми. Хорошо, если бы этим

капиталистическим принципом руководствовались наши люди, работающие в

социалистическом хозяйстве. К сожалению, сейчас, когда я читаю газеты, часто

встречаю сногшибательные примеры того, как незначительные хозяева пускают

народные средства в трубу.

Раньше я представлял себе Гарста скромным в делах человеком. Здесь же я

увидел его в натуре, в действии и воспылил к нему уважением. Это уважение

сохраняю и сейчас. Некоторые скажут: "Как же так? Хрущев - коммунист, бывший

пролетарий, столько проработал на партийной и государственной работе - и

такого мнения о капиталисте, эксплуататоре?". Ответу: социалистический

способ ведения хозяйства более прогрессивен, нет сомнения. Но умение

использовать накопленный опыт, бережливость, рациональное расходование

средств у капиталистов развиты лучше. Надо научиться переносить на

социалистическую почву все полезные знания, накопленные капитализмом. Надо

учиться у капиталистов, как призывал нас Ленин. К сожалению, мы, как

попугаи, повторяя слова Ленина, очень плохо учимся на деле и еще хуже

переносим рациональное в нашу социалистическую действительность. А если бы

мы это делали умело, то как бы двинулись вперед! В вопросах оплаты,

нормирования труда, обслуживания трудящихся мы, конечно, не можем брать

пример с капиталистических предприятий. У нас создаются свои нормы, на

основе социалистического законодательства. Тем не менее, многое могли бы

позаимствовать и у своих классовых врагов и в переработанном виде перенести

их достижения на социалистические предприятия.

Вернусь к Гарсту. Расположение комнат дома тоже было рациональным. Мне

очень понравилась планировка дома, отвечающего всем современным требованиям.

Он был удобен для жизни, хотя и не имел излишеств. Внешне, если посмотреть

на одежду

Гарста, скажешь, что она была добротна, но не кричаща. Ее владелец не

гнался за модой. Этот уравновешенный человек, твердо стоящий на земле, вел

большое дело. Не знаю, каковы его капиталы, такого вопроса я не задавал, это

неприлично, тут секрет предпринимателя. В заимствовании же опыта ведения

хозяйства я был сильно заинтересован. Удивительно все-таки: вот капиталист,

а мы коммунисты, но он охотно раскрывает свои

производственные секреты и

делится ими. Когда он бывал в Советском Союзе и в наших хозяйствах видел

что-либо неправильное, то ревностно критиковал это, с гневом набрасывался на

тех, кто плохо работал. Казалось бы, капиталист - и хочет лучшего для

социализма? Видимо, у него классовые чувства стираются в такой момент, когда

он загорается гневом: не делай так, как нельзя делать! Тут он из капиталиста

превращался просто в хозяина.

Как-то Гарст оказался в колхозе при посеве кукурузы. Ее высевали без

одновременного внесения в почву минеральных удобрений. И он набросился на

колхозников: "Нельзя без минеральных удобрений!". Конечно, для такого сева

нужны особые сеялки. В том хозяйстве таких сеялок не было. Но все равно,

удобрения надо было вносить. Председатель колхоза объяснил, что удобрения

внесены в почву раньше. Гарст сверкнул глазами из-под нависших бровей и

смирил свой гнев. Просто не знаю, что бы он там сделал, если бы имел

какие-то права! Как человек, привыкший к порядку, увидев безобразия даже в

чужом хозяйстве, он забывал все остальное. Для него было

главным не вредить

делу. Такую черту характера я сразу подметил у этого человека и за это очень

уважал и высоко ценил его.

Когда Гарст с женой показывал нам с Ниной Петровной свой дом, то других

гостей туда не пустил. Обед был организован перед домом, в саду расставлены

столы, и хозяин угощал только тех, кого считал именно гостями: людей,

которые меня сопровождали и входили в состав делегации, а об остальных

вообще не думал. Они выходили из положения сами, питаясь в ресторане

ближайшего городка. Погода солнечная, в садике было уютно. Когда мы с

Гарстом вышли из дома, к нам подошел Стивенсон, в приподнятом настроении,

хотевший сфотографироваться с нами. Один встал справа от меня, другой -

слева, положили мне руки на плечи и в таком непринужденном виде позировали

перед фотографами и кинооператорами. Гарст хохотал вовсю, а он умел

хохотать. Человек он мощный, тучный, но приятной наружности. Может быть, это

я его так воспринимал, потому что хорошо к нему относился, и все в нем

казалось мне приятным. Может быть, другой человек

воспринимал бы его

критически. Я же воспринимал его двойственно: как человека и как

капиталиста. Как капиталист он относился к моим классовым врагам. Как к

человеку, с которым я познакомился и был его гостем, я относился с большим

уважением, ценил его за знания, за бескорыстное желание поделиться опытом и

передать свои знания другому, даже социалистическому хозяйству. Таких

капиталистов найдешь немного.

Обед же описывать нечего. Американцы умеют хорошо покушать: и принять, и

угостить. Из каких блюд состоял обед, не помню, но то был не квас с редькой.

Там умеют очень хорошо готовить. Консервированные продукты тоже произвели на

меня хорошее впечатление высокими вкусовыми качествами. Хочу еще кое-что

надиктовать о своих беседах с Гарстом, о своих контактах с ним и

впечатлениях, чтобы было понятно, почему я так расположен к этому человеку.

Наше знакомство произошло во время его первого приезда в СССР(13). Настроен

Гарст был тогда высокомерно, кукурузу считал царицей полей, главной

культурой для животноводства в виде силоса и в виде зерна. Я и

сейчас с ним

полностью согласен, а он уже тогда был большим пропагандистом этой культуры.

Некоторые люди в СССР меня не понимали прежде и не понимают теперь. Есть и

такие, кто осуждал меня в то время и осуждает сейчас. Думаю, что по

невежеству. Они не понимают, что нет другой культуры, равной кукурузе, для

животноводства. Мне могут возразить, что далеко не всюду. Да, но главное

заключается в людях. В одном и том же климатическом районе у одного человека

кукуруза не растет, а у другого дает по 500 и 1000 центнеров силосной массы.

Если говорить грубо: у умного она с эффектом, а у дурака и овес с ячменем не

вырастут.

Гарст активно пропагандировал у нас кукурузу. По-моему, привез даже с

собой образцы. Я сказал ему: "Господин Гарст, вы должны понимать, что у нас

массовых посевов кукурузы не производится, зоны ее посева ограничены, хотя

она должна была распространиться по всему Советскому Союзу, за исключением

Севера. Но там, где растут пшеница и ячмень, там и кукурузу можно

возделывать на силос при умелом уходе и соответствующем

подборе ее сортов.

Поэтому я рад вашей пропаганде". И рекомендовал ему поехать в Одессу, в

институт имени Лысенко, чтобы посмотреть посевы кукурузы. Там ею занимался

академик Ольшанский(14). "Вам расскажут и покажут, как ведется селекционная

работа и каких результатов добился этот институт. Там создан лучший для юга

сорт на зерно, Одесская-10 (сокращенно Од-10), королева среди других сортов.

Когда вы увидите, а вы знаете это дело лучше меня, то поймете, что и мы не

новички. Но нам надо расти и вширь, и вглубь. Исходные научные знания мы уже

имеем, умеем также создавать гибридные сорта. Давайте обменяемся сортами,

селекционными секретами: мы вам свои, а вы нам - свои".

Он задумался: "Господин Хрущев, если бы я мог решать один, то принял бы

ваше предложение. Но я акционер, поэтому все должно решать правление. И я

заранее могу сказать вам, что правление не согласится, хотя я пошел бы вам

навстречу и не держал бы секретов. Когда ваши люди приедут к нам, то смогут

ознакомиться с делом и все посмотреть. Но исходные данные сортов, из которых

создается гибрид, мы не сможем дать, это секрет". Я возразил:

"Не знаю,

**получу ли я лучший товар, предлагая обмен, чем наши сорта.
Думаю, что наши**

**сорта получше". Потом все обратил в шутку, ибо понимал, что
предъявлять**

гостю претензии ни к чему.

**Гарст съездил в Одессу и видел на корню Од-10. Одесситы
подарили ему**

**початки. Ольшанский потом рассказывал мне, что когда Гарст
посмотрел на**

**посевы разных сортов кукурузы, то сильнейшее впечатление
произвела на него**

**именно Од-10. Когда ему подали початок, он его поцеловал и
сказал: "Хрущев**

**был прав. Вы можете не покупать семена, сами имеете
селекционеров, которые**

**умеют выращивать такие мощные початки". Это была
приятная оценка**

**деятельности наших ученых. Я гордился ею и смело смотрел
Гарсту в глаза: в**

**выведении сортов кукурузы мы не отстали от Америки, наши
сорта не хуже, а**

**некоторые из них и получше. Но мы отставали в возделывании
этой культуры, ее**

**уборке и особенно переработке. Американцы делают из
кукурузного зерна**

**невероятные продукты, просто чудеса. А мы примитивно
размалываем его или**

используем неразмолотым. В неразмолотом виде кукурузное

зерно не отдает всех

своих питательных веществ. Это приводит к перерасходу кормов при выращивании

птицы и крупного рогатого скота.

Гарст прочел мне целую лекцию о сельском хозяйстве. Потом сказал:

"Господин Хрущев, сейчас американские фермеры ведут сельское хозяйство,

исходя из данных, которыми располагает наука стран Запада. В чем это

выражается? Раньше считалось, что нельзя заниматься монокультурой, что нужен

плодосмен, многопольное ведение хозяйства. При многопольном ведении с

травопольной системой в основу положен плодосмен с посевом трав - люцерны и

клевера или тимофеевки с подсевом клевера. Наука считает, что такой подход

устарел. И я тоже так считаю. Плодосмен вызывался тем, что каждая культура

имеет своих вредителей. Если одну и ту же культуру высевать на одной и той

же площади, следовательно, будет увеличиваться количество вредителей. В

конце концов эта культура перестанет родить или же ее продуктивность упадет.

Сейчас такой проблемы нет, мы имеем гербициды и другие химические вещества,

которые дают возможность бороться с вредителями. Я уже

сколько лет сею

кукурузу по кукурузе и с каждым годом увеличиваю сбор урожая, повышаю

урожайность. Раньше мы высевали клевер или люцерну, так как они накапливают

азот в своих корнях. Последующая культура могла использовать азот и дать

хороший эффект. Сейчас это тоже отпало. Мне выгоднее купить азот, калий,

фосфор, другие удобрения в комбинированном состоянии и вносить нужное их

количество и в нужном ассортименте под ту или иную культуру. Это стоит

дешевле и экономически эффективнее. Я сейчас даже навоз не вывожу на поля.

Хотя у меня накапливается большое количество навоза, я его сжигаю". "Но

почему?" - поинтересовался я. "Потому что вывозить, разбрасывать и

запахивать навоз стоит дороже, чем купить и внести минеральные удобрения.

Поэтому возиться с навозом невыгодно. На гектар я должен вывезти тонны

навоза, а тут лишь килограммы".

Все его рассуждения сводились к тому, что дешевле и что дает больше

прибыли. Разве это плохое мерило? Для капитализма тут вопрос жизни и смерти.

А разве для нас это не имеет значения? При меньших

затратах, меньшем

вложении труда, меньших издержках получить больший эффект, повысить урожай и

производительность труда! Там прибыль пойдет на обогащение капиталиста, а в

социалистических условиях - на удовлетворение запросов трудового народа. Вот

главная цель нашей хозяйственной деятельности. Так что мне было приятно

учиться у него. Оригинальность этого капиталиста состояла в том, что он не

скрывал своих секретов от представителей социалистического государства. И не

только не скрывал, но со страстью критиковал нас, когда замечал, что

хозяйство ведется нерационально, убыточно. Он в дальнейшем раскрывал нам все

свои секреты, просто навязывал их. В один из своих приездов, после

ознакомления с каким-то хозяйством, Гарст предложил: "Господин Хрущев,

хотите, я научу ваших трактористов работать так, чтобы каждый без

использования ручного труда обрабатывал по 100 га кукурузы при

соответствующем наборе необходимых агрегатов?". "Я был бы очень рад, если

это возможно". "Выберите двух толковых людей и пришлите их ко мне на ферму.

Они будут у меня работать вместе с моими сыновьями, а моя жена будет кормить

их". Я поблагодарил его и по горячим следам тут же дал согласие. Так мы и

поступили.

Я лично знал и высоко ценил Александра Васильевича Гиталова(15),

бригадира тракторной бригады в Кировоградской области, энергичного, умного и

хорошего организатора. Простой крестьянин, он стал отличным механизатором, в

совершенстве изучил трактор и другие сельскохозяйственные машины и извлекал

из них максимум экономического эффекта. Поэтому я решил послать в США

Гиталова. Он все посмотрит, все впитает, переймет опыт и сможет внедрить его

в своем колхозе, что станет примером для всех колхозников Советского Союза.

Второго человека я попросил подобрать: пусть сельскохозяйственный отдел ЦК

КПУ, посоветовавшись с руководством областей, наметит кандидатуру.

Гарст действительно разместил обоих у себя. Какое-то время они питались у

него дома, потом стали пользоваться харчевней неподалеку от фермы Гарста.

Это было разумно, и я упрекал себя за то, что сам им не посоветовал этого.

Почему жена Гарста должна страдать из-за мужа, который пригласил двух

посторонних? Это уж слишком! Явное злоупотребление гостеприимством. Но

трактористы сами поправили положение. И правильно сделали. Потом

возвратились домой. Гиталова я все время держал в поле зрения, а сейчас

держу в "поле слуха", слежу за его работой. По радио иной раз передают его

выступления. Читаю также о его успехах в газетах. Теперь я очень много гуляю

и слушаю радиопередачи. Частенько передают по радио о трудовых успехах наших

людей, я слушаю и радуюсь.

Гиталов на деле доказал, что и в наших условиях есть возможность

выращивать кукурузу, обрабатывая одним трактором 100 гектаров. Потом он

обрабатывал уже по 120 - 140 гектаров. Вот какую конкретную помощь оказал

нам Гарст. Ее надо ценить, потому что он за это не получил ничего, кроме

морального удовлетворения. А в моих глазах он еще больше вырос, проявив

такое благородство. Найдутся чистоплюи, которые скажут, что Хрущев

преувеличивает! Ну, что же, есть у нас хорошие коммунисты, фанатично

преданные стране, которые, однако, не в состоянии реально оценить дела

представителей капиталистического общества. Напомню о Савве Морозове(16),

который через Максима Горького оказывал помощь большевикам. Или такой факт.

Съезд РСДРП в Лондоне проходил в помещении(17), для оплаты которого Лениным

был получен кредит от английского капиталиста. Это, конечно, были оригиналы,

не отражающие обычной сущности капиталистов, то есть исключение. Таким же

исключением я считаю и господина Гарста.

В один из своих приездов в СССР он агитировал меня купить в США

предприятия по переработке и сортировке кукурузного зерна. Для нас это было

ново. Я уделял много внимания аналогичным вопросам, беседовал с инженерами

сельскохозяйственного машиностроения, агрономами, учеными, и никто такой

вопрос не поднимал. А в США уже имелись заводы по переработке кукурузы,

которая сортировалась по весу зерен, но не по их качеству. Тут уже другой

вопрос, относящийся к селекционной работе. Переработать огромное количество

зерна и отобрать лучшие фракции, которые дадут должный эффект, - сугубо

механическая и нелегкая работа. Селекционеры иной раз для высева грядок

буквально пинцетом отбирают вручную лучшие зерна. Можно себе представить,

какой это адский труд. На маленькой площади, в порядке научного

эксперимента, ученые так делают. Но в хозяйственно-промышленных масштабах?

Это совершенно нереально и невозможно. Следовательно, когда мы говорим, что

высеваем столько-то килограммов зерна на гектар, то не знаем, сколько там

непригодных зерен (не по всхожести, а по их размеру и объему).

Чтобы отбирать лучшее зерно на посев, американцы создали механизированные

предприятия. Они получают от фермера зерно и хранят. Потом фермерам

продается зерно с гарантией: определенных сортов, скорости всхожести и

других качеств, которые необходимо знать хорошему хозяину, занимающемуся

возделыванием кукурузы. У нас на Украине кукурузу сеют, не сортируя. А что

посеешь, то и пожнешь. От плохих родителей нельзя ожидать хорошего племени.

Гарст преподавал нам добрый урок. Спасибо ему. Я это говорил тогда и повторяю

сейчас. В ту пору я поставил в правительстве вопрос о покупке американских

**заводов. Мы обсудили дело, выбрали людей и послали в США
ознакомиться с их**

**системой. Потом купили несколько заводов и разместили их в
тех районах, где**

**больше всего выращиваем кукурузы: на Украине и Северном
Кавказе, главным**

**образом, на Ставрополье и Краснодарщине. Потом решили
купить какое-то**

**количество семенного материала, чтобы попробовать на нашей
почве лучшие**

**американские сорта силосного назначения. Да и помимо этого
сколько доброго**

**сделал для нас Гарст! И я считал, что надо ему как-то заплатить
за это. Тут**

**заплатить - не коробку конфет купить. Он делец, капиталист, и
мы условились**

**приобрести зерно у той фирмы, где он являлся акционером. Его
кукурузу мы**

**высеем в наших условиях и в разных зонах, проверим ее и
сравним с нашими**

лучшими сортами. А одновременно дадим заработать той фирме.

**Наши инженеры изучили их заводы, улучшили какие-то
механизмы и**

**приспособили к нашим условиям. Мы эти заводы не только
смонтировали и**

**пустили в ход, но и расширили производство для большой
территории, чтобы**

**перерабатывать семенную кукурузу и обеспечивать семенным
материалом всю**

страну. В свой следующий приезд Гарст увидел наши заводы в действии и

отметил, что мы умно поступили, купив такие заводы. Эта похвала для меня

была понятна: при коммерческой операции всегда благодарят покупателя

партнера, дающего возможность заработать. Но он мне сказал с полной

откровенностью: "Я увидел ваши заводы, сделанные по образцу американских, и

улучшения, которые внесли ваши инженеры. Они рациональны. Считаю, что

заводы, изготовленные вами, лучше приспособлены к вашим условиям. Теперь вам

нет никакого смысла покупать такие заводы у нас, вы научились сами делать их

лучше, чем в США. Кроме того, я осмотрел посевы кукурузы из семян, которые

вы купили у нас, и сравнил их с вашими лучшими сортами. Видел также посевы

зерном, которое прошло отбор на заводах по переработке кукурузы, и сделал

вывод, что покупать далее семена в США я агитировать вас не буду, в этом нет

необходимости, так как ваши семена кукурузы не уступают нашим". Вот такая

оценка со стороны Гарста. Чего лучшего можно было ожидать? И я его

поблагодарил еще раз. Мы по-новому стали смотреть на кукурузу и по-новому

**оценивать значение переработки зерна и отбора его на заводах.
Не на словах,**

**а на деле было показано, какие возможности заложены в
кукурузе, если ее**

**правильно высевать, имея для этого необходимые
сельскохозяйственные**

**агрегаты. Техника же у нас была в достаточном количестве,
и мы могли**

**получить такую высокую производительность, о которой прежде
и не мечтали.**

**Ленинское положение - не бояться учиться у капиталистов и
переносить на**

**социалистическую почву то, что достигнуто ими, - постепенно
реализуется.**

**Знания накоплены капиталистами с помощью ученых и
рабочих. Перенеся их опыт**

**на нашу почву, мы сами можем потом дальше развивать его и
добиваться более**

**высокой производительности труда. В соревновании между
социализмом и**

**капитализмом основной вопрос в том, какая система обеспечит
более высокую**

**производительность труда, следовательно, более высокий
жизненный уровень.**

**Ведь при низкой производительности труда нельзя победить
общество, которое**

**имеет более высокую производительность труда. А победа будет
заключаться в**

**удовлетворении сполна потребностей людей. Гарст внес сюда
свою лепту,**

оказывая таким образом помощь социализму. Но и он извлек прибыль.

Помимо того, он очень агитировал меня на развернутое строительство дорог.

И правильно! Он говорил: "Если бы ваши люди увидели, какие дороги с твердым

покрытием имеет у нас каждая ферма! Сколько вы тратите впустую средств на

такие дороги, как у вас? Это нерационально". И был прав. Я это тоже понимал,

но, к сожалению, в то время наши материальные ресурсы еще не были такими,

которые позволили бы внедрить предложенное Гарстом. И на том этапе мы

занимались главным образом призывами, а упор делали на проявление инициативы

колхозами, совхозами и местными организациями.

Централизованно же, за

государственный счет, мы такую работу в то время провести не могли. Думаю,

что у нас дороги тоже станут такими же или даже лучше, чем те, о которых

рассказывал Гарст и которые я сам потом увидел в США.

Заканчиваю воспоминания о пребывании на ферме Гарста.

Там на протяжении

всей нашей поездки была самая непринужденная обстановка.

Встреча с нами

носила человеческий характер, несмотря на то, что столкнулись люди разных

политических взглядов и принадлежащие к разным классам. Каждый при этом

стоял на своей позиции. Гарст - тоже человек убежденный, поэтому я никаких

политических бесед не вел, ибо знал, с кем имею дело. И он не затрагивал

социалистических порядков, потому что тоже хорошо себе представлял, с кем

имеет дело. Несмотря на классовую противоположность, мы легко находили общий

язык по вопросам, которые нас интересовали. Обстановка была очень хорошей.

За обедом Гарст посадил меня рядом со Стивенсоном, дважды кандидатом от

демократической партии на выборах в президенты США. К сожалению, Стивенсон

ни разу не одержал победы. Там же собрались и соседи, тоже фермеры. Вообще

народу было много. Не ощущалось никакой натянутости, никакой условности, как

будто люди собрались провести выходной день за общим столом. Пили умеренно.

Они умели пить и знали, где и как можно себе это позволить. Все проходило,

как говорится, чинно и благородно.

В личных беседах со мной Гарст часто критиковал свое правительство и

порядки. Но не капиталистические порядки в целом, а конкретные ограничения,

которые вводились правительством в отношении фермеров. Фермеров призывали к

сокращению производства зерна, так как США имели большие излишки. Хранение

зерна стоило дорого, соответствующего сбыта на иностранных рынках не было.

Чтобы не сбить цену на многие продукты внутри страны и на мировом рынке,

правительство ограничивало производство. Гарст рассказывал, что получает

премии за каждый незасеянный гектар, и это его возмущало. Он апеллировал к

общечеловеческим чувствам: "В мире столько голодных, а фермеров, которые

могли бы производить значительно больше зерна, заставляют сокращать посевы,

да еще за каждый незасеянный гектар мы получаем компенсацию. Разве это

верная политика?". Это его раздражало, и я с ним был внутренне согласен, но

ни разу не входил в обсуждение этого вопроса. Тут налицо две стороны. Одна,

о которой он говорил и которую выпячивал, - общечеловеческая цель: как

накормить людей. Другая состояла в том, что если бы он сеял столько, сколько

мог, то, безусловно, получил бы больше прибыли, чем получал в виде

компенсации за незасеянный гектар. Эта сторона дела подсознательно в нем

довлела, но он о ней не упоминал. У меня возникла такая мысль, но я молчал,

ибо не хотел его обидеть.

Политических же вопросов, повторяю, мы вообще не касались, а вопросы

торговли обсуждали. Он искренне возмущался тем, почему США не ведут торговлю

с СССР. Считал, что это глупая политика, и не сдерживал себя в выражениях.

Голосовал он, кажется, за демократов, хотя все Гарсты придерживались не

левых взглядов. Но в деталях различий политики партий демократов и

республиканцев трудно разобраться. Существует их общая направленность на

укрепление капитализма и против Коммунистической партии США. Это всем

известная позиция, она много раз излагалась в печати, поэтому я не хочу

заниматься ею в своих воспоминаниях.

И вот что еще заинтересовало меня во время поездки. Согласно программе,

мне предложили посетить некоторые сельскохозяйственные колледжи. Сейчас не

помню, в каком штате это было, но вдали от городов, среди фермерских

хозяйств. Мне там тоже очень понравилось. Я взял это на заметку и хотел в

какой-то степени осуществить нечто подобное у нас при

создании

**сельскохозяйственных высших и средних учебных заведений.
Что же мне**

**понравилось? Студенты этих колледжей сразу учились и
работали, выполняя все**

**сельскохозяйственные обязанности: пахали землю, готовили
семена и**

**обрабатывали их, сеяли, убирали урожай, своими руками
продельвали весь**

**процесс - от посева до сдачи продукции на склад. В
животноводческом секторе**

**тоже все работы производили сами: убирали навоз, чистили и
доили коров,**

**перерабатывали молоко. В результате колледжи выпускали из
своих стен лучше**

**подготовленных специалистов не только теоретически, но и
практически.**

**Теорию, которую вкладывали в их мозги, они тут же применяли
на практике. А**

**потом, приходя на постоянную работу, уже не были новичками,
хотя внешне, по**

**своей молодости, могли бы и не внушать доверия. На деле же
были хорошими**

руководителями и советчиками.

**Это мне нравилось. Считаю, что это правильный подход к
делу. Я был**

**поражен, как фермеры, стоящие на капиталистической
почве, обучают и**

воспитывают своих детей: вовсе не как детей обеспеченных

родителей, а как

людей, которым придется зарабатывать себе на хлеб. Это вынуждало их

заниматься и теорией сельского хозяйства, и практикой, выполнять всю грязную

работу по уходу за скотом и обработке полей. Изнеженный человек вряд ли

пойдет в такое учебное заведение. Но американцы именно так готовят своих

специалистов. У нас же, как правило, высшие сельскохозяйственные учебные

заведения расположены в городах. Образ жизни и обучения в них отличен от

американского. Грязную работу в хозяйстве выполняют не студенты, а рабочие,

для чего содержится огромный штат. На практике студентам лишь показывают,

что и как делается. Я часто сталкивался с такими рассуждениями наших

колхозников в ответ на предложение прислать к ним выпускников учебного

заведения: "Да чему они нас научат? Они же не знают, где перед, где зад у

коровы. Они боятся подойти к корове, чтобы она их не забодала". Когда я

побывал в США и ознакомился с их методом подготовки сельскохозяйственных,

агронômических и зоотехнических кадров, то сразу увидел разницу.

**По возвращении я стал настойчиво пропагандировать
увиденное. Но это не**

**нравилось ни профессорам, ни студентам, что понятно. Жить
в Москве и**

**работать в Тимирязевской сельскохозяйственной академии
прекрасно. Тут**

**старая, маститая академия с большим хозяйством и
квалифицированными**

**преподавателями, но в городе! Ее студенты не рвутся в колхоз,
потому что**

**надо будет уехать в провинцию и жить в глуши. Они стараются
нырнуть в Москве**

**в какое-нибудь исследовательское или планирующее
учреждение. Существует**

**много лазеек, в которые можно проникнуть, получив
образование за**

**государственный счет, а потом работать без отдачи: не на
производстве, где**

**создаются ценности для удовлетворения запросов народа, а
в сфере**

**обслуживания. Однажды я узнал, что человек, окончивший
Тимирязевскую**

**академию, работал полотером. И я ахнул: как же это? Потом мне
объяснили: "Вы**

**зря удивляетесь. Если он попадет в колхоз, то будет получать
мизерную**

**заработную плату. В большинстве наши колхозы бедные, в них
расплачиваются за**

**трудодни палочками: поставят цифру, а потом заплатят
копейки или вообще**

ничего. А полотер зарабатывает гораздо больше, чем хороший агроном в колхозе

или совхозе. К тому же, живя в Москве, пользуется всеми благами большого

города".

Это уродство нашей жизни подействовало на меня удручающе. Я не раз в

своих выступлениях говорил об этом. Тут просто извращение, наросты на

здоровом советском теле. Для себя такое поведение я объяснял еще и тем, как

молодой человек, оканчивающий среднюю школу, думает о получении высшего

образования и начинает выбирать вуз. Выбор часто происходит не по

внутреннему влечению, а он гадает на карточках с надписями, в какой вуз

пойти? Слюнявит он палец, перекладывает бумажки. С какой надписью приклеится

к пальцу бумажка, туда и идет. Это, конечно, исключение. Но исключение тоже

обходится нам дорого. Слишком большие затраты несет государство, да еще

терпит издержки во времени: оно прошло, а подготовленный специалист не

поступает в сферу сельскохозяйственного производства. Бывает также, что

поступающий в индустриальный вуз, где предъявляют большие требования к

**математике, провалился на экзамене и имеет в резерве
сельскохозяйственный**

**вуз. Если там есть вакансия, то он останется и станет учиться.
Кому это**

нужно?

**Лучше, если бы сельхозвузы располагались на территории
крупнейших**

**совхозов, и чтобы студенты набирались из среды совхозников и
колхозников.**

**Они привыкли жить там, знают практику работы в сельском
хозяйстве, учились**

**бы с большим рвением и, как американские студенты,
выполняли бы все работы.**

**Такие выпускники были бы на вес золота, их расхватывали бы
все хозяйства.**

**Молодые, энергичные люди, идейно убежденные, верящие в
социалистическую**

**систему и получившие глубокие специальные знания в
растениеводстве или в**

**животноводстве! Тогда специалист не всматривался бы, как
ему подойти к**

**трактору и наладить его. Знал бы и как ухаживать за скотом, и
как повысить**

**продуктивность. Выпускник отвечал бы всем требованиям дела.
Такого в городе**

**насилно не удержат, потому что он вырос на земле и не
избалован городом,**

очутился бы на работе в своей стихии.

Когда я говорил об этом в беседах и на митингах, то все

кивали,

соглашались. Но "Васька слушает, да ест". Преподаватели привыкли к городским

условиям. И вдруг их переводят в сельскую местность, где им небо покажется с

овчинку. Они не могли отрицать правильности моих рассуждений, однако

энтузиазма насчет перемещения не проявляли. Сопоставляю их поведение с тем,

что я видел в Молдавии, где создали животноводческий техникум на базе

совхоза с трехлетним обучением. Мне рассказывали, что когда его выпускники

оканчивали учебу, то за ними отовсюду приезжали из колхозов и совхозов. За

них шла драка, так хотели их заполучить. А тут? Увы, не все может сделать

человек, даже если наделен большой властью и влиянием. Самый опасный вид

сопротивления - поддакивание. Такая тактика усвоена многими в советском

обществе, и ею широко пользуются.

Теперь я на пенсии, как говорится, на склоне лет. Возраст позволяет

вспомнить, что сделано, перебрать различные события в своей памяти, дать им

соответствующую оценку, хотя эта оценка уже никому не нужна. Человек всегда

чем-то занимается. Вот старики тоже иной раз занимаются

таким самоанализом,

хотя он не всегда приносит радость и вызывает даже раздражение, когда

начинаешь перелистывать книгу собственной жизни. Таков удел стариков. И все

же вновь скажу, что, сравнивая американскую и нашу системы обучения,

полагаю, что их система более прогрессивна. Капиталисты умеют рационально

подходить к решению вопросов. Там действует неумолимый закон прибыли. У нас

же не каждый государственный чиновник обладает идейным пониманием дела и

часто проявляет обывательское безразличие, гонится только за удобствами, а

от этого страдает социализм. Сколько раз мне кололи глаза: "Вот, столько лет

Советской власти прошло, а вы не можете досыта хлебом людей накормить, и с

мясом перебой. А в капиталистических странах - избытки". Эта тема актуальна

и сейчас. Когда я встречаюсь с людьми, то выслушиваю все, что им нравится и

не нравится. Да, у нас такая проблема не решена, хотя мы стали всей страной

значительно богаче. Но отдача еще невысокая.

Примечания

(1) ГАРРИМАН У. А. (1891 - 1986) - американский

политический деятель,

посол в СССР в 1943 - 1946 гг., министр торговли до 1948 г., с 1950 по 1969

г. занимал различные административные и дипломатические посты.

(2) Мэр Р. Вагнер давал этот обед (точнее - поздний завтрак) в гостинице

"Коммодор", поскольку в официальном дворце приемов "Уолдорф-Асторин"

проходил съезд Национальной ассоциации стоматологов.

(3) Это происходило 17 сентября в бальном зале "Уолдорф-Астории".

(4) Нельсон Олдрич Рокфеллер, внук Дж. Д. Рокфеллера-старшего,

основавшего нефтяную компанию "Стандард Ойл", и сын Джона Д.

Рокфеллера-II-младшего, видный политик, был в те месяцы губернатором штата

Нью-Йорк, а его братья специализировались в иных сферах: Джон Д.

Рокфеллер-III контролировал благотворительные организации, Уинтроп занимался

сельскохозяйственным бизнесом, Лоуренс - промышленным бизнесом, Дэвид -

банковскими делами, а вместе они ведали семейным капиталом в рамках компании

"Рокфеллер бразерс инкорпорэйтед". Беседа проходила на 35-м этаже здания, в

котором остановился Хрущев, в его резиденции.

(5) На небоскребе "Эмпайр стейт билдинг" их встретил глава корпорации,

владеющей этим домом, полковник Г. Краун.

(6) ГАРРИМАН У. А. был в 1933 - 1940 гг. советником президента Ф. Д.

Рузвельта, далее - специальным его представителем в Англии и СССР в ранге

посла, руководил органами по ленд-лизу в Лондоне, после 1946г. являлся

послом в Англии, министром торговли, представителем по осуществлению в

Европе "плана Маршалла", специальным помощником президента Г. Трумэна,

представителем в НАТО, директором правительственной Программы безопасности,

губернатором штата Нью-Йорк, помощником государственного секретаря, послом

по особым поручениям, заместителем госсекретаря, личным представителем

президента Л. Джонсона. После своей отставки ведал с 1969 г. внешней

политикой в Национальном комитете демократической партии. В дни визита

Хрущева занимался бизнесом.

(7) Эти руды в Чиатуре разрабатывались с 1869 г. исключительно на

экспорт, там добывалось 77 проц. российского марганца. Рудники контролировал

банкирский дом Гарриманов, в 1925 г. получивший от

советского правительства

концессию на дальнейшую добычу марганца.

(8) Возле озера Куэтс-Ярви. Рудники были оценены в 20 млн. долларов США,

и СССР выплачивал их Канаде равными долями ежеквартально в течение ряда лет.

Акционером данного общества был не только Гарриман, но и Дж. Ф. Даллес, а

также ряд других американских деятелей. Сталин специально дал указание

министру финансов СССР А. Г. Звереву о выплате компенсации Гарриману, но не

Даллесу.

(9) В устье р. Петсамо-йоки, впадающей во фьорд Петсамо-вуоно

(Печенга-губа), в 1533 г. возник русский монастырь.

(10) Р. ГАРСТ являлся одним из владельцев акционерной компании "Гарст и

Томас", входившей как дочерняя в семеноводческую ферму "Пайонир", которая

специализировалась на выращивании семян гибридных сортов кукурузы,

породистых свиней и птицы.

(11) СТИВЕНСОН Э. Э. (1900 - 1965) - помощник военно-морского министра

США в 1941 - 1944 гг., далее - специальный помощник государственного

секретаря, член различных внешнеполитических делегаций, губернатор штата

Иллинойс, с 1961 г. был постоянным представителем США при ООН и

представителем в ее Совете Безопасности. Кандидатом на пост президента от

демократической партии он выдвигался в 1952 и 1956 гг.

(12) Корреспондент газеты "Нью-Йорк тайме", автор книг об СССР и второй

мировой войне Г. Солсбери.

(13) То есть, осенью 1955 года.

(14) ОЛЬШАНСКИЙ М. А. (род. в 1908) - агроном-селекционер, академик

ВАСХНИЛ, ее президент в 1962 - 1964 гг., трудился в одесском Всесоюзном

селекционно-генетическом институте.

(15) ГИТАЛОВ А. В. (род. в 1915 г.) - инициатор комплексной механизации

возделывания сельскохозяйственных культур в СССР, дважды Герой

Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР в 1974 -

1989 гг.

(16) МОРОЗОВ С. Т. (1862 - 1905) - один из владельцев Никольской

мануфактуры во Владимирской губернии, мануфактур-советник, член Московского

отделения Совета торговли и мануфактур Российской империи, основатель

российско-немецкого акционерного общества "С. Т. Морозов, Крель и Оттман",

специалист по тканевым красителям, меценат народных школ и Московского

Художественного театра. Через А. М. Горького и актрису М. Ф. Андрееву

(Юрковскую) субсидировал деньгами ЦК большевистской партии.

(17) V съезд РСДРП, прошедший 30 апреля - 19 мая (13 мая - 1 июня н. ст.

) 1907 г. в помещении церкви Фрэтэрнити на Саутгейт-Род (Лондон).

ВАШИНГТОН И КЭМП-ДЭВИД

Неподалеку от Вашингтона находится какой-то институт не то опытная

станция по птицеводству. Мне предложили туда съездить, и я воспользовался

приглашением. Там мне показывали кур, гусей, уток и, главным образом,

индеек. Индюшачье мясо пользуется особым уважением в США. Там в праздник

каждый американец считает обязательным иметь к столу жареную индейку. И я с

интересом разглядывал их птицеводческое хозяйство.

А теперь хочу произвести запись беседы с президентом Эйзенхауэром по

политическим и другим вопросам, интересовавшим наши страны. Они и сейчас

являются злободневными. Начну с беседы в Белом доме. Тогда государственным

секретарем был Гертер(1). Даллес уже умер. У меня в памяти сохранился также

Ачесон(2). Оба они ассоциируются для меня со злым гением, охваченным

ненавистью к СССР и скованным негибкостью. Так и хочется сказать,

политической тупостью. Право, не знаю, допустимо ли такое выражение. Однако

у меня осталось именно такое впечатление от Ачесона. О Гертере моя память

сохранила меньше. Что касается Даллеса, то его я выделяю особо как идеолога

ненависти к социалистическому мироощущению. Он прожил всю свою жизнь в этой

ненависти. Однако отказать ему в понимании международной обстановки как раз

нельзя. Он точно знал, в какое время живет, и отлично понимал своего

противника - социалистические страны, будучи умным врагом, с которым нам

нужно было считаться. Он формулировал и способы борьбы с нами. Делал все,

что было в его силах: сам боролся и организовывал борьбу против

социалистических стран.

Даллес заслуживает двойственного к себе отношения. Я считал его

идеологическим противником номер один, которого надо если и не уважать, то

все время иметь в виду. В одном я ему не отказывал и не отказываю сейчас: в

свое время он вел борьбу с нами на грани войны, но его ум умел определить

грань, переходить которую опасно. А войны он не хотел. Не раз возникали

ситуации, насыщенные взрывом. Еще шаг, и взрыв произойдет. Этот шаг зависел

часто от Даллеса, и взрыва не случалось. Вот за что я его ценил. Уважать не

мог, однако, ценил. То был и противник, и партнер крайне интересный, который

требовал от тебя большой тренировки мозгов: тут нужно было или сдаваться,

или находить аргументы контрборьбы.

Итак, Эйзенхауэр пригласил нас на беседу в Белый дом(3). Мы прибыли,

кажется, вдвоем: я и Громыко. Состоялся обмен мнениями на предмет

наших торгово-экономических отношений. Эйзенхауэр поставил вопрос о выплате

нами долга по ленд-лизу. Я уже говорил об этом и еще раз напомню: ленд-лиз -

это экономическая помощь, кредит натурой, который мы получали во время войны

от США и Англии. Экономическая помощь была очень большая. Сталин

неоднократно говорил, что без ленд-лиза мы не смогли бы выиграть войну, и я

с ним согласен. СССР не выплатил долг за ленд-лиз: какой-то процент от

стоимости поставок. Считаю, что Сталин правильно сделал, отказавшись

платить. Он поставил тогда условие: мы выплачиваем сумму, которая

причитается, но если получим кредит в три миллиарда долларов. Не помню, на

сколько лет. Это даст нам возможность быстрее восстановить промышленность, а

потом и выплатить долг за ленд-лиз, и вернуть новый кредит. Кажется, в

первые дни после войны США нам его обещали. Говорю со слов Сталина.

Никаких официальных докладов или обсуждений в Политбюро и в Совете

Министров на эту тему не было. Совет Министров вообще был тогда только

списочный, и в нем вообще ничего проблемного не обсуждали, а только

принимали. Так принимались и планы - годовой и пятилетний. Это проходило

очень оригинально. Помню, например, доклад-информацию о последнем, пятом,

пятилетнем плане при жизни Сталина, который занял, наверное, две-три минуты.

Сталин кинул тексты на стол и сказал: "Читали вы или не читали?". Все

смотрели на него и молчали. "Предлагаю принять". И план был принят без

доклада и без обсуждения. Это похоже на анекдот, который я в детстве слышал

от шахтеров: поп выходил из алтаря на амвон и показывал толстую Библию:

"Читали эту книгу?". Верующие молчат. "Раз так, то и я читать вам не буду".

Что-то в этом роде.

Насчет ленд-лиза наша позиция была известна Соединенным Штатам: мы хотели

получить кредит, после чего смогли бы выплатить долг. Американцы домогались,

чтобы мы уплатили сразу, без кредита. Они после смерти Сталина заявляли,

что, если мы уплатим им по ленд-лизу то, что за нами числится, тогда они

смогут начать предварительные разговоры о торговле с нами(4).

Когда мы прибыли в Белый дом, в кабинете президента уже были расставлены

стулья. Не состоялось какое-то официальное заседание, когда две делегации

занимают противоположные стороны стола. Нет, пошла обычная беседа.

Эйзенхауэр поставил вопрос о выплате нами задолженности, а сообщение о

сумме, которая за нами числится, сделал Диллон. (5)

Относился он к нам очень враждебно, просто не терпел нас.
Это был

типичный ставленник крупного монополистического капитала,
который ключи к

экономическим связям с СССР держал в своих руках и
диктовал свои условия,

что делать ему было нетрудно, потому что другие члены
правительства в то

время занимали не менее агрессивную позицию, чем Диллон.
Мы выслушали его и

сказали: "Господин президент, мы согласны выплачивать
задолженность по

ленд-лизу при условии, как ранее неоднократно говорилось,
если вы дадите нам

кредит в размере трех миллиардов долларов (не помню, на
какой срок и с

какими процентами). Если вы не дадите кредит, то и платить не
станем".

Аргументировали мы, и я много раз повторял эти
аргументы на

пресс-конференциях, тем, что не только выплатили, а даже
перевыплатили

стоимость ленд-лиза. Приводили и тот довод, что от США по
ленд-лизу получали

не только мы, но также Англия и другие страны. Однако США с
них ничего не

взыскивают. Если взять любую страну, воевавшую с Гитлером,
то разве может

сравниться ее вклад с тем, который внес Советский Союз?
Сколько жизней

потеряли мы и сколько другие страны? Несравнимо! Не говоря уже о страшных

материальных убытках, которые понес Советский Союз в войне. Были разрушены

вся Украина, Северный Кавказ, Белоруссия, ряд областей Российской Федерации,

понесли ужасные потери Ленинград и прочие места. Это все - колоссальные

суммы, если переводить (что достаточно аморально) кровь и лишения на деньги.

Какое тут сопоставление с ленд-лизом?

"Господин президент, - сказал я, - прошу правильно понять нас, ведь мы

заплатили кровью. Вы нам поставляли материалы. Мы за это выражали свою

благодарность и признательность и сейчас повторяем их. Но что может быть

дороже человеческой жизни? Мы заплатили ей во много раз больше того, что

отдали все другие участники войны против гитлеровской Германии. Так что мы с

вами квиты, мы уже расплатились за долги. А если говорить честно, то и

долгов мы не имели, потому что вы нам сами давали: поставляли материалы,

оборудование, военные агрегаты, артиллерию, самолеты и т. д., но мы потом

воевали всем этим, а не наживали капиталы на ленд-лизе. Наша кровь есть

плата за полученные материалы, которые облегчали нам возможность воевать.

Если бы мы их не получили, то, видимо, не смогли бы оказать должного

сопротивления. Тогда Соединенным Штатам пришлось бы своей кровью платить в

войне. А так вы, пролив гораздо меньше крови, отделались поставками

дюралюминия, тушенки, самолетов, танков и прочего.

Мы не отрицаем важности вашей помощи и считаем, что она сыграла для нашей

обороны и наступления решающую роль после того, как мы временно лишились

густонаселенных промышленных районов в результате агрессии. То есть мы

делали общее дело. Между тем вы до предела затянули высадку десанта. Вы с

англичанами высадили его в то время, когда главная угроза отпала и стало

ясно, что СССР и один справится с Гитлером. Я не отрицаю вклада США и Англии

в Победу, как поступают сейчас некоторые, ставя тем самым нас в глупое

положение. Мы признаем ваши заслуги. Но они не идут ни в какое сравнение с

затратами советских человеческих жизней. Вы сами выбрали время для высадки

десанта и создания второго фронта в Европе. Второй фронт был организован

тогда, когда мы продвинули свои войска далеко за пределы нашей территории,

чего не хотели ни США, ни Англия. Черчилль, диктуя условия капиталистической

стороны в войне против Германии, хотел нашими руками сломать ей хребет, и мы

это сделали при вашей помощи, но помощи-то в основном материалами. Господин

президент, мы просили бы вас, чтобы вы правильно нас поняли. А это доступно

каждому здравомыслящему человеку, если он не будет ослеплен классовой

ненавистью к Советскому Союзу".

Конечно, тут был вопрос не арифметики с подсчетом затрат, а политики. Я

уверен, что Эйзенхауэр все понимал, но не мог признать нашу правоту, и

Диллон был выпущен в качестве цепного пса. Он не скрывал своей неприязни и

сверкал недружелюбием, если не открытой враждебностью, хотя и вынужден был

сдерживаться, потому что мы были гостями президента. Правда, это ему не

всегда удавалось. Мы чувствовали своих партнеров, и это нас не удивляло. Я

тотчас отвечал на их реплики и ставил свои вопросы. В какой-то степени даже

радовался. Вот вы беситесь против стран социализма, в первую голову против

Советского Союза, а мы вам кукиш показываем: накося, выкуси! И вы ничего не

можете теперь сделать, потому что мы тоже сильны. Мы хотим, чтобы они

понимали наше новое значение, и они вынуждены были признавать его. Те, кто

скрежетал зубами, должны были напрямую не показывать этого. Вот в такой

атмосфере проходила наша беседа. Оказалось, что налицо вопрос не о

ленд-лизе, а о возможности мирного сосуществования.

Я изложил нашу позицию, те соображения, которые были не новы для ушей

президента и правительства США, потому что мы их уже излагали публично в

Женеве на встрече лидеров четырех держав. Так что теперь тут было повторение

пройденного. Когда я говорил о мирном сосуществовании, то подчеркнул, что в

основе должно лежать улучшение отношений между СССР и США. О других странах

социализма я специально не упоминал, это имелось в виду само собой,

поскольку я представлял именно Советский Союз, а с мощью других

социалистических стран США и тогда не считались, и сейчас не принимают ее во

внимание. Главная для них сила, которая противостоит их политике, это

Советский Союз. Диллон, как только услышал о мирном сосуществовании,

сверкнул в мою сторону глазами и задал как бы наивный вопрос: "А что такое

мирное сосуществование"? Я сдержал свое возмущение и ответил: "Вы, господин

Диллон, просите разъяснения насчет мирного сосуществования. Если вы этого

еще не поняли, хотя мы сегодня много раз о нем говорили, то это вызывает

лишь сожаление. Зам. госсекретаря(5) не понимает, что такое мирное

сосуществование социалистической и капиталистической систем. Время само

научит вас правильному пониманию значения этих слов. А я полагаю, что сейчас

было бы излишним разъяснять смысл мирного сосуществования".

Вот какой шел диалог. Человек, который принимает прямое участие в

политической жизни, конкретно представит себе ту ситуацию. Эйзенхауэр же не

играл активной роли в споре, а подавал реплики. Главным оппонентом был

Диллон. Гертер тоже вставлял какие-то слова, но основным оппонентом был зам.

госсекретаря. Сейчас я не помню последовательности событий: состоялась ли

встреча в Белом доме до нашей поездки по стране или после нее. Но, видимо,

Эйзенхауэр заранее знал, что беседа может сложиться по-всякому. И когда мы

приступили к конкретным вопросам взаимоотношений, то, чтобы не омрачать

настроения, обе стороны договорились, что обмен мнениями по этим вопросам

отложим на завершающую стадию моего пребывания в США. Добавлю лишь, что

получение долга от нас США понимали своекорыстно.

К тому времени долг составлял миллиард или даже меньше миллиарда, потому

что часть оборудования, полученного по ленд-лизу, мы вернули. Приняли долг

они своеобразно: потребовали от нас возвращения грузовых кораблей,

полученных по ленд-лизу. Эти корабли назывались "Либерти". Во время войны

они делались на потоке, быстро, и сыграли свою роль. Часть переданных нам

кораблей погибла в ходе боевых действий, а кое-что сохранилось. Мы вернули

им эти оставшиеся корабли, а они потом вывели их в открытое море и затопили.

Вот он, вчерашний союзник. Вчера вместе проливали кровь против общего врага,

а сейчас требуют от нас деньги. Корабли же, в которых мы так нуждались и

после войны, они отобрали и выбросили в море. Они считали излишним

затрачивать средства на их доставку домой, чтобы там превратить их в лом.

Какое значение имел наш долг по ленд-лизу, когда монополисты США столько

заработали на этой войне? Европа, Советский Союз и некоторые другие страны

стали нищими, а американские монополии увеличили свои капиталы во много раз,

зарабатывая их на крови русских солдат, на слезах женщин, стариков и детей

СССР и других стран, подвергшихся оккупации гитлеровской армией. Вот что

характеризует наш спор с США. Тут был спор не о ленд-лизе и не о нашей

задолженности.

У них не повернулся бы язык требовать платы, если бы мы были не

социалистической страной. А мы продемонстрировали, что не только выжили и

победили самую сильную армию в мире, но и восстановились, а потом ушли

вперед. Это их пугало, они искали возможность затормозить наше развитие.

Навязать нам войну не могли: правительство США не сумело бы поднять

американцев на войну против нас после того вклада, который внес советский

народ в Победу над гитлеровской Германией. Поэтому наши недруги стремились

притормозить развитие Советского Союза, задушить нас если не военными

средствами, то экономически. Шел спор капитализма с социализмом. И опять

возник старый вопрос, который ставил еще Ленин: кто кого? Эта дискуссия

продолжается и сейчас, и будет длиться, пока социализм не завоюет признания

на всей планете. Значит, пока живет капитализм, будет существовать и наша

борьба, то затухая, то опять разгораясь, когда задуют сквозняки по земному

шару.

В программе пребывания значилось, что на завершающем этапе я и президент

США уединимся в Кэмп-Дэвиде для новой беседы. Настал этот день. Президент

пригласил меня в Белый дом. Со мной приехал Громыко. Он везде и всюду

неотступно сопровождал меня, а с президентом рядом был Гертер. Он прилетел в

Кэмп-Дэвид самостоятельно, а мы с президентом разместились вдвоем в его

личном вертолете. Эйзенхауэр спросил меня: "Как вы отнесетесь к тому, если в

Кэмп-Дэвид мы полетим на вертолете? Дороги забиты машинами, мы потеряем

много времени. А на вертолете поднимемся в воздух у Белого дома, тут есть

**подходящая площадка, и спустя всего несколько минут
окажемся на месте.**

**Заодно вы посмотрите с птичьего полета на Вашингтон". Я
согласился. Мне**

**хотелось осмотреть сверху город и его окрестности. Получается
вроде того,**

**как рассматриваешь макет. Когда едешь на машине, такого
удовольствия не**

испытываешь.

**Так мы и сделали. Разместились в вертолете, с нами
несколько человек**

**охраны. Поднялись в воздух. Аппарат хороший, конструкции
Сикорского(б),**

**русского самолетчика, оказавшегося в Америке. Для
американской авиации он**

**сделал очень многое. Большая часть кабины была
застеклена. Стекло -**

**зеркальное, прочное. Мы находились как бы в открытом
аппарате с прекрасным**

**обзором. Правда, обзор - только в одну сторону, но и этого было
достаточно.**

**Пока мы, сравнительно недолго, летели над Вашингтоном,
Эйзенхауэр**

**рассказывал мне о его кварталах. Видимо, он хорошо знал
местность, летал не**

**единожды. Когда мы пролетали над зеленым полем, сказал:
"Вот здесь, господин**

**Хрущев, я играю в гольф. Очень люблю эту игру. А вы как к ней
относитесь?".**

Я ему: "Понятия не имею об этой игре. У нас ее нет". "О, это очень

интересная игра и полезная здоровью людей".

Опускаясь, вертолет приземлился в лесу. Президент мне: "Это уже район

Кэмп-Дэвида". Далее мы ехали машинами, добрались до каких-то построек вроде

дощатых барачков. У нас такие возводят, когда ведут большие стройки: в первую

очередь из досок сооружают для рабочих общежития барачного типа. Лишь

недавно отбросили эту традицию. Я поставил вопрос о том, и все меня

поддержали, чтобы не плодить бараки, зря тратя рабочую силу и материалы.

Ведь по окончании стройки эти "памятники", в которых жили люди и где их

пожирали клопы, сжигали. А мы теперь сразу стали строить капитальные

четырёх- и пятиэтажные дома.

Такой же примерно внешний вид имели строения в Кэмп-Дэвиде. Зато

внутренняя отделка оказалась совершенно иной: прекрасной, хотя и без

роскоши, помещения оборудованы с американской деловитостью и добротной,

хорошо спланированы, создан соответствующий уют, комнаты довольно

вместительные. Мне отвели отдельное помещение, Громько и

нашим переводчикам

- тоже. Всех отлично разместили и с полными удобствами.
Затем Эйзенхауэр

предложил нам ознакомиться с окрестностями. Несколько
позже, когда в СССР

приехал бизнесмен Эрик Джонстон, который был близок к
Франклину Рузвельту, я

узнал об истории создания этих домов. Менялись американские
правительства, а

Джонстон оставался приближенным к президентам независимо
от того, демократы

они или республиканцы. Он выполнял функции негласного
дипломата и приезжал

несколько раз в Советский Союз. Я лично встречался с ним
два раза. Этот

человек в американском понимании занимал либеральные
позиции, стоял за

мирное сосуществование, понимая необходимость того, чего не
хотели понимать

Диллон и другие. Именно Джонстон рассказал мне историю
построек в

Кэмп-Дэвиде.

"Во время второй мировой войны как-то зашел я к Рузвельту,
- говорил он.

- Президент сидел очень изнуренный. Меня это беспокоило, и я
ему сказал:

"Господин президент, вы переутомляете себя, надо как-то
организовать отдых,

чтобы вы себя не изнурили". Рузвельт ответил: "Что же мне

делать? Я не могу

покинуть Вашингтон, постоянно может потребоваться какая-то моя консультация,

мне нужно будет дать какие-то указания". Тут я ему и посоветовал: "Сделайте

так, чтобы оставаться в Вашингтоне, но иметь возможность временно оторваться

от дел и подышать свежим воздухом". Тогда-то по распоряжению Рузвельта и

были построены эти помещения. Рузвельт тут отдыхал"(7).

И тогда же Джонстон пересказал мне анекдот, услышанный им от Рузвельта.

Фермеру понадобился рабочий, и он опубликовал заявку на рабочего и условия

труда. Пришел человек, предложил свои услуги. Фермер решил его испытать, дал

ему лопату и велел выкопать траншею. Вскоре рабочий сказал: "Дело сделал,

давай другое". Фермер велел наколоть дров. И вскоре рабочий повторил: "Дело

сделал, давай другое". Фермер велел перебрать груды картофеля, отложив

мелочь в одну сторону, крупный - в другую. Прошло много времени, фермер

считал, что работа уже сделана, но рабочий все не появлялся. Тогда он пошел

посмотреть, как идут дела, и увидел, что рабочий лежит без сознания. Фермер

окатил его водой, тот встряхнулся и обратился к хозяину:

"Не могу я

выполнять такую работу. Вы мне давайте такую, чтобы не думать. Когда я дрова

колол и траншею копал, тут думать не надо. А чтобы перебирать картошку, надо

думать, какой клубень крупный, какой - мелкий. Такая работа довела меня до

потери сознания". И Рузвельт сказал: "Вот видите, каждому - свое!".

После Рузвельта все следующие президенты стали пользоваться этой

загородной дачей. Совсем недавно я прочитал, что какой-то иностранец был в

гостях у Никсона в Кэмп-Дэвиде. Никсону Кэмп-Дэвид - особенно близкое

название, потому что оно было дано в честь того внука Эйзенхауэра, который

стал зятем Никсона, женившись на одной из его дочерей. Когда мы с Громыко

прибыли туда, то сразу увидели, что в этом месте можно без всяких помех

встречаться и вести беседы. Эйзенхауэр тотчас высказал мне свои соображения

насчет того, как он считал бы удобнее организовать там наше пребывание, и

спросил: "Вы любите смотреть кинофильмы?". Я ему: "Конечно, если хорошие".

"А какие именно вы любите? - спрашивает, а сам улыбается. Когда он улыбался,

его лицо становилось очень приятным. - Я лично люблю ковбойские, хоть и

пустые по содержанию, но в них много трюков, участвуют лошади. Как вы

относитесь к таким фильмам?". "Когда еще жил Сталин, нам часто

демонстрировали трофейные кинофильмы, среди них было много ковбойских. Хотя

после просмотров Сталин всегда ругался из-за их тематики, но на следующий

день, когда мы приходили в кинозал, опять заказывал ковбойские". Эйзенхауэр

обрадовался: "Я тоже питаю страсть к такому жанру. Ладно, будем смотреть и

ковбойские, и другие, какие нам предложат. А потом побеседуем. Я пригласил

сюда оркестр военно-морского флота. "Что ж, будет очень приятно послушать и

заодно посмотреть на молодых людей". "Да, когда мы будем обедать, то станем

слушать музыку флотского оркестра".

Прием был достаточно упрощенным. Если на официальных обедах и приемах

требовалась какая-то форма одежды, то здесь этого не было, мы ходили в

обычных костюмах. Вообще никаких условностей. По утрам мы вставали раньше

президента. Может быть, он и поднимался раньше нас, но просто не выходил. Мы

же с Андреем Андреевичем встречались, ибо нам нужно было обменяться мнениями

о вопросах, которые затрагивались вчера и которые, возможно, возникнут

сегодня, какие проблемы следовало бы поднять и в какой форме. Мы

прогуливались по дорожке одни, больше никого там не было. Охрана, видимо,

имелась, но хорошо проинструктированная. Она занимала свои места и не

мозолила глаза, так что мы ее не видели.

Могут спросить, а зачем Хрущеву с Громыко выходить по утрам? Разве нельзя

поговорить в тех комнатах, которые были им отведены? Ха, наши соображения

хорошо известны всем государственным деятелям! Мы были убеждены, что там

поставлены подслушивающие устройства. Поэтому обмениваться мнениями в

помещениях - значит информировать тех, кто их поставил. А выдавать свои

мысли и соображения, которые у нас имелись по тому или другому поводу, мы не

хотели, поэтому считали, что лучше переговорить на открытом воздухе. Да и

там мы тоже прикидывали, где могут находиться подслушивающие устройства и

где, по нашему мнению, быть их не должно. Американская разведка хорошо

вооружена техническими средствами, мы это имели в виду и принимали меры

предосторожности.

В какой-то день пребывания в Кэмп-Дэвиде президент предложил: "Как вы

отнесетесь к приглашению на мою ферму? Это недалеко отсюда, и туда можно

слетать на вертолете". Я ответил: "С удовольствием. Ферма - ваша

собственная?". "Да, моя собственная"(8). И мы полетели. Находились в пути

какое-то время и приземлились. Там, по-моему, жила тогда семья его старшего

сына. Президент представил мне управляющего: "Это генерал, воевавший вместе

со мной, после войны я предложил ему должность управляющего на моей ферме".

То был человек средних лет. Больше ничего сказать о нем не могу, знакомство

было беглым. Управляющий показывал имение, а хозяин знакомил меня с домом и

со своей семьей, а утром поделился мыслью, почему не всю семью взял в Белый

дом: "Пребывание президента на его посту - временное, и я не хотел приучать

всю семью к удобствам, которыми пользуется президент, чтобы не возникло

дискомфорта, когда закончится мой срок президентства и я вернусь в

собственное жилье. Тут-то, конечно, роскоши побольше". И я согласился: "Да, это разумно".

Действительно, его дом был хоть и богатый, но без роскоши и небольшой.

Правда, его удобства свидетельствовали о приличном заработке богатого

человека, но все же не мультимиллионера. Потом мы знакомимся с хозяйством

фермы. Тут в Свои права опять вступил управляющий. Пошли на животноводческий

участок, поглядели на скот. Не помню, сколько там было голов, однако, не в

масштабе наших колхозов или совхозов, и своей численностью не производил

особого впечатления. Скот мясной, очень плотный, на коротких ногах,

упитанный. Я потом познакомился с этой породой крупного рогатого скота, не

молочного, а именно мясного направления. Согласно данной мне справке, выход

говядины был около 60 или 65 %, почти как у свиней. Свинина, кажется, имеет

выход 70 %, насколько я помню справочники, которыми пользовался в свое

время. Эйзенхауэр, улыбаясь, предложил мне в подарок телку со своей фермы, и

я поблагодарил его. Потом он повел меня на поля. Целиком мы их не обходили:

**он обвел рукой, указывая, где проходят границы его владений.
Главным образом**

**мы смотрели на посевы. Я не знал ранее такой зерновой
культуры: низкорослая,**

**похожая на пшеницу, но какая-то другая. Президент рассказал:
"Я произвожу**

**посев. Потом колосья не убираю, а только скашиваю уже перед
самой зимой.**

**Посев делаю для привлечения птиц. Сюда прилетают
куропатки, перепела, еще**

**какие-то птицы. Когда у соседей все поля убраны, мое поле
остается**

**неубранным, и возникают хорошие условия для охоты. Поле
размечено для**

**удобства охотников, оставлены дорожки. Так что я здесь
охочусь, не выезжая с**

фермы".

**Такая охота, я бы сказал, больше, чем барская. Если вы
хотите**

**ознакомиться со способом охоты наших дореволюционных
помещиков и знати,**

**прочтите "Войну и мир" Льва Толстого. Соответствующие
главы я читал**

**несколько раз, и всякий раз после чтения у меня поднималась
температура: так**

**красочно и рельефно была показана охота, так она зажигала,
особенно когда**

**человек имеет к ней страсть. А охотничье хозяйство
президента не**

обеспечивало такой градус азарта: нечто вроде тира, где стреляют по

тарелочкам. А тут вместо тарелочек - по дичи, привлеченной урожаем; причем

заранее известно, на каком расстоянии от охотника она пролетит и где. Одним

словом, налицо все удобства без какой-либо затраты сил и с гарантией удачи.

Я решил отблагодарить президента за подаренную телку. Когда он похвалил

березовое дерево, я предложил: "Если не возражаете, мы пришлем для вас

посадочный материал. Я попрошу специалистов-лесников: подобрать материал

лучше, они приедут и произведут по вашим указаниям посадки на ферме. Пусть

это будет моей благодарностью вам и в знак памяти о нашей встрече на ферме".

Он в свою очередь поблагодарил, и я заметил, что ему было приятно. Так мы

потом и сделали, прислали посадочный материал. А пока, попив чаю, улетели в

Кэмп-Дэвид и продолжили беседы. Теперь изложу в общей форме их содержание.

В Кэмп-Дэвиде мы вели вольные беседы, гуляли по парку и обменивались

мнениями. Нужно сказать, Эйзенхауэр в личной беседе, при личных контактах

показал себя очень добродушным человеком и хорошим собеседником. Во время

одной из прогулок Эйзенхауэр как-то сказал мне: "Хотел бы спросить вас,

господин Хрущев. Вот у меня порой возникают такие трудности. Приходят ко мне

военные и говорят: "Нам нужно на такое-то мероприятие столько-то миллиардов

долларов". А я смотрю на них и отвечаю: "Нет денег". Мои генералы давят на

меня: "Господин президент, если вы не дадите нам денег и мы не будем иметь

этого вооружения, то предупреждаем, что СССР уже занимается этой проблемой

или вообще успел сделать подобное (они говорят по-разному), так что наши

вооруженные силы уступают советским". Я его спросил: "И что же вы потом

отвечаете?". "Даю им, приходится давать". Я сказал ему: "Господин президент,

я сталкиваюсь с теми же трудностями. Ко мне как к председателю Совета

Министров СССР приходит министр обороны и говорит: надо столько-то

миллионов. Я тоже развожу руками: это невозможно, нет таких денег, СССР

имеет большие потребности, нужны крупные суммы для развития экономики и

средств потребления, дать вам столько не можем". А он мне в ответ: "Если вы

не дадите, то предупреждаю, что военное ведомство США уже получило кредиты и

производит идентичные работы, возникнут условия, при которых мы резко будем

уступать США по вооружению". Что тут можно сделать? Приходится и мне

соглашаться".

Обо всем этом мы разговаривали с улыбочками, как и положено при такого

рода беседах. Тут Эйзенхауэр предложил: "А давайте договоримся, что ни вы,

ни я в будущем не станем давать деньги на такие проекты. Зачем нам

сталкиваться лбами?". Я ему: "Это наша мечта. Мы всегда хотели этого и если

бы смогли договориться по данному вопросу, то как облегченно вздохнули бы

все народы".

Поговорили мы с ним, кино посмотрели, поужинали. А потом не раз

возвращались к тому же вопросу, но так и не сдвинулись с места. Я верю, что

Эйзенхауэр искренне заявлял, что хотел бы договориться. И я искренне ему

отвечал. Но тогда наши позиции были противоположны до такой степени, что не

возникли условия для соглашения. Мы-то стояли на классовых, пролетарских

позициях социалистического строительства, а США - могучая капиталистическая

страна, преследовавшая иные цели и взявшая на себя

обязанности мирового

жандарма. В конце концов я сказал Эйзенхауэру: "Давайте договоримся на такой

основе: главной целью будем считать взаимное разоружение, а главным

принципом наших отношений - невмешательство в дела других стран". То были не

переговоры, а вольная беседа, но очень важная. Тем не менее, вскоре наши

отношения обострились до невероятного накала.

Какие еще вопросы мы обсуждали? Мы продолжили разговор о ленд-лизе, и оба

высказались исчерпывающе. Каждая сторона охарактеризовала свою точку зрения,

но сближения не произошло. Хотя Диллон, как я уже говорил, высказывался

неприязненно, ибо понимал, что, если мы получим кредиты, это укрепит нашу

экономику и будет способствовать ее дальнейшему развитию, что не входило в

планы американских монополий. Эйзенхауэр подавал реплики, из которых было

ясно, что у них единая позиция правительства США. Но не этот вопрос

оставался главным, и в Кэмп-Дэвиде мы к нему непосредственно не

возвращались.

Главная проблема - договоренность о разоружении. Я видел, что Эйзенхауэра

это серьезно беспокоит, и чувствовал, что он не рисовался, а действительно

хотел договориться, чтобы не возникло войны. В первую голову договориться

надо двум великим державам. И он высказывался так: "Я военный человек, всю

свою жизнь нахожусь на военной службе, участвовал в войне, но очень боюсь ее

и хотел бы сделать все, чтобы избежать ее. Прежде всего, нужно договориться

с вами, это главное. Если хочешь, чтобы не было войны, договорись с

Советским Союзом!". Я ответил: "Господин президент, не было бы для меня

большего счастья, чем договоренность с вами; чтобы исключить войну между

нашими странами и, следовательно, мировую войну". Но как конкретно

договориться? Этот вопрос нас очень занимал. Прочие вопросы оставались

производными: как улучшить наши отношения, развивать торговлю,

экономические, научные, культурные и прочие связи.

Мы знали их позицию, они знали нашу. И я не видел, чтобы что-то

изменилось, произошли какие-то сдвиги. Поэтому и не надеялся, что можно

будет договориться по главной проблеме, хотя обе стороны понимали, что надо

исключить войну, а конкретнее - запретить термоядерное оружие. Американская

сторона отстаивала установление международного контроля. Но в ту пору на

международный контроль мы никак не могли согласиться. Я подчеркиваю: "тогда

не могли". Поэтому хотели договориться о прекращении испытаний ядерного

оружия, что считали возможным и без международного контроля. Ведь любой

взрыв сейчас фиксируется техническими средствами. Обеспечить контроль можно,

и не устанавливая такой техники на территории другой страны и контролируя с

собственной территории или с территории союзников.

Американцы окружили нас военными базами, все просматривали и

прослушивали, так что такой контроль они уже давно установили. И все же

добивались посылки контролеров, хотя и не обязательно контролеров от США. Но

мы не могли принять и международного контроля. Вот теперь, когда я нахожусь

на пенсии, я вновь обдумывал этот вопрос и считаю, что теперь такой контроль

возможен и без ущерба для нашей обороны, так как оказался бы взаимным. А

тогда мы значительно отставали в процессе накопления ядерного оружия и не

имели нужного количества его носителей-ракет. Самолетами же мы не доставали

до территории США и поэтому оставались слабее. Конечно, мы могли в пух и

прах разнести союзников США в Европе и Азии, где находились их базы, но

экономический потенциал самих США находился на недосягаемом расстоянии для

нашего оружия. Естественно, контроль на месте оказался бы не в нашу пользу:

США получили бы возможность чисто арифметически все подсчитать и определить,

что мы слабее. И возникло бы для них наиболее выгодное время покончить с

нами путем войны. Завтра им будет уже поздно. Мы это понимали и не

соглашались на проведение инспекций на своей территории.

Американцы настаивали также на широком обмене туристами и предлагали

обмен научными силами, чтобы их ученые приезжали к нам, работали в наших

научных учреждениях, а советские ученые - в научных учреждениях США. Они

предлагали и широкий обмен студентами, а также присылку к ним наших

управляющих предприятиями на переподготовку. Это как раз довольно полезное

дело, нам можно было бы извлечь большой прок из этого, чтобы позаимствовать

их опыт управления и организации производства. Далее их предложения были

направлены на открытие границ, чтобы расширить обмен людьми, открытие

организаций или обществ, в которых продавалась бы американская литература у

нас и наша - в США, все на основе взаимности. В принципе, любые их

предложения, кроме контроля, нам можно было бы принять, но мы внутренне не

были готовы к этому, еще не отделались от наследия сталинских времен, когда

в каждом иностранце видели неразоблаченного врага, приезжающего к нам только

с целью вербовки советских людей или шпионажа.

Так мы были воспитаны и не освободились еще от сталинского груза. Сталин

считал, что это классовая борьба другими средствами, без войны, и она -

самая острая. Сталин страдал недоверием к своему народу, недооценивал

внутреннюю сопротивляемость советского человека, полагал, что при первой же

встрече с иностранцем наш человек капитулирует и будет подкуплен

материальными либо другими средствами воздействия. Это удивительно, но, к

сожалению, так было. Это психологическая болезнь Сталина. Недаром он говорил

нам, что мы не сможем противостоять противнику: "Вот умру, и погибнете,

враги передышат вас, как куропаток".

Затем американцы настаивали на том, чтобы обе стороны могли вести

воздушную разведку над всей территорией и СССР, и США. Мы с этим тоже не

могли согласиться по причинам, о которых я уже говорил: США в ту пору были

сильнее нас по ядерному оружию. У нас имелись ракеты, но пока еще в

небольшом количестве. С самолетов мы могли вести разведку только в Западной

Европе, среди союзников США, но не могли со своей территории осуществлять

полеты над США. У нас не было таких средств. Получались неравные

возможности, с чем мы согласиться не могли.

Мы со своей стороны внесли Эйзенхауэру новые конкретные предложения:

выделить какие-то пограничные районы в СССР и странах НАТО, где можно будет

проводить взаимную разведку, вести наблюдение и с воздуха, и наземную. Мы

предложили довольно обширные территории у наших западных границ, в первую

очередь на собственной земле и в ГДР, где стояли наши войска, и требовали

взаимности от западных стран. Имелись и другие наши

инициативы, по которым

тоже не сумели договориться. Были сформулированы конкретные предложения, мы

заранее послали их президенту США. Сейчас я не помню, какие конкретно

вопросы стали камнем преткновения. Мы попытались вернуться к ним, но ничего

не получилось, наши позиции в то время никак не согласовывались.

Скажу о мире на Земле: вот вопрос вопросов. Он был и остается. Мы

закончили войну разгромом гитлеровской Германии, но мирного договора с нею

не заключили, остался статус ее оккупации как нами, так и западными

странами. Они потом дали возможность западным немцам создать свое

государство - Федеративную Республику. Войска оккупантов остались на обеих

территориях, получив иной статус: не оккупационных, а дружественных.

Возникли военные блоки: на Западе - НАТО, в социалистических странах -

Варшавский договор. Но мирного договора с Германией по-прежнему нет, поэтому

войска стояли тогда и стоят сейчас друг против друга.

О Западном Берлине у нас тоже существовали разные толкования. Мы считали,

что он, находясь на территории ГДР, должен оставаться

отдельным от ФРГ

политическим телом. Западные страны твердили, что Западный Берлин относится

к ФРГ (тогда ее называли ГФР). Получалось нарушение суверенитета ГДР -

явочным порядком предоставляется ФРГ возможность проводить в Западном

Берлине правительственные заседания. Фактически он включался тем самым в

Западную Германию. Вот горячее, которое всегда может привести к взрыву. И мы

предлагали: "Давайте подпишем мирный договор, сделаем Западный Берлин

"вольным городом". Одним словом, вносили различные предложения, но при том

условии, что реально должны существовать два германских государства, которые

оба получат международное признание, будут приняты в ООН и установят между

собой дипломатические отношения.

США не согласились, не соглашаются и сейчас. А мы тоже не соглашаемся с

другой стороной. Они хотят, чтобы произошло воссоединение, но не в виде

воссоединения, а как поглощение ГДР Западной Германией. Хотят создать единую

Германию на капиталистической основе, и чтобы эта Германия, безусловно,

стала союзником западных стран. Это для нас совершенно

неприемлемая позиция.

Мы считаем, что это неправильный подход. Пойти на такое мы могли, только

если бы нас вынудили к этому. Мы же, считая себя достаточно сильными, не

желали добровольно идти на самоубийство, согласившись с позицией, которую

нам навязывал Запад. Поэтому реальной возможности договориться по данному

вопросу во время моего пребывания в США не возникло.

СССР был заинтересован в торговле. В США существует решение их конгресса

(оно и сейчас не отменено), запрещающее вести торговлю или устанавливать

какие-то деловые экономические связи с Советским Союзом. Там перечислено, на

какие предметы и продукты налагается запрет. Фактически под запрет попадают

все главные товары, кроме тушенки или тому подобного, что они охотно сбывают

кому угодно, чтобы выкачивать валюту. Я уже рассказывал, как рассматривался

этот вопрос у президента в Белом доме, когда присутствовал Диллон, мой

главный оппонент по вопросу торговли. Ничего не получилось и при нашей

встрече у господина Гарримана, хотя мы ценили его усилия и считали, что он

там реалистичнее остальных. Гарриман - крупный капиталист,

хорошо знающий

нашу систему и стоящий на позиции мирного сосуществования. Он хотел

содействовать развитию торговых контактов, экономических и научных связей

наших двух стран, но общение с капиталистами, собравшимися у него дома,

показало, что пока это нереально, они еще не готовы. Недаром его гости

иронически спрашивали: "Что вы можете продавать, господин Хрущев, какие

товары? У нас-то вы можете покупать достаточное количество товаров, которые

вас интересуют, а вот что вы нам продадите?".

Естественно, этот вопрос был для нас тяжелым. Раньше мы продавали им

марганец. Но потом они стали покупать марганец в Турции. Турция при помощи

американского капитала развила его добычу. В других странах тоже были

открыты залежи марганца, и промышленность США полностью покрывала свои

потребности без нас. Наш марганец потерял то экспортное значение, которое

имел раньше. Кто-то из гостей Гарримана спросил: "А ваши крабы пользуются

спросом?". Издевательский вопрос, потому что было принято специальное

решение, запрещающее ввоз крабов в США, поскольку сей

продукт добыт "рабским

трудом" в СССР, за что они его и бойкотируют. Вот и доказывай! У нас,

дескать, рабский труд, а у капиталистов все ценности создаются иным путем.

Там - другое дело... Мы даже крабов и водку не могли им продавать. К тому

же, продавая данные товары, много не закупишь, хотя можно было бы постепенно

начинать торговать при желании у американцев. А возможности имелись. СССР

нуждался в приобретении различного оборудования, которое нас интересовало

для успешного развития нашей промышленности. И мы, добывая золото, могли бы

приобрести оборудование за золото, но они нам даже за золото отказывались

продавать.

Таким образом, когда мы стали конкретно перебирать вопросы, интересующие

обе стороны и требующие решения, то натолкнулись на рогатки. Они мешали

нашему сближению, но убрать их мы не могли. Я сразу почувствовал, что

Эйзенхауэр обмяк. У него был вид человека, который побывал в проруби: он

вымок, и с него стекает вода. У меня, видимо, тоже вид был не лучше.

Впрочем, может быть, и получше, потому что мы заранее не

питали иллюзий, не

надеялись в первой же поездке снести все преграды на пути экономического

сближения и торговли с капиталистическими странами. Хотели себя показать и

посмотреть на США, продемонстрировать свою непреклонную волю: не пойдём ни

на какие односторонние уступки, которых домогалась Америка! Конечно,

сложившаяся обстановка нас огорчила: хотели уладить спорные вопросы, но

увидели, что условия для того не созрели.

Мы поднимали и вопрос (а мы всегда его поднимали) о выводе войск с чужих

территорий, ликвидации военных баз. Предлагали ликвидировать военные союзы,

распустив НАТО и союз по Варшавскому договору. Американцы опять не были

готовы. Предлагая это, мы тоже считали, что реальные условия к тому ещё не

созрели: это был с нашей стороны пропагандистский прием. Такое предложение

мы делали и раньше, ещё до моей поездки в Америку. У нас в то время имелись

хорошие отношения с Китаем. Я встречался с Мао Цзэдуном, мы обменивались

мнениями, и он уже знал из печати и по нашей информации о данном предложении

и высказал сомнение: "Вряд ли стоит сейчас идти на это. Если

они примут

такое предложение, вам придется вывести свои войска из ГДР; тогда она не

сможет обеспечить свою независимость и развалится. Мы ее потеряем". В ту

пору он говорил "МЫ". То есть, заинтересованность всех социалистических

стран, и Советского Союза, и Китая, была одинаковой, и их взгляды тоже.

Я разъяснил ему, что появилась бы взаимная договоренность: американцы,

французы и англичане тоже выведут свои войска из Западной Германии. Но Мао

считал, что это будет неравноценно. Может быть, в ту пору какая-то здравая

мысль в его соображениях и имелась. Однако я возражал: "Мы это делаем в

пропагандистских целях, так как уверены, что сейчас это не будет принято

США. А к тому времени, когда созреет их понимание, будет уже другая ГДР, с

другими возможностями, и она внутренними силами сможет обеспечить

безопасность социалистического строя. Если же развернется вторжение со

стороны Запада, мы придем на помощь. Тем более, что в будущем возможностей и

средств у нас окажется больше. Так что это предложение не ослабляет нас, а,

наоборот, усиливает с точки зрения пропагандистского наступления на

капиталистический мир, поддерживая обеспечение мирного сосуществования, при

широкой мобилизации общественного мнения - очень большой опоры нашей

пропаганды".

Постепенно наши беседы в Кэмп-Дэвиде исчерпывались и подходили к концу, а

чего-либо реального мы не достигли. Какое же коммунике может получиться в

завершение? Я чувствовал, что это угнетало Эйзенхауэра, но я ничем не мог

ему помочь(9). Пришло время обеда, а после обеда мы решили возвращаться в

Вашингтон. Эйзенхауэр предложил: "Давайте из Кэмп-Дэвида в Вашингтон поедем

на машинах, а вы посмотрите на тот же отрезок пути из машины". Я согласился,

мне тоже было интересно посмотреть насыщенность дорог автомобильным

транспортом. Я много читал об этом, но хотел увидеть сам. Обед проходил

торжественно, но атмосфера за столом была такой, как будто в доме лежал

тяжелобольной. Такое чувство господствовало и с нашей стороны, и в еще

большей мере у президента. Обед был похоронный, не свадебный. Просто

контакты. Как говорят, не свадьба и не похороны. Видимо, президент

заавансировался перед своими, когда решал вопрос о моем приглашении, и

сейчас чувствовал, что его надежды не оправдались, никакой договоренности не

будет достигнуто. Повторяю, что договоренность могла возникнуть, но надо

было пойти для этого на реальные и разумные шаги. Если договориться, самому

ничего не уступая, значит, принудить к капитуляции другую сторону. Пригласив

нас, США проявили инициативу после долголетней идеологической войны, которую

мы вели. Приглашение не давало им надежды принудить нас к капитуляции.

Наоборот, мы укрепились в своих позициях, были неприступны, стояли, как

гранит. Пообедали мы. Сели в машину, поехали вместе с Эйзенхауэром. Не

помню, каким количеством фраз мы обменялись на всем пути, но очень малым,

говорили скупо, разговор не вязался. Задавали вопросы о природе, беседовали

о впечатлениях, которые возникали по пути следования. Как хозяин Эйзенхауэр

разъяснял мне все, но это было лишь проявление необходимой вежливости,

выдавливание из себя каких-то фраз, без которых в другое время можно было бы

и обойтись. Приехали мы в Вашингтон. Эйзенхауэр отвез меня в резиденцию, где

я жил, а потом отправился в Белый дом. Значит, все?

К концу моего пребывания в США мне доложили, что группа американских

капиталистов желает организовать ужин в мою честь и просит моего согласия.

После прежней встречи в Нью-Йорке у меня особого энтузиазма не возникало,

потому что там организовали широкую встречу, присутствовало большое

количество людей, но какого-либо обмена мнениями так и не было. Здесь же

предстоял официальный прием деловых людей узкого круга. Но мне сказали, что

стоит пойти, так как собираются влиятельные люди. В приглашении обозначалось

15 или 20 человек. Я дал согласие, был назначен ужин неподалеку от нашего

посольства. Обставлен он был, как принято у них: в вечернее время, свечи,

мягкий свет, полумрак. Сели за стол. Еда и питье - в умеренных количествах.

Но ведь не это главное, деловые люди умеют много пить, однако, не

напиваться, умеют держать себя в обществе.

Мне стали задавать всевозможные вопросы. На те, которые заслуживали

внимания, я отвечал по делу, а на анекдотические отвечал в

таком же духе.

Какой-то старый человек, очень дряхлый, но, как мне сказали, очень богатый и

влиятельный, все допытывался, сколько мы добываем золота и почему не ведем

торговлю с Америкой на золото: они могли бы продавать нам товары за золото.

Конечно, мы его добывали, но берегли про "черный день", который может всегда

настать. Золото оставалось соблазном для капиталистического мира. И не так

уж много золота мы добывали, чтобы удовлетворить все свои потребности,

расплачиваясь именно золотом. Наши потребности были выше. Поэтому

требовалась торговля на основе взаимности. Только она могла создать

возможности широкого обмена товарами, идеями и культурными ценностями. Я так

и ответил.

Мой ответ вызвал удовлетворение. Они посчитали, что это острота, поэтому

не просто смеялись, а от души хохотали. Что же я сказал? "Господин такой-то

(фамилию не помню), отвечаю на ваш вопрос о золоте. Знакомы ли вы с тем

высказыванием, которое сделал в свое время наш вождь Владимир Ильич Ленин,

что пока нам золото нужно беречь? На каком-то этапе развития

человеческого

общества золото утратит свою ценность, поэтому золотом будут отделять

общественные туалеты. Вот мы и бережем золото, а когда настанет такое время

и будет создан коммунизм, золото потеряет обменную ценность, и, чтобы

выполнить завет Ленина, мы отделаем общественные туалеты в коммунистическом

обществе золотом. Для того мы его и сберегаем".

Капиталисты дали волю своим легким, реагировали бурным весельем. Не

помню, как отреагировал человек, который задавал вопрос. Тогда он стал

задавать новые вопросы: о нашей стране, ее политическом устройстве, нес

какую-то несуразность. Я отвечал соответственно, подпуская иронию. Публика

понимала это и хорошо все воспринимала. Один из буржуев подошел и прошептал

на ухо: "Господин Хрущев, вы не беспокойтесь, мы сами несколько смущены его

глупыми вопросами, он очень стар, но мы все понимаем верно и одобряем ваши

ответы". Мне было приятно услышать это. Увы, каких-то особых вопросов,

которые дали бы надежду на развитие с нами деловых контактов, не припоминаю.

И все же это была полезная встреча, хотя бы потому, что я

непосредственно

слушал их, а они напрямую слушали меня и конкретнее представляли себе нашу

политику. Личные контакты, личное знакомство тоже всегда имеют полезные

последствия.

Мне запомнились слова американца Макдаффи насчет личных контактов. Он

побывал в Киеве сразу же после окончания войны, представляя организацию,

которая оказывала помощь странам, пострадавшим от гитлеровского нашествия.

Возглавлял организацию Ла Гардиа(10), мэр Нью-Йорка и друг Франклина

Рузвельта, выходец из Италии. Макдаффи хорошо относился к нам и там, где

было в его силах, шел нам навстречу. Наши желания не совпадали с

инструкциями, которые он имел относительно ассортимента поставок. США

предлагали нам остатки ресурсов войны: тушенку, другие предметы

потребительского характера. Мы же старались приобрести машины, трубы

диаметром 500 мм для первого в СССР мощного газопровода из Западной Украины

в Киев, просили и получали современные машины для прокладки траншей. Особую

ценность представляли машины, которые покрывали трубы

изоляцией. Наши

специалисты впервые увидели их и вообще узнали о существовании таких машин.

Эти машины были положены потом в основу наших разработок.

Когда ликвидировали названную организацию, Макдаффи приезжал в Советский

Союз, и я его принимал. Он говорил: "Господин Хрущев, если бы вы могли

приехать к нам и показать всем, что вы такой же человек, как мы...

Американцы думают, что советские - какие-то особые люди или что они вообще

не люди. Прямое общение имело бы большое значение для нашего сближения. То,

что вы вместе с американцами дрались против Гитлера и что вы были главной

силой, которая сокрушила гитлеровскую машину, и заплатили своей кровью за

всех воевавших против Гитлера, забыто. Медовый месяц, как говорится, уже

прошел".

Да, уже бушевала "холодная война", которую развязал Черчилль. Машина

монополистического капитала, которая владеет средствами воздействия на умы,

довела до того, что нас и за людей не считали. И об этом Макдаффи высказал

свои соображения. Если принять во внимание то, что он говорил о своих

соотечественниках, то имелась теперь несомненная польза от встречи с группой

деловых людей в Вашингтоне. И их вопросы, и мои ответы, и характер встречи

были описаны журналистами. Потом в СССР издали коллективный труд, в котором

рассказывалось о моей поездке по США. Считаю, что книга эта достаточно

объективна и полезна. Сейчас я иногда встречаюсь с людьми, которые

познакомились с книгой, и они говорят, что с большим удовольствием прочли ее

и хранят как память о том времени.

Я позволил себе также предпринять поездку по Вашингтону, чтобы

познакомиться с городом. Делал даже пешие прогулки, уходя недалеко от своей

резиденции. Город этот богатый, чистый, зеленый и красивый. Он вроде нашего

провинциального городка, но более богат. Это не Нью-Йорк, нет такого

городского шума. Мне Вашингтон очень понравился и планировкой, и

архитектурой. Там меньше небоскребов, стоят хорошие, добротные дома. Однажды

во время моей прогулки (а журналисты всегда дежурили и потому сопровождали

меня, фиксируя каждый шаг) я направился к памятнику президенту Линкольну.

**Вошел в помещение, снял шляпу и отвесил поклон,
засвидетельствовав уважение**

**тому, кто поднял оружие против рабовладельцев. Мне хотелось
воздать должное**

**уважение бывшему лесорубу от бывшего шахтера бывшей
России. Это все потом**

обыгрывалось американскими журналистами в хорошем тоне.

**В соответствии с протоколом Эйзенхауэр дал прием в мою
честь. Прием или**

**обед? Нет, все же обед. Мы сидели за столами с блюдами. А когда
из приемного**

**зала входили в столовый зал, чтобы занять свои места, мне
шепнули на ухо,**

**что я должен взять под руку жену президента и проследовать с
ней. Президент**

**США сделал то же в отношении Нины Петровны. Блюда,
которыми нас угощали,**

**были обильны и очень питательны. Американцы вкусно
готовят. Когда принесли**

**отбивные, они оказались размерами с тарелку. Я как глянул на
них, так и**

**обратился к президенту: "Господин президент, столько же
невозможно съесть!"**

**Он расплылся в улыбке: "Господин Хрущев, я вас уверяю, что
вы еще добавку**

**попросите". И оказался прав. Приготовлено было очень
вкусно. Я с**

**удовольствием съел отбивную и, чтобы доставить
удовольствие президенту,**

попросил добавку. Он захохотал: "Вот видите!".

За столом не бывает переговоров, ведутся только беседы. Люди едят,

провозглашают тосты, так проходит время. А потом, когда нас позвали в

отдельный зал, где подавали кофе, то мы разбились на группы. Я сидел за

одним столиком с президентом и неким адмиралом. Эйзенхауэр отрекомендовал

его как своего друга. Нас за столиком было человек пять, кто остальные - не

знаю. Мы обменивались мнениями на случайные темы. Адмирал, который проявлял

постоянно любезность, сказал: "Я хотел бы вас попросить принять от меня

подарок с моей фермы". Кажется, то были две телки и бычок. Они оказались той

же породы, что и телка, которую я получил в подарок от президента. Я тут же

сказал: "Охотно принимаю ваш ценный подарок, а главное - ценю ваше внимание

ко мне". Вот, собственно, что осталось у меня в памяти от обеда. Более

ничего примечательного не произошло. По всем важным вопросам мы обменялись

мнениями в другом месте и в ином составе.

Посол Меншиков, хорошо зная страну, помогал мне советами и справками,

информировал меня, если предстояла какая-нибудь встреча. Он

знал тамошних

**людей лучше других, да и обязан был знать, для чего имел
нужные кадры и**

**вполне отвечал своему назначению, был полезен мне. По его
просьбе я**

**встретился специально с работниками нашего посольства,
передал им приветы с**

**Родины и добрые пожелания. Единственное, что хочу добавить
здесь, - о**

**вице-президенте Никсоне, но относительно нашей более ранней
встречи с ним.**

**Она состоялась летом 1959 г., до моей поездки в США, на
американской**

**выставке товаров, предметов быта и культуры в московском
парке "Сокольники".**

**Открывать выставку приехал Никсон. Выставка не имела
успеха, потому что**

**отношение к ней со стороны организаторов оказалось
несерьезным: она носила**

**сугубо пропагандистский характер, так как содержала
главным образом**

**фотографии или экспонаты художников и скульпторов.
Большинство экспонатов -**

**в стиле модернистов. Мне показалось, что выставка произвела
на большинство**

**посетителей не хорошее впечатление, а отталкивающее.
Безусловно, имелись и**

**поклонники. В каждом обществе и на каждом этапе его
развития рождаются**

всякие идеи: и прогрессивные, и иные, с извращениями. Возможно, именно

последнее нравилось отдельным посетителям. Я много слышал прежде о

модернистском искусстве (меня информировали наши официальные лица, ездившие

за рубеж) и решил посмотреть сам, в чем выражаются новые веяния культуры.

Еще до открытия выставки, когда американцы только строили свой павильон,

я съездил туда. Меня интересовала его конструкция из нескольких элементов,

которые готовились в США, завозились в Москву и здесь собирались. Мне это

понравилось: задачу решили рационально, конструктивно. Открывал выставку

Никсон. Не помню, кто еще из нашего руководства посещал ее. Осмотрели

павильон. Все тонуло в диаграммах и фотографиях, а сделано было красочно,

чтобы произвести впечатление. Выставка носила сугубо агитационный характер и

не удовлетворяла запросов наших руководящих хозяйственных, технических и

партийных кадров. Мы отнеслись к ней придирчиво. На первый план выдвигали

полезное, а уж потом предметы, удовлетворяющие потребности эстетики.

Я осмотрел раздел художников. На меня он не только не произвел доброго

впечатления, а скорее оттолкнул. В разделе скульптуры то, что я увидел, меня

просто потрясло. Скульптура женщины... Я не обладаю должной красочностью

языка, чтобы обрисовать, что там было выставлено: какая-то женщина-урод, без

всех верных пропорций, просто невозможное зрелище. Американские журналисты

меня расспрашивали (а они знали мое отношение к такому жанру в искусстве) и

поэтому как бы подзадоривали. Ну, я и отвечал: "Как посмотрела бы мать на

сына-скульптора, который изобразил женщину в таком виде? Этот человек,

наверное, извращенец. Думаю, что он, видимо, ненормальный, потому что

человек, нормально видящий природу, никак не может изобразить женщину в

таком виде". Другие экспонаты тоже не произвели на меня хорошего

впечатления. С моей точки зрения, там не было ничего, что нам можно было бы

практически использовать. Почти не было новой техники. А мы буквально

гонялись за всякими новинками и ожидали, что американцы что-то покажут. Ведь

они могли показать много интересного.

На выставке организовали и американскую кухню. По ходу осмотра я зашел

туда. Потом наш разговор долго служил темой публикаций журналистов. Когда

освещались отношения США и СССР, то постоянно вспоминали разговор "на кухне"

Хрущева с Никсоном. Этот разговор затянулся. Когда я стал знакомиться с

выставочными материалами на кухне и ее оборудованием, то увидел немало

интересного, но было там и явно надуманное. Вот, например, за что я

зацепился, и мы с Никсоном приостановились: автомат для выжимания лимонного

сока. Я задал вопрос, и с этого все началось: "Господин Никсон, думаю, что

организаторы выставки несерьезно отнеслись к СССР и показывают нам не

главные вещи. Вот автомат, который выжимает сок. Его требуется для чая

несколько капель. Облегчает или не облегчает труд хозяйки такой автомат?

По-моему, не облегчает: потребуются меньше времени и труда, чтобы разрезать

лимон ножом".

Хотя я рос среди шахтеров, но лимоны были им доступны, и мы покупали их.

Часто пили чай с лимоном, стоил он гривенник за штуку. Завозили лимоны,

видимо, из Турции. Пили чай и с молоком. Видимо, заимствовали это от

англичан, владельцев рудников. Наши рабочие общались с низшим британским

персоналом. Зная лимоны, я продолжал: "Ту же работу можно вручную сделать

быстрее, чем сложным аппаратом, который вы выставили. Для чего вы нам это

показываете? Хотите ввести нас в заблуждение и продемонстрировать нереальные

вещи?". Он доказывал обратное, и очень горячо. Я отвечал тем же, ибо во

время спора тоже захожу в азарт. Наш спор разгорелся и затянулся. Его

наблюдали журналисты, которые нас сопровождали. Они были с магнитофонами и

все записывали. Потом долгое время эта беседа обыгрывалась журналистами в

буржуазной печати.

В конце концов я задал такой вопрос: "Господин Никсон, оборудование

американской кухни, которое вы нам демонстрируете, у вас уже внедряется?

Хозяйки пользуются таким?". Нужно отдать ему должное, он ответил правду:

"Нет, это первый экземпляр". Раздался общий хохот. И я сказал: "Тогда все

понятно. Вы демонстрируете нам новинки, но сами их в свой быт не внедряете.

Что же, вы считаете, что мы не сможем разобраться и будем восхищаться всякой

чепухой?". То был обостренный диспут, вроде бы о кухне, а на деле - о двух

системах, социалистической и капиталистической. Американцы хотели показать,

как организован быт в Америке, стремились поразить воображение русских.

Отчасти им это удалось. Там очень много новинок, и хороших, таких, которые

заслуживают того, чтобы перенести их на социалистическую почву. Но были и

такие, которые явно имели нереальную основу, таким оборудованием они и сами

не пользовались. Вообще же Никсон вел себя как представитель крупнейшей

капиталистической страны. Техническая выдумка, изобретательство, научные

открытия, все новое, что двигает культуру, было показано, но только на

фотографиях. Единственные экземпляры в натуре - эта кухня и кое-что еще.

Перед открытием выставки Никсон пошел на рынок. Держал себя высокомерно.

Увидел какого-то рабочего и предложил ему денег. Рабочий демонстративно

отказался от денег и наговорил Никсону неприятностей. У нас он оценивался

как человек реакционных и враждебных к Советскому Союзу взглядов. Он был

идейным воспитанником реакционера Маккарти(11).

Когда же я находился уже в положении пенсионера, Никсон туристом как

частное лицо вновь приезжал со своей супругой в Советский Союз. Они

путешествовали по стране и на обратном пути прибыли в Москву. Никсон отыскал

мою квартиру и хотел нанести мне визит. Пришел, рассчитывая, что я живу в

городе, но ему сказали, что меня тут нет. Я узнал об этом, когда он улетел,

и сожалел, что мы не встретились. Теперь я был тронут его вниманием,

особенно в связи с тем, что у нас раньше сложились натянутые отношения. При

встречах мы чаще обменивались колкостями. А здесь он проявил человеческое

внимание, и я жалел, что не имел возможности пожать ему руку.

Время моего пребывания в США истекало, мы готовились к отбытию и в

назначенный час выехали на аэродром(12). Состоялась та же церемония: нас

проводил президент, обходили почетный караул, говорились прощальные речи.

Одним словом, протокольная процедура, стандартная для всех стран. Но все это

проводилось на высоком уровне и очень торжественно. У солдат - нарядная

форма, художественно оформлен аэродром, а для выступающих готовы трибуны,

все в цветах и блестело, бросалась в глаза красная дорожка-ковер, церемония

была пышно обставлена. Мы поднялись по трапу таким способом, таким же

способом, каким выходили из самолета, с помощью дополнительного

приспособления - времянки.

Я уже упоминал, что при поездке по США мне был предоставлен "Боинг",

личный самолет президента, очень хороший и мощный, с замечательными

удобствами и отдельным салоном, изолированным от других помещений. Но наш

Ту-114 был оборудован не хуже, однако имел турбовинтовой двигатель, а тот -

турбореактивный. Шума в салоне, где я размещался, было поменьше. Наш самолет

был рассчитан на дальние полеты, предусмотрено "спальное" место, так что

ночью я мог поспать. Ту-114 осматривали в Вашингтоне, и мы смогли блеснуть

перед американцами: сумели создать самолет, который отвечал всем

потребностям для дальних перелетов и создавал неплохой комфорт. Он произвел

большое впечатление на американцев. Правда, перед отлетом произошел инцидент

провокационного характера. Оставались буквально считанные минуты до вылета,

**как вдруг начальник охраны сообщил мне: по телефону
неизвестное лицо**

**предупредило, что в самолет Хрущева заложена бомба, и на
этом разговор**

**оборвался. Начальник охраны заверил меня: надо лететь! Он
абсолютно убежден,**

**что тут провокация. Все при погрузке внимательно
осматривалось. Даже с**

**вещами не мог попасть на борт какой-нибудь посторонний
предмет, тем более**

**бомба. Посторонних к самолету не подпускали, было
установлено круглосуточное**

**дежурство. И я сказал: "Хорошо, мы летим". Как известно,
мы тогда**

**благополучно преодолели пространство над океаном и
приземлились в Москве.**

**Вот такая нам была подброшена американская штучка.
Хотели испытать наши**

**нервы и посмотреть, поддадимся ли мы панике? Но трюк
провалился и не принес**

удовлетворения тем, кто организовывал провокацию.

**В том же 1959 г. (в октябре), я приехал из Китая во
Владивосток и**

**осматривал бухту Золотой Рог, там возник стихийный митинг.
Меня попросили,**

**чтобы я рассказал о поездке в США. В бухте Золотой Рог
американцы во время**

**гражданской войны в Советской России высаживали свои
войска(13), и старики**

хорошо это помнили, а некоторые из них сражались в рядах партизан против

интервентов. Я рассказал о своей поездке. Народ реагировал очень бурно.

Раздался гром аплодисментов, кричали "ура", и я правильно все понимал,

относя это не на свой счет. Каждый из нас как-то представляет свою страну на

том или другом жизненном посту. Труд советского народа поднял нищенскую

Россию на такие высоты, что заставил признать наше величие и вынудил

правительство США пригласить нашу делегацию. Америка стала искать

возможностей улучшения отношений с Советским Союзом. Вот чему аплодировали.

Скажут: не получилось! Не совсем так. Не сразу все получается. Но мы

взломали лед, который сковывал наши отношения. Теперь требуется дальнейшая

работа, и народа, и дипломатическая, чтобы убирать осколки взломанного льда,

расчистить дорожки и найти пути улучшить наши отношения. Такой процесс пошел

и продолжается сейчас. Его надо уметь оценивать очень тонко, чтобы не

ухудшить положение дел и одновременно не уступить. Потому что если отношения

будут строиться на основе уступок и подчинения чужим своей политики, то

противник быстро разгадает нас. Такая позорная политика приведет к краху. Мы

же с гордостью представляли свой народ, были абсолютно убеждены в

правильности нашей политики и достойно ее защищали. И сейчас, когда я

вспоминаю прошедшее, то горжусь тем временем и политикой, которая

проводилась, теми успехами, которые мы одержали на дипломатическом фронте.

Примечания

(1) ГЕРТЕР К. А. (1895 - 1966) начал службу на дипломатическом поприще во

время I мировой войны, в 1922 г. посетил в составе миссии Американской

организации вспомоществования Советский Союз, после II мировой войны был

одним из реализаторов "плана Маршалла" по восстановлению и развитию Европы,

в 1953 - 1957 гг. губернатор штата Массачусетс, в 1957 - 1959 гг.

заместитель государственного секретаря и в 1959 - 1961 гг. государственный

секретарь США, далее являлся председателем Атлантического совета и

специальным представителем в аппарате Генерального соглашения о тарифах и

торговле.

(2) АЧЕСОН Д. Г. (1893 - 1971) служил помощником государственного

секретаря США в 1941 - 1945 гг., был главой делегации на Бреттон-Вудской

конференции Объединенных Наций 1944 г., потом - представителем в Совете

Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций, заместителем

госсекретаря (1945 - 1947 гг.) и разработчиком плана Баруха по контролю над

атомной энергией, доктрины Трумэна о помощи Греции и Турции, плана Маршалла;

в 1949 - 1953 гг., будучи государственным секретарем, являлся одним из

организаторов Североатлантического пакта и Программы взаимного обеспечения

безопасности.

(3) Окрашенное в белый цвет здание резиденции и канцелярии президента

США, находящееся в центре Вашингтона. Функционирует с 1800 г.

(4) Вопрос о ленд-лизе осложнился законом Джонсона от 1934 г.,

запрещавшим предоставление частных займов или кредитов странам, которые не

выплачивают США старые долги. Поэтому закон о ленд-лизе от 11 марта 1941 г.

определил такую возможность за счет федерального бюджета. А установление

компенсации передавалось на усмотрение очередного президента. Из 46, 04

млрд. долларов США, покрывших материальные поставки по ленд-лизу до 1

октября 1945 г., на долю СССР пришлось 10, 8 млрд. Американское

правительство требовало уплаты процентов в сумме 1, 3 млрд., потом скостило

ее до 0, 8 млрд. Советское правительство соглашалось на 0, 3 млрд.

(5) В те дни Диллон Д. являлся заместителем государственного секретаря по

экономическим проблемам.

(6) СИКОРСКИЙ И. И. (1889 - 1972) - один из зачинателей авиастроения в

России. В 1908 г. создал свой первый автожир (вертолет), а в 1910 г. -

первый самолет С-2 и в 1912 - 1914 гг. положившие начало многоместным

аэропланам "Гранд", "Русский витязь" и "Илья Муромец". В 1919 г. эмигрировал

в США, организовал там в 1923 г. авиафирму и сконструировал еще 15 типов

разных самолетов. В 1939 г. перешел к конструированию вертолетов (лучшие

- от S-51 до S-65). Первым приступил к созданию летающих кранов,

вертолетов-амфибий и турбовертолетов.

(7) При Рузвельте Ф. Д. эта загородная резиденция

называлась Шангри-Ла

(подразумевался литературный образ фантастического места в Гималаях,

обитатели которого не знают старости).

(8) Возле г. Геттисберг. Владение Эйзенхауэров с 1950 г. Хрущев и

Эйзенхауэр находились там с 25 по 27 сентября.

(9) Было опубликовано совместное коммюнике. В его конкретной части

говорилось о запланированном "обмене людьми и идеями" и о предстоящем (без

точной даты) приезде Эйзенхауэра в СССР с ответным визитом.

(10) Ла ГАРДИА Ф. Г. (1882 - 1947) - юрист, участник I мировой войны,

один из авторов закона 1932 г. об ограничении судебного вмешательства в

деятельность профсоюзов, мэр Нью-Йорка в 1933 - 1945 гг., потом генеральный

директор Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций.

(11) МАККАРТИ Дж. Р. (1908 - 1957) - председатель сенатской комиссии

конгресса США по деятельности государственных учреждений и ее постоянной

подкомиссии по расследованию (с 1953 г.), один из организаторов ярой

антисоветской и антикоммунистической кампании.

(12) Аэропорт "Эндрюс".

(13)11(24) ноября 1917 г. туда прибыл американский крейсер "Бруклин". 16

августа 1918 г. там высадился американский экспедиционный корпус (9 тыс.

человек). Во Владивостоке разместились штаб-квартира командира этого корпуса

генерала Грэвса У.

ВИЗИТ ВО ФРАНЦИЮ

Теперь расскажу о поездке во Францию и о моих встречах с господином де

Голлем(1). Эта поездка состоялась после визита в США, зимой 1960 года, но

точно не помню сейчас месяца. Получается вроде как у запорожцев, которые

писали письмо султану: "Месяц в небе, год в календаре". Тут я упомянул об

известном историческом документе - письме запорожских казаков турецкому

султану. Правда, историки разделились во мнениях: одни говорят, что

подлинника такого письма не существует, другие - что он хранится в архиве.

Тем не менее я горд за запорожцев. То был их коллективный труд, в него

каждый вносил свою лепту и придумывал собственную формулировку в ответ на

угрозы, раздававшиеся из-за моря. Видимо, все знают чудесную картину Репина

на эту тему: художник изобразил казаков, когда они сочиняли это письмо(2)...

Итак, получили мы приглашение от де Голля. Признаюсь, не ожидали. У нас

имелось свое представление о генерале де Голле. Я хорошо знал эту фамилию:

она замелькала в нашей печати еще тогда, когда он был, кажется, в звании

полковника. Ему приписывалась идея использования подвижных бронированных сил

по-новому. В нашей печати его склоняли как реакционера, и вследствие этого

советские люди не были к нему особо расположены. Когда развернулась вторая

мировая война и Франция капитулировала, подписала перемирие, а ее новое

правительство вскоре переместилось в город Виши и стало сотрудничать с

немцами, де Голль бежал из Франции. В Англии он начал создавать

эмиграционное руководство, занимавшееся организацией Сопротивления

фашистской оккупации, повел смелую борьбу. В то время он проявил себя

достойно, как истинный патриот и непримиримый враг нацизма, который потом до

победного конца, до полного разгрома врага союзными войсками не складывал оружия.

Ученые, изучавшие историю движения Сопротивления, нередко сравнивали роль

де Голля и роль Французской коммунистической партии. Считаю, что главная

сила, которая оказывала там врагу сопротивление, это рабочий класс.

Коммунисты явились главным организатором вооруженных отрядов на местах,

которые вели борьбу против оккупантов. Самые большие потери там понесла тоже

Французская коммунистическая партия. Дюкло(З) и другие ее руководители были

организаторами Сопротивления. Де Голль же обладал особым авторитетом как

среди военных, так и среди класса буржуазии. То был очень звучный голос,

который производил сильное впечатление. Так разные люди объединились ради

общей цели - отпора врагу и очищения французской земли от оккупантов, ради

дела Победы. После войны де Голль возглавлял французское правительство, и мы

отдавали ему должное.

Вообще же к личности де Голля у нас отношение было двойственное. Ведь до

войны мы рассматривали его как отрицательную фигуру,

хотя в качестве

военного он был новатором, искал новую тактику действий с применением

танковых войск. Не знаю, насколько его идеи были реализованы во Франции и

были ли созданы там именно такие танковые войска.

Соппротивление же немцам

французская армия оказала, на мой взгляд, ничтожное.

Сейчас не буду

вдаваться в причины того и анализировать, чем это было вызвано, тут дело

военных историков, им, как говорится, и карты в руки. Зато все мы помним о

дальнейшем участии французов в войне с фашистами. То, что их летчики

сражались в Советском Союзе против общего врага на наших самолетах и под

нашим верховным командованием(4), конечно, тоже заслуга де Голля. Он этому

содействовал. Думаю, что если бы де Голль призвал летчиков не сражаться на

нашей территории, то они и это выполнили бы. А большинство французов воевало

на Западе, нанося удары по гитлеровской Германии вместе с англичанами и

американцами.

Не помню, как конкретно прибыли к нам летчики-французы, каким сюда попали

путем, но думаю, что все же не без прямого согласия де

Голля. Был

организован авиаполк, в составе которого они храбро сражались вместе с

нашими летчиками. Это тоже характеризует де Голля: в критическую для Франции

минуту он искал контакты с нами во имя разгрома гитлеровской Германии и

освобождения родины. Когда де Голль приехал в Москву(5), я в те дни тоже

находился там. Меня вызвал Сталин и сообщил мне о приезде этого гостя.

Тогда-то я его впервые увидел.

Когда Сталин сказал мне, что приехал де Голль, это прозвучало у него с

гордостью. И я его понимал. Де Голль, который считался антикоммунистом и

представлял, как у нас писали, реакционные военные круги, вдруг приехал в

Советский Союз! За обедом, который состоялся у Сталина на квартире, он

представил меня де Голлю. Людей там присутствовало немного. Сталин сказал

Молотову, что де Голль предлагает заключить с нами договор. Все такие

вопросы Сталин тогда обговаривал именно с Молотовым. Пункты договора я не

помню, но речь шла о возобновлении отношений(6). Еще перед первой мировой

войной отношения между Россией и Францией были самыми

теплыми. Потом в 30-е

годы у нас тоже был заключен с Францией хороший договор(7).
В 1939 г. все

пошло наоборот. А теперь отношения возобновлялись, только на
новой основе. И

Франция уже не та, и мы не те.

Желание подписать с нами новый договор мы расценивали
как признание нашей

мощи и возможностей социалистической системы. Конечно, тут
было признание не

внутреннее, не согласие с коммунистической идеей, а
признание де-факто:

социалистическая система показала свою устойчивость и
жизненность, оказала

сильное сопротивление германской армии и нанесла ей
решающее поражение. Без

Советского Союза союзники не смогли бы разгромить врага в
такие сроки. На

это им понадобилось бы значительно больше времени и больше
крови. Они, как

говорится, следовали в затылок нашей армии. Не буквально,
конечно. Но это мы

перемалывали воинские части вермахта, оттягивали все больше
и больше его сил

на себя, вынуждали Гитлера ослаблять Атлантический вал. В
месяцы, когда

Гитлер уже еле держался на ногах, Запад высадил десант(8) и
тем самым принял

участие в завершающих операциях по разгрому Германии, а

потом получил

возможность принять ее капитуляцию, когда немецкая армия была уже

обескровлена Красной Армией.

Де Голль проявил явное понимание нашей роли, большее, чем американские

политики и особенно Черчилль. После обеда Сталин пригласил его посмотреть

кино (он тогда всех приглашал в кино). Де Голль поблагодарил, но отказался,

сославшись на то, что занят. Он хотел поработать в тот вечер над документом,

который готовился к подписанию. Зал, где Сталин смотрел кинокартины, был

сравнительно небольшим. Как всегда, нам были поданы туда фрукты и, в виде

исключения, шампанское. Сталин пригласил также летчиков из авиаполка

"Нормандия - Неман". Он угощал их и очень любезно разговаривал с ними. Сам

был крепко подвыпивши, его даже шатало. Нам стало неудобно, мы

переглядывались между собой. С нашей стороны там присутствовали при этом

Берия, Маленков и я. Не помню, кто еще. Мы беспокоились, что Сталин своим

видом может создать себе плохую репутацию. Он обнимался с французами, пил

сам и их спаивал. Французы могли подумать, что он пьяница.

Нам же этого не

хотелось, хотя такое заключение было бы абсолютно правильным. Нам было очень

больно морально, но мы ничего не могли поделать. Остановить Сталина вообще

никто не мог, да никто и не пытался. Это ведь означало стать его личным

врагом.

Из кинозала Молотов выходил на встречу с министром иностранных дел(9)

Франции, и этот министр приходил к нам туда. Они уединялись с Молотовым,

согласовывая документ, содержание которого в деталях я не помню. По

какому-то пункту у них возникли столкновения: наша сторона не соглашалась с

формулировкой де Голля, де Голль не соглашался с нашей. В конце концов

кто-то кому-то уступил не то нашли взамен эластичную фразу, и договор был

подписан, но не помню, где конкретно: то ли тут же - в кинозале, то ли

позже, но не в торжественной обстановке. Де Голль вел себя гордо, держался

достойно, не гнул спины и не склонял головы, а ходил, как человек,

проглотивший аршин. Внешне он производил впечатление человека

необщительного, даже сурового. Вот такие у меня остались

впечатления от
первой встречи с де Голлем.

После его отъезда Сталин нам рассказал, что он спросил де
Голля о Торезе

(Торез в это время находился в Москве(10)) и сообщил, что
Торез собирается

уехать в Париж. "Когда он приедет в Париж, вы арестуете его?"
Не помню, что

ответил де Голль.

Сталин не придавал особенного значения договору, который
он подписал с де

Голлем, хотя был удовлетворен тем, что Франция ищет
контакты с Советским

Союзом. Каждый из нас гордился бы этим. Сталин же по-своему
понимал данную

акцию, он смотрел как бы дальше: мол, сей договор - пустяки.
Вот приедет во

Францию Торез, развернет всю работу коммунистическая
партия. Ее авторитет

был там очень высок. К тому же в то время она обладала
большим количеством

оружия и представляла реальную военную силу. Компартия
имела большое влияние

в народе, которое она по праву заслужила как главная
организующая сила, не

щадившая своих сынов в схватках с гитлеровской Германией.
Эта ситуация

давала не просто надежду: Сталин был абсолютно уверен в том,
что коммунисты

начнут определять политику Франции и, возможно, к власти придет

правительство, возглавляемое их лидерами.

Может быть, так и случилось бы, если бы во Франции не было тогда

американских войск. Такое же положение сложилось в Италии. Итальянская

коммунистическая партия тоже была очень авторитетной. Тольятти(11) готовился

даже поднять вооруженное восстание и создать свое правительство. Сталин

удержал его от этого, убеждая, что восстание будет раздавлено американскими

оккупационными силами, которые находились в Италии. Получилось бы то же, что

потом случилось в Греции. Там коммунисты тоже были многочисленны и

господствовали на политической арене, народ их признавал и шел за ними. Но

англичане раздавили восстание, и рабочий класс не восторжествовал(12).

Итак, товарищ Торез выехал во Францию. Мы с напряжением ожидали, как

отнесется к нему де Голль, не посадит ли его в тюрьму? И были удивлены,

когда одним из своих заместителей он назначил Тореза. Это говорило о том,

что де Голль умеет трезво оценивать положение и время, в которое живет. Я бы

сказал, что это было мудрое решение, тем более для него, антикоммуниста.

Зная авторитет коммунистической партии в народе и признавая Тореза как

лидера этой партии, он правильно оценил внутреннюю обстановку. Стало быть,

он был не только военным, как мы иной раз говорим - солдафоном, то есть

негибким человеком, который лезет напролом; нет, он проявил гибкость ума и

показал себя тонким политиком, привлек к работе Тореза и, следовательно, всю

коммунистическую партию. Торез понимал, что тут вынужденное приглашение, но

принял его. Когда же де Голль набрал потом силу и почувствовал, что может

обойтись без коммунистов, он сейчас же дал отставку Торезу и его

товарищам(13). Я лично не имел тогда какого-то своего взгляда на

деятельность де Голля, а смотрел на него глазами нашей печати и в

значительной степени воспринимал ту оценку, которую давал ему Сталин.

Потом, на каком-то этапе развития государственной системы во Франции, де

Голль и его партия получили меньшинство голосов. После этого он вышел из

политической игры(14), уединился в своем имении и жил на положении

отставного генерала и отставного политического деятеля. Но, надо отдать ему

должное, продолжал с уважением относиться к Советскому Союзу и Советской

Армии. В чем это конкретно выражалось? После смерти Сталина нашим послом во

Франции стал Виноградов(15). Он оказался гибким дипломатом и занял с де

Голлем хорошие контакты. Де Голль приглашал его в свое имение и вел там с

ним беседы политического характера. Если нужно было проинформироваться и

узнать взгляды де Голля по тому или другому вопросу, Виноградов свободно

посещал его, и де Голль никогда ему не отказывал. Напротив, сам часто

приглашал его к себе, иной раз даже на охоту. Это подтверждает тот факт, что

и в отставке генерал считался с реальностями международной политики и

поэтому не порывал связей с Советским Союзом, а все время поддерживал их

через нашего посла.

Сам по себе де Голль - человек очень прямой. Он не боялся говорить

откровенно. Высказывался в том духе, что во Франции существуют только две

силы, способные руководить страной, ни во что не ставя другие силы, кроме

своей партии(16) и коммунистов. Полагал, что только они способны в

критическую минуту взять на себя руководство и вывести страну из кризиса.

Да, он считал для Франции свою партию особенно полезной и высоко оценивал

свою личную роль. Коммунистическую же партию рассматривал как оппозиционную,

но такую, с которой нельзя не считаться, потому что она способна поднять

народ и поведет его за собой. Компартия имела ясную цель, знала, каким путем

ей идти и как вывести страну из тупика. Это тоже говорит о том, что де Голль

был реально мыслящим человеком, с которым как с политиком, в свою очередь,

всегда надо считаться.

Вот предыстория правительственной встречи представителей СССР с де Голлем

в 1960 г., уже при новой расстановке международных факторов. Дело в том, что

когда пошел процесс послевоенного восстановления экономики и парламентской

системы, то во Франции образовалось множество партий и группировок. Одним из

самых неустойчивых в Европе было именно французское правительство. Порою оно

менялось по несколько раз в год. Одно время его возглавлял Ги Молле(17),

глава левого течения в социалистической партии. Печать много шумела о его

"левизне".

Как раз в то время Франция, Англия и Израиль начали войну с Египтом. Но

их война позорно провалилась. Не помню, как тогда "выкрутился" Ги Молле.

Идену же в Англии военная авантюра стоила отставки, и его место занял

Макмиллан. Франция тогда основательно впряглась в агрессивный блок НАТО и

играла в нем довольно видную роль, занимая антисоветскую позицию. Это

вынудило нас аннулировать договор, подписанный с нею при Сталине(18).

Поскольку французы сохраняли воспоминания о том, сколько раз германская

армия оккупировала Францию и занимала Париж, то мы хотели использовать эти

чувства, поставив Францию перед дилеммой. Когда Франция была вместе с

Советским Союзом, тогда она одерживала победу. Поэтому де Голль и подписал

договор с СССР. Он учитывал исторические обстоятельства. Его родине был

нужен союзник, и этим союзником лучше других могла быть в старое время

Россия, потом Советский Союз. Я думаю, что так понимал дело и де Голль,

когда шел на подписание договора со Сталиным.

Теперь мы поставили перед Францией вопрос, как понимать роль французской

политики в НАТО, которая направлена против СССР и против союзнического

договора, подписанного де Голлем? Этим вопросом мы хотели воздействовать на

французских политиков с тем, чтобы они трезво оценили новую обстановку и

приподняли завесу, скрывавшую от них будущее. Германия опять набирала

экономическую силу, стала самой могучей из европейских капиталистических

стран. Это могло обернуться против Франции, чья внешняя политика создавала

мираж у ее граждан. С одной стороны, отношения с СССР базируются на

дружеском договоре; с другой - французская политика фактически направлена

против Советского Союза и идет в одном фарватере с самыми агрессивными

силами НАТО, является составной частью этой линии. То есть предупредили

французскую сторону, что если так будет продолжаться, то мы не видим смысла

в продолжении действия нашего договора, не хотим прикрывать собой политику

французского правительства и поэтому считаем себя более не связанными

договором, разрываем его.

Это оказало некоторое воздействие на умы какой-то части французов. Не

говорю о коммунистической партии, которая и без того правильно оценивала

положение. Некоторые левые буржуазные деятели были вообще потрясены. Но

лица, которые определяли политику страны, не сдвинулись с места. Они давно

поставили крест на этом договоре и были заодно с реакционными силами,

проводившими агрессивную политику против стран социализма. Конечно, в своих

воспоминаниях я не лишен некоторых неточностей, потому что не пользуюсь ни

справками, ни дипломатическим архивом, ни газетами или журналами, а диктую

воспоминания, опираясь исключительно на свою память.

Правда, память пока

служит мне в моем возрасте неплохо. Возможны неточности, но основа

правильна. А я стараюсь как можно объективнее излагать все дела, как я их

понимал в то время и как оцениваю сейчас события тех дней.

Настал день, согласованный с французским правительством, и советская

делегация, возглавленная мною, отбыла из Москвы в Париж(19). Не говорю здесь

о проводах, обычном, уже сложившемся нашем трафарете.

Кажется, вместе со

мной вылетел тогда и посол Франции в СССР господин Дежан(20). Я его хорошо

знал и с большим уважением относился к нему и его супруге. В Париж мы

прибыли в обусловленный час. Расписания требовалось строго придерживаться,

потому что к намеченному времени были сделаны необходимые приготовления к

встрече нашей делегации, должен был приехать президент.

Парижский аэродром(21) очень хорошо оборудован, с отличной бетонной

дорожкой. Нужно отдать должное Западу, он умеет укладывать бетон лучше, чем

мы. Там не встретишь ни сучка, ни задоринки, все лежит как новенькое, будто

только что уложенное. У нас, к сожалению, не так. Сколько я ни занимался

этим, сколько ни критиковал наших строителей, но уже через год заметны

выбоины, дорожки приобретают старый вид. Считаю, что тут никаких секретов

нет, а есть производственная дисциплина, соблюдение нужных пропорций и

строгого технологического процесса при приготовлении смеси и при ее укладке.

Весь секрет - в высокой культуре труда. Я это отмечаю сейчас и раньше всегда

тоже отмечал, когда пребывал за границей. Разница сразу

бросалась в глаза, а

сравнения, к сожалению, были не в нашу пользу.

Когда наш самолет подрулил к месту остановки, я увидел из окна почетный

караул, красную почетную дорожку и группу людей во главе с президентом.

Президент выделялся, его можно было легко узнать даже в толпе. Он стоял

рядом с супругой, поскольку и я прилетел вместе с Ниной Петровной. Мы

поздоровались, и президент повел меня к почетному караулу принять рапорт.

Потом почетный караул продефилировал мимо нас. Церемония проходила не на

открытом воздухе, а в специальном зале для приема и проводов гостей. Речей

сейчас не помню. Мы сели в машину президента и двинулись в город.

Париж произвел на меня очень хорошее впечатление. Я много читал о Париже,

но всегда лучше увидеть, чем услышать. Нашу машину сопровождал эскорт. Не

помню, много ли людей вышло на улицы города, зато сохранилось в памяти, что

компартия приложила руку к организации нашей встречи с народом. На улицы

вышли те, кто по политическим соображениям сочувствовал коммунистическому

движению и нашему социалистическому государству, ценил

нашу роль в разгроме

гитлеровской Германии. Сугубо либеральные люди также с симпатией относились

к политике Советского Союза. Эти симпатии тоже вывели их на улицы, и они

приняли участие во встрече.

Нам был отведен для пребывания какой-то "знатный" дворец(22). Прошу

извинить, но название его вспомнить не могу. Здание было роскошным, у

подъезда нас встретила президентская гвардия, и автомашина теперь

подстраивалась под скорость лошадей. Вероятно, гвардейская форма сохранилась

с наполеоновских времен, была она нарядной. Мне показалось, что гвардейцы по

возрасту, по росту, по цвету волос подбирались специально. Русские цари,

подбирая себе гвардейцев, тоже так действовали. Лучше всего это получалось

во Франции и Австрии, которые задавали тон дворцовой моде. Раскрылись

ворота, нас впустили, гвардия остановилась у ворот, толпа осталась за

воротами.

Президент показал помещение, в котором мы должны были разместиться, и

откланялся, условившись о встрече. Дальнейшая программа была разработана

заранее министерствами иностранных дел Франции и СССР.
Предусматривалось

пребывание там нашей делегации в течение 10 дней, включая
различные поездки

и ознакомление с городами страны. Французская сторона
настаивала на моей

поездке в Алжир, на сахарские нефтеразработки, вместе с
президентом, но мы

отказывались. Уже в Париже на меня продолжали оказывать
давление, но я не

соглашался, ибо наша поездка в Алжир приобрела бы особое
политическое

значение. Франция уже столько лет воевала с алжирским
народом, и такая

поездка могла быть неправильно расценена.

Франция считала Алжир своей провинцией. Мы не могли с
этим согласиться,

да и французам было известно, что мы сочувствуем
освободительному движению

арабов. Еще до встречи с де Голлем я много раз так
высказывался, включая тот

случай, когда в Москву приезжала делегация Франции во главе
с Ги Молле. Я

предрекал, что в Алжире Франция потерпит поражение, если не
найдет разумного

выхода и не предоставит независимость алжирскому народу. И
мы не пошли

поэтому навстречу де Голлю, считая, что содействие
колонизаторам запятнало

бы нашу политику. Поблагодарили за внимание, но сказали, что не можем

принять предложение поехать в Алжир, хотя и не говорили открыто о причине

отказа. Впрочем, де Голлю не надо было напрягаться, чтобы понять наши

мотивы.

Сейчас не смогу вспомнить последовательность посещения нами городов и

провинций страны. Но везде мы были очень довольны хорошим приемом. Нигде я

не встречал каких-либо признаков неприязни. Иногда мы приезжали в город, в

котором отмечался местный праздник. Так произошло в Арле. Арлезианцы

выбирали королеву красоты. Нас тоже пригласили на празднество. Почти вся

публика была в национальных костюмах. Потом нам с Ниной Петровной

представили избранную там королеву красоты, действительно красивую девушку.

Если бы нам лишь дали фотографию, то мы сказали бы, что это русская

красавица. Такая и у нас получила бы признание: дородная девушка,

краснощекое лицо, так и пышет здоровьем, одета в красивый национальный

костюм. Нине Петровне она подарила куклу. Впрочем, везде, куда бы мы ни

приезжали, нас ожидала добрая встреча.

Сопровождал нас в поездке доверенный представите
президента де Голля,

один из его сподвижников по Сопротивлению(23). Он был
несколько суховат

(видимо, таково свойство его характера), но относился он к нам
с большим

вниманием, и у меня остались о нем наилучшие впечатления. В
некоторые города

к моменту прибытия туда нашей делегации приезжал министр,
занимавший видное

положение в правительстве де Голля, бывший посол
Франции в СССР, по

профессии, кажется, историк(24). Очень интересный собеседник,
к тому же с

ним было легко беседовать: он отлично говорил по-русски, а
сам был, если

говорить по старинке, "артельный человек", то есть
общительный. После обеда,

попивая кофе с коньячком или ликером, любил запеть русские
песни и знал их.

Естественно, мы подтягивали, как умели, не преувеличивая
своих возможностей,

как могли. Ведь каждый человек поет в принципе для себя.
Но нам было

приятно, что инициативу проявлял француз. Такой уважаемый
человек, который

ряд лет был послом в Советском Союзе и постоянно проявлял
внимание, приезжал

**в тот город, где мы гостили, и сразу создавал
непринужденную, простую,**

**товарищескую обстановку. Жена посла тоже сопровождала нас
(видимо, из-за**

**Нины Петровны). Мы ее хорошо знали, то была старая знакомая
по Москве, очень**

приятная женщина.

**Согласно разработанному протоколу, при посещении
департаментов Франции**

**нас должен был принимать префект. Там это, собственно говоря,
администратор,**

**назначенное, а не выборное лицо. Префект представлял власть.
Он назначается**

**президентом, поэтому имеет административные права. Ему
подчиняется полиция.**

**В нашем понимании он вроде начальника полиции, что меня
слегка коробило. Как**

**же так? Нас будет принимать полицейский начальник, и мы
потом будем**

**проживать под крылышком французской полиции? Нет ли тут
какого-то ущемления?**

**Какой-то дискриминации? Мы проконсультировались с
товарищем Торезом, и он**

**разъяснил: "Ну, что вы! Наоборот, это считается проявлением
внимания со**

**стороны президента. Префект - представитель президента,
поэтому он и**

**принимает его гостей. Так что это выражение особого
внимания".**

По плану мы должны были посетить Бордо. Мэром города был тогда

Шабан-Дельмас, сейчас премьер-министр Франции(25). Тогда он был энергичным

молодым человеком, который с увлечением рассказывал о перестройке города,

показывал нам целые кварталы, которые намеревался снести и построить там

новые жилища, больницы, школы. Одним словом, имел широкие намерения. Я

слушал его, но в суть особо не вникал, потому что тут внутренний вопрос,

вопрос города и его мэра. Признаться, я не понимал, зачем он хочет сносить

большое количество домов? Может быть, потому, что мы в СССР ощущаем большую

потребность в жилье и бережно относимся к каждому дому, который может еще

послужить как жилище, пока мы не выстроим нужного количества домов? Да, мы

не могли удовлетворить тогда самые насущные потребности в жилье у нашего

населения, в первую очередь в Москве. И в других городах положение было не

лучше. Люди страдали, жили, как клопы, в каждой щели, в одной комнате по

несколько человек, в одной квартире много семей. У них это совершенно

немыслимо. К сожалению, наши люди жили именно в таких условиях.

Шабан-Дельмас строил с размахом. У капиталистов - свои законы и свои

соображения. Не знаю, куда при этом там выселяли людей, я не стал

расспрашивать. Задавать такие вопросы значит брать в какой-то степени под

сомнение планы, которые руководитель города развивал передо мной. Мне

сказали, что он деголлевец, он и сам не скрывал этого, а гордился, ссылаясь

на свою близость к де Голлю, и говорил, что всецело поддерживает его

политику.

Мы должны были посетить также Дижон. Его мэр каноник Кир - очень

оригинальная личность, один из организаторов антифашистского Сопротивления.

Его дважды приговаривали к смертной казни, но все-таки не казнили. Этот

человек занимал дружескую позицию по отношению к Советскому Союзу, высоко

ценил вклад СССР в разгром гитлеризма и ненавидел фашизм. Когда наша

делегация приехала в Дижон, встреча состоялась царская. Мы разместились в

отведенном для нас помещении, а народ собрался огромной толпой у нашего

дома, выкрикивая приветствия. Я попросил, чтобы мне перевели. Оказывается,

как раз перед моим приездом высшие церковные сановники, не желая, чтобы меня

встречал каноник, временно куда-то его отозвали. Мне передали даже слухи,

что его держат якобы в келье, пока я не уеду из Дижона. Поэтому толпа,

собравшаяся около резиденции, выкрикивала: "Господин Хрущев, освободите

Кира!". Они хотели, чтобы я вмешался, как-то воздействуя на кого следует. Но

никто не знал, где он находится. Если бы даже и знали, то из этого ничего не

последовало бы, потому что тут внутренний вопрос страны, хотя мои симпатии

целиком были на стороне Кира. Там считали, что в своих дружеских речах он

может выйти за пределы желаемого с точки зрения тех кругов, которые хотели

бы принять нас с достоинством, но не более того. Кир же мог не посчитаться с

условностями как человек горячий и прямой.

Я сожалел о том, что не имел возможности встретиться с ним. Встреча

наверняка оказалась бы очень теплой. Заменял Кира заместитель мэра(26).

Гостеприимство, впрочем, было безупречным, беседы - самые дружеские и

располагающие. Вообще вся Франция проявляла к нам особые симпатии, и такое

отношение выражал широкий круг людей. В Дижоне в разгар обеда,

организованного в честь нашей делегации, появился паренек в крестьянской

одежде, вроде той, которую у нас носит подпасок, помощник пастуха. Он поднес

мне барашка белой шерсти с красным бантом, и я взял его. В этой связи было

высказано много шуток, барашек переходил из рук в руки. Щелкали фотоаппараты

и трещали кинокамеры, фиксируя необычный подарок. Считалось, что барана надо

зажарить как угощение. Стали мы судить и рядить, как быть с ним, и решили;

пусть он живет, это будет символ, так как баран, когда его не трогают,

существо мирное. Возникла веселая и непринужденная обстановка, домашняя

обстановка, которая располагала к себе. Вот президент пригласил

представителей Советского Союза, следовательно, хотел улучшения отношений

между нами, и народ с одобрением относился к поступку президента,

приветствуя его гостей.

Де Голль посоветовал мне посетить одну провинцию неподалеку от границы с

Испанией. Там добывали подземный газ, может быть, там были и

нефтеразработки. Он порекомендовал также посмотреть опытное поле, зная, что

меня интересуют всякие изобретения: "Вы получите удовольствие, там имеются

новинки, которые вас заинтересуют". Мы, прилетев туда, наблюдали

строительство химического завода по переработке газа или нефти. Я не

специалист в этой области, поэтому мне трудно было вникнуть в детали, но

стройка произвела сильное впечатление. Буровые вышки не удивили, но дело не

в количестве вышек, а в буровых машинах и в скорости проходки. Потом поехали

на экспериментальное поле. Де Голль тоже там бывал, он знал состояние работ

в этом хозяйстве. Какова же его особенность? Я впервые увидел там

распределение воды на орошаемых площадях не путем арыков, то есть канав,

какие веками делают в Средней Азии, а разводкой на современном техническом

уровне. Лотки поставили на опоры. Требовалось только провести нивелировку с

геодезической съемкой местности, расставить опоры, создав нужный уклон,

уложить лотки и зацементировать швы. При этом исключается утечка воды. К

тому же можно обрабатывать почву под лотками. Сорняков тоже не будет.

Мне все это очень понравилось, и я решил соорудить у нас железобетонный

завод, на котором будем формовать лотки и опоры. Вернувшись из Франции, с

похвалой отозвался об этой системе орошения. Мы снарядили туда своих

ирригаторов, они посмотрели, похвалили, и мы решили перенять новый метод,

который мог дать хороший эффект в Таджикистане, Узбекистане и пр. Потом

стали использовать данный метод, особенно в Узбекистане. Я много раз ездил

туда и всегда восхищался результатами. Сейчас забыл фамилию директора

треста, армянина, который занимался этим строительством в Узбекистане. Это

истинно советский человек и хороший организатор. Я с большим уважением

относился к нему. Думаю, что он посейчас с большой пользой занимается этим

добрым делом.

Что именно выращивали французы на орошаемом поле, не помню, но это не

имеет значения. Нам были показаны и другие полевые системы, например,

дождевание. Видимо, там было какое-то экспериментальное поле с применением

разных инженерных сооружений для орошения. Показали нам насосную станцию.

Если сравнивать по техническому уровню и замыслу с нашими станциями, то

гораздо лучше того, что имелось у нас. Так что я был признателен президенту

за экскурсию. В план посещений входил и Марсель, город с революционной

славой и революционными традициями. Но каких-либо контактов с рабочими или

коммунистическими организациями во время пребывания во Франции у нас не

было, да и не могло быть. Мы знали политические взгляды президента, поэтому

предпринимать что-либо со своей стороны, что могло бы быть им неодобрительно

принято, и вмешиваться во внутренние дела страны мы не хотели.

В Марселе тоже состоялись встречи на улицах, хорошие и дружественные.

Потом мы выехали в порт и на катере продолжали визуальный осмотр старого

большого города, очень интересного. Природа, с которой мы сталкивались

вокруг Марсея, имела большое сходство с одесской: та же низкая колючая

растительность и прочее. Да и в общественном понимании всех дел Марсель и

Одесса очень близки, два города-побратима. Марсель с Одессой издавна имели

торговые связи. Не случайно некоторые украинские крестьянские хатки в степи

крылись черепицей той формы, которая называется марсельской. Мне так

объясняли происхождение названия. Французские корабли, отправляясь за

украинской пшеницей, загружались в качестве балласта черепицей для

обеспечения нужной осадки кораблей, чтобы их не качало во время волнения

моря. В Одессе черепицу выгружали и потом продавали, а корабли с пшеницей

возвращались назад. Как в дореволюционное время существовали связи между

двумя портовыми городами, так и сейчас между Марселем и Одессой

поддерживаются хорошие отношения.

Разместили нас там во дворце, предназначенном для гостей. Префект принял

нас очень любезно. Когда зашли в спальню, он пошутил: "Господин Хрущев, вот

ваша кровать, а на ней в свое время спал Наполеон III". Я отшутился: "Мне от

этого не мягче". Хозяин отлично понимал, что ссылка на императора не

произведет на меня особого впечатления, но рассчитывал, что я соответственно

оценю историчность дома как места, где останавливались видные особы, посещая

Марсель. Так что кровать, предоставленная мне, тоже была исторической. Потом

за обедом мы опять много шутили на этот счет. Туда тоже приехал бывший

посол, встрече с которым я был рад. И, конечно, там присутствовал Дежан.

У префекта оказалась очень милая жена, англичанка. Между прочим, она сама

сказала, что любит русскую водку. Мы привезли с собой какие-то сувениры,

включая водку. Распили там одну бутылку, и я увидел, что у некоторых есть

потребность выпить еще. Тогда я обратился к охране: "Нет ли у вас

чего-нибудь? Выручите меня!". "Есть!" - говорят. И сейчас же появилась

русская очищенная. Хозяйка сразу заулыбалась, а присутствующие распили и эту

бутылку. Но должен сказать, что хозяйка держалась с достоинством и не была

нисколько хмельна. Видимо, умела пить, а здоровье ей позволяло, и она знала

свою грань. Поэтому не хочу, чтобы создалось представление, будто я вольно

говорю о супруге хозяина. Нет, то была хорошая мать и хорошая жена. Просто

веселая по природе. Не знаю, таков ли вообще характер англичан, она же была

гостеприимной, открытой, все время проявляла какую-то инициативу, излучала

добро, показывала энергию хозяйки стола. Ее муж тоже был весьма

гостеприимен. Вот, могут сказать, что Хрущев - коммунист, глава советского

правительства, а так отзывается о французском полицейском!
Да, но что же

делать? И под полицейским мундиром встречаются истинно человеческие сердца.

А мне было приятно иметь дело с таким человеком и чувствовать его теплоту и

внимание.

К концу вечера мы, подвыпив, стали петь русские песни. Потом

"Марсельезу". Ну, уж без этого никак нельзя обойтись: быть в Марселе и не

спеть "Марсельезу"? Вспомнили историю Французской революции. Мне лично было

особенно приятно петь "Марсельезу", потому что в молодости мы буквально

воспитывались на этой песне, призывном революционном гимне, государственном

гимне Франции. Исполняя ее, каждый, видимо, думал по-своему. Французы могли

петь ее как национальный гимн, мы - революционный. Потом я спросил бывшего

посла: "А знаете ли вы, какие песенки пели в свое время у нас?". И рассказал

ему о смысле одной из таких песен. "Я бы спел ее, да не знаю, как отнесется

к этому наш хозяин, ведь речь идет о полицейском начальнике. Хотя и о

царском, о русском, но все же!" - высказал я сомнение. Он ответил: "Давайте

попробуем вместе, я буду подпевать". И мы запели:

"Вот как Трепов-генерал всех жандармов собирал.

Всех жандармов собирал и такой приказ давал:

"Эй вы, синие мундиры, обыщите все квартиры!".

Обыскали квартир триста, не нашли социалиста.

В триста первую зашли и студента там нашли.

У студента под полою пузырек нашли с водою".

Эта песенка была народной. В свое время среди юношества она пользовалась

большой популярностью. Собираясь в узком кругу у Сталина, мы тоже ее пели,

но не все ее знали, даже такой обстрелянный в революционных событиях

человек, как Ворошилов. Теперь же наш хозяин слов, конечно, не понимал, а

бывший посол хорошо понимал и поэтому сказал: "На этом мы прекратим петь,

потому что хозяин может нас неправильно понять". И засмеялся. Он умел себя

держат, умел также расположить к себе и снять напряжение в обществе. Могут

спросить, а где же тут политические разговоры? Не было их. Надо ведь знать,

где мы находимся и с кем. Какие могут быть политические разговоры или

дискуссии с представителем президента, который всю свою деятельность

направляет на подавление коммунистического движения? Зачем же и затевать

такие разговоры, к чему это приведет? И мы вели себя соответственно,

разговаривая лишь на отвлеченные темы.

Когда приехали в Верден, то посетили там могилы солдат, погибших во время

первой мировой войны(27). Тогда русские войска сражались и на французской

земле и были захоронены вместе с французами, погибшими в борьбе против

кайзеровской Германии под Верденом. На кладбище было возведено сооружение в

виде трибун, а внизу распланированное поле с крестами, крестами, крестами...

Даже не знаю, сколько их там тысяч. Мы отдали должное: были исполнены гимны,

французский и советский, собралась довольно большая рабочая манифестация.

Рабочие прибыли на автобусах из ближнего города с красным знаменем и

встретили меня по-братски: и как бывшего пролетария, и как главу советского

государства, и как представителя коммунистической партии. Уезжая с кладбища,

**сопровождавший нас представитель президента сказал: "Я
очень признателен**

**коммунистам за то, что они приурочили свой приезд на
кладбище к вашему**

**посещению и ничего особого не предприняли, чтобы как-то не
омрачить память о**

**погибших". Да, они поступили как настоящие французы,
продемонстрировав**

**единство народа. Я был доволен: умно сделали! А о том
представителе мне**

**говорили, что он до войны примыкал к коммунистам, а после
войны стал**

деголлерцем.

**С крестьянами я почти не общался, состоялись лишь
мимолетны встречи. Был**

**и такой случай. Однажды мы проезжали мимо крестьянских
виноградников.**

**Невдалеке от дороги работал крестьянин. Когда он увидел, что
наши машины**

**подъезжают, стал махать руками, показывая бутылку со
стаканом, и побежал**

**навстречу нам, к дороге... Припоминаю и такой случай. Мы
хотели возложить**

**венки у памятника Неизвестному солдату на могилу павшим в
борьбе против**

**гитлеровской Германии. За мной заехал министр внутренних
дел, сравнительно**

**молодой человек. Мы сели с ним в одну машину и
отправились к месту**

назначения. В пути он изъяснялся по-русски, но я был особенно удивлен, когда

он запел русскую песню. "Откуда вы знаете наши песни?" - спросил я. "Я, -

отвечает, - знаю много русских песен и люблю их. Я находился в заключении в

концлагере вместе с русскими, подружился с ними и слышал, как они пели. Там

я научился вашим песням и вашему языку". Этот министр тоже был деголлевцем,

но очень тепло говорил о русских пленных, с которыми вместе был в

концлагере. Думаю, что он, находясь в заключении в гитлеровском лагере,

понял, что дружба с Советским Союзом позволит исключить возможность повтора

поражения Франции. Залогом безопасности тут служили не столько договоры,

сколько хорошие отношения между людьми.

Общество советско-французской дружбы устроило в Париже собрание, на

котором я должен был выступить. Народу пришло видимо-невидимо. Большой зал

был переполнен. Товарищи, которые смотрели в окна на площадь, говорили, что

и она была заполнена народом, и там установили репродукторы. Митинг проходил

в исключительно теплой атмосфере, люди выражали самые искренние чувства

дружбы к Советскому Союзу и высказывались за дальнейшее развитие и

укрепление наших контактов. Франция ценила вклад, который был внесен нашим

народом в разгром гитлеровской Германии, в результате чего Франция вновь

обрела независимость. Это понимал каждый француз, а не только коммунист, не

только рабочий, понимали люди любых политических взглядов. Правда, когда мы

говорили, что построение лучшей жизни есть вопрос революционных

преобразований, ликвидации капиталистического строя и установления

социалистического, с этим большинство французов не соглашалось. И не раз они

демонстрировали это при голосовании и при опросах, которые проводились в

стране. Но понимание правильности политики, направленной на обеспечение

мира, объединило нас. Даже некоторые капиталисты признавали необходимость

крепить дружеские отношения с Советским Союзом.

Программа визита была обширной, и я с удовольствием следовал ей,

наслаждался местами, которые посещал, встречами и знакомством с разными

людьми. Франция - подлинный музей искусств и истории, там есть на что

**посмотреть, чему удивиться, чем восхититься и поразиться.
Увы, как говорил**

**Козьма Прутков, нельзя объять необъятное. Я смог посмотреть
только какую-то**

**долю интересного из бесконечного множества любопытных
сооружений, прекрасных**

**художественных полотен и скульптур, дворцов и пейзажей.
Когда-то, после**

**окончания рабфака, я впервые посетил в Петрограде Зимний
дворец и бегло**

**прошел по нему. Это отняло у меня целый день. Потом у
выхода я буквально**

**свалился на какую-то скамейку, чтобы передохнуть. Тогда я
был молод и**

**крепок, но так утомился... Лувр же более обширен и богат, и за
один раз его**

**нельзя только даже осмотреть. Показали мне также Елисейские
поля и Версаль.**

**Там необычайно красивые сооружения с впечатляющей
планировкой насаждений.**

**Объяснения нам давал министр культуры, писатель, фамилия
его, кажется,**

**Мальро(28). Мне рассказывали о его сложной биографии.
Когда-то он был**

**активным коммунистом, потом стал не менее активным
деголлерцем. Он тоже был**

**весьма любезен, и думаю, что искренне. Со своей стороны, он
делал для нашей**

**делегации все, чтобы создать наилучшее представление о
Франции, и старался**

показать все, что заслуживало внимания.

С интересом познакомился я с посадкой фруктовых деревьев шпалерами. Ветки

все подвязаны, деревья невысокие, плоды удобно снимать без усилий, не надо

сбивать или стряхивать. Такие плоды не бьются и хранятся потом длительное

время. На одном гектаре насаждений их получается больше. Правда, у таких

деревьев меньший срок жизни, но это окупается. Считаю, что это очень хороший

метод садоводства. Потом я ознакомился с литературой по такому способу

насаждений. Наши специалисты тоже одобрительно относятся к этому способу

посадки, но, к сожалению, я нигде не встречал его в СССР, кроме как у

отдельных любителей.

На пресс-конференциях, собраниях и митингах нам предоставляли возможность

излагать свою точку зрения по вопросам международного характера и

внутреннего устройства. Мы не прятали своих идей, не маскировали их, полным

голосом высказывали свою точку зрения на капитализм как общественный строй,

который должен уступить место более прогрессивному, социалистическому строю.

Говорили, что буржуазное общество отживает свой век.

Отвечая на вопросы,

говорили, что внутреннее устройство каждого государства и изменение

существующего строя зависят от желаний народа. Мы же не вмешиваемся во

внутренние дела, революция - не экспортный товар, как и контрреволюция. Иное

дело, что наши симпатии - на стороне идей, основываясь на которых, мы сами

строили свое государство. Говорил я, что друг другу всегда надо желать

добра, и я желаю французам того, чего и себе желаю, то есть процветающего

общества. Это хорошо воспринималось, хотя и не всеми. Многие стояли на

буржуазных позициях, но проявляли вежливость, диспутов не возникало.

Когда я беседовал с товарищем Торезом, он одобрил наше поведение, наши

острые речи, в которых мы не сглаживали углов и прямо высказывали свои

классовые симпатии. "Вы очень содействовали нашей пропаганде

социалистических идей", - говорил он. Само его лицо свидетельствовало об

этом. Его приятная, простая, душевная улыбка и сияющие глаза показывали, что

он не играет. Передо мной сидел крупный политический деятель, который умел

защищать свои идеи и бороться за них, непримиримый к фальши, прямо

высказывавший свои чувства, и мне было приятно наше полное единство. Он

благодарил нас за прямоту, с которой мы выступали. Прямота-то бывает разная.

К примеру, бывает колкая. Но мы понимали, что являемся гостями де Голля,

хотя и нашего антипода по общественным взглядам, и поэтому во внутренние

дела страны не влезали.

Завершив запланированное путешествие по стране, мы вернулись в Париж.

Президент предложил нам с Ниной Петровной съездить в его загородную

резиденцию(29). Таким приглашением тоже выражалось особое уважение к нашей

стране. Оно было аналогичным той чести, которая была выказана нам

президентом США в Кэмп-Дэвиде. В загородном дворце действительно никто не

мешает беседам, чувствуешь себя свободно, есть возможность для обмена

мнениями и за завтраком, и за обедом, и за ужином. Де Голль с женой и мы с

Ниной Петровной вместе обедали, завтракали и ужинали. Не знаю, соответствует

ли действительности (как нас предупреждали), что супруга президента была

убежденной католичкой, которая терпеть не может коммунистов. Значит,

приглашая нас, она учиняла над собой внутреннее насилие. Но мы этого не

почувствовали. Это культурная женщина, хорошо умеющая владеть собой и ничем

не выдававшая своих чувств в отношении нас, коммунистов и атеистов. Она

очень любезно ухаживала за нами как хозяйка дома и как хозяйка стола. Почти

все остальное время мы проводили в беседах с де Голлем один на один.

Приезжали к нам для участия в переговорах Громыко с Виноградовым, а Нина

Петровна оставалась полностью на попечении жены де Голля.

Не помню, где начались официальные переговоры, в Париже или в загородной

резиденции. Но для вопросов, которые требовали решения, это не имело

значения. Поэтому я скажу лишь о сути дела, как излагали мы свою позицию и

как реагировал де Голль (как мы чаще его называли, господин генерал).

Основным оказался германский вопрос. Если бы я начал подробно излагать де

Голлю нашу позицию, думаю, что ему было бы неинтересно, потому что он хорошо

ее понимал. Но мы де Голля понимали плохо. Этот политический деятель во

время оккупации возглавлял движение Сопротивления, а теперь стал союзником

Западной Германии. Их союз был направлен против СССР и всех стран

социализма. Да, такого де Голля мы не понимали! Что он антикоммунист, в этом

у нас никогда не было сомнений. Но теперь в вопросах межгосударственных

отношений у него проявились оттенки, которых мы не могли объяснить. Какие-то

особенности его личных политических взглядов, которые он не раскрывал

публично.

При переговорах все садятся за общий круглый стол. С обеих сторон

присутствовали министры иностранных дел и чиновники. Мы сначала изложили

свою позицию (существует такая формальность), потом поставили главные

вопросы, по которым хотели найти общий язык с французами, чтобы принять

решения на общее благо. Каковы же эти вопросы? Во-первых, подписание мирного

договора с Германией. Вопрос вопросов! Он является узловым. Если его

разрубить, то сразу ослабнет международное напряжение. Перед важным решением

человек собирается с духом, напрягается, особенно если тут вопрос жизни или

смерти. Решится такой вопрос, и сразу мускулы расслабляются, человеку

свободнее дышится, у него начинает нормально биться сердце. Так и в

политической жизни. Вопросы разоружения, торговли, культурных связей, обмена

научными достижениями, все то, из чего складываются нормальные

межгосударственные общения, составляют основную цель естественного развития

отношений между государствами и решаются положительно только в случае

исключения возможности военного столкновения. Именно в исключении будущего

военного столкновения состояла суть германского вопроса. Крепкий орех,

который не так-то легко расколоть или разгрызть.

Де Голль вел беседу очень спокойно и неторопливо. Он даже несколько

поражал нас своим спокойствием. "Господин Хрущев, - говорил он, - а зачем

вам сейчас обязательно надо заключать мирный договор? Нужные условия еще не

созрели, поэтому сейчас трудно договориться. А что изменится, если решение

отложить? Поэтому на сегодня я не считал бы это главным вопросом". Мы с этим

не могли согласиться. Но он так искренне и так убедительно доказывал, что я,

посматривая на него, думал: а не шутит ли он с нами? Нет, он говорил

серьезно. Потом я поверил в его серьезность. У него имелось свое понимание

событий. "Вы, - говорил он, - сейчас имеете Восточную Германию, и она входит

в Варшавский Договор. А мы имеем Западную Германию, которая входит в наш

НАТО. Пусть так и будет. Западный же Берлин обладает особым статусом". По

Потсдамскому соглашению мы тоже так толкуем дело, но видим, что на практике

западные державы не выделяют Западный Берлин как особую политическую

единицу, а дают возможность ГФР включить его в свой состав. Де Голль

соглашался с Потсдамским соглашением и в данном вопросе не вступал с нами в

спор, вроде бы соглашался с нашим толкованием. Особый статус Западного

Берлина другие западные державы признают лишь на словах, тогда, когда им это

выгодно, а в жизни они его игнорируют, проводя свою экономическую и

административную политику и считая, что Западный Берлин является частью ГФР

(нынешней ФРГ).

Мы повторяли свои соображения на сей счет. Ранее мы много раз их

высказывали и в документах, и на митингах, и в диспутах, и на

пресс-конференциях. Доказывали, что Западная Германия набирает силу. Что она

экономически уже достигла большой мощи и является сильнейшей из европейских

стран, входящих в НАТО. Ее экономика самая могучая, а ее армия - самая

многочисленная. На основе достижений науки и техники ее вооружения

становятся все более смертоносными. Приводил я и прочие доказательства,

которые не требовали особых усилий для понимания их де Голлем. Как военный,

политик и государственный деятель он все прекрасно понимал.

Однако, когда мы заговорили о том, что может разразиться война, а Франция

будет втянута в нее как союзница НАТО, он спокойно и довольно твердо

ответил: "Господин Хрущев, смею вас заверить, что Франция никогда не будет

вместе с Германией воевать против Советского Союза. Пока Германия (так он

говорил: Германия) входит в состав НАТО, она вообще не получит возможности

развязать войну против СССР и ГДР. Если Германия объявит войну ГДР, то это

будет со слабым прикрытием военных целей, сквозь это прикрытие просветит

**полный скелет агрессивных планов". И доверительно добавил:
"Мы вас понимаем,**

**мы тоже сейчас против объединения Германии. Господин
Хрущев, вы, наверное,**

**знаете, что Франция занимала особую позицию во время
потсдамских**

**переговоров. Но нас не послушали. Господин Сталин нас не
поддержал, а мы еще**

тогда предлагали более радикальные решения".

**Кажется, Франция тогда стояла за большее раздробление
Германского**

**государства, не такое, какое сложилось в результате
оккупации. Де Голль**

**предлагал тогда новое государственное устройство Германии, с
тем чтобы она**

**утратила единую государственность. Это предполагало
отсутствие и единого**

**правительства, и единой военной, и единой внешней политики.
Кроме того,**

**Франция претендовала на некоторые пограничные немецкие
районы, которые вошли**

**бы в ее состав. Но сейчас не смогу, взяв карандаш, точно
показать, на какие**

**территории претендовала Франция. Черчилль во время войны
тоже высказывался**

**за расчленение Германии. Но сейчас я не буду об этом
вспоминать, потому что**

**это потребовало бы обратиться к архивным материалам или
хотя бы к газетам.**

"Да, я помню, что вы занимали особую позицию по немецкому вопросу, - тоже

спокойно ответил я. - Вы говорите, что Сталин вас не поддержал? Но я понимаю

Сталина. В то время у нас были другие взгляды на Германию, мы по-другому

оценивали послевоенное положение и направление развития будущего германского

государства. Видимо, исходя из этих соображений, Сталин и не поддержал ваших

предложений". Далее ни президент, ни я со своей стороны не стали

детализировать эти взгляды. Однако хочу изложить свое понимание взглядов

Сталина на немецкий вопрос в преддверии разгрома Германии. Они не изменились

и в дни Потсдамской конференции.

Чем руководствовался Сталин в немецком вопросе? Он был убежден (и я тоже

придерживался такого мнения), что после разгрома немцев и разорения, в

котором оказалось их государство, немецкий рабочий класс, крестьянство и все

общество захотят выйти из того политического и социального состояния, в

котором Германия находилась перед войной. Мы предполагали, что там свершится

социальная революция, будет ликвидировано капиталистическое господство,

возникнет пролетарское государство, которое будет руководствоваться марксистско-ленинским учением, установится диктатура пролетариата. Это было нашей мечтой. Мы считали, что это будет самым простым решением немецкого вопроса. В результате Германия перестанет быть милитаристским государством и перестанет угрожать Европе войной, которую она уже несколько раз развязывала. Нам казалось, что такое возрождение страны неизбежно. Исходя из нашего понимания дела, мы считали, что после разгрома фашизма создавались самые благоприятные условия для объединения рабочего класса с беднейшим крестьянством в борьбе за революционное государство, в котором не стало бы частной собственности и осуществился переход на позицию строительства социализма.

Такое же положение, по нашему мнению, складывалось в те годы во Франции и

Италии. И там, как мы надеялись, вскоре победят коммунисты. Тут - простая

аналогия. После первой мировой войны Россия совершила у себя рабочую

революцию. После катастрофы, в которую Европа была ввергнута Гитлером и

Муссолини, после второй мировой войны Франция и Италия тоже должны перейти в

социалистический лагерь. А насчет Германии у нас и сомнений не было. Мы были

абсолютно уверены в том, что она станет социалистическим государством. Не

говоря уже о других странах, которые тоже пойдут вслед за этими державами.

Поэтому, естественно, после разгрома Германии, чтобы заручиться симпатиями

немцев к советской политике, Сталин высказывался за единую Германию. Он

представлял себе, что единая Германия будет социалистической и станет

союзницей СССР. Вот концепция, которой придерживались и Сталин, и мы, все

его окружение.

Но после Потсдамской конференции события развивались не в нашу пользу.

Вся мощь США была поставлена на ноги для того, чтобы удержать разоренные

страны Европы от революционного взрыва масс. США пустили в дело свой

капитал, постарались накормить голодных и удержать их в узде, стали

восстанавливать промышленность, чтобы занять массу людей и сохранить

тамошнее хозяйство на капиталистической основе. Так оно и произошло. И

Франция, и Германия, и Италия, то есть государства с наиболее развитым

капиталом, мощной промышленностью, сильным рабочим классом и могучими

коммунистическими партиями, переживали сложные дни...

**Однако не получилось так, как мы предполагали.
Капитализм**

продемонстрировал свою живучесть и остановил шедший процесс. Мы были

**разочарованы. Вот наши взгляды в те годы.
Руководствуясь этими**

соображениями, Сталин проводил политику, которая вступила в противоречие с

**пожеланиями де Голля, который тогда представлял Францию.
Но я не стал теперь**

объяснять де Голлю все это, а только сказал, что Сталин имел свои

соображения, сейчас же обращаться к обсуждению этого вопроса в прежнем виде

нецелесообразно. Де Голль это понимал и в противовес нашей точке зрения

сделал только один экскурс в прошлое. Он вспомнил Потсдам, когда стрелка

весов склонялась в пользу союзников, и привел высказывания политических

деятелей и журналистов, которые отражали взгляды своих государственных

лидеров насчет будущей Германии. Тут мы, сознавая свою правоту, стали, грубо

говоря, нажимать на него, чтобы он если и не принял нашу точку зрения, то

проникся сознанием тревоги.

Действительно, Западная Германия угрожала Европе. Если бы новая война

была развязана, она стала бы катастрофой. Носителем этой заразы и военного

психоза являлась партия Аденауэра. Чтобы предотвратить опасность, надо было

заложить в Германии другие основы, а Советскому Союзу и Франции проявить

больше взаимопонимания и приложить побольше усилий, чтобы не допустить такой

войны. В первую очередь немцы, ища слабое место, безусловно, опять обратили

бы свои взоры на Францию, а не на СССР. Так что Франция не меньше, чем

Советский Союз, а даже больше должна быть заинтересована в укреплении с нами

дружеских отношений и в противопоставлении их агрессивности Германского

государства. История доказывает, что многое может повториться, могут

возродиться в какой-то форме и идеи Гитлера. На почве шовинизма вырастает

агрессивность, питательная среда для политики реванша. Гитлер именно на этой

основе обрел силу, его лозунгом стала реставрация величия Германии,

утверждение ее главенства в Европе и в мире. Он развязал войну, как раз

считая, что добьется мирового господства и станет владыкой мира, а Германия

будет диктовать свои условия всем другим.

Вот что я "втолковывал" де Голлю. Он вел себя умно, понимал наши

аргументы и считал, что они заслуживают внимания, но ведь он принадлежал к

другому классу: был противником революции, был и остался противником

социализма, являлся антикоммунистом. Его классовая сущность тянула его в

другой лагерь. И он балансировал, стремясь не ослабить свой лагерь, а с

другой стороны, не позволить контрсоциалистическим силам столкнуть нас и

развязать войну. "Господин Хрущев, - несколько раз повторял он, - я вас

понимаю, давайте договоримся: пусть остается так, как есть, пусть ГДР входит

в состав Варшавского союза, а ФРГ - в НАТО. Оставим все так, как сложилось,

не будем нарушать разграничения стран, входящих в НАТО и в Варшавское

объединение, разваливать статус-кво. Франция никогда не будет воевать против

ГДР, она нам не нужна. Но и вы поймите наше положение: мы не хотели бы

ослаблять себя. Следовательно, СССР должен признать необходимость вхождения

Западной Германии в НАТО".

Он хотел не нарушать равновесия между двумя блоками, как географическими,

так и социально-политическими. Именно нарушение равновесия, по его мнению,

могло кончиться катастрофой. Мы снова твердили свое. А де Голль, очень умело

ведя беседу по столь острому вопросу в спокойной, даже флегматичной манере,

излагал нам необходимость сохранения статус-кво. И вместо того, чтобы

вступить с нами в спор, сказал: "Что вы получите от заключения мира? Ничего

добавочно не получите. Поэтому довольствуйтесь тем, что есть. Вы уже имеете

очень много и представляете огромную силу, с которой мы считаемся и будем

считаться. Зачем вам добиваться для вашей ГДР подписания мирного договора?".

Он считал, что ГДР принадлежит нам, и не понимал, зачем нужно оформлять

мирный договор. А нас просто рассматривал как собственников Восточной

Германии. Мы же хотели другого, подходя к делу по-коммунистически, желали,

чтобы мирный договор установил нормальные отношения между всеми

государствами, ГДР получила бы полный суверенитет и возможность строить

дипломатические, культурные, экономические связи со всеми странами по своему

усмотрению и в своих интересах.

Де Голль, делая вид, что не понимает этого, несколько грубовато

представлял наши взаимоотношения с ГДР. Конечно, он знал, что подписание

мирного договора изменило бы всю атмосферу в НАТО. Знал своих союзников,

понимал, что они не пойдут на это, и поэтому не хотел представлять Францию

оппозиционной силой по отношению к НАТО. Правда, позже он как раз так и

поступил, когда вывел Францию из военного объединения НАТО, вывел ее войска

из-под власти натовского главнокомандующего(30). Но это было потом. А во

время переговоров даже намека не делал на то, что политика США навязывалась

Франции и всем другим странам НАТО. Затронул он и идею объединенной Европы.

Полагал, что Европа должна объединиться, а ее восточная граница проходить по

Уралу. Эту формулировку я не понимал, да и сейчас с трудом себе ее

представляю. Что такое "Европа до Урала", если она разделена? В ней имеется

несколько государств с различным социально-политическим устройством в разных

военных группировках. К тому же нас настораживала неприятная аналогия:

Гитлер тоже говорил, что дойдет до Урала. "Вот тебе раз, - думал я, - одного

разгромили, теперь другой подбрасывает ту же идею".

Как Европа объединится? Чем будет такое объединение? Мы, например, хотели

бы, чтобы вся Европа от Урала до западных морских границ стали

социалистической и чтобы европейские страны ликвидировали капитализм.

Западные политические деятели имели в виду то же самое, только наоборот, на

основе капитализма. Поэтому я тоже не вступил в дискуссию и не задавал

никаких вопросов, не уточнял мысль президента. Тем более что за столом,

когда мы остались одни, де Голль с женой и я с Ниной Петровной, он в ходе

беседы, обращаясь ко мне через переводчика, произнес: "Мон ами!" (то есть мой

друг). Обратившись так, он посмотрел на меня по-особенному (не сказал бы,

что улыбнулся, нет, он вообще очень редко улыбался). Я соответственно

ответил ему тем же: "Мой друг, господин президент!". То был хороший признак.

Де Голль хотел показать, что, несмотря на то, что мы люди противоположных

политических убеждений, наши усилия объединяются в вопросе обеспечения мира.

Вот он и считал меня и своим другом, и другом Франции. Я ответил ему тем же.

Что еще было примечательного в наших беседах?
Вспоминаются различные их

штрихи. На приеме, который был дан в нашу честь французским правительством,

собралось много гостей. Впрочем, так всегда бывает, когда принимаются

знатные иностранные гости. Де Голль энергично знакомил меня с

представителями тех африканских стран, которые входили во Французское

содружество. На деле то были колонии. Куда бы он ни ушел, его сразу издали

видишь, не потеряешь глазами, такой высокий. Смотришь, а он уже ведет собой

какого-то негра и представляет его: "Вот представитель такой-то провинции

Франции". Естественно, эти люди всегда улыбались, были любезны со мной, но

особенно любезны с президентом. Он оставлял нас вдвоем, а сам шел за другим.

Подошел ко мне со смуглой женщиной средних лет из Алжира, членом какой-то

французской палаты, представил ее, а она защебетала: хвалила Францию,

хвалила де Голля, хвалила Французское государство и доказывала, что арабам

Алжира прекрасно живется во Французском содружестве. Мне было неприятно

слушать ее, но в спор я не хотел вступать, тем более в такой обстановке. Это

была бы демонстрация с моей стороны. И только задал ей вопрос: "Госпожа,

видимо, не все так думают, как вы? Встречаясь с вашими соотечественниками, я

услышал бы, наверное, и другое?". "Ну, конечно, не все, но большинство". "А

кто же тогда воюет против французского режима в Алжире? - спрашиваю. - Война

длится уже несколько лет, сами факты противоречат вашим словам. Видимо, вы

лично действительно довольны. Это случается, когда бывают довольны отдельные

личности. Но я сомневаюсь, что вы выражаете думы своего народа".

Тут де Голль подвел ко мне других гостей. Познакомил меня с каким-то

сенегальцем, высоким и красивым мужчиной. Его кожа была черной с синим

оттенком. И он тоже стоял за содружество, за то, чтобы Сенегал входил в

состав Французской республики, и говорил, что они очень хорошо живут. То

есть де Голль хотел показать мне, что колонии Франции и их представители не

являются угнетенными, а, наоборот, пользуются всеми правами, которыми

пользуются французы, счастливы и хотели бы продолжить существование в

составе Франции. В данном случае он представлял мне своих подопечных,

входивших в состав правительственных органов, людей избранных, откормленных,

выхоленных, образованных и, возможно, богатых. Поэтому они и были довольны

своими колонизаторами, а де Голль мне их представлял как выразителей воли

африканских народов, которые восхваляют Францию. Одним словом, я мог бы

вспомнить великого украинского поэта и мыслителя Шевченко, как сказал он о

Российской империи: "От молдаванина до финна во всей стране все молчит, ибо

благоденствует". Очень умные слова с едкой иронией. В данном случае мне

можно было бы высказать их де Голлю. Но как гость я должен был слушать,

делать выводы и не вступать в дискуссию.

Не помню, при каких обстоятельствах заговорили мы о Секу Туре(31),

президенте Гвинеи. Я сказал, что знаком с ним, и отозвался о нем хорошо. Де

Голль знал, что я с ним знаком, поскольку тот не один раз бывал в Советском

Союзе после обретения Гвинеей независимости. В то время французы были

изгнаны из Гвинеи. Прекратилась всякая связь двух стран, и Гвинея оказалась

в критическом положении. Из-за отсутствия кадров парализовалась ее жизнь,

закрылись даже банки. Тогда по просьбе Секу Туре мы подали руку помощи и

послали своих специалистов. По-моему, отправили им пшеницу и что-то еще. И я

тотчас вспомнил о тех событиях, но с де Голлем говорить о них тоже не стал,

хотя мы были полностью на стороне гвинейского народа и делали все, что в

наших силах, для укрепления полученной им независимости.

Правительство де Голля провело в колониях голосование: хотят ли они

получить полную независимость или желают остаться в составе Франции? Нужно

отдать де Голлю должное, ведь не каждый на это пошел бы. Но де Голль был

уверен, что все колонии проголосуют за Францию. И не обманулся. Однако так

проголосовали все, кроме Гвинеи. Ее народ сказал "нет!" и проголосовал за

выход из Французского содружества, за независимость. Нам было очень

интересно узнать, действительно ли Франция согласится с выходом Гвинеи из

содружества, выведет свои войска и не будет вмешиваться в ее внутренние

дела? Но де Голль - человек слова! Потом на примере Алжира он еще раз

подтвердил то же самое. Гвинея получила независимость. Думаю, что это

единственная страна, получившая от Франции независимость без особого

столкновения. Де Голль сказал мне, что лично знал Секу Туре. И при этом

голос его прозвучал с грустью, с сожалением: "Да, эти люди получили

образование во Франции, а теперь Гвинея вышла из состава Франции". В его

словах звучала настоящая скорбь. Но никаких других выражений, которые как-то

принизили бы Секу Туре, он не допустил.

Там, на приеме, собралось много разных людей: и политических деятелей, и

финансистов. Де Голль подводил ко мне только представителей африканских

народов, а французы подходили сами. Пришли крупнейшие капиталисты, но, как

обычно, деловых разговоров на приеме не вели, а обменивались общими фразами.

Один подходит, другой подходит, получается толчея, но тут правильная форма

общения. Каждый, приглашенный на прием, получает возможность выбрать

собеседника. Таким образом создаются лучшие условия общения, чем за столом,

когда не можешь сменить свое место.

В программе пребывания во Франции было запланировано посещение

автомобильного завода Рено(32). Директор завода произвел на меня

благоприятное впечатление, был внимателен к нашей делегации. Предприятие

тоже нам понравилось, оно выпускало хорошие автомобили. Директор высказывал

мысль о сотрудничестве с каким-то нашим автомобильным заводом, и я поддержал

его. Мы тоже были бы согласны на такое сотрудничество, но из этого тогда

ничего не получилось. Не так-то легко установить сотрудничество, имея разные

социально-экономические системы. На заводе Рено было проявлено и в

политическом отношении благосклонное к нам отношение. Видимо, среди рабочих

имелось много коммунистов. Не помню, состоялось ли там наше выступление, но

общее впечатление сохранилось у меня в памяти как радужное.

Затем послом Виноградовым и его супругой в честь моего приезда был

организован прием. Они вдвоем встречали всех гостей, и я тоже какое-то время

постоял рядом с ними, так как гости приглашались в честь

именно моего

пребывания во Франции. Пришли все известные лица, в том числе считавшиеся

знатью. Современная знать Франции не всегда обладает предлогом "де" перед

фамилией, подчеркивающим принадлежность к дворянскому сословию (например, де

Голль). После Великой Французской революции поблекло значение фамилий с

такими предлогами, вперед выдвинулся Господин Капитал. Поэтому новую

знатность обрели те люди, кто обладал большим капиталом. Чем больше

капитала, тем знатнее человек.

Когда я увидел, что по лестнице поднимается человек красивой наружности с

внешностью, которая смахивала на рисунки парикмахеров на вывесках -

черненькие усики, соответствующая прическа, облик рекламного характера, -

посол сказал, что это крупнейший капиталист Франции Ротшильд(33), и

представил нас друг другу. Ротшильд - громкая фамилия. Когда еще я был

рабочим, она была знакома мне из газет. Возможно, его фамилия мелькала в

наших газетах в какой-то связи с забастовками на его фабриках. Но и после

революции об этом представителе банковского капитала

Франции мы хорошо

знали. "Рад познакомиться, - сказал ему я, - теперь буду иметь представление

о господине Ротшильде. Я только слышал о вас, а сейчас имею честь пожать вам

руку как гостю нашего посольства". Он что-то буркнул в ответ и сразу отошел,

потому что гости валили густым потоком.

По-моему, никаких деловых связей мы с Ротшильдом не имели, хотя посол

говорил, что он проявляет к нам внимание и, возможно, хотел бы установить

контакты. А если Ротшильд пришел на прием, то этим хотел продемонстрировать,

что вовсе не бойкотирует нас. Но я не сказал бы, что тем самым он пожелал

выразить личное уважение к моей персоне. Никакого особого уважения к

представителю советского государства, председателю Совета Министров и

первому секретарю ЦК компартии у него, конечно, не могло быть. Я коммунист,

он капиталист, оба мы мыслили в этом плане реально, а пришел он потому, что

получил приглашение посетить гостей своего президента. Правда, тем самым он

выражал признание нашему государству.

И, естественно, на этом приеме были товарищи Торез, Дюкло, Жаннетта

Вермерш(34) - жена Тореза, активный политический деятель Франции. Эта бывшая

работница не только являлась женой вождя Французской компартии, но и сама

представляла рабочий класс. С ними я обменялся дружескими рукопожатиями и

объятиями, однако беседовал недолго, требовалось оставить время для

разговоров и с другими гостями, тем более что с лидерами коммунистов мы уже

встречались в нашем посольстве и наметили свои новые встречи, обсудив также

все вопросы, которые нас интересовали и как политических деятелей, и как

друзей, связанных братскими узами.

На приеме я встретился со своим знакомым, крупным капиталистом Франции

господином Буссаком(35), владельцем нескольких фабрик с тысячами рабочих. У

него имелись текстильные, трикотажные и иные предприятия, вырабатывавшие

ткани, одежду. Галантерею. Продукция его была замечательной. Сам он был уже

в годах, одряхлел. Бывают случаи, когда капиталисты питают искренние

дружеские чувства к Советскому Союзу. Так и с Буссаком: он питал к нам

добрые чувства и выражал их открыто, это нас быстро сблизило. Его особенно

привлекала наша борьба за мирное сосуществование, видимо, только она, ничего

другого не могло быть, потому что он не мог сочувствовать нашей общественной

системе. Ну, да и это уже хорошо! Борьба за мирное сосуществование - одна из

форм укрепления связей между государствами. В борьбе за мир должны

участвовать все народы, все люди, независимо от их принадлежности к тому или

иному социальному строю и независимо от их политических убеждений. Образцом

таких отношений являлись контакты с господином Буссаком. Мне рассказывали,

что он по национальности чех, но давно выехал из Чехии и офранцузился. Он

пригласил нашу делегацию на выставку, которую организовал на одной из своих

фабрик, и мы с удовольствием приняли приглашение.

Буссак явно "ухаживал" за нашей делегацией и за мной как ее главой.

Считаю, что он лелеял тут какую-то надежду на продажу своих изделий в СССР.

Это было бы выгодно каждому фабриканту, и Буссаку тоже. Нам он показал товар

лицом. Изделия были изумительными: отменные ткани, всевозможная текстильная

Галантерея, женские туалеты - все очень изящно, красиво, добротнo сделано.

Нам надо учиться такому. В состав посетителей выставки входили также Косыгин

и (кажется) Фурцева. А Косыгин как крупный специалист по легкой

промышленности особенно интересовался продукцией Буссака. "Все, что вас

заинтересует на моих фабриках, - говорил этот господин, - я готов показать,

ворота открыты. Могу даже показать свое конструкторское бюро, над чем мы

сейчас работаем, чтобы сменить современную продукцию еще более модной".

Сотрудники посольства шепнули мне, что в сверхсекретное конструкторское

бюро владелец прежде никого не впускал. Конечно, ведь капиталист

рассчитывает на успех, поэтому боится конкурентов. Но наших представителей

он туда пригласил. После осмотра я попросил Косыгина еще раз и более

детально познакомиться с производством у Буссака. Косыгин еще при Сталине

занимался этими видами продукции и даже в Москву приехал в свое время из

Ленинграда, где был директором фабрики. Как министр он позднее вплотную

занимался обувной и тому подобной промышленностью. Украина была важным

поставщиком кожевенного сырья, и у нас возникали порою трения на этой почве:

я как бы возглавлял поставщиков, он - потребителей. Кажется, после моего

возвращения в Москву Косыгин еще раз съездил во Францию для ознакомления с

названным производством. Мне очень хотелось перенести что-то полезное в нашу

промышленность, тем более что Буссак предложил свое содействие. И я сказал:

"Раз он будет оказывать содействие во внедрении способов изготовления

хороших изделий, надо этим воспользоваться".

Конечно, за это придется платить. Он ведь капиталист и не станет

бесплатно передавать свою технологию. Да и нельзя просто воспользоваться его

любезностью, выгода должна быть взаимной. Заплатим ему той же монетой, дадим

возможность заработать на поставках в СССР какого-то количества своих

изделий. Действительно, с его помощью мы кое-что сделали потом в данной

сфере, хотя продолжали отставать и по качеству, и в организации производства

трикотажных изделий. Во всем том, что привлекает покупателя, создает ему

хорошее настроение, превращается в хозяйственную необходимость, украшает

человека и его жилье, мы отстаем. А за границей изготавливают все, что только

может пригрезиться хозяйке: отличное белье, верхнее платье, то, чем можно

убрать стол и постель... Все это делает Буссак, и все - исключительного

качества.

Во время осмотра выставки его изделий он сам показывал экспонаты,

стремясь, чтобы мы узнали о них более детально. И мы затратили там много

времени, о чем не жалею. Я запомнил и раздел, где были выставлены

фотографии, рассказывающие о быте его рабочих. У них имелся фабричный дом

отдыха, им они пользовались на льготных условиях. Существовали также детские

ясли и детские сады для детей его работников, дети выглядели очень

привлекательно, одеты нарядно, их дома - в зелени, с отличным оборудованием.

И я подумал: "Фабрикант, а создает такие условия для своих рабочих!".

Конечно, Буссак и не думал убедить меня, что капитализм тоже заботится о

всех рабочих, создавая им такие условия. Он-то знал, сколько внимания и

средств уделяем мы организации домов отдыха, санаториев, детских яслей и

садов, лечебниц и прочего. Никакой капиталист в мире не сможет соревноваться

с нами в этой сфере, чего я не сказал Буссаку, не желая
затевать спор о

капитализме и социализме. Сей вопрос для меня лично решен
очень давно. Но я

не думал, что при споре смогу выиграть и из капиталиста
сделать коммуниста,

поэтому не стал углубляться в проблему. Тем не менее то, что
нам показали,

можно и изучать, и применять у нас.

С Буссаком я познакомился так: однажды он прислал мне
телеграмму с

просьбой принять его, указав время, в которое мог бы
посетить Советский

Союз. Мы через Министерство иностранных дел ответили
господину Буссаку, что

я буду рад принять его. Он приехал. Наша беседа носила
общий характер и

затянулась. Но, когда она кончилась, он поблагодарил меня и
уехал, не

поставив никаких конкретных вопросов, чем я был удивлен.
Зачем же он

приезжал? Говорили мы только о борьбе за мир и германской
проблеме, хотя

нашу позицию он в целом знал, мы ее довольно полно излагали
в печати. Он,

как выяснилось, с большим уважением относился к нашей
внешней политике,

особенно борьбе за мир. Это привлекало его симпатии и к
нашим политическим

деятелям, в том числе ко мне. Советская внутренняя политика его не

привлекала, внешняя - удовлетворяла. Он издавал газету "Орор"(36), по нашим

меркам - самую реакционную. Первой нас не щадила именно эта газета.

Получалась странная ситуация: газета, которая издавалась на деньги Буссака,

не согласовывала с ним своей политической направленности? То есть не

сопрягалась с тем духом, который я уловил в беседах Буссака со мной?

Однако и об этом я ему ничего не сказал. Капиталист есть капиталист,

лучше всего реально представлять себе интересующие его в первую очередь

вопросы. Он совпадал с нами только в аспекте борьбы за мир. А просил о

встрече, видимо, желая побеседовать со мной, чтобы сделать вывод о наших

дальних намерениях и лично от меня услышать о них, а не основываться на

чтении газет и наших речей. Мы расстались тогда с ним по-доброму, и он тут

же уехал. Ведь проблема стоимости прилета из Франции в СССР и назад для него

не существовала. Он имел тысячи рабочих, которые создавали необходимые

ценности для обеспечения любых его поездок. Потом к моему 70-летию он

прислал мне несколько бутылок коньяка и кальвадоса из своих подвалов.

Последнее вино - очень крепкий напиток на основе яблочного сока. "Посылаю

вам несколько бутылок из моих подвалов, - писал он в поздравительном тексте,

- тем самым свидетельствую свое уважение и поздравляю вас с 70-летием". Его

коньяк 70-летней выдержки я охотно попробовал и попутно вспомнил о своих

встречах с этим интересным человеком.

Буссак являлся каким-то отдаленным подобием нашего Саввы Морозова.

Морозов, узнав, что Горький связан с большевистской партией, не только не

порвал их дружбы, но, когда возникла нужда, через Горького помогал

большевикам деньгами. Встречаются вот такие оригиналы... Буссак не

буквально, но был похож на Морозова. Имея дело со мной как с главой

советского правительства, он ничего общего не имел, однако, с коммунистами

Франции и никаких ссуд им не давал. Его газета вела самую жестокую борьбу с

коммунистами, да и сейчас ее ведет. Возможно, что тут была и другая сторона

дела. Обладая хорошими отношениями с главой советского правительства, он

рассчитывал наладить деловые, торговые связи и заработать.
Ну и что же? Мы

тоже так смотрим на дела. Мы с ним правильно друг друга
понимали и исходили

из верных взаимных оценок. Каждый из нас считал, что
сложившиеся связи

полезны.

Вернусь к приему в нашем посольстве. Там, а также на приеме,
который был

дан французской стороной в честь нашей делегации, я
встречался и с

политическими теньями прошлого. Наш посол представил
мне Даладые(37),

предвоенного премьер-министра, уже старого человека, одного
из тех людей,

кто несет ответственность за то, что в 1939 г. Франция не
договорилась с

Советским Союзом и мы не смогли противопоставить наши
объединенные силы

гитлеровской Германии. Во Франции бывшие премьеры
сохраняют в обществе

прежние звания, поэтому посол и сказал: "Премьер Франции" и
тут же произнес

его фамилию, чтобы не возникло путаницы. После поездки
во Францию я

встретился с Даладые еще раз и беседовал. Он поехал в Китай
в качестве

туриста, а на обратном пути попросил о встрече со мной,
обратившись через

Министерство иностранных дел СССР. Мы обменялись мнениями и решили, что я

его приму в Кремле. Добавлю, что я никогда лично не принимал никакого рода

иностранцев без согласования в Президиуме ЦК КПСС.

Меня тоже интересовала встреча с Даладые: хотелось еще раз взглянуть на

человека, который вместе с Невилем Чемберленом(38) определял, быть мировой

войне или не быть. Я не стал затрагивать этот вопрос, навязывая дискуссию

насчет чьей-то ответственности за кровавую войну. Он заговорил на другую

серьезную тему: "Возвращаюсь из Китая. Ездил я там и увидел, что вы очень

много делаете для Китая. Видел заводы, фабрики, другие сооружения, которые

строятся под ваши кредиты и под руководством ваших инженеров и техников.

Таким образом, СССР оказывает очень большую помощь по перестройке

промышленности Китая. Не считаете ли вы, что это может потом обернуться для

СССР опасностью?". Говорил он очень спокойно. Может быть, такова его манера

говорить вообще. Может быть, по старости...

Я ему: "Нет, мы такой опасности не видим. Китай является нашим другом и

братом". "А вас не беспокоит желтая опасность, о которой во

всем мире звучат

голоса? Не угрожает ли и вам желтая опасность?". Я был удивлен такой

постановкой вопроса и резко отверг его рассуждения: "Мы по-другому относимся

к людям, не делим их по цвету кожи на желтых, белых, краснокожих, черных и

коричневых, а смотрим на принадлежность к классу. Китай является

социалистическим государством, китайцы - наши братья по классу. Мы,

руководствуясь тут общими соображениями, заинтересованы в дружбе с Китаем,

поэтому оказываем ему поддержку в развитии современной промышленности".

Даладь не вступил со мной в дискуссию, а просто высказал свои соображения.

Встреча продолжалась недолго, да у нас и не было каких-то вопросов для

ведения продолжительной беседы. Но памятное мне высказывание он сделал.

Теперь он в могиле, однако если бы был жив, то посмеялся бы, вероятно,

над моим ответом. Для него, буржуазного деятеля, и не потребовалось бы

никаких других доказательств, кроме наших сегодняшних взаимоотношений с

Китаем. Он, дескать, меня предупреждал, а я отверг "желтую опасность" с

**марксистской, классовой точки зрения. А теперь кто прав?
Даладье сказал бы,**

**что это он прав. Ведь отношения СССР с Китаем ухудшились
так, что дальше**

некуда, мы уже дошли до военных столкновений.

**Хотя Даладье посчитал бы себя правым, я, как коммунист,
полагаю, что я**

**дал ему тогда правильный ответ. Другого сказать и не мог, даже
сомневаясь в**

**верности политики Мао Цзэдуна, сомневаясь не с позиции
"желтой опасности". У**

**меня возникли сомнения в том, что Мао занимает
правильную политическую**

**позицию, и я жалел, что он высокомерно ведет себя по
отношению к Советскому**

Союзу.

**Я высказывался об этом еще по возвращении из первой
поездки в Китай в**

**1954 г., вскоре после смерти Сталина. Уже тогда, несмотря на
исключительное**

**внешнее дружелюбие со стороны Мао, проскальзывало его
высокомерие, какие-то**

**националистические проблески, пошли первые его заявления о
превосходстве**

**китайской нации над другими (совершенно немарксистский
подход). В беседах со**

**мною о ходе истории Китая, о его завоевателях и народном им
сопротивлении он**

отмечал, что китайский народ вообще не поддается

ассимиляции. Разговаривая в

таком тоне, он как бы давал почувствовать человеку другой нации, что

относится к нему свысока. Это оставляло неприятный осадок. Позднее, когда

Мао дошел до открытой наглости в отношении Советского Союза, он просто

заявил о незаконности наших границ, что эти границы навязаны Китаю русскими

царями. Однако такие обвинения несостоятельны, не оправдываются ни

исторически, ни просто фактически.

Значит, Даладье был прав? Сейчас опасность для Советского Союза

существует. Политика, которую проводит Мао, чревата опасностями и для

китайского народа. Мы все не вечны на Земле. Придет неизбежно час, когда Мао

уйдет с политической арены. Думаю, что Линь Бяо(39), который еще при жизни

Мао назначен его преемником, поймет, что политика, которая сейчас проводится

Китаем в отношении братских социалистических стран, неправильна и никак не

согласуется с интересами коммунистического движения. Думаю, о Даладье можно

далее не вспоминать. Тем более что Мао еще жив и я жив, а Даладье уже нет.

На приеме в нашем посольстве я встретился в Париже, как

со старым

знакомым, и с другим бывшим премьер-министром Франции, господином Фором. Он

представлял свою страну на Женевском совещании четырех лидеров. С его

разрешения я стал называть его тогда Эдгар Иванович. Он познакомил меня со

своей супругой, любезной женщиной. Да и сам он общительный и приятный

человек. Потом, находясь в отставке, Фор приезжал в СССР, и я не раз с ним

встречался. Его жена была редактором в каком-то женском журнале и тоже

приезжала в СССР. Я и с ней встречался. Мы с Фором люди разной политической

направленности, но острых столкновений между нами никогда не возникало.

Встретился я в Париже и с Ги Молле, и с Мендес-Франсом, другими

известными политическими деятелями. Я был благодарен Мендес-Франсу(40) за

то, что в ходе Женевских переговоров по Лаосу он нашел в себе политическое

мужество выступить с вопросом о Вьетнаме. Конечно, вьетнамский народ проявил

и мужество, и выдержку, показал свое упорство и разгромил французских

оккупантов. Но все-таки большая личная заслуга принадлежит Мендес-Франсу в

том, что, когда он пришел к власти, сменив Ги Молле, то предложил в Женеве

разделить Вьетнам на Южный и Северный и определил границу между ними. Она

была не без споров принята, в том числе нами и Хо Ши Мином. Наш

представитель тоже участвовал в той Женевской конференции. Мы не только

поддерживали и поддерживаем политику Северного Вьетнама, но и помогаем ему

оружием и чем только можем. А тогда прекратилась война, которая велась там

ряд лет.

Генерал де Голль неоднократно высказывал мысль о том, что Европа должна

жить своим умом, должна освободиться от опеки со стороны США. Он прямо

заявлял, что тяготится таким положением, которое создано в мире вообще и

особенно для Франции, а в разговоре со мной давал понять, что мы со своей

стороны могли бы содействовать освобождению стран Европы от американской

опеки. Де Голль тяготился положением, создавшимся в НАТО. Я, признаться, не

смог сразу разобраться, чего же он хотел? По своему классовому положению он,

конечно, душой и телом должен был бы поддерживать политику США, и мне было

трудно представить, что Франция потом уйдет из военной части НАТО. Де Голль

не высказывался на этот счет прямо, говорил намеками, но у меня сохранилось

в памяти, что он уже тогда вынашивал какие-то такие намерения. Одно было

сразу видно: что он не хотел быть пешкой в

"большой политике" США, направленной на окружение и изоляцию Советского

Союза; не хотел являться каким-то слепым орудием в чужой политике, которая

не всегда согласовывалась с интересами Франции. Тут он проявлял и трезвость

ума, и волю.

Посол Виноградов просто преклонялся перед де Голлем, и я в шутку наедине

называл его деголлевцем. Посол очень высоко ценил генерала, его ум, его

поведение и считал, что де Голль не преследует никаких агрессивных целей

против Советского Союза. Виноградов скорее чувствовал это, чем мог убедить

меня в этом. После личных встреч и бесед с де Голлем мое мнение начало

совпадать с мнением Виноградова. Я оценил де Голля как партнера. Вопросов

внутренней жизни СССР и Франции мы с ним не затрагивали, потому что эти

вопросы именно внутренние для каждой страны. Это де Голль

понимал хорошо,

**поэтому и намеков не делал никаких насчет нашего
внутреннего устройства,**

**хотя я понимал, что он являлся тут противником. Я тоже
понимал, с кем имею**

**дело. Не скрою, однако, что и на меня он произвел сильное
впечатление.**

**Сталин был невысокого мнения о способностях военных лиц
в политической**

**деятельности. Его любимое слово "солдафон" означало
наличие тупости,**

**ограниченности, непонимания социальных условий, в которых
живешь. Такое**

**мнение распространялось им не только на наших генералов, но
и на генералов**

**всех стран, включая де Голля, чье гордое, независимое
поведение, та особая**

**позиция, которую он занимал в своей среде и которая
способствовала его**

**своеобразной изоляции, Сталина не заставляли менять своей
точки зрения. Ведь**

**де Голль не занимал тогда ведущего положения в политике
Франции. Сталин**

**относился к нему без особого уважения. Теперь личное
знакомство убедило**

**меня, что этот генерал очень хорошо разбирался в политике, в
международных**

**вопросах и занимал четкую позицию, отстаивая интересы
Франции. Он вовсе не**

был подвержен чуждому влиянию, ему вообще нельзя было навязать чужое мнение,

особенно в политике, не отвечавшее интересам Франции. По всем вопросам,

которые мне приходилось с ним обсуждать, он высказывался сам, не нуждаясь в

комментариях Министерства иностранных дел или премьер-министра(41), хотя на

такие беседы последний приглашался. Но приглашался скорее для проформы. Во

имя представительства. А де Голль, по всем вопросам имея законченное мнение,

лично излагал его, прочие же политические деятели Франции всегда соглашались

с ним.

Внутреннюю политику де Голля я считаю реакционной. Он был не только

слугой капиталистов, а идеологом капитализма во Франции. Когда он стал

президентом. Французская компартия провозгласила борьбу с личной властью,

потому что там возникло уже не правительство как таковое: оно олицетворялось

в де Голле. Его правительство понимало свое положение и не претендовало на

большие права. Исчезло коллективное управление Францией, действовал в

основном ее президент: он-то и есть Франция, грубо говоря. Вернее сказать,

он есть та власть во Франции, которая определяет всю политику. Этот верный

защитник капиталистического строя, защитник буржуазных устоев ввел в жизнь

законодательство, которое свело на нет демократическую конституцию(42),

принятую после разгрома Германии, за счет прав трудящихся создал лучшие

условия для непролетарских элементов, и это сказалось при первых же выборах,

когда резко сократилось коммунистическое представительство в парламенте.

Де Голль пришел к власти в бурное время. Во Франции сохранялось

неустойчивое положение, ультраправые элементы были близки к захвату власти,

перешли к террору и готовили путч. Предполагался и разгром коммунистической

партии. У нас тогда сложилось впечатление, что де Голль тоже направит свои

усилия в эту сторону, но такого не произошло. Президент провел опрос

населения, изменил конституцию, усилив свою власть, но не стал громить

коммунистическую партию, и она даже при новых порядках сохранила депутатов в

парламенте. Конечно, де Голль открыл шлюзы для реакционных сил. Но он

понимал, что коммунисты имеют глубокие корни в народе, особенно в рабочем

классе. Поэтому надо остановить прямое наступление на них.
Его что-то

удержало. Вероятно, он не хотел вызвать волнения, даже,
может быть,

гражданскую войну.

Несмотря на свою непримиримость к коммунистическим
идеям, де Голль

проявил трезвость ума, считая, что Франция - демократическая
страна, что

рабочий класс завоевал себе право иметь свою партию и
представителей в

парламенте. Правда, он сузил дверь, оставив только
маленькую щель, и

все-таки голос представителей пролетариата звучал в
парламенте. Сохранилась

и пролетарская печать. Коммунисты открыто продолжали
вести борьбу против

личной власти, так они формулировали тогда свою позицию.
Даже при тех

реакционных основах избирательного права, которые ввел де
Голль, они на

очередных выборах в парламент каждый раз проводили в
него своих

представителей.

Во французском парламенте две палаты. И в той, и в
другой есть

представители коммунистической партии, а в какой больше,
ответ каждый

желающий может найти в справочниках. Так что у нас к де

Голлю было два

**чувства. Мы ценили его международную политику,
правильное понимание им**

**значения Советского Союза. Не говорю, что он одобрял нашу
политику. Нет, он**

**правильно понимал ее, хотя и не во всем нас поддерживал,
далеко не во всем**

**был с нами согласен. Но он не являлся какой-то
агрессивной силой,**

**нацелившейся против СССР, и тоже стоял на позиции
обеспечения мира. За это**

**мы его и уважали. Внутренняя же политика, которую он
проводил, была**

**реакционной. С ней боролась Коммунистическая партия,
борется и сейчас, когда**

**де Голля уже нет у власти. Однако у власти остались прямые
деголлевцы, и**

**политика ими проводится та же, которую определил в свое
время де Голль. Но**

**мы считаем, что это их внутренний вопрос. Во Франции есть
пролетариат,**

**который борется за свои права, эта его борьба будет
продолжаться до полной**

**победы. Мы уверены, что рано или поздно победа останется за
рабочим классом**

**и за коммунистической партией, которая является его
политическим**

организатором.

Я был знаком со многими руководителями Французской

компартии, и не просто

**знаком, а дружил. Лучше всех я знал Тореза, много раз
отдыхал с ним на**

**Кавказе, встречался и в Москве. У нас никогда никаких
разногласий с Торезом**

**не возникало. Я очень уважал и товарища Дюкло. И с ним
никаких различий в**

**политических оценках, в нашем понимании вопросов
международной политики и**

**коммунистического движения не существовало. С уважением
относился я и к**

**Вальдеку Роше(43), которому недавно исполнилось 65 лет.
По причинам,**

**связанным с моим сегодняшним положением, я лично не послал
ему официально**

**добрых пожеланий, но зато диктую их сейчас, с удовольствием
шлю ему привет,**

**желаю бодрости и успехов в деятельности по сплочению
рабочего класса, в**

**достижении целей, которые ставит перед собой
коммунистическая партия. У меня**

**были хорошие отношения также с Кашеном(44), с другими
лидерами французских**

**коммунистов. Сейчас у меня нет возможности иметь с ними по-
прежнему какие-то**

**контакты, а из-за ослабевшего зрения я сейчас меньше читаю
прессу, чем**

прежде, так что не обо всех них могу судить, как раньше.

Итак, де Голль блеснул трезвым умом, продемонстрировал

правильное

понимание им положения, в котором оказалась Франция после многолетней войны

в Алжире. Придя к власти, он направил усилия против экстремистов, путчистов

и расистов, организовывавших военные отряды и перешедших к террору. Де

Голль провел опрос населения Алжира для выяснения, хочет ли оно

оставаться с Францией или предпочитает стать независимым. Жители Алжира

высказались за самостоятельность, и де Голль (отдадим должное трезвости его

ума и твердости характера) согласился. Но арабы получили независимость не на

блюде, а завоевали ее с оружием в руках, заплатив кровью своей за свободу.

Де Голль верно думал, что дальнейшее противостояние не принесет ничего

хорошего ни Франции, ни Алжиру, а только истощение и разорение.

Коммунистическая партия Франции всегда стояла на позиции предоставления

Алжиру независимости и прекращения войны, и не только на словах. Она

одобрила такой поворот событий. А де Голль затем повел наступление против

сил, которые стояли за продолжение колониальной политики. Несмотря на

неоднократные покушения на него, он проявил мужество и не отступил.

Только де Голль смог сделать такое. Находился же ранее у власти Ги Молле,

представитель Социалистической партии. В парламенте ее представители были в

большинстве, и если бы Ги Молле искал возможность предоставления

независимости Алжиру, то это произошло бы. Но и он оставался в душе

колонизатором, несмотря на то, что когда-то ходил даже в левых социалистах.

Когда он посетил Советский Союз в составе правительственной делегации, я

много с ним беседовал, и он доказывал мне необходимость сохранения Алжира в

качестве владения Франции. Де Голль один понимал там из "вышестоящих", что

колониальное время прошло. Нас, добавлю, мучил вопрос, сдержит ли он свое

слово и выведет французские войска? Да, он сдержал свое слово и вывел оттуда

все войска. По этому поводу я не раз беседовал с журналистами и говорил им,

что, на мой взгляд, во Франции, кроме де Голля или коммунистов, никто не

смог бы прекратить войну и предоставить независимость Алжиру. Ведь последнее

есть фактическое признание поражения в войне. Она длилась много лет, и

согласия на переговорах не достигали. Мы теперь искренне радовались за

Алжир. И не меньше нас радовалась Французская коммунистическая партия,

которая затратила массу средств и пролила много крови во имя справедливости.

Своим решением де Голль завоевал симпатии всех здравомыслящих людей.

Упомяну, что во время Карибского кризиса, когда настал критический момент

и Кеннеди был готов применить военные средства против Кубы, с тем чтобы

вынудить нас ликвидировать там ракетно-ядерные установки, он как будто

заручился поддержкой де Голля, который вроде бы сказал, что Франция будет

вместе с США. Конечно, если бы началась война между СССР и США, полагаю, что

Франция вынуждена была бы воевать на стороне США. Крупные американские

воинские контингенты располагались на территории Франции и Западной

Германии. Куда от этого деваться? Сей факт свидетельствует о двойственности

души де Голля. Он тяготел к капитализму, а то, что нарушало его устои,

генеральская душа не принимала. Когда я оказался в отставке, де Голль

посетил Советский Союз с ответным визитом. Потом разные деятели СССР в

различном составе делегаций неоднократно бывали во Франции. Сложились

хорошие отношения и сотрудничество наших двух стран в развитии

промышленности, в сферах науки, культуры, открытий и изобретений и прочих,

которые интересуют обе стороны. Я считаю, что основу всему этому заложил де

Голль.

Правда, сейчас соотношение сил в мире изменилось, причем резко. Нет даже

сравнения с тем положением, которое существовало 10 или хотя бы 5 лет тому

назад. Наша экономика каждый год дает прирост, повышается наш потенциал,

включая военный, и в большей степени, чем в капиталистических странах, за

исключением США. Но если ослабнут тормоза, сдерживающие развитие военной

машины НАТО, и разразится война, то больше всего пострадает Западная Европа.

Массированный удар будет нанесен по Западной Германии, Франции, Англии. Еще

когда я был в руководстве, мы накопили столько ракет и ядерных зарядов, что

уже тогда решили: "Довольно!". Можно, конечно, заменять устаревшие ракеты

более совершенными, но по количеству их имелось предостаточно. Думаю, что

сейчас это понимают все руководители буржуазных стран. Это понимал и такой

человек, как Аденауэр. Он публично говорил: "Разве Германия не видит, что

если разразится третья мировая война, то прежде всего будет разрушена именно

она? Как же мы можем быть сторонниками войны?". Вот его точка зрения. Если

проанализировать действия и направленность политических тенденций тех лиц,

которые верховодят в Западной Германии, то нельзя сказать, что там всеми

умами овладело такое же благоразумие. Они опять прут на рожон и не

исключено, что в какой-то момент могут поджечь фитиль порохового погреба.

Когда мы вернулись в Париж из поездки по Франции, ЦК ФКП предложил нам

познакомиться с квартирой, в которой жил Ленин. Там теперь создан музей. Нас

сопровождали Торез, Вермерш, другие товарищи. На нас произвела сильное

впечатление забота о памяти великого Ленина. Он принадлежит рабочему классу

всего мира, всему прогрессивному человечеству, но он наш соотечественник,

наш вождь, первым провозгласивший, что в России созрели условия для

социальной революции. То было смелое по тому времени, можно сказать дерзкое

заявление. Многие издевались над ним, высмеивали его. Однако Ленин доказал

всем скептикам и маловерам даже внутри большевистской партии, что победная

революция возможна. Вокруг дома, где располагается его бывшая парижская

квартира, собралось тогда много народа. Когда мы с товарищем Торезом вышли

на балкон, то увидели, что вся улица запружена людьми. Мы выступили с

речами. Рабочие и члены их семей с большой симпатией приветствовали наше

делегацию как представителей советского народа. Митинг прошел очень

торжественно.

Советское руководство выразило удовлетворение отчетом о визите во

Францию, который мы сделали, одоблив его целиком и полностью. А я лично

остался доволен знакомством с де Голлем, лучше стал понимать его,

представлять себе его концепцию развития международной ситуации. При том

положении вещей, в котором мы в то время жили, его позиция казалась в

германском вопросе наилучшей. Во всяком случае она учитывала и наши

интересы. Франция не хотела усиления Германии, и в то же время де Голль не

хотел ослабления НАТО и признавал одновременно такие же права за Варшавским

договором, стоял на позиции статус-кво: как сложились границы и блоки после

войны, так пускай и остаются.

Это не означало решения проблемы и не исключало случайности, которая

могла бы привести к военному столкновению, но было лучшим из худшего. А

потом де Голль пошел дальше и вывел свои войска из-под командования НАТО,

что в военном отношении ослабляло агрессивные силы, нацеленные против стран

социализма. Де Голль хотел бы единой Европы, сплотив ее от Атлантики до

Урала. Она содержала бы в себе различные социально-политические системы, но

таким образом он хотел обеспечить мир на этом участке земного шара. Он видел

такую возможность, однако ставил условие, чтобы США не вмешивались в

европейские дела. Это для нас тоже было и приемлемо, и выгодно. Политика де

Голля выглядела разумной.

Правда, его не поддержали союзники по НАТО, и он не добился решения

вопроса по-своему. Ныне деголлевцы руководствуются основами его политики.

Насколько углубится эта линия в дальнейшем, покажет

будущее. Данный процесс

будет зависеть от обеих противостоящих сторон, я же надеюсь, что

взаимоотношения будут развиваться на здоровой, обоюдновыгодной основе.

Пусть у нас разные общественные системы, интересы дела мира зато общие!

Примечания

(1) Де ГОЛЛЬ Ш. (1890 - 1970), генерал, активный участник войны с

Германией в 1939 - 1940 гг., после капитуляции Франции основал в 1940 г. в

Лондоне движение "Свободная Франция", примкнувшее к Антигитлеровской

коалиции, в 1941 г. возглавил Французский национальный комитет, в 1942 г. -

движение "Сражающаяся Франция", в 1943 г. - Французский комитет

национального освобождения, в 1944 - 1946 гг. был премьером Временного

правительства Франции, в 1958 г. премьер-министр и инициатор новой

конституции страны, в 1959 - 1969 гг. президент страны.

(2) Историческое полотно "Запорожцы пишут письмо турецкому султану" Репин

И. Е. закончил в 1891 г.

(3) ДЮКЛО Ж. (1896 - 1975) - член Французской компартии с 1920 г., ее ЦК

- с 1926 г., ее Политбюро - с 1931 г., секретарь ЦК ФКП в 1931 - 1964 гг.,

в 1940

- 1944 г. был одним из лидеров движения антифашистского Сопротивления, с

1946 г. возглавлял группу ФКП в Национальном собрании и с 1959 г. в сенате.

(4) Речь идет о входившем в движение "Сражающаяся Франция" истребительном

авиаполке "Нормандия - Неман", который в 1943 - 1945 гг. воевал на

советско-германском фронте.

(5) В декабре 1944 года.

(6) Дипломатические отношения между СССР и Францией, установленные 28

октября 1924 г., были разорваны 30 июня 1941 г. правительством Виши. В июне

- августе 1943 г. возобновились дипломатические отношения СССР с

Французским комитетом национального освобождения, а 23 октября 1944 г. - с

Временным правительством Франции.

(7) 29 ноября 1932 г. подписан советско-французский договор о

ненападении, а 2 мая 1935 г. - договор о взаимной помощи (вступил в силу 27

марта 1936 г.).

(8) Имеется в виду высадка англо-американских войск в Нормандии 6 июня

1944г.

(9) БИДО Ж. (1899 - 1983) - участник движения Сопротивления, неоднократно

занимал министерские посты, а в 1946 и 1949 - 1950 гг. являлся

премьер-министром Франции.

(10) Генеральный секретарь Французской компартии М. ТОРЕЗ в 1940 -

1944гг. жил в СССР.

(11) Генеральный секретарь Итальянской компартии П. ТОЛЬЯТТИ, живший в

СССР в 1940 - 44гг, в конце войны вернулся в Италию и до 1946 г. входил в

состав ее правительств.

(12) Народно-освободительная армия Греции с 1941 г. вела борьбу с

фашистскими оккупантами. В декабре 1944 г. призванные Правительством

национального единства английские войска начали против нее боевые действия,

которые в 1946 г. переросли в гражданскую войну. Руководимая коммунистами

Демократическая армия Греции сражалась до сентября 1949 года.

(13) Министры-коммунисты были выведены из состава правительства 5 мая

1947 года.

(14) После поражения 27 апреля 1969 г. на референдуме о реформе сената и

территориально-административного устройства страны.

(15) ВИНОГРАДОВ С. А. (1907 - 1970) находился на дипломатической работе с

1940 г., являлся послом СССР в Турции (1941 - 1948), Франции (1953 - 1965) и

Египте (1967 - 1970), был также на ответственных постах в центральном

аппарате МИД СССР, а в 1950 - 1953 гг. - председатель Комитета по

радиовещанию под Совете Министров СССР.

(16) Основанное им в 1947 г. Объединение французского народа, официально

распущенное в 1955 г. и замененное в 1958 г. Союзом демократов в защиту

республики.

(17) МОЛЛЕ Г. (1905 - 1975) - генеральный секретарь Французской

социалистической партии, премьер-министр в 1956 - 1957 гг.

(18) После того, как Франция подписала в 1954 г. Парижские соглашения о

создании Западноевропейского союза, предусматривавшего ремилитаризацию ФРГ,

в мае 1955 г. Верховный Совет СССР аннулировал советско-французский договор

о союзе и взаимной помощи на 20 лет, подписанный в декабре 1944 г. в Москве.

(19) Это пребывание во Франции длилось с 23 марта по 3 апреля 1960 года.

(20) ДЕЖАН М. Э. Н. (1899 - 1982), находившийся на

дипломатической службе

с 1926 г., являлся послом в СССР в 1956 - 1964 гг.

(21) Орли.

(22) Дворец Министерства иностранных дел Франции.

(23) В поездке по Франции советскую делегацию сопровождали разные

официальные лица, менявшиеся от города к городу. Возможно, здесь имеется в

виду находившийся при делегации неотлучно генеральный секретарь Министерства

внутренних дел Мерэ.

(24) ЖОКСЛ. (род. в 1901 г.) - бывший послом в СССР в 1952 - 1955 гг., а

во время данной поездки - министром просвещения Франции.

(25) Мэр г. Бордо Шабан-Дельмас Ж. (род. в 1915 г.) являлся одновременно

председателем Национального собрания Франции. Премьер-министром он был в

1969 - 1972 гг.

(26) Вейе - первый заместитель мэра г. Дижон.

(27) Это произошло сначала у солдатского памятника в Вердене и затем, за

его чертой, у братской могилы возле форта Дуомон. Хрущева там сопровождал

мэр Вердена сенатор Ф. Шлейтер.

(28) Писатель МАЛЬРО А. (1901 - 1976). Он был министром культуры в 1959 -

1969 г., с коммунистами сотрудничал в 30-е годы, а к голлистам примкнул в

1943 г.

(29) Замок Рамбуйе.

(30) Это произошло 1 июля 1966 г.

(31) СЕКУ ТУРЕ А. (1922 - 1984), являвшийся с 1947 г. генеральным

секретарем Демократической партии Гвинеи, был президентом страны в 1958 -

1984 гг.

(32) Он находится во Флэне, куда советская делегация заехала на пути из

Руана в Париж.

(33) Глава французской ветви династии финансовых магнатов барон Г. де

Ротшильд, владелец банка и холдинговой компании, а также ряда

горнопромышленных предприятий.

(34) ТОРЕЗ-ВЕРМЕРШ Ж. (род. в 1910 г.) - член ФКП с 1933 г., депутат

Национального собрания в 1945 - 1958 гг., сенатор в 1959 - 1968 гг. Она была

с 1947 г. членом ЦКФКП, с 1950 г. кандидатом в члены и с 1953 по 1968 г.

членом Политбюро.

(36) БУССАК М. - владелец текстильного предприятия в Лилле - Рубэ, а

также ряда хлопкопрядильных и хлопкоткацких заводов.

(36) Ежедневная парижская газета "атлантической" направленности,

основанная в 1944 г. бывшим социалистом Р. Лазюриком (впоследствии ее

директор) и выходящая на средства Буссака.

(37) ДАЛАДЬЕ Э. (1884 - 1970) - лидер Республиканской партии радикалов и

радикал-социалистов, премьер-министр в 1933 - 1934 гг. и 1938 - 1940 гг. Был

одним из тех, кто подписал в 1938 г. Мюнхенское соглашение о расчленении

Чехословакии, а в 1939 г. тормозил заключение военного союза с СССР.

(38) ЧЕМБЕРЛЕН Н. (1869 - 1940) - британский премьер-министр в 1937 -

1940 гг. также подписавший Мюнхенское соглашение и мешавший установлению

политики коллективной безопасности перед второй мировой войной.

(39) ЛИНЬ БЯО (1907 - 1971) - член Компартии Китая с 1925 г., член ее ЦК

с 1945 г., член его Политбюро с 1959 г. и заместитель председателя ЦК КПК с

1958 г. Был заместителем премьера Государственного совета Китая с 1954 г. и

министром обороны с 1959 г.

(40) МЕНДЕС-ФРАНС П. (1907 - 1982), будучи в 1954 - 1955 гг.

премьер-министром Франции, подписал в 1954 г. Парижские

соглашения о

заключении Западноевропейского союза и Женевские соглашения о прекращении

военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

(41) Им являлся в 1959 - 1962 гг. М. Дебре (род. в 1912 г.).

(42) 5 октября 1958 г. была принята конституция Пятой республики во

Франции. Предыдущая действовала с 24 декабря 1946 г.

(43) РОШЕ В. (1905 - 1983) - член ФКП с 1924 г., член ее ЦК в 1937 - 1976

гг., его Политбюро в 1950 - 1972 гг. и Секретариата в 1959 - 1972 гг., с

1961 г. заместитель генерального секретаря ФКП, с 1964 г. ее генеральный

секретарь, с 1972 г. почетный председатель.

(44) КАШЕН М. (1869 - 1958) - член ФКП с 1920 г., член ее ЦК и Политбюро

с 1923 г., с 1918 г. был директором газеты "Юманите".

ЧЕТЫРЕХСТОРОННЯЯ ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

После моей поездки в Америку лидеры четырех держав - США, Франции, Англии

и Советского Союза - договорились о встрече в Париже, с тем чтобы обсудить

возможность обеспечения мирного сосуществования и договориться о

разоружении. Это были главные темы дня. Мы тщательно готовились к совещанию.

Намечалось оно на май 1960 года. Правда, особых надежд на возможность найти

взаимоприемлемое решение у нас не имелось, но готовились мы тем не менее

серьезно: хотели использовать буквально все для смягчения наших отношений и

ставили целью гарантировать мирное сосуществование государств с различным

социально-политическим устройством.

В апреле того года мне доложили, что нашу границу перелетел американский

самолет У-2(1). Самолеты этого типа мы уже знали, они не однажды летали и

над нашей территорией(2). Мы заявляли протесты, но власти США отклоняли их:

дескать, никаких полетов такого рода их самолеты над советской территорией

не совершали. Очередной самолет летел на высоте, на которую не поднимались

наши истребители: они летали ниже на два или три километра. Как ни

форсировали моторы истребителей, мы не могли добраться до этих "летунов",

которые летали, как говорится, посмеиваясь над нашими усилиями, наносили нам

**моральное оскорбление. Это еще больше нагнетало
напряженность между нашими**

странами, доводило нас, как говорится, до белого каления.

**Теперь же нас особенно возмутило то, что полет состоялся,
когда была**

**назначена встреча лидеров четырех держав в Париже, уже
развернулась**

**подготовка к ней и все участвующие стороны должны были
стремиться создать**

**условия для достижения договоренности. Свершившееся
трудно было себе**

**представить: это был неразумный шаг, просто глупый. Но он
был сделан.**

**Громыко, как и полагается в таких случаях аккуратному
исполнителю, пришел**

**с написанным в МИДе проектом протеста. Мы ознакомились с
документом, и я**

**предложил в Президиуме ЦК партии: "Давайте не принимать
никакого документа,**

**не станем протестовать официально. Какой в том смысл? Ведь
американцы сами**

**понимают, что они делают. Они поступают так для того, чтобы
подчеркнуть наше**

**бессилие, отсутствие у нас технических средств
противодействий. Поэтому мы**

**вынуждены заниматься лишь протестами дипломатического
характера через печать**

**или через ТАСС. Но это только ободряет их в нахальстве.
Надо самолеты**

сбивать!". Как я уже упомянул, раньше мы такие самолеты сбивать не могли:

наши истребители не дотягивали до высоты, на которой они летали. Мы могли

догнать их по скорости, но не могли достигнуть нужной высоты. Они летали,

кажется, на высоте 21 тыс. м., а наши самолеты поднимались примерно на 18 -

19 тыс. м., да и то с огромными усилиями, на особо подготовленных аппаратах,

которые гонялись за этими У-2.

Но теперь ракеты "земля - воздух" уже пошли у нас на конвейере. Когда 1

Мая рано утром раздался звонок (а я отлично помню этот день) и я поднял

трубку, министр обороны Малиновский доложил мне: "Со стороны Афганистана,

явно из Пакистана, американский самолет У-2 следует в сторону Свердловска".

Я ответил: "Надо отличиться и сбить этот самолет. Примите все меры!". "Да, я

уже отдал приказ, будет сделано все возможное, чтобы его сбить", - ответил

Родион Яковлевич. Я поинтересовался: "По его маршруту имеются наши зенитные

средства?". "Имеются. Видимо, он напорется на них. У нас есть все

возможности сбить его, если не проворонят зенитчики". Он допустил выражение

"не проворонят" потому, что в апреле, когда был предыдущий идентичный

случай, наши зенитчики упустили У-2: они не были подготовлены и своевременно

не открыли огонь.

В Москве на Красной площади начался первомайский парад войск. Затем он

закончился, пошла демонстрация трудящихся. День стоял прекрасный, солнечный.

Демонстрация проходила с большим подъемом, настроение у всех было очень

радостное. Вдруг появился маршал Бирюзов(3), который тогда командовал

противовоздушной обороной страны. Мне сообщили о его приходе, и я сказал,

чтобы он поднялся на Мавзолей Ленина. Бирюзов на ухо доложил мне, что

самолет У-2 сбит, а летчика взяли в плен, сейчас его допрашивают. Я

поздравил маршала и с праздником, и с замечательным успехом, горячо пожал

ему руку, и он ушел. Появление Бирюзова и разговор на ухо не остались

незамеченными. Потом некоторые иностранные дипломаты говорили мне, что они

сразу сообразили: что-то произошло! Бирюзов был не в парадной форме, а в

обычном служебном кителе, то есть явился с места службы и что-то

нашептывал...

Демонстрация закончилась, а я радовался не только ей, но и хорошему

сюпризу. Сколько лет мы ломали голову, как быть, сколько лет нервничали и

возмущались, но далее того дело не шло. Когда мы протестовали, то видели,

что протесты доставляют американцам только удовольствие. Они торжествовали в

связи с нашим бессилием и продолжали нарушать суверенитет СССР, летая над

нашей территорией. Теперь их ВВС набрались такого нахальства, что послали

самолет в район Свердловска. Летел он со стороны Пакистана(4). Маршрут же

был проложен так, что приземлиться он должен был в Норвегии. О самом

маршруте и с какого аэродрома самолет вылетел, а также о цели полета мы

узнали потом от американского летчика Пауэрса. Кроме того, на карте, которая

нам досталась, был нанесен маршрут.

Бирюзов несколько позднее доложил, как все произошло. У нас в шахматном

порядке были разбросаны вдоль этого маршрута несколько зенитно-ракетных

батарей. У-2 должен был напороться на ту или на другую из них, просто не мог

при таком маршруте обойти их. Для верности наша ПВО

запустила две ракеты.

Попали в цель, самолет был поражен сразу, американский летчик выбросился с

парашютом. Его сейчас же по приземлении схватили, увидев иностранца, рабочие

местного совхоза. Потом приехали военные и забрали его с собой, обыскали,

изъяли иглу не то булавку для самоубийства, отравленную ядом, и служебную

инструкцию. Летчик на процессе показал, что самолет базировался на аэродроме

в Турции, оттуда перелетел в Пакистан. Из Пакистана через Афганистан и

советскую территорию направлялся в Норвегию, где должен был сделать посадку.

На случай, если что-либо произойдет с самолетом, пилот обязан был покончить

с собой, для чего был снабжен быстродействующим ядом. Булавка находилась в

легкодоступном ему месте, чтобы он имел возможность тотчас воспользоваться

ею. Но жизнь показалась Пауэрсу более привлекательной, и он отказался от

самоубийства, а булавка стала нашим трофеем.

Мы приказали доставить обломки самолета в Москву для публичного обозрения

в Парке культуры и отдыха имени Горького. Народ валом валил, чтобы не только

посмотреть, но и пощупать эти обломки. Пауэре не оказал

сопротивления при

аресте, и в этом имелась логика, раз он не убил себя. Затем он стал давать

чистосердечные показания и все нам рассказал: сколько лет он занимается этим

делом, сколько получал денег, назвал свою фамилию, рассказал о родных.

Случившееся нас очень возмутило. Особенно возмущало, что летал он с такими

заданиями уже много лет. Правда, политическим деятелям особенно возмущаться

не следует, потому что так ведется борьба, та же война, только иными

средствами. То была враждебная акция со стороны США, чего они и не скрывали.

Они-то считали, что мы не в состоянии прервать такие полеты, сбивать их

самолеты и получать вещественные доказательства того, что США пользуются

недозволенными в мирное время средствами.

На второй день после события американцы опубликовали в печати заявление,

что их самолет пропал без вести. Дескать, базируясь на аэродроме в Турции,

летел в район Кавказских гор над ее территорией и не вернулся. Явное вранье!

Мы же, как говорится, предвкушали горькое разочарование их разведчиков,

которые состряпали ложное сообщение. Доказательства-то у

нас лежали в

кармане. А пока наши разведорганы изучали факты и допрашивали Пауэрса. В

печати шум поднялся невероятный. После 1 Мая открылась сессия Верховного

Совета СССР, и мы разработали тактику поведения на сессии. Я предложил

заявить о нарушении суверенитета СССР, желая опровергнуть сообщение

американцев о том, что их самолет не перелетал нашей границы. Я считал

возможным сказать, что этот самолет сбит нами, но без указания на то, в

каком районе и что летчик остался жив. Такой план был принят. Имелось в виду

запутать правительство США: раз советские лидеры не сказали, где именно

самолет был сбит и какова судьба летчика, оно могло подумать, что Пауэре

погиб. Поэтому в Вашингтоне настаивали на том, что самолет летал над

Турцией, хотя, возможно, сбился с курса и нарушил советско-турецкую границу.

Там были уверены, что их версия может воздействовать в нужном направлении на

общественное мнение других стран.

Когда американцы сами себя запутали небылицей, мы решили выступить в

открытую и, сделав более полное сообщение, уличить их во лжи.

Мне поручили

заявить на сессии Верховного Совета о ходе расследования с точным указанием,

на каком аэродроме базируются самолеты такого типа, в какое время и на какой

аэродром данный самолет перелетел в Пакистан, когда и каким маршрутом летел

через нашу территорию, какая задача была поставлена перед летчиком -

проследовать в небе СССР на такой-то аэродром в Норвегии. Это стало

сенсацией для печати и неприятным ударом по дипломатии США. А на сессии

заявление было встречено и с гневом, и с воодушевлением. Гнев был направлен

против США, радость изъяслялась за наши Вооруженные Силы и конструкторов,

которые вооружили Советскую Армию ракетами, позволившими сбить самолет,

считавшийся у американцев неуязвимым.

Нам это было политически выгодно, служило мобилизации общественного

мнения, сплочению советских людей, одобрению ими политики СССР. Для

правительства же это оказалось большой радостью: сколько лет американцы

безнаказанно летали над нашей страной! Но, как в народе говорится, сколько

кувшину по воду ни ходить, а разбитым быть. То есть

сколько ни летать

**американскому разведчику, пришло время, и он поплатился.
Случившееся сразу**

**показало всем, кто какую проводит политику. Агрессивная
линия США**

**направлялась против Советского Союза. И свой шаг они
совершили в то время,**

**когда мировая общественность ждала, что же произойдет в
Париже на встрече**

**представителей четырех держав. Все надеялись, что на этой
встрече**

**договорятся о чем-то добром, что договоренность обеспечит
более прочное и**

**спокойное положение в мире. Все ожидали, что будут
разработаны меры по**

**предотвращению возможности возникновения новой мировой
войны. И в то же**

**самое время на деле была раскрыта двоедушная политика США,
которые, с одной**

**стороны, протягивают нам руку и заверяют, что преследуют
мирные и**

**дружественные цели, а с другой стороны, наносят в спину
удар кинжалом.**

Такова империалистическая политика, для нас она не нова.

**Когда мы их "пригвоздили", американская печать
выдвинула версию, что**

**Эйзенхауэр не знал об этих полетах, и все стала валить на
Центральное**

разведывательное управление. Из их статей следовало, что тут

проделки Аллена

**Даллеса(5), брата покойного государственного секретаря США.
А президент**

ничего не знал, и, если бы ему было доложено, он не позволил бы такого.

**Конечно, то было самое разумное для них объяснение
неразумной акции. Оно**

**давало президенту возможность в какой-то степени обелить себя
и сохранить**

свое лицо для предстоявшей встречи в Париже.

**Когда были выставлены обломки самолета в парке имени
Горького,**

**иностранные журналисты много писали по этому поводу. Я все
это читал и знал**

**направленность их сообщений. Чувствовалось, что
американские журналисты сами**

**огорошены и потрясены. Они, видимо, рассчитывали на
достижение**

**договоренности между СССР и США, и вдруг такой пассаж!
Здесь им трудно было**

**выворачиваться, и они высказали осуждение данной акции.
Правда, осуждали**

**немногие, но все же такие имелись. Я решил поехать на
выставку: меня тянуло**

**посмотреть, что осталось от самолета? Со мной отправились
и другие**

**официальные лица, в том числе Бирюзов, дававшие
пояснения при осмотре.**

Собралась различная публика, набежали иностранные

корреспонденты, да и наши

там присутствовали(6).

После осмотра корреспонденты стали задавать мне вопросы. Я вынужден был

высказаться напрямую. Беседа с ними доставила мне удовольствие, так как у

меня было желание еще раз выразить свое возмущение и заклеймить агрессора. Я

выступил перед толпой, которая собралась около павильона. В выступлении

придерживался тактики, которую избрала некоторая часть американской печати:

обвинил агрессивные круги США, военных, Аллена Даллеса, но не высказывал

осуждения в адрес президента. Нам было выгодно, чтобы президент отмежевался

от происшедшего, что позволило бы в дальнейшем проводить политику укрепления

и упрочения связей, возникших после моей поездки в США и встречи с

Эйзенхауэром. К сожалению, американцы решили действовать иначе.

В том же мае мы узнали о заявлении президента Эйзенхауэра, в котором

сообщалось, что он знал о полетах и одобрял их. Эйзенхауэр объяснял это тем,

что Советский Союз является закрытой страной и США вынуждены были, заботясь

о своей безопасности, вести разведку. Поэтому президент

как

главнокомандующий считал полеты необходимыми. Говорил, что и в дальнейшем

США будут так поступать, поскольку обладают правом обеспечивать безопасность

страны, даже не считаясь с суверенитетом других государств.

Явно неразумное выступление, если не сказать больше. Глупое выступление.

Но оно состоялось. Так президент сам лишил себя возможности выгородиться из

пикантной истории перед встречей в Париже. У нас теперь выбора не осталось,

и мы выступили с резким осуждением происшедшего, не соглашаясь с такой

политикой и с тем, что в США находят оправдание таким полетам. Куда же

дальше? Если сам президент заявляет, что нарушался суверенитет, то это же,

собственно говоря, призыв к войне! Нас буквально распирало возмущение, и мы

использовали все публичные возможности для разоблачения агрессивной линии.

Теперь мы не щадили и президента, потому что он сам подставил свой зад, и мы

раздавали американцам пинки, сколько угодно и как только возможно.

Мировая общественность очень хотела встречи в Париже представителей

четырех держав. И вдруг - такое разочарование... СССР не

отказался от

встречи, ибо не хотел взять ответственность на себя за ее срыв; мы не

хотели, чтобы разочарование вылилось в гнев, направленный против нашей

политики. Поэтому мы критиковали Соединенные Штаты, но готовились и к

поездке в Париж, разрабатывая вопросы, которые должны были там обсуждаться.

Приближалось время вылетать туда. Мы стали формировать состав делегации.

Заранее было обусловлено, что возглавят делегации главы государств или же

правительств. В нашу делегацию, конечно же, вошел и министр иностранных дел.

Как только мы узнали, что Вашингтон включил в сопровождение президента

военных, я предложил поехать нашему министру обороны Малиновскому. Если в

США хотят придать такой оттенок встрече, то и мы ответим тем же. Подготовили

мы и соответствующие документы. Цель встречи: обеспечение мирного

существования и решение спорных вопросов, прежде всего германского, и

проблемы разоружения. Собственно говоря, эти вопросы остаются по сей час

неразрешенными, хотя теперь таят в себе гораздо большую опасность, потому

что за истекшее время накоплена масса взрывчатого материала. Если сейчас

разразится война, то она окажется ужасной.

Наступил день отлета. Мы отправились в Париж на самолете Ил-18, очень

хорошем и по внешнему виду, и по техническим качествам. На этот раз наше

самочувствие было не таким, как по прибытии на Женевскую встречу глав

четырех держав, когда мы летели на двухмоторном Ил-14. Все главы

правительств и государств прибыли туда на четырехмоторных самолетах, что

производило внушительное впечатление на обывателя. Двухмоторный, конечно,

уступает четырехмоторному, но у нас тогда лучших самолетов просто не было.

Потом мы слетали в США на Ту-114, сверхгиганте по тому времени. Он произвел

ошеломляющее впечатление и на американского обывателя, и на американских

знатоков самолетного дела.

Когда мы летели над Европой в Париж, я думал: "Мы уже не раз встречались,

а надежды, что достигнем договоренности, мало". Тот факт, что перед самой

встречей был сбит У-2, постоянно присутствовал в моем сознании. У меня

возник вопрос: "Чего мы ждем? Разве сможет самое сильное в

мире государство

США пойти на соглашение в таких условиях? Можно ли ждать от этого

государства разумного соглашения, если оно перед встречей подложило под нее

мину?". Я убеждался, что мы можем выглядеть несолидно: нам преподнесли такую

пилюлю, а мы сделаем вид, что ничего не понимаем и идем на совещание, как

будто ничего не произошло? Совещание будет сорвано, но другие державы

постараются, безусловно, свалить ответственность на нашу страну.

Нам нанесено оскорбление, а мы идем на совещание? И во мне созрела мысль:

пересмотреть первоначальную направленность наших документов, особенно

декларации, с которой мы хотели выступить при открытии встречи. Надо

поставить США ультимативные условия: они должны извиниться за нанесенное

нашему государству оскорбление. Нужно потребовать от президента взять

обратно свое заявление, в котором он оставлял за США право на

разведывательные полеты над чужими территориями, чего суверенные государства

никому делать не позволяют. Советский Союз тоже был заинтересован в разведке

с воздуха, но с неравноценным интересом. Наша страна была обложена

американскими базами в Европе, Азии и Африке, а США оставались для нас

недосягаемыми. Тогда мы имели небольшое количество ракет, которые доставали

бы их территорию, и фактически она оставалась нам недоступной. Поэтому США и

демонстрировали свое превосходство(7).

То было желание диктовать нам условия с позиции силы. Если мы как ни в

чем не бывало сядем за стол и начнем обычные переговоры, следовательно,

принимаем позицию их силы, не протестуя против нее. Это было совершенно

невозможно, недопустимо, таким поступком мы нанесли бы большой урон нашему

авторитету в глазах мировой общественности и особенно среди наших друзей,

коммунистических партий, и среди стран, которые борются за независимость. Их

борьба ведется в трудной обстановке. Как можно им положиться на Советский

Союз в тяжелую минуту, если он принимает плевки в лицо и делает вид, что

ничего не произошло?

Даже не знаю, как это мы, готовясь к совещанию, не поставили заранее

перед собой вопросы в таком виде, не встав грудью на защиту

своей чести.

Теперь я высказал в самолете свои соображения Андрею Андреевичу Громыко, и

он согласился со мной. Родион Яковлевич Малиновский тоже считал, что мои

соображения правильны, что нам следует переделать документы. Поскольку

вместе с нами летели машинистки и стенографистки, то я продиктовал поправки,

а Громыко с мидовским штатом засел за переработку документов. Требовалось их

перестроить, как говорится, на 180 градусов. И мы создали новый документ,

который еще не рассматривался нашим руководством в целом. К сожалению,

правительство СССР никогда ранее такими вопросами не занималось, да и теперь

не занимается. Их решает только партийное руководство, что совершенно

неправильно.

Мы срочно все зашифровали и передали в Москву. Не помню сейчас, передали

ли прямо из самолета (а такую возможность мы имели) или уже прилетев в

Париж. И быстро получили ответ с полным одобрением новой позиции. Таким

образом, мы улетели с документами, имевшими одну направленность, а в Париже

их направленность была уже другой. Считаю, что это было

абсолютно правильное

изменение нашей позиции. Мы не отказывались от совещания при условии, если

США в лице президента извинятся за допущенное ими нарушение суверенитета

нашей великой Родины - Советского Союза. Помимо принесения извинений

президент должен отказаться от своего заявления и дать нам заверения, что

разведывательные полеты над территорией СССР впредь не будут производиться.

По прибытии в Париж я подумал: "А если мы сделаем свое заявление,

президент же не извинится и не откажется от полетов?". Когда мы находились в

Вашингтоне, являясь гостями Эйзенхауэра, то пригласили его к себе. Он

приглашение принял. Очевидно, наше приглашение останется в силе. В

сложившихся же условиях он к нам приехать не сможет. Иначе как мы станем его

приветствовать на нашей территории? Сопровождать его? Считать своим гостем?

Это нетерпимо, это оскорбительно, это унижает нашу страну и ее руководство!

И у меня возникла мысль: в декларацию, которую мы собираемся зачитать на

первом заседании, нужно включить пункт о том, что если не будет принесено

извинений, то мы отзываем свое приглашение.

Все согласились, и мы быстро послали в Москву на согласование и эту

дополнительную позицию. Сразу же получили положительный ответ. Таким

образом, у нас не только были подготовлены все документы, но и мы сами были

напичканы аргументами взрывного характера. К нам нельзя было притронуться:

тут же проскакивала искра. Таким было тогда наше состояние. А что же другие

лидеры держав? Существует порядок дипломатической вежливости - наносить

визит главе государства, в которое прибываешь. И я встретился с де Голлем до

начала совещания. После посещения мною Франции я был уже лично знаком с ним.

С Макмилланом был знаком по Женеве, и с ним мы тоже встретились до начала

официальной встречи. Я высказал им обоим свое недовольство позицией США,

свою непримиримость. Де Голль и Макмиллан убеждали меня не требовать

извинений: США - великая страна, ее президент не может делать такое

публичное заявление, и его нельзя вынуждать. Но я парировал сей аргумент,

сказав, что мы тоже не маленькая страна, тоже считаем себя великой державой,

тем более что мы не можем согласиться, чтобы великая страна наносила

оскорбления хотя бы и малым странам.

С первых слов началась как бы перебранка. Напряженность все возрастала,

заряд гнева в нас накапливался и требовал разрядки. Мы хотели

стенографически зафиксировать ход совещания, поэтому захватили в Париж

главную стенографистку Совета Министров СССР. Я относился к ней с большим

уважением. Она стенографировала все мои выступления, в том числе в процессе

их подготовки. Затем я пригласил и главную стенографистку ЦК КПСС. Помню их

по именам: Надежда Петровна и Нина Ивановна. Чаще я работал с Надеждой

Петровной Гавриловой. Теперь ее предупредили заранее, что она будет

трудиться на этом совещании. И вдруг уже перед самым совещанием мы получили

информацию от организаторов, что возникло предложение проводить его без

стенографисток. Это нас ошеломило, поскольку мы хотели иметь полную

стенограмму переговоров.

Нам сказали, что могут присутствовать лишь секретари. Тогда я предложил

объявить Надежду Петровну секретарем. Это наше право, хотя,

как правило, все

секретари - дипломаты и мужчины. С нами же прибыл и такой секретарь. Однако

никакого законодательства на данный счет нет, просто на практике я женщин в

этом качестве не наблюдал. И я сказал Надежде Петровне: "Вы наш секретарь,

поэтому обретаєте юридическое признание на международном совещании". Она

умная женщина, все понимала. А так как была несколько молчаливой и унылой,

то ответила мне скупой улыбкой. Некоторую серьезность и строгость поведения

она вообще всегда сохраняла и на лице, и в манере держаться.

Когда мы пришли в зал заседаний, то Надежда Петровна выглядела в черном

платье королевы. Мои помощники, которые знали ее биографию, рассказывали

мне, что ее отец был цыган, мать - украинка, поэтому она сохранила красивые

черты цыганского лица и в своем платье выглядела, как Кармен. Мы шутили:

"Надежда Петровна, ни одна страна не выставит равноценного вам секретаря...

". Зашли в зал, стали заходить туда и другие делегации. Первой вошла

делегация Англии. Мы поздоровались, и тут же вошла делегация США. Ее члены

сразу же последовали на свои места и сели, поприветствовав

нас наклоном

головой. Мы это поняли так: "Вас видим, но руки не подаем, находимся в

состоянии конфликта и даже психологической войны".

Еще до начала совещания я обратился к президенту де Голлю за разрешением

выступить с заявлением. Мы хотели предъявить свои ультимативные условия, и

от того, как примет их делегация США, зависело, будем ли мы принимать

участие в совещании. Я зачитал заявление. Переводчик Суходрев(8) все точно

переводил как очень хорошо подготовленный специалист, прекрасно знавший

английский язык. Мне он очень нравился. Я сейчас вспоминаю о совместной

работе с ним. Фамилия его типично украинская, но не знаю, украинец ли он,

ибо от украинского языка в его речи ничто не проскальзывало. Знатоки

английского и все журналисты отмечали, что переводчик у Хрущева в

совершенстве владеет английским.

Итак, я зачитал декларацию. Именно зачитал, потому что в таких случаях

никакое вольное изложение недопустимо. При вольном изложении могут появиться

лишние слова, не так построится фраза, все это будет зафиксировано, а потом

трудно исправить. Если допустить лишнее слово, тем более лишнюю фразу,

появится возможность иного толкования текста - в пользу наших противников.

Зачитав декларацию, я уселся. Произошло общее замешательство, особенно после

фразы, в которой заявлялось, что мы отменяем свое приглашение, если не будут

принесены извинения со стороны США, и президент не сможет стать нашим гостем

после того, что он допустил в отношении нашей страны. Эйзенхауэр встал с

места, его делегация - тоже, и мы разошлись. Не помню, было ли объявлено,

что мы соберемся еще раз, или не было. Одним словом, наша декларация сыграла

роль бомбы, которая разметала всех по своим комнатам. Круглый стол, который

должен был нас объединить, развалился на части.

Инициативу в продолжении совещания проявил де Голль. Через министра

иностранных дел он передал нам, что три западные делегации соберутся без

нашего участия, обсудят нашу декларацию и определят свое отношение к ней. Мы

понимали, что президент США с сопровождающими лицами и со своими союзниками

Францией и Англией должен посоветоваться, чтобы определить их общую линию.

Отчасти мы надеялись, что де Голль с пониманием отнесется к нашему

заявлению, которое должно было бы импонировать его характеру. Он тоже очень

строго вел себя при защите чести Франции и французов, так что наше заявление

не противоречило его пониманию вещей. Мы ожидали, что он что-либо выскажет

публично в поддержку нашей позиции, хотя понимали, что в принципе это для

него было почти невозможно. Но думаю, что внутренне он с пониманием

относился к нашей позиции.

Настроение у меня было боевое, наступательное и приподнятое, хотя я знал,

что США не согласятся на горькую пилюлю, которую мы приготовили и заставляем

их проглотить. Поэтому и не думал, что они признают публично свою неправоту.

Так у нас появился незапланированный свободный день. К какой-то работе иного

плана мы не были подготовлены, а в Париже есть, что посмотреть, нашлись бы

время и желание. Малиновский много рассказывал мне ранее о своей солдатской

службе во Франции в первую мировую войну(9). И я обратился к нему: "Родион

Яковлевич, далеко ли та деревня, в которой стоял ваш полк на отдыхе во время

первой мировой войны?". "Нет, недалеко", - ответил он. "А вы хорошо помните

те места, чтобы попасть туда без сопровождающих?". "Да, хорошо помню. Помню

даже людей, а не только деревню. Я и сам хотел бы побывать там, повидать

знакомых, переброситься словечком". Да и мне захотелось поехать туда именно

вместе с Малиновским, который солдатом сражался против немцев вместе с

французами. Собственно говоря, мы приехали сейчас на совещание по тому же

германскому вопросу. Последствия агрессии, которую совершила Германия в 1941

г., еще не ликвидированы, с ней нет мирного договора. Мы надеялись на

сочувствие со стороны французского народа.

Я и Родион Яковлевич, сопровождающие лица и охрана сели в машины и

поехали. Громыко остался в Париже держать связь с делегациями и дожидаться

телеграмм из Москвы. Выехали из Парижа по хорошему шоссе, обсаженному

липами. Погода стояла ясная, солнечная. В пути наткнулись на липу, которая

упала на дорогу, и объехать ее не могли. Чтобы убрать ее, пришли дорожники с

топорами и пилами. Мы тоже вышли из машины и стали работать вместе с ними. Я

попросил топор у француза, он охотно дал, остальные смотрели и улыбались:

сможет ли русский премьер-министр владеть топором? Я никогда лесорубом не

был, но привык к физическому труду еще с детства и умел в своем хозяйстве

орудовать топором. Происходившее фиксировалось журналистами, фотографами и

кинооператорами, но это не противоречило нашим желаниям и шло на пользу

советской делегации. Я считал, что народ первым поймет: вот правительство,

которое состоит из трудовых людей, а глава правительства, сам бывший

рабочий, знает, что такое физический труд, и в таком возрасте еще владеет

топором. Разрубили мы это дерево, растащили куски, сели в машину и

отправились дальше.

Гидом нам служил Малиновский. Мы, никого действительно не спрашивая,

прибыли в нужную деревню. Приехали туда прямо к дому, в котором квартировал

Малиновский со своим другом. Никакой толпы не собралось, так как мы прибыли

без предупреждения. Вышли из машины, а из дома навстречу - хозяин, человек

лет 45. Мы с Малиновским представились ему, и Родион Яковлевич спросил, жива

ли его мать, которая, видимо, помнит, как два русских солдата спали на сене

у них в сарае? Хозяин очень любезно принял нас, пригласил в дом, появилась и

его мать - хозяйка в былые времена. Мы поприветствовали ее, всемерно

проявляя внимание. Малиновский напомнил ей, кто он, назвал и имя своего

друга, поинтересовался, жив ли ее супруг. Она ответила, что умер.

Малиновский еще раньше говорил мне, что тот был стар, а хозяйка молода и

очень красива. Друг Малиновского ухаживал за хозяйкой, она была влюблена в

него. Солдатам это было выгодно, потому что хозяйка угощала их молоком,

сметаной, вкусными изделиями французской кухни. Когда он назвал имя своего

друга, ее постное лицо переменилось и оживилось. Она теперь выглядела

старухой, хотя, с его слов, была моложе Родиона Яковлевича. Сейчас же ее сын

убежал и вернулся с бутылками вина, накрыл стол, появились традиционные

французские закуски, проявились душевная любезность и теплота хозяев. Сын

ухаживал за нами, угощал вином. Старуха тоже выпила. Малиновский начал

вспоминать былое. Хозяйка же, видимо, не хотела предаваться воспоминаниям и

вела себя с нами довольно сдержанно. На ее лице было написано некоторое

равнодушие, сын же проявлял типичное крестьянское радушие, но без телячьих

восторгов.

Потом все вышли на улицу. Здесь уже собрались жители деревни. Многие у

меня сохранились в памяти. Это были люди среднего возраста. Детишки,

конечно, тоже присутствовали, как во всякой деревне в таких случаях.

Малиновский стал расспрашивать о некоторых своих знакомых и обратился

по-французски к немолодому уже человеку: "А сохранился ли ваш кабачок? Вы

его посещаете?". Француз улыбнулся: "Да, кабачок есть, и мы его посещаем так

же, как и раньше, но той красавицы, о которой вы, видимо, вспоминаете, уже

давно нет на свете". Малиновский тоже заулыбался и сказал: "Я и не

отказываюсь, что вспомнил ее". Тут все загалдели, вспоминая девушку из

кабачка, писаную красавицу. Видимо, владелец кабака держал ее ради

привлечения молодежи, чтобы побольше выпили его вина. На этом он имел

заработок. О каких-либо своих вольностях в отношении красавицы или с ее

стороны Малиновский никогда не говорил. Видимо, там были чистые, хорошие

отношения. Он-то любил женщин, особенно красивых, о чем много раз честно

рассказывал, вспоминая и о своем пребывании в Испании во время войны

республиканцев против Франко.

К вечеру мы вернулись в Париж. Громыко сообщил, что заседания не будет.

Главы трех держав обменялись мнениями. Эйзенхауэр решил, что извиняться не

станет. Французы и англичане не возражали бы против извинений. И, я думаю,

со своей стороны, попытались уговорить американцев пойти на уступки. Но

тщетно.

Еще когда я зачитывал декларацию, Эйзенхауэр обратился к госсекретарю

Гертеру за советом. "Я думаю, можно извиниться?" - сказал президент. Но

Гертер ответил: "Нет!" и скорчил такую гримасу, которая не вызывала сомнений

в его позиции. Так Эйзенхауэр и не дал заверений, что разведывательные

полеты больше не будут повторяться. Таким образом, он опять показал, что

находится под сильным влиянием госсекретаря. Во время совещания в Женеве он

добросовестно зачитывал записки Даллеса, которые тот ему

подкладывал. Теперь

диктовал Гертер, а Эйзенхауэр опять согласился. Президент был наделен и

умом, и здравым смыслом, но шел на поводу у других, хотя понимал, что

занимает неправильную позицию. Однако противостоять им не мог.

Следовательно, не он формировал международную политику США.

Уже после того, как было решено, что совещание не состоится, я по долгу

вежливости съездил к Макмиллану. Тот не мог ни защищать позицию США, ни

осуждать своего союзника и только доказывал, что мы слишком многого

потребовали: надо было принять во внимание положение президента, который не

в состоянии извиняться публично. Макмиллан считал, что нам надо было найти

более гибкую позицию для ликвидации напряженности, и выражал сожаление, что

мы публично отказались от приглашения Эйзенхауэра в СССР. Я доказывал нашу

правоту и думаю, что Макмиллан с пониманием отнесся к моим словам, что можно

было увидеть по выражению его лица. Он сказал: "Господин Хрущев, сейчас

Англия не занимает той позиции, которую она занимала когда-то в вопросах

**международной политики. Раньше Британия являлась
владычицей морей и во**

**многим определяла политику Европы и даже мира, а теперь
мы стали иными.**

**Сейчас самые мощные государства в мире - это Соединенные
Штаты и вы.**

Следовательно, именно от вас многое зависит... "

**Мы любезно распрощались с Макмилланом. То была моя
последняя встреча с**

**ним. Потом я нанес визит генералу де Голлю. Он занимал такую
же позицию, как**

**Макмиллан, то есть в какой-то степени нейтральную, и в
ходе беседы**

**употреблял почти те же слова и аргументы, что и Макмиллан.
Но я чувствовал,**

**что де Голль больше сожалеет о случившемся. Видимо, он
возлагал большие**

**надежды на совещание, чем Макмиллан. Это чувствовалось.
Таково мое сугубо**

**индивидуальное восприятие его слов. Может быть, я ошибаюсь,
но именно такое**

**у меня сложилось впечатление. Распрощавшись с де Голлем,
я вернулся в**

**посольство, где мы расположились. К нам приехал Торез со
своей женой,**

**Жаннеттой Вермерш. Беседа состоялась братская, я
рассказывал о последних**

**событиях. Торез искренне был доволен нашей позицией и
полностью ее одобрял.**

**Я забеспокоился: "Правильно ли поймут нас французы?
Французская**

**общественность?". Она-то возлагала надежды на встречу. Все
хотели мира. Мы**

**заранее предвидели, что Запад свалит на нас срыв
совещания. Если**

**рассматривать дело формально, то это мы отказались от участия
в нем, сделав**

**резкое заявление. Наш документ сразу же был опубликован. Не
искушенному в**

**политике обывателю трудно было разобраться и тонкостях,
а прожженным**

**политиканам мы дали возможность направить недовольство за
срыв совещания на**

**Советский Союз и его главу. Это меня беспокоило, и я спросил
Тореза о том.**

**Он ответил, что, конечно, реакционеры воспользовались
ситуацией, но члены**

**компартии и общественность разберутся и будут на нашей
стороне. Торез**

**заулыбался, когда я рассказывал о посещении вместе с
Малиновским французской**

деревушки. Я почувствовал, что все это ему импонирует.

**Потом с визитом прибыл каноник, мэр города Дижон Кир.
Когда я был во**

**Франции гостем президента, то Кир со мной встретиться не
смог, так как**

**считался властями просоветским человеком, и они его на
время как бы**

изолировали. Кир был активным членом Сопротивления фашистской оккупации и

подвергался гонениям. Если мне не изменяет память, он дважды был приговорен

к смертной казни. Теперь мне было интересно, как этот человек воспринял

провал совещания. К тому времени уже зашумело французское радио, которое

восстанавливало общественность против политики Советского Союза. Мы с Киром

беседовали на открытом воздухе. В нашем посольстве имелся уютный дворик,

беседа получилась самая радушная. Он говорил мне о том, что сожалел, не

сумев встретиться со мною раньше. Кир полностью одобрил нашу позицию, -

изложенную мной во время беседы. Потом я поинтересовался у этого немолодого,

хотя и энергичного человека: "Каким транспортом вы располагаете?"

Персональной машины у него не было. И я предложил: "Если не возражаете, я

предоставлю вам свою машину, которая отвезет вас по адресу, который вы

укажете". "Буду польщен этим и охотно принимаю ваше предложение".

Кир высказал много любезностей в мой адрес, и мне было приятно это

услышать в напряженный момент, когда на нашу политику вешали всех собак и

буржуазная пресса хотела нас изолировать. Тот факт, что каноник Кир выезжает

на машине из советского посольства с нашим флажком, имел большое значение. И

я был рад, что он проявил трезвость ума и согласился воспользоваться нашей

машиной. Мы распрощались очень любезно, -я проводил его за ворота. Приходили

и еще какие-то делегации, и отдельные лица, но это были люди левого

политического направления. Правые в любой ситуации, если бы даже наша

встреча хорошо закончилась, не почтили бы нас вниманием и не удостоили своим

визитом. Да я в них и не нуждался. Наоборот, это могло бы быть плохо

расценено левыми кругами. Люди, посетившие посольство, с пониманием

относились к нашей политике и верили, что мы твердо стоим на позиции борьбы

за мир, за мирное сосуществование двух систем, за развитие экономических и

культурных связей между всеми народами независимо от социально-политического

устройства в тех или других странах.

Буржуазная агитационная машина работала во всю мощь, восстанавливая

общественное мнение против Советского Союза, обвиняла нас в срыве

переговоров, в том, что мы "растоптали надежды" народов.
Пришла пора

улетать. В таких случаях задерживаться не рекомендуется.
Мы поехали на

аэродром в открытой машине. Я демонстративно хотел ехать
таким образом и

видел, как по-разному люди провожали нас. Конечно, никаких
организованных

манифестаций, ни дружеских, ни враждебных, не было, но одни
группы людей

горячо приветствовали нас, другие сжимали кулаки и грозили в
нашу сторону.

Здесь ничего противоестественного не было. Столкновение двух
линий произошло

в такое время, когда созрели условия для контактов. Мы уже
съехались, чтобы

разработать общую позицию, которая обеспечивала бы мир,
чего хотели все

народы... И вдруг все развалилось из-за ультиматума, который
мы выдвинули!

Не каждый правильно понимал справедливость
ультиматума. Некоторые

подходили к делу с либеральных позиций, считая, что, хотя
американцы

проявили наглость, нужно было поступиться своими
принципами, чтобы не

сорвать совещание. Мне такая позиция понятна, но с ней никак
нельзя было

согласиться. Есть народная поговорка: "Дай коготкам увязнуть,
весь влезешь в

тину". Если бы мы не проявили мужества и не встали на защиту своей чести

тогда, следовательно, согласились бы с США в том, что их самолеты имеют

право летать над закрытыми территориями любых государств. Что значит

закрытые? Это значит, что государство контролирует свои границы. Мы

принимаем гостей добром, но непрошеные гости получают должное.

Прошло много лет, а я и сейчас считаю тот наш резкий отпор правильным. Я

просто горд за время, когда мы дали отпор самому мощному государству,

которое не считалось с мнением других стран. На этом закончился наш медовый

месяц в отношениях с Соединенными Штатами Америки. У меня сложилось

впечатление, что Эйзенхауэр лично хотел улучшения наших отношений, понимал

вредность политики, проводимой в отношении нас, и желал сближения. Мы, со

своей стороны, всегда этого хотели. С момента создания нашего государства

Ленин делал все, что было в его силах, для установления дипломатических

отношений со всеми странами. Припоминаю его знаменательное высказывание, что

нужно строить нормальные отношения со всеми странами, существующими на

планете. Если не признавать наличие капиталистического мира, то нам остается

только улететь на Луну. Нужно признавать реальности, устанавливать

дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми странами.

После Ленина продолжалась такая же политика, а особенно после смерти

Сталина, когда мы получили возможность свободно выражать свои мнения и

устранить препоны, возникшие в результате проявлений сталинского

недружелюбия, всего того, что затрудняло и усложняло отношения с

капиталистическими странами. Мы постарались убрать барьеры, которые возникли

в отношениях с Турцией, Ираном, Афганистаном, хотели улучшить испорченные

отношения и со странами крупного капитала. С другой стороны, многолетняя

безуспешная борьба против СССР, нагнетание напряженности между странами

социализма и капитализма, антисоветская блокада не дали результатов. Нам

казалось, что пришло время осознать, что нас сломить силой нельзя. Нет

методов, которыми можно задушить такую страну, какой являлся Советский Союз,

тем более, когда он уже не был единственной социалистической страной.

Возникло содружество социалистических стран, мы усилились.

В своих выступлениях на встречах с зарубежными журналистами я потом

указывал на неразумность антисоветской политики и напоминал, что Рузвельт,

став президентом, положил доброе начало. До того ряд лет США не признавали

Советского государства, у нас не имелось дипломатических отношений (10). А

сейчас политика, проводимая США, тоже потерпит крах, как потерпела крах

политика непризнания Советского Союза. Журналисты отвечали: "Бывшая Россия

тоже 16 лет не признавала США после того, когда они добились независимости в

войне с Англией". Я отвечал, что не надо брать дурной пример. Царская Россия

не могла сразу реалистически подойти к изменившимся условиям в мире.

Республиканское правление было для нее крамолой, поэтому и оттягивалось

признание. Неужто теперь США должны столь же неразумно подходить к своей

политике в оценке сложившихся новых условий в мире? Это не достигает цели, к

тому же вредно для экономики США, которые выиграли бы больше, если бы между

нами развивались нормальные экономические, культурные, научные и прочие

отношения.

У некоторых возникает вопрос: "Может быть, нам раньше вообще не следовало

принимать приглашение Эйзенхауэра?". Нет, это было бы неразумно. Даже при

том, что ничего особенного не получилось, мы ничего не потеряли, а,

наоборот, приобрели. Американцы лучше узнали Советский Союз. Мы обрели

возможность лично встречаться со многими людьми, высказываться через

американскую печать. Среди буржуазных журналистов появились люди, которые

понимали необходимость улучшения отношений между Советским Союзом и США.

Могут сказать, что встречи, церемонии и прочее - бутафория. Но для

буржуазного мира даже она имеет значение. Почетный прием нашей делегации

означал признание провала политики изоляции, провала усилий ликвидировать

Советский Союз. Наша моральная победа оказалась колоссальной. И мне приятно

было слушать, когда Эйзенхауэр во время беседы в Кэмп-Дэвиде иной раз

обращался ко мне со словами "Мой друг". Опять скажут: "Это все слова".

Верно. А что же вы хотите, чтобы два лица, которые занимают совершенно

противоположные полюса, сошлись, и сразу же наши противоречия исчезнут? Это

невозможно, такое могут представить себе только фантазеры или люди, которые

совершенно не разбираются в вопросах классовой борьбы. Тут длительный

процесс, и его не решают за столом при дружеских беседах.

Мы верим, что будущее - за рабочим классом, что идеи марксизма-ленинизма

восторжествуют во всем мире. Борьбаться за это нужно разными средствами, но

надо понимать слова Ленина, что революция не экспортируется, что на штыках

нести революционные идеи в другие страны нельзя. Это дело рабочего класса

каждой страны ! Вот что надо признать и соответственно строить свою политику

согласно ленинскому принципу мирного сосуществования, которое выражается и

во взаимных контактах, и в обмене мнениями. Это полезно для социалистических

стран. У капиталистов многому можно поучиться. Многое мы еще делаем хуже,

чем они. У них больше и опыта, и знаний. Даже после того, как мы за десятки

лет создали свою огромную армию интеллигенции, нам нужно хорошенько

присматриваться к тому, что делается в капиталистическом мире, чтобы потом

перенести все полезное на социалистическую почву.

Теперь - о другом, как Эйзенхауэр выполнил обещание, данное им

американскому народу, заявив, что США и дальше будут продолжать

разведывательные полеты над территорией Советского Союза. Он хвастанул, что

США имеют право нарушать границы, но на практике сделал правильный вывод:

Советский Союз сбил один У-2, может сбить и другой, поэтому лучше его не

провоцировать(11). Затем произошел такой инцидент: американские

разведывательные самолеты летали вдоль нашей границы над Северным Ледовитым

океаном и вторгались в пределы наших территориальных вод. Наши истребители

сбили одного нарушителя, он затонул. Американцы, как всегда в таких случаях,

заявили, что летели над нейтральными водами. Они послали туда свою разведку,

летали над теми водами, вызывали туда свои корабли, но не смогли доказать,

что самолет был сбит над нейтральными водами. А у нас имелись вещественные

доказательства: шесть их летчиков погибли, оставшиеся в живых находились в

советском плену.

До того момента, когда мы сбили У-2, американские самолеты

из Западной

Германии часто нарушали границы Чехословакии и ГДР.
Теперь командующий

американскими войсками в ФРГ издал приказ не приближаться
к границе между

ГДР и ФРГ ближе чем на 50 километров. И больше подобных
инцидентов не

возникало(12). Тут польза нашего заявления сразу вылилась
в то, что

противник узнал, через какой рубеж нельзя переступить, потому
что это не

пройдет безнаказанно. А разве этого мало? Кроме того, мы
показали всему

миру, что не ломаем шапки даже перед таким мощным
государством, как США. А

ведь перед американской финансовой мощью
западноевропейские державы ползают

на брюхе. Мы же гордо поставили себя и сказали: "Нет!". Хотим
дружбы, но не

потерпим унижений, так как не придерживаемся в политике
слов из Евангелия:

если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Наоборот,
считаем, что

если нас ударят, то мы можем и голову оторвать тому, кто
позволит себе

такое.

Столкновение, которое между нами произошло, оказалось
особенно

чувствительным после того, как наметилось сближение.

Когда Эйзенхауэр

**пригласил меня посетить США и быть его гостем, у народов
появилась какая-то**

**надежда на твердый мир, а у мировой общественности, которая
хотела смягчения**

**напряженности и исключения военного конфликта,
зарождались иллюзии**

**наступления полного согласия. И вдруг - поворот! Но мы
продолжали вести свою**

**генеральную линию мирного сосуществования и по-прежнему
строили свои**

**отношения с другими странами таким образом, чтобы добиться
в конце концов**

**взаимопонимания и обеспечить мир во всем мире. Хотя
получился большой накал**

**страстей, мы все же прилагали усилия в данном направлении.
После того, как**

**был сбит американский самолет, который разведывал наши
радарные установки на**

**берегу Северного Ледовитого океана, у нас опять возник диалог:
США вынуждены**

**были обратиться к нам с просьбой вернуть пленных летчиков.
Трупы мы вернули**

**сразу, а двух пленных удерживали. Не помню сейчас,
какими условиями**

**обговаривался возврат, но договоренности так и не
получилось. Пленные**

летчики остались у нас.

Примечания

(1) 9 апреля 1960 г. из Пакистана через Урал, в сторону Норвегии.

(2) После второй мировой войны такие разведывательные полеты над СССР

осуществляли американские самолеты В-29. Разработка новых

самолетов-разведчиков с мощной фотоаппаратурой для действий на высоте свыше

20 тыс. м началась в США с декабря 1954 г. Осенью 1955 г. был составлен

проект

"Акватор" по осуществлению таких полетов. 14 июня 1956 г. состоялся

первый полет самолета "Локхид У-2" с двигателем J-57 из Висбадена (ФРГ) на

Москву, Ленинград и далее через Прибалтику. Против этих самолетов собирались

использовать советские межконтинентальные баллистические ракеты СС-6 либо

зенитные ракеты СА-1, потом СА-2. С конца 50-х годов эскадрильи У-2

действовали, помимо Висбадена, также из Инжирлика (Турция), Бодо (Норвегия),

Пешавара (Пакистан) и с авиабазы близ Токио. В сентябре 1959 г., в связи с

визитом Хрущева к Эйзенхауэру, полеты были приостановлены, а потом

возобновлены. С 1960 г. на базе в Инжирлике пилотами У-2

служили также

англичане.

(3) БИРЮЗОВ С. С. (1904 - 1964) - Маршал Советского Союза (с 1955 г.),

был главнокомандующим войсками ПВО в 1955 - 1962 гг.

(4) С авиабазы Бадабер под Пешаваром.

(5) ДАЛЛЕС А. У. (1893 - 1969) возглавлял в 1942 - 1945 гг. систему

политической разведки США в Европе, с 1947 г. работал в ЦРУ и в 1953 - 1961

гг. был его директором.

(6) 15 мая 1960г.

(7) В ноябре 1959 г. Хрущев публично заявил, что через год в СССР сойдут

с конвейеров 250 ракет с водородными боеголовками. Перед 1960 г., согласно

его следующему заявлению, их имелось по 50 для Англии и Франции, 30 для ФРГ

и тайное количество - для удара по США.

(8) Личный переводчик Хрущева Суходрев В. М.

(9) С февраля 1916 г. в составе Русского экспедиционного корпуса.

(10) Они были установлены 16 ноября 1933 г.

(11) С августа 1960 г. разведывательное фотографирование территории СССР

осуществлял американский спутник Земли "Корона".

(12) Практически с 1961 г. такие инциденты возобновились, но

самолеты У-2

там американцы не применяли, а использовали различные типы "Фантомов" или

SR-71.

ПОСЕЩЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Летом 1960 г. мы обсуждали в руководстве страны вопрос о подготовке к

поездке нашей делегации в Нью-Йорк, на очередную Генеральную Ассамблею

ООН(1). Было принято решение возглавить правительственную делегацию

председателю Совмина СССР, хотя обычно такую делегацию возглавляет министр

иностранных дел. Стали обдумывать вопросы, заслуживающие внимания, для

постановки на ассамблее. Такими вопросами мы хотели привлечь к ним внимание

всего мира. Они должны были в первую очередь помочь борьбе за мир и

освобождению народов, еще находившихся под колониальным гнетом. Я предложил

поставить вопрос об установлении определенного срока предоставления

независимости всем колониям. Принятие такого решения

стимулировало

**освободительную борьбу, оно было бы освещено
международным форумом. ООН**

**могла оказать и моральное давление на правительства,
чтобы ускорить**

**предоставление независимости колониям. Мы хотели, чтобы
наша политика**

**по-особому оценивалась африканскими и азиатскими народами.
Ленинская внешняя**

**политика преследует цель борьбы против угнетателей и
эксплуатации человека**

**человеком, за национальное и социальное освобождение, и я
считал, что наш**

**призыв найдет большой отклик в душах граждан колоний.
Мы, обменявшись**

**мнениями, пришли к заключению, что постановка этого
вопроса будет иметь**

**большое политическое значение, а наш авторитет среди
народов колоний**

возрастет.

**Данный вопрос надо было всесторонне обдумать, чтобы
логично изложить его**

**в докладе, заранее мобилизовать людей, а колонизаторов не
только поставить в**

**затруднительное положение, но и вынудить их проголосовать
вместе с нами. Мы**

**гадали, какую позицию займут США? У них нет колоний, но
своим капиталом они**

подавляют малоразвитые страны и сводят на положение

колониальных. Кроме

того, их союзники, страны-колонизаторы Великобритании и Франция, вместе с

США покровительствовали Португалии и Испании, тоже имевшим колонии в Африке

и Азии. Содержание выступления подготовили тематические институты АН СССР и

МИД СССР, но мы не хотели, чтобы оно заранее просочилось в печать, дабы не

дать нашим противникам возможность подготовиться и аргументирование

выступить против.

Пришло время формировать делегацию, мы составили ее и объявили, что ее

возглавит Хрущев. Вместе с делегацией СССР отправились делегации Украины и

Белоруссии. Социалистические страны Восточной Европы тоже наметили во главе

своих делегаций председателей Советов Министров или же первых секретарей

Центральных Комитетов их партий. Это вызвало громкий отклик в мировой

печати. Ряд других стран откликнулся на это известие и тоже объявил, что их

делегации будут представлены на какой-то период деятельности ассамблей

главами правительств. Индия заявила, что приедет Неру, Югославия послала

Тито, Великобритания - Макмиллана. Многие другие

делегации тоже были

представлены главами своих правительств.

Сговорившись с руководством большинства социалистических стран - членов

Варшавского Договора, мы все отправились в Нью-Йорк на советском корабле. В

назначенный день на него прибыли другие делегации за исключением румынской,

которая добиралась до Америки самостоятельно. Возник вопрос, не предпримут

ли страны НАТО какие-либо диверсионные акты против нашего корабля? Такая

возможность была. Водное пространство большое, можно потопить корабль, а

потом, когда никого не останется и свидетелей не будет, разбирайся, по каким

причинам это случилось... Несчастный случай? Или какая-то плавучая мина,

оставшаяся от второй мировой войны? А ведь такие случаи бывали. Но мог же

быть и диверсионный акт! Мы все же остановились на корабле. Я вспомнил, что

Молотов, выезжая как-то на ассамблею ООН, пользовался английским кораблем.

Он улетел в Великобританию, а из Лондона отправился в Нью-Йорк на ее

пассажирском лайнере.

Наш корабль "Балтика" был голландского производства, очень удобный,

небольшой, но хорошо сделанный. Для пассажиров имелись отличные удобства.

Посадка состоялась в Калининграде-областном. Мы распрощались с провожающими,

разместились, корабль дал прощальный сигнал, мы тронулись в путь. Наступал

вечер, но какое-то светлое время мы еще имели возможность наблюдать за

берегами нашей Родины. Чтобы достичь Нью-Йорка, нам требовалось восемь -

десять дней. Хватало времени завершить подготовку к докладу и обдумать все

вопросы, которые стояли на повестке дня ассамблеи. Условия для работы на

корабле были подходящими, весь аппарат, который был нам нужен, постоянно

находился с нами. Мы провели совещание, обсудили возникшие вопросы, выявили

позицию каждого нашего союзника и решили, что на ассамблее станем выступать

единым фронтом социалистических стран.

Балтика встретила нас неприветливо. На рассвете стояли туманы, видимость

очень плохая, поэтому мы шли все время с сигнальными гудками. Проходя по

балтийскому мелководью, надо строго следовать фарватеру. Чтобы корабль не

сбивался с пути, его оборудовали автоматическими сигналами, буи расположены

так, что на корабле все время слышен монотонный сигнал и капитан имеет

возможность правильно ориентироваться в направлении движения. Потом туман

рассеялся, выглянуло солнце. Мы как раз подходили к Дании, были видны ее

берега. Проплывая проливами, миновали шведские и норвежские берега. Вышли,

наконец, в Северное море. Военные моряки сопровождали нас только до

открытого океана. Ла-Маншский пролив мы проходили под прикрытием наших

миноносцев, потом, когда вышли в Атлантику, миноносцы прекратили

сопровождение и вернулись на Родину, а мы продолжали следовать своим курсом.

По пути следования в океане наш гражданский флот заранее поставил ориентиры

- корабли по маршруту. Через какое-то время они нам регулярно встречались и

в случае несчастья могли оказать нам помощь. Кроме того, мы плыли оживленной

трассой, довольно плотно насыщенной морскими транспортными средствами. Так

что встреч хватало.

Я впервые за свою жизнь оказался в открытом океане. Воды там

видимо-невидимо. Возникает особое чувство, когда первый раз попадаешь в

такую стихию. Это чувство нарушалось "спутниками": еще когда мы подходили к

Дании, нас встретили зарубежные самолеты и вертолеты. Они облетали наш

корабль, снижаясь до недопустимой высоты и чуть ли не задевая за мачты,

фотографировали. Для журналистов Запада наша поездка была сенсацией.

Удовлетворяя любопытство своих читателей, они освещали весь путь нашего

корабля в Нью-Йорк. Сообщения прессы мы немедленно получали по радио и

внимательно следили за тем, как освещается наша поездка. Облет корабля

длился до тех пор, пока мы не вышли в открытый океан. А до этого времени над

кораблем висели в воздухе частные, коммерческие, маленькие самолеты типа

наших По-2. Они очень удобны, маневренны и дают возможность корреспондентам

и фоторепортерам снимать корабль с любой точки.

Наконец, стали удаляться и исчезать вдали берега Европы. Последними

исчезли из виду берега Великобритании. Видимость была хорошая, несмотря на

большое расстояние. На какой-то день следования мы стали ощущать характерное

покачивание, сперва легкое, потом посильнее, которое создает неуверенность в

походке. Барометром влияния этого волнения на пассажиров
был стол: выходя к

завтраку, мы кого-то недосчитывались; за обедом, если качка
увеличивалась,

не было уже большего числа участников трапезы. Нам тут же
сообщали, что

такой-то товарищ или даже вся такая-то делегация не
сможет прийти к

завтраку, к обеду, и их не следует ожидать. Потом дело дошло до
того, что

вообще единицы приходили к столу. Сначала за обедом
звучали морские

прибаутки, и некоторые лица, отдавая дань традиции, которая
существует на

флоте, требовали к обеду чарку. Но постепенно к столу
приходило все меньше и

меньше людей, даже чарка перестала быть притягательной. Те,
кто еще ходил,

были серого цвета, общее настроение было довольно грустным,
самочувствия -

плохим. Нас сопровождал доктор Владимир Григорьевич
Беззубик, которого я

знал много лет и относился к нему с большим уважением и как к
врачу, и как к

человеку. Он должен был оказывать нам помощь, но когда
разыгралась качка и

нас стало довольно прилично укачивать, то раньше всех мы
лишились именно

доктора. Он сам лежал, как говорится, без задних ног. Так все
мы узнали, что

такое морская болезнь. Однако знали, что пройдет качка, и люди вернутся к норме.

Наша охрана находилась в таком же состоянии и на ногах не держалась.

Оказывается, мой организм был более стойким, и я не поддавался никакому

укачиванию: на всем пути следования, независимо от волнения в океане, на

меня оно совершенно не действовало. Я спал нормально и даже лучше, чем на

суше, потому что качка способствует крепкому сну. Ходил по палубе на свежем

воздухе, чтобы продувало, меня это только укрепляло. Но не помню, чтобы

кто-либо из делегатов братских стран во время сильной качки составил мне

компанию. Был случай, когда за столом сидели вдвоем я с каким-то партнером.

Это служило предметом всяческих шуток, хотя тем, кого укачивало, было не до

острот. А в спокойную и солнечную погоду на корабле было приятно. От скуки

многие читали книги и журналы, которые захватили с собой, или работали над

материалами, готовясь к сессии. Для пассажиров на кораблях существуют игры,

о которых я не знал. Они несложны и делают времяпровождение довольно

приятным. Игры занимали свободное время. Некоторые лица играли, непрерывно

специальными ударными палками толкая шайбу, которая, скользя, должна попасть

в клетку с цифрой. Тот, кто наберет больше очков, считается победителем.

Разметка для этой игры на палубе всегда была занята. Другие лица как зрители

наблюдали за игрой и превращались в болельщиков. Так у нас возникло

спортивное состязание. Я тоже принимал участие в игре.

И находясь на корабле, мы оставались в курсе политических событий. Это

был момент острой борьбы в Конго. Левые силы возглавлял Лумумба(2). Мы

следили за событиями. Аппарат, сопровождавший нас, был хорошо подготовлен и

знал условия, в которых разворачивалась борьба в Конго. Поэтому мы постоянно

были ориентированы в международных делах, текших своим путем, и тотчас

формулировали свою позицию, посылая затем в Москву шифровки для

согласования. Так мы принимали участие в выработке мнения СССР по текущим

вопросам. Между тем события в Конго протекали бурно. Мы всемерно

поддерживали Лумумбу, его партию, всех, кто поднялся на борьбу с

бельгийскими колонизаторами. Агентом бельгийских монополий, колонизаторов и

организатором реакционных сил был там Чомбе(З). Прошло много времени, я

сейчас не могу держать в памяти все детали дела, но помню, что со своей

стороны мы делали все, чтобы поддержать революционные силы в Конго.

Это был одновременно самый напряженный период в отношениях между СССР и

США, вызванный провалом четырехсторонней встречи в Париже в результате

инцидента, умышленно подстроенного разведкой США, когда состоялся полет

разведывательного самолета У-2. В печати шла крепкая перепалка... И вдруг мы

объявляем, что советскую делегацию в Нью-Йорк возглавит Хрущев. Этим, как

говорится, мы подлили масла в огонь. Печать США реагировала очень бурно.

Раздавались голоса, исходящие из позиции здравого смысла: они хотели

приглушить антисоветчину. Но таких было мало. Большинство посылало

всевозможные проклятия в адрес политики Советского Союза. Много говорилось о

том, как нужно "встретить" Хрущева: призывали организовывать демонстрации

протеста и т. п. Правительство (или губернатор Рокфеллер) издало

распоряжение, что делегация СССР может находиться только в том районе

Нью-Йорка, где расположена Организация Объединенных Наций, а за пределы его

границы наша делегация не имеет права выезжать. Таковы ограничения.

Но это нас не сдерживало. Наоборот, я считал, что империализм США уже не

всесилен и не может подчинять международную политику своим капризам. Приняв

решение ехать в США, мы использовали международное право, игнорируя все

угрозы и антисоветскую свистопляску. Имели место и прямые провокации. На

каком-то расстоянии от Америки, кажется утром, мне доложили, что справа по

курсу нашего корабля всплыла чья-то подводная лодка. Я вышел на палубу.

Расстояние было небольшим, и без бинокля было хорошо видно огромное стальное

тело, омываемое волнами. Сомнений не было, эта подводная лодка принадлежит

США. Мы спокойно следовали своим курсом, не обращая на нее внимания. Но с

какой целью она всплыла? Это была военная демонстрация со стороны

агрессивных сил, хотевших устроить какой-то "холодный душ" для делегаций

социалистических стран, поугатать нас. Некоторое время подлодка плыла

параллельно, потом погрузилась. Этим дело и кончилось.
Вплоть до самого

прибытия в Нью-Йорк больше никаких проявлений
враждебности в океане мы не

замечали.

Регулярно получая на борту обзоры печати США, мы знали,
что нам готовятся

какие-то, как у нас выражаются, "кошачьи концерты".
Антисоветские силы

готовили демонстрацию, когда мы будем подходить к
причалам Нью-Йорка.

Действительно, возле причала, который мы арендовали, нас
встретил такой

демонстрацией корабль средних размеров. На нем было
множество ряженых людей,

в разных цветных костюмах, с плакатами и лозунгами. Они что-
то выкрикивали в

репродукторы. Мне переводили: то были возгласы
оскорбительного характера.

Эти люди хотели унижить нашу страну и ее представителей, но
кричали на

довольно приличном от нас расстоянии, а между нашим
кораблем и

демонстрантами держались в промежутке катера,
принадлежащие американской

полиции. Они следили за тем, чтобы демонстрация проходила
на расстоянии

видимости, но чтобы не причинила никаких неприятностей
нашему кораблю.

**Слышны были голоса, видны лица, да и только. Мы все
высыпали на палубу,**

**смотрели на чучела и смеялись. Для нас это было чем-то вроде
шутовского**

карнавала.

**На пирсе собралось много журналистов, среди них находились
представители**

**Советского Союза в ООН и посол СССР в США Меньшиков.
Причаливая, мы увидели**

**неприглядную картину: пирс был старый, полуразрушенный.
Начали спускаться по**

**сходням, вблизи все выглядело еще более затрапезно. Думаю,
что некоторые**

**американцы иронизировали по поводу того, что русские
заарендовали такой**

**заброшенный причал. Однако виноватого искать было нечего,
это я был виноват.**

**Когда во время предварительных переговоров нам сообщили,
сколько будут**

**стоять причал и стоянка нашего корабля, я поскупился, ибо
приличная стоянка**

**стоила очень дорого. И я предложил: "На кой черт нам тратить
деньги, какое**

**это имеет значение, где мы причалим? Лишь бы причалить.
Дайте указание нашим**

**людям, чтобы они поторговались и арендовали бы место
подешевле". Ну, вот,**

это и было дешевое место.

Сошли мы. Не видно никаких демонстраций. Вероятно,

полиция никого не

допустила туда кроме журналистов, аккредитованных при ООН, и наших людей. Мы

сразу же направились в помещение, которое являлось нашей собственностью в

Нью-Йорке. Там жили большинство советских сотрудников и представитель СССР в

ООН. Разместились хорошо, в квартире без всякой роскоши, даже очень

скромной, но удобной. Больше нам ничего и не требовалось. Эта квартира

находится в центре города, в окружении массы других домов. Куда ни глянешь -

стекла и бетон, небо светится в щелях между зданиями. Вот обычный пейзаж

Нью-Йорка. Описание было бы не полным, если не сказать об автомашинах: шум,

воздух испорчен выхлопными газами от непрерывно снующего огромного

количества машин.

В связи с тем, что атмосфера вокруг нашей делегации и моей персоны была

очень накалена и этот накал все время дополнительно нагнетался прессой,

правительство США решило создать условия, ограничивающие возможность

действий агрессивного характера. Полицейских было много, и они работали

посменно круглые сутки, все на мотоциклах, поэтому при

смене полицейских

отрядов ночью или под утро, когда одна смена уходила, а другая прибывала,

можете себе представить, то там творилось: сплошная артиллерийская канонада.

Цилиндры у дежурных мотоциклов были охлаждены, и, когда их заводили,

начинались выстрелы с выхлопами, как будто рвутся снаряды, и все у меня

прямо под окном. Тут, как бы ни хотелось уснуть и каким бы уставшим ни был,

спать невозможно. Я просыпался и валялся на кровати в ожидании, пока

вернется сон. Но абсолютно спокойного времени ни разу не было, потому что

одни связные уезжали, другие приезжали, все время стоял треск. Кроме того,

на улицах шумели машины. Не помню, на каком этаже мы жили, но слышимость

была большая. Только находясь там, я понял, каково приходится людям, живущим

на нижних этажах небоскребов. Это особенность Нью-Йорка, города-колосса. Но,

повторяю, само жилище наше было хорошим.

Далеко не все наши сотрудники могли так разместиться. В доме нашего

представителя при ООН лишних комнат не имелось, но все главные лица - члены

делегации разместились там, в советском собственном здании.

Представители

Украины и Белоруссии находились в другом здании, на приличном расстоянии от

нас. Я потом ездил к ним посмотреть: этот дом был арендован на время

приезда, видимо, какая-то гостиница. Во время этой моей поездки Нью-Йорк

своим величием каменных груд особого впечатления на меня все же не произвел.

Ранее, будучи гостем президента США, я уже посещал Нью-Йорк, был и в ООН и

помнил процедуру приема особо важных гостей. Тогда меня ввели в зал

заседаний, предоставив мне кресло перед президиумом, поближе к ораторской

трибуне и лицом к аудитории. Я был знаком и с этим помещением. На каждое

заседание сессии ООН выбирается ее председатель, а рядом с ним всегда сидит

генеральный секретарь ООН. Когда я ранее посещал ООН, им был швед

Хаммаршельд(4). Он всегда присутствовал в зале в сопровождении ряда

служебных лиц. Так что я заранее знал, в какой зал еду.

Как только мы прибыли, началась закулисная деятельность по формированию

органов сессии: выборы председательствующего на заседании, членов комиссий и

подкомиссий. Они, согласно официальному положению,

создаются временно,

только на время проведения сессии. Сейчас не помню, какую кандидатуру мы

выдвигали председателем, кажется, кого-то из Польши. Конечно, никаких надежд

на его избрание мы не испытывали и делали это в порядке противопоставления,

моральное право на что имели, но знали, что США со своими союзниками его

кандидатуру не пропустят. Мы-то при голосовании всегда имели меньшинство.

Запад выдвинул представителя Ирландии, и мы, конечно, выступили против, хотя

и не знали данного человека. Потом меня проинформировали, что он работал

преподавателем какого-то высшего учебного заведения. Эта кандидатура от

Ирландии и получила абсолютное большинство голосов, преподаватель занял свое

место. Но в комиссиях были представлены все страны, в том числе

социалистические. Видимо, заранее согласовывалось количество мест для

социалистических стран, капиталистических западных держав и вновь возникших,

получивших независимость государств.

В самом центре зала размещалась делегация США, наша - справа от

председателя, почти под трибунами журналистов и гостей.

Трибуны расположены

**высоко, поэтому разобрать лица присутствующих невозможно.
Впереди перед нами**

**сидела испанская делегация. Ее глава - немолодой худой седой
человек с**

**приличной лысиной и сморщенным лицом, не плоским, а
вытянутым вперед. Если**

**бы у нас с Испанией были нормальные отношения, я бы сказал:
"Ничего, вполне**

**приличный человек". Но у нас тогда отношения были хуже
некуда, натянутые,**

**даже враждебные, поэтому сей человек действовал на меня
отталкивающе. Перед**

**самым отъездом я виделся с Долорес Ибаррури. Я к ней
относился с большим**

**уважением и сохраняю это уважение сейчас. Она обратилась ко
мне с просьбой:**

**"Товарищ Хрущев, хорошо, если бы вы в речи или реплике,
выбрав момент,**

**заклеймили позором режим Франко в Испании". И я потом
постоянно думал, как**

**бы выступить, чтобы это не выглядело грубостью?
Грубость-то будет**

неизбежной, но допустимой для парламентарных порядков.

**Однако выпад я должен был сделать не против делегации
Испании, а против**

**ее политического режима, в пользу трудового народа Испании. И
когда я сидел**

и клевал носом в лысину представителя Испанского

государства, то вспоминал

Долорес и ее задание. Что касается делегации США, то хорошо запомнил, что в

ее составе были негры и среди них женщина, солидная и красивая негритянка.

Тут, конечно, состоялась как бы демонстрация того, что в США все люди

пользуются равными правами.

На официальное заседание я попал впервые. Я, человек старой,

дореволюционной формации, читал в свое время отчеты о заседаниях

Государственной думы и о том, как бурно они проходили, вплоть до удаления

делегатов из зала. Чаще других удаляли с заседания членов фракции

большевиков, наказывая их порою даже исключением из нескольких заседаний.

Теперь я впервые попал в место заседания представителей различных классов и

от государств с разным социально-политическим строем, следовательно, и с

различными пристрастиями. Их представители стояли на неодинаковых классовых

позициях, поэтому обострение обстановки было доведено до предела. Каждая

делегация вела себя в отношении ораторов и содержания их речей по-своему,

реагируя всеми доступными средствами, которыми могла

пользоваться.

Обсуждались все вопросы очень бурно. Представители тех или других

государств поддерживали те предложения, которые им импонировали. Если это

был представитель социалистической страны, то мы, конечно, стояли за него и

вообще поддерживали все предложения, выгодные социалистическим или

неприсоединившимся странам. То были не просто выступления, а сплошной азарт,

ажиотаж с большим накалом страстей. Представители буржуазных стран шумели,

стучали о свои пюпитры, подавали реплики, устраивали обструкцию ораторам в

том месте их речей, которое считали неприемлемым. Мы стали платить им той же

монетой. Я впервые в жизни побывал на таком заседании, но быстро перенял

форму протеста и стал участвовать в этом, поднимая шум, стуча ногами и пр.

Очередь слушания нашего вопроса была не близкой, и мы пока участвовали в

обсуждении других вопросов, брали слово для реплик, для выступлений. От

Советского Союза выступал я. Возникало много интересных ситуаций. При

обсуждении какого-то вопроса выступил представитель Филиппин. Мне

показалось, что он молод, но европейцам очень трудно
разобраться в возрасте

представителей Азии. Я, например, попадал иной раз в
затруднение, встречаясь

с китайцами. Мне казалось, что собеседник очень молод, а потом
оказывалось,

что он человек, уже поживший на свете. Филиппинец
выступал с речью,

направленной в поддержку политики США, выставя себя
эдаким прихвостнем

американского империализма. Я резко выступил против него
с позиции

социалистических стран. Не помню аргументации, которой я
пользовался, но

помню, что употребил выражение: "Мы еще вам покажем
кузькину мать!(5)".

Имелся в виду "показ кузькиной матери" в вопросах
экономики, культуры,

демократического и социально-политического развития наших
стран. Тот опешил.

А спустя какое-то время снова взял слово: "Выступая здесь,
господин Хрущев

употребил выражение, которое мне перевели. Я перелистал
много словарей, но

так и не смог разобраться, что это значит, какое значение
имеет его

выражение?". Наша делегация засмеялась. Он не первый не
сумел перевести эту

фразу. Когда-то американцы тоже задавали мне вопрос: "Что
это такое?". И

переводили буквально: "Мать Кузьмы".

Возникали и комедийные ситуации. Мы занимали твердую позицию и когда

хотели выразить протест, то действовали так, как считали нужным, с тем чтобы

это производило впечатление. Спокойно высказывали свою точку зрения,

подчеркивали нашу политическую независимость в том смысле, что у нас нет

никакого даже намека на преклонение или боязнь в отношении США. Они-то

давили на малые страны, просто властвовали над ними, держа их за горло

кредитами и вооруженным вмешательством в их дела. В перерыве в кулуарах зала

ко мне подошел тот самый филиппинец, подал руку и сказал: "Вы меня не так

поняли, я не хотел причинить какого-то ущерба Советскому Союзу". Ну и ладно!

А при обсуждении тех или иных вопросов для выступающих действует особый

порядок. Ораторы записываются, очередь может быть очень длинной, пока

подойдет твой черед, страсти остынут. На реплики давали две-три минуты

сейчас же: как только оратор заканчивал выступление, объявляли: "Слово имеет

такой-то делегат в порядке реплики". Эту удобную форму мы и использовали,

потому что сразу получали возможность остро реагировать на вопросы, которые

ставили наши противники.

Обсуждался вопрос о колониях. Я взял слово для реплики и решил ее

использовать как раз с тем, чтобы выполнить поручение товарища Ибаррури.

Очень остро выступил против режима Франко(б), не называя его фамилии, но

охарактеризовал этот режим реакционным и кровавым. Употребил и прочие

выражения, которыми мы пользовались в печати и в своих выступлениях.

Получилось очень резко. Сейчас же выступил с репликой представитель Испании,

тот, который сидел у меня под носом. И после его выступления наша делегация

и делегаты других социалистических стран зашумели и застучали, хотя

некоторые улыбались. Видимо, они не принимали всерьез такой непарламентский

метод дискуссии. Вспомнив об отчетах о заседаниях Государственной думы в

России, я решил поддать жару, снял башмак и начал стучать по пюпитру, да

так, чтобы было погромче. Это вызвало бурную реакцию у журналистов и

фотографов*. Наши приятели после этого много шутили. Неру, встретившись со

**мной, заметил, что, может быть, и не следовало так поступать.
Я-то понимал**

**Неру. Он проводил политику нейтралитета, поэтому занимал
промежуточную**

**позицию между капиталистическими и социалистическими
странами и хотел играть**

**какую-то роль связующего моста, но с преобладанием личной
симпатии к нашей**

**политике по вопросам борьбы за обеспечение мира во всем
мире, за мирное**

**существование. Испанец, вернувшись, занял свое место.
Проявлялось столь**

**бурное выражение эмоций, особенно при репликах, что, даже
когда он садился,**

**мы перебросились колкостями. Хотя мы и не понимали друг
друга, но мимикой**

**выражали свое недовольство. Вдруг к нам подошел
полицейский, который**

**обслуживал заседание ООН. Эта полиция подчинена
генеральному секретарю ООН.**

**Здоровый такой верзила и, конечно, американец; подошел и
встал, как истукан,**

**между нами на случай, если дело дойдет до рукопашной.
Происходили случаи,**

**когда делегаты, схватываясь, применяли рукоприкладство. Не
помню, на какой**

**день нашего пребывания в США мы узнали, что приехала
делегация Кубы,**

**возглавляемая Фиделем Кастро. Американцы отнеслись к
этой делегации**

оскорбительно. А сделано это было так, как умеют делать в Америке. Кубинскую

делегацию выселили из гостиницы. Выселил, конечно, якобы ее владелец. Вроде

бы дело частное. Так, что правительство не несет никакой ответственности, не

вмешивается. Мне передали, что Кастро мечет гром и молнии, угрожая: если не

найдет пристанища для своей делегации, то как бывший партизан разобьет

палатку на площади около здания ООН и бу

дет там жить. Потом владелец какой-то гостиницы в Гарлеме(7)

-----* Н. С. Хрущев ошибся: стуком

башмака по попитру он реагировал на выступление представителя Филиппин, о

котором он говорит выше. В случае же с испанцем он ограничился кулаками,

которыми барабанил по попитру. Этот эпизод, в отличие от "ботиночного", был

запечатлен кинокамерами. В памяти Н. С. Хрущева эти два спора слились в

один. разместил делегацию Кубы у себя. Узнав о таком свинстве, проявленном в

отношении кубинской делегации, мы возмутились. Посоветовавшись с членами

нашей делегации, я предложил поехать в новую гостиницу с визитом, пожать

руку Фиделю, выразить ему свое уважение и сочувствие, нет, не

сочувствие, а

возмущение. Он человек волевой и вряд ли нуждался в сочувствии, а понимал,

что это является ответом американской реакции на политику, которую проводит

кубинское революционное правительство. Это он воспринимал гордо, поэтому для

него это было не унижением, а результатом его борьбы против дискриминации

его страны. Я попросил нашего представителя связаться с Кастро по телефону и

передать ему, что Хрущев хочет немедленно нанести ему визит. Так

практиковалось, многие делегации приезжали друг к другу с визитами. Мне

сказали, что Фидель благодарит за внимание, но хочет приехать сам. Он,

видимо, считал, что Советский Союз - великая страна, а Куба - молодое

революционное государство, поэтому он должен приехать первым, а уж потом с

ответным визитом может приехать и представитель СССР. Тогда я попросил

передать, что Хрущев уже выезжает, ибо считал, что именно мы первыми должны

нанести визит. Это подчеркивало нашу солидарность с Кубой и возмущение

дискриминацией, которая применялась к Кубе. И второе: кубинская делегация

расположилась в негритянском Гарлеме, владельцем гостиницы тоже был негр.

Тот факт, что кубинцы живут в Гарлеме, импонировал неграм, а прибытие

Хрущева в район, населенный неграми, для нанесения визита делегации Кубы

вообще носило демонстративный характер.

Я сообщил своей охране, что выезжаем. Охрана сейчас же обратилась к

начальнику отряда полиции, который был к нам приставлен. Нас сопровождали

полицейские мотоциклисты с необычайной трескотней. Их было довольно много.

Наши товарищи передали мне, что начальник охраны, которого я знал лично (он

охранял меня, еще когда я был гостем президента Эйзенхауэра), просит меня

туда не ездить, потому что в таком районе могут быть неприятности, и

всячески отговаривает. Это еще больше убедило меня в необходимости поехать,

иначе журналисты сразу же раззвонили бы на всю Америку, что Хрущев побоялся

негров или того, что там будет демонстрация, а может быть, нанесут ему

какое-то физическое оскорбление. Официально я имел право туда ехать, так как

район находился в пределах нашего свободного передвижения, и я попросил

передать начальнику группы полицейских, что использую свое право и поеду, а

он, если не хочет, может не ехать. Конечно, он поехал. Сразу же мне подали

машину, и мы отправились к гостинице, в которой располагался Кастро. Народу

там собралась масса, прежде всего журналистов. Уж и не знаю, какими

способами они обо всем всегда узнавали, но скрыться от них никуда было

нельзя. Они дежурили около нашей резиденции и следили за полицейскими. И

когда я приехал в Гарлем, там все было забито машинами. А раз приехало

столько фоторепортеров, кинооператоров и журналистов, то и иной народ

потянулся туда же, собралось огромное количество негритянского населения. Не

буду здесь говорить о внешнем виде этой части Нью-Йорка, он достаточно

хорошо описан, и люди, которые интересовались Америкой, имеют о том

представление. Когда мы подъехали к гостинице, у подъезда нас ожидал Кастро

с товарищами. Я впервые увидел его лично, и он произвел на меня сильное

впечатление: человек большого роста с черной бородой, приятное строгое лицо,

в котором светилась какая-то доброта. Она просто искрилась на его лице и в

глазах. Мы заключили друг друга в объятия (заключили - условное понятие,

принимая во внимание мой рост и рост Кастро). Он нагнулся надо мной, как бы

прикрыв меня своим телом. Хотя мой объем в ширину несколько больше, все

поглощал его рост. К тому же он человек, плотный для своего возраста. Затем

мы сразу же поднялись к нему в номер. Войдя в гостиницу, я тотчас

почувствовал, что там кроме негров никто не живет. Бедное старое здание,

воздух спертый, тяжелый. Видимо, мебель и постельные принадлежности

проветриваются недостаточно, может быть, они не первой или даже не второй

свежести... Мы зашли в его номер и перебросились несколькими фразами. Он

выразил удовольствие моим посещением, а я высказал слова солидарности и

одобрения его политики. Наша встреча была краткой, на этом, собственно, она

и закончилась, и я вернулся в свою резиденцию. Можете себе представить,

какой поднялся шум в американской печати! И не только в американской: это

нашло широкий отклик во всем мире. Отмечались грубость и дискриминация, кото

рые были допущены в отношении кубинской делегации, а также демонстративное

посещение Кастро делегацией Советского Союза. И, конечно, наши братские

объятия.

На следующий день мы прибыли в ООН еще до открытия заседания. Потом

приехала кубинская делегация. От нас она располагалась довольно далеко. Я

предложил подойти к ней и поздороваться. Мы демонстративно прошли почти

через весь зал заседаний и там поприветствовали друг друга. Обнявшись с

Кастро, вновь показали, что у нас складываются братские отношения и что мы

как друзья относимся к Кубе. Мы подчеркивали наше единство в вопросах борьбы

против империализма и колониализма, против агрессии империалистических

держав. Получилась хорошая демонстрация. Она тоже нашла соответствующий

отклик в печати. Конечно, печать реагировала по-разному: демократическая

печать приветствовала, буржуазная перемывала нам косточки. Но это тоже было

выражением своего отношения к нам и тоже шло нам на пользу.

Мое пребывание в Нью-Йорке затянулось, наша очередь для намеченного

выступления долго не подходила, обсуждались другие вопросы. По сложившейся

традиции вечерами шли взаимные приемы делегаций. Все

вечера после заседаний

были плотно заняты. Обязательно какая-то делегация приглашала нашу, потом мы

приглашали ее. Это было полезно. Появилась возможность установления широких

контактов. В другие страны ездить более сложно, а тут все в одном месте,

поэтому и устраивались такие взаимные приемы. Один раз ко мне на прием для

краткой беседы попросился наследный принц Марокко Хасан(8). Тогда он был

молодым человеком. Вообще-то приемы были тоже разные: одни проходили как

краткие встречи, другие - как званые обеды или ужины. Бывали ужины, на

которые приглашалась не одна делегация, а могли быть приглашены многие по

усмотрению того, кто делал приглашение. Такие ужины затягивались. В данном

случае наследного принца я принимал для беседы на кратком приеме. Мы

познакомились с ним, поговорили. Эта беседа представляла интерес для

начального установления контактов. Вскоре король Марокко, не приходя в

сознание, умер после операции, и Хасан II стал новым королем. Так

установился контакт, который потом развивался в хорошем направлении.

На этом форуме индийская делегация была представлена премьер-министром

Неру. Неру пригласил на прием только нашу делегацию. Мы с ним, сидя за

столиком, вели беседу в окружении своих делегаций, но никто не вмешивался в

разговор. Вот тогда-то он меня и расспрашивал подробно, как это мы решились

поплыть в Нью-Йорк на корабле и какая у нас была охрана. "Видимо, вас

сопровождали эсминцы и подводные лодки?". "Представьте себе, нет", - ответил

я. У него вытянулось лицо. И я пояснил, что это была бы какая-то особая

демонстрация, чего мы не хотели делать. Да и потом, какую же надо иметь

охрану, чтобы исключить любую возможность? Охрана вообще малоэффективна. Нас

сопровождали два эсминца до границ Европы. А когда мы вышли в открытый

океан, эсминцы дали прощальные гудки и развернулись, а мы последовали далее

своим курсом на пассажирском корабле. Рассказал я ему и о встрече с

подводной лодкой "неизвестной национальности", без флага. Неру был удивлен

тем, что мы решились на такое путешествие. "Это было небезопасно, имея в

виду отношения, которые у вас сложились с США", - сказал он. Потом стал

расспрашивать меня, как мы встречались в Женеве с делегацией США. Его

интересовал Аллен Даллес. "Как вы с Даллесом здоровались? Руку ему

подавали?". "Представьте себе, не только здоровались. Когда Эйзенхауэр дал

обед в нашу честь, то Эйзенхауэр, Даллес и я вообще сидели рядом". Он

по-особому улыбнулся, как это умел делать Неру, с такой деликатной

сдержанностью, с теплотой посмотрел на меня и произнес: "Не могу представить

себе картину: Хрущев с Даллесом сидят рядом и разговаривают". Конечно,

разговор наш был там довольно кратким: вопросы и ответы, дань вежливости,

вроде мы ведем какую-то беседу, а беседа-то и не вязалась. Она больше

касалась блюд, которые нам подавали: "Как вам нравится это блюдо? А это?

Какое вы предпочитаете?". Никакого другого разговора у нас с ним и не могло

состояться. Неру, конечно, понимал, что мы и янки - люди разных полюсов и

проявляем не дружбу, а нетерпимость. Особенно этим отличался Даллес, который

с ненавистью относился ко всему новому: к формированию собственных

политических взглядов в освободившихся от колониального гнета странах, к

социализму, ко всяким демократическим веяниям. Особенно он был нетерпим к

идеям коммунистических партий. Поэтому на лице Неру и проскальзывало

какое-то непонимание того, как столь разные люди могут не только

встречаться, а сидеть рядом за общим столом.

С Неру мы свободно обсуждали все интересующие нас вопросы. С Индией у нас

всегда были наилучшие отношения. Правда, никаких особенных впечатлений у

меня от бесед с Неру не осталось. Ведь вопросы, возникавшие между нашими

странами, разрешались легко и нормально, через дипломатические каналы. Но

это была приятная встреча, и она демонстрировала наши дружеские отношения.

Индия занимала положение лидера среди стран, которые освободились от

колонизаторов. Ее либеральная политика уважалась всеми странами, даже

колониальными метрополиями. Эта политика проявлялась в терпимости к

социально-политическим устройствам. Неру проводил линию мирного

сосуществования, экономических и культурных контактов между всеми странами.

И нам было выгодно демонстрировать дружбу с таким государством, хотелось,

чтобы на тот же путь стали и другие страны, особенно африканские, в которых

начался бурный процесс освобождения от чужого господства и завоевания

независимости. Странам, освободившимся от колониального гнета, тоже было

выгодно дружить с Советским Союзом: это обеспечивало им возможность

нормальных экономических и культурных отношений. Им можно было положиться на

Советский Союз: он всегда придет на помощь, а молодые государства в такой

помощи особенно нуждались.

Как раз когда мы прибыли в Нью-Йорк, Нигерия только что обрела

независимость(9) и прислала свою делегацию на Ассамблею ООН. Возглавлял ее

премьер-министр Балева. Потом он трагически закончил свою жизнь. Во время

переворота в Нигерии его похитили и убили. Этот премьер устроил прием. В

числе приглашенных был и я. Не помню, пришел ли один или с товарищем

Громько. Наверное, с Громько, потому что вряд ли нигерийцы сделали бы

исключение для нашего министра иностранных дел. Но сидели мы не рядом с

Андреем Андреевичем. Меня премьер Балева усадил напротив себя, рядом с

представителем Великобритании. Балева был тучный человек огромного роста.

Негр, но не с таким цветом лица, который я видел у сенегальцев - с синим

оттенком, а несколько светлее. Может быть, он был и не чистокровный негр, но

меня это вообще не интересовало. Конечно, он владел всеми манерами

европейского человека. Прием его ничем не отличался от других приемов, на

которые я приглашался. Держал он себя приветливо и дружелюбно.

Я был немного удивлен: зачем он, пригласив нашу делегацию, усадил нас

рядом с представителями Великобритании? Мы тогда с Нигерией еще и

дипломатических отношений не имели. Однако у нас возник большой интерес к

ней, и мы хотели установить с ней дружеские отношения. Мы понимали значение

этого огромного африканского государства: масса населения, богатые природные

ресурсы... Мы понимали также, что бывшие колонизаторы не сразу выпустят

Нигерию из своих рук. Она обрела юридическую независимость, но осталась в

экономическом плену, и они хотят удержать ее в своем лагере, продолжать

эксплуатировать богатства Нигерии и одновременно препятствовать развитию

освободительного движения, экономическому раскрепощению и переходу на

позицию борьбы за построение социализма. Впрочем, Балева был далек от этого:

богатый человек, принадлежащий к буржуазному классу. Он проводил политику

создания нового, независимого государства, но на капиталистической основе, и

очень внимательно, подчеркнуто внимательно, вел себя в отношении

Великобритании. По существу, независимость он получил от британской короны и

оставался сателлитом английского капитала вплоть до своего свержения.

Мы были глубоко убеждены в том, что все это там временные лица. Они

выросли в колониях, поддерживались колонизаторами. Во многих таких странах

даже офицеры в их армиях были британцами. Англия фактически владела там

реальной вооруженной силой и по сложившейся традиции поддерживала тесные

контакты с бывшим государством-колонией. Вот такое состоялось знакомство.

Когда нас пригласили к кофе, Балева подсел к нам. За этот же столик усадили

представителя Великобритании. Разговоры у нас велись самые общие, да иначе и

не могло быть, но нам было все же приятно. Приглашение советской делегации

означало, что Балева вынужден показать своему народу, что он имел контакт с

представителями СССР. Это говорило о том, что наша политика признавалась и в

Нигерии. Только это могло побудить Балева установить с нами контакты в

Нью-Йорке.

Я рассказываю тут о контактах с делегациями капиталистических стран, но

пока почти ничего не сказал о социалистических странах Европы. В то время у

нас имелись самые тесные контакты. Мы обсуждали между нашими делегациями

любые проблемы, и не было таких вопросов, по отношению к которым даже в

оттенках возникал бы различный подход. Мы выступали единым фронтом и даже

заранее распределяли роли, по какому вопросу какая делегация выступит и

какой вопрос она поднимет. Правда, уже образовывалось на горизонте новое

облачко, бросавшее тень на отношения с Румынией. Министр иностранных дел

Румынии (его фамилию сейчас не помню(10)) на меня производил впечатление

умного человека, хорошо разбирающегося в вопросах международной политики, и

вообще у меня к нему никаких претензий не было. И если я говорю о маленьком

сгущении тучек, отбрасывающих тень, то только потому, что некоторые из

представителей братских социалистических стран проявляли недовольство его

активностью. Он действительно проявлял чересчур большую активность, много

выступая с репликами. Обычно, если какая-то социалистическая делегация

хотела выступить с репликой, то предварительно ставила в известность

братские страны. Румынский же представитель этого не делал, а как бы

демонстрировал перед другими социалистическими делегациями свою полную

самостоятельность и независимость в таких случаях.

Я тогда ни к каким особым выводам не пришел и полагал, что это просто

специфика характера. И потому думал, что в этом вообще нет ничего

особенного. Не считал нужным давить на сознание представителей Румынского

государства, не хотел создавать впечатление какой-то зависимости от нас.

Желание показать, что Румыния имеет полную независимость в политике, меня

вовсе не задевало. Но некоторых других это трогало, и в его адрес

высказывались иной раз неодобрительные замечания такого типа: "Вот

выскачка!". По постановке же вопросов и реплик румыны ни в какой степени не

выходили за рамки понимания всех проблем другими социалистическими странами

Европы. И их вопросы, и реплики вполне укладывались в наше понимание, а не

торчали какими-то углами, задевавшими нашу общую политику. Нет, такого еще

не было! Так что я спокойно относился к такой активности. Признаться, он мне

даже нравился: молодой человек показывает свои возможности, хорошо

разбирается во всех вопросах, своевременно и остро реагирует, в такт подает

нужные реплики.

Я уже говорил, что, когда выбирали спикера на сессии Генеральной

Ассамблеи, мы выступили против представителя Ирландии. Но потом этот спикер

показал умение и объективность в руководстве заседаниями. Мы даже пригласили

его к себе на ужин, после чего состоялся обмен мнениями. Мне он понравился.

У нас с Ирландией особых контактов не было, но мы сочувствовали ирландцам,

сражавшимся с англичанами за независимость своего острова. Наше сочувствие

оставалось на их стороне и после того, как основная часть острова обрела

независимость. Однако люди, пришедшие там к руководству, в ответ не

сочувствовали нашей политике. А встречу со спикером мы организовали по

рекомендации Андрея Андреевича. Это были шаги Громыко по дипломатической

линии. Видимо, он усматривал в том какую-то перспективу, какие-то

возможности на будущее. Впрочем, и мне тоже было интересно встретиться и

ближе познакомиться с представителем Ирландии.

В выходные дни Генеральная Ассамблея не заседала. Наше представительство

владело замечательным загородным особняком - дачей в советском понимании. Но

выехать туда я без разрешения властей не мог. Мне подсказали, что если мы

обратимся за разрешением, то, безусловно, его получим. Я подумал-подумал, а

стоит ли обращаться по такому вопросу? И в конце концов пришел к выводу, что

это не затрагивает нашей чести, просто необходимо считаться с законами той

страны, в которой пребываешь. Другого-то выхода все равно не было: либо

сидеть взаперти, либо обратиться за формальным разрешением. Получив его, мы

отправились за город. Но что значит - отправились? Это же не сел в машину и

поехал... Нас сопровождала американская полиция. Получилась довольно сложная

кавалькада. Это привлекло внимание, по пути собирались группы людей. Они

выражали свое отношение к нашей делегации, причем в большинстве случаев

реакция была недружественной: и языки показывали, и несли плакаты с

враждебными к СССР и ко мне надписями. Полицейские машины сопровождали нас

до самой загородной резиденции. Там роскошный парк и очень богатое

помещение, условия для отдыха отличные. Когда мы гуляли, тоже не раз слышали

свистки и автомобильные сигналы. Меньшиков объяснял мне, что это форма

выражения протеста в наш адрес: так янки выражали свое негодование в связи с

нашим пребыванием в Америке. Вот следствие нашего конфликта, возникшего

из-за сбитого нами самолета У-2. США совершили агрессивный акт против

Советского Союза, но их обыватель реагировал по-своему. Он был хорошо

обработан. Правда, я видел и отдельные проявления дружеского отношения, были

даже приветствия, но редко.

К своим выступлениям готовились также братские Украина и Белоруссия. Я

придавал большое значение этим выступлениям и, исходя из политических

соображений, попросил руководителей их делегаций выступать на своих родных

языках. Не помню, какую тему они затронули. Ведь то было декларативное

выступление, которое какого-либо влияния на развитие событий не могло

оказать. Но звучал голос советского содружества, который мог найти отголосок

у трудового народа США. Особенно я рассчитывал на эффект выступления

представителя Украины. В США и Канаде жило много украинцев. Там и сейчас

проживают их сотни тысяч. И я был убежден, что если будет транслироваться

украинская речь, то ее станут слушать многие американцы украинского

происхождения. Белорусов там было меньше, но тоже достаточное количество. И

они также были потенциальными слушателями. В царское время западные губернии

России были бедными, там наблюдался излишек рабочих рук, их обладатели

искали приложения своих сил за пределами Родины, стремясь заработать на хлеб

насущный, и эмигрировали...

Настал день их выступлений. Украинцы поступили, как я советовал, а с

Белоруссией не получилось. Я был очень огорчен. "Мы не можем подготовить

текст на белорусском языке, - оправдывались представители БССР, - даже

пишущей машинки нет с белорусским шрифтом". "Если не можете, то другого

выхода, конечно, нет, но это наносит ущерб национальной политике. Враги

советской системы используют данный факт в пропаганде: нет у союзных

республик никаких прав, все там делается для показа за границе, сплошная

фикция. Русские подавляют всех, и даже на таком международном форуме, как

сессия ООН, ее член выступает не на своем родном языке, а на русском".

Думаю, что это понимал и представитель Белоруссии, но он не был лично

подготовлен, не знал толком своего языка. Выступления же их, и то, и другое,

по содержанию были хорошими, отвечали целям нашей политики и были

доброжелательно встречены. Что значит доброжелательно? Это - условное

понятие, не то, что у нас. Выступил кто-то на собрании, и иной раз,

независимо от содержания речи, зал приветствует. А там принимают по-разному:

одни терпимо, другие с радостью, третьи враждебно - черта всякого

**буржуазного парламента, тем более такого форума, как
Генеральная Ассамблея**

ООН. Так что я говорю о приеме речей в целом.

**Мы часто устраивали внутренние совещания делегации
СССР с делегациями**

**УССР и БССР. Проводили совещания и с представителями
других социалистических**

**стран. Действовали хорошие контакты, и мы все проводили
согласованную**

**политику. Между прочим, иногда не были уверены, что нас не
подслушивают.**

**Поэтому при обсуждении коренных вопросов принимали
специальные меры. Часть**

**таких вопросов обсуждали за городом, во время прогулок. Но
туда мы выезжали**

**только в выходные дни. А вопросы порою возникали каждый
день. Тут мы**

**принимали особые технические меры для создания помех,
для глушения**

подслушивающих аппаратов.

**Мое пребывание в Нью-Йорке затянулось, восприятие
событий потеряло свою**

**остроту, но я не мог подняться и уехать. Нами был
подготовлен вопрос о**

**предоставлении независимости колониям. Я был записан в
качестве докладчика.**

**Было бы неправильным, не сделав доклад, убыть. Это значило
бы расписаться в**

том, что мы не придавали этому вопросу серьезного значения,

что было бы

плохо расценено колониальными народами. И вот настал день нашего доклада. Он

длился более двух часов. Подготовили его хорошо, текст получился

содержательным и произвел положительное впечатление. Принят же он был,

конечно, по-разному. Одни реагировали с восторгом, и в ходе доклада я слышал

звуки одобрения от части делегатов; другие восприняли его враждебно. Это

вполне понятно. Там было, как в парламенте буржуазной страны, состоящем из

представителей различных классов. Любой обсуждаемый вопрос всегда служит

интересам одного или другого класса. Поэтому по-разному воспринимается и

каждый вопрос. Колонизаторы без всякого энтузиазма слушали мой доклад, а

посланцы освободившихся народов или тех, которые еще находились на положении

колоний, сочувствовали моему выступлению.

Мы достигли своей цели, поставив сей вопрос от имени Советского Союза.

Хороший вопрос! И он оставил свой след, был по-доброму принят многими

народами, на что мы и рассчитывали. Обсуждение доклада проходило

содержательно и остро. Настало время формулировать

резолюцию. Разработали ее

мы. Теперь уже не помню деталей процедуры согласовывания. Признанным

мастером по этим делам был Громыко, в чем он имел многолетний опыт, начиная

с самого учреждения ООН, когда он присутствовал на учредительном заседании

как заместитель министра иностранных дел СССР. А возглавлял нашу делегацию

Молотов. Да, Громыко хорошо знал всю "кухню". В ходе обсуждения резолюции

США не выступали против, но пошли по линии выхолащивания остроты из

Декларации. Мы это предвидели и поставили США перед дилеммой: выступить

против наших предложений - значит объединиться с колонизаторами,

противопоставить себя народам огромных континентов, особенно Африки;

поддержав же нас, они затронули бы интересы своих союзников -

Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Нидерландов, Бельгии.

Мы заранее чувствовали, что США не смогут демонстративно проголосовать

против нас и будут вынуждены скрепя сердце голосовать вместе с нами. При

закулисном обмене мнениями выяснилось, что за Декларацию будут голосовать не

только США, но даже Англия и Франция, ибо они уже встали на путь

предоставления своим колониям государственной независимости. Противниками

наших предложений оставались Испания и Португалия. Когда Андрей Андреевич

Громыко сказал, что США, Франция и Англия не станут голосовать против нашего

текста, это, конечно, было победой. Но с точки зрения достижения эффекта мы

своей цели достигали, даже если бы они решили высказаться против. Это

придало бы еще больше остроты постановке вопроса о ликвидации колониальных

режимов. Так жизнь подтверждала правильность марксистско-ленинского учения

по национальному вопросу.

Нам происходящее было очень приятно. Мы добились своей цели, наша

политика получила признание и у народов, завоевавших независимость, и у

народов, которые еще борются за независимость. Они сразу увидели, кто их

друг, а кто враг. Социалистические страны первыми подняли свой голос в их

защиту. Советский Союз проводит внутри страны политику равноправия между

народами, за нее же он борется и в международном масштабе. И вот при

голосовании абсолютное большинство стран высказалось за принятие Декларации

и соответствующей резолюции(11). Кажется, ряд стран воздержался, потому что

голосовать "за" не хотели, а "против" - значит выставить себя в дурном

свете(12). Мы получили большое политическое удовлетворение от самой

постановки этого вопроса и приобрели еще больше симпатий среди угнетенных.

С делегацией США на той сессии мы не поддерживали никаких контактов.

Выступал там и Китай, как называли Тайвань. Мы, конечно, душой и телом были

преданы КНР. Поэтому, когда выступал представитель Тайваня, делали все, что

было доступно, для выражения своего презрения к нему: устраивали обструкцию,

топали ногами. И не только наша делегация, таких было много. Использовали мы

и другие способы выражения протеста, хотя в таком огромном помещении наш

способ все-таки не производил сильного эффекта. На всех заседаниях мы

выступали с предложением лишить мандата представителя Тайваня и передать его

Народному Китаю, который еще не входил в ООН. Но большинства голосов мы не

собирали, хотя, признаться, я питал надежду, что теперь изменилась

расстановка сил и создалась реальная возможность принять решение о лишении

Тайваня мандата. К сожалению, ряд малых стран, которые юридически уже

получили свободу, фактически еще находились под влиянием бывших хозяев и не

раз голосовали вместе со своими господами, у которых ранее были на положении

полурабов.

Во время моего пребывания в Нью-Йорке у нас разгорелся большой скандал с

Хаммаршельдом, по национальности шведом. Мы его знали и одно время

относились к нему неплохо, поддерживали его кандидатуру, когда она была

выдвинута на пост генерального секретаря ООН после того, как его занимал

норвежец социал-демократ Трюгве Ли(13). Не знаю, из-за чего у нас

обострились отношения с Ли. Это было еще во времена Сталина. Когда я

находился в Норвегии, то мне хвалили Ли и говорили, что он хорошо относится

к Советскому Союзу. Но так уж сложились обстоятельства. Это очень трудный

пост - генеральный секретарь ООН, с массой сложной работы. Была выдвинута

кандидатура Хаммаршельда, мы согласились. А когда в Конго обострились

внутренние столкновения, мы посчитали, что Хаммаршельд недостаточно

поддерживает интересы стран, борющихся против колониализма. У нас возникла

идея: чтобы в ООН в равной степени отражались интересы трех группировок

стран в мире - капиталистических, социалистических и "промежуточных",

недавно получивших независимость, но еще не определивших своего социального

выбора, - вместо одного генсека, единолично возглавляющего аппарат ООН,

иметь трех лиц. Один будет от стран капиталистического лагеря, другой - от

социалистического, третий - от освободившихся стран. Эту идею выдвинул лично

я и горячо ее поддерживал. Но многие люди доказывали мне, что это

невозможно, ибо будут заморожены все дела, нельзя будет продвинуть вообще

никакого вопроса. Я же доказывал свою правоту.

Мои коллеги в руководстве, в том числе Громыко, поддерживали мое

предложение. Ну что значит - заморозить? И почему следует бояться тройки?

Ведь существует же нечто подобное в ООН - Совет Безопасности, который

состоит из полутора десятков человек, причем пять стран там незаменимы и не

переизбираются. Главные вопросы решаются именно этими пятью странами, и если

одна голосует против, то дело считается непринятым. Такую же процедуру можно

завести и для текущих вопросов. Текущие вопросы тоже имеют большое значение.

Секретариат ООН управляет войсками ООН. Они как раз находились в некоторых

странах, включая Конго. От Секретариата зависело и то, какие даются

директивы, какие назначаются люди на командные посты, какая будет

проводиться повседневная политика. Поэтому я и считал, что надо иметь

тройку, которая станет руководить всеми делами с учетом интересов каждой

группировки. Конечно, вопросы станут решаться медленнее. Но иной раз это

даже хорошо, соответствует конкретным интересам стран. У нас не было надежды

выдвинуть на пост генерального секретаря ООН кого-нибудь из коммунистов или

хотя бы представителя некоммунистов от социалистических стран. Этого там не

допустили бы. Значит, наши противники преследовали определенную политическую

цель, подбирая свою кандидатуру на данный пост. Так почему бы нам не

противопоставить им свою кандидатуру, не выдвинуть своего представителя?

Тогда без согласия нашего представителя в тройке не могло бы быть принято

решение, направленное против интересов социалистических стран.

Соответственно это же касается неприсоединившихся государств и

капиталистических держав.

При выборах произошла очень большая перепалка. В результате мы с

Хаммаршельдом навсегда испортили отношения, и до конца его службы и до

предела возможного. Вот такое обострение произошло на сессии. К сожалению,

еще когда мы зондировали почву, то не смогли продвинуть свою идею.

Империалистические державы были против и увлекли за собой страны, которые

занимали позицию неприсоединения к блокам, поскольку, например, Швеция

формально тоже неприсоединившаяся страна. Наше предложение не нашло

поддержки, и мы вынуждены были переориентироваться.

Когда Хаммаршельд улетел в Конго, где велись бои между сторонниками

Лумумбы и сторонниками Чомбе - личности, представлявшей интересы

монополистических кругов Бельгии, его временно замещал У Тан(14).

Хаммаршельд отправился туда познакомиться с ситуацией

на месте. Наши

разведчики докладывали мне, что его самолет сбили
зенитчики из войск

Лумумбы, Хаммаршельд погиб. Когда Хаммаршельд погиб
при авиационной

катастрофе, то при выборах нового генерального секретаря
возникла

кандидатура У Тана. Я не помню, кто первым ее назвал. С У
Таном я был

знаком. Он являлся представителем Бирмы, а с Бирмой у нас
были тогда хорошие

отношения, да и сейчас они дружеские. Мы полагали, что
представитель Бирмы

станет проводить более эластичную политику, во всяком
случае не будет

допускать политики, наносящей ущерб социалистическим и
неприсоединившимся

странам. И мы, как потом выяснилось, не ошиблись.

Так как в ходе выборов возникла опять обостренность, то все
договорились

избрать У Тана временно, с тем чтобы позже вернуться к этому
вопросу. У Тан

отбыл временный срок и показал себя принципиальным
человеком. Он не шел на

поводу у США, проводил политику с учетом интересов всех
стран. Тогда мы

изменили свою линию. Вначале, когда разрабатывалась наша
директива, Громыко

предложил повторно голосовать за У Тана как за временного

генсека. Но я

сказал: "Давайте проголосуем без оговорок и выдвинем его генсеком так же,

как до него избирались другие". Андрей Андреевич удивленно посмотрел на

меня, и я ему объяснил: "Сейчас лучшего кандидата, чем У Тан, мы не найдем,

наша иная идея опять будет провалена, поэтому и не следует выдвигать никого

другого. Давайте сойдемся на У Тане". И мы проголосовали за него. У Тан был,

конечно, очень доволен. Он обрел наше признание как признание правильности

его политики. Мы не имели к нему претензий.

Претензий... А что такое претензии с нашей стороны? Если бы мы подходили

к вопросу с чисто классовой позиции, то его деятельность, конечно, не

удовлетворяла бы наших запросов. Принимая же во внимание характер данного

международного учреждения, в котором водятся, как говорится, семь пар чистых

и семь пар нечистых и еще есть "промежуточные", проводить политику,

удовлетворяющую абсолютно всех, просто невозможно. Там нужны большая

гибкость и очень проницательный ум. Надо не усложнять вопросов, не обострять

отношений, а уметь сглаживать углы, придерживаясь, однако,

определенной

позиции. Думаю, что У Тан хорошо справился со своей задачей. Он не раз

конфликтовал с США. ООН приходится решать проблемы, которые затрагивают

интересы всех стран. Здесь требуются тщательно подобранные люди, которые

пользовались бы всеобщим доверием. Я уж не говорю об абсолютном одобрении.

Доверие может быть, но абсолютного одобрения действий генсека ООН никогда не

будет, это невозможно. У Тан, по-моему, как раз удачная кандидатура. И он

толково справляется со своими обязанностями.

Что касается ООН в целом, то мое отношение к этому учреждению таково. Я

оцениваю его деятельность положительно, хотя, как свидетельствует история,

решение им многих вопросов нас абсолютно не удовлетворяет или даже

противоречит нашим интересам. К примеру, китайский вопрос. Но ООН - полезное

учреждение. Его создали по инициативе Франклина Рузвельта, что было

поддержано нами в период, когда советскую политику определял еще Сталин.

После второй мировой войны наша страна получила достойное признание. Все

убедились, что она не "колосс на глиняных ногах", как

утверждали некоторые.

Это выражение особенно нравилось Гитлеру, и он убедил себя, что стоит только

двинуть немецкие войска и ударить по этому колоссу, как тот раскиснет и

развалится. Чем это кончилось, теперь известно всему миру. К сожалению, не

все политики усвоили урок должным образом. Кое-кто еще продолжает питать

надежду, что можно выиграть у СССР третью мировую войну. Правда, грубо

говоря, таких дураков становится с каждым днем все меньше и меньше. Даже

агрессоры из агрессоров, ненавидящие наш строй, вынуждены публично признать,

что стереть в войне с лупа земли страну, руководствующуюся

марксистско-ленинским учением и создавшую новое общество, невозможно. Хочешь

не хочешь, признаешь или не признаешь мирное сосуществование, но жизнь

требует того, другого выхода нет: или мирное сосуществование, или

кровавопролитная и бесперспективная война. Наши классовые враги нехотя

вынуждены примириться с существованием социалистических стран.

Международные проблемы ручейками стекаются в огромный бассейн -

Организацию Объединенных Наций. Считаю это учреждение необходимым.

Придумавшие его люди руководствовались правильными идеями. Есть, правда, и

противники у этого органа. Например, КНР занимает такую позицию. Полагаю,

что она занимает такую позицию потому, что ее не признали. Конечно,

неразумно, что Китай не является членом Совета Безопасности, а его место там

занимает сейчас чанкайшистский отщепенец, который проводит проамериканскую

политику. Но это - временное явление. Рано или поздно Народный Китай войдет

в Объединенные Нации. Надеюсь, к тому времени он вернется на разумные

позиции, которых некогда придерживались ее руководители.

Много вопросов решается в ООН. Самое главное, что ООН дает возможность

обсуждать все возникающие вопросы и вести международный обмен мнениями. Это

имеет свою положительную сторону, хотя не всегда принимаются нужные решения.

Я уже говорил, что следует понимать под правильным решением в условиях,

когда собираются люди противоположных политических взглядов, преследующие

совершенно разные цели. Однако есть вопрос, который интересует все народы

независимо от социально-политического устройства их государств: обеспечение

мира. Собственно, для данной цели и создана ООН, хотя и по этому вопросу

существуют разные точки зрения. Все хотят мира, но не все считают мир

полезным. Некоторые добиваются такого мира, который удовлетворял бы их

политические запросы, способствовал бы укреплению капиталистической системы.

Мы со своей стороны занимаем иную позицию и считаем, что настанет такое

время, когда весь мир будет представлять единое, органическое целое, в

котором народы придут к общественному строю, теоретически опирающемуся на

марксистско-ленинское учение. Тогда ни в одной стране не будет

эксплуататоров и эксплуатируемых, будут ликвидированы несправедливые

отношения между людьми. А потом возникнет и вообще новое, еще невиданное

общество на коммунистических началах.

Но это в будущем, а живем мы сегодня. И все возникающие вопросы сегодня

решаются в ООН. Возникают разные проблемы, и каждая страна подходит к их

решению по-своему. Однако климат, который сам собой создается при

**обсуждении, охлаждает ретивых и сдерживает нетерпимых. Так
возникают условия**

**равновесия. Общемировой корабль ООН продолжает
плавание в мировом**

**общественном океане. Мне могут сказать, что был неудачный
предшественник -**

**Лига Наций. Она не сыграла нужной роли, не остановила
развязывание второй**

**мировой войны. Но другое было тогда время. Существовал
единственный**

**социалистический остров - Советский Союз, против которого
объединились все.**

**Некоторые же страны вообще не входили в Лигу Наций,
например США. Потом из**

**нее ушла фашистская Германия, которая окрепла и считала, что
может развязать**

**и выиграть мировую войну. Нас же недруги исключили из Лиги
Наций(15) в силу**

сложившихся обстоятельств.

**Условия, в которых мы живем сейчас, и условия, в которых
существовала**

**Лига Наций, совершенно непохожи. В то время
капиталистическая система была**

**могучей, она определяла линию войны или мира. Советский
Союз особенно не**

**брался даже в расчет и считался "колоссом на глиняных
ногах". Теперь**

**ситуация изменилась. Напомню о том, что сказал мне в Женеве
Макмиллан. То**

**была дружеская беседа, и он с грустью в голосе говорил:
"Господин Хрущев,**

**теперь Великобритания - уже не та Великобритания, которая
слыла владычицей**

**морей. Теперь не мы определяем мировую политику. Теперь
самые мощные**

**государства - США и СССР". То же самое, хотя и в других
выражениях, повторял**

**такой умнейший политик, как генерал де Голль. Имею в виду
политику, которую**

**он проводил, когда возглавлял Французское государство. В
отношении**

**внутренних вопросов я, конечно, качества умнейшего лица за
де Голлем не**

**признаю, потому что он был буржуазным лидером и верно
служил своему классу**

**со всеми вытекающими из этого последствиями. В вопросе же
верной оценки**

**Советского Союза отдаю ему должное. Он повторил почти ту же
фразу, что и**

**Макмиллан. Потом в близких выражениях это признал
президент США Кеннеди. А**

**из всех президентов США, с которыми я как-то сталкивался, он
был умнейшим.**

**Пусть меня правильно поймут мои собратья-коммунисты.
Пусть не укоряют,**

**что Хрущев лестно отзывается о покойном президенте Кеннеди.
Когда воздается**

**должное, это не принижает того лица, кто это говорит, и не
служит возвышению**

враждебной нам социально-политической системы. Да, Кеннеди - капиталист, он

представлял интересы капиталистов и был верен своему классу до последних

дней жизни. Но в вопросе определения международной политики занимал четко

обозначенное поле, стремясь обеспечить мир на Земле. Надо учитывать, в какое

время мы живем, какое складывается соотношение сил капиталистических,

социалистических и неприсоединившихся стран. Трудно сказать, что имеет

решающее значение: голосование или наличие оружия? Раньше побеждала та

страна, которая имела больше оружия и умела лучше его использовать. Сейчас

можно иметь больше оружия, но проиграть войну. Тут особенно важно не

просчитаться.

Джон Кеннеди правильно понимал расстановку сил в мире, умел правильно

разбираться в этой арифметике, в небольших, но решающих числах. Сейчас

прошло время, когда определение политического курса, быть войне или нет,

зависело прежде всего от США и их союзников. Мы живем в дни, когда

социалистические страны набрали экономическую мощь, обладают научными и

техническими знаниями, современными средствами ведения войны. Поэтому

классовые враги вынуждены признавать социалистические страны, а среди них

первую скрипку играет СССР как наиболее мощная держава, обладающая новейшим

оружием. Кеннеди, признав это, заявил, что США обладают средствами,

позволяющими уничтожить нас дважды, а СССР может уничтожить Америку

единожды, но тоже уничтожить. Так что второго раза не потребуется. Разумным

людям дико восторгаться тем, что они имеют возможность уничтожить кого-то

дважды. Для тех, кто погибнет в схватке, утешения не будет ни той, ни другой

стороне. Каков же вывод? Разумный вывод один: обеспечить мирное

сосуществование и предоставить возможность всем народам устраивать свою

жизнь по собственному усмотрению.

Признание этого еще не означает, что все само собой покатится под горку,

по смазанным рельсам. Нет, новый процесс будет идти с трениями, с

конфликтами, возможно, даже с местными военными столкновениями. Они и сейчас

происходят. После второй мировой войны не было длительных передышек, когда

бы молчали орудия, не трещали пулеметы, не сбрасывались бомбы. Это были

локальные столкновения, а агрессивные силы, участвующие в них, вынуждены

были оглядываться, как бы не перейти грани, не развязать третью мировую

войну и не сгореть в ней. Может ли локальная война перерасти в мировой

пожар? Да. Следовательно, самое умное - не допускать вооруженных

столкновений вообще, для чего надо не вмешиваться во внутренние дела других

государств. Лучше всего было бы ликвидировать военные блоки и не держать

никаких войск на чужой территории. Самым реальным было бы всеобщее

разоружение, переход к положению, когда страны не имеют армий и не

производят оружия. В государствах достаточно внутренних полицейских сил для

поддержания порядка. Правда, это пока еще далекое завтра. А сегодня мы живем

в реальном мире и должны исходить из реалий при оформлении своих отношений.

Вот почему ООН - очень полезное учреждение. Оно не разрешает

противоречий, но умеряет страсти разгоряченных. Они начинают вернее ощущать

сложившиеся международные условия. Представители разных стран воздействуют

друг на друга. Если образно выражаться, там стираются грани. Не

социально-политические грани, а наросты, угрожающие войной. Все получают

соответствующий душ и успокаиваются, бывают вынуждены правильно оценить

ситуацию, попридержать свой пыл. Вот как я понимаю значение Организации

Объединенных Наций. Это учреждение борется за то, чтобы обеспечить мир. Дает

ли ООН гарантию, что новой мировой войны уже не будет? Самым глупым было бы

такое понимание дел и самым глупым был бы человек, который бы так подумал.

Нет, не дает! Данное учреждение сдерживает, но не удерживает полностью.

Однако и этого достаточно, потому что, сдержав, можно и удержать. К

сожалению, ООН еще не позволяет нам спать спокойно: раз ООН существует, то и

войны не будет. Жизнь показала, что такое суждение было бы ошибочным. Думаю,

что людей, которые бы так понимали роль ООН, вообще нет. Тем не менее мы

обязаны признать полезность этого учреждения: там сходятся люди для

обсуждения назревших вопросов. ООН - это лучшее, что можно придумать в

современных условиях.

Иное дело, что в качестве места расположения аппарата ООН избран был

Нью-Йорк. Это была ошибка. А ошибку совершили мы. В то время, когда

определялось местонахождение ООН, Сталин имел решающий голос. Спор шел между

США и Великобританией, между Рузвельтом и Черчиллем, а Сталин как третье

лицо выбирал, на чьи весы положить голос Советского Союза, и отдал его в

пользу США. Сталин хотел задобрить Рузвельта. Так и получилось, но

исторически произошла ошибка, хотя в ней я Сталина не обвиняю. Мы все тогда

были такого же мнения. Ведь из буржуазных стран США имели наибольшие

буржуазно-демократические свободы и не имели колоний. К тому же они были

удалены от Советского Союза, Западной Европы, Азии и Африки. Поэтому мы не

увидели лучшего места для размещения штаб-квартиры ООН. Если говорить о

сегодняшнем дне, то всем было бы лучше, если бы ООН располагалась в Европе.

Но тогда оценивалось, что Европа начинена взрывным материалом, тут

развязываются войны. А теперь США проводят жандармскую политику, служат

мировым жандармом, и условия работы ООН в Америке - не самые лучшие. Гораздо

полезнее, если бы ООН располагалась в такой классической капиталистической

стране, как Англия. Я уж не говорю о Швейцарии.

Когда мы спорили по германскому вопросу и насчет Западного Берлина, то

обращались с таким предложением: "Давайте перенесем ООН в Западный Берлин,

тем самым он приобретет особое международное значение". Но это предложение

не нашло понимания у наших партнеров. Не найдет оно понимания и сейчас, ибо

выбивает почву из-под ног тех, кто хочет отдать Западный Берлин ФРГ. Не

знаю, наступит ли вообще время, когда народы признают необходимость

перемещения ООН в другую страну. Сейчас африканские страны почти все уже

освободились от старого колониализма. А там живут народы с черной кожей.

Приезжать им в США, где они не признаются за настоящих людей и где

сохранилась дискриминация, трудно. Такое отношение человека к человеку

вообще недопустимо. А когда подобную политику проводит государство, в

котором расположена ООН, - вдвойне! Это нетерпимая ситуация. Поэтому я

считал бы необходимым даже сейчас, несмотря на большие затраты, перенести

оттуда штаб-квартиру ООН. Считаю, что политически это оправдалось бы.

Правда, сегодня это уже не столь острый вопрос. Будет ли он решен в будущем,

трудно сказать. Не хочу гадать, история покажет.

На этом можно было бы поставить точку, но мне на память пришел еще один

эпизод, связанный с нашим путешествием в ООН. Когда мы прибыли в Нью-Йорк,

мне доложили о чрезвычайном происшествии на корабле. Оно заключалось в том,

что один матрос покинул корабль и не вернулся, а пошел в полицию США и

попросил политического убежища. Люди, сообщившие мне эту новость, были в

страшном волнении. Я их успокоил и попросил не придавать делу большого

значения: "Ну, и что же? Ушел и ушел. Пусть попробует капиталистических

хлебов, узнает, почему они в Нью-Йорке и каковы на вкус!". Я, конечно, знал,

что меня вскоре встретят журналисты, которые всегда неотступно сопровождали

нас. Надо было подготовиться к ответу. И верно, при первой же встрече мне

задали вопрос: "Господин Хрущев, как вы смотрите на то, что матрос с вашего

корабля попросил убежища в Соединенных Штатах?". Отвечаю: "Мне докладывали

об этом. Сожалею о происшедшем. Он человек неопытный, не имеет особой

трудовой квалификации, и я сочувствую ему. Очень тяжело ему будет

приспосабливаться к американским условиям жизни, ничего ведь нет у него за

душой. Глупо он поступил, необдуманно. Если бы он мне сказал, что хочет

остаться, а бы оказал ему какую-то помощь на первых порах". Весь накал,

который был у журналистов, сразу исчез. Они ожидали совсем другой реакции с

моей стороны, полагали, что я буду чернить этого человека, осуждать его и

пр. Ждали чего угодно, но только не того, что услышали. Так провалилась

сенсация, и журналисты не смогли заработать на этом деле.

А вот еще памятный случай. Меня он душевно тронул. Около моей резиденции,

на большой улице, в угловом доме, всегда толпились корреспонденты. Не знаю,

сколько их там было, но не меньше нескольких десятков. Некоторые там и

ночевали, не отходя от места. Фотокорреспонденты и кинокамерщики

регистрировали буквально каждый мой шаг. В условиях Нью-Йорка нормально

гулять я не мог, это было просто невозможно. И я выходил на балкон подышать

свежим воздухом, если можно так назвать воздух Нью-Йорка. Но другого у меня

не было. Делал еще какую-то разминку, прохаживаясь по комнатам. Любил с

балкона наблюдать городское движение. Все-таки какое-то разнообразие

впечатлений. Так я получал передышку, совершая это по несколько раз в день.

И вот однажды я получил записку от журналиста. Он подписался, но сейчас не

помню его фамилии. Там стояло: "Господин Хрущев, вы выходите на балкон, что

мне как журналисту приятно. Мы можем с вами встретиться, и я могу взять у

вас интервью. Однако хотел бы вас предупредить: вы, видимо, плохо учитываете

особенности Нью-Йорка. Нью-Йорк на все способен. Выходить на балкон вам

небезопасно. Здесь может быть организована против вас всякая всячина: могут

выстрелить из машины или из окон, расположенных напротив ваших. Одним

словом, я как ваш доброжелатель хотел вас предупредить, чтобы вы это учли,

не показывались из дома и тем самым не подвергали бы себя опасности". Я

прочел эту записку, как раз когда стоял на балконе. Но, именно получив такую

записку, я продолжал там оставаться. Все обошлось благополучно. Признаться,

**сейчас, когда я вспоминаю об этом эпизоде, меня трогает
человечность того**

**корреспондента. Не знаю, кто он по своим политическим
убеждениям,**

**корреспондент какой газеты, но и сейчас тепло вспоминаю об
этом человеке.**

**На возвращение из Нью-Йорка в Москву у нас не было много
времени. И мы**

**решили отказаться от морского путешествия и вернуться
самолетом Ту-114.**

**Выбирая средство транспорта для поездки в Нью-Йорк, мы
остановились тогда на**

**корабле из-за выявленных в самолете дефектов. Мы, конечно,
могли бы полететь**

**на другом самолете до Лондона, а из Лондона воспользоваться
международной**

**трассой. Но нам не хотелось прибегать к чужим услугам. Когда
же подошло**

**время возвращаться, мне сообщили, что дефекты самолета
устранены, аппарат**

**выверен, и Андрей Николаевич Туполев не сомневается в его
надежности. На нем**

мы и улетели домой.

Примечания

**(1) Ежегодная Генеральная Ассамблея ООН, состоящая из
всех ее членов,**

**проводящая сессии для общеполитических дискуссий и дающая
рекомендации по**

затрагиваемым вопросам в виде резолюций. Поездка состоялась с 19 сентября по

13 октября 1960 г.

(2) ЛУМУМБА П. Э. (1925 - 1961) - премьер-министр Республики Конго (Заир)

в июне - сентябре 1960 г., основатель и лидер партии Национальное движение

Конго. Сначала был отстранен от власти, потом убит.

(3) Независимость Республики Конго была провозглашена 30 июня 1960 г. А

11 июля 1960 г. ставленник колонизаторов М. Чомбе провозгласил независимость

конголезской провинции Катанга, после чего там развернулась на ряд лет

междоусобная борьба.

(4) ХАММАРШЕЛЬД Д. Я. (1905 - 1961) - генеральный секретарь ООН с 1953 г.

Погиб при авиационной катастрофе.

(5) Кузька - вредитель хлебных злаков, пластинчатоусый жук, чьи личинки

живут в почве, где дважды зимуют. Показать эту личинку (т. е. кузькину мать)

можно, лишь разрыв землю. Отсюда - переносные значения выражения: все

разрыть, перетормозить, развалить, а также вскрыть правду.

(6) ФРАНКО БААМОНДЕ Ф. (1892 - 1975) - генерал, поднявший в 1936 г. мятеж

против Испанской республики, ставший в 1937 г. вождем партии Испанская

фаланга и в 1939 г. каудильо (главой государства).

(7) Негритянский квартал Нью-Йорка на острове Манхэттен, чьи обитатели в

большинстве настроены против официальных властей.

(8) Король Марокко с 1961 г. Одновременно в 1961 - 1963 и 1965 - 1967 гг.

возглавлял правительство.

(9) Нигерия стала независимой 1 октября 1960 г., 7 октября была принята в

ООН. Премьер-министром был А. Т. Балева.

(10) А. БУНАЧУ был министром иностранных дел в 1958 - 1961 гг.

(11) Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и

народам была принята на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1960

г.

(12) Против не голосовал никто. 9 стран (США, Англия, ЮАР и др.)

воздержались.

(13) ЛИ Т. Х. (1896 - 1968) - один из лидеров Норвежской рабочей партии,

был генеральным секретарем ООН в 1946 - 1953 гг.

(14) У ТАН (1909 - 1974) - исполняющий обязанности генерального секретаря

в 1961 - 1962 и генеральный секретарь ООН в 1962 - 1971 гг.

(16) 15 декабря 1939 г., в связи с началом советско-финляндской войны.

ДЖОН КЕННЕДИ И БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА

Осенью 1960 года пришло время перевыборов президента в США. Эйзенхауэр к

тому моменту отработал максимум: два срока. Когда я находился в США, он

заметил мне, что вскоре истекает срок его пребывания в Белом доме. Я спросил

его, не считает ли он возможным остаться на третий срок, и поинтересовался,

имеются ли организации, которые вновь выставили бы его кандидатуру? Были же

такие прецеденты. "Нет, нет, - отвечал он, - я сыт по горло, больше не хочу

быть президентом, да и вообще не следует делать это, я хочу завершить свою

политическую карьеру". Считаю, что его ответ был искренним. Его авторитет к

тому времени был в США очень высок, и если бы он захотел, то мог бы быть

избран в третий раз, как Франклин Рузвельт. Правда, Эйзенхауэр объяснил, что

тогда шла война и народ хотел, чтобы Рузвельт остался на своем посту. Вот он

и согласился выставить свою кандидатуру в третий раз. Теперь же по закону,

принятому после этого случая, третий срок президентства не был положен.

Были выставлены такие кандидатуры на пост президента: протееже Эйзенхауэра

его вице-президент Никсон и от демократической партии Кеннеди и Стивенсон.

Началась подготовка к выборам. Эйзенхауэр сам выступал в пользу Никсона,

поддерживал его кандидатуру, а это очень весомая поддержка. Для Советского

Союза все кандидатуры были одинаковы, все они стояли на капиталистических

позициях. Ясно, что любой из них будет проводить ту же политику, что и

Эйзенхауэр. Но имелись оттенки, и существенные. Эйзенхауэр и Никсон -

кандидаты одной республиканской партии, однако тоже разные люди. Первый для

нас был более приемлем. А Джон Кеннеди вообще у нас был мало известен. В

печати, впрочем, отмечалось, что он отличался умом. Еще во время моей

поездки по США Комитет по иностранным делам сената организовал прием в мою

честь. Председателем комитета был тогда Фулбрайт(1). Он представил мне

присутствующих, и когда дошла очередь до Кеннеди, назвал его: "Вот сенатор

Джон Кеннеди". Я пожал ему руку и сказал: "О вас идет молва, вам предрекают

большое будущее... ". Я постарался тогда какие-то слова сказать каждому, с

кем меня познакомили. На этом наше знакомство в те дни и кончилось. Впрочем,

мы знали, что Кеннеди отличается от других конгрессменов остротой реакции,

образованностью и тактом.

Стивенсон приезжал в Советский Союз, и я с ним встречался. Но особенно

теплые встречи с ним состоялись у меня на ферме у Гарста... Гарст и

Стивенсон в разное время говорили мне, что они друзья. На ферме мы

сфотографировались, обнявшись втроем, положив руки друг другу на плечи, и

позировали перед фотокорреспондентами. Мистер Стивенсон дружески относился к

Советскому Союзу и считал необходимым улучшать наши отношения.

Естественно, его кандидатура была для нас наиболее приемлема, но

демократическая партия его кандидатуру так и не выставила, ссылаясь на то,

что он дважды уже проваливался на выборах и она не хотела рисковать в третий

раз. Мне трудно судить за избирателей США, потому что там очень неустойчивые

избиратели. Трудовой народ, голосуя за претендента, отдает ему реальную

власть, но выбирает при этом такого человека, который проводит политику, не

согласующуюся с интересами тех же трудящихся. Судя с наших, классовых

позиций, президент США проводит политику крупного монополистического

капитала. Видимо, Стивенсон тоже проводил бы такую политику. Все же

демократы решили, что лучше сделать ставку на Джона Кеннеди. Это был молодой

человек, к тому же миллионер. Стивенсон, кажется, не был богат.

Разгорелась борьба между кандидатами. Американцы хорошо умеют делать это.

Борьба между республиканцами и демократами шла как бы по коренным вопросам

жизни, но капиталистические круги, выставляя кандидата, знают, что,

независимо от избрания того или другого кандидата, основы капитализма не

будут потрясены. Когда от республиканцев был выдвинут Никсон, а от

демократов - Кеннеди, мы больше надеялись на улучшение отношений между

нашими странами, если в Белый дом придет именно последний. На Никсона мы не

рассчитывали. Его агрессивность по отношению к СССР, антикоммунизм, который

он проповедовал, и его былые связи с мракобесом сенатором Маккарти ничего

**хорошего не предвещали. Это был выдвиженец реакционеров.
Когда я был гостем**

**Эйзенхауэра, меня сопровождал в поездке Лодж, с которым у
меня сложились**

**хорошие отношения. Перед выборной кампанией Лодж приехал
в Москву, по-моему,**

**как турист. Он не был приглашен советским правительством,
а прибыл как**

**вольный казак. Я принял Лоджа по его просьбе, мы
встретились, как старые**

**знакомые, я высказал ему много приятных слов, потому что он
делал ранее для**

**меня все возможное, чтобы я чувствовал себя в США
лучше, и мы потом**

**разговорились. Он доказывал мне, что если будет выбран
Никсон, то наши**

**отношения не изменятся: Никсон - не такой, каким он себя иной
раз подает в**

**речах на предвыборных собраниях. "Вы, господин Хрущев, не
обращайте внимания**

**на содержание предвыборных речей. Когда он придет в Белый
дом, сложится**

**другая ситуация. Я уверен, что он тоже будет стоять за
сохранение и даже**

улучшение отношений между СССР и США".

**Лодж был заинтересован в том, чтобы мы в печати не делали
выпадов против**

**Никсона, так как именно Лодж выставлял свою кандидатуру в
вице-президенты.**

Так что эта пара вдвоем готовилась прийти в Белый дом.
Думаю, что Лодж и

приехал в Советский Союз по рекомендации Никсона и
Эйзенхауэра. Они хотели,

чтобы он поговорил со мной, так как у нас сложились добрые
отношения, и

чтобы наша печать вообще не хвалила бы их кандидатов: "Нам
не нужно ваше

выступление в чью-то пользу, это пойдет, наоборот, во вред.
Просьба держать

строгий нейтралитет. Не вмешивайтесь в наши внутренние дела
во время выборов

президента". А мы так и собирались поступать. Это вообще
разумная линия. Но

все-таки внутренне мы больше ориентировались на кандидатуру
Джона Кеннеди.

На завершающем этапе выборов, непосредственно перед
голосованием, к нам

официально обратились власти США с просьбой отпустить
домой Пауэрса и тех

летчиков, которые были пленены со сбитого нами самолета
над Баренцевым

морем. Пауэре был уже осужден. На суде присутствовали его
родственники. С

ним юридически все было точно оформлено. В отношении же
двух или трех других

летчиков имелась какая-то недоговоренность, Вашингтон
просил, чтобы мы

амнистировали Пауэрса, а тех летчиков просто выдали бы
правительству США. Мы

и сами стояли на таких позициях, не считая нужным держать их в тюрьме. Но

время их возвращения имело определенное политическое значение. Получив

обращение из Вашингтона, я высказал свои соображения, с которыми согласились

все члены Политбюро: "Сейчас нам делать это не нужно, потому что кандидаты в

президенты спекулируют на этом и в печати раздаются голоса, что вот такой-то

кандидат сможет лучше обеспечить хорошие отношения между США и СССР (они

говорили: "персонально с Хрущевым"). Буржуазная печать всегда выставляет

конкретное лицо, а не общественное положение того или другого лица, которое

оно занимает в своем государстве. Если мы сейчас отпустим пленных, это

пойдет на пользу Никсону. Даже малейший перевес в его сторону нам невыгоден.

Давайте не делать такого шага, потому что я не ожидаю, что, если Никсон

станет президентом, наши отношения улучшатся"(2).

Мы не сделали этого и правильно поступили, потому что большинство голосов

получил Кеннеди(3). Перевес в его пользу был малым, так что любое колебание

сработало бы в пользу Никсона и, безусловно, он получил бы желаемые голоса.

И я сказал: "Как только новый президент определится, мы вернем их людей, а

пока будем надеяться, что победит Кеннеди". Так и получилось. Позднее,

встречаясь с Кеннеди в Женеве, мы с ним беседовали, порой шутили. В общении

он был приятным и разумным человеком. Тут я ему и рассказал: "Мистер

Кеннеди, вы знаете, что мы голосовали за вас?" Он посмотрел на меня

вопросительно: "Каким образом? Как это понимать?". И я поведал ему об

обращении Вашингтона к Москве перед окончанием избирательной кампании,

назвал точное число и сказал, что если бы мы вернули Пауэрса и полярных

летчиков, то это было бы засчитано в актив Никсона. Он посмеялся и ответил,

успокоившись: "Ваш вывод правилен. Я согласен, что в тот момент даже малый

перевес мог стать решающим. Поэтому я признаю, что вы тоже участвовали в

выборах и голосовали в мою пользу". Эта шутка отражала действительность.

Должен сказать, что я не пожалел о занятой нами позиции. После того как

Кеннеди стал президентом, надежд на улучшение наших отношений прибавилось.

Общественное мнение США в пользу улучшения наших отношений звучало все

громче и громче. Такие голоса раздавались и в демократических, и в деловых

кругах. Кеннеди лучше, чем Эйзенхауэр, понимал необходимость и разумность

таких шагов, и не только по деловым соображениям, а главным образом потому,

что холодная война, которая в то время велась, могла привести к горячей. Он

этого не хотел. Не хотел этого, конечно, и Эйзенхауэр, который мне

неоднократно говорил, что боится мировой войны. Кеннеди не говорил мне, что

боится новой мировой войны, но понимал, что она не окажется прогулкой, а

будет кровопролитной и обязательно коснется территории США. В прежних

мировых войнах, в которых они участвовали, их солдаты действовали на

европейской и азиатской территориях, поэтому экономический потенциал страны

не только не разрушался, а, наоборот, возрастал и росло ее могущество в

целом. Монополисты зарабатывали на тех войнах, но в будущей войне они могут

многое потерять, потому что война эта будет ракетно-ядерной. Все это Кеннеди

отлично понимал. Он умел анализировать события и не боялся называть вещи

своими именами. Поэтому он и начал свою международную деятельность с

установления более тесных контактов с СССР. Он тоже хотел договориться о

разоружении, с тем чтобы прекратить дальнейший рост напряженности и получить

уверенность в том, что никакая случайность не сможет вызвать военные

столкновения.

Кеннеди сообщил нам, что хотел бы встретиться с главой правительства

Советского Союза. Мы тоже стояли на близкой позиции. Когда он пришел в Белый

дом, мы хотели установить с ним контакт и попытаться договориться о том же

на разумной основе.

Мы тоже боялись войны, потому что не боится войны только дурак. Я не

страшусь этой фразы. Да, мы боялись войны, потому что она приносит разорение

стране, бедствия - народу и требует жертв. Это не значит, что можно

откупиться от войны любой ценой, в ущерб своему престижу. Думаю, что умный

человек поймет разницу. Когда я стоял во главе правительства, возникало

много случаев, когда СССР очень ревностно становился на защиту своего

престижа, давая отпор агрессивным силам и одерживая моральную победу без

войны.

Кеннеди был эластичным человеком. Он сам определял внешнюю политику США.

Он взял к себе много молодых умных и образованных советников. В вопросах

международной политики они тоже были гибки, поэтому и советы давали ему в

этом же направлении. Определяя политическую линию, Кеннеди подбирал себе

таких помощников на все посты, которые импонировали бы ему и понимали его

цели. Американская печать, соответственно, высказывалась за личную встречу

Кеннеди с Хрущевым. Наконец, мы получили официальное предложение(4)

встретиться на нейтральной почве, то есть не в СССР и не в США. В Париже

встреча состояться не могла, так как недавно попытка лидеров четырех держав

договориться закончилась там провалом. О месте проведения новой встречи у

нас состоялись предварительные переговоры. Она могла произойти в Вене, в

Женеве или же в Хельсинки. Кеннеди предложил Вену. Мы считали, и я лично

тоже, что лучше в Хельсинки, ибо полагали, что Финляндия с большим

пониманием относится к нашей политике. Но Австрия нас тоже устраивала. Ее

правительство придерживалось взятых на себя обязательств проводить политику

нейтралитета. Да Вена и сама по себе мирный город. И мы согласились

встретиться в Вене. Получили доверительное сообщение о том, кто будет

сопровождать президента из официальных лиц и из членов его семейства. С ним

должны были приехать жена и мать.

Так как президент брал с собой свою мать и жену, то я тоже решил взять

Нину Петровну, чтобы на приемах женщины могли вести между собой беседы. Я

лично не был сторонником этого. У меня, признаюсь, такой аскетизм, видимо,

остался от времен Сталина. На официальных приемах, которые проводил Сталин,

я никогда не видел жен. Единственное исключение он делал в свое время для

жены Молотова. Очень редко в театре, в его правительственной ложе,

появлялась жена Ворошилова, а так всегда налицо было только мужское

общество. Микоян, который слыл у нас человеком, наиболее сведущим в

контактах и толкователем этикета, сказал, что за рубежом наличие жены будет

хорошо расценено и нам следует придерживаться международного этикета. Я

согласился с ним.

Формируя свою официальную группу, мы пригласили

министра иностранных дел

и других работников МИД, которые нужны были для подготовки справок и

советов. Они могли помочь правильно разобраться в том или другом вопросе,

возникающем при переговорах по военным, экономическим и дипломатическим

проблемам, которые требовали улучшения дела. Проблема ленд-лиза была

довольно затаскана, поэтому мы не надеялись, что она может быть разрешена,

но все же приготовились обменяться мнениями и по ней.

В Вене была организована положенная по рангу официальная встреча. Венцы

встретили нас очень хорошо, никаких выпадов не наблюдалось, проявлялись

внимание и приветливость. Венцы говорили, что они очень довольны тем, что их

город стал местом встречи двух лидеров. Отношение к нам было теплое, потому

что мы в 1955 году заключили мирный договор и вывели войска из Австрии. Наши

войска 10 лет находились на территории Австрии, а их вывод приписывали

персонально мне. Это сделало, конечно, наше правительство, но я не

отказываюсь от своей инициативы. Немногие знают, какая внутренняя борьба шла

у нас по вопросу заключения мирного договора с Австрией. Я

доволен тем, что

было принято правильное решение и мы заключили такой договор. Австрийских

премьера и вице-премьера я знал лично. Был знаком и с министром иностранных

дел Крайским. У меня с этим человеком вообще сложились добрые отношения. Он

с пониманием относился к необходимости иметь дружбу между нашими странами.

Конечно, как социал-демократ он не симпатизировал нашему общественному

строю, как вся социал-демократия Запада, стоял на буржуазных позициях. Но

все-таки среди реакционеров числился либералом.

В Вену я прибыл в сопровождении министра иностранных дел Громько, а

президента Кеннеди сопровождал государственный секретарь США Раск(5).

Сначала мы нанесли положенные визиты президенту и премьер-министру Австрии.

Наша делегация была очень хорошо размещена. Затем назначили час первой

встречи. Сейчас не помню, сколько их состоялось: две или больше. Начались

двусторонние беседы. Мы повели обмен мнениями по тем же вопросам, по которым

не могли достичь соглашения с Эйзенхауэром: Германия, Западный Берлин,

разоружение, взаимовыгодные экономические связи, торговля -

вот затронутые

нами вопросы, которые должны были нормализовать отношения между странами при

благополучном их решении. Самым острым вопросом оставалась судьба Германии,

хотя разоружение не менее важно. Оно всегда будет вопросом вопросов, но

решить дело разоружения без договоренности о Германии невозможно. Западный

Берлин - тоже загвоздка, как опухоль на здоровом теле. Чтобы оздоровить

тело, надо удалить опухоль. Поэтому мы и нажимали на решение в первую

очередь вопроса о Берлине. Не решив судьбу Берлина, нельзя решить судьбу

Германии и вопрос о мирном договоре. Это все взаимосвязано.

Пошел обмен мнениями. Кеннеди занимал те же позиции, что и Эйзенхауэр.

Политика, которую проводил представитель республиканской партии Эйзенхауэр,

и политика Кеннеди, представлявшего демократическую партию, одна и та же.

Лишь персонально она несколько изменилась. Видоизменился и способ ее

проведения. Но суть, на которой она основывалась, та же: в первую очередь

соблюдаются интересы крупного капитала, сохраняются и агрессивные

устремления США. В этом - главное: непризнание ими никого;

делаю то, что

моя, дяди Сэма, левая нога захочет. Каковы наши контраргументы? Конечно, те

же, что мы приводили во время переговоров с Эйзенхауэром. Но время работало

в нашу пользу. С каждым годом росла наша экономическая мощь, усиливалось

наше вооружение. Мы все больше и больше продвигались в освоении космоса,

наращивали и совершенствовали ракетно-ядерное оружие. Его ассортимент стал

более широким, от тактических до стратегических ракет. Это придавало нам

другой вес и звучность голоса, хотя мы и сдерживали себя. Наш партнер не

должен был заметить, что мы тоже начинаем говорить с ним с позиции силы. Мы

не хотели скатиться на позицию Даллеса, против которой раньше боролись. Пока

США общались с нами на почве нажима, они сами уже ослабли, а мы росли, как

богатырское дитя в сказке: не по дням, а по часам.

Мы упирали, главным образом, на решение германского вопроса. Что же

нового выдвинул тут Кеннеди? Да ничего нового, только собеседник более

эластично подбирался к сути дела. Кеннеди признавал формулу мирного

сосуществования, и это меняло обстановку. Во время разговора с

Эйзенхауэром

**о погашении нашей задолженности по ленд-лизу
присутствовавший там**

**заместитель госсекретаря США Диллон на мой вопрос о
мирном сосуществовании**

**спросил: "А что это значит?". Таких глупых вопросов Кеннеди,
конечно, не**

**задавал. Наоборот, он сам признавал, что надо обеспечить
мирное**

**сосуществование, и заявлял это в своих публичных
выступлениях. Это было**

**шагом вперед, появилась основа для толкового разговора:
раз мирное**

**сосуществование, значит, надо решать все то, что обеспечивает
его. И одна из**

**реальностей - признание двух Германий: Германской
Демократической Республики**

**и Федеративной Республики Германии. Без признания двух
существующих**

**государств Германии и при особом статусе Западного Берлина не
могло быть и**

**речи о том, что наши отношения нормализуются, а значит, будет
расчищен путь**

**к мирному сосуществованию и к нормализации контактов по
всем направлениям.**

**Кеннеди это все понимал, но внутренне не был готов к
переменам, как не**

**было к ним готово общественное мнение США, и не
соглашался с нашими**

доводами. Грубо говоря, на ноге Соединенных Штатов в Европе имелась

болезненная мозоль, на которую мы всегда могли наступить в зависимости от

своих потребностей и оказать нажим: связь западных держав, наших бывших

союзников, через территорию ГДР с Западным Берлином. Этой больной мозолью

Сталин пользовался не раз. Объявив блокаду Западного Берлина(6), он

потерпел, однако, крушение и вынужден был снять ее. В дополнение к

Потсдамскому соглашению, с западными державами был подписан дополнительный

договор, который ухудшал наше положение в Западном Берлине(7). После смерти

Сталина мы стояли на тех же позициях. ГДР стала нашим союзником, поэтому мы

делали все именно в ее интересах. Да ведь наши интересы вообще совпадали. У

нас были единый подход к делу и единая заинтересованность, как и у других

социалистических стран, особенно тех, кто входил в Варшавский пакт. Но

Кеннеди в вопросе о Западном Берлине не соглашался с нами. Мы официально

обратились с предложением о подписании мирного договора с Германией и

заявили: если Запад не согласится, мы будем вынуждены подписать отдельно

мирный договор с ГДР. Тогда на ее территорию не будут распространяться

положения Потсдамского соглашения, а будут действовать статьи мирного

договора, который подпишут СССР и те страны, кто захочет.

Кеннеди реагировал очень болезненно. Он чувствовал, что мы можем это

сделать. Я видел, что Кеннеди понимает наши рассуждения в буквальном смысле

слова: он считал, что мы, подписав мирный договор, тем самым решим и вопрос

о Западном Берлине и оккупируем его. Естественно, мы таких намерений не

имели, а хотели, чтобы он официально стал вольным городом, иначе произошло

бы столкновение. Конечно, в случае столкновения сначала мы решили бы дело

очень быстро в свою пользу, потому что в Западном Берлине находились

небольшие вооруженные силы западных стран. Но большие или малые, а это уже

стрельба, могла разразиться и война. Поэтому мы не преследовали подобной

цели и не хотели военного конфликта. Конкретно же мы стремились передать ГДР

все функции, которыми пользовались по обеспечению связей через ее территорию

западные страны с Западным Берлином. Она как суверенное государство сама

решала бы это и, естественно, поставила бы вопрос более жестко, как это

свойственно каждому суверенному государству. Западные державы вынуждены были

бы считаться с правительством ГДР, которого они не признавали, как не

признают и сейчас. Таким образом, возник бы какой-то конфликт военного

порядка с непредсказуемыми последствиями.

Кеннеди сопротивлялся и доказывал, что Запад на это пойти не может; что

Потсдамское соглашение определяет существование одной Германии и мирный

договор может быть подписан только при условии создания единой Германии.

Такие доводы Запад приводил все время. Сейчас, видимо, ситуация изменилась.

Сам Брандт, премьер-министр Западной Германии(8), вынужден был признать

де-факто, что существуют две Германии. Беседы по германскому вопросу

протекали у нас очень обостренно. Мы решительно защищали свое право

заключить мирный договор со всеми последствиями, вытекавшими из этого, и

рассматривали Западный Берлин как территорию ГДР, а пребывание там западных

войск считали незаконным. Кеннеди доказывал обратное...

Что говорил он о мирном сосуществовании? Это очень

интересно: он

признавал необходимость строить наши отношения с целью обеспечения мирного

сосуществования, исключить войну и военные столкновения, но понимал это

по-своему. Согласно его пониманию дела, мы должны будем договориться и

документально оформить это каким-то договором о том, что стоим на позициях

мирного сосуществования, которое он толковал как фиксацию сложившегося во

всех странах социально-политического строя, не допуская его изменений. Эта

позиция для нас совершенно неприемлема. Я ему так и заявил. Мы согласны

строго придерживаться условий мирного сосуществования, в спорных вопросах не

должны ни прибегать к силе, ни вмешиваться во внутренние дела других

государств. Однако и эти государства не должны вмешиваться во внутренние

дела нашего государства. Вопросы политического устройства каждой страны

должны решаться самими народами, и даже если будет изменяться общественный

строй по решению самого народа, мы не должны вмешиваться в это. Вот как мы

понимаем дело. "Нет, - отвечал

Кеннеди, - должны вмешиваться, потому что могут быть

засланы агенты

другой державы". То есть он навязывал нам свое понимание мирного

сосуществования как обеспечения безопасности не только границ, но и

внутреннего устройства государств, вечного статус-кво. Первую половину дела,

гарантию безопасности границ, мы принимали. Вмешательство же во внутреннее

устройство других государств для нас немыслимо и невозможно. Я предложил ему

маленький экскурс в историю США: "Когда-то США были колонией Англии, а потом

народ восстал и начал войну, в которой одержал победу. Так США стали

независимым государством. История подтверждает, что существуют внутренние

вопросы, которые решает сам народ, и надо обеспечить невмешательство во

внутренние события".

Народы России тоже совершили революцию. И это тоже внутренний вопрос.

"По-вашему, - говорю, - другие страны имели право вмешаться, вот они и

вмешались: США, Англия, Франция навязали интервенцию молодому советскому

государству, но чем это кончилось, вы отлично знаете. Царь Николай I на

практике проводил ту политику, которую сейчас

проповедуете вы, помог

**Австрийской монархии подавить Венгерскую революцию(9).
Это было позорное**

**вмешательство во внутренние дела, но там один император
помогал другому**

**сохранить реакционный режим. Чем это кончилось, вы тоже
отлично знаете.**

**История доказала несостоятельность такой политики, Австро-
Венгрия потом**

**развалилась. Сейчас вообще все резко изменилось, а вы хотите,
чтобы мы с**

**вами вернулись к тем временам, когда заключались договоры
между монархами**

**для обеспечения устойчивости тронов и объединения усилий
ради подавления**

**народов, если они проявят желание изменить внутреннее
положение в своей**

**стране? Мы на это никогда не пойдем и всеми средствами будем
бороться против**

такой политики".

**Кеннеди - умный человек, но защищал интересы своего
класса. Я же был**

**несколько удивлен и поэтому во время переговоров немного
иронизировал над**

**ним, высмеивая его позицию как несовременную и
устарелую. Наконец, он**

**признал, что для смягчения напряженности требуется сохранять
мир между СССР**

и США. Но это только одна, низшая ступень мирного

сосуществования. Если бы

Кеннеди признал всю глубину формулы мирного сосуществования и постарался бы

ее раскрыть, то с его стороны исключалось бы предложение, которое он внес,

предлагая зафиксировать в застывшем положении как границы между

государствами, так и их внутреннее социально-политическое устройство. А как

быть со странами, остававшимися в положении колоний? Что же, мы должны

помогать колонизаторам? Это реакционное предложение, и мы старались раскрыть

его реакционность, доказать его несостоятельность, сочувствуя силам, которые

стремились изменить существующие порядки, но не вмешиваясь во внутренние

дела этих стран, а лишь сочувствуя их народам.

Относительно ленд-лиза мы тоже обменялись мнениями, но остались при

старых взглядах. Я повторил то, что в свое время говорил Эйзенхауэру: "Вы

нам помогали, мы за это вам благодарны. Но мы вместе с вами вели войну

против общего врага и ваши материалы оплатили нашей кровью. Кровь дороже

любых материалов, которые мы от вас получали. Поэтому мы считаем, что уже

давно и с лихвой оплатили стоимость ваших поставок по ленд-

лизу". Кеннеди

твердил свое. Наши встречи проходили днем, а вечером австрийское

правительство устраивало в нашу честь роскошные приемы. Посетили мы оперу.

Потом нам показали цирковое представление с лошадьми, очень красивое

зрелище. Вена гордилась тем, что была родоначальницей использования лошадей

в цирке. Дрессированные лошади используются во всех цирках, но у них в

театрализованном представлении участвует масса наездников. Нас познакомили

также с достопримечательностями, которыми богата Вена.

На приеме Кеннеди познакомил меня со своей женой и матерью. Его мать

произвела на меня хорошее впечатление: приятная женщина! Супруга же его

Жаклин - молодая женщина, о которой я много читал в газетах. Журналисты

всегда выставляли ее красавицей, завораживающей своей красотой мужчин, но на

меня она не произвела подобного впечатления. Да, молодая, энергичная,

приятная, но без особого блеска... Об этом я говорю здесь лишь потому, что в

печати как раз о ней писали другое. Видимо, она бойка на язык, как украинцы

говорят - языкастая; и в разговоре находчива. С ней не

связывайся - обрежет!

**Встретился я с ней в театре, во время перерыва пошли в буфет.
Какие там**

**могли у нас быть разговоры? Перебрасывались обычными
фразами. Однако и тут**

**она показала остроту своего языка. Меня как главу делегации
советского**

**государства совершенно не трогало, какова она. Это дело мужа.
Если она ему**

**нравится, на здоровье и ему, и ей. То же самое и в отношении
матери. Мы**

**помнили, что она миллионерша, и, следовательно, должны
были знать, с кем**

**имеем дело, не забываться. Могли улыбаться, жать любезно друг
другу руки, но**

мы люди разных полюсов.

**Во время переговоров в комнате с нами находились только
переводчики, а**

**также Раск и Громыко. Наши беседы проходили в виде диспута.
Не помню, чтобы**

**Кеннеди обращался с каким-либо вопросом к Раску или чтобы
Раск подавал**

**реплики. Этого не было. Поэтому у меня создалось впечатление,
что Кеннеди**

**сам очень хорошо разбирался в международных вопросах и был
подготовлен к**

**переговорам. Все, о чем нужно было обменяться мнениями, он
изучил заранее и**

совершенно свободно владел материалами. Это было абсолютно

не похоже на то,

что я наблюдал, встречаясь с Эйзенхауэром. Это, конечно, говорило в пользу

Кеннеди, и он выростал в моих глазах. Тут был партнер, к которому я

относился с огромным уважением, хотя мы стояли на разных позициях и были как

бы противниками. Я ценил его качества. Если президент сам разбирается в

деталях политики, значит, он и определяет ее. А так как президент заявил,

что с пониманием относится к мирному сосуществованию, следовательно,

зарождалась какая-то уверенность в том, что он не станет опрометчиво

принимать решения, которые привели бы к военному конфликту; С каждой

встречей он выростал в моих глазах.

Мы постоянно прощупывали возможность найти какие-то соглашения по острым

вопросам для обеспечения взаимной безопасности. Беседы подходили к концу, но

уже было видно, что конкретных соглашений мы достичь не сможем, потому что

наши понимания дела слишком противоположны. Ни та, ни другая сторона не

могли найти приемлемых условий для соглашений. То, что приемлемо для одной

стороны, оказывалось неприемлемым для другой. Собственно

говоря, на этом и

**основывались холодная война и состояние напряженности.
Каждая сторона хотела**

**бы обеспечить мир, но обеспечение мира трактовала по-своему,
так, что это**

**противоречило интересам контрапартнера. Вот такую позицию
занимал Запад. Да**

**он и сегодня занимает эту же позицию, с той лишь разницей,
что сейчас не**

**может отрицать возросшей военной мощи Советского Союза.
Поэтому противная**

**сторона уже приспосабливает к нам свою политику. Наша
встреча уже тогда была**

**обусловлена тем же: США потеряли уверенность в том, что
могут достичь своих**

**целей при проведении политики с позиции силы, как было во
времена Трумэна и**

**Даллеса. Соотношение сил стало иным, поэтому Кеннеди
вынужден был искать**

**возможность договориться на новой основе, которая, однако,
устраивала бы**

**Соединенные Штаты. Мы-то хотели договориться на такой
основе, которая**

**устраивала бы и нас, и США, а они о нас не думали.
Поэтому реальных**

возможностей прийти к какому-то соглашению не возникло.

**Я был благодарен правительству Австрии, ее премьер-
министру и**

президенту(10) за то, что они со своей стороны сделали все,

чтобы наши

встречи не были ничем омрачены. Венцы отнеслись к нам очень дружелюбно, и я

не припоминаю никакого инцидента, который омрачил бы мое пребывание в Вене.

Действительно, правительство Австрии выполняло обязательство соблюдать

нейтралитет. У меня остались самые теплые чувства в отношении политики

правительства Австрии. Президентом тогда был социал-демократ. Он тоже со

своей стороны ничем не омрачал нашего пребывания. Я не знаю, был ли еще жив

Рааб, с которым мы подписывали мирный договор, но его преемник проводил ту

же линию.

Последняя наша встреча с Кеннеди произошла на приеме или в театре.

Кеннеди был очень мрачен. Не только озабочен, но и мрачен. Когда я смотрел

на его лицо, он у меня вызывал сочувствие, сожаление. Я хотел, чтобы мы

расстались с другим настроением, но помочь ему ничем не мог. Политика

неумолима, а наше классовое положение не дало возможности, несмотря на

усилия с моей стороны, прийти к соглашению. Как политик я это понимал, а как

человек сочувствовал Кеннеди. Он был разочарован, а его

внутренние

противники в США, особенно агрессивно настроенные деятели, получили

удовлетворение: "Вот, ты надеялся, что сможешь при встрече с Хрущевым

добиться каких-то соглашений, а теперь сам убедился, что мы были правы,

проводя политику с позиции силы. У нас и выхода другого не было, потому что

коммунисты признают только силу, а иного языка не понимают. Ты хотел с ними

разговаривать языком соглашений и в ответ получил щелчок по носу,

возвращаясь опозоренным. Объявил всем, что едешь с уверенностью найти

возможность договориться, а вернулся к разбитому корыту, приехал ни с чем.

Следовательно, наша политика была правильной, а ты заблуждался".

Примерно так я представлял себе переживания президента и сочувствовал

ему, но вида не подавал. А сочувствовал ему, потому что не создавалось

предпосылок к лучшему, и мы опять отбрасывались назад, возможно, к еще

большему обострению, к продолжению холодной войны. За это мы должны были

платить, потому что опять начиналась гонка вооружений. Потребуется еще

**большие ассигнования средств на оружие. Сначала в США.
Это заставит нас**

**последовать за ними. Такие события нам известны, они
обременяют бюджет и**

**снижают экономический потенциал гражданской жизни. Это-
то меня, главным**

**образом, и заставляло сочувствовать президенту, я понимал
причины его**

**огорчения: неудача его внешней политики отразится на
наших бюджетах, а**

**следовательно, на жизненном уровне народов. Но я нагнетал
обстановку не ради**

**этого, а чтобы поставить президента в безвыходное положение,
заставив его**

**признать необходимость пойти нам навстречу, иначе будет
возможность**

**конфликта. Кеннеди же не захотел под нажимом пойти на
соглашение. Мои**

**призывы осознать реалистичность наших доводов повисли в
воздухе. Мы оба**

остались на старых позициях.

**Кеннеди уехал первым, его провожали официальные лица и
президент Австрии.**

**Уже после его отъезда со мной захотел увидеться министр
иностраннных дел**

**Крайский, и я его с удовольствием принял. Я знал, что
Крайский во время**

**войны был в шведской эмиграции вместе с Брандтом,
нынешним премьер-министром**

ФРГ, а в ту пору - бургомистром Западного Берлина. Меня информировали, что

они были друзьями, к тому же оба социал-демократы. Моя беседа с Крайским

была полезной. Он рассказал мне о своих впечатлениях, которые остались у

него от проводов Кеннеди: "Очень уж мрачен был президент, очень удручен, на

нем просто лица не было. Видимо, итоги переговоров так его огорчили". Я

ответил: "Да. С ним легко беседовать и даже приятно, но когда наступает

момент принимать решение, он не проявляет понимания. Не понимает времени, в

котором мы живем, и нового соотношения сил. Живет старыми понятиями своих

предшественников. К принятию серьезных решений он, видимо, еще не готов.

Наша встреча была полезна тем, что мы прощупали друг друга и теперь

конкретно представляем позицию каждого. Но и только, а этого, конечно,

мало".

Я, признаться, пересказал Крайскому содержание бесед с Кеннеди, ибо

надеялся, что изложенная мною в острой форме наша позиция, ставшая известной

Кеннеди, теперь через Крайского станет известна и Брандту. Может быть,

наведет это его на какие-то размышления, они поймут, что наши намерения

неотступны, и, не доводя температуру до кипения, в конце концов согласятся

на разумные переговоры. Правда, я знал, что Крайский больше сочувствует

Кеннеди, чем нам. Политика президента США ему ближе нашей, поэтому я

рассматривал его как негласного агента той политики, которую проводит

капиталистический мир в отношении СССР. И уж, безусловно, он подробно

изложит мои слова Брандту, а от него кое-что зависело. Как правящий

бургомистр Западного Берлина он мог оказать какое-то влияние на достижение

соглашения, хотя в спорных вопросах находился тоже на противоположной

стороне и не принимал нашу линию. А она была единственно правильной и сейчас

остается такой и для Западной Германии, и для Западного Берлина тем более.

Затем в мою честь были устроены правительственные мероприятия (прием,

обед), нас проводили с положенными церемониями, и мы улетели в Москву. После

этой встречи через печать, в беседах, на приемах и прочими средствами мы

нарочно стали рекламировать, что вот-вот намереваемся осуществить наши

предложения и подписать мирный договор с ГДР. Мы довольно энергично это

проводили, оказывая нажим на общественное мнение через печать и

собеседования. Одним словом, все средства, которые нам были доступны, мы

пустили в ход, с тем чтобы создать впечатление у наших противников, что если

они не поступят разумно и не постараются прийти к соглашению, то мы это

сделаем. На какой же шаг пошел Кеннеди после встречи? Он назначил своим

представителем в Западной Германии генерала Люциуса Клея, который занимал

этот пост сразу же после войны. Этим США продемонстрировали, что готовят

ответ на нашу угрозу подписания мирного договора с ГДР. Назначая известного

нам генерала на этот пост, они хотели показать, что США готовы и к военному

конфликту. Командующим советскими войсками в ГДР был тогда Якубовский(11). И

я предложил советскому правительству в ответ на действия американцев

совершить ход конем, утвердив командующим нашими войсками в ГДР Конева.

Таким назначением мы хотели показать американцам, что поняли их поступок и

принимаем вызов. Будущего же маршала Якубовского назначили заместителем

маршала Конева. Решение было опубликовано, но между собой мы договорились,

что реальным командующим как был, так и останется в Берлине Якубовский, хотя

Конев тоже может принимать нужные решения. Мы были уверены, что вскоре все

нормализуется и Конев вернется в Москву.

Наши совместные шахматные ходы, их - пешкой, а наш - конем, привели,

однако, не к ослаблению, а к новой напряженности отношений. Президент

Кеннеди опубликовал заявление о переводе какого-то количества войск в

Западный Берлин для усиления гарнизона. Ответных действий с нашей стороны не

было, потому что наших войск в ГДР и без того было достаточно. Гарнизон же в

Западном Берлине был слаб, и мы могли бы быстро справиться с ним и подавить

его сопротивление, если понадобится. Начать-то можно было быстро, да

неизвестно, чем дальше кончится, а мы не хотели военного конфликта. Мы

хотели лишь вскрыть нарыв, проведя хирургическую операцию, но не путем

грубого вмешательства ножом, а сперва как-то обезболить это место и принять

все меры, чтобы организм не ощущал особой боли и чтобы не было дурных

последствий операции. Хотели все провести чисто дипломатическим путем, без

применения оружия. Но Кеннеди не был к тому готов. Видимо, на него оказывали

давление военные, которые имели в Вашингтоне большое влияние. Думаю, что

сейчас они оказывают еще большее давление на свое правительство.

Конеv убул в Берлин. Приехав туда, объявил, что приступил к исполнению

обязанностей. Мы порекомендовали Коневу нанести визит командующему

американскими войсками. Тем более что он лично был знаком с Клеем. Одним

словом, необходимо было установить контакты напрямую. К тому времени мы уже

договорились с Ульбрихтом и лидерами других социалистических стран об

официальном установлении границы, которая прошла бы через Берлин и разделила

его строго на Западный и Восточный. Тем самым ГДР получила бы возможность

контролировать свою границу. Свободный проход через Западный Берлин в ГДР

был лазейкой для всех разведок капиталистических стран. Они могли проникать

в расположение наших войск, разведывать их вооружение, собирать прочие

разведданные. Кроме того, через свободный проход в Западный Берлин наносился

большой урон экономике ГДР. Создавалось вообще неустойчивое положение: много

интеллигенции и других лиц ушло на запад из ГДР, а в ФРГ в это время начался

большой промышленный подъем. Западная Германия нуждалась в рабочей силе и

набирала рабочих из Италии, Испании, Югославии, Турции, других стран.

Студенты, получившие высшее образование, тоже уходили туда, потому что в то

время (да, наверное, и сейчас) Западная Германия оплачивает труд

интеллигенции и рабочих выше, чем ГДР и другие социалистические страны.

Вопрос прогрессивности того или другого строя - это вопрос политический,

вопрос убеждений, но многие люди решают этот вопрос "от брюха". Они не

смотрят, что получат завтра, сегодня же западногерманское общество дает

больше, чем может получить человек в ГДР. Иначе и массового бегства не было

бы, из ГДР уходили бы только политические недруги. Сложилось тяжелое

положение, и Ульбрихт просил нас помочь им рабочей силой.

Мы, конечно, могли помочь, но подсобной рабочей силой, а

квалифицированных рабочих нам самим не хватало. И я говорил товарищу

Ульбрихту(12): "Германия нам навязала войну. Советский народ проливал кровь.

Мы победители. Наши рабочие не станут у вас нужники чистить. Это не просто

унижение. Такое предложение взорвет наших людей. Поэтому делать это мы не

**можем. Вам придется выходить из положения своими силами".
Что же Ульбрихту**

делать? У него были настежь открыты ворота. Если он призывал своих людей к

дисциплине или применял административные меры, немцы бежали, особенно

квалифицированные рабочие, потому что находили высокооплачиваемую работу в

Западной Германии. Народ там один и язык один, никаких трудностей. У меня

давно возникла мысль установить какой-то контроль, закрыв все ходы и

лазейки. И я обратился к нашему послу товарищу Первухину(13) с просьбой

прислать мне детальную карту Берлина с нанесением границы секторов. Он

прислал, но карта оказалась неясной. Я подумал, что ему самому трудно найти

нужную, и попросил обратиться от моего имени к Ульбрихту, рассказав о моей

идее. И к Якубовскому мы обратились с той же просьбой - прислать карту, но

военно-топографическую. Ульбрихт, узнав от Первухина о моем плане, просиял и

в восторге сказал: "Я полностью за! Вот настоящая помощь!".

Я предупредил Первухина и Ульбрихта, что пока план будем держать в

строгом секрете. Получив карты, мы в нашем руководстве обсудили план

действий и единогласно приняли решение проводить его в жизнь как можно

быстрее. По согласованию с Ульбрихтом собрали закрытое совещание

представителей всех стран, входящих в Варшавский пакт. Присутствовали только

секретари ЦК партий и председатели Советов министров. Был сделан короткий

доклад и предложена такая тактика действий: в определенный час будут

установлены шлагбаумы и другие пограничные атрибуты, войска подойдут к этой

границе, спереди немецкие солдаты, которые начнут устанавливать контроль, а

сзади, на каком-то удалении, - цепь наших войск. Цель такова: Запад должен

видеть наших солдат за спиной немцев. Выбрали 13 августа. Такое число

считается несчастливым, но я сказал сомневающимся, что для нас это число

станет счастливым. Все держалось в полном секрете. И вот войска установили

границу. Гвалт возник необычайный: именно в тот момент США усилили свой

гарнизон в Западном Берлине.

Появление такой границы сразу навело порядок, повысилась трудовая

дисциплина в ГДР, заводы и сельские коллективы стали работать лучше. Между

прочим, резко сократилось потребление продуктов "чужими". Ульбрихт нам

сообщал, что экономия выражалась миллионными суммами. Население Западной

Германии покупало многие продукты в ГДР и пользовалось ее коммунальными

услугами, которые в ГДР были дешевле. Западная марка по покупательной

способности значительно выше восточной. Таким образом обесценивалась марка

ГДР. То есть помимо политических западные немцы извлекали большие

экономические выгоды. И все это ложилось бременем на плечи рабочих и

крестьян ГДР. Теперь ситуация изменилась. Без подписания мирного договора

ГДР обрела суверенные права. Получила все, как если бы был подписан мирный

договор, кроме, конечно, моральной стороны дела: сохранялось официальное

состояние войны. Мы все были очень довольны своим решением. Я получил и

личное удовлетворение: без подписания мирного договора вырвали у Запада то,

что нам положено по праву. Эта акция давала ГДР все возможности развиваться,

как положено каждой нормальной стране.

В октябре того же года мы получили сведения, что американцы готовятся

разрушить стену, чтобы вернуть положение, которое было до 13 августа, и

восстановить свободный проход в ту и другую сторону города. Мы узнали их

план: впереди пойдут джипы с пехотой, вооруженные стрелковым оружием; за

джипами мощные бульдозеры, которые разрушат стену; за бульдозерами - танки

для прикрытия. Мы с Коневым разработали свою тактику и решили джипы с

солдатами пропустить, пусть проедут. Мы-то контроль установили для

гражданских лиц, а для военных сохранились условия, определявшиеся

Потсдамским соглашением: как военные Запада могли посещать сектор Восточного

Берлина, так и наши военные могли посещать Западный Берлин. Я тоже когда-то

воспользовался этим правом и поехал с советским комендантом города по

Западному Берлину, но не выходя из машины. Просто ездил, чтобы составить

себе какое-то представление. Конечно, ездил еще до установления Берлинской

стены и инкогнито.

У нас шли заседания XXII съезда партии. Конев присутствовал на съезде как

делегат и доложил мне, что в такой-то час американцы двинутся. Мы решили в

переулках Берлина замаскировать наши танки. Когда пехота перейдет границу, а

бульдозеры будут на подходе, то, чтобы не допустить разрушения стены, танки

должны будут вывернуться из переулков и двинуться навстречу бульдозерам. Так

и было сделано. Потом Конев сообщил: как только джипы с пехотой прошли, наши

танки развернулись и выехали навстречу бульдозерам и американским танкам. Те

приостановили движение. Пехота же, которой нечего было делать, развернулась

на джипах и вернулась в Западный Берлин. Наши танки приостановили свое

движение, американские - свое. Уж не помню теперь, в каком положении

остались бульдозеры, видимо, тоже были заморожены на месте. В таком

положении все и остались на ночь. Утром, когда заседания партийного съезда

возобновились, Конев опять доложил: положение не изменилось, наши танкисты

сидят в танках. Иногда выскакивают, гоняются друг за другом, чтобы

согреться, потому что ночь была прохладной. Уже наступила осень.

Американские танкисты, видимо, еще больше мерзнут в своих танках.

Я понял, что надо искать какой-то выход, и сказал Коневу: "Пусть наши

танки развернутся и уйдут в те переулки, из которых они вышли, но станут

так, чтобы не были видны американцам. Я уверен, что не больше чем через 20

минут (потребуется время доложить наверх и получить соответствующее

распоряжение) американцы уберут свои танки, потому что им неудобно убирать

танки под дулами наших орудий. Они влезли в эту историю, а теперь не знают,

как выпутаться. Раз они не действуют, значит, тоже ищут выход. Вот мы им его

и предоставим, первыми уберем свои танки, а они последуют нашему примеру".

Конев так и сделал. Потом он сообщил: "Действительно, как только наши танки

ушли, через 20 минут американские танки тоже развернулись и скрылись из

глаз". Это явилось признанием де-факто закрытия границы и разделения Берлина

на две части: западную, капиталистическую, и восточную, социалистическую.

Все это тогда очень обыгрывалось в печати. Западные газеты подняли шум,

публиковали всяческие протесты и осуждения, но факт остался фактом.

Потом, кажется, происходили какие-то нарушения границы некоторыми

гражданами ГДР, некоторые пытались убежать, и кое-кому это удавалось. Мне

докладывали, что какая-то группа лиц на грузовом автомобиле сбила шлагбаум и

проскочила в Западный Берлин. Чтобы такого не повторялось и нарушители не

прорывались насильственным путем (иначе через такой контроль могли бы

убежать и разведчики, которым угрожал арест), границу следовало укрепить. И

я сказал: "Это не контроль. Такие нарушения дискредитируют тех, кто охраняет

границу, показывают, что те не умеют ее охранять". Были приняты новые меры,

но мы все же сомневались, смогут ли восточные немцы строго контролировать

границу. Могла сложиться ситуация, когда нужно будет применить оружие, а

немцу стрелять в немца тяжело. Мы высказывали свои сомнения, и ГДР нам

ответила так: "У вас столько лет шла гражданская война, русские сражались

против русских. И не только с вашей стороны воевал трудовой народ. Те, кто

воевал на стороне белой армии, были введены в заблуждение, их вели генералы

и офицеры, а вы в них стреляли. Почему же вы думаете, что немцы не понимают

классовой борьбы? При выполнении воинского долга, защищая свою

социалистическую республику, у нас не дрогнет рука". Так оно и произошло. И

сейчас случаются инциденты, но войска ГДР воспитываются на

марксистско-ленинском учении, понимают классовую сущность дела и твердо

стоят на охране границ своего социалистического отечества.

Спустя какое-то время по закрытым каналам, а иной раз в ходе бесед. Запад

стал высказываться, что сложившуюся ситуацию не изменить, надо признать

границу де-факто и далее не накалять наших отношений. Американцы отозвали

Клея. Как только это произошло, я предложил отозвать Конева. Если говорить

образно, то мы сделали обратный ход конем и переставили его на московскую

землю. Американские войска, мобилизованные для усиления гарнизона, тоже были

отозваны из Западного Берлина. Таким образом, восстановилось статус-кво. Вот

первые последствия нашей неудовлетворительной встречи с Кеннеди в Вене.

Можно сказать, что он потерпел поражение. Или ему нужно было бы начать

военные действия против нас. Но это вообще неразумно. Он как умный человек

понимал, что риск слишком велик. Да и не было особого смысла рисковать. А мы

поставили Запад перед свершившимся фактом. Наши бывшие союзники по войне

против гитлеровской Германии вынуждены были проглотить эту горькую пилюлю.

Примечания

(1) ФУЛБРАЙТ Дж. У. (р. 1905) - сенатор в 1945 - 1974гг., возглавлял

Комитет по иностранным делам сената в 60-е годы.

(2) 10 февраля 1962 г. Ф. Г. Пауэрса обменяли на осужденного в США за

шпионаж советского разведчика полковника КГБ Р. Абеля.

(3) КЕННЕДИ Дж. Ф. (1917 - 1963) - офицер флота в 1941 - 1945 гг.,

конгрессмен в 1947 - 1961 гг., был избран 35-м президентом США в 1960 г.,

вступил в должность 20 января 1961 г.

(4) 2 июня 1961 г.

(5) РАСК Д. (род. в 1909 г.) - с 1946 г. официальный помощник военного

министра США, с 1947 г. начальник управления в государственном департаменте,

с 1949 г. зам. заместителя государственного секретаря, с 1950 г. помощник

госсекретаря, с 1952 г. президент фонда Рокфеллеров, с 1961 г.

государственный секретарь, с 1970 г. работал в университете штата Джорджия.

(6) В 1948 г. советские оккупационные власти прервали наземное сообщение

Западного Берлина с ФРГ. Бывшие союзники СССР по второй мировой войне

организовали "воздушный мост" для связи с Западным Берлином. В том же году

его блокада была отменена.

(7) Возникшие после второй мировой войны четырехсторонняя межсоюзническая

комендатура и единый магистрат Большого Берлина прекратили существование к

началу 1948 г.

(8) БРАНДТ В. был федеральным канцлером в 1969 - 1974 гг.

(9) Речь идет о Венгерской революции 1848 - 1849 гг. Российская армия

участвовала в ее подавлении с мая по август 1849 г.

(10) Президентом был (от Социалистической партии) А. Шерф, федеральным

канцлером (от Народной партии) - А. Горбах.

(11) ЯКУБОВСКИЙ И. И. (1912 - 1976) - Маршал Советского Союза с 1967 г.,

был в 1957 - 1965 гг. первым заместителем главнокомандующего и

главнокомандующим Группой советских войск в Германии.

(12) УЛЬБРИХТ В. (1893 - 1973) был в ту пору первым секретарем ЦК

Социалистической единой партии Германии и председателем Государственного

совета ГДР.

(13) ПЕРВУХИН М. Г. (1904 - 1978) являлся послом СССР в ГДР в 1958 - 1962

гг.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Хотел бы рассказать, что такое Карибский кризис. Эти события 1962 г.

возникли при следующих обстоятельствах. Когда Фидель Кастро добился победы и

вступил со своими войсками в Гавану, мы в СССР, собственно говоря, еще не

знали, какое политическое направление будет принято победителями. Знали, что

в движении, возглавляемом Кастро, участвуют отдельные коммунисты-одиночки,

но Компартия Кубы в целом не контактировала с ним, и секретарь ЦК Компартии

Кубы даже вышел из партии, чтобы уйти партизанить в горы вместе с Кастро(1).

Когда повстанцы заняли Гавану(2), мы пользовались

материалами только газет и

радио. Слушали, что передавалось из самой Кубы и что говорили о ней другие.

Положение было очень неясным.

Фидель оставил тогда одного из близких ему деятелей президентом

Республики Куба(3). Этот человек нам был совершенно не известен. Кроме того,

Куба официально наше государство не признавала, и долгое время у нас с нею

никаких дипломатических связей не существовало(4). Наши люди, которые

занимались Латинской Америкой, начали теперь выезжать на Кубу. Раньше они

знали лишь некоторых кубинских деятелей, в частности, брата Фиделя(5) -

Рауля Кастро. Как-то случайно один наш товарищ плыл вместе с ним в Мексику

на одном корабле. Этот товарищ потом мне рассказывал, как они познакомились,

беседовали, а потом Рауля в Мексике, на глазах у нашего товарища, задержали

и арестовали. Основываясь на данных, полученных по разным каналам, мы знали,

что Рауль Кастро - коммунист. Но считалось, что он свои убеждения якобы

скрывает от брата; тот вроде бы о них не ведает. Гевара(6) тоже был

коммунистом, как и некоторые другие сподвижники Фиделя.

Но все это были

слухи, а официальные связи с ними у нас еще не наладились.

Дальнейшие события развивались быстро. Мы решили в ту пору послать в США

Микояна, в качестве "гостя нашего посла", для установления неофициальных

связей с американским деловым миром. Анастас Иванович бывал там еще до

войны, и у него сохранились какие-то личные связи. Мы верили, что, когда

Микоян появится в Вашингтоне, там найдутся люди из деловых кругов, которые

захотят установить с нами контакты. В любом случае мы хотели почувствовать,

какие там существуют веяния. Главное, хотели выяснить перспективы развития

торговли с США. Когда Микоян находился в США, Фидель пригласил его посетить

на обратном пути Кубу. Микоян поехал туда, посмотрел, поговорил. Но и

только. Ведь у нас дипломатических отношения с Кубой не было, и Кастро пока

придерживался в отношении нас осторожной политики.

Характерным для обстановки на Кубе в то время и для роли Фиделя был,

например, такой анекдот. Кубинское революционное руководство попало на небо.

Вышел к ним апостол Петр и велел всем построиться, затем сказал:

"Коммунисты, три шага вперед!". Вышел Гевара, вышел Рауль, еще кто-то, а все

остальные стоят на месте. Тогда Петр крикнул Фиделю: "Эй, ты, большой, а ты

не слышишь, что ли?". То есть считали, что Фидель - коммунист, а на небесах

он себя вовсе не считал коммунистом и полагал, что услышанная команда к нему

никакого отношения не имеет. Вот характерное явление для Кубы того времени.

Вскоре у нас были установлены дипломатические отношения с Кубой(7), и

СССР направил туда свою делегацию. Кубинцы вынуждены были обратиться к нам

за помощью: американцы лишили их нефти, их главного источника энергии. Жизнь

на острове едва не замерла, и нам пришлось срочно организовать доставку

нефти на Кубу. По тем временам это была довольно трудная задача: у нас не

имелось достаточного количества танкеров или других подходящих морских

посудин, и нам пришлось срочно мобилизовывать из числа действующих в ущерб

уже шедшим перевозкам, а также закупать и заказывать танкеры, чтобы

обеспечить Кубу нефтепродуктами. Тогда итальянцы продали нам много танкеров.

На этой почве возник даже конфликт Италии с США: американцы обвинили Италию

в том, что она "не проявила солидарности". Этот случай свидетельствует и о

взаимоотношениях между капиталистическими странами: если можно заработать,

то никакая солидарность особенно во внимание не принимается.

Когда у нас установились дипломатические отношения с Кубой, мы направили

послом туда профессионального дипломатического работника С. М. Кудрявцева.

Кроме того, там находился "журналист" из ТАСС Алексеев, особый сотрудник(8).

Фидель и особенно Рауль Кастро сразу увидели, что это не просто журналист, а

представитель определенного ведомства. Они установили с ним доверительные

отношения. Когда им что-либо было нужно, то они чаще обращались прямо к

Алексееву, чем к послу. Алексеев сейчас же связывался с Центром и сообщал

нам о нуждах Кубы. Посол же повел себя нескладно. Обстановка на Кубе

накалялась, начали уже "постреливать", и он потребовал, чтобы ему

предоставили особую охрану. Кубинское руководство - бывших партизан - это

удивляло и раздражало: они-то представляют собой, пожалуй, более выгодную

мишень для врагов революции, а ходят без охраны; наш же аристократ-коммунист

требует для себя каких-то особых условий, которые абсолютно исключили бы для

него возможность неприятностей.

Когда мы увидели, что это ведет к ухудшению наших взаимоотношений, то

отозвали оттуда посла. Такой человек не годился для революционной Кубы.

Новым послом решили утвердить Алексеева(9), к которому кубинские товарищи

уже привыкли, хорошо его узнали и которому доверяли. Он в их глазах был

"своим". Значит, выбор окажется удачным. Дальше - больше! Кастро повел себя

завзятым коммунистом. Так он себя еще не именовал, но коммунистов стали

привлекать к управлению страной.

К тому времени президент, которого назначили прямо на митинге после

занятия Гаваны, сбежал в США(10). Причиной послужила начавшаяся

национализация предприятий и конфискация имущества американских богачей.

Затем стали ограничивать помещиков. Там имелись очень крупные латифундии.

Тут сразу многие из тех, кто прежде боролся вместе с Кастро и приветствовал

его как человека, который возглавил борьбу за независимость и изгнание

Батисты, отвернулись от революции, ибо многие, сражавшиеся

рядом с Кастро,

не хотели больших социальных перемен на острове. Им надоел продажный режим

Батисты, и они выступили против него, но у них и в мыслях не было изменить

общественный строй на Кубе. Им нужен был новый "свой человек", будь то

Батиста, Кастро или кто-либо еще, безразлично кто.

Американцы на первых порах тоже рассматривали Кастро именно так и

считали, что капиталистические устои на Кубе нерушимы. А когда Кастро

заявил, что Куба стала на путь строительства социализма, время было уже

упущено и организованных сил, которые дрались бы за интересы США на Кубе, не

существовало. Поэтому для них оставался теперь единственный выход -

вторжение извне.

Между тем кубинцы попросили у нас вооружения. Мы передали им танки,

артиллерию, послали своих инструкторов. Кроме того, отправили зенитные пушки

и несколько самолетов-истребителей. В результате Куба довольно солидно

вооружилась. Главным недостатком кубинской армии было отсутствие у нее

должного боевого опыта. Танками они вообще не умели пользоваться. Из опыта

партизанской борьбы им было знакомо лишь личное оружие:
карабин, автомат,
граната, пистолет.

О начале вторжения на Кубу(11) мы узнали из сообщений
зарубежных

радиостанций. Какими силами и кто вторгся, мы не знали.
Кубинские ли это

заговорщики или сами американцы? Мы считали, что при всех
случаях и под

любой маркой, но вторжение обязательно должно быть с
участием американцев.

Фидель быстро мобилизовал свои силы и довольно легко
отделался, разгромил

контрреволюционеров(12). Американцы слишком
доверились заговорщикам,

полагая, что при помощи их оружия эти кубинцы справятся с
Кастро, но

просчитались. После победы Фиделя мы усилили помощь Кубе:
давали ей столько

вооружения, сколько кубинцы могли освоить. Вопрос стоял
тогда не о

количестве или качестве оружия, а о наличии кадров, которые
могли бы владеть

современным оружием.

Когда еще не были разгромлены силы вторжения, Кастро
выступил с

декларацией, что Куба пойдет по социалистическому пути(13).
Нам это было не

совсем понятно. Ведь это не способствовало консолидации в тот

момент более

широкого круга сил против вторжения и сразу отбрасывало от Кастро людей,

которые лично выступали против социализма. Тогда раздавались отдельные

голоса, что Кастро сделал это заявление потому, что, видимо, сам не очень-то

верил, что одержит победу над вторгшимися контрреволюционерами, и ему

хотелось, если уж погибнуть, так "с музыкой". Конечно, с точки зрения личной

храбрости его действия были правильными. Но с точки зрения тактики этого не

следовало делать. И все же он победил, разбил контрреволюционеров, взял

часть их в плен.

Мы приветствовали эту победу, но были уверены, что тут - только начало,

что американцы не успокоятся. Американцы доверились кубинским эмигрантам,

эмигранты были разбиты. Они не откажутся от повторения агрессии, но это

станет повторением на новой основе. Они учтут уроки поражения и

переорганизуются.

Между тем в Европе разразился Берлинский кризис(14). Наши отношения с США

сильно накалились. Однако президент Кеннеди предпринимал со своей стороны

шаги, чтобы нам как-то договориться. Правда, договориться на американской

основе. Он считал, что в такой основе наших отношений должен лежать, как он

говорил мне в Вене, статус-кво. Мы тоже стояли на позициях статус-кво (имею

в виду наше правительство и Центральный Комитет партии). Дело заключалось в

том, что понимание этого статус-кво у нас различалось.

Я, например, считал, по статус-кво распространяется только на нерушимость

границ при военном вмешательстве одного государства в дела другого. А

президент Кеннеди распространял статус-кво и на внутренние порядки в каждом

государстве. Я ему сказал, что это просто немыслимо: "Вы хотите, чтобы мы с

вами, договорившись, обеспечили всюду господство эксплуататоров?"

Политическое устройство - это же внутренний вопрос. Вы же сами, США,

освободились войной от колониальной зависимости и упорно воевали с Англией.

А теперь вы хотите, чтобы как раз в таких случаях, в каком вы вели войну

против Англии за свое освобождение, мы выступали на стороне реакции? Это же

немыслимое дело".

Уже имелись исторические примеры несостоятельности такого

подхода. Возник

когда-то в Европе Священный союз(15), но он ничего не смог предотвратить и

потом распался. Нас больше всего беспокоил тогда Берлин, а также Куба. Это

были основные точки, где мы чувствовали возможность столкновения. В Берлине

возможно было прямое столкновение. Нужно сказать, что там американцы при

выполнении своих договорных обязательств вели себя довольно лояльно. Но они

требовали, чтобы и мы не нарушали их. Это было вызвано тем, что там они были

более уязвимы, чем мы, потому что связь с Западным Берлином(16) должны были

держат через территорию, занятую советскими войсками, на которой

образовалось новое немецкое государство - ГДР, развернувшее строительство на

социалистических началах.

Мы все делали, что было в наших силах, чтобы не допустить войны, но и

чтобы Западный Берлин одновременно высвободить из-под военного влияния

западных стран, чтобы не находились там их гарнизоны. Наша цель - сделать

Берлин вольным городом. Об этом мы говорили в своих выступлениях и открыто,

и дипломатическим путем, предлагали соответствующие

переговоры. Но Запад

отверг наши предложения. Поэтому мы делали тогда все, что в наших силах,

чтобы принудить его к этому.

Особенно боролись мы (еще и сейчас продолжается эта борьба) против

претензий Западной Германии на Западный Берлин, включения его в состав ФРГ.

Это противоречит Потсдамскому соглашению и всему сложившемуся пониманию

послевоенной ситуации, и мы делали все, чтобы помешать этому. То есть в

данном конфликте, если он возник бы, больше мы являлись "зачинщиками".

"Зачинщиками" же стали потому, что хотели устранить опухоль, которая там

существовала, да и сейчас существует и грозит разрастись, вылиться в военное

столкновение. Запад противостоял нам и не соглашался с нами.

Вот один пункт остроты. Второй пункт - Куба. Когда кубинские

контрреволюционеры организовали нападение на Кубу и высадили там десант,

здравомыслящему человеку было ясно, что это сделано с благословения США.

Иначе и быть не могло. Высадка оказалась возможной только при поддержке

военными средствами США. Мы ожидали, что там со стороны США будет оказана

также прямая поддержка военными силами, но этого не произошло. Однако была

все же предпринята акция, которая могла стоить потери завоеваний кубинского

народа, утраты возможности строительства социализма на Кубе.

Хотя контрреволюционеры потерпели поражение при высадке своего десанта на

Кубе, надо было оставаться совершенно нереалистичным человеком, чтобы

считать, что на этом все кончилось. То было лишь начало, хотя и неудачное

начало. Но неудачное начало ведет к желанию взять реванш. Соответственно и

печать начинала уже обрабатывать и готовить общественное мнение в том духе,

что надо ожидать новую акцию со стороны контрреволюции. Но теперь будет не

такое вторжение, которое предпринималось и которое Фидель Кастро легко

разбил. Урок, который получили США, будет учтен. Поэтому, если последует

новая акция, то ее организуют большими силами и с лучшей подготовкой. Даже

если США и не станут прямо участвовать, а опять полезут контрреволюционеры,

то вместе с ними туда поедут организованные, хорошо вооруженные и в большом

количестве войска США, но в форме кубинцев. Пока разберутся, что это

действуют не кубинские контрреволюционеры, а вооруженные силы США, дело уже

будет сделано. Возможны различные варианты.

Можно было опять использовать контрреволюционеров, но при другой их

организации, при другом соотношении сил или даже прямом вмешательстве США.

Тем более что от нас до Кубы 11 тысяч километров, а США от Кубы отстоят в

нескольких десятках миль. А если принять во внимание мощную американскую

базу на Кубе, то можно сказать, что США уже находятся на Кубе. Они могли

организовать вторжение и оттуда. Всегда можно будет объявить: вот, кубинцы

напали на военную базу, нарушили договор, и мы должны защищаться, а теперь в

порядке самозащиты наказали тех, кто напал на нас. Они не смирятся,

обязательно найдут возможность и оправдание для новой агрессии. Всегда прав

тот, кто силен. Иди потом, разбирайся, кто прав, а кто виноват, когда уже

Кубы не будет, Фиделя не будет, а сядет в Гаване какой-то новый Батиста,

который начнет разговаривать со всем миром от имени кубинского народа.

Каждому мало-мальски опытному человеку будет ясно, что это ложь и клевета.

Но дело-то сделано, и судить некого. А главное, что некому судить, пока

империализм в целом еще сохранился. Судить, собственно, будет и некому,

потому что судит ООН. А где этот суд ООН? Мы уже знали много примеров, как

судят в ООН США и какой результат от такого суда. Остается моральный суд.

Но, когда вопрос решается оружием, мораль отбрасывается.

Надо было что-то предпринять, чтобы обезопасить Кубу. Но как? Какими-то

вооруженными силами с нашей стороны? Или какими-либо заявлениями, которые мы

можем сделать в виде ноты или предупреждений ТАСС? Все это не очень-то

подействует на американских агрессоров, не произведет на них даже

впечатления, если они не увидят за этими предупреждениями реальной силы и

каких-то реальных акций. Подобные действия иной раз приносят даже вред. Об

этом хорошо сказано в давнем рассказе: пастухи предупреждали для

профилактики - вон волк, волк, волк, а волка-то и не было, когда же волк

взаправду напал, опять закричали - волк, волк! Однако уже никто не обратил

внимания, и волк сделал свое дело(17).

Таков теперь "классический" китайский способ действий.

После тысячи

строгих предупреждений(18), которые они сделали американцам, как говорится,

американский Васька слушает, да ест. Такой метод был опасным раньше и

остается опасным сейчас. Мы предусматривали такую опасность и считали, что

подобным способом надо пользоваться только в меру. Если предупреждаешь, то

продумай, что ты можешь реально сделать, коль скоро предупреждения не

возымеют действия. Если предупреждать впустую, то приучишь противника, что

ты болтун, делаешь пустые заявления, за которыми никаких реальных акций не

следует, поэтому не следует и обращать на них внимания. Следовало поэтому

предпринять что-то реальное. Должен признаться, что меня очень занимала эта

проблема.

Потеря революционной Кубы, которая первой из латиноамериканских стран,

ограбленных США, встала на революционный путь, понизит у народов других

стран волю к революционной борьбе. Наоборот, сохранение революционной Кубы,

которая идет по пути строительства социализма, в случае успешного развития

ее в этом направлении и повышения жизненного уровня

кубинского народа до

такой степени, чтобы он стал как бы прожектором, желанным маяком для всех

обездоленных и ограбленных народов латиноамериканских стран, оказалось бы в

интересах марксистско-ленинского учения. Это соответствовало стремлению

народов СССР освободить мир от капиталистического рабства для перестройки

общественной жизни на марксистско-ленинских, социалистических,

коммунистических началах. Но как это сделать, имея в виду территориальное

расположение нашей страны, удаленность Кубы от нас, близость Кубы к США и

наличие к тому же на территории Кубы военной базы США? Сложилась тяжелая

ситуация. США всегда рассматривали Кубу как свой штат, только юридически не

оформленный таковым. Кубинский диктатор Батиста был подставным лицом и

выполнял волю США: он сам грабил свой народ и давал возможность грабить его

империалистам США. США были убеждены в незыблемости своей власти на Кубе.

Они считали, что правительства могут там меняться, но реальная власть,

власть американских монополий, всегда сохранится.

Как-то в дружеской беседе я сказал Фиделю: "Вы ведь

победили потому, что

тут получился первый такой случай среди латиноамериканских стран". Обычно у

них один диктатор уступает место другому диктатору, который приходит к

власти любыми доступными средствами, в том числе военными. США при этом

сохраняют нейтралитет, занимают позицию невмешательства. Всем известно, на

чем это невмешательство основано. Одно имя уже использовано империалистами

США, они уже пограбили Кубу и дали Батисте возможность грабить и нажить себе

капитал. Потом диктатор уходит, потому что изжил себя и далее нетерпим. Его

выгоняет другой, который поднимает восстание и приходит к власти, а США при

этом не страдают. Был прежде Батиста, пусть теперь будет на Кубе другой, к

примеру, Кастро. Главное, чтобы положение США было сохранено на Кубе. Они

так и считали.

Если бы они допускали, что с изгнанием Батисты, с разгромом его войск

Фиделем Кастро они потеряют Кубу, лишатся своих капиталов и Куба перейдет на

позиции социалистического строительства, то очень мало потребовалось бы

средств со стороны США, чтобы помочь Батисте и не допустить

его разгрома.

Они имели эту возможность. Во-первых, сам Батиста обладал войсками и

вооружением лучшим, чем Фидель. У него были и танки, и авиация, и

артиллерия. Что, народ его не поддержал? США могли найти достаточное

количество наемных лиц, которых можно было бы послать на Кубу в виде

кубинских танкистов, летчиков и даже простой пехоты, чтобы поддержать

Батисту и не допустить его свержения. И США сделали бы это. Но они думали,

что здесь налицо просто смена имен, а социально-политическое положение,

установившееся на Кубе, незыблемо, как и в других латиноамериканских

странах, в которых господствует американский капитал и где правительства

прямо или косвенно служат США и прикрывают грабеж своих стран американскими

монополиями.

Когда я это высказал Фиделю Кастро, он запротестовал: "Нет! Нет! Нет! Мы

разбили бы их". Я сказал: "Давайте на этот счет не будем вести дискуссию,

останемся каждый при своем мнении". Ведь за примерами недалеко ходить:

панамский кризис, интервенция в Доминиканской республике и

пр. (19) Там тоже

для прогрессивных сил сложились очень благоприятные условия. Но американцы

бесцеремонно высадили свои войска, когда местные правители уже не могли

справиться, и нашли даже какие-то юридические оправдания для себя. Я уже не

говорю о Бразилии. Можно упомянуть и Венесуэлу, и Гватемалу. Таких примеров

очень много. Поэтому надо было ожидать, что агрессивные силы США сделают

вывод из урока, который они получили. А им нанес, если не военный, так

моральный удар, нанес пощечину Фидель, разгромив контрреволюционные силы,

которые были высажены на Кубе. Тут был нанесен и военный ущерб США, потому

что все догадывались, что США вооружали эти силы.

Я был уверен, что новая высадка неотвратима, что это лишь вопрос времени

и что в очень недалеком будущем американцы повторят ее. Зачем им терять

много времени? Надо действовать под шумок, пока еще не улеглось возбуждение

общественного мнения, подогретого вторжением контрреволюционеров.

В 1962 г. я возглавлял делегацию Советского Союза, которая ездила в

Болгарию по приглашению болгарских ЦК Компартии и

правительства. Там

**проходили хорошие, дружеские беседы, встречи с народом.
Какие еще могли быть**

**встречи в Болгарии? Я и не знаю, что вообще может быть
теплее, искреннее,**

**чем эти встречи. Нас с Болгарией связывает давняя история.
Она берет свое**

**начало еще в те времена, когда турки оккупировали Болгарию.
Наша дружба**

**хорошо описана, в частности, у Тургенева. Помните его героя
Инсарова(20)?**

**Болгарина, который жил и учился в России, а потом уехал
бороться за свободу**

**своей родины? Очень хорошо написано. Каждый, кто следит
за общественной**

**жизнью Восточной Европы и нашими отношениями с
болгарами, сам все это видит**

**и чувствует. А те из нас, кто побывал в Болгарии и встречался с
болгарским**

**народом, особенно в деревнях, хорошо это знают лично. С
руководителями**

**Болгарии, Живковым(21) и другими членами Политбюро и
правительства,**

**разговоры велись откровенные, прямые, без всяких там задних
мыслей. Каждый**

**определял сразу свою позицию, и этот наш взаимный обмен
мнениями выливался в**

**единое понимание дела. Думаю, что такое же положение вещей
существует и**

сейчас.

Ездил я по Болгарии, а мой мозг неотвязно сверлила мысль:
"Что будет с

Кубой? Кубу мы потеряем!". Это был бы большой удар по
марксистско-ленинскому

учению, и это отбросит нас от латиноамериканских стран,
понижит наш престиж.

И как на нас потом будут смотреть? Советский Союз - такая
мощная держава, а

ничего не смог сделать, кроме пустых заявлений, кроме
протестов и вынесения

вопроса на обсуждение ООН, как это случается. На все такие
протесты,

которыми пользуются в подобных случаях, США и другие
империалистические

страны почти не обращают внимания. Идет, конечно, дуэль
через печать, через

радио и потом кончается, все стирается временем и остается так,
как сделал

агрессор. Это для меня было совершенно ясно.

Надо было что-то придумать. Что? Очень сложно найти вот это
что-то, что

можно было противопоставить США. Естественно, сразу
напрашивалось такое

решение: США окружили Советский Союз своими базами,
расположили вокруг нас

ракеты. Мы знали, что ракетные войска США стоят в Турции и
Италии, а про

Западную Германию и говорить нечего! Мы допускали, что,

возможно, есть они и

в других странах. Они нас окружили военно-воздушными базами, и их самолеты

находятся на расстоянии радиуса действия от наших жизненных промышленных и

государственных центров. А самолеты эти вооружены атомными бомбами. Нельзя

ли противопоставить им то же самое? Однако все это не так просто!

Я как Председатель Совета Министров СССР и Первый секретарь ЦК партии

должен был так решить вопрос, чтобы не вползти в войну. Ума-то никакого

особого не требуется, чтобы начать войну. Требуется больше ума кончить ее.

Дураки легко начинают войну, а потом и умные не знают, что делать.

Существовала и другая трудность. Очень просто поддаться крикам со стороны

США и перейти на словесную дуэль, которая в вопросах классовой борьбы мало

чего стоит.

А когда Даллес объявил свою политику скалывания, то есть постепенного

отрыва страны за страной от социалистического лагеря или же стран, которые

находятся с нами в дружеских отношениях, то он нацелился подчинять их своему

влиянию. Но так как капиталистическая идеология не является

сейчас уже особо

привлекательной для большинства народов, то здесь больше всего Даллес

рассчитывал именно на силу, на военную силу. И я подумал: а что, если мы,

договорившись с правительством Кубы, тоже поставим там свои ракеты с

атомными зарядами, но скрытно, чтобы от США это было сохранено в тайне? Надо

будет поговорить с Фиделем Кастро, обсудить нашу тактику и цели, которые мы

преследуем. Когда все будет обговорено, можно начинать такую операцию. Я

пришел к выводу, что если мы все сделаем тайно и если американцы узнают про

это, когда ракеты уже будут стоять на месте, готовыми к бою, то перед тем,

как принять решение ликвидировать их военными средствами, они должны будут

призадуматься.

Эти средства могут быть уничтожены США, но не все. Достаточно четверти,

даже одной десятой того, что было бы поставлено, чтобы бросить на Нью-Йорк

одну-две ядерные ракеты, и там мало что останется. Атомная бомба, сброшенная

США на Хиросиму, имела мощность в 20 тысяч т взрывчатки. А нашу бомбу в

миллион тонн еще никто не проверил на себе. Но по нашим

испытаниям было

известно, что разрушения производятся колоссальные. Я не говорю, что все бы

там погибли. Нет, не все бы погибли, но трудно сказать, сколько не погибло

бы. Одним словом, ученые и военные, которые имеют отношение к атомному

оружию, хорошо себе все это представляют. Думалось, что это сможет удержать

США от военных действий. Если бы сложилось так, то было бы неплохо:

получилось бы в какой-то степени "равновесие страха", как Запад это

сформулировал.

Они окружили нас военными базами и держат под возможностью ударов нашу

страну. А тут американцы сами бы испытали, что означает такое положение.

Мы-то уже привыкли к этому. Мы за последние полвека провели на своей земле

три большие войны: первую мировую, гражданскую и вторую мировую, а США войн

на своей территории давно не имели. Они во многих войнах участвовали, но при

этом обогащались, затрачивая минимальное количество крови своих людей, а

наживали миллиарды и грабили весь мир... Я ходил, думал, и все это

постепенно созревало во мне. Никому я свои мысли не

высказывал, потому что

это было мое личное мнение, мои душевные страдания. Я тогда просто ни с кем

не мог поделиться ими. В Болгарии с Живковым я поделиться ими тоже не мог,

потому что я со своими товарищами по партии еще ничего не обсуждал. Как же я

могу обмениваться мнениями даже с самой дружеской страной и дружеским

руководством, не обговоривши у себя и не заручившись согласием своих

товарищей по Центральному Комитету КПСС и правительству?

Когда я вернулся в Советский Союз, то продолжал обдумывать этот вопрос.

Потом мы собрали заседание, и я сказал на нем, что хотел бы изложить свои

взгляды по вопросу о Кубе, и произнес то, что обдумал. Сказал, что иначе

Куба будет разгромлена, что нельзя надеяться на то, что во второй раз

вторжение будет организовано так же плохо. Фидель Кастро уже не сможет

добиться победы, ибо опыт разгрома десанта Фиделем будет учтен, и поэтому

сразу будет брошено туда большее количество оружия и людей, и не в одной

точке. Остров Куба растянулся на значительно больше тысячи километров, а в

поперечнике имеет в отдельных местах лишь около 50

километров. Поэтому Куба

очень уязвима для морских десантов. США, которые имеют огромный воздушный и

морской флот, ничего не стоит организовать высадку десанта в любой точке и

таким образом заставить рассредоточить оборонительные силы Кубы, сделав их

фактически неэффективными. И вообще для армии США разбить армию Кубы больших

трудностей не составит.

Товарищи меня слушали. А я сразу же, как закончил изложение своей точки

зрения, сказал: "Давайте сейчас этого не решать. Я только высказал вам свои

соображения. Вы не подготовлены к решению такого вопроса, должны все

обдумать. И я тоже еще подумаю с тем, чтобы через неделю нам снова собраться

и еще раз все обсудить. Мы должны очень хорошо все взвесить. Я считаю своим

долгом предупредить, что эта акция повлечет за собой много неизвестного и

непредвиденного. Мы, конечно, хотим сделать все, чтобы обезопасить Кубу и

чтобы Кубу не раздавили. Но мы можем втянуться в войну. Это тоже надо иметь

в виду. Если, к примеру, Куба будет ликвидирована как социалистическая

страна, а Советский Союз останется, то народ Кубы через какое-

то время опять

нарастит свои силы и она вновь будет свободной, станет социалистической.

Конечно, если Куба будет сейчас разбита, то такая историческая возможность

отодвинется надолго не только для Кубы, но и для других латиноамериканских

стран. Но еще хуже, если Советский Союз потерпит поражение, будет разрушен,

опять должен будет восстанавливаться. Это нанесет куда больший ущерб

международному коммунистическому движению, чем потеря одной Кубы.

Нам надо так сделать, чтобы сохранить свою страну, не допустить войны, но

и не допустить, чтобы Куба была разгромлена войсками США. Нужно добиться,

чтобы сохранилось то положение, которое существует сейчас, и способствовать

дальнейшему его развитию в сторону укрепления и развития социалистического

строительства на Кубе. Нужно сделать Кубу факелом, притягательным магнитом

для всех обездоленных народов латиноамериканских стран, которые ведут борьбу

против эксплуатации их американскими монополиями. Подогревающий огонь

социализма со стороны Кубы будет ускорять процесс борьбы этих стран за

независимость".

**Прошла неделя. И я опять поставил этот вопрос.
Спрашиваю: "Ну, как,**

**товарищи, подумали?" - "Да, подумали". "Ну, и как?"
Первым слово взял**

**товарищ Куусинен(22). Он сказал: "Товарищ Хрущев, я думаю
так. Если вы**

**вносите теперь такое предложение и считаете, что нужно
принять такое**

**решение, то я вам верю и я голосую вместе с вами. Давайте
делать дело". Мне,**

**с одной стороны было лестно слышать это, а с другой - и
слишком тяжело. Его**

**ответ возлагал всю ответственность на меня, но я очень
уважал Куусинена,**

**знал его честность и искренность и поэтому по-хорошему
воспринял его слова.**

**Товарищ Микоян выступил с оговорками. В таких вопросах
без оговорок,**

**конечно, нельзя. Но его оговорки заключались в том, что мы
решаемся на**

**опасный шаг. Однако это я и сам сразу высказал. Я даже так
заявил, что этот**

**шаг, если грубо сформулировать, стоит на грани авантюры.
Авантюризм**

**заключается в том, что мы, желая спасти Кубу, сами можем
ввязаться в**

**тяжелейшую, невиданнейшую ракетно-ядерную войну. Этого
надо всеми силами**

избежать, а сознательный вызов такой войны есть действительно авантюризм.

Я-то был против войны. Но если жить только под давлением боязни и в том

смысле, что всякая наша акция в защиту себя или в защиту наших друзей

вызовет ракетно-ядерную войну, - это, следовательно, означает парализовать

себя страхом. В таком случае война возникнет наверняка. Враг сразу

почувствует, что ты боишься, если он придет с войной. Или же ты без войны

станешь уступать постепенно свои позиции и дашь возможность врагу достичь

его целей. Или же ты своей боязнью и уступчивостью так разохотишь врага, что

он потеряет всякую осторожность и уже не будет чувствовать той грани, за

которой война станет неизбежной.

Такая проблема стояла раньше и стоит сейчас. Надо не желать войны и

делать все, чтобы не допустить войны, - но не бояться войны. Если создается

невыгодная ситуация, то ты должен отступить. Однако если отступление есть

начало конца твоего сопротивления, так лучше уж рискнуть. На миру и смерть

красна! Попытаться сокрушить своего врага, а если война будет навязана им,

**сделать все, чтобы выжить в такой войне и добиться победы.
Вот, собственно,**

**как мы все понимали сложившуюся ситуацию. Я и сейчас много
об этом думал. Я**

**вот уже сколько лет нахожусь на положении неработающего
пенсионера: особых**

**дел у меня нет, в настоящем и будущем у меня особых вопросов
не возникнет,**

**поэтому я и живу анализом пройденного пути. А путь,
пройденный мною,**

хороший, и я его не только не стыжусь, а горжусь им.

**Карибский кризис является украшением нашей внешней
политики, в том числе**

**моей как члена того коллектива, который проводил эту
политику и добился**

блестящего успеха для Кубы, не сделав ни единого выстрела.

**Как далее развивался кризис, когда мы приняли решение о
том, что**

**целесообразно поставить ракеты с атомными зарядами на
территории Кубы и**

**таким образом поставить США перед фактом, что если они
решатся вторгнуться**

**на Кубу, то Куба будет иметь возможность нанести
сокрушительный ответный**

**удар? Это был бы, конечно, не разгром США. Но им были бы
нанесены очень**

**большие разрушения. Отсюда мы сделали вывод, что эта
перспектива удержит**

власть имущих в США от вторжения на Кубу. К такому выводу

все мы пришли

после двукратного или трехкратного обсуждения моего предложения. Я предлагал

не форсировать это решение, чтобы оно выкристаллизовалось в сознании каждого

и каждый бы, понимая его последствия, знал, что оно может привести нас к

войне с США. Решение было принято единодушно.

Разработка операции была поручена товарищу Малиновскому, к этому делу был

допущен узкий круг людей. Подсчитали мы наши ресурсы и пришли к выводу, что

можем послать туда ракеты с миллионным по мощности зарядом каждая. Дальность

полета этих ракет была, по-моему, у большинства из них две тысячи

километров, а 4 или 5 ракет могли лететь и четыре тысячи километров. Были

выбраны точки размещения стартовых позиций; примерились, с какой точки могут

быть поражены какие объекты. То есть была проведена проработка использования

ракет в целях нанесения максимального урона противнику. Получалось грозное

оружие, очень грозное! Но этого было мало.

Мы считали, что если уж ракеты ставить, то их следует охранять, защищать.

Для этого нужна пехота. Поэтому решили послать туда также пехоту, что-то

**около нескольких тысяч человек. Кроме того, были
необходимы зенитные**

**средства. Потом решили, что нужны еще и танки, и артиллерия
для защиты ракет**

**в случае высадки врагом десанта. Мы решили направить туда
зенитные ракеты**

**класса "земля - воздух", хорошие ракеты по тому времени. У
нас имелись**

**зенитные ракеты разных калибров и образцов. Первые из них
уже устарели, и мы**

**решили послать самые последние модели, которые были
запущены в производство**

и поступали на вооружение Советской Армии.

**Естественно, с этим оружием мы посылали туда и свой
командный состав, и**

**обслужу. Мы не могли привлекать кубинцев к этому делу
потому, что они еще не**

**были подготовлены к эксплуатации ракет. Потребовалось бы
большое время, пока**

**они подготовятся. Кроме того, на первых порах мы хотели
сохранить абсолютную**

**секретность и считали, что чем больше людей привлекается,
тем больше**

**возможность утечки информации. В результате набиралось
несколько десятков**

**тысяч человек наших войск. Для управления ими надо было
создать штаб.**

**Малиновский как министр обороны предложил утвердить
руководителем генерала**

армии Плиева(23), осетина по национальности. Вызвали генерала Плиева, и я с

ним побеседовал. Он был человек уже в годах, больной, но знающий свое дело.

Прошел Отечественную войну, да, по-моему, и в гражданской войне

поучаствовал. Я его более или менее знал по второй мировой войне в качестве

командира кавалерийского корпуса. Умный человек. Плиев сказал, что если

будет утвержден, то посчитает для себя за честь поехать на Кубу и выполнить

задание, которое на него возлагается.

Когда точно подсчитали, что необходимо перебросить на Кубу, было дано

задание подумать, какое количество кораблей понадобится, чтобы в максимально

короткое время перевезти всю эту технику. Это было поручено работникам

армейского и флотского тыла в Министерстве обороны и Министерстве морского

флота. Они должны были обеспечить выполнение операции. Затем мы решили

направить на Кубу нашу военную делегацию. Основная ее задача -

проинформировать Фиделя о наших предложениях и заручиться его согласием. При

наличии его согласия наши люди должны были осмотреть местность, выбрать

точки для расположения ракет и изучить места расположения остальных войск.

Одним словом, машина завертелась.

Больше всего нас беспокоило, чтобы наша операция не была раньше времени

раскрыта с воздуха. Американцы непрерывно летали над Кубой. А Кубу можно

разведывать не только прямыми полетами, но и летать параллельно берегу над

нейтральными водами, делая снимки почти всей территории острова. Куба ведь

длинная и узкая, поэтому можно так летать и фотографировать ее. Американцы

проводили наглую политику, бесцеремонно вторгаясь на территорию соседей, да

и не только соседей. Они летали там, где считали это выгодным для обороны

США, игнорируя суверенитет соседних стран. Нас интересовало, насколько можно

сохранить секретность в таких условиях? Разработали план: что надо сделать,

чтобы не допустить преждевременного выявления с воздуха наших замыслов.

Послали туда для переговоров Маршала Советского Союза Бирюзова(24). С ним

я познакомился еще под Сталинградом, когда к нам после окружения войск

Паулюса прибыла в подкрепление 2-я Гвардейская армия, чтобы организовать

должное сопротивление, если Гитлером будут посланы войска на выручку

Паулюса. Эту армию мы тогда поставили на юге, и правильно сделали. Гитлер

как раз с юго-запада и двинул туда группу войск под командованием Манштейна.

Основной нашей силой на том участке фронта была как раз 2-я Гвардейская

армия. Она приняла на себя основной удар врага и нанесла сокрушительный

контрудар Манштейну. Гитлер вынужден был вернуть Манштейна назад, тем самым

Паулюс был обречен на гибель. Вот там-то я и познакомился с Бирюзовым,

который являлся начальником штаба 2-й Гвардейской армии. Потом он стал

начальником штаба Южного фронта, когда я был там членом Военного совета, а

Малиновский - командующим войсками. Одним словом, Бирюзова я знал и высоко

ценил.

Когда мы договорились о необходимости установки ракет с ядерными

головками на острове Куба и заручились согласием Фиделя Кастро, то послали,

как я уже сказал, туда военных для продолжения переговоров с Фиделем и для

изучения на местности возможностей расположения ракетного вооружения. Мы

хотели скрытно поставить ракеты, чтобы США через свою агентуру и воздушную

разведку не смогли их обнаружить. Это было очень важное обстоятельство. То

есть мы хотели сосредоточить ракеты на Кубе тайно от США. Нужно было, чтобы

США не смогли упредить нас и высадить прежде того свой десант под

американским флагом или флагом кубинских контрреволюционеров. Форма не имела

значения, нас интересовала суть: чтобы Куба оставалась при своих

революционных завоеваниях и чтобы стала флагманом социалистических стран на

Американском континенте, вела бы свое развитие под марксистско-ленинским

знаменем. Вот наше желание.

Итак, мы послали туда Бирюзова с соответствующим штатом штабных

работников ракетных войск, чтобы они смогли оценить, как лучше расположить

ракеты. Они приехали оттуда и доложили нам, что, по их мнению, размещение

ракет можно скрыть. Тут проявились невысокие качества этих разведчиков: они

наивно считали, что пальмы будут маскировать установку ракет. Дело в том,

что мы имели в виду установку ракет только в наземном варианте. Чтобы

сделать для них шахты и лучше замаскировать, а самое главное - повесить их

устойчивость в боевом отношении, чтобы взрыв бомбы вблизи поставленной

ракеты не разрушил бы ее, такого мы, конечно, и в мыслях не имели. Для этого

требовалось большое время, а времени у нас не было. Поэтому решили провести

работу в два этапа. Сначала поставить ракеты в наземном варианте. Это -

простая вещь, потому что все оборудование уже было изготовлено. Надо было

только перевезти ракеты и средства установки, а там их, буквально за

несколько дней, можно будет поставить. Даже сами ракетные команды могли это

сделать.

И вот привезли посланцы такие ободряющие впечатления, что тогда же мы

приняли решение о реализации замысла. Большую работу возложили на министра

морского флота. Он блестяще справился с этой задачей. Нужно было

мобилизовать флот, и только собственный, советский флот. У нас имелись

обязательства, как внутренние, так и договорные, по торговым соглашениям о

перевозке грузов. Нужно было помимо этого выделить флот, который обеспечил

бы своевременную перевозку ракет. Установили сроки (сейчас не помню, какие),

то были максимально короткие сроки. Следовало договориться и с иностранными

судовладельцами, чтобы частично зафрахтовать их корабли для перевозки наших

обычных грузов. В общем, сложная работа, и эта работа была блестяще

выполнена. Все мы заслуженно хвалили за нее министра морского флота(25).

Наши грузы потекли на Кубу. Корабли шли без военно-морского

сопровождения. Все размещалось на тех же кораблях. Когда грузили ракеты, то

грузилась и команда в штатском, никто в военной форме туда нами не

посылался. Еще раньше мы послали на Кубу войска, которые должны были

охранять ракеты, когда они будут поставлены. Эти войска встречали грузы и

разгружали их в особых портах, в которые не допускали никаких посторонних

глаз. Там должны были находиться только глаза советских людей. Мы об этом

заранее договорились с Кастро, потому что боялись, что среди кубинцев

существует много ненадежных людей. В обычных портах, где скапливается много

народа, американские разведчики, безусловно, наблюдают за проходящими

грузами. Поэтому первый же корабль был бы засечен и было бы расшифровано,

какие прибыли грузы. Мы этого не хотели, и все делалось нашими людьми.

Установка ракет на месте проводилась тоже нашими людьми. Охрана в районах,

где устанавливались ракеты, тоже состояла из наших людей. Одним словом,

максимально хотели обезопасить себя от утечки информации, чтобы она не стала

достоянием американской разведки.

По-моему, на первом этапе мы с поставленной задачей справились. США не

знали, что мы завозим на Кубу ракеты(26). Потом это стало трудно скрывать.

Регулярно потянулись гуськом корабль за кораблем, и эти корабли не заходили

в обычные порты, разгружались скрытно. Естественно, разведка должна была

сразу же засечь ненормальные явления с транспортировкой и разгрузкой грузов.

Если такая секретность соблюдается, следовательно, тут какие-то особо

секретные, военные грузы. Американцы стали усиленно работать, чтобы

выяснить, какие это грузы. Когда ракеты встали на место, уже не представляло

особой трудности узнать, что там были за грузы. Когда мы получили снимки с

воздуха, которые были опубликованы американской печатью, то явно было видно,

что стоят ракеты класса "земля - земля", то есть для удара с Кубы по США.

Американцы правильно расшифровали их. Пресловутые пальмы ничего не прикрыли,

и наши "разведчики" постыдно оскандалились.

Кроме того, на Кубу приехало довольно много войск. Хотя эти войска и не

появлялись в населенных пунктах, но все же налицо люди, и в населенной

местности. Куба ведь не пустыня, не джунгли, а обжитой остров. Видимо,

присутствие наших войск не было секретом для населения Кубы, и это тоже

демаскировало нашу работу. Но самое главное, поток кораблей. Кроме ракет мы

послали туда довольно значительное количество танков, ракеты класса "земля -

воздух" и для усиления ракетной техники самолеты Ил-28. То были старые

бомбардировщики. Мы уже давно сняли их с производства и постепенно снимали с

вооружения. Они считались нами непригодными. Но мы считали, что в условиях

Кубы, в условиях простой обороны, они смогут сыграть свою роль. Их можно

использовать для береговой охраны. Эти самолеты обладали довольно большой

скоростью, что-то около 900 километров в час, и несли приличную бомбовую

нагрузку. Одним словом, в целом то были хорошие самолеты. Но мы их туда

послали немного, лишь несколько штук.

Мы послали туда также катера, вооруженные ракетами, тоже сильное оружие.

Потом ракеты береговой охраны. Фактически береговую артиллерию, но более

сильную, более прицельную, поражающую цель с одного выстрела: ракеты класса

"земля - корабль". С ними тоже прибыли наши команды. Естественно, на Кубе

скопилось большое количество наших людей. Очень сложно было переправить

атомные заряды. Они шли не вместе с ракетами, потому что атомные заряды, как

заявили нам атомщики, нуждаются в особых условиях транспортировки. Мы их

отправили на последнем этапе операции. Наш замысел был уже раскрыт, и мы

боялись, не проявит ли дерзости военно-морской флот США, не сможет ли он

остановить наши корабли и разоблачить нас? Мы даже думали сопровождать

корабли, перевозящие атомные заряды, подводными лодками, но все же в конце

концов от этого отказались: посчитали, что корабли пойдут под нашим флагом,

а этот флаг гарантирует их неприкосновенность.

Действительно, такую

неприкосновенность американцы соблюдали все время. Но в тот день, когда

атмосфера накалилась донельзя, я каждый час ожидал, что они захватят

корабли. Не захватили. Иногда говорят, что сначала нужно было установить

зенитные ракеты, закрыть воздушное пространство Кубы, а затем ввезти

баллистические ракеты. Это бессмысленно. Сколько нужно ракет "земля -

воздух", чтобы прикрыть тысячекилометровый остров, вытянутый колбасой? На

это сил не хватит. Потом выпалишь, и все снова открыто. "Земля - воздух" -

ракеты, которые для ПВО хороши, но у них очень маленький радиус действия.

Можно подходить с моря и стрелять по этим батареям (я уж не говорю - с

воздуха). Это ничего не давало.

Когда американцы разгадали наш замысел и узнали, что мы устанавливаем

ракетную технику на Кубе, поднялся невероятный шум в печати. Сразу подняла

шум республиканская печать, заговорили деятели республиканской партии, потом

к ним присоединились демократы. Они стали требовать от своего правительства

решительных действий, чтобы не допустить установки ракетно-ядерного оружия

на Кубе, дабы русские не угрожали США с Кубы.

Приводились и прочие аргументы. Я не буду их сейчас повторять, потому что

для этого я должен был бы вернуться к печати того времени, а я такой

возможности не имею. Накал дискуссии был очень высокий. Нас запугивали, что

США не потерпят этого и будут вынуждены вмешаться, применить оружие и

использовать свое военное превосходство в сравнении с Кубой.

Надо иметь в виду, что мы были очень уязвимы на Кубе в военном отношении,

особенно в то время. Флот у нас был тогда еще не такой, как сейчас. Мы тогда

почти не имели подводных лодок с атомными двигателями, да и вообще 11 тысяч

километров удаления - это такое расстояние, с которым надо считаться. Кроме

того, подплыв наших подводных лодок к острову Куба, как нам докладывали,

затруднен. Там множество островов, подводных мелей, рифов, где подводным

лодкам трудно проходить. Им надо было плыть в довольно узком пространстве,

так что американцы могли, имея сильный надводный и подводный флот, хорошо

организовать контроль. Это не такое простое дело, вести

военное сражение

против США у берегов Кубы. Да мы, собственно говоря, никогда этой цели и не

ставили, потому что такая цель просто была чужда нам. Ведь цель установки

ракет с ядерным оружием, как я уже говорил, заключалась не в нападении на

США, а исключительно ради обороны Кубы. Мы хотели, чтобы США не напали на

Кубу, вот и все.

Но политические деятели США, конечно, могли допустить, что мы имеем и

крайне агрессивные цели непосредственно в отношении США. А самое главное, им

было выгодно вытеснить нас с Кубы. То, что они давно уже сделали в отношении

Советского Союза, окружив нас своими военными базами, вооружив их ракетной

техникой и построив аэродромы, этого они не принимали во внимание.

Империалисты Америки считали, что тут все в порядке вещей, что это их право

защищаться от Советского Союза при своем удалении от него в тысячи

километров. Но здесь - Куба, буквально у них под носом. И они как бы лишали

ее права иметь защиту. Вот их мораль.

Всякая мораль только тогда учитывается империалистической буржуазией,

**империалистическим лагерем и лишь тогда они
придерживаются морали, если**

**мораль подкрепляется силой, возможностью противостоять.
Если такой силы нет,**

**то мораль не принимается во внимание. Американцы опирались
не на мораль и не**

**искали аналогий в оправдание своих акций. Они это делали и
продолжают делать**

**сейчас, но сами никогда за свою историю не переживали
подобного, страшно**

были взволнованы и напуганы.

**Поэтому они использовали все средства для того, чтобы
ликвидировать наши**

**ракеты и устранить угрозу, которую эти ракеты представляли.
Причем довольно**

серьезную угрозу.

**Американцы предупредили нас в неофициальном порядке
через каналы, которые**

**у нас тогда имелись с президентом Кеннеди и его доверенными
людьми, что они**

**знают, что мы устанавливаем на Кубе ракеты. Естественно, мы
все отрицали.**

**Могут сказать, что это - вероломство. К сожалению, в наше
время данная форма**

**дипломатии сохраняется, и мы ничего нового тут не
выдумали, а только**

**воспользовались теми же средствами, которыми пользуется
противник в**

отношении нас. Они же нас не предупреждали, что ставят свои

ракеты в Турции,

что поставили ракеты в Италии и в других странах - членах НАТО. Они

отрицали, что ведут против нас разведывательную работу и посылают свои

самолеты на нашу территорию.

Когда мы даже сбили один из них, то они и в этих условиях сперва

отрицали, что их самолеты летают над нашей территорией. И только когда мы

предъявили вещественное доказательство - летчика Пауэрса(27) - и приперли их

к стенке, им нечего было сказать, и они вынуждены были признаться. В своем

признании они тоже наделали невероятные глупости, усложнили собственную

политику. В умах здравомыслящих людей, хотя и буржуазного толка, не

укладывалось, как это в мирное время, когда имеются нормальные

дипломатические отношения, одна страна явочным порядком заявила о своем

праве вести открытую разведку территории другой страны, потому что это

служит ее интересам. Именно с таким глупым заявлением выступил президент США

Эйзенхауэр, когда мы сообщили, что захватили в плен летчика сбитого

американского самолета.

Развернулась большая дуэль посредством печати. Печать США и наша

публиковали всяческие заявления и прочее! Этот кризис как раз совпал со

временем заседания Генеральной Ассамблеи ООН. Товарищ Громыко, который

находился в США, был приглашен государственным секретарем США Раском, и у

них состоялась соответствующая беседа. В том не было ничего необычного.

Всегда, когда Громыко бывал на заседаниях Генеральной Ассамблеи, он

встречался для бесед с Раском или, ранее, с его предшественниками. Мне потом

Громыко докладывал: "Беседа была любезной, но Раск спрашивал: "Наши военные

приводят нам данные, доказывающие, что вы ставите на Кубе ракеты. Учтите,

что мы не можем вынести это. Создается такое внутреннее положение, мимо

которого наш президент не сможет пройти. Здесь складывается опасная

ситуация, и поэтому мы хотели бы, чтобы вы ушли с Кубы".

То было не злобное предупреждение, а в какой-то мере просьба не создавать

столь острой ситуации. Потом был обед. За обедом изрядно выпили. Дин Раск во

время обеда продолжал крутиться вокруг этой темы. Он допускал такие

выражения, что они, дескать, на все пойдут и ни перед чем не остановятся;

что у них просто нет другого выхода, и они просят нас все учесть, оценить

соответственно ситуацию и принять меры со своей стороны, чтобы не допустить

рокового столкновения, которое может состояться, если окажется, что на Кубе

действительно установлены ракеты, в чем они убеждены. Ну, тут шла обычная

перепалка, когда и тот, и другой собеседник знают, о чем говорят, но каждый

отстаивает свою точку зрения, ищет моральное и юридическое оправдание своим

действиям.

У нас юридических и моральных оснований имелось больше, чем у Раска, в

этом не было сомнения. Ведь в то время уже давно стояли американские ракеты

с ядерными зарядами и в Турции, и в Италии. Раск понимал это, но усматривал

разницу в другом, хотя прямо и не говорил об этом. Он намекал: "Вы-то уже

привыкли жить в окружении наших ракет, а мы только что с этим встретились и

поэтому получили такой шок. И пока мы не можем выйти из него". Громыко,

конечно, все отрицал. На то он и дипломат.

Обо всем этом Громыко доложил нам. Но мы продолжали

завершать

транспортировку и установку вооружения, продолжали делать свое дело. Тут

американцы начали демонстрировать силу. Они сконцентрировали войска у границ

Кубы, открыто мобилизовали резервы, причем довольно солидные резервы. Стали

концентрировать авиацию у берегов Кубы, стягивать туда военно-морской флот,

наращивать различные военные силы, угрожая нам параллельно все время через

печать. А мы продолжали свое дело. Продолжали, основываясь на следующем:

во-первых, одно дело - угрожать, другое дело - воевать. Потом, с точки

зрения морального и юридического права, они обвинить нас не могли: мы ничего

не сделали большего, чем сделали США. Здесь - равные права и равные

возможности.

В иностранной печати ощущался большой накал, мы соответственно отвечали,

но не так истерично. Истерический же тон был присущ американской печати, и

его поддержали союзники по НАТО. Мы довольно широко информировали свою

общественность, хотя и считались с тем, что, конечно, перспектива

столкновения вызывала тревогу у нашего народа.

**Особенно острый этап кризиса длился шесть-семь дней.
Чтобы как-то**

**смягчить обстановку, я предложил членам советского
руководства: "Сходим,**

**товарищи, в Большой театр. Сейчас в мире напряженная
обстановка, а мы**

**появимся в театре. Наш народ и иностранцы будут это видеть,
и это станет**

**действовать успокаивающе. Если Хрущев и другие лидеры
сидят в театре в такое**

**время, то можно спокойно спать". Но сами-то мы очень тогда
беспокоились. Не**

**требуется большого ума, чтобы начать войну. Мы не хотели
войны, не хотели**

**сами иметь жертвы и не хотели наносить потери Америке. А
если начнется**

**война? Тогда, как говорится, попал в драку, не жалея волос.
Поэтому я тогда**

одну самую тревожную ночь провел даже в Кремле.

**Шел непрерывный обмен письмами с президентом Кеннеди, и
я провел ночь в**

**помещении Совета Министров СССР, ожидая, что могут быть
срочно переданы**

**тревожные известия, на которые необходимо немедленно
реагировать. Были**

**предупреждены и военные. Мы, насколько возможно,
приготовили наши войска.**

**По-моему, сделали даже какие-то заявления относительно
усиления нашей боевой**

готовности. Должен сейчас чистосердечно сказать, что это была только

демонстрация в печати, чтобы воздействовать на умы американских агрессоров.

Практически же мы ничего серьезного не предприняли, ибо считали, что война

не разразится и что мы имеем возможность повлиять на возникший накал, чтобы

не допустить войны.

Американские самолеты постоянно облетывали остров. Это с ума сводило

Кастро. Кастро отдал приказ открыть огонь, и наши военные сбили ракетой

американский разведывательный самолет У-2. Это был второй американский

разведчик после Пауэрса, сбитый нашей ракетой.

Поднялся шум. Мы несколько взволновались, что президент может это не

переварить. Мы тогда отдали приказ своему командующему выполнять только наши

указания, и ничьи другие. На случай вторжения мы приказали ему

координировать свои действия по отражению вторжения с кубинской армией.

В то время в США были наши товарищи. Они встречались с разными людьми.

Юрий Жуков мне говорил о том, что один знакомый приглашал его расположиться

в собственном убежище, если начнется война. Он так и сказал:

"Я вам место в

моем убежище обеспечу". Вот какой предвоенный психоз был в то время.

Кульминация наступила, когда нам сообщил советский посол в США

Добрынин(28), что к нему пришел с неофициальным визитом брат президента -

Роберт Кеннеди(29). Он так описывал его внешний вид: Роберт выглядел очень

усталым, глаза у него - красные-красные, было видно, что он ночь не спал, да

и сам он потом сказал об этом. Роберт сообщил Добрынину, что вообще шесть

дней не был дома, не видел своих детей и жену, что они с президентом сидят в

Белом доме и бьются над вопросом о наших ракетах. И добавил: "У нас

напряжение очень сильное, опасность войны велика, прошу передать вашему

правительству и лично Хрущеву, чтобы он учел это. Президент готовит

обращение через закрытые каналы и очень просит, чтобы Хрущев принял его

предложения". Роберт прямо говорил, что положение угрожающее, поэтому

президент лично писал это послание.

Роберт заявил также, что президент сам не знает, как выйти из этого

положения, а военные оказывают на него сильное давление,

настаивая

прибегнуть к военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается

очень сложное положение. Он добавил: "Вы должны учесть особенности нашей

государственной системы. Президенту трудно. Даже если он не захочет, не

пожелает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому

президент просит: помогите нам решить эту задачу". Роберт оставил нашему

послу свой телефон и просил звонить в любое время суток. Он очень нервно

настаивал и взывал к благоразумию, просил помочь президенту выйти из этой

ситуации.

Во время переговоров американцы были во многом откровенны с нами,

особенно Роберт Кеннеди. Они считали, что начнется война, а на Кубе наши

люди, много наших людей (они преувеличивали количество наших войск на Кубе,

но там их было достаточно), и вот прольется кровь русская. На это русские

ответят, но не в Америке, а в Германии. Все это пугало правительство США.

К этому времени Америка уже призвала из запаса людей, вывела в океан

военно-морской флот, подтянула к своим берегам резервы.

Одним словом, все

военные приготовления были закончены. Видимо, президент понимал, что он

делает. Конечно, превосходство в ракетах было на стороне США, но он понимал:

превосходство превосходством, а те ракеты, которые поставлены нами, свое

дело сделают. Они могут сдуть с лица земли Нью-Йорк, Вашингтон и другие

промышленные города и административные центры. Конечно, Советскому Союзу они

тоже нанесут урон. Начнется война, не такая, как первая мировая или вторая

мировая, где некоторые американцы даже не слышали ружейного выстрела. Они не

знали, что такое разрывы бомб, что такое разрывы артиллерийских снарядов.

Они воевали на чужих территориях. А в этой войне, если она будет развязана,

они вызовут огонь на себя. И какой огонь! Термоядерных бомб!

Мы, собственно, добивались того, чтобы Америка встряхнулась и ее

руководство почувствовало, что такое война, что она стоит у их порога, что

поэтому не надо переходить грань, следует избежать военного столкновения.

Вот такая дилемма была поставлена.

Мы изучили документ, направленный нам от президента, и ответили. Я сейчас

не имею под рукой материалов и описываю все исключительно по памяти, хотя в

памяти суть дела выступает рельефно. Я это пережил и все хорошо помню,

потому что от начала и до конца отвечал в первую голову за эту акцию, был ее

инициатором и формулировал всю переписку, которую мы вели с президентом. Для

меня служит сейчас утешением, что мы в целом поступили правильно и совершили

великое революционное дело, не побоялись, не дали себя запугать

американскому империализму. Вот уже сколько лет прошло, а мы видим воочию и

радуемся, что революционное дело, возглавляемое Фиделем Кастро, живет и

развивается. США, взяв обязательство не вторгаться на Кубу сами и не

допускать вторжения своих союзников, пока выполняют это обязательство.

Мне хотелось бы здесь вернуться назад и сказать еще несколько слов о

драматическом дне, когда принимались самые ответственные решения за весь

период Карибского кризиса. В самый разгар событий, после получения доклада

Добрынина о визите к нему Роберта Кеннеди, я продиктовал вариант телеграммы

президенту Кеннеди, в которой мы выражали готовность пойти на уступки (в

смысле вывода наших ракет). Только я продиктовал эту телеграмму, ее

отпечатали, и мы должны были обсудить ее в коллективе руководства, чтобы

принять текст и отправить ее, как мы получили телеграмму от нашего посла, в

которой он передавал послание нам Кастро. Фидель сообщал, что, по

достоверным сведениям, полученным им, США вторгнутся на Кубу через несколько

часов.

Нужно сказать, что и мы имели аналогичные сведения: наша разведка

сообщила, что подготовлена такая высадка и вторжение неизбежно, если мы не

договоримся с президентом Кеннеди. Возможно, эти сведения были подброшены

нам американской разведкой. Они ведь часто знают наших разведчиков. Поэтому

нередко случается подбрасывание тех данных, которые той или другой стороне

хотелось бы довести до сведения противной стороны. Самым главным в сообщении

Фиделя было не то, о чем ему сообщили, а его вывод: он считал, что раз

нападение неизбежно, то необходимо упредить его, и предложил, чтобы не дать

вывести нашу ракетную технику из строя, немедленно нанести первыми

ракетно-ядерный удар по США.

Когда нам это прочитали, мы, сидя в молчании, долго смотрели друг на

друга. Тут стало ясно, что Фидель совершенно не понял нашей цели: он полагал

(а когда позже я разговаривал с ним, он это подтвердил), что мы ставим там

ракеты не в интересах Кубы, а преследуем военные цели именно в интересах

Советского Союза и всего социалистического лагеря, то есть хотим

использовать территорию Кубы как базу под боком у США, поставить ракеты и

нанести по США удар этими ракетами. Верно, конечно, что это - очень хороший

плацдарм для внезапного удара ракетами. Но мы-то совершенно не хотели такого

удара, вообще не хотели начинать войну. Такой удар - это начало войны, мы же

хотели только исключить вторжение на Кубу со стороны США и ликвидацию ими

нового общественного строя, который установился на острове после свержения

Батисты. Вот что было нашей целью, а вовсе не начало войны. Если бы на Кубу

вторглась хорошо вооруженная армия США, а не разрозненные силы кубинских

контрреволюционеров, то Фидель не смог бы устоять.

В результате всей переписки, которая велась по

официальным и

неофициальным каналам, мы пришли к следующему решению и довели его до

сведения президента США. Сказали, что выступим публично и будем настаивать

на следующем: чтобы избежать конфликта, ставим перед президентом Кеннеди

условие, чтобы он принял обязательство не вторгаться на Кубу, если мы

выведем оттуда ракеты и другое вооружение, за исключением обычного.

Американцы и не требовали от нас вывода обычного вооружения. Это и

невозможно было требовать, потому что мы бы так не сделали. Это президент

США понимал. Мы считали, что бомбардировщики Ил-28 - обычное вооружение, и

не хотели их выводить. Но потом вынуждены были согласиться с Кеннеди и их

вывели тоже, чтобы не дразнить гусей. В сложившейся обстановке они не имели

особого значения. Если говорить о боевых заданиях, которые могли выполнять

эти бомбардировщики, то наши современные истребители, которые находились на

Кубе, могли с успехом заменить их. Здесь не возникло никакой потери в смысле

боевых возможностей, а мы демонстрировали свою добрую волю. Мы знали, что

президент заручился перед своими военными, что будет непреклонно настаивать

на выводе бомбардировщиков и что добьется этого. И мы пошли на уступки и

согласились вывести Ил-28 с Кубы.

Американские корабли начали тоже отходить и очистили воды Кубы. Но их

самолеты продолжали облеты острова, и это продолжало с ума сводить Филадельфию.

Когда были опубликованы два послания - наше к Кеннеди и его к нам, в которых

говорилось о выводе ракет с Кубы и обязательстве США не допускать вторжения

туда как своими вооруженными силами, так и силами их союзников, - Кастро не

понял всей глубины дела, которая была заложена в нашей акции, не понял

политического маневра. Он даже перестал принимать нашего посла. Когда мы

говорили о союзниках США, то имели в виду наемников из латиноамериканских

стран. А там имеется много головорезов, которых легко можно завербовать,

если США дадут денежные средства и вооружение. Поэтому мы считали, что такое

обязательство президент США должен взять лично на себя. Он взял его и

опубликовал соответствующее заявление.

Тут сразу началась критика слева, что формулировки

Кеннеди недостаточно

точны. Печать Китая тотчас же заявила, что это с нашей стороны

предательство, трусость, капитуляция. А что было делать? Доводить игру до

войны? Китайцы упирали именно на это, но мы, естественно, считали, что это

глупость. Чтобы довести до войны, большого ума не требуется. Я уже не раз

говорил, что войну и дурак начнет, а вот умному потом трудно ликвидировать

войну. Мы не хотели ее. Я и сейчас считаю, что мы поступили абсолютно

правильно, уведя наши ракеты с Кубы. И мы стали письменно объяснять Кастро

свою позицию. Он очень нервничал, разносил нас, если можно так выразиться.

"Революционность" Кастро, его экстремизм усиленно подогревали китайцы. А мы

потерпели моральный ущерб. Вместо того, чтобы наши акции на Кубе поднялись,

они понизились. Кастро считал, что мы предали Кубу, а вот китайцы их

поддерживают.

Тогда я предложил откомандировать на Кубу Микояна. Зная Микояна много

лет, я считал, что его дипломатические качества в этом случае будут очень

полезны. Он обладает хорошими нервами, спокоен, многократно

может повторять

одну и ту же аргументацию, не повышая тона. Это имеет большое значение,

особенно в переговорах с таким горячим человеком, как Фидель. Кроме того,

Микоян уже бывал на Кубе, и его там немножко знают. Одним словом, мы послали

Микояна к Фиделю. Через несколько дней Микоян вернулся и доложил, что Кастро

очень взволнован, что с ним трудно вести любые переговоры. Любая

аргументация не доходит до его сознания. В течение всех переговоров он

настаивал, что наша акция очень вредна, что она принесет вред всему

социалистическому лагерю. Кроме того, Фидель требует, чтобы американцы ушли

с их военной базы в Гуантанамо(30).

Тогда у нас сложилось впечатление, что, несмотря на ясное изложение нашей

цели перед Фиделем, он, видимо, не понял ее.

После того как Микоян вернулся с Кубы, я сказал, что надо послать Фиделю

письмо. И я приготовил большое письмо, в котором откровенно изложил все свои

мысли. Там я писал: главный смысл Карибского кризиса состоит в том, что он,

собственно говоря, сам собою благословил существование социалистической

Кубы. Если бы Куба не прошла через такой кризис, то маловероятно, чтобы

американцы не организовали нового вторжения для ликвидации социалистического

строя. А сейчас США сделать это очень трудно. Пронесся сильный накал

страстей, мы обменялись обязательствами, и вдруг после этого Америка

вторгается? В этом случае у Советского Союза остается право напасть в ответ

на США. (Так там и было написано.) Поэтому Кеннеди не пойдет на это. Сейчас

мы добились существования социалистической Кубы еще на следующие два года,

пока Кеннеди сидит в Белом доме. Но у нас складывается мнение, что Кеннеди

будет избран и на второй срок. Следовательно, это еще четыре года. Итого:

шесть лет. Шесть лет прожить в наше время - немалый срок. Тогда уже сложится

иное соотношение сил. Оно все больше меняется в пользу социализма.

Потом, во время наших бесед, когда Кастро дважды приезжал в Советский

Союз, он приезжал настроенным уже по-другому, и обстановка у нас была

исключительно теплой. Она позволяла нам откровенно обмениваться мнениями. То

был уже пройденный этап, мы могли оглянуться, разобрать и проанализировать

прежний инцидент. Когда мы разговаривали с ним, я видел, что теперь Кастро

нас лучше понимает.

Когда наши беседы стали совсем дружескими, я рассказал Фиделю, что в

разгар кризиса спросил министра обороны СССР Малиновского: "Как вы считаете?"

Зная вооружение и численность вооруженных сил Кубы, если силы вторжения туда

будут иметь вооружение, которое имеют США или мы, сколько времени надо будет

затратить, чтобы разгромить силы Кубы?". Малиновский, подумав, ответил:

"Двое суток". Когда я сказал об этом Фиделю, он очень разгорячился и стал

доказывать, что это неправильная оценка и что Советский Союз не допустил бы

этого. Я остановил его: "Это вы так говорите. А я согласен с Малиновским. Он

правильно оценил соотношение сил. Пусть не двое суток, а трое или четверо.

Во всяком случае, за это время основные очаги сопротивления были бы

подавлены, а вы ушли бы в горы, потом продолжалась бы партизанская война.

Возможно, она тянулась бы годы, но главное-то было бы сделано: было бы

создано буржуазное, контрреволюционное правительство, которое занялось бы

подавлением очагов революции, если бы они сохранились, и охотой за

носителями марксистско-ленинских идей. Вот какое возникло бы положение.

Поэтому мы и хотели не войны, а хотели мира, чтобы Куба могла использовать

мирные условия для углубления революции, развития хозяйства и перестройки

его на социалистических основах, закладки фундамента коммунистического

строительства".

Мы исходили только из этих позиций и ставили свои ракеты не для нападения

на США и не для того, чтобы через Кубу вмешаться во внутренние дела США.

Если здраво разбираться, это просто нереально. Для тех, кто хоть немного

смыслит в военных делах, известно, что мы могли бы нанести удар, и он

оказался бы очень сильным. Но и США, конечно, нанесли бы ответный удар, и не

менее сильный, а может быть, даже более сильный. Мы отлично знали, что в то

время США превосходили нас в количестве единиц ядерного оружия и

бомбардировочной авиации. У них имелось еще мало ракет, особенно

межконтинентальных. Но и у нас межконтинентальных ракет тоже было тогда

немного. Мы имели достаточное количество стратегических ракет с дальностью

действия 2 тыс. и 4 тыс. километров*. У нас их имелось столько, что мы,

согласно своему оперативному плану, покрывали все вражеские объекты, по

которым нужно было бы в первые дни войны нанести удар. Да, мы имели такую

возможность. Но я опять говорю, что мы не преследовали цель начала войны, а

Фидель нас просто не понял.

Когда я с ним встретился позже и мы с ним беседовали на берегу Черного

моря, он мне говорил: "Вы знаете, меня рассердило и обидело, почему вы дали

согласие президенту вывести свои бомбардировщики и ракеты, не

посоветовавшись с нами?". Я ответил: "Неверно, товарищ Кастро. Мы с вами

советовались". - "Как? В чем выразился этот совет?". - "Вы прислали нам

телеграмму, что через столько-то часов начнется вторжение США на Кубу. Вы

предложили упредить вторжение нанесением ракетно-ядерного удара по городам

США. Но мы не хотели начинать мировую войну. Час начала вторжения был вами

указан. Так что не

-----* Имеются в виду ракеты Р-12 и

Р-14 имелось времени направить вам наше послание и получить ответ. Мы должны

были принять решение сразу. Так как вы категорично заявили, что у вас есть

неопровержимые сведения и что состоится вторжение, мы были вынуждены

предпринять немедленные шаги, которые исключили бы это вторжение. Мы их

сделали и получили ответ президента США.

Трудно говорить, насколько вообще можно верить людям. Но я считаю, что

слову, данному президентом США Кеннеди, можно верить, что он свое слово

будет держать и его не нарушит. Ваши и наши враги подогревают атмосферу,

сталкивают нас с США. Конечно, мыс США - антагонисты. США -

капиталистическая страна, мы - социалистическая. Борьба между нами будет

продолжаться. Это естественный процесс. Каждая страна будет делать со своей

стороны все, чтобы ее идеология победила. Но в этой борьбе мы стоим не на

военных позициях, а на позициях соревнования, завоевания умов людей на

основе борьбы идей. Мы должны привлекать к себе сторонников перспективой

лучшей жизни для трудового народа, а не путем войны, истребления, военного

подчинения. Мы против этого.

Мы твердо стоим на ленинских позициях, китайцы же занимают сейчас другую

позицию, поэтому они и подогревают нас, хотят столкнуть с США.

"Я, товарищ Фидель, заявляю вам и утверждаю с тою лишь оговоркой, с какой

можно ручаться за человека других политических взглядов, что верю Кеннеди

как человеку и как президенту. Он сдержит слово, которое дал нам. У нас есть

в запасе, по крайней мере, два года, которые ему осталось еще провести в

Белом доме. Конечно, когда в США придет другой президент, он может нарушить

такое обещание. Но это уже другой вопрос. Думаю, что по истечении первого

президентского срока Кеннеди вновь выставит свою кандидатуру, и она будет

поддержана народом. Народ его изберет вторично, потому что из всех

президентов США, которых я знавал, Кеннеди - человек с наиболее высоким

интеллектом, умница, резко выделяющийся на фоне своих предшественников.

Я никогда не встречался лично с Франклином Рузвельтом. Может быть,

Рузвельт превосходил его. Считаю, что Кеннеди будет переизбран еще на четыре

года. То есть будет не два, а шесть лет, шесть лет гарантии мирного

сосуществования и развития Кубы в мирных условиях, шесть лет ее

государственного и экономического строительства на социалистических началах,

роста хозяйства, военного и культурного, упрочения всех других благ. Через

шесть лет положение изменится, и следующему президенту, который придет на

смену Кеннеди, будет очень сложно что-либо предпринять в этой плоскости.

Вторжение не будет уже безнаказанным. Думаю, что тогда никто и не посмеет

пойти на него. В то время появится совершенно иное соотношение сил в мире

между странами социализма и капитализма".

Кастро улыбнулся: "Ну, если нам дадут шесть лет, тогда другое дело. Но

я-то думаю, что Кеннеди не выдержит и нарушит свое слово". Я ответил:

"Конечно, за президента США дать ручательство я не могу и не исключаю, что в

конечном итоге, может быть, я ошибаюсь в оценке и понимании этого человека,

что он неспособен на вероломство. Однако думаю, что все-таки этого не

случится". Кастро повеселел. Тогда я добавил: "А что случилось бы, если бы

мы этого не сделали? Война, вторжение на Кубу. Вот Америка шумела, что мы

отступили; что русские трусили; что персонально Хрущев трусил. Американцев

поддерживали в этом албанцы, а особенно китайцы. Товарищ Кастро, надо же

реально оценить, кто выиграл и кто проиграл в ходе акции, о которой мы

договорились с президентом. Нужно проанализировать позицию каждой стороны на

такой основе. С одной стороны, мы действительно вроде бы проиграли:

отступили. Можно квалифицировать это и такими словами, как трусость и т. п.

Но от слова суть дела не изменится.

Факт, что мы привезли ракеты, поставили их, потом возник кризис, пошли

переговоры, переписка, и в результате мы эти же ракеты увезли. Зачем же мы

везли ракеты, если потом пришлось их увозить? К чему везли? Если мы их туда

везли, преследуя лишь свои цели, следовательно, империалисты США нас

принудили к тому, запугали и подчинили себе. Для механического мышления тут,

казалось бы, несложная схема, чтобы сделать вывод.

Но надо вопрос смотреть в корень, как говорил Козьма Прутков(31). Корень

же заключается в том, что существовала Куба, где ранее

президентом был

Батиста. Та Куба, которая являлась, собственно говоря, колонией США, где

безраздельно господствовал монополистический капитал. Гавана была городом,

куда империалисты приезжали проводить свой досуг и давать себе волю в

удовлетворении своей похоти. Теперь Батиста свергнут, новые люди пришли к

власти, создали революционное правительство. Вы перестраиваете Кубу на

социалистических началах, и вот развернулось вторжение. Вы его отбили. Но

разве можно думать, что кубинская контрреволюция на этом успокоится? Что с

этим примирятся монополисты, которые потерпели поражение и вынуждены

оставить Кубу? Вы воспользовались их капиталами и национализировали их.

Значит, повторная угроза сохранялась. Вы это признаете?" - "Конечно!".

"Рассуждаем дальше. Поставили ракеты, чтобы предотвратить эту угрозу, а

затем их вывезли, взяв нужное слово с президента США. Я вам уже говорил, что

верю - он сдержит свое слово и выполнит обязательство, которое взял на себя

как президент. Это обязательство не только его личное, но и обязательство

страны, правительства США не вторгаться на Кубу и не допускать вторжения их

союзников. Лишь в результате такой договоренности мы вывезли ракеты, и я

считаю, что получилось очень хорошее решение. Чтобы сохранить революционную

Кубу во главе с Фиделем Кастро, мы поставили ракеты, вызвали военный шок у

руководства США и вырвали нужное нам обязательство. Под это обязательство мы

и вывезли эти ракеты и вместе с ними устаревшие бомбардировщики. Считаю, что

уплатили дешевую цену.

"Правительства капиталистических стран, - продолжал я, - все оценивают в

долларах. Так вот, если рассмотреть вопрос именно в долларах, то налицо

выгодная операция. Мы понесли затраты только на транспортировку военной

техники и нескольких тысяч наших солдат. Вот вам стоимость гарантий

независимости Кубы. Мы не пролили там крови, ни своей, ни других народов, не

допустили войны, не допустили разрушений, отравления атмосферы. Я горжусь

этим. Пройдет время, и эта истина станет всем ясна". Некоторые опять могут

сказать: "Все-то он якает". И я им отвечаю: да, ибо это я в данном случае

взял на себя ответственность, проявил инициативу и провел акцию при

поддержке моих коллег, в коллективе которых я работал. Если бы они были

против, я, конечно, не мог бы это осуществить. Но я был как бы двигателем

этого дела, брал на себя большую долю ответственности и, возможно, в большей

степени, чем другие, переживаю радость от успешного завершения операции.

Я был очень доволен, что Кастро теперь согласился со мной. В те дни,

когда он находился в СССР и мы с ним беседовали, в США выступил руководитель

контрреволюционного кубинского отребья, которое, видимо, и сейчас

подкармливается в США. Он открыто выступил с критикой действий правительства

США, критиковал Кеннеди за то, что тот, дав слово поддержать вторжение, не

сдержал его, а вместо того дал обязательство Хрущеву не поддерживать и не

допускать нового вторжения на Кубу. Кастро хорошо знал этого выступавшего и

сказал мне: "Я лично с ним знаком. Он наш непримиримый враг, но говорит

правду. Если он сказал, что такое обязательство было взято США, а потом не

выполнено, следовательно, вы правы в своих рассуждениях, потому что

выполнению этого обязательства помешал Советский Союз
своевременной

установкой ракет. Слово президента - это все равно, что
договор".

Между прочим, любопытной была и другая часть нашего
диалога. Я ему

говорю: "Вы хотели начать войну с США. Зачем? Ведь если бы
началась война,

то мы бы еще выжили, но наверняка не существовала бы Куба.
Она была бы

стерта в порошок. А вы предложили нанести превентивный
атомный удар!" -

"Нет, я не предлагал". - "Как не предлагал?" Переводчик
говорит: "Фидель,

Фидель, ты мне лично сам говорил об этом". Он опять
настаивает: "Нет!".

Тогда мы начали сверять документы. Счастье, что Фидель
заявил это нам не

устно, а послал документ. Переводчик ему показывает: "Как
понимать вот это

слово? Это - война? Удар?". Он растерялся. Да, Фидель в то
время был очень

горяч. Мы поняли, что он даже не продумал очевидных
последствий своего

предложения, ставившего мир на грань гибели.

У нас тогда установились хорошие отношения с президентом
Кеннеди. Я ему

доверял в том смысле, что взятое слово он сдержит. Вот это я и
говорю теперь

**о Карибском кризисе. Повторяю, это был с нашей стороны
правильный ход.**

**Правильно мы сделали, что поставили ракеты, и потом опять
правильно сделали,**

**что не полезли в бутылку, когда кризис назрел и нас наши
"друзья" стали**

**упрекать, что мы трусим, вывозя ракеты. Они хотели
спровоцировать нас, чтобы**

**мы начали войну. Тем самым они достигли бы своей цели: мы
с США взаимно**

**истребляем друг друга и разрушаем экономику. Но мы не
струсили в душе, не**

**побоялись таких обвинений, а, трезво оценив обстановку,
приняли верное**

**решение. И я горжусь этим. В процессе переговоров США
поставили**

**дополнительно еще некоторые несущественные условия: они
хотели, чтобы мы**

**дали право проконтролировать их людям, действительно ли мы
вывезли ракеты,**

**то есть побывать там на месте и посмотреть. Мы такое
обязательство взять на**

**себя не смогли, потому что там - территория Кубы, и мы не
имеем никакого**

**отношения к тому вопросу, кому будет разрешено поехать на
Кубу. Мы сказали,**

**что тут не наша компетенция: мы можем распоряжаться своим
имуществом, ибо мы**

**его завезли и мы же его вывозим, но вопрос о допуске на
остров решает**

правительство Кубы. Фидель же сразу и резко заявил, что ни в каком случае не

пустит туда американцев. Тогда У Тан, умный человек, желая облегчить

ситуацию и ликвидировать напряженность, чтобы ее острота протекала по

затухающей, обратился с просьбой, чтобы лично ему разрешили приехать на

Кубу. Однако Фидель не позволил и ему.

Когда я встретился с Фиделем, то сказал: "Хорошо, что вы не пустили

американцев. Правильно поступили, потому что они могли бы посчитать, что вы

струсил. Одно дело - обвинять Советский Союз в трусости. Мы-то страна

большая, и умный человек правильно поймет, что нам нечего трусить. А Куба

страна маленькая. Поэтому думаю, что вы правильно сделали. Но отчего же Вы

не использовали новую возможность и не разрешили прилететь У Тану? Он

прилетел бы, вы бы с ним побеседовали, и он поехал бы посмотреть, как

вывозят ракеты. Вы тогда сумели бы использовать Организацию Объединенных

Наций в свою пользу. У Тан стал бы на вашу позицию и защищал бы вас и

пределах тех возможностей, которые вытекают из его положения как

генерального секретаря ООН. Вы же его оттолкнули, бросили в общую кучу

американских империалистов и У Тана. Считаю, что вы сделали ошибку". Кастро

ответил: "Да, я согласен, я просто погорячился. Такое у меня было состояние,

что я не учел тех аргументов, о которых вы мне сейчас говорите".

Главным в описываемых событиях оказалось то, что мы не дали себя

одурачить, не отступили в столь нервной, горячей обстановке далее

положенного и не переступили грань дозволенного. Тут сказалась выдержка

обеих сторон. Ведь этот кризис дошел до высшей точки кипения. Мы были близки

к войне, стояли на грани войны. Все могло случиться. Хочешь ты или не

хочешь, а раз один выстрелил, то другой ответит. Но мы не допустили

катастрофы. Помимо обязательства не вторгаться на Кубу президент США дал

также слово, что когда мы вывезем свои ракеты с Кубы, то США уберут свои

ракеты из Турции и Италии. Кеннеди просил нас, чтобы мы пока никому не

говорили об этом. Мы-то хотели, чтобы это как-то было зафиксировано в

документах. Он ответил, что он по своему положению письменных обязательств

дать не может. Более того, сказал следующее: "Если вы не удержите в секрете

это мое заявление и оно просочится в печать, то я дам опровержение. Но я даю

вам честное слово!". И он действительно убрал ракеты из Турции и Италии,

хотя вывез их не только потому, что мы согласились вывезти свои ракеты с

Кубы, но главным образом потому, что ракеты, которые стояли в Турции и

Италии, устарели.

Если бы не произошло Карибского кризиса, США все равно бы увезли оттуда

ракеты, потому что к тому времени отпала необходимость иметь, такие ракеты в

данных точках земного шара.

США уже имели тогда достаточное количество межконтинентальных ракет,

которые стояли на собственной территории. Там они лучше охраняются, имеют

лучше оборудованные позиции и лучше замаскированы. Их команды тоже находятся

дома. Все это дает большие гарантии. Во-вторых, появились атомные подлодки,

вооруженные ракетно-ядерным оружием, то есть подвижные установки. В

Средиземном море находится 6-й флот США, там курсируют их подлодки, как и в

других морях и океанах. Зачем же держать ракеты на чужой

территории, когда

есть своя команда и свой подвижной старт? Он менее уязвим и всегда готов к

бою. Техника развивается, и она дала теперь лучшие решения взамен того, что

США имели прежде, когда располагали ракетами в Турции и Италии.

Мы тоже располагаем сейчас такими возможностями, и у нас имеется

достаточное количество межконтинентальных ракет. У нас есть также подводный

флот, вооруженный ядерным оружием. Сейчас я уже много лет не нахожусь в

руководстве страной, но знаю, что оставалось в СССР, когда я уходил. И я

предполагаю, сколь высокого уровня достигла сейчас наша техника в этой

области. Поэтому с точки зрения США они правильно поступили, что вывезли

свои ракеты из Турции и Италии. Здесь в стратегии США ничего не изменилось.

Теперь они угрожают нам с подводных лодок, вооруженных ядерными ракетами. Но

и мы сейчас имеем подводный флот с атомными двигателями, вооруженный

ядерными ракетами. Поэтому если нам нужно угрожать какой-то точке в США, то

мы всегда имеем возможность послать к тому берегу подлодки с атомными

двигателями и ракетами с ядерными зарядами. Этим мы не только сполна

компенсируем мощь, которую представляли ракеты, вывезенные из Кубы, но и во

много раз превосходим ее.

Президент Кеннеди, в этом его достоинство, правильно понимал обстановку.

После окончания конфликта он выступил с заявлением, что Соединенные Штаты

имеют ядерного оружия больше, чем Советский Союз. Они могли бы дважды

уничтожить все живое на территории Советского Союза, а Советский Союз имеет

меньшее количество ядерного оружия и может уничтожить все живое на

территории Соединенных Штатов только один раз. Это, я бы сказал, мужество.

Услышав такое заявление, каждый мыслящий американец мог сделать правильный

вывод. Американским журналистам, которые меня спрашивали, слышал ли я

заявление, я отвечал:

- Да, я слышал. И считаю, что это разумные слова. Президент подсчитал,

что нас можно уничтожить дважды, я признателен ему за подсчеты. Он признает,

что мы каждого, живущего на территории Соединенных Штатов, можем уничтожить

один раз. Мы люди скромные и не кровожадные, зачем

уничтоженного уничтожать

еще раз?

Но это, так сказать, шутки, однако шутки определенной направленности.

Видимо, делая такое заявление, Кеннеди разъяснял американцам, особенно тем

любителям атомных бомб, про которых украинцы говорят: "Носится, як дурень с

писаной торбой", стремящимся развязать войну и покончить с Советским Союзом

военными средствами. Сказав о мощи Вооруженных Сил Советского Союза, Кеннеди

тем самым подчеркнул, что искать решение спорных вопросов путем войны

поздно. Какой же безумный захочет развязать войну, вызвать огонь на себя и

быть уничтоженным? Я считаю, что в условиях американского психоза такая

позиция президента отражала его гражданское мужество.

Я не знаю, насколько он правильно подсчитал арифметически, не мне судить,

но я был доволен его реализмом в отношении наших Вооруженных Сил. Нам больше

ничего не нужно, только бы наш вероятный противник понимал: если будет

развязана война, то мы можем его уничтожить.

В журнале "За рубежом" за 1968 г. я читал статью, в которой зарубежный

автор вспоминает о Карибском кризисе. В этой статье

описывается убийство

президента Кеннеди. Статья, кажется, называется "Шесть секунд". В ней прямо

ставится вопрос: кто убил президента? Кто эти люди? Там указывается на то,

что в ходе разрешения Карибского кризиса президенту США надо было дать

заверение в том, что вторжение на Кубу не будет допущено ни силами США, ни

их союзниками. Это, как пишет автор, озлобило кубинскую контрреволюцию, и

она стала участницей заговора и убийства Кеннеди. Следовательно, в статье

дается ответ на вопрос, кто же потерпел поражение в споре о том, быть Кубе

революционной или вернуть ее на капиталистические рельсы, на которых она

стояла при Батисте.

Тогда некоторые говорили, что потерпел поражение Советский Союз. А теперь

результаты наших действий оцениваются уже правильно. Войны не возникло.

Происходило сражение за право кубинского народа устраивать свою жизнь так,

как он считает нужным, без вмешательства извне. Мы стояли на этой позиции и

стоим сейчас. В интересах сохранения революционных завоеваний на Кубе

поставили там ракеты, стремясь, чтобы

контрреволюционные силы трезво

оценивали обстановку и понимали, что если они позволят себе вмешательство в

дела Кубы, то наши ракеты могут быть приведены в действие. А когда мы

договорились, что президент США дает слово, если мы вывезем ракеты, не

допустить вторжения, получился хороший пример на будущее. Мы разрешили

мирным путем такой кризис, который мог разразиться войной. Я считаю, что в

итоге мы выиграли. Американцы тоже выиграли, потому что войны не было.

Проиграли агрессивные силы, которые хотели бы повторить вторжение на Кубу.

Следовательно, проиграли агрессоры, а народы выиграли. Подобные кризисы

могут возникнуть и в будущем, потому что сейчас существуют в мире две

противоположные системы: капиталистическая, базирующаяся на частной

собственности, частном капитале, и социалистическая. Эти системы

антагонистичны, и приходится это учитывать. Сейчас для империалистических

стран прошли времена диктата, когда они могли безнаказанно вторгаться куда

угодно и подавлять революционные восстания. Если это еще не осознали все те,

кому следует осознать, то их действия могут привести к трагическим

последствиям, и тогда столкновение станет неизбежным.

Если же будет признана всеми формула мирного сосуществования, то это

означает не вмешиваться во внутренние дела других государств ни с какой

стороны и признать, что вопросы внутреннего политического устройства

решаются только народом данной страны, что это святая святых. Если такая

формула внедрится в сознание тех, кто определяет в мире политику, это может

сохранить надолго мир на Земле. Иначе мы всегда будем жить, как на вулкане,

и станем чувствовать себя, как жильцы дома, в котором заложены мины

замедленного действия. Сейчас наше правительство, а я убежден в этом, стоит

на тех же позициях, которые мы занимали, когда я находился во главе него:

политика мирного сосуществования, мирного соревнования, невмешательства в

дела других стран.

В нынешнем обострении международного положения я виню в первую голову

капиталистические страны. Видимо, это неизбежно, раз существуют

антагонистические отношения между классами и между

странами с разными

социально-политическими устройствами, странами социализма и странами

капитализма. Правительства капиталистических стран никак не могут трезво

оценить сложившуюся ситуацию, понять, что народились новые силы; что во всем

мире бушуют социально-политические бури, с которыми невозможно бороться

средствами подавления. Все устаревшее, отжившее неизбежно обречено на

гибель. История скажет здесь свое слово, и она неумолимо шествует в этом

направлении.

Прошло много лет, и это уже страницы истории. Я горд тем, что мы не

побоялись, проявили мужество и дальновидность, сделав этот шаг, и тем самым

удержали американских агрессоров от повторного вторжения на Кубу. После этих

событий прошло около девяти лет, и я очень рад, что нового вторжения не

было.

Когда был убит Кеннеди, я беспокоился, как же дальше будут развиваться

наши отношения? Я верил Кеннеди, видел, что он не настроен на военное

столкновение с нами. А как поведет себя новый президент Джонсон(32)?

Приступив к исполнению своих обязанностей в Белом доме, он через те же

каналы передал нам, что все обязательства, данные Кеннеди публично, и

заверения, переданные по закрытым каналам, будут выполняться.

Доверия, правда, у нас к нему было меньше. Мы считали Кеннеди более

гибким, а Джонсон у нас пользовался репутацией человека реакционного. Но,

нужно отдать ему должное, обязательства, данные его предшественником, он

сдержал. Я не буду касаться войны во Вьетнаме, в которую он влез по уши. Это

была его персональная глупость. Может быть, эта глупость началась при

Кеннеди, сейчас мне об этом трудно судить. Во всяком случае, мы достигли

своей цели, и Куба успешно развивается. Во время моей последней беседы с

Фиделем мы с ним обсуждали экономическое развитие страны. Он мне

рассказывал, что поднятие экономики - их главная цель. Чтобы для жителей

латиноамериканских стран новый, социалистический строй стал привлекательным,

нужно достичь высокого уровня жизни. Я одобрял его линию.

"Самое главное, - говорил я, - чтобы блага, созданные трудом кубинцев,

сполна удовлетворяли их запросы. Это самая притягательная сила, самый

притягательный магнит к социализму, и социалистическому строю". Мне было

приятно беседовать с Фиделем Кастро после того, как у нас все перегорело. Он

понял нашу искренность, наши намерения. Я лучших отношений и не желал, они

были самые искренние, самые братские.

На этом, собственно, кончилась моя политическая, государственная

деятельность. Я уже не имел возможности влиять на нашу политику. Я получаю

теперь только кое-какие отрывочные газетные сведения. У нас с Кубой была

договоренность: мы обязались оказать помощь в переработке 9 миллионов тонн

сахара. По газетам я вижу, что они вырастили достаточное количество

тростника. В этом году была поставлена новая цель - 10 миллионов. Из печати

видно, что они и этой цели достигнут. Что ж, я только радуюсь и желаю

успехов кубинскому народу. Желаю успехов Фиделю Кастро в поднятии экономики

Кубы.

Еще о Джоне Кеннеди. Я хотел показать Кеннеди в конкретных делах. Когда

он был убит, искренне сожалел. Я сейчас же поехал в

американское посольство

и выразил свое соболезнование. Мы с Кеннеди - разные люди. Я бывший шахтер,

слесарь, рабочий, волею партии стал премьером, а он миллионер и сын

миллионера. Мы представители противоположных, непримиримых классов. Он

преследовал цели укрепления капитализма, а я преследовал цели разрушения

капитализма и создания нового общественного строя на основе учения,

созданного Марксом - Энгельсом - Лениным. Я считаю капиталистический строй

отжившим, так же как считали Маркс, Энгельс и Ленин. Я как коммунист верю

этому учению. Кеннеди стоял на других позициях. Несмотря на то, что мы

находились на разных полюсах, когда дело касалось вопроса мира и войны, мы

смогли найти общее понимание и предотвратить военные столкновения. Ему как

партнеру, который противостоял нам, я отдаю должную дань, отношусь с

уважением к его памяти, высоко ценю его деятельность. Хотя во многом, очень

во многом мы не только не сходились, а разошлись, как, например, в Вене.

Венская встреча не дала результатов. Но потом все-таки в коренных вопросах -

вопросах мира и войны - мы нашли общий язык. Я диктую все по памяти, даже

без конспекта, поэтому если какая-то фотопластина, которая пока еще не

проявилась в моей памяти, проявится, у меня может возникнуть желание

продолжить... Вот и проявилась в памяти такая пластина. Мы достигли еще

одного соглашения с Соединенными Штатами Америки: подписали договор о

прекращении испытаний ядерного оружия на земле, в космосе и под водой. На

прекращение испытаний под землей американцы не пошли, не приняли наших

предложений. Это в договор не вошло, и сейчас они и мы проводим испытания

под землей. Я считаю, что этим соглашением было положено начало прекращению

гонки вооружения. И это тоже заслуга президента Кеннеди.

Мы договорились с Кеннеди и об установлении прямой телефонной связи на

случай, если создастся какое-то исключительное положение и понадобятся

личные переговоры президента с главой советского правительства. Могут

спросить, какая радость от этого? Радости-то нет, но этот элемент дает

уверенность, что в критическую минуту можно переговорить, минуя

дипломатические лабиринты. Но, главное, наше решение давало мне основание

доверять этому человеку. Он искал способы установления контактов и

технические средства, с помощью которых можно избежать конфликта.

Могут сказать: "А все-таки напряжение, которое было чревато войной,

возникло во времена Кеннеди?". Это умный вопрос. Я без иронии говорю. Надо

иметь в виду, в какое время мы живем. Мы живем в переходный период, когда в

мировом масштабе решается вопрос: кто - кого? Отмирающий капиталистический

строй цепляется за все, за что можно зацепиться, не только отстаивая, но и

укрепляя свои позиции. А мы, с другой стороны, тоже идем в наступление с

целью укрепления своего положения и достижения нужных нам экономических,

социальных и политических целей. В мире сейчас существуют две главные силы -

капиталистическая и социалистическая. Если в первые годы после Октябрьской

революции мы были единственной страной, островом в окружении

капиталистического мира, то теперь экономика социалистических стран занимает

в мире около 35 %. Конечно, во время переходного периода столкновения есть и

будут. Их не надо бояться, но надо иметь трезвый ум и не доводить дело до

развязывания войны. Для этого надо иметь и умного партнера. Я считаю, что

таким партнером как раз и был представитель капиталистического мира Джон

Кеннеди.

На этом я должен закончить рассказ о Карибском кризисе. Это были очень

интересные, весьма показательные события, потому что тут две крупнейшие

страны как бы столкнулись лбами. Казалось, неотвратима военная развязка. И

мы уже поставили на старт свои боевые средства, а США окружили остров

боевыми кораблями, сосредоточили пехоту и авиацию. Но мы показали, что если

руководствоваться разумными целями и желанием не допустить войны, решать

спорные вопросы путем компромисса, то можно найти такой компромисс. Победил

разум. Поэтому в моей памяти сохраняются наилучшие воспоминания о покойном

президенте США. Он проявил трезвость ума, не дал запугать себя, не позволил

опьяниться мощью США, не пошел ва-банк. Не требовалось большого ума, чтобы

развязать войну. А он проявил мудрость, государственную мудрость, не

побоялся осуждения себя справа и выиграл мир. Вот это я и хотел рассказать.

Думаю, что верное понимание позиций друг друга, из которого мы исходили,

было единственно разумным в сложившейся ситуации.

Примечания

(1) Коммунистическая партия Кубы, возникшая в 1925 г., слилась в 1940 г.

с Революционным союзом в Революционный коммунистический союз, который

возглавили Х. Маринельо-и-Видауррета (1898 - 1977) как председатель и Блас

Рока (Ф. В. Кальдеро, 1908 - 1987) как генеральный секретарь. С 1944 г. РКС

назывался Народно-социалистической партией Кубы и оставался под тем же

руководством. После того как в 1952 г. Р. Ф. Батиста-и-Сальдивар (1901 -

1973) установил свою 7-летнюю диктатуру и в 1953 г. активист Партии

кубинского народа "Ортодоксы" адвокат Ф. Кастро Рус (род. в 1926 г.) начал

вооруженную борьбу с режимом Батисты и продолжил ее в 1956 г., НСПК

официально держалась в стороне. Но многие ее члены, идейно вдохновляемые

старейшим кубинским коммунистом Ф. Гробартом, практически участвовали в этой

борьбе, а К. Ф. Родригес (род. в 1913 г.) ездил к Кастро в горы (вероятно,

Н. С. Хрущев именно его имеет тут в виду). В феврале 1958 г. НСПК уже

официально поддержала вооруженную борьбу Кастро, и вскоре ее члены стали

систематически участвовать в ней. В дальнейшем, после победы Кубинской

революции в 1959 г., Маринельо, Блас Рока и Родригес вошли в состав нового

кубинского руководства. Но организационно оно формировалось постепенно: в

1961 г. НСПК, кастровское "Движение 26 июля" и "Революционный студенческий

директорат имени 13 марта" слились в "Объединенные революционные

организации", преобразованные в 1962 г. в Единую партию социалистической

революции Кубы, которая в 1965 г. была переименована в Коммунистическую

партию Кубы. Генеральным секретарем ее ЦК стал Ф. Кастро, ранее себя

коммунистом открыто не называвший.

(2) 1 января 1959 года.

(3) С 31 декабря 1958 г. по 1 января 1959 г. двухдневным президентом Кубы

был К. Пьедра, а 2 января его сменил консервативный деятель М. Уррутиа (до

17 июля 1959 г.), про которого и говорит Н. С. Хрущев. Сам Ф.

Кастро сменил

16 февраля 1959 г. временного премьера Х. Миро Кардону на посту

премьер-министра.

(4) При диктатуре Батисты советский поверенный в делах Г. И. Фомин

покинул в 1952 г. Кубу, однако официально дипломатические отношения не были

разорваны.

(5) КАСТРО РУС Р. (род. в 1931 г.) был избран в 1965 г. вторым

секретарем ЦК Компартии Кубы. Но до 1962 г., когда он стал вторым секретарем

Национального руководства Единой партии, его коммунистом не называли. Он

прежде участвовал в демократическом молодежном движении, идейно близком к

комсомолу, а в Мексику (о чем упоминает Н. С. Хрущев) был выслан в 1955 г.,

когда его освободили по амнистии из тюрьмы, где он отбывал 15-летнее

заключение за участие в вооруженной борьбе с режимом Батисты.

(6) ГЕВАРА де ла СЕРНА Э. ЧЕ (1928 - 1967), аргентинский революционер,

встретившись в Мексике с Ф. Кастро в 1955 г., стал участником и одним из

лидеров его вооруженной борьбы, а в 1962 г. вошел в Национальное руководство

Единой партии. Но официальным членом КПК он не был, так как в 1965 г., еще

до того, как она повторно возникла, Гевара уехал руководить партизанским

движением в Боливии.

(7) Точнее, возобновлены. 10 января 1959 г. СССР признал Революционное

правительство Кубы. В феврале 1960 г. было подписано советско-кубинское

торговое соглашение. В мае 1960 г. договорились о возобновлении

дипломатических контактов. 8 июля 1960 г. вновь заработало советское

посольство в Гаване, а 22 августа посол С. М. Кудрявцев вручил верительные

грамоты.

(8) При С. М. Кудрявцеве (1960 - 1962 гг.) А. И. Алексеев (род. в

1913г., в 1941 - 1943 гг. сотрудник советского посольства в Иране, в 1944 -

1951 гг. сотрудник посольства во Франции, в 1951 - 1953 гг. ответственный

работник Совинформбюро, в 1954 - 1958 гг. сотрудник посольства СССР в

Аргентине, в 1958

- 1960 гг. ответственный работник центрального аппарата МИД СССР, в 1968

- 1974 гг. там же, затем посол в Малагасийской республике (с 1976 г. -

Демократическая Республика Мадагаскар), с 1980 г. в отставке) официально

являлся советником посольства СССР в Республике Куба,

(9) С 12 июня 1962 г. до 15 января 1968 года.

(10) Его сменил 17 июля 1959 г. на посту президента О. Дортикос Торрадо.

(11) 16 апреля 1961 года.

(12) В апреле 1961 г. у Плая-Хирон.

(13) Официальное заявление состоялось 1 мая 1961 года.

(14) В 1961 г., по рекомендации совещания руководителей стран - участниц

Организации Варшавского Договора, в ГДР была возведена Берлинская стена -

система заградительных сооружений между Восточным и Западным Берлином

протяженностью 162 км, из них 45 км в черте города. После осенней революции

1989 г. в ГДР была в 1990 г. демонтирована. А в 1961 г. из-за нее возник

международный политический кризис.

(15) "Священный союз" Австрии, Пруссии и России, заключенный 26 сентября

1815 г. в Париже для обеспечения незыблемости решений Венского конгресса

1814 - 1815 гг. и подавления революционно-освободительных движений в Европе.

Фактически распался после европейских революций 1830 - 1831 гг., хотя

официально предпринимались более поздние попытки сохранить его.

(16) Существовавшее фактически со времени краха гитлеровской Германии в

1945 г., а юридически в 1949 - 1990 гг. особое политическое образование

площадью 480 кв. км внутри ГДР, но официально вне ГДР и вне ФРГ.

(17) Басня Эзопа, широко известная русским читателям в переводе Л. Н.

Толстого.

(18) Речь идет о "предупреждениях", сменившихся затем "строгими",

"серьезными" и "очень серьезными предупреждениями", которые провозглашались

китайской дипломатией в адрес США, когда в 60-е - 70-е годы американские

самолеты нарушали воздушное пространство Китайской Народной Республики.

(19) Подразумеваются: события 1970 г. в Панаме, когда панамское

руководство во главе с О. Торрихосом Эррерой отказалось продлить соглашение

об американской аренде базы в Рио-Ато и отклонило все проекты договора с США

о новом статусе Панамского канала; события 1963 г. в Доминиканской

республике, когда группа военных, поддерживаемая США, свергла

демократическое правительство Х. Боша и отменила конституцию, а власть

захватила хунта-триумвират, введшая чрезвычайное положение.

(20) Герой романа "Накануне" (И. С. Тургенев, 1860 г.).

(21) ЖИВКОВ Т. (род. в 1911 г.) был в 1954 - 1981 гг. первым секретарем

(в 1981 - 1989 гг. генеральным секретарем) ЦК Болгарской компартии и в 1962

- 1971 гг. председателем Совета министров Народной Республики Болгарии.

(22) КУУСИНЕН О. В. (1881 - 1964) был в ту пору секретарем ЦК КПСС и

членом его Президиума.

(23) Генерал армии ПЛИЕВ И. А. (1903 - 1979) был тогда командующим

войсками Северо-Кавказского военного округа.

(24) БИРЮЗОВ С. С. (1904 - 1964) - Маршал Советского Союза с 1955 г., в

указанное время - главнокомандующий Ракетными войсками стратегического

назначения.

(25) Министром морского флота СССР был с 1954 по 1970 г. В. Г. Бакаев.

(26) Кроме того, на Кубу послали оперативно-тактические ядерные снаряды с

дальностью полета 60 км, предназначенные для использования в случае

вторжения американцев.

(27) Пилотируемый летчиком ВВС США Ф. Г. Пауэрсом, уже совершившим ранее

27 таких разведывательных полетов, американский высотный самолет "Локхид

У-2" вошел в советское воздушное пространство в 5 ч. 36 м. 1 мая 1960 г. со

стороны Гиндукуша и был сбит спустя несколько часов над Свердловском.

Пауэрса пленили.

(28) ДОБРЫНИН А. Ф. (род. в 1919 г.) - член ВКП(б) с 1945 г., Герой

Социалистического Труда с 1982 г., в 1957 - 1960 гг. заместитель

генерального секретаря ООН, в 1962 - 1986 гг. посол СССР в США, член ЦК КПСС

в 1971 - 1990 гг., секретарь ЦК КПСС в 1986 - 1988 гг., советник президента

СССР в 1988 - 1991 гг.

(29) КЕННЕДИ Р. Ф. (1925 - 1968) был в 1961 - 1964 гг. министром юстиции

США, с 1965 г. сенатор. Смертельно ранен в Лос-Анджелесе после того, как

заявил о своем намерении бороться за пост президента.

(30) Город на Кубе, в бухте у которого США с 1903 г. арендуют территорию

и акваторию под военно-морскую базу.

(31) Коллективный псевдоним, под которым выступали с сатирическими

произведениями и афоризмами в середине XIX в. литераторы А.

**К. Толстой и
братья Жемчужниковы.**

**(32) ДЖОНСОН Л. (1908 - 1973) - вице-президент США в 1961 -
1963 гг. и
президент в 1963 - 1969 гг.**

В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ

**Свои воспоминания о поездке в Скандинавские страны
предварю упоминанием о**

**том, что первой поездкой правительственной делегации СССР
за его пределы**

**после 1953 г. был визит в социалистический Китай, а из
несоциалистических**

**стран - в Индию, потом в Англию. По возвращении мы
получили соответствующее**

**приглашение от Скандинавских стран Дании, Норвегии и
Швеции. Но в те дни в**

**печати этих стран поднялась свистопляска, направленная
против нашего визита.**

**Протест выражался не против нашей делегации лично, а
против советского**

**государства, его политики. И мы ответили: "Существующие
условия не**

**располагают к нашей встрече, поэтому мы откладываем ее
до более**

благоприятного времени". Затем у нас состоялись поездки в США и во Францию.

Видимо, за это время в Скандинавских странах созрели условия для встречи, и

их правительства повторили свое приглашение. Тут была некоторая неловкость:

нас пригласили, мы отказались, потом опять нас приглашают, вроде бы как

упрашивают... Не знаю, как барьер неловкости был преодолен дипломатами, но

было объявлено, что мы прибудем в июне 1964 года(1).

Первой страной для нашего посещения была выбрана Дания. Почему именно

Дания? Она политически ничем особенным не выделялась, однако ее

географическое положение было самым удобным для открытия визитов туда. Мы

следовали в Данию пассажирским кораблем "Башкирия"* и решили, что оттуда

переедем в Норвегию, далее - в Швецию и из Швеции - домой. Тут президент

Финляндии и ее правительство попросили нас заехать и к ним. Мы имели такую

возможность, и они, узнав о том, что мы не возражаем, немедленно прислали

официальное приглашение.

Со Скандинавскими странами у СССР имелись хорошие дипломатические и

деловые отношения, ничто, в принципе, не мешало развитию

наших контактов,

если не думать о том, что Дания и Норвегия состояли членами агрессивного

военного блока НАТО. Впрочем, мы вели с ними торговлю, имели деловые связи и

свободно давали экономические заказы в эти страны без каких-либо

ограничений.

Прибыли мы в Копенгаген. Встреча была обычной, как положено в таких

случаях: выстроили почетный караул, произнесли речи. Мы чувствовали себя

вполне хорошо. Там в то время действовало правительство социал-демократов. В

фолькетинге они имели абсолютное большинство. Правительство возглавлял,

естественно, тоже социал-демократ(2). Он произвел на нас очень доброе

впечатление, хорошо относился к советскому государству и соответственно

принял нашу делегацию. Правительственная оппозиция из буржуазных партий тоже

не выступала против нашего приезда.

Мы имели деловые отношения с промышленниками Дании, которые были

заинтересованы в дальнейшем развитии экономических связей. Рыболовы хотели

продавать нам сельдь и рыбные изделия. Не говорю уж о том, что Дания всегда

старалась предложить нам свои молочные продукты - сыр, сливочное масло и др.

Они были очень высокого качества и пользовались в СССР широким спросом. Но

нас сдерживало самоограничение в валюте, которой не доставало для расплаты за

поставки. А сама Дания поку-----*
Было

три корабля, на которых Н. С. Хрущев плавал с визитами: "Армения" - в

Египет, "Балтика" - в ООН, "Башкирия" - в Скандинавию. пала у нас немного

товаров, так что встречного валютного потока мы не имели, хотя и сохраняли

активный торговый баланс в свою пользу. Валюту мы накапливали для того,

чтобы в других странах делать те заказы, которые не получались в Дании. Имею

в виду страны, которые у нас почти ничего не покупали. Поэтому нам и

требовалась валюта для выхода на западный рынок.

После смерти Сталина у нас с Данией состоялся неприятный диалог. Мы давно

установили деловые отношения с ее судостроительными фирмами, и вдруг они не

стали принимать наши заказы. Мы хотели заказать там танкер грузоподъемностью

12 тыс. т для перевозки нефти. Нам ответили, что не могут принять заказ в

силу ограничений, принятых в странах НАТО. Это решение было направлено

против наших интересов и принималось для того, чтобы ограничить мощь

советского морского флота. Допустимый тоннаж достигал всего нескольких

тысяч. Состоялись переговоры на этот счет с перепалкой, даже в печати.

Судостроители-то были заинтересованы в наших заказах и охотились за ними, но

юридически не могли их принять, ибо имелось общее решение для стран НАТО. А

направляли эту линию США. Дания вынуждена была подчиниться. Этого случая мы

не забыли. Потом там ограничение сняли. Теперь датские судостроители

принимали любые заказы, не ограничивая грузоподъемность.

Более общий вопрос, который нас интересовал, - обеспечение мирного

сосуществования государств с различным социально-политическим устройством.

Наша цель заключалась в том, чтобы ликвидировать напряженность и найти

возможность роспуска военных блоков, чтобы не противостоять друг другу и не

истощать свои бюджеты расходами на вооружение. Затем - развитие

торгово-экономических отношений, культурных и научных связей и т. п.

Поскольку наши заказы теперь принимались, мы смогли заказывать почти все,

что могла выпускать датская промышленность. Ограничения возникали лишь

технические, из-за мощностей заводов или размеров наших валютных средств.

Дания - маленькая страна, имеющая сравнительно небольшой удельный вес при

решении вопросов внутри НАТО. Мы не чувствовали со стороны ее деятелей

какого-то сопротивления при переговорах. Но чувствовали, что они занимали

позицию, продиктованную сугубо интересами датского народа. Да, они не

соглашались с нами по тем спорным вопросам, которые существовали тогда и

существуют сейчас между странами - членами Варшавского договора и членами

НАТО, но явно в силу вынужденной необходимости. В остальном приемы и

переговоры ничем особенным не выделялись, и от них осталось хорошее

впечатление. Они были дружественными, теплыми, никаких осложнений мы не

встретили.

Отмечу, что в то время возникли споры в Коммунистической партии Дании.

Сразу после второй мировой войны ее возглавлял Ларсен(3), коммунист с

большим стажем, который успел приобрести вес в международном

коммунистическом движении, весьма известная фигура. На последнем

Международном совещании братских партий (Москва) перед нашей поездкой в

Данию Ларсен занял позицию, которая противоречила общим взглядам собравшихся

по югославской проблеме, выступив с проюгославской точкой зрения. Поэтому

против него и был направлен огонь. КПД большинством голосов осудила Ларсена,

после чего он выбыл из нее и организовал новую партию. Так в Дании появились

две левые рабочие партии. Одна по-прежнему называлась коммунистической,

другая, кажется, социалистической(4). Это и была партия Ларсена, по

численности небольшая, но довольно влиятельная среди избирателей.

При выборах в фолькетинг обе партии выставили своих кандидатов. Получился

раскол. Мы прибыли туда в то время, когда раскол уже оформился. Конечно, мы

поддерживали компартию(5) и осуждали ту, лидером которой был Ларсен. Она

оказалась в оппозиции к коммунистическому движению в целом, и мы вели с ней

борьбу. Но Ларсен называл себя коммунистом и доказывал, что именно он стоит

на марксистско-ленинских позициях. Еще до раскола я беседовал с Ларсеном, который частенько приезжал в Советский Союз и иной раз заходил в ЦК КПСС. Он производил впечатление простого и честного человека, и мы не выражали ему ранее никакого недоверия, у нас не было на то мотивов. Политических вопросов он не касался, да, видимо, особых вопросов и не возникало. Ведь наши партии не имели расхождений по международным коммунистическим проблемам, поэтому велся нормальный обмен мнениями.

В конце одной из бесед Ларсен задал вопрос, которым я немного был

удивлен, но мне понравилось, что человек делает практическое замечание. Он

сказал: "Товарищ Хрущев, я не понимаю, зачем вы печатаете бумажные деньги

таких больших размеров? На них тратится много бумаги, она особая, дорогая,

да и носить их в бумажнике труднее". Ларсен вытащил из своего бумажника

денежные знаки Дании и продемонстрировал: "Вот ваш рубль, а вот датский. Он

в несколько раз меньше, компактнее, и его легче носить в бумажнике. Да и

печатание таких денег стоит дешевле". Я поблагодарил его за добрый совет и

ответил: "Такие сложились у нас традиции, никаких принципов здесь не

заложено. Считаю, что ваше замечание правильно и полезно. Когда мы будем

переходить на новый формат, думаю, что мы учтем это замечание".

Должен заметить, что такие замечания возникали не только у Ларсена. О том

же говорили Госбанк и Министерство финансов. Когда мы переходили на новые

деньги, то сократили размеры банкнот, они стали более миниатюрными и более

удобными для хранения в бумажниках. Уменьшились расходы на печатание денег.

Само предложение Ларсена свидетельствует, что у нас были дружеские

отношения, и я с удовольствием его выслушивал. Когда все изменилось и мы

стали противниками, то прежние отношения нарушились. На какой-то встрече

нашей делегации с членами парламента нам представляли разные его фракции. На

той встрече был и Ларсен. Я с ним столкнулся, как говорится, носом к носу.

Он уселся близко ко мне, но так как наши отношения уже были порваны, то

поздоровались мы лишь общим поклоном, а руки друг другу не подали. Он

задавал потом какие-то вопросы, я отвечал, но не очень серьезно, а скорее

высмеивал его позицию. По-моему, потом его партия прекратила свое

существование. Что случилось лично с Ларсеном, не знаю. Печать же,

оппозиционно настроенная к коммунистическому движению, конечно, использовала

по-своему мою последнюю встречу с Ларсеном. Вот единственное пятно при нашей

поездке в Данию.

В ходе ознакомления со страной мы посетили судостроительные заводы, на

некоторых участвовали в спуске кораблей на воду, в этой торжественной

церемонии. По такому случаю Нине Петровне любезно предложили разбить

традиционную бутылку с шампанским о корпус одного корабля. Местные

промышленники были удовлетворены, получив от нас новые заказы, и хотели

закрепить наши отношения, чтобы и далее получать их. Нам это тоже было

выгодно. Более всего у меня в голове остались именно датские

судостроительные верфи. Они выпускали современные, с хорошим ходом и

послушным управлением корабли, хотя и небольшого тоннажа. Суда

водоизмещением свыше 12 тыс. т они тогда еще не делали. Но мы были довольны,

так как корабли выполнялись на высоком техническом уровне, соответствовавшем

тому времени, и полностью удовлетворяли запросы заказчиков.

Мы встретились с лидерами Компартии Дании. Наши беседы были самыми

дружественными, у нас не возникло никаких расхождений, так что в памяти у

меня ничего плохого не осталось. Обсудили вопросы коммунистического

движения, обменялись мнениями о международных делах. Новым лидером КПД был

Есперсен. Потом мы поехали по стране, чтобы познакомиться с ее сельским

хозяйством, воспользовавшись приглашением правительства и любезностью

оппозиции. Оппозицию возглавлял фермер, лидер одной из буржуазных партий,

бывший премьер-министр(б). Согласно задуманному, мы должны были осмотреть

некоторые фермы, включая его ферму. Я сохранил в памяти отличное мнение о

его хозяйстве. Он тепло нас принимал и показал, что прекрасно знает свое

дело. Сам он там не работал, а использовал наемную рабочую силу, ведя

хозяйство на очень высоком уровне. Его урожаи, как и по стране в целом,

намного превосходили наши.

У меня просто не хватает слов, чтобы выразить свое

удовольствие, которое

я получил при знакомстве с состоянием сельского хозяйства Дании. Мой глаз

отдыхал, во мне рождались самые добрые чувства любителя отменной работы,

когда я обозревал посевы на датских полях. Признаюсь, однако, что с радостью

сосуществовало разочарование. Радость порождалась тем, что обычные люди могут

так возделывать свои поля, получать такие превосходные урожаи всех культур,

иметь такую высокую продуктивность скота и ведения земледелия. Горечь же

проистекала из того, что я, конечно, не мог, вступая в спор, доказывать, что

наше сельское хозяйство не хуже. Увы, их хозяйство, основанное на

капиталистической базе, находилось намного выше нашего, социалистического,

которое, казалось бы, организационно должно обладать преимуществами. Мы же,

к сожалению, далеко отставали. Думаю, что и сейчас отстаем от датчан. Дания

- сплошная равнина, несколько похожая на украинские степи, но с тем

преимуществом, что ее земледельцам климатически помогает географический

пояс, в котором она расположена. С моря дуют влажные теплые ветры. Дания -

страна с мягким климатом, благоприятным для сельского хозяйства. Если при

современных методах возделывания почвы пахотный слой имеет недостаточное

количество питательных веществ, то этот недостаток компенсируется химией,

которая дополняет природу и дает возможность каждой культуре получить

питание в нужном количестве. Общий вид полей там изумителен. До поездки я

кое-что прочитал о сельском хозяйстве Дании, но увиденное меня поразило.

Приятно было смотреть на труд человека, на урожай, созданный его руками, и

высокопродуктивный скот. Нам надо еще много работать, чтобы поднять

сельскохозяйственное производство хотя бы до близкого уровня.

Там мы видели хозяйства разных масштабов. Показали нам владение

небогатого (в их понимании) фермера, а в нашем понимании это кулак. У него

насчитывалось несколько коров и свиней и все было организовано так, чтобы не

дать задуть себя более сильным фермерам и чтобы максимально выгадать при

той конкуренции, которая там существует. Если бы он не смог выдержать

конкуренции, то разорился бы и стал отбросом для пополнения армии

безработных.

Больше всего поразил меня молочный скот. Собственно говоря, вся Дания -

это огромная молочная ферма. Не знаю даже, кто может с ней в этом

конкурировать? Возможно, голландцы не уступят. Однако и другие скандинавские

страны тоже имели отлично поставленное молочное производство. В данном

случае я говорю лишь о Дании и ее хозяйстве. Когда мы заходили на любую

ферму, то видели образцовый порядок: чистоту, организованность, таблички с

обозначениями животных и показаниями процента жирности молока.

Продуктивность коров выражалась не в литрах, как у нас, а в содержании

жиров. Мы шли мимо табличек, и у меня перед глазами мелькали цифры 4, 5; 4,

7; 5, 0; 5, 2; 5, 5; и вдруг 7, 0 процентов жирности! Просто мечта. А

датчане вот сумели! Правда, тоже у единичных животных. Средняя жирность

составляла 5 процентов, а 4, 5 считались низкими. У нас на табличках

указывается только удой в литрах от каждой коровы. Литр - это мировая

единица измерения, но содержание жира в молоке - определение продуктивности

скота, его ценности. Если у них 5 процентов, а нас вдвое ниже, то, значит,

наши два литра молочной воды равноценны их литру жирного молока.

Во время посещения первой же фермы ее хозяин подарил мне телку. Побывали

мы и на выставке. Не знаю, была ли она приурочена к нашему приезду или

просто являлась очередной сельскохозяйственной выставкой. Там широко

представили животноводство. Пригласили всю нашу делегацию, так что все

видели примечательную картину.

Выставка напомнила мне ярмарку, которую я видел подростком в Донбассе.

Ярмарка в Юзовке всегда начиналась 14 сентября. Крестьяне вывозили для

продажи свиней, гусей, уток, кур, индеек, другую сельскохозяйственную

продукцию. Там велась вольная торговля. Здесь - выставка, поэтому она имела

более организованный характер: спланирована по секторам, заполнявшимся

различными видами животноводческой и птицеводческой продукции, имела

нарядный вид, да и люди тоже были нарядно одеты. Потом началась демонстрация

лошадей разного назначения. Показывали публике таких животных, которые могли

бы служить примером, чтобы каждый хозяин смог познакомиться с лучшими

образцами и перенять опыт. Затем стали выводить коров и быков. Они тоже

производили сильное впечатление. Тут же давалась характеристика всем

животным. На выставке мне подарили двух телок и бычка. Я распорядился, чтобы

Министерство сельского хозяйства СССР взяло их на особый учет и передало в

научно-исследовательское учреждение. Пусть там поработают с ними и получают

от них высокопродуктивное потомство.

Для ведения племенного животноводства в СССР мы, конечно, пользовались не

только животными, получаемыми в подарок. Такой скот мы сами покупали в Дании

и в других странах. Вообще-то Дания - малая страна, которая вынуждена

пробивать на рынок сбыта свои молочные продукты и бекон. Бывали случаи,

когда ее социал-демократическое правительство буквально умоляло нас что-то

купить, поскольку в стране было затоваривание и не находилось сбыта. Перед

выборами в фолькетинг, чтобы привлечь голоса фермеров в пользу кандидатов от

социал-демократов, правительство стремилось организовать сбыт. Закупка

**Советским Союзом сельскохозяйственных продуктов в Дании
свидетельствовала,**

**что такому правительству народ может доверять, ибо оно на
основе дружеских**

**отношений с СССР сумеет организовать сбыт
сельскохозяйственных продуктов.**

Так фермерам обеспечивался надежный рынок.

**Маленькая страна, а делает буквально чудеса. Да, я понимаю,
что чудеса -**

**это для нас. А для других стран тут уже давно завоеванные
позиции и никаких**

**чудес нет. Я и сейчас, как прикрою глаза, явственно вижу ту
выставку и ее**

замечательные экспонаты.

**По программе визита, составленной правительством Дании,
планировались**

**встреча и обед с королем(7) в его загородном дворце. Настал
день и час**

**нашего отъезда на обед. Это неподалеку от Копенгагена. Мы
были там в летнее**

**время, так что Дания имела вид разрисованной картинки.
Прибыли во дворец.**

**Встретила нас королева с двумя дочерьми. Король, большой
любитель охоты, к**

**нашему приезду собирался как раз вернуться и, видимо,
запоздал, как это**

**бывает на охоте. Заняли нас пока какими-то разговорами.
Вскоре приехал и**

король - обычный человек, вовсе не такой, о каком мы

составили себе мнение

заранее, внешне ничем не выделявшийся, и королевского на нем ничего не было:

ни мундира, ни регалий. Он вышел к нам в обычном костюме, немолодой уже

человек с лицом вовсе не столь холеным, как изображаются обычно короли. У

него вообще было простое лицо, и в зависимости от точки зрения того, кто его

рассматривал, короля можно было принять за человека любой профессии.

Посол предупредил нас, что король - охотник. Поэтому в подарок ему мы

привезли тульское ружье с вертикальным расположением стволов, новинка у нас,

хотя в Европе подобные ружья уже использовались. Я лично имел бельгийские и

немецкие трофейные ружья такого типа. Наша тулка, конечно, была отменно

изготовлена и с хорошим боем. Тульские ружья могут конкурировать с чем

угодно, смело вступать в соревнование. Советские стрелки с отечественными

ружьями успешно выдерживают состязания со стрелками с западным оружием...

Преподнес я подарок. Когда мы стали собирать для короля ружье, он проявил

нетерпение и сам начал сборку, а я ему помогал и, увы, запутался, потому что

из таких ружей стрелял редко. Мне больше нравились классические, с

горизонтальным расположением стволов. Тогда я попросил начальника моей

охраны товарища Литовченко показать, как его надо собирать. В результате мы

на практике обучили короля. Видимо, у него тоже не было такого ружья, потому

что он проявил полное незнание его устройства. Мы видели, что ему все это

очень приятно, подарок ему понравился. Нам это тоже доставило удовольствие.

Принцессы оказались молодыми. Младшая - совсем девчонка, и, я бы сказал,

очень красивая. При оценке девичьей красоты могут быть разные точки зрения,

но она на всю нашу делегацию произвела незабываемое впечатление. Старшая

дочь тоже была, как цветок: и нарядна, и собой хороша. Нам сказали, что ее

уже просватали, скоро будет свадьба. Она выходила замуж за короля Греции. И

когда я услышал это, то еле-еле удержался, чтобы не посочувствовать ей. Так

и хотелось сказать, что сейчас короли не в моде, что королевский трон в

Греции довольно непрочен. Мне по-человечески было жаль такую девушку, что ей

придется испытать немало неприятностей, когда она станет королевой Греции.

Опять могут сказать: "С чего это бывший рабочий сочувствует королеве?". Да,

я сочувствовал, но не королеве, а девушке. Я-то знаю, какие может жизнь

преподносить сюрпризы. Мне как рабочему тоже было бы приятнее, если бы она

выходила замуж за кого угодно, а не за короля. Но это принцесса, поэтому

достойным ей женихом оказался король. Когда "черные полковники" устроили в

Греции переворот, король вынужден был бежать(8). Кажется, именно в Данию.

Датская королева была одета тоже просто, без пышности, хотя она и весьма

богатая женщина. Она пригласила нас к столу. Обед протекал без напряжения.

Королевская чета вносила естественность. Произносились тосты: с моей стороны

- в честь короля; с их стороны - в нашу честь. Состоялся обычный обед,

который бывает при встрече за столом людей, представляющих разные страны.

Потом мы вернулись в Копенгаген, где нас пригласил к себе премьер-министр с

женою посетить их дом. Он сказал, что и поговорим у него за чаем или кофе.

Мы согласились и в назначенный час поехали к нему. Премьер, видимо, хотел

показать, в каких условиях он живет. Это и меня интересовало.

Приехали в какой-то поселок, вроде рабочего, с двухэтажными домами. Нам

объяснили, что их строил кооператив, а премьер как его член получил там

квартиру. Она располагалась на двух этажах. Эта западная система размещения

наиболее удобна для семьи. Как правило, внизу находятся кухня и столовая,

наверху - спальни, под окнами - садик. Как бывает в таких случаях, каждый

хозяин по своему усмотрению сажает там огородные культуры, цветы или

деревья. У премьера росли деревья на крохотном участке, куда соседи спокойно

заглядывали с обеих сторон. Мы провели время очень приятно. Сам он человек

общительный, его жена - актриса и тоже общительная. Он молод, а она еще

моложе. У них было двое детей. Хорошая простая семья, без претензий,

обеспеченная, но без роскоши, что мне вдвойне понравилось. Понравились также

сам дом и устройство квартиры. Я, признаться, мотал там себе на ус, что и

нам надо бы придерживаться такого образа жизни. А то у нас для руководителей

сложились другие условия быта, вовсе неправильные. Всегда находят какое-то

оправдание этому, но тут не буду распространяться на сей счет.

**Квартиру я не обследовал, это делала Нина Петровна и
рассказала потом о**

**деталях. Мы сидели в палисаднике, там подготовили обеденный
стол, там мы и**

**начали беседу. На следующий день осмотрели Копенгаген,
морскую набережную со**

**знаменитой Русалкой Андерсена. Как раз перед нашим
приездом хулиганы**

**отпилили ей голову. В печати много об этом писали. Такое
злodeяние потрясло**

**общественность всей Дании. Вышедшая из сказки. Русалка
приобрела особое**

**значение для каждого датчанина. Вскоре никаких следов
святотатства не**

**осталось, новую голову искусно приделали на прежнее
место. В целом**

**Копенгаген мне очень понравился. Впечатляли и
набережная, и нарядная**

**публика. Мы жили там в гостинице, наблюдали торжественную
смену караулов,**

другие достопримечательности, просто походили по городу.

**Распрощавшись, отбыли на корабле в Норвегию. Полагаю,
что церемония**

**встреч была заранее согласована между тремя Скандинавскими
государствами. И**

**политика их в отношении Советского Союза почти ничем не
различалась, и**

**церемонии были идентичными. Здесь тоже было королевство.
Следовательно, и**

почести соблюдались аналогично датским.

Рассказывали, что отец нынешнего норвежского короля(9) увлекался рыбной

ловлей и был настолько демократичен, что иной раз ездил на рыбную ловлю на

трамвае. Трамвай останавливался близ того места, где была рыбалка. Не зная

короля лично, никто не мог предположить в нем правящее лицо: обычный

пассажир, каких в трамваях тысячи. С премьер-министром Норвегии

Герхардсенем(10) был знаком заочно. Еще до оккупации Норвегии Германией он

был премьер-министром, во время оккупации - лидером партии

социал-демократов, пошел мостить мостовые, укладывал булыжники. Потом немцы

его арестовали, он сидел в лагере и, кажется, был освобожден советскими

войсками в Северной Норвегии. Южная Норвегия освобождалась западными

союзниками, мы в этом не участвовали.

Жена премьера примыкала к левому крылу социал-демократов. Как меня

информировали, она была близка к коммунистической партии, но лично никогда

не являлась коммунисткой. Когда рабочий класс Норвегии вышел строить

баррикады, то она была там вместе с коммунистами и

левыми

социал-демократами. Одним словом, находилась там, где могло произойти

столкновение рабочих со своим классовым врагом. По своему мировоззрению она

стояла ближе к коммунистам, чем ее муж.

В день прибытия в Осло мы должны были нанести визит королю Норвегии(11).

Меня предупредили, что у него серьезное заболевание, от которого без всякой

внешней причины он может вдруг громко захохотать. Поэтому надо не

афишировать, а сделать вид, что не замечаешь. Мы подъехали к обычному парку,

который ничем не выделялся, как и дворец, имевший вид жилища капиталиста

среднего достатка и не производивший какого-то особого впечатления.

Посетитель не ощущал, что вступает во дворец короля. Встретил нас некто в

военном френче цвета хаки и повел внутрь. Мы вошли во дворец, и я ожидал,

когда меня представят королю. Но, когда мы зашли в кабинет и тот предложил

мне сесть, а сам уселся в кресло хозяина, я сообразил, что это и есть

король. Он был настолько просто одет и внешне выглядел так, что его можно

было принять за садовника.

Наша беседа имела чисто формальный характер. Вскоре я удалился. Короли

Дании и Норвегии - царствующие лица, но не управляющие реально своими

государствами. Деловыми вопросами они не занимаются. Не они определяли

политику, а правительство. Тут были визиты вежливости. Разместили нашу

делегацию тоже в королевском дворце, в парке на окраине Осло. Хороший парк,

хороший дворец, но ничего похожего на роскошь дворцов Петергофа или Царского

Села, Екатерининского и Павловского. Мебель тут была не дворцовая, а

хозяйственная, для удобства живущих, в парке цветы и зелень на живописно

расположенных лужайках создавали уют.

К правительству Норвегии никаких вопросов, требующих особого решения, у

нас не было. Имелись общие вопросы, которые стоят и сейчас: о мире, о мирном

существовании, об экономическом прогрессе, типичные вопросы, которые

всегда возникают. Отношения же наши были хорошими, хотя и нуждались в

улучшении. Если принимать во внимание, что наши государства относились к

разным социально-политическим формациям, то отношения между ними надо

считать очень хорошими.

Оппозиционные буржуазные партии в Норвегии влиятельны. Это выражалось и в

том, что в стортинге социал-демократы имели большинство всего в один голос,

и принадлежал он не социал-демократу, а социалисту, который занимал

промежуточную позицию между социал-демократами и буржуазией. Но в коренных

вопросах, особенно когда стоял вопрос о доверии правительству, этот

представитель социалистов (или он себя называл таким) всегда голосовал

вместе с социал-демократами. Так всего один человек решал вопрос о судьбе

правительства, положение которого было поэтому неустойчивым.

Путешествуя по Норвегии, мы посетили и ее северные районы, где наши

войска принимали участие в изгнании фашистов. Мы поехали на кладбище, где

похоронены и жертвы оккупации, и советские солдаты. Все там в образцовом

порядке, видны надгробные плиты с надписями, есть общий памятник нашим

соотечественникам. Захоронение выглядело миниатюрным, но оформлено было с

любовью и архитектурно-художественным вкусом, производило приятное

впечатление: без излишеств, но приковывающее внимание и вызывающее

сочувствие к жертвам, покоящимся на кладбище.

Правительственные приемы и обеды в Дании, Норвегии и Швеции похожи друг

на друга, и я не буду о них рассказывать. Они были дружественными.

Чувствовалось, что с нами хотят дружить, укреплять эту дружбу и особенно

развивать экономические связи, получать от нас заказы и покупать у нас

сырье. Частично мы продавали Норвегии зерно. Она же искала рынки сбыта

сельди. У них благоприятные условия для лова сельди, потому что она,

мигрируя в океане, проходит мимо берегов Норвегии, как говорится, сама прет

в сети. Порой перед выборами социал-демократы Норвегии обращались к нам с

просьбой выручить их и купить сельдь, которая не находила сбыта. В СССР она

пользовалась большим спросом. Отличная по вкусу и прекрасно приготовленная,

лучше, чем мы готовили из своего улова.

Министерство финансов СССР при покупке норвежской сельди имело солидную

прибыль, так как мы продавали ее в Советском Союзе по более высоким ценам,

которые сложились на этот продукт у нас. Опять же наши

возможности закупок

ограничивались наличием валюты, нам надо было расплачиваться валютными

товарами, самой валютой или золотом. Иной раз это сдерживало от закупок,

ведь мы ощущали потребность и в других видах товаров, более необходимых, чем

сельдь. Потребители СССР в то время вообще занимали в правительственных

расчетах второе или даже третье место. Главным образом, мы покупали за

границей оборудование, аппаратуру или приборы, которых сами не могли

изготовить.

Норвегия, как и Дания, строила для нас корабли. Мы и там побывали на

верфи, ибо спуск корабля на воду приурочили к нашему приезду. Нине Петровне

снова была предоставлена честь разбить бутылку о корпус корабля.

Промышленники и тут проявляли к нам большое внимание, были довольны

советскими заказами и их повторением, так как верфи загружались работой. Из

печати видно, что это и сейчас продолжается, потому что взаимовыгодно. Все

довольны: капиталисты зарабатывают, рабочие тоже, мы увеличиваем свой

рыболовецкий морской флот. Норвежцы, потомственные

мореходы, умеют строить

отличные корабли. Как поется варяжским гостем в опере "Садко"(12), "на море

родились, умрем на море". Действительно так: варяги знали море с детства и с

давних времен умели строить отменные корабли, на которых преодолевали

большие морские просторы. Они раньше, чем Колумб, достигли американских

берегов и возвели там свои поселения.

Неподалеку от Осло нам показали (мы приехали туда по железной дороге)

большой и современный химический комбинат минеральных удобрений(13).

Концентрация полезных веществ в них была выше, чем в наших, так что они

представляли для нас интерес. Я договорился с норвежцами о продаже ими

лицензии или о консультации, на что они охотно согласились. Затем мы

посетили металлургическое предприятие. Нас очень хорошо встречала местная

администрация, тем более рабочие. Официальный же прием нам устроил король. О

королеве я ничего не могу припомнить. Королевский, как и правительственные

приемы, тоже был очень теплым, проходил в дружественной обстановке. Потом

премьер-министр Герхардсен сказал, что хотел бы побеседовать

со мной один на

один. Я был готов. Завязалась полезная беседа. Подчеркну, что обмен мнениями

с Герхардсеном оказался более свободным и по обстановке более располагающим

к искренности, чем с премьером Дании. Возможно, это было вызвано тем, что он

был старше датского премьер-министра и ближе по возрасту ко мне, да еще сам,

как и я, выходец из рабочих, что вызвало у меня положительную реакцию. Да и

держал он себя демократично.

Герхардсен сказал, что, видимо, новые выборы в парламент не принесут ему

победы, так что социал-демократическое правительство не будет иметь

возможность остаться у власти на следующий срок, к руководству придут

буржуазные партии, а рабочая партия перейдет в оппозицию. И начал мне

рассказывать, как они на протяжении ряда выборов теряют все больше и больше

голосов, сейчас в парламенте имеют большинство всего в один голос, да и тот

депутат - не из их партии. "А очередные выборы, наверное, и этого голоса нас

лишат", - сказал он. "Как же так, - говорю я (мы с ним называли друг друга

то "господин", то "товарищ". Он охотно переходил на

пролетарское обращение).

- Избиратели у вас, главным образом, рабочие, плюс небольшая крестьянская

прослойка, плюс трудовая интеллигенция. Почему же вы теряете голоса? Как это

понять? Рабочие, следовательно, голосуют за кандидатов, выставленных

буржуазными партиями? Что же, они голосуют против своих интересов?". "Да, -

отвечает, - это так, у нас, действительно, абсолютное большинство

избирателей составляют рабочий класс, трудовая интеллигенция и бедные

крестьяне. Но и они, не говоря уже о фермерах, начинают голосовать за

буржуазные партии". И конкретно, на цифрах, показал, как социал-демократы

теряют голоса.

Человек непосредственный, он располагал меня к себе. "Надо бы вам

подумать, - предложил я, - и выступить с более радикальной избирательной

программой, чтобы привлечь рабочих". Он посмотрел на меня с улыбкой, а в

глазах его светилась ирония, и промолвил: "Товарищ Хрущев, программу, более

радикальную, чем сейчас, мы не сможем принять". "Почему? Ведь тем самым вы

отталкиваете избирателей, и они не голосуют за вас". Тут он

высказался более

откровенно: "Товарищ Хрущев, у нас есть партия, которая выступает с более

радикальной программой, чем мы, - коммунистическая, но она собирает голосов

еще меньше. Видимо, для нас потеря голосов определяется не тем, что наша

программа недостаточно радикальна". "А чем же?" - "Тем, что у нас многие

рабочие имеют дома, морские катера, другую собственность. Наше

законодательство такую собственность облагает налогом, эти люди попадают под

обложение и голосуют против нас. Буржуазные партии обещают уменьшить налог

на собственность, но увеличивают налог на трудовой народ, чем и привлекают

людей, имеющих большие или средние доходы, обещая всяческие льготы".

Действительно, партия, выступавшая на выборах с еще более радикальной

программой, чем социал-демократы, то есть Коммунистическая партия Норвегии,

в стортинге имела лишь несколько мандатов. Я стоял на стороне Герхардсена,

хотя его правительство тоже проводило политику, учитывавшую интересы

буржуазии, и недостаточно усилий проявляло для выхода из состава НАТО. Тогда

тот вопрос нас жгуче интересовал, и мы добивались соглашения по нему.

Норвегия - наш сосед. НАТО угрожает нашей безопасности, иной раз проводит

военные маневры вблизи наших границ, морских и сухопутных. Конечно, мы

отдавали большее предпочтение рабочему составу норвежского правительства,

нежели буржуазному, вместе с которым появлялось вообще много чего,

неизвестного для нас. Мы могли ожидать, что оно станет проводить политику,

более направленную на вращение в НАТО, что противоречило нашим интересам.

Нину Петровну жена премьер-министра знакомила с бытовыми и детскими

учреждениями страны. Она приезжала в СССР еще до нашей встречи в Норвегии,

возглавляя какую-то молодежную организацию, хотя уже вышла из молодого

возраста. Правда, эта энергичная, приятная и умная женщина была значительно

моложе своего мужа. Она пригласила Нину Петровну на квартиру, и потом жена

рассказывала мне, что семья премьера живет скромно, даже бедно, причем в той

же квартире, которую он занимал, когда был еще рабочим. Вела буквально

спартанский образ жизни. У них имелись две дочери-подростка, тоже не знавшие

никакой роскоши.

Я встретился и с руководством Коммунистической партии Норвегии. Беседа

проходила тепло. У нас тогда были доверительные и братские отношения.

Несмотря на то, что премьер-министр являлся противником политической

деятельности коммунистов и КПН находилась в оппозиции, иной раз, когда

наступал критический момент и правительство могло быть провалено буржуазией,

члены стортинга от КПН приходили на выручку, поддерживая премьера своими

голосами.

Что касается буржуазных членов стортинга, то я встретил среди них

знакомого, бывшего посла Норвегии в Советском Союзе, человека среднего

возраста, высокого роста, худощавого(14). Его жена была схожа с мужем и

возрастом, и комплекцией, довольно приятная женщина.

Посол знал русский

язык, и мне с ним разговаривать было легко. Я не раз беседовал с ним в

Москве, когда он был послом. Теперь он сам попросил о встрече. Он меня

уверял, что СССР не должен проявлять озабоченность по поводу того, что

нерабочая партия придет к руководству, ибо каких-то перемен

в отношениях

между нашими странами при смене правительства не произойдет. Новое

правительство, в котором он надеялся занять определенное место, будет

проводить по отношению к Советскому Союзу ту же политику.

Действительно, когда произошла смена правительства, так и случилось. Но

правительство Герхардсена было нам все же ближе. Оно, поддаваясь давлению со

стороны коммунистов, больше учитывало интересы рабочих. А сейчас там

социал-демократы находятся в оппозиции и имеют недостаточно сил, чтобы вновь

прийти к власти.

Советский посол(15) устроил прием в нашу честь. Туда была приглашена

масса гостей, включая руководство КПН и правительство. Стояла теплая погода,

прием проходил на открытом воздухе и в хорошей, располагающей обстановке.

Когда мы познакомились с Норвегией, то заметили, уже не по карте, а в натуре,

что эта горная страна с довольно суровой природой может закалять свое

население - тружеников и храбрецов. Другое наблюдение: когда мы ездили

железной дорогой на север, то видели сплошные мосты. Они соединяют горы,

переброшены через овраги, в горах проложены туннели. Для туристов это

экзотическая страна. Там есть и уголки с оригинальным микроклиматом, где

цветут южные растения. Норвегия обладает летом той же прелестью, что и наш

Север: белыми ночами. Не знаю, где они белее: в Ленинграде или в Осло, но и

там они привлекают большое количество туристов. За счет туризма Норвегия

вообще имеет основательное пополнение валюты.

Из Осло, когда программа пребывания, предложенная нам правительством

Норвегии, была исчерпана, мы на корабле взяли курс на Швецию.

На пути из Осло мы миновали фьорд, который довольно глубоко вдавался в

сушу, поэтому дорога до открытого моря оказалась длинной. Мы плыли там, как

по большой реке, справа и слева видя берега - красивейшие места с богатой

растительностью. Встречные острова и все берега освоены: там устроены

лодочные станции и дома отдыха, все с толком обжито и сделано красиво,

выглядит очень нарядно: и целые поселки, и отдельные виллы. Непрерывные в

пути встречи с людьми, гулявшими на катерах или близ поселков на лодках,

начинались и кончались дружественными приветствиями.
Мы отвечали им с

палубы. Я с палубы не уходил, стремясь не отрывать глаз от
зрелища, с

жадностью присматривался к условиям жизни норвежского
народа. Это дополняло

впечатления, которые я получил, разъезжая по стране.

Путь в Стокгольм показался мне длительным. Когда мы
вошли в воды Швеции,

то и там зрелище было приятным. Красивые берега, таким же
образом хорошо

освоенные, похожая картина, которую мы наблюдали, уплывая
из Осло. Процедура

встречи равным образом повторилась. Эти, как и Дания,
родственные страны

близки по своей политической структуре. В них во всех
были

социал-демократические правительства, поэтому личные связи
они поддерживали

самые тесные. На процедурах приема нашей делегации мы
слышали идентичные

речи, только слова не вполне совпадали. Иначе и быть не могло:
ведь одни и

те же вопросы волновали и норвежцев, и датчан, и шведов.
Да и нас

интересовали те же проблемы, за исключением одной:
нейтральная Швеция не

состоит в военных блоках. Тем не менее она больше тяготеет к
странам НАТО,

чем к СССР. И это не должно нас удивлять, потому что Швеция -

капиталистическая страна.

Долгое время послом Швеции в СССР был господин Сульман(16). Он сносно

говорил по-русски, с ним можно было неплохо объясниться напрямую. Я без

труда понимал его, когда он излагал свои мысли не торопясь. Жена у него

русская по происхождению. Не помню, как она попала в Швецию. То была хорошая

пара. Сульман являлся дуайеном - старостой среди послов, аккредитованных в

СССР. Старостой бывают те послы, которые больше других пребывают в данной

стране. У нас с ним возникало мало дел, но он порою приходил в МИД по делам

и других посольств. Касалось это главным образом разного рода приемов. На

них он приглашал меня от имени не своего посольства, а всего

дипломатического корпуса, который он представлял. Сульман держал правильную

линию в отношении Советского Союза и не давал нам поводов для недовольства.

Вообще находился у нас "на особом счету". Это не значит, что он отстаивал

наши интересы: он оставался лояльным шведом и нес свои функции не только как

представитель своего правительства, но и как буржуа. Не знаю, какой он

обладал частной собственностью, это вообще вопрос иного плана. Но как посол

он нас удовлетворял, никаких претензий к нему не возникало. Мы с уважением

относились к его персоне.

Жена его, любезная женщина, оставалась к нам дружелюбной, что бывает не

всегда. Иногда русские, становясь иностранцами, начинают проявлять

враждебность по отношению к Родине, откуда они эмигрировали. К госпоже

Сульман это не относится. Конечно, являясь супругой такого человека, она

безусловно занимала те же, что и муж, общественные позиции. Думаю, что

никаких политических разногласий внутри семьи у них не было. Их сын, юноша

лет 17-ти, отлично говорил по-русски. Дети обычно лучше знают материнский

язык, потому что больше общаются с матерью. Потом он учился в каком-то вузе,

но во время каникул приезжал в Москву, иногда вместе с родителями бывал на

приемах, и всегда посол с удовольствием подводил его поздороваться со мной.

Так я узнал их семью.

У нас сложились добрые отношения, и мы часто позволяли

себе шутки на

исторические темы. "Господин Сульман, - мог сказать я ему, - сейчас у нас с

вами хорошие контакты, но когда-то шведы были под Полтавой, поэтому мы

должны зорко следить за вашей деятельностью: не замышляете ли вы повторно

поход к Полтаве?". Он, улыбаясь, отвечал: "Господин Хрущев, вы знаете, что

после того урока, который мы получили от русской армии петровских времен,

Швеция почти не воевала. Так что можете быть спокойны, повторного похода к

Полтаве мы не замышляем". Никаких осадков наше перешучивание не оставляло,

хотя сражения Швеции и России в петровское время были довольно кровавыми.

В Стокгольме нас встретил премьер-министр Эрландер(17), опять же

социал-демократ. В качестве резиденции нам отвели королевский дворец с

большими удобствами, прекрасным парком и массой цветов. Король дворцом не

пользовался, и последний предназначался для гостей. Внешне он и не выглядел

дворцом: как и в Норвегии, обычный хороший дом без особых украшений. Парк

был отлично распланирован, с чудесными дорожками и всеми условиями для

отдыха. Во дворце стояла соответствующая мебель, висело много картин.

Условия пребывания гостей - как нельзя лучше.

**Вскоре, согласно протоколу, мы нанесли визит королю(18).
Из сообщений**

печати вижу, что он и по сей час живет и здоровствует. Нас снабдили

информацией, что он по специальности археолог и занимается научной

деятельностью. Перед нашей поездкой советские ученые подобрали библиотечку

по его тематике, которая могла бы его заинтересовать. То был довольно

объемистый груз.

Передавая сувенир, я символически вручил ему какую-то одну книгу и

**сказал: "Преподношу вам от себя и от Академии наук СССР".
Король, немолодой**

человек высокого роста, седой, но подтянутый и собранный, сердечно

поблагодарил. В молодости он явно мог бы служить красавцем-гвардейцем.

Социал-демократическое рабочее правительство Швеции - самое старое из

скандинавских. Оно было сформировано еще до второй мировой войны. Премьер

Эрландер - опытный политик, переговоры с которым протекали в атмосфере

взаимного уважения. У нас не существовало никаких спорных

проблем. Эрландер

как нейтрал свободно высказывался за всеобщее разоружение и осуждал все

военные блоки - и Варшавский договор, и НАТО. В выходной день он предложил

нам съездить за город, на правительственную виллу. Неподалеку находилась

животноводческая ферма, ее посещение предусматривалось программой визита.

Эрландер сам вел машину, а за нами ехали сопровождающие лица. Эта ферма не

уступала тому, что я видел в Дании. Животноводство в Швеции тоже стоит на

высоком уровне. Там проводилась изрядная селекция, поэтому страна имеет

высокопродуктивный молочный скот с жирностью молока в 5 процентов и выше. А

если их обнаружат ниже 4, 5 %, то таких коров посылают на убой,

выбраковывают.

Во время посещения фермы мы обратили внимание на то, что фермер, сидя за

рулем, сам производил уборку люцерны, но очень оригинально. Я такого способа

уборки ранее не видел. Признаюсь, даже не знал, что он существует. Да и наши

специалисты ничего не знали о нем. Особенность заключалась в том, что в

процессе укоса скошенные растения проходили через

валки, стебли

раздавливались. Позднее мне доложили об этих машинах, и я видел их образцы.

У нас их, к сожалению, не производили. Такой способ уборки создавал более

равномерное высыхание скошенной массы. Обычно влага задерживается в стеблях.

При нашей уборке, когда стебли высыхают, лепестки к той поре уже настолько

пересохнут, что осыпаются, и самые ценные кормовые достоинства, находящиеся

в лепестках, остаются на земле. При их способе уборки получается равномерное

развяливание массы, сено убирается без потерь.

Кроме того, машина, двигаясь по полю, растягивала шпагат на вешках, сено

набрасывалось на бумажный шпагат и в подвешенном состоянии быстрее

подсыхало. "Почему вы делаете шпагат из бумаги?" - спросил я. "Раньше, -

ответил фермер, - я применял проволоку, но бывало, что ее концы оставались в

сене и коровы съедали его с проволокой, были случаи их гибели. Проволока

пробивала им кишечник или желудок. А тут все съедобно: и люцерна, и бумага".

Это было разумно. Тот фермер имел земли 60 гектаров. Он показал нам и своих

животных. Его домик был небольшим, но удобным, с хорошей

террасой и большим

прудом, в котором он ловил рыбу. Он продемонстрировал нам и трактор-амфибию,

могущую работать на любых полях. Главная ее работа - скашивание водорослей и

камыша. На этой амфибии установлена косилка. Мне понравилась такая машина, и

нашим специалистам я порекомендовал изучить возможность ее производства. Мы

купили образец, с тем чтобы нам тоже завести такие машины. У нас ведь много

озер, где нужно выкашивать траву как на корм скоту, так и для лучшего

выращивания рыбы.

Коровы у фермера тоже были высокой продуктивности. И тут опять все

вызывало у меня зависть. У нас ученых пруд пруди, а животноводческая наука

никуда не годится. Даже толковой направленности нет. Слушаю сейчас по радио:

такие-то удои, такие-то удои... Да это просто невежество! Показатель для

незнающих людей. Главное, что определяет продуктивность молочного скота,

содержание жира в молоке. Можно себе представить, сколько лишних средств мы

затрачиваем на содержание скота, сколько корма мы переводим и какую скромную

отдачу получаем. В наших колхозах и совхозах затраты в два

раза выше, чем у

датского или шведского фермера, а толку меньше. Это касается и Норвегии.

После посещения фермы мы катались по прекрасному озеру, вначале группой,

затем я взял себе лодку на одного человека и уплыл довольно далеко. Погода

стояла солнечная, видимость была отличная, но охрана сходила с ума. Мы

замечательно отдохнули, а вечером состоялся официальный обед с обменом

мнениями. Говорили о сложившихся отношениях между нашими государствами и

затрагивали международное положение, которое хотели бы изменить в лучшую

сторону. Увы, эти переговоры никакого влияния на изменение обстановки в мире

не оказали. На приеме, который был устроен нашим посольством, присутствовал

король. Как всегда в таких случаях, всюду накурено, возникает толчея. За

одной из таких группок я с интересом наблюдал: там стоял король в небольшом

окружении лиц и беседовал, все выглядело демократично. Этот король тоже

понимал время, в котором живет, и хорошо чувствовал обстановку, сложившуюся

в Швеции. Не было и тени какой-то особой изысканности, аристократизма,

известного нам из литературы об императорах. В королевской манере держаться

даже внешне не было ничего того, что бросалось в глаза при шествии русских

царей.

Король был одет в обычный серенький костюм и ничем не выделялся из других

лиц.

И в Швеции тоже состоялся спуск на воду корабля, построенного по заказу

СССР. Опять была разбита бутылка с шампанским. Нина Петровна уже обучилась

этому делу, как заправский мастер, а мы подшучивали, как, дескать, ловко у

нее это получается. Правительство Швеции запланировало посещение нами старой

столицы - Гётеборга, портового города исторического значения. Мы должным

образом были приняты его мэром, тоже социал-демократом. Потом нам показали

достопримечательности. Мы посетили рыбный рынок. Там рыбой обычно торгуют

утром, к обеду базар кончается, ибо рыба - быстро портящийся товар, и

санитарная инспекция строго следит за соблюдением гигиены. На рынке мы

осмотрели много рыбного товара. Продавались всевозможные рыбы, тут же их

готовили для желающих, те ели. Потом мы заглянули в дом-

аквариум.

Я люблю природу, люблю морских животных, а там все было представлено

богато: различные рыбы, ракушки, прочая морская живность. Экспозиция была

интересно составлена, особенно для детей, познания ими жизни моря. Весьма

полезная вещь. Там мы отобедали, попробовали дары моря. Мэр держал речь и в

заключение сказал: "В знак вашего пребывания и на память о нашем городе

преподношу вам в дар от Гётеборга фотоаппарат". Я принял подарок, а теперь

добром вспоминаю мэра. Фотоаппарат марки "Хасенблатт" оказался хорошей

конструкции, делает прекрасные снимки. Сейчас, в положении моего безделья,

он мне очень пригодился как "заполнитель" повседневной пустоты. Когда я

после столь бурной общественно-политической жизни вдруг стал пенсионером и

мне некуда себя девать, пустота стала давить на меня и угнетать. Спасибо

мэру Гётеборга, что он дал мне в руки "заполнитель"!

Мы имели контакт и со шведскими коммунистами. Во всех странах, посещаемых

нами, мы встречались с братьями по партии не подпольно и не инкогнито, а

принимали их в своем посольстве и вели обмен мнениями. У нас

с Компартией

Швеции не существовало никаких разногласий, по всем вопросам имелось единое

мнение, поэтому мы просто пожали друг другу руки. В риксдаге коммунисты

занимали небольшое количество мест и находились на положении оппозиции без

особого влияния. Но пребывание даже небольшой горстки коммунистов в

парламенте вынуждало социал-демократов и буржуазные партии, которые

приходили к власти, считаться с их мнением. Их голос звучал в защиту

рабочего класса и борьбы за мир. Именно в Швеции я задумался и задал себе

вопрос, который напрашивался сам собой: "Какой же вывод я делаю после встреч

со скандинавскими коммунистами и посещения этих трех стран? Была ли польза?

Или, может быть, произошла пустая трата времени?". Нет, поездку считаю

полезной, хотя никаких конкретных вопросов мы не решали, да и решать не

могли. Зато мы лучше узнали друг друга.

На приеме в нашем посольстве в Стокгольме ко мне подошла женщина -

министр культуры. Она была немного навеселе и повела со мной такую беседу:

"Господин Хрущев, хотела бы с вами посоветоваться.

Предстоит обсуждение

кандидатур писателей на присуждение Нобелевских премий. Обсуждаются

кандидатуры и от СССР. (И назвала две фамилии.) Какую кандидатуру следует

нам поддержать по вашему мнению?". Я ответил, что в таком деле не имею

решающего голоса. Она настаивала: "А какой вы бы дали совет?" Пришлось

ответить: "Полагаю, что фамилии, которые вы мне назвали, это не те, которые

в качестве премированных нашли бы широкий резонанс в нашей стране. У нас

есть писатели, которые воспринимаются с глубоким уважением широкими кругами

советской общественности, и она почувствовала бы удовлетворение от

присуждения именно им Нобелевской премии". "Кого бы вы назвали?" - "Назвал

бы Михаила Александровича Шолохова. Если уж выбирать среди наших писателей,

то Нобелевская премия, присужденная Шолохову, была бы наиболее приемлемой

для нашей общественности". Она не стала спорить, а я далее не

распространялся на эту тему. Это внутренний вопрос. Выпрашивать Нобелевскую

премию я посчитал бы унижением. У нас есть свои премии, в том числе

Ленинская. На мой взгляд, она не идет ни в какое сравнение ни с какими

нобелевскими. Будучи уже на пенсии, я узнал, что Швеция присудила

Нобелевскую премию Шолохову(19). Хочется думать, что мои замечания

впоследствии тоже были учтены при ее присуждении.

Швеция - очень красивая страна. Высокий жизненный уровень ее народа

производил сильное впечатление. Никто не выглядит голодным, все одеты без

крикливости, носят одежду скромных расцветок, не бьющую в глаза, но

добротную, сработанную со вкусом, нарядную. Города все благоустроенные.

Во всех трех странах мы пригласили с визитами их правительственные

делегации к себе. Еще ранее они побывали у нас. Теперь, уезжая, по долгу

вежливости пригласили их посетить Советский Союз еще раз. Я остался весьма

доволен их гостеприимством и получил большое удовлетворение от всего, что

там увидел и с чем познакомился.

Примечания

(1) Визит в Данию состоялся 16 - 21 июня, в Швецию 22 - 27 июня, в

Норвегию 29 июня - 4 июля. В тексте воспоминаний

Норвегия и Швеция

поменялись местами (так отложилось в памяти автора).

(2) КРАГ Е. О. (1914 - 1978) - председатель Социал-демократической партии

Дании в 1962 - 1973 гг., министр иностранных дел в 1958 - 1962 гг.,

премьер-министр в 1962 - 1968 и 1971 - 1972 гг.

(3) ЛАРСЕН К. (возглавлял КПД до 1959 г.).

(4) Социалистическая народная партия, основанная в 1959 г.

(5) Председатель ЦК КПД К. Есперсен.

(6) Председатель либеральной партии "Венстре" Э. Эриксен

(премьер-министром был в 1950 - 1953 гг.).

(7) ФРЕДЕРИК IX (был королем с 1947 г.).

(8) В 1967 г. после неудачной попытки контрпереворота 1967 г. греческий

король Константин бежал в Италию.

(9) ХОКОН VII (1905 - 1957).

(10) ГЕРХАРДСЕН Э. Х. (1897 - 1987) - секретарь Центрального правления

Норвежской рабочей партии в 1936 - 1945 гг., ее председатель в 1945 - 1965

гг., премьер-министр в 1945 - 1951, 1955 - 1965 (с перерывом) гг.

(11) УЛАФ V (1903 - 1991) был королем с 1957 г.

(12) Опера-былина Н. А. Римского-Корсакова "Садко" (1896 г.).

(13) Комбинат концерна "Норск гидро" по выпуску азотных удобрений.

(14) ЯКОБСЕНФ.

(15) ЛУНЬКОВ Н. М. (род. в 1919 г.), находившийся на дипломатической

работе с 1943 г. В 1959 - 1962 гг. он заведовал отделом Скандинавских стран

в МИД СССР, а послом в Норвегии был в 1962 - 1968 гг.

(16) СУЛЬМАН Р. Р. (1900 - 1967) был в 1947 - 1964 гг. посланником, затем

послом Швеции в СССР, далее - послом в Дании и Франции.

(17) ЭРЛАНДЕР Т. (1901 - 1985) - председатель Социал-демократической

рабочей партии Швеции, премьер-министр в 1946 - 1969 гг.

(18) ГУСТАВ VI АДОЛЬФ - король с 1950 г.

(19) ШОЛОХОВ М. А. получил Нобелевскую премию в 1965 году.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПРФ - Архив Президента Российской Федерации

ВВС МВО - Военно-воздушные силы Московского военного округа

ВКП(б) - Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВСНХ - Высший совет народного хозяйства

ГДР - Германская Демократическая Республика

ГОКО (ГКО) - Государственный Комитет Оборона

ГОРКОМ - городской комитет

ГОСПЛАН - Государственный плановый комитет

ГРЭС - гидроэлектростанция

**ГУВВ МГБ СССР - Главное управление внутренних войск
Министерства**

**государственной безопасности Союза Советских
Социалистических Республик**

**ГУМЗ МВД РСФСР - Главное управление мест
заключений Министерства**

**внутренних дел Российской Социалистической Федеративной
Советской Республики**

ГФР - Германская федеральная республика

ЕАК - Еврейский антифашистский комитет

ИМЛ - Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ИТК - исправительно-трудовая колония

ИТЛ - исправительно-трудовой лагерь

**КАВБЮРО ЦК РКП(б) - Кавказское бюро Центрального
комитета Российской**

**коммунистической партии (большевиков) КПБ -
Коммунистическая партия**

Белоруссии (новое название после КП(б)Б)

КПН - Коммунистическая партия Норвегии

**КП(б)У - Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПК - Комиссия**

(комитет) партийного контроля

КПП - Коммунистическая партия Польши

КПР - Коммунистическая партия Румынии

КПУ - Коммунистическая партия Украины (новое название после КП(б)У)

КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза

КСК - Комиссия советского контроля

КРАЙКОМ - краевой комитет

КОМИНТЕРН - Коммунистический интернационал

МВД - Министерство внутренних дел

МГБ - Министерство государственной безопасности

МССР - Молдавская Советская Социалистическая Республика

НАРКОМАТ - Народный комиссариат

НАРКОМЛЕГПРОМ - Народный комиссариат легкой промышленности

НАРКОМПИЩЕПРОМ - Народный комиссариат пищевой промышленности

НАРКОМСРЕДМАШ - Народный комиссариат среднего машиностроения

НАРКОМТЕКСТИЛЬПРОМ - Народный комиссариат текстильной промышленности

НКВД - Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ - Народный комиссариат государственной безопасности

ОБКОМ - областной комитет

ООН - Организация Объединенных Наций

ОУН - Организация украинских националистов

ПОРП - Польская объединенная рабочая партия

РАЙИСПОЛКОМ - районный исполнительный комитет

РГВА - Российский государственный военный архив

РЕВВОЕНСОВЕТ - Революционный военный совет

СБ - Совет Безопасности

СЕПГ - Социалистическая единая партия Германии

СНК - Совет народных комиссаров

СОВМИН, СМ - Совет министров

СОВНАРКОМ, СНК - Совет народных комиссаров

СТО - Совет труда и обороны

ТАСС - Телеграфное агентство Советского Союза

УВД - Управление внутренних дел

УНКВД - Управление народного комиссариата внутренних дел

УПА - Украинская повстанческая армия

УССР - Украинская Советская Социалистическая Республика

ФРГ - Федеративная республика Германии

**ЦГАОО Украины - Центральный государственный архив
общественных**

организаций Украины

ЦРК - Центральная ревизионная комиссия

